

ЗАПИСКИ Д. И. РОСТИСЛАВОВА

ПРОФЕССОРА СПБ. ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ

† 18-го февраля 1877 г.

Составитель «Записокъ» Дмитрій Ивановичъ Ростиславовъ, сынъ сельскаго священника Ивана Мартыновича Тумскаго, принявшаго впослѣдствіи означенную фамилію, родился осенью 1809 года въ селѣ Палищахъ (Рязанской губерніи, Касимовскаго уѣзда). По окончаніи первоначальнаго воспитанія въ Касимовскомъ и Рязанскомъ духовныхъ училищахъ, Ростиславовъ поступилъ въ Рязанскую семинарію, изъ которой перешелъ въ С.-Петербургскую духовную академію. По окончаніи курса, въ октябрѣ 1833 года, былъ назначенъ бакалавромъ (адъюнктъ-профессоромъ) по курсамъ физики и математики. Обѣ науки, подобно всеобщей исторіи, были предметами необязательными: выборъ ихъ былъ предоставленъ на произволъ студентовъ. Профессоръ Райковский, человекъ постоянно больной (умеръ въ 1836 году), не стѣсняя Ростиславова бесполезнымъ для него руководствомъ; молодой бакалавръ пользовался нѣкоторою самостоятельностью и по кончинѣ Райковского исправлялъ его должность. 27-го іюня 1838 года удостоенный званія ординарнаго профессора, Дмитрій Ивановичъ, предоставилъ преподаваніе геометріи своему бакалавиру Д. Θ. Гусеву, привалъ на себя преподаваніе физики и алгебры. Въ 1842 году, по назначеніи Гусева профессоромъ въ Казанскую духовную академію, Ростиславовъ одинъ, безъ адъюнкта, преподавалъ и физику и математику. Бакалавръ былъ ему данъ лишь въ 1847 году. Любовь профессора къ предметамъ своихъ лекцій, ясность и общедоступность изложенія привлекали въ аудиторію многочисленнѣйшихъ противу прежняго слушателей, въ виду чего, высшее духовное начальство въ 1842 году признало необходимымъ объявить

слушаніе лекцій по физикѣ, математикѣ и всеобщей исторіи обязательнымъ для всѣхъ студентовъ. Однако же — вещь невѣроятная — тогдашній митрополитъ Антоній неблагосклонно отнесся къ успѣхамъ преподаванія въ академіи физики и математики, яко бы предметовъ, не имѣющихъ ничего общаго съ богословіемъ. Ректоръ академіи (съ 1842 по 1847) Афанасій Дроздовъ, епископъ винницкій, отъ имени тогдашняго митрополита, высокопреосвященнаго Антонія, сдѣлалъ замѣчаніе профессору Ростиславову, что его высокопреосвященство находитъ страннымъ, что студенты академіи оказываютъ болѣе успѣховъ въ физикѣ и математикѣ, нежели въ богословскихъ наукахъ. Стараніями Дмитрія Ивановича, во время его профессорства, былъ устроенъ довольно полный физическій кабинетъ, снабженный инструментами на 3,000 слишкомъ руб. асс.; собрана была и бібліотека по части физики и математики. На всѣ эти нововведенія духовное начальство смотрѣло не вполнѣ одобрятельно. Тѣмъ не менѣе, Дмитрій Ивановичъ съ неутонченнымъ терпѣніемъ и крайнею добросовѣстностью относился къ своей должности и восьмилѣтній періодъ его профессорства съ 1841 по 1849 годъ былъ самымъ цвѣтущимъ періодомъ полнаго развитія его дарованія. Но кипучая эта дѣятельность требовала физическихъ силъ, а осенью 1848 года Ростиславовъ захворалъ простудою горла и болѣзнь эта нанесла жестокій ударъ профессорской его дѣятельности, принявъ хроническую форму. Съ весны и до осени больной лишился голоса и эта періодическая охриплость, лишая Дмитрія Ивановича всякой возможности заниматься чтеніемъ вслухъ, требовала отдыха и пребыванія на вольномъ воздухѣ: ежегодно съ весны до осени онъ пользовался отпускомъ на родину. Наконецъ, здоровье его до такой степени разстроилось, что онъ вынужденъ былъ подать въ отставку. 19-го іюня 1852 года состоялся приказъ о его увольненіи, и Дмитрій Ивановичъ, съ намѣреніемъ водвориться на постоянное жительство, уѣхалъ въ Рязанскую губернію.

По прибытіи въ Рязань, въ 1852 году, Ростиславовъ въ теченіе года настолько поправился здоровьемъ, что могъ, не взирая на скудные свои средства, обратитъ педагогическую свою дѣятельность на образованіе жившихъ у него семинаристовъ. Изъ 20-ти человѣкъ — половина поступила въ университетъ и медико-хирургическую академію, благодаря подготовкѣ подъ руководствомъ Дмитрія Ивановича. Самъ же онъ, въ рѣдкіе досуги, занимался изученіемъ англійскаго языка; урывалъ послѣднія крохи, собиралъ бібліотеку; слѣдилъ за новѣйшими открытіями въ физикѣ. По мѣрѣ поправленія здоровья, онъ началъ жадать обширнѣйшей дѣятельности. Въ 1858 году онъ испросилъ себѣ у свѣтѣйшаго синода разрѣшеніе на бесплатное чтеніе лекцій по физикѣ въ Рязанской семинаріи: оно послѣдовало въ декабрѣ того же 1858 года. Учащаяся молодежь была въ восторгѣ; въ аудиторію устремились толпы и постороннихъ слушателей; о лекціяхъ заговорилъ весь городъ, но въ этомъ говорѣ преобладало зложелательство. Чтеніе лекцій по важнѣйшей отрасли естество-

вѣдѣній многіми показалась подозрительнымъ; толки эти особенно ожесточились, когда Дмитрій Ивановичъ къ лекціямъ физики присоединилъ чтеніе по астрономіи, метеорологіи, физическоі географіи и геологіи. Многочисленность слушателей побудило Ростиславова перенести свою аудиторію въ залъ благороднаго собранія, гдѣ лекціи читались въ 1860, 1861, 1862 и 1866 годахъ. Лекторы, со стороны полуграмотнаго большинства и фанатиковъ, навлекъ на себя подозрѣніе въ безбожій и сочувствіи протестантизму.

Въ октябрѣ 1859 года директоръ канцеляріи синода Н. С. Гаевскій полу-офіціальнымъ письмомъ предложилъ Дмитрію Ивановичу, какъ бывшему воспитаннику духовно-учебныхъ заведеній и одному изъ усерднѣйшихъ дѣятелей на поприщѣ духовнаго образованія, сообщить свои замѣчанія и соображенія о перемѣнахъ къ улучшенію духовныхъ училищъ, какъ въ учебномъ, нравственномъ, такъ и въ экономическомъ отношеніяхъ. Составителю письма предоставлена была полнѣйшая свобода мнѣній, безъ всякаго стѣсненія канцелярскою формалистическою.

Это предложеніе какъ нельзя болѣе соотвѣтствовало завѣтному и давнему желанію Ростиславова. Съ жаромъ и съ свойственною ему энергіей Дмитрій Ивановичъ принялся за дѣло и черезъ девять мѣсяцевъ записка была окончена и отправлена Н. С. Гаевскому, который черезъ нѣсколько времени возвратилъ ее автору съ отзывомъ, что «Записка, по своему направленію, не можетъ получить дальнѣйшаго хода». Не желая, чтобы добросовѣстный трудъ его пропалъ безслѣдно, Дмитрій Ивановичъ передалъ свою рукопись покойному М. П. Погребину. Невѣдомо какими путями рукопись попала за границу и была напечатана въ Лейпцигѣ подъ заглавіемъ: «О духовныхъ училищахъ въ Россіи». Книга эта, какъ извѣстно, была принята весьма сочувственно. Ея успѣхъ ободрилъ Дмитрія Ивановича къ дальнѣйшимъ трудамъ и, въ 1865 году, онъ отвечалъ въ Лейпцигѣ новымъ замѣчательнымъ своимъ трудъ «Черное и бѣлое духовенство въ Россіи». Оба произведенія Ростиславова достигли главнѣйшей своей цѣли: въ 1867 году, при преобразованіи семинарій и низшихъ духовныхъ училищъ, явились въ виду, между прочими матеріалами — сочиненія Д. И. Ростиславова и много исправлено по указаніямъ, заключающимся въ его трудахъ.

Съ того времени по самую кончину, Ростиславовъ посвятилъ себя исключительно литературнымъ трудамъ ¹⁾. Замѣчательнѣйшимъ изъ нихъ былъ «Опытъ изслѣдованія объ имуществѣхъ и доходахъ нашихъ монастырей» (1872 и 1876 гг.). Для необходимыхъ документальныхъ и фактиче-

¹⁾ Полный перечень сочиненій покойнаго Дмитрія Ивановича Ростиславова будетъ приложенъ къ его біографіи, которая, по возможности, будетъ нами напечатана вслѣдъ за Записками.

сних данныхъ, авторъ посѣтилъ двадцать губерній ¹⁾. Эта книга затронула въ нѣкоторыхъ духовно-начальствующихъ лицахъ самую чувствительную струну—ихъ личные, матеріальныя интересы: «Ониѣ» показались имъ не то извѣдомъ, не то посягательствомъ на мертвые, миллионныя капиталы—достояніе церкви; одна духовная особа выразила даже сомнѣніе въ подлинности документовъ, на основаніи которыхъ Ростиславовъ перечислялъ церковныя имущества.—Четвертый, громадный трудъ покойнаго, оставшійся въ рукописи (объемомъ до 600 рукописныхъ листовъ), имѣетъ предметомъ обзоръ степеней вѣротерпимости во всѣхъ древнихъ и новыхъ религіяхъ, равно во всѣхъ исповѣданіяхъ и ересахъ христіанскаго ученія. Кромѣ сочиненій, посвященныхъ духовно-историческимъ изслѣдованіямъ, покойнымъ написано нѣсколько руководствъ по части физики и высшей математики.

Димитрій Ивановичъ скончался внезапно, 18-го февраля 1877 года, вслѣдствіе хроническаго воспаленія надкостной плевы надъ лѣвымъ ухомъ, имѣя отъ роду 67 лѣтъ и шесть мѣсяцевъ. Онъ жилъ и умеръ холостякомъ и трудовыя свои деньги посвящалъ на пользу многочисленнымъ родственникамъ; слытъ за человѣка богатаго, расчетливаго, а между тѣмъ не оставилъ по себѣ никакого состоянія.

Ред.

Введеніе: цѣль и значеніе моихъ Записокъ.

Въ теченіе всей своей жизни я не занималъ никакой высокой административной должности, не приобрѣлъ большой извѣстности своими учеными или литературными трудами, не умѣлъ нажить большое состояніе; даже весьма мало имѣлъ сношеній съ богачами, съ учеными и чиновными людьми, и съ аристократами; между современниками своими я не игралъ замѣтной роли, не имѣлъ особеннаго значенія. Такимъ образомъ, событія моей жизни нисколько не могутъ интересовать потомство и біографія моя, ограничиваясь ими одними, была бы вполнѣ бесполезною; развѣ только мои родные, да нѣсколько друзей и знакомыхъ прочитали бы ее не безъ любопытства. Но проживши довольно долгое время на бѣломъ свѣтѣ, я волей-неволей сближался и даже сталкивался съ лицами всѣхъ сословій, имѣлъ возможность наблюдать надъ моими современниками, не могъ не знать ихъ обычаевъ, предразсудковъ, повѣрій, слабостей и проч.; если чего самъ не могъ видѣть,

¹⁾ А именно губерніи: Рязанская, Московская, Новгородская, Тверская, С.-Петербургская, Вологодская, Костромская, Ярославская, Нижегородская, Казанская, Симбирская, Самарская, Тамбовская, Саратовская, Воронежская, Калужская, Тульская, Орловская, Курская и Киевская.

Ред.

то нѣтъ возможность получить свѣдѣнія отъ другихъ. Особенно же мнѣ хорошо было извѣстно положеніе крестьянъ, духовенства и духовно-учебныхъ заведеній. Родился и до 10-ти почти лѣтъ жилъ я въ селѣ, росъ и игралъ съ крестьянскими дѣтьми; поступивши въ училище, я все-таки мѣсяца по три въ году жила въ домѣ отца и участвовалъ во всѣхъ сельскихъ работахъ. Послѣ, на службѣ и въ отставкѣ, я преимущественно былъ городскимъ жителемъ. Но и въ это время отъ деревни я не былъ отдѣленъ китайскою стѣной; нѣкоторые изъ крестьянъ были моими знакомыми, другіе, гораздо въ большемъ количествѣ, прихаживали ко мнѣ посоветоваться о своихъ дѣлахъ; затѣмъ, мои родственники, болѣею частью принадлежа къ духовному званію, жили въ селахъ; было даже нѣсколько моихъ родныхъ между крестьянами и мѣщанами. Что же касается до духовно-учебныхъ заведеній, до духовенства, какъ благаго, такъ и чернаго, то могу безъ преувеличенія и хвастовства сказать: я зналъ ихъ вполне—какъ сынъ священника, какъ воспитанникъ низшихъ духовныхъ училищъ и семинарій, какъ студентъ и наставникъ духовной академіи. Большинство моихъ родственниковъ, школьныхъ товарищей, друзей—принадлежали къ духовенству. Даже изъ лицъ, занимавшихъ епископскія каѳедры въ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годахъ девятнадцатаго столѣтія, болѣе половины я зналъ въ лицо.

Конечно, ни я, ни мои родственники и знакомые не принадлежали къ политическимъ дѣятелямъ, не рѣшали судьбы русскаго царства; конечно, ни мои, ни ихъ имена и дѣйствія не попадутъ въ исторію; но за то нынѣ думаютъ и принимаютъ за истину, что исторія слагается не изъ однихъ царей, генераловъ и министровъ, что ей нужна жизнь народовъ, а съ жизнію народа русскаго я былъ знакомъ хорошо, и мои біографическія Записки, касаясь этой жизни, не будутъ лишены интереса для потомства. Особенно будущій историкъ православной церкви въ Россіи найдетъ въ нихъ много фактовъ и замѣтокъ, которые покажутъ ему, что церковь, поддерживаясь, по ученію богослововъ, непосредственнымъ вліяніемъ Промысла, очень нерѣдко разстраивается людьми, при томъ тѣми именно лицами, которыя, считая себя намѣстниками Спасителя и преемниками апостоловъ, между тѣмъ очень много вредятъ религіи христіанской и живутъ несообразно съ ея нравственнымъ ученіемъ. Желая въ этихъ отношеніяхъ быть по-

лезнымъ для будущей исторіи, я изъ своей жизни и изъ жизни моихъ современниковъ буду избирать тѣ факты, которые могутъ характеризовать мое время.

Думалъ было я вовсе не касаться себя самого и Записки свои составить изъ отдѣльныхъ главъ, изъ которыхъ бы въ одной говорилось, напримѣръ, о крестьянахъ, въ другой объ училищахъ и т. п., на что я, впрочемъ, во многихъ мѣстахъ и рѣшился. Но этотъ планъ мною былъ оставленъ на основаніи слѣдующаго соображенія. Разказы о предразсудкахъ, вѣрованіяхъ, обычаяхъ, слабостяхъ, поступкахъ, недостаткахъ людей какого бы то ни было времени—производить, по моему мнѣнію, болѣе сильное впечатлѣніе когда самъ разсказчикъ является въ нихъ дѣйствующимъ лицомъ, нежели когда онъ описываетъ ихъ какъ сторонній наблюдатель. Въ первомъ случаѣ и самъ онъ, какъ лицо прикосновенное къ дѣлу, принимается за него съ большимъ воодушевленіемъ, нежели во второмъ. Да и читатель побольше будетъ имѣть довѣрія къ истинѣ статей, когда видитъ, что объ этомъ говоритъ человѣкъ или участвовавшій въ описываемыхъ происшествіяхъ, или испытывавшій надъ собою ихъ вліяніе; *testis oculatus*, еще по логикѣ Баумейстера, заслуживаетъ предпочтеніе предъ *testis auribus*. Самые событія моей жизни я вносилъ въ Записки не потому, что они касались моей именно особы, а потому, что ими обрисовывался характеръ того времени, въ которое я жилъ. Покорно прошу смотрѣть на нихъ, какъ на факты, которыми болѣе или менѣе проявлялась жизнь моихъ современниковъ.

Для многихъ, по всей вѣроятности, покажутся циническими нѣкоторыя изъ моихъ описаній, особенно тѣ, гдѣ я говорю о тѣлесныхъ наказаніяхъ. Правда, что описаніе ихъ не только цинично, но иногда, пожалуй, особенно непріятно. Но что же дѣлать? вѣдь надобно же знать будущимъ нашимъ потомкамъ то, что испытывали мы—ихъ предки. Услышавъ отъ меня только то, что насъ наказывали жестоко и часто, читатель никакъ бы не составилъ понятія о тѣхъ отвратительныхъ подробностяхъ и церемоніяхъ, которыя происходили при этихъ случаяхъ, и, слѣдовательно, далеко бы не имѣлъ правильнаго понятія о характерѣ нашего времени и не могъ бы объяснить тѣхъ грубыхъ выходокъ, которыми мы отличались. Читатель увидитъ, что я при этихъ описаніяхъ не очень былъ снисходителенъ и къ себѣ самому.

ГЛАВА I-я.

О моей родословной и о томъ, что до 1809 г. дозволяли ученикамъ богословія Рязанской семинаріи жениться и поступать въ священники и между тѣмъ дручиться въ семинаріи.

Во введеніи я уже сказалъ, что по своему происхожденію не принадлежу въ аристократіи; мои прапрадѣдъ и пращуръ по отцу были священниками въ селѣ Шеянкахъ, Касимовскаго уѣзда Рязанской губерніи. Но прадѣдушка Ларіонъ Герасимовичъ не поднялся въ томъ же селѣ выше причетническаго мѣста, можетъ быть, даже потому, что умеръ еще очень молодымъ. Послѣ него остались трое дѣтей: дочь Анна, сыновья Василій и Мартынъ—мой дѣдушка—шести мѣсяцевъ. Вмѣстѣ съ своею матерью, моею прабабунькой Авдотьей Михайловной, они всѣ жили въ домѣ и на отчетѣ своего роднаго дяди, шеянскаго дьячка Леонтія Герасимова. Онъ былъ удалаго характера, какъ видно изъ его женитьбы. Ему приглянулась крестьянская дѣвушка изъ сосѣдней съ селомъ Шеянскимъ деревни Вилковки, но ея родные, богатые мужики, не хотѣли съ нимъ родниться. Леонтій Герасимовичъ не задумался надъ этимъ препятствіемъ, подговорилъ своихъ односельчанъ-духовныхъ повѣнчать его, отправился тайкомъ вечеромъ въ деревню и увезъ съ собою свою невѣсту прямо въ церковь. Между тѣмъ, похищеніе скоро было замѣчено и за похитителемъ отправилась погоня. По прибытіи въ село, похититель тотчасъ началъ хлопотать о вѣнчаніи. Едва только хотѣли приступить къ совершенію таинства, какъ узнали, что преслѣдователи уже въ селѣ. Надобно было принять рѣшительныя мѣры; церковь тотчасъ изнутри приперли и начали совершать бракосочетаніе. Преслѣдователи стучали въ дверь, даже старались выломать ее, но безуспѣшно. Обрядъ кончился, дверь открыли, мужики вбѣжали въ церковь, имѣя впереди отца невѣсты. Тогда молодые повалились ему и женѣ его въ ноги, прося у нихъ благословенія, а духовныя лица стали, съ своей стороны, уговаривать тестя и тещу простить молодыхъ: „вѣдь ихъ развѣнчать нельзя; еже Богъ сочета, человекъ да не разлучаетъ“. Старики покричали, побранились, но мало-по-малу присмирѣли и отправились вмѣстѣ съ молодыми праздновать свадьбу. Почтенный Леонтій Герасимовичъ, вспоминая о ней, любилъ говаривать: я женился—самъ чортъ дивился.

Но ангелы, вѣроятно, не очень покровительствовали молодой четѣ, или, по крайней мѣрѣ, не хотѣли помогать развитію умственныхъ способностей дѣтей ея. Все потомство Леонтія Герасимовича не могло попасть въ духовное званіе, поселилось въ деревню Вилловку съ своими дядюшками, дѣдушками, двоюродными братцами и пр. и потомъ какимъ-то образомъ закрѣплено было по ревизіи за помѣщикомъ этой деревни. Отъ этого въ Вилловкѣ у насъ было очень много крестьянъ-родственникововъ; въ домѣ одного изъ нихъ, Ивана Васильевича, и я какъ-то проѣздомъ въ Касимовъ гостилъ вмѣстѣ съ батюшкою. Но мой дѣдушка съ своими сестрой и братомъ были посчастливѣе двоюродныхъ своихъ братцевъ. Сестра Анна была выдана за какого-то дьякона Никифора въ Елатомскомъ уѣздѣ Тамбовской губерніи; братъ Василій хотя и не кончилъ курса въ семинаріи, но между тѣмъ получилъ какое-то образованіе и былъ приказнымъ въ городѣ Меленкахъ Владимірской губерніи; одинъ изъ сыновей его, Ефимъ Васильевичъ, былъ уѣзднымъ казначеемъ владимірскимъ и послѣ помѣщикомъ той-же губерніи. Дѣдушка мой выучился, еще въ дѣтствѣ, читать, писать и пѣть на клиросѣ, зналъ даже церковную ноту, и потому-то современемъ открылась ему возможность занять дьячковское мѣсто послѣ смерти своего дяди-воспитателя. Но прежде этого пришлось ему много вынести, и съ трудомъ добывать кусокъ хлѣба. Сдѣлавшись взрослымъ, онъ работалъ не хуже всякаго трудолюбиваго крестьянина. Особенная его специальность, которая тогда, впрочемъ, была свойственна всей мѣстности, состояла въ томъ, что онъ добывалъ и скупалъ такъ называемыя лыки, изъ которыхъ плетутся лапти, и возилъ ихъ часто въ Москву, даже тогда, какъ былъ уже причетникомъ. По всей вѣроятности, онъ слылъ въ своемъ околотѣ хорошимъ хозяиномъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и женихомъ, потому что за него въ замужство согласился отдать свою дочь богатый священникъ села Тумы Николаевской Акимъ.

Послѣ того, какъ дѣдушка прослужилъ лѣтъ десять причетникомъ въ селѣ Шеянкахъ, умеръ его тестъ. Прихожане и духовенство Тумы дали дѣдушкѣ такъ называемыя заручныя, т. е. письменныя заявленія того, что они желаютъ его имѣть у себя священникомъ. Дѣдушка съ заручными и своимъ прошеніемъ отправился во Владиміръ къ архіерею Іерониму, потому что и

Шеники и Тума принадлежали тогда къ владимірской епархіи. Не безынтересно знать, какія отеческія отношенія въ то время архіерей имѣли къ подчиненному себѣ духовенству. Въ подачу, т. е. ту комнату, въ которой архіерей принималъ просителей, входили всѣ имѣвшіе нужды явиться къ нему. Іеронимъ обыкновенно садился въ подачѣ на диванъ, выслушивалъ и вызывалъ одного за другимъ просителей, и болѣею частію тутъ-же произносилъ или писалъ рѣшенія или резолюціи. Многіе являлись съ жалобами другъ на друга, другіе вызывались вслѣдствіе какого-либо дурнаго поступка, о которомъ какъ нибудь узналъ владыка. Высканія въ этихъ случаяхъ были, конечно, различны; виновные получали болѣе или менѣе строгіе выговоры, назначались на черныя работы въ архіерейскомъ домѣ, отсылались въ монастырь, но очень часто навазывались и тѣлесно, тутъ же въ подачѣ, при всѣхъ, для всеобщаго назиданія. „Э! да ты какой проказникъ, или сутяга, или негодяй,—восклицалъ владыка,—вотъ я тебя поучу. Эй,—прибавлялъ онъ, обращаясь къ своей прислугѣ,—плетей сюда!“ Разумѣется, живо являлись кучера или кто либо изъ другой прислуги съ ремennыми двухвостками. „Ну-ка, раздѣвайся, да ложись“, приказывалось виновному. Принято было, чтобы наказываемый снималъ съ себя все верхнее платье и оставался въ (нижнемъ бѣльѣ). Вотъ и раздѣлся и растянулся на полу. Для экзекуціи изъ архіерейской прислуги являлись только двое съ плетями, а держать должны были предстоявшіе духовные или по назначенію владыки, или по выбору прислуги. Отказываться было нельзя. Четыре человѣка тотчасъ опускались на колѣни, двое держали за ноги, а другіе двое за руки, крестообразно расположенныя; для двухвостокъ открывалось свободное мѣсто; было гдѣ имъ улечься на обнаженныхъ частяхъ тѣла. Наказываемый улаживался такъ, чтобы владыка, не вставая съ дивана, могъ своими глазами видѣть плотно ли плети прилегаютъ къ тѣлу. Больше всего сѣкали причетниковъ, затѣмъ дьяконовъ, но не давали спуску и священникамъ, особенно молодымъ. Наказаніе было жестокое; дѣдушка, которому не одного человѣка приходилось держать за руку или ногу, говаривалъ: „У! жарко бывало; дрожь пробѣгала по тѣлу“. Такимъ образомъ, очень нерѣдко священникъ, за нѣсколько дней приносившій безкровную жертву, бывалъ высѣченъ самъ до крови.

Самъ дѣдушка мой чуть было не испыталъ этого архіерей-

скаго угощенія. Претендентовъ на священническое мѣсто въ Тумѣ было довольно; но заручныя представилъ только одинъ дѣдушка, при томъ онъ отличился по части чтенія и пѣнія при произведенномъ тутъ же экзаменѣ. Но архіерею почему-то хотѣлось представить мѣсто не дѣдушкѣ, а другому претенденту; дѣдушка, разумѣется, отстаивалъ свои права. Въ первый день ничего не было рѣшено; приказалъ явиться на слѣдующій день. Явились; архіерей сталъ уговаривать дѣдушку отказаться отъ своей просьбы и обѣщалъ ему дать гдѣ нибудь другое, лучшее мѣсто, но дѣдушка стоялъ на своемъ, указывалъ на заручныя прихожанъ, на то, что покойный священникъ былъ его тестъ, что онъ и читаетъ и поетъ лучше другихъ. Защищая свои права, дѣдушка поразгорячился и сказалъ какія-то слова, которые Іерониму показались грубыми. „А, да ты вотъ каковъ!—закричалъ владыка,—ну, я тебя усмирю; откажись, а то велю высѣчь за грубость“. Дѣдушка не сдавался; владыка потребовалъ плетей и велѣлъ ему раздѣваться и ложиться. Дѣдушка раздѣлся, но, стоя въ рубахѣ, сказалъ: „Владыко святыи! сѣките, какъ угодно, а я все-таки стану говорить, что мѣсто мнѣ принадлежитъ; какъ вашей милости угодно, я буду и послѣ сѣченія то же говорить; да и приходъ за меня вступится“. Владыка хотѣлъ ли только постращать настойчиваго просителя, или изумленъ былъ его смѣлостію,—только сѣчь не сталъ, велѣлъ одѣться и предоставилъ ему священническое мѣсто.

Этотъ-то смѣлый священникъ былъ отцомъ моего батюшки, который, впрочемъ, родился когда дѣдушка еще состоялъ причетникомъ въ селѣ Шеянкахъ. Батюшка мой Иванъ Мартыновичъ первоначально состоялъ священникомъ въ селѣ Палицахъ, Рязанской губерніи, Касимовскаго уѣзда. Онъ принадлежалъ къ разряду тѣхъ священниковъ, которыхъ тогда называли учеными, т. е. выслушалъ полный курсъ наукъ, преподававшихся въ тогдашнихъ духовныхъ семинаріяхъ. Такъ какъ мнѣ придется говорить о лицахъ, воспитывавшихся въ нихъ, о классахъ, изъ которыхъ они состояли, о порядкахъ, въ нихъ господствовавшихъ,—то я здѣсь нахожу нужнымъ сдѣлать имъ краткій очеркъ.

До 1815 года такъ называемыхъ низшихъ духовныхъ училищъ не было, а для воспитанія дѣтей бѣлаго духовенства и для приготовленія ихъ къ священно и церковно-служительскимъ должностямъ едва-ли не въ каждой епархіи было только одно учебное

заведеніе подѣ именемъ духовной семинаріи. Она состояла не менѣе, какъ изъ шести классовъ: инфимы, синтаксисы, поэзіи, реторики, философіи и богословія. Всѣ они, кромѣ инфимы, назывались по главнымъ, чуть-ли не единственнымъ почти предметамъ, въ нихъ преподававшимся. Такимъ образомъ, въ синтаксисѣ, разъяснялся синтаксисъ латинскаго языка, въ слѣдующихъ затѣмъ классахъ—преподавались поэзія, реторика, философія и богословіе; только первый классъ или инфима (отъ латинскаго слова *infimus*, низшій) получилъ свое названіе отъ того, что онъ въ училищной іерархіи занималъ низшее мѣсто. Впрочемъ, слышалъ я, что и ниже инфимы еще было два класса: фара и информаторія, но не знаю, тѣмъ въ нихъ занимали учениковъ.

Начальствовали въ семинаріяхъ ректоръ и префектъ; послѣдній то же что и инспекторъ; едва-ли не большая часть учителей каждой семинаріи состояла изъ воспитанниковъ, кончившихъ курсъ въ ней же; сначала они опредѣлялись въ низшіе классы, потомъ постепенно переводились въ другіе—высшіе, такъ что иной, начавши съ инфимы и даже фары или информаторіи, попеременно преподавалъ синтаксисъ, поэзію, реторику, философію и богословіе. Это былъ настоящій *doctor universalis* всѣхъ семинарскихъ наукъ. Но и въ то время нѣкоторые изъ воспитанниковъ семинарій поступали въ кievскую, брестскую, могилянскую и въ московскую Законоспасскую академіи, равно какъ и въ с.-петербургскую Александрo-невскую семинарію¹⁾, чтобы тамъ получить высшее, такъ сказать, образованіе и потомъ занять мѣста наставниковъ, болѣею частію, въ своей семинаріи. Эти не всегда уже начинали свою службу съ инфимы или фары, но иногда поступали въ другіе, болѣе высшіе классы; только и ихъ любили по-выпаты изъ класса въ классъ и, вмѣсто предмета, съ которымъ они порядочно ознакомились, переводить на другой, съ которымъ приходилось знакомиться.

Не знаю, сколько времени продолжался курсъ въ фарѣ и информаторіи, но въ каждомъ изъ прочихъ шести классовъ онъ состоялъ изъ двухъ лѣтъ, и потому начавшій обучаться съ инфимы долженъ былъ оставаться въ семинаріи никакъ не менѣе 12-ти

¹⁾ И въ Казани была тоже духовная академія.

лѣтъ, если желалъ кончить въ ней курсъ. Всѣ вообще ученики назывались семинаристами, но это названіе въ каждомъ классѣ замѣнялось другимъ, соответствовавшимъ названію класса; такимъ образомъ были синтаксисты, риторы, философы и богословы; только не слыхивалъ я, чтобы учениковъ инфимы и поэзии звали инфимистами и поэтами, хотя, можетъ быть, такіа названія и были. Затѣмъ, ученикамъ двухъ высшихъ классовъ присвоилось званіе студента; отъ этого каждая семинарія имѣла очень много студентовъ философій и студентовъ богословія.

Духовныя семинаріи послѣ такъ называемаго ихъ преобразованія, начавшагося съ 1815 года, получили новую организацію; онѣ состояли только изъ трехъ классовъ, называвшихся высшимъ, среднимъ и низшимъ отдѣленіями. Префектъ замѣнился инспекторомъ; учителя, не имѣвшіе степени магистра богословія, остались при прежнемъ названіи, а тѣ, которые удостоивались этой степени, назывались профессорами; кромѣ того, званіе профессора присвоилось всѣмъ безъ исключенія студентамъ перваго курса С.-Петербургской духовной академіи. Такъ какъ преподаваніе философій болѣею частію поручалось магистрамъ, то съ 1815 г. у насъ въ семинаріяхъ чуть не столько же было профессоровъ философій, сколько и въ Германіи. Затѣмъ, ниже семинарій стояли уѣздныя и приходскія училища. Послѣднія почти всегда, кромѣ весьма немногихъ исключеній, соединялись съ уѣздными, имѣли одного и того-же смотрителя и инспектора, и вообще носили названіе низшихъ духовныхъ училищъ. Они помѣщались не въ одномъ губернскомъ, а и въ уѣздныхъ городахъ, такъ что въ каждой почти епархіи ихъ было по нѣскольку, въ иныхъ доходило до девяти. Уѣздныя училища состояли изъ высшаго и низшаго отдѣленій, а приходскія изъ 2-го и 1-го классовъ. Въ каждомъ классѣ семинарій и уѣзднаго училища курсъ продолжался по два года; въ первомъ приходскомъ одинъ, а во второмъ одинъ или два года. Такое различіе происходило отъ слѣдующей причины. Если мальчикъ поступалъ въ первый классъ въ то время, какъ изъ втораго класса былъ переводъ въ низшее отдѣленіе уѣзднаго училища, то онъ, поучившись годъ въ первомъ классѣ, переходилъ во второй, и потомъ, здѣсь тоже поучившись еще годъ, могъ быть переведенъ въ уѣздное училище. Но если мальчикъ поступалъ, какъ говорили, въ срединѣ курса, т. е. не въ пере-

водный годъ уѣзднаго училища и семинаріи, то черезъ годъ онъ дѣлался ученикомъ втораго класса, но здѣсь уже долженъ былъ дожидаться два года, чтобы перейти въ низшее отдѣленіе уѣзднаго училища. Такимъ образомъ, нужно было 12 или 13 лѣтъ, чтобы, поучившись во всѣхъ классахъ приходскаго и уѣзднаго училищъ и семинаріи, кончить курсъ въ послѣдней.

Не смотря на новую организацію духовно-учебныхъ заведеній, многія изъ прежнихъ названій, существовавшихъ въ нихъ, долго не забывались, даже и теперь нынѣ еще употребляются. Ученики семинаріи любили только себя называть семинаристами, а ученикамъ низшихъ училищъ придавали названія: училищныхъ мальчишекъ, бурсаковъ, но публика всѣхъ вообще духовныхъ воспитанниковъ, кромѣ студентовъ духовныхъ академій, до сихъ поръ зоветъ семинаристами. Далѣе, высшее, среднее и низшее отдѣленія семинаріи не на официальномъ языкѣ удержали названія: богословіи, философій и реторики, преимущественно, кажется, потому, что по прежнему остались главными предметами въ высшемъ—богословіе, въ среднемъ—философія, или по крайней мѣрѣ читалась логика и психологія, въ низшемъ—словесность, преподававшаяся почти такъ же, какъ и риторика. Сообразно съ этимъ и ученики назывались богословами, философами и риторами; послѣднее слово имѣнялось въ ритористовъ, словесниковъ, словарей. Такимъ образомъ въ Россіи философовъ было едва-ли не гораздо болѣе, нежели сколько ихъ считалось во всей остальной Европѣ. Богословы и отчасти философы не вдругъ разстались съ лестнымъ названіемъ студентовъ. Вскорѣ послѣ поступленія моего въ рязанское училище, въ 1822 году, разыгрывалась въ семинаріи какая-то лотерея. Разсматривая списокъ подписавшихся на нее, я въ первый разъ увидѣлъ многія подписи студентовъ, и тогда только узналъ, что это названіе присвоиваютъ себѣ всѣ ученики, какъ скоро они вступаютъ въ богословію или въ высшее отдѣленіе семинаріи. Но когда я уже самъ былъ въ этомъ классѣ, то изъ насъ никто, кажется, и не думалъ о своемъ студенчествѣ. Даже и въ уѣздномъ училищѣ ученики высшаго отдѣленія, особенно въ уѣздныхъ городахъ, съ какою-то особенною слѣсью называли себя синтаксистами; въ шутку же этотъ классъ во многихъ мѣстахъ извѣстенъ былъ подъ именемъ краткой богословіи. Въ своихъ Запискахъ, говоря не только о старинныхъ, но и о преобразован-

ныхъ семинаріяхъ, я для краткости буду употреблять названія богослововъ, философовъ, риторовъ, также богословіи, философіи, риторики и пр. въ томъ же значеніи, которое имъ придавали въ обыкновенномъ разговорѣ.

Коротенько сказавши кое-что о духовно-учебныхъ заведеніяхъ въ видѣ предварительныхъ свѣдѣній, я обращаюсь къ моему батюшкѣ. Онъ кончилъ курсъ въ Рязанской семинаріи въ іюлѣ 1809 г., а въ сентябрѣ того же года и я явился на Божій свѣтъ. Для моихъ читателей покажется, точно такъ же какъ казалось для многихъ моихъ современниковъ, страннымъ, какъ же это я родился чрезъ два мѣсяца послѣ того, какъ отецъ мой только что окончилъ курсъ въ семинаріи. Въ объясненіе этого обстоятельства я говорю объ обычаяхъ, существовавшихъ въ то время въ семинаріяхъ.

Въ концѣ восемнадцатаго и даже въ началѣ девятнадцатаго столѣтій, большая часть священно и церковно-служителей, особенно же жены ихъ, неохотою отдавали своихъ дѣтей въ семинарію для ученія; а сами дѣти семинарское ученіе считали мученіемъ. Причины такого нерасположенія къ образованности семинарской были многоразличны. Можетъ быть, тутъ на первомъ планѣ нужно поставить господствовавшее тогда невѣжество въ духовенствѣ. Но нельзя сказать, чтобы тогдашняя семинарская образованность могла привлечь къ себѣ даже людей не вполне необразованныхъ. Въ семинаріяхъ главнымъ образомъ учили латинскому языку; на немъ же были писаны учебныя руководства не только по философіи и богословію, но даже по словесности. Эти почти единственные науки, преподававшіяся въ семинаріяхъ, могли назваться образчиками схоластики и состояли почти изъ однихъ только дефиницій, позицій и негаций, т. е. изъ опредѣленій разныхъ предметовъ науки, напимѣръ, въ словесности—изъ опредѣленій каждаго тропа, каждой фигуры и пр.; изъ положеній или, лучше, большею частію коротенькихъ предложений, выражавшихъ ту или другую, какъ тогда говаривали, истину, и изъ возраженій противъ этой истины съ присовокупленіемъ опроверженій на нихъ. Все это излагалось на латинскомъ языкѣ, сухимъ, безжизненнымъ образомъ, касалось предметовъ не только отвлеченныхъ, а даже и несуществующихъ; историческія, физическія, естественныя и математическія науки были въ полномъ пренебреженіи. Подобнаго рода ученость могла ли понравиться хоть комунибудь? Ею зани-

мались поневолѣ; иногда, впрочемъ, пристращались къ ней,—вѣдь надобно-же было показать, что мы ученые люди; но большая часть, не видя отъ нея ни практической, ни умственной пользы, боялась ея какъ барщины, какъ мученья. Затѣмъ, педагоги тогдашніе не отличались мягкими и гуманными пріемами; самыя суровыя, даже жестокія тѣлесныя наказанія были слишкомъ обыкновенны; розги изъ березовыхъ или ивовыхъ прутьевъ считались недостаточными; въ каждомъ изъ правленій семинарскихъ всегда имѣло нѣсколько ременныхъ плетей съ двумя и тремя хвостами; эти плети въ случаѣ надобности были приносимы въ классы и при помощи опытной и крѣпкой руки покрывали обнаженные части тѣла рубцами, которые оставались видными иногда спустя даже нѣсколько недѣль послѣ операціи. При томъ, одну плеть, одну лозу находили недостаточными; часто и даже очень часто на наказываемаго сыпались удары съ двухъ сторонъ; а чтобы онъ своими движеніями не мѣшалъ плети или лозѣ падать на тѣ именно мѣста, на которыя мѣтилъ экзекуторъ, или, какъ обыкновенно его называли, секуторъ, наказываемаго держали не только двое, а даже четверо и пятеро сторожей или товарищей. Развѣ немногіе изъ семинаристовъ не испытывали такого рода угощеній и винушеній; молва же придавала имъ еще большіе размѣры. Наконецъ, содержаніе, особенно казеннокоштныхъ учениковъ, было въ высшей степени недостаточно; приходилось иногда, въ буквальномъ смыслѣ—голодать. Впослѣдствіи объ этомъ предметѣ мнѣ еще не разъ придется говорить. Но и теперь уже видно, что дѣтямъ духовенства не было много поводовъ съ удовольствіемъ ѣхать въ семинарію, и продолжать и оканчивать въ нихъ свое образованіе. Покойный мой дѣдъ по отцу, священникъ Касимовскаго тоже уѣзда села Тумы Николаевской Мартынъ Ларіоновичъ, самъ рассказывалъ, какъ, бывало, церковниковъ, т. е. дѣтей священнослужительскихъ, ловили чрезъ земскую полицію, связывали, даже заковывали въ кандалы и подъ конвоемъ отправляли въ то мѣсто, гдѣ находилась семинарія. Разумѣется, подобныя мѣры неумѣстны были для дѣтей въ 10—15 лѣтъ, но въ ученые брали и взрослыхъ молодцовъ, даже женатыхъ; отчего, какъ говаривалъ дѣдушка, такого рекрута семинарской науки съ восемъ провожали не одна мать, сестры, а даже жена съ ребенкомъ на рукахъ. Послѣ этого естественно ожидать, что многіе изъ этихъ рекрутовъ

искали спасенія въ бѣгствѣ; въ „Исторіи разанской іерархіи“ Воздвиженскаго очень нерѣдко можно встрѣтить слѣдующія слова: при такомъ-то архіерей столько-то училось въ семинаріи и столько-то было въ бѣгахъ; бѣглецы считались иногда десятками и бывали почти въ одинаковомъ числѣ съ обучавшимися. Мой дѣдушка любилъ, бывало, даже хвалиться, что онъ не попалъ въ семинарію, но за то много разъ ему приходилось изъ своего села бѣгать въ лѣсъ или въ какую либо деревню и пробыть тамъ нѣсколько дней, чтобы дожидаться отъѣзда земской полиціи, пріѣхавшей ловить его въ науку. Чиновники земской полиціи и тогда и послѣ любили ѣздить съ поддужными колокольчиками, отчего всѣ церковники, бѣгавшіе семинарской учености, слышавъ изъ села колокольчикъ въ полѣ, бросались спасаться въ уютныя мѣста, гдѣ-бы ихъ нельзя было отыскать. Такъ какъ и кромѣ чиновниковъ земской полиціи многіе ѣзжали съ колокольчиками, то подобныя тревоги были иногда не нужны. Мой дѣдушка рассказывалъ тоже, какъ однажды его родственникъ своимъ колокольчикомъ задалъ такого страху, что не скоро отыскали моего дѣдушку, и родственникъ чуть было не уѣхалъ, не увидавшись съ нимъ.

Продолжать и оканчивать курсъ въ семинаріяхъ располагала и поддерживала въ описываемое время только почти одна надежда получить священническое или дьяконское мѣсто. Съ другой стороны, начальства семинарское и епархіальное понимали, что эта надежда легко могла поколебаться и даже совершенно замолкнуть не только отъ неспрiятностей, которыми такъ богата была жизнь семинариста, но и отъ желанія поскорѣе удовлетворить одной изъ физиологическихъ потребностей, которая выразилась въ словахъ Бога, сказанныхъ Адаму и Евѣ: раститесь и множитесь и наполняйте землю. Я уже говорилъ, что за школьныя скамьи неволею попадали даже женатыя люди; потомъ, неженатыя въ послѣднихъ классахъ семинаріи бывали такихъ лѣтъ, что могли себя считать въ правѣ и даже имѣли нужду удовлетворять означенной физиологической потребности. Кромѣ того, нерѣдко лучшіе ученики семинаріи любили поступать въ Московскій университетъ или въ медицинскую академію. Чтобы расположить семинаристовъ не только окончить курсъ въ семинаріи, но и поступить въ духовное званіе, начальство не только позволяло имъ жениться, но и посвящало даже въ священники и дьяконы хорошихъ учениковъ, съ

тѣмъ, впрочемъ, чтобы они доучивались до конца семинарскаго курса. Нѣкоторые же молодыя посмѣлѣе женились и безъ позволенія начальства, хотя это было запрещено. Мой батюшка не одинъ разъ рассказывалъ про одного изъ своихъ предшественниковъ по семинаріи—нѣкоего Ушморова, который, по поступленіи въ риторическій классъ, женился болѣе нежели за пять лѣтъ до окончанія курса. Начальство этимъ поступкомъ очень обидѣлось и оставило Ушморова еще на курсъ въ риторическомъ классѣ; потомъ заставило проучиться его два курса въ философскомъ; наконецъ, нужно было еще поучиться въ богословскомъ классѣ. Какъ лучший ученикъ, Ушморовъ, на окончательномъ публичномъ экзаменѣ говорилъ рѣчь, которая очень понравилась тогдашнему архіерею Амвросію.

— „Спасибо, г. Ушморовъ, — сказалъ владыка, — пора уже вамъ окончить курсъ“. Архіерей зналъ исторію и послѣдствія его женитьбы.

— „Да, — отвѣчалъ Ушморовъ, — дѣйствительно пора, ваше преосвященство, потому что въ нынѣшній годъ поступаетъ мой старшій сынъ въ семинарію“. Этотъ отвѣтъ, какъ рассказывалъ покойный мой батюшка, произвелъ общій смѣхъ въ залѣ; самъ серьезный владыка улыбнулся.

Описанное мною обыкновеніе—дозволять семинаристамъ жениться и давать имъ священническія и дьяконскія мѣста еще до окончанія курса—было причиною того, что въ богословскомъ классѣ обучалось нѣсколько священниковъ и дьяконовъ; такъ по крайней мѣрѣ водилось въ Рязанской семинаріи. Въ курсѣ моего батюшки въ богословскомъ классѣ такихъ священниковъ было тринадцать, сколько мнѣ помнится, человекъ, и въ числѣ ихъ мой родитель. Онъ получилъ священническое мѣсто въ селѣ Палищахъ, женился и посветился въ священники еще за годъ до окончанія курса. Этому помогло не только начальство, но еще болѣе мой дѣдушка Мартынъ Ларіоновичъ. Покойный мой батюшка принадлежалъ къ отличнымъ ученикамъ своего курса и, вѣроятно, не находя удовольствія своей любознательности въ семинарскихъ наукахъ, за два года до окончанія семинарскаго курса, рѣшился поступить въ медицинскую академію. Мой дѣдушка и бабушка Фекла Авимовна, точно такъ же, какъ почти все тогдашнее духовенство, духовное званіе считали самымъ лучшимъ званіемъ для своихъ сыновей.

Тутъ дѣйствовало, конечно, и убѣжденіе яко-бы въ превосходствѣ духовнаго званія предъ прочими мірскими должностями и занятіями, и желаніе имѣть сыновей поближе къ себѣ съ тѣмъ, чтобы была возможность почаще съ ними видѣться, а слѣдовательно почаще у него и попить. Въ 1851 г. діаконъ Егорьевскаго уѣзда, Дмитровскаго погоста, Федоръ Волковъ, разговаривая съ моимъ батюшкою о томъ, что всѣ почти его дѣти обучались въ академіи и въ настоящее время живутъ кто въ Петербургѣ, кто въ Казани и пр., прибавилъ: „Зачѣмъ вы, отецъ протопопъ, имъ позволили это дѣлать? зачѣмъ пустили ихъ въ академію? Ужъ я ни одного изъ своихъ ни за что не пущу!“—Да почему же?—спросилъ мой батюшка.—„Эка! то-ли дѣло, когда сынъ будетъ вблизи, попомъ или дьякономъ!“ отвѣчалъ Волковъ. „Я къ нему стану почаще ѣздить и ужъ подгуляю у него“. Кромѣ того, медицинская академія и тогда и даже въ мое время возбуждала во многихъ духовныхъ лицахъ ужасъ и отвращеніе тѣмъ, что ея студентамъ надобно было заниматься анатоміею и операціями, или, какъ тогда говорили, рѣзать живаго и мертваго. Дѣдушка, узнавши о томъ, что его сынъ, т. е. мой батюшка, хочетъ поступить въ медицинскую академію, пришелъ въ крайнее негодованіе, рѣшился поѣхать въ Рязань и хвалился бабушкѣ, что онъ выбьетъ дурь изъ головы Ванюши (такъ онъ называлъ моего батюшку до самой своей смерти, хотя батюшка былъ почетнымъ и извѣстнымъ почти во всей епархіи протоіереемъ). Чтобы исполнить свою угрозу, дѣдушка даже взялъ съ собою плеть, чтобы ею выбивать дурь изъ головы Ванюши. По тогдашнимъ понятіямъ, подобные приемы считались не только дозволенными, но и самыми вѣрными и легкими. Только дѣдушка или вовсе не думалъ привести самымъ дѣломъ свою угрозу въ исполненіе, а только, какъ обыкновенно говорятъ, задавалъ форсу и пыли предъ бабушкою и своими односельчанами, или, можетъ быть, поодумался дорогою въ Рязань,—только дѣдушка, пріѣхавши въ Рязань, началъ дѣйствовать вовсе не такъ, какъ говорилъ въ Тумѣ предъ бабушкою, которая всячески упрашивала его обойтись посписходительнѣе съ сыномъ.

По господствовавшему тогда въ семинаріяхъ обычаю, ученикъ, изъявившій желаніе поступить въ медицинскую академію, переставалъ ходить въ классъ и перебирался въ семинарскую больницу; такъ поступилъ и мой батюшка; ему это было тѣмъ

удобіе, что онъ жилъ не на вольной квартирѣ, а въ семинаріи на такъ называемомъ казенномъ, внося, впрочемъ, за свое содержаніе небольшое количество денегъ. Дѣдушка, пріѣхавъ въ Рязань, пришелъ къ сыну въ больницу и пригласилъ его къ себѣ на квартиру. Батюшка мой одѣвался не очень пышно; онъ носилъ лѣтомъ затрапезный халатъ; панталонъ у него до того времени еще не было; семинаристы тогда большею частію были санюлотами.... Дѣдушка, выпедши изъ семинаріи, взглянувъ на затрапезный халатъ, въ которомъ шелъ мой батюшка, сказалъ: „Что это, Ванюша? ты уже великонецъ, а ходишь все въ затрапезномъ халатѣ; да и панталонъ у тебя нѣтъ; пойдемъ-ка въ лавки, да купимъ нанки на сюртукъ и панталонъ“. Надобно сказать, что тогда нанка была лучше и прочтѣе, нежели послѣ,—была даже модною матеріею на одежду въ среднихъ сословіяхъ. Мой папа заговорилъ было о медицинѣ; дѣдушка перебилъ его скороговоркою и сказалъ: „Ну, вотъ тамъ,—погоди, еще поговоримъ объ этомъ, а теперь пойдемъ покупать нанку“. Купили, отдали портному для шитья сюртука и панталонъ, и потомъ уже пришли на квартиру. Тутъ дѣдушка забылъ совершенно о своихъ родительскихъ правахъ и о тумскихъ угрозахъ, заплакалъ, сталъ обнимать своего сына, готовъ былъ даже кланяться и поклонился бы, еслибы не былъ удержанъ отъ того моимъ батюшкою, принялся упрашивать, умаливать его не ходить въ медицинскую академію и пр., и пр. Покойный мой отецъ имѣлъ твердый характеръ, вовсе въ то время не желалъ быть священникомъ, но, видя слезы своего отца, слыша, что и мать его въ Тумѣ постоянно плачетъ и съ ужасомъ представляетъ, какъ онъ станетъ рѣзать живыхъ и мертвыхъ людей,—отецъ мой не выдержалъ, расстался съ любимою своею мечтою быть докторомъ. Дѣдушка былъ въ восторгѣ, но, возвратившись домой, все-таки бабушкѣ и своимъ односельчанамъ сначала говорилъ: „Задалъ же ему, т. е. своему Ванюшѣ, пыли, выбилъ дурь изъ его головы“. Истина открылась когда уже мой папа, по окончаніи трети года, пріѣхалъ въ Туму и все рассказалъ бабушкѣ. Дѣдушка, впрочемъ, на это не сердился, и впослѣдствіи я самъ много разъ слыхалъ, какъ онъ говаривалъ: „ну, да что-жъ станешь дѣлать? Вѣдь я понималъ, что плетью тутъ ничего нельзя было сдѣлать; ну, а дома нельзя же было съ перваго раза сказать, что я его упрашивалъ и упро-

силъ; надобно же было не ронять себя“. Только и дѣдушка, опасаясь, какъ бы его Ванюша опять не задумалъ идти въ медицинскую академію, началъ искать ему и мѣсто и невѣсту, наконецъ, уговорилъ Ванюшу подать архіерею просьбу о предоставленіи за нимъ священническаго мѣста въ селѣ Палипахъ. Архіерей согласился на это; папа мой въ каникулы, за годъ до окончанія курса семинарскаго, женился и посвятился въ священники, и потомъ еще цѣлый годъ ходилъ въ классъ, но большею частію не въ рясъ, даже не въ подрясникѣ. Онъ при мнѣ не разъ говорилъ, что и онъ и другіе его товарищи—попы-семинаристы—хаживали въ классъ не только въ тулупахъ и халатахъ, но даже иногда въ сюртукахъ; разумѣется, и подрясники не забывались. За то въ праздничные и воскресные дни любили сохранять торжественность въ семинарской церквѣ; обыкновенно служивали въ ней обѣдню не только по три, но и по пяти и болѣе человекъ.

Описанный мною обычай—производить семинаристовъ въ священники и позволять имъ въ этомъ санѣ доканчивать семинарскій курсъ—прекратился, по крайней мѣрѣ въ Рязанской семинаріи, въ 1809 году. Въ этотъ годъ открылась С.-Петербургская духовная академія и въ нее нужно было послать изъ Рязанской семинаріи довольно порядочное количество учениковъ,—кажется, болѣе пяти или шести. При этомъ оказалось, что лучшіе ученики богословскаго класса были уже женатыми людьми и священниками. Начальство думало-было посылать и изъ нихъ; тогдашній ректоръ архимандритъ Геронимъ и инспекторъ семинаріи Серезевскій особенно настаивали, чтобы мой отецъ, занимавшій второе мѣсто въ классѣ, отправился въ академію; но онъ не согласился, да едва-ли бы и начальство академическое приняло женатаго студента. Рязанская семинарія принуждена была послать въ академію нѣсколько учениковъ изъ философскаго класса; двоихъ изъ нихъ, Семена Красильниковъ и Мокея Тарасова я зналъ, когда они были наставниками въ Рязанской семинаріи. Но чтобы на будущее время не было затрудненій при назначеніи лучшихъ учениковъ въ духовную академію, запрещено было семинаристамъ жениться, пока они еще учатся въ семинаріи.

Извините, г. читатель, что я довольно долго занялся описаніемъ этого стариннаго семинарскаго обычая; онъ такъ оригиналенъ и несогласенъ съ обычаями послѣдующихъ временъ, что его надобно было описать поподробнѣе и память о немъ передать потомству.

ГЛАВА II-я.

О мѣстности села Палищъ.

Батюшка мой, получивши священническое мѣсто въ селѣ Палищахъ, вмѣстѣ съ тѣмъ купилъ домъ, принадлежавшій его предшественнику; но обязанный большую часть года учиться и жить въ Рязани, онъ бывалъ въ Палищахъ только въ каникулярныя времена, да и тогда едва-ли постоянно тамъ находился. Матушка же моя въ теченіе цѣлаго года жила у дѣдушки въ Тумѣ; вотъ почему и я увидѣлъ свѣтъ въ этомъ селѣ¹⁾. По возвращеніи моего батюшки изъ Рязани въ октябрѣ 1809 года, родители мои наконецъ переселились вполнѣ въ Палищи и начали жить своимъ уже домомъ и хозяйствомъ. Въ этой главѣ я опишу и свою и ихъ палищенскую жизнь, руководствуясь не только тѣми свѣдѣніями, которыя мнѣ въ зрѣломъ уже возрастѣ удалось приобрѣсти отъ другихъ, но и своими собственными впечатлѣніями и, такъ сказать, наблюденіями. Конечно, впечатлѣнія и наблюденія эти были дѣтскія, но вѣрность или ошибочность ихъ я старался повѣрить, когда уже способенъ былъ судить о нихъ не по-дѣтски.

Первыя воспоминанія изъ моего дѣтства, ясно сохранившіяся въ моей памяти, относятся къ четвертому и пятому году моей жизни. Особенно два событія этого времени живо отпечатались въ моемъ мозгу, именно прививаніе мнѣ оспы и смерть палищенскаго священника Василя. Первое событіе происходило, когда я еще не имѣлъ четырехъ лѣтъ отъ роду. Оспа тогда могла называться страшнымъ бичомъ русскаго народа, отъ нея не только обезображивалось, но и умирало огромное количество дѣтей и взрослыхъ людей. Но невѣжество и господствовавшіе предрасудки заставляли массу народную смотрѣть на оспопрививаніе или какъ на богопротивное, или какъ на ужасно-опасное дѣйствіе. Большая часть сельскихъ и деревенскихъ матерей добровольно ни за что

¹⁾ Это село официально называлось Тумою Николаевскою; близъ него въ 15-ти верстахъ была другая Тума, но Воскресенская; ее жители называли Воскресеньемъ, а Туму Николаевскую—просто Тумою,—и я буду слѣдовать этому обычаю.

не соглашались приносить своихъ дѣтей къ фельдшеру и даже къ лекарю для прививанія оспы, а если и рѣшались на это, то послѣ долгихъ убѣжденій, даже принужденій и, разумѣется, уже съ плачемъ и рыданьемъ. Священникамъ предписывалось указами всячески стараться о распространеніи оспопрививанія релігіозными убѣжденіями. Въ первой четверти XIX столѣтія, не припомню въ которомъ именно году, разслана была по всѣмъ церквамъ русской имперіи проповѣдь, въ которой авторъ ея, бывшій впослѣдствіи кievскій митрополитъ Евгеній, доказывалъ, что прививать оспу дѣтямъ не противно слову Божію, есть дѣло полезное и необходимое и пр.; проповѣдь эту священники обязаны были читать съ церковной каѳедры, кажется, по нѣскольку разъ въ годъ, но, разумѣется, не читали; но крайней мѣрѣ, я рѣшительно ни разу не слыхалъ этого чтенія въ церкви. Кромѣ того, едва-ли не было тоже указомъ предписано, чтобы священники подавали примѣръ прихожанамъ, позволяя прививать оспу своимъ дѣтямъ.

Не знаю, случайно ли или въ исполненіе описанныхъ правилъственныхъ распоряженій, только прививаніе оспы мнѣ и двумъ моимъ сестрамъ происходило публичнымъ, почти торжественнымъ образомъ. День былъ воскресный; въ избѣ, гдѣ мы жили, собралось множество деревенскихъ бабъ и мужиковъ; меня посадили на лавкѣ передней стороны избы, близъ самаго стола, стоявшаго обыкновенно въ такъ называемомъ переднемъ углу—предъ образами; съ правой стороны меня сидѣла моя матушка съ двумя моими сестрами; предо мною стояли мой батюшка, фельдшеръ или, какъ его называли, оспопрививатель—крестьянинъ и прочій собравшійся людъ; нѣкоторые изъ бабъ еще прежде операціи плакали. Вѣроятно, и я, смущенный всею обстановкой, посконфузился, потому что, когда фельдшеръ сталъ обнажать мою правую руку, кто-то изъ предстоящихъ сказалъ про меня: „да онъ испугался и хочетъ заплакать“. Тогда мой папа для ободренія моего отвѣчалъ: „Вотъ еще, я знаю, онъ не испугался и ни за что не заплачетъ; вѣдь онъ не дѣвочка“. Эти слова пробудили во мнѣ амбицію, и я, какъ теперь помню, сжавши свои губы и удерживая слезы, которыя готовы уже были литься, собралъ всю свою храбрость, не закричалъ и не заплакалъ и, разумѣется, заслужилъ общее одобреніе. Но сестры мои, изъ которыхъ одна—Наталья была моложе меня двумя годами, а другая—Елисавета еще грудной

ребенокъ, разумѣется, плакали и защищались отъ грозившей имъ опасности; ихъ надобно было держать. Оспа у всѣхъ у насъ принялась, но я легче другихъ былъ боленъ; по словамъ моей матушки, я перенесъ ее на ходу и играючи. Слѣды отъ шести оспенокъ, по три на каждой рукѣ, оставались видными, когда уже мнѣ было болѣе 30-ти лѣтъ.

Смерть отца Василия случилась вскорѣ послѣ нашего оспопрививанія и оставила во мнѣ впечатлѣніе по трагическому своему характеру. Отецъ Василій былъ уже старикъ съ сѣдыми волосами и бородою, немного уже сгорбленный; по совѣсти сказать, я его почему-то побаивался. Онъ, равно какъ и третій священникъ, Евдокимъ, вели жизнь нетрезвую. Отецъ мой, не смотря на то, что былъ моложе ихъ годами 30—40, если не болѣе, какъ человѣкъ ученый, т. е. кончившій семинарскій курсъ, имѣлъ старшинство по церкви, или, какъ тогда говаривали, предстоятельствовавъ въ ней. Вѣроятно, старики не очень были довольны такимъ униженіемъ ихъ старости, и на меня посматривали неласково; поэтому-то я, должно быть, и побаивался ихъ. Отецъ Василій по какому-то случаю долженъ былъ ѣхать въ деревню Овиницы, въ шести верстахъ отъ Палицъ, и тамъ, по своему обычаю, порядочно подвыпилъ. Возвращаясь одинъ домой, онъ, какъ надобно полагать, вывалился изъ саней и, не имѣя силъ догнать лошадь, остался на чистомъ полѣ; лошадь пришла домой одна; кажется, не вдругъ замѣтили ея возвращеніе, и потому поиски начались уже на другой день. Старикъ былъ найденъ мертвымъ—замерзшимъ. Помню, какъ по закатѣ уже солнца, но когда еще довольно свѣтло было, въ избѣ нашей заговорили, что везутъ отца Василия; я, стоя на лавкѣ предъ однимъ изъ оконъ, обращеннымъ въ дорогѣ, увидѣлъ лошадь, запряженную въ сани, которыя называются дровнями. Вдоль нихъ лежалъ отецъ Василій, прикрытый рогожею, а на концѣ саней стоялъ мужикъ, держа въ рукахъ натянутыя возжи; ѣхали довольно скорою рысью. Я, разумѣется, испугался, потому что прежде еще наслушался, что вообще смерть вещь страшная, что мертвецы—существа грозныя, а замѣрзшіе пьяницы еще страшнѣе: ихъ-де души нигуда не принимаютъ, а отдаются въ команду чорту, или шатаются по бѣлому свѣту и безпокоятъ людей.

Село Палицы мнѣ—ребенку—очень нравилось, такъ же какъ

едва-ли не всякому нравятся тѣ мѣста, гдѣ онъ провелъ свое дѣтство. Между тѣмъ, село по своему мѣстоположенію не стоило особой похвалы. Оно окружено было со всѣхъ совершенно сторонъ лѣсами, такъ что, на моей уже памяти, изъ-за нихъ не видно было ни одной изъ окрестныхъ деревень. Наскучивъ такую изолированностію, духовенство палищенское рѣшилось сдѣлать большую просьбу въ деревнѣ Спуднямъ; вырубилъ въ началѣ лѣта нѣсколько десятинъ лѣсу, въ которомъ были даже строевые деревья, дали имъ выдохнуть въ теченіе жаркихъ мѣсяцевъ, потомъ въ сентябрѣ въ одинъ воскресный день зажгли валежникъ. Огонь по сухому горючему матеріалу быстро распространился, захватилъ даже много несрубленныхъ стоячихъ деревьевъ и во многихъ мѣстахъ зажигалъ изгородь. Въ то время, какъ взрослые всѣ заняты были поджиганіемъ валежника и наблюденіемъ за тѣмъ, чтобы пожаръ не распространился далѣе назначенныхъ ему границъ, мы—дѣти—были въ восторгѣ отъ невиданнаго зрѣлища; огонь, быстро переходя огромными клубами съ одного мѣста на другое, расширялся и расширялся и, наконецъ, захвативши все предоставленное ему пространство, слился почти въ одну массу; зрѣлище было дѣйствительно великолѣпное. На него сбѣжалось посмотрѣть изъ окрестныхъ деревень множество народа,—дѣти, чтобы порядкомъ полюбоваться огнемъ, а взрослые изъ опасенія не грозить ли опасность селу и церкви. Курево продолжалось еще нѣсколько дней, но наконецъ все погасло, т. е. все сгорѣло, и Спудни были уже видны намъ.

Потомъ, кругомъ села, въ большемъ или меньшемъ отъ него разстояніи, были со всѣхъ сторонъ болота, такъ что мѣстность, имъ занимаемая, могла назваться островомъ на болотномъ морѣ. Черезъ это лѣтомъ сообщеніе съ деревнями было весьма затруднительно для ѣзды, или увеличивалось вдвое и даже втрое; напримѣръ, деревня Талново отстояла отъ села не болѣе трехъ верстъ, но лѣтомъ въ нее ѣзжали черезъ деревню Малахово—въ четырехъ верстахъ отъ села, отъ которой Талново, кажется, было не въ меньшемъ разстояніи. Для пѣшеходовъ лѣтомъ черезъ болота брошены были такъ называемыя кладины, т. е. положены чуть не какъ попало бревна, отесанныя и неотесанныя, по два и по три, а иногда и по одному въ рядъ. Я даже полагаю, что село можно было назвать такимъ островомъ, который не только окруженъ былъ со всѣхъ

сторонѣ болотами, но и подѣ собою имѣлъ болото, какъ это видно въ слѣдующаго происшествія. Кто-то изъ жителей села, во время уже нашего житія въ немъ, рылъ себѣ колодезь; вода обыкновенно показывалась весьма скоро, но была дурнаго качества; поэтому хозяинъ рѣшился углубить свой колодезь, рассчитывая на то, что этимъ способомъ дороеся до влѣча съ хорошею водою. Но однажды работникъ, рывший колодезь, закричалъ въ испугѣ, чтобы его какъ можно скорѣе тащили вонъ. Вышедши на поверхность земли, онъ съ ужасомъ рассказывалъ, что едва было не провалился сквозь землю. Сначала посмѣялись надъ нимъ, но одинъ смѣльчакъ рѣшился опуститься на дно колодезя. Оказалось, что оно дѣйствительно непрочно и колебалось подѣ сильными ударами. Привязавъ себя на всякій непредвидѣнный случай къ концу веревки, на которой его спустили, смѣльчакъ началъ пробивать дно, пробилъ или прорылъ, и оттуда выступила не очень густая грязь, наекла вода съ отвратительнымъ запахомъ. Ему подали длинные шесты, но они свободно опускались въ поддонную грязь и не достигали твердой почвы. Жители струсили, опасаясь всѣмъ селомъ провалиться сквозь землю, можетъ быть, въ тартарары, т. е. въ тартаръ—въ адъ, и завалили колодезь. Изъ моего описанія видно какъ справедливо отзывался про Палицы риванскій архіепископъ Феофилактъ, говоря: „а это село,—тамъ, гдѣ-то въ углу, въ болотахъ“.

Въ этомъ-то селѣ, среди этихъ-то болотъ жили три церковныхъ причта: три священника, два дьякона и шесть причетниковъ, да еще три мѣщанина, именно семья Галкиныхъ,—нашихъ дальнихъ родственниковъ, какой-то Илья и Силушка, да еще дочь замѣрнаго отца Василя. Отъ болотнаго, сыраго и лѣсистаго мѣстоположенія, въ селѣ явномъ было ужасное множество комаровъ; въ этомъ отношеніи Палицы не много уступали прибрежьямъ и поверхности Миссисиппи, гдѣ для спасенія отъ москитовъ люди надѣваютъ на себя желѣзные сѣтки. Палищенскіе жители не прибѣгали къ столь искусственному средству; они вмѣсто него иногда по нѣскольку разъ въ день, а ужъ непременно вечеромъ, зажигали положенный въ глиняные горшки навозъ, отчего комнаты наводнялись вѣднимъ дымомъ; комары, не любя его, улетали въ отворенную дверь. Тогда обыкновенно затворяли дверь и въ такой-то

дымной, смрадной комнатѣ располагались ночевать. У насъ, кажется, навозъ мало зажигали, а курили, т. е. наполняли избу дымомъ отъ зажженныхъ сырыхъ полѣнцевъ дровъ. Повойный мой батюшка употреблялъ, впрочемъ, новое имъ отерытое средство. Комары высоко отъ земли не поднимаются, а въ селѣ колокольня была очень высока и на нее уже не залеталъ ни одинъ комаръ. Поэтому мой батюшка, поужинавши, бралъ съ собою подушку и нужную одежду, отправлялся на колокольню, подъ самые колокола, и тамъ спалъ всю ночь. „Вотъ такъ мѣсто,—говаривалъ бывало повойникъ,—нѣтъ ни мухи, ни комарика“.

Но у жителей и села и окрестныхъ деревень были еще неприятные сосѣди изъ животнаго царства покрупнѣе комаровъ, — это волки, филины и медвѣди. Волковъ въ окружающихъ село лѣсахъ водилось многое множество. Лѣтомъ они для людей были не опасны за то домашнимъ животнымъ доставалось частенько расплачиваться ними своею шкурою. Но зимою надобно было человѣку брать предосторожности противъ волковъ, которые бродили нерѣдко цѣлыми компаніями и любили преслѣдовать человѣка, даже въ томъ случаѣ, когда онъ ѣхалъ въ саняхъ на лошади. Дороги были узкія, снѣга глубокіе, поэтому волкамъ обогнать лошадь не было возможности; впрочемъ, голодъ заставлялъ ихъ отваживаться на смѣлыя штуки. Догнавши сани, они иногда старались при помощи скачка попасть непрошенными компаніонами въ сани. Но такъ какъ для скачка волку надобно на нѣсколько мгновений остановиться, то лошадь успѣвала въ это время уѣхать впередъ и скачокъ не помогалъ волку попасть въ сани. Другой маневръ состоялъ въ томъ, что волкъ, зубами ухватившись за заднюю часть саней и упираясь ногами въ снѣгъ, старался задержать лошадь. Разумѣется, подобный маневръ тоже не удавался, а между тѣмъ сидѣвшіе въ саняхъ въ такомъ случаѣ перебирались въ переднюю часть ихъ, маленькихъ дѣтей клали на дно ихъ, а взрослые стояли, держась за передокъ и наклѣстки, т. е. боковыя верхнія части саней. Люди посмѣлѣе запасались кольями и старались ими у волковъ отбить охоту быть провожатыми. Употреблялись и другія средства. Волкъ очень хитръ и боится попасть въ какую либо ловушку. Поэтому изъ саней выбрасывали назадъ конецъ веревки. Волкъ, считая это чѣмъ-то въ родѣ сѣтей, не

всегда рѣшался подбѣгать къ самымъ санямъ, особенно если къ концу веревки привязывался большой пукъ сѣна; тутъ волкъ окончательно трусилъ. Иногда бросали разные вещи изъ саней. Лучшее всего для этого были боченки. Волкъ, увидавши выброшенную вещь, увлекался любопытствомъ и непременно ее осматривалъ, а боченокъ считалъ обязанностью разбить, въ надеждѣ, вѣроятно, что нибудь въ немъ отыскать. Помню еще рассказъ о томъ, какъ однажды мужикъ отдѣлался отъ большого стада волковъ. Онъ ѣхалъ изъ лѣсу съ возомъ полѣнныхъ дровъ, которыя на саняхъ были сложены въ видѣ полѣнницы и стянуты веревками. Замѣтивъ волковъ, мужикъ приударилъ свою лошаденку, но скоро увидѣлъ, что ему не уѣхать, волки уже готовились атаковать его въ саняхъ. Тогда онъ топоромъ быстро разрубилъ веревку, стягивавшую дрова; послѣднія съ громомъ посыпались въ разноту, нѣкоторыя полѣнья попали въ волковъ. Волкамъ, конечно, нечего было бояться ихъ, но неожиданность маневра такъ ихъ удивила и перепутала, что они, нисколько не медля, поворотили въ лѣсъ. При всемъ томъ не припомню ни одного случая, чтобы кто-либо изъ жителей и прихожанъ Налицъ былъ съѣденъ волками. Но собакамъ и другимъ животнымъ, которыя въ зимнее время выбѣгали на улицу или за село, особенно ночью, не всегда безпачасанно проходила эта отважность. Ночью же волки входили въ самыя деревни. Нечего и говорить, что глупая дворяжка, бѣгавшая или лежавшая на улицѣ, попадала на ужинъ имъ. Но волки умѣли вызывать собакъ и со двора. Для этого они приходили не менѣе, какъ вдвоемъ. Одинъ изъ нихъ становился задомъ въ воротамъ и, просунувъ въ какое либо отверстіе подъ ними свой тѣло на дворъ, начиналъ имъ стучать. Дворяжка, разумѣется, подбѣгала, иногда даже хваталась зубами за хвостъ, который тотчасъ же скрывался; она, прихрабрившись, рѣшалась его преслѣдовать, вытѣзала со двора въ подворотню, волкъ тотчасъ бѣжалъ прочь, собака поддавалась обману, преслѣдовала его и отбѣгала отъ воротъ. Но тутъ другой волкъ, сидѣвшій въ засадѣ, бросался на нее, бѣглецъ тоже возвращался и съ несчастною дворяжкою пованчивалось дѣло даже въ деревнѣ, но большею частію волки уносили ее вонъ изъ деревни и вблизи ея гдѣ либо ужинали. Во многихъ деревняхъ въ зимнее время всѣ почти собаки, не привязанныя на цѣпи, тѣмъ или другимъ образомъ дѣлались жертвою волковъ.

Волки приводили въ страхъ большую часть жителей сел Палицъ не только своими нападеніями на нихъ и домашнихъ животныхъ, но и концертами. Извѣстно, что въ слишкомъ сильные морозы волки, особенно если еще голодъ присоединится, начинаютъ выть. Этотъ вой дѣйствительно отличается какими-то дикими звуками; каждый волкъ въ такихъ случаяхъ умѣетъ придавать своему голосу разнообразныя тоны и переливы; слушая одного особенно двухъ такихъ пѣвцовъ, подумаешь, что ихъ собралъ цѣлый большой хоръ. Общее впечатлѣніе такого хора дѣйствительно производитъ непріятное впечатлѣніе. Эти-то концерты не рѣдко распѣвались около Палицъ. Однажды, я помню, какъ лѣсной артистъ захотѣлъ угостить насъ своимъ пѣніемъ у самыхъ нашихъ оконъ. Вдоль уличной продольной стѣны нашей избы стояла полѣнница дровъ, уже болѣе нежели до половины разобранная. Волкъ, пришедши ночью въ село, чтобы поживиться собакою или поросенкомъ, котораго нерадивая хозяйка не загнала на дворъ, но ничего не нашедши, взлѣзъ на эту полѣнницу и, вѣроятно, съ горя вздумалъ утѣшить себя хоть своими пѣснями, и вдругъ неожиданно для насъ раздался его концертъ близъ самыхъ нашихъ оконъ. Батюшки моего не было дома, въ избѣ сидѣли при огнѣ только женщины и дѣти. Помню какъ всѣ перепугались, большая часть бросилась на печь, на полаты, томи какъ будто волкъ лѣзъ уже въ окно; я, сидѣвши до того времени на лавкѣ, тоже вскочилъ и бросился бѣжать по ней къ переднему углу—къ образамъ, и тутъ пріютился. Нечего и говорить о крикѣ которымъ всѣ мы сочли нужнымъ защитить себя отъ нападенія своего непріятеля, хотя онъ даже и не думалъ лѣзть къ намъ. Артистъ вскорѣ замолкъ, и мы мало-по-малу оправившись отъ страха

Филинъ самъ по себѣ, собственно для человѣка, нисколько не опасенъ, но его визитовъ въ Палицахъ суевѣрные жители боялись чуть не болѣе нежели волчьихъ. Филинъ вмѣстѣ съ совою и летучею мышью принадлежитъ къ ночнымъ птицамъ. Это сами въ глазахъ суевѣрныхъ людей даетъ уже дурное понятіе о нихъ. Вѣдь день и свѣтъ называются божьими, а ночь и тьма, разумѣется, въ распоряженіи нечистой силы, которая и сама болѣею частію любитъ проказничать въ ночное время, особенно въ полночи. Отсюда уже логически вытекаетъ, что всѣ вообще ноч-

ими птицы—не божіи твари, а дьявольское произведение. Потому у филина и совы передняя часть головы представляет нѣчто похожее на человѣческое лицо,—ясно, значить, что эта обезображенная фигура человѣка принадлежитъ если не самому чорту, то во крайней мѣрѣ любимымъ его животнымъ, въ который въ погрѣбныхъ случаяхъ и самъ онъ преобразуется. Когда я уже былъ въ академіи, а батюшка мой жилъ въ Тумѣ, то въ отсутствіе его случилось въ дому происшествіе, которое всѣхъ перепугало. Сова какъ-то залетѣла въ сѣни и изъ нихъ не могла выбраться. Кто-то, вышедши въ сѣни, увидалъ ея блестящіе глаза и возвѣстивъ объ этомъ въ избѣ. Отправилась цѣлая экспедиція для изслѣдованія; тутъ, при видѣ птицы съ мордою, похожею на человѣческое лицо, пришли всѣ въ удивленіе, а нѣкоторые и въ ужасъ, но у кого-то достало смѣлости схватить сову и внести въ избу; къ счастью, стояла въ избѣ довольно большая кѣтка, въ которую тотчасъ и засадили плѣнницу. Всѣ окружили ее и принялись за рѣшеніе вопроса: что это за существо? Батюшки и матушки не было въ то время дома; коммендатомъ, такъ сказать, оставалась бабушка Февла Акимовна, за нѣсколько уже лѣтъ линившаяся рѣзня; изъ предстоящихъ врачихъ людей нѣтъ никогда не видывалъ совы. Естественно, что всѣ обратились къ бабушкѣ за рѣшеніемъ предложеннаго вопроса, и описали фигуру птицы еще страшнѣе, нежели какъ она казалась. Старушка, плохо знавшая съ естественною исторіею, но считавшая себя знатокомъ въ зоологіи, порѣшила, что это, должно быть—чертенокъ, съ тѣмъ согласились и прочіе. Бабушка тотчасъ же приказала поскорѣе крестомъ кѣтку со всѣхъ сторонъ, потому что, по общему повѣрью, чортъ ужъ никакъ не рѣшится выйти въ ту сторону, которая оскрѣнена крестомъ. Разумѣется, принялись крестить кѣтку и когда убѣдились, что уже не осталось ни одного мѣстечка, куда бы можно было высвочить вѣистой силѣ, то оставили кѣтку до утра, чтобы пойманнаго чорта представить куда слѣдуетъ. Но поутру какой-то добрый человѣкъ разъяснилъ, что нимый чортъ есть настоящая сова.

Филинъ же былъ страннѣе деревенскимъ жителямъ не однимъ своимъ видомъ, но и голосомъ. Дѣйствительно, дикий, затывный, отзывающійся тѣмъ-то человѣческимъ, крикъ его мо-

жеть испугать суевѣрнаго человѣка. Къ тому же, филинъ любитъ давать свои концерты ночью, и иногда для этого прилетаетъ на сельскія колокольни. Можете судить, какой переполохъ бываетъ въ селѣ, когда вдругъ въ глухую ночь раздастся дикій и страшный крикъ филина съ колокольни. Суевѣрные люди не только остаются въ ужасѣ во время концерта, но и послѣ долго продолжаютъ быть въ мучительномъ ожиданіи какой либо бѣды. Потому что, по деревенской логикѣ, крикъ филина, особенно съ колокольни, предвѣщаетъ пожаръ или другое какое либо несчастье, и еслибы случилось что нибудь въ родѣ этого, хотя бы чрезъ нѣсколько недѣль, мѣсяцевъ и даже годъ,—филинъ считался виновникомъ и вмѣстѣ пророкомъ несчастья. Въ Палицахъ крикъ филина слышимъ часто повторялся; однажды даже одинъ филинъ рѣшился было избрать колокольню своею постоянною квартирой. Батюшка мой старался убѣдить жителей, что отъ крика филина такъ же мало можно ожидать бѣды, какъ и отъ крика всякаго животнаго, но жители оставались при своемъ убѣжденіи; даже въ домѣ отца моего едва-ли не всѣ, кромѣ его самого, считали филина если не чортомъ, то существомъ очень близкимъ къ нему, и потому, услышавъ крикъ его съ колокольни, приходили въ ужасъ; и я тоже, смотря на испуганные лица всѣхъ, прижимался гдѣ либо въ уголку и сидѣлъ въ ожиданіи грозной бѣды. Въ лѣсахъ же ночной крикъ филина былъ еще страшнѣе, потому что усиливался и повторялся эхомъ. Это точно было такъ, какъ будто кто-то захохочетъ, а другой ему съ какой либо стороны чрезъ нѣсколько секундъ отвѣтитъ такимъ же хохотомъ. Очевидное дѣло, что подобнымъ образомъ могли переключаться въ лѣсу только лѣшіе. Вотъ почему, по общему почти мнѣнію, палищенскіе лѣса были биткомъ набиты лѣшыми.

Медвѣдь, или, какъ его называютъ, Мишка, Михаилъ Ивановичъ, какъ особа, наклонная въ уединенной, отшельнической жизни, не любитъ, кромѣ нужныхъ случаевъ, показываться на глаза людямъ. Но около Палицъ встрѣчи съ нимъ бывали нерѣдки, происходили печальныя, а иногда и смѣшныя сцены. Однажды въ воскресный день, помѣщикъ деревни Голваревой, по окончаніи обѣдни, закусивши и выпивши у моего батюшки, от-

правился домой, но въ одномъ мѣстѣ, для сокращенія дороги, велѣлъ кучеру ѣхать прямо въ деревню, а самъ пошелъ по кладинамъ, набросаннымъ по болоту. Въ болотѣ росли кое-гдѣ кучки деревьевъ, помѣщикъ шелъ позадумавшись и, вышедши изъ-за деревьевъ на открытое болото, чуть не носомъ къ носу, какъ ошваривали, встрѣтился съ медвѣдемъ. Мишка, на другой сторонѣ болота поймавъ и зарѣзавъ лошадь, нашелъ нужнымъ перетащить ее чрезъ него, вѣроятно, для своего семейства. Но бѣдняга былъ въ большихъ хлопотахъ. Кладины были не широкія; одинъ Мишка могъ еще чрезъ нихъ пробираться, но трупъ лошади часто сваливался въ болото, и вмѣстѣ съ собою увлекалъ Мишку, которому не хотѣлось выпустить его изъ своихъ зубовъ. Онъ кое-какъ выбирался самъ на кладины, затѣмъ вытаскивалъ лошадь и съ нею отправлялся далѣе; лошадь снова попадала въ болото, для Миши начинались новыя хлопоты. Помѣщикъ встрѣтился съ нимъ ужъ послѣ того, какъ Мишка нѣсколько разъ юзавалъ въ болотѣ и былъ ужъ очень раздраженъ. Увидавъ помѣщика, онъ выразилъ свое негодованіе ревомъ и даже обнаружилъ враждебныя намѣренія, вѣроятно, надѣясь, что человѣкъ итѣ скорѣе и безъ большихъ хлопотъ донесетъ до своей берлоги, нежели лошадь. Помѣщикъ рѣшился отступить; Мишка двинулся было за нимъ, но помѣщикъ быстро побѣжалъ, а Мишка, преслѣдуя его, срывался съ кладинъ, и потому счелъ за лучшее заняться лошадью. Помѣщикъ же другою дорогою возвратился въ свою деревню.

Но не всѣмъ проходила такъ безопасно встрѣча съ медвѣдемъ, какъ этому барину, случалось, хоть рѣдко, что Мишка расправлялся съ царемъ земнымъ по-своему. Не знаю почему, но въ народѣ, какъ я слыхалъ въ дѣтствѣ, было убѣжденіе, что Мишка, поймавъ человѣка, обыкновенно подминаетъ подъ себя его головою къ задѣ, затѣмъ заворачиваетъ одежду, почти такъ же какъ дѣлають, когда нужно высѣчь мальчику, и потомъ будто бы, преимущественно, по крайней мѣрѣ—сначала, начинаетъ купать тѣ мягкія части нашего тѣла, по которымъ падаютъ удары розогъ. Помню даже, что одинъ мужикъ былъ отбитъ у медвѣды послѣ того, какъ послѣдній скушалъ одно бедро. Раны какъ-то залечили, и мужикъ остался живъ, но уже сидѣлъ всегда накло-

нася на одну сторону, потому что сѣдалищныя его части были неравны и не могли его поддерживать въ прямомъ, вертикальномъ положеніи.

Другое повѣрье состояло въ томъ, что Миша не любилъ уштреблять для своего стола женщинъ, особенно молодыхъ, а, поймавши ихъ, уводилъ въ свою берлогу и начиналъ съ своею плѣнницею вести семейную жизнь. Отправляясь на охоту, онъ такъ заваливалъ свою берлогу, чтобы плѣнница не могла убѣжать, и возвратившись, приносилъ ей обѣдъ или ужинъ. Говаривали, бывало, при томъ съ полнымъ убѣжденіемъ, что даже рождались дѣти отъ такого гражданскаго брака, и что супруга иногда оставалась очень довольна ласками своего мохнатого мужа и не хотѣла съ нимъ разставаться; даже возвратившись въ прежнюю деревню и семью, скучала по лѣсной жизни. Подобнымъ рассказамъ вѣрили не только мужики, но и большая часть духовныхъ.

Надобно, впрочемъ, правду сказать, что женщинамъ и дѣтямъ едва-ли не чаще, нежели мужчинамъ, приходилось около Палищъ встрѣчаться съ медвѣдями. Причиною этого была малина. Извѣстно, что Миша изъ произведеній растительнаго царства очень любитъ малину; онъ не только съ аппетитомъ ее кушаетъ, но нерѣдко и поселяется въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ она изобильна. Она особенно любитъ расти въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ много валежника, т. е. срубленныхъ или сложенныхъ и вырванныхъ съ корнями деревьевъ, которые почему-то въ такихъ случаяхъ назывались въ Палищахъ колодами. Подъ такими-то сосновыми или еловыми колодами, пока еще сучья ихъ покрыты иглами, медвѣдь устраиваетъ иногда свои постоянныя или временныя квартиры. Поэтому женщины и дѣти, которыя преимущественно ходятъ за малиною, нерѣдко видали медвѣдя. Иногда онъ сидитъ на колодѣ, подбираетъ лапами сосѣдніе кусты малины и обѣдаетъ ягоды, иногда то же самое дѣлаетъ, ходя по землѣ; въ такихъ занятіяхъ онъ мало обращаетъ вниманія на окружающіе предметы, и люди, увидавши его, легко спасались, не будучи замѣченными, а если и бывали замѣчены, то Михаилъ Ивановичъ, занятый удовлетвореніемъ аппетита вкусными ягодами, развѣ только ворчаньемъ выражалъ свое неудовольствіе на двуногихъ животныхъ, не во-время къ нему приблизившихся. Совсѣмъ

другое дѣло происходило, когда Миша заберется ужъ подъ какое либо лежащее на землѣ дерево для отдыха. Ягодники и ягодницы смѣло ходятъ по дереву, не подозрѣвая, что тутъ вздумалъ поупокониться отъ своихъ занятій Миша, кричать, смѣются и тѣмъ нарушаютъ его покой. Можно судить объ ихъ ужасѣ, когда онъ, выведенный изъ терпѣнія, или зарычить подъ деревомъ, иногда чуть не подъ ногами ягодо-собирателя, а иногда даже и выйдетъ наружу, чтобы наказать дерзкаго нарушителя его покоя. Тутъ не обходилось безъ бѣды. Съ другой стороны, смѣльчаки, особенно изъ мужчинъ, одерживали блистательныя побѣды надъ медвѣдемъ безъ всякаго оружія, пользуясь только его пугливостью. Помню хорошо, какъ въ домѣ отца моего, крестьяне, пришедшіе въ воскресный день къ обѣднѣ, рассказывали объ одномъ изъ такихъ событій. Мужикъ собиралъ бруснику и набралъ уже почти цѣлый кузовъ, болѣе нежели въ полмѣры вмѣстимости. Пересбираясь потихоньку отъ одной кочки до другой, онъ и не замѣтилъ какъ очутился близъ самыхъ заднихъ ногъ медвѣдя, погруженнаго въ размышленія. Мужикъ понялъ, что если онъ станетъ отступать, то трескъ отъ переламывающихся подъ ногами сучьевъ выведетъ медвѣдя изъ задумчивости, рѣшился иначе выпутаться изъ бѣды. Взявши кузовъ за привязанную къ нему подпѣлку, онъ быстро ударилъ Мишу по крестцу. Ударъ, разумѣется, былъ ничтоженъ, но неожиданность его, равно какъ посыпавшіяся изъ кузова ягоды, перепугали Мишу. Онъ бросился бѣжать безъ оглядки далѣе; вмѣстѣ съ тѣмъ открылось у него, какъ это бываетъ съ нимъ отъ сильнаго испуга, нѣчто въ родѣ холеры, и онъ послѣ былъ найденъ свончавшимся.

Но самымъ грознымъ врагомъ медвѣдей въ Палищенскомъ приходѣ былъ крестьянинъ деревни Голваревой Трофимъ или, какъ его обыкновенно звали, Трушка. Это былъ здоровый, смѣлый и хладнокровный охотникъ на медвѣдей, своего рода Жераръ. Ему удалось достать отъ какого-то солдата отличное ружье, изъ котораго выстрѣленная дробь на разстояніи 50-ти шаговъ пробила лопату, притомъ нисколько не разлетаясь, а долетая до лопаты въ кучѣ. Съ этимъ-то ружьемъ и съ небольшою собачонкою, приученною къ медвѣжьей охотѣ, онъ одинъ отправлялся къ медвѣжьей берлогѣ, вызывалъ оттуда жильца, подпускалъ его къ

себѣ на близкое разстояніе и ожидалъ, когда медвѣдь становился на заднія ноги; тогда вѣрное ружье посылало пулю въ сердце и медвѣдь падалъ мертвый въ нѣсколькихъ шагахъ отъ охотника. Если же какой либо хитрецъ-медвѣдь не становился на заднія лапы, а шелъ на четверенькахъ, то Трушка цѣлился въ глазъ, и рука съ ружьемъ ему не измѣняла. Однажды какой-то крестьянинъ сказалъ ему о томъ, что имъ найдена медвѣжья берлога. Трофимъ взялъ его съ собою для указанія берлоги, но мужикъ растерялся или ошибся въ своихъ примѣтахъ. Охотникъ и онъ долго ходили по лѣсу и, влѣзши на лежавшее огромное дерево, пошли по немъ—Трофимъ впереди. Между тѣмъ, медвѣдь, зимовавшій подъ этою именно володою, услышалъ ихъ крикъ и рѣшился выйти изъ берлоги. Крестьянинъ, обернувшись назадъ, съ ужасомъ замѣтивъ, что медвѣдь вылѣзалъ изъ своего жилища, началъ въ испугѣ кричать: „ой, дядя Трофимъ, вѣдь лѣзетъ“. Трофимъ не понялъ сначала смысла этихъ словъ, продолжалъ медленно идти по колодѣ, поглядывая по сторонамъ. Но медвѣдь, наконецъ, вылѣзъ изъ берлоги и взобрался на дерево. Мужикъ уже страшнымъ голосомъ закричалъ: „ой, дядя Трофимъ, вѣдь ужъ вылѣзъ“, да и дерево отъ новой тяжести заколебалось. Трофимъ обернулся и въ первый разъ въ жизни немножко было струсилъ. „Ну, батюшка,—говорилъ онъ моему отцу,—медвѣдь шелъ прямо на меня, товарищъ мой съ колоды прыгнулъ и дай Богъ ноги; ружье мое было еще на перевязи“. Но храбрецъ скоро оправился и, собравшись съ духомъ, крикнулъ грознымъ голосомъ: стой, Мишка! Мишка, дѣйствительно, почему-то остановился на минуту. Трофимъ воспользовался этимъ и успѣлъ всадить ему пулю въ глазъ. Этотъ-то голваревскій Жераръ убилъ до 50-ти медвѣдей въ теченіе своей жизни и—удивительное дѣло—умеръ на своей постелѣ.

Кстати ужъ сказать, что Трофимъ происходилъ отъ поколѣнія, котораго члены отличались долголѣтіемъ и почти медвѣжьею силой. Съ нимъ вмѣстѣ жилъ старикъ—отецъ его дяди. Мой батюшка зналъ его съ 1809 по 1817 г. и любилъ съ нимъ разговаривать. На вопросъ о своихъ лѣтахъ, старикъ обыкновенно отвѣчалъ: „право, не знаю, батюшка, что-то больно много. Вотъ, напримѣръ, я помню стрѣleckіе бунты, помню, какъ царь Петръ

Алексѣвичъ засадилъ свою сестру Софью Алексѣвну въ монастырь“, и пр. Оригинальны бывали отвѣты старика на предлагаемые ему вопросы о событіяхъ, происходившихъ во время его жизни. „А что,—спрашивалъ мой отецъ,—давно-ли было такое-то происшествіе?“—„О, это, батюшка, было недавно, ужъ при матушкѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ“, т. е. Екатеринѣ II-й. Такъ онъ отвѣчалъ даже о событіяхъ, случившихся въ началѣ ея царствованія, значить—лѣтъ за 50 и болѣе. Когда же касалось событій царствованія императрицы Елисаветы, то старикъ говаривалъ: „да, это ужъ было давненько-таки,—при матушкѣ Елисаветѣ Петровнѣ“. Памятью владѣлъ онъ необыкновенною, рассказывалъ о событіяхъ вѣрно и мѣтко; уважалъ Петра I-го, но особенно любилъ Софью Алексѣвну. Онъ еще жилъ нѣсколько лѣтъ послѣ выхода моего отца изъ Палицъ; можно было полагать, что онъ скончался, имѣя до 150-ти лѣтъ. Не смотря на такую глубокую старость, у него остались цѣлыми всѣ зубы во рту, только глаза измѣнили лѣтъ за 10—15 до смерти. Замѣчательно, что этотъ старикъ съ молодыхъ лѣтъ не отличался воздержаніемъ, и на вопросы моего отца по этой части, говаривалъ: „Что скрывать, батюшка, грѣшный человѣкъ, любилъ я пошалить и попить“. За то старикъ отличался необыкновенною силою. „Ну, чтѣ, батюшка?—говаривалъ онъ моему отцу,—чтѣ нынѣ за народъ?—слабъ стать. Вотъ про моего Трушку (охотника на медвѣдей) говорятъ, что онъ силачь, силачь—и Богъ знаетъ какой! Ну, какой онъ силачь? Дрянъ. Вотъ я, батюшка, въ молодости крѣпонецъ былъ. Скажу тебѣ, какъ мы доски выдѣлывали. Тогда не было еще нынѣшнихъ пилыщиковъ, а, бывало, срубишь дерево, расколишь на двѣ половины и каждую съ двухъ сторонъ отешепъ топоромъ, вотъ и выйдетъ доска. Такъ, батюшка, я дерево расколю, бывало, пополамъ на мѣстѣ, гдѣ оно упадетъ, ну, а потомъ каждую половинку, не отесывая, сначала вытащипъ подъ мышкой на дорогу и тутъ уже отешепъ въ доску; вотъ на это, батюшка, была нужна сила; ну, а нынѣ что за народъ!“

Если лѣса, окружавшіе Палицы, были не безопасны для людей волками и медвѣдями, то они въ лѣтнее, по крайней мѣрѣ, время были привлекательны произведеніями растительнаго царства. Деревья въ полѣ, разумѣется, не давали вкусныхъ, годныхъ для

его рубили. Въ этомъ случаѣ жители и даже духовныя особы похожи были на дикарей, которые рубятъ дерево для того, чтобы сорвать съ него плоды его. Не удивительно, что и теперь уже не только въ строевомъ лѣсѣ, но и въ дровахъ ощущается недостатокъ тамъ, гдѣ я еще помню почти непроходимые, чуть не первобытные лѣса.

Димитрій Ростиславовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЗАПИСКИ Д. И. РОСТИСЛАВОВА.

ПРОФЕССОРА СПБ. ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ.

† 18-го февраля 1877 г.

ГЛАВА III-я ¹⁾.

О домашней жизни деревенскихъ жителей, особенно же духовныхъ лицъ.

Не только во время моего дѣтства, но и вскорѣ послѣ него, духовныя лица самою болѣею частію жили почти такъ же, какъ и крестьяне. Опишу эту жизнь, впрочемъ, не во всѣхъ отношеніяхъ.

Изба и у крестьянъ и у духовныхъ состояла изъ четырехъ-стѣннаго зданія и раздѣлялась на двѣ части. Одна, занимавшая болѣе половины, иногда почти двѣ трети зданія, была въ одно и то же время прихожею, залю, гостиною, спальнею, дѣтскою, столовою и пр. Въ остальной части помѣщалась огромная русская печь, которая начиналась отъ задней стѣны, близъ самой двери въ первую комнату; затѣмъ, отъ печи тянулась досчатая перегородка до передней стѣны; отдѣленное такимъ образомъ пространство, извѣстное подъ именемъ чулана, было кухнею. Надъ тою частью печи, въ которой горѣли дрова, выстилалась площадка, отстоявшая отъ потолка аршина на полтора; ее называли тоже печью или печкою; послѣднее слово я вездѣ буду употреблять для обозначенія ея. На сторонѣ, обращенной къ первой комнатѣ, въ печи, немного пониже печки, оставались пустыя мѣста, называвшіяся печурками, и затѣмъ, 10—14 вершками ниже печки, лежанка, тоже кирпичная площадка, но уже гораздо менѣе печки.

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1880 г., т. XXVII, стр. 1—38.

Впрочемъ, въ деревняхъ у крестьянъ лежанку рѣдко можно было встрѣчать, ее замѣняла казенка—деревянная площадка. Въ первой, большой комнатѣ, начиная отъ двери почти до половины ея, устраивались палаты на половину, или, много, на три четверти аршина отъ потолка; на палаты взлѣзали съ лежанки или казенки.

Противъ избы, черезъ сѣни, въ которыхъ находился одинъ или два чулана, устраивалась почти вездѣ горница, раздѣлявшаяся, подобно избѣ, на двѣ части; въ первой—преимущественно помѣщались съѣстные припасы, иногда и сундуки, а вторая состояла изъ двухъ чулановъ, служившихъ кладовыми для цѣнныхъ вещей; тутъ хранилось не только платье, но и деньги. Горница была почти всегда холодною, и потому въ ней спали преимущественно хозяинъ и хозяйка только лѣтомъ, для чего придѣлывалась къ стѣнѣ, у двери, неподвижная кровать. А затѣмъ зимою вся семья, состояла-ли она изъ пяти, десяти и даже болѣе человѣкъ, проводила и день и ночь въ избѣ. Для хозяина и хозяйки устраивалась постель на кутѣ, т. е. лавка изъ нѣсколькихъ досокъ, придѣланныхъ къ задней стѣнѣ избы; между куткомъ и печью обыкновенно все пространство занималось вхожею дверью. Прочіе члены семейства спали ночью—старики и старухи на печкѣ, на лежанкѣ, на казенкѣ,—другіе кто на палатахъ, кто на лавкахъ, на скамьяхъ, а въ случаѣ многолюдства—на полу. Можно судить, что за воздухъ былъ въ такой избѣ, но къ порчѣ его способствовало множество другихъ обстоятельствъ.

Во время моего дѣтства, у многихъ лицъ духовенства, печи устраивались съ дымовыми трубами—избы съ такими печами назывались бѣлыми; но у крестьянъ, равно какъ и у нѣкоторыхъ духовныхъ лицъ, избы были черныя, въ которыхъ печь не имѣла трубы; поэтому во время ея топки вхожая дверь открывалась зимою и лѣтомъ настежь, и кромѣ того открывалось вверху избы, близко къ потолку, окно. Не смотря на то, во время топки болѣе половины комнаты наполнялось дымомъ; нечего и говорить о томъ, что въ зимнее время былъ въ такомъ случаѣ почти такой-же холодъ, какъ и на открытомъ воздухѣ; даже крестьяне не только одѣвались въ шубы и тулупы, но надѣвали и шапки. По окончаніи истопеля, т. е. времени, въ теченіе котораго дрова, положенныя въ печь, обратятся въ угли, затворяли въ черныхъ избахъ сначала дверь, а потомъ и окно вверху около потолка.

Изъ желанія поскорѣе согрѣться и изъ экономіи относительно дровъ, то и другое дѣлалось прежде, нежели угли покрывались пепломъ, отчего зеленоватый чадъ даже видимымъ образомъ наполнялъ до половины комнаты, ѣлъ, какъ выражались, глаза, т. е. производилъ въ нихъ не только зудъ, но и боль и, кромѣ того, разумѣется, угаръ. Изъ тѣхъ, которые не могли выходить изъ избы въ это время, рѣдкій не уторалъ, а глаза даже ранѣе старости болѣею частію притуплялись, гноились и отказывались служить. Наконецъ, проходилъ и чадъ, но запахъ отъ горшковъ и чугуновъ, стоявшихъ въ печи, съ пищею, долго еще наполнялъ избу.

Независимо отъ этого, разные благовонія, или, прямѣе сказать, зловонія поддерживались въ избѣ отъ другихъ причинъ. Въ зимнее время домашнія животныя производятъ на свѣтъ свое потомство, или, какъ говорятъ, корова телится, овца ягнится, гуси и куры начинаютъ нести яйца, а первые къ концу холоднаго времени иногда и выводятъ цыплятъ. Хлѣбъ въ то время, болѣею частію холодные, даже поставленные на мху, могли убійственно дѣйствовать на новорожденныхъ животныхъ: о скотныхъ избахъ и понятія даже не имѣли въ деревняхъ. И вотъ, теперь, въ той же избѣ, гдѣ живетъ 5—15 человѣкъ людей, помѣщаютъ свинью съ поросятами, овцу съ ягненокъ, теленка, стелютъ солому, на которой бы они могли лежать, ставятъ лукошки, или котелки для гусынь и куръ. Конечно, не всѣ эти жильцы жили въ избѣ въ одно время, но въ теченіе зимы немного насчитывалось дней, когда бы въ ней кто либо не хрюкалъ, не блеялъ, не мычалъ, не гагакалъ, не кудахталъ, а иногда чуть не всѣ эти артисты могли давать общій концертъ. Затѣмъ, особенно во время истопеля, вводились недавно отелившіяся коровы, чтобы покушать приготовленное имъ мѣсиво, т. е. мякину или колосья, пересыпанныя ржаной мукой и облитыя теплою водою, и чтобы покормить своимъ молокомъ новорожденного теленка. Свиньи и овцы долго не позволяли жить въ избѣ, но поросята и ягнята оставались на недѣлю и на двѣ въ ней, а къ нимъ по нѣсколько разъ въ день выпускались ихъ матери. Иногда овцы, найдя отворенныя въ сѣняхъ и избѣ двери, дѣлали цѣлымъ своимъ міромъ и обществомъ партизанскій набѣгъ; конечно, ихъ скоро выгоняли, но частенько онѣ успѣвали оставить не очень благовонные слѣды своего визита. Собаки же, особенно у крестьянъ,

даже имѣли привиллегію днемъ лежать часочекъ—другой подъ лавкою въ избѣ. И вотъ, въ воздуху, который портился отъ 5—15-ти человѣкъ, въ дыму и чаду отъ печи, прибавлялось еще зловоніе отъ изверженій всѣхъ домашнихъ животныхъ, временно помѣщавшихся съ своими хозяевами. Что-же это былъ за воздухъ? Къ сожалѣнію, ни одинъ химикъ не пытался разложить его.

За то домохозяева принимали какъ будто нарочно мѣры для того, чтобы сохранить этотъ воздухъ въ полной его чистотѣ, или, лучше—нечистотѣ. Объ улучшеніи его искусственными средствами и не думали, да и теперь не слишкомъ заботятся; даже отъ вліянія свѣта старались предохранить его. Я еще очень хорошо помню, что въ деревенскихъ избахъ окна были двухъ сортовъ: красныя и волоковыя; первыя состояли изъ болѣе или менѣе высокихъ и широкыхъ оконныхъ рамъ со стеклами, а вторыя имѣли такую почти только величину, чтобы въ нихъ можно было свободно просунуть большую голову. Последнія закрывались двоякимъ образомъ: или деревянною затворкою изъ довольно толстой доски, или рамкою со стекломъ четверти въ двѣ длины и четверти полторы вышины; затворки задвигались ночью, а днемъ отодвигались въ бокъ по устроеннымъ для этого пазамъ и замѣнялись рамкою. Такимъ образомъ при волоковыхъ окнахъ ночью въ избу никакъ не могъ попасть свѣтъ, но и днемъ, когда даже окно закрывалось стеклянною рамкою, свѣтъ входилъ чрезъ нее въ самый умѣренный количествѣ. Кромѣ того, надобно еще сказать, что въ рамкахъ стекло часто замѣнялось бычачьимъ или коровьимъ пузыремъ, или промасленною толстою бумагой.

Въ ночное время освѣщеніе прибавляло новый элементъ для порчи воздуха. О сальныхъ свѣчахъ тогда слишкомъ мало заботились; у самыхъ богатыхъ крестьянъ онѣ бывали рѣдкостью, и употреблялись въ экстренныхъ случаяхъ. Обыкновенно освѣщеніе происходило при помощи лучины. Для этого запасались толстыми березовыми полѣньями, высушивали ихъ какъ можно лучше и раскалывали, или разщепливали, на очень тонкія, шириною не болѣе дюйма, длинныя полоски, называвшіяся лучиною, лучинкою. Эту-то лучину и употребляли для освѣщенія комнатъ, зажигая одну за другою. Подсвѣчникомъ, такъ сказать,—подлучинникомъ служилъ свѣтецъ, т. е. деревянная подставка аршина два вышины; нижній конецъ его утверждался

въ двухъ перекрещенныхъ между собою деревянныхъ пластинкахъ, а въ верхній конецъ вставлялся желѣзный съ тремя или четырьмя рожками гвоздь. Сюда-то однимъ концомъ вставлялась горящая лучина. Очевидно, что такого рода освѣщеніе производило сильный чадъ и копоть, и безъ того дурной воздухъ дѣлался еще хуже, даже и въ привычномъ человѣкѣ производя угаръ.

Въ селахъ у духовенства, какъ я уже сказалъ, избы были уже болышею частію бѣлыя, но встрѣчались нерѣдко черныя и съ волоковыми окнами.

Имѣя уже 15—16 лѣтъ и возвращаясь изъ Рязани на святки въ Тулу къ празднику Рождества Христова, я, въ селѣ Клипикахъ, ночевалъ у причетника Герасима Семенова. Насъ уложили на полу спать; ночь мы пролежали спокойно, но поутру отъ холоду насъ не спасли ни тулупы, ни одѣяла; дѣло состояло въ томъ, что изба была черною, и когда ее начали топить во время еще нашего сна, дверь отворили. У крестьянъ-же бѣлыя избы или черныя, но съ красными окнами; были настоящей рѣдкостью. Въ тумскомъ приходѣ, кромѣ деревни Спирина, бѣлыя избы были наперечетъ, можетъ быть, дворахъ въ 600—не болѣе двухъ или трехъ десятковъ. Равнымъ образомъ, когда я, имѣя уже 20 лѣтъ, поѣхалъ въ духовную академію, то половина крестьянскихъ избъ были еще съ волоковыми окнами, или имѣли одно красное окно. Русскій человѣкъ издавна не любилъ свѣта; оставаться во тьмѣ ему очень нравилось. Просвѣтился-ли онъ при васъ, г. читатель?

Мой батюшка, будучи еще семинаристомъ, былъ довольно коротко знакомъ съ семействомъ помѣщиковъ братьевъ Ивановыхъ, проживавшихъ въ тумскомъ приходѣ въ деревнѣ Снохинѣ, особенно съ однимъ изъ братьевъ—Алексѣемъ Васильевичемъ. Отъ нихъ онъ позаимствовался пріемами и привычками, чуждыми духовенству, даже познакомился съ распространявшимися по Россіи идеями французскаго либерализма XVIII столѣтія; по крайней мѣрѣ, я не одинъ разъ отъ него слыхалъ, что онъ у Алексѣя Иванова бралъ и читалъ переводы нѣкоторыхъ Вольтеровыхъ сочиненій, напримѣръ, Кандида. Между же семинаристами—современниками моего батюшки—либеральныя идеи, даже атеистическія, хоть изрѣдка бывали въ ходу. Такъ, напримѣръ, онъ рассказывалъ про одного своего товарища, который, во время грозovýchъ тучъ, вышедши

на крыльцо и раскрывши свою грудь, кричалъ вслухъ, смотря на небо: „ну, если ты (т. е. Богъ) дѣйствительно существуешь, то рази меня“. Затѣмъ, какъ я уже выше замѣтилъ, батюшка, рѣшившись было поступить въ медицинскую академію, тѣмъ самымъ показалъ, что онъ не очень былъ доволенъ жизнью духовенства. Сдѣлавшись священникомъ, онъ, по моему мнѣнію, сдѣлался набожнымъ безъ ханжества и фанатизма, и въ дѣтствѣ своемъ, и въ возмужаломъ возрастѣ, и потомъ въ его старости и при смерти я видѣлъ множество доказательствъ его нелицемѣрныхъ, христіанскихъ чувствованій. При всемъ томъ, въ современномъ ему сельскомъ духовенствѣ, съ 1809 года и далѣе, онъ могъ считаться прогрессистомъ, передовымъ человѣкомъ.

Но во внѣшней своей жизни онъ, по господствовавшимъ тогда понятіямъ и сообразно съ финансовыми средствами, принужденъ былъ вести себя почти такъ же, какъ и всѣ другія духовныя лица. Въ Палищахъ онъ, какъ я выше сказалъ, купилъ и занялъ домъ своего предшественника. Въ домѣ была только одна теплая изба, конечно, бѣлая и съ красными окнами, а черезъ сѣни, по введенному порядку—холодная горница. Это продолжалось едва-ли не до шестаго года моего возраста, когда наконецъ горницу сдѣлали теплою и склади въ ней такъ называемую голландскую печь, которая были первою въ селѣ Палищахъ. Но и послѣ того вся семья болѣею частію проводила время въ избѣ; въ горницѣ спали почти одни батюшка и матушка, да принимали почетныхъ гостей. А затѣмъ всѣ днемъ и ночью сидѣли и лежали, обѣдали и ужинали, занимались дѣломъ и бездѣльемъ и пр.—въ избѣ. Даже въ экстренныхъ случаяхъ, когда-бы слѣдовало насъ—маленькихъ дѣтей—выводить изъ избы, оставляли въ ней. Такъ, напримѣръ, моя матушка родила одну изъ своихъ дочерей—Марью или Александру, не припомню—въ избѣ на печи. Я въ это время сидѣлъ на лавкѣ въ переднемъ углу и никакъ не могъ понять, отчего это полилась вдругъ кровь съ печи и потомъ снесли оттуда младенца и пр. И въ нашу избу, по деревенскимъ обычаямъ, вносили, вводили или допускали домашнихъ животныхъ; въ ней не только корова ѣла свое мѣсиво, но проводили по нѣскольку сутокъ поросята съ своею маменькою, агнята, телята, гусыни и пр. Мы, дѣти, особенно любили агнятъ и отчасти поросятъ, съ которыми даже заводили игры; но гусынь мы ужасно боялись, потому что

онѣ во время вывода дѣтей бывають очень злы, а потому намъ, дѣтямъ, приходилось знакомиться съ ихъ ключами.—Далѣе, и у насъ ночью болѣею частію освѣщеніе происходило при помощи лучины; только въ особыхъ случаяхъ, когда бывали почетные гости или батюшкѣ надобно было что либо писать, зажигалась сальная свѣча. Хорошъ-ли или плохъ былъ воздухъ—я тогда не понималъ; помню только, что иногда открывали трубу и даже отворяли немного и не надолго дверь, чтобы освѣжить его; о форточкѣ не знали даже и по названію. И полъ не могъ отличаться чистотою, тѣмъ болѣе, что въ избу приходили, особенно въ воскресные и праздничные дни, мужики и бабы въ большомъ количествѣ. Но смѣю увѣрить, что, не смотря на всѣ неблагопріятныя обстоятельства, наша изба, по чистотѣ и опрятности, несравненно была лучше всякой крестьянской избы. Бывало, возвратившись не только изъ деревни, но и отъ котораго либо дьяча или дьякона, найдешь свою избу, какъ мы тогда выражались, настоящею горницею. Чтобы поддержать чистоту въ избѣ, или по крайней мѣрѣ чтобы она не была черезчуръ постоянно грязною, мыли полы и лавки (я и забылъ сказать, что въ ней не было никакихъ стульевъ, креселъ и т. п., а вдоль стѣнъ придѣланы были лавки, да еще стояли двѣ или три скамьи,—въ горницу-же, когда ее сдѣлали теплою, куплено было до дюжины стульевъ). Мытье самое усердное происходило предъ святыми, Пасхою и Христовыми праздниками: Троицынымъ днемъ, Ильей пророкомъ (20-го іюля) и Повровомъ (1-го окт.); тутъ-то бывало болѣею частію устилали полъ свѣжею соломой, на которой мы съ наслажденіемъ играли и валялись. Кромѣ того, очень нерѣдко мывали полъ въ субботу.

Прислуга въ домѣ моего батюшки была, разумѣется, немногочисленна, особенно въ началѣ его семейной жизни. Имѣли обыкновенно такъ называемую работницу, простую деревенскую бабу, которая исправляла большую часть черныхъ работъ. Затѣмъ, нанимался какой либо не очень дѣльный и ловкій крестьянинъ, подъ названіемъ работника, для ухода за лошадью, для пашии, сѣновоса, для рубки дровъ и пр. Но, кажется, зимою, во время моего дѣтства, работникъ не всегда бывалъ. Послѣ, когда число дѣтей стало увеличиваться, батюшка вызвалъ изъ города Елатмы двоюродную свою сестру Палагею Никифорову, дочь дѣдушкиной сестры Анны; она-то и была нашею нянькою и гувер-

нанткою. Наконецъ, на пятомъ или на шестомъ году моего возраста батюшка рѣшился имѣть такъ называвшихся купленныхъ людей. Для объясненія такого названія, напомнимъ г. читателю, что въ описываемое мною время крѣпостное право было во всей силѣ. Изъ подражанія помѣщикамъ, духовныя лица, купцы, такъ называемые личные дворяне, а иногда даже мѣщане и наземные крестьяне—тоже желали имѣть крѣпостную прислугу. Но законы не позволяли имъ закрѣплять за собою или, какъ тогда говорили, записывать на свое имя крѣпостныхъ людей; разумѣется, нашли способъ обходить законы. Помѣщикъ продавалъ то или другое лицо изъ его крѣпостныхъ священнику, купцу и пр., но проданный продолжалъ числиться за прежнимъ баринѣмъ по ревизіи; а баринъ давалъ честное слово не присвоивать себѣ его. Бывали, разумѣется, и обманы. Чтобы обезпечить себя отъ нихъ, покупщикъ заключалъ контрактъ, по которому продавецъ, по предоставленной ему закономъ власти, отдавалъ яко-бы въ услуженіе на болѣе или менѣе опредѣленный срокъ крестьянина или крестьянку; контрактъ этотъ возобновлялся, но часто даже не соблюдалось и этой формальности; одинъ продавалъ, другой покупалъ и увозилъ купленный человѣчій товаръ, обходился съ нимъ уже какъ баринъ; случалось, что такой товаръ пропускаясь даже и въ ревизіи.

Подражая этому обычаю, и мой батюшка купилъ у короткаго своего знакомаго—помѣщика Касимовскаго же уѣзда, деревни Ужичевой, Карла Васильевича Кронштейна,—пожилую ужѣ женщину Прасковью и двухъ ея внуговъ, дѣвочекъ 7—10-ти лѣтъ, Татьяну и Наталью. Помню какъ ихъ привезли къ намъ. Я сидѣлъ у стола, въ переднемъ углу; женщина ушла въ чуланъ, а дѣвочки сѣли на кушетку и съ боязливымъ любопытствомъ осматривались. Женщина была глупая, лѣнивая баба, большая сплетница; старшая изъ сестеръ, Татьяна—умная, смѣтливая, услужливая дѣвушка; за то младшая, Наталья, во многомъ походила на свою бабушку. Въ зимніе вечера, сидя за гребнемъ, т. е. занимаясь пряденіемъ нитокъ изъ льна, или за другою работою, она, бывало, постоянно дремлетъ; иногда и днемъ то же самое дѣлала.

Кромѣ купленныхъ, у насъ почти всегда, какъ я уже выше сказалъ, бывалъ работникъ изъ мужичинъ; такимъ образомъ, прислуга почти до самаго моего отъѣзда въ Петербургъ состояла изъ

четырехъ человекъ. Не смотря, впрочемъ, на это, и батюшка и матушка мои, подобно всѣмъ духовнымъ лицамъ, не любили, по пословицѣ, сидѣть сложа руки, особенно въ Палицахъ относительно домашнихъ и полевыхъ занятій и работъ. Какъ хозяйка дома, матушка не только смотрѣла за приготовленіемъ пищи, но, правильнѣе сказать, сама ее приготовляла при помощи прислуги. Ужъ подъ старость, при слабости ея здоровья, она иногда отказывалась отъ этого. Въ Палицахъ же горшки и чугуны ставила въ печь и вынимала оттуда, мыла говядину, чистила рыбу, мѣсила и валяла хлѣбы и пр., и пр., словомъ—исполняла всѣ обязанности страпухи. Даже воду изъ колодезя въ ушатъ носила. Когда я уже былъ профессоромъ, то, бывши однажды въ каникулы у своихъ родителей, я увидѣлъ какъ моя матушка и работница вышли къ колодезю съ ушатомъ за водою: но я не допустилъ ее нести полный ушатъ въ кухню отъ колодезя; подошелъ къ нимъ, поднялъ и отнесъ ушатъ съ помощью работницы; покойница матушка насилу согласилась на это. Она не была свободна и отъ ухода за домашнею скотиною. Видать я много разъ, какъ она и сѣно носила въ хлѣвы, и мѣсиво дѣлала въ избѣ, и коровъ доила, и къ свиньямъ выносила помой. Уже послѣ того, какъ купленные дѣвки повзросли, она рѣдко бралась за эти работы. Столовую посуду даже, хоть изрѣдка, полы въ избѣ и горницѣ сама тоже мывала. Что же касается до такъ называемыхъ женскихъ работъ, то покойница была большая мастерица и даже, какъ мнѣ казалось, охотница. Въ осеннее и зимнее время очень долго сидѣла за гребнемъ и прала, лѣтомъ сама ткала и послѣ бѣлила холстъ, шила бѣлье, словомъ сказать—она сама, прежде нежели стали помогать ей дочери, приготовляла весь холстъ, нужный для бѣлья себѣ, батюшкѣ и дѣтямъ, даже имѣла много холстинъ въ запасѣ. Да, забылъ было сказать, что черное бѣлье сама бучила и мыла, и даже въ зимнее время ѣзжала съ нимъ на рѣчку.

Батюшка мой былъ тоже занятъ по домашнимъ хлопотамъ. Когда было нужно, самъ запрягалъ и распрягалъ лошадь, подмазывалъ колеса въ телегѣ, ѣзжалъ, кажется, хоть изрѣдка, и за дровами; но особенно любилъ самъ лично ѣздить въ лѣсъ срубать строевыя деревья и привозить ихъ домой; это онъ дѣлывалъ, будучи уже благочиннымъ и въ преклонныхъ лѣтахъ. Въ экстрен-

ныхъ случаяхъ онѣ принималъ участіе въ уходѣ за домашними животными. Такъ какъ около Палищъ было множество болотъ, то домашняя скотина, особенно коровы, увязали въ нихъ, отчего вечерами, а иногда и ночью, приходилось ихъ отыскивать и послѣ вытаскивать изъ болотной тины; въ послѣднемъ случаѣ батюшка былъ чуть-ли не первымъ работникомъ. Но особенныя хлопоты доставались на его долю отъ свиней. Въ Палищахъ у него была очень крупная порода этихъ животныхъ. Въ лѣтнее время онѣ, вышедши на свободныя пастбища, не любили возвращаться домой и поселялись въ лѣсу, даже тамъ и поросились. Пробывши на свободѣ долгое время, онѣ почти дичали и даже, при наступленіи холода, не всегда возвращались домой сами собою съ своимъ потомствомъ. Въ такомъ случаѣ обыкновенно отправлялось нѣсколько человекъ къ тому мѣсту, гдѣ свиньи находились, перелавливали какимъ либо образомъ молодое поколѣніе въ кузовъ и потомъ отправлялись въ село. Иногда это обходилось безъ бѣды—свинья и боровъ слѣдовали, хоть и съ безпечностью и съ хрюканьемъ, до двора. Но бывали и опасности. Старыя животныя не позволяли переловить свое потомство; нужно было употребить какую либо хитрость или насиліе, чтобы ихъ на время отвлечь. Батюшка мой въ этихъ случаяхъ, посадивши поросятъ въ кузовъ, отправлялся домой; свинья, замѣтивъ похищеніе, догоняла его и нужно было имѣть толстую палку и вѣшную руку, чтобы отбиваться отъ нее. Однажды такая четвероногая мама такъ разсвирѣпѣла, что не побоялась палки, бросилась на батюшку и укусила его въ лѣвый бокъ; я самъ видѣлъ слѣды этого укушенія. Помню, что батюшка, вбѣжавши послѣ этой экскурсіи на дворъ, бросилъ на землю кузовъ съ поросятами и поспѣшно укрылся въ сѣни, затворивъ дверь ихъ. Свинья, разсвирѣпѣвая, долго ломилась въ дверь; но потомъ занялась своимъ потомствомъ и отправилась въ хлѣвъ. Изъ окна, въ сѣняхъ, я смотрѣлъ на всю эту сцену, которая почему-то меня очень занимала.

Отъ работъ, относящихся къ земледѣлію и огородничеству, духовныя лица того времени и ихъ семейства еще менѣе были свободными, нежели отъ домашнихъ хозяйственныхъ заботъ и хлопотъ. И нынѣ (1870 г.) развѣ рѣдкій изъ сельскихъ священниковъ живетъ, какъ говорится, бариномъ, не занимается ни огородомъ, ни полемъ, или всѣ работы на нихъ возлагаетъ на

работниковъ, а себѣ предоставляетъ только трудъ имѣть надзоръ за ними. Дьяконы и причетники сами и пахутъ, и косятъ, и навозъ вывозятъ, и молотятъ; и пр., и пр., словомъ—въ лѣтнее время они и ихъ семейства ничѣмъ въ этомъ отношеніи не отличаются отъ крестьянъ; сами священники, конечно, не всѣ пахутъ или косятъ, но развѣ рѣдкій не молотитъ, не сгребаетъ сѣно и не занимается другими, не очень трудными и черными работами; изъ женъ ихъ и изъ дѣтей, особенно дѣвицъ, уже есть многія, которыхъ называютъ бѣлоручками, т. е. которыя сельскими работами вовсе не занимаются. Во время же моего дѣтства—и причетникъ, и дьяконъ, и священникъ работали, право, почти такъ же, какъ крестьянинъ, и не позволяли своимъ домашнимъ сидѣть сложа руки. Мои родители были въ такомъ же положеніи. Впрочемъ, сколько помню, батюшка едва-ли когда самъ брался за косу и соху, а матушка рѣденько за серпъ; но отъ всѣхъ прочихъ работъ, не исключая молотьбы и возки навоза со двора на нивы, они не увольняли себя. Покойная моя матушка была большая мастерица стоять на стогахъ и укладывать сѣно такъ, чтобы стоги были прямы, не наклонялись ни на какую сторону; и батюшка, по крайней мѣрѣ въ Палищахъ, почти всегда самъ въ такихъ случаяхъ вилами подавалъ сѣно,—работа весьма трудная.

Такъ какъ мои родители сами много заняты были домашними и полевыми работами, такъ какъ прислуга ихъ, особенно во время первыхъ годовъ моей жизни, была очень недостаточна, то и уходъ за мною и за ближайшими ко мнѣ по рожденію сестрами былъ не очень большой. Покойная моя матушка сама не одинъ разъ мнѣ рассказывала, что, когда я еще не очень твердо былъ на ногахъ, она, уходя въ поле на цѣлый день для работы, меня одного оставляла въ избѣ и затѣмъ запирала какъ ее, такъ и ворота, поручая надзоръ за дѣтьми одной только очень злой дворняжкѣ. Самого меня сажала на полъ, раскрывала сундукъ съ мѣдными деньгами, которыя я любилъ вынимать и класть въ подолъ своей рубахи, а потомъ опять перекладывать въ сундукъ. Затѣмъ, чтобы я не страдалъ отъ голода, около меня ставили пищу, которую я, смотря по аппетиту, и ѣлъ. Покойница матушка прибавляла, что, возвратясь къ вечеру, нерѣдко находила меня уснувшимъ на полу. Когда же насъ, дѣтей, стало побольше числомъ, да и мы сдѣлались повзрослѣе, то съ нами ужъ кто нибудь оставался дома,

а иногда нѣкоторыхъ изъ насъ бирали въ поле и на луга, гдѣ намъ было раздолье бѣгать и собирать цвѣты. Но и дома оставшись, мы мало покоя давали своимъ ногамъ; а я, въ качествѣ мальчика, вмѣстѣ съ другими своими сверстниками, часто уходилъ въ лѣсъ, чтобы тамъ или ягоды ѣсть, или просто походить и погулять; о волкахъ мы и не думали; замѣчательно, что, не смотря на огромные лѣса, мы, сколько я помню, всегда находили дорогу въ село.

Не очень баловали насъ и относительно одежды. И въ дѣтствѣ не имѣлъ ни одной рубахи изъ ситцу или другой бумажной матеріи,—все мое бѣлье приготовлялось изъ домашнего льнянаго холста, выпряденнаго, сотканнаго, выбѣленнаго моею матушкою. Для подштанниковъ же, или, какъ ихъ называютъ въ деревняхъ, для портеовъ употреблялся особаго рода домашній холстъ, называвшійся тяжовымъ. Это была полосатая матерія, которой одна часть нитокъ была бѣлая, а другая окрашенная въ синій цвѣтъ. Матерія ткалась въ четыре цѣпка, и потому была необыкновенно плотна, толста и, слѣдовательно, крѣпка. Подштанники, синитые изъ нея, съ перваго раза, какъ мы говорили, стояли коломъ и даже казались жесткими для нашего, вовсе неизнѣженнаго тѣла. Тяжовые подштанники были въ употребленіи не во всей Рязанской губерніи, и составляли отличительную принадлежность жителей той части ея, которая называлась Мещорою. Въ такомъ-то бѣльѣ, мы, мальчики, лѣтомъ разгуливали свободно; фуражекъ мы не носили, обувь надѣвали въ экстренныхъ случаяхъ, напримѣръ, отправляясь въ праздники въ обѣднѣ въ церковь; во все же прочее теплое или, лучше—не холодное время и я ходилъ босоногимъ, на-легкѣ; по-истинѣ сказать, мы и не любили сапоговъ: они намъ препятствовали свободно и быстро бѣгать. Правда, не только ходя по лѣсамъ, но и бѣгая по улицѣ, мы накалывали себѣ ноги; опасаясь, что намъ съ больною ногою не позволить разгуливать, мы почти всегда молчали объ уколахъ, разрывахъ и другихъ поврежденіяхъ въ ногахъ, пока уже нельзя было не замѣтить, что мы хромлемъ. Кромѣ того, была у насъ на икрахъ ногъ одна болѣзнь, называвшаяся цыпками. Она происходила отъ того, что кожа на икрахъ—отъ грязи, отъ жара, отъ тренія подштанниковъ—трескалась и производила чрезвычайно неприятный зудъ, а иногда и боль. Кожа на нитѣмъ не покрытой

шеѣ дѣлалась тоже черною, загорѣлою; а нерѣдко на ней появлялись линиан, кѣчто въ родѣ накомешаго воспаленія. И въ зимнее время сапогамъ у меня и башмакамъ у сестеръ немного было работы; въ избѣ мы почти всегда сидѣли босикомъ; на улицу насъ выпускали не часто. Кромѣ того, не скрываю, что я носилъ въ Палищахъ и лапти, даже предпочиталъ ихъ сапогамъ. И потому въ началѣ весны, едва, бывало, очистится достаточное мѣстечко отъ снѣга на улицѣ и насъ выпустятъ изъ дома, какъ мы, мальчики, уже принимались и сидѣть и играть разутыми; находили даже удовольствіе въ томъ, чтобы ходить босыми ногами по оставшемуся снѣгу: простуды не знали, по крайней мѣрѣ не боялись. Однажды въ Пасху, когда отцы наши ходили по приходу съ иконами, а матери сидѣли дома, мы цѣлою компаніей, въ которой никого не было старѣе 8—9-ти лѣтъ, отправились въ лѣсъ, залитый на небольшую глубину водою, подъ которою лежалъ еще слой нерастаявшаго льда. Мы, снявши съ себя подбитанники и поднявши рубашонки, чтобы не мочить ихъ, ходили въ этой водѣ по льду босыми ногами. Конечно, ногамъ нашимъ не было тепло, но ходить въ водѣ, по лѣсу, чуть не по поясъ—да это такое наслажденіе, отъ котораго мы ни за что не хотѣли отказаться.

ГЛАВА IV-я.

(Глѣсныхъ наказанійхъ, которымъ при домашнемъ очагѣ подвергали дѣтей, преимущественно духовнаго званія.)

Въ описываемое мною время, въ деревняхъ, даже и въ городахъ Русскаго царства, не были извѣстны тѣ гуманныя идеи, на основаніи которыхъ нынѣ находятъ нужнымъ обращаться съ дѣтьми, отучать ихъ отъ шалостей при помощи кроткихъ мѣръ. Люди и тогда едва-ли были менѣе человеколюбивы, нежели нынѣ, но они думали, что для ребенка полезна не только строгость, но даже суровость. За битого двухъ небитыхъ даютъ, или одною ласкою ничего изъ дѣтей не сдѣлаешь, и другія подобныя этимъ поговорки считались тогда аксіомами. Тенерь понятія быстро измѣняются относительно обращенія съ дѣтьми не только въ школахъ, но и при домашнемъ очагѣ; лѣтъ чрезъ

пятьдесятъ, даже ранѣе того, можетъ быть, и по преданію не будутъ знать о господствовавшей системѣ воспитанія въ первой половинѣ XIX столѣтія въ Россіи, особенно въ низшихъ классахъ и въ духовенствѣ. Вотъ почему я и хочу поподробнѣе поговорить объ употреблявшихся тогда исправительныхъ мѣрахъ и дома, и въ школахъ, надъ дѣтьми и взрослыми. Описаніе ихъ, конечно, не очень пріятно, не доставитъ и читателю удовольствія, даже иногда будетъ отвратительно и не совсѣмъ пристойно. Но надѣбно же, какъ я уже сказалъ въ предисловіи, знать потомству то, что съ нами дѣлалось. Теперь пока скажу о домашнемъ воспитаніи, а потомъ, въ другихъ мѣстахъ, о школахъ и объ исправительныхъ и карательныхъ законахъ.

Дѣтей рѣдко отучали отъ шалостей выговорами, наставленіями и т. п. Если ограничивались словами, то не очень любили отличатся деликатностью въ выборѣ ихъ: дуракъ, скотина, шельма, мерзавецъ, негодный, скверный и т. п. любезности приходилось слушать о себѣ не только взрослымъ, но и малымъ дѣтямъ. Ставить въ уголъ, или на колѣни, надѣвать дурацкія шапки и пр. тоже не любили; болѣею частью подвергали дѣтей, и мальчиковъ и дѣвочекъ, тѣлесному наказанію. За неважныя шалости, особенно люди нетерпѣливые, тотчасъ давали волю рукамъ своимъ; щелкушки, щипки, оплеухи, пощечины, подзатыльники, таска за волосы—вотъ самыя скорыя мѣры, не требовавшія никакихъ приготовленій или прибавленій, и наказываемому и наказывающему можно было оставаться на своихъ мѣстахъ; развѣ только, когда находили нужнымъ задать хорошую таску, наказывающій, ухватившись обѣими руками за волосы, особенно густые, вытаскивалъ наказываемаго изъ-за стола или съ лавки на просторъ, на средину комнаты, и—тутъ начиналась потасовка; волосы вырывались клочками, не только голова, но и все туловище передвигалось изъ стороны въ сторону; иногда чуть не по воздуху ноги летали. Но съ малыми дѣтьми такъ поступали очень немногіе. Самая наибольшая часть прибѣгала въ сѣченью.

Для сѣченья употреблялись преимущественно розги въ разныхъ видахъ. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ я жилъ, вѣники, которыми подметали соръ въ избахъ, были двухъ сортовъ; одни нарѣзывались лѣтомъ, когда береза покрывалась листьями, для бани, и были длиною въ аршинъ и менѣе; постѣ бани ихъ приносили въ

избу и употребляли для выметанья половъ. Другіе изготовлялись осенью и даже зимою, когда уже листья спадали съ березы. Эти вѣшники, называвшіеся голиками, назначаясь для зимы, для снѣгу, состояли изъ болѣе толстыхъ и вѣтвистыхъ прутьевъ, и были гораздо длиннѣе нежели банные. Когда нужно было высѣчь мальчика или дѣвочку, изъ этихъ вѣшниковъ вырывали пруть, два и болѣе, смотря по тому, какъ думали наказывать. Иные же считали нужнымъ лучше сходить въ огородъ или въ садъ, и тамъ, сломивши или срѣзавши свѣжія, жидкія вѣтви, употребляли ихъ для сѣченія. Разумѣется, на прутьяхъ, вырванныхъ изъ банныхъ вѣшниковъ, и на срѣзанныхъ вѣтвяхъ тщательно обрывали всѣ листья и даже почки. Другіе отцы, особенно въ духовенствѣ, во избѣжаніе хлопотъ съ вѣшниками, приготовляли сами или покупали ременные плетки съ двумя и тремя хвостами. Плетки обыкновенно висѣли въ избѣ на виду, на какомъ либо крючкѣ или гвоздѣ; равнымъ образомъ, прутья, употребленные въ качествѣ розогъ, но еще годные для той же операціи, втыкались въ щель какаго нибудь бревна стѣны и на виду. И потому иной гость, увидѣвши ихъ, обращался къ дѣтямъ и спрашивалъ: это тебя, или васъ—утощали? Съ другой стороны, и сами дѣти, рассматривая прутья, могли видѣть, какъ они болѣе или менѣе были уже обломаны объ ихъ тѣло.

Дѣти, болѣею частію, дома сиживали въ однѣхъ рубашонкахъ, поэтому и прутьями, особенно изъ голика, и плеткою можно было произвести сильную боль, стегая ими по рубашкѣ; и при этомъ условіи оставались на тѣлѣ, особенно при рубашкѣ изъ тонкаго полотна или изъ ситца, синіе и красные рубцы. Но такъ поступали рѣдко, болѣею частью только въ видѣ угрозы, для устрашенія, чтобы дитя созналось въ какой либо недоказанной еще шалости.

Для родительской заботливости о благѣ своихъ дѣтей не всегда казались удобными описанныя здѣсь методы сѣчь. Иные нѣжные родители замѣняли ихъ методомъ сѣчь въ мѣшкѣ. Въ самомъ дѣлѣ, при всемъ стараніи сѣкущаго о томъ, чтобы лоза падала на обнаженные части тѣла, иногда являлись препятствія этому. Привязывать наказываемаго къ скамейкѣ было некогда, или не хотѣлось, держателей также недоставало, а между тѣмъ наказываемый старается защитить разрисовываемыя лозою части

тѣла то руками, то рубахою, и пр. Наказывающій долженъ былъ останавливаться, отводить руку, поднять рубаху, — хлопотъ много, да и часто повторялись. Чтобы избѣжать ихъ, употребляли методу сѣчь въ мѣшкѣ. Для этого вовсе не нуженъ былъ настоящій мѣшокъ, въ который насыпается зерновой хлѣбъ: мѣшокъ составлялся изъ рубахи. Дѣти, какъ извѣстно, носятъ всегда почти пояса; а если пояса не было, то наказываемаго подпоясывали платкомъ, или чѣмъ либо другимъ; жилетка же, разумѣется, замѣняла поясъ. Тогда поднималась рубаха выше головы, такъ что въ нее скрывались и голова и руки; одни брали подолъ рубахи въ лѣвую руку, а другіе, болѣе предусмотрительные, закидывали его чѣмъ либо; въ обоихъ случаяхъ голова, руки, плечи и верхняя часть спины и груди дѣйствительно скрывались въ чемъ-то похожемъ на мѣшокъ. Тутъ уже былъ полный просторъ для наказывающаго: поворачивайся наказываемый какъ хочешь, но удары всегда попадутъ на обнаженное тѣло, — держи только въ рукѣ подолъ рубахи. Семинаристы еще и тутъ придумали, какъ послѣ я скажу, разныя усовершенствованія. Но и безъ этихъ усовершенствованій, кажется, трудно представить что либо болѣе отвратительное. Все почти тѣло, особенно у дѣвочекъ, нагое, только ни рукъ, ни головы не видно; изъ мѣшка раздается крикъ и плачь, удары слышются часто куда ни попаало и пр., а между тѣмъ дѣйствительно въ мѣшкѣ сѣкли и малыхъ и большихъ дѣтей. Въ первый разъ я услышалъ о мѣшкѣ, обучаясь уже въ Касимовѣ. Однажды, стоя на берегу р. Оки, близъ какихъ-то женицннъ, мывшихъ бѣлье, я вслушивался отъ нечего-дѣлать въ ихъ разговоръ. Тутъ одна бойкая баба сказала: „ну, ужъ вчера досталось отъ меня моей Мануткѣ; я ее такъ славно высѣкла въ мѣшкѣ, что чудо! Да и какъ хорошо сѣчь было; ужъ не вывернется“. Я сначала подумалъ, что дѣйствительно она посадила свою Манутку въ настоящій мѣшокъ; только не могъ понять: какъ же тутъ славно высѣчь, когда дерюга, изъ которой спитъ мѣшокъ, будетъ защищать наказываемаго? Ужъ послѣ разъяснили мнѣ это мои товарищи. Эта варварская метода была въ употребленіи даже въ концѣ 1850-хъ годовъ, какъ я читалъ тогда. Однажды была въ какой-то газетѣ помѣщена корреспонденція изъ какого-то уголка Россіи, гдѣ говорилось, что нѣкоторые помѣщичьи наказываютъ

своихъ дѣтей именно такъ, какъ я сейчасъ описалъ. Потомъ читать еще чей-то разсказъ. Въ немъ, между прочимъ, описана слѣдующая сцена. Няня сидитъ у кровати своей питомицы, дочери какого-то помѣщика; дѣвушка лежитъ раздѣтая уже въ постелѣ и горько съ няней плачетъ, потому что мама ей велѣла именно въ постелѣ ждать ее, а между тѣмъ тутъ же лежать вблизи приготовленная розга. Входитъ мама, и няня, по приказу барыни, заворачиваетъ на барынинѣ рубаху, какъ слѣдуетъ, для мѣника; дочь, совершенно почти обнаженная, ложится ницъ лицомъ въ своей постелѣ, а затѣмъ, разумѣется, посыпались удары розги; не припомню только, сама-ли мама, или горничная сѣкла барыню. Только въ статьѣ прибавлено было, что барыня всегда наказывала своихъ дѣтей такимъ образомъ. Когда-бы кто изъ дѣтей ни сдѣлалъ проступокъ, взысканіе за него отлагалось до вечера, до сна. Приказывалось идти спать, улечься совсѣмъ на постель, даже подъ одѣяло, но только не спать, а дожидаться мамаша. Мамаша приходила и затѣмъ происходила расправа. Вотъ тутъ ужъ точно обывался смыслъ русской пословицы: мягко стелеть, да жестко спать. Постели были мягкія, барскія, но лежать на нихъ съ мѣшкомъ на головѣ вовсе не было мягко. Обыкновенно же наказывающій, вооружившись ровною или плеткою, подходилъ въ виновному, бралъ его за голову или плечо лѣвою рукою, ущемлялъ голову между своими коленами, или вмѣсто того клалъ на скамью, лавку и т. п. Потомъ заворачивалъ рубаху, и съ мальчика, кромѣ того, снималъ подбитанники, и на обнаженное такимъ образомъ тѣло начиналъ сыпать удары. Если дитя было очень мало, то, особенно матери, употребляли въ такомъ случаѣ только ладонь своей руки. Но если наказываемый былъ уже довольно взрослымъ, и наказывающему хотѣлось его побольше высѣчь, то бѣдняжку укладывали на полъ или на скамью, держали, одинъ за голову и руки, а другой за ноги, третій сѣкъ,—иногда даже привязывали къ скамьѣ. Нельзя было оставаться спокойнымъ, если наказывающій одинъ и держалъ и наказывалъ; удары по обнаженнымъ частямъ нѣжнаго, еще не загрубѣвшаго тѣла производили сильную боль; но тутъ наказываемый все-таки могъ имѣть движеніе, отчего удары не вполнѣ падали на него, да и наказывающій только одну, такъ сказать, часть своей силы употреблялъ на розгу или плетку, а другая

ему нужна была для того, чтобы держать виновного. Когда же послѣдняго держали двое за руки и ноги, или привязывали къ скамьѣ, тогда удары падали на него со всюю силою; такъ сказать, систематически, съ расчетомъ направлялись на тѣ обнаженные части, на которыя наказывающій хотѣлъ направить; наказываемый не могъ двигаться и особенно увертываться, прикрываться рукою или рубахою, иногда не могъ даже пошевелиться. Непривычному человѣку неприятно было смотрѣть на подобныя сцены; у мальчика немного частей тѣла обнажалось, подштанники прикрывали еще большую часть или хотъ половину ногъ; но у дѣвочекъ и болѣе половины тѣла обнажалось.

Смѣшно сказать, что розги и плетка принадлежали какъ будто въ цивилизованнымъ исправительнымъ мѣрамъ, употреблялись въ деревняхъ и селахъ духовенствомъ, помѣщиками, купцами и пр. Крестьяне же не всѣ къ нимъ прибѣгали, за то наказывали дѣтей чѣмъ ни попало, по русской поговоркѣ: попалась подъ руку палка, хотя бы очень толстая, веревка или ремень, хотъ бы въ родѣ возжей, лошадиная плетъ и пр.,—принимай на себя тѣло виновнаго все это; удары сыпались иногда тоже какъ и куда попало; обнажить тѣло не доставало терпѣнія. Наказывающій розгою и плеткою по обнаженному тѣлу, видя слѣды нанесенныхъ ударовъ, сворѣе смягчался, чѣмъ крестьянинъ, который веревкою или палкою колотилъ по плечамъ, спинѣ и пр. и не замѣчалъ сквозь рубаху синяковъ, которые появлялись на тѣлѣ. Поэтому крестьянскихъ дѣтей, можетъ быть, сѣкли, въ собственномъ значеніи слова, со всѣми предварительными приготовлениями и церемоніями, рѣже, нежели дѣтей изъ другихъ сословій, за то ихъ били, колотили, даже изувѣчивали.

Относительно возраста, въ который дѣти подвергались тѣлесному наказанію отъ своихъ родителей, все зависѣло отъ произвола и личнаго характера послѣднихъ. Еще и теперь въ сводѣ законовъ Россійской имперіи существуетъ статья, на основаніи которой родители имѣютъ право подвергать дѣтей домашнимъ исправительнымъ наказаніямъ, и въ этомъ случаѣ даже не указано никакого срока, когда это право отнимается отъ нихъ. Во время же моего дѣтства сочтено было бы даже вольнодумствомъ, если бы кто сталъ говорить, что отецъ или мать не могутъ сѣчь за шалость своихъ дѣтей даже и очень взрослыхъ. На основаніи

обычая, вступленіе въ бракъ или лѣта возмужалости считались, такъ сказать, патентомъ, избавляющимъ дѣтей отъ розги и плетей: тутъ-де самъ или сама уже, наживши дѣтей, имѣеть право ихъ сѣчь. Но потасовки, таски, оплеухи и т. п. въ крестьянскомъ быту употреблялись относительно даже пожилыхъ дѣтей. Затѣмъ, всякій сынъ или дочь, до своей свадьбы или до 18—20-ти лѣтъ, едва-ли могъ считать себя вполне свободнымъ отъ сѣченья, если бы только отецъ или мать захотѣли это сдѣлать; общественное, деревенское или сельское, мнѣніе было безъ всякаго ограниченія въ защиту родительской власти. Я много знаю случаевъ, когда сѣкли очень взрослыхъ не только сыновей, но и дочерей-дѣвицъ, при томъ нерѣдко возмутительнымъ образомъ. Помню я тумскаго мѣщанина Давыда Степанова Смирнова; у него была дочь Марья 16—18-ти лѣтъ, довольно недурная, неглупая дѣвушка. Какъ-то она полюбезничала съ однимъ молодымъ парнемъ, такъ что пошли объ этомъ толки и сплетни по селу. Старикъ былъ крутаго нрава и нашелъ нужнымъ прибѣгнуть къ рѣшительнымъ мѣрамъ, чтобы отбить охоту у дочери и другихъ дѣтей любезничать съ лицами другого пола. Заперши у себя ворота, онъ вынулъ со всею своею семьею на дворъ, сдѣлалъ приличное поученіе своей дочери, затѣмъ привязалъ ее въ стоячемъ положеніи къ столбу, обнажилъ все тѣло ниже пояса, даже часть спины, и приготовленными ужъ заранее пучками розогъ изъ свѣжихъ прутьевъ жестоко сѣкъ ее, но съ паузами. Остановившись, онъ принимался читать поученія, а встати уже кому либо изъ стоявшихъ тутъ дѣтей влѣпивши нѣсколько ударовъ розгою, онъ принимался сѣчь привязанную къ столбу дочь. Сцена была тѣмъ болѣе отвратительна, что сквозь щели забора смотрѣли на нее сбѣжавшіяся не только дѣти, но и взрослые лица. По тогдашнему выраженію, съ виновной была спущена шкура или кожа, кровь не только выступала на тѣлѣ каплями, но разлеталась брызгами и текла струйками по обнаженнымъ ногамъ. Помню даже тогдашнія сужденія объ этомъ. Большинство похваливало Давыда Степановича; нѣкоторые полагали только, что экзекуцію слѣдовало бы проавести въ избѣ или горницѣ; репутаціи самой дѣвицы, кажется, не много повредила эта сцена, потому что она вскорѣ была выдана за дьяконскаго сына, который поступилъ въ мѣщане и потомъ въ Рязани былъ купцомъ. Другой случай

относится къ причетнику Спасскаго или Саложновскаго уѣзда, не припомню. Онъ самъ занимался плетениемъ воряшекъ изъ ивовыхъ прутьевъ, которые для этого выбираются возможно длинными и бываютъ рѣдко короче двухъ аршинъ, при томъ должны быть вполне свѣжими, иначе, немного даже засохнувъ, они не гнутся, а ломаются. У причетника былъ сынъ семинаристъ, величайшій проказникъ и негодяй. Въ случаѣ какой либо большой шалости и гадости сына, отецъ, подобно Давиду Степановичу, привязывалъ его на дворѣ къ столбу, иногда исполнѣ всего напередъ обнаживши, т. е. снявши совсѣмъ рубаху и подштанники, и, взявши въ руку пучокъ свѣжихъ, гибкихъ, чуть не двухъ-аршинныхъ ивовыхъ прутьевъ, свѣвъ его по всѣмъ заднимъ частямъ, чуть не въ буквальномъ смыслѣ съ головы до пятонъ. Бывали примѣры, что отецъ, узнавши напередъ о проказахъ своего сына въ духовномъ училищѣ, старался, при возвращеніи домой на лѣтнія каникулы, встрѣтить его на дворѣ и, поздоровавшись съ нимъ, тутъ дѣлалъ ему допросъ; найдя виновнымъ, тотчасъ же приказывалъ ему раздѣться. привязывалъ его къ столбу и пускалъ въ ходъ ивовые прутья; это называлось попарить въ банѣ; послѣ бани позволялъ сыну идти въ избу. Третій случай относится къ священнику Петербургской епархіи Шлиссельбургскаго уѣзда. Его сынъ, ученикъ высшаго отдѣленія уѣзднаго духовнаго училища, значить 14—15-ти лѣтъ, а можетъ быть, и постарше, вздумалъ самовольно убѣжать предъ масленицею изъ училища домой; подобныя вещи дѣлывалъ онъ и прежде. Отецъ рѣшился радикально выгнать его отъ такой привычки. Въ день свиданія онъ съ нимъ ничего не сдѣлалъ; но поутру, когда сынъ проснулся, умылся и помылся, отецъ повелъ его на кухню и, положивъ на скамейку, высѣвъ его приготовленною уже хорошею розгою. Сынъ полагалъ, что этимъ все дѣло и покончится; конечно, было больненько, только не очень продолжительно, но онъ жестоко ошибся въ своихъ расчетахъ. На слѣдующій день онъ опять въ то же самое время былъ высѣченъ, на третій—случилось то же самое. Сынъ началъ поутру прикидываться спящимъ долѣе, нежели какъ было прежде. Но отецъ, въ извѣстный часъ разбудивши его, говорилъ: „поди, умойся и помолись Богу“. Когда это исполнялось, то отецъ бралъ сына за руку, велъ на кухню, клалъ на скамью и на прежнія, уже больныя, мѣста, или на зажившія, которыя

отыскивались, сыпались новые удары. Такъ продолжалось во весь Великій постъ; въ Пасху, кажется, далъ отдохнуть, но на Ошипной недѣлѣ, когда нужно было ѣхать въ училище, задалъ уже такую баню, которая вознаградила пасхальный недочетъ. Разсказъ этотъ я слышалъ отъ бывшаго моего сослуживца, бакалавра Делоцкаго, вскорѣ послѣ того, какъ отецъ, — дальній его родственникъ, — самъ обо всемъ ему разсказалъ.

Въ предыдущихъ примѣрахъ, съ исправительною отческою баней приходилось знакомиться почти-что записнымъ лѣтямъ, или плохо учившимся, или вовсе не желавшимъ учиться, при томъ ученикамъ низшихъ училищъ; между тѣмъ и хорошіе по успѣхамъ, даже отличные ученики семинаріи, не только риторы, даже философы и богословы, и — зачѣмъ таить? даже академики не могли себя считать вполне застрахованными отъ розги; при томъ дѣти не какихъ либо сельскихъ причетниковъ или поповъ, а и городскихъ, даже столичныхъ іереевъ и протоіереевъ. Былъ, на примѣръ, въ Петербургѣ знаменитый въ свое время протоіерей Петропавловскаго собора, ординарный профессоръ духовной академіи, не только магистръ, а и докторъ богословія, Кочетовъ, о которомъ мнѣ придется много разъ говорить. Его старшій сынъ Владиміръ, бывшій послѣ ректоромъ Харьковскаго университета, отличался съ дѣтства степеннымъ характеромъ и отличными успѣхами — былъ, можно сказать, примѣрный мальчикъ. Но когда онъ былъ въ семинаріи и уже довольно виднымъ молодцомъ, ему вздумалось въ праздничный день поторопиться отправиться къ папашѣ и мамашѣ, не отстоявши обѣдни. Отецъ объ этомъ узналъ, равнодушно переспросилъ его; не сдѣлавъ при этомъ ни выговора, ни замѣчанія; только при возвращеніи Леши въ семинарію вручилъ ему письмо къ инспектору ея, сказавши: „отдай его тотчасъ же, какъ пріѣдешь туда“. Сынъ, ничего не подозревая, явился съ письмомъ къ отцу-инспектору, который, прочитавши его, улыбнулся, сказалъ письмоподателю: „подожди немного“, шепнулъ что-то на ухо своему служителю, и самъ ушелъ въ другую комнату. Черезъ нѣсколько минутъ вошли три служителя и между ними одинъ — грозный секуторъ съ лозою. Молодой Кочетовъ, не видя никого въ комнатѣ кромѣ себя самого, вмѣстѣ съ тѣмъ не считая себя ни въ чемъ виновнымъ, недоумѣвалъ — надъ чѣмъ будетъ производиться экзекуція. Но вотъ входитъ о. инспекторъ, спра-

пиваетъ его, почему онъ не былъ у обѣдни, показываетъ письмо папани съ покорнѣйшею просьбою тысячъ хорошеняго небого-мольнаго сына. Сдѣлавъ приличное ужиманіе преступнику, о. инспекторъ подавъ званъ служителямъ, которые быстро и рѣшительно приступили къ экзекуціи, и молодцоватый, красивый, довольно уже взрослый Кочетовъ, подобно всякому деревенскому поповичу, былъ растахнутъ на полу; двое служителей обнажили его и крѣпко прижали, а третій началъ отсчитывать крѣпкіе удары. Слышалъ я отъ достовѣрныхъ людей, что молодой Кочетовъ уже въ зрѣлыхъ лѣтахъ говаривалъ: „никогда я не прощу отцу своему этой экзекуціи“.

Слышалъ я также рассказъ одного студента духовной академіи, по которому отцовская розга разгуливала слишкомъ часто въ то время, когда онъ былъ отецъ уже взрослому молодцу. Папа его былъ священникомъ въ Т..... соборѣ, имѣлъ трехъ, кажется, сыновей съ замѣчательными способностями, но въѣсть съ тѣмъ, при живости характера, очень наклонныхъ къ палостямъ. Старшій изъ нихъ, поступивши въ Петербургскую духовную академію студентомъ, самъ мнѣ рассказывалъ, что онъ и не сосчитаетъ сколько разъ во время обученія его въ риторикѣ и философіи былъ высѣченъ; но и званіе богослова не защищало его. Когда уже былъ назначенъ въ академію и его приготавлили къ отправкѣ въ Петербургъ, онъ, увлеченный живостью характера, а можетъ быть, и надеждою ненаказанности, что-то напроказничалъ. Отецъ сталъ ему выговаривать; сынъ, помня, что онъ уже не семиларистъ какой нибудь, а почти студентъ академіи, не совсѣмъ остороженъ былъ въ своихъ объясненіяхъ, и даже считъ за нужное напомнить объ этомъ своему папашѣ. Отецъ посмотрѣлъ на него, всталъ и, не говоря ни слова, вышелъ изъ комнаты. Сынъ торжествовалъ свою побѣду, но, увы! скоро наступило разочарованіе; отецъ входитъ съ розгою изъ свѣжихъ, только что срѣзанныхъ прутьевъ въ саду. При взглядѣ на розгу, сынъ потерялъ самоувѣренность и понялъ, что будущее студенчество служить ненадежною ему защитой, сталъ умаливать, упрашивать папашу, но долженъ былъ раздѣться, лечь и покушать березовую горячую кашу.

Черезъ годъ сынъ пріѣхалъ на каникулы домой настоящимъ уже студентомъ академіи. Старикъ зналъ объ отличныхъ его

успѣхахъ и принялъ его самымъ привѣтливымъ образомъ. Но и тутъ не обошлось безъ бѣды; опять живой характеръ увлекъ сына во многихъ проступкахъ. Отецъ смотрѣлъ, говорилъ, выговаривалъ, но замѣтивъ, что проказы повторяются, досталъ изъ сада лозу; сынъ тотчасъ испыталъ, что боль отъ нея ощущается такая же, какую онъ испытывалъ будучи семинаристомъ. Не считайте, г. читатель, отца человѣкомъ жестокимъ, безалабернымъ, а сына какимъ либо неисправимымъ негодяемъ. Нѣтъ, отецъ очень любилъ сына и дѣлалъ все, что считалъ нужнымъ для его пользы; сынъ былъ, конечно, живая голова, но умный, даровитый человѣкъ, любилъ тоже своего отца, и только по живости характера часто предавался дѣтскимъ шалостямъ. Но отецъ, по господствовавшимъ понятіямъ, убѣжденъ былъ, что когда слова плохо дѣйствуютъ на сына, то нужно прибѣгать къ лозѣ, чтобы отучить уже взрослого сына отъ шалостей.

Но я говорилъ въ своихъ примѣрахъ о сыновьяхъ; надобно сказать, что и взрослые дочери, даже замужнія, испытывали розгочины родительскія наставленія. Одинъ изъ такихъ случаевъ былъ съ женою моего товарища по академіи Г. С. Д—аго. Жена его была дочерью протоіерея Исакиевскаго петербургскаго собора, но, будучи красавицею и видя около себя много—если не поклонниковъ своей красоты, то комплиментеровъ, очень желала бы имѣть мужемъ своимъ не какого либо неповоротливаго и неловкаго студента академіи, а кого либо изъ гвардейскихъ офицеровъ, съ которыми и любила танцевать. Между тѣмъ, судьба устроила дѣло иначе. Отецъ ея въ то время былъ боленъ, почти потерявъ отъ прилива крови въ мозгу сознаніе; вмѣсто него командовала въ семействѣ его жена Е. В., которую называли бабой изъ бабъ, прелютою бабой. Она умѣла достать священническое мѣстечко для своей дочери въ Коммерческомъ училищѣ, т. е. не дочь должна была священствовать, а будущій ея супругъ; эта честь и досталась Д—му. Надобно сказать, что онъ не отличался ловкостью и развязностью; невѣста его, влюбленная въ офицерскіе эполеты, не хотѣла-было идти замужъ, но мать и слышать не хотѣла объ этомъ. Дочь поворилась необходимости, но сказала: „мамаша, я выхожу по вашему желанію за Д—аго, но любить его, какъ вамъ угодно, не стану“. Мамаша отвѣчала: „ступай-ка, ступай, а тамъ увидишь еще, что

будеть". Повѣнчались; я былъ и на свадьбѣ; невѣста во весь вечеръ занималась только офицерами и другими ловкими танцорами; на мужа и смотрѣть не хотѣла. И когда онъ, собравшись съ духомъ, рѣшился сказать какой-то комплиментъ на счетъ ея обручальнаго кольца, то она сняла его и бросила на полъ, прибавивъ, что онъ жметъ ея палецъ. Такой непривѣтливый, даже неприступный характеръ она рѣшилась выказывать и въ слѣдующіе дни, словомъ—знать не хотѣла мужа. Въ одинъ день теща сказала ему: „что это ты сидишь все дома? Сходи куда нибудь къ товарищамъ, поразгуляйся“, и онъ пошелъ въ нашему общему товарищу Смирягину, бывшему тогда наставникомъ въ Петербургской семинаріи, и рассказалъ ему со слезами о своемъ горѣ. „Ей Богу, не знаю, чтѣ и дѣлать“,—говорилъ не разъ несчастный мужъ. Разстались товарищи, но когда дня черезъ два увидѣлись снова, то Смирягинъ нашелъ своего бывшего собесѣдника въ самомъ счастливомъ расположеніи духа. „Что съ тобою сдѣлалось?—спросилъ Смирягинъ,—ты, кажется, на седьмомъ небѣ!“—„Да что, —отвѣчалъ Д—й,—жена моя стала шелковымъ съ того дня, какъ я у тебя былъ; не нарадуюсь ею; право, не понимаю, отчего съ нею сдѣлалась такая перемѣна“. Между тѣмъ все объяснялось очень просто. Мать видѣла холодность и даже презрѣніе дочери къ мужу. „Что это, Маша, —говорила не разъ старуха,—такъ обращаешься съ Г. С.! Вѣдь онъ твой мужъ; полно дурачиться, полюби его“.—„Я вѣдь говорила вамъ, —отвѣчала дочка,—что его не могу и не буду любить“. На что мама возражала: „Ну, полно—что тамъ толковать! Полюби, говорю тебѣ, а то смотри, вѣдь я твоя мать“. Но дочь не хотѣла послушаться словъ мамани. Эта—въ тотъ день, какъ услала своего зятя къ товарищамъ—распорядилась такъ, что вечеромъ осталась дома одна съ дочерью и горничною. Тогда приступила къ своей дочери съ словами: „Ты, Маша, все не оставляешь своихъ глупостей; ну, такъ я вотъ тебя поучу уму-разуму. Эй, —крикнула горничной,—неси-ка сюда, чтѣ ты приготовила“. Горничная явилась съ розгою, и гордая красавица, мечтавшая быть женою гвардейскаго офицера, была больно высѣчена. „Да смотри, —прибавила мать,—полюби, а то ты знаешь меня, опять не такъ-то еще высѣку“, хотя и отъ описанной операціи, какъ гласила потомъ молва, дѣйствительно нѣжное тѣло красавицы было разрисовано не хуже того

какъ разрисовывали насъ, семинаристовъ, секуторы по приказу учителей! Послѣ мужъ и жена жили въ полномъ согласіи.

Но вотъ еще случай, гдѣ тоже замужняя дочь петербургскаго протоіерея была высѣчена хотъ и своимъ мужемъ, но съ разрѣшенія отца. Тотъ самый Кочетовъ, который, какъ я сейчасъ говорилъ, доставилъ своему сыну сюрпризъ быть высѣченнымъ, женатъ былъ на дочери знаменитаго въ свое время протоіерея Вещуѣрова. Молодая жена тоже не влюбила своего мужа. Этотъ потерпѣлъ нѣсколько времени, потомъ разсказалъ все своему тестю. Посовѣтовались между собою—какъ дѣло поправить, и вотъ зять говорить тестю: „вы ужъ позвольте мнѣ дома поучить ее по русски“. Тестъ, какъ истинно-русскій человѣкъ, напелъ, что русское ученіе для его упрямой дочери будетъ пригоднo. Мужъ не преминулъ воспользоваться разрѣшеніемъ тестя, и упряmica, получивъ достодолжное русское назиданіе, принуждена была сдѣлаться покорною женою.

Конечно, приведенные здѣсь примѣры отческаго обращенія съ дѣтьми были не всеобщими, но никакъ нельзя сказать, чтобы они были и рѣдкими. Я выставилъ только тѣ, которые особенно выдаются, такъ сказать, на показъ.

Незачѣмъ скрывать того, что и по мнѣ, какъ выражались, похаживали и розги и плетки; и я, сидя на лавкѣ, или забравшись въ уголъ, видѣлъ, какъ снимали съ вѣрвья плетку, или вырывали изъ вѣвника пруть, очищали его отъ листьевъ, какъ потомъ шли ко мнѣ, и потомъ ощущалъ, какъ меня брали за плечо, снимали съ лавки и пр.... и мнѣ приходилось повертываться во всѣ стороны, силиться освободить свою ущемленную между ногами голову.... все бывало, и не рѣдко... то же самое случалось и съ моими сестрами. Но, кажется, мнѣ чаще всѣхъ доставалось; я былъ очень шаловливъ и рѣзвъ, и не очень прилеженъ къ ученію, даже лѣнновать; естественно, что за все это мнѣ приходилось отдѣлываться своимъ тѣломъ. Но жестокихъ наказаній мы не испытывали отъ отца и матери. Если нужно было высѣчь, то насъ не привязывали къ скамьямъ, даже не клали на нихъ или на полъ, никогда никого не заставляли держать за руки и ноги; кто наказывалъ—тотъ насъ и придерживалъ; при такой методѣ сѣчь не высѣчешь больно; съ держаньемъ во время сѣченія, съ привязываньемъ къ скамьямъ я ознакомился послѣ поступленія

въ училище. Только три раза меня до того времени высѣкли довольно больно. Однажды мы съ матушкою и еще съ кѣмъ-то пошли провожать ея мать, а мою бабушку; отпедши отъ села съ версту, матушка велѣла мнѣ возвратиться назадъ и идти непремѣнно домой; мнѣ очень не хотѣлось исполнить этотъ приказъ, но, дѣлать нечего, ушелъ; только, вѣроятно, съ досады или по шаловливости, я не пошелъ домой, а проигралъ вдали отъ него съ сверстниками. Потомъ ужъ, къ вечеру, вспомнивъ, что мною еще не вполнѣ исполненъ приказъ матушки, я забрался въ сарай, стоявшій на гумнѣ, съ сѣномъ и тамъ расположился ночевать. Меня ужъ ночью принялись искать; матушка, проходя мимо сарая, вздумала заглянуть туда, но, отъ темноты не видя ничего, сказала: „Митя, Митя, здѣсь ты?“ Я зашевелился; меня взяли и повели домой; покойный батюшка за ужиномъ побранилъ меня и приказалъ не дѣлать подобныхъ вещей. Но мнѣ почему-то подобная игра въ жмурки понравилась. Вскорѣ послѣ того, утромъ, вставши поранѣе, я вышелъ изъ горницы и спрятался на дворѣ за кадушкою, стоявшею въ углу подъ сараемъ. Опять принялись искать меня; я изъ-за кадушки все слышалъ, но мнѣ очень нравилось сидѣть въ своей засадѣ. Наконецъ, жившій тогда у насъ мой дядя Иванъ Мартыновичъ отыскалъ меня и привелъ въ избу. Ну, тутъ досталось мнѣ порядочно; пруты изъ баннаго вѣника сочли недостаточными, достали изъ голика и постегали ими болыенько; съ тѣхъ поръ я отвыкъ играть въ свои жмурки. Въ другой разъ меня посадили за столъ читать что-то, а мнѣ очень хотѣлось играть на улицѣ. Я, досадуя на то, что меня лишаютъ удовольствія, читалъ плохо, смотрѣлъ безпрестанно на улицу, или рассказывалъ разные разности. Покойная матушка, тѣвшая въ то время холстину, долго и много разъ напоминала мнѣ о томъ, чтобы я пересталъ шалить и читалъ книгу. Матушка моя любила работу; зная это, я, кажется, рассчитывалъ, что она не броситъ своего тѣанья, и продолжалъ ничего не читать, а балагурить и зѣвать на улицу. Наконецъ матушка не выдержала, вышла изъ-за тѣадкаго стана и прутомъ изъ вѣника заставила меня заняться чтеніемъ. Въ третій разъ, когда мнѣ былъ ужъ девятый годъ, меня къ вечеру послали къ кому-то въ селѣ. Разыгравшись на дворѣ, я не хотѣлъ идти и настаивалъ, чтобы купленная нами дѣвица Татьяна сходила, а у нея свои дѣла были. Много разъ

было повторено мнѣ приказаніе, но я продолжалъ играть. Тогда матушка, выведенная изъ терпѣнія, посѣла меня немного и велѣла непремѣнно сходить куда меня посылали. Ужъ не припомню, почему мнѣ вновь захотѣлось поупрямиться; матушка рѣшилась еще меня посѣчь, но я не сталъ ей даваться; въ это время батюшка вошелъ въ избу и, узнавши о всѣхъ моихъ проказахъ, очень убѣдительно и чувствительно плеткою доказалъ мнѣ, что надобно слушаться тѣхъ, кто постарше меня. Кромѣ этихъ трехъ случаевъ, я не помню, чтобы меня, до поступленія моего въ училище, больно наказывали мои родители; они меня любили и потому были ко мнѣ снисходительны, особенно матушка. Но за то со мною, въ отсутствіе ихъ, слишкомъ жестоко обращалась жившая у насъ, какъ я выше сказалъ, елатомская мѣщанка, родственница Пелагея. Оставаясь безъ матушки и батюшки полною хозяйкой и командиршей въ дому, она не жалѣла прутьевъ и плетки, не щадила нашего тѣла; я ее ужасно какъ боялся. Когда мнѣ было ужъ около 45-ти лѣтъ, она увидѣлась со мною въ домѣ батюшки, и сама рассказывала, какъ она меня жестоко и часто наказывала. Къ счастью моему, послѣ того, какъ приобретены были купленныя, Пелагею вскорѣ отослали въ Елатму; мы, особенно я, тогда вздохнули свободно.

Довольно строгое воспитаніе мое въ дѣтствѣ, даже жестокость Пелагеи, кажется, не имѣли на меня неблагоприятнаго вліянія. Я не принадлежалъ къ числу застрашенныхъ, забытыхъ людей; удержалъ независимость въ характерѣ и въ образѣ мыслей; можетъ быть, былъ болѣе смѣль и самостоятеленъ, нежели сколько это нужно для моего благосостоянія, для удачъ по службѣ, для пріобрѣтенія благосклонности начальниковъ. Мои родители меня, какъ я ужъ говорилъ, любили; батюшка, правда, былъ холоденъ, даже иногда суровъ по временамъ, когда мои первые успѣхи въ духовномъ училищѣ были недостаточны. Но когда я пошелъ, какъ говорится, въ гору, то ко мнѣ даже были иногда излишне снисходительны; за многія мои шалости можно было бы ко мнѣ быть повзыскательнѣе.

Сохранивши самостоятельность и независимость въ мысляхъ и характерѣ, я былъ очень смѣль и развязенъ въ обращеніи съ крестьянами, съ духовными лицами, съ своими учителями и наставниками, особенно же съ своими товарищами; въ послѣднемъ

случаѣ я почти всегда былъ главнымъ затѣйникомъ игръ, душою разговора и пр. За всѣмъ тѣмъ, оставался долго, даже очень долго, крайне застѣнчивымъ съ дворянами и съ женщинами или дѣвцами, даже духовнаго званія.

Первое, кажется, еще можно объяснить. Въ Палищенскомъ приходѣ жила, когда я сталъ вырастать, только одна помѣщица въ деревнѣ Овинцахъ (голваревскаго помѣщика, о которомъ выше говорено, я вовсе не видѣлъ: онъ выѣхалъ или умеръ на второмъ или на третьемъ году моей жизни). У этой помѣщицы мои родители были любимыми гостями; бирали и меня туда съ собою; но мнѣ тамъ не нравилось. Дѣтей маленькихъ у барыни не было, поиграть не съ кѣмъ; сидишь, бывало, да и велятъ сидѣть гдѣ либо на стулѣ; я даже послѣ находилъ причины и не ѣздить къ барынѣ. Когда она съ своею дочерью-вдовою бывала у насъ, то я рѣдко сидѣлъ съ ними въ горницѣ; мнѣ не нравилось обуться, одѣться и сидѣть молча, да и по господствовавшимъ тогда понятіямъ не находили нужнымъ, чтобы дѣти сидѣли вмѣстѣ съ почетными гостями. Послѣ я, слыша о притѣсненіяхъ, какія дѣлались помѣщиками надъ крестьянами, возненавидѣлъ бояръ и боярынь; всѣ они мнѣ казались дурными людьми.—Но уже плохо понимаю, почему я избѣгалъ случаевъ говорить и даже сидѣть вмѣстѣ съ женщинами и дѣвцами, даже изъ духовнаго званія, даже съ родственницами. А между тѣмъ это было такъ. Я былъ уже лѣтъ шести, если не болѣе, какъ пріѣхала къ намъ моя родная тетка и крестная мать Анна Мартыновна. Она очень меня любила и захотѣла поскорѣе расцѣловать меня. Я сидѣлъ въ переднемъ углу за столомъ. Догадавшись о ея намѣреніи, когда она подошла къ столу съ одной стороны и протягивала уже руки, чтобы обнять и поцѣловать меня, я всталъ на лавкѣ и, по другой сторонѣ стола быстро пробѣжавъ, спрыгнулъ на полъ и потомъ, влѣзши на печку, помѣстился тамъ и ни подъ какимъ видомъ не хотѣлъ оттуда слѣзать. Послѣ, конечно, я подобныхъ вещей не дѣлывалъ, но всегда почти, даже до очень зрѣлыхъ лѣтъ, я чувствовалъ себя неловкимъ и неразвязнымъ въ общеніи съ женщинами и дѣвцами. Не имѣли-ли вліянія на мой разумокъ аскетическія мнѣнія о женщинахъ, какъ соблазнительницахъ? Право, не знаю.

Д. И. Ростиславовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЗАПИСКИ Д. И. РОСТИСЛАВОВА,

ПРОФЕССОРА СПБ. ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ.

† 18-го февраля 1877 г.

ГЛАВА V-я ¹⁾.

О томъ, какъ насъ учили грамотности.

Нынѣ дѣти сдѣлались очень любознательными и находятъ большое удовольствіе не только въ игрушкахъ, а и въ разсматриваніи разныхъ рисунковъ, которые ихъ знакомятъ со многими предметами едва-ли не лучше, нежели какъ насъ, теперешнихъ стариковъ, знакомили съ ними въ школахъ. Нынѣ иной мальчикъ на пятомъ и даже четвертомъ году умѣетъ читать, чего добраго, даже писать, а на шестомъ напишетъ и письмо. Нѣтъ, во время моего дѣтства, по крайней мѣрѣ въ сельскомъ духовенствѣ, о такомъ скоромъ развитіи любознательности и другихъ душевныхъ способностей и наклонностей и не мечтали; намъ до шестаго, а иногда и до седьмаго года позволяли только ѣсть, спать, бѣгать и разнообразнымъ образомъ рѣзвиться; только когда наша рѣзвость обнаруживалась не въ урочное время или беспокоила другихъ, взрослыхъ людей, тогда намъ приказывали сидѣть смирно. И если можно называть счастливымъ то время, когда не имѣешь никакихъ уроковъ, ни обязанностей, ни заботъ, ни опасеній и пр., то въ старину дѣти были счастливѣйшимъ народомъ, пока ихъ не усаживали за книжки. Это счастливое время для меня продолжалось слишкомъ пять лѣтъ, и на шестомъ году моей жизни покончи-

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1880 г., т. XXVII, стр. 1—38; 545—572.

лось. Какъ же насъ учили? По всей вѣроятности, чрезъ 50 и особенно 100 лѣтъ много найдется людей, которые никакъ не повѣрятъ, чтобы существовала когда нибудь и считалась даже тѣмъ-то въ родѣ священной—такая метода, по какой насъ учили читать. Объ ней я говорилъ въ своемъ сочиненіи объ устройствѣ духовныхъ училищъ, но не со всѣми подробностями. Здѣсь я займусь ею пообстоятельнѣе.

Духовенство въ общей своей массѣ едва-ли когда станетъ вполнѣ заботиться о настоящемъ, правильномъ развитіи умственныхъ способностей людей; оно, подъ видомъ поддержанія нравственныхъ и религіозныхъ идей, вѣчно будетъ хлопотать о томъ, чтобы, такъ сказать, обрѣзывать крылья у пытливаго разсудка, ограничивать и почти что убивать любознательность такъ свойственную нашей природѣ. Къ этимъ печальнымъ мыслямъ я дошелъ наблюденіями въ теченіе цѣлой моей жизни и теперь, приступая къ описанію господствовавшей въ мое дѣтство методы учить грамотности, я переполненъ ими.

Всякому русскому грамотному человѣку извѣстно, что у насъ есть двоякаго рода грамотность и печать: церковная и гражданская. При небольшомъ даже запасѣ безпристрастія и проницательности можно видѣть, что послѣдняя проще первой. Въ церковной безъ всякой нужды поставлены буквы: кси и пси, зѣло и юсъ, равно какъ и буква онъ, прибавляемая нерѣдко предъ у, но не произносимая. Кажется, можно бы, наконецъ, увидеть, что лучше бы имѣть одну только печать и грамотность, при томъ ту, которая проще и легче. А между тѣмъ напиши теперь, что пора бы ввести въ Россіи одну печать и грамотность, т. е. пора бы и церковныя книги и библію напечатать гражданскими буквами и въ этомъ видѣ употреблять ихъ при богослуженіи!—да тутъ поднимется такой шумъ, какъ будто бы грозила опасность всей вселенной; предложеніе такое сочтутъ профанаціей, нападкомъ на святость религіи, на неприкосновенность православія, и предложившаго назовутъ атеистомъ, нехристомъ окаяннымъ. Далѣе, самое обыкновенное правило благоразумія требуетъ начинать всякое дѣло съ легчайшаго приѣма, поэтому и обучать дѣтей грамотности надобно было бы съ гражданскихъ книгъ. Но вотъ уже въ 1867 году я читалъ въ одной изъ газетъ, какъ одинъ отецъ-архимандритъ, въ рѣчи при открытіи педагогическаго курса въ

мая самой бѣльшей части часовника и псалтири, зналъ ихъ чуть не вполнѣ на-память. Этимъ-то я и пользовался, чтобы сколько нибудь уменьшить *скуку*, которую на меня нагоняли зады. Я читалъ на-память молитвы, псалмы и пр., а самъ между тѣмъ *посматривалъ* по сторонамъ, даже заглядывалъ на улицу. Потомъ, полагая, что за мною нѣтъ наблюдательнаго взгляда, я вдругъ вмѣсто одного листа перевертывалъ два и даже три. Отъ этого и происходило, что моя указка, оставаясь въ моихъ рукахъ, не указывала не только на тѣ строки и слова, но даже и на тѣ страницы, которыя я читалъ по памяти. Разумѣется, я часто попадался въ такихъ продѣлкахъ и поплачивался кое-чѣмъ. Однажды особенно удалось мнѣ смастерить хитрую штуку. Во время чтенія моихъ задовъ, на улицѣ происходило что-то очень интересное, на что мнѣ хотѣлось посмотреть. Я и началъ читать по памяти, а самъ украдкою поглядывалъ на улицу. Вскорѣ я замѣтилъ, что въ избѣ никого нѣтъ, а только кто-то находится въ чуланѣ. Я этимъ и воспользовался. Продолжая читать какой-то псаломъ, я всталъ на лавку, обратился къ окну и глазами слѣдилъ за происходящимъ на улицѣ, а языкомъ бормоталъ псаломъ. И среди этого наслажденія вдругъ почувствовалъ, какъ меня быстро сняли съ лавки и начали сѣчь. Я такъ углубленъ былъ въ разсматриваніе уличныхъ событій, что и не видалъ, какъ кто-то вошелъ въ избу, замѣтилъ мою продѣлку, сказалъ кому слѣдуетъ, какъ вынули пруть изъ вѣнчика, подошли ко мнѣ и пр. Событіе было совершенно для меня неожиданное и при томъ крайне непріятное, потому что посѣли меня больненько. Этими-то способами, этимъ-то, какъ говорятъ въ деревняхъ, побытомъ, я и учился грамотности; учился читать, не смотря на всѣ свои способности, кажется, года три. Читалъ я по славянски бойко, даже получилъ позволеніе прочитывать въ церкви: Нынѣ отпускаеши, Сподоби Господи, потомъ Благословлю Господа на всякое время и пр. Сначала я порядочно струсилъ, когда среди тишины раздался мой звонкій голосъ по церкви, но потомъ я чрезвычайно хлопоталъ у дьячковъ, чтобы они позволяли мнѣ прочитывать какой либо стихъ или псаломъ; амбіція моя въ этомъ находила удовольствіе.

Въ Палищахъ же начали меня готовить къ духовному званію не однимъ позволеніемъ читать въ церкви, но и дру-

гимъ способомъ, именно хожденіемъ по приходу въ праздникъ Рождества Христова, или такъ называемымъ христославленіемъ. Но такъ какъ въ Палицахъ я только въ одинъ годъ славилъ Христа по крестьянскимъ дворамъ, и мои подвиги по этой части главнымъ образомъ происходили уже въ Тумѣ, то я и свои наблюденія надъ христославленіемъ отлагаю до описанія моей жизни въ Тумѣ.

ГЛАВА VI-я.

О перемѣщеніи моего батюшки священникомъ въ село Туму Николаевскую.

Въ Палицахъ было двѣ церкви, обѣ деревянныя; при томъ, не смотря на ничтожнѣйшую цѣну дровъ въ то время, ни одна изъ нихъ не имѣла печи, отчего въ зимнее время въ нихъ былъ невыносимый холодъ. Это, впрочемъ, было, такъ сказать, въ модѣ. Въ цѣлой сѣверной половинѣ Касимовскаго уѣзда, въ сосѣднихъ съ нею селахъ Рязанскаго и Егорьевскаго уѣздовъ, церкви всѣ безъ исключенія были деревянныя и холодныя; только въ Гусевскомъ погостѣ были каменные церкви и при томъ теплыя. Пресловутая мудрость нашихъ благочестивыхъ предковъ никакъ не могла понять, что въ церкви не слѣдуетъ морозить православныхъ христіанъ, что самыя пламенные молитвы не согрѣваютъ грѣшнаго тѣла при 20—30-ти градусномъ морозѣ. А между тѣмъ и Успенскій соборъ въ Москвѣ только въ половинѣ XIX столѣтія наконецъ-то сдѣлалъ теплымъ. Что же удивительнаго, если въ какихъ либо Палицахъ были обѣ деревянныя церкви холодными? Батюшка мой отважился на неслыханное тогда предпріятіе: онъ рѣшился убѣдить прихожанъ построить теплую, при томъ каменную церковь. Для этого не разъ составлялись митинги, или наши русскія сходки. Главнымъ противникомъ батюшки былъ бурмистръ г. Новосильцева, крестьянинъ деревни Малаховой Спицынъ, старикъ лѣтъ подъ семьдесятъ, если не болѣе, съ небольшою сѣдою бородою, съ злымъ выраженіемъ на лицѣ и въ глазахъ, но старикъ свѣжій, бодрый, умный. До поступленія батюшки моего въ Палицы Спицынъ былъ полнымъ авторитетомъ не только въ своей вотчинѣ, но и во всемъ приходѣ; командовалъ даже и духовенствомъ, которое, по правдѣ сказать, было глупѣе его. Батюшка мой значительно ослабилъ его авторитетъ своимъ умомъ и независимыми

какой-то семинаріи, старался доказать, что всякаго мальчика и дѣвочку нужно сначала выучить церковной печати, что это дѣло богоугодное и благонравственное, а гражданская печать и послѣ будетъ понятна. Такъ, впрочемъ, думаетъ не одинъ архимандритъ, а весь синклитъ сѣдыхъ и сѣдѣющихъ іерарховъ, всѣ почти наши пастыри и архипастыри. Ну, пускай бы эту тяжесть они возлагали только на однихъ урожденныхъ дьячковъ, дьяконовъ и поповъ; имъ же вѣдати подобаетъ церковную печать; нѣтъ, по ихъ мнѣнію, надобно всѣхъ такъ учить, какъ будто бы всѣ мы готовились въ чтецы и пѣвцы церковные. Страннѣе всего, что нынѣ, въ 1868 году, многіе священники, когда нужно учить своихъ дѣтей, даютъ имъ сначала гражданскую азбуку; даже сами владыки святые, если подъ ихъ опекою состоятъ племянники, внуки и т. н., то же самое дѣлаютъ, а между тѣмъ всѣми правдами и неправдами отстаиваютъ ту мысль, что въ народныхъ школахъ нужно сначала учить церковной грамотѣ. Скажи имъ, что она гораздо труднѣе гражданской, они отвѣтятъ: „пускай же дѣти приучаются къ труду и терпѣнію; это дѣло полезное; царствіе Божіе нудится и нуждники восхваляютъ его“. Скажи, что церковныя книги непонятны даже для взрослыхъ, что дѣтя, обучаясь по нимъ, приучается читать и не понимать, а еще хуже—перетолковывать прочитанное по своему усмотрѣнію, что это не развиваетъ, а забиваетъ, уродуетъ умственные способности; отвѣтятъ: „Зачѣмъ умъ? была бы вѣра. Что за бѣда, если мальчикъ не понимаетъ прочитаннаго? за то онъ благоговѣтъ предъ церковною святынею“. Съ этимъ народомъ вы ничего не сдѣлаете. Въ своей кириллицѣ, т. е. въ грамотности по церковной печати, они полагаютъ все спасеніе въ будущей и все благосостояніе въ этой жизни.

Если такъ рассуждали, когда мнѣ уже было почти 60 лѣтъ, то какія прогрессивныя идеи относительно обученія грамотности могли появиться во время моего дѣтства въ головахъ особенно духовныхъ сельскихъ лицъ? Они вѣровали и исповѣдывали яко воистину кириллица есть вѣрнѣйшій путь ко спасенію и легчайшій, даже чуть-ли не единственный способъ обучать грамотности. А такъ какъ въ то время они же, или выучившіеся по ихъ методѣ читать мѣщане, отставные солдаты, лакеи, старухи-бабы, преимущественно раскольники, были почти что единственными учи-

телями грамотности, то по кириллицѣ начинали обучаться дѣти и крестьянѣ, и горожанѣ, и духовныхъ, и даже провинціальныхъ дворянѣ. Слишкомъ мало было отступниковъ отъ этой методы. Стану ее описывать.

Сообразно съ нею нужно было, такъ сказать, пройти три курса, выучить три учебника: азбуку, часословъ или часовникъ и псалтырь. Это вполне соответствовало бывшему до 1867 г. раздѣленію учебнаго курса въ духовныхъ низшихъ училищахъ и семинаріяхъ на три отдѣленія: высшее, среднее и низшее. И какъ не всѣ ученики въ семинаріи и въ училищѣ оканчивали курсъ, такъ точно и грамотѣи не всѣ доходили до псалтыри, иные останавливались на часовникѣ, а нерѣдко никакъ не могли пересилить даже азбуки. Прежде нежели начинали учить азбуку, приготовляли для ученика указку; это обыкновенно была остроганная лучинка, и заостреннымъ ея кончикомъ нужно было водить по строкамъ книги и указывать на то слово или букву, которое произносилось. Давши указку въ руку, сажали ученика или ученицу за столъ и вляли предъ нимъ азбуку славянскую, въ которой всѣ буквы, слоги и пр. были напечатаны церковнымъ шрифтомъ. Разумѣется, первоначально крестились и даже молились. Потомъ ученику приказывали перекреститься и поцѣловать раскрытую азбуку; надобно сказать, что многіе педагоги требовали отъ ученика это лобзаніе въ началѣ и въ концѣ каждаго урока, при изученіи и азбуки, и часовника, и псалтыри. Такимъ образомъ всѣ эти три книги были чѣмъ-то въ родѣ иконъ, въ которыхъ прикладывались ученики ежедневно, садясь за урокъ и оканчивая его. Но вотъ мы и перекрестились и поцѣловали азбуку. Теперь учитель, сидя болѣею частію по правую сторону ученика, говаривалъ ему, указывая на первую букву алфавита: ну, читай азъ, то-есть а, потомъ точно также произносились слѣдующія буквы: буки, вѣди, глаголь, добро, есть и т. д., но никакъ не бе, ве, ге, де, е и пр.; объ объясненіи же того, что такое эти азы, буки, вѣди и пр., какъ они произносятся, для чего съ нихъ начинается грамотность, никто изъ учителей и не думывалъ. Азъ такъ азъ, а не буки, чего же больше? Только болѣею частію было въ модѣ, что когда прочитывался весь алфавитъ въ ряду и произносилась послѣдняя его буква ижица, учитель, въ родѣ любезной шутки, прибавлялъ: „плеть въ ж... ѣ движется“. Само собою, ученикъ и уче-

ница, механически повторяя за учителемъ буквы алфавита, проносили и эти глупыя, непристойныя слова; тогда и учитель и предстоявшіе при первомъ урокѣ принимались хохотать; ученикъ конфузился, а иногда, понявъ грозное значеніе словъ, принимался плакать, полагая, что плеть или розга дѣйствительно уже близка къ нему. Къ таковой нерадостной мысли располагало его и то, что прежде, нежели онъ начиналъ учиться, ему, въ случаѣ его рѣзвости, говаривали: „погоди, дружокъ, вотъ посадятъ учиться, при-смирѣешь, плетка или пруть учителя собьютъ съ тебя форсъ“. Иногда же, если начало ученія происходило у какого либо полуофициальнаго учителя, напримѣръ, дьячка, мѣщанина и т. п., у котораго въ то же время сидѣло нѣсколько учениковъ, начавшихъ уже свое ученіе, то плетка висѣла вблизи, или лежала на столѣ, или даже держалась въ рукѣ. Подшутивши надъ новымъ ученикомъ, начинали вновь читать: азъ, буки, вѣди и пр. Дѣло состояло въ томъ, что, по мнѣнію педагоговъ, надобно было непременно знать на-память къ ряду названія всѣхъ 40 буквъ. Бывали счастливыя головы, которыя съ нѣсколькихъ разовъ запоминали всѣ эти названія; подобные геніи встрѣчались слишкомъ рѣдко и составляли предметъ удивленія. Большинство послѣ пяти и десяти разъ, разумѣется, не могло упомнить сорока словъ, изъ которыхъ многія въ первый разъ попадались и шли другъ за другомъ безъ всякой системы. Педагоги знали это по опыту и потому только по принятому обычаю прочитывали съ ученикомъ весь алфавитъ раза два—три, а потомъ раздѣляли его на нѣсколько частей, смотря по замѣченнымъ или предполагавшимся способностямъ ученика. Дѣлили пополамъ, а больше по строкамъ, и начинали задавливать: азъ, буки, вѣди. Если видѣли, что и на строку не хватаетъ памяти у ученика, то брали три—четыре буквы. Одержавъ побѣду надъ первою избранною группою буквъ, принимались за вторую, послѣ за третью, и т. д.; потомъ пробовали все прочитать. Чаше всего случалось, что, пока учили послѣдующія группы, предыдущія забывались; надобно было вновь за нихъ приниматься. Можетъ быть, и прежде какойнибудь щипокъ, небольшая шелкушка доставались на долю ученика; ну, а теперь уже нельзя было терпѣть,—вѣдь выучили-было, а потомъ, когда стали повторять, оказалось, что все забыто. Разумѣется, виноваты не премудрый педагогъ, а лѣнивый и безтолеовый ученикъ; и вотъ,

берутъ въ руки плетку, подбираютъ бѣднягу въ руки, или кладутъ на полъ, на скамейку и по обнаженнымъ частямъ тѣла начинаютъ немилосердно хлестать плеткою или розгою, чтобы выбить лѣнь и неолотить толковитость. Опять начинаютъ учить, опять иногда толку нѣтъ, опять крикъ отъ боли. Но вотъ, какъ нибудь одержана побѣда надъ алфавитомъ; мальчикъ знаетъ его наизусть и безъ остановки прочитывается отъ аза до ижицы, такъ что уже и плети не нужно двигаться. Тогда принимались за склады, то-есть за соединеніе согласныхъ съ гласными. Начиналось съ соединенія согласныхъ съ буквою азъ, то-есть съ ба, ва, га, да и пр. И тутъ о какой либо рациональной методѣ мало и немногіе думали; опять было въ ходу механическое задалбливаніе; безъ всякихъ предварительныхъ объясненій, указывая на б—а, велѣли произносить не ба, даже не что буки и азъ составить звукъ ба, а просто букiazба, потомъ вѣдiazва вмѣсто ва, глагольазга вмѣсто га, или арцынжери вмѣсто ри, шанжеши вмѣсто ни, нашонно вмѣсто но, щаонцо вмѣсто що. Чтобы, вѣроятно, избѣгнуть нѣкоторой скандальности при соединеніи согласныхъ съ буквою я, вставляли послѣ я букву з и произносили букiazбз, вѣдiazвз и пр. Судите, г. читатель, сколько нужно было труда положить, чтобы механически все это запомнить! Сколько, оплеухъ, тасокъ, колотушекъ, непонятливый ученикъ получалъ отъ догадливаго и толковитаго учителя яебомъ за лѣнь и разсѣянность, сколько разъ красные или синіе рубцы ложились отъ плетки или розогъ на обнаженныхъ частяхъ тѣла! И все это дѣлалось во имя науки, во имя просвѣщенія! Не даромъ же говорили, что наука трудна, что ученіе похоже на мученіе, что наука есть мѣка, что корень ученія горекъ и пр. Да, именно мучились не только ученикъ, но и учитель,—послѣдній не понимая, что его безтолковость есть причина всѣхъ мученій. Разумѣется, добивались благопріятныхъ результатовъ. Если не природныя способности, не толковитое ученіе, то какой-то инстинктъ, пробужденный ужасною, многократно повторявшеюся болью, заставлялъ такъ или иначе мальчика и дѣвочку понять сущность дѣла. Только избранныки окончивали склады въ нѣсколько недѣль, или въ одну недѣлю. Большинству нуженъ былъ мѣсяцъ, и не одинъ, для изученія этой премудрости; иные сживали чуть не годъ за нею, даже недѣли и мѣсяцы за однимъ алфавитомъ. Много было примѣровъ, что много бросали

учить на алфавитѣ же, другаго на складахъ, и все это якобы по причинѣ ихъ тупости.

За складами въ азбукѣ слѣдовали титлованные слова: ангель, ангельскій, архангелъ, архангельскій, и пр. И тутъ опять механизмъ; вотъ лучшее тому доказательство. Въ тирадѣ, заключавшей въ себѣ эти слова, сначала стояла буква, а за нею слова, съ нея начинавшіяся. Разумѣется, букву незачѣмъ было произносить, но мы непремѣнно обязаны были читать: азъ, ангель, ангельскій, архангелъ, архангельскій;—буки, Богъ, божество и пр. За титлованными словами стояли знаки препинанія славянскаго—церковнаго языка, не только запятая, точка и проч., но и ударенія; послѣднιά выражались греческими словами, написанными при помощи славянскихъ буквъ. Кажется, незачѣмъ бы ихъ учить, достаточно было бы на словахъ объяснить ихъ значеніе. Такъ нѣтъ, старинная педагогія и тутъ считала нужнымъ ученіе. Вотъ эта тирада: оксія, исо, варіа, вамора, краткая, звательца, титло, слово-титло, апострофъ, кавыка, ероѣъ, запятая, двоеточіе, точка, вопросительное, вмѣстительное и пр.; послѣднее мѣсто здѣсь занималъ вмѣстительный знакъ подъ названіемъ вмѣстительное, а за нимъ стоялъ самый знакъ (), имѣющій нѣкоторое сходство съ монетными кружевами по своему очертанію. И это не ускользнуло отъ механизма; читая къ ряду оксія, исо, варіа и пр., заканчивали обыкновенно тираду словами: вмѣстительное, копѣйка.

Теперь уже вся черная, предварительная работа кончена; заучены буквы алфавита до самой ижицы, слоги, слова титлованные и знаки препинанія съ оксіей, звательцами и ероками; пора приниматься за чтеніе статей. Въ награду за терпѣніе, которое ученикъ выказалъ заучивая всю перечисленную чепуху, въ награду за шипки, таски, оплеухи и особенно за множество багровыхъ, красныхъ, синихъ рубцовъ и даже иногда кровавыхъ капель отъ плетки и розогъ, надобно было бы ученику доставить хоть какое либо удовольствіе, заставляя читать статьи ему понятныя, которыя бы сообщили ему занимательныя свѣдѣнія, хоть сколько нибудь его интересовали. Нѣтъ, г. читатель, у насъ не такъ думали. Прикрываясь якобы заботливостію о спасеніи души, а вслѣдствіе этого мало обращая вниманія на самыя законныя потребности разсудка и жизни, пастыри и архипастыри, учи-

теля и учительницы, считали нужнымъ заставлять мальчика послѣ азбуки заняться часовникомъ, а послѣ него псалтырью; и вотъ, ученикъ начиналъ читать: Царю небесный; Святыи Боже; Пресвятая Троица; Слава Отцу и Сыну; Отче нашъ; Приидите поклонимся и проч. Я не стану спорить о томъ, что всѣ эти и имъ подобныя молитвы, псалмы, имѣють церковное значеніе, должны быть прочитываемы по заведенному порядку при томъ или другомъ богослуженіи, могутъ во взрослыхъ, которые поймутъ ихъ значеніе и смыслъ, пробуждать и поддерживать молитвенное настроеніе. Но молиться Богу можно научить, нисколько не пробуждая отвращенія отъ грамотности и не убивая любознательности. А между тѣмъ при обученіи грамотности прежде всего слѣдовало бы имѣть въ виду не пробуждать отвращенія къ ней, не убивать любознательности. Какая же любознательность появится въ дѣтяти, когда оно, побѣдивши буквы алфавита, слоги, титлованныя слова и знаки препинанія, начинаетъ читать статьи, которыхъ мысли превышаютъ его разсудокъ, въ которыхъ многія слова непонятны? Какую идею, какое чувство пробуждать въ немъ слова: иже, сый, ны, блаже, ради (вмѣсто для), еси и пр. и пр. Прибавьте къ этому безтолковость и непрактичность методы; дѣтяти не изяснять отношенія заученныхъ имъ уже слоговъ къ цѣлымъ словамъ; ему попадаютъ неизвѣстныя сочечанія буквъ, на примѣръ—рство въ словѣ царство, и проч.; ему опять приходится своимъ инстинктомъ понять, какъ изъ слоговъ составляются слова. А между тѣмъ и щипки, и толчки, и пощечины, и плетка, и розги не забываются, а нерѣдко учащаются. Единственнымъ почти поощреніемъ для мальчика служило то обстоятельство, когда онъ, выучивши часословъ или псалтырь, получалъ право отъ причетника прочесть что либо въ церкви при богослуженіи. Сознаніе, что вотъ-де я—мальчуганъ—читаю вслухъ въ церкви, что меня слушаютъ всѣ, хотя и самъ я и наибольшая часть изъ предстоящихъ ничего не понимаю,—льстило дѣтскому самолюбію. Но читать надобно было скороговоркою, честь эта доставалась немногимъ, преимущественно дѣтямъ духовенства.

Какъ будто нарочно для того, чтобы какъ можно долѣе продлить обученіе грамотности, а вмѣстѣ съ тѣмъ мученіе и страданіе дѣтей, чтобы еще болѣе пробудить отвращеніе отъ чтенія

черезъ повтореніе однихъ и тѣхъ же непонятныхъ статей, введенны были такъ называемые зады. Подъ этимъ разумѣлось слѣдующаго рода педагогическое распоряженіе. Ученикъ, сядя въ известный день за книгу, принимался не за новый урокъ, а повторять то, что онъ выучилъ читать въ предыдущіе одинъ или два дня; потомъ, въ субботу или понедѣльникъ, повторялось все, что было читано въ теченіе недѣли. Когда же выучивалась какая либо часть часовника или псалтыри, напримѣръ, полунощница, малое повечеріе, кафизма и проч., то находили нужнымъ одинъ или нѣсколько разъ ее повторить. Съ окончаніемъ часовника или псалтыри начиналось, такъ сказать, валовое многократное перечитываніе каждаго изъ нихъ, какъ говаривали, отъ одной доски до другой; это продолжалось недѣли, а иногда и мѣсяцы. У многихъ учителей особенно грозны были суббота или понедѣльникъ, въ которые происходило недѣльное повтореніе. Нѣкоторые снисходительные, или наскучившіе ежедневнымъ сѣченьемъ, не всегда выскивали всякую неисправность каждый день, ограничиваясь бранью, толчками, щипками и проч. и хватаясь за плетку и розгу по особенно уважительнымъ для нихъ причинамъ, требовавшимъ немедленнаго наказанія; но за то откладывали все до субботы или понедѣльника, прибавляя: „смотри, въ субботу или понедѣлнику выучи, а то достанется тебѣ“. Разумѣется, не всякій, даже рѣдкій являлся вполне исправнымъ; и вотъ тутъ начиналось сѣченье чуть не въ ряду всѣхъ; розги приготовлялись въ большомъ количествѣ и съ лучшими качествами; учитель уставлялъ, ему уже трудно было и держать и сѣчь; виновный укладывался на полъ, на скамью, въ которой иногда и привязывали его; но такъ какъ это было продолжительно, то чаще заставляли товарищей держать наказываемаго за руки и за ноги, чтобы они имѣли удовольствіе въ самой близи видѣть, какіе слѣды оставляетъ на обнаженныхъ частяхъ тѣла розга или плетка, которыя сейчасъ же будутъ и на нихъ разгуливать. Въ мое еще дѣтство многіе изъ духовныхъ лицъ, мѣщанъ, даже богатыхъ крестьянъ и проч., считали нужнымъ учить грамотности не однихъ сыновей, а и дочерей, и за недостаткомъ учительницъ отдавали тѣхъ и другихъ одному и тому же педагогу. Разумѣется, почти всегда расправы происходили съ дѣвочками по той же методѣ, какъ и съ мальчиками, притомъ въ общемъ ихъ присутствіи. О взаимномъ

созагнѣніи другъ къ другу и поминку не было; всякій жалѣлъ только о себѣ самомъ; напротивъ, всегда готовъ былъ и принимался съ удовольствіемъ помогать учителю сѣчь другаго; или по крайней мѣрѣ съ какимъ-то пріятнымъ любопытствомъ слѣдилъ за сѣченьемъ и старался такъ распорядиться собою, чтобы видны были тѣ части тѣла, на которыя падаетъ розга или плетка. Но мальчикамъ особенно нравилось, когда приходилось сѣчь дѣвочекъ; нравилось именно съ той стороны, которая должна бы пробуждать отвращеніе. „Любо,—говаривали молодые кавалеры,—смотришь, какъ дѣвокъ сѣкутъ; у нихъ все голо отъ пятокъ до спины; плохо только держать ихъ за ноги; рукамъ скользко“. За то мальчики считали высшею степенью униженія для себя, если учитель при сѣченьи заставлялъ дѣвочекъ держать ихъ, особенно за голову. Въ такомъ случаѣ надъ высѣченными обыкновенно смѣялись, говоря: „да твоя голова нынѣ, или вчера, была подъ подоломъ у дѣвки“.

Въ XVIII же столѣтіи и въ началѣ XIX, особенно въ Малороссіи, почти свято соблюдался, да и во время моего дѣтства не вездѣ былъ оставленъ обычай въ субботу сѣчь всѣхъ безъ исключенія учениковъ по особому церемоніалу, подъ видомъ какаго-то благочестиваго напоминовенія о почитаніи праздничныхъ дней; особенно любили держаться этого обычая причетники. По окончаніи, такъ сказать, лекціи, выдвигалась на средину скамейка, учитель подходилъ къ ней съ хорошимъ пучкомъ розогъ, ученики же вставали съ своихъ мѣстъ и каждый дѣлалъ нужныя приготовленія къ сѣченью, т. е. скидалъ верхнее платье, если оно было длинно, а не какая либо курточка, спускалъ подштанники; не обнажалъ себя, какъ нужно, но, выражаясь словами покойнаго Квитки, автора романа „Панъ Халаявскій“, „имѣлъ все въ надлежащей готовности и поддерживалъ только изъ приличія“. Учитель подзывалъ къ себѣ одного ученика, который, подошедши къ скамейкѣ, переставалъ держать изъ приличія то, что имѣлъ уже въ готовности; разумѣется, все упало къ волѣнамъ, а ежели мальчикъ былъ безъ сапогъ, то и до самыхъ пятокъ. Учитель наклонялъ и укладывалъ ученика на скамейку, заворачивалъ рубашку, подбиралъ руки его такъ, чтобы онѣ не мѣшали предстоящей операціи, а иногда поручалъ держать ихъ двумъ мальчикамъ, чтобы самому сосредоточить свою

дѣтельность на одной лозѣ или плеткѣ. Когда же рѣшительно все было въ готовности, тогда учитель обращался къ одному изъ учениковъ съ вопросомъ: какъ читается пятая заповѣдь Божія? Спрошенный начиналъ читать: помни день субботный еже святити его и проч.; а во время этого чтенія розга или плетка приводимы были въ ближайшее соприкосновеніе съ обнаженными членами. Если ученикъ былъ хорошъ, то удары были легки, иногда только для вида,—но все-таки, какъ бы онъ ни былъ исправенъ, все-таки ему надобно было лежать на скамьѣ въ полной готовности и выслушать въ этомъ положеніи пятую заповѣдь. Впрочемъ, хотъ изрѣдка, вѣроятно, для того, чтобы не забыть былъ день субботній, самый лучший ученикъ не могъ лежать спокойно и молча; полновѣстные удары учителя розгой и плеткой заставляли и его кричать и стараться вырваться. Заповѣдь прочитана, лежавшій на скамьѣ вставалъ и убирался, мѣсто его заступалъ другой. Если онъ принадлежалъ къ неисправнымъ, то уже удары сыпались съ полною силою и часто; тогда уже приказывали читать заповѣдь Господню не торопясь. Когда же очередь доходила до неисправнаго вполнѣ, до лѣниваго, или извѣстнаго шалуна, тогда начинали держать его не только за руки, но и за ноги, а чтецъ получалъ приказаніе читать какъ можно рѣже и вразумительнѣе, съ остановками и растяжками, а иногда даже и вновь начинать чтеніе, при томъ не одинъ разъ. Само собою, во время чтенія удары градомъ сыпались и при томъ съ полною силою. Дѣйствительно, долго станешь помнить подобные субботніе дни, даже едва-ли можно забыть ихъ!

При описанной мною методѣ, ученики не быстро выучивались грамотности, даже церковной. Я уже сказалъ, что иные не могли перешагнуть алфавитъ, другіе останавливались на слогахъ, но и прикипшіеся за часословъ и псалтырь, значить—болѣе даровитые, не скоро ихъ ованчивали. Многіе сиживали за ними три, четыре года и даже болѣе; самыхъ даровитыхъ держали на нихъ не менѣе двухъ лѣтъ.

Извините меня, г. читатель, что я такъ долго останавливалъ ваше вниманіе на церковной методѣ учить людей грамотности. Мнѣ хотѣлось убѣдить васъ быть снисходительнымъ къ намъ—вашимъ предкамъ, равно какъ и къ нашимъ предшественникамъ. Чего добраго, вы станете насъ обвинять въ недостаткѣ у насъ

любопытности; въ томъ, что мы не могли въ образованности сравняться съ современными намъ народами; что между нами такъ мало было грамотѣвъ, еще менѣе ученыхъ и истинно образованныхъ людей. Будьте къ намъ и нашимъ предметъ милосерды! Вѣдь чувствовать расположеніе и влеченіе къ наукѣ, когда она начиналась для насъ азами и буками, букказвами и вѣднзвами, звательцами и ероками, часословами и псалтырями, ну, право, намъ было трудно. Еще менѣе могли расположить къ наукѣ безчисленное множество оплеухъ, щипковъ, толчковъ, ударовъ розгами и плетками, двуххвостками и треххвостками. Немногіе изъ насъ могли перенести всѣ эти пріятности; но и тѣ, которые какъ нибудь переносили ихъ, послѣ, какъ увидимъ, въ итогъ встрѣчали еще больше препятствій къ развитію и поддержанію своей любознательности.

Потомъ мнѣ хотѣлось порадовать васъ, г. читатель. Вѣроятно, вы, прочитавши мое описаніе методы обученія грамотности, перекреститесь и скажете съ удовольствіемъ: „слава Богу, что я живу въ другія, болѣе счастливыя времена; у насъ нынѣ такъ легко, такъ пріятно учать грамотности всѣхъ до одинаго, у насъ нынѣ не трогаютъ ни азовъ, ни буквъ, ни оксій, ни ерововъ“. Поздравляю васъ изъ могилы моей съ такимъ счастіемъ. Но что, если мое поздравленіе будетъ не встать и не исполнѣ приложимо ко всѣмъ? Что, если и у васъ азы и ероки составляютъ основу грамотности? Конечно, и нынѣ у многихъ образованныхъ родителей дѣти выучиваются читать играя и шутя; конечно, у васъ еще болѣе найдено будетъ средствъ учить такимъ образомъ. Но станутъ ли и у васъ всѣхъ безъ исключенія, всѣхъ—и мѣщанъ и крестьянъ—обучать рациональнымъ образомъ, а не по дьячковски? Вотъ въ чемъ вопросъ. Между тѣмъ, слушая нынѣ карканье черныхъ вороньевъ, краснорѣчивыя и патетическія рѣчи іереевъ и архіереевъ въ защиту кириллицы, настоятельныя почти требованія, чтобы въ народныхъ школахъ учили непременно поны, дьяконы и дьячки или семинаристы, учили непременно по церковной печати, придерживались старинной нашей методы,—по неволѣ задумываешься о томъ, не доживетъ-ли эта метода и до вашего времени, г. читатель! Вѣдь вотъ недавно, уже въ 1867 году, введено въ семинаріяхъ преподаваніе педагогики, съ тѣмъ, чтобы будущихъ нашихъ и вашихъ пастырей сдѣлать способными

учить прихожанъ грамотности. И что же? нашелся же одинъ отецъ-архимандритъ, который, какъ я уже сказалъ въ этой главѣ, въ качествѣ наставника педагогики доказывалъ будущимъ пастырямъ, что надобно первоначально учить славянской грамотѣ, что нужно алфавитъ читать не а, бе, ве и проч., а—азъ, буки, вѣди. Если почва будетъ благопріятна для подобныхъ насажденій, то долго-долго еще будетъ господствовать кириллица. Я еще не разъ возвращусь къ этому предмету, а теперь скажу: если духовенство удержитъ то же настроеніе, какое нынѣ (1868 г.) ему свойственно, то будетъ плохимъ руководителемъ народныхъ массъ въ дѣлѣ образованности. И если оно захватитъ въ свои руки народное образованіе, то на прогрессъ, по крайней мѣрѣ быстрый, рассчитывать трудненько. Дай Богъ, чтобы мои опасенія не сбылись!

Время теперь обратиться къ моимъ ученымъ занятіямъ. Батюшка мой, занятый священническою службою и хлопотами по хозяйству, не находилъ возможности самому обучать меня грамотности. Поэтому я непременно отданъ былъ бы въ ученіе, какъ тогда говаривали, какому либо вольнопрактикующему педагогу—дьячку или солдату, даже, можетъ быть, въ другое село, и тамъ, по всей вѣроятности, испыталъ бы на себѣ въ подробности всѣ частности описанной мною методы, даже регулярныя напоминовенія о субботнемъ днѣ, если бы, къ величайшему моему счастью, моя матушка не составляла исключенія изъ тогдашнихъ попадей. Она умѣла хорошо читать и церковную и гражданскую печать и приняла на себя обязанность учить грамотности и меня, а потомъ старшихъ моихъ сестеръ. Родители мои были люди небожные; обученіе мое начали они молитвою. Это происходило во время зимы 1814—1815 гг., когда въ нашей избѣ, вмѣстѣ со всѣми нами, жилъ еще вновь поступившій въ Палищи священникъ Ѳеодоръ Энеидовъ на мѣсто замерзшаго отца Василия и не успѣвшій еще выстроить себѣ новаго дома. Какъ теперь помню, вечеромъ зажгли у образовъ восковыя свѣчи; отецъ Ѳеодоръ надѣлъ на себя эпитрахиль, подъ которую меня поставили, и началъ вмѣстѣ съ моимъ батюшкою совершать молебень предъ началомъ ученія. Молебна я не понималъ, да и не слушалъ, но меня очень занимало мое положеніе подъ эпитрахилью, откуда я не могъ не выглядывать, съ тѣмъ, чтобы переглядываться съ моими сестрами. Съ этого-то вечера начались мои

ученія и литературныя занятія. Разумѣется, меня стали обучать по кириллицѣ, по церковной печати, съ аза и буки и пр. Не обвиняю за это моихъ родителей, потому что въ то время, въ глуши Касимовскаго уѣзда, даже и не представляли возможности иначе учить, особенно поповскаго сына. Но нельзя не сказать, что если бы я обучался по другимъ методамъ, которымъ теперь стали слѣдовать свѣтскіе образованные педагоги, то гораздо скорѣе выучился бы грамотности и менѣе былъ бы наказываемъ, нежели обучаясь по кириллицѣ.

Я не былъ избалованъ, имѣлъ очень хорошія умственныя способности, особенно громадную память, былъ даже любознателенъ. Поэтому обученіе грамотности не могло бы быть для меня тягостнымъ, по крайней мѣрѣ—слишкомъ; и если бы она удовлетворяла и подстрекала мою любознательность, то, по всей вѣроятности, я былъ бы прилежнымъ ученикомъ. Но нельзя не сказать, что славянщина, церковная печать, часословъ и псалтырь вовсе не привлекали къ себѣ, не интересовали меня. Конечно, изъ опасенія подвергнуться наказанію я садился или по приказу, или даже самъ собою въ урочный часъ за книжку; но, по правдѣ сказать, вовсе безъ всякой охоты. Новые уроки еще мнѣ были не тяжелы; вѣроятно, въ простотѣ сердца я еще думалъ, авось либо новый урокъ что либо сообщить мнѣ новое, неизвѣстное. Между тѣмъ встрѣчалъ я все тѣ же иже, дондеже, бяху, сице, абіе, убо и пр.; чувствованія и мысли, заключавшіяся въ молитвахъ часослова и въ псалмахъ Давида, мнѣ были вовсе недоступны и нисколько не занимательны, да болѣею части ихъ, подъ славянскимъ покровомъ, я и не понималъ. Нужно было только читать—для того, чтобы прочитано было. Но ничто не возбуждало во мнѣ столько отвращенія, какъ зады; ими-то я особенно тяготился и отъ нихъ-то я старался какъ нибудь отдѣлаться, и, пойманный въ своихъ продѣлкахъ по этой части, долженъ былъ частенько испытывать боль отъ плетки, или прута изъ вѣника. По господствовавшимъ тогда педагогическимъ понятіямъ, ученикъ долженъ былъ, какъ я уже выше говорилъ, указать указкою не только на строку, но и на каждое слово, которое онъ произносилъ. Но каждый новый урокъ нужно бывало прочесть разъ пять и даже десять, потомъ повторять его множество разъ въ видѣ задовъ. Такимъ образомъ, при огромной моей памяти, я, не пони-

отъ него распоряженіями. Спицынъ не могъ же любить своего соперника и, гдѣ можно было, препятствовалъ ему. Такъ поступалъ онъ и при обсужденіи вопроса о постройкѣ новой церкви. Предпріятіе, дѣйствительно, было смѣлое; прихожанамъ на своихъ подводахъ нужно было ѣздить за желѣзомъ, бѣлымъ камнемъ и известью въ гусевскій заводъ, въ село Малѣево и въ другія мѣста за 80—90 верстъ; потомъ нужно было много денегъ на уплату рабочимъ и проч., а запаснаго капитала въ церкви почти вовсе не было. Народныя сходки бывали необыкновенно оживленныя, даже бурныя. Особенно одна изъ нихъ произвела на меня сильное впечатлѣніе. Она происходила на улицѣ, недалеко отъ нашего дома; меня не пустили на улицу, изъ опасенія быть задавленнымъ, и потому я смотрѣлъ на сцену изъ открытаго окна. Шумъ былъ ужасный; батюшка мой, поддерживаемый особенно двумя бурмистрами деревень Спудней и Авинцовъ, велъ оживленный, шумный споръ съ Спицынымъ; народъ еще колебался между тѣмъ и другимъ соперникомъ. Наконецъ, смотрю, какъ Спицынъ быстро протѣснился вонъ изъ толпы, сѣлъ на лежащее бревно и, упершись локтемъ лѣвой руки на ногу, ладонью поддерживалъ свою наклоненную голову; видно было, что онъ чувствовалъ себя побѣжденнымъ и не зналъ, на что рѣшиться. Между тѣмъ шумъ утихалъ, и наконецъ и Спицынъ всталъ; и мой батюшка одержалъ побѣду; прихожане согласились строить каменную и теплую церковь. Должно, однако, отдать честь Спицыну, за то, что онъ послѣ, когда началась постройка церкви, не дѣлалъ никакихъ препятствій, и высылалъ потребное количество подвоя изъ подвѣдомственной ему вотчины безъ всякихъ проволочекъ.

Батюшка мой, снабженный довѣренностью отъ причта и прихожанъ, поѣхалъ въ Рязань, чтобы получить дозволеніе строить новую каменную церковь, а одну изъ деревянныхъ—меньшую—упразднить, или, какъ говорятъ, нарушить. Архіереемъ въ то время въ Рязани былъ Теофілактъ, бывшій потомъ епископомъ въ Грузіи. Батюшка мой былъ смѣлый человекъ и довольно независимый по своему характеру; поэтому своимъ обращеніемъ обратилъ на себя вниманіе архіерея, видѣвшаго въ другихъ духовныхъ лицахъ только униженныхъ поклонниковъ своего величія. Когда же услышалъ, что онъ берется быть строителемъ

каменной церкви, то сказалъ ему: „Охъ! молодой священникъ! смѣлъ ты слишкомъ! Знаешь ли ты, какъ трудно построить новую каменную церковь?“ и пр. Но когда батюшка мой, можетъ быть, немножко обидѣвшись тономъ архіерея, съ воодушевленіемъ, ясно изложилъ свои соображенія, то архіерею онъ очень понравился и, получивъ благословеніе строить церковь, услышалъ еще въ добавокъ слова: „Я тебя не забуду; тебя отсюда надобно куда нибудь вывести на мѣсто повиднѣе“.

По возвращеніи батюшки изъ Рязани, приступили къ постройкѣ церкви. У меня остались особенно въ памяти самая закладка ея и потомъ нарушеніе одной изъ деревянныхъ церквей. Торжественный крестный ходъ, развѣвající хоругви, множество иконъ, многочисленное стеченіе народа, великолѣпныя облаченія всего церковнаго причта, торжественный колокольный звонъ, громогласное пѣніе молебное на открытомъ воздухѣ—все это произвело на меня сильное впечатлѣніе; особенно торжественны были минуты, когда весь народъ съ глубокимъ благоговѣніемъ всталъ на колѣни и въ этомъ положеніи слушалъ молитву, которую мой отецъ читалъ громкимъ голосомъ. Нарушеніе же старой церкви тоже сильно подѣйствовало на меня, но съ другой стороны. Въ церквахъ, которыя назначаются къ упраздненію, служатъ торжественно литургію въ послѣдній разъ, потомъ служатъ молебенъ, а послѣ, въ заключеніе, снимаютъ съ престола и жертвенника всѣ священные предметы: сосудъ, дискосъ, евангеліе, ковчегъ и пр., даже всю одежду, которая его покрывала со всѣхъ сторонъ, такъ что остается, такъ сказать, только одинъ голый деревянный его скелетъ, состоящій изъ нѣсколькихъ брусевъ и досокъ, а наконецъ сдвигаютъ съ мѣста и самый скелетъ. На народъ все это производитъ трогательное впечатлѣніе; въ Палищахъ при этомъ случаѣ и духовенство и многіе изъ прихожанъ плакали. Разумѣется, и намъ—дѣтямъ, смотрѣвшимъ на все это, нельзя же было не заплакать.

Черезъ нѣсколько дней происходила новая сцена, только уже въ присутствіи однихъ сельскихъ жителей и разнаго рода рабочихъ. По существующимъ обычаямъ и даже, кажется, узаконеніямъ, лѣсъ деревянной церкви только и можетъ быть употребленъ на новую церковь, но ни въ какомъ случаѣ на какія либо жилища, такъ сказать, мірскія строенія. Если же нельзя или не хотятъ

отдать лѣсъ старой церкви на новую, то его употребляютъ на обжиганье кирпича, изъ котораго должна построиться церковь. Въ Палицахъ сдѣлано было послѣднее употребленіе. Но для этого надобно было разломать церковь. Начали съ главы, содрали съ ея шейки тесовую обшивку, подрубили подставки, на которыхъ она утверждалась, и привязали къ ней одинъ конецъ веревки, тогда какъ за другой ухватилось нѣсколько десятковъ людей. По данному знаку они начали тянуть за веревку; вѣроятно, глава не исполнѣ еще отдѣлена была отъ своего фундамента, поэтому нѣсколько секундъ оставалась неподвижною; наконецъ, начала покачиваться и вскорѣ всею массою полетѣла внизъ. Не знаю почему, но на меня, стоявшаго весьма далеко отъ церкви, это паденіе произвело потрясающее дѣйствіе. Мнѣ жалко было главы, и потомъ еще болѣе жалко было смотрѣть на церковь, которая, безъ своей главы, казалась какимъ-то страннымъ зданіемъ.

Но моему батюшкѣ не удалось окончить начатую имъ постройку палищенской церкви. Архіепископъ Теофілактъ не забылъ его. Въ 1816 году братъ моего батюшки, тоже Иванъ Мартыновичъ, кончилъ курсъ въ Рязанской семинаріи. Дѣдушкѣ моему, тумскому священнику Мартину Ларіоновичу, въ это время было съ небольшимъ 50 лѣтъ. Между тѣмъ онъ рѣшился сдать свое священническое мѣсто второму своему сыну. Къ этому располагали его двѣ болѣзни: грыжа и боль въ поясницѣ. Обѣ онѣ произошли отъ того, что въ молодости дѣдушка мой былъ слишкомъ работающимъ человекомъ, не жалѣлъ своихъ силъ, особенно когда былъ причетникомъ въ Шеянкахъ; тамъ онъ работалъ едва-ли менѣе всякаго крестьянина. Страданія его и отъ грыжи и отъ поясницы иногда достигали высочайшей степени. Не смотря на твердый, непреклонный свой характеръ, не смотря на то, что былъ вовсе не нѣженка, а привыкъ и умѣлъ молча переносить душевные и тѣлесныя страданія,—отъ грыжи и боли въ поясницѣ онъ иногда принужденъ былъ кричать. Это-то, кажется, обстоятельство и заставило его подумать о томъ, какъ бы передачею своего мѣста одному изъ сыновей обезпечить кусокъ хлѣба своей семьѣ, состоявшей еще изъ жены, матери, сына и дочери. Вѣроятно, дѣдушка опасался встрѣтить затрудненія своему намѣренію. Тума Никольская считалась отличнымъ, богатымъ селомъ; наследственность мѣстъ въ духовномъ званіи тогда еще не совсѣмъ утвердилась.

Поэтому дѣдушка взялъ съ собою въ Рязань моего батюшку, въ томъ предположеніи, что если архіерей не захочетъ опредѣлить на его мѣсто втораго сына, то не позволитъ-ли моему батюшкѣ, уже заслуженному и извѣстному съ хорошей стороны священнику, перейти въ Туму, а моему дядѣ Ивану Мартыновичу священствовывать въ Палищахъ.

Дѣдушка и дядюшка явились къ владыкѣ съ покорнѣйшимъ прошеніемъ. Владыка, прочитавши его, остановился на словахъ: Иванъ Мартыновъ, и, вслѣхъ повторивъ нѣсколько разъ эти слова, обратился съ вопросомъ къ моему дѣдушкѣ: „А что? нѣтъ-ли у тебя другаго сына Ивана Мартынова—священника гдѣ-то тамъ ко Владиміру, за болотами?“ Дѣдушка отвѣчалъ, что есть. Тогда архіерей сказалъ: „Пожалуй, я позволю тебѣ сдать свое мѣсто сыну, только не этому (указывая на дядюшку), а тому—палищенскому, а этотъ молодой пусть поступитъ на мѣсто брата. Посылай поскорѣе за старшимъ своимъ сыномъ“.—Да онъ здѣсь, владыка святой,—отвѣчалъ мой дѣдъ.—„Такъ веди же его скорѣе ко мнѣ“,—отвѣтилъ архіерей. Батюшка мой, въ ожиданіи архіерейскаго рѣшенія на прошеніе дѣдушки, ходилъ недалеко отъ архіерейскаго дома, близъ соборной церкви. Дѣдушка тотчасъ съ нимъ и съ другимъ сыномъ написалъ новое прошеніе и всѣ вмѣстѣ пошли къ архіерею.—„Ну, вотъ,—сказалъ владыка, увидѣвши моего батюшку,—я тебя не забуду; полно тебѣ быть тамъ въ глуши, ступай въ Туму, ты мнѣ тамъ нуженъ“. Дѣло состояло въ томъ, что Тума была трехштатнымъ селомъ и центральнымъ мѣстомъ для 13—15-ти сель, которыя составляли одно благочиніе. Благочиннымъ въ то время былъ тоже тумскій священникъ Никифоръ Мироновъ, мой дядя по своей женѣ, той самой теткѣ и крестной матери, съ которою, какъ выше сказано, я не хотѣлъ цѣловаться. Отецъ Никифоръ былъ человекъ въ высшей степени добрый, но слишкомъ слабый и недалекаго ума. Архіерею давно хотѣлось замѣнить его болѣе дѣльнымъ благочиннымъ. Вотъ почему мой батюшка и переведенъ въ Туму; въ Палищахъ онъ не могъ быть благочиннымъ, потому что село дѣйствительно было гдѣ-то въ углу, за болотами, и отстояло бы отъ нѣкоторыхъ сель благочинія на 70 верстъ.

Не смотря на то, что Тума рѣшительно почти во всѣхъ отношеніяхъ лучше Палищъ, но моему батюшкѣ, особенно матушкѣ,

чрезвычайно не хотѣлось разставаться съ послѣднимъ. Съ ними я объ этомъ никогда не говорилъ, но догадываюсь, что они имѣли много поводовъ не желать предложеннаго имъ перехода. Дѣдушка былъ человѣкъ крутаго характера, самостоятеленъ и настойчивъ до-нельзя. Конечно, онъ былъ прекрасный сельскій хозяинъ (въ тогдашнемъ смыслѣ), работалъ самъ лучше всякаго работника, но любилъ, чтобы ему никто въ этомъ не препятствовалъ, чтобы всѣ безпрекословно исполняли его распоряженія. Батюшка мой зналъ своего отца и зналъ, что послѣдній, будучи даже за штатомъ, не позволитъ полевымъ хозяйствомъ распоряжаться настоящему хозяину. Потомъ, у него жива была еще мать, моя прабабушка, на которую дѣдушка по своему характеру вполне походилъ; затѣмъ, жива тоже была и дѣдушкина жена, женщина, конечно, добрая, но находившаяся въ полной командѣ своего мужа. Такимъ образомъ, моя матушка, по переѣздѣ въ Туму, имѣя право быть настоящею хозяйкою дома, встрѣтила выше себя двухъ еще старыхъ хозяекъ, которыя, какъ можно было предвидѣть, не захотятъ занимать второстепенныя мѣста въ дому. Кромѣ того, у дѣдушки былъ еще третій сынъ Василій, учившійся въ духовномъ уѣздномъ училищѣ и учившійся бойко, да еще была дочь Афимья, лѣтъ 14—15-ти; того и другую надобно было содержать, а послѣднюю и выдать въ замужество моимъ родителямъ, которые уже имѣли своихъ пятерыхъ дѣтей. Вѣроятно, по этимъ причинамъ, когда мой отецъ, уже тумскимъ священникомъ, возвратился въ Палици, они съ моею матушкою вовсе не были веселы, а матушка частенько и плакала.

Не смотря на то, что распоряженіе о перемѣщеніи было сдѣлано въ октябрѣ, если не въ сентябрѣ 1816 года, мы оставались всю зиму еще въ Палицахъ. Каждую субботу мой батюшка отправлялся въ Туму, а дядюшка, посвятившійся въ священники и жившій у дѣдушки, ѣздилъ въ Палици; оба брата встрѣчались на дорогѣ, здоровались, толковали между собою и потомъ продолжали каждый свою дорогу. Въ понедѣльникъ совершалось возвратное движеніе. Понятно было, почему моимъ родителямъ не хотѣлось переѣзжать на зиму въ Туму. У нихъ уже было пятеро дѣтей, три человѣка купленной женской прислуги, сами двое, всего 10 человѣкъ въ семействѣ. Дѣдушкино семейство состояло еще изъ пяти человѣкъ, кромѣ работника. Но дѣдушка жилъ вполне по старинѣ, у него во время

зимы служила для житья только одна изба, а горница была холодная; стояла еще другая изба, но она отдавалась въ наемъ дворнику съ правомъ содержать постоялый дворъ. Такимъ образомъ, если бы мы переселились на зиму изъ Палищъ въ Туму, то въ одной избѣ пришлось бы помѣщаться 15—16-ти человѣкамъ.

Впрочемъ, въ теченіе зимы, особенно въ 1817 г., батюшка мой мало по малу началъ перевозить свое имѣніе въ Туму, и на своей лошади и при пособіи другихъ своихъ знакомыхъ, которые ему давали для этого лошадей своихъ. Наконецъ, кажется, въ концѣ шестой недѣли Великаго поста, совершилось наше окончательное переселеніе въ Туму. Помню, какъ духовныя палищенскія лица собрались къ намъ въ домъ, какъ служили напутственный молебень, какъ моя матушка горько плакала, какъ даже батюшка прослезился. Повончивъ всѣ предварительные обряды, мы вышли на дворъ; тутъ стоялъ чуть не цѣлый обозъ; кажется, было подводъ 8—10; усадили насъ въ сани, укутали въ тулупы, потому что еще была зима, и, наконецъ, мы двинулись въ путь. Черезъ все село ѣхали шагомъ; едва-ли не всѣ жители его отъ мала до велика насъ провожали; матушка, съ которою я сидѣлъ въ однихъ саняхъ, раскланивалась и прощалась со всѣми; батюшки я не видалъ, онъ сидѣлъ въ другихъ саняхъ. Къ вечеру мы пріѣхали въ Туму и были встрѣчены семействомъ дѣдушки. Въ Палищахъ я былъ еще дитя, ребенокъ; въ Туму явился я отрокомъ, мальчикомъ, который кое-что уже понималъ, еще болѣе желалъ понимать, росъ и выросъ до 20-ти-лѣтняго возраста.

Въ заключеніе этой главы хочу сдѣлать нѣсколько замѣчаній о той роли, которую играла въ то время мѣдная монета, если не во всемъ Русскомъ царствѣ, то, по крайней мѣрѣ, у деревенскихъ жителей подмосковныхъ губерній. Мѣдные пятаки, гроши, копѣйки, денежки, полушки (попадались даже мордочки = $\frac{1}{8}$ ч. копѣйки) были чуть не единственною ходячею монетою въ концѣ нашего палищенскаго и въ началѣ тумскаго житья; серебряныя рубли и полтинники, особенно золотые полумперіалы и имперіалы, принадлежали къ рѣдкостямъ; даже мелкая серебряная монета и ассигнаціи мало видны были въ ходу. Поэтому духовенство, возвращаясь домой послѣ своихъ хожденій по приходу во время храмовыхъ и другихъ праздниковъ, привозило множество мѣди; карманы поповскихъ подрясниковъ, какъ ни были крѣпки и ве-

лики, не всегда могли вмѣстить въ себѣ весь дневной сборъ; нужно было съ собою брать небольшіе мѣшочки, которые и носилъ какой либо причетникъ, иногда даже на плечѣ. Послѣ этого неудивительно, что, по пріѣздѣ домой для дѣлежа, въ домѣ священника насыпалась изъ мѣшечковъ и кармановъ на столъ очень большая куча мѣди; начинался ея счетъ, составлялись отдѣльные столбики изъ пятаковъ, грошей, копѣекъ,—разставленные въ видѣ не только рядовъ, но и пирамидъ, и по раздѣлѣ разносились по домамъ. Здѣсь, особенно у священниковъ, раскладывались по мѣшкамъ по 25 рублей ассигнаціями въ каждомъ, запирались въ сундуки, а иногда складывались гдѣ либо въ кладовомъ чуланѣ въ видѣ полѣвницы или треугольника. Когда же, по распоряженію правительства, подати должны были вноситься въ казначейство ассигнаціями, то крестьяне принуждены были добывать ихъ въ обмѣнъ на свои мѣдные деньги у достаточныхъ людей,—которые, разумѣется, не пропускали этого случая, чтобы поживиться нѣсколькими процентиками. Такимъ образомъ, мѣра, которою хотѣли возстановить государственный кредитъ, послужила къ обремененію крестьянъ. Вскорѣ послѣ переѣзда нашего въ Туму, стала появляться серебряная и золотая монета, но и мѣдной еще было въ волю, и въ сундукахъ своего отца я видалъ еще много мѣшечковъ съ нею.

Догадливые тогдашніе люди умѣли мѣдной монетѣ придавать болѣе нежели двойную цѣну. Пудъ монетной мѣди заключалъ въ себѣ только 16 рублей, а мѣдь въ продажѣ стояла до 40 руб. ассигнаціями; слѣдовательно, требовалось только расплавить пятаки, гроши и пр., и вотъ получался барышъ чуть не 150%. Этими пользовались многіе мастера мѣдныхъ дѣлъ, особенно литейщики волоколовъ; тульскіе самоварщики и пр. Правительство, конечно, за это преслѣдовало попадавшихъ ему виновныхъ, сѣкло кнутомъ, ссылало въ каторжную работу и пр., но слишкомъ большіе барыши заставляли рисковать опасностью. Наконецъ, оно рѣшилось выбрать изъ обращенія старую мѣдную монету и замѣнить ее новою, болѣе дешевою. Старую приказано было отвозить въ уѣздныя казначейства, откуда и выдавались вмѣсто нея ассигнаціи. Тутъ явилось множество скупщиковъ ея, давали за нее не только ходячую цѣну, но даже немного высшую; очевидно, что скупщики были агентами тѣхъ промышленниковъ, кото-

рые надѣялись употребить монету на разные издѣлія съ выгодною для себя. По носившимся тогда слухамъ оказалось, что у многихъ сельскихъ богачей—даже крестьянъ—собрано было мѣдной монеты цѣлые возы, такъ что для обмѣна ея въ казначействѣ требовалось отправлять обозъ. Рассказывали, что какой-то крестьянинъ Муромскаго уѣзда объявилъ о 80,000 руб. ассигнаціями, у него собранныхъ, и просилъ дать паставленіе, что ему дѣлать съ этими тысячами. Говорили, что будто-бы само правительство перевезло всѣ эти 5,000 пудовъ на свой счетъ въ какой-то баркѣ по Окѣ—куда-то. Разумѣется, оно не было въ убыткѣ: вся эта мѣдь, передѣланная въ новую монету, стоила до 200,000 руб. Но другой крестьянинъ, вѣжется, еще до выхода новой монеты, поступилъ очень хитро. Свое мѣдное богатство онъ собиралъ въ крѣпкій амбаръ, стоявшій на гумнѣ, гдѣ, разумѣется, былъ у него и караулъ. Для того будто-бы, чтобы воры не рѣшились когда нибудь прорубить стѣны амбара, крестьянинъ обетавилъ его большими плахами дровъ. Но въ одну лѣтнюю ночь, когда была сильная гроза, „вдругъ дрова и амбаръ загорѣлись“; все было такъ хорошо подготовлено, что огонь быстро охватилъ зданіе. Сбѣжался народъ; хозяинъ выражалъ полное отчаяніе: вѣдь тутъ у него лежало все его богатство; тушить огонь было поздно, да и не настояло надобности, такъ какъ деревнѣ не грозило никакой серьезной опасности. Мѣдь, разумѣется, расплавилась и большею частію ушла въ землю. Но раззоренный хозяинъ собралъ ея слитки и сдѣлался вдвое богаче. Подѣлился, какъ и слѣдовало, со властями, которыя слѣдствіемъ доказали, что пожаръ произошелъ отъ молніи, противъ воли и желанія хозяина, не скоро былъ замѣченъ, такъ какъ сторожъ, желая укрыться отъ дождя, забрался въ избу и тамъ заснулъ; всѣ вышли чуть не святые.

Д. И. Ростиславовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЗАПИСКИ Д. И. РОСТИСЛАВОВА,

ПРОФЕССОРА СПБ. ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ.

† 18 февраля 1877 г.

Г л а в а VII-я ¹⁾.

О разбоях и воровствахъ, которые происходили въ XVIII и XIX столѣтіяхъ близъ Тумы и въ другихъ недалекихъ отъ нея мѣстахъ.

Мы, учившіеся чему либо происхожденцы изъ Тумы, любили, бывало, отыскивать этимологическое значеніе этого названія и находили, что въ русскомъ языкѣ только и есть одно слово тумакъ, которое можетъ имѣть одинъ и тотъ же этимологическій корень съ Тумою. Тумакомъ обыкновенно назывался сильнѣйшій ударъ, который могъ наносить одинъ человѣкъ другому; дать тумака почти то же значить, что убить до смерти. Не знаю, которое изъ двухъ словъ—Тума или тумакъ—надобно признать одно кореннымъ, а другое производнымъ, или они оба имѣютъ общій имъ корень въ языкѣ какого либо стариннаго финскаго племени; но надобно сознаться, что, не задолго до моего рожденія, Тума и тумакъ имѣли болѣе нежели одно этимологическое сходство. Уже въ царствованіе Екатерины II-й Тума была, по народному выраженію, разбойничьимъ селомъ, или по крайней мѣрѣ притономъ для разбойниковъ. Отъ моего дѣдушки Мартына я много разъ слышалъ, что разбойники, промышлявшіе около Тумы или въ ней самой, болѣею частью принадлежали по своему происхожденію къ мѣстному духовенству. При Екатеринѣ многіе цер-

¹⁾ См. «Русскую Старину», изд. 1880 г., т. XXVII, стр. 1—38; 545—572; 681—704.

вовники, именно взрослые дѣти духовенства, нигдѣ не учившіяся, никуда не приписанные, должны были поступать въ военное званіе. Оно имъ не понравилось; надобно же было гдѣ либо привитать и чѣмъ либо промышлять. Въ Тумѣ были ихъ родные, знакомые, даже отцы и братья; село стояло на проѣзжей дорогѣ, была хорошая и пожива,—зачѣмъ же исать другаго пристанища? Сначала, можетъ быть, они открыто жили въ домахъ, но когда полиція стала ихъ преслѣдовать, то надобно было скрываться въ подпольяхъ, овинахъ, погребехъ, на сѣнникахъ и пр., или даже вырывать землянки въ сосѣднихъ лѣсахъ.

Между добрыми мѣлодцами, происходившими изъ духовнаго званія и занимавшимися около Тумы разбоемъ, былъ даже нашъ родственникъ Кузьма Михайловичъ, родной братъ Авдотьи Михайловны—матери дѣдушки Мартына. Когда, при Еватеринѣ II, было предписано всѣхъ безмѣстныхъ церковниковъ завербовать въ солдаты, то Кузьма Михайловичъ бѣжалъ съ какими-то Иваномъ Григорьевымъ и Самойлою; всѣ они бродили около Тумы по лѣсамъ и занимались надзоромъ надъ большою дорогою и чужими амбарами и кладовыми. У моего родственничка былъ злой врагъ Алексѣй—отецъ Паралинскаго дьякона Федота, грозившій непременно поймать его. Кузьма Михайловичъ струсилъ и, оставивъ товарища, бѣжалъ въ Саратовъ подъ именемъ мѣщанина Петра Кондратьева. Имѣя хорошій голосъ, онъ взятъ былъ въ архіерейскій хоръ, потомъ сдѣланъ дьякономъ, и наконецъ священникомъ. Будучи дьякономъ, онъ пріѣхалъ въ село Шеянки, гдѣ еще живъ былъ отецъ его, священникъ Михаилъ, и тутъ же жили его жена съ дочерью. Пріѣздъ былъ, разумѣется, секретный, ночью. Прабабушка моя Авдотья Михайловна, первая услышавши стукъ, имѣла переговоры съ братомъ, сказала отцу; тотъ всталъ, велѣлъ впустить сына, который и прожилъ двое сутокъ у него. Послѣ Кузьма съѣздили въ село Прудки къ отцу жены своей, которая въ то время гостила тамъ, и увезъ ее съ дочерью въ Саратовъ. У нея было три сына, одинъ дьякономъ, другой священникомъ въ Саратовской губерніи, и третій въ Астрахани чиновникомъ. Отъ послѣдняго дядюшка Иванъ Мартыновичъ въ сороковыхъ годахъ получилъ поклонъ чрезъ своихъ прихожанъ—плотниковъ деревни Панцыровой. Но и дѣдушка Мартынъ, когда

мы уже жили въ Тумѣ, имѣлъ переписку съ Кузьмою Михайловичемъ.

Впрочемъ, надобно правду сказать, что между духовенствомъ дѣдушкинаго и послѣдующихъ даже временъ многіе не отличались духомъ кротости и смиренія, прибѣгали для поддержанія своихъ требованій не только къ кулачному, но и къ дубинному и ножовому праву, или, по крайней мѣрѣ, любили водить хлѣбъ-соль съ ворами и разбойниками. Покойный дѣдушка самъ рассказывалъ, что при Екатеринѣ II въ селѣ Екшурѣ, верстахъ въ 25-ти отъ Тумы, наказывали кнутомъ тамошняго священника, за такъ называемое пристанодержательство; но было подозрѣніе, что онъ даже и самъ участвовалъ въ воровствѣ и разбояхъ. Смѣшно было слушать, да и самъ дѣдушка .улыбался, рассказывая, что почтенный іерей, или уже эвсъ-іерей, котораго спина была исполосована кнутомъ, немного отдохнувши и собравшись съ духомъ, вступилъ въ разговоръ съ знакомыми духовными и съ бывшими своими прихожанами. И когда тѣ и другіе, поговоривши, прощались съ нимъ, то онъ никакъ еще не-хотѣлъ счесть себя каторжникомъ, а продолжалъ разыгрывать роль священника. Отъ священниковъ не принималъ благословенія, а цѣловался съ ними какъ съ равными, произнося даже слова: Христосъ посреди насъ. Всѣмъ же прочимъ говорилъ: „Ну, прощай, прощай,—да что же ты не просишь у меня благословенія?“ И благословлялъ тѣхъ, которые протягивали ему руку, а потомъ свою давалъ имъ для лобзанія.

Въ селѣ Архангельскомъ, Егорьевскаго уѣзда, уже въ 1809 г. было трагическое событіе. Тамъ священствовалъ отецъ моей матушки Никита. Онъ былъ человекомъ добрымъ и уживчивымъ, любимъ своими прихожанами, и во всякомъ случаѣ не принадлежалъ къ забіякамъ. Но вмѣстѣ съ нимъ служилъ дьяконъ (имя его уже я забылъ), отличавшійся буйнымъ характеромъ и умѣвшій передать свои разбойничьи ухватки потомству своему. Въ одинъ праздничный день въ сентябрѣ 1809 г., отецъ Никита сидѣлъ у своего окна вмѣстѣ съ нѣкоторыми изъ сельчанъ. Въ это время сестра дьякона, немолодая уже особа, разыгравшись, принялась плясать и припѣвать разныя разности,—вообще повела себя не очень благопристойно. Когда она выдѣлывала свои залихватскія па передъ дѣдушкою, то старикъ сказалъ ей: „Что ты, дура?

сума что-ли сходишь? Вотъ тебя бы палкою хорошенько“,—и дѣйствительно слегка ударилъ ее бывшимъ у него въ рукахъ посошкомъ. Дьяконова сестра, обидѣвшись и выговоромъ и ударомъ, закричала и побѣжала жаловаться любезному братцу. Этого не долго думалъ, схватилъ въ руки одинъ изъ такъ называемыхъ крюковъ, на которыхъ обыкновенно укрѣпляются кровли избъ, навѣсовъ, сараевъ и пр., т. е. застрехи, а съ тѣмъ вмѣстѣ и дрань однимъ концомъ своимъ въ нихъ вкладывается. Такіе крюки обыкновенно бывали длиною въ сажень и болѣе, толщиною до 3—4 квадратныхъ вершковъ, и оканчивались загнутымъ такъ называемымъ корнемъ дерева. Вооруженный такимъ-то крюкомъ, дьяконъ, подбѣжавши къ дѣдушкѣ, закричалъ: „ты, шельганъ (ругательное слово для священниковъ), за что ударилъ мою сестру?“ Дѣдушка, хотя и зналъ бѣшеный характеръ дьякона, никакъ не думалъ, чтобы онъ пустилъ въ дѣло крюкъ, которымъ можно было убить медвѣдя; онъ отвѣчалъ дьякону: „Что ты сестры своей не учишь? Смотри-ка, вздумала здѣсь плясать и безобразничать!“— „Ахъ ты, шельганъ! какъ ты смѣешь это говорить? Вотъ я самъ поучу тебя!“—и затѣмъ ударилъ дѣдушку крюкомъ по виску. Дѣдушка обезпамятѣлъ и въ ту же ночь умеръ. Отецъ дьяконъ сначала убѣждалъ было въ сосѣдній лѣсъ, но потомъ самъ явился и, разумѣется, сосланъ былъ въ Сибирь.

Теперь не угодно-ли посмотрѣть, какіе, въ описываемое мною время, бывали причетники. Выбираю я пономаря села Тумы Николаевской, Андрея Андреевича—дѣда того тумскаго священника Никифора Миронова, за которымъ была въ замужствѣ моя тетка Анна Мартыновна. Почтенный Андрей Андреевичъ былъ грозою, или, лучше, тираномъ своего семейства, бивалъ свою жену и двухъ сыновей чѣмъ ни попало; трудно было даже въ то время отыскать крестьянина, который бы безчеловѣчнѣе его обращался съ своими семейными, но доставалось отъ него и лицамъ не принадлежавшимъ къ его семейству. Расскажу нѣсколько его подвиговъ. Жена его, находясь подъ его желѣзною рукою, была тише воды, ниже травы, переносила всѣ его побои плетью, возжами, полѣнями, коломъ и пр., и все-таки не правила. Кажется, почтенный причетникъ имѣлъ въ виду жениться на другой, помоложе. Но старуха, не смотря на всѣ побои, жила. Андрей Андреевичъ рѣшился доканать ее. Однажды въ рабочую пору слѣдовало метать большой

стогъ сѣна; Андрей Андреевичъ былъ очень ласковъ къ женѣ и велѣлъ ей стать на стогъ, а самъ подавалъ сѣно вилами. Когда дѣло подходило къ концу, онъ отослалъ на другую работу своихъ дѣтей и остался одинъ съ женою. Стогъ конченъ, надобно было женѣ спуститься съ него на землю. Для этого обыкновенно перекидывали чрезъ стогъ длинную веревку, одинъ конецъ которой лицо, стоявшее на стогу, брало въ руки, а за средину брался здоровый мужчина и постепенно спускалъ стогометателя на землю. Веревка перекинута, жена взялась за ея конецъ и сказала: держи же, Андрей Андреевичъ!—Держу,—отвѣчалъ онъ. Но едва жена стала спускаться, супругъ выпустилъ веревку изъ своихъ рукъ; жена упала на землю съ высоты болѣе нежели двухъ сажень; а онъ, взявши вилы и грабли, отправился домой, какъ ни въ чемъ не бывало. Несчастная не могла приподняться съ мѣста, даже ползти на четверенькахъ. Дѣти спрашивали отца: гдѣ матушка?—А я почему знаю?—отвѣчалъ супругъ. Наконецъ, дѣтямъ вздумалось самимъ отправиться къ стогу, и оттуда при помощи сосѣдей донесли домой изувѣченную.—Еще прежде этого событія, Андрей Андреевичъ рѣшился спать себѣ свиту, пригласилъ портнаго и далъ ему кусокъ домашнего сукна, аршинъ въ 35. Портной, снявъ мѣрку, шутя спросилъ: „А что, Андрей Андреевичъ, оставить тебѣ сукна отъ свиты на шапочку?“ (для свиты нужно было аршинъ 15—18) и получилъ въ отвѣтъ: какъ знаешь, это твое дѣло.—Андрею Андреевичу куда-то нужно было уѣхать; портной принялся за шитье свиты безъ него. Не знаю, почему ему вздумалось подшутить надъ Андреемъ Андреевичемъ, только онъ употребилъ на свиту всѣ 35 аршинъ, и, дѣйствительно, развѣ оставилъ только что нибудь на шапочку; свита вышла огромная, и Голиафъ для нея не годился бы; портной постарался убраться домой. Возвратившись домой, Андрей Андреевичъ, осмотрѣвши свиту, счелъ за нужное сначала наказать своихъ домашнихъ—жену и двухъ сыновей, одѣлъ ихъ всѣхъ въ свиту, или, правильнѣе, окуталъ ею, и завязалъ такъ, что имъ нельзя было вырваться изъ нея; потомъ толстыми возжами началъ ихъ бить гдѣ и какъ ни попало. Но чтобы удары не падали на одного кого нибудь, онъ поворачивалъ связанныхъ то такъ, то иначе; натѣшившись сколько душѣ угодно, онъ ихъ выпустилъ избитыми; сукно не могло защитить ихъ отъ ударовъ. Но главный виновникъ—портной еще

не былъ наказанъ и, зная характеръ Андрея Андреевича, не являлся за деньгами. Андрей Андреевичъ, встрѣчаясь съ нимъ на базарѣ, дружелюбно съ нимъ разговаривалъ и прибавлялъ: „Что же ты нейдешь ко мнѣ за деньгами? да и бражки мы съ тобою выпили бы“. Портной долго былъ на-сторожѣ, но, обманутый дружескимъ Андреевичемъ, какъ-то соблазнился и отправился къ нему въ домъ. Хозяинъ дѣйствительно велѣлъ принести ендову браги. „Ну, пей“,—сказалъ гостю; этотъ выпилъ; затѣмъ хозяинъ наливаетъ другой ковшъ и говоритъ: пей!—Да ты самъ выкушай,—отвѣчалъ портной. „А тебѣ что за дѣло до меня?“—началъ горячиться хозяинъ;—пей, говорю“. Выпилъ, но явился третій ковшъ; портной опять заиенулся что-то сказать.—„Ахъ, ты мошенникъ, —закричалъ Андрей Андреевичъ;—я давно до тебя добираюсь; помнишь свиту, я еще за шитье не платилъ“. Затѣмъ вскочилъ и пошелъ въ чуланъ за орудіемъ предстоявшей экзекуціи. Портной воспользовался этимъ временемъ и давай Богъ ноги,—убрался изъ избы, и выбѣжалъ на дворъ. Но ворота были уже закрыты, да и Андрей Андреевичъ преслѣдовалъ по пятамъ, съ коломъ въ рукахъ, и началъ имъ угощать милаго гостя. Послѣднему какъ-то удалось найти лазейку и выскочить на улицу. Андрей Андреевичъ поскорѣе ворота отперъ и пустился за своимъ гостемъ съ коломъ. Не смотря на базарный день, никто не рѣшился останавливать преслѣдователя. Но преслѣдуемый успѣлъ кое-какъ выбраться изъ села и по полю бросился спасаться къ лѣсу; будучи много помоложе Андрея Андреевича, онъ сталъ болѣе и болѣе увеличивать разстояніе, ихъ раздѣлявшее. Преслѣдователь понялъ, что ему не догнать преслѣдуемаго, и рѣшился возвратиться назадъ. Между тѣмъ, множество народа, увлеченное любопытствомъ, вышло въ поле, чтобы слѣдить за борьбою. Андрей Андреевичъ, увидавши огромную толпу, рѣшился сорвать свою досаду на ней и бросился къ ней съ коломъ. Толпа перепугалась и стала искать спасенія въ бѣгствѣ. Преслѣдователь пустилъ въ ходъ свой колъ, поднялся шумъ, крикъ, произошло волненіе на самомъ базарѣ; кричали: бѣгите, бѣгите! Андрей Андреевичъ всѣхъ бьетъ! Суматоха сдѣлалась ужасная; чуть не весь базаръ переполошился; кто бѣжалъ на дворы, кто прятался за воза; наконецъ, Андрей Андреевичъ, видя всеобщее смятеніе и наведенный на всѣхъ страхъ, поуспокоился и отправился домой. Этотъ герой не лю-

былъ потакать своимъ сослуживцамъ—другимъ причетникамъ, дьяконамъ и даже священникамъ. О красныхъ и вѣрбенихъ словахъ нечего и говорить: ими онъ украшалъ свои рѣчи, находясь даже въ счастливомъ расположеніи духа; но если онъ считалъ себя обиженнымъ, то пускалъ въ ходъ и свои булаки. Его всѣ боялись. И странно, этотъ человѣкъ, грозный для всѣхъ своихъ односельчанъ и прихожанъ, умеръ отъ суетѣрной трусости. Однажды ему ночью, какъ говорится, почудилось, что священникъ подъ окномъ зоветъ его въ церковь служить заутреню. Андрей Андреевичъ пошелъ, священника тамъ не засталъ, потому что священникъ и не выходилъ изъ своего дома. Только чрезъ нѣсколько времени Андрей Андреевичъ прибѣжалъ домой, залѣзъ на печь и застоналъ. Ему у церкви представилось какое-то видѣніе, которое такъ испугало его, что по возвращеніи домой онъ тотчасъ же заболѣлъ и вскорѣ умеръ.

Описанныя мною три духовныхъ лица жили на небольшомъ разстояніи другъ отъ друга, не болѣе 35—40 верстъ. Для такого пространства очень достаточно трехъ такихъ своеобразныхъ буяновъ. Но смѣю доложить, что въ томъ же пространствѣ или въ ближайшихъ окрестностяхъ было очень много въ духовенствѣ людей, которыхъ вовсе нельзя считать образцово-нравственными; о нихъ я коротенько скажу. Пимень—дьячокъ или дьяконъ (не упомяну) тумскій—сосланъ былъ въ Сибирь за свои преступленія; его домъ по переездѣ нашемъ въ Туму оставался еще цѣлымъ, хотя его нѣто не занималъ и онъ разрушался, нѣмъ не поддерживаемый; сынъ Пимена, дьяконъ, имѣлъ особый домъ. Дьяконъ села Пешуры, тоже Пимень, около 1825 года уголовною палатою назначенъ былъ къ ссылке въ Сибирь, но оставленъ былъ на попеченіи своихъ родныхъ по причинѣ преклонной своей старости; это былъ господинъ въ родѣ Андрея Андреевича, и занимался пристанодержательствомъ, да и самъ охотникъ былъ поприбрать къ рукамъ чужую собственность. Въ сосѣднемъ съ Тумою селѣ Биреневѣ былъ притонъ воровъ и мошенниковъ; и въ покровительствѣ и въ укрывательствѣ ихъ справедливо обвиняли чуть не все тамошнее духовенство, особенно же священника Алексѣя, котораго называли долгимъ попомъ; у него было подъ избою большое подполье, гдѣ скрывались и воры и краденныя ими вещи. Дьяконъ села Прудковъ Василій Васильевъ

сосланъ былъ за воровство въ Сибирь во время моего дѣтства; то же случилось съ дьячкомъ села Нирмы, который вмѣстѣ съ крестьяниномъ обокралъ свою церковь,—о немъ еще я буду говорить. Не стану перечислять другихъ; но и по представленнымъ мною образцамъ читатель можетъ догадаться о томъ, какая нравственность была въ духовныхъ лицахъ въ концѣ восемнадцатаго и въ началѣ девятнадцатаго столѣтій! Надобно-ли послѣ этого удивляться, что ихъ родные,—не попавшіе въ духовное званіе, разумѣется, не за свои добродѣтели,—сдѣлались способными быть ужъ открытыми ворами и разбойниками?

Но какъ бы ни произошли тумскія разбойническія шайки, только члены ихъ были довольно многочисленны и дерзки въ то время, какъ мой дѣдушка поступилъ священникомъ въ Туму. Домъ себѣ онъ выстроилъ на самомъ краю села. Ночью весьма нерѣдко раздавался стукъ у уличныхъ оконъ. Кто это?—спрашивалъ бывало дѣдушка, не выглядывая въ окошко.—Я, или мы,—отвѣчали разбойники.—Что вамъ нужно?—вновь спрашивалъ дѣдушка.—„Давай, молодой попъ, хлѣба или чего либо другаго; у насъ не достало“. И дѣлать нечего, съ должными предосторожностями подавали посѣтителемъ хлѣбъ, и даже что либо повкуснѣе; отказывать было опасно. Потомъ, едва не каждое лѣто повторялась сцена, когда тумское духовенство выходило предъ сѣнокосомъ раздѣлять между собою луга. Къ нему являлись разбойники и предлагали свои услуги для правильного дѣлежа. „Полно вамъ толеовать, отцы святыя,—говаривалъ какой либо лѣсной хозяинъ,—мы лучше вашего знаемъ, которые изъ луговъ лучше; вѣдь мы ихъ всѣ ужъ исходили“. И отцы святыя соглашались съ непрошенными услужливыми людьми. Послѣ же раздѣла разбойники принимались поздравлять духовенство съ окончаніемъ труда и требовали магарыча. Опять тоже нельзя было отказывать; какой либо причетникъ отправлялся въ село, и изъ тамошняго кабака приносилъ четверть водки и какую либо закуску. И званые и незваные гости усаживались гдѣ либо на лугу и начиналась попойка; незнакомый съ дѣломъ, смотря со стороны на всю сцену, подумалъ бы, что это собрались добрые пріятели, рѣшившіеся вмѣстѣ подгульнуть на чистомъ воздухѣ, вдали отъ надзора своихъ женъ. А между тѣмъ тутъ служителъ алтаря Господня, можетъ быть, въ тотъ же самый день приносившій безкров-

ную жертву, любезнѣ бесѣдовалъ съ разбойникомъ, который тоже, можетъ быть, недавно или ограбилъ какого либо прохожаго, или даже перерѣзалъ ему горло. Дѣдушка мой, хотя и слыхалъ уже прежде объ этихъ сценахъ, какъ-то не могъ къ нимъ съ перваго раза привыкнуть и задумывался. „Ну полно, молодой пошъ, сидѣть повѣся носъ,—толкалъ его подъ бокъ кулакомъ кто либо изъ разбойниковъ,—дружись-ка съ нами, въ убытѣ не будешь.... пей и будешь веселѣй“. Прочія же духовныя лица нисколько не затруднялись своимъ положеніемъ. Да и разбойники, пока ихъ еще не начали преслѣдовать, старались жить съ ними на мирной ногѣ. Однажды мой батюшка, имѣя еще 6—7 лѣтъ отъ роду, шелъ одинъ съ луговъ въ село, и къ своему ужасу увидѣлъ, что по той же самой дорогѣ за нимъ идетъ одинъ изъ разбойниковъ, котораго онъ зналъ въ лицо. Батюшка старался отъ него поскорѣе уйти, но и разбойнику, вѣроятно, тоже нужно было сѣбѣшеть. Батюшка мой еще болѣе перепугался и когда на пути встрѣтилась изгородь, чрезъ которую надобно было перелѣзть, онъ остановился и заплакалъ. Увидавши это, подошедшій разбойникъ сказалъ: „Что ты плачешь, Ваня, вѣрно не перелѣзть чрезъ изгородь?“ и—бережно поднявши, пересадилъ его на другую сторону ея, затѣмъ и самъ перелѣзъ и вмѣстѣ съ моимъ батюшкою вошелъ въ село, какъ говорится, среди бѣлаго дня.

Не думайте, г. читатель, чтобы Тума—моя родина—была единственнымъ мѣстомъ, гдѣ разбойники такъ мало любили сѣбѣшеть себя. Нѣтъ, въ блистательное царствованіе великой и премудрой Еватерины, внутри государства происходили разбои чуть не повсемѣстно: И въ самомъ дѣлѣ, если въ Петербургѣ истрачивались сотни милліоновъ рублей на людей, бывшихъ въ случаѣ—Орловыхъ, Потемкиныхъ, Завадовскихъ, Зоричей, Зубовыхъ и пр.; роздано было болѣе милліона свободныхъ крестьянъ въ крѣпостное право (и тогдашніе бояре утопали въ роскоши), — то за что же обвинять мелкихъ (людишекъ), которые, будучи доведены до невозможности честнымъ образомъ добывать себѣ кусокъ хлѣба, подкарауливали ночью у какого либо моста или рѣчки запоздалаго путника, отнимали у него рублей 5—10, мѣшковъ муки, армякъ и т. п., или залѣзали въ амбаръ, погребъ, свѣтелку, и оттуда уносили что ни попадалось подъ руки. Вѣдь эти мелкіе ворюшки и разбойники привѣтали гдѣ нибудь въ подземельѣ, подпольѣ и

проч., отвѣчали своею спиною и ноздрями когда бывали пойманы, и заканчивали свою жизнь гдѣ либо въ Нерчинскѣ.

Скажу нѣсколько словъ о разбояхъ, которые происходили на моей родинѣ или близъ нея. Когда еще дѣдушка былъ пономаремъ въ селѣ Шеянкахъ, то духовенство, и особенно мой дѣдушка, не ладило съ шайкою разбойниковъ, привитавшею въ сосѣднемъ лѣсу; поэтому, выѣзжая на полевые работы, особенно въ одиночку или въ небольшомъ количествѣ, они брали съ собою заряженное ружье, которое на перевязи и висѣло на работникѣ. Такимъ образомъ, въ царствованіе императрицы Екатерины, съ небольшимъ въ 200 верстахъ отъ Москвы, мирное духовенство должно было пахать землю точно такъ же, какъ при императорахъ Александрѣ I и Николаѣ линейные казаки работали на своихъ поляхъ, ожидая какъ бы гдѣ либо изъ-за куста не подстрѣлили ихъ какой либо червесь или чеченецъ. Однажды дѣдушкѣ моему нужно было ѣхать изъ Шеянокъ въ Туму, на праздникъ Николая Чудотворца (9-го мая). На дорогѣ между деревнями Давыдовой и Ахматовымъ, находившимися другъ отъ друга въ 4-хъ верстахъ, былъ переѣздъ чрезъ лѣсъ не болѣе двухъ верстъ, и, не смотря на то, тутъ почти постоянно привитала шайка разбойниковъ, такъ что для переѣзда чрезъ лѣсъ собирались бывало по нѣсколькимъ человекѣмъ. Дѣдушка мой не нравился нѣкоторымъ молодцамъ изъ этой шайки, которая къ своимъ владѣніямъ причисляла село Шеянки. Во время этой поѣздки онъ въ деревнѣ Ахматовѣ присоединился къ каравану, который тоже пробирался въ Туму на ярмарку и на праздникъ. Когда всѣ подѣзжали кучею и шагомъ къ лѣсу, то изъ него раздался громкій голосъ: „Э! Мартышка-кутейникъ! дождался—не поѣхалъ одинъ, а то мы бы съ тобой расчитались“. Въ другой разъ дѣдушка долженъ былъ, тоже изъ Шеянокъ, отправиться въ г. Меленки, котораго уѣздъ граничилъ съ Касимовскимъ. Въ деревнѣ, гдѣ надобно было ночевать, онъ увидалъ, какъ большой обозъ въѣзжалъ въ одинъ дворъ. Дѣдушка, опасаясь здѣсь тѣсноты, хотѣлъ было ѣхать въ сосѣдній домъ по приглашенію хозяина. Тогда одинъ мужикъ, принадлежавшій къ обозу, сказалъ дѣдушкѣ: „а что-жъ не съ нами?“—Да тѣсно будетъ,—отвѣчалъ дѣдушка.—„То-то тѣсно, это еще не бѣда,—продолжалъ мужикъ,—за то голова будетъ цѣла;

а тамъ, смотри, наединѣ сразу мышь голову отъѣсть". Дѣдушка мой понялъ намекъ и присоединился къ обозу. Я помню въ своемъ дѣтствѣ много рассказовъ, какъ хозяева постоянныхъ дворовъ принимали мѣры къ тому, чтобы не затрудняться отправить на тотъ свѣтъ и множество заѣхавшихъ къ нимъ дорожныхъ. Для этого прикрѣплялась къ потолку балка, или, какъ ее звали, матица. Она какъ будто нужна была для поддержки потолка, но между тѣмъ такъ была устроена, что ее можно было спустить на особыхъ цѣпяхъ или веревкахъ на полъ. Дорожныхъ кормили сытымъ ужиномъ, поили водкою, подбавляли въ нее снадобы, которыя бы усыпляли ихъ, потомъ укладывали ихъ на полу на солому такъ, что спущенная матица придавливала ихъ всѣхъ, и особенно, чтобы упадала на шею или грудь. Дорожные засыпали, хозяинъ съ своею семьею или съ молодцами, которые у него сидѣли про запасъ въ подполѣ, спускали потихоньку матицу, придавливали спавшихъ, одни крѣпко придерживали ее, а другіе разными орудіями пощипывали дѣло съ тѣми, кто еще оставался живъ. Можетъ быть, рассказъ имѣетъ легендарный характеръ, но за то въ немъ выражается мнѣніе современниковъ о томъ, какъ въ царствованіе императрицы Еваторины было безопасно ѣздить въ Рязанской и Владимірской губерніяхъ людямъ даже въ большомъ количествѣ.

Уже въ 1867 г., въ то время, какъ я началъ писать эти Записки, рассказывалъ мнѣ знакомый помѣщикъ Кореневъ о предѣхъ одного изъ извѣстныхъ ему помѣщиковъ. Почтенный предѣхъ жилъ въ Пронскомъ уѣздѣ и занимался, какъ прилично магнату, грабежомъ въ огромныхъ размѣрахъ. У него была составлена изъ лакеевъ, крестьянъ и изъ другихъ свободныхъ людей огромная шайка, устроены были магазины и подземелья для храненія награбленныхъ вещей; съ полиціей и даже съ губернаторами у него была дружба. Однажды мимо его ѣхалъ изъ Пензенской губерніи огромный обозъ въ Москву съ какими-то продуктами на санихъ, устроенныхъ вовсе не такъ, какъ это дѣлалось въ Рязани; при томъ и сани были очень красивы. Помѣщикъ догналъ на дорогѣ обозъ съ своею шайкою, захватилъ всѣхъ лошадей, сани и людей, только нѣкоторые изъ послѣднихъ успѣли кое-какъ спастись. Съ людьми покончили скоро, чтобы они ничего не могли сказать, лошадей и товаръ распродали; сани обык-

новенно атаманъ-помѣщикъ сожигалъ, но тутъ, прельстившись ихъ красотою и надѣясь получить порядочную за нихъ сумму, велѣлъ ихъ припрятать. Между тѣмъ уцѣлѣвшіе изъ дорожныхъ, хотя и знали, кто ихъ ограбилъ, не стали искать суда, потому—извѣстно было, что помѣщикъ найдетъ средства ихъ же самихъ засадить въ острогъ; воротились домой и рассказали все. Оттуда нѣкоторые рѣшились, впрочемъ, пройти въ Пронскій уѣздъ и тайкомъ развѣдывать о своемъ пропавшемъ обозѣ. Тогда они узнали, что люди перебиты, лошади распроданы, но всѣ сани и часть товаровъ еще цѣлы и хранятся въ подземельѣ. Со свойственною русскому угнетенному человѣку хитростью и настойчивостью, они рѣшились слѣдить за грабителемъ. Въ слѣдующую зиму онъ началъ высылать для продажи въ торговое село Перевискъ по нѣскольку саней пензенскихъ; сани были знатныя, красивыя, оригинальныя даже, ихъ стали покупать охотно,—и пензенцы узнали тоже ихъ и высматривали одни изъ нихъ, которые имѣли особую примѣту. Наконецъ и эти сани были вывезены; пензенцы ихъ узнали, собрали громадную толпу народа, пригласили сотскаго и другія деревенскія власти, и при всѣхъ рассказали, кто они таковы, какъ ихъ ограбили въ прошлую зиму. Потомъ, указавъ на одни изъ саней, добавили, что они выжидали продажи именно ихъ для уличенія грабителей. По ихъ словамъ, въ лѣвомъ полозу этихъ саней подъ третьимъ копыломъ находится въ одну сторону пустое мѣсто, въ которомъ ими спрятано было 50 рублевиковъ, и потому просили тотчасъ освидѣтельствовать сани. Народъ, давно уже страдавъ отъ разбойниковъ, настоятельно потребовалъ освидѣтствованія саней; вынули третій копылъ и нашли тамъ 50 рублевиковъ. Продавцы саней показали, что они продавали ихъ по распоряженію своего барина—извѣстнаго атамана. Тутъ ужъ земскимъ и губернскимъ властямъ нельзя было скрывать злодѣя: сдѣлали формальный обыскъ его дома, подземельевъ и пр., нашли огромные склады награбленныхъ вещей, и, наконецъ, по суду атаманъ-помѣщикъ сосланъ былъ въ Сибирь въ каторжную работу.

Кромѣ давыдовскаго лѣса и самой деревни Давыдовой, было много другихъ мѣстъ недалеко отъ Тумы, пользовавшихся не очень хорошою репутаціей. Къ нимъ причислю: деревню Калитино, между погостомъ и Касимовымъ, вблизи глубокаго оврага, назы-

вапшагося Карцевымъ; лѣсъ ламакинскій, начинавшійся отъ рѣки Нирмы почти до самой деревни Полухтино; деревня Ершово, въ 30-ти верстахъ отъ Тумы на дорогѣ въ Рязань; деревня Кельца по той же дорогѣ, еще ближе къ Рязани верстъ на 30 и пр. На жителей Калитина, можетъ быть, несправедливо падало подозрѣние въ грабежахъ; въ Карцевомъ оврагѣ и въ ламакинскомъ лѣсу грабили большею частью мастеровые сосѣдняго желѣзнаго и чугуннаго завода г. Баташова; но грабежи повторялись довольно часто, случались и убійства даже въ мое время; вотъ, напримѣръ, уже въ 1865 или 1866 г. въ ламакинскомъ лѣсу было нѣсколько грабежей и даже одно убійство днемъ, почти близъ самаго завода. Въ Ершовѣ во время моего дѣтства боялись въ небольшомъ количествѣ останавливаться ночевать. Близъ этой деревни находились огромные луга, почти полуболото, которые во время весенняго разлива покрывались водою. Въ царствованіе уже Александра I рѣдкій годъ проходилъ безъ того, что при разливѣ не появлялось на поверхности воды мертвое тѣло, а въ счастливый годъ даже до пяти труповъ; это были тѣ несчастные, которые жителями деревни Ершово отправлялись на тотъ свѣтъ. Наконецъ, близъ Келецъ, верстахъ въ полтора, есть гора, называемая доселѣ Сокольскою. Здѣсь въ царствованіе Екатерины II имѣлъ пристанище знаменитый въ то время атаманъ Веревкинъ. Отъ горы по лѣсамъ у него была тропинка къ селу Бѣлоому, гдѣ онъ тоже занимался разбоемъ. Когда я, уже обучаясь въ Рязани, возвращался домой вмѣстѣ съ моимъ отцомъ, то мы остановились обѣдать въ Кельцахъ у одного домохозяина и были имъ очень ласково приняты. Хозяинъ мнѣ очень понравился. Пообѣдавши, мы продолжали свой путь и я принялся хвалить хозяина. Тогда мой батюшка, выслушавъ мой панегирикъ, съ улыбкою сказалъ: „Умѣешь же ты цѣнить людей! да этотъ добрый, по твоему, человѣкъ много людей отправилъ на тотъ свѣтъ; и нынѣ еще я ночевать одинъ у него ни за что не буду“.

Повторяю, что я здѣсь только намѣтилъ нѣкоторыя мѣста, не пользовавшіяся хорошою репутаціей,—всѣхъ же не пересчитываю. Послѣ этого понятно, почему, какъ мнѣ говаривалъ дѣдушка, ѣзжавшіе при Екатеринѣ II изъ Мещоры въ Москву находили нужнымъ пріюбщиться святыхъ Таинъ, точно такъ, какъ будто-бы собирались умирать.

Съ окончаніемъ царствованія Екатерины II окончился и золотой вѣкъ для разбойниковъ. Ни въ одной русской исторіи я не встрѣчалъ подобной мысли; не спорю даже и о томъ, что она, можетъ быть, приложима не ко всѣмъ мѣстностямъ. Но Мещора—моя родина и всѣ, которымъ нужно было ѣздить чрезъ нее, должны съ благодарностью вспоминать о царствованіи императора Павла. Дѣдушка мой любилъ тоже поговорить объ этомъ царствованіи. Духовенству оно очень нравилось по одному особенно обстоятельству, о которомъ я скажу впоследствии. Но самое царствованіе въ памяти народной оставалось грознымъ и тяжелымъ. Шпіонства боялись даже въ деревняхъ. По словамъ дѣдушки, одинъ изъ помѣщиковъ касимовскихъ довольно свободно поговорилъ объ императорѣ въ очень тѣсномъ кружку; чрезъ нѣсколько времени, ночью, его полиція схватила, передала присланному изъ Петербурга военному офицеру, и съ тѣхъ поръ несчастный неизвѣстно куда дѣвался. Страхъ доносовъ заставлялъ быть осторожнымъ даже моего дѣдушку—человѣка, который, по русской пословицѣ, не любилъ въ кулакѣ шептать. Покойный батюшка разсказывалъ, что дѣдушка, принимаясь за какой либо разсказъ, касавшійся императора, съ пріятелемъ, сосѣдомъ и сослуживцемъ своимъ священникомъ Варсонофіемъ, бывало останавливался и говаривалъ: „постой-ка, Варсонофій, надобно посмотрѣть въ окно, не подслушиваетъ ли кто нибудь съ улицы“, и, посмотрѣвши, начинать разсказывать, но тихо, тогда какъ мой дѣдушка вообще любилъ говорить слишкомъ громко. Но и дѣдушка и батюшка мои вполне были согласны между собою въ томъ, что при Павлѣ дѣятельность и подвиги разбойниковъ прекратились; полиція получила строжайшія приказанія преслѣдовать разбойниковъ и исполняла эти приказанія съ необыкновенною дѣятельностью. И прежде, а отчасти и послѣ этого времени, донести на разбойника, поймать его и даже содѣйствовать его поимкѣ—было слишкомъ опасно. Полиція, въ большинствѣ своихъ членовъ, получая отъ воровъ и разбойниковъ хорошіе подарки, любила имъ покровительствовать; поэтому потихоньку давала имъ возможность убѣгать даже изъ остроговъ, или не преслѣдовала ихъ надлежащимъ образомъ, а сама между тѣмъ увѣдомляла ихъ о тѣхъ, кто на нихъ доносилъ. Разбойники и воры, находясь на свободѣ, разумѣется, умѣли мстить своимъ врагамъ. Независимо отъ

этого, пойма разбойника въ царствованіе императрицы Екатерины II часто имѣла раззорительные результаты для богатыхъ особенно жителей уѣзда. Вы, г. читатель, конечно, слышали, что въ былыя времена по улицамъ Петербурга водили такъ называемые языки, т. е. какихъ либо преступниковъ, для того якобы, чтобы указать благодѣльному правительству тѣ дома, въ которыхъ они привитали, или тѣхъ людей, которые были ихъ товарищами или пособниками. Завидѣвши издали приближеніе такихъ языковъ, жители богоспасаемаго Петрограда сами спасались отъ грозившей имъ опасности, бѣжали въ сосѣднія улицы, скрывались въ ближайшихъ домахъ, словомъ—всячески старались не встрѣчаться съ процессіею, потому что развозимый языкъ часто, ни съ того, ни съ сего, указывалъ, какъ на своихъ пріятелей, на такихъ людей, которые и не видывали его. Провинція въ этомъ отношеніи не отставала отъ столицы. Съ пойманнымъ разбойникомъ доброе начальство—въ видѣ исправниковъ, стряпчихъ, засѣдателей земскаго суда—отправлялось разгуливать по уѣзду. Настоящихъ своихъ милостивцевъ разбойникъ, разумѣется, не указывалъ, надѣясь, что они еще будутъ ему полезны впоследствии; за то мстилъ своимъ врагамъ, обзывая ихъ, какъ своихъ укрывателей. Если же у самого развозимаго языка не было особенно имъ нелюбимыхъ людей, то опять (тогдашнее) начальство принимало на себя трудъ подсказывать ему имена тѣхъ лицъ, которыхъ слѣдовало обвинить въ пристанодержательствѣ; для этого, разумѣется, избирались достаточные жители, которыхъ начальство хотѣло поучить. Чтобы дать правдоподобіе своимъ оговорамъ въ обоихъ случаяхъ, разбойникъ обыкновенно говаривалъ, что онъ или знаетъ домъ своего пріятеля, но не знаетъ его имени, или не знаетъ ни дома, ни имени, но помнитъ его лицо. Въ первомъ случаѣ, проѣзжая деревню, онъ указывалъ на тотъ или другой домъ, что—вотъ гдѣ много разъ проживалъ и куда отдавалъ краденныя вещи на сохраненіе или для сбыта. Другой маневръ состоялъ въ томъ, что разбойникъ никакъ не могъ припомнить дома, а надѣялся узнать хозяина; и вотъ собирали весь людъ-людской деревни. Разбойникъ внимательно разсматривалъ всѣхъ предстоявшихъ и дрожавшихъ, и указывалъ на своего благопріятеля. Если онъ зналъ самъ и домъ и лицо обвиняемаго, то ему не было надобности въ пособіи другихъ. Но

иногда онъ не зналъ ни дома, ни хозяина, котораго начальству хотѣлось поприцѣпить, — ну, тогда начальство такъ или иначе давало разумѣть, на кого онъ долженъ былъ указать. Во всякомъ случаѣ, обвиненное разбойникомъ лицо арестовывалось. Оно и Христомъ и Богомъ увѣряло, что рѣшительно ничего и знать не знаетъ, какъ дѣйствительно и бывало. Ну, тогда доброе и благопопечительное начальство говорило обвиняемому: „Оно, пожалуй, и мы вѣдь знаемъ, что вы невиноваты,—да что станешь дѣлать съ мошенникомъ? Вѣдь вонъ онъ стоитъ на своемъ; заткни ему глотку чѣмъ нибудь; дай ему сколько нибудь рублей“. Про свои глотки начальство говорило или нѣтъ—все равно, только ихъ затыкали уже десятками и сотнями рублей, смотря по состоянію обвиняемаго. Когда всѣ глотки были заткнуты, то дѣлали новую очную ставку обвиняемаго съ разбойникомъ; первый начиналъ уговаривать послѣдняго; этотъ сначала стоялъ на своемъ, но уже не такъ рѣшительно, какъ прежде; начальство тоже убѣждало сказать правду и не обвинять невиннаго. Разбойникъ колеблется, заминается, призадумывается, наконецъ начинаетъ просить прощенія у обвиняемаго и у праведныхъ судей, что онъ по насердкамъ сдѣлалъ оговоръ, что дѣйствительно обвиненный ни въ чемъ не виноватъ. Доброе начальство отпускало невинно-обвиненнаго, дѣлало приличное внушеніе обвинителю и везло его въ другую деревню, чтобы разыграть ту же самую комедію, или возвращалось въ городъ, если экскурсія доставила уже ему достаточное количество денегъ. И разбойникъ часто не оставался безъ награды; ему давали возможность убѣжать изъ острога и начать свои подвиги въ прежнихъ мѣстахъ. Послѣ этого жителямъ вовсе не было охоты быть невнимательными въ подобнымъ молодымъ. Добрые эти молодцы жили да поживали, налагали контрибуціи на жителей, дѣлились своею добычею съ добрымъ начальствомъ.

Но при императорѣ Павлѣ дѣла шли иначе; полиція просила помощи у жителей въ поимкѣ разбойниковъ и была крайне благодарна за всякое содѣйствіе въ этомъ случаѣ. Дѣдушка мой тогда приобрѣлъ большую извѣстность въ околосѣ своимъ усердіемъ помогать отерывать и ловить промышлявшихъ около Тумы разбойниковъ и не разъ подвергался опасности. Однажды пуля, пущенная изъ лѣсу, прожужжала мимо самаго его уха. Объ угрозахъ же нечего

уже и говорить; его Богъ знаетъ чѣмъ ни стращали; покойная бабушка всегда, до самой своей смерти, съ ужасомъ вспоминала объ этомъ времени: „Ночи бывало не спишь,—говаривала;—безъ ружья и тесака никуда не ѣзжали“. Но дѣдушка былъ неутомимъ; сообщивши свое воодушевленіе многимъ изъ честныхъ своихъ односельчанъ и принявши надъ ними нѣкотораго рода команду, онъ многихъ разбойниковъ самъ, безъ полиціи, ловилъ. Жители, по крайней мѣрѣ большинство, усердно ему помогали, и, надобно по правдѣ сказать, не очень гуманно обходились съ пойманными; конечно, ихъ не убивали на-повалъ, но уже безъ побоевъ не обходилось; особенно старались отнять у нихъ способность держаться и быстро ходить на ногахъ. Батюшка мой рассказывалъ интересный въ этомъ отношеніи случай. Молотьба хлѣба съ овиновъ въ Тумѣ начиналась рано утромъ, задолго до разсвѣта. Когда въ одинъ день большая часть взрослыхъ жителей тумскихъ была занята на гумнахъ молотьбою, какой-то разбойникъ рѣшился воспользоваться такимъ благоприятнымъ временемъ и забраться для поживы въ чей-то домъ, но скоро былъ замѣченъ. Поднялась тревога, закричали: лови, держи разбойника! Мушны со всѣхъ гуменъ, болѣею частію съ цѣпами въ рукахъ, бросились преслѣдовать вора, который усиливался укрыться въ сосѣднемъ лѣсу и, наконецъ, былъ догнанъ. Первый изъ догнавшихъ ударилъ его цѣпомъ со всего размаху, вскорѣ послѣдовали и другіе, такіе же удары; пойманный повалился на землю; тогда очень многіе изъ собиравшихся жителей захотѣли, по ихъ выраженію, приложить свою руку или, лучше, свой цѣпъ, и отъ этого произошло нѣчто въ родѣ молотьбы. Батюшка мой, по малолѣтству, не былъ въ числѣ преслѣдователей, оставаясь на току у овина, и вмѣстѣ съ другими слышалъ звуки отъ ударовъ цѣпами, сыпавшихся на пойманнаго. Послѣдній, разумѣется, былъ избитъ до полусмерти.

Наконецъ, при усиліяхъ мѣстной полицейской власти, при содѣйствіи жителей и особенно моего дѣдушки, открытые разбои въ Тумѣ и около нея прекратились, т. е. перестали стучать по окнамъ и кричать: Эй! молодой попъ, давай намъ хлѣба; или при раздѣлѣ луговъ духовенство не было встрѣчаемо произвольными землебрами, которые по окончаніи раздѣла требовали магарычей и пр. Но мелкія мошенничества, частенько и крупныя воровства, а иногда и разбои, даже убійства—происходили и послѣ,

при томъ не только въ Тумѣ, но и въ другихъ мѣстахъ, о которыхъ я отчасти говорилъ уже. Желая моихъ читателей познакомиться вполнѣ съ современнымъ мнѣ положеніемъ вещей во всѣхъ, по возможности, отношеніяхъ, я, чтобы впоследствии не дѣлать эпизодовъ, хочу здѣсь дополнить то, что уже мною сказано о разбояхъ и воровствахъ, и потомъ уже коснусь другихъ предметовъ моей біографіи.

Еще въ молодые мои годы случалось, что иные старики-дорожные, уроженцы Пензенской и Саратовской губерній, проѣзжавшіе въ Москву съ своими продуктами, не хотѣли останавливаться для ночлеговъ въ Тумѣ. Начнутъ, бывало, содержатели постоянныхъ дворовъ зазывать ихъ къ себѣ, „не поѣду,—отвѣчаетъ какой либо старикъ,—здѣсь въ моей молодости недобрые люди жили“. Это было преданіе старины. Для жизни дорожныхъ на постоянныхъ дворахъ опасности уже не было никакой; но на счетъ воровства и мошенничества въ Тумѣ еще были промышленники. Привыкнувши до императора Павла давать убѣжище у себя разбойникамъ, принимать отъ нихъ наворованныя и награбленныя вещи и сбывать съ рукъ съ выгодой для себя, нѣкоторые изъ жителей не могли же вдругъ разстаться съ столь легкимъ способомъ зашибать копейку, и потомъ свои наклонности передали потомкамъ своимъ. Эти-то люди и сами при удобномъ случаѣ не отказывались захватить чужую вещь, но, главное, приглашали къ себѣ промышленниковъ чужой собственности, да и эти, въ свою очередь, отыскивали ихъ. Такому положенію дѣлъ очень благопріятствовали еженедѣльные базары, происходившіе въ Тумѣ въ субботу; для ловкихъ плутовъ тутъ всегда была возможность стянуть что нибудь съ воза и прилавка, или вытащить изъ кармана. Набожные новички по этой промышленности начинали ее особенно 25-го марта, въ день Благовѣщенія. По какому-то народному суевѣрію—кто въ этотъ день удачно украдетъ что нибудь между утреннею и обѣднею, то можетъ цѣлый годъ воровать, не опасаясь, чтобы его поймали. Однажды, вѣжется, въ 1818 г., я самъ былъ свидѣтелемъ, какъ къ моему отцу привели крестьянина ему извѣстнаго, пойманнаго въ воровствѣ. Отецъ мой, выслушавши разсказъ поймавшихъ вора, сказалъ ему: „Какъ это, и ты сдѣлался воромъ? да при томъ когда же? въ Благовѣщеніе, въ такой важный праздникъ, и еще до обѣдни!“—„Ахъ,

батьюшка, — отвѣчалъ простодушный крестьянинъ, — да когда же лучше и начинать, какъ не въ этотъ день? Вотъ мнѣ не удалось, значить Богу не угодно, чтобы я воровалъ“. Но главными ворами, а нерѣдко и разбойниками, были бездомные или распутные мѣщане, потомъ немногіе каторжники, которымъ удавалось вырваться на свободу, и особенно бѣглые солдаты.

Всѣхъ такихъ воровъ и разбойниковъ жители знали и помогли бы поймать, даже сами поймали бы, если бы только земская полиція захотѣла, или, по крайней мѣрѣ, не противодействовала; но это, къ несчастію, не всегда было; засѣдатели, а послѣ становые, а иногда даже и исправники, покровительствовали ворами и разбойникамъ. Вотъ два замѣчательныхъ въ этомъ отношеніи случая.

Въ селѣ Архангельскомъ, Егорьевскаго уѣзда, въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ, проживалъ дьячковскій сынъ Иванъ Стратоновъ, внукъ того дьякона, который убилъ моего дѣдушку кровельнымъ крюкомъ. Всѣмъ было извѣстно, что онъ и одинъ, или вмѣстѣ съ крестьянами сосѣдней деревни Кассеино, занимался воровствомъ и даже грабежами. Но когда бывало пріѣдетъ въ окрестныя мѣста становой приставъ, то Иванъ Стратоновичъ являлся къ нему съ изъявленіемъ своего почтенія и преданности, и обыкновенно во все время пребыванія прислуживалъ начальству. Однажды, при производствѣ какого-то слѣдствія, въ то время, какъ Иванъ Стратоновичъ подавалъ становому закуренную трубку, этотъ сказалъ: „Ахъ, Иванъ, я и забылъ сказать, что вѣдь тебя надобно арестовать и представить въ Егорьевскъ“. — Ну вотъ еще, — отвѣчалъ Иванъ Стратоновичъ, — къ чему это? я не хочу туда. „Ну полно упрямиться, — перебилъ его становой, — вѣдь, право, нельзя обойтись безъ этого, мнѣ строго-на-строго приказано тебя взять; такъ не упрямься“, и пр. Въ этомъ тонѣ разговоръ еще нѣсколько продолжался, и наконецъ Иванъ Стратоновичъ согласился отправиться подъ арестомъ въ Егорьевскъ, откуда, впрочемъ, былъ выпущенъ, или бѣжалъ, и уже, кажется, въ началѣ пятидесятихъ годовъ, прогнанный сквозь строй, куда-то усланъ въ арестантскія роты.

Другой случай былъ уже къ концу пятидесятихъ годовъ. Близъ дмитровскаго погоста, гдѣ священствовалъ мой отецъ, промышлялъ грабежомъ бѣглый солдатъ Тимофей, или, какъ его

звали, Тимошка, бывший крестьянинъ деревни Пестовской, дмитровскаго же прихода. Становымъ въ то время былъ тутъ хитрый полякъ Казиміръ Андреевичъ Ленковскій. Тимошка, какъ догадливый воръ, дѣлился съ нимъ своими добычами. Однажды онъ, укравши у богатаго мужика весьма хорошую лошадиную сбрую, подарилъ ее своему патрону. Обкраденный крестьянинъ сдѣлалъ заявленіе становому о кражѣ. Но пришедши въ какой-то праздникъ въ дмитровскій погостъ къ обѣднѣ, онъ на постояломъ дворѣ увидалъ, что украденная у него сбруя надѣта была на стоявшихъ тутъ лошадей становаго; подозвалъ многихъ своихъ знакомыхъ; постояли, посмѣялись, но начальства не стали беспокоить. Когда разбои и воровства Тимошки уже слишкомъ разгласились и увеличились, то Ленковскому строжайше приказано было поймать его, или по крайней мѣрѣ осмотрѣть сосѣдніе лѣса. Ленковскій явился, собралъ огромное число понятыхъ, распустивши напередъ молву, что онъ въ такой-то день станетъ по лѣсамъ ловить Тимошку, и дѣйствительно отправился туда съ понятыми. Тимошка, разумѣется, зналъ уже объ этомъ; но чтобы онъ какъ нибудь не оплошалъ, Ленковскій ѣздилъ по лѣсу на тройкѣ съ колокольчиками и бубенчиками, велѣлъ понятымъ перекидываться между собою, и, послѣ тщательнаго обыска, донесено было начальству, что Тимошки ни слыхомъ не слыхать, ни видомъ не видать. Жители окрестные долго вспоминали—кто со смѣхомъ, кто съ негодованіемъ—объ этой облавѣ.

Принимая во вниманіе описанныя мною обстоятельства, можно уже угадать, что воры, мошенники и разбойники не могли же оставить тѣхъ мѣстъ, гдѣ они издавна имѣли пріютъ; и въ Тумѣ и въ другихъ мѣстахъ они въ большемъ или меньшемъ количествѣ существовали и существуютъ чуть-ли не до сего дня. Въ Тумѣ больше были мелкіе ворышки, или пріемщики краденыхъ вещей, но были и крупные. Уже въ шестидесятыхъ годахъ тамошній житель Григорій, или Гришка, былъ извѣстенъ всему селу и всей окрестности какъ воръ, особенно лошадей; но онъ любилъ тоже заглядывать въ чужіе амбары, горницы и пр.; между тѣмъ дожилъ до старости и умеръ въ своемъ домѣ. Въ деревнѣ Верещугинѣ, тумскаго прихода, былъ мужикъ Китай; онъ цѣлую жизнь воровалъ, но въ 50 или болѣе лѣтъ попался и сосланъ въ Сибирь; его наказывали кнутомъ въ Тумѣ, когда мнѣ было 9—10 лѣтъ.

Но папаша умѣлъ приготовить достойнаго себѣ преемника въ своемъ сынѣ Семенѣ. Этотъ всю почти жизнь свою былъ извѣстнѣйшимъ воромъ и умеръ, уже въ шестидесятыхъ годахъ, въ своемъ домѣ. Съ нимъ были два характеристическихъ событія. Однажды въ Тумѣ, 20-го іюля, въ день ярмарки и престольнаго праздника, въ церкви, Семень Китанчъ, отстоявши обѣдню, зашелъ въ кабакъ, но не имѣлъ или жалѣлъ денегъ, между тѣмъ выпить винца для праздника Господня ему хотѣлось. Сидитъ онъ на лавкѣ, позадумавшись, а кругомъ его идетъ пиръ горой. Одинъ мужикъ, видя его задумчивость, толкнувши, сказалъ: о чемъ, Семень Китанчъ, позадумался?—„Да чтѣ, братцы?—отвѣчалъ записной воръ,—хочу бросить свое ремесло“.—Какое? спросили его.—„Да чтѣ, братцы, по совѣсти сказать, поворовалъ я на своемъ вѣку, нечего грѣхъ гаять, время и показаться. Ну, братцы, выбирайте въ замѣну меня новаго вора, а я ужъ перестану воровать“.—Какъ? неужели? закричали мужики хоромъ.—„Да, братцы, всенепремѣнно“,—отвѣчалъ Семень Китанчъ. Мужики, обрадованные этимъ общаніемъ, принялись подносить ему то тотъ, то другой, по стакачику. Семень Китанчъ славно справилъ праздникъ, поблагодаривъ за угощеніе, но, увы! долго еще продолжалъ воровать, пока отъ этой страсти не былъ удержанъ своими сыновьями. Эти молодцы по какому-то чуду вышли честными ребятами; возмужавши и къ досадѣ своей слыша рассказы о воровствахъ ихъ отца, они сначала уговаривали его оставить свое ремесло. Но когда онъ продолжалъ имъ заниматься, то они, въ своей избѣ, подступивши къ нему, сказали: „ты, батка, все не перестаешь воровать, намъ отъ стыда и упрековъ нѣтъ житья; такъ вотъ мы и порѣшили тебѣ глаза выколоть, слѣпой воровать ужъ не станешь“. И тотчасъ схвативъ его, расположили для операціи. Старикъ перепугался: „что вы, разбойники, что вы хотите дѣлать?“—Разбойникъ-то ты, а не мы,—ему отвѣчали и вновь приступили къ операціи. Тутъ старикъ принялся божиться и клясться всѣми святыми, что онъ перестанетъ воровать; дѣти сжалились, но сказали напрямикъ, что если онъ хоть разъ что нибудь украдетъ, то простись съ глазами, милости ужъ не будетъ.—Дѣйствительно, старикъ пересталъ воровать, но вскорѣ и скончался.

Близъ Верещутина была деревня Быково, состоявшая почти вся изъ воровъ; порядочный лѣсъ, отдѣлявшій ихъ отъ большой

дороги, давалъ имъ возможность легко сюда приходить и потомъ скрываться. До шестидесятыхъ тоже годовъ первенствовалъ въ ней воръ Иванъ, извѣстный подъ названіемъ балованнаго Ваньки, который тоже умеръ дома, а не въ Сибири. Но ворами особенно изобиловало село Биренево, о которомъ уже я говорилъ. Жители его состояли изъ духовенства и мѣщанъ, которые или сами или въ лицѣ отцовъ и дѣдовъ происходили тоже изъ духовнаго званія. При императорѣ Александрѣ I-мъ у самого духовенства были, по русской поговоркѣ, руки не совсѣмъ чисты; сами духовные не воровали, но и не стѣсняли воровъ-мѣщанъ и, какъ гласила молва, не безъ выгодъ для себя. Но мѣщане почти всѣ были воры и кромѣ того давали пріютъ бѣглымъ солдатамъ. Однажды, уже при императорѣ Николаѣ, земская полиція налетѣла съ обыскомъ въ домъ главнаго вора-мѣщанина, у котораго въ то время сидѣла цѣлая компанія разбойниковъ. Домъ былъ окруженъ, бѣжать нельзя; подняли одну доску въ полу и упрятали всѣхъ ихъ (по слухамъ—до 10-ти человекъ) туда. Начался обыскъ, пересмотрѣли все, но—намеренно или случайно—не заглянули въ подполье, и такимъ образомъ честная компанія осталась цѣлою и невредимою.

О деревняхъ Давыдовой, Ершовѣ, Кельцахъ, Калитинѣ и пр. я уже говорилъ выше; но особенно, почти до самыхъ шестидесятыхъ годовъ, была не безопасна большая дорога изъ Тумы въ Москву по Егорьевскому уѣзду и Московской губерніи, чуть не до самой Москвы. Тимошка, о которомъ я уже говорилъ, промышлялъ иногда на этой дорогѣ между селами Фроломъ и Серединами. Къ концу сороковыхъ годовъ, когда я былъ у отца своего въ дмитровскомъ погостѣ, въ лѣсу въ этомъ мѣстѣ напала на плотниковъ, возвращавшихся домой, шайка бѣглыхъ солдатъ; плотники взялись было за свои топоры, но наведенныя на нихъ ружья принудили ихъ сдаться на капитуляцію; ихъ не только ограбили, но и избили за то, что они осмѣлились сопротивляться. Главнымъ же центромъ воровъ, мошенниковъ, фальшивыхъ монетчиковъ и раскольниковъ были окрестности Егорьевска и лежащая за ними часть Московской губерніи, называемая Гуслицами. Ее въ подробности описывать не стану, потому что она не одинъ разъ была описываема. Скажу только о нѣкоторыхъ изъ своихъ наблюдений. Въ концѣ сентября 1840 г., возвращаясь изъ дмитровскаго погоста въ Петербургъ, я въ деревнѣ Соболевой на по-

стояломъ дворѣ увидѣлъ двухъ уральскихъ казаковъ. „Вы какъ сюда попали?“ спросилъ я ихъ. — Въ командировкѣ, — отвѣчали мнѣ. Разспросивши объ этой командировкѣ, я узналъ, что, по случаю усилившихся по дорогѣ разбоевъ и грабежей, въ каждую деревню помѣстили по два казака, которые въ теченіе ночи должны постоянно разъѣзжать по дорогѣ, чтобы подавать помощь тѣмъ, на кого нападутъ разбойники. Послѣ я слышалъ, что въ эту осень казаку удалось заколотъ пиквою одного изъ разбойниковъ, который издумалъ самъ отбиваться отъ него какинъ-то оружіемъ. Года черезъ два послѣ того цѣлая шайка была, недалеко отъ села Гжели, переловлена. По описываемой мною дорогѣ жители большею частію занимаются разведеніемъ хмѣля; отъ этого тутъ можно встрѣчать громадныя хмѣльники. Въ нихъ-то разбойники любили укрываться. Одинъ изъ крестьянъ указалъ становому на хмѣльникъ, гдѣ скрывалась шайка. Становой вмѣстѣ съ мужемъ, казаками и понятыми явился сюда; разбойникамъ уйти было нельзя, но одинъ изъ нихъ, вѣроятно, догадавшійся, кто открылъ ихъ убѣжище, выстрѣломъ изъ ружья положилъ мужика на мѣстѣ. Особенное вниманіе заслуживала здѣсь деревня Хрипанъ съ большимъ близъ нея лѣсомъ. Грабежомъ, воровствомъ и убійствами тутъ занимались не одни пришлые разбойники, но главнымъ образомъ жители Хрипани. Болѣе другихъ извѣстенъ былъ хозяинъ крайняго двора къ лѣсу на лѣвой сторонѣ, если ѣхать изъ Москвы въ Егорьевскъ. Этотъ хозяинъ, по мѣстному обычаю, скупалъ у однодеревенцевъ своихъ право содержать одному постоянный дворъ въ теченіе лѣта. Я самъ видѣлъ этого старика, остановившись у него для обѣда во время ѣзды къ отцу. Но ночевать у него немногіе рѣшались. Уже въ 1849 г., въ августѣ мѣсяцѣ, ѣхало насъ, на тройкѣ, на парѣ и на одной лошади, всего шесть человекъ: я, братъ мой Александръ Ивановичъ, слуга мой Титъ, купецъ Евдокимъ Юкинъ и два кучера. Въ Хрипанъ вѣхали ночью; дорога была грязная, ночь темная и дождливая; до села Вялокъ, гдѣ можно было остановиться для ночлега, оставалось еще пять верстъ. И между тѣмъ, не смотря на приглашеніе старика-хозяина, Юкинъ и наши извозчики ни за что не соглашались тутъ ночевать. „Да чтò вы не остановитесь?“ говорилъ старикъ, — ночуйте у меня“; тогда Юкинъ сказалъ: Ну, нѣтъ, старикъ, не ночуемъ, намъ своя жизнь дорога. — Мы по-

ѣхали, но старикъ, выслушавши Юкина, принялся насъ ругать беспощаднымъ образомъ. Черезъ хрипанскій лѣсъ мнѣ не одинъ разъ приходилось проѣзжать въ глухую ночь одному съ вучеромъ и даже безъ всякаго оружія. Конечно, я не спалъ уже весь этотъ перѣздъ и посматривалъ въ стороны—не выйдетъ-ли кто на встрѣчу или съ боку къ намъ. Но, многіе, проѣзжая не только здѣсь, но и въ другихъ мѣстахъ, запасались оборонительнымъ оружіемъ. Покойный мой батюшка, пока я учился въ семинаріи, имѣлъ дома саблю, которую почти всегда бралъ съ собою, отправляясь въ Касимовъ или Рязань. Когда же въ началѣ года нужно было отвозить въ Касимовъ свѣчныя деньги со всего благочинія, то онъ бралъ съ собою въ качествѣ провожатыхъ одного или двухъ причетниковъ. Другіе запасались и ружьями, хотя очень рѣдко и большею частію въ какихъ либо экстренныхъ случаяхъ. Въ селѣ Серединахъ былъ бурмистромъ въ вотчинѣ царевича Грузинскаго крестьянинъ Иванъ Силантьевъ. Онъ однажды поймалъ Тимошку, о которомъ я выше говорилъ. Доброе и милостивое егорьевское начальство не очень крѣпко держало Тимошку, который поэтому и убѣжалъ изъ острога и далъ знать Ивану Силантьеву, что онъ его изрѣжетъ на кусочки. Бѣдный бурмистръ струсилъ и, куда бы ни отправлялся, бралъ съ собою заряженное ружье и саблю, и кромѣ того въ густыхъ лѣсахъ ложился обыкновенно въ тѣлѣгѣ такъ, чтобы его нельзя было убить нечаяннымъ выстрѣломъ изъ-за дерева.

Когда же воровство уже было сдѣлано, то обокраденные старались вступать съ ворами въ сдѣлки и выкупать у нихъ свои вещи. Это особенно дѣлалось относительно лошадей. Тотъ же самый Тимошеа укралъ очень дорогую лошадь у крестьянина архангельскаго прихода. Мужикъ чрезъ одного посредника выпросилъ у Тимошки позволеніе повидаться съ нимъ. Мѣстомъ для свиданія назначенъ былъ лѣсъ, но съ тѣмъ, чтобы кромѣ мужика никого еще не было. Мужикъ пришелъ на условленное мѣсто и долго ждалъ Тимошеу, который, впрочемъ, былъ вблизи, но высматривалъ, не сдѣлана ли для него засада. Наконецъ сошлись; мужикъ снялъ шапку, поклонился низко и пожелалъ добраго здоровья доброму мѣлодцу. Потомъ вступилъ съ нимъ въ переговоры, выставлялъ свои стѣсненныя обстоятельства и просилъ возвратить лошадь, обѣщая дать ему выкупъ. Дѣло уладилось

на 20 руб. Въ слѣдующую ночь деньги были принесены и мужику указана была лошадь, спрятанная вблизи въ густой чащѣ лѣса. Въ подобномъ почти положеніи былъ мой батюшка. Когда онъ уже жилъ въ дмитровскомъ погостѣ, то у него была украдена лошадь. Вскорѣ узнали, что это сдѣлали мужики деревни Кассеина, о которой я уже говорилъ. Самъ батюшка не пошелъ къ нимъ, а послалъ для переговоровъ парламентаромъ своего роднаго брата, дьякона села Прудковъ, Василья Мартыновича. Тотъ пришелъ въ деревню, адресовался къ мужикамъ съ своею покорнѣйшею просьбою. Мужики на улицѣ собрались для совѣта и послѣ продолжительнаго спора рѣшили не отдавать лошади и за выкупъ. Немилость эту батюшка мой навлекъ на себя тѣмъ, что не задолго до того времени, бывши при слѣдствіи о воровствѣ, въ которомъ уличили одного изъ жителей деревни Кассеина, много содѣйствовалъ къ тому, чтобы уличить вора, который и былъ сосланъ въ Сибирь. Кассеинское вѣче объявило моему дядюшкѣ свое рѣшеніе словами: „Скажи ты дмитровскому протопопу, что мы лошади ему не отдадимъ, а отошлемъ въ Тамбовскую губернію; зачѣмъ онъ помогъ сослать въ Сибирь нашего Ваньку? пусть знаетъ, что съ нами ссориться нельзя“.

Не скрою и того, что и полиція иногда ловко преслѣдовала воровъ, особенно если избирался честный и дѣятельный исправникъ. Такимъ именно исправникомъ былъ помѣщикъ Касимовскаго уѣзда деревни Ужищево Карлъ Васильевичъ Кронштейнъ, у котораго, какъ я выше сказалъ, была куплена нами женская прислуга. Вамъ, будущимъ моимъ читателямъ, по всей вѣроятности, покажется неразгаданнымъ характеръ этого барина. Человѣкъ онъ былъ очень честный и безкорыстный; занимая по выбору дворянъ десять лѣтъ доходныя должности исправника и уѣзднаго судьи, онъ умеръ самъ и оставилъ свое семейство въ крайней бѣдности. Но относительно управленія русскимъ простымъ народомъ онъ руководствовался идеями знаменитаго Аракчеева, будучи сердечно убѣжденъ, что только палка, плеть, розги, оплеухи—могутъ поддержать порядокъ между мужиками, и на этомъ основаніи онъ былъ чрезвычайно жестокъ въ наказаніяхъ. Объ обращеніи его съ своими крѣпостными я буду говорить впоследствии, а теперь стану описывать его, какъ исправника.

На основаніи Аракчеевскихъ понятій о русскомъ народѣ,

Кронштейнъ, будучи исправникомъ, приказывалъ своему кучеру запасаться плетью, которою стегать лошадей было жалко; она назначалась собственно для людей. Если въ деревнѣ или даже на полѣ попадался въ чемъ либо виновный мужикъ, то по распоряженію исправника армякъ или полушубокъ снимались и затѣмъ кучеръ запасною плетью отпускалъ по спинѣ и другимъ частямъ виновнаго столько ударовъ, сколько находилъ нужнымъ его баринъ. Однажды подобная расправа происходила даже въ глазахъ рязанскаго губернатора Шрейдера, проѣзжавшаго по Касимовскому уѣзду. Разумѣется, узнавши о пріѣздѣ его превосходительства, исправникъ приказалъ поправить дороги и особенно мосты. Но одинъ мужикъ немножко позамедлил и поправлялъ перила у моста въ то время, какъ ѣхалъ по дорогѣ губернаторъ. Кронштейнъ, скакавшій на своей тройкѣ впереди его, увидѣлъ издали мужика и, приказавши гнать какъ можно скорѣе лошадей своихъ, подѣхалъ къ крестьянину и, взявши запасную плеть въ руки, самъ лично отпустилъ нѣсколько ударовъ по спинѣ не встати усерднаго исполнителя его же собственныхъ приказаній. Шрейдеръ изъ кареты видѣлъ эту сцену. „За что это вы, Карлъ Васильевичъ, такъ расправляетесь съ мужикомъ?“—спросилъ исправника губернаторъ.—Помилуйте, ваше превосходительство, вѣдь давнымъ давно велѣно было поправить мостъ, а этотъ мерзавецъ только теперь вздумалъ приняться за дѣло; не утерпѣлъ я, ваше превосходительство, постегалъ его; безъ плети съ этимъ народомъ ничего не сдѣлаешь.—„Правда, правда“,—отвѣчало превосходительство, любившее исправника,—и потомъ всѣ поскакали впередъ, а мужикъ, почесывая спину съ синяками на ней отъ плети, пошелъ домой, понуривъ голову. Въ другой разъ я самъ былъ свидѣтелемъ экзекуціи, которую производилъ исправникъ въ Тумѣ, въ праздничный лѣтній день, между утреннею и обѣднею. Между крестьянами распространился слухъ, что ихъ хотятъ переселить куда-то на казенныя земли, освободивъ, разумѣется, отъ власти помѣщиковъ. Главными виновниками въ распространеніи этого слуха были крестьяне помѣщика Троумпеля, деревни Щурово, верстахъ въ полтора отъ Тумы. Кронштейнъ былъ съ головы до пятокъ помѣщикъ-крѣпостникъ и находилъ нужнымъ уничтожить въ мужикахъ всякую идею о свободѣ ихъ. А тутъ еще присоединилось то обстоятельство, что крестьяне

Троушпеля были отданы помѣщикомъ подѣ его непосредственный надзоръ. Исправникъ останавливался въ Тумѣ въ домѣ экономическаго крестьянина Леонтьева, жившаго противъ насъ. Сюда были собраны и виноватые и правые мужики и составили обширный кружокъ. Исправникъ, ставши въ срединѣ его, вызвалъ къ себѣ трехъ преступниковъ, а кучеръ его тотчасъ же принесъ нѣсколько паръ пучковъ роговъ изъ довольно толстыхъ прутьевъ, получившихъ въ этомъ случаѣ названіе палокъ. Началась рѣчь о томъ, какъ глупо возставать противъ помѣщиковъ, распространять нелѣпные слухи и пр.; рѣчь обращалась и къ виновнымъ, и къ правымъ, которые всѣ стояли безъ шапокъ. Наконецъ, Кронштейнъ крикнулъ кучеру своему: „ну-ка, принимайся за дѣло, да смотри, чтобы руки не дрожали“.—Кучеръ тотчасъ же подошелъ къ одному изъ преступниковъ, стащилъ съ него армякъ, поставилъ на средину круга. Потомъ взялъ одинъ пучокъ палокъ въ правую руку, а другой отдалъ молодому парню, который въ толпѣ показался ему способнымъ для экзекуціи. Стали, по обычаю, съ двухъ сторонъ несчастнаго и начали отпускать по его спинѣ удары пучками со всего размаха и изо всей силы. Наказавши одного, принялись за другаго и за третьяго. Удары были немилосердные; несчастные кричали ужасно; ихъ никто не держалъ, они стояли держа руки надъ своею головою, но иногда не выдерживали, ложились на землю, но тутъ едва-ли еще не сильнѣе были удары; бѣдняги опять вставали, опять ложились; менѣе сотни нилому не досталось, а одинъ получилъ, кажется, до 200 ударовъ. И такъ какъ въ каждомъ пучкѣ было не менѣе 4—5 прутьевъ, то можно судить, каково было наказаніе, произведенное не по суду, а въ видѣ исправительной мѣры. Особенно жалко было смотрѣть на сѣдаго старика съ довольно умною и степенною фizioномією; и ему досталось, хотя и говорили, что онъ почти вовсе не былъ виновенъ.

Этотъ-то любитель плети и роговъ былъ отличнымъ исправникомъ когда дѣло касалось воровъ, особенно конокрадовъ и разбойниковъ, хотя и тутъ онъ не могъ отвыкнуть отъ Араучеевскихъ понятій. Въ то время всякій воръ ссылался въ Сибирь, какъ скоро вкраденая вещь стоила болѣе 100 руб. ассигнаціями. На этомъ основаніи, какъ скоро попадался конокрадъ, то Кронштейнъ приказывалъ цѣновщикамъ оцѣнивать ее болѣе, нежели

въ 100 руб.; крестьяне исполняли его волю большею частию безпрекословно; но если случались между цѣновиками купцы, мѣщане, или даже крестьяне, которые затруднялись какую либо влячу оцѣнить во 100 руб., то исправникъ говорилъ имъ: „Лошадь дѣйствительно не стоитъ 100 руб., но вѣдь мужикъ безъ нея нищій,—ему не на чемъ ни пахать, ни снопы возить, ни за дровами съѣздить, и пр.; сосчитайте-ка, сколько онъ долженъ былъ понести убытку отъ кражи своей лошади — кромѣ того, развѣ ждать еще, пока воръ украдетъ дорогую лошадь? Нѣтъ, покончимте съ нимъ теперь“. И дѣйствительно, поканчивали почти всегда, такъ что при первомъ трехлѣтнѣ, на которое Кронштейнъ былъ избранъ исправникомъ отъ Касимовскаго уѣзда, по носившимся тогда слухамъ, сослано было воровъ до 30-ти человекъ. При поимкѣ разбойниковъ онъ дѣйствовалъ еще суровѣе. Когда я учился въ училищѣ, то въ селѣ Нирмѣ, дѣточкѣ, о которомъ я уже говорилъ, и мужикъ обокрали свою церковь, за что и были наказаны кнутомъ, заклеимены и осуждены къ ссылке въ каторжную работу; но мужикъ какъ-то ухитрился убѣжать изъ острога и нашелъ себѣ пристанище въ одной изъ деревень нирменскаго прихода, откуда и производилъ множество воровства и грабежей. Какъ ни усиливался Кронштейнъ поймать его, но не успѣвалъ. Наконецъ прибѣгъ къ самой радикальной мѣрѣ. Въ одинъ день, прїѣхавши въ деревню, гдѣ каторжникъ находилъ себѣ прїютъ, онъ собралъ всѣхъ мужиковъ и бабъ и сказалъ имъ: „Вотъ вы ужъ давно покровительствуете вору и разбойнику, прикрываете его у себя, дѣлитесь съ нимъ добычею его. Я ужъ много разъ говорилъ вамъ бросить это, и приказывалъ его поймать, но вы не послушались; ну, такъ сами же виноваты; я съ вами расправлюсь по своему“. И тотчасъ приказалъ по очереди сѣчь всѣхъ до одного и до одной розгами; разумѣется, удары сыпались на обнаженную часть тѣла, и если ихъ было не черезчуръ много, однако и не мало, и каждый плотно прилипалъ къ тѣлу и оставлялъ на немъ слишкомъ видный рубецъ. Когда всѣ были высѣчены, то исправникъ вновь началъ говорить: „Вотъ вы сами до чего довели себя; смотрите же, приказываю вамъ непременно поймать каторжника, а если вы его не доставите мнѣ въ теченіе двухъ недѣль, то прїѣду къ вамъ опять, и тогда ужъ задамъ не такую баню, какъ теперь. Эй, смотрите, поймайте, а

то опять прїѣду“. Мужики и особенно бабы, которыхъ все-таки не часто сѣкали, не захотѣли въ другой разъ знакомиться съ исправническими проповѣдями; ваторжники пойманъ и приведенъ въ Кронштейну въ Касимовъ еще до назначеннаго срока за нѣсколько дней.

Другое событіе происходило въ Тумѣ. Близъ нея и въ ней самой привиталъ лѣтъ десять бѣглый солдатъ Герасимъ или, какъ его называли—Гараська. Онъ не разъ попадался въ острогъ, а иногда на зиму и самъ являлся туда, но въ веснѣ находилъ возможность убѣгать изъ него. Кронштейну ужасно хотѣлось поймать его, но разбойникъ былъ хитръ, при томъ съ жителями тумскими нельзя было поступить такъ же, въ съ нирменскими мужиками. Поэтому тактика была измѣнена. Въ деревнѣ Киряевѣ, въ 1 1/2 верстахъ отъ Тумы, жилъ бурмистръ Рюмина Дементій Ефимовъ, котораго любилъ Кронштейнъ за его распорядительность. „Эхъ, Дементій,—сказалъ ему однажды исправникъ,—сослужи ты мнѣ службу, большое спасибо скажу тебѣ“.—Изволь, батюшка Карлъ Васильевичъ,—отвѣчалъ бурмистръ;—для васъ все готовъ сдѣлать, только прикажите.—„Такъ поймай мнѣ Гараську“,—сказалъ ему Кронштейнъ.—Охъ нѣтъ, батюшка, уволь меня отъ этого, не могу, боюсь.—„Отчего же это? видишь ужъ и назадъ понятился, а сейчасъ обѣщался все сдѣлать для меня“.—„Такъ-то такъ, я дѣйствительно обѣщался, только не Гараську ловить.—„Да отчего боишься это сдѣлать?“—Какъ отчего, вѣдь его уже не разъ ловили, и онъ каждый разъ убѣгалъ изъ острога, и тогда плохо приходилось тѣмъ, кто его ловилъ: онъ и обкрадывалъ, и поджигалъ, да пожалуй, и убьетъ на-повалъ. Нѣтъ, батюшка Карлъ Васильевичъ, увольте.—„Эхъ, Дементій, Дементій, я тебя считалъ мужикомъ умнымъ, а ты не хочешь поймать Гараськи изъ боязни, что онъ уйдетъ изъ острогу! Эхъ, ты, глупая голова, поймай, да такъ, чтобъ ему уходить уже нельзя было“.—Какъ же это сдѣлать? перебилъ Дементій.—„Ахъ ты, недогадливый! да вѣдь Гараська ходитъ на ногахъ, ну такъ сдѣлай, чтобы ноги ему не служили“.—Оно, пожалуй, сдѣлать-то можно, и не мудрено, да за это самъ подъ судъ пойдешь. Вы, батюшка Карлъ Васильевичъ, сами знаете, что если не только ноги переломать хотъ отъявленному разбойнику, а даже связать ему руки такъ, что отъ

веревки будутъ на нихъ рубцы, то и тогда достанется нашему брату отъ суда“.

Въ объясненіе этого обстоятельства нахожу нужнымъ прибавить, что, дѣйствительно, запрещено было, какъ и слѣдовало, увѣчить воровъ и разбойниковъ и наносить имъ удары безъ нужды. Но тогдашніе суды пользовались этимъ вовсе не изъ филантропическихъ побужденій, а для того, чтобы сорвать съ когонибудь взятку. Привозили въ земскій судъ вора и разбойника; приказные, а также и другіе арестанты, научали ихъ жаловаться на своихъ номинировъ за то, что они ихъ били и увѣчили; тутъ шло, какъ говоритъ пословица, всяко лыко въ строку. Даже если дѣйствительно былъ на рукѣ или ногѣ синій рубецъ отъ крѣпко натянутой веревки, то судъ вызывалъ новыхъ виновныхъ, уличалъ ихъ въ изувѣчиваніи преступника, грозилъ и тѣмъ и другимъ; обыкновенно все оканчивалось взяткою секретарю и прочимъ, и небольшимъ подаркомъ арестанту. Поэтому случалось, что пойманныхъ воровъ связывали кушаками, а не веревками. Такимъ образомъ, Дементій имѣлъ поводъ не рѣшаться на предложенное исправникомъ радикальное средство.

Но исправникъ продолжалъ: „Да ты только переломай ноги и представь ко мнѣ, дѣло будетъ все покончено; не бойся, я все на себя принимаю“.—Неужели правда?—сказалъ Дементій, которому Гараська особенно былъ досажденъ теперь, обокравши не задолго его родственника.—„Увѣряю тебя, не бойся, поймай только, да не забудь переломать ноги, съ Гараською все покончится, и тебѣ ничего не будетъ“.—Слушаю, батюшка Карлъ Васильевичъ, не беспокойся, принимаю.

Дементій дѣйствительно принялъ ловкія мѣры. Изъ огромной вотчины, въ которой былъ бурмистромъ, онъ отобралъ нѣсколько десятковъ преданныхъ себѣ людей, и каждую ночь окружалъ десятками двумя изъ нихъ Туму, разставляя ихъ, незамѣтно для жителей, въ разныхъ условленныхъ мѣстахъ. Онъ былъ увѣжденъ, что Гараська въ какую либо ночь придетъ въ Туму къ своимъ благопріятелямъ. Но разбойникъ, вѣроятно, провѣдавъ готовящуюся на него бурю, велъ себя осторожно, и караульные двѣ недѣли напрасно караулили цѣлыя ночи. Наконецъ, терпѣніе ихъ было награждено. Гараська, какъ послѣ сознался, опасаясь Кронштейна, рѣшился куда либо уѣхать подальше отъ Тумы, и къ вечеру,

подсмотрѣвши или получивши отъ своихъ повѣренныхъ извѣстіе, что нашъ сосѣдъ Леонтій оставилъ на ночь на гумнѣ двухъ лошадей и телѣгу, рѣшился воспользоваться такою оплошностью. Но хомутовъ, дуги и прочей упряжи не было. Въ сосѣдней деревнѣ Малькинѣ Гараська унесъ два хомута и прочую упряжь, оставленные мужикомъ на гумнѣ, и съ ними-то въ рововую для себя ночь подходилъ къ Тумѣ по тропинкѣ. Караульные замѣтили молодца, но чуть было не испортили всего дѣла. Разгорячившись, они подняли тревогу, когда Гараська былъ еще далеко отъ нихъ. Разбойникъ догадался о приготовленной для него ловушкѣ, бросилъ упряжь и спѣшилъ укрыться въ ближайшемъ лѣсу. Появившійся тутъ-же Дементій, увидѣвъ, что жертва ускользаетъ изъ рукъ, закричалъ преслѣдователямъ Гараськи: „Пускайте въ него колья!“ одинъ таковой дѣйствительно сбилъ съ ногъ Гараську. Тогда налетѣло нѣсколько караульныхъ и всѣ они начали колотить Гараську кольями; Дементій только приговаривалъ: „Бейте по ногамъ!“ Разумѣется, разбойника принесли въ Туму: самъ уже идти онъ не могъ; поутру отправили его въ Касимовъ, гдѣ онъ въ острогѣ и умеръ. Кронштейнъ сдержалъ свое слово: Гараську никто не хотѣлъ слушать, что его изувѣчили,—такъ съ тобою и надо,—ему приговаривали.

Но жители и сами, не дожидаясь исправническихъ приказаній, не надѣясь на правосудіе судебныхъ и земскихъ властей, производили свой русскій линчевъ судъ и приводили сами свои приговоры въ исполненіе. Приговоры эти болѣею частью бывали смертные, и осужденные спасались отъ нихъ развѣ случайно. Тумскій воръ Гришкеа, о которомъ я уже говорилъ, окончилъ свою жизнь, конечно, дома, пріюбившись Христовыхъ Таинъ, но не совсѣмъ обыкновеннымъ образомъ. Его поймали мужики или, лучше, догнали въ лѣсу съ украденными вещами и рѣшили съ нимъ раздѣлаться навсегда. Били на-смерть, и когда замѣтили, что онъ уже не дышетъ, сочли его мертвымъ и оставили на съѣденіе волкамъ. Но Гришкеа отлежался, пришелъ въ память, поползъ кое-какъ до дороги; его привезли домой, гдѣ онъ, прочахнувъ нѣсколько мѣсяцевъ, умеръ такъ называемою христіанскою кончиною. Замѣчательно, что онъ не сказалъ—это его и за что отколотилъ въ лѣсу на-смерть. Съ другими поступали иначе. Мещора страна болотистая; есть болота съ жидкою тиною, имѣю-

щія по нѣсколькѣ сажень глубины. Покончивши съ разбойникомъ или воромъ, обыкновенно привязывали ему камень на шею и опускали въ болото. Иногда даже и живаго съ камнемъ на шеѣ точно также бросали въ болотистую тину, гдѣ онъ, разумѣется, погибалъ безвозвратно. Причина, почему болота въ этомъ случаѣ предпочитались рѣкамъ и озерамъ, состояла въ томъ, что въ этихъ ловили рыбу и могли бреднемъ или неводомъ вытащить утопленника съ камнемъ на шеѣ; тогда пошли бы розыски, и пришлось поплатиться не только деньгами, а даже спиною. Напротивъ, въ болотахъ нивто ничего не ловить, притомъ тина въ нихъ скоро закрываетъ упавшія на ихъ дно предметы. На что же искать удобнѣе и безопаснѣе этого мѣста? Да, я и забылъ—было сказать, что Иванъ Стратоновичъ, о которомъ я говорилъ выше, чуть было не попалъ заживо въ болото; ему уже былъ привязанъ и камень на шею; оставалось только раскатыть и бросить подальше въ болото, но случайно подошедшіе сторонніе люди помѣшали этому исполниться.

Гдѣ же не было ни болотъ, ни глубокихъ рѣкъ, а росли густые лѣса, тамъ, по мѣстному выраженію, прятали воровъ и разбойниковъ подъ кабѣль. Для этого выбирали толстое и высокое дерево, особенно сосну, обрубали съ одной стороны корни его и, привязавши къ дереву довольно высоко веревку, наклоняли его въ ту сторону, съ которой корни не были подрублены. Дереву падать не позволяли эти корни, но за то подрубленные корни другой стороны поднимались и оставляли подъ собою пустое пространство. Вотъ въ эту-то пустоту и укладывали мертваго, а иногда и живаго, разбойника, стараясь о томъ, чтобы онъ улегся или подъ самымъ стволомъ или близко отъ него. Тогда отвязывалась веревка, которою наклоняли дерево; оно поэтому опять принимало вполнѣ вертикальное положеніе. Этотъ-то способъ погребенія и назывался упрятываніемъ подъ каблѣмъ. Замѣчательно, что иногда о такого рода убійствахъ знала вся окрестность, но молчали, т. е. не доводили до свѣдѣнія начальства. Въ домѣ биреневскаго священника Кузмы, отца моего зятя, нирменскаго священника Василья Кузымча Лебедева, однажды сидѣло множество народа, дожидаясь въ праздничный день обѣдни. Рѣчь зашла объ одномъ биреневскомъ мѣщанинѣ, извѣстнѣйшемъ ворѣ, про котораго уже давно не было никакихъ слуховъ. Спрашивали,

куда онъ дѣвался? Тогда одинъ изъ собесѣдниковъ сказалъ: „Эка охота толковать о ворѣ, вѣрно хотите, чтобы онъ возвратился и опять началъ воровать?“—Ну, нѣтъ, уже не воротится,—возразилъ тутъ другой мужикъ, заива.—„А почему же ты думаешь, что онъ не воротится?“—Да какъ же ему воротиться: онъ уже столько-то времени лежитъ подъ кабломъ. Всѣ засмѣялись, впрочемъ, половина и безъ того уже знала о томъ.

Описанный мною „личцевъ судъ“, конечно, вынуждался крайнею необходимостью и тою потачливостью, которую начальство оказывало записнымъ ворами и разбойникамъ, умѣвшимъ приобрести и поддержать его благоволеніе, но выказывалъ грубость нравовъ и даже усиливалъ ее. Къ сожалѣнію, личцевъ судъ прилагали иногда къ такимъ лицамъ, которые ровно ничѣмъ не были виноваты. Кстати уже я расскажу здѣсь объ одномъ изъ такихъ событій: тутъ, конечно, не было ни воровъ, ни воровства, ни разбоя, но цѣлая деревня дѣйствовала хуже пайки разбойниковъ. Въ 1840 году, бывши гостемъ въ дмитровскомъ погостѣ у моего батюшки, въ одинъ вечеръ я сидѣлъ въ кухнѣ въ то время, какъ всѣ тутъ ужинали. Дѣло зашло о разныхъ убійствахъ, и между тѣмъ о томъ, какъ мужики хотѣли было бросить Ивана Стратоновича съ камнемъ въ воду. Тогда ужинавшая тоже батюшкина работница, солдатка изъ деревни Ершовой, дмитровскаго прихода (это не то Ершово, о которомъ, какъ о разбойнической деревнѣ, я выше говорилъ, и которое находилось въ подлиповскомъ приходѣ Рязанскаго уѣзда), Анна сказала: „да что вы объ этомъ толкуете? Вотъ я вамъ расскажу получше штуку“. Передаю я ея рассказъ. Въ деревнѣ Ершовой, гдѣ родилась Анна, былъ старикъ, выжившій изъ рода, т. е. не имѣвшій ни дѣтей, ни внучатъ, ни правнучатъ, а потому и проживалъ онъ то у того, то у другаго дальняго какого либо родственника, и не считался принадлежащимъ къ какой либо семьѣ. Поэтому, при одной такъ называемой ревизіи, или народной переписи, его и не записали въ списки жителей деревни, или, по тогдашнему выраженію, пропустили. Въ то время чрезвычайно суровы были наказанія и штрафы которые налагались на старость и на вотчину, если кто либо бывалъ пропущенъ въ ревизіи. Мужики какъ-то узнали о томъ, что бездомный старикъ не попалъ въ перепись; думали, думали, да и придумали. Старикъ, какъ это дѣлаютъ многіе слишкомъ

пожилые люди, постоянно ожидающіе смерти, приобщался чрезъ каждыя шесть недѣль, чтобы въ случаѣ внезапной смерти священникъ не отказался похоронить его. Однажды мужики и бабы всей деревни собрались на какой-то дворъ и объяснили старику: „что вотъ ты пропущенъ въ ревизіи, что изъ-за тебя намъ придется платить большой штрафъ и староста пойдетъ на поселеніе, что ты пожилъ уже на свѣтѣ и пора тебѣ умереть; такъ помолись-ка Богу, а мы съ тобою и покончимъ“. Анна, смотрѣвшая на эту сцену съ улицы въ подворотню вмѣстѣ съ другими дѣтьми, рассказывала, что старикъ всячески упрашивалъ своихъ палачей не трогать его,—онъ и безъ того скоро умереть; но они, не смотря на его просьбу, составили петлю на срединѣ длинной веревки, надѣли на шею старика и потомъ, ухватившись за концы веревки всѣ безъ исключенія, и бабы и мужики, потянули ихъ и цѣлымъ міромъ удавили старика. Надобно думать, что дали порадочную взятку попу, который и похоронилъ его безъ суда и слѣдствія. Анна добавила, что еще во время ея разсказа много было живыми изъ тѣхъ бабъ и мужиковъ, которые участвовали въ этомъ ужасномъ преступленіи. Теперь, какъ я пишу это, вѣроятно, ужъ нѣтъ никого изъ нихъ на бѣломъ свѣтѣ. Событіе это происходило въ царствованіе императора Александра I-го.

Д. И. Ростиславовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЗАПИСКИ Д. И. РОСТИСЛАВОВА,

ПРОФЕССОРА СПБ. ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ.

† 18 февраля 1877 г.

ГЛАВА VIII-я ¹⁾.

О нашей домашней жизни въ Тумѣ.

Въ Тумѣ моему батюшѣ нельзя было, по крайней мѣрѣ во всѣхъ отношеніяхъ, жить такъ, какъ онъ жывалъ въ Палищахъ. Тума была чѣмъ-то въ родѣ центральнаго мѣста, небольшою столицею касимовской части Мещоры; въ ней былъ каждую субботу базаръ; находился не только кабакъ, но и винный подвалъ; такъ называемый повѣренный, то-есть агентъ откупщика, завѣдывавшій нѣсколькими окрестными кабаками; сюда часто наѣзжали чиновники земской полиціи и самъ исправникъ; здѣсь, по причинѣ проходившей большой дороги изъ Касимова въ Москву, останавливалось много вущовъ и дворянъ; окрестные же помѣщики пріѣзжали просто для того, чтобы размыкать свою скуку. Батюшву моего сдѣлали благочиннымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и старшимъ священникомъ; въ нему, такимъ образомъ, являлись и прихожане и духовенство не только Тумы, но и многихъ другихъ селъ. Далѣе, одинъ изъ священниковъ, Иванъ Петровичъ, жилъ на барскую ногу, то-есть имѣлъ самоваръ, самъ помѣщался въ чистой теплой горницѣ, куда уже не попадало ни одно изъ домашнихъ животныхъ. Наконецъ, въ двухъ съ половиною верстахъ жилъ старый знакомый батюшки, помѣщикъ Петръ Васильевичъ Ивановъ, мой крестный отецъ.

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1880 г., т. XXVII, стр. 1—38; 545—572; 681—704. Т. XXVIII, стр. 35—68.

Но батюшкѣ съ перваго раза нельзя было, такъ сказать, развернуться. У дѣдушки, какъ сказано выше, была для семейства и его и нашего только одна теплая изба, другая же на зиму отдавалась дворнику. Въ первой мы сначала всѣ и помѣстились, числомъ до 15-ти человѣкъ. Впрочемъ, это продолжалось слишкомъ недолго. Наступила скоро весна, дворникъ лѣтомъ не держалъ постоялаго двора; такимъ образомъ, открылась возможность по крайней мѣрѣ на ночь всѣмъ намъ размѣститься въ разныхъ мѣстахъ. Кромѣ того, батюшкою уже было куплено пятистѣнное зданіе у биреневскаго священника Алексѣя; зданіе въ маѣ все было перевезено въ Туму, поставлено посреди двора между обѣими избами; оно называлось хоромами и состояло изъ четырехъ комнатъ: передней, очень большой залы, спальни и кладовой; ни въ одной изъ комнатъ, кромѣ передней, не было лавокъ. Потомъ, чрезъ нѣсколько лѣтъ, прежнюю дѣдушкину избу замѣнили новою двухъэтажною; нижняя называлась кухней, а верхняя замѣнила хоромы, состояла тоже изъ четырехъ комнатъ, но устроена была по плану деревенскихъ избъ; въ ней находились лавки и даже палаты.

Тумская жизнь нашего семейства не была барскою и не во многомъ отличалась отъ палищенской. Прежде всего скажу, что мы всѣ по прежнему всегда почти обѣдали и ужинали вмѣстѣ съ своею прислугою, даже когда они и наша семья состояли изъ 18—19-ти человѣкъ; обыкновенно только маленькія дѣти до 6—7-ми лѣтъ и бабушка послѣ того, какъ лишилась зрѣнія, отдѣльно отъ прочихъ обѣдали и ужинали. Исключенія бывали въ тѣхъ случаяхъ, когда наѣзжали или уже очень почетные гости, особенно свѣтскіе, или хоть и менѣе почетные, но въ большомъ количествѣ. Въ томъ и другомъ случаѣ столъ для гостей накрывался уже въ хорамахъ или, послѣ, въ верхней избѣ и за него садились батюшка и матушка и потомъ я, когда сдѣлался уже довольно взрослымъ; затѣмъ, всѣ прочіе кушали въ кухнѣ за однимъ столомъ. Замѣчательно, что старики, и дѣдушка и бабушка, даже не очень любили, если имъ приходилось обѣдать вмѣстѣ съ гостями, не въ кухнѣ; въ послѣдней они находили свое положеніе вольготнѣе, по выраженію дѣдушки. Но если гости были изъ родныхъ, и при томъ не въ большомъ количествѣ, то обыкновенно садились за столъ въ кухнѣ, и если можно было усесться за столомъ, то вмѣстѣ съ прислугою. За общимъ нашимъ обѣдомъ о тарелкахъ,

вилкахъ, ножахъ и помину не было: ложки были деревянные, круглыя; ножъ кухонный употреблялся для рѣзанія хлѣба; говядина разрѣзалась на куски на деревянной тарелкѣ тѣмъ же ножомъ, но большею частію придерживалась вилкою. Затѣмъ щи жидкое холодное, каша и другія кушанья, которыя нужно было брать ложками, наливались или влились въ одну общую деревянную чашку. Изрѣзанные же кусками студень и жаркое изъ говядины, баранины, поросенка и пр. каждый бралъ съ общей тарелки рукою. Но когда бывалъ отдѣльный обѣдъ для гостей, ставили плоскую деревянную тарелку предъ каждымъ гостемъ, чтобы на нее класть ложку, а для жаркаго употреблялъ всякій не свою, какъ выражались, пятерню, а уже вилку. Для очень уже почетныхъ гостей, напримѣръ, помѣщиковъ, проѣзжихъ архимандритовъ, ставились глубокія оловянные тарелки и въ нихъ наливались горячія кушанья отдѣльно для каждого.

Пища, которую мы всѣ употребляли въ отсутствіи гостей, была очень незатѣлива. Начну съ постныхъ дней. Минуть за 20—30, въ большую чашку накладывали сухарей изъ чернаго хлѣба и потомъ наливали туда воды; это называлось намочить сухари. Послѣ, когда они дѣлались мягкими, или, какъ говорили, размокали, воду сливали и употребляли для питья, а въ сухари вливали квасъ, прибавляли луку и особенно огурцовъ. Вотъ это—первое блюдо. Оно въ зимнее время замѣнялось квасомъ съ бѣлою капустою и съ огурцами, куда уже не опускали сухарей. Затѣмъ слѣдовали щи, приправленные или подбитыя пшеничною мукою во время варки ихъ, или забѣленныя сокомъ изъ конопляныхъ сѣмянъ. Если лѣто было грибное и дѣлался большой запасъ сушеныхъ грибовъ (что почти всегда и бывало), то постныя щи варились съ грибами. Потомъ часто заканчивалось все гречневою кашею съ коноплянымъ или льнянымъ масломъ, и нерѣдко съ тѣмъ же сокомъ, которымъ забѣливались щи. Когда вошелъ въ употребленіе картофель, то его подавали или въ видѣ жаркаго, или просто свареннымъ, такъ что, взявши изъ чашки картофеляину, нужно было сначала очистить ее и потомъ уже ѣсть. Нерѣдко, очистивши напередъ картофель, растирали его въ чашкѣ и, наливши туда квасу, подавали въ видѣ холоднаго; въ зимнее же и осеннее время свареная и изрѣзанная свекла опускалась въ квасъ и составляла холодное. Лѣтомъ же,

когда выросли большія листья свеклы, ихъ срывали, разваривали, изрѣзывали и, смѣшавши съ квасомъ, подавали тоже въ видѣ холоднаго подъ названіемъ баланды. Когда появлялись грибы и ягоды, то изъ нихъ приготовлялись разныя кушанья. Одни грибы варились, другіе обжаривались, третьи—сушеные, моченые или обваренные—соблюдались для зимы. И въ Тумѣ, также какъ въ Палицахъ, употреблялась нами почтенная кулага. Равнымъ образомъ, квашеная брусника составляла лакомое блюдо или съ медомъ или, болѣею частію, въ смѣси съ гречневою мукою, подъ названіемъ тѣста. Да и забылъ-было я сказать о самыхъ сытныхъ и, такъ сказать, самыхъ плотныхъ кушаньяхъ: горохъ и толокнѣ. Первый весьма часто употреблялся сваренный въ водѣ безъ всякихъ приправъ, развѣ съ прибавкою муки. Второй состоялъ изъ овсяной муки, особеннымъ образомъ приготовленной; въ нее наливали болѣе или меньшее количество воды, отчего получалось жидкое или густое толокно; блюдо это употреблялось часто лѣтомъ, когда не было ни огурцовъ, ни луку, ни картофеля. Рыбу слишкомъ рѣдко употребляли, и то почти только соленую, въ праздничные дни; впрочемъ, по правдѣ сказать, свѣжей рыбы въ Тумѣ трудно было и доставать, особенно въ лѣтнее время; даже къ масляницѣ иногда ѣздили за нею въ Касимовъ. Въ праздничные дни, особенно при гостяхъ, пеклись пироги изъ пшеничной муки, начиненные или капустою, или черникою и малиною,—къ ягодамъ прибавляли меду, отчего и пироги носили названіе сладкихъ. Впрочемъ, вообще въ простые дни почти никогда не бывало за обѣдомъ болѣе трехъ перемѣнъ.

Приступая къ описанію скоромныхъ кушаньевъ, употреблявшихся въ нашей семьѣ, нахожу нужнымъ предварительно сказать, что долго еще послѣ переезда нашего въ Туму трудно было достать лѣтомъ и даже осенью свѣжей говядины у какаго либо торговца; ее привозили на базаръ мерзлою въ зимнее время. Только уже предъ концомъ моей семинарской жизни въ мясоѣды можно было въ субботу запасаться свѣжимъ мясомъ на цѣлую недѣлю, если только была возможность сберечь его на слѣгу отъ порчи. Поэтому почти во всѣхъ домахъ, даже достаточныхъ, свѣжая мясная пища состояла изъ телятины, баранины, поросятины, утятини, гусятины и другихъ небольшихъ домашнихъ животныхъ. Потомъ каждый достаточный хозяинъ къ концу осени,

когда уже наступали морозы, зарѣзывалъ одну или нѣсколько коровъ и свиней и запасался солониною и окороками. И тѣ и другіе въ лѣтнее время служили главнымъ запасомъ для тѣхъ, кто находилъ возможнымъ по своему состоянію имѣть мясную пищу въ скромные дни.

Въ будничные скоромные дни, во щи, если въ нихъ варилась говядина, особенно свѣжая, опускались сухари. Слишкомъ мало я помню случаевъ, когда у насъ въ эти дни щи бывали безъ всякаго мяса и забѣливались только сметаной, да и то въ началѣ тумской жизни, когда хозяйствовало еще по образцамъ, введеннымъ дѣдушкою. Щамъ нерѣдко предшествовалъ квасъ, въ который крошились, то-есть опускались, куски солонины, говядины, а въ праздники студеной поросятины; иногда напередъ растирали нѣсколько круто сваренныхъ яицъ и ихъ разводили уже квасомъ. Какъ въ щахъ, такъ и въ квасѣ, сначала всѣ хлеба ложки одну жидкость, или, какъ ее называли, жижу, жижицу; а потомъ, когда уже оставалось кушанья въ чашкѣ менѣе половины, тогда старшій говаривалъ: берите,—этимъ выражалось позволеніе ложкою захватывать, но не болѣе какъ по одному кусочку говядины; дѣти, а иногда и взрослые, послѣ магическаго берите, почаще ложку опускали въ щи или въ квасъ, чтобы поболѣе кусковъ оттуда вытащить; но обыкновенно рѣдко доставалось каждому болѣе четырехъ—пяти кусковъ. За щами слѣдовали или жареный картофель, или кислое—квашеное молоко, рѣдко то и другое вмѣстѣ, но непремѣнно почти всегда заканчивалось кашею, не такъ часто пшениною, какъ гречневою; въ кашу подбавлялось или коровье масло, или свѣжее молоко; послѣднее блюдо было едва-ли не самымъ любимымъ и вкуснымъ.

Нашъ незатѣйливый списокъ кушаньевъ въ праздничные скоромные дни пополнялся или замѣнялся другими кушаньями. Къ нимъ принадлежали преимущественно: 1) жаркое изъ телятины или баранины, гуся, утки, поросенка, который всегда почти начиненъ былъ гречневою кашею; 2) ушникъ—то же, что супъ, въ которомъ варились внутренности гуся, утки, курицы, и самая курятина; 3) лапша или съ говядиною, или на молокѣ; 4) молочная каша, или ячница, драчона, и прочее. Но вообще въ скоромные будничные дни, также какъ въ постные, обѣдъ состоялъ большею частію изъ трехъ, а въ праздничные иногда изъ че-

тырехъ—пяти перемѣнъ. За столомъ сидѣли мы при старшихъ очень тихо; вести разговоръ предоставлялось только имъ; впрочемъ, иногда принимали участіе и всѣ, болѣе или менѣе, только съ соблюденіемъ приличій. На счетъ продолжительности сидѣнья за столомъ не соблюдалось церемоній; если-кто не хотѣлъ больше ѣсть, тотъ выходилъ изъ-за стола, такъ что иногда къ концу обѣда или ужина не оставалось и половины людей. Считаю нужнымъ прибавить, что у моего батюшки, какъ благочиннаго, какъ священника въ богатомъ селѣ, столъ былъ лучше, нежели у многихъ другихъ духовныхъ лицъ. Мнѣ самому не разъ случалось обѣдать и ужинать въ тѣ времена у своихъ родныхъ, и не видать ни одного мяснаго куска; вся скоромная пища состояла только изъ молока квашенаго, молока съ кашею, щей, забѣленныхъ сметаномъ, и пр.

Въ лѣтнее теплое время кухня служила ночлегомъ или спальнею для немногихъ изъ насъ. Дѣдушка и бабушка ночевали обыкновенно въ холодной горницѣ противъ избы, отдававшейся дворнику; батюшка и матушка въ хоромахъ, послѣ—въ верхней избѣ, гдѣ одна комната и называлась спальнею; я спалъ гдѣ случалось—и на сунитѣ на сѣнѣ, и въ холодной горницѣ, и въ верхней избѣ, а впослѣдствіи, когда я слѣлался уже полувзрослымъ и взрослымъ,—въ хоромахъ, иногда съ старшею сестрою, а послѣ одинъ; сестры мои—или въ верхней избѣ, или въ холодной горницѣ, или на потолкѣ надъ сѣнями; маленькія дѣти—въ сѣняхъ, или горницѣ, иногда въ верхней, а въ не очень теплое время перебирались въ кухню; постоянными же квартирантами кухни ночью были купленная старуха Прасковья и ея внуки; послѣднія, впрочемъ, не всегда. Такимъ образомъ лѣтомъ семейство ночью распредѣлялось въ различныхъ мѣстахъ. Но съ сентября мало по малу почти всѣ собирались въ кухню. У дѣдушки и бабушки постель устраивалась въ той части кухни, которая называлась чуланомъ. Для дѣтей побольше—спальнею служили иногда палаты, для маленькихъ—на такъ называемомъ кутѣ устраивалась отъ вхожей двери до продольной стѣны общая кровать, человекъ на пять—шесть и даже болѣе; тутъ, какъ мы выражались, спали въ повалку; наконецъ, прочіе располагались по лавкамъ, а старуха Прасковья на печи. Лѣтъ съ 14-ти я уже почти всегда ночевалъ въ верхней избѣ съ старшими сестрами,—я въ залѣ на лавкѣ или на полу, а сестры въ передней на такихъ

же мѣстахъ; на палатахъ тутъ рѣдко кто спалъ. Такимъ образомъ, въ кухнѣ въ рѣдкую ночь въ холодное время спало менѣе десяти человѣкъ; предъ праздничными и воскресными днями, особенно въ Великій постъ, предъ субботою набиралось множество деревенскихъ бабъ, а иногда и мужчинъ, которые, опасаясь, что изъ своихъ домовъ не поспѣютъ къ заутренѣ, приходили съ вечера въ село и здѣсь въ разныхъ домахъ размѣщались. Въ эти ночи полъ устилали соломой, на которой, а также и по лавкамъ, на палатахъ и пр., располагались пришедшіе, такъ что иногда рѣшительно пройти не было возможности, не наступивъ, какъ тогда говаривали, кому либо на языкъ. Въ такія ночи даже маленькихъ братьевъ и сестеръ, спавшихъ на кутеѣ, уносили всѣхъ въ верхнюю избу.

Въ теплѣе и холодное время, кухня служила не только общимъ сборнымъ мѣстомъ для всѣхъ почти насъ, но и, такъ сказать, классною комнатою для учившихся читать, а отчасти и писать. Дѣдушка и бабушка почти всегда тутъ были. Сестры здѣсь пряли, а иногда шили и вышивали, и пр. По вечерамъ она освѣщалась почти всегда лучиною, тогда какъ въ верхней избѣ и въ хоромахъ употреблялись только свѣчи. Относительно домашнихъ животныхъ соблюдались тѣ же обычаи, которые я уже описалъ выше. Вновь рожденныя—и телята, и поросята, и ягнята—въ сильные морозы укрывались въ кухнѣ; впускались, хотъ и не часто, и обьяловившіяся коровы, то-есть недавно принесшія теленка, чтобы сѣсть тутъ приготовленное для нихъ мѣсиво; а мамы поросятъ иногда и ночевали; гусыни-же несли яйца, насиживали ихъ, выводили дѣтей и нѣсколько времени послѣ вывода были неизбѣжными жителями избы. Надобно еще прибавить, что домъ нашъ стоялъ на низкомъ мѣстѣ, отчего въ нижней избѣ была порядочная сырость, такъ что отъ густаго слоя инея на оконныхъ стеклахъ съ оконъ текла вода; чтобы она не разливалась по лавкамъ и полу, клали на окна тряпки, поглощавшія воду, или подставляли чашки, въ которыя по прорѣзаннымъ жолобкамъ она стекала. Легко понять, что воздухъ въ кухнѣ не могъ отличаться доброкачественностію, хотя мы этого, разумѣется, не замѣчали. Раза два въ мою семинарскую жизнь забиралась къ намъ горячка, и тогда чуть не всѣмъ, кромѣ батюшки, дѣдушки и бабушки, приходилось съ нею ознакомиться. Впослѣдствіи въ

строена была уже скотная теплая изба, но не обходилось и при ней безъ того, что кого либо изъ новорожденныхъ животнаго царства на короткое время не помѣщали на кухнѣ. Изъ моего описанія нашей жизни можно понять, какъ жили священники въ бѣдныхъ приходахъ и вообще причетники и дьяконы. Предъ нами поступленіемъ въ семинарію, почти всѣ священники и нѣкоторая часть, можетъ быть, дьяконовъ имѣли, кромѣ кухни, отдѣльныя теплыя избы, но дьячки болѣею частію жили еще по старинѣ.

ГЛАВА IX-я.

О хлѣбосольствѣ.

Батюшка мой принадлежалъ къ числу усердныхъ хлѣбосоловъ. Въ Палицахъ ему трудно было выказать это качество, но въ Тумѣ, гдѣ такъ много людей являлось къ нему за нуждою и безъ нужды, хлѣбосольство его развернулось вполне и, по правдѣ сказать, обходилось не дешево. Описываемое мною время въ деревняхъ было временемъ борьбы или, пожалуй, мировой сдѣлки между старою и вновь появившеюся методою угощать своихъ гостей. Тогда начиналъ входить въ употребленіе чай. Батюшка, бывши еще въ Палицахъ, купилъ уже самоваръ; въ цѣломъ приходѣ предупредили его только овинцевская барыня и голваревскій помѣщикъ. Не говорю уже о насъ—дѣтяхъ, которыя первоначально даже съ нѣкоторою робостію смотрѣли на этотъ горячій и шумливый приборъ, но и взрослые люди, даже дьяконы и дьячки, удивлялись и не понимали, отчего онъ такъ скоро нагрѣвалъ воду и приводилъ ее въ сильнѣйшее кипѣніе. „Тѣфу ты пропасть, какая затѣя, какая штука!“ поговаривали стоявшіе около самовара. Но чай пить тогда было не очень легко. Не помню, по какой цѣнѣ покупался чай, но хорошо знаю, что, живя въ Палицахъ, батюшка платилъ въ Рязани и Касимовѣ не менѣе двухъ рублей ассигнаціями за фунтъ сахара. Неудивительно, что немногіе рѣшались заводить у себя такое дорогое угощеніе, которое только наполняло желудокъ горячею водою и возбуждало потъ, но не придавало головѣ никакого куражу. Дороговизна чаепитія увеличивалась еще отъ того, что сначала пили

чай въ такъ называемую накладку, то-есть въ чайную чашку клали столько сахару, чтобы налитая въ нее жидкость была достаточно сладкою. Впрочемъ, скоро появилось искусство пить чай сквозь кусочекъ, или въ прикуску, но все-таки пивали его въ духовенствѣ немногіе; еще менѣе было пившихъ каждый день.

По переѣздѣ въ Туму, у батюшки самоваръ пошелъ въ большой ходъ. Здѣсь священникъ Иванъ Петровичъ давно уже пилъ чай; здѣсь тоже и повѣренные откупщиковъ чаепитіе считали необходимою и для себя и для своихъ гостей. Другой священникъ, дядя мой Никифоръ Мироновичъ, вскорѣ тоже купилъ самоваръ. Но прочій духовный и мірской людъ неохотно знакомился съ новымъ напиткомъ. Почти до самаго 1829 г., когда мнѣ навсегда пришлось разстаться съ Тумою, изъ коренныхъ, постоянныхъ ея жителей были самовары едва-ли только не у священниковъ, дьячка Луки Семенова, мѣщанина Сазанова и крестьянина Леонтыя Максимова; въ приходѣ же—лишь у двухъ бурмистровъ: шульгинскаго Ивана Астафьева и киряевского Дементья Ефимова. Если же кому хотѣлось попочивать почетнаго гостя чайкомъ, то въ селѣ брали у кого либо самоваръ, или заводили мѣдный чайникъ, который кипятили на таганѣ на шестѣ печи. Въ деревняхъ же иногда прибѣгали въ горшку и чугуну. Я самъ былъ однажды съ батюшкою у киряевского мужика Афанасія—церковнаго старосты. Мы сидѣли кругомъ стола у передняго угла, а хозяйка на шестѣ печи подлаживала лучину и щепу между ножками тагана подъ стоявшій на немъ горшокъ съ водою и наконецъ вскипятила ее. Тогда деревяннымъ уполовникомъ, то-есть ковшомъ съ длинною рукояткою, которымъ наливають щи изъ горшка въ чашку, она стала наливать кипятокъ въ глиняный чайникъ, куда положенъ былъ чай. Изъ этого-то чайника и разливали намъ чай по чашкамъ. Иногда происходили болѣе странныя сцены. Иная баба или сама по себѣ, или даже посоветовавшись съ мужемъ, клала чай прямо въ горшокъ или чугунокъ, въ которомъ приготовлялся кипятокъ, но видя, что выходила какая-то пустая жидкость, находила нужнымъ подбавить туда гречневыхъ крупъ, луку и другой какой либо приправы. Самъ, впрочемъ, я не бывалъ при такого рода чаепитіяхъ, но слышалъ въ дѣтствѣ о многихъ подобныхъ случаяхъ.

Старинное же угощеніе состояло главнѣйшимъ образомъ въ

нашей православной водкѣ, или сивухѣ. Для закуски подавались разные вещи, смотря по лицу угощаемому, времени дня и другимъ обстоятельствамъ. Иногда клали на столъ только ломоть хлѣба съ солью, иногда ставили тарелку съ наръзанными кусками говядины, или чашку огурцовъ и т. п. Опоражнивали рюмку за рюмкой, или ставанъ за ставаномъ, не столько ѣли, сколько пили. Въ двадцатыхъ годахъ уже у многихъ, не только духовныхъ лицъ, но и крестьянъ, для экстренныхъ случаевъ покупались виноградныя вина—русскія, извѣстныя подъ названіемъ бѣлаго, хотя цвѣтъ его красноватый. За недостаткомъ его, въ случаѣ надобности, особенно благочестивые люди, или для благочестивыхъ людей, брали такъ называемое церковное, красное вино.

Батюшка мой соединилъ и новую и старинную методу угощать. Для помѣщиковъ, чиновниковъ, священниковъ, почетныхъ бурмистровъ, купцовъ и пр.—ставили обыкновенно самоваръ и потомъ потчивали чаемъ. Предъ чаемъ непременно надобно было попотчевать водкою, или простою, или въ видѣ настоевъ, особенно знаменитаго въ то время ерофеича, т. е. вина, настоеннаго на травѣ, называвшейся звѣробоемъ. Послѣ нѣсколькихъ чашекъ чаю начиналось угощеніе пуншемъ. Ромъ тогда еще мало былъ извѣстенъ въ селахъ и деревняхъ; его замѣняла кизлярская водка. Гдѣ же не случалось ея—тамъ иногда подливали въ чашку простую водку, сивуху, но у батюшки этого никогда не было. Бывали дни, что для гостей приходилось у насъ ставить самоваръ не по одному разу. Но мы сами, одни, до поступленія моего въ академію, рѣдко пивали чай. Обыкновенно его употребляли въ праздничные дни, послѣ бани, иногда послѣ окончанія какой либо работы и т. п. Чаемъ потчивали, особенно сначала, далеко не всѣхъ дѣтей; даже и я до реторики не всегда приглашаемъ былъ къ нему; но потомъ мало по малу пивали всѣ дѣти, хотя не при всякомъ разѣ. Дѣдушка долго не любилъ чаю. „Эка охота наливать брюхо горячею водою! лучше рюмочку выпить“, говаривалъ онъ. Но послѣ и ему началъ нравиться чай, такъ что случалось даже слышать: „а что бы, Ванюша,—говаривалъ онъ моему батюшкѣ,—напиться нынѣ чайку? вѣдь хорошо поработали“. Для угощенія по старинѣ батюшка мой не имѣлъ нужды дѣлать большихъ расходовъ; по тогдашнимъ обычаямъ откупщики давали ему, какъ благочинному, очень достаточное для домашнего рас-

хода количество водки. Батюшка любилъ дѣлать разнаго рода настойки, подъ названіемъ рябиновки, малиновки, вишневки, смородиновки, углянки, и пр.; нѣкоторыя бутылки хранились по нѣскольку лѣтъ.

Я до сихъ поръ говорилъ объ угощеніи случайныхъ гостей, приходившихъ на нѣсколько часовъ. Но у сельскаго духовенства, а также и у прочихъ деревенскихъ жителей, есть особенные случаи, при которыхъ во всемъ блескѣ должно обнаруживаться хлѣбосольство,—это храмовые праздники у духовенства, а у крестьянъ иногда и храмовые праздники, но больше Пасха. Опишу праздники у духовенства, и при томъ—какъ они происходили не только въ моей молодости, но и прежде. Начну со старины.

Въ храмовые праздники къ священно и церковнослужителямъ съѣзжались и теперь, а прежде еще усерднѣе съѣзжались ихъ родственники и знакомые очень въ большомъ количествѣ. Не 10, а 20 и даже до 30-ти человѣкъ бывало гостей, такъ что лошадьми и телѣгами или саними заставлялась значительная часть даже большаго двора, а маленький весь наполнялся. Поэтому и говорили, что у такого-то попа гостей полный дворъ, или цѣлый обозъ. То же самое происходило по случаю свадебъ въ тѣхъ домахъ, гдѣ онѣ праздновались. Весь этотъ обозъ, вмѣстѣ съ лошадьми, оставался на полномъ содержаніи хозяина не одинъ какой нибудь денекъ. Въ лѣтнюю рабочую пору полевая настоятельная работа еще заставляла гостей убираться поскорѣе домой. Но осенью, по окончаніи работъ, и зимою, особенно въ праздники Покрова, Казанской Божіей Матери, Введенія Богородицы и Николая Чудотворца, жилали не по три и четыре дня, а даже по недѣлѣ, иногда даже и къ неудовольствію хозяина. Когда я уже былъ профессоромъ академіи, то во время пріѣзда къ батюшкѣ я слышалъ разсказъ, какъ недавно у одного сосѣдняго священника праздновали свадьбу его сына. Гости загулялись и загостились чуть не цѣлую недѣлю. Хозяинъ—большой хлѣбосоль—угощалъ ихъ на славу, но наконецъ и онъ увидалъ, что у него недостаетъ средствъ для угощенія. Въ одинъ день, когда гости, возставъ отъ сна, выпили и закусили за порядочнымъ завтракомъ и потомъ стали составлять планы, какъ провести день у хлѣбосольнаго хозяина, этотъ съ полною откровенностію сказалъ: „какъ угодно, господа гости, у меня все уже вышло, и водка, и

чай, и сахаръ, даже и съѣстное; угощать мнѣ васъ, право, больше не чѣмъ; извините, запасался—было многимъ, да все ушло на васъ же“. Гости послѣ этого слова не нашли нужнымъ долѣе оставаться и разъѣхались.—И дѣйствительно, не мало нужно было издержекъ, чтобы угостить наѣзжавшихъ гостей; любили и давнишніе покойники и мои современники попить и погулять! Начну съ того, какъ угощеніе въ храмовые праздники и другіе торжественные случаи происходило встарь, т. е. когда мой батюшка былъ мальчикомъ.

По словамъ его, которыя, бывало, дѣдушка подтверждалъ своею улыбкою и прибавленіями: „такъ, такъ;—правда;—иначе нельзя было;—водилось“ и пр., угощеніе происходило слѣдующимъ образомъ. За часъ или за два до того времени, когда гости должны были вставать съ постели, хозяинъ подходилъ къ нимъ съ штофомъ водки, толкалъ и будилъ каждаго по очереди, покорнѣйше прося выпить рюмочку или стакачикъ. Гость, проснувшись, даже почти полупроснувшись, опираясь на одну руку, другою, въ полулежащемъ положеніи, выпивалъ, и потомъ, утерши губы своимъ рукавомъ, ложился опять и засыпалъ тотчасъ. За нимъ толкали и будили другаго, третьяго и т. д. Сцена была дѣйствительно оригинальная. Кроватей и перинъ для всѣхъ гостей достать не было возможности; для нихъ приносили нѣсколько вязанокъ соломы или сѣна, раскидывали ихъ на полу толстымъ слоемъ, иногда чѣмъ нибудь покрывали, а то прямо укладывали дорогихъ гостей—мужчинъ на это импровизированное ложе; женщины болѣею частію спали въ чуланѣ, по лавкамъ, или въ горницѣ, если тепло было. Представьте себѣ комнату, слабо освѣщенную или лучиною, или какимъ либо сальнымъ огаркомъ, а иногда и небольшою восковою церковною свѣчкою. Освѣтительное орудіе держать или неубранная и недоспавшая жена хозяина, или какая нибудь работница въ поневѣ, или работникъ. Послѣдніе двое обыкновенно посматриваютъ съ язвительною улыбкою. Гости сопятъ и храпятъ, какъ любили тогда выражаться, во всю ивановскую; хозяинъ, со штофомъ въ рукѣ, на колѣняхъ на полу по очереди расталкиваетъ гостей; эти по очереди полуподнимаются, выпиваютъ и опять начинаютъ свою ивановскую.

Окончивъ это первое праздничное вступленіе, хозяинъ гдѣ либо укладывался, чтобы вознаградить себя за прерванный сонъ,

но хозяйка почти всегда должна была начинать приниматься за страпну, если у нея не было для этого особой, опытной страпнухи. Наконецъ, гости начинаютъ просыпаться, потягиваются, покашливаютъ, произносятъ слова по два, и пр., но вставать еще не думаютъ. Если хозяинъ самъ не догадается встать въ это время, то какой либо посановитѣе или поназойливѣе гость громко покрикиваетъ: „Эй, хозяинъ, гдѣ же ты? вставай, пора дѣломъ заняться“. Хозяинъ по этому призыву или самъ собою является опять со штофомъ и ставаномъ или рюмкою, и опять, припавши на колѣни, потчуетъ одного за другимъ своихъ гостей; говоръ усиливается, непроснувшіеся доселѣ гости просыпаются сами, или пробуждаются сосѣдами. Хозяинъ садится на полу или на соломѣ, начинается общій разговоръ и прежде, нежели найдутъ нужнымъ встать съ постели, водка въ штофѣ еще уменьшится, а иногда принесется и новая посуда. Наконецъ, или сами собою, или по докладу хозяйки о томъ, что скоро будетъ готовъ завтракъ, гости поднимаются, обуваются, одѣваются, начинаютъ умываться, откашливаются, отхаркиваются, охаютъ, но всякій непременно помолится Богу, даже сдѣлаетъ сколько нибудь земныхъ поклоновъ. Потомъ надобно убирать свои длинные, всклооченные волосы; зовутъ своихъ женъ заплести косы, а иногда и сами другъ другу заплетають.

Между тѣмъ, расторопная хозяйка накрываетъ столъ для завтрака, устанавливаетъ разные кушанья—или оставшіеся отъ вчерашняго дня, или приготовленные уже утромъ. Хозяинъ, увидавши, что все уже готово, усаживаетъ гостей за столъ и, разумѣется, опять пошла рюмочка въ ходъ. Попьютъ, поѣдятъ, покричатъ, даже немного и побранятся, и такимъ образомъ покончатъ завтракъ уже на-веселѣ. Болѣе догадливые, или болѣе отяжелѣвшіе, ищутъ гдѣ либо уютнаго мѣстечка, чтобы завалиться на боковую и заплѣть свою ивановскую. Но большинство не ложится. Если не къ кому въ селѣ идти въ гости, то начинаются разговоры о всѣхъ возможныхъ предметахъ; поднимаются споры; говорящихъ почти столько же, сколько и присутствующихъ,—слушателей бываетъ не много; развѣ только жены, но и у нихъ также развязывается языкъ, такъ что во всей этой сценѣ можно было приложить пословицу: слушай дуброва, чтѣ вѣтеръ шумитъ. Если же кто либо въ селѣ звалъ гостей къ себѣ, то

уходить въ нему, чтобы до хозяйскаго обѣда покончить вязать. У новаго хозяина начинается новое угощеніе ястіемъ и питіемъ, по выраженію церковныхъ книгъ. Поэтому гости возвращаются въ настоящему своему хозяину уже очень на-веселѣ. Впрочемъ, еслибы они и остались здѣсь, то имъ тоже не дали бы просто сидѣть, да калякать. Если бы самъ хозяинъ не догадался, то какой либо гость сказалъ: „А что, хозяинъ, въ горлѣ что-то пересохло; не мѣшало бы промочить“. Такимъ-то образомъ дѣло доходило до обѣда.

Обѣдъ если не отличался особенною изысканностію въ нѣшнемъ смыслѣ, то былъ уже самый сытный и состоялъ изъ множества переменъ. Въ постные дни, особенно по причинѣ недостатка въ свѣжей рыбѣ, трудно было оразнообразить столъ, но и тутъ изъ разнаго рода грибовъ, ягодъ, печеній, даже гороху и пр. умѣли составлять много переменъ; однихъ киселей бывало до 3—4-хъ. Въ скоромные же дни изъ ветчины, говядины, телятины, баранины, гусей, поросятъ, молока, масла, муки пшеничной, гречневой, даже ржаной, картофелю, и пр., приготавливалось множество разнообразныхъ холодныхъ, горячихъ, жареныхъ, драчонъ, кашниковъ, пироговъ и пирожныхъ. Мнѣ самому случалось сиживать за сельскими обѣдами, къ которымъ подавалось болѣе десяти блюдъ. Хозяинъ и хозяйка въ дѣдушкино время никогда, да и послѣ не всегда, сами участвовали въ обѣдѣ. Они занимались только обхожденіемъ, т. е. переходили отъ одного гостя къ другому, потчивали, и каждого отдѣльно, и всѣхъ вмѣстѣ. Хозяинъ, разумѣется, главнымъ образомъ занятъ былъ по части піемаго, а хозяйка по части ѣдомаго. Все пускалось въ ходъ: и настоятельныя просьбы, и поклоны, и лесть, и жалобы. „Что это вы ничего не кушаете? Да, вѣрно, вы насъ не любите? Вѣрно, я плохо приговорила? Покушайте, сдѣлайте милость“, — и гости, которыхъ желудки были уже переполнены всякою всячиной, чтобы уважить хозяевъ, храбро принимались за ѣду и питье. Оканчивался обѣдъ; выходили изъ-за стола, если только могли приподняться; молились Богу, если у кого руки поднимались еще; принимались благодарить хозяина и хозяйку; эти извинялись, говорили, „что вы ничего не кушали, что мы не умѣли угодить вамъ, — извините, пожалуйста, — чѣмъ богаты, тѣмъ и рады, угостили, какъ сумѣли“. Но не всѣ могли встать и выйти

изъ-за стола; нѣкоторые, а иногда и цѣлая половина мужчинъ, дѣлались слишкомъ нагруженными и тяжелыми, иногда даже и засыпали за столомъ. Этихъ со смѣхомъ укладывали куда нибудь, другихъ поднимали съ мѣста и вели къ мѣсту успокоенія, но чуть не у всѣхъ языкъ прилипалъ къ гортани ихъ. Наибольшая часть отправлялись къ храповицкому и засыпали; да при томъ даже не могли не заснуть. Но тутъ спали недолго — не болѣе часика или двухъ, потому что еще предстояло много дѣла. Поотрезвившись, поотдохнувши, уходили въ другіе дома, чтобы и тамъ отпраздновать праздникъ; обходили въ разные дни не только духовныхъ, но и мірянъ, особенно богатыхъ хлѣбосоловъ. Угощенія опять шли своимъ чередомъ; на столъ ставили всякаго снѣдомаго, потчивали виномъ, но не забывали и пива, или, лучше, деревенской браги. Въ тогдашнія времена ее варили обыкновенно котлами, гдѣ либо за задними воротами, заквапивали и солодили въ чанахъ, разливали по боченкамъ и кувпинамъ. Вкусомъ особеннымъ не отличалась брага, но за то была густа, горька, забориста, а эти-то качества и нужны были. Домовитые хозяева хлѣбосолы приготовляли такъ называемое мартовское пиво. Варили брагу въ мартѣ, наполняли ею крѣпкіе бочонки, ставили ихъ въ ледники и закрывали снѣгомъ такъ, чтобы они оставались подъ нимъ до іюня или даже долѣе. Такая-то брага и называлась мартовскимъ пивомъ. За недостаткомъ ледниковъ или въ другія времена года бочонки опускали въ колодези и тоже тамъ поддерживали ихъ по нѣскольку мѣсяцевъ въ водѣ; въ такомъ случаѣ брагу уже нельзя было назвать мартовскою, потому что ее варили когда находили возможнымъ; но и она также отличалась крѣпостію.

Брагу во время праздниковъ употребляли большею частію послѣ обѣда, приносили въ мѣдной посудѣ, называвшейся ендовою, пили большими стаканами и кружками. Нѣкоторые поворотливые гости успѣвали послѣ обѣда побывать не въ одномъ мѣстѣ. Но если бы даже и нигуда не пошли, то, конечно, отдыхали побольше, но, вставши, вновь были утощаемы то тѣмъ, то другимъ, особенно же брагою. Кончалось тѣмъ, что къ ужину всѣ почти были не только на-веселѣ, но даже и пьяны; иной даже не могъ и поужинать, а заваливался гдѣ либо спать. Ужинъ, конечно, не былъ такъ обилень, какъ обѣдъ, но все-таки было что поѣсть; хозяини

иногда считали нужнымъ въ другой разъ истопить печку, чтобы приготовить ужинъ. Относительно же вина нечего было говорить, оно такъ же щедро разливалось и подносилось, какъ за обѣдомъ, и потому по окончаніи ужина гости выходили вполнѣ нагруженными. Хозяева поскорѣе торопились вынести изъ избы столъ или поставить его въ сторонку, вносились вязанки соломы и сѣна, густо устилали ими полъ, и скоро все начинало храпѣть и сопѣть; тутъ даже забывали, или, лучше, не могли помолиться Богу. На слѣдующій день начинались тѣ же самыя церемоніи и попойки, и это длилось, какъ я уже сказалъ, иногда цѣлую недѣлю.

При такомъ продолжительномъ, постоянномъ и сильномъ пьянствѣ, не могло же все происходить спокойно. Духовные и теперь любятъ, и прежде очень любили похвастаться своею ученостію и начитанностію, потолковать о своихъ дѣлахъ и дѣлншкахъ, поспорить и даже пошумѣть, особенно когда въ головѣ шумить. Присоедините сюда то обстоятельство, что, живя въ одномъ селѣ, они рѣдко бываютъ въ ладу между собою; у священно и церковнослужителей сосѣднихъ селъ тоже не безъ столкновеній, не безъ соперничества, и особенно не безъ зависти; самые родственники находятъ много поводовъ другъ съ другомъ ссориться. Послѣ этого понятно, что праздничные пиры не могли обходиться безъ ссоръ; доходило часто до перебранокъ, а иногда принимались и за аксіосы, т. е. вѣдплялись другъ другу въ волоса, или потчивали взаимно кулаками и пинками. Въ свадьбы же позволяли себѣ дѣлать множество разныхъ глупостей и даже гадостей. Я не говорю уже о томъ, что молодыхъ на другой день послѣ бракосочетанія водили, съ барабаннымъ боемъ въ заслоны и чугуны, въ баню, что на невѣстиной рубахѣ отыскивали доказательства ея цѣломудрія и дѣвической невинности; эти глупости и гадости уже начинали не вездѣ встрѣчаться. Но почему-то чуть-ли до сихъ поръ не продолжается еще обычай на тотъ же второй день разбивать всю глиняную посуду, т. е. горшки, кувшины, кружки, а иногда даже и стеклянныя вещи. Предусмотрительныя хозяйки старались въ утру этого дня всю нужную хорошую при стряпаньѣ посуду прятать куда либо подальше, а для любителей разбитыхъ черепковъ оставляли нигуда негодныя уже вещи, а иногда выпрашивали ихъ и у своихъ со-

сѣдокъ. Но безъ этихъ предосторожностей все было разбиваемо, такъ что полъ въ сѣняхъ, а иногда и въ избѣ, покрывался поря- дочно-толстымъ слоемъ черепковъ. Въ другіе праздники произво- дить такія глупости не считалось обязательнымъ, такъ сва- зать, закономъ; тутъ только радовались, когда или самъ хо- зяинъ, или гость неожиданно разбивалъ какую либо вещь; во время именинъ это считалось даже хорошимъ предзнаменованіемъ для именинника. Почему же и намѣренно не доставить наслажде- нія публикѣ, а хозяину-имениннику — предполагаемаго счастья на цѣлый годъ? А иные просто по привычкѣ или по шалости били вещи. Въ нашемъ родствѣ этимъ отличался братъ моей матуш- ки, священникъ села Подлиповъ Степанъ Никитичъ Арбековъ. Человекъ онъ былъ умный, любознательный, скромный даже иногда до застѣнчивости; но все это продолжалось до тѣхъ поръ, пока онъ оставался трезвымъ. Какъ же скоро попадало ему за галстухъ, тогда какъ будто поселялся въ него бѣсъ шаловли- вости и разрушенія; все, что ни попадало подъ руку, онъ раз- бивалъ съ удивительнымъ хладнокровіемъ и потомъ помиралъ со смѣху отъ удовольствія.

Не думайте, чтобы описанныя мною попойки и дурачества принадлежали только ко временамъ моего дѣдушки. Нѣтъ, онѣ продолжались и послѣ; нѣкоторыя даже существуютъ и теперь. Мнѣ впослѣдствіи придется еще, можетъ быть, не одинъ разъ въ немъ возвратиться, а теперь опишу какой результатъ былъ свадь- бы, бывшей въ дмитровскомъ погостѣ, при отдачѣ дочери священ- ника Ивана Петровича Смирнова за семинариста Ивана Карпо- вича тоже Смирнова, поступившаго священникомъ въ село Ги- белицы, около Касимова. Я самъ не былъ на этой свадьбѣ, но жилъ въ то время у моего батюшки въ отпуску, въ одномъ изъ сороковыхъ годовъ. На второй день послѣ свадьбы, гости, женихъ и хозяинъ до того перепились и перессорились, что ихъ насилу кое-какъ развели жены и другія лица, не бывшія пьяными. По- утру на слѣдующій день, поднялась новая тревога. Вставши и помолившись Богу, хозяинъ не досчитался трехъ изъ своихъ гостей, именно молодого своего зятя, своего свояка — нирменскаго священника Ивана Васильевича, и еще близкаго тоже своего родственника священника Илью Осиповича Дроздова, почти что моего сверстника. Начались спросы и разспросы сначала дома,

но никто не могъ дать удовлетворительнаго отвѣта, куда дѣвалась почтенная троица. Дѣлать было нечего, принялись разспрашивать и отыскивать по дворамъ односельчанъ. Я помню, какъ разные послы, приходившіе къ намъ, спрашивали: нѣтъ-ли и не былъ-ли у васъ Иванъ Карповичъ? Насилу-то, часу въ первомъ по полудни, онъ самъ явился. Съ вечера или, лучше, въ полночь, перессорившись съ тестемъ и съ гостями, онъ сдѣлался драчливымъ и, кажется, хотѣлъ поучить уму-разуму молодую свою жену; но та и другія женщины попрытались и позаперлись отъ него. Самъ онъ не могъ объяснить своихъ ночныхъ походовъ; но надобно думать, что онъ, ночью отыскивая вездѣ жену, ушелъ со двора и на гумнѣ, напедши себѣ мягкое мѣстечко въ сѣнникѣ, заснулъ тамъ и проспалъ за полдень. Другіе же два гостя тоже разсердившись на хозяина, не захотѣли у него больше оставаться и никѣмъ не замѣченные ушли каждый по своей дорогѣ. Одного изъ нихъ, Ивана Васильевича, верстахъ въ восьми отъ дмитровскаго погоста, въ лѣсу, встрѣтилъ становой приставъ. У почтеннаго отца хмѣль уже попрошелъ; онъ, вѣроятно, гдѣ-нибудь въ лѣсу соснулъ, и потомъ, не зная куда идти, шелъ наудачу, по пословицѣ—куда кривая ни вынесетъ. Но, будучи въ одномъ подрясникѣ и безъ шляпы, онъ избѣгалъ встрѣчъ и, увидавши становаго, старался скрыться отъ него за деревьями. Становой замѣтилъ это, подошелъ къ святому отцу и, будучи знакомъ съ нимъ, привезъ на своей тройкѣ къ свояку его. Другаго батюшку, Илью Осиповича Дроздова, встрѣтилъ, тоже въ лѣсу, одинъ изъ богатыхъ крестьянъ, и также привезъ въ дмитровскій погостъ. Помню, сколько было смѣху по этимъ случаямъ.

Во всѣхъ угощеніяхъ сельскаго духовенства самая дурная сторона состояла въ томъ, что развѣ рѣдкій, даже рѣдчайшій хозяинъ не считалъ своею обязанностію потчивать гостя водкою сколько возможно больше; находили какое-то наслажденіе въ томъ, чтобы непременно гость пилъ, пилъ, и наконецъ сдѣлался пьянъ. Если же какой либо хозяинъ не очень настойчиво упрашивалъ выпить, то на него даже сердились; „спѣсивъ больно,—говаривали,—ему и попотчивать не хочется, поставитъ графинъ, скажетъ слова два, да больше и не проситъ,—это не по нашен ски“. Чтобы не заслужить такой дурной репутаціи или чтобы не показаться отступникомъ отъ прадѣдовскихъ обычаевъ, хозяева-

духовные употребляли всѣ усилія къ тому, чтобы гость выпивалъ подносимую ему рюмку. Если онъ не хотѣлъ этого сдѣлать, хозяинъ принимался упрашивать, умаливать, кланялся, подзывалъ жену, и та кланялась; потомъ если гость былъ почетный, то часто становились даже на колѣна, кланялись въ ноги, лѣстили, ублажали и пр. Тутъ присоединялись и другіе гости, любившіе и желавшіе еще выпить; общимъ хоромъ начиналась мольба, обступали упрянца и надобѣдали до того, что иной, вовсе не желая пить, напивался. Этому обстоятельству радовались, какъ одержанной побѣдѣ, а за глаза любили и посплетничать. „Знаешь-ли?—говаривали,—нашъ непейка-то вотъ тамъ-то славно наливался; правда, надобно было его изъ-за каждой рюмки упрашивать, но упростили-таки; значить, не то—что не пить, а любить только потчиванье“. Если же гость былъ не важная особа, а такой-же, какъ и нашъ братъ, особенно молодяченка, ну, тогда рѣшались употреблять и насиліе; сначала грозили заставить поневолѣ выпить, и если слова не дѣйствовали, то приводили угрозу въ исполненіе. Упрянца принимались держать—кто за руки, кто за ноги, кто за голову, одинъ раскрывалъ ротъ, другой лилъ туда водку; этому тоже радовались, какъ побѣдѣ. Съ другой стороны, считалось тоже признакомъ невѣжества, если кто либо пивалъ безъ отговорокъ, не предоставляя хозяину случая выказать свое искусство упрашивать. При томъ вѣжливость требовала попотчивать и самого хозяина. „Покажи-ко самъ примѣръ, а потомъ и мы за тобой“, приговаривали. Были также разныя поговорки, присказки, прибаутки, которыя употреблялись для того, чтобы уговорить гостя выпить ту или другую по числу рюмку. Первая рюмка называлась входною; подъ этимъ словомъ на церковномъ языкѣ извѣстны молитвы, которыя священникъ читаетъ предъ царскими дверьми передъ началомъ обѣдни;—почему же, такъ сказать, не освятить церковнымъ словечкомъ своихъ трапезъ? Еще нелѣпѣе, хоть и рѣдко, первую рюмку предлагали выпивать въ честь единства Божія. Вторая затѣмъ рюмка выпивалась въ честь двухъ естествъ Иисуса Христа. Третья—въ честь Троицы, съ присказкою: безъ Троицы домъ не строится. Для четвертой употреблялась поговорка: безъ четырехъ угловъ изба не становится. Далѣе уже пивали просто, но иногда и тутъ напоминали о пяти главахъ на церквахъ, о семи вселенскихъ соборахъ или таинствахъ, о девяти чинахъ ангельскихъ,

о двѣнадцати апостолахъ. Когда гость уходилъ отъ гостепріимнаго хозяина, то, не въ счетъ прежде выпитыхъ рюмокъ, подносились новыя, съ новыми поговорками. Первая рюмка называлась посошкомъ; посошокъ-то на дорожку, говорилъ хозяинъ. Вторая рюмка подносилась потому, что вѣдь у человѣка двѣ ноги и потому предполагалось, что, выпивши только одну рюмку при прощаньи, гость станетъ хромать на одну ногу: надобно было подпереть посошкомъ и другую. Пососки подносились когда уже гость стоялъ на ногахъ, прощаясь, даже иногда былъ уже въ передней; нельзя было вдругъ все покончить, завязывался разговоръ и продолжался очень долго, даже по часу и болѣе; я самъ бывалъ неоднократно свидѣтелемъ такихъ проводовъ. Если почетный или любимый гость былъ изъ другого села, то запрягали лошадей и провожали его за версту и болѣе, и тамъ опять начинались подаваться посошки.

Особеннымъ, какимъ-то демонскимъ искусствомъ и неумолимою неотвязчивостію отличался дмитровскаго погоста священникъ Иванъ Петровичъ Смирновъ, когда надобно было угостить когонибудь. Правда, и самъ онъ рѣдко уходилъ изъ гостей не на-веселѣ, но точно также и отъ него не было возможности уйти непьянымъ всякому, кто рѣшится сначала выпить хоть немного, лишь изъ угожденія хозяину; только одно положительное: не пью — могло спастись еще. Я самъ много разъ бывалъ свидѣтелемъ его искусства и неотвязчивости. Только почти я одинъ приводилъ его въ отчаяніе. Во все время моего съ нимъ знакомства я уже не пилъ никакихъ, даже виноградныхъ, слабыхъ винъ; онъ это узналъ съ перваго дня моего съ нимъ знакомства, но рѣдкій разъ обходилось безъ того, чтобы онъ не принимался около меня ухаживать, чтобы я выпилъ, чтобы хоть пригубился, хоть капельку пропустилъ, — „вѣдь отъ этого пьяны не будете, а мнѣ доставите истинное счастье; сдѣлайте милость, дорогой, почтеннѣйшій Дмитрій Ивановичъ, осчастливьте“, и пр., и пр. И когда всѣ его слова не производили на меня вліянія, то онъ осматривался на всѣ стороны, пожималъ плечами и выражалъ своими минами какъ будто ту мысль: „ну, чтожъ ты станешь тутъ дѣлать? ничѣмъ не убѣдишь“. И между тѣмъ чрезъ недѣлю или двѣ начинались опять тѣ же просьбы и упрасиванія. Нечего скрывать, что даже нѣкоторые изъ близкихъ моихъ родныхъ, когда я въ первый разъ

пріѣхалъ изъ Петербурга, не очень вѣрили, что я вовсе ничего не пью; иные думали, что я церемонюсь, или только для виду отговариваюсь, а на самомъ дѣлѣ тихонько отъ другихъ выпью, да еще спасибо скажу. Во время моего домашнего отпуску въ 1840 г., одна изъ моихъ сестеръ, Марья, вмѣстѣ съ мужемъ, увидала меня въ домѣ другаго моего зятя въ Тумѣ, и тамъ да еще въ домѣ дяди могла уже замѣтить, что я не пью совершенно никакихъ винъ. Между тѣмъ, когда я оттуда вмѣстѣ съ ними пріѣхалъ къ нимъ въ домъ, то послѣ угощенія чаемъ стали меня потчивать пуншемъ съ кизлярскою водкою или ромомъ,—потомъ уже хотъ съ краснымъ или бѣлымъ виномъ. „Да развѣ вы не видали, что я не пью? Къ чему вы просите?“—сказалъ я. Тогда сестра просила меня выпить еще чашечку чайку, но въ накладку. Отверзаться уже не хотѣлось; надобно было потѣшить. Всеорѣ подали чашку чаю; я ее сначала поставилъ на столъ, но скоро сталъ ощущать, еще не пивши, особенный отъ нея запахъ, понюхалъ и узналъ, что любезная сестрица подлила въ чай бѣлаго вина. Сердиться, разумѣется, не слѣдовало; тутъ было усердіе, даже любовь, понимаемая по своему. Но когда я возвратилъ назадъ чашку, то моимъ хозяевамъ не очень это понравилось.

Въ августѣ того же года мнѣ пришлось столкнуться съ болѣе докучливыми угощателями. Къ празднику Успенія Богоматери я поѣхалъ въ село Прудки къ моему дядѣ дьякону Василью Мартыновичу. Въ томъ селѣ священникомъ былъ Владиміръ Никитскій, курсомъ постарше меня по семинаріи. Онъ пригласилъ меня къ себѣ на чай. Когда я пришелъ къ нему, то у него уже сидѣло за столомъ, уставленнымъ разнородными съѣдомыми вещами, порядочное количество гостей, но самого его не было дома. Меня приняла и начала угощать его жена. Сначала поднесла рюмку водки; не повѣрила, чтобы я не пилъ, принялась упрашивать на разные способы и послѣ долгихъ переговоровъ отстала отъ меня. Но не надолго. Хотя я, отговариваясь отъ водки, и говорилъ, что не пью никакихъ совершенно винъ, но почтенная матушка не обратила на то вниманія, — подошла ко мнѣ съ рюмкою бѣлаго вина. Опять начались прежніе отказы, отражаемые прежними упрашиваніями, и пр. Покончили было съ этимъ, но матушка вновь явилась съ рюмкою красного; опять по-

вторилась та же сцена. Неприятность положенія увеличивалась отъ того, что я скоро замѣтилъ, какъ мое воздержаніе и самое присутствіе всѣхъ стало стѣснять; вѣдь если я, петербургскій гость, не нью, такъ и имъ хотъ и противъ желанія надобно тоже отказываться отъ рюмокъ. Когда-было лично за себя немного я успокоился, то явился самъ хозяинъ, немножко на-хмѣльну, увидѣлъ меня, расцѣловалъ и спросилъ жену, потчивала-ль она меня чѣмъ нибудь. Услыхавши отъ жены вѣсть, что, не смотря на всѣ ея просьбы, я даже въ руки не взялъ рюмки, отецъ Владиміръ вскрикнулъ: „ну, ужъ нѣтъ, этому не бывать; ты не умѣешь потчивать; вотъ смотри, совсѣмъ другое будетъ, когда я возьмусь за дѣло“. И дѣйствительно взялся. Опять появилась предо мною рюмка водки, но предлагаемая уже не съ женскою вѣжливостію, а съ назойливостію пьянаго попа. Кое-какъ я отказался, но потомъ долженъ былъ отразить еще два нападенія отца Владиміра—съ рюмкою бѣлаго и съ рюмкою краснаго вина.

Почтенный хозяинъ приходилъ въ недоумѣніе, чтѣ дѣлать съ такимъ гостемъ? „Да кушаете-ли вы хотъ чай-то?“—спросилъ онъ у меня съ какимъ-то саркастическимъ недовѣріемъ.—Пью, пью, отецъ Владиміръ,—отвѣчалъ я, желая хотъ сколько нибудь утѣшить хлѣбосольнаго хозяина.—„Ну, слава Богу, жена, скорѣе чаю!“—кричалъ онъ. Подали чай; я всегда былъ любителемъ этого напитка, а тутъ встати томила меня жажда, и потому я выпилъ довольное количество чашекъ и полагалъ этимъ немножко расположить хозяина въ свою пользу. Когда, наконецъ, я уже рѣшительно отказался отъ чаепитія, то началась для меня новая мука. Отецъ Владиміръ сталъ меня потчивать пуншами. Сначала подали кизлярки; опять надобно было такъ же долго отказываться, какъ и отъ первой рюмки водки. Потомъ послѣдовалъ пуншъ съ бѣлымъ виномъ; затѣмъ пуншъ съ краснымъ виномъ. Когда отецъ Владиміръ увидалъ, что я отъ того и другаго отказался, то, по русской поговоркѣ, пришелъ въ тупикъ и не зналъ, чѣмъ можно угостить петербургскаго гостя. Но подумавши, вдругъ, какъ будто получивъ какое-то вдохновеніе, сказалъ: „а! знаю, знаю, я и забылъ, что это петербургскій гость; теперь съумѣю угостить уже по петербургски“, и какъ я ему ни доказывалъ, что ничего не пью, ничего не буду пить, онъ ушелъ въ чуланъ, и чрезъ нѣсколько времени вынесъ оттуда чашку чаю и просилъ меня ее

принять, говоря, что это настоящій петербургскій напитокъ. Думая, что это простой чай, я взялъ чашку и, понюхавши, изумился, что меня, отказавшагося пить пуншъ изъ краснаго вина, стали угощать ромомъ. „Помилуйте, отецъ Владиміръ,—сказалъ я,—да вѣдь это вы рому налили, вѣдь вы слышали“... Но отецъ Владиміръ, не давши мнѣ докончить рѣчи, съ торжествомъ перебилъ ее, посматривая на окружавшую публику: „а вѣдь вотъ говорятъ, что не пьютъ, а сами тотчасъ узнали, что это ромъ!“ Надобно было опять отказываться нѣсколько минутъ; тогда уже принялись меня угощать то орѣхами, то яблоками, то поросенкомъ, и пр., и пр. Между тѣмъ гости, не смотря на мой примѣръ трезвости, уже порядочно подпивши, начали пошумливать и отвлекать отъ меня хозяина. Не находя и не ожидая никакого удовольствія въ этой компаніи, и кромѣ того желая повидаться съ другимъ священникомъ, дальнимъ своимъ родственникомъ, я, выбравъ благопріятную, по видимому, минуту, рѣшился потихоньку убраться изъ дому; всталъ, вышелъ въ переднюю и, отыскавши свою шинель, хотѣлъ было выйти въ дверь, какъ встрѣтился въ ней съ хозяйкою, которая несла большую ендуу пива изъ погреба. „Ахъ, какъ-же это, Дмитрій Ивановичъ,—сказала попадья,—вы бѣжите ужъ отъ насъ, при томъ не простясь; нѣтъ, извините... Эй, отецъ Владиміръ“,—закричала она... Опасаясь появленія его въ передней, я началъ упрашивать матушку отпустить меня, потому что мнѣ нужно побывать у отца Тимофея... Просьба моя подѣйствовала; „Ну, извольте, Дмитрій Ивановичъ, только ужъ выкупайте стаканчикъ бражки“, и, наполнивши ею большой стаканъ поднесла мнѣ. Думая этимъ отдѣлаться, я поскорѣе взялъ стаканъ и чуть не залпомъ выпилъ его. Но когда я сталъ возвращать его назадъ, то матушка сказала: „нѣтъ, какъ угодно, а выкупайте еще“. Брага была горькая, настоящая брага; я сталъ отказываться; хозяйка же, закрывая собою дверь, рѣшилась позвать на помощь своего мужа и кричала ему: „поди-ка сюда“, и пр. Зная, что отъ этого отца мнѣ не удастся дешево отдѣлаться, я, скрѣпя сердце, выпилъ и другой стаканъ, и только было хотѣлъ шагнуть въ дверь, какъ явился въ передней отецъ Владиміръ. „Такъ вотъ какъ,—закричалъ полупьяный,—петербургскіе-то уходятъ не простясь съ хозяиномъ“, и ухвативъ меня за руку, началъ звать назадъ. Я началъ выставлять причины, которыя заставляютъ меня ухо-

дять; онъ поволебался, но, обратясь къ женѣ, сказалъ: „чтожъ ты не попотчивала Дмитрія Ивановича пивцомъ?“—Та тотчасъ отвѣчала: нѣтъ, извини потчивала, и Дмитрій Ивановичъ выпилъ два стаканчика. Хозяинъ радъ былъ этому извѣстію. „Ну, какъ хотите,—заговорилъ онъ,—ей Богу, не пушу, если вы для меня еще не выпьете стаканчика“. И увь! я долженъ былъ еще выпить стаканнище горькой браги, и кое-какъ убрался отъ полупомѣшанныхъ хлѣбосоловъ. Послѣ узналъ я, что отецъ Владиміръ, возвратясь къ гостямъ, говорилъ имъ: „вѣдь вотъ ничего не пилъ здѣсь, а тамъ, въ прихожей, выпилъ чуть не цѣлую ендову пива; охъ, эти петербургскіе!“...

Дядюшка мой ужъ не мучилъ меня своими угощеніями, но его теща Самойловна была изъ любви ко мнѣ настоящимъ навазаніемъ для меня. Она, не занимаясь питейнымъ угощеніемъ, завѣдовала кухней. Въ каждый день готовили для гостей завтракъ, похожій на длинный обѣдъ; затѣмъ, обѣдъ—чуть не вдвое длиннѣе завтрака, и ужинъ. Хотя я въ то время вовсе не ужиналъ, но долженъ былъ всѣ три раза садиться за столъ; иначе Самойловна говорила, что если я не сяду, то она никому ничего не подастъ. Разумѣется, любезная сваха-старуха не спускала съ меня глазъ и какъ скоро переставалъ я ѣсть, тотчасъ начинала рѣчь: „чтожъ ты, батюшка Дмитрій Ивановичъ, ничего не кушаешь? Да и гдѣ мнѣ угодить на дорогаго гостя? вѣдь онъ изъ Петербурга, а мы люди простые, глупые, ничего не умѣемъ ни сказать, ни приготовить“, и старуха иногда даже готова была плакать. Станешь говорить, что сытъ ужъ по горло. „Ахъ, что ты, батюшка,—отвѣтитъ она,—да ты ничего не ѣлъ еще; сдѣлай милость, скушай хоть кусочекъ, въ ножки поклонюсь, не спѣсивься!“ Ну и возьмешь кусочекъ; тогда другая бѣда. Старуха вообразить себѣ, что я люблю потчиваніе, и при слѣдующемъ кушаньи еще усерднѣе начнетъ просить кушать. И если станешь говорить, что сытъ уже по горло, то прибавить съ улыбкой: „ты вотъ и данича говорилъ, что сытъ тоже, а какъ я попросила, ты покушалъ;—покушай и теперь, не спѣсивься, родимый, не томи меня, старухи“, и пр., и пр... Да, г. читатель, тутъ я вполне понималъ справедливость басни Крылова: „Демьянова уха“. Къ сожалѣнію только, я не могъ, схвативъ въ охапку кушакъ и шапку, уйти куда нибудь, а долженъ былъ сидѣть и ѣсть!

Перехожу теперь къ тому, какъ происходили праздники и въ нашемъ домѣ. Матушка моя была вполнѣ трезвая женщина; я даже не помню, чтобы она пила когданибудь водку; даже виноградная вина употребляла въ самомъ умеренномъ количествѣ,—только что сдѣлаетъ честь хозяину, а болѣею частію вовсе не пила и ихъ. Батюшка мой пивалъ и водку, и пуншу, но былъ воздерженъ. Иногда же по нѣсколькимъ мѣсяцамъ и даже годамъ вовсе не пивалъ ничего хмѣльнаго. Слипшемъ немного случается я помню, когда бы онъ былъ пьянымъ; но и въ такомъ случаѣ постепенно вовлекался усердными потчивателями. Потомъ, къ нему ѣзжало много помѣщиковъ и чиновниковъ, которые держали себя деликатно, и онъ въ ихъ обществѣ перенялъ много свѣтскаго. Наконецъ, самъ по себѣ вовсе не любилъ тѣхъ дурачествъ, которыя позволяло себѣ духовенство на своихъ пирушкахъ и попойкахъ. Отъ этого на нашихъ домашнихъ праздникахъ, даже и у нашихъ родныхъ, когда тамъ бывалъ батюшка, безобразія не было, или встрѣчалось оно не часто. Иногда покойникъ-дѣдушка позволялъ себѣ старинныя шуточки, но, не видя одобренія имъ, начиналъ молчать, а потомъ и вовсе ихъ оставилъ. Былъ еще старикъ параксинскій священникъ Иванъ Антоновичъ, дальній нашъ родственникъ, который любилъ подгульнуть, но, какъ добрый, простой старикъ, онъ и пьяный былъ только забавенъ. Одинъ дядюшка Степанъ Никитичъ дѣлался невыносимымъ, когда бывалъ въ куражѣ; но его даже насильно усмиряли.

Но хотя у насъ безобразія не любили, а все-таки считали необходимымъ угощать гостей какъ можно лучше. Въ храмовые и другіе праздники, послѣ того какъ встанутъ гости, умоются и помолятся Богу, предъ чаемъ ихъ потчивали рюмкою водки; потомъ пили чай и подносили по пуншу. Затѣмъ слѣдовалъ очень сытный завтракъ, за которымъ подносили водку, но не въ большомъ количествѣ. Въ промежутокъ отъ завтрака до обѣда, если гости не уходили къ кому-либо изъ сосѣдей, время проходило въ разговорахъ; особенно мастеръ былъ пробуждать общую веселость мой дядюшка Василій Мартыновичъ; самъ дѣдушка, слушая его, помиралъ со смѣху, а иногда приговаривалъ: „Экъ тебя утразило, откуда это ты берешь слова? ну, забавникъ!“ Батюшка мой зналъ множество анекдотовъ и былъ начитанъ, мастеръ рассказывать, но его разговоры были болѣе занимательны, нежели забавны.

Обѣдъ былъ, разумѣется, сытный; матушка моя была изобрѣтательною по части разнообразныхъ кушаньевъ. Батюшка потчивалъ водкою, виномъ бѣлымъ и наливками, но послѣдними въ особыхъ случаяхъ. Конечно, выходили изъ-за стола многіе на-веселѣ, но опять скажу: до дурачествъ и безобразія слишкомъ рѣдко доходило и если и случались они, то тотчасъ принимались противъ нихъ мѣры. Послѣ обѣда почти всѣ ложились спать, только женщины, укрывшись гдѣ нибудь въ горницѣ, сидѣли, передавая другъ другу свои новости. Послѣ сна вечеромъ принимались за чай; тутъ уже пуншъ подавался по два и даже по три раза, но всегда въ чайныхъ небольшихъ чашеахъ, такъ что пара такихъ пуншевъ едва-ли сравнится съ однимъ ставаннымъ. Послѣ чаю, и больше не пивши его, ходили въ другіе дома, если были приглашаемы. Къ ужину всѣ возвращались; ужинали сытно, разумѣется, не забывалось потчиванье водкою и бѣлымъ виномъ. Послѣ ужина иногда занимались долго разговорами, игрою въ карты, но въ деньги нивогда не играли,—батюшка мой терпѣть этого не могъ. Спать ложились, если было много гостей, на полу въ хоромахъ, или въ верхней избѣ, но солому или сѣно рѣдко приносили, потому что у батюшки было въ запасѣ нѣсколько перинъ и такъ называемыхъ полстей—бѣлыхъ большихъ войлоковъ.

Былъ я дома и на свадебномъ пиру, при выдачѣ въ замужство моей старшей сестры Натальи за учителя сапожковского духовнаго уѣзднаго училища Ивана Филипповича Воскресенскаго. Свадьба происходила въ воскресенье предъ самою масляницею и такимъ образомъ празднованіе ея соединялось съ русскимъ карнаваломъ. Здѣсь прежде всего мои слова могутъ показаться несправедливыми тѣмъ людямъ, которые знаютъ, что по церковнымъ постановленіямъ тогда дозволялось вѣнчать браки только предъ вполне скоромными днями; поѣтому въ воскресенье предъ масляницею, когда мясная пища уже не употребляется, вѣнчать было запрещено. Но батюшка мой, при всей своей набожности, не любилъ быть слѣпымъ исполнителемъ обрядовой стороны религіи. Свадьбы почему-то нельзя было вѣнчать ранѣе воскресенья, отлагать же ее до весны не хотѣли, и потому батюшка не затруднился распорядиться вѣнчаніемъ въ запрещенный день. Свадьбу эту почти всѣ гости праздновали едва не всю недѣлю. Не смотря на то, что соединены были за разъ два самые

разгульные русскіе праздника, все шло, конечно, весело, но безобразныя сцены не допускались. На другой день свадьбы не только не носили для показу сестриной рубашки, не били ни горшковъ, ни кувшиновъ, но даже батюшка не велѣлъ топить и баню;—это отступленіе отъ мнимо-священныхъ преданій цинической старины считалось тѣмъ-то въ родѣ ереси или раскола. Въ теченіе цѣлой недѣли пиrowанье было самое веселое. Днемъ, кромѣ чаевъ, завтраковъ и обѣдовъ, занимались главнымъ образомъ катаньемъ въ саняхъ. На дворѣ стояло около 15-ти лошадей и нашихъ и гостиныхъ; запрягали ихъ или тройками или парами, къ каждой дугѣ привязывали если не по два, то на худой конецъ по одному колокольчику. Такимъ образомъ выѣзжали вдругъ 4—5 троекъ, или 6—7 паръ; къ нимъ присоединялись нѣкоторые изъ тумскихъ жителей на своихъ лошадяхъ. Катались и по сельской улицѣ, но тутъ было мало простору; больше ѣздили по полямъ и по сосѣднимъ деревнямъ. И вообще ѣхали не тихо, но гдѣ позволяла дорога, или снѣгъ былъ не глубокъ, тамъ принимались обгонять другъ друга. Тутъ русская удалъ являлась во всемъ разгарѣ; возжи опускали, лошадямъ давали свободу, погоняли ихъ и крякомъ и кнутъями, но онѣ и сами, разгорячившись, не хотѣли уступать побѣды другъ другу. Мужчины становились на ноги, махали шапками, женщины и дѣвицы сначала пугались, но потомъ сидѣли спокойно; все это мчалось, летѣло, вовсе не обращая вниманія на то, что можно было вылетѣть изъ саней. Впрочемъ, въ кучера выбирались люди здоровые, сильные и трезвые; они все-таки управляли лошадьми, давая имъ волю только бѣжать какъ можно быстрѣе; когда же нужно было остановить ихъ, то сворачивали въ сторону, гдѣ снѣгъ былъ глубокъ; разумѣется, скоро останавливались. По деревнямъ большею частію ѣхали не шибко, но за то съ пѣснями; народу на улицу высыпало множество. На полѣ опять начиналась гонка, или сильная рысь. Тутъ я на себѣ испыталъ, что быстрая ѣзда, особенно на тройкѣ, производитъ какое-то чарующее дѣйствіе на русскаго человѣка. Тутъ, кажется, все ни почемъ, и самая жизнь — копѣйка, только бы скакать, очертя голову.

По вечерамъ у насъ были другаго рода удовольствія; играли въ карты, въ разныя другія русскія деревенскія игры, но любимымъ занятіемъ были свадебныя и другія пѣсни. У сестеръ моихъ

были прекрасные голоса; онѣ приглашали еще своихъ подругъ, въ этомъ присоединялись нѣкоторые мужчины и женщины. И когда, бывало, запоютъ общимъ хоромъ стройно, живо, какую либо уда-
лую пѣсню, то, по пословицѣ, косточки начинали сами поха-
живать; но плясокъ не было,—отецъ мой ихъ не любилъ и не позволялъ.

Ближайшіе наши родственники во время своихъ праздниковъ приноравливались къ характеру моихъ родителей; впрочемъ, изъ нихъ почти вовсе никто не принадлежалъ къ страстнымъ поклон-
никамъ Бахуса и не любилъ безобразничать,—кромя только дя-
дошки Степана Никитича, о которомъ я уже говорилъ. Поэтому на праздникахъ и пирушкахъ нашихъ родныхъ большею частію шло хоть и весело, но безъ безобразныхъ сценъ; въ этомъ я самъ лично убѣждался. Но лица изъ другихъ кружковъ и нѣкоторые изъ нашихъ дальнихъ особенно родственниковъ тяготились такою, какъ они выражались, церемонностію. Въ 1851 г., когда еще я былъ на службѣ, но между тѣмъ жилъ во время каникулъ въ дмитровскомъ погостѣ, выдавали замужъ мою племянницу и крест-
ницу Марью Акимовну—дочь моей сестры Елисаветы Ивановны, которой мужъ въ то время былъ священникомъ въ селѣ Архан-
гельскомъ. Разумѣется, я былъ на свадьбѣ. Все шло весело, но безъ дурачествъ. Только съ женихомъ, Осипомъ Евсеевичемъ Выш-
невскимъ, поступившимъ на должность священника въ село Во-
ронцово, близъ Егорьевска, пріѣхало нѣсколько его родныхъ, между которыми былъ его отецъ причетникъ Евсей Петровичъ, мой това-
рищъ по касимовскому училищу. За общимъ столомъ, въ общей бесѣдѣ, они, изъ уваженія и къ моему отцу и ко мнѣ, вели себя прилично, только Евсей иногда не выдерживалъ себя. „Да что-же это за свадьба?—онъ вскрикивалъ,—развѣ такъ-то надобно ее празд-
новать?“ Но порывы его останавливаемы были. За то и для него и для другихъ гостей жениховой родни ночь служила отрадою. Для помѣщенія ихъ была взята на время особая изба на дворѣ вдовой попадѣи. Когда, поужинавши, ихъ туда провожали, то вмѣстѣ съ тѣмъ къ нимъ препровождали потребное количество графиновъ и рюмокъ; тогда-то и начиналось настоящее, по ихъ мнѣнію, сва-
дебное веселье. Не смотря на улицу, которая отдѣляла насъ отъ ихъ ночлега, ночью мы, проснувшись, слыхали тамъ и ликованья, и топанья, и пр.

Былъ случай, когда мой батюшка не могъ совладать съ собою отъ дурачества парахинскаго священника Ефима Иванова Флорова, поступившаго на мѣсто и въ зятя того старичка отца Ивана Антоновича, о которомъ я сейчасъ говорилъ. Онъ былъ моимъ товарищемъ по семинаріи, и въ трезвомъ состояніи скромный и умный человѣкъ; но пьяный отличался дурачествами, буйствомъ, и при случаѣ, и драчливостію. Была свадьба двоюроднаго моего брата Дмитрія Степановича Арбекова, поступившаго священникомъ въ село Подлипки, на мѣсто умершаго своего отца и моего дяди Степана Никитича. На свадьбѣ были мой батюшка, какъ старшій въ родствѣ, и отецъ Ефимъ, какъ дядя невѣсты по своей женѣ; въ то время, естатіи сказать, онъ былъ благочиннымъ и надъ моимъ батюшкою. Множество было дѣлапо имъ дурачества въ время нира, но послѣднее, наконецъ, вывело изъ терпѣнія моего батюшку. Батюшка бѣнчалъ молодыхъ и по существующимъ постановленіямъ долженъ былъ на консисторскомъ указѣ своеручно написать, когда и гдѣ совершено бракосочетаніе. Въ это самое время отецъ благочинный Ефимъ Ивановичъ и на словахъ, и на дѣлѣ производилъ въ пьяномъ видѣ множество глупостей. Увидавши, что батюшка мой серьезно дѣлаеть надпись на указѣ, онъ подошелъ къ нему и спросилъ: „ты что это дѣлаешь?“—Отойди,—сказалъ батюшка,—не мѣшай. Тогда отецъ благочинный вдругъ схватилъ указъ и разорвалъ его пополамъ. Батюшка мой не выдержалъ себя, вскочилъ, и, какъ самъ говорилъ, задалъ порядочную таску своему благочинному. Не судите, г. читатель, строго моего батюшки за этотъ поступокъ по тѣмъ понатіямъ, которыя въ ваше время господствуютъ; примите во вниманіе то время и ту среду, когда и гдѣ это происходило, примите тоже во вниманіе множество дурачества отца Ефима, которыя онъ дѣлалъ въ теченіе нѣсколькихъ дней, и, наконецъ, дурачество, за которое уже можно было подпасть суду,—ну, право, мудро и выдержать себя.

Впрочемъ, не думайте, чтобы отецъ благочинный сталъ жаловаться на своего подчиненнаго за таску; онъ скоро понялъ, что за разодранный указъ его потянуть въ консисторію. Батюшка мой пользовался тогда расположеніемъ архіерея Гавріила, товарища его по семинаріи; отецъ Ефимъ скоро сообразилъ, что только батюшка мой можетъ выручить его изъ бѣды. Поэтому сначала, конечно, сталъ жаловаться вслухъ на нанесенную ему обиду,

приговаривая: „Господи! Господи! благочиннаго за волосы! самого благочиннаго за волосы! на что это похоже? Да еще при всѣхъ!“ Но дѣлать было нечего; вмѣстѣ съ моимъ батюшкою, котораго, впрочемъ, и прежде и послѣ онъ очень уважалъ, поѣхали въ Рязань. Идя къ архіерею, отецъ Ефимъ, смотря на соборъ, преумилительно говорилъ: „Пресвятая Богородица! Успеніе Божіей Матери! пронеси эту бѣду мимо меня; даю слово даже ни одной капли вина не брать въ ротъ“. Батюшка какъ-то объяснилъ поступокъ отца Ефима; послѣдній самъ затѣмъ взомель ко владыкѣ, который, пожуривъ его за неосторожность, отпустилъ съ миромъ. Отецъ Ефимъ быстро возвратился на квартиру, благодарилъ батюшку, кланялся ему въ ноги, цѣловалъ его, но увы! и пресвятая Богородица, и успеніе Божіей Матери, и данное имъ обѣщаніе—все было забыто. „Какъ угодно, отецъ протопопъ,—сказалъ онъ моему батюшкѣ,—поздравить меня надобно; вѣдь какая бѣда съ плечъ сошла по твоей милости“. И отецъ Ефимъ продолжалъ пить по прежнему, и пилъ и дурачился пьяный совершенно также, какъ и въ былое время. Онъ уже потомъ былъ за штатомъ и однажды, исправляя, по найму, священническую должность въ селѣ Палищахъ,—потерялъ пьяный свою дароносицу.

Заклѣчу эту главу разсказомъ о томъ, какъ онъ наказывалъ свою жену; женщину очень умную и съ характеромъ, которую онъ очень любилъ и уважалъ. Но если она въ гостяхъ настойчиво уговаривала его не дурачиться, то онъ начиналъ ей грозить: „погоди ты у меня; я съ тобой раздѣлаюсь“. Раздѣлка была очень оригинальная. Когда они уѣзжали изъ гостей и отецъ Ефимъ непременно бывалъ ужъ очень на-веселѣ, то онъ припоминалъ обиду и, встрѣтивъ на дорогѣ пригорокъ или оврагъ, онъ, съѣзжая внизъ, начиналъ погонять лошадь самымъ сильнымъ образомъ; жена, разумѣется, приходила въ ужасъ и поднимала крикъ; но отецъ Ефимъ былъ неумолимъ. И замѣчательно, что какимъ-то образомъ ни себѣ, ни женѣ, онъ, по пословицѣ—не сломилъ шеи.

Глава X-я.

О домашнемъ нашемъ хозяйствѣ въ Тумѣ.

Не смотря на то, что батюшка мой, по переселеніи въ Туму, былъ тутъ старшимъ священникомъ, благочиннымъ, и имѣлъ уже около 30-ти лѣтъ, ни онъ, ни матушка моя не вдругъ стали полными во всѣхъ отношеніяхъ хозяевами въ принадлежащемъ имъ домѣ. Тогда въ духовенствѣ, по крайней мѣрѣ во многихъ его членахъ, сохранялся тотъ же самый обычай, который до сихъ поръ еще остается въ силѣ въ крестьянскомъ семействѣ. Здѣсь старикъ и старуха—отецъ или дѣдъ, мать или бабушка—хозяйничаютъ до самой смерти, если сами не откажутся отъ этого, хотя бы дѣти ихъ были настоящими хозяевами, занимали даже почетную должность, напримѣръ—старшины, старосты, и все нужное для содержанія семьи добывали своими трудами, и пр. Я зналъ бурмистра деревни Коробовской въ приходѣ дмитровскаго погоста Ивана Максимовича, мужика бойкаго, умнаго и деспота въ вотчинѣ; но этотъ же самый деспотъ въ дому занималъ второстепенное мѣсто; отецъ его, человекъ лѣтъ за 70, не позволялъ ему ни въ чемъ хозяйничать. „Ты въ конторѣ и на вотчинной сходишь бурмистръ,—говаривалъ старикъ,—а здѣсь я наибольшій; дѣлай то, что тебѣ велю“. Нѣчто въ родѣ этого происходило и въ нашемъ семействѣ; батюшка и матушка имѣли по хозяйскимъ дѣламъ старшихъ надъ собою и должны были имъ повиноваться.

Домашнее хозяйство въ деревняхъ раздѣляется на двѣ части: на бабье, какъ говорятъ, и на мужицкое, т. е. мужское хозяйство. Къ бабьему принадлежитъ надзоръ за домашнимъ скотомъ, который или самъ или въ видѣ своихъ продуктовъ идетъ на пищу, т. е. за коровами, овцами, свиньями, курами, гусями, и пр., приготовленіе сыру, масла, храненіе ихъ и молока, и, главное дѣло, завѣдываніе кухнею; въ этомъ, такъ сказать, департаментѣ командуетъ хозяйка. Къ мужскому хозяйству относится уходъ за лопадymi и всѣ полевые работы; тутъ распоряжается уже хозяинъ.

Въ нашемъ домѣ въ Тумѣ первоначально хозяйничала моя прабабушка, дѣдушкина мать Авдотья Михайловна, имѣвшая уже болѣе нежели 70 лѣтъ на своихъ плечахъ. Не смотря на то,

она была неумолимая работница, вставала чуть не прежде всѣхъ, смотрѣла за доеніемъ коровъ, а иногда сама доила, лѣтомъ нерѣдко прогоняла домашній скотъ въ стадо, назначала—какую въ тотъ день пищу нужно было готовить. Во время же истопеля, т. е. когда топилась печь, она не отходила отъ нея, одно сама готовила, другое поручала кому нибудь; и бабушка и матушка мои допускались тутъ, какъ помощницы и совѣтницы. Во время обѣда и ужина она почти никогда не садилась за столъ, но сама наливала щи въ чашку, отрѣзывала говядину, накладывала кашу, и пр.; даже иногда сама подавала на столъ. Не думайте, чтобы это дѣлалось ею по чьему либо принужденію; нѣтъ, покойница была не изъ тѣхъ, которыя могли быть подъ чьею либо командою. Она была женщина съ самымъ настойчивымъ, непреклоннымъ характеромъ; всѣхъ своихъ прямыхъ потомковъ держала въ повиновеніи; самъ дѣдушка ее побаивался и слушался. Съ другой стороны, и матушка и бабушка были бы довольны, если бы старушка имъ передала власть хозяйничать, потому что она не очень любила принимать чьи либо совѣты, не обращала вниманія на вновь появившіяся потребности, держала все въ рукахъ по старинѣ. Она хозяйничала, потому что привыкла къ тому, считала это своими и обязанностью и правомъ. Съ удивленіемъ и теперь вспоминаю какъ она, бывало, немножко нагнувшись, ходить босыми ногами по грязному двору, покрикиваетъ на работницъ и работника; тамъ загонить овецъ въ хлѣвъ, тутъ подоить корову, или посмотреть хорошо-ли это дѣлается; почти каждый день вечеромъ пересчитываетъ и овецъ, и агнать, и куръ, и пр.; процѣдить молоко полѣзетъ въ погребъ, установить или велитъ при себѣ установить горшки, и пр.; вѣчно была въ дѣятельности, позволяя себѣ только отдохнуть послѣ обѣда и ночью; спала почти всегда на печкѣ, никогда ничего не подстилая подъ себя. Она и умерла, по русской поговоркѣ, на ходу. По обычаю, о которомъ я уже говорилъ, она, какъ пожилая старуха, исповѣдывалась и приобщалась чрезъ каждыя шесть недѣль и, такъ сказать, постоянно готовилась къ смерти. Наканунѣ или, лучше, въ день самой смерти она, по своему обыкновенію, была дѣятельна; только дня два или три говорила, что она скоро устаетъ, но распоряжалась всѣмъ по хозяйству. Послѣ ужина въ избѣ остались она и матушка съ купленными дѣвками и старшею сестрою моею; онѣ прали. Прабабушка

залѣзла на печку и, по видимому, заснула. Вдругъ она какъ-то странно захрапѣла; дѣвицамъ показалось это смѣшно, и онѣ засмѣялись. Но матушка моя остановила ихъ и когда не одинъ разъ повторилось подобное храпѣнье, рѣшилась съ огнемъ посмотрѣть на старушку. Взглянувши на лицо, она съ ужасомъ увидѣла распространяющуюся на немъ смертную блѣдность, стала тереть виски умирающей и поскорѣе велѣла разбудить дѣдушку и батюшку, спавшихъ по горницамъ. Тѣ, прибѣжавъ, сняли ее съ печки живую еще, но въ безчувственномъ состояніи; положили, по обычаю, въ передній уголъ, дали въ руки зажженную восковую свѣчку; она еще продолжала дышать, но чрезъ нѣсколько минутъ умерла. Спалъ я эту ночь въ горницѣ, гдѣ, проснувшись, увидалъ батюшку очень серьезнымъ. „Полно тебѣ спать, — сказалъ онъ мнѣ, — у насъ бабушка умерла“. Слова эти меня озадачили: я никакъ не могъ понять, которая изъ бабушекъ — его или моя — скончалась, потому что обѣихъ ихъ я вечеромъ видѣлъ здоровыми; — какъ же это одна изъ нихъ умерла? Пришедши въ избу, я увидалъ уже убранную по надлежащему покойнику; надъ нею читали псалтырь; тутъ уже стояло нѣсколько стороннихъ лицъ, пришедшихъ взглянуть на умершую и потужить о ея смерти; меня заставили поцѣловать ее; въ первый еще разъ въ жизни я цѣловалъ мертваго, и мнѣ какъ-то странно и страшно показалось прикосновеніе къ холоднымъ губамъ. Впрочемъ, покойницу мнѣ было жалъ; хоть она была и ворчлива, но меня почему-то любила и часто баловала: то молочка дастъ попить отдѣльно отъ другихъ, то какую либо восточку съ остающимся еще на ней мясомъ, то сунетъ тихонько въ руку гостинецъ какойнибудь. Вообще погребеніе ея было для меня важнымъ событіемъ: я въ первый еще разъ видѣлъ смерть въ своемъ дому и съ любопытствомъ смотрѣлъ и дома и въ церкви за разными обрядами и обычаями, съ которыми у насъ принято провожать покойниковъ на тотъ свѣтъ.

Такимъ образомъ семейство дѣдушки уменьшилось на одно лицо. Едва-ли не въ тотъ же самый годъ выдана была въ замужество его послѣдняя дочь, Афімья Мартыновна, за семинариста, исключеннаго изъ риторики, Василья Саввича Молчанова, поступившаго дьякономъ въ село Былино, съ чѣмъ-то въ 20-ти верстахъ отъ Тумы. Свадьбы ея я вовсе почти не видалъ: насъ, дѣтей, от-

правили въ дворническую избу, и, давши намъ разныя разности, строжайше запретили выходить оттуда.

Послѣ смерти прабабушки, женскимъ хозяйствомъ стала было завѣдывать бабушка Фекла Антоновна. Но она не имѣла энергій своей свекрови, была слабовата здоровьемъ, даже немного тучна; потомъ, зрѣніе ея становилось слабѣе и слабѣе отъ сильной головной боли, такъ что, задолго до поступленія моего въ семинарію, она лишилась его. Поэтому моя матушка мало по малу сдѣлалась полною хозяйкою въ дому по своей части. Не думаю, чтобы она была очень рада этой самостоятельности, потому что у ней и безъ того слишкомъ много было дѣла. Въ то время насъ, дѣтей, было шесть человекъ. Матушкѣ самой, и при томъ одной, надобно было и насъ, и себя, и батюшку обшить и одѣть, т. е. самой напрядъ и наткать холста, и нашить изъ него бѣлья всѣмъ восьми человѣкамъ; сестры и купленные дѣвки хоть начали уже прядъ въ то время, но почти что только начали. Кромѣ того, такъ какъ батюшка былъ занятъ своими должностями, то надзоръ за воспитаніемъ всѣхъ дѣтей лежалъ преимущественно на матушкѣ. О себѣ пока я не стану говорить; займусь теперь воспитаніемъ моихъ сестеръ.

Ихъ всѣхъ до одной учили и выучили читать и писать. Главнымъ учителемъ ихъ была матушка, но не забывалась и метода взаимнаго обученія, только не въ томъ видѣ, какъ ее ввелъ Песталотци. Она состояла въ томъ, что умѣвшаго порядочно читать сажали около того или той, кто только начиналъ учиться, и заставляли поправлять ошибки. На основаніи этой методы я на 8-мъ или 9-мъ году уже сдѣлался педагогомъ. Это почетное званіе сначала мнѣ понравилось, потому что для самолюбія пріятно было разыгрывать роль учителя, и при случаѣ тайкомъ щипнуть непонятливую ученицу, или подрать ее за волосы. Но вскорѣ послѣдовало разочарованіе. Мои уроки шли своимъ чередомъ, и за ними надобно было сидѣть по прежнему; а тутъ еще сиди съ сестрою часа два—три; между тѣмъ изъ окна видно, какъ мои пріатели бѣгаютъ и веселятся на улицѣ, даже поддразниваютъ меня. Потомъ, если ученица плохо выучила урокъ, а учитель сказалъ, что все исправно; если замѣчали невнимательность учителя, засматривавшагося на улицу; если ученица жаловалась

въ чемъ нибудь и жалоба находима была справедливою, то, увы! его же самого и при его ученицѣ, а иногда и вмѣстѣ съ нею, сѣкли прутомъ или плетвою,—и разумѣется, учителю доставалось побольше.

Но все-таки должность педагога мнѣ не такъ была противна, какъ обязанность няньки. А между тѣмъ, когда еще сестры были очень малы или тѣмъ либо заняты, то мнѣ давали братца или сестрицу въ пеленкахъ или въ одѣяльцѣ и приказывали ихъ забавлять, а иногда качать и колыбель. Къ несчастію, подобныя событія случались чаще всего къ вечеру, къ тому самому времени, когда я былъ совершенно свободенъ отъ ученыхъ занятій и могъ бы играть на улицѣ сколько душѣ угодно. И вотъ въ это-то время сиди, бывало, съ ребенкомъ, да няньчай его. Чтобы утѣшить себя хоть сколько нибудь, бывало выйдешь съ нимъ за ворота и по крайней мѣрѣ глазами любишься на игры сверстниковъ. Но иногда я, скрывать нечего, прибѣгалъ къ непослушнымъ хитростямъ. Я зналъ, что если ребенокъ такъ раскричится, что его никакъ нельзя унять, т. е. успокоить, то обыкновенно слѣдовало передать его матушкѣ или кому либо другому побольше. Вотъ бывало и ущипнешь того или ту, кого нянчишь; само собою, поднимется крикъ и плачь, и бѣжишь съ нимъ, и докладываешь, что вотъ никакъ не унять, и берутъ его отъ няньки, а нянька повертывается и уже чрезъ минуту летаетъ по улицѣ. Бывали, впрочемъ, и тутъ бѣды; догадливый, немножко взрослый ребенокъ объяснить самъ проказы няньки, или сами догадаются, а иногда на тѣлѣ ребенка замѣтятъ красное или синеватое пятно; ну, тогда съ нянькою, разумѣется, происходила строгая расправа, по правдѣ сказать—совершенно справедливая. Роль няньки для меня покончилась скоро; съ тѣхъ поръ, какъ я отданъ былъ въ училище, кажется, меня не принуждали къ ней; тогда уже и купленные дѣвки и подростки сестры отправляли эту должность.

Но ученостію и грамотностію сестры мои не долго занимались, большею частію на 6—8-мъ годахъ; тутъ онѣ выучивались читать, т. е. прочитывали, выучивали азбуку, часословъ и псалтырь; писать же учились послѣ понемногу, отъ нечего дѣлать, въ праздники, а иногда и самоучкою. Поэтому отъ нихъ нельзя было требовать, чтобы онѣ могли равняться съ дѣвушками го-

родскаго духовенства и чтобы очень были любознательны въ молодости своей. Только старшая сестра любила читать книги гражданской печати, будучи еще въ дѣвицахъ. Но въ замужствѣ едва-ли не всѣ сестры тоже не прочь были послушать и сами почитать книжку, при томъ не одни житія святыхъ. Обращеніе ихъ съ братьями, знакомство съ помѣщиками, распространенія мысли о необходимости образованія, собственные synовья, по возвращеніи изъ училища рассказывавшіе о своихъ ученыхъ свѣдѣніяхъ и пр., — расшевеливали ихъ любознательность. Сестра Марья знала недурно даже географію Европы; священная исторія была всѣмъ имъ извѣстна даже хорошо; сестра Александра умѣла съ большимъ толкомъ передавать ее своимъ дѣтямъ.

Съ восьмага-жъ, а иногда и съ седьмага года ихъ возраста сестеръ моихъ сажали за женскія работы или руководѣля, особенно за прядево; съ него я и начинаю.

По отношенію къ домашнимъ занятіямъ сестеръ, да почти и всѣхъ деревенскихъ женщинъ и дѣвицъ, годъ раздѣлялся на двѣ части: на рабочую пору, когда, то-есть, происходили полевые и другія агрономическія работы, и нерабочую, когда этихъ работъ или вовсе не было, или мало. Нерабочая пора начиналась въ сентябрѣ или въ октябрѣ, и тутъ обыкновенно усаживались на донцѣ за гребень, чтобы прастъ. Сначала, какъ это бываетъ со всѣми дѣтьми, сестрамъ самимъ хотѣлось начать прядево, особенно когда надоѣдало учиться грамотѣ. Ихъ сначала приучали понемногу къ праденью; но на восьмомъ или девятомъ году каждая изъ нихъ была уже порядочно пряхой. Тутъ, можетъ быть, иногда и надоѣдало сидѣть цѣлые дни на донцѣ, но отдѣлаться уже было трудно; обыкновенно давали каждой уроки и выскивали за неисправности. Но съ 10—11-ти лѣтъ у нихъ уже являлось сильное соревнованіе въ работѣ; всякой хотѣлось напастъ какъ можно болѣе и лучше; готовы были цѣлыя ночи просиживать; тогда уже матушка иногда насильно заставляла ихъ ложиться спать, чтобы не разстроилось ихъ здоровье. Впрочемъ, признаюсь, и я любилъ присутствовать при этихъ работахъ. Къ концу моего семинарскаго курса, за гребнемъ, бывало, сидѣли четыре сестры, матушка, двѣ купленные дѣвки, старуха Прасковья,

даже иногда бабушка, пока еще не лишилась зрѣнія. Весело бывало смотрѣть, какъ 7—8 пряхъ, разсѣвшихся по всѣмъ лавкамъ и скамьямъ, пощипываютъ лѣвою рукою мочку, т. е. ленту на гребнѣ, вытягивая изъ нее нитку, а правою повертывая веретено, на которое наматывалась выпряденная нитка. Сидѣли обыкновенно не молча, а разговаривали, пошучивали и, главное, пѣвали пѣсни. Последнее особенно происходило вечеромъ. Я уже сказалъ, что у сестеръ были очень хорошіе голоса; обѣ купленные дѣвки, особенно Татьяна, были мастерицы пѣть; сама матушка, когда была помоложе, не отказывалась участвовать въ общемъ хорѣ своимъ отличнымъ голосомъ. И вотъ, бывало, шесть и болѣе пѣвицъ начинаютъ пѣть русскія заунывные пѣсни стройно, чинно, даже съ чувствомъ,—заслушаешься. Неудивительно, что мы почти всѣ собирались вечерами въ избу и при горящей лучинѣ слушали ихъ,—тогда-то зашла въ меня любовь къ русскимъ пѣснямъ, которая не оставляетъ меня и въ старости. Пѣсни иногда наскучивали, или ихъ нельзя было пѣть, напримѣръ, въ посты; тогда кто нибудь рассказывалъ русскія сказки; матушка моя ихъ знала много. Дѣдушка тоже иногда говаривалъ о старинномъ житѣ-бытѣ. Впрочемъ, я не всегда былъ празднымъ зрителемъ и слушателемъ. Сестры мои очень любили, чтобы я изъ приготовленной ими пряжи наматывалъ мотки; къ святамъ, когда я прїѣзжалъ изъ семинаріи, онѣ готовили свои початки, т. е. нитки, навитыя во время пряденья на веретена, и я рѣдко отказывалъ наматывать нитки въ мотокъ.

Въ началѣ весны, около Пасхи или послѣ нея, пряденье оканчивалось; начинали сновать основы, для того, чтобы ткать холстъ. А отъ Пасхи до Петрова дня и даже иногда чуть не до сентября шло тканье въ нашемъ домѣ не только въ одинъ, но уже въ два и три стана. Не знаю почему, но станъ, за которымъ происходило тканье, назывался краснами.

Тѣ лица изъ женскаго пола, которыя не сидѣли за краснами, не оставались безъ дѣла. Кто разматывалъ мотки на вьюшки (цилиндры изъ древесной коры), кто наматывалъ съ этихъ вьюшекъ пряжу на тоненькую палочку, или моталъ цѣвки, которыя употреблялись на утокъ при тканьи холста. Но болѣе большинство занималось шитьемъ бѣлья, а также плетеніемъ кружевъ

и разнаго рода узорными вышиваньями. Необходимымъ для дѣвицъ руководѣлемъ считалось тоже вязанье чулокъ пятью спицами и одною. Я, впрочемъ, тоже умѣлъ вязать пятью спицами и, будучи въ училищѣ, самъ для себя вязалъ иногда варьги на руки.

Сестры мои не были увольняемы отъ мытья бѣлья и даже половъ. Полы обыкновенно мывались въ горнищѣ по субботамъ, впрочемъ, не въ каждую изъ нихъ; въ кухнѣ же оно происходило только предъ Пасхою, святеями, храмовыми праздниками и какими либо особенно торжественными случаями. Сестры, вмѣстѣ съ купленными дѣвками, босая, съ тряпьемъ и мочалками въ рукахъ, согнувшись мывали полы. Что же касается до бѣлья, то мытьемъ его и дома и особенно на рѣчкѣ занималась чуть не вся женская часть нашего семейства; сама матушка, пока еще была вполне здорова, ѣзжала съ ними для этого версты за двѣ отъ села, на рѣку Нирму, за деревню Кабаново, и тамъ стирала руками и колотила валькомъ не хуже другихъ. Барства, по правдѣ сказать, у насъ не было.

Одѣвалась женская половина въ нашемъ семействѣ не бѣдно, но и не очень богато. Бабушка держалась старины; она чуть не до самой смерти ходила въ вокопникѣхъ и сарафанахъ, особенно тѣхъ, которые назывались сукнями; ситцевыхъ платьевъ, кажется, она и знать не хотѣла. Матушка, по всей вѣроятности, получила въ приданое нѣсколько вокопниковъ, потому что я видалъ ихъ у нея, но за то я никогда не видалъ ни одного изъ нихъ на ней. Въ Палищахъ почти всегда, да и въ Тумѣ долго, она не при гостяхъ ходила въ сукняхъ, и только въ праздники одѣвалась въ ситцевыя пѣрышки и платья; первыя отличались отъ послѣднихъ тѣмъ, что они были безъ рукавовъ и держались на плечахъ особыми тесемками. Впослѣдствіи, разумѣется, она всю старину оставила и носила только платья ситцевыя, а нерѣдко шерстяныя и даже шелковыя. Но чепцовъ и шляпокъ рѣшительно во всю жизнь не надѣвала; голову свою всегда покрывала платкомъ. Сестры мои тоже сначала хаживали въ сукняхъ, но потомъ опять ситцевыя пѣрышки и платья вытѣснили старинные наряды. Одѣты онѣ были не богато и не пышно, но вмѣстѣ прилично, кромѣ, разумѣется, тѣхъ случаевъ, гдѣ смѣшно было бы наряжаться, какъ, напримѣръ, когда надобно было мыть

ноги или сидѣть за гребнемъ. И купленные наши дѣвки одѣты были почти такъ же, если не лучше, какъ и дочери тумскихъ дьячковъ.

Кстати уже скажу о моемъ щегольствѣ. Надобно связать, что я никогда не былъ, да и не умѣлъ быть щеголемъ. Отъ родителей моихъ, обремененныхъ огромнымъ семействомъ, обязанныхъ заготовлять приданое для пяти дочерей и воспитать въ училищѣ и семинаріи четверыхъ сыновей, смѣшно было бы требовать, чтобы они насъ одѣвали по барски. До самаго моего поступленія въ академію я носилъ только холщевыя рубахи и подштанники тяжовые, о которыхъ я уже говорилъ выше. Не только изъ голландскаго или ткацкаго полотна, но даже изъ ситцу я ни одной не носилъ рубахи. Будучи мальчикомъ и семинаристомъ, я дома, безъ гостей, или даже при гостяхъ—своихъ родныхъ, сиживалъ только въ одномъ бѣльѣ, даже иногда безъ жилета, а лѣтомъ и безъ сапоговъ. Въ рабочую пору, на работѣ, точно то же самое было, если только дождь или холодное время не заставляли надѣвать что нибудь сверхъ рубахи; на ноги же надѣвалъ на гумнѣ и въ полѣ калишки, или босовики, то-есть старыя сапоги, отъ которыхъ отрѣзаны были голенища, а голову прикрывалъ по большей части ермолкою. Лѣтнее платье мое состояло въ училищѣ изъ халатовъ нанковыхъ или затрапезныхъ, изъ сюртучковъ или, какъ ихъ тогда называли, изъ сибирокъ, на которыя употреблялась или нанка, или домашнее синее сукно. Для зимы имѣлъ я тулупы, сначала нагольные, то-есть ничѣмъ не покрытые, но послѣ всегда ихъ покрывали уже нанкою. Первые панталоны, именно изъ нанки, были мнѣ сшиты, когда я уже поступилъ въ семинарію,—кажется, въ началѣ 1825 г.; впрочемъ, лѣтомъ я еще надѣвалъ панталоны, но зимою, когда ходилъ въ тулупѣ, находилъ это излишнимъ. Первый сюртукъ не изъ домашнего сукна, а изъ лавочнаго или фабричнаго, сшитъ мнѣ былъ когда я уже учился въ философіи;—это былъ единственный порядочный сюртукъ, изношенный мною до поступленія въ академію. Тогда-же мнѣ была шита шинель, но изъ очень посредственнаго сукна и деревенскимъ портнымъ, такъ что въ ней щегольнуть нельзя было. Поэтому въ зимнее время, даже въ богословіи, я ходилъ въ тулупѣ, но для важности не подпоясы-

вался кушакомъ. Уже послѣ Пасхи въ 1829 г. спиты мнѣ была очень хорошая шинель, но въ іюлѣ меня послали въ академію, и шинель надобно было отдать зятю моему, учителю Воскресенскому. Первые такъ называемые смазные сапоги спиты мнѣ были, кажется, не ранѣ перваго года въ философіи; но въ нихъ я хаживалъ почти что только въ лѣтнее время. Наконецъ, первыя калоши на моихъ ногахъ появились уже когда я сдѣланъ былъ бакалавромъ академіи.

Д. И. Ростиславовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЗАПИСКИ Д. И. РОСТИСЛАВОВА,

ПРОФЕССОРА СПБ. ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ.

† 18 февраля 1877 г.

ГЛАВА XI-я ¹⁾).

О полевомъ или агрономическомъ хозяйствѣ дѣлать.

Матушка моя еще задолго до смерти бабушки сдѣлалась, какъ объяснено въ предыдущей главѣ, полною хозяйкою въ домѣ по женской части. Но съ батюшкою этого не было. Конечно, домъ, въ которомъ мы жили, составлялъ его неотъемлемую собственность; конечно, онъ былъ настоящимъ временнымъ владѣльцемъ той части церковной земли, которая доставалась на долю его какъ священника, а дѣдушка былъ только заштатнымъ священникомъ, передавшимъ домъ въ полную собственность своего преемника и не имѣвшимъ никакихъ правъ ни на одинъ, такъ сказать, клочокъ земли; не смотря на все это, настоящимъ хозяиномъ, почти автократическимъ распорядителемъ по дому въ агрономическомъ отношеніи былъ дѣдушка. Объяснить это нетрудно. Дѣдушка имѣлъ характеръ твердый, можно сказать—непреклонный; отъ своихъ убѣжденій и привычекъ онъ не любилъ, даже едва-ли могъ отступать. Но въ Шеянкахъ и Тумѣ онъ болѣе 30-ти лѣтъ былъ полнымъ хозяиномъ въ своемъ дому; только лишь по отдѣлу женскаго хозяйства ограничивали власть его. Поставить его въ другое, зависимое положеніе въ этомъ отношеніи, даже освободить его, изъ уваженія къ лѣтамъ, отъ всѣхъ работъ, какъ

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1880 г., т. XVII, стр. 1—38; 545—572 681—704; т. XXVIII, стр. 35—68; 179—218.

мнѣ и теперь кажется, было немыслимо; для него жизнь была бы наказаніемъ. Да и по правдѣ сказать, лучшаго, болѣе дѣятельнаго и опытнаго хозяина въ деревенскомъ значеніи слова трудно было найти. Когда и какъ производить тѣ или другія работы онъ зналъ, на основаніи своей опытности, какъ нельзя лучше и былъ въ этомъ отношеніи оракуломъ всего села. „Не пора-ли начинать пахать или сѣять?“ спрашивалъ въ какой либо семьѣ молодой ея членъ.—„Куда ты суешься?—отвѣчалъ ему старикъ отецъ,—отецъ Мартынъ еще не начиналъ“. А если отецъ Мартынъ сталъ сѣять или пахать, то это для всего села было какъ бы приказомъ начинать тѣ же работы. Такое мнѣніе о дѣдушкѣ поддерживалось въ односельчанахъ тѣмъ, что онъ по опыту умѣлъ нерѣдко угадывать дурную или хорошую погоду на слѣдующій день. Лучшимъ барометромъ служила ему его поясница, которую онъ надорвалъ усиленными работами въ молодости; боль въ ней ему предсказывала ненастье. Затѣмъ, закатъ и восходъ солнца, большая или мѣньшая краснота облаковъ при утренней и вечерней зарѣ, различное положеніе мѣсяца и многіе другіе, такъ сказать, метеорологическіе признаки давали ему возможность слыть иногда пророкомъ, хотя нельзя не сказать, что иногда онъ и ошибался. Не знаю еще, почему-то онъ особенно любилъ узнавать наступленіе дурной или хорошей погоды по нѣкоторымъ птицамъ, напримѣръ, сорокѣ, воронѣ и ласточкѣ. Если сорока прилетитъ на гумно и защебечетъ какимъ-то особымъ образомъ, то дѣдушка бывалъ въ восторгѣ: „ну, слава Богу, завтра ведро будетъ“. Но карканье воронъ и быстрый полетъ ласточекъ близъ земли предвѣщали ненастье. И потому сорока была любимицею дѣдушки, а воронъ и ласточекъ онъ терпѣть не могъ. Потомъ, онъ не просто умѣлъ только производить ту или другую работу, а былъ мастеромъ, такъ сказать—артистомъ, въ каждой, и гордился этимъ. Искуснѣе его скласть одонья, чище выкосить лугъ, равномернѣе разбросать зерна ржи или овса и пр. для посѣва на нивѣ, лучше и безопаснѣе высушить овинъ и пр. не многіе могли. Дѣятельности онъ былъ неутомимой; оставаться празднымъ онъ никакъ не могъ. Если была какая либо работа, онъ выбиралъ самую тяжелую ея часть, или старался быть образцомъ для всѣхъ; когда нужно было косить, онъ шелъ впереди и, смотря по обстоятельствамъ, не пропускалъ случая осмѣять или отбранить тѣхъ изъ своихъ товарищей,

которые отъ него отставали; во время молотбы удары его цѣпомъ отличались силою; если онъ шелъ впереди, то покрикивалъ: „Что вы на меня напираете!“ Если шелъ сзади, то говаривалъ: „Ну, побѣжали! смотри-ка, сколько еще не обмолоченныхъ колосьевъ въ снопѣ!“ Такъ какъ просушиваніе сноповъ на овинѣ зависитъ отъ умѣнья ихъ поставить другъ около друга, то онъ рѣдко кому либо позволялъ дѣлать эту работу. Въ другое время она была не очень трудна; но когда, обмолотивши овинъ утромъ, тотчасъ же насаживали другой, то было тамъ очень жарко и даже душно. Дѣдушка тутъ-то бывало никому не позволить заняться этою работой. „Пожалуй, поторопится, да скверно насадить,—приговаривалъ онъ, лѣзя съ крахтѣньемъ на овинъ;—ужъ лучше, чтобы грѣха не было, самъ сдѣлаю“. И бывало, утомленный отъ жару, остановить работу на время и, выглядывая весь въ поту въ окно, говаривалъ: „Фу, какая жара тутъ! баня баней“, и потомъ, немного освѣжившись, опять принимался за дѣло. Случалось, что онъ сдѣлается нѣсколько нездоровъ, но между тѣмъ въ это время есть спѣшная работа. Станутъ его уговаривать не ходить на нее. „Ну, вотъ еще что вздумали? Я вѣдь ничего,—это такъ немного что-то, поразомнусь, поразойдусь, пройдетъ; да вы тамъ безъ меня плохо сдѣлаете“. И идетъ непремѣнно, согнувшись и покрывавая. Начинаетъ работать какъ обыкновенно,—боль иногда усиливается, трудно стало терпѣть; старикъ охнетъ, остановится, иногда присядетъ, приляжетъ даже, и потомъ опять поднимется и возьмется за грабли, вилы, цѣпъ и т. п. Если въ полѣ, особенно зимою, не было никакихъ работъ, то онъ въ избѣ или грабли дѣлаетъ и поправляетъ, или цѣпы починиваетъ, или веревку и завертку свиваетъ, или лошадиную сбрую пересматриваетъ и починиваетъ. Нѣтъ этой работы, пойдетъ или поѣдетъ въ лѣсъ; тамъ у него дубокъ на примѣтѣ, хорошій для падубки—такъ называлась короткая часть цѣпа,—тамъ береза тоже на примѣтѣ годная для оглобеля, или лучины; тотъ и другую надобно срубить. На дворѣ онъ и сани, и телѣгу пересмотритъ и поправитъ. Въ самые праздники пойдетъ по полю, чтобы видѣть нѣтъ ли гдѣ потравы, хороши ли всходы зелени, скоро ли поспѣетъ рожь, овесъ, не пора ли начать сѣнокосъ, и пр. А во время жатвы пройдетъ по нивамъ, тутъ подниметъ и положить снопъ, свалившійся съ крестца, тамъ переложитъ вновь покачнувшійся или развалившійся крестецъ.

Въ полѣ у него ведется, бывало, точный счетъ всему; онъ зналъ сколько на какомъ лугу копенъ сѣна, сколько крестцовъ на нивѣ, сколько даже нажато всѣхъ сноповъ овса или ржи. Понапрасну у него ничего не пропадало; если на какомъ либо обнивь можно было накосить не больше полпуда или пуда сырой травы, онъ все-таки ее скосить и, сложивши кругомъ косаря, перенесетъ въ другое мѣсто, гдѣ поболѣе сѣна.

Теперь легко понять, могъ ли мой дѣдушка занять второстепенную роль въ томъ хозяйствѣ, которымъ онъ распоряжался нѣсколько десятковъ лѣтъ? могъ ли онъ оставаться безъ дѣла и сидѣть, по его выраженію, сложа руки? а взявшись за дѣло, кого бы онъ нашелъ достойнымъ того, чтобы ему подчиниться и отъ него зависѣть? Нѣтъ, ему надобно было или быть полнымъ командиромъ, автократическимъ распорядителемъ, или уже ничего не дѣлать; послѣднее для него невыносимо было, оставалось взять все въ свою команду. Къ этому способствовало то обстоятельство, что батюшка, развлекаемый благочинническою должностію и необходимостію во всякое время принимать чиновниковъ и дворянъ, не могъ постоянно распоряжаться полевыми работами и слѣдить за ними.

Но дѣдушка, удержавъ за собою власть распоряжаться агрономическимъ хозяйствомъ, подавая собою примѣръ дѣятельности и искусства во всѣхъ работахъ, приходилъ въ негодование, если замѣчалъ недостатокъ усердія, неисправность, противорѣчіе въ работахъ и, сообразно съ своимъ характеромъ, не любилъ, по пословицѣ—въ кулакъ лептать, а выражалъ свое неудовольствіе на кого бы то ни было безъ всякихъ околичностей.

На работу нужно было выходить всѣмъ, кто только былъ хоть сколько нибудь способенъ къ ней. Отсутствіе и даже опаздываніе въ этомъ случаѣ не оставалось безъ суроваго выговора, особенно когда надобно было почему либо спѣшить окончаніемъ работы. Тутъ бывало доставалось и батюшкѣ. Если онъ по какой либо причинѣ не являлся, то дѣдушка не выдерживалъ себя: „Что же онъ нейдетъ сюда, поди-ка скажи ему,—посылалъ онъ кого либо,—пусть поторопится, время не терпитъ“. Въ экстренныхъ случаяхъ доставалось даже и гостямъ. Одинъ изъ такихъ случаевъ у меня особенно остался въ памяти. Трава на гумнѣ была скошена до Ильина дня, но, по причинѣ постоянную

почти ненастья, не могла быть убрана въ копны. Между тѣмъ въ самый Ильинъ и на слѣдующій день наступила прекрасная ведренная погода. Въ праздничный день дѣдушка никого не тревожилъ, но на утро его началъ настаивать на то, чтобъ заняться уборкою сѣна. Гостей было у насъ довольно, но, правду сказать, самыя близкія родимыя—сыновья или зятя дѣдушкины. Начали старика уговаривать дать еще денегъ попраздновать,—не сталъ слушать, ушелъ и съ помощію работника и прочей прислуги разбилъ траву для просушки. Между тѣмъ родственникъ нашъ мѣщанинъ Сазановъ пригласилъ къ себѣ батюшку съ гостями; туда же и я отправился; это было уже послѣ обѣда. Сидѣли мы тамъ и поговаривали; но вдругъ входитъ дѣдушка въ той самой одеждѣ, въ которой онъ работалъ на гумнѣ, т. е. въ одной рубахѣ и подштанникахъ, босикомъ. „Полно вамъ тутъ сидѣть,—сказалъ онъ рѣшительно,—тучи поднимаются; если не сгребемъ до дождя сѣна, то оно все испортится“. Стали было отговаривать и отговариваться, тѣмъ болѣе, что опасеніе дождя не совсѣмъ было справедливо; но дѣдушкѣ хотѣлось непременно убрать все сѣно, чего онъ не могъ сдѣлать съ одною прислугою и моими сестрами; онъ вновь потребовалъ рѣшительно, чтобы всѣ мы шли; „да и вамъ тутъ нечего сидѣть,—прибавилъ, обращаясь къ гостямъ, своимъ сыновьямъ, зятямъ, дочерямъ и пр.,—пойдемте всѣ, а послѣ уже пошируемъ“. Дѣлать было нечего, всѣ встали, простились съ хозяиномъ, который только что началъ потчивать чаемъ, воротились домой, скинули праздничную одежду и взялись за грабли. Сѣно было все сложено въ копны, и уже вечеромъ мы принялись пить чай у себя дома.

Терпѣть не могъ дѣдушка дурной работы. Бѣда бывало, если онъ замѣтитъ, что кто нибудь, сгребая сѣно, пропустить клочокъ его, или во время молотбы окажется снопъ плохо вымолоченнымъ, или на нивѣ крестецъ плохо сложеннымъ, или колосья останутся несжатыми и пр. Терпѣть также не могъ, если работали медленно, неповоротливо; по его словамъ, надобно было, чтобы всякое дѣло кипѣло въ рукахъ. „Эй, ты, что тамъ зазѣвался, или зазѣвалась?—закричитъ онъ на мѣшковатаго или лѣниваго работника—поворачивайся живѣе“. Но если во время уборки сѣна появлялись облака, грозившія дождемъ, то уже была настоящая бѣда; тутъ, въ полномъ смыслѣ, не было никому отдыха.

„Эй, родимые, не замочите сѣна,—покрикивалъ дѣдушка,—живѣе, живѣе, уже вотъ напрыскиваетъ дождикъ!“—Да гдѣ же еще дождикъ?—это нибудь скажетъ,—его и въ поминѣ пока нѣтъ; туча, Богъ знаетъ еще гдѣ, да и вѣтеръ несетъ ее не сюда.—„Ну, еще разговорился,—сердито закричить дѣдушка.—Развѣ ждать, пока дождь польется, какъ изъ ведра? Хватай пока теперь, а тогда уже будетъ поздно“. Но въ одномъ только случаѣ дѣдушка терялъ свое командирское достоинство: онъ ужасно боялся грома. По старинѣ, онъ вѣровалъ и исповѣдывалъ, что громъ происходитъ отъ Иліи пророка, развѣжающаго по облакамъ на огненной колесницѣ и преслѣдующаго калеными стрѣлами нечистую силу. Когда батюшка былъ еще въ семинаріи, въ философскомъ или богословскомъ классѣ, то дѣдушка, отвозя его въ Рязань и остановившись въ деревнѣ Кельцахъ для обѣда, послѣ него пошелъ впередъ, а батюшкѣ велѣлъ подмазать телѣгу, запретъ лошадь и догонять его. Батюшка* немного позамѣшкалъ, а между тѣмъ стала подниматься грозовая туча; зная трусливость своего отца предъ громомъ, онъ, выѣхавши изъ деревни, спѣшилъ какъ можно скорѣе догнать его. Издали еще увидѣлъ, что дѣдушка поспѣшно идетъ; подѣхавши къ нему, батюшка спросилъ: „что вы, батюшка, такъ торопитесь?“—Что? развѣ не видишь тучи, не слышишь, какъ Илья пророкъ гремитъ?—Батюшка мой, какъ семинаристъ, кое-что зналъ о настоящей причинѣ грома и молніи, да еще, вѣжется, хотѣлъ пошутить. „Э! полноте, батюшка, какой тамъ Илья пророкъ? Да если бы и такъ было, то чтѣ его бояться? По мнѣ, такъ онъ хоть разстучись, мнѣ что за дѣло?—Садитесь-ка“. Дѣдушка дѣйствительно собирался уже взобраться на телѣгу; но, услышавъ богохульные, по его мнѣнію, слова, испугался, отбѣжалъ отъ телѣги въ сторону и какъ батюшка ни уговаривалъ, ни за что старикъ не сѣлъ съ нимъ, пока туча не прошла. Когда бывало начнемъ объ этомъ событіи разговаривать, то дѣдушка съ улыбкою говаривалъ: „Я такъ и думалъ, что Илья пророкъ убьетъ тебя, Ванюша, непременно“. Этотъ-то страхъ грома оставался у дѣдушки до конца его жизни. И вотъ, если, бывало, на лугахъ при уборкѣ сѣна поднимется грозовая туча, ну, тутъ уже дѣдушка терялъ свою бодрость, трусилъ, даже иногда прекращалъ работу ранѣе, нежели какъ слѣдовало.

Еще была другая слабость въ дѣдушкѣ, или, лучше, предраз-

судоеъ. Я уже сказалъ, что онъ зналъ, сколько сноповъ нажн-
налось всякаго хлѣба; ему и всѣмъ намъ извѣстно было сколько
сноповъ усаживалось за разъ на овинѣ; значить, почти навѣр-
някъ можно было уже знать сколько будетъ овиноеъ ржи или
овса. Но дѣдушка уменьшалъ если не на половину, то по край-
ней мѣрѣ на двѣ пятыхъ части. Бывало, скажетъ: „ну, слава
Богу, у насъ нынѣ нажато всего 4,500 сноповъ ржи“. На овинѣ
сажалось за разъ не болѣе 350. Поэтому, тотчасъ рассчитавши,
прибавимъ: „значить, всего у насъ будетъ 13 овиноеъ“. — „Что
ты, что ты? Экъ махнулъ, — остановить дѣдушка, — 13 овиноеъ?
хоть-бы десятокъ дай Богъ, а то, пожалуй, выйдетъ овиноеъ
восемь“. — „Да какъ же, дѣдушка, — возразишь ему, — вѣдь на овинѣ
вы сажаете не болѣе 350 сноповъ, а всѣхъ ихъ нынѣ 4,500, такъ
сами сосчитайте — вѣдь выходитъ 13 овиноеъ“. — „Ну, вотъ
еще, — нынѣ снопы малые, сотъ по пяти уйдетъ на овинѣ“. Точ-
но такимъ же образомъ считаетъ, бывало, стогъ, — ну ясно, что
въ немъ возовъ семь или восемь. Дѣдушка, обойдетъ его, полю-
буется имъ, и потомъ, перекрестясь, промолвитъ: „ну, слава Богу,
возиковъ пятокъ авось выйдетъ“. Или, бывало, начнетъ молотить;
съ перваго овина получить четверти двѣ, даже съ прибавкомъ.
Въ слѣдующіе овины рожь молотилась такая же, число сноповъ
было то же, ворохъ намолоченныхъ зеренъ нисколько не менѣ,
чѣмъ и прежде. Но дѣдушка, смотря на него, скажетъ: „а что?
четверти полторы, или мѣръ десятокъ будетъ?“ — Дѣдушка зналъ
хорошо во всѣхъ случаяхъ сколько чего получится, онъ и самъ
мнимымъ своимъ предсказаніямъ не вѣрилъ, но высказывалъ ихъ
потому, что, по его философіи, сказавши правду, можно было все
дѣло сглазить, испортить. И когда, бывало, послѣ окажется имен-
но столько и овиноеъ ржи, и возовъ сѣна, и мѣръ зеренъ, сколь-
ко слѣдовало ожидать, и скажемъ дѣдушкѣ: „ну вотъ, вы гово-
рили, что не выйдетъ этого количества, а уменьшали его чуть
не вдвое; вѣдь вотъ, вышло“. — „Ну, такъ чтожъ, — отвѣтитъ ста-
рикъ, — развѣ это худо? И слава Богу, что вышло“. На слѣдующій
годъ опять повторялось то же самое.

Противорѣчіе себѣ въ предыдущихъ случаяхъ дѣдушка еще
выслушивалъ спокойно; ему даже иногда и нравилось оно; самъ
онъ, по своимъ понятіямъ, не хотѣлъ указать на ожидаемыя вы-
годы, но ему пріятно было, что кто нибудь основательно дока-

зываетъ ему, чего слѣдуетъ ожидать. За то въ другихъ случаяхъ терпѣть не могъ, если кто либо противорѣчилъ его распоряженіямъ, или дѣлалъ на нихъ свои замѣчанія, или выражалъ свое недовольство ими. Тутъ доставалось всякому. Я, будучи хорошимъ работникомъ, былъ вмѣстѣ и любимцемъ его. Но нерѣдко за свою охоту поспорить съ нимъ получалъ отъ него славныя выбранки. Особенно помню одинъ случай во время утренней молотбы, когда въ ней не участвовали ни батюшка, ни матушка. Не знаю, за что-то мнѣ слѣлалъ замѣчаніе дѣдушка; я тогда уже былъ въ философін; по свойственной семинаристамъ спѣси, я обидѣлся этимъ и, будучи съ малолѣтства смѣль на языкъ, началъ спорить съ дѣдушкою, и когда онъ не обращалъ вниманія на мои слова, то я вообразилъ себѣ, что дѣдушка сознается въ своей ошибкѣ. Мнѣ захотѣлось одержать уже полную надъ нимъ побѣду и отучить его отъ того, чтобы меня бранить. И вотъ я началъ болтать разныя глупости. Старикъ долго слушалъ, наконецъ, не вытерпѣвши, закричалъ: „да ты что разкудахтался? Видишь какая фря! Ему и слова сказать нельзя. Смотри у меня: я или самъ отучу тебя отъ этого, а то скажу Ванюшѣ, такъ онъ научить тебя, какъ уважать старика-дѣда“. Тутъ я увидѣлъ, что зашелъ далеко, струсилъ, не только замолчалъ, но готовъ былъ хоть сквозъ землю провалиться, тѣмъ болѣе. что нашъ крупный разговоръ слышали не только на нашемъ, но и на сосѣднихъ товахъ. А потомъ я зналъ, что и батюшка потачки мнѣ не дастъ,—какъ и случилось на самомъ дѣлѣ.

При такомъ полномъ властномъ распорядителѣ агрономическихъ и другихъ работъ, каковъ мой дѣдушка, нельзя было никому изъ насъ не принимать въ нихъ дѣятельнаго участія; онъ, бывало, найдетъ для всякаго дѣло, только очень уже маленькія дѣти оставались дома съ бабушкою или матушкою. Но и безъ дѣдушки намъ бы не пришлось быть свободными отъ работъ; въ то время развѣ у рѣдкаго сельскаго священника дѣти не работали на поляхъ, лугахъ и пр. Даже и малыя дѣти—изъ подражанія ли старшимъ, или изъ желанія заслужить одобреніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и посмотреть, что это тамъ, гдѣ нибудь на гумнѣ или въ полѣ, дѣлается,—просятся туда же и стараются тоже что нибудь дѣлать. Первое занятіе, похожее на работу, въ нашемъ семействѣ было стаскиваніе сноповъ въ кучи за жнецами, или

переносъ ихъ на гумнѣ отъ одоньевъ къ овину. Въ этой работѣ участвовали дѣти даже 6—7-ми лѣтъ. Куда тебѣ еще идти?—скажетъ это нибудь, обращаясь къ маленькому брату или сестрѣ моимъ.—„А тебѣ что?—отвѣтитъ дѣдушка,—пусть идетъ; хоть десять сноповъ перетащить въ день, — все-таки за нихъ не нужно будетъ браться кому либо другому; ступайте, ступайте всѣ“. Другая работа, за которую принимались въ 10—11 лѣтъ, это уборка сѣна. Обыкновенныя грабли для дѣтей такого возраста еще тяжеловаты; бывало, и просятъ дѣдушку сдѣлать маленькія грабельки; дѣдушка сдѣлаетъ, и новый гребецъ или гребельщица, положивъ ихъ на плечо, идетъ вмѣстѣ съ большими на поле или на гумно, и тамъ начинаетъ ими дѣйствовать, конечно, неловко, но вскорѣ выучивается; на слѣдующій же годъ ему, можетъ быть, и хотѣлось бы поиграть, но ужъ ему велятъ идти съ другими на лугъ. Особенно же всякому желательно было побывать при молотбѣ. Для нея вставали поутру чрезвычайно рано, такъ что, когда, обмоловивши овинъ, молотильщики придутъ завтракать, маленькія дѣти только что встаютъ. Тутъ они слушаютъ рассказы о смѣшныхъ и несмѣшныхъ случаяхъ, которые происходили во время этой молотбы; воображеніе и любопытство разыгрываются. И вотъ, бывало, вечеромъ сестры или братъ принимаются меня упрашивать: „Разбуди завтра, братецъ, меня, пожалуйста, къ овину; если не буду вставать, то стащи насильно меня съ постели, хоть на рукахъ донеси; а тамъ проснусь уже“. Но и маленькимъ, явившимся на токъ, находилось дѣло; спеціальностію ихъ было переворачивать снопы съ одной стороны на другую и разрѣзывать серпомъ связки ихъ, когда надобно было отбивать ихъ въ солому. Такимъ образомъ, сначала дѣло шло какъ будто по охотѣ, а потомъ ужъ хотя бы и хотѣлось дома посидѣть или на улицѣ побѣгать, уже невольно посылали на поле или на гумно, чтобы участвовать въ работахъ.

Ни на одну работу не выходило изъ нашей семьи столько народу, какъ на уборку сѣна; въ послѣдніе два — три года семинарской моей жизни насъ, гребцовъ свое-семейныхъ, бывало 10—12 человѣкъ (дѣдушка, батюшка и матушка, я съ тремя — четырьмя сестрами, работникъ и трое купленныхъ женской прислуги). Весело было работать въ такомъ многочислѣ. Придемъ на лугъ разбивать ряды травы; глазами, какъ говорится,

не окинешь его; принимается каждый за свой рядъ, — разбилъ рада три—четыре, обернешься назадъ и видишь начало луга далеко уже назади себя; то же самое происходило, когда растаскивали сѣно изъ копенъ для новой сушки; копна за копною таеъ и исчезаютъ. Особенно же любо было посмотриѣть на насъ, когда грозилъ дождь и намъ нужно было грести сѣно въ копны. Прибѣжимъ живо на лугъ; одни принимаются загребать сѣно въ кучи, другіе большими берегами хватаютъ его и складываютъ въ копны, третьи обдѣлываютъ, очищаютъ копны, четвертые — помоложе — подгребаютъ остающіеся клочки сѣна; глядишь — копна растетъ за копною, и весь лугъ убранъ; а тутъ, по сосѣдству, какихъ нибудь два—три работника не успѣли еще поставить двухъ—трехъ копенъ; мы перебираемся на другой лугъ, успѣваемъ и тамъ все убрать до дожда; а у тѣхъ онъ намочилъ болѣе половины перваго луга.

Но и не безъ непріятностей обходилась эта работа. Дѣдушка любилъ все дѣлать въ отличномъ видѣ. Кажется, что сѣно уже сухо, — но дѣдушкѣ этого мало; оно, по его выраженію, должно звономъ звѣнѣть, и вотъ его надобно вновь переворачивать, вмѣсто того, чтобы сгрести въ копны; или, собравши въ копны, оставлять для новой просушки къ слѣдующему дню; тогда какъ теперь бы можно везти его на сушило, или метать въ стогъ. Далѣе, грести сѣно граблями, конечно, не трудно, даже не Богъ знаетъ какой трудъ берегами сносить просушенную траву въ копны, но на лугахъ тѣмъ, кто побольше и посильнѣе, доставались и трудныя работы, именно переноска копенъ со всего луга къ стогу на таеъ называемыхъ носилкахъ, т. е. двухъ жердяхъ, подкладываемыхъ подъ копну; тутъ двоимъ приходилось перетаскать на себѣ иногда сажень за 30—60, даже болѣе, копенъ 30—40. Это уже трудъ. Другой былъ нелегче, именно подавать сѣно вилами на стогъ. Сначала, пока еще стогъ не достигъ половины, работа не очень трудна, но въ другую половину, особенно къ вершинѣ стога, бросать сѣно вилами уже было не шутка; тутъ, по деревенскому выраженію, заходило ребро за ребро. Иногда случалось еще кое-что хуже. И наше гумно, и луга были довольно низменны. Поэтому, послѣ сильныхъ дождей они по мѣстамъ покрывались водою, чрезъ что многіе ряды скошенной травы или лежали на мокрыхъ мѣстахъ, или были

даже на плыву. Наступалъ хорошій день; надобно было спѣшить просушкою сѣна; но на мѣстѣ, гдѣ лежать ряды, стоитъ еще вода; оставалось ихъ выносить на болѣе высокія мѣста. Вотъ тутъ-то, бывало, измочишься весь, а ноги испачкаешь въ болотной тинѣ, потому что часто луга были и по болотамъ. Несешь большое берема, или копну, думаешь спустить на кочку, срываешься съ нея, или не попадаешь на нее, и вотъ чуть не всею ногою уходишь въ тину; и все это ничего: поднимется на лугу насмѣшливый хохотъ надъ неловкимъ шагомъ; выльзешь и самъ тоже помираешь со смѣху, хотя почти весь уже забрызганъ не водою только, а и грязью.

Другая непріятность состояла въ томъ, что въ случаѣ спѣшной работы мы уже не ходили домой обѣдать; къ намъ приносили что нибудь на лугъ пообѣдать или, лучше, закусить. Устанешь отъ жару и работы, хотѣлось бы получше поѣсть и отдохнуть; а тутъ спѣши ѣсть то, что можно было принести, ѣшь при томъ сѣвши на землю или на кочку;—иногда вставай поскорѣе, да опять за грабли или вилы; а если и позволить прилечь, то расположись на лугу; и ничего, бывало—заляжешь, и даже заснешь. За то уже, возвратясь вечеромъ домой, славно поужинаешь.

По причинѣ недостатка въ своихъ лугахъ, батюшка нанималъ ихъ или у крестьянъ, или въ селѣ Биреневѣ у тамошняго духовенства. Сюда уже надобно было отправляться на нѣсколько дней и ночей. На мужицкихъ лугахъ я не бывалъ, но въ Биреневѣ безъ меня никогда почти не обходилось. Тутъ уже рѣшительно цѣлый день съ утра до вечера не сходишь съ луга, и только для ночлега, при томъ уже ночью, прихаживали мы къ дьякону, нашему родственнику и, закусивши что либо, ложились спать, съ тѣмъ, чтобы опять на слѣдующій день приняться вновь за работу.

Второю изъ работъ, на которыя выходило очень много лицъ изъ нашего семейства, была молотьба. Въ Мещорѣ она происходитъ почти тотчасъ же какъ свезутъ съ поля рожь и почти всегда оканчивается къ половинѣ или къ концу сентября, а тамъ, гдѣ мало хлѣба или хозяева очень дѣятельны, даже къ концу августа. Обмолачиваемый хлѣбъ первоначально просушивается на овинѣ. Къ молотьбѣ будятъ обыкновенно очень рано, часу во 2—3-мъ по полуночи. Не выспавшись, выйдешь, бывало, за заднія

ворота; трава на гумнѣ иногда уже отъ утреннихъ морозовъ покрывалась инеемъ; босикомъ, почти безъ всякой верхней одежды, пробѣжишь по гумну и прямо влѣзешь въ такъ называемый подовинникъ, гдѣ еще горѣли дрова или, какъ говаривали, теплялась теплянка. Разумѣется, присядешь къ ней, чтобы пообогрѣть ноги, и отъ дѣдушки, который всегда самъ сушилъ овинъ, почти всегда услышишь упрекъ: „Что это долго вы тамъ возились? давно пора молотить; того и смотри, заря займется“,—хотя на самомъ дѣлѣ остается до начала ея часа два—три. Собрались наконецъ; снопы скинули съ овина и уклали во всю длину тока въ два ряда, которые въ совокупности назывались посадомъ, а каждый рядъ отдѣльно—веревкою, и заключалъ въ себѣ до 70-ти и болѣе сноповъ. Тогда молотильщики раздѣлялись на двѣ партіи, и каждая начинала молотить свою веревку, одна отъ овина, а другая съ конца тока. Надобно было вымолотить снопы всей веревки за разъ, не останавливаясь; для этого, на худой конецъ, каждый молотильщикъ долженъ былъ сдѣлать цѣпомъ 300—400 очень сильныхъ ударовъ по снопамъ. Очевидно, что, прошедши всю веревку, утомишься до-нельзя, и потому не только тотчасъ присядешь, но даже и приляжешь на тепловатыхъ еще снопахъ. При этомъ можно было и хорошо простудиться. Священникъ села Починокъ, Егорьевскаго уѣзда, Бажановъ, однажды прошедши всю веревку, легъ, но на траву луга, окаймлявшаго токъ; трава была покрыта холодною росой; священнику въ жару это понравилось, но, полежавши довольно долго, онъ почувствовалъ ломоту въ тѣлѣ и вмѣсто того, чтобы вновь приняться молотить и вспотѣть, онъ пошелъ домой, захворалъ и чрезъ нѣсколько дней умеръ въ горячечномъ бреду. Послѣ отдыха, который у насъ продолжался недолго и во время котораго снопы переворачивали необмолоченною еще стороною наверхъ, опять принимались за молотьбу; опять нужно было пройти всю веревку. Послѣ раздѣлялись на 3—4 уже партіи, человѣка по 2—3 въ каждой, и отбивали соломѣ, т. е. каждый снопъ, сдвинувъ съ посада, еще ударялидесятью 1½—2 цѣпами, и, ими же переворотивъ соломѣ, укладывали ее въ продолговатую полосу. Затѣмъ сносили ее мужчины двурогатыми вилами въ ометы или въ сарай. И подмета всѣ зерна съ боковъ, выстилали изъ оставшихся сноповъ новый посадъ и по окончаніи молотьбы его принимались расчищать,

т. е. счищать колосья съ зеренъ; эта работа была уже легкая. По окончаніи ея, зерна вмѣстѣ съ мякиною собирались въ кучу конической фигуры, называвшуюся ворохомъ. Тогда одинъ или двое начинали вѣять сѣмена, т. е. бросать лопатою вверхъ, при чемъ вѣтеръ мякину относилъ въ сторону, а сѣмена ложились особо отъ нея; иные уходили домой, а остальные насаживали вновь овинъ. Дѣдушка влѣзалъ въ него, ему кто либо длиннымъ шестомъ, называвшимся подавальницею, подавалъ снопы, а прочіе ихъ подносили отъ одонья, съ котораго кто либо скидывалъ внизъ. Если вѣтеръ былъ хорошъ, то въ это время успѣвали уже перевѣять ворохъ; тогда мѣряли зерна, иногда переносили ихъ на себѣ въ мѣшкахъ въ амбаръ, а то насыпали въ телегу и общими силами, рѣдко на лошади, привозили ее къ амбару и тамъ ссыпали. Это было концомъ. Къ этому времени уже почти всегда бывалъ готовъ завтракъ; утомленные работники входили, усаживались за столъ и начинали подерѣплять себя. Въ скоромные дни матушка въ этомъ случаѣ любила насъ потчевать вмѣсто завтрака знаменитою русскою пищею—блинами. Ъдали ихъ горячими, съ пылу, сначала съ кислымъ молокомъ, потомъ со сметаной, и наконецъ съ масломъ. Такое угощеніе заставляло насъ забывать утренніе труды. Послѣ завтрака ложились отдыхать, если еще роса не успѣла сойти; въ противномъ случаѣ, или послѣ того какъ она высыхала, нужно было отправляться на луга или на поле; а весьма нерѣдко приходилось послѣ обѣда обмолачивать другой овинъ; вотъ тутъ-то, бывало, уже вся наша семья выходила на токъ,—малыя дѣти, чтобы поглазѣть и поиграть, а прочіе, чтобы принять то или другое участіе въ работѣ. Въ такіе-то дни, по правдѣ сказать, утомлялись чуть не до изнеможенія.

У сестеръ моихъ была трудная полевая работа, въ которой я уже не участвовалъ. Во всей Мещорѣ почему-то мужчины не жнутъ ни ржи, ни овса; они считаютъ, такъ сказать, униженнымъ для своего достоинства брать серпъ въ руки: это, по ихъ мнѣнію, бабье дѣло. Сестры мои, принадлежа къ женской половинѣ рода человеческого, наравнѣ съ другими жали и рожь и овесъ. Къ счастью ихъ, для жнитва у насъ собирали такъ называемыя помочи. Для объясненія этого слова надобно сказать, что духовенству, преимущественно священнику, прихожане помо-

гали въ работахъ. При императорѣ Павлѣ подобное пособіе обратилось въ обязательный трудъ, при чемъ многія духовныя особы чуть было навсегда не разстроили своихъ мирныхъ отношеній къ прихожанамъ. Они, вытребовавши мужчинъ или женщинъ, точно такъ, какъ ихъ требуетъ помѣщикъ, плохо ихъ кормили, а нѣкоторые даже не давали ни хлѣба, ни квасу; рабочіе должны были все съ собою приносить. Поэтому, когда, съ воцареніемъ императора Александра I-го, этотъ обязательный трудъ былъ отмѣненъ, то во многихъ мѣстахъ прихожане вполне стали отказываться отъ всякаго издѣльнаго пособія. Но дѣдушка и многіе другіе священники въ Мещорѣ, своимъ привѣтливымъ обращеніемъ съ рабочими, своими угощеніями, умѣли поддержать старинный обычай, и къ нимъ послѣ смерти императора Павла крестьяне и крестьянки ходили помогать въ полевыхъ и другихъ работахъ. Такія-то, такъ сказать, сборища и назывались помочами.

Духовныя лица собирали помочи для производства своихъ работъ въ различныхъ случаяхъ, напримѣръ, для сѣнокоса, пашии, уборки сѣна, даже молотбы, но между ними едва-ли не самыми замѣчательными были помочи для жнитва. Чтобы ограничить свои хлопоты возможно-короткимъ срокомъ, для жнитва приглашали не только по 10—20, но даже по 40—60 жней. Для этого въ тѣхъ приходяхъ, гдѣ мой батюшка священствовалъ, надобно было ему самому ѣхать, какъ можно ранѣе утромъ, а если деревня находилась недалеко отъ села, то онъ уѣзжалъ съ вечера и въ ней ночевалъ. Въ деревняхъ въ лѣтніе дни рано встаютъ, поэтому созывателю помочи нужно было обойти всѣ дворы до восхода солнечнаго или немного спустя послѣ него; иначе домохозяева и работницы могли бы уйти куда либо изъ деревни вонъ. Женщинамъ и дѣвицамъ очень нравилось ходить къ попу на помочь, потому что тамъ кормили хорошо, работа не изнурительна и главное—можно было выпить рюмочку другую винца и повеселиться. Отъ этого и происходили даже ссоры между бабами; „нѣтъ, лѣтось ты была у попа, нынѣ моя очередь“,—кричитъ одна сноха другой, или сестра—сестрѣ. Но рѣдкій изъ стариковъ-хозяевъ не находилъ какихъ либо затрудненій отпустить одну работницу изъ своего семейства. Это, впрочемъ, дѣлалось вовсе не изъ желанія отказать попу, а такъ, по заведенному порядку; надобно же немножко намъ, говорятъ, поломаться предъ своимъ отцомъ

духовнымъ. Переговоривши со всѣми хозяевами, надобно еще было дожидаться, пока жней выйдутъ на сборное мѣсто, а иногда вновь приходилось постучаться въ большей части дворовъ, чтобы вызвать обѣщанную работницу. Наконецъ, помочь собралась и двинулась скорымъ маршемъ въ село, а священникъ на лошади старался предупредить ее и поскорѣе доѣхать домой. Отъ продолжительныхъ сборовъ помочь даже изъ близкой деревни рѣдко приходила ранѣе девятаго часу; а въ дмитровскомъ погостѣ появлялась иногда даже въ 11-мъ часу. По приходѣ, тотчасъ всѣхъ усаживали за сытный завтракъ, при чемъ подносили по рюмкѣ водки, чтобы придать побольше бодрости. Послѣ завтрака непременно съ пѣснями отправлялись на нивы и начинали жать. Чтобы на обѣдъ не слишкомъ много тратилось времени, отвозили всѣ кушанья на поле, и тамъ въ нѣсколько кружковъ разсаживали жней на нивахъ. Кромѣ снѣдомаго, надобно было поднести и водочки, — рюмочки уже по двѣ. Послѣ обѣда рѣдко и развѣ немного отдыхали, а то прямо съ пѣснями, подъ куражомъ, принимались за жнитво. Чтобы дѣло спорилось, нужно было или самому священнику тутъ постоянно стоять, или попросить какихъ либо старухъ, которыя бы покрикивали на зѣвающихъ по сторонамъ. Взрослыя мои сестры и купленные дѣвки всегда были тутъ же жнеями и подавали собою примѣръ усердія; а малыя дѣти въ это-то особенно время назначались для стаскиванія сноповъ въ разныя кучи. Смотря по различнымъ обстоятельствамъ, работы оканчивались не одинаково — и попозже, и пораньше заката солнечнаго. Потомъ работницы возвращались съ пѣснями въ домъ священника и садились за ужинъ. Если въ этотъ день были такъ называемыя пожинки, т. е. сжинался весь ржаной или яровой хлѣбъ, то связывался огромнѣйшій снопъ, который и несли впереди всѣхъ, какъ какой либо трофей. За ужиномъ уже, не говоря о кушаньяхъ, обращали особое вниманіе на утощеніе водкою. За завтракомъ и обѣдомъ опасались еще, какъ бы иная, подгульнувъ, не залегла спать. Но за ужиномъ эта опасность не была страшною. Да и сами жней менѣе ужъ церемонились. Не только всѣ дамы, но и барышни, т. е. не только бабы, но и дѣвки, брали рюмку въ руки; очень немногія къ концу ужина не были на-веселѣ. При пожинкахъ послѣднимъ кушаньемъ непременно должна была быть ячница въ скромный день, а въ постный

слѣдовало дать каждой жнѣ по яйцу или по два. Вставши изъ-за стола, не только увормленные, но и подгулявшія, и дамы и барышни принимались пѣть пѣсни, и даже приплясывать. Такъ какъ изба была тѣсна для этого, то выходили на дворъ или на улицу, становились въ кружокъ и начиналось настоящее разгулье. Если работали хорошо, то рюмочка не одинъ разъ обходила весь кругъ. Не смотря на ворчанье старухъ, на ихъ крикъ: „полно вамъ бѣситься, пора домой, вѣдь завтра рано надобно вставать“, и пр., разгулявшаяся молодежь продолжала пѣть, пить и плясать. Иногда это продолжалось болѣе часа. Потомъ двигались въ путь, но не всегда скорымъ маршемъ, останавливались по селу, устанавливались вновь въ кружокъ и опять за пляску, а пѣсни и безъ того не прерывались. За ними тянулась сельская молодежь и подзадоривала ихъ; иногда же, если ночь была темна, но тиха, то провожали ихъ съ зажженными свѣчами. Случалось, что вся помочь возвращалась въ деревню не только за полночь, но даже чуть не утромъ; и чудна русская натура! тотчасъ же почти принималась за работы, которыя продолжались цѣлый день, но уже безъ водки, даже безъ сытной пищи. У попа, по крайней мѣрѣ, была и говядина, иногда и студень, и каша съ масломъ, и даже ячница. Какъ же молодыцамъ не рваться къ нему на помочь? Какъ не принарядиться въ такой день въ самый лучший сарафанъ, не надѣть лучшаго платка? Во время помочи мужчинамъ священническихъ домовъ работы было немного, развѣ только приходилось отвезти обѣдъ на поле, укладывать снопы въ крестны, или возить ихъ на гумно, но послѣднее очень рѣдко случалось; обыкновенно снопамъ давали просохнуть или, какъ говаривали, выстояться на нивахъ, чтобы прямо ихъ уже класть въ одонья и скирды на гумнахъ. Но женская половина, какъ сказано уже, уставала дѣлать; впрочемъ, матушка моя оставалась всегда дома, чтобы готовить обѣды и ужины, и, слѣдовательно, утомлялась едва-ли не болѣе своихъ жавшихъ дочерей.

Большія помочи, кромѣ жнитва, собираемы были еще для вывоза навоза на нивы. Тутъ почти каждый работникъ являлся съ телѣгой, лошадей и трезубцовыми навозными вилами. Разумѣется, и завтракъ, и обѣдъ, и ужинъ, и водка, и пѣсни шли своимъ чередомъ; только пѣсни во время этой работы не такъ

чисто и голосисто были расплываемы, какъ при жнитѣ; въ послѣднемъ бывали только однѣ женщины, находились постоянно въ одномъ мѣстѣ, а при возѣ навоза прїѣзжали и мужчины, да и работницы не могли ѣздить не только всѣ мѣстѣ, но и большими отрядами. Даже послѣ ужина мало плясали; вѣдь каждой надобно было на дворѣ сѣсть въ свою телѣгу, въ которой неудобно выдѣлывать деревенскія па. Впрочемъ, въ Тумѣ батюшка почему-то не всегда собиралъ этого рода помочи; навозъ вывозился большею частію своими домашними лошадьми и рабочими. Такъ какъ работа эта происходила почти всегда въ Петровъ постъ, то мнѣ мало приходилось съ нею знакомиться; только два раза по какимъ-то препятствіямъ она отложена была до того времени, какъ я пришелъ изъ Рязани на каникулы. Надобно правду сказать, что тяжелѣе и, особенно, грязнѣе этой работы немного бываетъ. Навозъ въ теченіе года улегся плотно; чтобы отрывать вилами небольшую часть его, нужно употреблять очень большое усиліе; послѣ подними оторванное довольно высоко, чтобы положить на телѣгу, а иногда и издали бросишь. Не надобно забывать тѣхъ благовоній, которыя въ этомъ случаѣ, такъ сказать, льются и въ носъ и въ ротъ, то пачканье, отъ котораго нѣтъ возможности уберечься. Я былъ не спѣсивъ въ сельскихъ работахъ, дѣлалъ все, что ни заставляли дѣлать, но съ навозомъ не очень охотно возился.

Луговъ въ Тумѣ было очень немного у духовенства; поэтому трава скашивалась большею частію работникомъ и дѣдушкою; частенько приглашали проживавшаго въ Тумѣ въ своей избушкѣ стараго солдата, необыкновеннаго силача Ивана Симанова (такое было ему прозвище), и еще кого нибудь; помочи изъ крестьянъ рѣдко собирали, можетъ быть, и потому, что на угощеніе мужиковъ-косцовъ нужно было истратить слишкомъ много воды. Въ дмитровскомъ погостѣ, гдѣ, по причинѣ множества луговъ, приглашались косцы, на каждого изъ нихъ круглымъ числомъ выходило не менѣе полуштофа. При томъ, дѣдушка не любилъ деревенскихъ косцовъ, потому что они и вообще, и въ особенности подгульнувши, не очень чисто косили. Меня почему-то къ этой работѣ никогда не принуждали; поэтому у меня, по обыкновенному выраженію, и косы въ рукахъ не бывало, чѣмъ я очень былъ доволенъ, потому что работа эта, особенно въ жаркій день

и при низкой, рѣдкой, на корнѣ еще высушенной травѣ, называемой ковылемъ,—необыкновенно утомительна.

Но отъ папни я не всегда бывалъ свободенъ. Помочи для нея тоже рѣдко собирали, да и то человѣка 3—4; все дѣло оканчивалось на своихъ лошадахъ; пахарями были работники, дѣдушка и которая либо изъ купленныхъ дѣвокъ. Но при посѣвѣ дѣдушка занятъ былъ разсѣваніемъ зеренъ; этой работы онъ никому ни за что не поручалъ; а дѣвкамъ иногда въ это время нужно было чѣмъ либо другимъ заняться. Вотъ тутъ-то и моей милости приходилось братья за рукоятки сохи и вмѣстѣ съ лошадыю проводить болѣе или менѣе прямыя борозды по нивамъ. Работа эта, впрочемъ, трудна только когда нужно пахать или новое непаханное еще мѣсто, или землю, затвердѣвшую отъ продолжительныхъ сильныхъ жаровъ. При мягкой же, рассыпающейся почвѣ и на хорошо приученной лошади, только похаживай за сохою, попридерживай ее ровнѣе, да перекадывай такъ называемую палицу съ одной стороны на другую по окончаніи каждой борозды. Усталость главнымъ образомъ происходила отъ того, что приходилось довольно скоро ступать по разрыхленной землѣ, гдѣ ноги погружались довольно глубоко и при сыроватой землѣ покрывались порядочнымъ слоемъ грязи; пахали обыкновенно босикомъ. Въ очень же сухое время, при сильномъ вѣтрѣ, была другая непріятность: часть поднимаемой сохою земли обращалась тотчасъ въ пыль и покрывала пахаря почти буквально съ ногъ до головы густымъ своимъ слоемъ, такъ что, по возвращеніи домой, нужно было и бѣлье переменить, да и лицо вымыть почище.

И другія сельскія работы развѣ только немногія миновали нашихъ рукъ. Приходилось и борону волочить, и лень полоть, т. е. вырывать выросавшую вмѣстѣ съ нимъ траву, — и вырывать его съ корнемъ изъ земли, когда онъ поспѣвалъ, и колотить его, т. е. выбивать его сѣмена. Сестры же должны были разстилать его по лугу, потомъ мять и трепать его; послѣднія двѣ работы и трудны и чрезвычайно непріятны, потому что тутъ летаетъ множество пыли и волоконъ, которыя покрываютъ собою работницу, лѣзутъ ей и въ ротъ, и въ носъ, и въ уши. Приходилось также и хмѣль щипать, и грады въ огородѣ копать, и пр., и пр., молоденькихъ гусенятъ караулить, чтобы ихъ не утащила ворона, и даже бывать въ дѣтствѣ, хотя и рѣдко.

свинопасомъ. Въ Тумѣ почему-то свиней не отдавали для надзора пастуху. И такъ какъ это животное любить ходить туда, куда его не просятъ, и опустошать засѣянные хлѣбомъ нивы, то небольшихъ дѣтей 10—12-ти лѣтъ посылали караулить этихъ животныхъ. Надобно правду сказать, что это занятіе, хоть и очень легкое, мнѣ не нравилось; но мнѣ, кажется, только раза два—три пришлось быть свинопасомъ.

Если въ лѣтнее время какой либо день былъ свободенъ отъ всякой работы, или шелъ дождикъ и между тѣмъ появились грибы и ягоды, то мы отправлялись въ лѣсъ за ними. Около Тумы, какъ и около Палищъ, росло много разнообразнаго гриба: рыжики, грузди, подосиновики, бѣлые, масляники, болотовики, березовики, сыроѣжки и пр., и изъ ягодъ: малина, брусника, пьяника, черника и земляника. Ходили мы и за грибами и за ягодами большею частію босикомъ, не опасаясь наколоть ногу ни какой либо сучокъ, хотя и не обходилось безъ того. Только для собиранія малины нужно было быть обутымъ, потому что она росла въ такихъ мѣстахъ, гдѣ ужъ слишкомъ много было валежнику и почти невозможно не наколоть на что нибудь босой ноги. За грибами приходилось отправляться недалеко, за версту или версты за двѣ, за три; только разъ или два въ годъ ѣзжали въ лѣсъ между деревнею Правотаровымъ и селомъ Фроломъ за черными грибами, масляниками и болотовиками, которые тамъ росли въ огромномъ множествѣ; бывало, часа въ 2—3 набирали цѣлую телѣгу и отправлялись назадъ. Но и въ ближайшихъ лѣсахъ, не смотря на множество народу, отыскивавшаго грибы, набирали ихъ довольно; иногда, бывало, несешь на плечѣ огромный, наполненный до верху ими кулекъ, да еще въ полѣ халата, а сестры въ передникахъ, по порядочной ношѣ. По приходѣ домой тотчасъ начиналась чистка грибовъ; одни отлагались на зиму въ мочку или сушку, а изъ другихъ спѣшили приготовить какое либо кушанье. Всѣмъ намъ особенно нравились жареные грибы, подправленные сметаной, хотя они и были однимъ изъ лучшихъ слабительныхъ. За малиною приходилось ходить верстъ за 5—10; для этого уже надобно было употребить цѣлый почти день; уходили изъ дома утромъ ранѣе восхода солнечнаго, возвращались обыкновенно въ вечеру, очень утомленные и увы! иногда вовсе безъ малины, потому что ее успѣвали обобрать другіе уже. Прочія же ягоды росли въ бли-

жайшихъ лѣсахъ. Однажды при сборѣ черники со мною чуть было не случилась большая бѣда. На кочетѣ, покрытой черничникомъ, пріютилась змѣя. Замѣтивъ множество ягодъ, я присѣлъ къ кочетѣ, усердно собиралъ ихъ въ свою набирку, и неожиданно коснулся пальцами до змѣи. Къ моему счастью, вѣроятно, она спала и, испугавшись моего неожиданнаго прикосновенія, поскорѣе уползла отъ меня; въ противномъ случаѣ мнѣ пришлось бы дорого поплатиться за чернику. По правдѣ сказать, тогда я очень перепугался, но все-таки не пересталъ совершенно добровольно ходить за ягодами, потому что лѣтъ съ 14—15-ти меня за ними не посылали; но за то мои сестры, надѣясь на мою мужскую силу, всегда уговаривали съ ними ходить и защищать ихъ отъ деревенскихъ парней и дѣвокъ, которые—если не дѣломъ, то словами—любили затронуть поповенъ.

Изъ этой главы г. читатель можетъ видѣть, что мы, тогдашніе дѣти духовенства, получали не очень нѣжное воспитаніе и не сидѣли дома сложа руки, поджавъ ноги, бѣлоручками; что мнѣ и моимъ сестрамъ—дѣтямъ священника въ богатомъ селѣ, даже протоіерея и благочиннаго—въ рабочую пору нужно было трудиться почти столько же, какъ и крестьянскимъ дѣтямъ. Не хвалясь, могу сказать про себя, что я любилъ работать и изъ желанія сдѣлать пріятное моимъ родителямъ, заслужить отъ нихъ спасибо, а также и избѣгнуть выговора, и изъ нежеланія отстать отъ другихъ и быть ниже ихъ въ этомъ даже отношеніи, а также и по какому-то безотчетному увлеченію и соревнованію. Потомъ, занимаясь сельскими работами нѣсколько лѣтъ, я приобрѣлъ хорошую опытность и искусство въ нихъ. Не умѣлъ я только на стогахъ стоять и возы сѣна навивать; однажды даже заслужилъ крайнее негодованіе моего дѣдушки. Онъ меня поставилъ на стогъ, нужно было торопиться сметать его; сѣно было мелкое—вовыль; тутъ и искусный человѣкъ съ трудомъ управился бы, и потому неудивительно, что когда уже надобно было завершивать стогъ, вдругъ съ одной стороны отвалилась часть его въ нѣсколько копенъ. Дѣдушка, бывшій и безъ того не въ духѣ отъ угрожающаго дождя, пришелъ въ крайнее негодованіе и какъ я ни оправдывался тѣмъ, что я напередъ заявлялъ о моемъ неискусствѣ въ этомъ дѣлѣ, но меня не слушали, а только ругали; за то ужъ послѣ никогда не ставили на стогъ. Но въ большей части дру-

гихъ работъ я отличался ловкостію. Особенно же мастеръ я былъ молотить, класть крестцы, грести сѣно и убирать его въ копны, метать вилами сѣно на стогъ или на сушило, а также поднимать подавальницею снопы на одонье и на овинѣ, и болѣе всего — накладывать снопы на телѣгу возами. Лѣтъ съ 16-ти я, при порядочной физической силѣ, справлялся съ послѣднею работою одинъ, и укладывалъ и стягивалъ возъ. Но и тутъ не обходилось безъ бѣдъ; однажды какъ-то наклавши возъ ржи, я шелъ сзади его, не обративъ вниманія на то, что дорога сдѣлалась неровна отъ бывшихъ недавно сильныхъ дождей; лошадь еще менѣе занята была этимъ и вдругъ, когда колеса одной стороны въѣхали на порядочный бугоръ, а съ другой стороны попали въ рытвину, возъ мой полетѣлъ на бокъ. Конфузъ былъ величайшій; мѣсто паденія было на дорогѣ, да еще на горѣ; его видѣли со всего поля; тутъ еще подошелъ батюшка, побранилъ за ротозѣйничество; стали перекладывать возъ, а между тѣмъ мимоходящіе и мимоѣдущіе, кивающе главами, со смѣхомъ приговаривали: „вѣрно, возъ немножко позахмѣлѣлъ, что на бокъ повалился“. Батюшка сурово отвѣчалъ: „да вотъ молодецъ-то мой такъ ухитрился“; а же, разумѣется, какъ говорится, не зналъ куда дѣваться отъ насмѣшекъ. При другомъ случаѣ я чуть было не сдѣлался — не ближайшею, а отдаленною причиною смерти маленькаго своего брата Николая. Я любилъ съ собою брать маленькихъ братьевъ, во время возки сноповъ, на телѣгу, чтобы покатать ихъ, и, наложивши возъ, стянувши его веревкою крѣпко, такъ, чтобы верхній рядъ сноповъ поднимался съ обѣихъ сторонъ, а между ими усаживалъ ихъ, что имъ доставляло величайшее удовольствіе. У насъ было двѣ лошади, но работникъ, бывшій въ это время, не умѣлъ накладывать на телѣгу возы сноповъ. Поэтому и вѣрно было мнѣ дѣлать это, провожать лошадь до тѣхъ поръ, пока не встрѣчусь съ работникомъ, возвращавшимся съ гумна на другой, свободной лошади; мы съ нимъ ѣздили телѣгами; я ѣхалъ накладывать снопы на вновь пріѣхавшую телѣгу, а онъ провожалъ на гумно наложенный возъ, на которомъ, разумѣется, оставались посаженные братья. Работникъ, сваливши возъ на токъ, возвращался съ ними въ поле на встрѣчу мнѣ. Однажды онъ не замѣтилъ, что положенная въ телѣгу веревка, которою стягивался возъ, попала свободнымъ концомъ въ колесо, на которое она начала навиваться, и перехватила собою брата,

свалила его на дно телеги и стала прижимать къ нему. Мальчикъ закричалъ, работникъ растерялся; лошадь, бѣжавшая до того времени быстро, не останавливалась. Если бы тутъ, совершенно случайно, не шелъ батюшка и не остановилъ лошади, то брату пришлось бы умереть.

Такому работнику, какъ я, особенно когда мнѣ перешло за 16 лѣтъ, надобно было поспѣвать домой послѣ отпуска на каникулы. По окончаніи перваго года въ реторикѣ, я по дорогѣ зашелъ къ подлиповскому моему дядюшкѣ Степану Никитичу и прожилъ у него до Ильина дня, т. е. всего дня 3—4. Но когда я въ самый праздникъ пріѣхалъ домой, то былъ встрѣченъ очень непривѣтливо батюшкою и дѣдушкою. „Гдѣ это ты зажился? Развѣ не знаешь, что у насъ въ это время бываетъ много работъ?“ и пр., и пр. Послѣ уже я не дѣлалъ подобныхъ промаховъ. Родители мои и дѣдушка ожидали меня въ каникуламъ какъ надежнаго работника. Но сестрамъ мое прибытіе нравилось тѣмъ, что я, будучи порядочнымъ забавникомъ, умѣлъ своими шутками развеселять ихъ во время даже трудныхъ работъ. Нравился я своими усердіемъ и искусствомъ въ сельскихъ работахъ батюшкѣ и матушкѣ, любили и хвалили они меня за это; но дѣдушка былъ почти въ восторгѣ отъ меня, кромѣ тѣхъ, разумѣется, случаевъ, когда я досаждалъ ему своими спорами или балагурствомъ. Къ концу вакацій, то второй половинѣ августа, старался онъ бывало чуть не каждый день молотить по два овина. „Надобно при немъ, — указывая на меня, — побольше обмолотить, — говаривалъ онъ, — а то безъ него я буду какъ безъ своей правой руки“. Нерѣдко случалось, что на этомъ основаніи я и въ Рязань уѣзжалъ уже числа 5—6-го сентября. „Вѣдь тамъ вы въ это время не учитесь, — говаривалъ дѣдушка, — а шатаетесь по городу, такъ лучше побудь у насъ, да помолоти“. У старика даже однажды высказалось желаніе поскорѣе попристроить меня къ мѣсту. Въ Тумѣ умеръ дьяконъ Иванъ Пименовъ. Дѣдушка и ну предлагать батюшкѣ и матушкѣ опредѣлить меня на это мѣсто, исключивъ изъ семинаріи. „Что это вы, батюшка, вздумали, — отвѣчали ему мои родители, — вѣдь онъ учится хорошо, безъ нужды кончить курсъ; зачѣмъ же у него отнимать счастье?“ — „Ну вотъ еще, — возразилъ дѣдушка. — Вѣдь дьяконское мѣсто въ Тумѣ развѣ плохо? лучше многихъ поповскихъ. А между тѣмъ жили бы вы оба вмѣстѣ, при

одномъ хозяйствѣ; у васъ было бы на поляхъ двѣ доли: поповская и дьяконская; я бы сталъ всѣмъ завѣдывать. Сколько бы у насъ было хлѣба! Эхъ, Ванюша и невѣстка, послушайте меня; право, славно проживемъ". Но старика не послушались, и потомъ, въ болѣшему его сожалѣнію, меня послали въ академію.

Исполняя то тѣ, то другія работы, и не увидишь, бывало, какъ пройдутъ всѣ шесть недѣль каникулъ. По правдѣ сказать, чашенько приходилось возвращаться съ поля или гумна усталымъ; случалось, что иногда отъ утомленія едва доплетешься до двора, кое-какъ поужинаешь и поскорѣе заляжешь спать. Въ послѣдніе годы семинарской жизни появлялась боль въ поясницѣ не отъ гемороя, съ которымъ я тогда еще знакомъ не былъ, а оттого, что, погорячившись и не сообразясь съ силами, поднимешь слишкомъ большую тяжесть, или чересчуръ усердно молотишь, бросаешь вилами сѣно на стогъ, и пр. По окончаніи каникулъ лицо дѣлалось загорѣлымъ, принимало немножко суровый цвѣтъ, на рукахъ были слѣды многихъ мозолей. И между тѣмъ едва-ли это не самое лучшее время было для моего здоровья. Конечно, бывало устанешь, но за то какъ славно пообѣдаешь и поужинаешь. Какъ сладко заснешь и проспипь цѣлую ночь, не проснувшись, даже не поворотившись съ одного бока на другой! Разбудятъ, бывало, съ трудомъ и, проснувшись, не вѣришь, чтобы уже вся ночь прошла, что уже пора вставать; такъ и кажется, что вотъ какъ будто недавно еще легъ на постель; и между тѣмъ встаешь съ освѣжившимися силами, съ свѣтлою головою, съ здоровымъ желудкомъ. Приѣдешь въ Рязань—товарищи удивляются свѣжести и полнотѣ лица. „Эхъ ты отъѣлся и отгулялся какъ дома!—скажетъ иной шутникъ.—Вѣрно мать кормила все блинами, да лепешками". А сколько еще испытывалось душевнаго удовольствія! Тамъ скажетъ батюшка: „ну, спасибо тебѣ, Митя; ты нынѣ потрудился; безъ тебя бы намъ не управиться". О матушкѣ нечего и говорить; если не словами, то глазами она рѣдкій день не благодарила меня за труды. А тутъ самъ суровый дѣдушка, взыскательный до-нальза, вѣчно недовольный, скажетъ: „Эхъ, славный ты молодець, Митя! Поживи-ка еще у насъ; безъ тебя какъ безъ руки останешься". Потомъ, какое удовольствіе чувствуешь, какъ какая нибудь трудная, требовавшая продолжительнаго труда работа окончена; когда, напримѣръ, увидишь, что всѣ снопы пере-

везены на гумно, уложены въ одонья? Какъ пріятно было, когда послѣ обмолоченнаго овина вводишь въ амбаръ съ мѣшкомъ, мѣры въ 3—4 ржи или овса, и видишь, что закрома, которые недѣли за дѣвѣ были пусты, теперь уже наполнены, и скоро понадобится перейти въ другой амбаръ? Чувствуешь съ маленькою гордостью, что и я тутъ участвовалъ, что и моя, по русской пословицѣ, денежка не щербата, что и я не даромъ хлѣбъ ѣлъ въ каникулы. Эхъ, право, славное было время! Никогда я не бывалъ такъ веселъ, доволенъ и здоровъ, какъ тогда. Ужъ дѣйствительно, не правду-ли говорилъ дѣдушка, рекомендуя меня сдѣлать тумскимъ дьякономъ, что житье бы у насъ пошло прекрасное?

Батюшка, услышавши, что я назначаюсь въ академію, пріѣхалъ самъ за мною въ Рязань. Когда мы съ нимъ возвратились домой, уже ночью, то старикъ-дѣдушка, не смотря на свой сонъ, всталъ и пришелъ къ намъ. Благословивъ и поцѣловавъ меня, онъ съ особою интонаціею спросилъ батюшку: „ну, все ли—слава Богу?“ Батюшка съ особенною улыбкою, которой значенія я сначала не понималъ, сказалъ: „все—слава Богу, батюшка“. — „Ну,—перекрестясь, прибавилъ дѣдушка,—такъ слава Богу, а то я уже думалъ, что парень-то отъ насъ нынѣ уѣдетъ въ Питеръ“. Тутъ батюшка мой шутя сказалъ: „Да вы сами, батюшка, спросите его“. — „А что,—съ какимъ-то безпокойствомъ возразилъ старикъ.—Развѣ все покончено?“ — Покончено,—отвѣчалъ батюшка. „Такъ зачѣмъ же ты ѣдиль, вѣдь я тебѣ говорилъ: не пускай его“, продолжалъ дѣдушка. Дѣло состояло въ томъ, что старикъ не очень ясно понималъ различіе между академіями духовною и медицинскою; главное дѣло, та и другая были въ Петербургѣ, и попавшіе въ нихъ переставали уже быть сельскими жителями. Ему жалко было лишиться во мнѣ такого знатнаго работника, какимъ онъ считалъ меня. „Эхъ, жалко! вѣдь не только слѣдующую, да и нынѣшнюю ваканцію ужъ онъ не работникъ“. Впрочемъ, и батюшкѣ и матушкѣ моимъ желательнѣе было бы видѣть меня не въ петербургской, а въ московской академіи, потому что Сергіевъ-посадъ былъ недалеко отъ Тумы, и я могъ пріѣхать домой на каникулы; да и кто нибудь изъ домашнихъ заглянулъ бы, пожалуй, въ академію. А Петербургъ тогда и Богъ знаетъ какъ далеко былъ, чуть не за тридевять земель въ тридесятomъ царствѣ.

Д. И. Ростиславовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ)

ЗАПИСКИ Д. И. РОСТИСЛАВОВА

ПРОФЕССОРА СПБ. ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ.

† 18-го февраля 1877 г.

ГЛАВА XI ¹⁾.

Исполняя то тѣ, то другія работы, и не увидишь бывало, какъ пройдутъ всѣ шесть недѣль каникулъ. По правдѣ сказать, частенько приходилось возвращаться съ поля или гумна усталымъ; случалось, что иногда отъ утомленія едва доплетешься до двора, кое-какъ поужинаешь и на нары заляжешь спать. Въ послѣдніе годы семинарской жизни появлялась боль въ поясницѣ не отъ гемороя, съ которымъ я тогда еще знакомъ не былъ, а отъ того, что, погорячившись и не сообразясь съ силами, поднимешь слишкомъ большую тяжесть или черезъ чуръ усердно молотишь, бросаешь вилами сѣно на стогъ и проч. По окончаніи каникулъ лицо дѣлалось загорѣлымъ, принимало немножко суровый цвѣтъ, на рукахъ были слѣды многихъ мозолей. И между тѣмъ едвали это не самое лучшее время было для моего здоровья. Конечно, бывало устанешь, но за то, какъ славно пообѣдаешь и поужинаешь!

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1880 г., томъ XVII, стр. 1—38; 545—572; 681—704; томъ XXVIII, стр. 35—68; 179—218; 385—408.

Возобновляя въ настоящей книгѣ „Русской Старины“ печатаніе Записокъ знаменитаго публициста, по вопросамъ, до духовенства касающимся, мы печатаемъ заключительныя страницы главы XI, не вошедшія, — за недостаткомъ мѣста, — въ июльскую книгу нашего журнала 1880 г., въ которой и были прерваны Записки Ростиславова.

Ред.

Какъ сладко заснешь и проспишь цѣлую ночь, не проснувшись, даже не поворотившись съ одного бока на другой! Разбудать бывало съ трудомъ и, проснувшись, не вѣришь, чтобы уже вся ночь прошла, что уже пора вставать; такъ и кажется, что вотъ какъ будто недавно еще легъ на постелю, и между тѣмъ встаешь съ освѣжившимися силами, съ свѣтлою головою, съ здоровымъ желудкомъ. Приѣдешь въ Рязань,—товарищи удивляются свѣжести и полнотѣ лица. „Экъ ты отѣлся и отгулялся какъ дома! скажетъ иной шутникъ. Вѣрно, мать кормила все блинами, да лепешками“. А сколько еще испытывалось душевнаго удовольствія! Тамъ и скажетъ батюшка: „ну спасибо тебѣ, Митя; ты нынѣ потрудился, безъ тебя бы намъ не управиться“. О матушкѣ нечего и говорить; если не словами, то глазами она рѣдкій день не благодарила меня за труды. А тутъ самъ суровый дѣдушка, взыскательный донельзя, вѣчно недовольный, скажетъ: „эхъ, славный ты молодецъ, Митя! Поживи-ка еще у насъ; безъ тебя, какъ безъ рукъ останешься“. Потомъ какое удовольствіе чувствуешь, когда какая нибудь трудная, требовавшая продолжительнаго труда, работа окончена; когда, на примѣръ, увидишь, что всѣ снопы перевезены на гумно, уложены въ одонья! Какъ пріятно было, когда послѣ обмолоченнаго овинаходишь въ амбаръ съ мѣшкомъ мѣры въ 3—4 ржи или овса, и видишь, что закромы, которые недѣли за двѣ были пусты, теперь уже наполнены и скоро понадобится перейти въ другой амбаръ? Чувствуешь съ маленькою гордостію, что и я тутъ участвовалъ, что и моя, по русской пословицѣ, денежка не щербата, что и я не даромъ хлѣбъ ѣлъ въ каникулы. Эхъ, право, славное было время! Никогда я не бывалъ такъ веселъ, доволенъ и здоровъ какъ тогда. Ужъ дѣйствительно, не правду-ли говорилъ дѣдушка, рекомендуя меня сдѣлать тумскимъ дѣятелемъ, что житье бы у насъ пошло прекрасно?

ГЛАВА XII.

Общественная жизнь въ Тумѣ.

Во время нашего переѣзда изъ Палищъ въ Туму, въ ней считалось немного болѣе 50-ти дворовъ, но жители принадлежали къ различнымъ сословіямъ. На первомъ планѣ стояли, разумѣется, духовные, которыхъ было три священника, два дьякона и шесть причетниковъ. Потомъ, дворовъ по пятнадцати принадлежали крестья-

намъ помѣщичьимъ и экономическимъ, переименованнымъ послѣ въ государственные. Затѣмъ нѣсколько мѣщанъ и отставныхъ солдатъ имѣли собственные дворы; изъ мѣщанъ по временамъ Сазановъ записывался въ купеческую гильдію. Всѣ эти домовладыльцы могли назваться туземными жителями. Изъ духовныхъ, кажется, не было ни одного, котораго бы отецъ или тестъ, а у иныхъ дѣды и прадѣды и т. д. не были уроженцами тутошними, и, какъ выражаются духовные, не служили въ Тумѣ алтарю Господню. Мѣщане всѣ до одного происходили, иные сами по себѣ, другіе по отцамъ и дѣдамъ, отъ тумскаго же духовенства, и потому рѣдкій мѣщанскій домъ не былъ въ родствѣ, не очень отдаленномъ, съ какимъ-либо духовнымъ лицомъ. Къ нашимъ родственникамъ принадлежали Сазановы, Сиротлины и еще Дмитрій Ивановичъ, котораго фамилію не припомню. Помѣщичьи и экономическіе крестьяне, можетъ быть, были также когда нибудь въ родствѣ съ духовными, но память объ этомъ времени уже прошла. Солдатскіе же дѣти принадлежали тѣмъ бѣднякамъ, которые, пока на службѣ, принадлежатъ къ христіанскому воинству, воспѣваются поэтами, подставляютъ спину подъ палки и розги, а по выходѣ въ отставку должны влечить самую бѣдную жизнь. Нашимъ солдатамъ, тумскимъ происхожденцамъ, при помощи родныхъ, какъ-то еще удалось построить себѣ избытки съ небольшимъ дворикомъ.

Кромѣ туземнаго кореннаго населенія, смѣнялись въ Тумѣ, такъ сказать, наплывные, налетные, временные жильцы; главную ролю между ними играли повѣренные и цѣловальники по винной части. При откупщикахъ повѣренными бывали большею частію касимовскіе мѣщане или купцы. Помню одного изъ нихъ, Якова Петровича Курбатова; въ прокъ шло ему ремесло: въ Касимовѣ онъ имѣлъ каменный двухъ-этажный домъ, а самъ вѣсилъ не менѣе 10-ти пудовъ; трудненько ногамъ его было носить такое массивное тѣло. Въ короткій промежутокъ, когда при императорѣ Александрѣ I-мъ, откупа замѣнены были казеннымъ управленіемъ, живало въ Тумѣ по два повѣренныхъ отъ правительства; они, какъ и слѣдуетъ, были чиновники, ихъ благородія; обкрадывали, по заведенному изъ стари обыкновенію, казну, какъ для себя, такъ и для старшихъ надъ ними. Остались въ памяти у меня двое: Александръ Петровичъ Сторожевскій и Иванъ Степа-

новичъ,—фамиліи не припомню. Приѣхали они въ Туму, по словицѣ, голы, какъ соколы, получали жалованье вовсе не такое, какъ современные мнѣ акцизные чиновники; но черезъ годъ уже выглядывали барами, особенно Александръ Петровичъ; вскорѣ женились на помѣщичьихъ дочеряхъ, получили приданое, да прибавили свои благопріобрѣтенные капиталы и, вѣроятно, уже теперь окончили свое земное поприще, какъ говорятъ духовные проповѣдники, и опочили отъ своихъ праведныхъ трудовъ. Александръ Петровичъ даже сталъ было разводить звѣринецъ въ Тумѣ; у него была лисица, волченокъ на цѣпи и медвѣжонокъ, долго свободно разгуливавшій по улицѣ и вмѣстѣ съ нами игравшій.

О немногихъ лицахъ можно сдѣлать хорошіе отзывы. Дядюшка мой священникъ Никифоръ Мироновичъ былъ человѣкъ съ необыкновенно добрымъ сердцемъ; намѣренно, какъ говорили, онъ курицы не обидѣлъ бы; въ частной жизни за его кротость, добродушіе и простоту нельзя было не полюбить его. Но простота его бывала иногда уже слишкомъ проста. Не смотря на то, что кончилъ полный курсъ семинарскихъ наукъ въ первомъ разрядѣ, и потомъ нѣсколько лѣтъ былъ благочиннымъ, онъ слишкомъ мало отличался своимъ умомъ, — былъ простоватъ. Кромѣ того ужъ очень любилъ заниматься съ рюмочкою. И если бы не жена его, моя тетка и крестная мать, управляла имъ и домомъ, то у него все пошло бы въ разладъ. И дѣйствительно, едва тетка моя умерла, когда я уже былъ на службѣ, какъ и мужъ ея принужденъ былъ поскорѣе сдать свое мѣсто дочери, и потомъ самъ скончался несчастнымъ образомъ. Сказавши объ о. Никифорѣ, нужно ужъ встать вспомнить и объ оригинальномъ его отцѣ, заштатномъ пономарѣ Миронѣ Андреевичѣ, котораго, по примѣру дѣдушки, и мы всѣ звали сватомъ; онъ былъ сынъ описаннаго мною выше тумскаго причетника Андрея Андреевича. Какой-то древній мудрецъ сказалъ, что если весь міръ станетъ разрушаться, то мудрецъ останется спокоенъ и не сробѣетъ. Можетъ быть, и справедливо это изреченіе, но его надобно дополнить тѣмъ, что много найдется самыхъ тупоумныхъ, бездарныхъ, безхарактерныхъ людей, которые спокойнѣе всякаго мудреца станутъ глядѣть на разрушеніе вселенной. Мой милый сватушка принадлежалъ именно къ такого рода людямъ. Вѣроятно,

воспитаніе подъ кулакомъ буйнаго, безалабернаго и неумолимаго отца у него подавило умственные способности, отняло всякую самостоятельность въ характерѣ, сдѣлало изъ него самое апатичное существо, которое ничѣмъ не трогалось, не интересовалось, ничему не удивлялось, — какую-то полуоодушевленную машину, которая механически двигалась, при случаѣ говорила, и по привычкѣ кое-что дѣлала. Вотъ нѣсколько случаевъ изъ жизни этого мудреца. Однажды онъ ночью изъ овина приходитъ на дворъ. Тетка моя слышала, какъ заскрипѣли заднія ворота отъ его входа, какъ онъ потомъ, нисколько не спѣша, вошелъ потихоньку въ избу и въ темнотѣ началъ молча что-то отыскивать. Тетка, зная его странности, долго ничего не говорила, но замѣтивъ, что старикъ настойчиво чего-то ищетъ и не даетъ ей спать, спросила: ты что тутъ, батюшка?—Да такъ пришло съ сюда.—Да зачѣмъ?—Да нужно.—А что же тебѣ нужно?—Да топоръ надобно.—Зачѣмъ это?—Да овинъ загорѣлся.—Чей овинъ?—Нашъ овинъ загорѣлся.—И представьте, что всѣ отвѣты высказывались безъ всякой поспѣшности, самымъ равнодушнымъ образомъ, какъ будто на глумлѣ обстоило все благополучно. Въ другой разъ, когда горѣлъ овинъ, который онъ тоже сушилъ и грозила отъ пожара при сильномъ вѣтрѣ опасность всему селу, жители во время тушенія кричали: „да что это старый чортъ Миронъ все овины жжетъ? Вѣдь онъ когданибудь все село спалитъ. Въ огонь его“, прибавляли проказники. Старикъ испугалъ и на время припрятался гдѣ-то за растасканными снопами. Когда-жъ пожаръ началъ утихать и опасность для села миновалась, то нѣкоторые мужчины, собравшись въ кружокъ, стали пересчитывать, сколько Миронъ въ теченіи жизни своей сжогъ овиновъ, и насчитали девять. „Легко-ли, сколько онъ бѣдъ надѣлалъ?—кричали,—девять овиновъ сжогъ“. Тогда оскорбленное самолюбіе Мирона не выдержало; онъ приподнялся изъ-за сноповъ, и, подойдя къ кружку, хладнокровно сказалъ: „ну что вы врете, я вовсе не девять овиновъ сжогъ, а сего (т. е. только) семь“. Тогда поднялся въ кружку общій хохотъ. „Такъ, дядя Миронъ, ты сего семь овиновъ сжогъ“ спрашивали его насмѣшники. — „Да, спокойно отвѣчалъ Миронъ, сего семь, а вы говорите: девять, врете“. Въ другой разъ до машиніе замѣтили, что онъ прихрамываетъ на одну ногу, и на вопросъ: что это ты хромаешь? получали одинъ отвѣтъ: такъ, ни-

чего.—Да не болитъ-ли у тебя нога?—Нѣтъ, не болитъ.—Между тѣмъ видѣли, что хромота была и боль увеличивалась и, наконецъ, замѣтили, что нога оставляетъ кровавый слѣдъ. Тутъ ужъ насильно старика заставили показать ногу. Оказалось, что подошва его ноги была наколота на какой-то сучекъ, котораго кончикъ въ ней и остался; отъ этого сдѣлалось нагноеніе и открылась рана; Миронъ ходилъ лѣтомъ босикомъ, поэтому въ рану попадалъ песокъ и проч. И онъ все-таки молчалъ и даже какъ будто не ощущалъ боли, потому что въ немъ не замѣчали никакой совершенно переменъ, жалобы, или безпокойства во все время хроманья. Ногу насилу кое-какъ залечили.

Другой священникъ, Иванъ Петровичъ, кончившій курсъ семинарскихъ наукъ, былъ гораздо умнѣ моего дяди о. Никифора, но едвали не болѣе его страдалъ наклонностію къ пьянству и, какъ думали, отличался гордостію. Жилъ онъ, какъ я уже говорилъ, чисто, опрятно, побарски, не во всѣхъ работахъ участвовалъ, но и не избѣгалъ ихъ, если только былъ въ трезвомъ состояніи. Я рѣдко у него бывалъ, и то на короткое время, но соображая всѣ мои свѣдѣнія о немъ, я думаю, что онъ былъ по тогдашнему умный и даже образованный священникъ. Въ семинаріи онъ приобрѣлъ благородныя манеры, ознакомился кое-съ какими идеями, которыя не очень гармонируютъ съ должностію и жизнью сельскаго священника, но все-таки поступилъ въ духовное званіе. Сначала онъ былъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ помѣщикомъ Ивановымъ, и еще болѣе освоился съ жизнью хорошаго тона. Можетъ быть онъ еще какъ нибудь и удержалъ бы себя, но скоро сдѣлали благочиннымъ не его, а о. Никифора, а потомъ моего батюшку; съ Ивановымъ онъ разсорился; съ прихожанами брататься не любилъ, оставалось сидѣть дома и тамъ искать утѣшенія. Жена тоже была не прочь отъ рюмочки, — и вотъ, по русской поговоркѣ, пошла писать, начали пить, пить; тутъ на бѣду умеръ единственный ихъ сынъ Андрей, прекрасный мальчикъ, о которомъ мнѣ еще не разъ придется говорить; — и вотъ пили, пили, да и умерли отъ пьянства въ одинъ годъ. При другой бы обстановкѣ, особенно въ другомъ званіи и не при семинарскомъ образованіи, изъ отца Ивана могъ бы выйти прекрасный человекъ.

Оба дьякона были настоящими дьяконами, т. е. записными

пьяницами. Старшій изъ нихъ, Иванъ Григорьевичъ, кажется, даже кончилъ курсъ въ семинаріи, или вышелъ изъ богословскаго класса; былъ человекъ весьма не глупый, кроткаго, миролюбиваго и добраго характера. Другой, Иванъ Пименовичъ, сынъ того Пимена, которому, какъ я уже говорилъ, пришлось отправиться въ Сибирь за свои добрыя дѣла. Онъ былъ вовсе не злымъ человекомъ, даже добрымъ; но какіе-то размахистые, мужиковатые его приемы не располагали въ хорошему мнѣнію о немъ. Между обоими дьяконами было большое соперничество изъ-за первенства. Иванъ Григорьевичъ, какъ богословъ, считалъ себя въ правѣ занимать первое мѣсто, но, къ несчастію, не имѣлъ басыстаго голоса. Иванъ Пименовичъ не далеко былъ по ученой части, за то грубый, густой его басъ нравился мужикамъ, и онъ, поддерживаемый, такъ сказать, общественнымъ мнѣніемъ, старался отбивать первенство у своего собрата, и не успѣвши въ томъ, платилъ ему разными мелочными натяжками, сплетнями и пр. Оба они умерли, разстроивъ свое здоровье пьянствомъ.

Изъ причетниковъ мы застали только двухъ стариками: Михаила Дмитріева и Семена Степанова. Первый былъ отъявленный пьяница и кончилъ жизнь скоропостижно, гдѣ-то въ приходѣ слишкомъ уже напившись. Семена нельзя было назвать ни пьяницею, ни трезвымъ; онъ понималъ только при удобныхъ случаяхъ и порядочно напивался; но былъ добрейшій старичекъ. Остальные четыре причетника были еще молодыми; Лука Семеновъ только что женился предъ нашимъ переѣздомъ въ Туму, а Иванъ Назаровъ, Иванъ Прокофьевъ и Григорій Самойловъ были еще холостяками. Но и изъ этихъ четырехъ—Лука исключенъ изъ духовнаго званія за скандальную исторію, которую онъ затѣялъ въ пьяномъ видѣ, Иванъ Прокофьевъ умеръ отъ пьянства. Остальные двое, также какъ и Семенъ Степановъ, не могли назваться пьяницами, но еще менѣе и трезвыми людьми.

„Что же это такое?“ можетъ быть, вы, г. читатель, скажете. „Неужели все пьяницы?“ Что же дѣлать? отвѣчу вамъ, когда не было между ними ни одного вполне трезваго человека. Для полноты прибавлю еще, что изъ поступившихъ послѣ въ то же село духовныхъ лицъ священникъ Алексѣй Вихиревъ (на мѣсто Ивана Петровича), о которомъ мнѣ придется еще говорить, былъ отъявленный пьяница, но при желѣзномъ своемъ здоровьѣ, при мед-

вѣжѣею силѣ, дожилъ до старости и теперь еще (1870 г.) живъ и спасается въ Солотчинскомъ монастырѣ подъ именемъ отца Амвросія,—до обѣда трезвъ, но послѣ непременно пьянъ. Другой священникъ—зять дядюшки Никифора—Иванъ Никольскій отъ пьянства умеръ. Изъ теперешнихъ трехъ священниковъ только зять мой Евгений Доброхотовъ ведетъ трезвую жизнь, а другіе оба, хотя люди чиновные—благочинный и депутатъ—пьютъ даже иногда запоемъ. Бывшіе послѣ описанныхъ выше дьяконовъ Иванъ Семеновъ и Юраковъ отъ пьянства умерли. Изъ новыхъ дьячковъ Андрей Пименовъ (на мѣстѣ Семена) былъ пьяница. Тимофей Ивановъ, зять спившагося Михаила, мнѣ сверстникъ, уже лѣтъ пять сдаль свое мѣсто отъ постоянного трясенія въ рукахъ, происшедшаго вслѣдствіе невоздержной жизни. И теперешніе причетники, чуть ни всѣ, не могутъ быть членами общества трезвости. Вотъ вамъ, читатель, мой отвѣтъ. Батюшка мой, занимая должность благочиннаго и старшаго священника, немного протрезвлялъ причетниковъ; они его побаивались. Но не думайте, чтобы только Тума была такое пьянственное село. Мы увидимъ послѣ не разъ, что пьянство было обыкновенною слабостью духовенства.

Изъ туземныхъ лицъ другихъ сословій стоитъ упомянуть о старикѣ Гавріилѣ Сазановѣ, который, впрочемъ, вскорѣ послѣ нашего переселенія въ Туму умеръ, оставивъ двухъ сыновей Михаила и Алексѣя. Онъ былъ долго цаловальникомъ въ Тумѣ и нажилъ не только хорошій домъ, но и капиталъ. Старшій сынъ принялся было торговать, сначала хорошо, потомъ, получивъ наклонность къ водкѣ, разстроился такъ, что умеръ въ бѣдности. Экономическій крестьянинъ Леонтій Максимовъ, жившій противъ насъ, былъ типомъ ловбаго, сметливаго, оборотливаго мужика. Содержа постоянный дворъ у себя, онъ умѣлъ такъ къ себѣ привлечь проѣзжихъ, что въ лѣтнее время только онъ одинъ и содержалъ постоянный дворъ, а для зимы мало по малу выстрогалъ себѣ три дома и они чуть не каждый день были полпехоньки проѣзжими. Но живя открыто, будучи хлѣбосоломъ и имѣя знакомство съ помѣщиками и чиновниками, которые у него много пили и ѣли, но мало платили, онъ умеръ, оставивъ четверыхъ сыновей и небольшой капиталъ, такъ что въ первый же рекрутскій наборъ одинъ изъ сыновей его поступилъ въ солдаты. Помѣщикій крестьянинъ Василій Тимофеевъ, вѣчно занятый и сгорб-

ленный, былъ образчикомъ трудолюбиваго и неутомимаго мужа, который безъ всякихъ торговыхъ предпріятій, безъ всякаго, ремесла, обработываніемъ одной земли и строгою экономіею, умѣлъ нажить деньжонокъ. Другой помѣщичій крестьянинъ, по прозвищу Волыхъ, извозомъ разбогатѣлъ, слылъ очень дѣльнымъ и честнымъ человѣкомъ, имѣлъ около 80 лѣтъ и огромную шишку на глазу, и былъ еще бодрымъ старикомъ. Мѣщанинъ Ермилъ, бывши долго цаловальникомъ, приобрѣлъ порядочный запасъ деньжонокъ, и жилъ одинъ-одинешенекъ. Старикъ былъ суровъ и по взгляду, и по характеру, нелюдимъ, лицо его почти все закрывалось густою бородою; вѣроятно, по всему этому его звали медвѣдемъ. У него была вѣчная война съ нашими ребятишками. Едва бывало покажется старикъ на улицѣ или сядетъ у воротъ, какъ мальчишки провожаютъ или окружаютъ его и начинаютъ сначала тихонько и отрывчито поговаривать: „дядюшка Ермилъ—медвѣдь“. Старикъ осердится, вздумаетъ насъ ловить, мы разбѣгаемся и уже кричимъ что есть силы: Ермилъ — медвѣдь! Ермилъ—медвѣдь. Надобно правду сказать, что если кто изъ насъ попадался въ его медвѣжьи лапы, то ему доставалось, по поговоркѣ, на орѣхи. Былъ еще старикъ лѣтъ 70—80, помѣщичій крестьянинъ, по прозвищу Мурганъ. Про него были достовѣрныя преданія, что онъ въ старину промыслялъ не только воровствомъ, но и разбоемъ; даже не одно челоуѣкоубійство должно было лежать на его совѣсти; и въ послѣднее время справедливо подозрѣвали, что домъ его служилъ хоть временнымъ притономъ воровъ и бродягъ. Посмотрѣвши на него, поневолѣ повѣришь всѣмъ разсказамъ о немъ. Мужикъ высокій, широкоплечій, съ суровымъ выраженіемъ лица, съ звѣрскимъ почти взглядомъ, съ гордою выступкою,—онъ очень похожъ былъ на разбойника; встрѣчаясь съ нимъ, бывало, боишься вблизи него пройти.

Описанныя мною лица извѣстны были своими житейскими и еще, такъ сказать, естественными качествами. Но въ большомъ селѣ православнаго русскаго царства нельзя же было обойтись и безъ сверхъестественныхъ силъ, безъ людей, которые имѣютъ тѣсныя сношенія съ адожителями, словомъ сказать—безъ колдуновъ. На первомъ мѣстѣ стоялъ мѣщанинъ Гаврило Хормашовъ, старикъ добрый, привѣтливый и ласковый; кажется, никто отъ него обиды не видалъ; и между тѣмъ всѣ почти были увѣрены,

что онъ страшный колдунъ, заговариваетъ урожай хлѣба, обращаетъ людей въ животныхъ, присаживаетъ килы, поселяетъ въ бабахъ демоновъ и пр. Причина всѣхъ этихъ сказокъ заключалась едва ли не въ томъ, что у него были густыя навислыя брови, изъ-подъ которыхъ выглядывали, почти сверкали, выразительные, живые глаза. „Смотри-ка, родимая, говаривала какая либо кумушка своей сосѣдкѣ, у Хормашова-то глаза сверкаютъ, какъ горячіе угли, какъ будто чортъ въ нихъ подблудываетъ огонь“. И бѣжимъ, бывало, мы отъ этого страшнаго человѣка. Послѣ его смерти большинство сельскихъ жителей, не шутя, поговаривало, что нужно ему въ задъ вколотить осиновый колъ; это считалось вѣрнѣйшимъ пресервативнымъ средствомъ къ тому, чтобы колдунъ послѣ смерти не выходилъ изъ могилы и не беспокоилъ живыхъ. И когда священники не захотѣли принять это предложеніе, то и ихъ заподозрили или въ потачкѣ Гаврилѣ, или во взяткѣ, полученной отъ его сына. Другой колдунъ — былъ жившій противъ насъ экономическій крестьянинъ Гаврило Сидоровъ. Старичокъ любилъ выпить, но былъ едва-ли еще не добрѣе своего тѣска Хормашова, и все-таки слылъ колдуномъ. Ему, впрочемъ, не приписывали никакихъ дѣйствій, вредныхъ для другихъ, а только вѣрили, что рѣдкую ночь не прилетаетъ къ нему змѣй горынычъ, принося съ собою множество молока и наливая имъ кувшины, которые должны были быть поставлены въ избѣ па кутнѣ. И если бы, по оплошности, кувшины не были поставлены, то змѣй, прилетѣвши и не найдя на назначенномъ мѣстѣ посуды, куда бы слить принесенное молоко, принимался колотить Гаврилу. Но змѣй принашивалъ кромѣ молока и другой вещи, даже деньжонки. Если по-утру коровы у сосѣдей давали немного молока, то это значило, что змѣй Гаврилинъ ихъ выдоилъ и отнесъ молоко своему пріятелю. Изъ сосѣдей никто ни за что не биралъ взаимны молока изъ дома Гаврилы: „возьми-ка, — говаривали, — можетъ быть, это чортово молоко“. Утромъ кумушки бывало перешептываются: „а слышали, что нынѣ къ Гаврилѣ змѣй прилеталъ, Марья видѣла сама, какъ надъ дворомъ его окаянный весь разсыпался искрами; а вчера Аграфена, бывши у нихъ, сама видѣла разставленныхъ на кутнѣ шесть большихъ пустыхъ кувшиновъ, приготовленныхъ для молока“. — „Экія страсти, подхватывали кумушки, долго-ли еще проживетъ этотъ старый чортъ?“ — И если старикъ,

бывало, захирѣть, и особенно станетъ жаловаться на боль въ поясницѣ, то по селу разносится молва, что въ прошлую ночь ему досталось отъ змѣя: забылъ-де поставить кувшины. Смотри-ка, вчера былъ здоровехонекъ, а нынѣ съ печи не слѣзеть; досталось же ему. Впрочемъ и по смерти Гаврилы змѣй продолжалъ еще летать къ его зятю Сергѣю и дочерѣ Аграфенѣ. „Откуда же у нихъ берутся деньги? разсуждали тумскіе философы. Вѣдь ничего не дѣлають, пичѣмъ не промышляють, а всего вдоволь. Кто же имъ поситъ, какъ не Гаврилинъ змѣй?“ Послѣ дѣло разъяснилось; почтенный Сергѣй, вѣроятно, не получая отъ змѣя должныхъ вспоможеній, самъ приворовывалъ. Наконецъ, кромѣ двухъ колдуновъ, была одна колдунья—Дарья, жена экономическаго крестьянина Антона Синцова. У этой была своя специальность. По словамъ сосѣдей ея, которымъ, разумѣется, вѣрила большая часть сельскихъ жителей, ночью предъ наступленіемъ грозы, когда начинали уже раздаваться отдаленные раскаты грома, Дарья растворяла настежъ ворота и, похаживая подъ ихъ навѣсомъ, говорила: ти, ти, ти, звуки,—которыми подзываютъ къ себѣ курь. Это вотъ что значило, и дѣдушка мой, какъ я уже сказалъ, вѣровалъ и исповѣдывалъ, что во время грозы Илья пророкъ, возсѣдая на огненной колесницѣ, охотится на чертей своими калеными стрѣлами. Черти, спасаясь отъ своего страшнаго врага, ищутъ уютныхъ мѣстечекъ, гдѣ бы можно было укрываться, но, вѣроятно, перепуганные, растерявшіеся бѣгаютъ очертя голову и не могутъ находить сами надежныя убѣжища. Въ эти-то критическія минуты преданные имъ колдуны отворяютъ настежъ ворота и своими ти, ти, ти приглашаютъ преслѣдуемыхъ бѣдняковъ укрыться у нихъ. Разумѣется, цѣлый легионъ ихъ налетаетъ. Дарья подобнымъ пристанедержательствомъ и занималась. Бѣда, если она послѣ грозовой ночи просыпала и опаздывала выгонять во время коровъ. „Смотри-ка, говаривала кумушка другая, вѣдь Дарья-то еще не выгоняла скотины!“ — „Отдыхаетъ родимая, отвѣчаетъ подруга; вѣдь нынѣ всю ночь громъ гремѣлъ, надобно было гостей принимать; теперь спать еще“. И всѣ принимаютъ хохотать.

Кстати уже сказать, что кромѣ недобрыхъ людей въ Тумѣ, были близъ нея и недобрыя мѣста. Самое важное изъ нихъ находилось въ верстѣ, не далеко отъ деревни Кабановой, на ручей-

кѣ, часто пересыхавшемъ и вытекавшемъ изъ болота, называемаго Соловьевымъ. Чрезъ ручей былъ мостъ, подъ которымъ-то особенно и укрывались черти. Однажды мои сестры и купленная прислуга, возвращаясь ночью съ рѣчки Нармы, гдѣ онѣ мыли бѣлье, пріѣхали домой въ крайнемъ ужасѣ. Всѣ онѣ въ испугѣ рассказывали, что ими на Соловьевскомъ болотѣ чуть было черти не завладѣли. Подобныхъ рассказовъ повторялось множество въ позднѣе время. Далѣе, впрочемъ, объяснялось очень просто. Подъ мостъ забирались обыкновенно на ночь отставшія отъ стада овцы, а иногда и свиньи, и тамъ успокоивались. Теперь вдругъ ночью кто либо поѣдетъ по мосту на телѣгѣ; произойдетъ стукотня; временные квартиранты подъ нимъ просыпаются, выбѣгаютъ кучею изъ подъ него; лошадь пугается и бѣжитъ сломя голову, а люди, съ испуга, не разсмотрѣвши ничего, пріѣхавъ въ село, рассказываютъ съ ужасомъ: „насилу-то насъ спасъ Богъ на Соловьевомъ болотѣ; вѣдь цѣлая ватага выскочила изъ подъ моста и гналась за нами, да слава Богу лошадь ускакала“, или: „мы угодника Николая Чудотворца умолили; онъ, должно быть, отогналъ обаянныхъ“.

Среди этихъ-то людей, а также и чертей, пришлось намъ жить. Батюшка и матушка вели хлѣбъ-соль съ духовными, но не со всѣми одинаково; дядюшка Никифоръ и дьячекъ Иванъ Назаровъ были къ намъ самыми близкими людьми; послѣдній тоже—намъ родственникъ. Изъ крестьянъ и мѣщанъ бывали въ гостяхъ мои родители у Сазановыхъ, Сиротининыхъ и Леонтыя Максимова. Батюшка мой особенно былъ коротко знакомъ почти со всѣми повѣренными; нѣсколько, а иногда и вполне свѣтская ихъ жизнь привлекала его къ себѣ гораздо болѣе, нежели грубоватое житиѣ-бытѣ односельчанъ. Сдѣлавшись довольно взрослымъ, и я хаживалъ въ гости вмѣстѣ съ батюшкою и матушкою, но у повѣренныхъ не любилъ быть и почти вовсе къ нимъ не ходилъ; у духовныхъ, у мѣщанъ и крестьянъ мнѣ было какъ-то свободнѣе, нежели у ихъ благородій. Но въ дѣтствѣ, ранѣе 14—15 лѣтъ, да и послѣ того, мнѣ тоже нужно было знакомство съ своими сверстниками, съ которыми могъ бы побѣгать, поиграть и повеселиться.

Въ селѣ у духовныхъ было достаточное количество сыновей, почти моихъ однолѣтокъ, именно у дядюшки Никифора—Ваня, у о. Ивана—Андіюша, у дьякона Ивана Григорьевича—Акимъ, у

дядька Михайлы—Василій, котораго волосы отличались краснымъ, огненнымъ цвѣтомъ. Но двоюродный мой братецъ былъ страшный забіяка, шалунъ, лакомка, любилъ даже при случаѣ и денежки у отца взять, чтобы купить на нихъ пряникъ или калачъ; съ нимъ и самому мнѣ не хотѣлось, да и мои родители не совѣтовали очень дружитья. Андрюша былъ прекрасный мальчикъ, но отецъ не позволялъ ему часто выходить на улицу, почти постоянно держалъ въ горницѣ; въ училищѣ мы съ нимъ сдѣлались короткими пріятелями. Притомъ Ваня и Андрюша не долго жили. Акимъ былъ глуповатъ для тогдашней науки, отдавъ былъ отцомъ въ Рязань къ одному купцу въ лавку прикащикомъ и послѣ сдѣлался купцомъ. Василій Красный жилъ на другомъ концѣ села и на нашъ конецъ рѣдко приходилъ. Такимъ образомъ мнѣ пришлось сдружиться съ мѣщанскими, солдатскими и крестьянскими дѣтьми. Задушевными пріятелями моими были Елисей или Лиска, сынъ солдата Симакова, Герасимъ—сынъ мѣщанина Давыда Степановича, Ермолай—сынъ крестьянина Леонтыя Максимова, Иванъ Базянинъ тоже крестьянскій сынъ и пр. Изъ нихъ Елисей и Ермолай послѣ служили въ гвардіи, одинъ въ литовскомъ и другой въ кавалергардскомъ полку и хаживали ко мнѣ, когда я уже профессорствовалъ; особенно Ермолай,—онъ нерѣдко пивалъ у меня чай и даже обѣдывалъ. Батюшкѣ и матушкѣ не совсѣмъ нравились мои знакомства. „Что тебѣ бы не сидѣть дома, какъ Андрюша? Вотъ такъ мальчикъ! не то, что ты“. Или: „зачѣмъ ты все связываешься съ мужицкими дѣтьми; ты бы пошелъ къ Андрюшѣ и съ нимъ посидѣлъ“. Но моя горячая, живая натура требовала не сидѣнья, а бѣгання въ запуски. Конечно, отъ своихъ пріятелей-плебеевъ я, можетъ быть, и немногому научился; но зато въ нихъ самихъ и изъ ихъ разсказовъ объ ихъ семействахъ я съ дѣтства ознакомлялся, какъ нельзя лучше, съ бытомъ нашего простаго народа и полюбилъ его; и это, право, мнѣ было очень полезно и не позволило во мнѣ развиться сословной спѣси.

У сестеръ моихъ тоже были свои подруги, которыхъ, впрочемъ, не легко было находить между духовными; потому что почти только у моего дяди и были дочери, однолѣтки съ моими сестрами. Вотъ почему и имъ пришлось искать подругъ себѣ между крестьянскими и мѣщанскими дочерьми.

Въ будничные дни я еще имѣлъ возможность послѣ часовника

и псалтыря и другихъ ученыхъ занятій, и даже послѣ работъ, на ходить часочекъ другой, чтобы вечеромъ или въ обѣдъ побѣгать съ своими пріятелями. Сестрамъ же въ эти дни рѣдко удавалось выходить изъ дома на улицу, развѣ только у воротъ посидѣть съ пальцами, или съ другою работою. Зато праздничные и воскресные дни насъ уже не удерживали дома. Тума была село веселое и жители ея любили: старые—попить, а молодые—попѣть и поѣзвиться. Главное собраніе молодёжи мужской и женской происходило почти противъ нашего дома. Можно, конечно, было видѣть и слышать все дома, но, извините, усидѣть никакъ нельзя было.

Праздничныя удовольствія были неодинаковы, смотря по временамъ года. Во всю пасхальную недѣлю занимались только звономъ въ колокола на колокольнѣ, катаніемъ яицъ мячикомъ, прятаніемъ ихъ на небольшія кучки и пр., по нѣчто не смѣлъ, какъ говорится, разинуть рта для пѣсень. И еслибы какой либо либераль или либералка осмѣлились на такой поступокъ, то ихъ сочли бы чуть не безбожными, по крайней мѣрѣ, нехристями. Но въ Фомино воскресенье пропраздѣдовскими обычаями уже разрѣшалось пѣть пѣсни. Дебютъ ихъ открывался такъ называемыми хоровыми пѣснями. Опишу нѣкоторыя изъ нихъ. Становились обыкновенно въ кружокъ дѣвицы и молодыя женщины, и каждая бралась за руки двухъ своихъ сосѣдокъ и начинали пѣть пѣсни и ходить по хороводу. Вскорѣ начиналось мимическое представленіе, нѣчто въ родѣ, пожалуй, балета или оперетки, съ хоромъ, только безъ музыки. Выступали на среду круга какая либо бойкая бабенка или взрослая дѣвица; имъ надобно было разыгрывать роль жениха или невесты. Если требовалось первое, то брали у кого либо изъ близъ сидѣвшихъ и стоявшихъ мушкетъ шляпу или фуражку, которую и надѣвала на себя молодица, вышедшая въ средину круга. Въ пѣсни выражалось желаніе жениха поприсвататься къ какой либо дѣвушкѣ; и вотъ когда всѣ общимъ хоромъ поютъ и распѣваютъ, молодица подходитъ къ какой либо дѣвицѣ, скидаетъ шляпу и кланяется, прося ее выйти къ нему. Разумѣется, происходятъ отказы; иногда приходится скинуть шляпу предъ двумя, тремя и болѣе дѣвицами. Когда же, наконецъ, появится въ кругу уже парочка, то, взявшись за руки, похаживаютъ, а хоръ начинаетъ пѣть о томъ, чтобы имъ просить позволенія или погулять, или даже повѣнчаться у отца, матери, бра-

та, деверя и пр. Въ такомъ случаѣ кругъ трогается съ мѣста, подходитъ къ сидящимъ мужчинамъ и женщинамъ, развертывается, а изъ него выпедшая пара падаетъ какому либо пожилому чело-вѣку въ ноги, а хоръ въ то время поетъ: отпусти меня, родной, или благослови меня, родной. Разумѣется, старикъ, немножко по-медливъ, отпускалъ и благословлялъ. Хороводъ отходилъ и вновь устраивался; перемѣнялся припѣвъ и прежнимъ порядкомъ отправ-лялись къ какой либо пожилой женщинѣ, и ее тоже принимались просить отпустить и благословить. Очередь доходила до брата, до деверя и пр., тутъ уже выбирались молодые люди. Когда я былъ взрослымъ семинаристомъ, приходилось мнѣ разыгрывать роль та-кихъ братцевъ и деверей, особенно же отдавать свой картузь, чтобы имъ накрыть голову жениха женскаго рода. Иногда одна невѣста начинала въ кругу ходить и выбирать себѣ жениха; для этого подходили къ молодымъ ребятамъ, и если который либо не соглашался, то его насильно вталкивали въ кругъ; тогда опять начинались описанныя или подобныя имъ церемоніи.

Эти хороводныя пѣсни пѣлись каждый праздничный и вос-кресный день, даже не по одному разу. Но у тумскихъ молодыхъ была еще драматическая хороводная пѣсня воинственнаго со-держанія. Ее пѣвали только раза два-три въ годъ; она имѣла названіе подъ Казань-городъ. И въ самомъ дѣлѣ, въ ней въ стихахъ народнаго рифма и тономъ хороводныхъ пѣсенъ опи-сывали походъ Іоанна Грознаго для взятія Казани. Дѣвицы и молодицы устанавливались въ огромный кругъ, не только пѣли, но и маневрировали. Не мѣсто здѣсь описывать эти маневры, которыхъ сущность состояла въ томъ, что въ одномъ мѣстѣ круга дѣлался проходъ, надъ которымъ двѣ высокихъ молодыя женщины держали свои руки, и сквозь эти-то клавдинскія ущелья весь хоровод долженъ былъ пройти, не разрывая круга. Такимъ образомъ, распѣвая и маневрируя, или лучше — дѣлая то и другое вмѣстѣ, хороводъ подвигался медленно впередъ. Затѣмъ выстроившись въ нѣсколько рядовъ, шла молодежь мужскаго рода, иногда вооруженная колыями, жердями, палками, всѣмъ, что по-падалось подъ руку. Она тоже принимала по временамъ участіе въ хорѣ; останавливались, подвигались и проч. Потомъ цѣлый, такъ сказать, сонмъ мальчишекъ и дѣвочекъ забѣгали впередъ хоровода, или кружились около него, вбѣгали между рядами

мужскаго пола, или изъ подражанія составляли тоже свои воинственные строи. Наконецъ, пожилые и даже старые мужчины и женщины тоже поднимались съ своихъ мѣстъ и, сказавши: „зачѣмъ намъ нейти подѣ Казань-городъ? вѣдь мы тоже въ молодости ходили“,—тянулись за всѣми. Само духовенство не рѣдко шествовало съ почетными стариками. И вотъ вся эта толпа, чело-вѣкъ въ 100—150, постоянно увеличиваясь, двигалась съ одного конца на другой и доходила до околицы. Тутъ пѣвался какой-то побѣдный гимнъ, и потомъ возвращались съ побѣдою по домамъ. Обыкновенно, подѣ Казань-городъ ходили въ вечеру; это уже послѣднее дневное увеселеніе, длилось оно часъ и болѣе, и потому возвращеніе уже происходило почти всегда ночью. Въ другіе праздники отцы и матери засвѣтло сзывали дѣтей съ улицы домой для ужина;—но когда бывало подѣ Казань-городъ, тутъ никого уже не тревожили, а старики, не участвовавшіе въ походѣ, сидѣли дома, дожидаясь молодыхъ. И насъ, возвратившихся изъ подѣ Казани города, встрѣчали только съ улыбкою и словами: „ну что, взяли-ль Казань-городъ? Садитесь-ка ужинать, а то въ походѣ-то устали. Вѣдь дорога дальняя“. И мы, разумѣется, весело принимались за ужинъ, какъ будто точно были подѣ Казанью-городомъ. Но всѣ хороводныя пѣсни и гимны подѣ Казань-городъ могли быть распѣваемы только до Троицына дня. Послѣ него, даже въ Духовъ день, запѣть одну изъ нашихъ пѣсенъ и дома—считалось грѣхомъ, своего рода ересью. На какомъ древне-бабьемъ соборѣ составилъ подобный законъ—я не знаю, но соблюдался чрезвычайно строго; отступленія отъ него я встрѣчалъ иногда только на свадебныхъ пирушкахъ у духовенства; тутъ въ упоеніи забывали наряду съ другими и эти каноническія правила. Троицынъ день, которымъ заканчивались хороводныя пѣсни, замѣчателенъ былъ еще другимъ ежегодно повторявшимся событіемъ. Къ нему приготовлялись за три дня, въ такъ называемый семякъ. Въ этотъ день—четвергъ, дѣвицы, выпросивъ у своихъ матерей и бабушекъ по нѣскольку яицъ, однѣ, безъ молодцовъ и даже маленькихъ мальчиковъ, отправлялись въ какой-либо лѣсъ и тамъ по разнымъ мѣстамъ прятали яйца. Въ Троицынъ день каждая почти мать заготавливала для своихъ дочерей кушанья, напимѣръ, драконы, блинчики, пирожки, масло, и проч. Дѣвицы собирались густок

толпою, къ которой уже разрѣшалось присоединиться и молодежи мужскаго рода. Вся толпа съ громкими и веселыми пѣснями отправлялась въ лѣсъ, дѣвушки отыскивали спрятанныя яйца, потомъ всѣ принимались изъ березовыхъ вѣтвей и изъ цвѣтовъ свивать вѣнки; позакусивши, или лучше, истребивши все принесенное съѣдомое,—для чего приглашались всѣ присутствующіе,—возвращались съ вѣнками на головахъ и съ пѣснями въ село, гдѣ встрѣчали ихъ старики и старухи. И потомъ ужъ до глубокой ночи пѣли безъ умолку хороводныя пѣсни и заканчивали почти всегда походомъ подъ Казань-городъ.

Но и безъ хороводныхъ пѣсень, веселый тумскій народъ умѣлъ повеселиться. Между жителями, конечно, не много было богачей, но мало и бѣдныхъ; кто своими трудами и промыслами, кто плутовствомъ и воровствомъ,—всѣ добывали себѣ деньжонки, у всѣхъ доставало ихъ на хлѣбъ и кашу, и потому сытые всегда были веселы. Пѣсни раздавались на улицѣ каждый праздникъ и послѣ Троицына дня, только не хороводныя, но чисто старинно-русскія съ своимъ пріятно-заунывнымъ, или залихватски-разгульнымъ напѣвомъ. Голоса попадались отличные, особенно у женщинъ и дѣвицъ; мужицкія грубыя ухватки въ пѣніи, отъ своего рода цивилизаціи, оставались; пѣвали не для того только, чтобы перекричать другъ друга; образовывался свой музыкальный тактъ, который заставлялъ если не заботиться о гармоніи, то замѣчать безладіцу и избѣгать ее. Не только старики-старожилы, но напльвыные повѣренныя съ ихъ городскими жонами и проч., слушали пѣсни съ удовольствіемъ и обдаривали пѣвицъ орѣхами и другими лакомствами; только ночь родимая, да голосъ матерей, зовущихъ къ ужину, разгоняли пѣвцовъ и пѣвицъ.

Были и кромѣ пѣсень разныя развлеченія въ праздники. Мальчишки играли въ такъ называемыя пашки, или бабки, въ которыхъ я никогда не былъ счастливъ, и потому бросилъ играть въ нихъ еще съ молоду. Потомъ и малые и большіе игравали въ градѣи; въ этой игрѣ принимали участіе не только дѣтки, но иногда и священники; проигравшіе должны были возить на себѣ побѣдителей, — такъ поступали тѣ, у кого лишнихъ денегъ не было; а народъ побогатѣе, постепеннѣе игралъ на пиво, которое послѣ каждой игры покупалось побѣжденными, но распивалось ими и побѣдителями. Общими играми для молодежи того и другаго

пола служили качели и горѣлки. Качели, высотой до 3—4 сажень, ставились собственно для Пасхи, но оставались не только до Троицына дня, но и до осени, если только какой либо благодѣтель оборвавшуюся веревку замѣнялъ новою. Отъ качелей не отказывались и солидные жители села. Качались обыкновенно двоякимъ образомъ: или въ одиночку, или кучею. Въ первомъ случаѣ на веревку клали небольшую досчечку, на которую и садился кто нибудь. Тогда два качальщика особою веревкою, середина которой падала на веревку качелей, раскачивали сѣдока, и подбирали иногда очень высоко. Въ другомъ случаѣ, на веревку внизу накладывалась доска, по концамъ которой становились по одному человѣку; они-то и были качальщиками и качающимися вмѣстѣ; на доску садились еще 2—4 человѣка. Если стоящіе по краямъ были сильные люди, то доски поднимались очень высоко, принимали положеніе почти вертикальное, и потомъ быстро неслись внизъ и поднимались на такую же высоту на другой сторонѣ. Тутъ бывали и шуточки, имѣвшія иногда не очень хорошія послѣдствія. Когда въ срединѣ сидѣли дѣвицы и женщины, то стоявшіе по краямъ молодцы, чтобы позабавиться испугомъ ихъ, потопывали ногами своими о доску. Веревка и безъ того должна была держать тяжесть въ 12—15 пудовъ, иногда уже гдѣ нибудь незамѣтно перетиралась; пристукиванье усиливало тяжесть и веревка обрывалась; разумѣется и шалуны, и застрашенные всѣ летѣли внизъ на землю. Я самъ однажды смастерилъ такую штуку, бывши уже въ философіи. Мнѣ хотѣлось постращать сидѣвшую на доскѣ двоюродную сестру Прасковью Никифоровну, и я принялся съ усердіемъ семинариста стучать ногою въ доску; товарищъ мой на другомъ концѣ мнѣ вторилъ; намъ кричали, что веревка плоха уже, что оборвется; но какъ отстать отъ своей шалости? И вдругъ веревка подъ доскою оборвалась; самъ я не понимаю, какимъ образомъ крѣпко схватившись за веревки, удержался на воздухѣ, но мои товарищи всѣ полетѣли на землю и порядочно убились, такъ что нѣкоторыхъ нужно было отвести домой. За эту шалость мнѣ порядочно досталось дома. Игра въ горѣлки начиналась, когда пѣсни прискучивали, или ихъ некому было пѣть. Въ этой игрѣ я, будучи быстръ на бѣгу, отличался; матушка моя, когда я пріѣхалъ къ нимъ изъ Петербурга, гова-

ривала мнѣ: въ горѣлкахъ ты бывало какъ коршунъ налѣтаешь на тѣхъ, кого хочешь поймать.

Была еще въ Тумѣ, такъ сказать, мокрая потѣха. Она иногда разыгрывалась въ понедѣльникъ пасхальной недѣли. По неписанному кодексу каноническихъ деревенскихъ правилъ полагалось купать всякаго мушину, который не былъ у заутрени въ этотъ день, особенно если онъ принадлежалъ къ духовному знанію. Однажды мы оба съ дѣдушкою проспали заутреню. Батюшка вздумалъ подшутить надъ старикомъ и подговорилъ дьячка закричать на дворѣ: несите воды купать отца Мартина и Дмитрія Ивановича. Услыша эти страшныя слова (а встати утро было холодное), мы рѣшились искать спасенія въ подпольѣ, куда былъ прямой ходъ изъ избы. Батюшка, узнавши объ этомъ, подошелъ молча къ двери, которая вела въ подполье со двора и началъ въ нее стучать и молча прорываться. Мы съ дѣдушкою уперлись въ нее и употребляли всѣ возможные усилія, чтобы она не отворилась. Батюшка не могъ удержаться отъ смѣха; тогда и дѣдушка догадался о шуткѣ, и мы вылѣзли изъ подполья. Но былъ другой день, въ который по тому же неписанному кодексу нужно было всѣхъ до одного искупать, т. е. облить водою съ ногъ до головы; — это 1-е число августа, извѣстное въ деревняхъ подъ названіемъ мокраго спаса. Купанье начиналось тотчасъ послѣ обѣда мальчиками, къ которымъ мало-по-малу присоединялись бобы и болѣе взрослый народъ; и наконецъ обращалось во всеобщее обливанье. Если кто безъ сопротивленія отдавался въ руки, то на него выливали не болѣе ведра. Но если кто-либо долго сопротивлялся и его трудно было добыть, ну тогда извини: лились десятиковъ и болѣе ведеръ, иногда же клали въ колоду, которую и наполняли водою. Въ началѣ нашего житія самые священники не освобождались отъ этого, но имъ позволялось откупаться штофомъ, или двумя пива. Затѣмъ ихъ уже и нѣкоторыхъ почетныхъ стариковъ и старухъ не трогали, а прочіе всѣ были обливаемы водою. Случалось, что запертаго гдѣ-либо въ горницѣ добывали, выставляя снаружи окно. Въ послѣднее время я старался избѣгать этого обливанья и посматривалъ на него изъ окна хоромъ нашихъ. Въ такомъ случаѣ усердные купатели старались неожиданно обдать меня водою, плеснувъ ее съ размаху изъ ведра, а другіе караулили часа по два у двери съ тѣмъ, чтобы, если

я выйду, тотчасъ меня подхватить подъ руки. Пригонъ стада изъ поля прекращалъ всю затѣю; тогда передавали мокрое платье и бѣлье и являлись на улицу сухими.

Утѣшали себя пѣснями и въ зимнее время, но мало; русскій морозъ требовалъ болѣе сильныхъ движеній, чтобы быть теплыми. Большею частію выводились одни, или нѣсколько саней, молодежь раздѣлялась на двѣ партіи и попеременно другъ друга возила вдоль села. Ребятишки довольствовались для этого салазками, на которыхъ могло усаживаться человѣка 2—3. Къ масляницѣ, а иногда и ранѣе, устраивали гору болѣе или менѣе высокую и катались съ нея, кто стоя на ногахъ, кто на салазкахъ, кто на своемъ платьѣ и проч.

Придумывалось много и другихъ игръ лѣтомъ и зимою; вообще, повторяю, народъ въ Тумѣ былъ веселый и скучать не любилъ. Святочныя игры при нашемъ переѣздѣ сильно были въ ходу подслушивали у оконъ, болѣе смѣлые ходили къ банямъ, овинамъ, церкви; бросали башмаки чрезъ ворота; приносили въ избу сонныхъ куръ и подчивали ихъ зернами, и проч. и проч. Но послѣ, не знаю отчего, почти совершенно всѣ эти забавы оставлены; въ нашемъ семействѣ они продолжались пока еще принадлежалъ къ нему дядюшка Василій Мартиновичъ.

Д. И. Ростиславовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЗАПИСКИ Д. И. РОСТИСЛАВОВА

ПРОФЕССОРА СПБ. ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ.

† 18-го февраля 1877 г.

ГЛАВА XIII ¹⁾.

О томъ, какъ духовныя лица ходили по приходу въ святки.

Въ Индіи, гдѣ такъ глубоко укорѣнилось раздѣленіе народа на касты, естественно каждому отцу съ малолѣтства приучать своихъ дѣтей къ тому ремеслу, которое предназначено ему самою судьбою.*

Какъ только руки дѣлаются способными дѣйствовать, сынъ портнаго принимается за иголку, сынъ кузнеца за молотокъ и, совершенствуясь болѣе и болѣе, усваиваютъ себѣ вполнѣ искусства шить платье и ковать желѣзо. И у насъ весьма нерѣдко замѣчаются подобныя явленія. Крестыяннинъ большею частью приучаетъ своего сына исполнять тѣ же самыя работы, которыя ему доставляютъ хлѣбъ и способы платить оброки и подати; купецъ своего сына водить въ лавку и тамъ на словахъ и на дѣлѣ показываеъ какъ надувать довѣрчивыхъ покупателей. Различіе отъ Индіи у насъ состоитъ въ томъ, что по уничтоженіи крѣпостнаго права всякій отецъ можетъ приготовить сына къ какому угодно занятію, и всякому взрослому человѣку нынѣшній законъ не запрещаетъ перемѣнить свое ремесло.

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1880 г., томъ XVII, стр. 1—33; 545—572; 681—704; т. XXVIII, стр. 35—68; 179—218; 335—408; изд. 1882 г., т. XXXIII, стр. 67—86.

Духовенство наше, подобно жителямъ Индіи и нашихъ деревень и городовъ, тоже съ малолѣтства, по крайней мѣрѣ въ очень недавнія времена, любило приучать своихъ сыновей къ отцовскому, такъ сказать, ремеслу, готовить къ тому, чтобы они, выросши, сдѣлались попами или дьяконами и причетниками. Да развѣ можно осуждать духовенство за это? сказали-бы мнѣ многіе изъ современныхъ моихъ священно-и церковно-служителей. Развѣ дурное дѣло съ малыхъ лѣтъ воспитывать своихъ дѣтей такъ, чтобы они со временемъ были достойными служителями алтаря, достойными провозвѣстниками слова Божія, совершителями таинствъ Христовыхъ, руководителями людей къ спасенію въ будущей и къ исполненію христіанскихъ обязанностей въ этой жизни? И я, съ своей стороны, не сталъ-бы осуждать духовенство за такіе поступки, если-бы только приготовленіе дѣтей къ пастырскому званію происходило разумно, въ истинно-христіанскомъ духѣ, чего къ сожалѣнію не было. Въ самомъ дѣлѣ, наше православіе, точно также какъ и всякая положительная религія, состоитъ изъ трехъ частей: догматической, нравственной и обрядовой. На первомъ мѣстѣ надобно поставить нравственную часть, потому что какая польза будетъ въ глубокомъ изученіи догматовъ и усердномъ исполненіи всѣхъ возможныхъ обрядовъ, если при этомъ человѣкъ остается безнравственнымъ и дѣлается похожимъ на тѣ гробы, которые, по словамъ Иисуса Христа, снаружи имѣютъ красивый видъ, а внутри наполнены остатками сгнившаго трупa. Догматы должны служить только опорой для нравственныхъ потребностей, если человѣкъ не находитъ этой опоры въ своей совѣсти, или въ своемъ сердцѣ. Обряды-же въ одномъ только случаѣ имѣютъ значеніе и должны считаться необходимыми, когда ими развивается, пробуждается и поддерживается религіозное настроеніе. Поэтому и духовенству нашему, если оно желаетъ въ дѣтяхъ своихъ видѣть преемниковъ себѣ, слѣдовало-бы главнымъ образомъ заботиться о развитіи въ нихъ христіански-нравственнаго чувства, и затѣмъ, или, пожалуй, при этомъ ознакамливать съ доступными дѣтскому уму религіозными догматами и доставлять имъ возможность присутствовать при совершеніи богослуженія. Но во всѣхъ этихъ случаяхъ смотрѣть на религію не какъ на ремесло, на дѣтей не какъ на будущихъ цѣховыхъ этого ремесла, которымъ можно механически дать то или другое настроеніе. О нравственномъ

воспитаніи, объ ознакомленіи съ догматами, я скажу впослѣдствіи, когда я ознакомлю читателей съ духовно-учебными заведеніями и съ нравственностію духовенства, а теперь скажу пока объ обрядовой сторонѣ. На это, по моему мнѣнію, я тѣмъ болѣе имѣю права, что современное мнѣ духовенство существеннымъ образомъ обращало вниманіе на обрядовую сторону и къ обрядовой-то практикѣ приучало и дѣтей своихъ.

По обычаямъ, утвердившимся въ былыя, давно минувшія времена, современное мнѣ духовенство, за весьма малыми исключеніями, которыя притомъ стали появляться во вторую половину царствованія Николая, прежде всего съ особенною заботливостію приучало дѣтей къ духовному званію, избравши для этого самую слабую, и можно сказать, самую дурную сторону своего быта. Извѣстно, что кромѣ тѣхъ, такъ называемыхъ церковныхъ требъ, которыя считаются не произвольными, а необходимыми, какъ напримѣръ крещеніе, бракосочетаніе, погребеніе и т. д., есть въ духовенствѣ обычай ходить къ ряду по всѣмъ дворамъ прихода безъ приглашенія, даже противъ желанія прихожанъ, во Христовые и другіе праздники. Объ этихъ хожденіяхъ мною сообщено въ изданномъ въ Лейпцигѣ анонимномъ моемъ сочиненіи въ 1866 г. о православномъ быломъ и черномъ духовенствѣ въ Россіи. Но и въ моихъ біографическихъ запискахъ я нашелъ нужнымъ поразъяснить этотъ предметъ. Оставляя рассказъ о хожденіяхъ до той главы, гдѣ я стану описывать церковныя требы, теперь займусь только подробно хожденіями въ праздникъ Рождества Христова.

Чтобы придать спеціально религіозный оттѣнокъ своимъ хожденіямъ по приходу въ праздникъ Рождества Христова, духовенство называетъ ихъ славленіемъ, прославленіемъ Христа, христославленіемъ; нѣкоторые усердные, доморощенные археологи въ этомъ прославленіи видятъ подражаніе тому славословію, которымъ, какъ разсказывается въ евангеліи, ангелы привѣтствовали Родившагося въ Вифлемѣ. Неизвѣстно, сколько минутъ или часовъ продолжалось ангельское славословіе, но духовенство, особенно сельское, выражаетъ свое христославленіе очень немногими, большею частью двумя пѣснопѣніями: „Христосъ рождается—славите“, и „Рождество Твое, Христе Боже нашъ“. Съ этого христославленіе обыкновенно и пачиналось,—начинается еще и

теперь во многихъ мѣстахъ пріучиваніе дѣтей духовенства къ тому званію, къ которому они яко-бы предназначены по своему происхожденію и по заслугамъ своихъ отцовъ передъ Богомъ. Наука начиналась очень рано, иногда чуть не съ того-же самого возраста, какъ сажали за азбуку. Предполагаемый священникъ или церковнослужитель начинаетъ свою служебную карьеру или подъ руководствомъ своего отца, или старшаго брата и какого нибудь другаго взрослого семинариста; а иногда составляется группа изъ трехъ и болѣе малолѣтокъ, пускаютъ ихъ однихъ прославлять Христа своими невинными устами и ихъ приравниваютъ къ тѣмъ младенцамъ, про которыхъ Іисусъ Христосъ сказалъ, что „тацѣхъ бо есть царствіе небесное“. Надобно еще прибавить, что отцы пускаютъ однихъ дѣтей только въ самомъ селѣ, да и то, если оно не очень велико; по деревнямъ-же сами всегда ихъ водятъ съ собою. Мои подвиги по этой части начались очень рано, еще въ Палищахъ, именно на седьмомъ году моего возраста; при томъ прямо по деревнямъ всего прихода, потому что село состояло почти что изъ одного духовенства. Конечно, и я еще былъ младенцемъ при первомъ дебютѣ моей церковной практики, по другіе еще ранѣе съ нею знакомились. Когда батюшка мой переведенъ уже былъ въ Туму, но еще не переселился въ нее изъ Палищъ, то на святки онъ взялъ меня съ собою сюда и тутъ я, вмѣстѣ съ нимъ, съ дѣдушкой и пр. обошелъ тоже весь приходъ, прославляя Христа. Потомъ уже рѣшительно каждый годъ до самаго моего поступленія въ академію я не имѣлъ возможности освободиться отъ этой обязанности. Такимъ образомъ четырнадцать разъ я странствовалъ по дворамъ цѣлаго прихода и имѣлъ возможность наблюдать всѣ особенности этого странствованія. Но къ своимъ собственнымъ наблюденіямъ я присоединю и то, что слышалъ отъ другихъ, и со всѣмъ этимъ запасомъ познакомлю моихъ читателей, при которыхъ, авось Богъ дастъ, христославленіе или уничтожится вовсе, или потеряетъ тотъ дикій, нехристіанскій, а скорѣе промышленный или нищенскій характеръ, которымъ оно отличалось въ мое особенно дѣтство.

Въ городахъ уже издавна въ святки по дворамъ прихожанъ своихъ духовенство ходило, а нынѣ, какъ я слышалъ, ходить уже по мѣстамъ цѣлымъ причтомъ, священникъ съ епитрахилью на шеѣ, съ крестомъ въ рукѣ, поютъ общимъ хоромъ

и прославляютъ не только Христа, но и домохозяина, произнося и воспѣвая послѣднему многія лѣта по окончаніи своихъ пѣснопѣній. Но въ прежнее время (и теперь въ наибольшей части селъ) христославленіе происходитъ со всѣмъ иначе. Даже въ одноштатномъ селѣ, гдѣ иногда все духовенство состоитъ изъ трехъ человѣкъ, священникъ ходитъ одинъ, дьяконъ особо, а причетники большею частью въ одной компаніи. Объяснить это не трудно. Духовенство отличается многочисленіемъ; частенько у каждаго лица причта бываетъ не только по два, а даже по четыре сына, которыхъ нужно брать съ собой въ приходъ, по заведенному обычаю. Въ такомъ случаѣ сразу походъ будетъ совершаться компаніей въ 10—15 человѣкъ; вѣдь это уже очень много; въ избѣ иного мужика даже нелегко будетъ и умѣститься; потому каждый крестьянинъ преимущественно находитъ нужнымъ удовлетворить вполнѣ только священника, какъ лицо особенно нужное, а дьяконъ и дьячекъ могутъ удовольствоваться п чѣмъ нибудь. Если-бы весь причтъ ходилъ вмѣстѣ, то былъ-бы священникъ въ проигрышѣ, а прочіе въ выигрышѣ; мужикъ или всѣмъ-бы имъ далъ извѣстное количество денегъ и тогда раздѣляя они ихъ между собою по закону; или, если-бы сталъ одѣлять каждаго поручно, то священнику, требующему прибавки себѣ, отвѣчалъ-бы: „батюшка, вотъ у меня осталось уже не много, отдай тебѣ все, имъ вотъ ничего не останется“, и священнику трудно было-бы сказать: „расплатись сначала со мной, а тѣ могутъ и такъ уйти“. Между тѣмъ, пришедши одинъ, настойчивый священникъ надежнѣе получить все, что находитъ нужнымъ взять:—соперниковъ нѣтъ. Да и мужикъ появившимся дьякону и дьячкамъ скажетъ: „нѣтъ, ужъ не обезсудьте (т. е. не осудите), попу все отдалъ“, или: „надобно поберечь для попа“. Дѣти составили-бы новое затрудненіе. Священникъ сталъ-бы просить на своихъ дѣтей прежде, нежели очередь дошла-бы до дьякона и причетниковъ; дьяконъ также постарался-бы предупредить причетниковъ; начались-бы хлопоты, прошенія; священнику, уже удовлетворенному, сидѣть казалось-бы и скучно, а иногда и совѣстно, тогда-бы мужикъ сказалъ: „да гдѣ-же мнѣ еще взять денегъ, когда я все отдалъ батюшкѣ?“ То-ли дѣло, когда священникъ ходитъ одинъ со своими дѣтьми? Полное раздолье,—нѣтъ никакихъ стѣсненій.

Если-же село состояло изъ нѣсколькихъ штатовъ, то хри-

стославленіе происходило почти всегда по всѣмъ его частямъ. Въ этомъ случаѣ партіи устраивались иначе. Священники соединялись вмѣстѣ, дьяконы составляли особый отдѣлъ, а причетники раздроблялись на нѣсколько партій. Совокупное хожденіе священниковъ было для нихъ очень выгодно. Каждый священникъ съ своей части старался помогать своимъ возлюбленнымъ о Христѣ братьямъ, убѣждая прихожанъ быть пощедрѣе къ нимъ, потому что вѣдь и они такіе-же какъ и онъ, священникъ, и въ нуждѣ могутъ замѣнить его. Но замѣчательно, что въ трехъштатныхъ селахъ слишкомъ рѣдко христославили всѣ три священника вмѣстѣ, такъ какъ между ними почти никогда не бывало согласія. Только матеріальные интересы заставляли иногда отлагать въ сторону враждебныя свои отношенія. Не задолго до моей отставки и послѣ нее во многихъ трехъ-штатныхъ селахъ Мещоры всѣ священники соединялись вмѣстѣ въ святки съ особенною цѣлю. Ходить по цѣлому приходу находили затруднительнымъ; потерять выгоды, начавши ходить только по своей части, не хотѣлось; повысить вдругъ въ дворахъ своихъ прихожанъ таксу для пополненія этой потери—трудно: мужики не вдругъ поддадутся. И вотъ теперь начинаютъ ходить всѣ три священника вмѣстѣ, просятъ у хозяина дачи не на каждое лицо отдѣльно, а на всѣхъ вмѣстѣ. Такъ какъ дѣйствующимъ лицомъ былъ всегда третной священникъ, то дачи были удовлетворительны. Этотъ маневръ повторяли два—три года; тогда уже каждый священникъ начиналъ ходить по одной своей трети и требовать то же самое вознагражденіе за свои труды, какое они получали прежде всѣ трое. Мужикъ, разумѣется, упрямился; но ему доказывали, что изъ прочихъ попохъ никто уже не придетъ, что онъ беретъ за всѣхъ нихъ, что вѣдь если-бы они пришли сами, то хозяинъ заплатилъ-бы то же самое, что платилъ въ прошлый годъ и чего теперь отъ него требуютъ. Мужикъ помнется, почешется, поспорить, но, большею частію, уступить, и наконецъ новый, такъ сказать, налогъ входить въ силу.

При описанномъ мною распаденіи причта на отдѣльныя партіи, нельзя уже было думать о томъ, чтобы придать вполне религіозный характеръ христославленію. Даже священники никогда не брали съ собою ни епитрахили, ни креста, дьякону-же и причетникамъ этого нельзя было и дѣлать. Даже

сами крестьяне принимали славельщиковъ, большею частью, безъ тѣхъ церемоній, которыя необходимы при совершеніи церковныхъ требъ. Извѣстно, что въ этихъ случаяхъ крестьянинъ всегда сначала попроситъ священника не начинать требъ, пока онъ не зажжетъ восковой свѣчи передъ образомъ. Но во время святокъ, развѣ въ немногихъ домахъ, соблюдали этотъ обычай, даже когда священники славилъ Христа.

Батюшка мой при мнѣ ходилъ по приходу въ святки въ Палищахъ съ отцомъ Федоромъ, а въ Тумѣ съ дядюшкою Никифоромъ. Въ послѣднемъ случаѣ не хотѣлъ отставать дѣдушка съ своимъ сыномъ семинаристомъ, моимъ дядюшкою Васильемъ, а отецъ Никифоръ имѣлъ спутниками своего отца Михаила и сына Ивана. Такимъ образомъ всѣхъ насъ было семь человекъ. Послѣ число это сократилось, когда дядюшка Василій опредѣлился дякономъ въ Прудки, а Ваня умеръ, но къ концу моей семинарской жизни пополнилось моимъ братомъ Алексѣемъ. И въ Палищахъ, и въ Тумѣ ходили по всѣмъ третямъ; кромѣ того въ послѣдней заѣзжали для славленія и въ Черкасовскій приходъ, впрочемъ въ очень немногіе дома, напр. къ богатому крестьянину деревни Горь, сдѣлавшемуся купцемъ, Матвѣю Федорову и къ бурмистру деревни Симановой. Но для христославленія назначалась только одна недѣля; надобно было непременно кончить все въ канунъ новаго года. Въ первый день праздника нужно было служить утреню, обѣдню и обхаживать село. Кромѣ того, большею частью, одинъ изъ святочныхъ дней было воскресенье, когда опять половину дня, а пожалуй и болѣе, слѣдовало провести дома и въ церкви. Наконецъ въ субботу въ Тумѣ бываетъ базаръ, на который крестьяне любили пріѣзжать; въ этотъ день славить Христа было не выгодно, потому что очень часто приходилось слышать: „не обезсудьте, хозяинъ уѣхалъ на базаръ, а деньги заперъ, или взялъ съ собою“. Поэтому звать было некогда, — слѣдовало торопиться, или принимать особенныя экстраординарныя мѣры, чтобы обойти въ неполныхъ семь дней 600—700 дворовъ, разбросанныхъ чуть не въ 30-ти деревняхъ. Одинъ изъ этихъ мѣръ относились къ деревнѣ Киряеву, дворовъ въ 50 — 60. Здѣсь былъ знаменитый бурмистръ Дементій и еще нѣсколько богатыхъ мужиковъ-хлѣбосоловъ. Если-бы въ ней славить Христа въ обыкновенный день, то чуть не весь

его пришлось-бы употребить на нее одну. Чтобы избѣгнуть такого замедленія, утреню служили въ первый день праздника необыкновенно рано, начиная ее въ 12 часовъ и даже поранѣе. По окончаніи ея, отправлялись въ Киряево и всю деревню старались обойти до восхода солнечнаго, даже до разсвѣта, чтобы начать и отслужить обѣдню поранѣе. Въ слѣдующіе дни вставали очень рано, часа въ два — три, такъ что до разсвѣта не только пріѣзжали въ какую-либо деревню, иногда за пять, за семь верстъ, но и обхаживали не одинъ десятокъ дворовъ. Вечеромъ тоже не вдругъ оканчивалась работа. Старались пріѣзжать въ деревню засвѣтло, чтобы жители знали о нашемъ прибытіи и не запирали воротъ, а ожидали незваныхъ гостей. Потомъ уже ходили и, если деревня была великонька, то оканчивали ее часу въ 9 — 10-мъ. Дѣдушка рассказывалъ, какъ онъ, еще до батюшки, въ деревню Уткино пріѣхалъ уже послѣ сумерекъ; жители не знали о его прибытіи и приперли ворота; надобно было стучаться въ окна, и когда хозяева говорили: „поздненько“, имъ отвѣчали: „последній дворъ“. Наконецъ пѣли „Христосъ рождается“ и „Рождество Твое“ очень скоро. При помощи всѣхъ этихъ средствъ дѣло шло скоро и спорко; помню я, какъ однажды мы въ одинъ день обошли четыре деревни: Спирино, Соловово, Соснино и Уткино, имѣвшія до 160 дворовъ. Опишу съ подробностью цѣлый день христославленія.

По пріѣздѣ въ деревню останавливались въ самомъ началѣ ея, выѣзжали изъ саней, большинство шло въ крайній дворъ, оставивъ въ саняхъ не только лишнее верхнее платье, но и шапки, полагая, что даже послѣднія при постоянномъ переходѣ изъ одного двора въ другой сосѣдній, есть вещь излишняя. Кто нибудь одинъ, или нѣсколько, смотря по числу лошадей, отводилъ ихъ въ какому либо почетному, или знакомому крестьянину; такое дѣло поручалось преимущественно намъ дѣтямъ. Если деревни были не велики, стояли не на большой проѣзжей дорогѣ, не отличались воровствомъ и кромѣ того славенье начиналось и могло окончиться днемъ, то, остановивъ лошадей у воротъ снаружи, привязывали ихъ къ чему нибудь; тулупы, шапки и полсты оставляли въ саняхъ и, постучавши въ окно избы, говорили тому, кто выглядывалъ изъ него: „положите поповскимъ лошадямъ сѣнца“. Если же котораго либо условія не доставало,

то не только вносили одежду, шапки и проч. въ избу, но и лошадей ставили на дворѣ. Но я уже сказалъ, что иногда прїѣзжали слишкомъ рано въ деревню, когда не только ворота во всѣхъ дворахъ были еще заперты, но и хозяева спали; въ этомъ случаѣ одинъ изъ партіи напередъ посылаемъ былъ стучать у окна жилой избы каждаго дома; — и это дѣло поручалось тоже дѣтямъ. Хорошо, если уже хозяева встали, тогда хлопоты были не продолжительны; на первый стукъ кто-либо выглядывалъ въ волоковое окно; ему говорили: „отоприте ворота, попы пришли“, или: „попы идутъ“. Но хлопоты увеличивались, если хозяева спали. Нужно было стучать покрѣпче и иногда приниматься за это не одинъ разъ. Чья нибудь голова высовывалась въ волоковое окно и услышавши: „попы идутъ“ иногда ворчали въ полголоса: „экъ ихъ чортъ принесъ съ которыхъ поръ“. Но у многихъ мужиковъ бывало по двѣ избы; ночью не легко было узнать въ которой изъ нихъ хозяева помѣщаются, и потому случалось, что будильщикъ начиналъ стучаться въ нежилую избу; не получая отвѣта, онъ усиливалъ свой стукъ. Послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ, онъ или самъ догадывался, что не за ту избу взялся, или слышалъ изъ сосѣдняго дома: „Что ты тамъ разстучался? они живутъ не въ этой, а въ другой избѣ“. Къ большой бѣдѣ посланца, у нѣкоторыхъ крестьянъ избы бывали на задней части двора и ни одною стѣною не выглядывали на улицу; тутъ хозяинъ, даже проснувшись, могъ не слышать, что въ его ворота стучатся; спавшую же крѣпкимъ сномъ семью и архангелова труба, по поговоркѣ, не вдругъ бы разбудила; но и проснувшись Иванъ примется посылать Андрея, Андрей Марину, Марина Татьяну и пр. посмотрѣть кого это тамъ нелегкая принесла? Иногда же семья уже проснулась, но хозяинъ какимъ нибудь образомъ догадался, что явились славельщики; онъ размышляетъ принимать ли ихъ, или нѣтъ. Въ томъ и другомъ случаѣ стукальщики продолжаютъ стучать съ большимъ и большимъ усердіемъ; тутъ выглядываютъ изъ своихъ оконъ уже многіе сосѣди и начинаютъ острить, или давать свои совѣты. Случалось, что дворъ приходилось оставлять до дня. Можете уже судить, что положеніе передоваго было не очень завидно, особенно, если дулъ сильный вѣтеръ, или снѣгъ, или мятель. Но тутъ бывали и большія непріятности: собаки имѣли болѣе чуткое ухо, нежели

хозяева. Хорошо, если имъ нельзя было выскочить со двора, тогда своимъ ужаснымъ лаемъ онѣ помогали еще разбудить хозяевъ, въ противномъ случаѣ, выбѣжавши на улицу, онѣ бросались на стукальщика, какъ на нарушителя общественнаго спокойствія и ему приходилось трудновато защищаться, особенно если изъ сосѣднихъ дворовъ являлись другія собаки. Впрочемъ, пріѣзжать въ деревню рано утромъ, будить хозяевъ до разсвѣта, могли только священники, да и то въ своей части. А если бы такъ стали поступать прочіе члены причта, или самъ священникъ, но въ части не своей, тогда бы слишкомъ немногіе отперли ворота, притомъ пришлось бы услышать и стукальщику, и всѣмъ славельщикамъ такія благожеланія, отъ которыхъ бы, по поговоркѣ, не поздоровилось бы; причетникамъ же пожалуй досталось бы и что нибудь побольше. Вотъ почему и мы утро начинали всегда съ деревень прихода батюшки, или отца Никифора.

Но крестьяне иногда любятъ припирать ворота и днемъ; узнавши же о пріѣздѣ славельщиковъ, нарочно это дѣлали. Передоваго днемъ не посылали, поэтому толкнувшись въ запертыя ворота, надобно было всѣмъ стоять около нихъ и одному стучаться. Тутъ конечно сперва выглядывали въ окно, но не всегда скоро отпирали ворота. Хозяинъ иногда пригрѣлся на печкѣ и заснулъ; нужно было доложить ему о прибытіи дорогихъ гостей; не вдругъ онъ проснется, не вдругъ пойметъ въ чемъ дѣло; иногда даже велитъ посмотреть, а какіе это попы; иногда же нарочно помедлить отвѣтомъ, пусть де постоятъ, вѣдь никто ихъ не звалъ. Съ другой стороны и хозяйка, видя полъ избы покрытымъ пылью и всякою всячиною, находитъ нужнымъ поскорѣе вымести его, чтобы прилично встрѣтить батюшекъ, которые, въ награду за такое вниманіе къ нимъ, стоятъ на улицѣ. Затрудненіе увеличивается, если изба хозяевъ, какъ я уже сказалъ, стоитъ на задней части двора. Конечно, большею частію, скорѣе или медленнѣе, ворота отпираются, но случалось, что послѣ порядочнаго ожиданія кто нибудь выглядывалъ вновь въ окно, преимущественно мальчишки или дѣвчонки, и тоненькимъ голоскомъ говорили: „ступайте прочь; дарить печѣмъ“. Разумѣется, что такое привѣтствіе приходилось слышать въ тѣхъ дворахъ, которые не принадлежали къ приходу стоящихъ у воротъ священниковъ. Мы въ Тумѣ это встрѣчали очень часто въ трети отца Ивана Петровича, который хоть самъ

хаживалъ по всѣмъ третямъ, но, какъ кажется, своимъ прихожанамъ не всегда совѣтовалъ быть очень внимательными къ своимъ сослужителямъ по алтарю господню. Случалось, что приходилось намъ въ дворахъ 3 — 5 къ ряду постучаться, подождать, услышать: „дарить нечѣмъ“ и идти въ сосѣдній дворъ. О дьячкахъ же нечего и говорить.

Легко можно представить положеніе, въ которомъ должны были находиться духовныя лица при описываемыхъ мною сценахъ. Ночная темнота многое скрывала, а тутъ приходилось стоять у воротъ безъ шапокъ среди дня; мальчишки, которыхъ всегда много на улицѣ, останавливали свои игры и въ большей или меньшей близости посматривали на ожидающихъ славельщиковъ, а иногда плутишки даже посмѣивались и покрикивали; изъ сосѣднихъ домовъ выглядывало много головъ, частенько тоже съ насмѣшливыми фізіономіями. Тутъ какой-либо, какъ будто по своему добродушію, даетъ совѣтъ: „да вы стучите-то покрѣпче; вѣрно они заснули“. А тутъ ѣдутъ какіе-либо проѣзжіе, совершенно сторонніе, они и вовсе не стѣснялись. Иной мужикъ, сидя на возу, кричитъ другому, указывая кнутомъ на славельщиковъ: „смотри-ка, парень, сколько ихъ стоитъ у воротъ-то! Эка набралось!“ Но особенно было неприятно, если въ это время по деревнѣ проѣзжалъ какой-либо знакомый священнику помѣщикъ, купецъ и проч. Деликатный человѣкъ раскланяется только любезно, а иногда постарается проѣхать не раскланиваясь; но другой, намѣренно или не намѣренно, остановится и спроситъ: „что это вы стоите на вѣтру у воротъ, да еще безъ шапокъ?“ И во всѣхъ этихъ случаяхъ надобно стоять и молчать, скрѣпя сердце, или какъ нибудь отшучиваться, но вообще много много приходилось проглотить пилюль.

Если прихожане были люди старые и боялись враждовать съ своимъ батюшкой, то славельщики иногда рѣшались брать приступомъ ворота. Мнѣ самъ не одинъ разъ рассказывалъ мой зять, Василій Лебедевъ, что когда они во время славленія или другаго какого-либо хожденія, находили ворота закрытыми то просили причетника Дмитрія Ѳедорова поскорѣе отпирать ихъ, не дожидаясь хозяевъ. Почтенный Дмитрій Ѳедоровичъ, или какъ его называли, дядя Митяй, былъ необыкновеннымъ силачомъ, о чемъ я впослѣдствіи скажу. Онъ могучимъ своимъ плечомъ

упирался въ ворота, которыя въ то время обыкновенно запирались деревянными замками особеннаго устройства, или не очень толстою палкою. Разумѣется и замокъ и палки разламывались, и дядя Митяй торжественно вступалъ въ сдѣланный имъ проломъ. Прихожане, которымъ жалко было своихъ замковъ, очень боялись атакъ дяди Митяя. „Погодите, погодите, сдѣлайте милость, кричить ктонибудь изъ нихъ, мы сейчасъ отопремъ“.

Ворота, такъ или иначе отворены, вступаютъ славельщики на узкій или широкій дворъ, который покрытъ соломой и наполненъ коровами, свиньями, овцами и пр. Эти апатичныя и глупыя животныя мало обращаютъ вниманія на вошедшихъ. Но во многихъ домахъ были вѣрные сторожа общественной безопасности, такъ называемые неразлучные друзья челоуѣка,—дворовыя собаки, наибольшую частію пользовавшіяся полною свободою. Иныя, конечно, поджавши хвостъ, убегали куданибудь въ безопасное мѣстечко, увидавъ множество пожаловавшихъ гостей; другія, не желая ни выказывать полное равнодушіе, ни отличатся усердіемъ, подаютъ издали, сдѣлаютъ, такъ сказать, только честь и себѣ, и хозяину, и гостямъ. Но встрѣчались между ними страшные ненавистники послѣднихъ. Завидѣвъ славельщиковъ на дворѣ, онѣ бросаются по своему обычаю преимущественно на аріергардъ. Нападенія бывали иногда такъ быстры, или аріергардъ такъ слабъ и оплошенъ, что дворняшки вцѣплялись зубами въ подолъ платья и даже вырывали клочки изъ него. Особенно въ этомъ случаѣ страдали дѣти, которыя преимущественно и тянулись въ аріергардъ. Поэтому, если нападеніе было предвидѣно, то ихъ ставили обыкновенно въ авангардъ, но и тутъ не обходилось безъ бѣды. Иныя дворняшки лежали гдѣнибудь въ сѣняхъ; онѣ не слышали, или не обратили вниманія на то, когда вошли славельщики на дворъ, но едва голова ихъ авангарда показывалась въ сѣни, какъ вѣрный стражъ, желая поправить свою оплошность, съ яростью бросался на передоваго и тутъ малолѣтки съ ужасомъ старались спрятаться за своего отца, который впрочемъ и самъ былъ озадачиваемъ неожиданностью атаки. По всѣмъ этимъ обстоятельствамъ, если не у всѣхъ, то у нѣкоторыхъ славельщиковъ бывало въ рукахъ оборонительное оружіе, въ видѣ толстой палки я еще видалъ спеціальное, такъ сказать, для этихъ случаевъ оружіе,—колдашъ, или калдашъ, не знаю какъ правильнѣе

писать. Чтобы сдѣлать это оружіе, выбирали въ лѣсу небольшое деревцо, вырывали или высѣкали его съ корнями и обрубали такъ, что остатки составляли на концѣ деревца порядочной величины шаръ, или нѣчто ему подобное, очищали, разумѣется, сучья и отрубали такую часть дерева, чтобы она была въ родѣ недлинной палки, около двухъ аршинъ, очень похожей на булаву швейцаровъ. Это и называлось калдашомъ. Вооруженные тѣмъ или другимъ оружіемъ, славельщики обыкновенно составляли авангардъ или арьергардъ отряда. Иногда же рѣшались давать нѣчто въ родѣ сраженія. Бывали извѣстныя уже издавна злыя дворняшки, которыя не у одного духовнаго лица отрывали куски отъ платья, за что, наконецъ, и рѣшались наказать ихъ. Этимъ особенно любили заниматься причетники и взрослые семинаристы, но принимать участіе не отказывались и иные священники. Сговорившись напередъ и вооружившись кто чѣмъ могъ, вступали они на дворъ. Злыя дворняшки (ихъ бывало по двѣ и даже по три у одного хозяина) съ остервененіемъ бросались на пришельцевъ. Эти, по задуманному напередъ плану, расходились въ разныя стороны и старались окружить атакующихъ и потомъ уже вели и сами атаку. Собаки, поздно увидавши военную хитрость, получая полновѣсные удары то съ той, то съ другой стороны, старались искать своего спасенія въ бѣгствѣ, бросались куда нибудь подъ амбаръ, горницу, перепрыгивая черезъ заборъ, заднія ворота и т. п. Я самъ бывалъ свидѣтелемъ такихъ сраженій и слышалъ о многихъ изъ нихъ. Въ Палищахъ особенно причетники любили рассказывать о своей побѣдѣ, одержанной надъ двумя злѣйшими собаками въ деревнѣ Шипкинѣ. Нѣкоторыя собаки, получивши одинъ или нѣсколько такихъ уроковъ, дѣлались уже трусливыми передъ духовными особами, которыя тогда, большею частью, ходили въ платьѣ изъ домашняго сукна синяго цвѣта. „Едва бывало, съ нѣкоторымъ самодовольствіемъ рассказывали двуногіе воители, появится синій лоскутъ на дворѣ, такъ собаки унеси Господи за заднія ворота“. Замѣчательно, что хотя пріѣздъ славельщиковъ скоро дѣлался замѣтнымъ въ деревнѣ, немногіе хозяева запирали куда нибудь своихъ собакъ: пусть-де лаютъ на незваныхъ гостей! Потомъ, когда славельщики вступали уже на дворъ и даже начинали ожесточенную битву, опять рѣдко появлялся къ нимъ изъ избы вспомогательный корпусъ, въ видѣ

хозяина, или другаго члена семейства,—пускай-де пощипать собаки незваныхъ гостей. Иногда даже видно было какъ въ какое-либо волоковое окно выглядываетъ тихонько кто нибудь и съ язвительною улыбкою посматриваетъ на сраженіе.

Такъ или иначе, славельщики вступаютъ со двора въ сѣнн. Кромѣ собакъ, которыя, какъ я уже замѣтилъ, не ласково встрѣчали посетителей, здѣсь подвергались славельщики и другимъ непріятностямъ. У крестьянъ соблюдается немного чистоты даже въ избѣ, о сѣняхъ же и говорить нечего. Грязь или наросты изъ нея лѣтомъ еще не опасны, хотя и тутъ можно поскользнуться и упасть. Но зимою такая опасность, особенно въ темнотѣ, почти неизбѣжна. Тамъ можно носкомъ сапога зацѣпиться за отвердѣвшій наростъ изъ грязи и спотыкнуться; здѣсь, на льду, составившемся изъ проточной воды или застоявшагося снѣга, и при осторожности спотыкнешься. Этому помогутъ покривившіяся или коскомъ сдѣланныя лѣстницы и полъ въ сѣняхъ, нерѣдко наклонившіяся въ какую-либо сторону. И днемъ упасть тутъ очень легко, а въ темнотѣ еще легче. Слишкомъ рѣдко хозяинъ встрѣтитъ славельщиковъ съ горящею лучиною, надобно идти часто наугадъ, а въ сѣняхъ стоитъ разная посуда домашняя и другія вещи. Случалось даже, что и дверь не вдругъ отыскивалась, надобно было даже покричать или застучать. Входя, или вошедши уже въ избу, опять, при всей осторожности, можно и упасть и удариться о что нибудь лбомъ или верхнею частью головы. Двери въ избахъ не высоки; забудь наклониться, или наклонись не много, непременно придется испытать лбомъ прочность верхняго бруса. Полати въ избѣ такъ низки, что верхомъ головы можно касаться ихъ, а тутъ еще поперегъ избы укрѣплены въ стѣнахъ одна или двѣ жерди для платья, или разныхъ рабочихъ принадлежностей. Возьмите все во вниманіе и вы повѣрите мнѣ, что при всей осторожности, рѣдкій изъ славельщиковъ, совершенно въ трезвомъ состояніи, не поскользнется, не упадетъ, не ударится о что нибудь въ сѣняхъ или избѣ того или другаго дома. О небольшихъ царапинахъ, синякахъ и опухляхъ, которые отъ этого происходили, печего и говорить. Но иногда приходилось и похромать немного, потерять руку спиртомъ, завязать часть лица платкомъ, чтобы прикрыть какой-либо очень замѣтный синякъ: все бывало и, по-

вторяю, бывало при всей осторожности, съ самымъ трезвымъ человекомъ.

Наконецъ славельщики, постѣ какихъ-либо приключеній или безъ всякихъ приключеній, дошли до передняго угла избы; можно уже пѣть стихиры — славить Христа. Прославление это немного требовало времени, произносилось даже скороговоркою, вѣдь въ день нужно перебивать въ 100—150 домахъ, и, если бывали тутъ взрослые семинаристы или молодые причетники и если при входѣ въ домъ встрѣтилось что-либо смѣшное, то пѣніе сопровождалось и прерывалось болѣе или менѣе замѣтнымъ смѣхомъ. Послѣ-же жаркой схватки съ собаками на дворѣ иные славельщики, запыхавшись, или вовсе не могли пѣть, или постоянно останавливались, чтобы перевести духъ.

Положеніе обитателей избы при христославленіи бывало различно, преимущественно въ зависимости отъ времени дня, въ которое оно происходило. Если славельщики пріѣзжали очень рано, то ихъ не рѣдко встрѣчалъ только одинъ хозяинъ, да еще развѣ баба, вздувавшая огонь; все-же прочее лежало на своихъ постеляхъ; духота и даже вонь иногда были нестерпимыя. Славельщики поютъ или пропѣли свои стихиры, а изъ обитателей кто сопить, кто храпять, кто даже издаетъ такой звукъ, который считается самымъ неприличнымъ. А тамъ дѣти, случайно проснувшіяся, или пробужденныя пѣніемъ, начинаютъ кто распѣвать свои колыбельныя пѣсни, кто кричать: „мама, мама“ и проч. Другіе-же, побольше, выглядываютъ съ полатей, или съ кутки, или съ постели на полу изъ подъ одежды, которою прикрыты и нерѣдко не только перешептываются между собою, но и посмѣиваются, или, какъ выражаются объ этомъ смѣхѣ, хихикаютъ, такъ что старики или старухи принуждены бываютъ даже прикрикнуть на проказниковъ.

По мѣрѣ приближенія къ разсвѣту, въ избѣ число проснувшихся увеличивается, опасность споткнуться, поскользнуться, удариться о что нибудь уменьшается, но взаимныя является новая непріятность: происходятъ, не менѣе предъидущихъ, неприличные сцены. Я уже сказалъ, что тогда, болѣею частію, избы были черныя. Поэтому, когда во время истопленія приходили славельщики, то, конечно, дверь въ избу была настежь растворена, но за то верхняя часть ея занята была выходящимъ ды-

момъ. Слѣдовало сгибаться и въ этомъ положеніи пробираться по избѣ до передняго угла и начинать свое славословіе. Не ловко пѣть полусогнувшись, а тутъ еще дымъ, взволнованный прибытіемъ нѣсколькихъ человѣкъ и ихъ пѣніемъ, спускается еще ниже, попадаетъ и въ глаза, и въ носъ, и въ ротъ поющихъ, которымъ отъ этого приходится не только кашлять, но и задыхаться. Слушателей теперь уже очень довольно; не только проснулись всѣ двуногіе обитатели избы, но къ нимъ присоединяется еще порядочное количество четвероногихъ. Я тоже уже говорилъ, что у крестьянъ и даже у тогдашняго духовенства, въ избу, на болѣе или менѣе короткій срокъ, принимались четвероногія домашнія животныя.

И вотъ славельщики начинаютъ пѣть, а къ ихъ голосу иногда присоединяется мычаніе коровы, которая кушала свое мѣсиво; ея теленокъ, услышавъ голосъ своей мамы, ей вторить; ягнята и овцы прибавляютъ свое блеянье, а свинья—хрюканье, а тутъ молодая семья послѣдней вскочить съ отведенной для нея мѣстности, рассыпется по избѣ или бросается подъ ноги славельщиковъ; иной поросенокъ захрюкаетъ, другой завизжитъ, потому что его кто-либо толкнулъ. Изъ домашнихъ-же животныхъ никто не былъ способенѣе собаки къ профанаціи христославленія. Она тоже забиралась въ избу и мирно лежала гдѣ-либо подъ лавкою, подъ печкою, или играла съ какимъ-либо мальчикомъ. Увидѣвши же вошедшихъ неизвѣстныхъ личностей, а иногда даже слишкомъ извѣстныхъ ея враговъ, она принималась выражать свое негодованіе на нихъ: громкій лай ея заглушалъ пѣніе, ее гонятъ,—она не вдругъ хочетъ уступить, усиливаетъ лай, или измѣняетъ его въ визгъ.

Печь въ избѣ истопилась, дверь и даже волоковое окно надъ печью закрыли; стараются поскорѣе нагрѣть остывшую избу, но черезъ эту самую поспѣшность чадъ распространяется по избѣ, даже замѣтнымъ образомъ для глаза, въ видѣ зеленоватаго тумана. Отчего легкія и головы деревенскихъ жителей не каждый день угораютъ въ этой атмосферѣ и не разстраиваютъ своего здоровья—не мѣсто здѣсь разбирать. Но духовныя лица, не привыкшія къ такому чаду, оказывались гораздо слабѣе крестьянъ. Хотя, при переходѣ изъ одного двора въ другой, они пользовались свѣжимъ воздухомъ и освѣжали имъ свои легкія и головы, но все таки рѣдкій святочный день проходилъ безъ того, чтобы они не

угорѣли, особенно, если почему либо въ иной избѣ надобно было подольше посидѣть; иногда-же иной, помоложе или послабѣе, не могъ продолжать своего христославленія и принужденъ былъ гдѣ-нибудь въ порядочной избѣ отлежаться.

Во вторую половину дня уже не было ни дыма, ни угара. Но русскій человѣкъ, особенно рабочій и пожилой, любитъ соснуть. Отъ этого славельщики, пришедши въ иной домъ, находили неспящими только маленькихъ дѣтей, которыя нерѣдко побаиваясь поповъ и увидавши ихъ близъ себя, бѣжали съ крикомъ куда-либо въ уголъ или на печь. Прославили; если хозяинъ не успѣлъ проснуться отъ пѣнія, то его принимаютъ будить; не всякій вдругъ проснется, не торопливо поворотится и привстанетъ. Иногда, особенно если припли причетники, или священникъ, но не приходскій, то потянется, покрахтитъ, даже сквозь зубы выразитъ неудовольствіе за то, что прервали его сладкій сонъ. Потомъ поклонится, пойдетъ за деньгами; разумѣется, надобно посидѣть или постоять. Тоже самое бываетъ и въ другое время дня, когда хозяинъ вышелъ на гумно или куда либо къ сосѣду. Остается присѣсть и подождать.

Частенько начинались тутъ разговоры, которыхъ главною темою бывало разрѣшеніе вопросовъ: когда будетъ Новый годъ, или Крещеніе, сколь великъ мясоѣдъ? На послѣдній вопросъ отвѣчать не тяготились. Но про оба праздника, особенно про Новый годъ, говаривали: да что вы объ этомъ все спрашиваете? Извѣстное дѣло—новый годъ всегда бываетъ въ тотъ-же день, какъ и Рождество. — Да почему-же намъ знать это? отвѣчаютъ какія-либо старушки. — Какъ почему? да тебѣ я сколько разъ уже это говаривала? — Ну, батюшка, извини, старая память—забыла.

Хожденія по вечерамъ имѣли сходство съ утренними; приходилось оступиться на лѣстницѣ, поскользнуться и упасть на ней или въ сѣняхъ, поискать дверь, приложиться къ верхнему косяку ея, зацѣпить за полаты, поцѣловаться съ жердью, протянутой въ избѣ поперегъ ея и проч. проч., но новыхъ особенностей почти не встрѣчалось, развѣ только иной суровый хозяинъ скажетъ: „поздно-вато-же ходите, а мы уже спать собираемся“ и проч.

Изъ лицъ, которыя прославляли Іисуса Христа при его рожденіи, или вскорѣ послѣ того приходили на поклоненіе ему, никто, по всей вѣроятности, и не получалъ и не требовалъ денежнаго воз-

награжденія:—ни ангелы, низшедшіе съ неба, ни пастухи, прибѣжавшіе изъ пустыни, ни Симеонъ и Анна, встрѣтившіе новорожденнаго въ Іерусалимскомъ храмѣ, ни волхвы, пришедшіе изъ далека,—съ востока; послѣдніе даже сами принесли драгоценныя подарки. На этомъ основаніи и нашимъ славельщикамъ слѣдовало-бы, пропѣвши „Христосъ рождается“ и „Рождество твое“, поклониться въ передній уголъ, гдѣ рѣдко нельзя не замѣтить изображенія Спасителя въ томъ или другомъ видѣ, потомъ поздравить хозяина съ праздникомъ, пожелать всему семейству здоровья, и въ награду за это, развѣ уже принять только ту благостыню, которую угодно будетъ хозяину имъ предложить. Тогда-бы описанныя нами сцены казались-бы странными и смѣшными, не унижали духовенства, а приписывались патріархальности деревенскихъ нравовъ, недогадливости деревенскихъ жителей; тогда-бы и про славельщиковъ можно было сказать: „конечно въ ихъ положеніи есть кое-что, чего бы не должно быть, но надъ ними смѣяться не слѣдуетъ, вѣдь они имѣютъ въ виду существеннымъ образомъ не матерьяльныя выгоды, а прославленіе Основателя Христіанства; и для достиженія послѣдней цѣли благодушно переносятъ непріятности“.

Но такъ-ли на самомъ дѣлѣ? Вотъ уже не только пропѣли „Христосъ рождается“ и „Рождество твое“, но и хозяинъ не спитъ, или проснулся и всталъ, стоитъ уже передъ славельщиками, даже принялъ благословеніе священника, который между ними находится. Что-же на самомъ дѣлѣ происходитъ? Хозяинъ стоитъ и держитъ одною рукою монету, или мѣшокъ съ деньгами, а другую опустилъ туда. Передъ нимъ причетники, дьяконы, семинаристы тоже почти всегда стоятъ, сами священники развѣ въ домахъ своихъ духовныхъ дѣтей сидятъ, а то стоятъ тоже.

Сличивши такое положеніе съ тѣми сценами, которыя вскорѣ болѣею частію происходятъ, какъ-то по неволѣ бываешь готовъ въ дѣйствующихъ лицахъ видѣть двѣ полувраждующія партіи, приготовившіяся къ предстоящей битвѣ. Рѣдкій хозяинъ не спроситъ: „а что, батюшка, какое нынѣ у васъ положеніе?“ или „почемъ вы нынѣ берете?“ или: „что-же мнѣ дать вамъ?“ или: „великъ нынѣ вамъ оброкъ?“ и т. п. и получить отвѣтъ: „да развѣ ты въ первый разъ встрѣчаешь насъ? Развѣ ты съ нами лѣтось не считывался?“ А иногда скажутъ: „клади на руку, посмотримъ, что ты дашь?“ Такіе переговоры идутъ впрочемъ только съ священ-

никомъ, да и то тогда, когда онъ имѣетъ дѣло со своимъ прихожаниномъ. А съ дьякономъ и съ причетникомъ, да и со священникомъ, когда онъ бываетъ въ чужомъ приходѣ, расплатка происходитъ иначе. Вѣжливый, или хоть не очень грубый хозяинъ, подходитъ къ каждому славельщику, вынимаетъ изъ кошны или мѣшка то, что ему не жалъ; одѣливши всѣхъ, отходитъ на свою позицію, дѣлаетъ общій поклонъ, проговоривши: „не обезсудьте“, или „не извините“ (вмѣсто извините). Но спросить-ли предварительно хозяина сколько ему дать, или самъ по собственному усмотрѣнiю начнетъ расплату,—слишкомъ рѣдко случалось, чтобы она удовлетворяла славельщиковъ, чтобы они, поклонившись, сказали: „довольно, благодаримъ покорно“. А большею частью оставляютъ протянутую правую руку, на ладони которой лежитъ данная благостыня и кто нибудь начинаетъ говорить: „маловато, родимый! Что это ты скупился?“ Тогда-то начинается борьба, а иногда нѣчто въ родѣ и войны. Рѣдкій хозяинъ не рѣшается отстаивать свой карманъ всѣми возможными силами. Ни одинъ тоже славельщикъ не хочетъ сдѣлать уступки ни одной копѣйки изъ того, что, по его мнѣнiю, слѣдуетъ ему получить. Защищающійся говоритъ: „нѣтъ ужъ не обезсудьте; времена нынѣ плохія, оброки большіе; хлѣбъ уродился плохо, самому скоро ѣсть будетъ нечего,—нѣтъ, какъ угодно, больше не могу“. Или, если и прибавляетъ, то по немногу, стараясь выторговать хоть грошъ, хоть копѣйку. Атакующіе, съ своей стороны, возражаютъ: „ну, нечего упрямыться; Богъ милостивъ, заплатишь оброкъ, мы за тебя помолимся; вѣдь и намъ тоже надобно жить и ѣсть хлѣбъ, и намъ также приходится расплачиваться съ своими властями;—не упрямысь, прибавь, пригодимся тебѣ“. Податливый и уступчивый хозяинъ прибавляетъ съ большей или меньшей скоростью по копѣйкѣ, по грошу. Иногда онъ говоритъ, выворачивая кошну: „ну, право, больше нѣтъ, вотъ сами видите“. Тогда ему совѣтуютъ поискать еще гдѣ нибудь, спросить у жены; начинается шептанье; то жена вынимаетъ изъ какой-либо заврнутой тряпицы нѣсколько копѣекъ, то мужъ отправляется въ холодную горницу и приноситъ оттуда еще что нибудь, и кое-какъ дѣло улаживается. Но очень часто хозяинъ упрямылся; тогда разговоръ принимаетъ желчный характеръ; начинаются упреки; противная сторона не уступаетъ, происходитъ уже споръ

тутъ и кое-что побольше. Повѣрьте мнѣ, г. читатель, что не въ ваше, а въ мое время, прежде уничтоженія крѣпостнаго права, нѣкоторые священники слишкомъ высоко на себя смотрѣли и считали себя чѣмъ-то въ родѣ барина по отношенію къ мужику, позволяли себѣ забываться, или по пословицѣ: и давали волю рукамъ своимъ; повѣрьте—я говорю правду. Что-же дѣлать, читатель? Вѣдь надобно-же было, чтобы въ христославленіи отражались пополнѣ событія, сопровождавшія рождество Іисуса Христа. А вы знаете, что вскорѣ за прибытіемъ волхвовъ послѣдовало избіеніе Виѣлеемскихъ младенцевъ. Въ XIX столѣтіи младенцевъ не избивали, а пинки, оплеухи, потасовки и проч. считались для мужика вѣщью обыкновенною; его не билъ только тотъ, кому онъ самъ осмѣливался дать сдачи.

Расплаты съ дѣтьми, съ семинаристами, происходили еще болѣе унизительнымъ образомъ. Иной хозяинъ сначала и знатъ не хотѣлъ ихъ: онъ только расплачивался съ членами причта. Эти, болѣе или менѣе удовлетворенные, наконецъ обращали вниманіе хозяина и на дѣтей своихъ, которые въ ожиданіи подачки стояли переминаясь съ ноги на ногу. „Да за что-же имъ-то давать?“ спрашивалъ иной грубо, иной съ саркастическою улыбкою. „Какъ-же не давать, отвѣчали ему, вѣдь они тоже вотъ пришли?“—„Ну что-же что пришли? Ихъ никто не звалъ“.—„Ну что это ты говоришь, вступались за обижаемыхъ. Вѣдь и ихъ надобно-же приучить къ тому дѣлу, для котораго они родились; вѣдь ты своего учишь-же своему ремеслу; вѣдь они тоже хлѣбъ ѣдятъ; вѣдь на нихъ въ училище тоже нужны деньги; вѣдь они тоже и здѣсь пѣли, да и въ церкви Божіей читаютъ и поютъ; да можетъ быть когда нибудь будутъ твоимъ попомъ, или дьякономъ“. Вознагражденіе за труды этимъ будущимъ попамъ и дьяконамъ бывало не одинаково. Поповскій сынъ, особенно въ присутствіи отца, надѣялся большею частію щедрѣе, нежели причетнической, хотя и тутъ случалось слышать: „Да за что-же ему давать больше, нежели этому? вѣдь они оба такіе-же мальчики“.

Но если неохотно хозяева расплачивались съ членами причта, то еще менѣе можно было ожидать снисходительности къ ихъ дѣтямъ. Пятакъ ассигнаціями развѣ въ богатомъ домѣ давали священническому сыну, а то шелъ въ дѣло грошъ и копѣйка ассигнаціями. Тогда еще много было монетъ въ половину и четверть

копѣйки, называемыхъ денежною и полушкою. И одна такая монета давалась славельщику-семинаристу; въ случаѣ-же недостатка ея, хозяинъ иногда давалъ копѣйку на двухъ, на трехъ и, махнувъ рукою, прибавлялъ: „дѣлите сами, какъ знаете“. Мнѣ рассказывалъ мой знакомый, паставникъ рязанской семинаріи, Николай Ѳедоровичъ Глѣбовъ, о которомъ послѣ мнѣ еще придется не разъ говорить, что отецъ ихъ, причетникъ, во время христославленія, взялъ съ собою своего сына, Ивана Ѳедоровича, бывшаго послѣ инспекторомъ Костромской семинаріи. Мальчикъ въ первомъ дворѣ получилъ полушку, во второмъ, третьемъ и четвертомъ по той-же самой монетѣ; тогда благородная оскорбленная гордость пробудилась въ ребенкѣ; онъ съ досадою бросилъ всѣ четыре полушки въ снѣгъ и болѣе не захотѣлъ ходить по дворамъ.

Иногда-же у мужика мелкихъ денегъ не оказывается. Расположенный къ духовенству крестьянинъ просто проситъ размѣнять деньги и вычестъ при этомъ случаѣ то, что слѣдуетъ взять славельщикамъ себѣ. Но недовѣрчивый, скупой и не расположенный сначала требуетъ полную сдачу, считаетъ ее нѣсколько разъ, подозрѣвая не обманули-ли его, такъ что обыкновенно мѣдъ раскладывали по гривнамъ. Точно также, намѣреваясь дать иному семинаристу копѣйку, не болѣе, а имѣя въ рукахъ только гроши и пятаки и не надѣясь получить сдачу, если онъ отдастъ ихъ, напередъ говаривалъ: „ну-ка, дайте мнѣ сдачи копѣйку, или два гроша!“—Да какую-же тебѣ сдачу? его спросятъ. Вѣдь ты еще ничего не давалъ. — „Дамъ, погоди, ты только сначала дай мнѣ сдачу-то и тогда получишь что нужно“. И дѣлать нечего, давали, а потомъ принимались просить прибавочки. Нѣкоторые семинаристы, по природнымъ-ли наклонностямъ, или по привычкѣ изъ подражанія старшимъ, скоро и мастерски пріучались къ роли попрошайекъ. Обступятъ, бывало, бородатаго хозяина и кричатъ: „мнѣ, дядюшка, ты еще ничего не давалъ;— что это, дядюшка, какъ тебѣ не стыдно давать такую малость? Побойся Бога, вѣдь я уже не маленький, вѣдь я давно уже въ семинаріи и проч.“.

Если хозяинъ простоватъ и добрякъ, то ребята посмѣлѣе берутъ его и за руку и за платье, и спереди и сзади. Хозяинъ, оглушенный этими хлопотунами, повертывается и туда и сюда, отговаривается, уступаетъ, прибавляетъ; иной, наскучивши на-

хальствомъ, ругнетъ, даже и пошлетъ туда, куда русскій чело-
вѣкъ посылаетъ всѣхъ, кто ему не нравится.

Но иногда у крестьянина дѣйствительно не было денегъ. Разу-
мѣется, нельзя же этому повѣрить съ перваго раза; вѣдь хозяинъ,
можетъ быть, только скряжничаетъ. Начинаютъ упрашивать, убѣ-
ждать, усовѣщивать, грозить, напоминать объ услугахъ, которыя
ему или оказаны, или со временемъ окажутся. И если всѣ усилія
остаются безуспѣшными, идутъ вонъ. Но иногда, не получивъ
денегъ, вознаграждаютъ себя другимъ способомъ. Въ рѣдкой де-
ревнѣ крестьяне сидятъ сложа руки; въ каждой семьѣ чѣмъ
нибудь занимаются или сбываютъ вещи, заготовленныя лѣтомъ,
кто ткеть кульки, рогожи, кто вьетъ завертки, плететъ лапти,
торгуетъ лыками, дѣлаетъ кадки, ушаты и проч. и проч. Сла-
вельщики, не получивъ денегъ, начинаютъ просить заготовлен-
ныхъ издѣлій, а иногда и самъ хозяинъ предлагаетъ ихъ. И
вотъ теперь идутъ изъ двора съ кулками, съ рогожей, съ лап-
тами, съ завертками, съ пучкомъ лыкъ, съ кадкою, ведромъ, уша-
томъ и проч.; таскать все это по деревнѣ неудобно, поэтому кто
нибудь изъ партіи отдѣляется и все прибрѣтенное относить въ
сани. Впрочемъ, если полученъ какой-либо кулекъ или завертка,
то затыкаютъ ихъ за кушакъ и съ этимъ украшеніемъ прослав-
ляютъ Христа, а вмѣстѣ съ тѣмъ и показывается, чѣмъ можно
благодарить за это прославленіе.

И вотъ такимъ-то образомъ ходили да похаживали славельщики
изъ двора во дворъ, съ одной лѣстницы на другую, ходили угорѣ-
лые, утомленные, а если была оттепель, то съ мокрыми подолами.
Тамъ постоятъ у воротъ, тутъ посражаются на дворѣ съ собаками,
поскользнутся и упадутъ на лѣстницѣ, даже скатятся съ нея до
нижняго приступка, ударятся лбомъ или верхнею частью головы
о чтонибудь; въ одной избѣ встрѣтятъ ласковый приѣмъ, полу-
чатъ должную, положенную ими награду или подачку; выхо-
дятъ отсюда, поблагодаря хозяина и пожелавъ ему много лѣтъ
здоровствовать; въ другомъ столкнутся съ неподатливымъ, или дѣй-
ствительно бѣднымъ крестьяниномъ, долгонько съ нимъ поспо-
рятъ, даже побранятся, а иногда дадутъ даже и волю рукамъ
своимъ. Но, какъ я уже сказалъ, на послѣднее рѣшались только
священники, и то немногіе. Особенно замѣчательнъ былъ въ этомъ
отношеніи тумскій священникъ Алексѣй Ивановичъ Вихиревъ.
Человѣкъ этотъ, владѣя богатырскою силою и еще болѣе дер-

зостію, слишкомъ часто давалъ волю своимъ рукамъ; прихожане его боялись болѣе, нежели становаго пристава. Причетнику же и дьячку прибѣгать къ такимъ средствамъ, для поддержанія своего авторитета, нечего было и думать. Случалось даже, что если какой-либо дьячекъ заговорилъ крупно съ скупымъ и горячимъ хозяиномъ, то этотъ, какъ обыкновенно выражаются, указывалъ ему гдѣ Богъ и гдѣ порогъ и выпроваживалъ его вонъ изъ избы не совсѣмъ деликатно.

Если какой-либо иностранецъ, совершенно незнакомый съ нашею религіею, съ нашими обычаями, съ костюмами того или другаго сословія, посмотрѣлъ бы на всю процедуру христославленія, то онъ никакъ бы въ славельщикахъ не сталъ предполагать духовныхъ особъ, служителей алтаря Господня, нашихъ пастырей и проч. Можетъ быть, онъ не счелъ бы ихъ за нищую братію, которая собираетъ милостыню по дворамъ, хотя бы относительно причетниковъ и дѣтей и имѣлъ бы право такъ думать: вѣдь и нищему едва-ли давали по полушкѣ, большею частью давали по копѣйкѣ, если только отдѣлывались деньгами; за то нищему давали перекрестясь, съ поклономъ, съ ласковыми словами: прими Христаради, а славельщиковъ и встрѣчали и провожали не всегда ласково. Но скорѣе всего ихъ сочли бы за какихъ либо поздравителей, въ родѣ сторожей присутственныхъ мѣстъ, полицейскихъ служителей, будочниковъ и проч.

Нисколько не скрывая того униженія, даже позора, которымъ подвергались часто славельщики, я долженъ сказать, что въ нихъ слишкомъ рѣдко замѣчался тотъ недостатокъ, который такъ ярко выказывается въ духовенствѣ при исправленіи ими церковныхъ требъ и особенно, какъ увидимъ ниже, въ пасхальную недѣлю: говорю о пьянствѣ. Въ святки оно встрѣчается не часто. Наши крестьяне почему-то не очень чествуютъ праздникъ Рождества Христова, не всѣ изъ нихъ празднуютъ даже и три дня, назначаемыхъ для этого церковью. Мнѣ случилось заставить цѣлыя семьи за работами, не только 27-го, но и 26-го декабря. Не празднуя сами, крестьяне не очень охотно угощаютъ и другихъ. Отъ этого духовенство, прославивъ Христа и получивъ мзду свою, не задерживается хозяиномъ, а въ многочисленныхъ приходахъ и само торопится скорѣе уйдти, чтобы успѣть побывать въ 100—150 домахъ, разбросанныхъ по разнымъ деревнямъ. Этого мало; въ иной день славельщикамъ или вовсе ге-

удастся, или придется не много что nibудь закусить. Большіе еще выдерживаютъ голодъ, но маленькимъ иногда бываетъ тяжело, иной иногда и всплакнетъ. Поэтому нерѣдко догадливые люди берутъ съ собою нѣсколько калачей, которые и съѣдаются большею частью при переѣздахъ изъ одной деревни въ другую. Иногда же хлѣбосольный мужикъ, не имѣя возможности или времени приготовить обѣдъ для отцовъ духовныхъ, попросить ихъ выкушать рюмочку-другую винца и подать для закуски или ломоть хлѣба, или, если есть, нарѣжетъ тарелку говядины, свинины, ветчины и проч. Конечно и выпьютъ, что поднесутъ, за то уже непременно все скушаютъ; въ послѣднемъ случаѣ окажутся преимущественно главными дѣйствующими лицами не старшіе, не пьющіе, а младшіе и вмѣстѣ алчущіе. Но въ каждомъ приходѣ бывало нѣсколько благодѣтелей хозяевъ, или хозяекъ, которые считали обязанностью поподчивать славельщиковъ, особенно священниковъ, обѣдомъ.

У насъ въ Тумѣ принадлежала къ такимъ лицамъ старуха Марина Гусева въ деревнѣ Голевѣ, старикъ Горбатовъ въ деревнѣ Шульгинѣ,—братья Ильины въ деревнѣ Макаровѣ. Бывало такъ и располагаемъ свое славленье, чтобы въ этихъ деревняхъ оно происходило днемъ. Приѣхавши въ деревню, лошадей отводили въ гостепріимные дома, чтобы хозяева знали о нашемъ прибытіи. Затѣмъ ихъ домъ оставляли къ самому концу славленья, чтобы хозяйка успѣла и сварить и изжарить, чѣмъ-бы можно было поподчивать гостей. Вотъ наконецъ входимъ въ гостепріимную избу, обоняніемъ узнаемъ, что въ печи дожаривается, или уже изжарился гусь, или поросенокъ; пѣніе тутъ происходило не торопливо, а съ чувствомъ, съ толкомъ, съ разстановкой, пѣвали не одни: „Христосъ Рождается“ и „Рождество Христово“, а прибавляли къ нимъ „Дѣва днесъ пресущественнаго рождаетъ, или любити убо намъ, яко безбѣдное страхомъ“. Затѣмъ накрывался столъ, усаживались за него; кушанья, можетъ быть, и не отличались гастрономическою изысканностью, за то готовились изъ свѣжихъ и жирныхъ запасовъ, а кромѣ того голодъ былъ лучшею приправою. Но, увы! бывали и обманутыя надежды. Входили: ни запаха отъ жаркаго изъ гуся или поросенка не ощущалось; пѣвали не по два, а по три стиха, какъ уже было заведено; хозяинъ расплачивался, но извинялся, что нынѣ по такимъ и такимъ-то причинамъ не успѣли приготовить обѣда. Ему, разумѣется, отвѣчали, что зачѣмъ извиняться, обѣдъ-бы насъ только

задержалъ, мы торопимся въ другія деревни и пр. Дѣлать нечего, уходили не пообѣдавши, и рады были, если въ другой деревнѣ добрый мужичокъ дастъ хоть что нибудь закусить. Да, вездѣ бывають разочарованія и обманы!

Кажется, въ христославленіи немного было пріятнаго. а между тѣмъ встрѣчалъ я много любителей его. Не говорю о лицахъ причта, имъ уже по утвердившимся обычаямъ нельзя было не ходить; имъ только этимъ можно и себя и семейство содержать; да наконецъ они отъ продолжительной практики привыкли къ этому. А то встрѣчалъ я любителей славить между болѣе или менѣе взрослыми семинаристами. Иной, бывало, съ нетерпѣніемъ ждетъ святокъ, не для того только, чтобы повидаваться съ родными, а чтобы походить по приходу, пославить Христа и потомъ, по возвращеніи, если не съ восторгомъ, то съ циническимъ равнодушіемъ рассказывать о томъ, какъ онъ у мужика успѣлъ выпросить лишній грошъ или пятакъ, какими доводами онъ разжалобилъ его жесткое сердце.

Подобное настроеніе пріобрѣтается постепенно. Мальчикъ видитъ, что отецъ, пріѣхавъ изъ деревни послѣ христославленія, пересчитываетъ съ женою пріобрѣтенныя деньги, потомъ рассказываетъ шутливо о тѣхъ сценахъ, которыя происходили во время христославленія. У ребенка является желаніе самому посмотреть на все, самому добыть сколько нибудь денегъ. Вотъ его и берутъ въ приходъ; мать надѣваетъ на него лучшую рубаху, усаживаютъ его въ сани, укутываютъ въ тулупы; пріѣзжаютъ въ деревню, ходятъ изъ двора во дворъ. Живя въ домѣ духовнаго лица, мальчикъ съ трудомъ можетъ слышать правильный отзывъ о побираничествѣ по приходу; напротивъ, онъ пріученъ смотрѣть на это, какъ на святой обычай. И потому, ходя по дворамъ, протягивая ручонку для полученія копѣйки и даже денежки, ребенокъ, по крайней мѣрѣ не всякій, понимаетъ то униженіе, которому подвергается. Его занимаютъ и нравятся деньги, а не способъ, которымъ они получены. Потомъ, если-бы онъ рано или поздно почувствовалъ вполне унижительную роль славельщиковъ, то ему трудненько отказаться отъ нея; не всѣ отцы и матери похожи на отца Ів. Ѳедоровича Глѣбова, не всѣ и позволятъ сыну бросить четыре полушки въ снѣгъ и затѣмъ не ходить вовсе по приходу. Нѣтъ, ступай волею, или неволею, а если окажется послушаніе, то прибѣгали и къ сильнымъ возбуждательнымъ средствамъ.

И зналъ одного ученика риторики, который не согласился было идти славить по своему селу; отца не было дома, мать долго уговаривала идти, но тотъ, лежа на полатахъ, отказывался. Тогда старуха вынула изъ голика нѣсколько прутьевъ, встала на казенку, велѣла сыну лечь спиною вверхъ и, обнаживъ извѣстныя части тѣла, принялась сѣчь его. Конечно отъ невозможности сдѣлать большой размахъ, боль не могла быть сильною, но вѣдь все таки сѣкли, при томъ иного расположили-бы не на полатахъ, а на полу, или скамьѣ, и пучокъ прутьевъ взял-бы въ руки отецъ, а не мать,—такъ пойдешь по неволѣ, не только славить Христа, но и собирать милостыню! Потомъ деньги имѣютъ чарующее дѣйствіе на дѣтей, можетъ быть болѣе, нежели на взрослыхъ людей, потому что у тѣхъ они рѣдко и въ маломъ количествѣ бываютъ. Чтобы воспользоваться этой страстью въ христославленіи, многіе отцы въ духовенствѣ позволяли своимъ дѣтямъ самимъ собирать копѣйки и гроши, а затѣмъ, или всѣ, или часть представляли въ собственное ихъ распоряженіе. А если отбирали все себѣ, то давали обѣщаніе употребить добытую сумму на какую-либо обновку сыну; ну какъ-же послѣ этого не ходить по приходу? И вотъ мало по малу человѣкъ втягивается въ колею. Можетъ быть онъ иногда и замѣтитъ унижительную роль, которую ему приходится разыгрывать. Но примѣръ старшихъ, подражаніе отцу, желаніе угодить своимъ родителямъ заставляютъ пренебречь этимъ. А потомъ собственное самолюбіе, не имѣя выхода, само придастъ благовидные оттѣнки даже самой унижительной роли. И такимъ образомъ если человѣкъ и не дѣлается аматеромъ христославленія, то по крайней мѣрѣ оно обращается ему въ ремесло.

Обращаясь теперь къ себѣ самому, по совѣсти скажу о впечатлѣніи, которое производило на меня христославленіе. Кажется, оно мнѣ сначала понравилось и я было, по поговоркѣ, сталъ входить во вкусъ его. Послѣ того, какъ въ Палищахъ и въ Тумѣ удалось по разу похристославить, у меня появилось желаніе участвовать въ хожденіяхъ по приходу и въ другихъ случаяхъ, когда меня къ тому вовсе ни батюшка, ни матушка не принуждали и не приглашали. Напримѣръ въ Пасху тумскіе причты ограничивались полученіемъ денегъ на нихъ только вообще и не водили съ собой дѣтей; тоже самое надобно сказать и о поминкахъ. А между тѣмъ и до поступленія въ училище и

нѣсколько лѣтъ послѣ того являлся самъ собою, не получивъ позволенія отъ своихъ родителей, вмѣстѣ съ другими въ приходѣ. Впрочемъ тутъ много способствовала моя бабушка Фекла Акимовна. Она, всегда живя въ селѣ, въ кругу духовенства, не могла и подумать, что не слѣдуетъ ходить по приходу, не только сыновьямъ, но и женамъ духовенства. Даже дивилась почему это моя маменька почти никогда не бывала въ приходѣ. Она-то долго, и по увольненіи дѣдушки за штатъ, продолжала ѣздить на поминки и въ Пасху, и для компаніи, а можетъ быть по желанію приучить меня къ духовному званію, брала меня съ собою и даже защищала, если мнѣ дѣлали замѣчаніе, зачѣмъ я таскаюсь по приходу.

Къ счастью моему у меня не развилось страсти къ христославленію, ко всякимъ хожденіямъ духовенства по приходу, или лучше сказать къ побирашничеству, къ попрошайству. Можетъ быть этому способствовало то обстоятельство, что выславливаемые мною деньги не поступали въ собственное мое распоряженіе, а всегда мною отдавались батюшкѣ и матушкѣ. Далѣе, никогда мнѣ не говорили въ видѣ поощренія: „ступай славы; на деньги, которыя выразишь, мы сошьемъ тебѣ сюртукъ, жилетку“ и проч. Такимъ образомъ деньголюбіе не развивалось во мнѣ и слѣдовательно ничѣмъ не закрывало пошлой стороны христославленія и бродяжничества по приходу. А между тѣмъ и другія стали встрѣчаться обстоятельства, которыя пробуждали во мнѣ отвращеніе отъ того и другого. Прежде всего меня начала тяготить обязанность славить Христа по селу. Въ деревни я ѣздилъ всегда съ батюшкою, дѣдушкою и дядюшкою; тутъ униженіе прикрывалось уваженіемъ, которое еще во многихъ жителяхъ, хоть по внѣшности, выражалось къ священникамъ. Тутъ мнѣ самому не было надобно просить прибавочекъ, являться одному передъ боролатыми хозяевами и стоять съ глазу на глазъ съ каждымъ изъ нихъ; я, такъ сказать, прикрывался отцовскою рясюю. Но по селу почему-то всѣ три священника ходили вмѣстѣ и никого изъ дѣтей не бирали; здѣсь мнѣ пришлось ходить сначала съ своимъ дядюшкою Василюмъ Мартиновичемъ, а потомъ уже одному, при томъ въ первый день праздника. Въ это время у рѣдкаго хозяина не приходилось застать пировавшихъ гостей. Входишь въ избу и являешься передъ цѣлою веселою, а иногда и пьяною, компанією; естественно и смѣлому ребенку сконфузиться въ такомъ случаѣ. Голосъ у меня былъ пло-

хой, пѣніе мое не органисто, не гармонично, даже непріятно; оно не только не могло обратить на себя вниманія пирующихъ, но и быть разслышано ими. Отъ этого мнѣ часто приходилось стоять и ждать, пока хозяинъ разстанется съ гостями, пока даже замѣтитъ меня, да и тутъ не всегда, да и не всякій скоро повернется; конечно что нибудь дастъ, но иногда съ недовольною миною, за то что бесѣду его прервалъ какой-либо мальчуганъ, хотъ и поповскій сынъ. Затѣмъ случалось, что иногда батюшка, хотъ и сдержанно, выражалъ свою досаду на необходимость, какъ онъ выражался, „шататься, или таскаться по приходу, собирать грошами“ и проч. Потомъ, однажды въ Пасху былъ я въ деревнѣ Снохинѣ и въ то время, какъ служили общій молебень на полѣ, я на дорогѣ стоялъ близъ своей телѣги, въ которой лежало много хлѣбовъ, караваевъ, колобушекъ и пр. Мимо меня проходилъ помѣщикъ этой деревни, крестный мой отецъ, съ своимъ старшимъ сыномъ. Увидавши меня, онъ не только не сдѣлалъ мнѣ никакого привѣтствія, не похристосовался со мной, но съ самой злою, саркастическою улыбкою сказалъ: „ну что, естьли подаяніе?“ (слова эти обыкновенно говорятъ нищимъ), и потомъ оба съ сыномъ захохотали и пошли далѣе. Я уже былъ лѣтъ 12-ти—13-ти и понималъ всю колкость насмѣшки; съ тѣхъ поръ я уже добровольно, аматеромъ, пересталъ шататься по приходу. Но отъ христославленія мнѣ отказаться было нельзя, а между тѣмъ, чѣмъ я становился взрослѣе, тѣмъ оно дѣлалось мнѣ невыносимѣе и даже отвратительнѣе.

Ученикомъ я былъ хорошимъ и пользовался уваженіемъ товарищей и расположеніемъ хотъ нѣкоторыхъ наставниковъ; появились во мнѣ гордость и самознаніе, сталъ я ознакамливаться съ нѣкоторыми либеральными идеями, хотъ и очень немногими, а тутъ ходи изъ двора во дворъ, стой передъ бородатымъ хозяиномъ, протягивай къ нему руку, какъ будто за милостынею, получай отъ него, иногда грошъ, или копѣйку ассигнаціями. Я готовъ былъ-бы вовсе не ѣздить на святки домой, а жить въ Рязани, хотъ какъ нибудь, но дѣлать этого не могъ, и отъ того отвращеніе къ христославленію еще болѣе увеличивалось. Въ это время я еще имѣлъ много религіозности, даже нѣсколько фанатичности, но между тѣмъ тогда уже запала въ меня мысль не поступать въ священники. Я еще не зналъ, какъ и чѣмъ я буду жить, но поповство мнѣ не нравилось до самаго нельзя.

Д. И. Ростиславовъ.

[Продолженіе слѣдуетъ].

ЗАПИСКИ Д. И. РОСТИСЛАВОВА

ПРОФЕССОРА СПБ. ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ.

† 18-го февраля 1877 г.

ГЛАВА XIV ¹⁾.

О поступленіи моемъ въ Насимовское духовное училище.

Описывая разные предметы, относящіеся къ сельскому житью-бытью духовныхъ лицъ и ихъ семействъ, я уже вовсе не касался своихъ ученыхъ занятій въ Тумѣ. Въ Палищахъ я выучился читать славянскую грамоту, т. е. азбуку, часословъ и псалтырь, началъ тоже немного учиться писать, но ушелъ недалеко. Въ Тумѣ теперь пришлось вновь приняться за свою ученость. Псалтырь и здѣсь, къ моему сожалѣнію, заставляли меня повторять, или, какъ тогда говорили, твердить; и я твердилъ, твердилъ и, право, чуть-чуть не вытвердилъ наизусть. Писать меня заставляли каждый день, но безъ надзора и потому главная моя забота состояла въ томъ, чтобы написать страницу или двѣ,—сколько приказывали, а объ изяществѣ я мало заботился. Если ужъ очень дурно и нерадиво написать бывало, то конечно побранять и даже пошъкутъ, — ну, да все ничего; поскорѣе-бы написать, да отправиться на улицу поиграть! Но батюшка мой рѣшилъ меня учить такимъ предметамъ, которые въ то время почти нигдѣ не входили въ программу домашняго воспитанія дѣтей духовенства, именно русской грамматикѣ и ариметикѣ.

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1880 г., томъ XVII, стр. 1—33; 545—572; 681—704; т. XXVIII, стр. 35—62; 179—218; 345—408; изд. 1882 г., т. XXXIII, стр. 67—86.

Низшія духовныя училища тогда раздѣлялись на уѣздныя и приходскія. Въ первыхъ было два класса, называвшихся высшимъ и низшимъ отдѣленіями; послѣднія тоже раздѣлялись на два класса: первый и второй. Здѣсь, въ первомъ положено было учить одному чтенію и письму; только многіе учителя, по доброй волѣ или по частному распоряженію училищнаго начальства, начинали учить грамматикѣ и ариметикѣ. Во второмъ-же классѣ преподавали главнымъ образомъ грамматику, первую часть ариметики и сокращенный катехизисъ и опять тоже по усердію начинали преподаваніе латинскаго и отчасти и греческаго языка; еще въ обоихъ классахъ учили нотному пѣнію по обиходу. Очевидно, что всякому кончившему курсъ священнику очень легко было приготовить своего сына къ поступленію прямо въ уѣздное училище. Батюшка мой такъ и думалъ; и вотъ почему меня еще дома засадили за краткій катехизисъ, грамматику и ариметику, даже за латинскій и греческій языки, съ тѣмъ, чтобы не было надобности отдавать меня въ приходское училище. Хорошо не припомню, какъ мнѣ преподавались эти предметы; кажется преимущественно держались принятой изстари методы, т. е. заставляли учить грамматику съ нѣкоторыми впрочемъ пропусками.

Относительно ариметики поступали рациональнѣе, объясняя мнѣ многое на словахъ, и потому я еще съ дѣтства отличался бойкостью по части счисленія. Но держать меня дома, не причисляя хоть по формѣ въ училищу, папа мой находилъ не удобнымъ. Тогда духовенство еще очень боялось такъ называемыхъ разборовъ, или лучше наборовъ, посредствомъ которыхъ правительство, не одинъ уже разъ, всѣхъ дѣтей духовнаго званія, или нигдѣ не учившихся, или исключенныхъ изъ училищъ и семинарій, брало въ военную службу. И потому большая часть духовенства старалась поскорѣе записать дѣтей своихъ въ училище. Въ сентябрѣ 1818 г. и меня повезли для такой записи въ Касимовъ. Кажется, можно было-бы сдѣлать это не тревожа моей персоны. Но батюшка находилъ нужнымъ записать меня не въ первый, а во второй классъ приходскаго училища; а для этого начальство училищное должно было подвергнуть меня экзамену по части чтенія и письма. Кромѣ того уже такъ было заведено, что новаго рекрута учености непременно приводили къ смотрителю, который считалъ за нужное поглядѣть на него. Въ Каси-

мовъ ѣхалъ я безъ всякихъ опасаній; я зналъ, что это не болѣе, какъ прогулка и что черезъ нѣсколько дней опять придется возвратиться въ Туму и рассказывать своимъ сестрамъ и сверстникамъ про свое путешествіе. Оно мнѣ, дѣйствительно, доставило много пріятнаго. До того времени я только и ѣздилъ по деревнямъ своего прихода, но дорога изъ Палищъ въ Туму хотя простиралась зимою до сорока верстъ, пролежала по глухимъ лѣсамъ и только по одному селу и четыремъ деревнямъ, значить для меня ничего новаго не представляла. Теперь пришлось ѣхать шестьдесятъ верстъ по густо населенной мѣстности, гдѣ по самой дорогѣ, или близъ нея, расположено было много селъ и деревень съ нѣсколькими помѣщичьими домиками. Особенно меня заинтересовалъ Гусевскій погостъ. Въ немъ было сотни двѣ или три дворовъ, расположенныхъ по разнымъ улицамъ, и двѣ очень хорошихъ каменныхъ церкви съ колокольней. Батюшка пошелъ къ которому-то изъ священниковъ, а я остался въ телѣгѣ, около самыхъ церквей и не могъ ими налюбоваться; онѣ мнѣ показались чудомъ архитектурнаго искусства. Но когда, по возвращеніи батюшки, мы поѣхали далѣе и я его забрасывалъ множествомъ вопросовъ, то онъ шутя говорилъ мнѣ: „погоди-ка, вотъ увидишь Касимовъ, тогда еще не то заговоришь. Я тебѣ его издали покажу“. Вскорѣ мы взѣхали на довольно значительную возвышенность, называемую Карцевою горою, съ которой открывался прекрасный видъ на Касимовъ, находившійся еще верстахъ въ десяти. День былъ ясный, городъ, расположенный по берегу Оки, версты на три, съ мечетью и девятью церквями, съ нѣсколькими десятками каменныхъ и сотнями деревянныхъ домовъ, ярко освѣщался солнечнымъ свѣтомъ и представлялся мнѣ въ какомъ-то очаровательномъ видѣ. Я постоянно предлагалъ батюшкѣ вопросы: „Это что такое?“ и проч., такъ что онъ наконецъ сказалъ: „ну, погоди, вотъ скоро пріѣдешь въ Касимовъ, тамъ все увидишь вблизи“. По пріѣздѣ меня тотчасъ отпустили посмотреть на городъ, отдавши подъ руководство брата Вани и давши мнѣ нѣсколько копѣекъ на лакомство. Ваня, въ качествѣ ментора, повелъ меня на рынокъ, но, по дорогѣ мы прошли близъ соборной Успенской и Благовѣщенской церквей, остановились противъ большихъ и точно хорошихъ домовъ Губарева и Алянчинова, стояли близъ военной гауптвахты, гдѣ расхаживали и сидѣли

гусары изюмскаго полка; я дѣйствительно, по русской пословицѣ, потерялъ глаза, на все заглядываясь. Но рынокъ и такъ называемый обжорный рядъ, едва-ли меня не болѣе всего поразили. Я никогда еще не видѣлъ такого количества лавокъ, лавочекъ, купцовъ, торговыхъ съ разнообразными товарами и съѣстными припасами, хотя никакого базара не было. Мы тотчасъ-же, на данныя мнѣ деньги, купили яблокъ и еще что-то. Тутъ подошли къ намъ товарищи Вани, который меня отрекомендовалъ имъ, какъ будущаго товарища. Они какъ-то были не веселы, или очень озабочены, но сочли обязанностью указать на училище; которое стояло отъ обжорнаго ряда на противоположной сторонѣ площади. Видъ училищныхъ зданій произвелъ на меня, не знаю почему, непріятное впечатлѣніе, такъ что, какъ ни уговаривали они меня, я ни за что не согласился, не только заглянуть въ него, но даже подойти къ нему и ушелъ на квартиру. Въ Касимовѣ мы прожили четыре, пять дней, въ теченіе которыхъ я, разумеется, осмотрѣлъ весь почти городъ, по крайней мѣрѣ все, что мнѣ показалось достойнымъ вниманія. Меня особенно интересовала татарская мечеть съ своимъ высокимъ минарестомъ и Ока. Татары въ моихъ глазахъ были нехристи, не вѣрующіе въ Бога, зачѣмъ-же это имъ нужна своя церковь, какъ я называла мечеть? И потомъ, зачѣмъ ее позволили построить, при томъ, очень недалеко отъ нашего собора? Ока-же меня удивляла своей шириною и плывущими по ней барками; до тѣхъ поръ я видѣлъ небольшія рѣчки и только по дорогѣ въ Касимовъ узналъ что такое лодки и паромы, на перевозѣ въ Гусевскомъ погостѣ. А тутъ передъ моими глазами текла широкая рѣка и по ней плыли барки, на которыхъ лежало товаровъ до 20,000—30,000 пудовъ. Все это впрочемъ скоро приглядѣлось и мнѣ стало скучно. На лакомства мнѣ въ иной день ничего не давали; надобно было довольствоваться только обѣдомъ и ужиномъ вмѣстѣ съ Ванею и другими семинаристами, которымъ приготавлились только щи и каша, тогда какъ въ Тумѣ можно было полакомиться молокомъ. Поиграть не съ кѣмъ; Ваня — единственный знакомый въ цѣломъ городѣ, уходилъ въ классъ, или занимался зубреніемъ уроковъ. Наконецъ, къ величайшему моему удовольствію, батюшка объявилъ мнѣ, что мы возвращаемся въ Туму, къ смотрителю же на экзаменъ меня и не водили. Батюшка былъ почетнымъ человѣ-

комъ въ уѣздѣ и короткимъ знакомцемъ смотрителя и инспектора училища. Они ему на слово повѣрили на счетъ моей учености и безъ экзамена приняли въ число учениковъ втораго приходскаго класса.

Возвратился я въ Туму уже съ высокимъ понятіемъ о своей особѣ; я уже не былъ теперь какой-либо, какъ всѣ мои тумскіе пріатели, простой сельскій мальчишка, а ученикъ 2-го приходскаго класса, притомъ не Митя или Митька, а Дмитрій Ростиславовъ. Только я никакъ не могъ понять, почему мнѣ дали такую фамилію или прозвище, какъ обыкновенно тогда выражались въ духовныхъ училищахъ и духовенствѣ. Для объясненія такого моего непониманія считаю нужнымъ прибавить, что въ то время, которое я описываю, и даже послѣ еще долго, фамиліи названія у большинства духовныхъ лицъ были мало употребительны. Не учившіеся въ училищѣ даже часто вовсе не имѣли никакой фамиліи, даже научившіеся и кончившіе полный курсъ семинарскихъ наукъ не дорожили своими фамиліями, а и сами себя называли и другимъ, не исключая начальства, извѣстны были по имени и отчеству. Батюшка мой, несмотря на свою благочинническую должность, подписывался на всѣхъ рапортахъ консисторіи и къ архіерею Иваномъ Мартиновымъ. Потомъ родные братья, обучавшіеся въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, часто имѣли различныя фамиліи, напримѣръ, изъ дѣдушкиныхъ дѣтей, батюшка мой прозывался Тумскимъ, дядюшка Иванъ—Весельчаковымъ, а дядюшка Василій—Крыловымъ. Со мной въ семинаріи учился товарищъ Меньшовъ и изъ двухъ его братьевъ назывался одинъ Средневымъ, а другой Большевымъ. Одинъ изъ академическихъ товарищей моихъ былъ Вихровъ, а братъ его, курсомъ старше насъ, Орловъ; они были изъ тверской семинаріи.

На основаніи этого обычая, духовныя лица, отдавая дѣтей своихъ въ училище, давали имъ такія фамиліи или прозвища, которыя почему-либо имъ нравились. Люди простые, не избрѣтательные, не ученые, брали въ этомъ случаѣ во вниманіе или: 1) названіе села, такъ напримѣръ, изъ четырнадцати селъ Касимовскаго уѣзда, принадлежащихъ къ Мещорѣ, только Черкасowo и Фроль, сколько я помню, не дали прозвища дѣтямъ своего духовенства, а изъ прочихъ вышли мнѣ извѣстныя Тумскіе и Тумины, Биреневы, Лѣсковы, Палинскіе, Пещуровы, Куршины,

Верикодворскіе, Гусевы, Нармины, Палицины и Прудихи; 2) храмовые праздники: отсюда множество Вознесенскихъ, Воскресенскихъ, Воздвиженскихъ, Богословскихъ, Богородицкихъ, Благовѣщенскихъ, Никольскихъ, Рождественскихъ, Срѣтенскихъ, Успенскихъ, Покровскихъ, Троицкихъ, Ильинскихъ, Предтеченскихъ и проч. и проч.; 3) званіе отца: отсюда Протопоповы, Поповы, Дьячковы, Дьяковы, Пономаревы; замѣчательно, что слова „священникъ“ и „причетникъ“ не пользовались популярностью; я не помню ни одного семинариста съ фамиліею Священникова или Причетникова; 4) имя отца, или дѣда — отсюда Ивановы, Васильевы, Карповы, Алексѣевы, Александровы, Антоновы, Петровы, Павловы и проч. По матерямъ слишкомъ рѣдко семинаристы прозывались.

Обучавшіеся же въ семинаріяхъ и вообще обнаруживавшіе притязаніе на ученость или остроуміе, давали фамиліи своимъ дѣтямъ, сообразуясь или съ тѣми качествами, которыя въ нихъ замѣчались, или съ тѣми надеждами, которыя на нихъ разсчитывали. Отсюда множество Смирновыхъ, Кротковыхъ, Славскихъ, Славнскихъ, Поспѣловыхъ, Чистяковыхъ, Надежныхъ, Надежныхъ, Разумовыхъ, Разумовскихъ, Добрыниныхъ, Добровыхъ, Твердовыхъ и проч. Тутъ, впрочемъ, очень любили фамиліи, составленныя изъ двухъ словъ, — особенно тѣ, въ которыя входили слова: Богъ, добро и благо. Отсюда безчисленное множество Тихомировыхъ, Остроумовыхъ, Миролюбовыхъ, Миротворскихъ, Миловинныхъ, Боголюбовыхъ, Благосвѣтловыхъ, Благонравовыхъ, Благосердовыхъ, Благондежныхъ, Чистосердовыхъ, Добромисловыхъ, Добролюбовыхъ, Добронадежныхъ, Доброхотовыхъ, Добронравовыхъ, Добротворскихъ и проч. Мы въ академіи любили смѣяться надъ своими новгородскими товарищами; ихъ было четверо: Боголюбовъ, Добронравовъ, Остроумовъ, Благовѣщенскій. Но русскій языкъ казался для многихъ недостаточнымъ, или можетъ быть надобно было блеснуть знаніемъ латинскаго или греческаго языковъ; отсюда Сперанскіе, Амѣнтеатровы, Палимсестовы, Урбанскіе, Антиситровы, Витулины, Мещеровы.

Само начальство не хотѣло тоже не заявить своего участія въ этомъ дѣлѣ; иные потому что отцы имъ самимъ предоставляли дать прозваніе сыновьямъ, а другіе даже отнимали у отцовъ право на это. Въ этомъ отношеніи замѣчательнъ былъ смотритель

скопинскаго училища Илья Россовъ. Для фамилій учениковъ онъ пользовался всѣми науками, особенно естественными и исторіей: у него были Орловы, Соловьевы, Волковы, Лисицыны, Алмазовы, Изумрудовы, Румянцовы, Суворовы, и проч. и проч. Однажды, онъ вздумалъ отличиться передъ правленіемъ семинаріи и обратить его вниманіе на свою изобрѣтательность. Онъ прислалъ списки, въ которыхъ ученики внесены были, такъ сказать, отдѣльными группами, по свойству своихъ фамилій, т. е. писались къ ряду Румянцовы, Суворовы, Кутузовы, потомъ Орловы, Соловьевы, Птицыны, далѣе Волковы, Лисицыны, Куницыны. Но правленіе семинаріи возвратило списки съ строгимъ выговоромъ и приказало составить ихъ по успѣхамъ учениковъ, а не по значенію фамилій ихъ.

Россовъ былъ семинаристъ, ему еще простительно было дѣлать глупости, но многіе отцы-ректора, академисты, магистры любили остроумнѣть по части фамилій. Если имъ почему-либо нравился какой-либо ученикъ, то они перемѣняли его фамилію и давали другую, которая имъ казалась лучше. Этой затѣйливостью отличался ректоръ рязанской семинаріи Илюдоръ, о которомъ придется мнѣ много говорить. Моего товарища Дмитрова перекрестилъ въ Меліоранскаго, ученика богословія Кобыльскаго — въ Богословскаго и проч.

Когда я уже былъ въ академіи, синодъ какъ-то догадался, что надобно положить конецъ этой безурядицѣ, которая была причиною многихъ недоразумѣній при дѣлахъ по наслѣдствамъ. Онъ издалъ указъ, которымъ предписывалось, чтобы всѣ священно- и церковно-служители поименовывались и подписывались по имени и фамиліи, чтобы дѣти ихъ имѣли фамиліи своихъ отцовъ. Въ это время мой батюшка рѣшился поступить довольно оригинально. У него уже было четверо дѣтей: я при должности, а прочіе еще обучались, но имѣли всѣ мою фамилію. Онъ подалъ прошеніе архіерею, чтобы ему самому дозволено было именоваться Ростиславовымъ. Точно также поступилъ мой дядя Иванъ Мартиновичъ: онъ изъ Весельчакова сталъ Добровольскимъ, потому что такъ прозывался его старшій сынъ, обучавшійся тогда еще, кажется, въ семинаріи. Я очень жалѣлъ, что не зналъ о намѣреніи батюшки перемѣнить свою фамилію. Не знаю почему онъ захо-

тѣлъ назвать меня Ростиславовымъ, но я не любилъ этой фамиліи; мнѣ пріятнѣе было бы быть Тумскимъ.

По возвращеніи насъ домой, скоро замѣтили, что я въ научномъ отношеніи не дѣлаю большого прогресса. Батюшкѣ препятствовали имѣть постоянный и бдительный надзоръ за мною его священническая и благочинническая должность, а матушка не могла быть моимъ руководителемъ по части грамматики и ариѳметики. Я-же, съ своей стороны, любилъ побѣгать по улицѣ, или въ избѣ пошалить, поговорить съ сестрами, тѣмъ болѣе, что какъ человѣкъ бывалый, видѣвшій въ Касимовѣ разные виды, могъ считать себя въ правѣ занимать разсказами всѣхъ, кто хотѣлъ меня слушать. Конечно, когда замѣчали мою неисправность и лѣность, пускали въ ходъ плетку, или пруть, — конечно непріятно было ощущать ихъ прикосновеніе къ своей особѣ, — поплачешь, примешься за урокъ, дня два—три будешь исправенъ; ну, а потомъ опять мало по малу живешь и бѣгаешь по прежнему. Вотъ почему и положено было послѣ святокъ отправить меня окончательно въ училище. Во время христославленія если какой-либо домохозяинъ не очень былъ щедръ къ моей особѣ, его уговаривали не обижать меня: „вѣдь ему нужны деньги: его, послѣ Крещенія, повезутъ въ Касимовъ“. Въ половинѣ января 1819 г. дѣйствительно начали готовить меня къ переселенію въ училище; сшили три пары бѣлья, связали теплые чулки, носки и варилки, покрыли нагольный, позношенный тулупъ полосатой нанкой, купили красный коломенковъ кушакъ, галстухъ на шею и платокъ носовой. А за день, или за два, матушка сама напекла для меня пышекъ. И тогда, даже и теперь въ Рязанской губерніи матери, при отправленіи своихъ дѣтей въ училище, или семинарію, послѣ всякаго каникулярнаго времени, готовятъ имъ изъ пшеничной муки десятка по два, или по три на каждаго, сдобныхъ пышекъ, запекая иногда въ нихъ яйца. Это лакомство семинаристу малолѣтнему даетъ возможность не вдругъ перейти на ученическую пищу; утромъ и по окончаніи послѣ-обѣденнаго класса, съѣвши пышечку, особенно съ яичкомъ, онъ поуспокоивается и съ меньшимъ горемъ идетъ въ классъ, или принимается за урокъ.

Всѣ приготовленныя для меня вещи были-бы мнѣ очень пріятны, если-бы я ими могъ пользоваться, живя въ Тумѣ, но

теперь они производили на меня непріятное впечатлѣніе. Училище мнѣ вовсе не нравилось. Бывши въ Касимовѣ, я, какъ выше сказано, даже не хотѣлъ и войти въ него. И дома конечно мнѣ приходилось сидѣть за книгою, но не болѣе—5—6 часовъ въ сутки. А въ училищѣ, какъ я видѣлъ уже, Ваня и его товарищи просиживали 6—7 часовъ въ классѣ, и возвратившись домой, принимались за уроки, сидѣли за ними цѣлый вечеръ, да и по утру вставали рано.

Потомъ, меня давно уже стращали училищемъ, когда замѣчали мою неисправность, лѣность и шаловливость. „Ну вотъ, погоди дружокъ, поступишь въ училище, тамъ отучать тебя отъ этого, тамъ вышколятъ тебя“. Частенько тоже случалось слышать рассказы духовныхъ лицъ, нашихъ гостей, о томъ, какъ ихъ сѣкали и шкодили въ семинаріи; иной даже, чтобы позабавиться, обращался ко мнѣ, приговаривая: „слушай, Митя, да на усъ наматывай: и тебѣ скоро придется ознакомиться съ училищными розгами; такія они свѣжія, жидкія, такъ плотно прилегаютъ къ тѣлу; чудо какъ хороши, лучше бани выпарятъ ими!“ Однажды, моя матушка, очень меня любившая, хотя и не потакавшая моимъ шалостямъ, говорила батюшкѣ: „что дѣлать нашему Митенькѣ въ училищѣ съ своимъ голосомъ? какъ ему выучиться пѣть по нотамъ?“ Папа мой хладнокровно отвѣчалъ матушкѣ: „ничего, не бойся, выучится и пѣть,—лоза выучитъ!“ Наконецъ и Ваня, въ каникулярное время, сообщилъ мнѣ много извѣстій объ училищномъ житьѣ-бытьѣ, о томъ, что ихъ учитель сердитъ и золь, что сѣкутъ ихъ больно, что вообще жизнь въ училищѣ не радостная. Кромѣ того, въ случаѣ какой-либо ссоры между нами, онъ говорилъ: „ну, смотри братъ, когда поступишь въ училище, я припомню это! Если станутъ тебя сѣчь, то я самъ возьму лозу и такъ тебя отпорою, что небу будетъ жарко, узнаешь меня!“ Послѣ всего этого возможно-ли было мнѣ оставаться равнодушнымъ и спокойнымъ при отъѣздѣ моемъ въ Касимовъ. Сестры мои тоже раздѣляли мое горе; когда пришлось мнѣ ѣхать, онѣ расплакались, но я, не знаю уже какимъ образомъ, удержался отъ слезъ, сѣлъ въ сани, гдѣ меня завернули въ тулупъ; тутъ, ни для кого не замѣтно, я немножко поплакалъ.

Батюшкѣ прежде всего нужно было позаботиться о квартирѣ для меня въ Касимовѣ. Онъ не довѣрялъ, да и имѣлъ причины

не довѣрять моему усердію къ наукамъ; при томъ, при самомъ лучшемъ усердіи, мнѣ нужны были руководители, которые-бы, хотя сколько нибудь, разъясняли мнѣ уроки, наставляли, когда я долженъ ходить въ классъ, готовить уроки. даже будили меня утромъ, иначе я могъ проспять половину класснаго времени.

Въ высшемъ отдѣленіи училища были, конечно, ребята рослые, здоровые, которые могли справиться и не съ такимъ ребенкомъ, какимъ я тогда былъ, но батюшка имъ не довѣрялъ, зная, что большая часть этихъ господъ сами еще имѣютъ нужду въ надзорѣ. Поэтому онъ нашелъ за лучшее поручить меня надзору хозяина и хозяйки. Ему, какъ священнику, и особенно какъ благочинному, давно уже былъ знакомъ повѣтчикъ Касимовскаго духовнаго Правленія Иванъ Ефимовичъ Бѣляевъ. У него-то меня и помѣстили на квартиру. Къ этому, можетъ быть, побуждало батюшку и то, что тутъ уже жили три семинариста Павелъ: Кудрявцевъ, изъ высшаго отдѣленія, сынъ заштатнаго погостинскаго священника Якова; Евсей Прудковъ, изъ низшаго отдѣленія, сынъ Прудковскаго священника Ивана Федотовича, и еще мой двоюродный братъ и односельчанинъ Ваня, товарищъ мой по второму приходскому классу.

Впрочемъ настоящимъ хозяиномъ дома былъ старикъ-вдовецъ и бездѣтный священникъ Успенской церкви отецъ Федоръ, который далъ квартиру у себя Бѣляеву, какъ мужу своей племянницы Анны Яковлевны; они-то и завѣдывали всѣмъ домашнимъ хозяйствомъ. Домъ былъ большой, съ мезониномъ. Но мы, семинаристы, являлись туда только по экстреннымъ случаямъ, по приглашенію, а помѣщались вмѣстѣ съ двумя работницами въ весьма тѣсной кухнѣ. Почти половина ея занята была русскою печью и чуланомъ, въ другой стоялъ столъ, скамейка, лохань для умыванья, были лавки и кутокъ; такъ что не только негдѣ было поставить для насъ кровати, но даже мы не могли всѣ улечься на лавкахъ; поэтому и спали большею частію зимою на палатахъ, на печи и на кутокѣ, а лѣтомъ на сушилѣ, или даже въ мезонинѣ.

Характеръ и нравственныя качества какъ хозяевъ, такъ и соквартирантовъ моихъ, равно какъ и домашней прислуги, не могли назваться благопріятными для новаго ученика приходскаго училища. Отецъ Федоръ почти каждый вечеръ бывалъ гдѣ-либо

въ гостяхъ и возвращался домой поздно ночью, большею частію на-веселѣ или совсѣмъ пьянымъ. Приѣдетъ бывало и такой подниметъ стукъ въ дверь сѣней, что даже мы просыпались. Онъ и не могъ и не хотѣлъ смотрѣть за мною; его о томъ даже едва ли просили. Иванъ Ефимовичъ былъ дѣловой приказный, но усердный почитатель Бахуса и страшный любитель картежной игры. Когда я уже былъ въ семинаріи, онъ проигралъ казенныя деньги, за что, равно какъ и за пьянство, былъ отставленъ отъ службы и потомъ еще жилъ нѣсколько десятковъ лѣтъ, промышленія составленіемъ кляузныхъ бумагъ и посѣщеніемъ кабаковъ. Этотъ господинъ не думалъ тоже за мною надзирать. Жена его, Анна Яковлевна, была очень умная, добрая и добросовѣстная женщина, но разумѣется не могла руководить меня въ ученыхъ занятіяхъ. Бѣляевъ, для удовлетворенія своей страсти къ игрѣ, часто уходилъ къ кому либо въ гости, особенно къ смотрителю гражданскаго уѣзднаго училища, или зазывалъ кого-либо къ себѣ. Но не рѣдко прихаживалъ даже на кухню и тутъ для шутки,— чтобы убить время, игрывалъ съ семинаристами въ карты, именно въ горку и въ три листика. Семинаристы оказались очень понятливыми и переимчивыми, такъ что когда я поселился съ ними, они уже всѣ трое были страстными охотниками покартежничать, просиживали иногда для этого чуть ни цѣлыя ночи, играя, разумѣется, на деньги. Анна Яковлевна допустила или не могла остановить это, потому что Кудрявцевъ и Прудковъ поступили къ ней на квартиру уже картежниками и взрослыми; Кудрявцевъ уже брилъ бороду, а Евсей оставленъ на другой курсъ въ низшимъ отдѣленіи; ей ихъ умирять такъ, какъ они меня умиряли, было уже трудно, даже невозможно, а Иванъ Ефимовичъ радъ былъ на бездѣльѣ хоть съ кѣмъ-нибудь поиграть. Кромѣ того и Кудрявцевъ, и Прудковъ любили уже и выпить. Ни одинъ изъ нихъ не кончилъ семинарскаго курса; оба поступили въ приказные: Кудрявцевъ — въ какое-то гражданское судебное мѣсто, гдѣ вскорѣ отъ пьянства умеръ, а Прудковъ въ консисторію, сначала Рязанскую, а потомъ Черниговскую — и тамъ, и тутъ былъ пьяницею и большимъ взяточникомъ. Даже мой милый братецъ Ваня былъ уже ловкимъ игрокомъ и молодцомъ на разныя штуки: онъ умѣлъ уже забирать въ долгъ калачи и другія лакомства, притомъ называясь не своимъ име-

немъ. Онъ, должно думать, далеко бы ушелъ по своимъ проказамъ, но въ концѣ 1819 года умеръ отъ горячки.

Такимъ образомъ, строго судя, трудно было мнѣ найти въ своей квартирѣ хорошихъ для себя руководителей. Кудрявцевъ неохотно оставлялъ свои занятія, Прудковъ самъ тихо учился, Ваня немного болѣе меня зналъ; только всѣ они, разумѣется, любили быть моими командирами и употреблять, особенно первые двое, даже для посылокъ. Впрочемъ Анна Яковлевна, не входя въ подробности ученой части, считала обязанностью слѣдить за моими занятіями и нравственностію; особенно зорко смотрѣла, чтобы я не сдѣлался картежникомъ и мотомъ и не ругался неприличными слова, а въ случаѣ какихъ либо проступковъ готова была меня и усовѣщивать, и наказывать.

Въ послѣднемъ случаѣ она находила усердную себѣ помощницу въ работницѣ Аннѣ. Какъ кухарка, она была женщина ловкая и честная, но злая въ высшей степени. Завися вполне отъ хозяевъ, она предъ ними была услужлива, развѣ только чѣмъ либо обиженная и раздосадованная говаривала грубости. За то какъ будто находила наслажденіе въ томъ, чтобы хоть на комъ нибудь сорвать свое сердце. Кудрявцевъ и Прудковъ были уже довольно взрослые, и живя давно въ этой квартирѣ, умѣли приглядѣться ко всѣмъ; этихъ обоихъ ужъ трудненько было Аннѣ Яковлевнѣ сѣчь, работницѣ Аннѣ бранить; послѣдней они сами умѣли давать счачу. Ваня былъ почти однѣхъ лѣтъ со мною, но живши полтора года въ Касимовѣ, приобрѣлъ опытность, какъ увертываться отъ бѣды. Такимъ образомъ бѣда вся валилась на меня. Этому былъ еще поводомъ сторонній случай. Батюшка мой, какъ-то однажды, замѣтивъ грубость Анны, сказалъ при ней хозяевамъ: охота вамъ держать такую мерзавку, я давно ее согналъ бы отъ себя. Анна, не имѣя возможности мстить моему батюшкѣ, обнаруживала всю свою злобу на мнѣ.

— Что вы, матушка Анна Яковлевна, мало сѣчете ребятъ; съ ними нечего церемониться; вѣдь шалуны страшные, особенно вотъ этотъ новенькій! Да сами, матушка, своихъ рукъ не марайте; у меня славная лоза приготовлена; велите-ка мнѣ съ нимъ расправиться. Вотъ я бы положила его на эту скамейку, или ущепила голову между ногами, ужъ у меня онъ не вывернулся бы изъ рукъ.—Позвольте-ка, матушка, позвольте.

Или получивши позволеніе, приговаривала:

— Вотъ этакъ лучше, да вы сами не смотрите, я ужъ не промахнусь, не ударю по рубашѣ; или: — что вы говорите: будетъ; нѣтъ, еще, еще, еще, вотъ этакъ, видишь бѣсенокъ, все вертится, надобно привязать къ скамейкѣ, или заставить робять держать его.

На все это жаловаться дома нельзя было. Мнѣ бы, по всей вѣроятности, не очень повѣрили, потому что меня считали шалуномъ и лѣнтяемъ. Но если бы и повѣрили, то тотчасъ не перевели бы на другую квартиру, а сначала переговорили бы съ хозяевами. Анна Яковлевна, разумѣется, сѣумѣла бы защитить себя и обвинить меня. Можетъ быть, кончилось бы тѣмъ, что еще попросили бы быть построже ко мнѣ. На Анну же жаловаться еще опаснѣе было. Хозяйка ее считали необходимою для себя; изъ-за моей жалобы ее бы не сослали; и она, узнавши о ней, постаралась бы въ извѣстномъ случаѣ приготовить получше логу и покрѣпче стегать ею меня. Затѣмъ мнѣ строго-на-строго семинаристы-квартиранты наговорили, чтобы я ни слова не говорилъ о томъ, что дѣлается въ квартирѣ, особливо о картахъ.

— Если ты хоть что-нибудь скажешь, ну тогда держись, мы тебѣ отплатимъ, вѣдь ты изъ нашихъ рукъ не вывернешься.

Надобно удивляться, какимъ образомъ я въ этой квартирѣ, съ одной стороны, не приучился къ пьянству, къ картежничеству, а съ другой—не сдѣлался трусливымъ, забитымъ, безхарактернымъ человѣкомъ. Пьяницею быть конечно мнѣ было еще раненько, да и Анна Яковлевна противъ такой наклонности, по всей вѣроятности, приняла бы рѣшительныя и суровыя мѣры, поручила бы Аннѣ выбить изъ меня дурь. Но къ картамъ пристраститься легко было; меня даже нерѣдко и приглашали принять участіе. Признаюсь, самая игра меня очень занимала и увлекала; не играя самъ, я любилъ смотрѣть, какъ другіе играютъ и просиживать около нихъ цѣлыя часы, даже за полночь. Къ счастью моему, я зналъ, что батюшка, узнавши о моемъ картежничествѣ, не далъ бы мнѣ потачки; я еще дома слыхалъ, съ какимъ негодованіемъ онъ всегда отзывался объ этой наклонности и при удобныхъ случаяхъ частенько мнѣ говаривалъ:

— Смотри, и ты не научись играть въ карты въ деньги; Боже

тебя сохрани, если я узнаю что-нибудь въ этомъ родѣ; тогда не проси у меня милости.

Что же касается до характера, то жизнь моя у Бѣляева приучила меня къ сдержанности, къ осторожности, къ молчаливости, которыя близко граничили съ скрытностію; но за то по неволѣ заставили меня искать опоры въ самомъ себѣ. Посовѣтоваться было не съ кѣмъ, а между тѣмъ затруднительные для меня случаи очень часто встрѣчались; приходилось самому все обдумывать и соображать; именно по неволѣ приходилось быть умнымъ.

Обдумывая теперь при старости тогдашнее мое житіе, я не назову его хорошимъ, оно было тяжело для меня; но вмѣстѣ съ тѣмъ думаю, что едва ли бы мнѣ лучше было, если бы меня поставили на другой квартирѣ. Вѣдь нанять для меня какую-либо богатую квартиру, приставить ко мнѣ хорошаго гувернера было, по тогдашнимъ понятіямъ, по условіямъ Касимовской жизни, по состоянію моего батюшки, невозможно; слѣдовало тоже помѣстить съ семинаристами у другихъ хозяевъ. Но семинаристовъ пускали въ себѣ на квартиру только причетники, рѣдко дьяконы и священники, бѣдные мѣщане и солдаты. Не красива и не просторна была наша кухня. Частенько случалось въ ней угарать отъ чаду, приходилось спать на полатахъ и пр. Но все таки у насъ не было такой отвратительной грязи, нечистоты и тѣсноты, какія встрѣчались въ другихъ квартирахъ. Анна Яковлевна сама очень заботилась о томъ, чтобы у насъ не заводились тѣ насѣкомыя, съ которыми семинаристы сродняются; она сама часто мнѣ мыла и чесала голову. Ея заботливости надобно приписать, что мы почти одни въ цѣломъ училищѣ не страдали чесоткою. Относительно пищи она тоже была добросовѣстна. Столъ нашъ конечно не отличался изысканностію и множествомъ блюдъ, состоялъ изъ щей и каши; но говядина и масло всегда были свѣжія, пища приготовлялась опрятно и вкусно; Анна—мой врагъ—въ этомъ отношеніи была мастерица. Весьма нерѣдко сама Анна Яковлевна съ нами вмѣстѣ ужинала. Для полдника, для завтрака мы могли брать хлѣба, сколько угодно, и если почему-нибудь не успѣешь позавтракать, то не запрещали запастись съ собою ломтемъ въ классъ; въ праздники жъ насъ угощали и пирогомъ и еще какимъ-либо блюдомъ. Въ другихъ квартирахъ пришлось бы имѣть общій столъ съ своими соквартирантами-семинаристами; а

они тогда рѣдко покупали говядину, довольствуясь только забѣливать щи сметаною. А если покупали говядину, то хозяйки уменьшали ее въ свою пользу, и снявши жиръ со щей и даже отливши часть ихъ, дополняли горшокъ водою: тутъ у меня, какъ я послѣ испыталъ, былъ бы большой проигрышъ. Если бы даже поставили меня къ какому либо хозяину на хлѣбникомъ, какимъ я былъ у Бѣляевыхъ, то и тутъ я не выигралъ бы. Всѣ такіе хозяева, какъ я слыхалъ отъ своихъ товарищей, поступали съ ними очень не добросовѣстно и нерѣдко морили голодомъ.

Конечно, мнѣ доставалось отъ Анны Яковлевны и отъ Анны и отъ сожвартіантовъ; приходилось выносить жестокія даже наказанія; но и въ другихъ квартирахъ, особенно пока я еще учился въ приходскомъ училищѣ, житье мое было бы не радость. Рѣдкіе хозяева или хозяйки не получали позволенія отъ отцовъ, или не считали себя въ правѣ смотрѣть за нами—семинаристами и принимать исправительныя мѣры. Можетъ-быть мнѣ пришлось бы рѣже знакомиться съ хозяйскою лозою, но за то таски, колотушки въ голову, кулачныя увѣщанія, удары толстымъ ремнемъ и палкою были бы вещью обыкновенною. Какой-либо мѣщанинъ, отставной солдатъ, дьячекъ и ихъ благовѣрные супруги поступали съ нашимъ братомъ и глупѣе, и грубѣе, и безчеловѣчнѣе, нежели Анна Яковлевна. Эта наказывала за проступки, за шалости, разобравши ихъ, а тѣ просто били бы чѣмъ и какъ ни попало. Но главное дѣло, меня надобно было бы еще отдать подъ надзоръ кого-либо изъ вышекласныхъ учениковъ. А эти господа, за немногими исключеніями, обращались съ ввѣренными имъ низшеклассными, особенно приходскими, несравненно безалабернѣе, безтолковѣе, безчеловѣчнѣе, нежели взрослые, хоть сколько-нибудь образованные люди. Мальчонка, будучи начальникомъ другаго мальчонки, дѣлается почти всегда его мучителемъ; ниже я опишу много возмутительныхъ подробностей по этой части. Конечно, я былъ очевидцемъ и пьянства, и картежничества моихъ сожвартіантовъ. Но въ тѣхъ квартирахъ, гдѣ командовали вышекласные, мерзостей было гораздо больше, нежели у насъ. Напр. Анна Яковлевна никакъ не позволяла употреблять площадную брань; услышавши ее, она не потакала даже большимъ. Картежная игра у вышекласныхъ была въ болѣеи модѣ, нежели у насъ на

квартирѣ, — проигрывали всѣ деньги, полученные отъ отцовъ, такъ что приходилось ѣсть одинъ только хлѣбъ. Пьянство было открытѣе, нежели у насъ: Кудрявцовъ и Прудковъ напивались гдѣ-либо не на своей квартирѣ и, пришедши домой, старались прикрыть свой грѣхъ отъ Анны Яковлевны. А гдѣ командовали вышеклассные, тамъ пили дома и маленькихъ дѣтей посылали въ кабакъ за водкой, и даже иногда принуждали и приглашали ихъ выпить. Право, кажется, мнѣ едва ли было бы лучше жить на другой квартирѣ, пока бы я не перешелъ въ высшее отдѣленіе.

Д. И. Ростиславовъ.

[Продолженіе слѣдуетъ].

ЗАПИСКИ Д. И. РОСТИСЛАВОВА,

ПРОФЕССОРА СПБ. ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ.

† 18-го февраля 1877 г.

ГЛАВА XV ¹⁾.

О томъ, гдѣ, кто и какъ насъ учили и надзирали за нами въ Насимовскомъ приходскомъ духовномъ училищѣ.

Приступая къ описанію моего ученія въ этомъ училищѣ, нужнымъ нахожу предварительно немного поговорить объ училищномъ домѣ. Онъ расположенъ былъ на углу обширной площади и одной изъ улицъ, имѣлъ довольно обширный дворъ, обстроенный почти со всѣхъ сторонъ большимъ, главнымъ, такъ сказать, корпусомъ, двумя флигелями, конюшнею, каретнымъ сараемъ, банею, ледниками и пр. По носившимся тогда слухамъ, онъ прежде принадлежалъ покойному священнику Успенской церкви и будто бы нашимъ смотрителемъ, при помощи какого-то мошенничества, отнять былъ у жены покойника, жившей по сосѣдству съ училищемъ въ домикѣ, на дворъ котораго отъ насъ была калитка, показывавшая, что оба дома принадлежали нѣкогда одному хозяину. Слухъ этотъ подтверждался снисходительностію, которую выказывалъ нашъ смотритель къ сосѣдѣ-попадѣ. Онъ, какъ увидимъ послѣ, былъ человекъ гордый, самолюбивый, пользовался большимъ уваженіемъ и, по русской поговоркѣ, никому не поз-

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1880 г., томъ XVII, стр. 1—38; 545—572; 681—704; т. XXVIII, стр. 35—68; 179—218; 385—408; изд. 1882 г., т. XXXIII, стр. 67—86; 657—672.

волялъ ступать себѣ на ногу. А между тѣмъ старуха-попадья, встрѣтится ли съ нимъ, увидить ли его на крыльцѣ своего дома на училищномъ дворѣ, принималась громко называть его разбойникомъ, грабителемъ, мошенникомъ, напоминала объ отнятіи у нея дома; это мы слышали иногда цѣлымъ училищемъ и достоуважаемый отецъ протоіерей смиренно переносилъ всѣ эти ругательства.

Большой домъ занятъ былъ квартирою смотрителя; каждый флигель состоялъ, если просто выразиться, изъ двухъ избъ, отдѣлявшихся другъ отъ друга большими сѣнями съ однимъ или двумя чуланами. Въ одномъ флигелѣ помѣщались высшее и низшее отдѣленія, а въ другомъ приходское училище и кухня. Аудиторія наши не отличались изящною отдѣлкою. Въ каждой изъ нихъ близъ самой двери стояла голландская кирпичная печь, даже никогда не бѣлившаяся; на стѣнѣ, противоположной съ дверью, висѣла плохенькая зачернившая икона, подъ которою гвоздочками прибиты были списоеъ учениковъ класса и перечень праздниковъ, въ которые не должно быть ученя. Ко всѣмъ стѣнамъ придѣланы были лавки, какія обыкновенно находятся въ деревенскихъ избахъ, такъ что сами учителя сиживали не на стулѣ, а на лавкѣ. Передъ ними стоялъ, разумѣется, столикъ, а для учениковъ вдоль двухъ продольныхъ сторонъ избы находились столы, но не той формы, какая принята для учебныхъ заведеній, а столы изъ трехъ скрѣпленныхъ между собою толстыхъ досокъ и утвержденныхъ на четырехъ толстыхъ ножкахъ; все это было самой простой, грубой работы. Одна часть учениковъ сидѣла на лавкѣ вдоль стѣны, а другая на скамьѣ, стоявшей по другую сторону стола; послѣдніе спиною къ срединѣ класса и къ учителю. Случалось впрочемъ, что скамьи иногда не было; тогда нѣкоторымъ нужно было стоять. Случалось также, что для половины или значительной части учениковъ не доставало и столовъ, тогда они сидѣли на лавкахъ, а если нужно было что нибудь писать, то становились на колѣна на полъ и, обратившись лицомъ къ лавкѣ, клали на нее бумагу.

Нечистота въ нашихъ аудиторіяхъ доходила чуть ни до самаго крайняго предѣла. Я даже не припомню, чтобы полы въ нихъ хоть когда нибудь мыли. Между тѣмъ каждый изъ насъ на своихъ ногахъ приносилъ въ классъ или пыль, или снѣгъ,

или уже готовую грязь; все это, разумѣется, оставалось главнымъ образомъ на полу, утаптывалось нашими ногами, постепенно наслоивалось, и составляло, такъ сказать, особую покрывку сверхъ полу, на которой по мѣстамъ возвышались затвердѣвшіе бугорки изъ грязи. Если же время было сырое, то составлялась болѣе или менѣе густая грязь, полъ дѣлался скользкимъ, такъ что, разыгравшись, мы падали прямо въ классическую грязь, которую съ полу ни смѣть, ни даже соскрести не было возможности. По лавкамъ и столамъ мы ходили тѣми же самыми ногами, которыя и на улицахъ и въ классѣ были загрязнены. Отъ этого, сядя на лавку или опираясь руками на столъ, бывало рискуешь замарать свое платье. Стѣны и потолокъ не были конечно столько же грязны, какъ полъ, но и не могли назваться чистыми. На нихъ ложилось множество пыли; но у насъ прибавлялся къ ней новый элементъ. Когда классы были холодны и мы нагрѣвали ихъ своимъ дыханіемъ, то водяные пары на потолокъ и стѣнахъ осаживались мало по малу и составляли капли. Часть этихъ капель съ потолка падала на насъ, а другая оставалась тамъ, и, смѣшавшись съ пылью, составляла особаго рода мастику, которая, просохнувъ, покрывала потолокъ. На стѣнахъ происходило тоже самое, съ тѣмъ только различіемъ, что капли не падали на насъ, а соединившись между собою текли внизъ, отчего стѣны разрисовывались затѣйливыми іероглифами.

Описаніе мое прилагается ко всѣмъ классамъ, но приходское училище имѣло еще нѣкоторыя особыя качества. Здѣсь дверь плохо притворялась и была съ порядочными щелями; наружный холодный воздухъ, втекая чрезъ нихъ и смѣшавшись съ менѣе холоднымъ комнатнымъ, производилъ близъ двери нѣчто въ родѣ тумана. Полъ былъ еще чернѣе, нежели въ прочихъ классахъ отъ кухни, имѣвшей общія стѣны съ классомъ. Кромѣ того, нѣкоторыя половыя доски въ классѣ по мѣстамъ сгнили и проломились, такъ что чрезъ составившіяся отверстія мы могли спускаться въ подполье. Классы не имѣли каменнаго фундамента и нижнія бревна ихъ лежали на столбахъ въ порядочномъ разстояніи отъ земли. На зиму они обваливались, такъ называемыми завальнями, но лѣтомъ завальни отбрасывались и такимъ образомъ оставалось свободное пространство, чрезъ которое открывалась дорога въ подполье. Отъ этого въ приходскомъ училищѣ можно было, спустив-

пись сквозь отверстіе въ полу въ подполье, выйти на площадь и послѣ прогулки возвратиться тою же дорогою въ классъ.

Въ этой-то аудиторіи помѣщались и первый и второй классъ приходскаго училища, хотя каждый изъ нихъ долженъ былъ существовать отдѣльно отъ другаго и имѣть особаго учителя. Но въ нашемъ училищѣ было не одно это отступленіе относительно учителей. По уставу ихъ должно бы быть шесть: два въ высшемъ, два въ низшемъ отдѣленіяхъ уѣзднаго училища и два въ приходскихъ классахъ; между тѣмъ какъ всего было только три учителя и четвертый смотритель, который впрочемъ считался преподавателемъ одной географіи. Такая экономія въ учителяхъ не вліяла на экономію въ деньгахъ; жалованье, слѣдовавшее шести учителямъ, раздѣлялось между тремя и смотрителемъ.

Описавши классическія комнаты, теперь приступлю къ описанію людей, которые въ нихъ временно помѣщались; начну съ должностныхъ лицъ, которые раздѣлялись на два разряда: низшій и высшій. Къ первому принадлежали аудиторы, цензора или старшіе и дневальные изъ учениковъ, а ко второму смотритель и учителя.

Въ то время, какъ я поступилъ въ приходское училище, на оба его класса было только два аудитора: Соловьевъ и Веселкинъ. Обязанность ихъ состояла въ томъ, чтобы узнать каково приготовлены мальчиками уроки; это выражалось техническимъ словомъ слушать или прослушать, слушаться или прослушаться. Хорошая или дурная подготовка урока отмѣчалась въ нотатѣ. Это была тетрадка въ листъ или два: на первой ея страницѣ красовались крупными буквами слова: нотата учениковъ такого-то отдѣленія или класса за такой-то мѣсяць или треть; аудиторъ такой-то и такой-то. На слѣдующихъ страницахъ писались имена и фамиліи учениковъ; и противъ каждаго изъ нихъ на двухъ страницахъ квадратики, въ которыхъ аудиторъ отмѣчалъ степень знанія или незнанія уроковъ учениковъ. Въ приходскомъ училищѣ мы латинскаго языка вовсе не знали, и только къ концу втораго года насъ учили читать по латыни и еще начаткамъ грамматики, а между тѣмъ, по заведенному издавна обыкновенію, отмѣтки дѣлались начальными буквами латинскихъ словъ, которыя мы произносили по своему. Знаки эти и слова были слѣдующія: sc—sciens (знающій), ns—не-

sciens (ничего не знающій), nt — non totum (знающій часть урока), nr — non recitabat (отказался или не успѣлъ прослушаться), er — errans (не твердо знающій); кромѣ того, были еще отмѣтки: ag — aegrotus (боленъ), ab — absens (не пришелъ въ классъ по лѣнности, или по неизвѣстной какой-либо причинѣ). Но мы эти слова произносили: ссіенсъ, нессіенсъ, нонтотъ, нонресценсъ, ѳрансъ, ѳгеръ; только одинъ absens былъ говариваемъ правильно.

Аудиторы, будучи такими-же мальчиками, какъ и прочіе ученики-дѣти, не имѣли никакого педагогическаго такта. Для нихъ знать урокъ тоже значило, что прочитатъ его слово въ слово, безъ всякихъ опущеній и прибавленій; прочитавшій такимъ образомъ былъ ссіенсъ. Но если мальчикъ что-либо пропустить, прибавить, замѣнить одно слово другимъ совершенно съ нимъ сходнымъ, напр. вмѣсто итакъ, скажетъ слѣдовательно, или есть вмѣсто находится; если въ перечнѣ словъ, помѣщенныхъ въ какомъ-либо правилѣ или исключеніи изъ него, перестановить ихъ, напр. вмѣсто шея, веревъ, прочитаетъ: веревъ, шея, то уже онъ ѳрансъ. Аудитору можно было даже знающаго записать незнающимъ, потому что учителя большею частію считали необходимымъ имѣть въ немъ довѣріе и поддерживать ихъ авторитетъ. Если бы ученикъ, который записанъ нонтотъ, ѳрансъ, нессіенсъ, и прочиталъ хорошо учителю урокъ, то аудиторъ въ свое оправданіе говаривалъ: да онъ послѣ уже выучилъ, а когда я слушалъ его, онъ не зналъ; и оправданіе это принималось безъ аппеляціи, но отмѣтка въ нотатѣ оставалась неизмѣненною и если подобные случаи повторятся на недѣлѣ раза три, то ученикъ будетъ все-таки лѣнливимъ и его не только поставятъ на колѣни, но даже и высѣкутъ. Съ другой стороны, если учитель, прослушавъ самъ учениковъ, найдетъ, что какой-либо ссіенсъ не знаетъ урока, тогда и аудитору достанется; можетъ быть иногда ученика и простятъ или легко накажутъ, но большею частію велятъ высѣчь; а аудитора почти всегда сѣкали на славу, только не тѣ ученики, которые у него слушались, а другіе; да и учитель, опасаясь, чтобы не было пристрастія, строго самъ слѣдилъ за сѣченьемъ и при малѣйшемъ послабленіи покрикивалъ на сѣкущаго; иные же учителя сами бирали въ руки лозу и стегали ею чиновнаго ученика. Аудиторы, понимая и свои права и опасности,

имъ грозящія, были не только чрезвычайно придирчивы, но и требовали отъ своихъ подчиненныхъ вознагражденія за свои труды. Принесешь-ли въ классъ ломоть хлѣба, пышку или купишь кашачь, грѣчушникъ и пр., надобно непременно подѣлиться съ аудиторомъ; онъ и самъ подойдетъ и попроситъ, но лучше уже подойти къ нему и угостить его безъ просьбы. Иначе услышишь:

— Эй смотри, братъ; ты знать меня не хочешь; припомню тебѣ.

Если же кто ничего изъ снѣденнаго не носитъ въ классъ, то ему напомнятъ о его невнимательности къ начальству:

— Ты, братъ, давно уже мнѣ ничего не давалъ, вотъ я подѣну тебя; узнаешь меня.

А то, не говоря ни слова, начнетъ писать ѳрансъ, нонтоть, хотя бы мальчикъ и зналъ урокъ, и въ этомъ случаѣ, какъ я уже сказалъ, послѣдствія бывали непріятныя. Чтобы отомстить за невниманіе къ себѣ, аудиторы употребляли и экстренныя средства. Обыкновенно положено было слушать только прежде, нежели звонокъ пробьетъ. Теперь аудиторъ подходящему мальчику говорить:

— погоди, я сейчасъ тебя прослушаю.

А между тѣмъ время уходитъ и вотъ зазвенѣлъ колокольчикъ, — тогда и пишется нонресценсъ. Въ другихъ случаяхъ, когда мальчикъ задумался, заигрался, или занялся зубреніемъ урока, аудиторъ подбѣгаетъ къ нему сзади, беретъ его за плечи и говоритъ:

— Ну, читай скорѣе, читай, вотъ скоро звонокъ.

Мальчикъ отъ неожиданности не вдругъ припомнитъ первыя слова урока, остановится на минуту, а аудиторъ, обратившись къ окружающимъ, скажетъ:

— Вотъ, братцы, смотрите, ничего не знаетъ, — и пишетъ несценсъ.

По всѣмъ этимъ причинамъ мы, бывало, прихаживали какъ можно ранѣе въ классъ, за часъ, даже за полтора часа до срока, чтобы успѣть прослушаться, а потомъ до самаго нельзя боялись и старались всѣми средствами умиловить аудитора; а онъ, понимая свою важность, могъ тиранствовать надъ нами.

Другая начальственная должность въ каждомъ изъ классовъ духовныхъ училищъ была должность цензора или старшаго. Для

нея избирался самый лучший, первый ученикъ, но иногда не лучший, но за то здоровый и сильный молодецъ. Это былъ нѣчто въ родѣ гувернера, или помощника инспектора. До звонка ученики большею частію мало сидѣли на своихъ мѣстахъ, а ходили по свободнымъ мѣстамъ класса, бѣгали по партамъ; слушались у аудитора, играли, шумѣли и пр. Впрочемъ и тутъ придирчивый и осторожный старшій имѣлъ право усмирять слишкомъ уже разрѣзвившихся своихъ сотоварищей. Но вмѣстѣ съ звонкомъ, возвѣщавшимъ казенное начало класса, власть цензора являлась во всей уже силѣ. Заслышавъ его, онъ важно и громко кричить:

— Эй вы, по мѣстамъ! Что же не садитесь? Въ записку запишу.

Запискою назывался небольшой клочекъ бумаги, въ которую вписывались имена и фамиліи тѣхъ учениковъ, которые оказались виновными въ какомъ-либо проступкѣ, напр.: шумѣли, подрались, убѣгали изъ класса, оказали неповиновеніе старшему, и пр. Начинались обыкновенно они крупными словами: ученики такого-то класса, потомъ писались имена и фамиліи учениковъ, а внизу описывался ихъ проступокъ; напр. относительно шумѣвшихъ писали такъ: сіи ученики шумѣли, или очень громко шумѣли. Если же кто-либо отличался особенною шаловливостію или повторилъ свой проступокъ, то подъ его фамиліей проводилась черта, или двѣ и три,—это называлось подчеркнуть. Ученики, слышавъ грозное: запишу въ записку, старались поскорѣе занять свои мѣста. Старшій въ это время большею частію стоялъ на своемъ мѣстѣ или похаживалъ по классу, посматривалъ на всѣхъ, на того прикрикнетъ, другому пригрозить, а случалось и потреплетъ за волосы или сдѣлаетъ какую-либо другую ручную расправу. Когда уже все утихнетъ, старшій все таки посматриваетъ на своихъ подчиненныхъ; при строгой дисциплинѣ считалось преступленіемъ не только шептать съ сосѣдомъ, но даже минами и жестами переговаривать съ кѣмъ-либо, даже повертываться на своемъ мѣстѣ.

— Эй ты, что ты тамъ вертишься, или шепчешь; вотъ я тебя сейчасъ въ записку.

Послѣ звонка никто изъ учениковъ не смѣлъ выходить изъ класса безъ дозволенія цензора, который слѣдилъ, чтобы отпросившійся

отпросился въ свое время. Даже и при учитель надзоръ старшаго не прерывался; замѣтивъ какую-либо неисправность или неприличіе, онъ сейчасъ о томъ докладывалъ учителю. Нами командовалъ сначала Соловьевъ, а потомъ Добромысловъ; они случайно соединяли оба качества, необходимыя для старшихъ, т. е. превосходили насъ по успѣхамъ, по росту и силѣ.

Аудиторы и цензоры избирались на неопредѣленное время и увольнялись отъ своихъ должностей по какимъ-либо причинамъ, которыя показывали ихъ неспособность. Кромѣ этихъ двухъ аристократическихъ должностей, была третья—плебейская, которую исправляли по очереди всѣ ученики, кромѣ высшихъ должностныхъ лицъ; это должность дневальнаго. Онъ обязанъ былъ запереть классъ и держать ключъ у себя въ то время, когда ученики не сидѣли въ классахъ. Поэтому утромъ и послѣ обѣда онъ долженъ былъ приходиться въ училище ранѣе всѣхъ, чтобы ученикамъ не приходилось стоять въ сѣняхъ или на дворѣ. Отступленіе отъ этого закона, особенно очень значительное, влекло за собою не только неудовольствіе отъ товарищей, но и наказаніе отъ учителя. Затѣмъ съ вечера, или по утру, но во всякомъ случаѣ ранѣе прихода учителя дневальный обязанъ былъ заготовить достаточное количество розогъ. Въ благоустроенныхъ, такъ сказать, училищахъ, но очень немногихъ, розги запасались служителями преимущественно на кухнѣ, соблюдались у нихъ и забирались въ классъ, смотря по надобности, и потомъ опять относились къ служителямъ, которыхъ усмотрѣнію предоставлялось обсудить, можно ли было ихъ еще назначить для новаго употребленія. У насъ все лежало на дневальномъ и если онъ не приготавливалъ розогъ, понадѣявшись на то, что учитель никого не высѣчетъ, или розги окажутся въ недостаточномъ количествѣ или съ качествами, несоотвѣтственными ихъ спеціальному назначенію, тогда дневальный былъ почти всегда наказываемъ и очень больно.

Розги же у насъ большею частію состояли изъ гибкихъ, не очень тонкихъ, но и не толстыхъ ветловыхъ или березовыхъ прутьевъ; отдѣльно по одному ихъ не употребляли для сѣченья, развѣ только иногда ветловый, но уже довольно толстый пруть, и то для маленькихъ мальчиковъ, полъ за лозу; обыкновенно же связывали пучокъ изъ нѣсколькихъ, никакъ не менѣе 3-хъ. Догадливые учителя приказывали связывать пучки только вверху—на концѣ, гдѣ

ихъ брали въ руку. Это дѣлалось съ особою цѣлью. Когда нужно было сѣчь, то лозу расправляли, т. е. на нижнемъ концѣ ея, который долженъ былъ падать на тѣло, раздвигали прутья такъ, чтобы каждый по возможности отдѣлялся отъ другаго, чтобы всякій, такъ связать, самостоятельно дѣйствовалъ, не ослабляя удара своего сосѣда. Связывать надобно было крѣпко, чтобы при самомъ сильномъ размахѣ ни одинъ пруть не отдѣлялся отъ пучка, иначе съ дневальнымъ могла случиться непріятность за небрежность.

Послѣ звонка, возвѣщавшаго начало класса, дневальный отправлялся къ учителю съ докладомъ о томъ, приносилъ иногда оттуда какія-либо книги, нужныя для учителя во время класса, или ученическія тетради, бывшія на разсмотрѣніи у учителя. Иногда въ экстренномъ какомъ-либо случаѣ получалъ приказъ приготовить какъ можно лучше и побольше розогъ,—ну тогда, бывало, у всѣхъ мурашки бѣгаютъ по тѣлу. Далѣе онъ обязывался, когда это было удобно, но, разумѣется до прихода учителя, вымести классъ. Ни щетокъ, ни метель, ни вѣшниковъ казенныхъ у насъ не полагалось. Поэтому наши дневальные иногда брали какой-либо вѣшникъ у своей хозяйки, и имъ подметали классъ, т. е. соръ съ незанятыхъ учебными столами мѣстъ сметали подъ нихъ, отчего у насъ подъ лавками иногда накаплилась не только пыль, а груды песку, обломковъ розогъ и пр. За недостаткомъ вѣшника отправлялъ его обязанность кушакъ или полы платья ученика; нѣкоторые даже снимали съ себя тулупъ, халатъ или сибирку и ими выметали классъ. Впрочемъ у насъ на зиму не рѣдко запасались нами же самими голики или метлы, изъ длинныхъ березовыхъ прутьевъ, которые вмѣстѣ съ тѣмъ служили матеріаломъ и для розогъ. Наконецъ дневальные же обязывались въ зимнее время не только истопить печь въ классѣ, но и нарубить дровъ для этого. Начальство и здѣсь не давало ни топора, ни кочерги; мы ихъ приносили съ квартиръ. Занятый столь многими обязанностями, дневальный долженъ былъ получать за то хоть какое-либо вознагражденіе. Оно почти вездѣ состояло въ томъ, что онъ уже не прочитывалъ урока предъ аудиторомъ, отличался въ нотатѣ только дневальнымъ, во многихъ мѣстахъ стоялъ или сидѣлъ поближе къ двери или къ тому мѣсту, гдѣ хранились розги и производились экзекуціи, чтобы тотчасъ по востребованію быть на готовѣ. Тамъ, гдѣ дневальный

исправлялъ должность экзекутора, ученики, ожидавшіе, что ихъ въ тотъ день высѣкутъ, старались задобривать его и упрасивали, чтобы онъ былъ посписходительнѣе къ нимъ.

Выше классическихъ старшихъ и аудиторовъ была, кромѣ учителей, еще очень важная начальственная особа для всего училища, именно старшій выспаго отдѣленія. Онъ былъ старшимъ не только своего класса, но и всего училища,—нѣчто въ родѣ помощника инспектора. Онъ имѣлъ право входить въ каждый классъ въ отсутствіе учителя и принимать мѣры къ прекращенію безпорядковъ, т. е. оттаскать за волосы, надавать пощечинъ, подзатыльниковъ и пр. или донести смотрителю и инспектору; смотрѣлъ, чтобы всѣ мы ходили въ церковь въ воскресенье и праздничные дни къ заутренѣ и обѣднѣ, и вели тамъ себя благоговѣйно; былъ нашимъ предводителемъ и командиромъ, когда мы отправлялись за травами, о чемъ будетъ сказано въ другой главѣ, и пр. и пр.; повторю опять—чѣмъ-то въ родѣ помощника инспектора, хотя въ случаѣ неисправности, сѣдѣли его также, какъ и прочихъ, едва ли даже не больнѣе.

Высшее наше начальство,—учителя въ приходскомъ нашемъ училищѣ,—сосредоточивалось въ одномъ лицѣ, соборномъ священникѣ Михаилѣ Яковлевичѣ Миртовѣ. Ростомъ онъ былъ чрезвычайно малъ, развѣ верхкомъ болѣе двухъ аршинъ; не зная слова: карликъ, мы его звали капсюкомъ. Это былъ почти типъ учителей духовныхъ училищъ того времени. О разъясненіи уроковъ онъ почти вовсе не заботился. Лекціи его по русской грамматикѣ и катехизису ограничивались только словами: выучить отъ такого-то до такого-то слова, или выучить еще два стиха, два-три примѣра, остальную полстраницу и т. п. Я рѣшительно не помню, чтобы онъ когда-либо хотъ что-нибудь по этимъ предметамъ изъяснялъ. Если дѣло касалось ариометики, то онъ обыкновенно спрашивалъ: — Не знаетъ ли кто впередъ? И если кто-либо отвѣчалъ: я знаю, то Михаилъ Яковлевичъ ставлялъ его на доскѣ дѣлать одинъ или два примѣра, помѣщенные въ ариометикѣ Куминскаго. Но такъ какъ импровизированный математикъ подвергался опасности быть высѣченнымъ, если плохо дѣлалъ задачку, то и охотниковъ временно принимать на себя эту должность было немного. И потому Михаилъ Яковлевичъ большую часть ариометическихъ лекцій ограни-

чивалъ словами: выучите правило, напр. умноженія, и о томъ какъ дѣлать умноженіе, спросите низшеклассныхъ или высшеклассныхъ. Когда онъ приказывалъ намъ дѣлать грамматическіе разборы, то и тутъ разсматривалъ онъ только одну или двѣ тетрадки,—разумѣется старшаго или аудиторомъ и потомъ уже имъ поручалъ находить ошибки въ прочихъ разборахъ. Но относительно обученія нотному пѣнію и письму Михаилъ Яковлевичъ отступалъ отъ описанныхъ педагогическихъ пріемовъ, можетъ быть, потому что онъ хорошо зналъ церковное пѣніе и писалъ очень хорошимъ почеркомъ. Каждый урокъ изъ нотнаго пѣнія онъ въ классѣ напередъ пропѣвалъ одинъ или вмѣстѣ съ нами. Тетрадки же наши съ чистописаніемъ разсматривалъ самъ всѣ безъ исключенія, давалъ рекомендацію, исправлялъ инныя буквы, назначалъ, сколько страницъ нужно было написать къ слѣдующему классу, означая это написанными словами: къ N числу, потомъ починавалъ иногда перья тѣмъ, которые говорили, что они не могутъ ихъ починавать, и вмѣсто прописей, которыхъ у насъ не было, давалъ каждому изъ насъ списокъ, т. е. имъ самимъ исписанную страницу, которая должна была служить образчикомъ. Наконецъ иногда заставлялъ мальчика писать при себѣ и даже водилъ его рукою; только это было для насъ скорѣе вредно, нежели полезно; мы такъ боялись Михаила Яковлевича, что когда онъ заставлялъ насъ при себѣ писать, то у насъ дрожали руки и мы не только дурно писали, но и препятствовали ему хорошо водить нашу руку; часто этотъ педагогическій опытъ оканчивался таскою, оплеухою, или розгою за непонятливость.

Исправительныя мѣры въ Касимовскомъ училищѣ были тѣ же самыя, какія въ то время употреблялись въ низшей и высшей степени во всѣхъ почти училищахъ, съ нѣкоторыми развѣ отступленіями. Самою слабою исправительною мѣрою, даже не наказаніемъ, считалось, если учитель подеретъ за волосы или за ухо, употребляя для этого только большой и указательный палецъ своей руки. Михаилъ Яковлевичъ особенно любилъ драть, или щипать насъ за волосы. Довольно щедръ онъ былъ на оплеухи, подзатыльники и вообще удары въ голову: они намъ казались почувствительнѣе пощечинъ, которыя нарумянивали наши лица лучше всякихъ косметическихъ средствъ. Бывали по временамъ таски или трепки, когда г. педагогъ,

взявши всѣми пальцами одной или обѣихъ рукъ за волосы, сообщалъ головѣ нашей разностороннее движеніе, которое иногда передавалось всему тѣлу, такъ что наказываемый не устывалъ на ногахъ и все его тѣло, касаясь пола только пальцами ногъ, переносилось изъ одной стороны въ другую; въ этомъ случаѣ, при особенномъ усердіи наказывающаго, иногда бывало закружится голова и потеряется сознание. Но странно, что и на такія даже таски, когда не досчитывалось на головѣ много волосъ, мы смотрѣли не очень серьезно, и ставили ихъ ниже многихъ другихъ наказаній, вѣроятно потому, что они скоро ованчивались и не требовали никакихъ приготовленій.

Къ настоящимъ наказаніямъ принадлежало, по нашему мнѣнію, стояніе столбомъ или на колѣнахъ какъ на своемъ мѣстѣ, такъ и на срединѣ (такъ называли мы мѣсто, не занятое учебными столами), или у печки, у дыры. Эта мѣра была у насъ въ самомъ обширномъ употребленіи; рѣдкій классъ не стояло столбомъ или на колѣнахъ нѣсколько учениковъ; дѣло доходило иногда до пятой части и болѣе; хоть и очень рѣдко, а ставимы были и всѣ. Стоя на мѣстѣ, можно было опереться на столъ, наклониться и положить руки на скамью. Но на срединѣ другое уже дѣло. Тамъ надобно было стоять и на ногахъ, и на колѣнахъ прямо, чуть не въ вытяжку; а если кто, стоя на колѣнахъ, присаживался на свои пятки, и это узнавалъ учитель, то немедленно доставалось той части тѣла, которая, забывъ училищную дисциплину, опускалась и касалась пятокъ. На срединѣ, обыкновенно ближе къ двери, иногда набиралось такъ много народу, что вошедшему не легко было пробраться сквозь стоящихъ, и какъ мы говорили, сидящихъ на колѣнахъ. Кромѣ виновныхъ, которые туда посланы были самимъ учителемъ, тутъ стояли всѣ, явившіеся въ первый разъ послѣ болѣзни, послѣ какой либо отлучки вонъ изъ училища, напр. даже въ церковь во время именинъ своихъ и пр.; всѣ должны были стоять и ждать, пока учитель или самъ собою или по докладу старшаго не догадается спросить: что ты стоишь? и, получивъ удовлетворительный отвѣтъ, не позволить сѣсть на мѣсто. Отъ этого иногда приходилось быть высѣченнымъ, какъ мы выражались, по-напрасну. Къ стоящимъ на срединѣ Михаилъ Яковлевичъ былъ стрѣже, нежели къ сидящимъ на своихъ мѣстахъ; послѣднихъ ставилъ столбомъ или

на колѣни за такой проступокъ, за который первыхъ непременно сѣкъ. И вотъ частенько только что за выздоровѣвшимъ или возвратившимся изъ дома или пришедшимъ именинникомъ замѣчалась какая либо неисправность и проступокъ. Учитель, полагая, что виновный уже за что-то въ наказаніе стоитъ на срединѣ, тотчасъ приказываетъ его высѣчь; разумѣется это живо исполняется. По робости и застѣнчивости многіе боялись, по поговоркѣ, и ротъ разинуть, ложились и терпѣли; но за то другіе посмѣлѣе, особенно старшій и аудиторы, докладывали учителю:

— Вѣдь онъ стоитъ тамъ по такой-то причинѣ;—и дѣйствительно большею частію наказаніе розгами замѣнялось чѣмъ-либо другимъ. Замѣчательно, что выздоровѣвшаго больного сейчасъ же выручали изъ бѣды; но объ именинникѣ и пріѣхавшемъ изъ дома мало заботились. Всѣмъ очень правилось, если именинника высѣкутъ. Это считалось предназначеніемъ, что его цѣлый годъ часто, пречасто станутъ сѣчь.

— Вотъ-те именинникъ! съ именинами поздравляемъ,—говорять бывало наказанному по выходѣ учителя. О причинѣ, почему всѣмъ нравилось, когда сѣкли только что пріѣхавшаго изъ дома, будущіе мои читатели едва ли догадаются. Вслѣдствіе какого-то дикаго настроенія ученикамъ особенно пріятно было, когда подвергался розгамъ давно не сѣченный, у котораго никакихъ нѣтъ рубцовъ и другихъ багровыхъ или синихъ знаковъ на извѣстной части тѣла; всѣ, кому можно было видѣть, съ какимъ-то отвратительнымъ злорадствомъ смотрѣли, какъ на обнаженное, совершенно чистое, бѣлое или слегка зарумяненное тѣло падала лоза и рисовала на немъ красные и синіе рубцы, а экзекуторъ, бывало, съ удовольствіемъ говаривалъ:

— Ухъ какъ любо было сѣчь его; ни пятнышка не было, ну ужъ я за то разрисовалъ ему!

Потомъ еще нравилось, когда наказываемый одѣтъ былъ въ чистое бѣлье, которое ручалось почти всегда за то, что тѣло вымыто хорошо. При такомъ дикомъ и отвратительномъ настроеніи, что же удивительнаго, если нравилось, чтобы высѣкли только что возвратившагося изъ дома? Вѣдь его, разумѣется, при отправленіи въ дорогу, мать вымыла отлично въ банѣ, надѣла на него лучшую рубаху и подштанники;—вѣдь вѣрно его дома и не сѣкли. Ну какъ же не порадоваться, что такого нѣжоночку тотчасъ срав-

няють съ прочими, у которыхъ и бѣлье зачернилось, и известную часть тѣла поразрисовали? По тѣмъ же самымъ побужденіямъ весьма нравилось, когда приходилось сѣчь того, кто былъ въ банѣ въ тотъ же самый день. Непріятно даже вспоминать, что когда бывало доложить учителю о томъ, что высѣченный есть именинникъ, или только что возвратился изъ отцовскаго дома, то всѣ обыкновенно принимались смѣяться; самъ учитель улыбался и потомъ прибавлялъ:

— Ну, ничего, пройдетъ, зачту когда-нибудь тебѣ это послѣ.

Кромѣ того, по забывчивости или намеренно, учитель продерживалъ иныхъ на колѣнахъ на срединѣ не только цѣлый клаеся, или день, а недѣлю, даже мѣсяцъ. И такъ какъ становились на колѣни не со времени прихода учителя, а съ самаго начала класса, тотчасъ послѣ звонка,—за чѣмъ строго слѣдилъ старшій, то почти всякій ужасно утомлялся въ концѣ класса; а отъ нѣсколько дневнаго, недѣльнаго, особенно мѣсячнаго стоянья на колѣнахъ протиралось бѣлье и появлялись синяки, тѣмъ болѣе, что иногда требовалось изъ подъ колѣнъ даже полы платья вынуть. Тутъ уже, по моему мнѣнію, лучше бы высѣчь, нежели держать на колѣнахъ; впрочемъ иногда и сѣкли, но все-таки оставляли на колѣнахъ, но у другихъ учителей было уже принято, чтобы высѣченный, если онъ до того стоялъ столбомъ, или на колѣнахъ, уже садился на свое мѣсто. Не было ли тутъ адскаго расчета, чтобы наказанный сидѣлъ на той части, на которой, можетъ быть, отъ послѣдствій сѣченія трудно сидѣть прямо? Пожалуй возможно.

Было у насъ еще наказаніе, которое можно назвать специальнымъ, потому что ему подвергали почти только за проступки по части письменности. Оно называлось пѣлями (именительный падежъ единственнаго числа — пѣля). Для этого брали не широкую досчечку въ $\frac{1}{2}$ или $\frac{3}{4}$ аршина длины; на одномъ концѣ выдѣлывали кругъ въ вершокъ въ діаметрѣ, такъ чтобы одна поверхность имѣла небольшую выпуклость; остальная часть досчечки обдѣлывалась въ видѣ рукоятки. Когда нужно было дать палю ученику, то онъ вытягивалъ свою которую либо руку ладонью вверхъ, а учитель, держась за конецъ черенка, съ большею или меньшею силою, ударялъ выпуклостію кружка въ средину ладони; самый ударъ назывался тоже палю. Но у насъ вмѣсто пали

употреблялась толстая, широкая и довольно длинная линейка; Михайлъ Яковлевичъ бралъ одинъ конецъ ея въ свою руку, а другимъ съ полного размаха ударялъ по пальцамъ и ладони руки. Педагогъ наказывалъ палями преимущественно въ томъ случаѣ, когда былъ дурно написанъ заданный урокъ по части чистописанія; онъ, вѣроятно, полагалъ, что такъ какъ для письма употребляется правая рука, то ее и надобно наказывать за не-исправности по этой части; впрочемъ, позволялось намъ подставлять и лѣвую руку подъ линейку, когда давалъ не одинъ ударъ. Да и дѣйствительно болѣе двухъ ударовъ къ ряду вынести почти было невозможно, но ихъ иногда отпускалось по три и по четыре; отъ большого количества палъ на ладонѣ и пальцахъ появлялась такая опухоль, что уже вовсе нельзя было ничего писать. Если мальчикъ, по чувству инстинктивнаго самосохраненія, особенно при второмъ и такъ далѣе ударѣ, отстранялъ свою руку и такимъ образомъ размахъ пропадалъ даромъ, то приказывалось вновь подставить руку, и если и послѣ того она отодвигалась, то уже приходилось оплачивать за то другой части тѣла подъ розгою. Употреблялись нами и другія средства для ослабленія силы удара. Между нами было убѣжденіе и, кажется, основательное, что сильно разгоряченная ладонь бываетъ не такъ чувствительна къ ударамъ; поэтому мы, ожидая палю, старались натирать ладонь свою объ одежду, особенно суконную. Иногда подерживали правую руку лѣвою (что не запрещалось); мы предъ самымъ ударомъ старались на начало кисти надвигать кончикъ рукава: чрезъ это ударъ ослаблялся. Но увы! за тотъ и другой маневръ, если они были подмѣчены, наказаніе увеличивалось или замѣнялось другимъ болѣе чувствительнымъ.

Но самымъ грознымъ для насъ наказаніемъ были, разумѣется, розги, на которыя Михайлъ Яковлевичъ былъ весьма щедръ. Печальная процедура начиналась обыкновенно словомъ: лозу, которое произносилось г. педагогомъ. Разумѣется у тѣхъ, которые тотчасъ же послѣ этого должны были подвергнуться наказанію, или, по своимъ расчетамъ, ожидали его въ теченіи того-жъ класса, голова печально опускалась внизъ и появлялись иногда заранѣе слезы; прочіе же ученики не только были спокойны, но даже какъ будто довольны предстоящею сценою. Едва только произносилось слово: лозу, какъ тишина въ классѣ нарушалась,

показывалось какое-то воодушевление; сидящіе на скамьѣ къ срединѣ класса поворачивались назадъ, сидящіе на лавкѣ приподнимались съ мѣсто, чтобы видѣть наказаніе во всѣхъ подробностяхъ. Но послѣднимъ рѣдко удавалось это; и потому они завидовали первымъ, которые любили даже похваливаться своею привилегіею...

— Намъ все прекрасно видно, говаривали они, не то что вамъ.

Если виновный сидѣлъ еще на мѣстѣ, то ему давали самый свободный выходъ. Если онъ медлил отправляться на лобное мѣсто, то ему говорили:

— Ступай, ступай, что-жъ ты нейдешь?—а то и подталяли его.

Для экзекуціи требовалось не менѣе трехъ человѣкъ, одинъ сѣлъ, а двое держали, но число это увеличивалось, когда сѣкли, какъ мы выражались, въ двѣ лозы, и наказываемаго не надѣялись удержать двое; тутъ иногда требовалось 6—7 человѣкъ; двое сѣкли, двое держали за ноги, двое за руки, одинъ опускался надъ головою. Должность экзекутора собственно лежала, какъ я уже сказалъ, на дневальномъ; но слабосильные не только от нея увольнялись, а даже и не были къ ней допускаемы. Но затѣмъ много было аматеровъ сѣченья, которые бирали лозу въ руки не въ свое только дневальство, даже вступая въ споръ другъ съ другомъ и съ дневальнымъ. Кромѣ того, было нѣсколько уже, такъ сказать, экспертовъ-экзекуторовъ, которые вызывались самимъ Михаиломъ Яковлевичемъ, когда ему хотѣлось высѣчь кого-нибудь особенно больно. У насъ въ приходскомъ училищѣ къ такимъ молодцамъ принадлежали Евсей Петровъ, братъ мой Ваня и особенно Иванъ Смирновъ, котораго мы звали палачомъ и чрезвычайно боялись. Обязанность держать наказываемаго ни на кого не возлагалась исключительно, но исполнять ее было слишкомъ много охотниковъ или лучше соперниковъ; вмѣсто двухъ являлся къ услугамъ хоть цѣлый десятокъ. Если держали только двое, то человѣка два-три стояли тутъ же на готовѣ, чтобы помочь тѣмъ въ случаѣ надобности; даже присаживались на полъ у головы и ногъ; и если наказываемый начиналъ вырываться изъ рукъ держателей, тотчасъ оказывалось послѣднимъ пособіе.

При такомъ усердіи неудивительно, что осужденному не уда-

валось на срединѣ сдѣлать 3—4 шага, какъ уже являлось около него требуемое количество исполнителей наказанія. Если онъ шелъ медленно, или рѣшался на какое-либо сопротивленіе, или старался испросить прощеніе, то его подхватывали подъ руки, подтапливали сзади, наклоняли за голову, даже валяли подъ ножку, и не проходило 5—10 секундъ, какъ онъ уже лежалъ растянутый на полу; одинъ держатель сидѣлъ у него на головѣ, а другой на ногахъ. Тогда съ быстротою начинали обнажать ту часть тѣла, которая въ дѣтяхъ должна отвѣчать за всѣ шалости головы, и рукъ, и ногъ, сама въ нихъ нисколько не участвуя; шутники, разумѣется, уже не дѣти, ее называли педагогическою частию тѣла. Сидѣвшій на ногахъ откидывалъ подолъ платья и рубахи къ сидѣвшему на головѣ, и тотчасъ же снималъ инекспрессибли, какъ выражаются англичанки; сидѣвшій надъ головою заворачивалъ платье и рубаху на спину; имъ помогалъ и экзекуторъ, котораго мы звали секуторомъ. Иной, ожидая наказанія, затягивалъ инекспрессибли такъ крѣпко, что ихъ снять становилось трудно, или даже невозможно; тогда принимались за работу и оба держателя и секуторъ; кто хватался за нихъ снизу, кто сверху, кто съ боковъ, а если усилія не удавались, то пускали въ ходъ ножичекъ. Во всякомъ случаѣ педагогическая часть тѣла обнажалась, но не одна. Чтобы вся лоза или какая-либо часть ея, съ намѣренія или безъ намѣренія секутора, не попала на платье и бѣлье, то инекспрессибли спускались до колѣнъ, а платье и рубаха поднимались почти до пояса какъ снизу, такъ и сверху; такимъ образомъ у виновнаго пробѣгала дрожь по тѣлу не только отъ ожидаемаго наказанія, но и отъ того, что значительная часть его тѣла отъ колѣнъ до пупа, а иногда и груди, касалась холодного пола. Послѣ того держатели брали мѣры, чтобы наказываемый не вывернулся у нихъ; сидѣвшій на ногахъ упирался обѣими руками въ колѣна наказываемому, а своими колѣнами сжималъ лапы ногъ, или даже придавливалъ ихъ сверху. Сидѣвшій на головѣ руками упирался въ спину, а ногами плотно сжималъ плечи. Въ экстренныхъ случаяхъ двое держали ноги, раздѣляя ихъ, такъ сказать, по одной, и каждый доставшуюся ему часть придавливалъ къ полу колѣнами и руками съ боку; другіе двое растягивали руки крестомъ и на

нихъ также усаживались, какъ тѣ на ногахъ; пятый иногда у головы становился на колѣни, положивъ ее между ими, а руками упирался въ плечи или спину наказываемаго, и особенно заботясь о томъ, чтобы платье или рубаха не спустились и не прикрывали тѣхъ частей, на которыя падала лоза; тутъ не было возможности не только вывернуться, но и повернуться, даже пошевелиться какою-либо частію тѣла; только головѣ давали небольшой просторъ для удобства при дыханіи.

Когда всѣ приготовленія оканчивались, то для начинанія экзекуціи нужно было еще дожидаться особеннаго знака, который выражался Михайломъ Яковлевичемъ или киваньемъ головы, или словомъ: ну. Но еще прежде этого расположенный, какъ мы говорили, на полу имѣлъ уже удовольствіе ощущать прикосновеніе лозы. Секунторъ, въ ожиданіи приказа начать свою работу, примѣривался, такъ сказать, къ ней, клалъ лозу на обнаженную часть тѣла; и если былъ золъ на лежавшаго, то водилъ легонько ею по тѣлу, — это называлось у насъ пощекотать. Конечно, такое щекотанье не производило боли, но, между тѣмъ, отъ него пробѣгала бывало невольная дрожь по всему тѣлу и замирало сердце. Томленье это большею частію быстро смѣнялось другимъ уже физически болѣзненнымъ чувствомъ отъ лозы, но нерѣдко продолжалось не мало времени, даже долго. Иногда почтенный педагогъ бывалъ чѣмъ-либо занятъ за своимъ столикомъ, рассматривалъ чье-либо письмо, чинилъ перо, писалъ списокъ, или кого-либо допрашивалъ; поэтому не произносилъ своего ну, и не кивалъ головою; тогда совсѣмъ уже приготовленный къ сѣченью, съ лежавшею уже на его обнаженномъ тѣлѣ лозою, лежи и ощущай, какъ эта лоза щекочетъ его. Иногда, какъ виновный ужъ совсѣмъ былъ приготовленъ и оставалось сказать ну, или кивнуть головою, вдругъ кто-нибудь вызывалъ Михайла Яковлевича въ сѣни. Если, отворивши дверь, Михайлъ Яковлевичъ при взглядѣ на посѣтителя догадывался, что ему придется не мало времени съ нимъ потолковать, то, обратившись, говаривалъ: пустите пока. — Пускали, но такъ сказать, на половину; лоза снималась съ тѣла, держатели слѣзали съ ногъ и плечъ, но присаживались на полу же; виновный вставалъ тоже, но не смѣлъ надѣть подштанниковъ, ни опустить рубахи и платья, а садился

тоже на полъ голымъ своимъ тѣломъ. Платье и рубаха иногда сами собою опускались; но держатель у головы почти всегда старался предотвратить это или запустивши часть подола рубахи за галстухъ виновнаго, или даже поддерживая ее своею рукою; а если виновный былъ нелюбимымъ человѣкомъ, поповскимъ сыномъ или баричемъ (ниже объяснимъ это слово), то платье и рубаха заворачивались даже на голову и нерѣдко закрывали ее;—это называлось надѣть чепчикъ, или шапку, или клобукъ монашенки. Иногда-жъ Михаилъ Яковлевичъ уходилъ за дверь, не приказывая пустить; хорошо, если онъ скоро возвращался, тогда томиться еще не долго было. Но иногда онъ заговаривался нѣсколько минутъ, даже болѣе четверти часа; и просто только лежать совсѣмъ подготовленнымъ къ сѣченію не очень было пріятно, но тутъ еще являлись разные аксессуары. Если лежавшій былъ поповскій сынъ, баричъ, или не любимъ старшимъ, секуторомъ и держателями, то начинались шуточки. Секунторъ учащалъ щекотанье, или поднимая и опуская лозу, какъ бы примѣрно сѣкъ, только безъ боли; держателямъ тоже не хотѣлось оставаться безъ дѣла; поглаживали по обнаженнымъ частямъ руками, легонько пощипывали ихъ, даже, гадко сказать, плевали на нихъ и потомъ размазывали слюну;—это называлось наводить лоскъ; посмѣлѣе же держатель легонько похлопывалъ ладонью по обнаженному мягкому тѣлу, или натиралъ ихъ рукою,—это называлось порумянить ж—у; много дѣлали и другихъ глупостей; публика, разумѣется, хихикала, смотря на эти гадости. Но вотъ дверь вновь отворяется, входитъ Михаилъ Яковлевичъ; замѣтивъ, что виновный во все время лежалъ на полу, онъ съ улыбкою приговаривалъ:

— А, лежалъ все,—отдохнулъ,—ну-ка за дѣло.

Если же мальчикъ сидѣлъ на полу, то держатели торопливо клали и растягивали его на полу.

Когда, такъ или иначе, скоро или медленно, наконецъ произносилось ну, или кивала голова,—то лоза быстро упала на тѣло. Секунтору, даже если бы онъ желалъ щадить называемаго, опасно было дѣлать это. Михаилъ Яковлевичъ рѣдко не слѣдилъ своими глазами за экзекуціей, иногда подходилъ къ лежавшему на полу, или усаживался вблизи него на скамьѣ. При-

томъ и безъ того сейчасъ бы сдѣлалось ему извѣстнымъ, если бы секаторъ ударилъ не сильно, или лоза и даже кончикъ ея коснулись платья или пола; изъ желанія отличиться кто-нибудь изъ державшихъ наказываемаго или имѣвшихъ возможность видѣть, куда падаетъ лоза, доложилъ бы немедленно о томъ Михаилу Яковлевичу; кромѣ того всѣ мы по одному звуку умѣли уже различать на платьѣ или на обнаженное тѣло падала лоза. Если случалось первое, то начиналось довольно громкое шептанье: по рубашкѣ, по рубашкѣ ударилъ. За всякое снисхожденіе секаторъ почти всегда подвергался розгамъ, которыя иногда бралъ въ руки уже самъ Михаилъ Яковлевичъ, или приказывалъ взять заслуженному секатору. Такимъ образомъ всякій по чувству самосохраненія не могъ сѣчь не больно, и большая часть считала обязанностію угодить Михаилу Яковлевичу и работала руками съ полнымъ усердіемъ. И потому рѣдкій ударъ не производилъ на тѣлѣ знака, даже издали замѣтнаго. Полосы, производимыя ветловыми прутьями, у насъ извѣстны были подъ названіемъ лентъ, отъ березовыхъ прутьевъ назывались кумачными узорами, отдѣльныя капли крови, показывавшіяся на тѣлѣ, красными блестками или звѣздочками. Были у насъ молодцы, особенно Евсей Петровъ, которые, наказывая лозою изъ одного крѣпкаго ветловаго прута, такъ вели дѣло, что ленты располагались въ порядкѣ параллельно другъ другу и по нимъ можно было сосчитать число данныхъ ударовъ, если только ихъ было 10—15. Еслибъ на обнаженномъ тѣлѣ наказываемаго былъ вередъ или чесоточный чирей, то секаторъ непременно постарается направить въ средину его самый сильный ударъ и разсѣчь его пополамъ; это считалось молодечествомъ, а между тѣмъ ощущалась боль ужасная, отъ которой даже слабый мальчикъ вырывался изъ рукъ держателей, если напередъ не противопоставляли сильнаго противодѣйствія.

Слишкомъ рѣдко случалось, чтобы наказываемый получилъ 5—6 ударовъ; это почти не считалось наказаньемъ.

— Эко великое дѣло, говорили такъ наказанному, ты не успѣлъ лечь и вскрикнуть, какъ уже пришлось встать.

Большую частію отпускалось по 10—15 ударовъ; это уже считалось наказаніемъ; тутъ нарисовывалось и лентъ и узоровъ

уже порядочное количество на педагогической части. Но за важныя провинности, какъ мы говаривали, напр. за потное пѣніе, за то, что въ запискѣ былъ кто-либо подчеркнуть разъ или два, за открытое неповиновеніе, за грубость старшему или аудитору, за продолжительное незнаніе уроковъ и пр. и пр., число ударовъ возвышалось до 20—50; тогда уже отдѣльныхъ лентъ и и узоровъ нельзя было отличить другъ отъ друга; все сливалось между собою; появлялись черныя пятна при употребленіи ветловыхъ прутьевъ, а при лозѣ изъ березовыхъ прутьевъ не только звѣздочки, но и полоски, ручейки, какъ мы говаривали, крови. Но Боже сохрани попасться въ важнѣйшихъ преступленіяхъ, напр. избить кого-нибудь до крови, хотя бы она пошла только изъ носу отъ одного удара, даже не очень сильнаго,—или разругать и особенно ударить старшаго, или аудитора, скрываться или убѣгать отъ наказанія, такъ что нужно было отыскивать или ловить бунтовщика и пр., ну тогда уже не жди никакого милосердія; число ударовъ доходило до 100 и болѣе; розги не одинъ разъ замѣнялись свѣжими; секуторъ не могъ давать болѣе 30—40 ударовъ и уступалъ мѣсто другому; тутъ вся педагогическая часть съ ближайшими частями поясницы и ногъ чернѣли или покрывались кровью, брызги отъ которой въ большомъ количествѣ падали на бѣлье наказываемаго и на полъ, и даже на держателей. Такія сѣченья составляли нѣчто въ родѣ эпохи въ нашей училищной жизни; объ нихъ мы долго говорили и помнили. Но никого при мнѣ въ приходскомъ такъ больно не высѣкли, какъ моего брата Ваню и ученика Карамышева. Близъ нашей квартиры былъ домъ Троицкой попады, гдѣ квартировало множество семинаристовъ; мы вмѣстѣ съ ними по вечерамъ играли за дворами своихъ квартиръ. Ваня, какъ порядочный озорникъ, однажды поссорился съ Карамышевымъ и, не надѣясь съ нимъ сладить, ударилъ его по лицу попавшеюся палкою, отчего на лѣвой щекѣ показались и долго оставались багровыя полосы. На слѣдующій день Ваня увеличилъ свою виновность споромъ со старшимъ, шумомъ, такъ что его записали въ записку и подчеркнули. За все это такъ высѣкли, что у него знаки оставались на тѣлѣ недѣли три. Карамышевъ былъ сынъ дьячка, но чрезвычайно красивый мальчикъ, кроткій характеромъ и вовсе не забіяка, хотя и былъ очень си-

лень и росль для своихъ лѣтъ; любилъ въ классѣ до звонка побѣгать, порѣзвиться, поводить ся, какъ мы говаривали. Однажды, схватившись съ однимъ изъ малосильныхъ мальчиковъ, онъ безъ всякаго злаго намѣренія, по одной неосторожности, ударилъ его лицомъ, объ острый край скамейки; отъ этого сдѣлалась на щекѣ довольно глубокая и длинная рана, изъ которой кровь полилась ручьемъ, такъ что на полу составились даже большія кровавыя пятна; ихъ, разумѣется, сберегли, какъ матеріальныя доказательства преступленія. Карамышевъ перепугался, сталъ просить и умаливать обиженнаго и старшаго, клялся всѣми святыми, что онъ сдѣлалъ это невзначай, т. е. ненамѣренно, неожиданно, хотѣлъ было стереть кровавыя на полу пятна, но ему не позволили. Старшій приставилъ къ нему караулъ и когда онъ хотѣлъ выйти на дворъ для нужды, то часовые проводили его, держа за платье. Между тѣмъ Ваня, помня какъ его изъ-за Карамышева высѣкли, вызвался съ кѣмъ-то другимъ сбѣгать за лучшими розгами, и вскорѣ принесли, кажется, три или четыре пучка березовыхъ самыхъ гибкихъ и жидкихъ прутьевъ. Ваня, показавши ихъ Карамышеву, говорилъ:

— Вотъ теперь попробуй-ка самъ, каково лежать подъ лозами.

Жалко было смотрѣть на красавца Карамышева, свѣжаго, полнаго, румянаго мальчика, заливавшагося слезами. Наконецъ явился и Михаилъ Яковлевичъ; ему подана была записка, въ которой было описано преступленіе Карамышева словами: избилъ до многой крови, и потомъ указано на вещественныя доказательства, на лице избитаго и на кровавыя пятна на полу. Судъ былъ кратокъ. Прочитавъ записку, посмотрѣвъ на вещественныя доказательства и выслушавъ словесное объясненіе старшаго, Михаилъ Яковлевичъ вовсе не обратилъ вниманія на оправданіе Карамышева, схватилъ его за волосы, далъ ему порядочную таску и потомъ, поваливши на полъ, закричалъ: лозу. Разумѣется и секуторы и держатели были на готовѣ; четыре челоѣка сѣли на руки и ноги, обнажили тѣло до самыхъ колѣнъ, а на спинѣ выше пояса; Михаилъ Яковлевичъ сѣлъ вблизи на скамьѣ и далъ знакъ. Ваня былъ первымъ сѣкуторомъ; за нимъ слѣдовалъ другой, третій (Петровъ и Смирновъ); тутъ дѣйствительно на

Карамышевѣ исполнилось Моисеево законодательство: кровь за кровь; мнѣ очень было жалко его, какъ моего пріятеля.

Михаилъ Яковлевичъ при экзекуціи никогда напередъ не назначалъ числа ударовъ, кромѣ тѣхъ, впрочемъ весьма рѣдкихъ, случаевъ, когда онъ за недосугомъ поручалъ ее исполнить старшему. Обыкновенно же наблюдая самъ за дѣйствіемъ розогъ, Михаилъ Яковлевичъ останавливалъ сѣченье словомъ: будетъ. Тогда секунторъ, иногда остановленный уже на полуразмахѣ, обращивался и относилъ лозу на мѣсто; держатели вставали и отрясали приставшую къ ихъ платью пыль съ пола; приподнимался медленно, или быстро вскакивалъ наказанный. Если наказаніе было не сильно, не отшибало, какъ мы говаривали, памяти; то онъ отправлялся на мѣсто, приводя въ надлежащій порядокъ свое платье, продолжая плакать, а иногда всхлипывать, или утирая свои слезы; а потомъ минутъ черезъ десять уже старался самъ посмотрѣть какъ на томъ же мѣстѣ, гдѣ онъ сейчасъ былъ растянуть на полу, другаго сѣкли. Но часто наказаніе отшибало память у наказаннаго; тогда онъ, приподнявшись, въ полузабытій, шолъ къ небольшимъ свободнымъ частямъ лавокъ около двери и печки, становился колѣнами на полъ, и положивъ руки на лавку, а на нихъ и голову, долго еще тутъ плакалъ и собирался съ силами. Но въ этихъ случаяхъ происходили сцены, которыя, по видимому, должны бы пробуждать сожалѣніе и непріятное чувство, а между тѣмъ всегда производили общій смѣхъ. Обезпамятѣвшій отъ боли мальчикъ, вставши съ лобнаго мѣста, забывалъ надѣть на себя инекспрессибли; бѣда бы еще небольшая; но лѣтомъ мы ходили безъ обуви; поэтому инекспрессибли, и безъ того уже снятые до колѣнъ, совершенно спадали съ ногъ, когда наказанный дѣлалъ нѣсколько шаговъ, или запутывали его ноги, а иногда, оставшись на одной только ногѣ, тапились за нимъ. Къ этому нерѣдко присоединялось новое обстоятельство; подолъ платья заворачивался на плечи наказываемаго; въ экстренныхъ же случаяхъ подолъ рубахи запускался за галстухъ, чтобы чрезъ это ни рубаха, ни платье, во время сѣченья, отъ сильныхъ движеній наказываемаго не спускались на тѣ части тѣла, которыя должны быть обнаженными. Въ такихъ-то случаяхъ, если обезпамятѣвшій наказанный не поправлялъ своего платья, то задъ его, начиная

съ пояса до колѣнъ, оставался обнаженнымъ, какъ во время сѣченья; присоедините сюда когда на босоногомъ спадали совѣмъ или до пятокъ инекспрессибли. Въ этомъ безобразномъ видѣ бѣдняга присѣдалъ къ лавкѣ у двери, оставляя обнаженною большую часть своего тѣла. Иногда же останавливался самъ собою или услышавъ крикъ: подними портки, спусти рубаху; но рубаха, задѣтая за галстухъ, не вдругъ слушалась его; инекспрессибли иногда совѣмъ свалились и спутались ужъ; надобно было наклониться за ними и расправить ихъ, а тутъ еще оставалась не опущенная рубаха. И повѣрьте, почти всегда поднимался въ такихъ случаяхъ общій хохотъ; рѣдко кто либо помогалъ несчастному привести все въ порядокъ, а иногда у лавки онъ долго оставался въ такомъ отвратительномъ положеніи; и развѣ по приказанію Михаила Яковлевича кто нибудь спускалъ его платье съ плечъ. Слишкомъ же жестоко наказанный не доходилъ до лавки, а ложился у печки на полу и по полчаса и часу оставался въ этомъ положеніи отдыхая, какъ выражались, послѣ бани.

Въ Касимовскомъ училищѣ лоза прикладывалась только къ педагогической части тѣла. Но во многихъ духовныхъ училищахъ она замѣняла иногда пали. Учитель, скучая довольно продолжительною подготовкою къ сѣченью, или полагая, что изъ за 5—10 ударовъ не зачѣмъ класть виновнаго на полъ, обнажать его и проч., приказывалъ ему вытянуть руку и ладонь, какъ это дѣлалось для пали, или даже всю часть руки до самого локтя; и потомъ или самъ учитель, или дневальный и секуторъ отпускалъ нѣсколько ударовъ по ладони, или по всей рукѣ до локтя. Боль, особенно въ послѣднемъ случаѣ, была также сильна, какъ и при сѣченіи, но ученики соглашались лучше ее выдерживать, нежели сѣченье, потому что число ударовъ было не болѣе 5—10, для розги брался только одинъ ветловый пруть, при наказаніи нието не держалъ, не обнажалось такихъ частей, которыя изъ приличія всегда закрываются, а послѣ наказанія все живо поправлялось, а иногда и нечего было поправлять; наказанье это даже и не называлось сѣченьемъ.

Чтобы уже составить полное понятіе о педагогической дѣятельности Михаила Яковлевича и едва ли не большей части тогдашнихъ учителей духовныхъ училищъ, съ нѣкоторыми, разу-

мѣтся, измѣненіями, опишу нашъ учебный день. Относительно Михаила Яковлевича учебные дни раздѣлялись на два рода: когда онъ служилъ, или не служилъ поздней обѣдни. Въ первомъ случаѣ онъ приходилъ поранѣе, но не надолго, а потомъ отправлялся въ соборъ для совершенія литургіи, а намъ приказывалъ заняться чтеніемъ. Занятіе это состояло въ томъ, что каждый изъ насъ приносилъ съ собою какую-либо книгу, большею частію напечатанную церковными буквами, и читалъ ее. Чтобы какойнибудь молодецъ не водилъ по строкамъ книги глазами, а самъ мысленно леталъ за облаками, намъ приказывалось читать вслухъ и громко, а старшій, стоя на мѣстѣ, или похаживая по классу, зорко смотрѣлъ не остановился ли кто, не сидитъ ли ктонибудь не читая; впрочемъ развѣ рѣдкій сосѣдъ, замѣтивъ то же самое, не доложить старшему: „а вотъ такой-то вовсе не читаетъ“. Виновный тотчасъ вносился въ записку, въ которой за именами и фамиліями виновныхъ слѣдовали слова: сіи ученики не читали. Въ обоихъ классахъ приходскаго училища бывало въ одинъ годъ до 40, а въ другой до 55—60 человѣкъ; поэтому можно представить весь шумъ, который мы производили, читая всѣ вмѣстѣ, при томъ громко; въ лѣтнее время при открытыхъ оконныхъ рамахъ шумъ этотъ разносился далеко по цѣлой площади и сосѣднимъ съ нею улицамъ. Если же Михаилъ Яковлевичъ не служилъ обѣдни, то приходилъ попозже, почти къ концу девятаго часу; звонокъ былъ обыкновенно въ восемь часовъ.

Когда онъ входилъ въ классъ, то мы всѣ, разумѣется, вставали съ своихъ мѣстъ; старшій читалъ вслухъ молитву: Царю Небесный, и мы кивали своими головами и крестились; потомъ мы кланялись Михаилу Яковлевичу, который почти никогда намъ не отвѣчалъ никакимъ привѣтствіемъ. Положивъ трость на лавку, а шапку или шляпу на столѣ, онъ приказывалъ намъ садиться, подходилъ къ старшему и бралъ у него нотату и записку, если кто-нибудь былъ виновенъ въ чемъ-либо, кромѣ незнанія урока. Сначала разсматривалась записка и внесенные въ нее почти всегда тотчасъ же вызывались на средину къ столу. Шумѣвшій или шумачъ, какъ мы говаривали, если оказывался знающимъ урокъ, не былъ подчеркнутъ и не стоялъ уже на колѣнахъ, или столбомъ, осуждался на которое либо изъ этихъ наказаній, или на

лишеніе обѣда; въ противномъ случаѣ оставался у столика въ ожиданіи болѣе чувствительнаго наказанія. Не читавшіе чтенія почти всегда осуждались подъ розги. Если при разсмотрѣніи нотаты оказывался кто-либо ѣранъ или нонтотъ, то его ставили на колѣна на мѣстѣ или у печки, смотря потому, въ первый или во второй и пр. разъ онъ былъ такъ записанъ; нессіенсъ же и особенно нонресценсъ большею частію осуждался на сѣченье или лишался обѣда. Такимъ образомъ виновные одинъ за другимъ поднимались съ своихъ мѣстъ и если Михаилъ Яковлевичъ, выслушавъ отвѣтъ на вопросъ: почему ты не знаешь урока, или не слушался — не приказывалъ садиться на мѣсто, или становиться на колѣна, то это было вѣрнымъ признакомъ того, что неисправнаго высѣкутъ. Когда же наконецъ получены объясненія и отъ незнающихъ, и отъ записанныхъ въ запискѣ, то произносилось грозное лозу; стоявшіе у столика кучею отправлялись въ лобному мѣсту, туда же одинъ за другимъ выходили изъ-за партъ тѣ, которые не получили позволенія сѣсть послѣ своихъ объясненій. Иной шолъ молча, другой утиралъ показавшіяся слезы, тотъ говорилъ: простите, Михаилъ Яковлевичъ и пр. И вотъ соберутся всѣ они у двери и печки нерѣдко въ числѣ 5—15 человекъ, обратившись къ образу, и смотрятъ, какъ одного изъ нихъ положили, раздѣли и сѣкутъ уже. Съ этимъ повончили, держатели въ такомъ случаѣ не встаютъ съ полу, а присаживаются на немъ на колѣнахъ и ждутъ, когда другой между ими растянется, садятся на него, раздѣваютъ, а секуторъ отсчитываетъ одинъ за другимъ удары. Замѣтивъ, что лоза уже сдѣлалась плоховатая, онъ беретъ новую. Такимъ образомъ сначала около получаса у насъ проходило въ допросахъ виновнымъ и въ сѣченьѣ ихъ; только и слышны были умаливанья, пискъ, визгъ, крикъ, свистъ розги, слова: ей-Богу не буду, помилуйте, буду стараться, не стану лѣниться; ой, ой, ой, больно, ей-Богу больно и пр. Но иногда расправа длилась гораздо болѣе часа, напр. въ томъ случаѣ, когда она отдѣльно производилась надъ каждымъ, и особенно когда незнающіе доказывали, что они знаютъ, что ихъ записали незнающими напрасно и пр., Михаилъ Яковлевичъ тогда самъ принимался слушать. Если дѣйствительно ученикъ оказывался знающимъ, то сѣченье, или другое

наказаніе отлагалось; въ противномъ же случаѣ усиливалось зато, что осмѣлился виновный клеветать на аудитора; тутъ вмѣсто стоянья на колѣнахъ приходилось лечь на полъ, вмѣсто 5—10 получить 20 и болѣе самыхъ горячихъ ударовъ. По окончаніи расправы, начавшейся по случаю разсмотрѣнія нотаты и записки, Михайлъ Яковлевичъ принимался слушать знающихъ;—прочелъ,—дѣло сходило благополучно; а если не прочелъ, то и ему и аудитору доставалось. Много тратилось времени на ариметику. Судя по тому, какъ она у насъ преподавалась, можно уже ожидать, что ученики долго не могли усвоить себѣ умѣнья хоть механически разрѣшать ариметическія задачи. Иногда одну задачу дѣлали часть и болѣе нѣсколько человекъ и все таки не могли ее кончить. Чтобы писать на доскѣ цифры, мы становились на лавку; Михайлъ Яковлевичъ бывало стоитъ тоже тутъ, кричитъ, бранится, называетъ лѣнтяемъ, мерзавцемъ, пощиплетъ за ухо, за волосы, дастъ подзатыльникъ, потомъ заставитъ прочитать правило,—его часто прочитываетъ мальчикъ слово въ слово, какъ нельзя тверже, и все-таки задачка впередъ не подвигается; тогда раздается грозное: лозу; иногда въ азартѣ самъ Михайлъ Яковлевичъ стащитъ виновнаго съ лавки, задастъ ему трепку и отдастъ въ руки держателямъ и секутору. Ступаетъ на лавку новый математикъ,—и его тоже подъ лозу. Особенно же ариметика страшна была для тѣхъ, которые почему либо стояли у двери, потому что ихъ болѣе всего Михайлъ Яковлевичъ заставлялъ дѣлать задачки и сѣкъ за неудовлетворительное рѣшеніе ихъ. Наконецъ дотягивали дѣло до 12 часовъ, билъ звонокъ, надобно было выходить изъ класса; читали: Достойно есть, но тутъ иногда старшій, аудиторъ, или даже какой нибудь плебей, замѣтивъ, что кто либо изъ заслужившихъ наказаніе еще не наказанъ, говорилъ:

— Михайлъ Яковлевичъ! Что-же дѣлать съ такимъ-то, или такимъ-то; они не знали урока; не оставить ли ихъ безъ обѣда?

Резолюція почти всегда была: ну, безъ обѣда.

Въ послѣобѣденные классы Михайлъ Яковлевичъ почти только и занимался письмами, т. е. разсматриваніемъ нашихъ тетрадокъ, въ которыхъ мы, по его приказанію, писали къ этому классу одну или двѣ страницы, да еще рѣшеніемъ участи тѣхъ, которые, будучи оставлены безъ обѣда, все-таки не выучили

урока; ихъ въ такомъ случаѣ уже большею частію сѣкли. Чистописаніе и нотное пѣніе, какъ я уже сказалъ, были любимыми предметами Михаила Яковлевича; поэтому за нихъ онъ взыскивалъ гораздо строже, нежели за прочіе учебные предметы. Чтобъ кто нибудь не ускользнулъ отъ осмотра его тетради, обыкновенно подходили вереницею къ учительскому столу, въ томъ именно порядкѣ, въ какомъ сидѣли по лавкамъ и скамьямъ; тутъ и стоявшіе у двери и печки сходили съ своихъ мѣстъ и вступали въ рядъ. Каждый по очереди съ поклономъ подавалъ тетрадку Михаилу Яковлевичу, который, нашедши письмо удовлетворительнымъ, отдавалъ въ руки или молча, или съ словами и даже надписью: не худо, хорошо и пр., а если письмо находилъ дурнымъ, то бралъ въ руку линейку и давалъ одну или нѣсколько палъ. За письмо рѣдко сѣкли кого-нибудь изъ насъ; но если кто терялъ свой списокъ, или не написывалъ назначеннаго числа страницъ, то непременно розги. Не желая исписать данное число страницъ, мы прибѣгали къ слѣдующему плутовству. Я уже сказалъ, что Михаилъ Яковлевичъ отмѣчалъ задаваемый урокъ на бѣлыхъ страницахъ словами: къ числу такому-то, напр. къ 11-му, 13-му и пр. Мы теперь и переправляли 11-е на 17-е, 13-е на 15-е и пр., т. е. письмо старое, рассмотрѣнное уже за нѣсколько дней, показывали за вновь написанное и если была письменная рекомендація, то смѣльчаки рѣшались ее высказывать. Иногда предъидущій мѣсяцъ шолъ за послѣдующій. Но если кто-нибудь былъ уличаемъ въ этомъ плутовствѣ, то наказывался безъ всякаго милосердія; а между тѣмъ все таки отъ времени до времени мы рѣшались на эти штуки, которыя частенько сходили съ рукъ. Нотнымъ пѣніемъ Михаилъ Яковлевичъ, какъ знатокъ его, любилъ заниматься съ особеннымъ усердіемъ; не смотря на то, слишкомъ немногіе изъ насъ были искусными пѣвчими, притомъ преимущественно тѣ, которые выучены были дома отцами. Приписывая это не своей безтолковой методѣ, а нашей лѣни, Михаилъ Яковлевичъ постоянно насъ наказывалъ. Ни одного класса нотнаго пѣнія, если только былъ урокъ къ нему, не проходило безъ того, чтобы половина или двѣ трети не стояли на колѣнахъ; иногда же изъ всего класса сидѣли, какъ надобно,

только 4—5 человѣкъ, а все прочее стояло на колѣнахъ. Разумѣется, не забывались и розги, но имъ преимущественно подвергались тѣ ученики, которые по другимъ предметамъ оказывали хорошіе успѣхи, такъ что третій нашъ ученикъ Феофанъ Смирновъ часто наказывался только почти за одно потное пѣніе.

Самымъ страшнымъ днемъ для насъ была суббота. По какому-то древнему обычаю намъ къ субботѣ нужно было приготовить всѣ уроки, выученные нами въ теченіи всей недѣли; совокупность ихъ называлась субботивою. Если въ каждый день было немалое количество незнающихъ, то сколько жъ ихъ набиралось, когда нужно было слушаться, по нашему выраженію, изъ цѣлой субботивы. Тутъ даже и тѣ, которые знали по частямъ всѣ уроки въ теченіи недѣли, могли оказаться брансами, или нонтотами. Но такіе получали прощеніе, развѣ заставляли ихъ постоять немного столбомъ. Могъ также надѣяться на снисхожденіе и тотъ, кто кромѣ субботивы не зналъ въ теченіи недѣли одного или двухъ уроковъ. Но если кто-нибудь въ теченіи недѣли записанъ былъ незнающимъ урока не менѣе 3—4 разъ, и особенно если за то не былъ еще высѣченъ, а только стоялъ на колѣнахъ, то ему почти навѣрняка грозила лоза, хотя бы даже онъ и зналъ субботиву. Поэтому къ субботѣ приготавлился богатый запасъ розогъ и чуть ни весь классъ проходилъ въ томъ, что одного за другимъ выкликали; кто зналъ всѣ уроки и субботиву, тому спасибо и похвала. Потомъ начинался допросъ прочимъ:

— Ты вотъ сколько не зналъ уроковъ,—почему это?—Ну-ка читай.

Читалъ и получалъ выговоръ и другое легкое наказаніе, или осуждался на сѣченье. Виновныхъ иногда набиралось такъ много, что это самое спасало если не всѣхъ, то многихъ отъ розги.

— Эка, сколько васъ мерзавцевъ? бывало говаривалъ Михаилъ Яковлевичъ.

Но отъ розги въ субботу спасались въ такихъ случаяхъ преимущественно худшіе ученики, которыхъ въ теченіи недѣли ужъ сѣкли, притомъ иногда не одинъ разъ, именно за незнаніе урока. Но тѣхъ, которые не лежали подъ лозою и значить были исправнѣе предъидущихъ, за субботиву сѣкали. Хоть рѣдко, а случа-

лось въ этотъ день до половины, даже до двухъ третей учениковъ вертѣлись и кричали подъ лозою. И мы хотя по неволѣ, а дѣйствительно исполняли въ буквальный смыслъ начало пятой заповѣди изъ Моисеева десятисловія т. е. помнили день субботній. Такъ какъ въ этотъ день бывала большею частію баня на квартирахъ, то мы другъ про друга и про себя говаривали: нынѣ было у тебя, или у меня двѣ бани. И дѣйствительно иному менѣе жарко было даже на банномъ полкѣ, нежели на полу въ классѣ.

Д. И. Ростиславовъ.

[Продолженіе слѣдуетъ].

ЗАПИСКИ Д. И. РОСТИСЛАВОВА,

ПРОФЕССОРА СПБ. ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ.

† 18-го февраля 1877 г.

ГЛАВА XV ¹⁾.

Изъ описанія педагогической дѣятельности Михаила Яковлевича ²⁾ видно, что развѣ по какому либо чуду какойнибудь изъ его учениковъ не былъ высѣченъ имъ въ теченіи трети. Самъ старшій и аудиторы наши не избѣгали лозы; для нихъ даже была не очень завидная привиллегія. Такъ какъ они, особенно старшій, были рослые и здоровые ребята, то ихъ всегда держали четыре или даже пять человекъ. Потомъ Михаилъ Яковлевичъ или назначалъ сѣкутора, разумѣется лучшаго, или самъ отправлялъ должность его. Такимъ образомъ старшаго и аудиторовъ сѣкли хоть и рѣдко, за то крѣпко, какъ мы говаривали. Затѣмъ едва ли не цѣлая половина плебеевъ ложилась подъ лозу прежде, нежели исчезали слѣды предъидущаго сѣченья и такимъ образомъ на старые узоры и ленты накладывались новые. Бывали счастливыя недѣли, когда иному счастливцу приходилось лежать подъ лозою каждый день; по два раза въ день рѣдко сѣкали. У иныхъ педагогическая часть тѣла приходила въ натуральное свое положеніе развѣ только во время домашнихъ отпусковъ и то въ томъ

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1880 г., томъ XVII, стр. 1—33; 545—572; 631—704; т. XXVIII, стр. 35—68; 179—218; 385—408; изд. 1882 г., т. XXXIII, стр. 67—86; 657—672; т. XXXIV, стр. 585—614 (начало XV гл.).

²⁾ Соборный священникъ въ городѣ Касимовѣ, Мих. Яковл. Миртовъ, учитель духовнаго училища.

только случаѣ, если и тамъ отецъ или мать не высѣкутъ его за что нибудь. Человѣколюбивое обращеніе съ нами всего лучше можно было видѣть лѣтомъ, когда мы отрядами отправлялись купаться на Оку; тутъ-то и мы сами, и сторонніе люди могли замѣтить, что на рѣдкомъ изъ насъ не было слѣдовъ розги. Другъ предъ другомъ намъ нечего было скрываться, но чтобы сторонніе, особенно мѣщанскіе мальчишки, злые наши враги, надъ нами не смѣялись, мы старались купаться въ такихъ мѣстахъ, гдѣ бы кромѣ насъ никого не было.

ГЛАВА XVI.

О характерѣ учениковъ духовныхъ училищъ.

Послѣ описанія училищныхъ зданій и нашего учителя не надобно забывать и учениковъ, моихъ товарищей; необходимо описать господствовавшіе въ нихъ духъ и настроеніе. Такое описаніе тѣмъ необходимѣе, что впослѣдствіи оно поможетъ мнѣ многое объяснить и въ семинаристахъ, и въ духовенствѣ.

Въ то время, какъ я поступилъ въ училище, среднимъ числомъ къ лучшимъ ученикамъ принадлежали преимущественно сироты, дѣти причетниковъ и дьяконовъ, а сыновья священническіе очень рѣдко учились хорошо. Это странное, повидимому, явленіе объясняется тѣмъ, что тогда еще немного было священниковъ, кончившихъ курсъ семинаріи; большинство почти столько же были учены, какъ причетники и дьяконы; да и значительная часть самихъ учоныхъ іереевъ отличались своею учоною спѣсью, полагали, что учивши на латинскомъ языкѣ словесность, философію и богословіе и потомъ почти все забывши, они необыкновенно умны. Естественнo, что такіе священники также мало умѣли развивать умственные способности дѣтей, какъ причетники и дьяконы. Дѣти первыхъ только перенимали спѣсь отъ своихъ отцовъ и, живя въ нѣкоторомъ довольствѣ и имѣя возможность лакомиться, приучились и къ лѣни, и къ мотовству, и къ другимъ недостаткамъ. Тогда какъ дѣти дьяконовъ и причетниковъ, равно какъ и всѣ вообще сироты—и отъ родныхъ своихъ слышали, и сами иногда доходили до сознанія, что имъ только чрезъ ученіе можно достигнуть чего нибудь въ жизни; кромѣ того, терпя больше горя

и лишній и менѣе знакомясь съ радостями и нѣгою, нежели поповскія дѣти, они лучше послѣднихъ пріучились къ труду. Поповскій сынъ могъ, кромѣ того, надѣяться, что онъ отъ отца что нибудь получить въ наслѣдство, а причетническимъ дѣтямъ и сиротамъ вообще, по поговоркѣ духовенства, надобно было отложить попеченіе объ этомъ. Сюда же слѣдуетъ присоединить то обстоятельство, что тогда дѣтей живыхъ священниковъ было въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ гораздо менѣе, нежели дѣтей сиротъ и дѣтей причетниковъ и дьяконовъ; потому что священники составляли почти четвертую часть духовенства и многія дѣти ихъ исключались за шалости и неуспѣшность. Но въ училищахъ большинство всегда возьметъ верхъ надъ меньшинствомъ, когда въ первомъ много болѣе умныхъ, нежели въ послѣднемъ. Такимъ образомъ, говоря вообще, сироты, причетническія и дьяконскія дѣти составляли у насъ господствующую партію, задавали, такъ сказать, тонъ всему и священническія должны были поддѣлываться къ ихъ духу или, по пословицѣ, плясать по ихъ дудкѣ.

Далѣе извѣстно, что и нынѣ, и прежде причтъ почти всегда не ладилъ съ священникомъ, завидовалъ ему и даже ненавидѣлъ его. Дѣло понятное. Священникъ получаетъ болѣе, нежели вдвое дохода въ сравненіи со всѣмъ причтомъ, можетъ его притѣснять, отнимать или скрывать отъ него часть доходовъ и дѣлать разныя другія непріятности. Нынѣ священники большею частью умнѣе и образованнѣе прочихъ членовъ причта, поэтому послѣднимъ какъ-то легче переносить превосходство и прижимки перваго; а въ былое время, какъ я сейчасъ сказалъ, и попъ былъ также образованъ, какъ дьячокъ, и очень часто началъ свою службу именно дьячкомъ и только благодаря кое-какимъ благопріятнымъ обстоятельствамъ, а не личнымъ достоинствамъ, попалъ въ попы. Ну за что же причту любить священника? Какъ не питать къ нему и зависти, и ненависти, и другихъ враждебныхъ чувствъ? Все это неизбѣжно почти переходитъ къ дѣтямъ. Вѣдь они слышатъ, какъ отецъ ихъ бранить священника, вѣрятъ словамъ ихъ и сами въ свою очередь ненавидятъ поповъ, а потомъ и поповскихъ дѣтей. Сюда примѣшиваются, такъ сказать, свои ребяческіе счеты. Поповскій сынъ, особенно пока еще не поступилъ въ училище, также спѣсиво обращается съ причетниче-

скими, и даже съ дьяконскими сыновьями, какъ и отецъ его съ отцами послѣднихъ. Поповскій сынъ всегда почти лучше одѣтъ; его не всегда осмѣливаются обижать мужицкіе ребяташки, тогда какъ причетническій сынъ, особенно сирота, ходилъ иногда въ лохмотьяхъ и трактовался мужицкими дѣтьми съ пренебреженіемъ. Поновскому сыну въ приходѣ даютъ грошъ и пятакъ, а причетническимъ и сиротамъ копѣйку на двухъ и трехъ. Ну какъ же имъ любить вообще поповскихъ дѣтей? И какъ не порасплатиться съ ними, когда въ училищѣ представилась къ тому возможность?

Наконѣцъ и священники жили въ то время не очень деликатно, не по барски, но все таки лучше, нежели дьяконы и особенно причетники, которые не многимъ отличались отъ крестьянства по своей грубой и бѣдной жизни. Такимъ образомъ и дѣти послѣднихъ поступали въ училище съ большимъ запасомъ грубыхъ инстинктовъ и наклонностей, циническихъ привычекъ и мужицкихъ замашекъ, нежели поповскія. Конечно и послѣднія въ селѣ бѣгали лѣтомъ босикомъ, въ однихъ рубахахъ, и имъ шивали сибирки изъ домашняго сукна и вообще одѣвали не по барски, но все таки у нихъ были сапоги, въ которые они обувались по праздникамъ, отъ матерей получали нерѣдко рубахи съ узорами и даже ситцевыя, надѣвали сверхъ нихъ жилетку, имѣли сюртучекъ изъ нанки, фурашку, тулупчикъ, покрытый нанкою,—все таки могли казаться щеголями, особенно въ сравненіи съ сиротами и причетническими дѣтьми, которыя почти всѣ ходили въ лаптяхъ, простыхъ рубахахъ изъ толстаго холста, въ бараньихъ шапкахъ, въ ничѣмъ непокрытыхъ тулупахъ, иногда даже изъ телячьихъ овчинъ, въ сибиркахъ и даже армякахъ изъ толстѣйшаго домашняго сукна. Сроднившись съ такою бѣдностью, не имѣя возможности и надежды освободиться отъ нея, они, по свойственному человѣку тщеславію, любили ея хвастаться, выставявъ на видъ свои лохмотья и смотрѣть враждебно на тѣхъ, кто казался ихъ богатѣе. И потому очень естественно ожидать, что они въ училищѣ, составляя господствующее большинство, сообщили, даже независимо отъ учителей, всему житію-бытію грубое и циническое настроеніе, по которому не любили поповскихъ дѣтей, завидовали опрятно одѣтымъ товарищамъ, осмѣивали хоть сколько нибудь деликатные приемы; цинизмъ и мужичество,—вотъ

что нравилось большинству и что оно старалось распространить на все и на всѣхъ.

И въ Касимовскомъ училищѣ тоже господствующая партія была причетническая, полумужичья и отличалась своимъ цинизмомъ. Коноводомъ ея въ нашемъ классѣ былъ Евсей Петровъ. Отъ всей партіи и особенно отъ коновода ея доставалось поповскимъ дѣтямъ, особенно если они были красивы лицомъ, хорошо одѣты и обуты, имѣли нѣжный голосъ, выказывали пріятныя и благородныя манеры въ обращеніи; такихъ людей, хотя бы даже они и не были дѣтьми священниковъ, господствующая партія не любила и называла въ насмѣшку баричами. И много приходилось переносить этимъ мнимымъ баричамъ, которыхъ настоящіе баричи презирали, а мѣщане и мужики называли кутейниками. Сколько приходилось имъ выслушать насмѣшекъ въ родѣ слѣдующихъ: „ну ты, барченокъ, поворачивайся! Эй, поповскій сыночекъ! куда тебѣ это сдѣлать! Вѣдь ты на ватрушкахъ вскормленъ! Вѣдь тебя все въ хлопоткахъ держали! Нѣженка!“ и пр. Авдиторъ поповскаго сына слушалъ гораздо строже и прижималъ больше, нежели прочихъ, и поступалъ расчетливо. Вѣдь поповскій сынъ имѣетъ побольше денегъ, почаще покупаетъ лакомства и потому отъ него побольше можно получить взятокъ, нежели отъ какого либо бѣдняка. Подастся непременно: лоза—не свой братъ, отъ нея надобно же хоть какъ нибудь по временамъ избавляться. Точно также разсуждалъ и поступалъ старшій, а имъ подражали и прочіе,—плебеи. „Мнѣ дай, мнѣ дай“, кричатъ со всѣхъ сторонъ, „а не дашь, докажу тебѣ, ужъ такъ-то выскчу, что небу жарко будетъ, такъ-то подержу, что тронуться нельзя будетъ“. Не давай—угроза исполнится, но и давай—толку не будетъ. Вѣдь всѣхъ не угостишь и потому если угощенные и были снисходительны, то другіе, не угощенные, нарочно постараются предвосхитить у нихъ обязанности сѣкутора и держателей. Кромѣ того, какъ я уже писалъ, щадить при сѣченіи кого бы то ни было у насъ нельзя было. Но въ дьяконовскому сыну, въ бѣдному, въ сиротѣ, если только не было какихъ личныхъ враждебныхъ отношеній, будутъ поснисходительнѣе хоть въ чемъ нибудь; его, по крайней мѣрѣ, не сѣкли соп ашого, съ усердіемъ и наслажденіемъ. А съ баричемъ не стануть церемониться. Хотя бы онъ самъ готовъ былъ лечь на полъ, его ухватятъ за руки, за голову, грубо толкнутъ,

наклонять, при этомъ или щипнуть или дернуть, какъ будто невзначай, за волосы, за ухо; обнажая тѣло, или то же щипнуть, или ногтемъ оцарапають, такъ что иной еще прежде ударовъ лозою уже вскрикнетъ; и это возбудить общій смѣхъ, потому что припишется страху, нѣженству и пр. И прижмутъ по-сильнѣе къ полу, и выберутъ получше лозу, и покрѣпче его ударятъ и потомъ еще послѣ посмѣются: „ну что, баричъ, поповскій сыночекъ, каково тебя угостили? горячи ли наши блины?“ и пр.

Бѣда, бывало, прійти въ хорошемъ платьѣ въ классъ, особенно въ какой либо обновѣ; тутъ уже доставалось всѣмъ безъ разбора, поповскимъ дѣтямъ больше, только потому что у нихъ обновы бывали почаше и получше, нежели у прочихъ. „Братцы, закричить какой-нибудь въ засаленной сибиркѣ, въ загрязненномъ тулупѣ, у него обновка!“ Тотчасъ подбѣгаютъ и начинаютъ обивать рубцы, т. е. колотятъ кулаками гдѣ ни попало. Затѣмъ кричатъ: надобно посмотрѣть подкладку, т. е. надобно заворотить подолъ и высѣчь, надобно вспрыснуть, т. е. высѣчь такъ, чтобы кровь выступила при сѣченъи. Когда обновка слишкомъ хороша, то будьте увѣрены, что если не въ первый, то въ слѣдующіе дни непременно, иногда при помощи аудитора и старшаго, устроятся дѣла такъ, что увидятъ и подкладку и даже пожалуй вспрыснуть. Величайшимъ же торжествомъ, чуть не праздникомъ было, если высѣкутъ мальчика въ тотъ же самый день, какъ онъ появился въ классъ въ обновѣ. Но независимо отъ этого, иной изподтишка или какъ будто невзначай постарается загрязнить обнову чѣмъ нибудь, пожалуй даже забрызгать чернилами. Иногда же начнутъ играть съ ученикомъ въ обновѣ, разыграются и потомъ постараются какъ будто неожиданно повалить его на грязный полъ въ классѣ, особенно въ сѣняхъ, а то даже и на дворѣ гдѣ нибудь, и все это считалось дѣломъ нужнымъ и почти законнымъ. Самъ почтенный Михаилъ Яковлевичъ едва-ли тоже не былъ нѣсколько зараженъ такими же ребяческими глупостями; по крайней мѣрѣ не предотвращалъ тѣхъ случаевъ, когда новое и старое платье и даже бѣлье должны были непременно загрязниться до нельзя, хотя и могъ бы это сдѣлать и его упрашивали о томъ.

Я уже говорилъ, что у насъ въ классѣ на полу въ сырое и снѣжное время составлялась неглубокая, но настоящая грязь,

черная, липкая, вязкая. И въ затасканныхъ тулупчикѣхъ и сибирѣхъ, въ загрязненномъ бѣлѣхъ лечь на такой полъ вовсе не было пріятно; это значило, по крайней мѣрѣ, на половину испачкаться до-нельзя. Каково же было лечь еще въ бѣломъ чистомъ бѣлѣхъ вскорѣ послѣ бани, въ новомъ нанковомъ скортучѣхъ, въ тулупѣ, который былъ покрытъ еще лоснящеюся нанкою или состоялъ изъ бѣлыхъ, какъ снѣгъ, овчинокъ? Поэтому многіе изъ насъ, которыхъ нужно было сѣчь на такомъ грязномъ полу, упрашивали Михаила Яковлевича дозволить имъ лечь на скамью. Почему бы не дозволить? Вѣдь на скамьѣ можно и крѣпче держать, и больнѣе сѣчь наказываемаго. Но Михаилъ Яковлевичъ никогда не давалъ такого позволенія и притомъ вовсе не изъ милосердія, потому что, какъ я уже описалъ, онъ сѣкалъ насъ ужасно больно. Нѣтъ, бывало, ложись непременно на грязнѣйшій полъ. Особенно памятно мнѣ событіе съ моимъ братомъ Ванею. Ему спили новенькій тулупъ, въ которомъ онъ и пришелъ въ классъ. Его стали поздравлять, обивать рубцы, говорить, что нужно посмотрѣть подкладку и вспрыснуть. Какъ бойкая голова, онъ отгрызался, отдѣлывался, но заспоривши съ однимъ, онъ сгоряча толкнулъ его; тотъ упалъ, можетъ быть, даже нарочно, на полъ, закричалъ, что ему расшибло голову, заплакалъ; всѣ вступились за него; старшій тотчасъ написалъ записку, что ученикъ Иванъ Паньшинъ весьма прибилъ такого-то, и по приходѣ Михаила Яковлевича Ванѣ пришлось отправляться подъ лозу. Грязь на полу была ужасная; онъ сталъ просить со слезами дозволить ему лечь на скамью, соглашался получить ударовъ вдвое, втрое болѣе, сколько угодно. Но Михаилъ Яковлевичъ былъ неумолимъ. „На полъ, на полъ“, кричалъ онъ. Ваня расплакался, хотѣлъ снять тулупъ, свернуть его такъ, чтобы шерсть была наверху, положить на полъ и лечь потомъ на эту подстилку,—и верхняя бѣлая поверхность тулупа, и бѣлье, и часть обнаженного тѣла не были бы загрязнены. Но Михаилъ Яковлевичъ и этого не дозволилъ; Ваня только на груди и могъ заворотить тулупъ шерстью вверхъ, и тѣмъ сберечь хоть часть его отъ грязи.

Но Ваня, какъ мастеръ сѣчь, былъ грознымъ человекомъ, ему держатели позволили еще упрашивать Михаила Яковлевича, распоясываться и заворачивать часть тулупа, а не тотчасъ же повалили его на полъ, какъ только онъ подошелъ къ лобному

мѣсту. Съ другими такъ не церемонились и едва бывало мальчикъ въ обновѣ выйти на средину класса подъ лозу, какъ ему даже не позволять самому лечь, а повалить на полъ и при этомъ загрязнять такія части одежды, которыя бы остались чистыми, еслибы виновный самъ осторожно легъ. Потомъ, заворачивая тулупъ, старались загрязненные части подола положить на спину, чтобы и здѣсь загрязнить тулупъ. Въ это время рубаха и подштанники касались прямо пола и загрязнялись; первую подбিরали, и внизу и сверху выше пояса, а послѣдніе спускали даже ниже колѣнъ; такимъ образомъ значительная часть тѣла лежала на липкой грязи, которая отъ порывистыхъ движеній наказываемаго, отъ усилія держателей прижимать его къ полу крѣпко приставала къ тѣлу. Иные держатели находили потѣху въ томъ, чтобы, не выпуская изъ своихъ рукъ наказываемаго, давать ему возможность наклониться на одинъ бокъ, потомъ на другой, и чрезъ то еще болѣе загрязниться. Такимъ образомъ наказанный вставалъ съ загрязненными не только платьемъ, бѣльемъ, но и животомъ, половиною ногъ, приводилъ въ порядокъ бѣлье, которое при этомъ грязнилось отъ тѣла и съ другой, нижней, стороны. Послѣ класса надобно было идти домой въ новенькомъ платьѣ, которое во многихъ мѣстахъ вполнѣ было загрязнено; пришедши на квартиру, скинуть его и явиться въ бѣльѣ, которое болѣе, нежели на половину спереди загрязнено и съ лица, и съ изнанки. Хозяйки и квартиранты изъ другихъ классовъ почти всегда уже знали, что это значило. Иная добрая хозяйка тотчасъ перемѣняла бѣлье и даже вымывала загрязненное тѣло, а у большей части ходи въ этомъ до слѣдующей очередной бани. Какимъ же чудомъ бывало выглядываетъ мальчикъ, когда такъ испачкаютъ его вскорѣ послѣ бани! Только, разумѣется, гдѣ нибудь тайкомъ соскоблить и даже смостъ водою грязь съ тѣла, но бѣлье останется въ грязи. И эти событія очень нравились большинству публики: такъ они были циничны.

Но едва ли у насъ не болѣе всего питали ненависть къ панталонамъ и къ панталонистамъ, т. е. къ тѣмъ, которые ихъ носили. Я уже замѣтилъ, что дѣти большей части духовенства въ то время были санкюлотами; только городскіе ученики училища, да тѣ изъ сельскихъ, которые близко жили съ помѣщиками, имѣли

панталоны. И потому какъ же не взволноваться цѣлому классу, когда кто нибудь изъ учениковъ придетъ въ панталонахъ. Окружать его со всѣхъ сторонъ, одинъ заворачивалъ полы одежды спереди и даже отстегиваетъ ея пуговицы, другой поднималъ подолъ платья сзади, третій накрывалъ имъ голову; тогда начинали ладонями хлопать, особенно сзади по панталонамъ, отчего поднимался общій хохотъ. Тутъ иной острякъ спрашиваетъ: „ну, а какъ же, братцы, съчъ-то его? Какъ стянуть панталоны?“ И тутъ же иногда со смѣхомъ сдѣлаютъ опытъ, какъ снимать панталоны. Если же дѣйствительно приходилось съчъ панталониста, то уже пощадъ никакой не было; барича пороли, какъ говорится, не на животъ, а на смерть. Иной держатель даже считалъ за обязанность помучить наказываемаго; заворотятъ, бывало, подолъ платья да и сидятъ на ногахъ и головѣ. „Что же вы тамъ?“ спроситъ Михаилъ Яковлевичъ. Да у него панталоны, отвѣтять ему. „Ну, такъ что же панталоны? тащи ихъ“. По окончаніи экзекуціи всѣ бывало со смѣхомъ смотреть, какъ наказанный начинаетъ приводить все въ порядокъ; да и какъ не смѣяться? портки живо надѣнутся, а съ панталонами сколько возни, особенно послѣ хорошей бани па холодномъ полу.

Жаловаться на всѣ описанныя глупости нельзя было. Конечно, не запрещалось сказать Михаилу Яковлевичу, что вотъ у меня такой-то испачкалъ нарочно тулупъ, или накрылъ мнѣ голову сюртукомъ, чтобы осмотрѣть панталоны, но отъ этого немного было бы толка. Тутъ, во первыхъ, обвиняемый, по всей вѣроятности, умѣлъ бы оправдаться, за него бы вступились его единомышленники. Но если бы даже онъ оказался виновнымъ, ну много, много его поставили бы на колѣни; за то уже послѣ досталось бы доносчику сторицею. Я даже и дома никогда не говорилъ о томъ, да и хорошо дѣлалъ. Батюшка, конечно бы, сказалъ о томъ смотрителю и инспектору. Этимъ бы отцамъ непріятно было слышать, что въ ихъ благоустроенномъ училищѣ дѣлаются разныя мерзости, что у нихъ въ классѣ грязнѣе, нежели на улицѣ и проч. Можетъ быть, изъ уваженія къ отцу моему, сказали бы что нибудь Михаилу Яковлевичу, но и этотъ и сами они отплатили бы мнѣ лишними десятками ударовъ лозою. Нѣтъ, уже лучше было молчать. Одно только было спасеніе,

это—отличные успѣхи; тогда господствующая партія боялась, какъ бы поповскій сынъ не сдѣлался или аудиторомъ, или старшимъ; эти особы могли выйти и въ панталонахъ, и въ обновѣ; въ послѣдней, конечно, нѣсколько смѣльчаковъ позволили бы себѣ обить рубцы, но слегка, только для вида. Впрочемъ и старшій, и аудиторъ то же могли быть высѣчены; поэтому лучше всего оставалось приноравливаться въ духу господствующей партіи, жить и одѣваться по ея вкусу.

Въ лаптахъ тогда немногіе, развѣ священники, водили своихъ дѣтей; сапоги уже входили въ моду; но ходить босикомъ въ теплое время считалось чуть не обязанностью. Поэтому мы всю майскую треть и мѣсяцъ сентябрь въ училищѣ ходили босоногими; придти въ сапогахъ въ классъ въ то время сочтено было бы такимъ же почти преступленіемъ, какъ и явиться въ панталонахъ; босоногимъ быть было въ модѣ, въ тонѣ; лѣтомъ только въ церковь, или на экзаменъ безопасно было обуваться въ сапоги; точно также и въ сильный холодъ, который иногда случался лѣтомъ. Осенью же, за исключеніемъ сентября, и въ началѣ весны, когда не было тепла, сапоги могли быть на ногахъ. Но зимою ихъ большею частью замѣняли такъ-называемыми валенками. Наше большинство не вооружалось противъ нихъ, отчасти потому, что само иногда носило ихъ, а отчасти потому, что они бывали причиною смѣшныхъ сценъ. Держась не очень крѣпко на ногахъ, онѣ во время сѣченья иногда спадали долой. Само собою разумѣется, поднимался смѣхъ, когда наказанный вставши долженъ былъ отыскивать и надѣвать ихъ на ноги. Обновки, панталоны и вообще хорошее платье надѣвали, отправляясь въ церковь, а въ классъ облакались въ старую поношенную одежду, если она была; вообще всячески старались избѣгать блеска. И вотъ отъ всѣхъ описанныхъ обстоятельствъ почти неизбежно мы всѣ перенимали циническія привычки и манеры господствующей партіи. По крайней мѣрѣ думаю про себя, что мое неглижорство по части одежды едва ли не получило своего основанія и даже развилось отъ училищнаго быта.

ГЛАВА XVII.

О первыхъ полутора годахъ моей училищной жизни.

Въ обществѣ такихъ-то циническихъ товарищей, подъ педагогическимъ руководствомъ Михаила Яковлевича и въ грязнѣйшемъ изъ грязныхъ классовъ я начиналъ училищную жизнь. Въ первый разъ я отправился въ училище вмѣстѣ съ Ванею, едва ли не въ среду или четвергъ. Пришли мы не задолго до звонка, когда уже почти всѣ ученики собрались, но еще не сидѣли на мѣстахъ. Какъ скоро мы вступили въ классъ, то къ Ванѣ сейчасъ подбѣжали многіе съ вопросами: Это кого ты привелъ? Новичекъ что-ль (такъ обыкновенно называли вновь поступающаго въ училище мальчика). Чей онъ сынъ? Откуда? и пр. Когда отвѣтами Вани разъяснилась моя личность, то начали меня разсматривать, по поговоркѣ, съ ногъ до головы. Первое впечатлѣніе, произведенное мною, кажется, было неблагопріятно. И въ самомъ дѣлѣ, отецъ мой былъ не только священникъ, но и благочинный, на мнѣ былъ новый тулупчикъ, покрытый полосатою нанкою, съ воротничкомъ изъ кудравенькой кожи барашка, потомъ еще разнеслось скоро, что меня приняли прямо во второй классъ, что считалось тогда большою рѣдкостью. „Смотри-ка, говорили другъ другу, новичекъ-то поповскій сынъ и даже благочинническій! Да его прямо во второй классъ; то-то богатый отецъ, имъ все можно. А смотри-ка какой у него тулупъ и воротникъ? Какой красивый кушакъ?“ и пр. Иные подошли ко мнѣ и начали меня ощупывать, одинъ закричалъ: да нѣтъ ли на немъ панталонъ? Тутъ нѣкоторые молодцы рѣшились было разрѣшить этотъ вопросъ чрезъ непосредственное свое наблюденіе. Но Ваня выручилъ меня изъ бѣды. „Что вы тутъ къ нему пристали? закричалъ онъ, ступайте прочь! я пожалуй Михаилу Яковлевичу“. А обратясь ко мнѣ, прибавилъ: „ты, Митя, садись вотъ тутъ“; именно у двери на лавкѣ подъ доскою. Я усѣлся и посматривалъ на будущихъ моихъ товарищей. Ихъ рѣзвость, веселость, бѣготня, возня, громкій разговоръ мнѣ очень понравились, мнѣ даже самому хотѣлось хоть немного поучаствовать въ общемъ весельѣ. Но забилъ звонокъ и сцена измѣнилась; раздалось грозное и повелительное: по мѣстамъ и минуты черезъ три все успокоилось и замолчало. Такая быстрая перемена меня озадачила и очень мнѣ

не полюбились; я понял, что тутъ и безъ учителя есть грозная власть, которой нельзя не послушаться. Потомъ старшій опять закричалъ: „Эй, вы, что же не становитесь на колѣнки?“ И вслѣдъ затѣмъ человекъ пять у печки близъ меня опустились на полъ на колѣна и вытянулись какъ свѣчки. Тутъ увидѣлъ я власть, уже карающую. Вскорѣ дневальный пришелъ со двора съ розгами и положилъ при моихъ глазахъ одинъ за печку, а другія за доску сзади меня. Я окончательно оробѣлъ; прутья были жидкія, длинныя, не тонкія, какими меня никогда дома не сѣкали. Мнѣ стало страшно. Наконецъ, явился и Михаилъ Яковлевичъ. Замѣтивъ меня, онъ спросилъ, что я за человекъ? Ваня представилъ ему на словахъ подробный рапортъ. Но г. педагогъ, кажется, и безъ того зпалъ, что я за особа и поджидалъ моего батюшку; поэтому и велѣлъ мнѣ сѣсть на шестомъ мѣстѣ на лавкѣ между собою и Ванею. Такое отличіе еще болѣе возбудило нерасположеніе ко мнѣ въ ученикахъ, изъ которыхъ болѣе половины уже училось полтора года. Притомъ, по заведенному обычаю, всякаго новичка сажали первоначально на послѣднее мѣсто. Немного погодя, вошелъ въ классъ мой батюшка; ученики всѣ встали для него; меня это немножко ободрило. Поздоровавшись съ Михаиломъ Яковлевичемъ, онъ сталъ просить посматривать за мною; разумѣется, дано было обѣщаніе имѣть бдительный надзоръ. Потомъ батюшка попросилъ Михаила Яковлевича въ сѣни, чтобы тамъ вручить ему приличную взятку и уже болѣе не вошелъ въ классъ. Батюшка мой поступилъ деликатно, а то бывало многіе, особенно причетники, клали взятку при насъ прямо на столикъ предъ почтеннымъ педагогомъ. Если она была удовлетворительна, то принималась. Но однажды какой-то причетникъ положилъ на столикъ только полтину ассигнаціями, притомъ мѣдною монетою. Михаилъ Яковлевичъ очень обидѣлся такимъ скуднымъ подаваніемъ: гроши и пятаки разлетѣлись въ разныя мѣста по классу, дьячокъ едва-ли даже всѣ ихъ и собралъ.

Первый классъ по какому-то счастью прошолъ благополучно для всѣхъ; никого не высѣкли и не поставили на колѣна.

Пришелъ я на другой день по утру въ классъ; урока еще мнѣ не было, слушаться не изъ чего; я только смотрѣлъ, да наблюдалъ и сталъ уже знакомиться. Михаилъ Яковлевичъ, пришедши, назначилъ мнѣ аудиторомъ Мартиніана Веселкина, дьячковскаго сына, большаго шалуна и проказника, отличнаго оби-

ралу. Тутъ же оказалось, что меня посадили высоко только для того, чтобы польстить на время моему папѣ, потому что Михаилъ Яковлевичъ приказалъ мнѣ сѣсть 12 или 13 человѣкомъ. Но и въ этомъ случаѣ я нажилъ злѣйшаго себѣ врага въ Евсеѣ Петровѣ. Надобно же было случиться бѣдѣ, что меня посадили рядомъ съ этимъ грознымъ сѣкуторомъ и коноводомъ, но выше его. Еще во время класса онъ уже мнѣ напоптывалъ разныя любезности и поталкивалъ меня. Но потомъ безъ учителя на просторѣ принялся браниться безпощадно. „Вишь ты, благочинническій сыночекъ, куда засѣлъ? За что это? Выше меня? Ну, я тебѣ докажу дружбу; ужъ такъ-то стану сѣчь, что небу жарко будетъ, попадешься ты въ мои руки. А вы, обратившись къ сидѣвшимъ ниже его, смотрите хорошенько держите его; узнаетъ онъ насъ“. Вани уже не защищалъ меня, потому что самъ боялся вступить въ борьбу съ такимъ грознымъ человѣкомъ, какъ Евсей, а можетъ быть ему самому хотѣлось, чтобы меня получше посѣкли. Въ Тумѣ мною, по поговоркѣ, нерѣдко ему кололи глаза, называя его азарникомъ, лѣнтяемъ, мотыгою, шалуномъ и соштывали ему съ меня брать образецъ. Притомъ не разъ случалось, что его больно сѣкали, когда онъ бывало меня поколотить. Теперь ему пріятно было поразсчитаться со мною за все это своею рукою, но уже на законномъ, такъ сказать, основаніи, по приказанію учителя. Съ перваго дня я понялъ, что положеніе мое дурно.

Два или три дня прошли для меня довольно безразлично и не оставили особеннаго воспоминанія, но за ними послѣдовалъ день субботній, который заставилъ меня позадуматься на счетъ своей особы и показалъ мнѣ, какъ Михаилъ Яковлевичъ расправляется съ тѣми, кого онъ считаетъ нужнымъ наказать. Въ этотъ день онъ занялся первоклассными учениками, т. е. тѣми, которые зачислены были въ первый классъ приходскаго училища. Вѣроятно онъ уже до нихъ давно добирался и принялся ихъ слушать изъ уроковъ. Человѣка два или три прочитали удовлетворительно; имъ дозволено было сѣсть; но затѣмъ отвѣты начали оказываться плохими и отвѣчавшимъ уже не говорилось: садись. Число стоявшихъ болѣе и болѣе увеличивалось; я еще не зналъ, что это значило, а между тѣмъ почти всѣ они пригорюнились, а нѣкоторые утирали уже слезы на глазахъ; въ этомъ случаѣ особенно жалко было смотрѣть на Федота Данькова, сына священника, мальчика красиваго, скромнаго, но съ слабыми способно-

стями; еще на Василя Былинскаго, дьячковскаго сына, но съ весьма симпатичною наружностью, съ румяннымъ, красивымъ, свѣжимъ лицомъ; одинъ почти только Сергѣй Куртинъ стоялъ молодцомъ, какъ будто ему нечего было бояться. Вскорѣ я около себя услышалъ, какъ шопотомъ говорили: „ой, сколько народа хотятъ сѣчь-то! достанетъ ли лозъ у дневальнаго?“ Наконецъ Михаилъ Яковлевичъ кончилъ свой экзаменъ и сказалъ: „ну-ка вы насредину въ печь, лозу“, и человекъ до десяти кто по лавкѣ, кто черезъ столъ пошли въ лобному мѣсту, большею частію утирая слезы, а иные и всхлипывая. Евсей тотчасъ же вскочилъ со своего мѣста, толкнулъ меня рукою, сказавши: „смотри-ка, какъ я ихъ стану сѣчь“, и дошедши до печки овладѣлъ лозами; дневальный уступилъ ихъ ему.

Первымъ положили или, лучше, разложили Иванова, сына богатаго священника Гавріила въ гусевскомъ погостѣ. Ивановъ одѣвался лучше всѣхъ насъ; на немъ былъ тулупчикъ, покрытый хорошимъ сукномъ, а подъ нимъ еще суконный сюртучекъ, красивая жилетка; но поучившись болѣе трети, онъ въ классъ ходилъ уже безъ панталонъ; учился впрочемъ плохо. Отъ сильной боли онъ рванулся, освободивъ какъ-то одну изъ своихъ ногъ и ею такъ толкнулъ держателя, что тотъ отлетѣлъ; такимъ образомъ обѣ ноги сдѣлались свободными. Но сидѣвшій на плечахъ былъ здоровый парень и крѣпко держалъ Иванова, а тотъ, желая вырваться, дѣйствовалъ ногами, такъ что съ нихъ слетѣли сапоги. Буяна скоро усмирили; по слову Михаила Яковлевича: „держатъ его“, ноги подобралъ молодецъ посильнѣе или поискуснѣе прежняго держателя, и сѣчень продолжалось и кончилось безъ приключеній. Ивановъ, вскочивши съ пола, сначала забылъ или не замѣтилъ, что на немъ не было сапоговъ и пошелъ на мѣсто въ однихъ чулкахъ; разумѣется поднялся смѣхъ. Послѣ него принялись за другихъ; съ Даньковымъ и Былинскимъ случились экстренныя обстоятельства, которыя впрочемъ иногда случайно, а иногда не безъ злонамѣреннаго содѣйствія держателей происходили. Дѣло состояло въ томъ, что мальчикъ послѣ двухъ, трехъ ударовъ почувствовавъ невыносимую боль и не изнуренный еще борьбою, вырывалъ свои ноги, или держатель нарочно отпускалъ ихъ совсѣмъ, или отчасти. Если державшій за голову не выпускалъ нажимаемаго изъ своихъ рукъ, то послѣдній, по какому-то странному инстинкту, упирался кѣльями въ полъ и чрезъ то поднималъ вверхъ педагогическую часть своего тѣла.

Въ это время вновь хватались за его ноги. Держатели подобрѣ вытягивали ихъ во всю длину и укладывали наказываемаго въ обыкновенное положеніе при сѣченіи. Но другіе старались такъ схватить и прижать ноги, чтобы онѣ не растягивались; въ такомъ случаѣ или вся педагогическая часть оставалась поднятою вверхъ, или наказываемый наклонялся одною стороною ея на полъ; въ обоихъ случаяхъ кожа на ней сильно натягивалась; каждый почти сильный ударъ разсѣкалъ ее и оставлялъ багровый знакъ. Съ Даньковымъ случилась вторая, а съ Былинскимъ первая бѣда. Сосѣдъ мой шепнулъ мнѣ: посмотри-ка, посмотри на Данькова, ты еще не видалъ этого. Я машинально взглянулъ: онъ уже лежалъ, такъ сказать, на полубоку; на педагогической части Евсей уже наложилъ три багровыхъ ленты. Даньковъ рвался еще или старался принять прежнее обыкновенное положеніе; Евсей стоялъ безъ дѣла, а держатели старались укрѣпиться на головѣ и ногахъ бѣдняги, но такъ, чтобы онъ оставался въ полу-боковомъ натянутомъ положеніи. Евсей скоро началъ свою работу и съ большимъ успѣхомъ; число лентъ увеличивалось, выступали кое гдѣ кровавыя капли, и я въ первый еще разъ увидалъ, какъ сѣкутъ до крови. Былинскому досталось еще больнѣе; Михаилъ Яковлевичъ, раздосадованный замедленіями, закричалъ: „хорошенько его“, и самъ уже подошелъ къ лобному мѣсту. Евсей дѣйствовалъ артистически, обломки лозъ летѣли по сторонамъ, обломавшаяся лоза бросалась прочь, и замѣнялась новыми прутьями, которые въ видѣ запаса находились въ лѣвой рукѣ сѣкутора. Прочихъ сѣкли тоже больно, но, по крайней мѣрѣ, они лежали на полу растянутыми по прямой линіи; только одинъ какой-то находился въ положеніи Данькова. Но ни одинъ изъ нихъ не лежалъ молча и снокойно; всѣ кричали и старались вырваться; самъ Куртинъ подъ лозою потерялъ свою храбрость и сдѣлался похожимъ на всѣхъ прочихъ. Признаюсь, я былъ въ какомъ-то забытьѣ, машинально слѣдилъ за сѣченьемъ, хотя каждый ударъ и результатъ его пробуждали во мнѣ дрожь. Тутъ я понялъ, что между домашнимъ и училищнымъ сѣченьемъ большая разница; первое, по русской поговоркѣ, было не болѣе, какъ цвѣтики, а послѣднее уже ягоды въ родѣ черники или малины. Евсей, возвратившись на мѣсто какъ какой-либо побѣдитель, вновь шепнулъ мнѣ: „вотъ такъ-то и тебя отпорю сейчасъ“.

Желаніе его могло, дѣйствительно, исполниться. Не смотря на свою отличную память, не смотря на то, что ученіе уроковъ у насъ состояло только въ зубреніи, я съ перваго урока сталъ оказываться то ѳрансъ, то нонтотъ, то даже нессіенсъ. Сидишь бывало цѣлые часы надъ заучиваніемъ 10—20 строкъ, иногда не выучишь вовсе, иногда выучишь, но станешь читать аудитору, ошибешься или вовсе остановишься. Впрочемъ Евсеево желаніе на первый разъ не исполнилось. Михаилъ Яковлевичъ прежде розогъ хотѣлъ меня познакомить со всѣми родами училищныхъ наказаній. Въ первый разъ поставилъ онъ меня на колѣни на мѣстѣ за второе и третье незнаніе урока. Въ слѣдующій день я опять не зналъ урока изъ русской грамматики, но сталъ доказывать, что я выучилъ его. Михаилъ Яковлевичъ заставилъ меня прочитать на мѣстѣ; я, не надѣясь вполне на свою память, раскрылъ грамматику и положилъ ее на лавкѣ, чтобы можно было заглядывать въ нее. Но Евсей, подмѣтивъ эту мою продѣлку, сказалъ Михаилу Яковлевичу, который, лично убѣдившись въ моемъ преступленіи, взялъ меня за волосы и потащилъ къ печкѣ. И я, и всѣ были убѣждены, что мнѣ будетъ сейчасъ же порка; я уже принялся плакать и умаливать; Евсей торжествовалъ и ястребомъ готовъ былъ броситься на меня, какъ на жертву своей мстительности. Михаилъ Яковлевичъ, потаскавъ меня за волосы, поставилъ на колѣни у печки. Но я опять оказывался неисправнымъ чуть не каждый день. Однажды, пришедши въ классъ утромъ, купилъ я себѣ калачъ; аудиторъ Веселкинъ подбѣжалъ ко мнѣ за взятою, я ему далъ; онъ меня прослушалъ, я читалъ довольно не дурно и онъ даже сказалъ, что я знаю. Я сидѣлъ спокойно и радовался, что въ этотъ день я безопасенъ и надѣялся, что меня снимутъ съ колѣнъ, т. е. позволятъ сѣсть на мѣстѣ. Но уже, не знаю почему, Веселкинъ въ нотатѣ записалъ меня ѳрансъ. Михаилъ Яковлевичъ осердился. Тѣмъ болѣе, что я уже и въ предъидущій день не зналъ урока. Опять грозилъ мнѣ лоза, но я оставленъ былъ безъ обѣда. Я уже сдѣлался по-смѣлѣе, похладнокровнѣе, не испугался опредѣленнаго мнѣ наказанія. Хотя меня еще не сѣкли, но я привыкъ уже смотрѣть на сѣченье, даже хотѣлось когонибудь и поддержать. Классъ окончился, меня дневальный заперъ; голодъ сталъ мучить; Ваня принесъ мнѣ ломтиекъ хлѣба и сунулъ тихонько. Но у насъ былъ неизмѣняемый законъ, что если кто изъ оставленныхъ безъ обѣда

поѣсть что нибудь, то сѣли и его и того, кто доставилъ контрабанду, если разумѣется онъ былъ ученикомъ приходскаго же училища. Наказаніе усиливалось, если скушавшій контрабанду не скажетъ, кто ее доставилъ ему. Еще возвышалось на степень, если онъ опять не зналъ урока. Къ несчастію, все это на меня обрушилось; урока я не училъ; увидали и донесли, что я ѣлъ на дворѣ хлѣбъ, а я ни за что не согласился выдать Ваню. Результатъ былъ очевиденъ; Евсей, наконецъ, дождался желаннаго дня. Предвидя грозившую мнѣ опасность, я стоялъ на колѣняхъ сзади другихъ въ уголку у печки, и когда было произнесено грозное: „лозу“, я оставался въ уголку. Но вскорѣ Евсей говоритъ мнѣ: „что же ты тамъ сидишь, иди сюда“, но я съ испуга и по какому-то глупому упрямству не вставалъ. Михаилъ Яковлевичъ закричалъ: „тащите его!“ Тогда стоявшіе впереди меня на колѣняхъ отодвинулись, меня подхватили двое подъ руки, повели пли, лучше, потащили на средину класса. Я плакалъ, умаливалъ и даже пробовалъ сопротивляться, но вскорѣ почувствовалъ, что лежу уже на полу. Евсей сказалъ держателямъ: „вы держите только его, а то онъ вырвется, а я самъ его раздѣну“, и началъ не торопясь заворачивать тулупчикъ и рубаху и снимать инекспрессибли. Тутъ я почему-то пересталъ плакать и рваться и чувствовалъ, какъ мало по малу меня обнажали. Подготовивъ меня къ сѣченью, Евсей пошелъ къ доскѣ за лозою, выбралъ лучшую, подошелъ ко мнѣ и по обычаю началъ меня щекотать ею, ожидая роковаго ну. Можно понять, каково было мое положеніе во всѣ эти подготовки. „Ну“ произнесено и я вслѣдъ затѣмъ почувствовалъ первый ударъ лозою и, разумѣется, боль; ударъ шолъ за ударомъ; я кричалъ и вертѣлся; кончили, я вскочилъ и добрался до своего мѣста. Тутъ я только собственнымъ опытомъ узналъ разницу между сѣченьемъ домашнимъ и училищнымъ; я проплакалъ еще долго. По окончаніи класса меня обступили ученики со смѣхомъ и крикомъ: „поздравляемъ съ битьемъ, ну что, благочиннической сынокъ? Каково у насъ парятъ? Что? горячи наши блины? Ай да Евсей! славно ты его отпоролъ; да и стоитъ; тутъ не чванятся“ и проч.

Но дѣло не кленлось; я продолжалъ быть неисправнымъ. Можетъ быть, иногда мнѣ былъ помѣхою шумъ на квартирѣ, картежная игра и пр.; можетъ быть я позасматривался на то, какъ играли; но лѣнливымъ все таки нельзя было назвать меня; я сидѣлъ много надъ

книгою, старался выучить урокъ, испытавши березовое увѣщаніе, но все напрасно; тупоуміе продолжалось. Вскорѣ я сдѣлался боленъ; меня даже не одинъ разъ отдавали въ больницу, гдѣ объясняли болѣзнь мою глистами. Черезъ это неуспѣшность моя еще болѣе увеличивалась; я не бывалъ въ классѣ недѣли по двѣ; однажды даже мѣсяца два, когда меня потчивали цыцварнымъ сѣменемъ и прикладывали еще къ затылку мушку. И потому къ концу года я оказался въ спискѣ послѣднимъ съ отмѣткою: мало успѣховъ.

Батюшка мой, какъ вѣдется, плохіе мои успѣхи объяснял не въ неблагопріятномъ для меня смыслѣ; по крайней мѣрѣ онъ ихъ не приписывалъ моей лѣни. Пріѣхавши въ Касимовъ на казанскую ярмарку вмѣстѣ съ матушкою, онъ взялъ меня прямо изъ больницы домой ранѣе распуска и рѣшилъ въ теченіи каникулъ самъ заняться со мною грамматическимъ разборомъ по русскому языку и ариметикѣ. Къ удивленію, а еще больше къ удовольствію его, оказалось, что я вовсе не тупоуменъ, не лѣнивъ, понималъ скоро его объясненія, легко выучивалъ уроки и послѣ четырехъ—пяти очень удачныхъ опытовъ началъ дѣлать очень удовлетворительные разборы. Батюшка вовсе не былъ потачливъ, особенно же не любилъ хвалить своихъ дѣтей. Но во всѣ каникулы онъ не нашелъ никакого повода не только высѣчь или иначе какъ-нибудь наказать, но даже частенько похваливалъ, поглаживалъ меня по головкѣ и передалъ благопріятное мнѣніе обо мнѣ матушкѣ, которая была чрезвычайно этимъ довольна и выражала любовь свою ко мнѣ не только ласкою, но и разными гостинцами. Я и самъ, какъ говорится, пооперился, получилъ самоувѣренность, убѣдился, что я могу учиться хорошо; особенно же я полюбилъ арифметику. И когда кончились каникулы, то я, снабженный куломъ хорошихъ сдобныхъ пышекъ, новымъ нанеовымъ скртукомъ и другими обновками, отправился въ Касимовъ веселымъ молодцомъ.

Веселкинъ скоро увидѣлъ, что я уже не прежній, уроки училъ исправно, сдѣлался посмѣлѣе, не очень сталъ податливъ на счетъ взятокъ. Михайлъ Яковлевичъ и товарищи дивились, какимъ образомъ послѣдній ученикъ ни съ того, ни съ сего, какъ имъ казалось, сдѣлался хорошимъ. Репутація моя возвысилась, когда нужно было намъ заниматься тою частію арифметики, которая извѣстна была подъ названіемъ раздробленіемъ именованныхъ чиселъ. По обыкновенію, Михайлъ Яковлевичъ спросилъ: не знаетъ ли кто, впередъ? Я тотчасъ вызвался; всѣ засмѣялись

моей отважности, но между тѣмъ я бойко сдѣлалъ примѣръ. Михаилъ Яковлевичъ, озадаченный моею бойкостью, любопытствовалъ узнать, какимъ образомъ я зналъ такую мудреную вещь, какъ раздробленіе; я ему сказалъ, что меня выучилъ ему дома батюшка. Послѣ этого самъ Евсей Петровъ старался подружиться со мною, потому что въ ариѳметикѣ онъ былъ не крѣпокъ.

Но вотъ Михаилъ Яковлевичъ велѣлъ намъ сдѣлать грамматическій разборъ. Относительно этого предмета у насъ позволялось переводить вмѣстѣ двумъ равно успѣшнымъ ученикамъ, но если оказывалось, что кто либо списалъ свой разборъ у лучшаго, нежели онъ самъ, ученика и даже по временамъ заглядывалъ въ нему, то непремѣнно былъ наказываемъ розгами. Евсей, возмѣтившій уже высокое понятіе о моей учености, предложилъ мнѣ дѣлать разборъ или, какъ у насъ выражались, переводить вмѣстѣ, и мы съ нимъ засѣли около лежанки нашей печки. Когда переводы, т. е. разборы были пересмотрѣны, или, какъ мы говаривали, подчеркнуты, то оказалось, что мой разборъ былъ лучшимъ; я не сдѣлалъ ни одной ошибки, а у Евсея была одна. Такое неожиданное событіе произвело страшное недоумѣніе и даже волненіе. Я былъ послѣднимъ, а Евсей далеко не считался отличнымъ ученикомъ, какимъ же образомъ у насъ переводъ вышелъ хорошъ? Первымъ нашимъ ученикамъ, въ особенности старшему и аудиторамъ, крайне показалось досадно, что я иду въ гору и потому рѣшили предъ Михаиломъ Яковлевичемъ обвинить меня въ списываньи. На Евсея же не посмѣли нападать, опасаясь его, какъ грознаго свѣктора, а съ другой стороны вовсе не опасаясь найти въ немъ соперника по успѣхамъ. Михаилъ Яковлевичъ, какъ я уже сказалъ, самъ прочитывалъ только одинъ или два разбора, а прочіе подчеркивалъ старшій и кто нибудь по его приглашенію; поэтому Михаилъ Яковлевичъ еще не зналъ, что я такъ отличился своимъ разборомъ. Приходить въ классъ, спрашиваетъ: „ну подчеркнули всѣ переводы?“ и получивъ утвердительный отвѣтъ продолжаетъ: „ну что, каковы вышли, у кого сколько ошибокъ?“ Когда очередь дошла до меня, то Михаилъ Яковлевичъ съ изумленіемъ спросилъ: „какъ, ни одной?“ Да, ни одной, ему отвѣчали, и тотчасъ ему объяснили, что я списалъ все у Евсея Петрова. Почтенный педагогъ очень хорошо зналъ Петрова и далеко не считалъ его отличнымъ ученикомъ, но еще труднѣе могъ себѣ представить, чтобы я, въ предъидущія двѣ трети года

незнавшій почти ни одного урока по русской грамматикѣ или пролежавшій въ больницѣ, вдругъ сдѣлался отличнымъ ученикомъ. Начался допросъ. Евсей сказалъ, что онъ самъ переводилъ, надо всѣмъ думалъ, думалъ, много думалъ, что я дѣйствительно около него сидѣлъ и къ нему смотрѣлъ въ тетрадь. Я со своей стороны тоже защищался, но мнѣ не хотѣли вѣрить. Когда же я увидалъ приготовленія къ наказанію моему, то, обратившись къ Михаилу Яковлевичу, сказалъ: какъ же я могъ списать у Евсея, когда у него одна ошибка, а у меня ни одной? Почтенный педагогъ приостановился было отъ этого вопроса; я уже сошелъ съ мѣста и держатели ухватили уже меня за руки, чтобы вести на середину; но старшій и другіе первики доложили Михаилу Яковлевичу, что я будто бы заглядывалъ въ переводы и другихъ учениковъ и такимъ образомъ захватывая то у того, то у другого только тѣ слова, которыя у нихъ были правильно разобраны, достигъ того, что у меня не было ни одной ошибки. Михаилъ Яковлевичъ нашолъ это объясненіе вѣрнымъ и.... Я было вновь принялся доказывать, какимъ же образомъ я могъ угадывать, которыя именно слова у того или другого ученика были разобраны правильно? Но этотъ вопросъ нашли не нужнымъ разбирать; всѣмъ казалось доказаннымъ, что я списалъ переводъ; Михаилъ Яковлевичъ махнулъ держателямъ и сѣкутору рукою, — и пошла работа; только Евсей посоветился тутъ быть сѣкуторомъ.

Михаилъ Яковлевичъ имѣлъ обыкновеніе давать не менѣе 4-хъ—5-ти разборовъ; потомъ складывали всѣ сдѣланныя каждымъ ошибки и на этомъ основаніи насъ пересаживали по новымъ мѣстамъ, которыхъ цѣфровыя величины были, по выраженію математиковъ, пропорціональны числамъ ошибокъ. Слѣдующіе разборы я уже дѣлалъ одинъ. У Евсея пошли десятки ошибокъ, но и на меня березовое увѣщаніе произвело, вѣроятно, неблагоприятное впечатлѣніе; уже не было ни одного перевода безъ ошибокъ, а въ иныхъ набиралось ихъ до пяти и болѣе; при этомъ, какъ послѣ оказалось, многія правильно сдѣланныя мѣста намѣренно признаны были ошибками, чтобы меня уронить въ глазахъ Михаила Яковлевича и отнять у меня возможность сѣсть высоко, даже попасть въ число аудиторовъ. Наконецъ, итоги подведены; по нимъ оказалось, что мнѣ нужно было сидѣть на четвертомъ мѣстѣ, но первики принялись доказывать, что если бы не Евсей, такъ у меня въ первомъ переводѣ было бы много ошибокъ и я

бы долженъ сидѣть гораздо ниже. Хотѣли и надѣялись вновь меня подвести подъ лозу; вѣдь-де послѣ перваго у меня не было ни одного перевода безъ ошибокъ, значить я плутовалъ и прежде, да и послѣ; дѣло ясное. Уже держатели были готовы, дневальный уже брался за лозу и мнѣ издали ее показывалъ. Впрочемъ я принялся защищаться, что я не могъ списать перевода у Евсея; вѣдь у меня послѣдующіе четыре перевода были вдвое, втрое лучше Евсеевыхъ и что за первый даже переводъ меня напрасно высѣли. Михаилъ Яковлевичъ колебался, что ему дѣлать, но наконецъ велѣлъ мнѣ сѣсть на пятомъ мѣстѣ. Я съ радостью схватилъ свои книжонки, кивнулъ головою своимъ сосѣдямъ и пошелъ по лавкѣ на новое высокое мѣсто. Оказалось, что и на немъ я сидѣлъ выше и Вани, и Веселкина; о Евсеѣ нечего и говорить, онъ отъ меня сидѣлъ далеко. Самъ нашъ старшій Соловьевъ долженъ былъ сѣсть на второе мѣсто, а первое уступить Добромыслову, который сдѣлался моимъ аудиторомъ, но никогда меня не слушалъ въ увѣренности, что я всегда и самъ выучу урокъ.

Вскорѣ послѣ этого умеръ братъ мой Ваня. Я уже говорилъ, что онъ былъ удалая голова, частенько притѣснялъ меня и даже подвергалъ опасности быть высѣченнымъ. Еще и въ Тумѣ онъ любилъ для лакомствъ уносить у отца гроши и пятаки; въ Касимовѣ этого хотя и не дѣлалъ, но забиралъ за то въ долгъ, называя себя другими именами и фамиліями; въ этомъ случаѣ онъ любилъ отдавать предпочтеніе мнѣ. Однажды батюшку остановилъ на базарѣ калачникъ и сталъ жаловаться, что его сынъ забралъ у него калачей рубля на два и не отдаетъ денегъ. Батюшка, въ страшномъ негодованіи, приходитъ къ намъ на квартиру и начинаетъ дѣлать допросъ мнѣ. Когда же я сталъ говорить, что я ни у кого не бралъ въ долгъ ни на копѣйку, то онъ счелъ это за заpiresательство и велѣлъ Аннѣ приготовить розгу, чтобы вынудить мое сознаніе и наказать за мотовство. Анна живо приготовила отличную розгу и просила батюшку самому не беспокоиться, а поручить ей высѣчь меня, разумѣется, при немъ. Опасность была, какъ говорится, на носу; но я все еще упрашивалъ, чтобы меня показали калачнику; батюшка уважилъ мою просьбу; позвали калачника, Анна быстро за нимъ сбѣгала, чтобы поскорѣе высѣчь меня. Но калачникъ, вошедши въ кухню, тотчасъ же указалъ батюшкѣ на Ваню; вотъ этотъ-то вашъ сынъ забиралъ у меня калачи! Ваня долженъ былъ сознаться въ своемъ

мошенничествѣ; деньги калачнику были уплачены, но розги, приготовленные для меня, пригодились для Вани. Кажется и послѣ того онъ, уже на свое имя, дѣлалъ долги. Между тѣмъ, не помню, какимъ-то образомъ онъ простудился и схватилъ горячку. Помѣстили его въ кухнѣ же на кутѣѣ, конечно не оставляли безъ надзора, но доктора не пригласили, а дали только знать въ Туму о его болѣзни. Въ одинъ вечеръ, какъ мы сидѣли за дѣломъ, моя тетушка, мать Вани, вошла къ намъ въ кухню и, увидавши сына въ крайнемъ изнеможеніи, начала его цѣловать; кажется и онъ ее узналъ, потому что обнялъ ее руками; впрочемъ на другой или на третій день онъ умеръ и мы его похоронили довольно торжественно. Мнѣ, впрочемъ, жалко было его, хотя мы и не ладили частенько между собою, но все таки были братья и часто дѣлили свои и радость, и горе; безъ него я остался и на квартирѣ, и въ классѣ уже совсѣмъ безъ родныхъ.

Но къ моему счастью я уже пошелъ въ гору. Пятое мѣсто осталось за мною; однажды по переводамъ я долженъ былъ бы занять даже третье мѣсто, но Михаилъ Яковлевичъ оставилъ меня на прежнемъ. Я впрочемъ этимъ не обижался. Но знакомство мое съ лозою не прекращалось. Дѣло состояло въ томъ, что я по части чистописанья и нотнаго пѣнія былъ по прежнему неисправенъ. Чистописанію меня учили пять человѣкъ: батюшка, Кудрявцевъ, Прудковъ, Ваня и Михаилъ Яковлевичъ, и размѣется каждый молодецъ на свой образецъ, и почти ни одинъ изъ нихъ не слѣдилъ за мною постоянно, а обучалъ меня, такъ сказать, налетами, наѣздами; отъ этого, кажется, я, сбитый съ толку разнообразными наставленіями и стараясь угодить каждому, писалъ почеркомъ, который былъ смѣсью различныхъ почерковъ. Нотное пѣніе, не знаю уже почему, совершенно мнѣ не далось. Не говоря уже объ училищѣ, и послѣ, когда я, на примѣръ, былъ профессоромъ физики, толковалъ о музыкальных тонахъ, діазахъ и бѣмоляхъ, хорошо даже понималъ теорію музыки, все-таки не умѣлъ и не умѣю пѣть по нотамъ. Плохіе успѣхи по чистописанію награждались большею частію пѣлями; за ними мы не очень гнались; идешь бывало, къ століку съ письмомъ, держа его въ лѣвой рукѣ, а правую постоянно, но не очень замѣтно, напиралъ о сукно. Подашъ письмо; Михаилъ Яковлевичъ, посмотрѣвши на него, частенько брался за линейку, а я подставлялъ руку и, получивъ одну или двѣ пали, отправлялся на мѣсто.

Но относительно нотнаго пѣнія пали были не въ модѣ; тутъ главное дѣло или розги, или продолжительное стояніе на колѣняхъ на мѣстѣ. Къ утѣшенію моему успѣхи по чистописанію и нотному пѣнію не принимались во вниманіе при составленіи списковъ; за неуспѣшность въ нихъ насъ только дарили палями, сѣкли и ставили на колѣна, и можно было занимать первое мѣсто, а между тѣмъ вовсе ничего не знать изъ обихода и скверно писать. Вотъ почему я и оставался на своемъ пятомъ мѣстѣ и былъ доволенъ этимъ. Конечно, иногда колѣни болѣли; еще непріятнѣе было идти къ печѣ и кушать березовую кашу. Но ничего, повертись, но никогда не вырвешься, покричишь, поплачешь послѣ, и все-таки остаешься на своемъ мѣстѣ; и пріѣхавши домой скажешь: я пятымъ и, разумѣется, промолчишь сколько десятковъ и даже сотъ ударовъ розгами пришлось вытерпѣть въ теченіе трети за чистописаніе и нотное пѣніе. Въ классѣ же Михаилъ Яковлевичъ, вѣроятно, нашолъ бы и безъ того за что-нибудь высѣчь. На это тѣмъ болѣе можно разсчитывать, что почтенный педагогъ очень не любилъ меня по одному обстоятельству.

На второмъ году моей училищной жизни я, Даньковъ и Былинскій, очень наскучивши розгами, стали придумывать способы вовсе отъ нея избавиться. Тогда было много такъ называемыхъ вликушъ. Мы сами въ церквахъ видали, какъ какая-либо баба или растянется на полу, находясь безъ всякаго движенія, или еричитъ разными голосами. Съ другой стороны слыхали тоже, что ихъ въ деревняхъ никто уже не трогаетъ пальцемъ. Вотъ мы и положили подъ глубокимъ секретомъ сдѣлаться не вликушами, а притворяться упавшими въ обморокъ при первомъ случаѣ, когда кого изъ насъ станутъ сѣчь. Первая очередь выпала Данькову. Михаилъ Яковлевичъ, оттащавши его за незнаніе урока, крикнулъ: „лозу“, я явился въ качествѣ держателя и шепнулъ ему: „падай въ обморокъ“. Даньковъ упалъ и, какъ робкій мальчикъ, сильно поблѣднѣлъ. Я закричалъ: „Михаилъ Яковлевичъ! Даньковъ въ обморокъ“. Педагогъ вскочилъ и, видя блѣдность Данькова, испугался и велѣлъ его убрать къ сторонѣ. Разумѣется, обморокъ скоро прошелъ, но по училищу и городу скоро разнеслось, что Михаилъ Яковлевичъ бьетъ и сѣчетъ учениковъ такъ, что они падаютъ въ обморокъ. Вскорѣ и Былинскій сдѣлалъ подражаніе Данькову; говоръ усилился; само начальство наше встревожилось; началось слѣдствіе и, увы, скоро открылся нашъ за-

говоръ, а я признанъ былъ главою его, какъ и на самомъ дѣлѣ было. Михаилъ Яковлевичъ получилъ даже приказъ наказать насъ примѣрно. Разумѣется, наказали какъ нельзя лучше, до красныхъ звѣздочекъ. Но Михаилъ Яковлевичъ и послѣ не могъ забыть моей продѣлки и мстилъ мнѣ за нее. Но какъ бы то ни было, я учился и учился, сдѣлался бойкимъ и смѣлымъ отъ сознанія личныхъ своихъ достоинствъ, былъ большимъ забавникомъ и рассказчикомъ между товарищами, даже пользовался любовью бѣльшей части ихъ, охотно помогая имъ по урокамъ, особенно по арифметикѣ, и дошелъ до перевода въ низшее отдѣленіе уѣзднаго училища.

Тогда, точно также, какъ и до 1867 г., въ низшихъ духовныхъ училищахъ были экзамены третные, годичные и двухгодичные. У насъ въ Касимовѣ они по вѣщности совершались торжественно. Приходилъ обыкновенно въ классъ самъ смотритель со всѣми учителями; ученики пѣли общимъ хоромъ „Царю Небесный“, а по окончаніи, обратившись къ смотрителю, *ἀσπάζομεθα* или *salutamus*, смотря потому, происходилъ-ли экзаменъ по греческому языку или по всѣмъ прочимъ какимъ бы то ни было предметамъ. Присаживаться намъ уже не позволяли; сколько бы времени экзаменъ ни продолжался, мы стояли на ногахъ. Потомъ начинались вопросы; для нихъ бѣльшею частію вызывали на средину особенно тѣхъ, которые сидѣли на лавкахъ. Если отвѣтъ хорошъ, то ступай на мѣсто. А если плохъ, то побранять, поставить на колѣна, а часто и высѣкутъ; вотъ почему къ экзамену всегда уже заготовлялся большой запасъ розогъ, притомъ съ самыми лучшими качествами. Почтенный смотритель не любилъ, какъ увидимъ, шутить въ такихъ случаяхъ. По окончаніи экзамена мы пѣли „достоинъ есть“ и затѣмъ *Εὐχαριστοῦμεν* или *gratias agimus*. Но вѣроятно для того, чтобы частое повтореніе столь торжественнаго акта не опрофанировало его, экзамены у насъ, не смотря на уставъ, производились рѣдко. Во всю мою бытность въ Касимовѣ, кажется, не было ни одного третнаго экзамена, да и годичные не всегда. Такимъ образомъ изъ приходскаго въ уѣздное училище насъ перевели безъ всякаго экзамена, а единственно на основаніи списка Михаила Яковлевича, и еще на основаніи тѣхъ взятокъ, которыя получили смотритель и инспекторъ съ отцовъ неуспѣшныхъ учениковъ; только насъ всѣхъ до одного перевели.

Д. И. Ростиславовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЗАПИСКИ Д. И. РОСТИСЛАВОВА,

ПРОФЕССОРА СПБ. ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ.

† 18-го февраля 1877 г.

ГЛАВА XVIII ¹⁾.

О смотрителѣ и учителяхъ уѣзднаго училища.

И такъ я уже теперь ученикъ низшаго отдѣленія Касимовскаго духовнаго уѣзднаго училища. Всѣхъ насъ было переведено около 40 человѣкъ, да еще къ намъ прибавилось четыре человѣка старичковъ, т. е. оставленныхъ въ томъ же отдѣленіи на второй курсъ, такъ что мнѣ слѣдовало занять девятое или десятое мѣсто.

Какъ человѣческое самолюбіе можетъ быть удовлетворяемо ничтожными вещами! Вотъ, напримѣръ, мы какъ гордились тѣмъ, что мы не какіе-либо приходскіе, а уже низшеклассные! Съ какимъ гордымъ презрѣніемъ посматривали на приходскихъ, бывшихъ прежде первоклассными, а теперь поступившихъ во второй классъ, учившихся вмѣстѣ съ нами цѣлый годъ, видѣвшихъ какъ каждый изъ насъ сѣли, державшихъ насъ и за руки, и за ноги при этой операціи, а иногда и отправлявшихъ должность сѣкутора? Мы очень хорошо могли разсчитать, что они этого не могли же такъ скоро забыть, а все таки мы задавали имъ форсу и

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1880 г., томъ XVII, стр. 1—38; 545—572; 681—704; т. XXVIII, стр. 35—68; 179—218; 385—408; изд. 1882 г., т. XXXIII, стр. 67—86; 657—672; т. XXXIV, стр. 585—614; изд. 1884 г., т. XLII, стр. 495—518.

считали себя выше ихъ чуть не цѣлою головою. А между тѣмъ наше положеніе почти нисколько не измѣнилось, даже въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ сдѣлалось едва-ли не хуже; на насъ смотрѣли тоже какъ на мальчишекъ и обращались также, какъ съ мальчишками, которые только немножко побольше бывшихъ нашихъ товарищей и слѣдовательно еще менѣ заслуживали снисхожденія въ случаѣ проступковъ, нежели эти. Въ классѣ у насъ были тоже двое старшихъ и три аудитора, притомъ кромѣ одного изъ послѣднихъ тѣ же самые, которые были и въ приходскомъ училищѣ. Они попрежнему съ нами обращались безцеремонно, обирали, записывали въ записку, иногда дигали и за волосы. Попрежнему подавали они пришедшему учителю нотаты и записки, а учителя и по этимъ документамъ, и на основаніи другихъ данныхъ совершенно также поступали съ нами, какъ Михаилъ Яковлевичъ: ставили столбомъ и на бока, на мѣстѣ и у печи, оставляли безъ обѣда и, увы, сѣкли розгами! Конечно, здѣсь были нѣкоторыя, повидимому, облегчающія обстоятельства, но вмѣсто того появилось едва-ли не большее количество отягощающихъ. Въ низшемъ отдѣленіи особаго сѣбуртора не было, должность его отправлялъ тотъ или другой дневальной. Но если замѣчали въ немъ снисходительность, то его сѣкли также, какъ и у Михаила Яковлевича. Притомъ прямой отдавался приказъ, чтобы оба дневальные не были слабыми, а хоть одинъ имѣлъ крѣпкую руку. Далѣе, при сѣченіи, насъ сначала не всегда вполне обнажали, оставляя не снятыми инекспресибл. Но, еще увы, это большею частію не было вовсе облегченіемъ. Розги уже никогда не состояли изъ одного ветловаго прута, но изъ 3—5 или изъ еще болѣе толстаго пучка березовыхъ прутьевъ; за малѣйшее отступленіе отъ этого человѣколюбиваго распоряженія дневальныхъ сѣкали безъ милосердія. Затѣмъ по 5—10 розогъ намъ уже не давали, минимумъ состоялъ изъ 15—20 ударовъ. Этотъ минимум не только при холщевыхъ, но и при мохъ тяжелыхъ инекспресибляхъ былъ гораздо больнѣе, нежели пять даже по обнаженному тѣлу. Потому, если завороченныя на спину рубаха и платье упадутъ на инекспресибл, оттого что начнешь сильно двигаться и поднимать голову отъ боли, то почти всегда являлись держатели, которые уже сжимали инекспресибл; прежніе удары шли не въ за-

четь и отпускались новые, столько же, сколько было положено. Еще если наказывали нѣсколькихъ человѣкъ одного за другимъ и если всѣ наказанные прежде имѣли тяжелыя инекспресибли или холщевыя, но вполне крѣпкія, и даже послѣдній имѣлъ только холщевыя и особенно сильно разодранныя, оставлявшія что нибудь обнаженнымъ и если это замѣчалъ учитель, или ему доложить старшій сѣкуторъ и самъ наказанный, то для уравнинія почти всегда прежде высѣченнымъ опять приходилось лежать, но уже обнаженными. И потому гораздо выгоднѣе было бы, если бы насъ сѣкли по приходскому, особенно когда отпускалось не 10—15, а 20 и болѣе ударовъ. Подъ инекспресиблиами не видны были слѣды, которые пропзводились розгами и учитель только приговариваетъ: „хорошенько его, хорошенько“. Но если обнажено тѣло, то учитель, замѣтивъ слишкомъ ясно ленты и узоры, особенно красныя звѣздочки, скорѣе умиловивлялся, такъ что ограничивалъ наказаніе вдвое меньшимъ числомъ ударовъ; конечно, каждый ударъ былъ почувствительнѣе, но за то общій результатъ былъ сноснѣе. И потому мы мало по малу стали находить лучшимъ жалѣть свои инекспресибли или сами ихъ снимали до колѣнъ, или просили сѣкутора сдѣлать эту операцію; мы замѣтили, что за такое самоотверженіе учителя къ намъ были снисходительнѣе. Особенно намъ дорого приходилось расплачиваться за одно ужасное преступленіе, за сопротивленіе предустановленнымъ надъ нами властямъ. У Михаила Яковлевича мы, прижатые къ полу держителями, силились вырваться съ перваго удара, хотя и рѣдко вырывались, но были опять забираемы въ руки. Но и въ низшемъ отдѣленіи боль отъ перваго удара толстымъ пучкомъ даже сквозь инекспресибли была не менѣе чувствительна, какъ и при сѣченіи по методѣ Михаила Яковлевича. И потому многіе, особенно въ первый мѣсяцъ, не только поднимали голову и спину, опираясь на ладони рукъ, но и просто вскакивая на ноги; это, особенно послѣднее, считалось чѣмъ-то въ родѣ ослушанья, даже бунта, и уже наказывалось какъ сопротивленіе власти; тотчасъ по слову „держать его мерзавца“, являлись держители, валили бунтовщика на полъ, обнажали, а число ударовъ отпускалось уже за два преступленія. Между тѣмъ сѣкуторъ могъ заставить чуть не всякаго, на кого имѣлъ неудовольствіе, совер-

шить это преступленіе, давая первый удар самымъ сильнымъ образомъ. Съ другой стороны, по положенію, рубаху надобно было поднимать до поясицы, но верхняя часть нашихъ инекспрессиблей большею частію держалась ниже поясицы; поэтому почти всегда выглядывала часть обнаженного тѣла, а иногда довольно значительная; притомъ врагъ-сѣбукторъ могъ ее намѣренно поувеличить. Если первый ударъ со всего размаха былъ хоть частію лозы направленъ на обнаженную часть, то наказываемый почти всегда бунтовалъ, т. е. вскакивалъ или такъ поднималъ голову и спину, что рубаха и платье опускались туда, гдѣ имъ въ это криминальное время не слѣдовало быть; а догадливый, но сердитый на вповнаго, сѣбукторъ такъ и заворачивалъ рубаху и платье, чтобы они при маломъ даже движеніи опускались. Пазъ многогрѣшный и многосѣченый обнаруживалъ не одинъ разъ описанное сопротивленіе властямъ, бывалъ бунтовщикомъ и за это, разумѣется, наказывался какъ государственно-классическій преступникъ. И такъ вовсе не было намъ причины превозноситься предъ приходскими; насъ сѣкали, можетъ быть, порѣже, но и то развѣ немногихъ, за то несравненно больнѣе; послѣднее еще увидимъ, когда я стану описывать нашего отца протоіерея и его методу учить насъ нотному пѣнію. Теперь ознакомлю читателя съ новыми моими учителями и съ смотрителемъ.

Акимъ Федоровичъ Гороховъ обучалъ насъ латинскому языку, ариѳметикѣ, славянской грамматикѣ, долженъ былъ еще пройти съ нами орфографію и синтаксисъ русской грамматики. Онъ былъ человѣкъ очень умный, старательный, не былъ слабъ, но и не жестокъ, наказывалъ не для собственного удовольствія, не изъ злости, а когда считалъ по своему убѣжденію это нужнымъ, мастерски умѣлъ приспособляться къ нашимъ понятіямъ, объясняя уроки. Мы еще въ приходскомъ училищѣ ознакомились съ нимъ въ послѣднемъ отношеніи. Въ первую недѣлю великаго поста между утреннею и часами онъ ученикамъ всего училища читалъ нѣчто въ родѣ катехизическихъ поученій, начавши дѣло съ первой главы пятовипіія Моисея. Онъ такъ просто намъ говорилъ о твореніи міра и человѣка, грѣхопадении послѣдняго и пр.; такъ хорошо и отчетливо разъяснялъ темныя мѣста, что мы всѣ

понимали его и долго помнили его бесѣды. И какъ послѣ жалѣли, что онѣ въ слѣдующіе посты почему-то не повторились ни разу! Слушая его, мы узнали, что обязанность учителя состоитъ не въ томъ только, чтобы разсматривать нотату и записку, называть неисправныхъ и виновныхъ, говорить: выучить до такой-то строки и пр., какъ поступалъ Михаилъ Яковлевичъ, а въ объясненіи урока. Бывалъ онѣ немножко вспыльчивъ, но скоро успокоивался. Къ несчастію всѣ его добрыя качества замѣчались, когда онѣ былъ трезвъ. Но если онѣ приходилъ на веселѣ, въ куражѣ, то характеръ его измѣнялся; онѣ становился шумливъ, предприимчивъ, взыскателенъ, тутъ на него угодить было мудрено; тутъ, по пословицѣ, всякое лыко ставилось въ строгу; тутъ-то онѣ такъ принимался сѣчь, что мы за лучшее находили сами обнажать себя. Это большею частію было на утреннихъ классахъ. Но Боже, когда онѣ былъ болѣе, нежели на веселѣ, или въ куражѣ, а пьянъ, сохраняя впрочемъ сознаніе, тогда былъ онѣ ужасно жестокъ! „Ахъ вы скверные, излѣнились, зазнались, я съ вами теперь раздѣляюсь“. И дѣйствительно, раздѣлялся образцово, притомъ преимущественно съ перворазрядными учениками, по крайней мѣрѣ начиналъ съ нихъ. Большею частію онѣ давалъ намъ въ это время такъ называемыя лоуціи съ русскаго языка на латинскій, т. е. высказывалъ какое либо предложеніе, накладывалъ, какъ мы говорили, на него латинскія слова и требовалъ выразить ихъ сообразно съ латинскою грамматикою и за ошибку, даже одну, ступай уже подъ лозу; сѣчень въ это время всегда уже производилось по обнаженному тѣлу съ держателями. Къ бѣдѣ онѣ часто забывалъ, что кого либо высѣкъ, отчего многимъ приходилось въ одинъ и тотъ же классъ быть высѣченнымъ по два, а инымъ даже по три раза. Последнее счастье мнѣ два раза выпадало. Иногда онѣ, сидя за столикомъ и заставя сѣчь кого нибудь, какъ будто забывался и между тѣмъ тамъ все такъ сѣкли, сѣкли и сѣкли. Однажды чуть было дѣло не покончилось ужаснымъ образомъ. Былъ у насъ старичокъ Василій Лебедевъ, рябой, здоровый, рослый, но тупой дѣтина. Гороховъ приказалъ высѣчь его; раздраженный до нелзя, оттащавъ дневальныхъ за то, что они сѣкли небожно и сказалъ, что если они не загладятъ своей вины, то онѣ ихъ высѣчетъ

какъ нельзя лучше. Дневальные, разумѣется, принявъ за работу п Гороховъ, утомленный таскою, сѣлъ за столѣкъ. Лебедевъ кричалъ, кричалъ п замолчалъ; насъ всѣхъ морозомъ подрало по кожѣ; между тѣмъ дневальные не останавливались. Гороховъ выпелъ изъ забытья; сначала, видя продолжающееся сѣчене п не слыша крика, подумалъ, что вѣроятно плохо сѣкутъ, закричалъ на сѣкутора, но къ счастью старшій сказалъ: „Акимъ Ѳедоровичъ! Лебедевъ давно уже не кричитъ“. Гороховъ опомнися, подошелъ къ Лебедеву, велѣлъ прекратить экзекуцію; Лебедевъ не вставалъ, п только чрезъ полчаса собрался съ силами п доплелся до мѣста, но затѣмъ былъ боленъ около трехъ недѣль.

Къ несчастію, Гороховъ любилъ часто выпить, за что послѣ липонъ былъ священства п въ разборъ 1830 г. поступилъ въ военную службу. Про него у насъ была сложена слѣдующая стихиря: „прежде шести дней семпка, шолъ Гороховъ изъ кабака, на встрѣчу ему три ученика; учителю! учителю! глаголюще: гдѣ намъ уготовано выпити?“

Онъ же отвѣща имъ: идите въ Разгуляевъ кабакъ п обрящете тамо человѣка за стойкою стоящаго п мѣру въ рукахъ держащаго п тамо выпьете“.

Но не смотря на недостатки его въ нетрезвомъ видѣ мы любили его, потому что трезвый онъ былъ прекрасный учитель.

Совсѣмъ иначе мы думали о другомъ тоже Акимѣ Ѳедоровичѣ, но Красновѣ, учителѣ греческаго языка, катехизиса п священной исторіи п инспекторѣ училища. Онъ былъ, можетъ быть, умнѣе Горохова, вполне трезвъ, зналъ греческій языкъ хорошо, умѣлъ передавать свои свѣдѣнія, только былъ лѣнивъ п ужасно золъ. Мы его боялись п терпѣть не могли. Мы его звали кошкою; п въ самомъ дѣлѣ онъ былъ въ нѣкоторомъ отношеніи похожъ на нее. Гороховъ, найдя нужнымъ высѣчь кого либо, велитъ отправляться въ печь прямо; но Красновъ въ такомъ случаѣ поступалъ почти какъ кошка съ пойманною мышью. „Подп-ка сюда“, скажетъ бывало. Ну п выйдешь въ столѣку или на средину. „Что же это ты, мерзавецъ, не учишься, или лѣнишься, или дѣлаешь это? Эй, дневальный! лозу“. Хочешь вернуться п идти на лобное мѣсто, но Красновъ ухватитъ за волосы или за уши, то здѣсь

потреплеть, то тамъ ущипнетъ, приговаривая: „ахъ ты, мерзавецъ“, а то ударить въ одну щеку, потомъ въ другую и этакъ мучить иногда минуто, двѣ и болѣе. Подобное положеніе было хуже сѣченія; начнутъ сѣчь, конечно больно, но вотъ перестанутъ, а тутъ больно головѣ, щеки горять, а между тѣмъ знаешь, что это служить только введеніемъ и предстоитъ еще вылежать подъ лозою. Особенно невыносимымъ дѣлалось положеніе, когда было нѣсколько виновныхъ, какъ напр. по запискѣ или по нотатѣ. Вызоветъ одного, отщиплетъ и за волосы, и за уши, надастъ оплеухъ и пошлетъ къ печи, къ дневальному, который стоитъ уже съ лозою въ рукахъ, но надобно еще ждать, потому что Аппъ Федоровичъ вызываетъ другого, третьяго и т. д.; съ каждымъ полюбезничаетъ и пошлетъ его къ печкѣ; случалось ждать по полчаса исполненія приговора. Кромѣ того, онъ, какъ тонкій наблюдатель и знатокъ дѣтскихъ привычекъ, мастеръ былъ разыскивать виновныхъ, спутывать ихъ вопросами и выводить дѣло наружу. Мы даже вѣрили, что онъ узнаетъ какъ будто все отъ святаго духа; такъ намъ казалось необъяснимымъ его искусство визнавать наши тайны. „По глазамъ узнаетъ, говаривали мы; носомъ чуетъ, затылкомъ видитъ“ и пр.

Смотритель нашего училища былъ соборный протоіерей Поликарпъ Поликарповичъ Каструсскій, но онъ не только въ Касимовѣ, но чуть-ли не по всей епархіи назывался, подобно архіереямъ, только однимъ именемъ: Поликарпъ и извѣстенъ былъ подъ титуломъ архіерея касимовскаго и бабинскаго (Бабенки было село верстахъ въ трехъ отъ Касимова). Даже при богослуженіи, въ одномъ по крайней мѣрѣ случаѣ, онъ немножко разыгрывалъ роль архіерея. Извѣстно, что церковная пѣснь „пріидите поклонимся и припадемъ ко Христу“ и проч., поется пѣвчими послѣ малаго выхода во время литургіи, а священники и дьяконы молча уходятъ въ алтарь. Но при архіерейскомъ служеніи архіерей со всѣми сослужащими ему священниками и дьяконами поютъ означенную пѣснь, стоя по срединѣ церкви и только, пропѣвши болѣе половины, отправляются въ алтарь и тамъ доканчиваютъ пѣснопѣніе. Почтенный Поликарпъ Поликарповичъ, когда въ праздники служилъ обѣдню соборнѣ съ другими священниками и дьяконами, слѣдовалъ архіерейскому обычаю, начиналъ самъ: „пріидите по-

клонимся“, сослужившіе вторили ему, въ извѣстный моментъ торжественно всѣ отправлялись въ алтарь и тамъ доканчивали. Что же касается до его личности, то онъ роста высокаго, уже очень пожилыхъ лѣтъ, рыжій, чуть не плѣшивый, слылъ за умнаго, начитаннаго человѣка, отличался діалектною въ спорахъ, былъ мастеръ поговорить, пошутить, былъ душою общества. Въ Касимовѣ онъ пользовался необыкновеннымъ уваженіемъ всѣхъ сословій, велъ себя важно, одѣвался великолѣпно; у него были рѣдкая въ то время ряса на льсѣмъ мѣху и громадная мѣховая муфта, которая чуть не касалась земли нижею своею стороною. Но вмѣстѣ съ тѣмъ былъ ужасный взяточникъ, по убѣжденію, соп ашого, по какому-то гордому сознанію, что всякая его взятка не только законна, но необходима, обязательна; принимая ее, онъ какъ будто дѣлалъ благодареніе, оказывалъ милость тому, кто ее давалъ. О взяточничествѣ его я послѣ скажу, а теперь займусь тѣмъ, какъ онъ за нами смотрѣлъ.

Я уже говорилъ, что онъ даже большею частію и экзаменовъ не дѣлалъ; о томъ, чтобы слѣдить за успѣхами учениковъ, за преподаваніемъ учителей, онъ и не думалъ. Онъ, можно сказать, только сѣлъ насъ, когда ему захочется или найдетъ къ тому поводъ. Возвращается изъ города въ училище, или провожаетъ какого-либо гостя, или самъ отъ нечего дѣлать выходитъ на крыльцо и слышитъ шумъ и гамъ въ какомъ-либо классѣ. „Ей вы, закричитъ бывало, страшнымъ голосомъ, черти, дьяволы, кобылятники, меренятники, вотъ я васъ!“ Иногда и безъ того шумъ кобылятниковъ и меренятниковъ доходилъ до его кабинета и спальни вмѣстѣ, особенно изъ низшаго отдѣленія, которое было ближе всѣхъ классовъ къ его комнатамъ; самая страшная вещь была, если мы какъ нибудь нарушали послѣбѣденную его сіесту. Иногда же даже просто выйдетъ на крыльцо и ждетъ не закричатъ-ли гдѣ-нибудь или какъ будто придумываетъ, нѣтъ-ли какихъ-либо причинъ пойти въ классъ, чтобы раздѣлаться съ чертями, дьяволами. Приходское училище онъ рѣдко удостоивалъ своего вниманія; ребята тамъ были большею частію слишкомъ малы, гдѣ имъ вынести его экзекуцію? Низшеклассные и особенно вышеклассные, вотъ кто были преимущественно предметомъ его

вниманія. Возшедши въ классъ, онъ спрашивалъ, кто шумѣлъ? Если у старшаго не было записано и онъ ни на кого не укажетъ, какъ на нарушителя общественнаго спокойствія, то его самого сѣчь и когда отецъ протопопъ былъ очень разсерженъ или ему хотѣлось побольше посѣчь народу, то по списку, оставляя двухъ правыми, третьяго признавалъ виновнымъ и сѣкъ; у насъ для этого и было техническое выраженіе: третьяго сѣчь; если же у старшаго есть записка или укажетъ на кого-либо, какъ на нарушителей общественнаго спокойствія, то уже принимается за нихъ одинъ и притомъ не заслушивалось никакое оправданіе; старшій признавался непогрѣшимымъ. И всѣ учителя насъ больно сѣкли, но отецъ Поликарпъ, по его собственнымъ словамъ, не любилъ насъ баловать, мазать и чесать лозою. Когда при немъ нужно было сѣчь кого, то приносились особыя розги, которыя у насъ назывались протопопскими. Онъ кажется считалъ грѣхомъ сѣчь не обнажая. „Рубахи и портки не виноваты, ихъ не за что сѣчь, да и зачѣмъ дѣлать убытокъ матери; заворачивай и снимай все“; стоитъ бывало онъ у самаго лобнаго мѣста, посматриваетъ на приготовленія къ сѣченію и поворачиваетъ правою рукою серебряную табакерку, которую онъ держалъ двумя пальцами лѣвой руки. „Ну что, матушки, все-ли готово? спросить, смотря на лежащаго, который чуть не на половину обнажонъ; подбери-ка ты еще, ..., вотъ это, вишь, жалѣешь, я вотъ тебя самого взлуплю; надобно, чтобы ни одинъ прутикъ не упалъ ни на рубашу, ни на портки“.

Въ это время приготовленный, слушая столь утѣшительныя слова, часто вздрагивалъ, начиналъ шевелить или сжимать свою педагогическую часть, какъ это почти всегда бывало, когда ожидаешь жестокаго наказанія. „Ха, ха, захохочетъ отецъ протоіерей, смотрите-ка началъ уже танцовать прежде музыки, ну-ка займай, посмотримъ, какъ онъ станетъ выплясывать, какія будутъ выдѣлывать штуки? Та, та, хорошенько“. Когда же оба бедра покроются уже рубцами, лентами, узорами и кровью, то закричитъ отецъ смотритель: „ну что ты все въ поперечину, развѣ нельзя въ длину“, и сѣкуторъ перемѣняетъ свою позицію, становится то у головы, то въ концѣ ногъ, которыя для этого раздвигаются и уже держатся каждая особымъ держителемъ. И

вотъ удары падаютъ уже въ длинну, а не въ поперечину, концы лозы достаютъ поясницы, боковъ, ляшекъ, чуть не до колѣна. Ознабоясь со вкусомъ отца зрителя и желая угодить ему, сѣбукторы уже сами не дожидались особаго приказанія, сѣкли то въ поперечину, то въ длину. „Ай да молодецъ, самъ догадался, поддай-ка ему пара, порумянъ-ка ему ляшки и поясницу, вотъ тутъ еще нѣтъ ничего. Да въ затравку, т. е. въ промежутокъ между обоими бедрами, въ самую затравку попади хоть разикъ или два не больше. Ага, завертѣлся, другимъ голосомъ заговорилъ. Ха, ха, ха!“ Это были шуточки, которой смѣялись и шутникъ, и тѣ изъ насъ, кто не надѣялся быть высѣченными. Но все это были еще цвѣтики, а ягоды впереди. Отецъ протопопъ вѣроятно думалъ, что мы еще щадимъ другъ друга, что насъ нельзя, по его выраженію, пробрать лозами, даже протопоповскими и въ поперечину, и въ длину. Онъ лучше любилъ полагаться на своего сторожа и кучера Траянова, здороваго церковника. Когда уже отецъ зритель считалъ нужнымъ высѣчь на славу, то обыкновенно кричалъ: „Траянова сюда съ плетью“. Плеть эта была ременная, съ двумя хвостами; ею почти можно было распеvelить и лошадь. Траяновъ приходитъ, держа плетъ за рукоятку и опустивъ концы ея внизъ. „Ну-ка, Траяновъ, говоривалъ протопопъ, надобно дураковъ-то поучить; смотри, не давай охулки на свою руку“. „Что вы, отецъ протопопъ, развѣ мнѣ уже въ первый разъ? Поучу знатно, велите только держать покрѣпче, чтобы не было промаха“. И дѣйствительно надобно было держать. Многіе изъ насъ уже и на первомъ году въ низшемъ отдѣленіи и почти всѣ на второмъ приучили себя, сдѣлавши зубы, сжавши кулаки, выдерживать по 20-ти и болѣе сплывныхъ ударовъ лозою по обнаженному тѣлу, нпѣмъ не удерживаемые и только немного поварачиваясь. Но подъ плетью Траянова не могли улежать не только мы, низшеклассные, но и вышеклассные, между которыми были молодцы лѣтъ въ 18 — 20. И такъ какъ отецъ протопопъ не любилъ въ сѣченіи проволочекъ и остановокъ и такъ какъ держатели, у которыхъ наказываемые вырывались или вертѣлись, такъ что Траяновъ дѣлалъ небольшіе промахи, подпадали подъ его же плетъ, то обыкновенно развѣ каеого либо слабоспльнаго рѣшались держать двое здоровыхъ товарищей, а то

всегда держали четыре или пять человѣкъ. „Ну-ка, Траяновъ, начинай“, когда все уже было приготовлено. Боль была невыносимая, а между тѣмъ не только вывернуться, а даже пошевелиться нельзя. Отецъ протопопъ стоялъ, да посматривалъ сквозь свои очки и повертывалъ свою табакерку; не полосы или ленты, а бугорки багровые появлялись на тѣлѣ. „Ну славный ты, Траяновъ, живописецъ, пошучивалъ отецъ смотритель; ну-ка еще порисуй“. И разрисовывали же насъ! Хотъ большею частію давали 20—30 ударовъ и рѣдко болѣе, но всякій вставалъ съ полу въ въ какомъ-то полубезпамятствѣ; рѣдкій не плакалъ еще и не чувствовалъ сильной боли минутъ 10 — 20, а потомъ не одинъ день трудно было сидѣть. Послѣ такой экзекуціи въ тотъ же или на слѣдующій день являлись другіе учителя. Вотъ тутъ-то особенно слишкомъ невыгодно было, чтобы инекспресибли при сѣченіи не снимались, потому что учитель, не видя оставленныхъ слѣдовъ отъ траяновщины, приказываетъ сѣчь, какъ находить нужнымъ, и новые удары, хотъ и сквозь инекспресибли, производили невыносимую боль, падая на больныя мѣста. Тогда какъ учитель, особенно Гороховъ, взглянувъ на обнаженное тѣло и видя слѣды траяновщины, говаривалъ: „вѣрно отъ Траянова досталось, ну довольно“, прибавлялъ послѣ нѣсколькихъ ударовъ. Красновъ, впрочемъ, менѣе обращалъ вниманія на это, но все-таки былъ снисходительнѣе. Посмѣлѣ изъ насъ прямо говорили: „меня вчера, или третьяго дня, слишкомъ больно высѣкъ Траяновъ, простите пожалуйста“. И иногда, повѣривши впрочемъ, наказаніе прощали.

Но и съ Михаиломъ Яковлевичемъ мы еще не разстались. Онъ былъ учителемъ нотнаго пѣнія не въ одномъ приходскомъ, но и въ обоихъ отдѣленіяхъ уѣзднаго училища; для него отдѣлялись еженедѣльно въ низшемъ отдѣленіи два урока въ среду и пятницу, а въ высшемъ одинъ въ пятницу, притомъ всегда послѣ обѣда. Такъ какъ въ пятницу нотное пѣніе въ обоихъ отдѣленіяхъ назначалось въ одни и тѣ же часы, то вышекласные приходили къ намъ и Михаилъ Яковлевичъ заставлялъ насъ пѣть и распѣвать вмѣстѣ. Кромѣ нотнаго пѣнія, онъ же преподавалъ еще церковный уставъ, т. е. заставлялъ насъ къ ряду на память заучивать существовавшій тогда учебникъ. Но къ искрен-

нему сожалѣнію Михаила Яковлевича, права его въ нашихъ классахъ до насъ и сначала при насъ были очень ограничены. Для высшесекласныхъ у него даже не было п аудиторомъ и нотатъ; они только общимъ хоромъ пѣли вмѣстѣ съ нами и не всегда всѣ приходили въ классъ. У насъ были и аудиторы, и нотаты, но Михаилъ Яковлевичъ могъ называть насъ стояніемъ на колѣняхъ, сѣчь же самъ собою по своей волѣ не имѣлъ права. Колѣнопреклоненіями нашими онъ, разумѣется, пользовался вполне; незнающіе урока почти всегда стояли на колѣняхъ. Затѣмъ ему предоставлено было право недѣли чрезъ три или разъ въ мѣсяцъ представлять на начальственное благоусмотрѣніе отца протоіерея, нашего начальника, списокъ нашъ съ обозначеніемъ, кто сколько разъ не зналъ уроковъ. Резолюція всегда была одна: высѣчь всѣхъ попавшихъ въ списокъ, хотя бы иной записанъ былъ только однажды брансь или нонтотъ. Но въ этомъ случаѣ отецъ смотритель любилъ соблюдать правосудіе, карающее грѣшниковъ сообразно преступленіямъ каждаго; полагалось за незнаніе каждаго урока давать не менѣе трехъ, но и не болѣе пяти ударовъ, что и выражалось на спискѣ словами: дать за урокъ по три или по четыре и пр. удара. Опять, къ сожалѣнію Михаила Яковлевича, исполненіе экзекуціи поручалось не ему. Иногда, но рѣдко, разъ или два приходилъ самъ протопопъ въ нашъ классъ во время нотнаго пѣнія и съ несправными посвойски расправлялся, но безъ трайновой плети; тутъ по крайней мѣрѣ Михаилъ Яковлевичъ имѣлъ наслажденіе созерцать какъ разрисовывали лентами п узорами обнаженные части тѣла лѣнтяевъ. Затѣмъ въ другихъ случаяхъ исполненіе экзекуціи поручалось низшесекласному или изрѣдка высшесекласному старшему. Въ 3—4 недѣли, т. е. въ 6—8 классовъ набиралось незнающихъ почти столько же, сколько было учениковъ; у насъ изъ 40 слишкомъ человекъ иногда не попадало въ списокъ не болѣе 5—6-ти. Конечно иному нужно было дать только какихъ нибудь 3—5 ударовъ, но многимъ доставалось по 15, 20 и даже до 40, потому что незнаніе урока по уставу рассматривалось какъ отдѣльное преступленіе отъ незнанія нотнаго пѣнія. Возьмите среднее число хоть 15—20 ударовъ для каждаго преступника, а число преступниковъ иногда доходило до 40, вѣдь такимъ образомъ надобно было отсчитать

до 600—800 ударовъ. Кромѣ того, сколько времени требовалось, чтобы каждый легъ, былъ надлежащимъ образомъ подготовленъ къ принятію назиданія, потомъ всталъ и очистилъ мѣсто для своего преемника? На все это, пожалуй, недостало бы и часа, а между тѣмъ старшій долженъ былъ покончить дѣло до прихода учителя. Но наши тогдашніе мудрецы изобрѣли или лучше переняли отъ своихъ не менѣе мудрыхъ и человѣколюбивыхъ предковъ методу сѣченія нашего брата-лѣнтяя въ два ряда безъ подготовки или съ полною подготовкою. Угодно ли прочесть описаніе этой методы.

Виновные раздѣлялись на два отдѣла и изъ каждаго отдѣла вызывались сначала человѣка 3—4; они устанавливались въ рядъ и такимъ образомъ составлялись два ряда, между которыми оставалось свободное пространство для экзекуціи. Если сѣченіе въ два ряда происходило безъ подготовки, то стоявшіе на первыхъ мѣстахъ обоихъ рядовъ ложились на полъ, выступя изъ ряда на лобное мѣсто; мѣста ихъ въ ряду замѣщались вторыми, мѣста этихъ третьими и т. д., а происшедшая убыль пополнялась вызваннымъ новымъ преступникомъ, который становился послѣднимъ и потомъ, постепенно подвигаясь выше и выше, достигалъ перваго мѣста. Обоихъ растянувшихся на полу тотчасъ приготавливали къ сѣченію услужливые экзекуторы и держители; по окончаніи подготовки начинали сѣчь, но только одного, а другой въ это время лежалъ подготовленный и ждалъ угощенія. Кончивъ операцію надъ первымъ, принимались тотчасъ же за втораго. Между тѣмъ на мѣсто высѣченнаго и вставшаго съ полу ложился бывшій его ближайшій сосѣдъ по ряду и пока втораго сѣкли, вновь растянушагося приготавливали къ сѣченію. Кончивъ со вторымъ принимались за третьяго, и на мѣсто втораго ложился и былъ подготавливаемъ его сосѣдъ по ряду. Дѣло старались такъ устроить, чтобы не было никакого замедленія, т. е. чтобы въ тому времени, какъ кончится экзекуція кого либо, напр. въ первомъ ряду, непремѣнно въ другомъ ряду былъ уже вполне приготовленъ къ сѣченію виновный. И экзекуторъ этого ряда тотчасъ же начиналъ свою работу, какъ только она приостанавливалась въ другомъ ряду. Такимъ образомъ дѣло шло быстро, удары лозою, прерываясь въ одномъ, немедленно раздавались въ другомъ ряду. И если сѣкли

въ двѣ лозы, какъ обыкновенно большею частію и бывало въ такихъ случаяхъ, да еще приказывалось поживѣе работать, то не только 600—800, но даже и 1500—2000 ударовъ можно было раздарить въ какихъ нибудь 15—20 минутъ; быстрота была образцовая. Сѣчение въ два ряда безъ подготовки происходило почти только въ то время, когда нужно было сѣчь, не обнажая нагазываемаго или когда виновныхъ было не очень много; впрочемъ и тутъ торопливые исполнители приказывали вызываемымъ въ ряды снимать напередъ свое верхнее платье и потому приговоренные къ нагазанію стояли въ рядахъ въ однихъ подштанникахъ и рубашкѣ, да въ жилетѣ. Тутъ виновному стоило только лечь на полъ, а эзекутору или держителю заворотить рубашку и все готово къ сѣченію. Если же находили нужнымъ сѣчь по обнаженному тѣлу, то снятіе пнекспресиблей могло произвести замедленіе и остановить эзекуцію на нѣсколько секундъ и пожалуй на минуту; вѣдь каналы мальчишки иногда очень бѣшко завязывали свои пнекспресибли. Чтобы не тратить на пустяки золотое время, въ этомъ случаѣ употреблялось уже сѣчение съ подготовкою. Ученики, вызываемые въ ряды, или снимали сами свое верхнее платье, даже галстуки и жилетъ на мѣстѣ, или раздѣвались сами и при помощи услужливыхъ товарищей уже въ ряду. Тутъ къ первымъ двумъ человѣкамъ приставлялись по два, какъ мы ихъ называли, помощеля. Когда по очереди доходило до нихъ виновный уже безъ верхняго платья, то они поднимали рубашку его сзади и подолъ ея запускали за обшивку; вотъ для чего галстуки и жилетъ снимались; затѣмъ тотчасъ же спускались и пнекспресибли. Такимъ образомъ, стоя сзади ряда, можно было видѣть одного или двухъ человѣкъ еще въ рубашкахъ и подштанникахъ, хотя иной уже изъ нихъ самъ спускалъ послѣдніе, желая избавить помощелей отъ излишнихъ хлопотъ, а другіе двое стояли обнаженные сзади отъ ногъ чуть не до самой шеи. Послѣ того каждый изъ помощелей одною рукою держалъ полуобнаженного, а другою не позволялъ пнекспресиблямъ сползати до колѣнъ, а лѣтѣмъ на босоногомъ даже до пятокъ. Впрочемъ это дѣлалось, если виновный стоялъ смѣрно и въ помощеляхъ не имѣлъ недоброжелателей; въ противномъ случаѣ его каждый изъ нихъ держалъ обѣими руками подъ плечо, а пнекспресиблямъ предоставлялось

принимать такое положеніе, какое имъ угодно; отчего и случилось, что почти вся задняя часть тѣла была обнаженная, да и передняя на половину. Подготовленный такимъ образомъ передвигаемъ былъ помощателямъ со втораго на первое мѣсто въ ряду и когда на полу оказывалась праздная вакансія—передавался сѣкуторамъ и держителямъ. Этимъ съ новымъ субъектомъ хлопотъ было уже немного; слѣдовало только покрѣпче прижать его къ полу, да развѣ рубаху немножко порасправить, чтобы частички ея не прикрывали какой либо боковой частички тѣла. Буда должна была падать лоза.

Сколько же народа было нужно при подобномъ сѣченіи? Сосчитать не трудно. 2—4 сѣкутора, 4—8 держителей, 8 помощателей, еще одинъ, который по списку вызывалъ виновныхъ на средину въ ряды, всего 15—21 человекъ. Сюда прибавьте двухъ, которые лежали уже на полу, 6—8, которые стояли въ рядахъ подготавливаемые къ сѣченію, такимъ образомъ число всѣхъ соприкосновенныхъ къ экзекуціи активнымъ или пассивнымъ образомъ простиралось до 23—29. Да вѣдь это почти весь классъ въ дѣлѣ? Дѣйствительно, въ высшемъ отдѣленіи съ 1821 года было немного болѣе 30 человекъ, у насъ въ низшемъ съ чѣмъ-то 40, но въ послѣдній годъ нашего ученія въ приходскомъ училищѣ училось въ обоихъ классахъ болѣе 60-ти, значитъ у насъ въ низшемъ, а прежде и въ приходскомъ можно было обойтись своими, такъ сказать, средствами. Кромѣ того мудрецы нашли способы устранять или ослаблять встрѣчавшіяся затрудненія. Простѣйшій способъ состоялъ въ томъ, что тѣ, надъ которыми кончилась экзекуція, могли конечно поплакать, но въ случаѣ нужды, когда не очень жестоко было наказаніе, принуждались дѣлаться помощателямъ, держителямъ и даже сѣкуторамъ, иногда еще не успѣвши вполне одѣться; не до церемоній въ такомъ серьезномъ дѣлѣ! Но если распорядитель экзекуціи рассчитывалъ, что многіе отъ нея потеряютъ память и не вдругъ сдѣлаются способными быть активными участниками въ ней, то приглашалось достаточное количество исполнителей изъ другаго класса; вышекласныхъ держали, сѣбли, и пр. низшекласные, а этихъ или вышекласные, или приходскіе. Если же подобнаго приглашенія нельзя было сдѣлать, то старались сократить число дѣйствующихъ лицъ, напр. прика-

зывается сѣчь въ одну лозу, держать наказываемаго двоимъ, или троимъ; помощателей назначалось на каждый рядъ только по два. При томъ каждый изъ нихъ минами и словами давалъ знать вступившему въ рядъ, чтобы онъ самъ скинулъ свои инеэспресибли.

И вотъ совершается экзекуція своимъ, какъ говорятъ, чередомъ по заведенному порядку. Распорядитель ея, стоя или сидя, занимаетъ такую позицію, чтобы ему безъ труда можно было видѣть, куда и какъ падеть лоза при каждомъ ударѣ, и онъ попеременно поворачиваетъ свои глаза то въ ту, то въ другую сторону, смотря потому гдѣ лежатъ наказываемый. Прочія дѣйствующія лица не дремлютъ; сѣкуторы работаютъ усердно; во время короткихъ паузъ, когда сѣчение идетъ въ другомъ ряду, отдыхаютъ отъ своихъ праведныхъ трудовъ, осматриваютъ лозы, годятся ли онѣ для дальнѣйшаго употребленія, негодныя замѣняютъ свѣжими, которыхъ вблизи лежитъ цѣлый ворохъ. Держатели употребляютъ всѣ успія, чтобы наказываемый не вырвался изъ ихъ рукъ, помогаютъ ему встать по окончаніи экзекуціи не изъ сожалѣнія, а изъ желанія, чтобы онъ поскорѣе убрался съ мѣста, на которое есть уже совсѣмъ готовый невольный претендентъ, котораго они и торопятся принять, но не въ объятія, а подъ свои ноги и руки и доканчиваютъ его, такъ сказать, деэбиле. Но наказываемый не очень доволенъ своимъ положеніемъ, кричитъ, вертится, рвется и сколько можно судить по разлетающимся во всѣ стороны обломкамъ отъ лозъ, по лентамъ и рисункамъ, а иногда по блестямъ и пожалуй ручейкамъ, показывающимся на его тѣлѣ, пмѣетъ на то право. По сторонамъ идетъ тоже неутомимая дѣятельность, раздаются имена и фамиліи тѣхъ виновныхъ, до которыхъ дошла очередь идти въ ряды; вызванный раздѣляется, идетъ и если неповоротливъ, то ему напоминаютъ, чтобы онъ поторопился. Вышелъ, всталъ въ рядъ; помощатели скоро поднимаютъ сзади его рубаху, засовываютъ подолъ ея за обшивку и снимаютъ съ него инеэспресибли, подвигаютъ ближе и ближе къ первому мѣсту и потомъ передаютъ совсѣмъ подготовленнаго экзекутору. И идетъ работа непрерывно и можно было бы подумать, что сѣкутъ одного кого либо, если бы разногласный крикъ не показывалъ, что операція производится не надъ однимъ, а надъ многими.

Эта варварская и отвратительная порка, конечно, не вездѣ, не во всѣхъ духовныхъ училищахъ и не часто производилась, но нельзя сказать, чтобы она извѣстна была только въ Касимовскомъ училищѣ; употреблялась она и въ Рязанскомъ и Скопинскомъ и пр., а въ академіи я узналъ, что и въ нѣкоторыхъ другихъ губерніяхъ съ нѣкоторыми особенностями она встрѣчалась. Въ Касимовскомъ же училищѣ протопопъ никогда ея не употреблялъ; онъ не любилъ торопиться при экзекуціяхъ, а дѣлалъ все съ разстановкою; ему, кажется, пріятно было слѣдить за всѣми подробностями, начиная съ того, какъ виновный выйдетъ на середину, ляжетъ на полъ, какъ его обнажаютъ и пр. Михайлъ Яковлевичъ употреблялъ при мнѣ въ приходскомъ училищѣ только три раза, да и пзъ нихъ въ двухъ случаяхъ поручалъ исполненіе старшему въ свое отсутствіе. Красновъ любилъ прибѣгать къ этой методѣ, если слѣдовало наказать 15 или болѣе человѣкъ. Гороховъ никогда не дѣлалъ этого.

Когда сѣченье въ два ряда поручалось производить классическому или главному старшему всего училища, то оно происходило безъ подготовокъ; не только инекспрессиби, но иногда и рубахи оставались на своихъ мѣстахъ не потревоженными; если же когда-нибудь обнажали виновныхъ, то число ударовъ ограничивалось 3—10 и слишкомъ, слишкомъ рѣдко удары были сильны; они, по тогдашнему нашему выраженію, только мазали насъ. Поэтому въ этихъ случаяхъ два ряда насъ не страшили; многіе считали наказаніе такое чѣмъ-то въ родѣ развлечения, живо выходили по вызову на середину, живо и безъ вкслыхъ минъ снимали верхнее платье, преравнодушно ложились на полъ, зная, что не пзъ-за чего будетъ плакать; но все таки считали нужнымъ покричать, когда сѣкли; такъ ужъ заведено было, иначе старшій приказываетъ такъ ударить, чтобы уже была причина вскрикнуть. Дѣлалось это, очевидно, для начальства, чтобы оно не знало о томъ, что мы такое наказаніе считаемъ за ничто.

Послѣ этого понятно, почему Михайлъ Яковлевичъ, не любившій наказывать для смѣха, весьма былъ недоволенъ тѣмъ, что за потное пѣніе въ низшемъ и высшемъ отдѣленіи не позволяютъ ему самому расправляться. Пока еще мы были въ приходскомъ училищѣ, онъ многократно просилъ смотрителя уполномо-

мочить его на такую расправу, но безуспѣшно. По переводѣ нашемъ въ низшее отдѣленіе, онъ возобновилъ свои хлопоты и достигъ своей цѣли; ниже я скажу, какъ мы сами помогли ему забрать насъ въ свои руки и возобновить наше знакомство съ его розгами.

Д. И. Ростиславовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЗАПИСКИ Д. И. РОСТИСЛАВОВА,

ПРОФЕССОРА СПБ. ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ.

† 18-го февраля 1877 г.

ГЛАВА XIX ¹⁾.

Объ ученыхъ нашихъ занятіяхъ въ низшемъ отдѣленіи.

Ученія наши занятія въ низшемъ отдѣленіи сдѣлались гораздо разнообразнѣе, нежели какъ это было въ приходскомъ училищѣ. Здѣсь мы обязывались только долбить русскую грамматику, краткій катехизисъ и первую часть ариметики, да распѣвать по обиходу; изученіе латинской и греческой грамматики было, такъ сказать, сверхштатное и потому въ нему насъ не очень приневоливали. Притомъ руководителемъ тутъ былъ единый и какъ бы единственный Михаилъ Яковлевичъ, однообразный и своеобразный чуть не до отвращенія. Напротивъ, въ низшемъ отдѣленіи явилось у насъ цѣлыхъ три учителя съ различными характерами, съ различными приемами; каждый изъ нихъ по своему съ нами обращался, по своему таскалъ за волосы, давалъ оплеухи, съѣлъ розгами. О предметахъ ученія нечего и говорить. Мы не просто учили латинскую и греческую грамматики, но переводили статьи и статейки съ латинскаго на русскій и съ русскаго на латинскій языкъ, занимались второю частью ариметики, священною исторіей, пространнымъ катехизисомъ, церков-

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1880 г., томъ XVII, стр. 1—38; 545—572; 631—704; т. XXVIII, стр. 35—68; 179—218; 385—408; изд. 1882 г., т. XXXIII, стр. 67—86; 657—672; т. XXXIV, стр. 585—614; изд. 1884 г., т. XLII, стр. 495—518; т. XLIII, стр. 87—104.

нымъ уставомъ, славянскою грамматикою, продолжали распѣвать по обиходу и должны были ознакомиться съ орфографіей и синтаксисомъ русской грамматики, приготовляться, такъ сказать, въ литературной дѣятельности. Вотъ сколько у насъ было дѣла и сколько руководителей. Я уже не упоминаю о почтеннѣйшемъ Поликарпѣ Поликарповичѣ.

По уставу каждый классъ долженъ былъ бы продолжаться по два часа; два класса назначались до обѣда и одинъ послѣ него. Но Гороховъ и Красновъ, преподавая всѣ почти предметы въ высшемъ и низшемъ отдѣленіи, нашли для себя болѣе удобнымъ слѣдовать не уставному, а ими самими придуманному порядку. Въ каждый день ученики высшаго и низшаго отдѣленія какъ бы отдавались въ руки только одного котораго либо изъ главныхъ нашихъ педагоговъ. Если Гороховъ въ понедѣльникъ учительствовалъ въ низшемъ отдѣленіи, то Красновъ не являлся сюда, а наставлялъ уже однихъ вышеклассныхъ; потомъ, пришедши на утренніе классы, учителя наши не отдѣляли ихъ другъ отъ друга, а (сидѣли) до 12-ти часовъ безвыходно, если только какая-либо церковная обязанность или другая причина не заставляла ихъ оставлять классъ иногда на цѣлый часъ. Подобными остановками они не стѣснялись, а мы даже восхищались.

Первый день и первый урокъ выпалъ у насъ на долю Горохова. Онъ насъ, можно сказать, очаровалъ. На лицѣ Михаила Яковлевича мы, кажется, никогда не видывали ласковой улыбки, не слыхали отъ него никогда ласковаго слова; вѣчно нахмуренный, суровый, даже сердитый, онъ не любилъ съ нами шутить; мы только его боялись и потому мы не хотѣли вѣрить ни ушамъ, ни глазамъ своимъ, когда увидѣли, что Гороховъ вошелъ къ намъ съ веселымъ лицомъ, началъ съ нами пошучивать. „Что вы такъ насупились (т. е. опустили глаза внизъ)? Смотрите прямо мнѣ въ глаза, да повеселѣе. Меня не бойтесь, я только лѣнтяевъ, да шалуновъ не люблю, а къ хорошимъ мальчикамъ я ласковъ“. Потомъ спросилъ нѣсколькихъ человѣкъ какъ они прозываются, одного погладилъ по головкѣ, другого потрепалъ по щекѣ, тому сказалъ: „у, да какой ты красный“, а этому: „а, да сколько у тебя веснушекъ“, и проч. Болѣе полъ-часа онъ такъ съ нами провелъ; мы рѣшительно не знали, что подумать о такомъ учителѣ, но все-таки повеселѣли.

„Ну, примемтесь за дѣло“, сказалъ, наконецъ, Гороховъ; „я слышалъ, что вы всѣ уже умѣете читать по латыни и многое знаете изъ латинской грамматики; ну-ка давайте вамъ поэкзамену“. Читать по латыни мы, дѣйствительно, уже умѣли; изъ грамматики просеивали ему многія слова, не всѣ конечно удачно; потому что въ каникулы многое позабыли, но все-таки дѣло оказалось довольно сноснымъ. „Теперь примемся за переводы“, сказалъ Гороховъ и далъ коротенькое предложеніе на русскомъ языкѣ: „Господь нашъ Иисусъ Христосъ былъ Богъ, есть Богъ и будетъ Богъ, слѣдовательно онъ есть вѣченъ“, наложилъ латинскія слова и требовалъ, чтобы мы предложеніе выразили по латыни. Тутъ появилась, по пословицѣ, запятая. Почтенный Михаилъ Яковлевичъ, заставившій насъ выучить болѣе трети всей латинской грамматики, вовсе не думалъ намъ сказать, въ чему все это дѣлается, никогда не занималъ насъ практическими упражненіями; мы только учили. И потому первый нашъ опытъ по части латинизма въ низшемъ отдѣленіи былъ большею частію неудаченъ. Только нѣсколько человѣкъ поняли въ чемъ дѣло и перевели правильно. А изъ прочихъ одни написали всѣ сказанныя латинскія слова безъ всякой перемѣны, и такимъ образомъ получалась слѣдующая латынь: *Dominus noster Iesus Christus sum Deus, sum Deus et sum Deus, ergo ille sum aeternus*. Другіе каждое слово разбирали, т. е. писали, напримѣръ, что *Dominus* есть имя существительное, 2-го склоненія, мужескаго рода, именительный падежъ, единственнаго числа и т. п. Третьи въ послѣднемъ случаѣ писали не порусски, а полатыни, т. е. не имя существительное, а *nomen substantivum*. Можете, г. читатель, судить, какъ толково насъ училъ Михаилъ Яковлевичъ! Когда Гороховъ прочиталъ всѣ поданные ему нами переводы (намъ было приказано написать на бумагу ихъ), то, пришедши въ слѣдующій классъ, помпиралъ со смѣха, приговаривая: „ну латинисты, ай-да латинисты!“ Кажется, все имъ было устроено едва-ли не для того, чтобы показать намъ какъ глупо училъ насъ Михаилъ Яковлевичъ. Само собою разумѣется, что Горохову самому надобно было прояснить намъ какъ слѣдуетъ съ русскаго языка переводить на латинскій. Два послѣбѣдненныхъ его класса въ недѣлю были большею частію употребляемы на то, чтобы перевести какой-либо переводъ съ русскаго на латинскій языкъ, если только педагогу не мѣшала водка.

Другое средство выучить насъ латинскому языку состояло въ переводахъ съ латинскаго на русскій языкъ. Учебникомъ въ этомъ случаѣ служилъ въ то время Корнелій Непотъ. Гороховъ сталъ знакомить насъ съ нимъ съ октября, избравши для почина жизнь Аристиды, которую считали самою легкою для мальчиковъ. Въ теченіи двухъ лѣтъ мы перевели пять только жизнеописаній, именно Аристиды, Мильтіады, Фемистокла, Кимона и Лизандра. При переводахъ съ латинскаго на русскій языкъ, любимымъ для Горохова и довольно труднымъ для насъ былъ особый приѣмъ, который мы выражали словами: дѣлать порядокъ. Для объясненія этихъ словъ возьмемъ слѣдующее предложеніе. *Omnipotens et omnisciens Deus creavit mundum verbo suo ex nihilo.* Дѣланіе порядка по отношенію къ этому предложенію состояло бы въ томъ, чтобы отыскать управляющій глаголъ, т. е. *creavit*. Мальчикъ, нашедши его, говаривалъ: *verbum personale* (т. е. личный глаголъ) *creavit*; далѣе спрашивалъ: *quis creavit?* (кто сотворилъ?) и отвѣчалъ: *Deus* (Богъ); потомъ слѣдовалъ вопросъ: *qualis Deus* (какой Богъ?) отвѣтъ: *omnipotens et omnisciens* (всемогущій и всевѣдущій). Новый вопросъ: *quid creavit Deus* (что сотворилъ Богъ?) отвѣтъ: *mundum* (міръ). Еще вопросъ: *quomodo creavit Deus mundum?* (какъ сотворилъ Богъ міръ?) отвѣтъ: *verbo suo* (своимъ словомъ). Наконецъ послѣдній вопросъ: *ex quo creavit Deus mundum?* (изъ чего Богъ сотворилъ міръ?) отвѣтъ: *ex nihilo* (изъ ничего). И простыя предложенія, подобныя взятому здѣсь, не легко было намъ приводить въ порядокъ; но затрудненія увеличивались въ сложныхъ предложеніяхъ, особенно при такъ называемомъ творительномъ самостоятельномъ падежѣ и въ такъ называемомъ *locutio infinita*. Напримѣръ, послѣднее надобно было обращать въ предложеніе, близкое къ той формѣ, въ которой слѣдовало выразить его по русски. Вотъ примѣръ: *certum est hunc mundum a Deo esse creatum.* Разумѣется, сначала говорилось *verbum personale: est.* Затѣмъ вопросъ: *quid est* (что такое есть?) отвѣтъ: *certum*, далѣе вопросъ: *quid certum est?* (что такое извѣстно?) Вотъ тутъ уже отвѣтъ не могъ состоять изъ тѣхъ словъ, которыми выражается слѣдующее затѣмъ *locutio infinita: hunc mundum a Deo creatum esse*; нужно было его обратить въ *finitum locutionem*, т. е. выразить уже не неопредѣленнымъ, а сослагательнымъ наклоненіемъ, съ прибавленіемъ союза *quod* и

съ переменною винительнаго падежа въ именительный, т. е. выразить слѣдующимъ предложениемъ: *quod hic mundus a Deo sit creatus* (что этотъ міръ сотворенъ Богомъ). И вотъ на вопросъ: *quid certum est?* ученикъ долженъ былъ отвѣчать: *quod* и потомъ прибавлялъ: *verbum personale: sit creatus* (т. е. что глаголъ личный сотворилъ; далѣе вопросъ: *quis creatus est?* (кто сотворенъ?). Отвѣтъ: *hic mundus* (этотъ міръ), наконецъ послѣдній вопросъ: *a quo creatus sit hic mundus?* (кѣмъ сотворенъ этотъ міръ?). Отвѣтъ: *a Deo* (Богомъ). Съ творительнымъ самостоятельнымъ падежомъ было тоже не менѣ хлопотъ при приведеніи его въ порядокъ. Само собою мы часто не только по одиночѣ, но и цѣлымъ міромъ-соборомъ не могли найти порядокъ въ иномъ сложномъ предложеніи. И потому не рѣдко случалось, что Гороховъ, замѣтивъ неумѣнье наше дѣлать порядокъ, отдавалъ дневальному приказъ, отъ котораго одежда на нѣкоторыхъ, а иногда на многихъ, приходила во временный безпорядокъ. Описанная мною заботливость о дѣланіи порядка господствовала и въ другихъ, но не во всѣхъ духовныхъ училищахъ, по крайней мѣрѣ не въ той степени, которая замѣчалась въ Гороховѣ. Да и въ самомъ Касимовскомъ училищѣ Красновъ не прилагалъ дѣланія порядка къ греческому языку. Къ сожалѣнію только, слѣдуетъ сказать, что самъ Гороховъ очень нерѣдко, какъ я уже говорилъ, приходилъ къ намъ не совсѣмъ въ порядкѣ, и не только навеселѣ или въ куражѣ, но иногда и съ языкомъ прилиплымъ къ гортани. Не говорю уже о томъ, какъ онъ въ этомъ положеніи за самую ничтожную ошибку жестоко насъ наказывалъ; самое преподаваніе шло дурно, иногда онъ ошибался, иногда правило превратно истолковывалъ или смѣшивалъ два, три правила, словомъ, сбивалъ насъ съ толку. Результатомъ вышло то, что мы черезъ два года, какъ я на себѣ узналъ, оказались не очень хорошими латинистами.

Въ другихъ предметахъ Горохова мы еще менѣ были свѣдущи, нежели въ латинскомъ языкѣ. Не любилъ ли г. учитель арифметики или не зналъ ее хорошо, или по духу тогдашняго времени, когда латинскій языкъ считался важнѣйшимъ предметомъ въ школахъ, знаніе ея находилъ излишнимъ для насъ, только онъ преподавалъ ее намъ не очень удовлетворительно; впрочемъ толковать, нежели Михаилъ Яковлевичъ; естественно

мы ее плохо знали и рѣшали задачи, относящіяся къ дробямъ, къ возвышенію въ квадратъ и кубъ и къ извлеченію квадратнаго корня механически, вовсе не зная почему надобно было держаться того или другого правила. Впрочемъ учебникъ арифметики Куминскаго былъ тоже крайне дуренъ. Изъ славянской грамматики намъ было даваемо только уроковъ десять, да и то на нихъ не обращали вниманія; впрочемъ эта невнимательность въ то время господствовала едва ли не во всѣхъ духовныхъ училищахъ. Наконецъ, русскою грамматикою и даже грамотою насъ вовсе не занимали въ низшемъ отдѣленіи, полагая, что свѣдѣнія, нами пріобрѣтенныя въ приходскомъ училищѣ по русскому языку, очень для насъ достаточны. Между тѣмъ мы не знали почти вовсе правописанія и синтаксиса русскаго. Конечно, учителя брали или смѣялись, когда замѣчали ошибки наши въ правописаніи, но не заботились показать, какъ нужно правильно писать по русски. Я самъ собою узналъ орфографію и разстановку знаковъ препинанія. Однажды какъ-то батюшка сказалъ мнѣ, что мои письма вовсе безграмотны, что я не знаю гдѣ ставить ѣ или е, точку, запятую и пр., что я давно уже учусь, а пишу какъ дьячокъ и пр. Амбіція моя жестоко этимъ обнажилась и я принялся самъ за правила, относившіяся къ правописанію и находившіяся въ концѣ нашей русской грамматики; и дѣйствительно мало по малу научился писать почти безъ грамматическихъ ошибокъ. То же самое дѣлали и другіе ученики получше, а прочіе дѣйствительно и въ высшемъ классѣ писали не лучше дьячковъ. Также мало наши наставники заботились о томъ, чтобы выучить насъ порядочно излагать свои мысли; тогда это было не въ модѣ и считалось обязанностью профессора риторики. Впрочемъ въ высшемъ отдѣленіи Гороховъ дѣлалъ, такъ сказать, косвенныя попытки пріучить насъ излагать если не свои мысли, то переводныя статьи правильнымъ языкомъ. Для этого онъ вмѣсто переводовъ съ русскаго на латинскій языкъ давалъ версіи (versio), какъ мы ихъ называли, т. е. отдѣльныя латинскія статейки строкъ въ 10 — 15, которыя нужно было перевести на русскій языкъ и написать на бумагѣ. Но у насъ въ теченіи двухъ лѣтъ такихъ версій едва ли было болѣе пяти.

Не смотря на всѣ недостатки Горохова, на жестокія наказанія, которыя приходилось отъ него терпѣть при его пьяновосторженномъ состояніи, мы все-таки его любили и считали луч-

шимъ своимъ учителемъ; даже послѣ, сдѣлавшись взрослыми, съ добрымъ словомъ вспоминали о немъ. Недостатки и временную жестокость мы прощали ему и объясняли ихъ страстью его къ горячему, а видѣли и понимали, что онъ человѣкъ добрый, любилъ насъ, старался намъ дѣлать добро, по своимъ понятіямъ.

Красновъ, какъ я выше сказалъ, имѣлъ очень хорошія свѣдѣнія и способность передавать ихъ, но принесъ намъ менѣе пользы, нежели Гороховъ. Почтенный учитель и инспекторъ очень negliжировалъ своими наставническими обязанностями. Можетъ быть причиною этого было множество лежавшихъ на немъ должностей; онъ состоялъ благочиннымъ надъ сельскими церквами, членомъ духовнаго правленія, священникомъ при женскомъ монастырѣ, гдѣ и чередовался вмѣстѣ съ другимъ своимъ сослуживцемъ въ ежедневной церковной службѣ. До насъ ли, мальчишекъ, ему было? И потому онъ приходилъ къ намъ въ классъ очень поздно, или уходилъ изъ него очень рано. Въ послѣобѣденные классы онъ вмѣсто двухъ просиживалъ почти всегда менѣе часа, а иногда и полчаса, а утромъ вмѣсто четырехъ часовъ развѣ два или два съ половиною часа и даже менѣе, иногда и вовсе не приходилъ. Случалось придеть и рано, но уйдеть къ обѣднѣ и развѣ къ концу класса появится, а то и вовсе его уже не увидимъ. Если же и служба не отвлекала его отъ класса, то онъ посидить у насъ, соскучится, пойдетъ къ батюшкѣ тестю, тамъ покалякаетъ полчаса или часикъ. Намъ же во всякое его отсутствіе приказывалось чѣмъ-либо заниматься, вытверживать урокъ, особенно же сидѣть и не шумѣть. Но мы, разумѣется, большею частію такъ шалили, что, по пословицѣ, хоть святыхъ унеси изъ избы. Шумъ и шалости наши часто выводили изъ терпѣнія Горохова, обыкновенно сидѣвшаго въ то время въ высшемъ отдѣленіи. Оба класса, какъ я уже говорилъ, отдѣлялись другъ отъ друга довольно большими сѣнями и имѣли очень толстыя ординарныя двери. И потому нашъ шумъ и гамъ, возня и бѣготня не были по крайней мѣрѣ очень слышны въ сосѣднемъ классѣ, если двери въ обоихъ классахъ были затворены. Но иногда отворялась то та, то другая дверь, то обѣ вмѣстѣ, иногда же горячія головы, разыгравшись и забывши, что не далеко сидитъ учитель, выбѣгали въ сѣни съ крикомъ и топотомъ и даже тутъ поднимали возню. Разумѣется, тотчасъ дѣлались распоряженія для усмиренія насъ; иногда просто закри-

чать намъ: „вы, мерзкіе, что тамъ разшумѣлись, я васъ!“ Иногда покормятъ щипками, оплеухами, подзатыльниками, а иногда доставалось полежать и на полу; тутъ, впрочемъ, Гороховъ большею частію поручалъ экзекуцію старшему, а самъ почему-то не всегда хотѣлъ вмѣшиваться въ это дѣло, вѣроятно потому, что надѣялся больше сдѣлать пользы, занимаясь съ вышекласными. Большею же частью жаловался Краснову или протопопу, ну тогда съ нами раздѣлывались иначе и мы притихали на нѣсколько дней, даже недѣль.

Когда же Красновъ сидѣлъ уже въ классѣ, то онъ дѣйствительно умѣлъ прояснять тайны греческаго языка, но дѣлалъ это не всегда охотно; ему какъ будто это поприскучивало или голова его бывала занята чѣмъ либо другимъ. Письменныхъ переводовъ съ русскаго на греческій языкъ онъ давалъ очень немного, притомъ не обязывалъ насъ ставить надъ словами такъ называемыя ударенія и придыханія; „это вы послѣ, т. е. въ высшемъ отдѣленіи, узнаете“, говаривалъ намъ. Устными локуціями почти никогда не занимался. Что же касается до перевода статей съ греческаго на русскій языкъ, то для этого у насъ были два учебника: новый завѣтъ и греческая хрестоматія, кажется, Каченовскаго. Прежде всего начинали эти переводы богоугоднымъ дѣломъ, именно разбирали молитву „Царю Небесный“ на греческомъ языкѣ и потомъ заучивали ее на память. То же впрочемъ мы дѣлали и у Горохова; только, разумѣется, тутъ былъ разбираемъ и заучиваемъ латинскій текстъ молитвы. Если кто изъ насъ желалъ понравиться гг. учителямъ, то между прочимъ въ началѣ класса, при входѣ учителя, прочитывалъ эту молитву на греческомъ или латинскомъ языкѣ, такъ сказать въ честь Краснова или Горохова; мпловатая улыбка или даже спасибо служили наградою эллинисту или латинисту, если прочитано было хорошо. Но такое чтеніе не часто повторялось, во первыхъ потому, что надобно было на это получить согласіе старшаго, имѣвшаго привиллегію на чтеніе молитвъ въ классѣ, а во вторыхъ потому, что латинская и греческая молитвы не читались такъ скоро какъ русская, а намъ это растягиванье не нравилось. Обыкновенно разрѣшеніе давалось тому, кто предвидѣлъ опасность быть за что либо наказаннымъ, чтобы предотвратить или смягчить наказаніе, и дѣйствительно иногда удавалось достигнуть цѣли. Вѣроятно молитвы на греческомъ и латинскомъ языкѣ, изъ уваже-

нія къ классическому ихъ достоинству, легче доходили до неба, а оттуда уже ниспускалось нایتіе благодати на сердце педагога и смягчало его. И тутъ даже въ дѣтствѣ нашемъ нельзя было обойтись, такъ сказать, безъ набожныхъ фокусовъ. Но все это не имѣло вліянія на наше знаніе греческаго языка; оно и въ наше время пріобрѣталось не огненными языками, а усидчивымъ трудомъ и толковатымъ преподаваніемъ. А мы въ теченіи двухъ лѣтъ перевели только пять или шесть главъ евангелія отъ Маттея, да нѣсколько страницъ изъ хрестоматіи.

Плохо было преподаваніе греческаго языка, но еще хуже читались намъ священная исторія и пространнѣйшій катехизисъ. Я рѣшительно не припомню ни одного урока изъ нихъ, который былъ бы напередъ рассказанъ или поясненъ Красновымъ. Лекція состояла только въ словахъ: выучить до такой-то строки или страницы; потомъ въ слѣдующій разъ заставляли нѣсколькихъ человѣкъ прочесть этотъ урокъ, вотъ и все. А между тѣмъ Красновъ такъ преподавалъ оба предмета вовсе не потому, что не зналъ ихъ или не умѣлъ хорошо говорить; нѣтъ, если кое-когда припадала ему охота при спрашиваньи урока что-либо рассказать или пояснить, то онъ исполнялъ это очень удовлетворительно; мы заслушивались его. А не говорилъ, не объяснялъ, не рассказывалъ просто потому, что ему не хотѣлось утруждать свою голову и свой языкъ; вѣдь и безъ того урокъ выучать, а не выучать, такъ одного поставлю на колѣна, другого отдеру за волосы, или за уши, а третьяго или пожалуй и всѣхъ незнающихъ высѣку; значитъ дѣло сдѣлано, совѣсть спокойна, долгъ исполненъ и самъ нисколько не утрудился; развѣ только отъ сильной таски, заданной кому нибудь, немножко поустанешь. Впрочемъ расправы Краснова за учебные проступки были не очень энергичны. На колѣнахъ онъ болѣе полчасу никого не держалъ, даже столбомъ стоять не заставлялъ цѣлый классъ, а розгами тоже не больно наказывалъ, даже не очень внимательно слѣдилъ за сѣкуторомъ; отъ этого нѣкоторые удары падали не только на бѣлье, но и на платье. Но проступки по поведенію, противъ законовъ инспектуры обсуживались и наказывались очень строго и даже иногда жестоко. Болѣе всего намъ доставалось, когда Гроховъ жаловался на насъ, что мы своимъ шумомъ и гамомъ, бѣготней и стукотней препятствовали ему заниматься въ высшемъ отдѣленіи. Еще безпощаднѣе къ намъ былъ Красновъ когда

самъ протопопъ ему доблядываль, что у насъ все вверхъ дномъ идетъ. „Что ты не ходишь въ классъ, говариваль протопопъ, твои низшекласные кобылятники покоя мнѣ не даютъ“. Ну тогда уже доставалось намъ на орѣхи, а иногда, какъ мы говаривали, трещи наша шкура. Въ этихъ случаяхъ, кажется, Красновъ, въ особенное негодованіе приходилъ потому, что наши шалости обнаруживали или поздній приходъ его въ классъ, или даже совершенное его отсутствіе. Сиди мы смирно, ни Гороховъ, ни протопопъ, можетъ быть, не догадались бы, что г. учитель не приходилъ еще въ классъ. Въ случаѣ жалобъ на насъ Краснову, уже при появленіи его къ намъ, по лицу, мы предугадывали грозившую опасность. Едва успѣютъ кончить молитву, какъ Красновъ начнетъ говорить: „что у васъ тутъ такое происходило? житѣя отъ васъ никому нѣтъ; вотъ на васъ жалуется Акимъ Федоровичъ“, или: „вотъ вы и батюшкѣ не даете покою, я васъ, мерзавцы! Ну ты, старшій, говори, кто шумѣлъ?“ Чтобы выручить старшаго изъ бѣды въ этихъ случаяхъ, мы предоставляли ему сваливать вину на всѣхъ насъ; безъ этого бы онъ намъ не позволилъ шалить, какъ мы хотѣли, или написалъ записку. И потому старшій всегда почти отвѣчалъ: „всѣ шумѣли“. „Какъ всѣ?“ кричалъ Красновъ. „Ей Богу всѣ, Акимъ Федоровичъ! Я ихъ унималъ, унималъ и ничего не могъ сдѣлать; спросите, пожалуй, самихъ ихъ“. Случалось, что дѣйствительно начинались допросы: „Ну, и ты шумѣлъ?“ спрашиваль Красновъ кого либо посмирнѣе. „Виновать, Акимъ Федоровичъ, простите, впередъ не буду“, отвѣчалъ спрошенный и для смягченія гнѣва говорилъ жалобнымъ голосомъ, а иногда и со слезами. Сказать: „я не шумѣлъ“, было немыслимо, это значило вооружить противъ себя и старшаго, и все общественное мнѣніе; а съ ними бороться было слишкомъ невыгодно; притомъ, еслибы кто и сказалъ: „я не шумѣлъ“, то за этимъ слѣдовалъ другой вопросъ: „кто же шумѣлъ? говори“. Если не указать на кого нибудь, то обыкновенно услышишь: „а, скверный, не говоришь? ты значить самъ шумѣлъ?“ Если же указать, то обвиненный обыкновенно говариваль: „нѣтъ, Акимъ Федоровичъ, я не шумѣлъ, а онъ самъ шумѣлъ, и все приставаль ко мнѣ, спросите кого угодно“. И дѣйствительно всѣ обвиняли измѣнника и потому большею частію дѣло оканчивалось тѣмъ, что всѣ шумѣли, или былъ только одинъ виновный. Вотъ почему всякій спрошенный говорилъ: „виновать, простите,

ей Богу не буду“. Не надѣясь на возможность оправдать себя, самые смиренные у насъ иногда увлекались общимъ потокомъ, шумѣли и бѣгали вмѣстѣ съ отъявленными шалунами; вѣдь послѣдствія однѣ и тѣ же, сидимъ ли смирно или играемъ; такъ лучше поиграть, по крайней мѣрѣ весело время пройдетъ, да можетъ быть все благополучно кончится. Спросивши нѣсколько чело-вѣкъ и слыша однѣ и тѣ же слова: „виноваты, простите“ и пр., Красновъ, желая добиться хоть какой нибудь правды, обращался ко всѣмъ съ вопросомъ: „ну, кто же не шумѣлъ у васъ? говори каждый за себя; ну кто же не шумѣлъ? вѣдь всѣхъ пере-сѣку“. Разумѣется, никто не осмѣливался быть выскочкою. Иногда отъ недостатка ли времени, или отъ нежеланія въ данное время заняться всеобщею поркою, Красновъ ограничивался бранью, или немного посѣчетъ старшаго. Но большею частію мы слышали слѣдующую резолюцію: „а, вы всѣ шумѣли? ну такъ я васъ всѣхъ и высѣку; ну, старшій, станови въ ряды мерзавцевъ“. Если не прибавлялись слова: „да все съ нихъ долой, и держать ихъ хорошенько“, тогда дѣйствующими лицами были только старшій, вызывавшій насъ по списку, и сѣкуторы. Мы снимали верхнее платье, выходили на средину, становились въ свой рядъ въ увѣренности, что еще большой бѣды не будетъ. Если же произно-силось: „да долой съ нихъ все, держать крѣпче“, ну тогда явля-лись и держатели, и помощатели и дѣло принимало грозный ха-рактеръ. По выходѣ на средину кого либо, скоро помощатели об-нажали его и потомъ, когда доходила очередь, отдавали сѣкуто-рамъ и держителямъ на сѣденье, какъ мы выражались. Конечно, тутъ уже велось дѣло не шутя; спокойно уже лежать не было возможности, но все еще это только цвѣтики, а не ягоды. Яго-докъ мы ожидали, когда произносилось: „позови сюда высшеле-скихъ или приходскихъ“ т. е. для того, чтобы они были дѣй-ствующими лицами; ну тогда у насъ пробѣгала дрожь по тѣлу; тутъ уже сѣбли насъ безъ милосердія. Такихъ пороковъ въ два года было впрочемъ только три, особенно же одна заставляла насъ долго вспоминать о себѣ.

Событіе это происходило на первомъ году нашей низшей клас-сной учебной дѣятельности, въ четвергъ шестой недѣли великаго поста, когда обыкновенно насъ распускали по домамъ на Пасху. Третнаго экзамена не было у насъ и уроки намъ давали до са-мага послѣдняго дня; только въ четвергъ къ намъ Красновъ не

пришолъ, а Гороховъ сидѣлъ въ высшемъ отдѣленіи. Мы воспользовались своею свободою и наступающимъ блаженнымъ временемъ и предались самой шумной радости; не только въ классѣ шумѣли и шалили, но выбѣгали и въ сѣни съ шумомъ и хохотомъ разыгравшихся шалуновъ мальчишекъ. Гороховъ не одинъ разъ присылалъ къ намъ сказать, чтобы мы вели себя потише; утихали на нѣсколько минутъ, а потомъ опять принимались за свое. Наконецъ, онъ не вытерпѣлъ; не желая себя отвлекать отъ дѣла, чтобы съ нами расправиться, онъ послалъ старшаго пожаловаться смотрителю на насъ. Старшій на бѣду встрѣтилъ на крыльцѣ смотрителя, провожавшаго какихъ-то посѣтителей и вмѣстѣ съ ними услышалъ нашу возню; разумѣется, отецъ Поликарпъ осердился, а тутъ еще какъ нарочно старшій доложилъ о своемъ посольствѣ, о томъ, что Акимъ Федоровичу мы не даемъ заниматься. Раскланявшись съ посѣтителемъ, почтенный начальникъ пошелъ въ свои комнаты, кажется съ тѣмъ, чтобы потомъ отправиться для расчета съ нами. Но тутъ явился Красновъ, на которомъ тестъ сорвалъ свою досаду. „Что это тамъ у тебя идетъ въ низшемъ классѣ? Самъ не ходишь въ классъ, а тамъ чортъ знаетъ что дѣлается“, словомъ отругалъ его и приказалъ ему хорошенько насъ высѣчь. „Да смотри, хорошенько, возьми-ка Троянова; пускай матери посмотрятъ, какъ мы шалуновъ деремъ“. Краснову не зачѣмъ было давать подобныя наставленія, онъ уже слышалъ нашу возню, а выговоръ тестя-начальника еще болѣе взбѣсилъ его. Впрочемъ Троянову онъ не любилъ поручать наказаніе, но отъ этого намъ вообще немного легче было. Вышедши отъ тестя, онъ прошелъ въ приходское училище, приказалъ старшему поскорѣе приготовить достаточное количество лозъ для всѣхъ низшеклассныхъ и когда все готово будетъ, явиться въ низшее отдѣленіе съ болѣе взрослыми товарищами, чтобы сѣчь насъ въ два ряда. Ниже я опишу почему между нами и приходскими была неумолимая ребяческая война и ненависть. Поэтому приходскій старшій Быстровъ съ такимъ удовольствіемъ послалъ до десяти своихъ подчиненныхъ за розгами; всѣ, разумѣется, взялись за дѣло съ полнымъ желаніемъ угостить насъ. Не далеко отъ училища въ оврагѣ расло много большихъ ветелъ; къ нимъ-то и отправилась экспедиція и наломала большія связки прутьевъ, такъ что сторонніе, видя ихъ, съ недоумѣніемъ подумывали: неужели все это для розогъ? Между тѣмъ мы, разыграв-

пишь, и не думали о близкой опасности. Вдругъ отворилась дверь, взмохель Красновъ и засталъ насъ въ полномъ разгарѣ. Мы, разумѣется, живо усѣлись на мѣста. Не зачѣмъ было разыскивать, кто шалилъ; по раскраснѣвшимся лицамъ, по поту на лбу, по тяжелому дыханію и недогадливый догадался бы, что мы всѣ рѣшительно рѣзвились. „Ахъ вы, мерзавцы, и пр., услышали мы, ну постойте, я же угощу васъ; вы надѣялись на распускъ, помните его“. И началъ онъ похаживать по классу, трепать за волосы и за уши близъ сидѣвшихъ, давать пощечины и пр. Проходить минутъ десять и болѣе и мы, не слыша ничего о лозахъ, начали поуспокаиваться, полагая, что все ограничится руганью или что насъ не распустятъ нынѣшній день; да и Красновъ пересталъ даже браниться. Но вотъ еще прошло минутъ тридцать и вдругъ входитъ Быстровъ въ классъ съ довлдомъ: „Акимъ Федоровичъ, все готово“. „Да все ли“, спросилъ Красновъ? „Все, получилъ въ отвѣтъ, здѣсь въ сѣняхъ“. „Такъ зови же сюда“, сказалъ Красновъ. Дверь вновь отворилась и явилось человѣкъ двадцать приходскихъ съ готовыми пучками розогъ, а тамъ въ сѣняхъ другіе приходскіе занимались приготовленіемъ розогъ изъ принесенныхъ прутьевъ. Работа кипѣла. Мы не ожидали такой развязки и потому совершенно растерялись; вызываемые одинъ за другимъ забывали скинуть съ себя верхнее платье, но усердные помощники живо все съ насъ снимали и надлежащимъ образомъ приготовляли къ предстоящему угощенію. Началось и оно; Красновъ сѣлъ на скамейку такъ, чтобы ему были видны всѣ подробности сѣченья въ томъ и другомъ ряду. Сѣкуторамъ отдалъ приказъ, чтобы каждому они давали по 50 ударовъ и потомъ останавливались, въ ожиданіи его рѣшенія пускать ли наказаннаго на просторъ или сдѣлать ему еще добавочку. Занятый внимательнымъ наблюденіемъ надъ сѣченьемъ, происходившимъ въ одномъ ряду, онъ не могъ видѣть кого растягивали на полу въ то же время для сѣченья въ другомъ ряду; обернувшись сюда, онъ видѣлъ только предъ собою обнаженное тѣло ученика отъ волѣнъ чуть не до шеи. Когда узаконенные 50 были отсчитаны, то онъ спрашивалъ, кого это сѣкли и получивъ отвѣтъ: таково-то, приказывалъ или отпустить, или прибавить еще не менѣе 10, но и не болѣе 30 ударовъ. Безъ прибавки отпущено было не болѣе пяти человѣкъ, а всѣмъ прочимъ приводилось еще покушать березовой кашн. Приходскіе всячески старались выка-

зять свое усердіе; сѣкуторы не жалѣли ни насъ, ни лозъ; держители прижимали отданнаго имъ въ руки такъ, что онъ шевелиться не могъ; всѣ вообще они очень рады были, что имъ досталось счастье насъ отпороть самымъ лучшимъ образомъ. При томъ все шло быстро, такъ что минутъ въ сорокъ работа была окончена, и Красновъ, вставъ съ своего мѣста, сказалъ намъ приличное назиданіе и прибавилъ, что всѣхъ (не) сейчасъ распустятъ, а мы еще должны просидѣть въ классѣ до 12 часовъ. Но почти всѣмъ было не до назидательныхъ рѣчей; только немногіе успѣли совсѣмъ одѣться, другіе, пооправившись, и хотѣли бы одѣться, но не могли вдругъ отыскать своего платья, потому что наши помощники, раздѣвая насъ, сваливали наше платье, какъ попало, въ нѣсколько кучъ; многіе же, кто наклонившись на колѣнахъ къ лавкѣ, кто лежа на лавкѣ или гдѣ нибудь на полу, оставались въ томъ же неглиже, въ какомъ освободились изъ-подъ лозы, и продолжали плавать. Кажется и Красновъ потому и оставилъ насъ до 12 часовъ, чтобы мы имѣли время опомниться и поубраться. Послѣ распуска едва ли не всѣ вышпеклассные зашли къ намъ посмотреть на наше побоище, не мало было между ними такихъ, которые жалѣли насъ, утѣшали насъ и помогали одѣваться, но едва ли не болѣе было такихъ, которые даже подсмѣивались надъ нами. „Ну что, поиграли, да доигрались! Знатно же ихъ отдѣляли приходскіе! Смотрите сколько обломанныхъ лозъ и осколковъ отъ нихъ; весь полъ ими усыпанъ“. Послѣднее было справедливо, потому что розги изъ ветловыхъ прутьевъ, при усердіи сѣкуторовъ, скоро дѣлались негодными къ дальнѣйшему употребленію; для многихъ изъ насъ оба сѣкутора (сѣкли разумѣется для скорости въ двѣ лозы) истрачивали по парѣ розогъ; дѣйствительно, обломки отъ нихъ покрывали весь полъ на срединѣ, но залетали и на парты, лавки, даже на учительскій столикъ. Оставалось еще болѣе часа до 12-ти. Мы поприбрались и сидѣли пригорюнясь, а многіе еще и поплакивали,—впрочемъ и сидѣть-то было неудобно; многіе находили лучшимъ стоять на колѣнахъ на лавкахъ, опершись руками на парты. Въ половинѣ 1-го часа прислалъ Красновъ кого-то сказать намъ, чтобы отправлялись домой, и поплелись мы тихимъ шагомъ, тогда какъ послѣ распуска обыкновенно летали сломя голову, обгоняя другъ друга. Я пріѣхалъ домой въ пятницу, а въ субботу была у насъ баня. Матушка и батюшка, пошедши въ нее, велѣли и мнѣ туда идти. Когда

матушка стала мыть мнѣ голову и взглянула на спину, то вскрикнула: „Иванъ Мартыновичъ, посмотри-ка что это такое у нашего Мити? Неужели его такъ больно высѣкли?“ Дѣлать было нечего, я долженъ былъ все рассказать. Не скажу, чтобы меня не сѣкали больнѣе этого, доставалось за разъ выносить по 100 и даже 150 ударовъ, но это было, когда я уже повзросъ, поокрѣпъ и даже былъ взрослымъ и значить могъ уже выдержать. Но 60 ударовъ, полученныхъ мною отъ Краснова въ описанномъ случаѣ, мнѣ казались всегда самымъ страшнымъ наказаніемъ; мнѣ еще тогда не было 12 лѣтъ.

Остается теперь сказать о томъ, чему и какъ насъ учили третій нашъ учитель или, правильнѣе, мучитель, Михаилъ Яковлевичъ. На его долю выпали у насъ два предмета: церковный уставъ и нотное пѣніе. Учебныя руководства въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, въ мое особенно дѣтство, наибольшую частію были очень дурны; но хуже учебника по церковному уставу, кажется, мудрено было что нибудь и придумать. Это была самая сухая, сжатая перечень частей того или другого богослужебнаго дѣйствія, означаемыхъ однимъ или нѣсколькими словами, которыми начинались они. Лучше всего объяснить примѣръ. Извѣстно, что литургія обыкновенно начинается словами дьякона: благовослови владыко, на что священникъ отвѣчаетъ: благословенъ Богъ нашъ всегда, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Затѣмъ пѣвчіе или дьячки на клиросѣ поютъ: аминь. Далѣе дьяконъ читаетъ большую ектенію, начинающуюся словами: міромъ Господу помолимся, пѣвчіе поютъ: Господи помилуй и т. д. Въ нашемъ руководствѣ это выразилось бы слѣдующимъ образомъ. Дьяконъ: благослови владыко. Священникъ: благословенъ Богъ. Клиръ: Аминь. Дьяконъ: міромъ Господу помолимся. Клиръ: Господи помилуй, и проч. Или напр. начало вечерни: священникъ: благословенъ Богъ нашъ. Чтецъ: аминь, святыи Боже, слава, пресвятая троица и нынѣ, отче нашъ, и пр. О какомъ либо объясненіи Михаилъ Яковлевичъ и не думалъ; онъ просто приказывалъ выучить до такого-то слова и мы учили къ ряду, но многіе могли выучивать, да и тѣ при самой лучшей памяти чрезъ нѣсколько дней забывали. Нотное пѣніе преподавалось также, какъ и въ приходскомъ училищѣ.

Я уже сказалъ, что Михаилу Яковлевичу не позволено было

сѣчь розгами не только высшешлассныхъ, но и низшешлассныхъ. Я вовсе не думаю, чтобы такое запрещеніе происходило съ гуманною цѣлью, потому что и смотритель, и оба наши учителя часто наказывали насъ еще больнѣе, нежели Михаилъ Яковлевичъ. Ужъ право всѣ эти господа не берегли ли нашихъ педагогическихъ частей тѣла, такъ сказать, только для себя самихъ? Но Михаилу Яковлевичу и прежде уже хотѣлось, а при насъ онъ взялся хлопотать самымъ энергическимъ образомъ, чтобы имѣть удовольствіе по личному распоряженію и усмотрѣнію сѣчь насъ также, какъ онъ сѣкалъ своихъ приходскихъ и даже съ болѣею жестокостью по вниманію къ нашему возрасту. Впрочемъ и мы съ своей стороны своими глупыми выходками и шалостями очень помогли ему получить желаемое. На колѣна онъ насъ сталъ ставить чуть не съ перваго класса. Мы становились, такъ какъ это уже было прежде заведено, но не по методѣ Михаила Яковлевича. Онъ требовалъ, чтобы мы стояли на срединѣ, но мы сказали, что у насъ этого не бываетъ, что намъ наши Акимы Федоровичи дозволяютъ стоять на мѣстахъ, хотя это и не совсѣмъ справедливо было. Потомъ Михаилъ Яковлевичъ любилъ, чтобы стоявшіе на колѣнахъ стояли прямо, какъ свѣчки, по нашему выраженію, и подъ свои колѣна не подкладывали даже платья; мы и этого не дѣлали, да и почтенному педагогу мудрено было слѣдить за нарушеніемъ своей заповѣди, когда мы стояли на своихъ мѣстахъ. Потомъ, какъ скоро начиналось общее пѣніе, мы вставали съ колѣнъ и садились на свои мѣста. Въ этомъ намъ помогли Красновъ и Гороховъ, которымъ мы доказали, что на колѣнахъ трудно пѣть и потомъ многіе, карандашемъ зачернивши тѣ части колѣнъ, на которыя особенно былъ упоръ при стояннѣ, убѣдились, что у нихъ это произошло отъ слишкомъ продолжительныхъ стояній и отъ того, что Михаилъ Яковлевичъ приказываетъ вынимать платье изъ подъ колѣнъ. Это намъ удалось тѣмъ легче, что оба нашихъ учителя, особенно Красновъ, не любили долго держать насъ на колѣнахъ. Михаилъ Яковлевичъ всѣмъ этимъ очень обижался, а мы его поддразнивали еще тѣмъ, что сидѣвшіе на скамьѣ къ срединѣ класса, которыхъ ноги онъ видѣлъ, нарочно опускались на свои пятки, а то, и вытянувъ ноги, садились на свое сѣдалище; голову же успокоивали на рукахъ, положенныхъ на скамью, и притворялись заснувшими. Михаилъ Яковлевичъ, замѣчая такое неуваженіе къ себѣ, бѣсился, съ позволенія

сказать, жаловался на всѣ виды нашего непослушанія и на плохіе наши успѣхи по потному пѣнію, убѣждая каждый разъ смотрителя, что если бы ему позволено было сѣчь насъ, то дѣло бы пошло иначе. Смотритель сердился, приказывалъ старшему пере-сѣчь насъ, а иногда и самъ приходилъ для расправы. Первое, разумѣется, насъ не страшило; послѣднее, конечно, было соединено уже съ серьезными для насъ непріятностями, но вмѣстѣ съ тѣмъ насъ раздражало и заставляло придумывать новыя шалости, чтобы понасолить Михаилу Яковлевичу.

Я уже говорилъ, что мы его звали капсюкомъ. И вотъ когда Михаилъ Яковлевичъ появляется на дворѣ, какой либо проказникъ изъ сѣней, а то и изъ класса въ отверстіе въ оконномъ косякѣ, чрезъ которое входилъ болтъ для запиранія ставней, закричитъ тоненькимъ голоскомъ: „капсюкъ“ или: „Михаилъ Яковлевичъ Капсюкъ“. Въ этомъ не отставали отъ насъ и высшеклассные. Михаилъ Яковлевичъ, раздосадованный такою невѣжливостью, прибѣгалъ иногда въ классъ, но тутъ всегда уже заставлялъ всѣхъ сидящими на своихъ мѣстахъ въ самомъ смиренномъ и невинномъ положеніи. И ему, и смотрителю, когда этотъ получалъ жалобы на насъ, мы доказывали, что у насъ всѣ сидѣли въ классѣ и никто не выходилъ изъ него и ничего не говорилъ. Къ несчастію нашему, слово капсюкъ иногда слыхала прислуга протопопа, дочь его и даже онъ самъ. Но мы и на этомъ не хотѣли остановиться. Смѣльчаки подходили къ двери приходскаго училища и, заперши ее снаружи прибитою къ ней цѣпью, кричали въ дверное отверстіе: „капсюкъ, Михаилъ Яковлевичъ капсюкъ“. Или самъ Михаилъ Яковлевичъ, или подчиненные его бросались къ двери, чтобы поймать виновнаго, но дверь оказывалась запертою, начиналась стукотня; сидѣвшая на кухнѣ прислуга иногда выходила, чтобы отпереть дверь, а то и знать не хотѣла, потому что Михаила Яковлевича почему-то и она не любила. Впрочемъ случалось, что виновный бывалъ пойманъ, или какимъ-либо образомъ уличенъ; разумѣется, пороли его, но это раздражало всѣхъ. „Вотъ еще изъ-за капсюка высѣкли“, говорили мы; наказаннаго убаюкивали, утѣшали, общались потише сѣчь при всѣхъ случаяхъ, а кто нибудь чрезъ нѣсколько дней опять успѣвалъ врыгнуть въ дверь приходскаго училища: капсюкъ!

Не любя Михаила Яковлевича, мы не любили и его приходскихъ

учениковъ. Въ запискахъ своихъ мнѣ не разъ придется говорить, что въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ между учениками различныхъ классовъ ладовъ не бывало; одни любили ставить себя на высоту, съ которой гордо и съ презрѣніемъ посматривали на низшую братію; другіе, приниженные и угнетенные, молча переносили оскорбленіе, но съ затаенною злобою ждали когда-то и они поднимутся на ту же высоту и выместятъ свое униженіе на другихъ; третьи, занимающіе средину между тѣми и другими, первыхъ не любили, также какъ и послѣдніе, и если была возможность, вступали съ ними въ борьбу, а къ низшимъ себя не меньше ихъ выказывали презрѣніе и придирчивость. Такія враждебныя отношенія были общи всѣмъ духовно-учебнымъ заведеніямъ, только въ различной степени. О причинѣ этого печальнаго явленія я скажу ниже. Наше Касимовское училище, разумѣется, не составляло исключенія изъ правила. Наши вышекласные вели себя по отношенію къ намъ, пока мы были въ приходскомъ училищѣ, какъ какіе либо аристократы и магнаты; мы, встрѣчаясь съ ними, обязаны были снимать свои фуражки, а они, въ благодарность за то, при каждомъ удобномъ случаѣ, готовы были пощипать и даже потаскать насъ за волосы; низшекласные же, по крайней мѣрѣ забіяки, нарочно прихаживали къ намъ во время отсутствія Михаила Яковлевича, чтобы дать какой-либо щелчокъ, пинокъ, толчокъ. Мы, поступивши въ низшее отдѣленіе, не позабыли уроковъ своихъ предшественниковъ, смотрѣли съ презрѣніемъ на приходскихъ и на просторѣ ходили къ нимъ, чтобы показать имъ свою важность; у насъ было даже выраженіе: „а что братъ, или братцы, говорилъ какой либо затѣйникъ, пойдемъ поколотить приходскихъ“, и дѣйствительно отправлялись въ такія экспедиціи. Если нельзя было поколотить, то по крайней мѣрѣ тѣшили, называя ихъ капсюковцами. Во всѣхъ этихъ глупостяхъ вышекласные поддерживали и ободряли насъ отчасти и дѣломъ, а болѣе всего словомъ. Насъ соединяли между собою общая нелюбовь къ Михаилу Яковлевичу и то что мы, имѣя однихъ и тѣхъ же учителей, помѣщаясь въ классахъ, находившихся въ одномъ флигелѣ и раздѣлявшихъ только сѣнями, считали себя какъ бы въ родственныхъ отношеніяхъ.

Находясь въ приходскомъ училищѣ, мы смиренно переносили гнетъ отъ вышекласныхъ и низшекласныхъ. Да и нельзя было думать о какой либо оппозиціи. Вышекласные были такіе рос-

лые ребята, что мы передъ ними казались дѣйствительно ребятенками; изъ нихъ особенно замѣчательны по росту Александръ Богородицкій и Савва Липинъ. Первый, будучи старшимъ надъ всѣмъ училищемъ, былъ едва ли ниже 2½ ар., имѣлъ смѣлую поступь, гордый видъ и сильный басистый голосъ; другой, говоря нисколько не преувеличивая, былъ не менѣе 2 арш. 10 верш. Низшеклассные, конечно, пониже вышеклассныхъ ростомъ, за то среди себя имѣли двухъ братьевъ Богородицкихъ Василя и Павла, которые, пользуясь значеніемъ своего брата, училищнаго старшаго, служили коноводами въ экспедиціяхъ противъ насъ. Какъ же намъ было помышлять объ оппозиціи такой сильной аристократіи? тѣмъ болѣе что между нами только двое нашихъ старшихъ Соловьевъ и Добромысловъ въ схваткахъ могли сами дать сдачи, но враги наши имѣли благоразуміе ихъ и не затрогивать.

Но поступивши въ низшее отдѣленіе, мы встрѣтили въ приходскихъ непріятную для насъ и сильную оппозицію. Конечно, вообще они были менѣе насъ ростомъ и слабѣе силами, за то имѣли въ своей средѣ нѣсколько молодцовъ, изъ которыхъ съ каждымъ могли вступить въ единоборство, съ надеждою на побѣду, только наши старшіе, да еще четыре старичка. Особенно росли были Гавріиль Быстровъ, Осипъ Орловъ (старшіе въ приходскомъ), Ибердусовъ и Ломоносовъ. Мы, еще обучаясь съ ними у Михаила Яковлевича, испытали крѣпость ихъ рукъ. Михаилъ Яковлевичъ частенько заставлялъ ихъ держать и даже сѣчь насъ, второклассныхъ. И потому, когда сдѣлавшись низшеклассными, мы стали ходить колотить приходскихъ, то отъ этихъ молодцовъ, а при ихъ пособіи и отъ другихъ намъ самимъ доставалось порядочно и приходилось возвращаться изъ экспедиціи со слезами на глазахъ. Разумѣется это не унимало, а только раздражало насъ, мы уже хаживали, по нашему выраженію, ватагами и если не могли колотить, то съ другой стороны не были и биты и утѣшали себя тѣмъ, что имѣли возможность разругать въ глаза капсюковцевъ. Скоро и сами приходскіе и Михаилъ Яковлевичъ стали жаловаться на насъ протопопу. Этотъ съ обыкновенною своею рѣшительностью объявилъ, что онъ запереть того, кто ему попадется и дѣйствительно это попадался, тому уже доставалось на орѣхи. Подобная расправа была для насъ тѣмъ непріятнѣе, что нѣкоторые изъ насъ подвергались ей совершенно невинно. Напр., кому-нибудь нужно было повидаться съ кѣмъ либо изъ

приходскихъ; онъ входилъ къ нимъ въ классъ; его задерживали, старшій шоль въ протопопу сказать, что вотъ такой-то низшеклассный пришелъ къ намъ, шумить и дерется. Иногда же и не войдетъ въ классъ, а, отворивъ дверь, велитъ выслать нужнаго ему ученика, тутъ какіе нибудь приходскіе сзади вталкиваютъ его въ классъ, задерживаютъ и опять жалоба смотрителю. Почтенный начальникъ или самъ лично, или чрезъ вышекласнаго стапшаго, убѣдившись что обвиняемый дѣйствительно въ приходскомъ классѣ, сейчасъ же расправлялся съ нимъ и, къ величайшему оскорбленію нашего самолюбія, иногда даже въ приходскомъ классѣ. Отъ этихъ глупостей мы еще болѣе раздражались и прибѣгали къ новымъ продѣлкамъ, какъ бы понасолить капсюковцамъ, если не дѣломъ, то словомъ.

Между тѣмъ и Михаилъ Яковлевичъ, раздражаемый нашими неуспѣхами, а больше нашими криками: „капсюкъ“ и невозможностью самому съ нами расправляться, постоянно жаловался смотрителю. Этотъ слушалъ цѣлую треть жалобы, но все еще не хотѣлъ отдать насъ на жертву Михаилу Яковлевичу. Наконецъ, не вытерпѣвъ и разрѣшилъ нашему почтенному наставнику сѣчь насъ по усмотрѣнію. Это было уже въ самомъ почти концѣ сентябрьской трети, такъ что новое узаконеніе нашего училища осталось безъ примѣненія до святокъ. Возвратившись изъ домовъ въ школу, мы стали придумывать, какъ бы намъ ослабить это узаконеніе. Тутъ съ нами за одно дѣйствовали и вышеклассные, потому что и они тоже отданы были на жертву Михаилу Яковлевичу. Общимъ міромъ-соборомъ мы и положили ограничить произволъ своего потнаго учителя. Онъ въ третій свой пѣвческій классъ, когда мы и вышеклассные сидѣли вмѣстѣ, воспользовался предоставленнымъ ему новымъ правомъ. Достойными наказанія оказались нѣсколько человѣкъ изъ обоихъ отдѣленій. Михаилъ Яковлевичъ съ видимымъ удовольствіемъ произнесъ: „лозу“ и велѣлъ выходить на средину преступникамъ. Не торопясь вышли. Сначала принялись за вышеклассныхъ. Сѣкуторъ у перваго растянувшагося только заворотилъ верхнее платье и сталъ сѣчь по рубашкѣ и подштанникамъ, притомъ дѣлая большой розмахъ лозою и ударяя ею очень тихо. Конечно боль была, но Михаилу Яковлевичу хотѣлось раздѣлаться по своему. „Долой, долой все“, закричалъ онъ. Тутъ всѣ заговорили: „у насъ этого не бываетъ, насъ сѣкутъ не по голому тѣлу“. Сѣкуторъ не слушался, вызван-

ные держители тоже; Михаилъ Яковлевичъ мѣнялъ ихъ, но дѣло не измѣнялось. Послѣ вышекласныхъ дошла очередь до низшекласныхъ, повторилось то же самое. Михаилъ Яковлевичъ, наскучивъ, вызываетъ тѣхъ или другихъ сѣкуторовъ и держителей, наконецъ, обратившись ко всѣмъ, сказалъ: „ну кто изъ васъ послушенъ, выйдите и сдѣлайте что я велю“; но никто, разумѣется, не выходилъ. Между тѣмъ наказываемые кричали что есть силы, вырывались изъ-подъ рукъ держителей и когда Михаилъ Яковлевичъ приказывалъ сѣчь больнѣе хотъ и по платью, то сѣкуторъ говорилъ: „на что больнѣе, вѣдь смотрите какъ онъ вертится“, и ударялъ по завороченному тулупу. Мы тоже не оставались безъ дѣла, шибали, иногда смѣялись даже общимъ хоромъ. Михаилъ Яковлевичъ, выведенный изъ терпѣнія, схватилъ свою шалву и, выходя изъ класса, сказалъ: „посидите, погодите, у меня узнаете, что значить меня не слушаться“. Мы проказничали, конечно, по общему, такъ сказать, заговору, но относительно этого дня насъ ободряло то, что, какъ мы знали, смотрителя дома не было. А мы надѣялись, что завтра авось не вступятся ли за насъ наши учителя, особенно Гороховъ. Михаилъ Яковлевичъ, не найдя смотрителя, вышелъ на крыльцо и остановился въ раздумьи, что ему дѣлать? Тутъ на нашу бѣду отецъ протопопъ явился изъ гостей, гдѣ онъ немножко подгулянулъ. Услыхавши отъ раздраженного Михаила Яковлевича повѣсть о нашемъ бунтѣ, вѣроятно съ преувеличеніями, протопопъ закричалъ: „Трояновъ, Трояновъ, сюда“, и скоро явился въ намъ въ сопровожденіи Михаила Яковлевича, Троянова и его плети. „Ахъ вы, меринятники, кобылятники, черти, дьяволы, разбойники! Вотъ что придумали! Вы такъ-то и со мною станете дѣлать! Вотъ я васъ!“ И принялся онъ за вышекласныхъ, начавши со старшаго Богородицкаго. Пришелъ онъ въ намъ уже въ четвертомъ часу, да и не любилъ, какъ я сказалъ выше, сѣчь въ два ряда съ подготовкою; отъ этого дѣло шло не очень быстро и когда ударили въ колоколъ въ вечернѣ и классъ нашъ окончился, то еще вышекласные не всѣ были высѣчены. Протопопъ видѣлъ, что ему чуть не цѣлый часъ еще придется присутствовать при экзекуціи; вѣрно прискучило, или хотѣлось отдохнуть; только, покончивъ съ вышекласными и высѣвши двухъ нашихъ старшихъ, онъ сказалъ Михаилу Яковлевичу: „ну, а съ этими, указывая на насъ, вы сами раздѣляйтесь, я вамъ показалъ какъ ихъ усмирить. А вы, мошенники, вздумайте только не слушаться

Михаила Яковлевича, отпорю не на животь, а на смерть, небу будетъ жарко! Эй, смотрите, не дразнить меня!“ По уходѣ оратора Михаилъ Яковлевичъ нѣсколько времени оставался въ раздумьи, оканчивать ли ему экзекуцію. Но въ соборѣ ему надобно было служить вечерню, да и достаточнаго количества розогъ онъ не предполагалъ въ запасѣ. И потому, въ заключеніе, сказалъ намъ: „ну смотрите, завтра утромъ приходите въ семь часовъ, да слышите, приходите, я до звонка съ вами разсчитаюсь. Если кто не послушается, тому вдвое достанется“. Разумѣется мы вышли изъ класса повѣся, какъ говорится, носъ.

По утру къ назначенному времени мы собрались и другъ отъ друга узнали, что старшій приходскаго училища Быстровъ вмѣстѣ съ другими товарищами и вчера приготавливалъ и теперь приготавливаетъ для насъ розги; впрочемъ услужливые приходскіе, когда мы шли мимо ихъ класса изъ сѣней, намъ съ удовольствіемъ показывали приготовленныя уже розги и, помахивая ими, жестаами давали знать какъ станутъ сѣчь насъ. Михаилъ Яковлевичъ немножко позапоздалъ, зашелъ сначала не надолго въ свое приходское, а потомъ оттуда пожаловалъ и къ намъ. Мы было вздумали умилиловать своего почтеннаго наставника, стали на колѣна и слезно просили простить насъ, увѣряя, что съ этихъ поръ будемъ самыми послушными учениками; но все это было гласомъ вопіющаго въ пустынь. „Всѣ ли собрались?“ былъ первый вопросъ Михаила Яковлевича; получивъ утвердительный отвѣтъ, онъ не могъ отказать себѣ въ удовольствіи подтрунить надъ нами. „Что вы стоите на колѣнкахъ? вставайте, пойдемте къ намъ въ гости; тамъ Быстровъ приготовилъ для васъ славное угощеніе. Добромысловъ, Соловьевъ! сказалъ нашимъ старшимъ, ведите ихъ въ приходское, тамъ васъ всѣхъ поучать, какъ нужно сѣчь лѣнтыевъ, а то вы разучились, ну ступайте“. Разумѣется, мы потянулись вереницею. Вошедши въ приходское училище, мы увидѣли приготовленія, сдѣланныя для пріема насъ; скамьи и столы отодвинуты были какъ можно ближе къ стѣнамъ, а одинъ столъ даже стоялъ на другомъ, чтобы оставить свободное мѣсто, куда намъ и приказано было столпиться. Приходскіе уже не сидѣли на своихъ мѣстахъ, а стояли на лавкахъ и столахъ; долженствовавшіе же исполнять разныя обязанности при экзекуціи расположились на срединѣ класса и всѣ вообще съ торжествомъ посматривали на насъ. „Что это

Михаилъ Яковлевичъ, сказалъ его любимецъ старшій, зачѣмъ въ намъ пришли низшеклассные?“ „Да вотъ захотѣлось имъ у насъ посидѣть, свой классъ вѣрно надоѣлъ имъ, отвѣтилъ Михаилъ Яковлевичъ“. „Нѣтъ, возразилъ Быстровъ, не посидѣть, а полежать“. Эта острота заставила всѣхъ приходскихъ громко засмѣяться и самого Михаила Яковлевича улыбнуться. Но времени немного оставалось до звонка, надобно было поспѣшить. И потому Михаилъ Яковлевичъ сказалъ нашимъ старшимъ: „становите-ка ихъ въ два ряда, а ты, Быстровъ, распорядяйся, чтобы они были готовы, я сейчасъ пойду къ отцу протопопу“. Михаилъ Яковлевичъ ушелъ, а насъ начали вызывать; cadaго вызваннаго подхватывали помощатели, становили въ рядъ, раздѣвали и по одному изъ ряда расположили на полу держители; сѣкуторы съ розгами въ рукахъ стали съ боковъ и начали щекотать; держителямъ тоже захотѣлось поглаживать и пощипывать, и помощатели одною рукою похлопывали по обнаженнымъ частямъ стоявшихъ въ рядахъ; вся приходская публика торжествовала и смѣялась; то тамъ, то здѣсь раздавалось: „ну, что, господа низшеклассные? у васъ вѣдь не сѣкутъ по голому тѣлу, зачѣмъ же вы здѣсь позволили себя раздѣть?“ Тутъ какой нибудь шутникъ острилъ: „да они раздѣлись, чтобы къ банѣ приготовиться, вонъ смотрите-ка сколько для нихъ вѣшниковъ лежить, только листья всѣ оборваны, за то крѣпче прильнуть“. Намъ, разумѣется, было не до отвѣтовъ. Михаилъ Яковлевичъ скоро возвратился; онъ, какъ мы узнали, ходилъ спросить протопопа какъ больно насъ высѣчь; должно быть получилъ разрѣшеніе давать не менѣе 30 и не болѣе 50, потому что эти числа были *minimum* и *maximum* ударовъ, получившихся нами. Взглянувши на всю обстановку, Михаилъ Яковлевичъ сказалъ: „ну-ка, начинайте, да хорошенько“. Поощрять, впрочемъ, не было надобности; приходскіе и сами собою не дали бы, по русской поговоркѣ, охули на свои руки; а для насъ отобраны были самыя лучшіе сѣкуторы. И знатно же насъ угостили! Многіе изъ насъ долго не могли собраться съ духомъ, чтобы исправить весь костюмъ свой, хотя насъ торопили это поскорѣе покончить, Михаилъ Яковлевичъ вполнѣ остался доволенъ своею побѣдою и въ этотъ день, не смотря на субботу, никого изъ приходскихъ не высѣлъ.

Съ этихъ поръ и мы, и вышеклассные совсѣмъ оставили всякую оппозицію Михаилу Яковлевичу, сдѣлались послушнѣй-

шими его учениками, а онъ съ своей стороны не преминулъ воспользоваться предоставленными ему правами. На колѣна онъ почти пересталъ ставить насъ, но за то другая часть тѣла расплачивалась за всѣ наши провинности. За экстренные, такъ сказать, проступки наказывалъ насъ розгами Михаилъ Яковлевичъ тотчасъ же, но относительно уроковъ попрежнему доставлялъ смотрителю списокъ нашихъ брансовъ, нонтотовъ, несціенсовъ и проч.,—и получалъ высочайшее разрѣшеніе отпороть насъ по данной резолюціи. Къ вышекласнымъ были посписходительнѣе, нежели къ намъ; о нихъ списки представлялись не чрезъ 3—4, а чрезъ 6—8 недѣль; впрочемъ, можетъ быть, и потому, что у нихъ пѣвческихъ классовъ было вдвое меньше, нежели у насъ. Другая привиллегія состояла въ томъ, что для наказанія насъ сначала всегда приглашались приходскіе съ приготовленными у нихъ же розгами, а иногда, къ величайшему нашему горю, виновныхъ требовали въ приходскій классъ и тамъ уже съ ними раздѣлывались, тогда какъ до вышекласныхъ не касались уже руки приходскихъ; при наказаніи ихъ дѣйствующими лицами были или сами вышекласные, или низшекласные. Намъ, разумѣется, не нравилось такое раздѣленіе, мы стали упрашивать Михаила Яковлевича не дѣлать приходскихъ свидѣтелями и исполнителями наказаній нашихъ, обѣщались ему служить уже вѣрою и правдою и не щадить другъ друга. „Если же кто станетъ плохо съчъ и держать, или приготовить плохую лозу, говорили мы, то сбьите его какъ угодно“. Почтенный педагогъ снизошелъ на наше слезное прошеніе, но все таки, вѣроятно для памяти, иногда приглашалъ приходскихъ посѣчь насъ. Такимъ образомъ война наша съ Михаиломъ Яковлевичемъ кончилась постыднымъ, обиднымъ и болѣзненнымъ для насъ пораженіемъ. Приходскіе взяли верхъ надъ нами. Любезные мои товарищи дожили, по крайней мѣрѣ, до того времени, когда они вновь восторжествовали надъ своими врагами. По переходѣ въ высшее отдѣленіе, они сдѣлались вполне независимы отъ Михаила Яковлевича, а новые низшекласные, бывшіе приходскіе, подчинены были вышекласному старшему, а вмѣстѣ съ тѣмъ хоть отчасти и его товарищамъ. Я же не былъ участникомъ въ этомъ торжествѣ, потому что, какъ скажу ниже, меня перевели въ Рязанское училище.

Д. И. Ростиславовъ.

(Продолченіе слѣдуетъ).

ЗАПИСКИ Д. И. РОСТИСЛАВОВА,

ПРОФЕССОРА СПБ. ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ,

† 18-го февраля 1877 г.

ГЛАВА XX ¹⁾).

О житіи моемъ на квартирѣ.

Не ласковы были къ намъ учителя, не блаженствовали мы при нихъ въ классѣ, но и на квартирѣ не всегда весела и безбоязненна была жизнь моя. Анна Яковлевна, замѣчая много глупостей и шалостей за Кудрявцевымъ и Евсеемъ, покушалась усилить дисциплину, но дѣйствовала не очень рѣшительно, да и съ этими двумя избалованными, испалившимися и притомъ довольно взрослыми господами не легко было ей бороться. При поступленіи моемъ въ низшее отдѣленіе, оба они перешли въ Рязань; изъ прежнихъ квартирантовъ я остался только одинъ, но на квартиру еще поступили трое: мой односельчанинъ Андрюша, братъ жены моего дяди Василія Мартыновича, Антонъ Соловьевъ и прежній мой односельчанинъ (по Палищамъ) Феофиловъ, внукъ тамошняго священника Евдокима и сынъ дьячка Кузьмы; Андрюша былъ помоложе, а Соловьевъ и Горловъ постарше меня годомъ или немного поболѣе.

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1880 г., т. XVII и XVIII; изд. 1882 г., т. XXXIII и XXXIV; изд. 1884 г., т. XLII и XLIII, стр. 87—104; 289—312.

Съ самаго начала сентябрьской трети 1820 г. Анна Яковлевна сказала намъ своего рода назидательную проповѣдь, совѣтывала быть смиренными, прилежными, не шалить, не проказничать; въ случаѣ повиновенія нашего обѣщалась быть къ намъ ласковою, заботиться о нашихъ нуждахъ, но съ другой стороны напоминала и о розгѣ, если мы не послѣдуемъ ея совѣтамъ. Меня же, какъ человека ей уже извѣстнаго, какъ низшекласнаго, сдѣлала чѣмъ-то въ родѣ старшаго надъ тремя соквартирантами, которые всѣ были въ приходскомъ, приказала мнѣ въ ея отсутствіе смотреть за ними и доносить ей объ ихъ неисправностяхъ. Анна, слушая все это, прибавляла: «да, матушка Анна Яковлевна, не надобно выпускать ихъ изъ рукъ, а то вонъ прежніе балобаны чего тутъ не надѣлали? Да вотъ старшаго-то нынѣшняго еще покрѣпче нужно бы держать, кому довольно и пяти ударовъ лозой, а ему надобно десятокъ». Анна Яковлевна, слѣдуя, разумѣется, не совѣтамъ Анны, а своимъ собственнымъ правиламъ, прибавила: «ты, Митя, уже большой, вѣрно будешь поумнѣе этихъ (указывая на приходскихъ) и не доведешь себя до розги; но смотри, и тебѣ потачки не будетъ».

Анна Яковлевна не ограничилась одною только проповѣдью, а позаботилась о насъ и въ другихъ отношеніяхъ. Пища наша была по прежнему хороша, даже лучше; потомъ намъ велѣно было недѣли черезъ двѣ выбивать пыль изъ войлоковъ, на которыхъ мы спали. Баню стали для насъ топить не черезъ двѣ недѣли, а еженедѣльно. А главное, заботливая хозяйка почти всегда сама бывала съ нами въ банѣ, не снимая, впрочемъ, при насъ съ себя рубахи. Если время у нея было свободное, то сама, сидя на скамеечкѣ, мыла каждому изъ насъ голову. Затѣмъ уже приказывала самимъ мыть тѣло и другъ другу вытирать спины намыленными суконками. За недостаткомъ свободного времени мыла кого-нибудь одного или двухъ, а прочіе уже сами занимались своими головами. Въ то-же самое время она внимательно осматривала каждого изъ насъ, какъ говорится, съ ногъ до головы, спереди и сзади, чтобы видѣть не появляется ли на насъ чесотка. Самъ по себѣ такой осмотръ для насъ ничего бы не значилъ, но бѣда тутъ состояла въ томъ, что при этомъ открывалось—кого изъ насъ недавно посѣкли въ классѣ. Тутъ начи-

нались допросы: за что это высѣкли? давались совѣты вести себя и учиться получше и пр.

Получивши отъ Анны Яковлевны что-то похожее на званіе старшаго надъ своими соквартирантами, я сталъ поступать съ ними, руководясь тѣмъ идеаломъ, который могъ составить по образцамъ своихъ классическихъ старшихъ. На это я считалъ себя тѣмъ болѣе уполномоченнымъ, что отцы моихъ подчиненныхъ просили меня тоже смотрѣть за ними, объяснять уроки, не позволять имъ лѣниться и пр. Я по своимъ тогдашнимъ понятіямъ могъ считать себя чѣмъ-то въ родѣ маленькаго Михаила Яковлевича. И дѣйствительно, повелъ себя я относительно соквартирантовъ важно и почти начальнически, дѣлалъ имъ выговоры, т. е. бранилъ ихъ за неисправности, позволялъ себѣ подрывать ихъ за волосы и за уши, а главное жаловался Аннѣ Яковлевнѣ на ихъ неисправности и на то, что они осмѣливаются меня не слушаться, за что Анна Яковлевна иногда ихъ наказывала розгою. Такими поступками, разумѣется, я не могъ пріобрѣсти любви своихъ подчиненныхъ. Но я постарался увеличить ихъ нерасположеніе къ себѣ и другими глупостями, съ важностью доказывая, что они, приходскіе, предъ нами, низшеклассными ничего не значать, что мы ихъ можемъ колотить, какъ намъ угодно, что насъ учителя не сѣкутъ, а если и сѣкутъ, то не больно, по рубахѣ, а ихъ, какъ мальчишекъ, порютъ не на животъ, а на смерть. Съ своей стороны и подчиненные начали противъ меня бунтовать, стали жаловаться на меня за мою придирчивость къ нимъ, за щипки, пинки и пр. Сторону ихъ приняла и Анна.

— «Вы бы, матушка Анна Яковлевна, старшаго-то самого хорошенько высѣкли; онъ-то настоящій забіяка и озорникъ».

Общая наша командирша дѣлала мнѣ замѣчанія, грозила и со мною расправиться, если я не оставлю своихъ притязаній на званіе начальника, иногда трепала даже за волосы и за уши и все это при моихъ подчиненныхъ. Амбиція моя страдала и я озлобился еще болѣе противъ своихъ подчиненныхъ. Въ концѣ сентября, въ субботу, когда намъ нужно было мыться въ банѣ, меня за что-то высѣкли въ классѣ; мои соквартиранты отъ кого-то узнали объ этомъ и шепнули Аннѣ, которая во время обѣда принялась надо мною смѣяться.

— «Что, старшій, разрисовали и тебѣ ж—у? Вотъ пойдете въ баню, Анна Яковлевна увидить это».

Хоть высѣкли меня не больно и не обнажая, однако, я все-таки полагалъ, что слѣды сѣченья могла замѣтить Анна Яковлева и я долженъ буду въ присутствіи своихъ подчиненныхъ рассказать, за что меня высѣкли, и выслушать проповѣдку. Я рѣшился не идти въ баню и послѣ обѣда сталъ одѣваться. Въ это время вошла къ намъ хозяйка.

— «Куда это ты идешь? — спросила она меня. Вѣдь скоро пойдемъ въ баню». Я отвѣчалъ: «мнѣ съ другими товарищами велѣлъ придти къ себѣ Красновъ, чтобы поработать у него». Злая Анна тотчасъ же рассказала, что меня высѣкли и что я вѣрно вру. Начались допросы, я стоялъ на своемъ, но Анна вызвалась меня провожать къ Краснову и посмотреть правду ли я говорю.

Анна Яковлевна согласилась на это предложеніе.

— «Ну ступай съ нею, сказали мнѣ, но смотри, если совралъ ты, такъ я въ другой банѣ выпорю тебя; лучше сознайся, пока еще есть время». Я долженъ былъ отказаться отъ своего плана. Разумѣется, всѣ засмѣялись, а я униженный предъ соквартирантами еще болѣе осердился на нихъ и началъ придумывать, какимъ образомъ мнѣ отдѣлаться отъ бани; взялъ какую-то книжку и забрался въ темный уголъ чердака. И потому, когда прочіе мальчики собрались идти въ баню, меня не оказалось на лицѣ; искали, звали меня, а я сидѣлъ помалчивая. Но Анна скоро отыскала, привела меня и сказала, гдѣ меня нашла.

— «Ты что это тамъ дѣлалъ?»--спросила меня Анна Яковлевна.

«Урокъ училъ», отвѣчалъ я. Разумѣется, всѣ захохотали, потому что тамъ, гдѣ меня нашли, нельзя было ничего читать, по причинѣ темноты. Всѣ пошли въ баню, а я сталъ изъ сундучка доставать бѣлье и подъ разными предлогами протягивалъ время. Анна, замѣтивши мои продѣлки, насильно меня потащила въ баню; я у нея вырывался, не шелъ и кричалъ, но все-таки приведенъ былъ въ предбанникъ. Анна Яковлевна, мывшая уже товарищей моихъ, велѣла Аннѣ помочь мнѣ раздѣться и втолкнуть меня въ самую баню. Но, вошедши раздѣтый уже, я оставился у порога.

— «Ну, иди ко мнѣ,—сказала Анна Яковлевна, я тебѣ голову

вымою». — «Я не маленькій, отвѣчалъ я», и самъ вымоюсь», и началъ наливать себѣ воду.

Раздосадованная моимъ упрямствомъ, она велѣла соквартирантамъ подтащить меня къ ней, и я, дѣлать нечего, подошелъ и сталъ съ лѣвой стороны ея на колѣни и положилъ голову свою на ея лѣвую ногу. Но вмѣсто мытья она обѣими руками подхватила меня подъ животъ, подняла и положила такъ, что я растянулся спиною вверхъ; велѣла Андриушѣ изъ вѣника вынуть два прута и, очистивъ отъ листьевъ, похлестать меня ими. Андриуша еще не привыкъ сѣчь другихъ и потому его сѣченье было для меня очень не больно, да и ударилъ онъ разъ пять. Аннѣ Яковлевнѣ хотѣлось только попристращать меня. Но амбиція моя еще болѣе прежняго разыгралась.

Пришедши изъ бани, мои приходскіе рассказали Аннѣ о томъ, что меня въ банѣ посѣкли, и вмѣстѣ съ нею принялись надо мною смѣяться. Я выходилъ изъ себя и особенно золъ былъ на Горлова, который болѣе всѣхъ смѣялся. При Аннѣ мнѣ ничего нельзя было сдѣлать. Но когда она ушла изъ кухни куда-то, я не вытерпѣлъ, подскочилъ къ Горлову, стоявшему ко мнѣ спиною, ударилъ его и онъ, на мою бѣду, ударился объ стѣну носомъ, изъ котораго тотчасъ потекла кровь. Поднялся, разумѣется, крикъ, доложили Аннѣ Яковлевнѣ и она, пришедши въ кухню, увидала Горлова въ крови. Тутъ уже и ея терпѣніе лопнуло. Возвратившаяся скорѣ Анна еще болѣе подзадорила свою хозяйку.

«Давно я вамъ, матушка, говорила, что онъ забіяка, вотъ смотрите-ка, какъ онъ парня избилъ». Ее послали въ баню добыть изъ распареннаго вѣника хорошую розгу. Когда Анна воротилась съ розгою, я сидѣлъ въ переднемъ углу за столомъ и, не смотря на приказанія Анны Яковлевны, не выходилъ, или, лучше, не торопился выходить оттуда. Анна, между тѣмъ, поставила на серединѣ кухни скамейку, отодвинула столъ и, связавши мнѣ руки, понесла меня къ скамьѣ, положила поперекъ ея на животъ, такъ что моя голова и грудь были на одной сторонѣ скамьи, а на другой—висѣли ноги. Заверотить рубаху за обшивку и сять долой инекспресибли было дѣломъ нѣсколькихъ секундъ, и посыпались удары по моему тѣлу. Экзекуція была жестокая; по окончаніи ея, почти весь обнаженный, я въ полубезпамятствѣ легъ на заднюю лавку, плакалъ, плакалъ, да и

заснулъ. Андрюша прикрылъ меня моимъ халатомъ. Горько было мнѣ проснуться; подчиненные мои видѣли, что меня такъ выскли при нихъ, какъ ихъ еще не сѣкали; весь форсъ, по поговоркѣ, слетѣлъ съ меня. И Аннѣ Яковлевнѣ, когда она успокоилась, стало меня жалко; въ слѣдующій день она позвала меня въ горницу, посадила къ себѣ на колѣни и говорила: «что это тебѣ глупому вздумалось такъ упрямиться и потомъ еще драться? перестань дурачиться, теперь ты самъ видишь, какъ за это наказываютъ». Потомъ дала какихъ-то лакомствъ и отпустила. Но я уже увидалъ, что мнѣ нечего превозноситься предъ своими соквартирантами, помирился съ ними, а съ Андрюшей сдѣлался опять пріятелемъ. Да и мудро было мнѣ превозноситься, потому что между нами не дѣлали различія, когда приходилось насъ за что-нибудь наказывать. Впрочемъ, Анну уже почти никогда не заставляли сѣчь насъ, мы сами другъ друга держали и сѣкли, а иногда и сама Анна Яковлевна брала розгу въ руки.

Въ половинѣ сентябрьской трети 1820 г. число соквартирантовъ нашихъ увеличилось двумя новыми товарищами, Ивановыми; старшій былъ вышекласнымъ ученикомъ, младшій моимъ товарищемъ. Отецъ ихъ, священникъ Гусевскаго погоста, Гавріилъ, вѣсилъ, кажется, пудовъ до 10-ти. Туловище его безъ головы, ногъ и рукъ, ну, кажется, чуть-чуть не могло-ли назваться кубическимъ. Онъ слылъ богатымъ человекомъ, по крайней мѣрѣ жилъ богато, по барски. Поэтому и дѣтей своихъ поставилъ на нашей квартирѣ на особенныхъ условіяхъ. Они должны были обѣдать вмѣстѣ съ хозяевами, пили даже чай утромъ и вечеромъ, помѣстились въ горницѣ (въ передней за ширмою), мы ихъ и называли горничными, а они насъ кухонными. Впрочемъ, младшій братъ, Петръ, скоро сдружился и почти всегда проводилъ время съ нами вмѣстѣ, если только мы сами, наскучивъ его шалостями, не прогоняли его отъ себя. Но старшій братъ, Василій, любилъ разыгрывать предъ нами роль какого-то высшаго существа. Это былъ типъ тогдашняго избалованнаго, испаливагося священническаго сына; при отличныхъ способностяхъ не отличался успѣхами и, кажется, едва-ли уже не былъ оставленъ въ высшемъ классѣ на второй курсъ. Съ нами обращался самымъ высокомернымъ образомъ; называлъ насъ почти

всегда не иначе, какъ кухонными чумичками или замарашками, дрянью и пр.; нашихъ именъ долго и знать не хотѣлъ. Не меньше обнаруживалъ спѣси и предъ Анною: «эй ты, баба, подай то-то, сдѣлай то-то, что ты, мерзавка, замѣшкалась» и пр. Анна, обижаясь такими привѣтствіями, ругалась съ нимъ чуть не при каждой встрѣчѣ. «Ну уже попадешься ты мнѣ въ руки, когда матушкѣ Аннѣ Яковлевнѣ угодно будетъ велѣть отпороть тебя, ужъ такъ отпору, что небу жарко будетъ, тогда заговоришь другимъ языкомъ, натѣшусь я». «Э, погоди, баба, отвѣчалъ Ивановъ, далека пѣсня, я вѣдь не эти мальчишки замарашки (т. е. мы), меня не уложите на полъ». До Анны Яковлевны начали доходить частыя жалобы на него и отъ насъ и отъ Анны. Кромѣ того, онъ иногда по нѣсколько часовъ не приходилъ по окончаніи послѣ обѣденныхъ классовъ, иногда и съ квартиры уходилъ безъ спроса; извѣстно уже было, что онъ и попивалъ, и въ карты игралъ и пр. Онъ потому и отданъ былъ подъ надзоръ Анны Яковлевны, чтобы она попыталась исправить его. Она, дѣйствительно, задумалась взяться за это; сначала хотѣла дѣйствовать словами и убѣжденіями, потомъ стала грозить и розгами; угроза эта, однажды, была высказана и при насъ. Ивановъ, не желая конфузиться предъ нами, отвѣчалъ: «ну ужъ извините, до этого далека пѣсня, не горячитесь, Анна Яковлевна, вѣдь я не мальчишка»; онъ былъ въ это время лѣтъ 16-ти, такъ что въ баню его не брала съ собою Анна Яковлевна. Она на этотъ разъ удержалась отъ вспышки, но сказала: «вотъ увидимъ», и Ивановъ тоже ей отвѣтилъ: «увидимъ», и дѣйствительно дѣло скоро довелъ до развязки. Черезъ нѣсколько дней онъ не только насъ разбранилъ безо всякаго повода, но кому далъ толчекъ, кому щипокъ, да вдобавокъ ушелъ безъ спроса изъ дому. По возвращеніи его, Анна Яковлевна рѣшилась его выстѣчь, но онъ выдержалъ себя, не легъ на полъ и даже сталъ отмахиваться руками, когда она съ Анною хотѣла было нагнуть его. Ивановъ торжествовалъ и хвастался предъ нами на кухнѣ своею стойкостью, и Аннѣ говорилъ: «ну что вы съ матушкою сдѣлали»? Но торжество его было непродолжительно. Гусевскій погостъ отстоялъ отъ Касимова верстахъ въ 18 — 20; Анна Яковлевна дала знать отцу Гавріилу, чтобы онъ самъ пріѣхалъ въ городъ. Когда мы чрезъ

нѣсколько дней возвратились домой по окончаніи послѣобѣденнаго класса, Анна намъ показала пару отличныхъ розогъ и прибавила, что пріѣхалъ отецъ Гавріилъ, переговорилъ уже съ Анною Яковлевною и велѣлъ ей, Аннѣ, приготовить пару розогъ. Скоро подтвердилъ слова Анны меньшей Ивановъ и затѣмъ немного погодя вошелъ и отецъ Гавріилъ съ старшимъ сыномъ. «Ну что, Анна, все у тебя готово?», и, получивъ утвердительный отвѣтъ, сказалъ: «покажи-ка мнѣ»; взглянувши на розги, прибавилъ: «хорошо, возьми-ка вотъ его, да получше сѣки, я тебѣ спасибо скажу, а ты, Василій, поди-ка вотъ сюда», и придвинулъ его къ скамейкѣ, которую Анна успѣла отодвинуть къ срединѣ комнаты. Надобно сказать, что о. Гавріилъ говорилъ самымъ спокойнымъ образомъ, не горячась, не возвышая голоса, какъ будто дѣло шло о самыхъ пустякахъ, но уже за то видно было, что онъ будетъ дѣйствовать неумолимо и рѣшительно. Ивановъ началъ было упрашивать отца. «Полно, полно тебѣ болтать-то, ложись-ка на скамейку, а ты, обращаясь къ Аннѣ, прибавилъ: уложи, да привяжи его». Анна уложила, плотно привязала своего врага къ скамѣ нашими кушаками и обнажила; двоихъ изъ насъ о. Гавріилъ заставилъ держать скамью, чтобы она какъ нибудь не упала. И досталось же Иванову, обѣ розги сдѣлались негодными къ употребленію; когда отвязали Иванова отъ скамьи, то онъ, подобно мнѣ, тоже легъ на заднюю лавку и болѣе часа лежалъ не вставая. На слѣдующій день о. Гавріилъ, прощаясь съ сыномъ, сказалъ, что тотчасъ же опять пріѣдетъ и угоститъ еще болѣе жаркою банею, если онъ будетъ бунтовать противъ Анны Яковлевны.

Болѣе нежели на недѣлю Василій Ивановъ прismsирѣлъ, но мелочно спѣсивая его натура мало по малу взяла свое. Онъ опять началъ задавать намъ и Аннѣ форсу. И когда мы говорили, что ему, кажется, нечѣмъ теперь превозноситься передъ нами, что его недавно высѣкли въ квартирѣ такъ, какъ изъ насъ никого не сѣкли, то онъ отвѣчалъ: «ну что же? высѣкли, правда, но по приказанію отца, а не какой нибудь Анны Яковлевны», что его мы не только не сѣкли, но и не держали, что его привязали къ скамѣ, что онъ по прежнему не слушается Анны Яковлевны» и пр., а вдобавокъ началъ насъ честить кухонными чумичками и замарашками, а Анну—бабою. Эта баба

не умѣла молчать, не только сама давала, какъ говорятъ, сдачи своимъ языкомъ, но и пересказывала все хозяйкѣ. Анна Яковлевна не очень испугалась самохвала; услышавши отъ насъ, что онъ по прежнему насъ ругаетъ, она привела его въ кухню и рѣшилась сама своею властью высѣчь. Сначала Ивановъ думалъ было оказывать какое-то сопротивленіе, но когда ему напомнили, что завтра же поплутъ къ отцу нарочнаго, то онъ счелъ за лучшее растянуться на полу; одинъ изъ насъ взялся за лозу, а четверо держали его. Въ слѣдующія трети операція эта очень часто надъ нимъ возобновлялась, гораздо чаще, нежели сколько каждому изъ насъ приходилось ей подвергаться на квартирѣ, потому что Ивановъ не совсѣмъ еще отсталъ отъ прежнихъ своихъ шалостей. Анна Яковлевна была къ нему гораздо строже, нежели къ намъ. Мало по малу нашъ горничный баринъ, какъ мы называли Василя Иванова, присмирѣлъ, началъ съ нами обращаться по товарищески и даже позволялъ намъ надъ собою подсмѣиваться. «Что это ты, Василій Гавриловичъ, съ нами поладилъ? вѣдь прежде къ тебѣ приступа не было», спрашивалъ кто нибудь изъ насъ. «Да, отвѣчалъ онъ, по неволѣ поладишь, лоза не свой братъ, ты самъ знаешь, какъ отъ нея больно бываетъ». Но настоящимъ образомъ онъ немного развѣ сдѣлался лучше прежняго, дурныя его привычки позадержались, но не истребились. По переводѣ его въ семинарію, онъ вновь принялся за лѣнь и за шалости и сколько помнится, исключенный изъ нея чрезъ два года, поступилъ въ приказные; сначала служба его шла не дурно; по слухамъ, его считали хорошимъ чиновникомъ, но потомъ мало по малу онъ предался пьянству и распутной жизни и умеръ еще въ молодыхъ лѣтахъ.

Помирившись съ Ивановымъ, я не могъ поладить съ розгами, которыми по временамъ угощала меня Анна Яковлевна. Хотя большей части моихъ товарищей, какъ я уже сказалъ выше, доставалось отъ хозяевъ и вышекласныхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ были квартиры, гдѣ нашъ братъ пользовался бѣльшею свободою и рѣже былъ наказываемъ, нежели у насъ; иные же любили похвастаться, что они живутъ на квартирѣ припѣваючи и что до нихъ тамъ никто пальцемъ не дотрогивается. Увлекаемый подобными разказами, я рѣшился какъ нибудь перебраться на другую квартиру, на волю, на просторъ. Разумѣется, началъ

жаловаться дома на разныя притѣсненія отъ Анны Яковлевны и отъ Анны, на дурную пищу, на то, что насъ часто посылаютъ по городу съ порученіями и не даютъ учить уроки, что въ самой квартирѣ намъ покоя нѣтъ отъ руготни Анны и пр. Конечно, въ этомъ случаѣ не обошлось безъ преувеличенія, даже многое, напр., относительно пищи было попридуманно. Но всѣ мои рассказы ничего бы не сдѣлали, если бы у батюшки не вышла разладка съ Бѣляевыми на второмъ году моего низшекласснаго житія-бытія. Въ то время метрическія и духовныя книги, т. е. записи о рождающихся, причастившихся и не причастившихся, доставляемы были въ каждое духовное правленіе духовенствомъ приписанныхъ къ нему уѣздовъ, а оттуда уже пересылались въ консисторію. Тогдашній архіерей Сергій захотѣлъ, чтобы все это представлялось прямо въ консисторію. Распоряженіе очень хорошее; духовенство съ книгами всегда уже прилагало, какъ тогда говорили, документы князя Хованскаго, т. е. тогдашнія ассигнаціи, въ качествѣ взятки, членамъ и повытчику правленія, но, кромѣ того, надобно было также задобрить и консисторію, которая имѣла право повѣрять пересланные къ ней документы; не задобри, тогда обойдется дороже. По новому же распоряженію архіерея приходилось давать взятки только въ консисторію. Такимъ нововведеніемъ члены и повытчики духовныхъ правленій весьма были недовольны, даже озлоблены; вѣдь оно было очень убыточно для ихъ бездонныхъ кармановъ. Но не знаю, справедливая или нѣтъ, только тогда молва гласила, что мой батюшка, пользовавшійся хорошимъ расположеніемъ владыки, внушилъ ему это нововведеніе. Разумѣется, члены Касимовскаго духовнаго правленія: нашъ смотритель, Красновъ, отецъ Федоръ и особенно повытчикъ Бѣляевъ начали косо посматривать на моего батюшку. На квартирѣ же пришлось и мнѣ много разъ слышать, какъ при мнѣ же бранили его и Иванъ Ефимовичъ, и отецъ Федоръ, и Анна Яковлевна; послѣдняя сдѣлалась, какъ мнѣ показалось, суровѣе прежняго со мною. Однажды наказывали всѣхъ насъ кухонныхъ за какую-то шалость; она велѣла прочимъ дать по шести ударовъ, а когда дошла очередь до меня, то сказала: «ну, а этому дайте десятокъ, вѣдь отецъ его...» тутъ она не докончила своей фразы, но ясно было, что мнѣ достались лишніе четыре удара изъ-за

моего батюшки. И объ этомъ я сказалъ дома, матушка вступилась за меня и положено было съ 1822 года перевести меня на новую квартиру.

XXI.

О житьи моемъ на новой квартирѣ и о переводѣ въ разанское духовное училище.

Хотя батюшка и рѣшился освободить меня изъ-подъ опеки Анны Яковлевны, но давать мнѣ полный просторъ и волю вовсе не думалъ; онъ отыскалъ такую квартиру, гдѣ бы я находился подъ надзоромъ вышекласснаго ученика. Въ то время обучались въ касимовскомъ духовномъ училищѣ три брата Гусевы, дѣти діакона села Парихина Федота; средній, Прокопій, былъ моимъ товарищемъ, младшій, Дмитрій, въ приходскомъ училищѣ, а старшій, Яковъ, въ высшемъ отдѣленіи занималъ первое мѣсто; послѣднему-то, по тогдашнему нашему выраженію, и отдали меня въ руки. Послѣ святокъ батюшка самъ привезъ меня въ Касимовъ; не знаю, что и какъ онъ говорилъ моимъ хозяевамъ о моемъ переходѣ на новую квартиру, но Анна Яковлевна, пришедши на кухню, сказала мнѣ: «ты, Митя, переходишь на новую квартиру. Ну. смотри, вспомнишь и обо мнѣ; ты думаешь, что тамъ жить тебѣ будетъ лучше, увидишь да и пожалѣешь, что ушелъ отъ насъ». Но я былъ въ восхищеніи, и тотчасъ по отъѣздѣ батюшки переѣхалъ на новую квартиру. Кромѣ Гусевыхъ тутъ жили еще Иванъ Крыловъ, мой товарищъ, сынъ парихинскаго священника Ивана Антоновича, о которомъ я говорилъ выше, двое Веселкиныхъ, дѣти Михея, причетника села Курмона; старшій сынъ, прежній мой аудиторъ, учился и теперь вмѣстѣ со мною, а второй—въ приходскомъ училищѣ; наконецъ, Тимоѣей Гусевъ, сынъ парихинскаго причетника Ивана Елисеева; его мы звали Тимоша.

Новая квартира находилась у самаго Никольскаго оврага, въ домѣ какой-то мѣщаники Дарьи. Домъ этотъ состоялъ изъ небольшого флигеля въ три окна по лицевой сторонѣ. Почти двѣ трети его занималъ какой-то купеческій прикащикъ со своей семьей, а остальное его пространство, шириною аршинъ пять,

а длиною аршинъ десять было нашею семинарскою квартирою; болѣе нежели четверть еѣ занята была большою русскою печью, между нею и стѣною находился проходъ аршина два съ чѣмъ-либо, гдѣ на гвоздяхъ висѣло наше платье; въ остальной части, кромѣ лавокъ, стоялъ столъ и скамья. Въ такой-то комнатѣ жили хозяйка съ сыномъ и дочерью, да насъ восемь семинаристовъ, всего 11 человѣкъ. Въ холодное время спали хозяйка и дочь на печи, сынъ ея и мы располагались на палатяхъ, по лавкамъ и на скамейкахъ, но по очереди человѣка по 2—3 на полу. Можете судить, что за воздухъ былъ бы въ такой комнатѣ даже при хорошей вентиляціи. Но о ней тогда мы и слухомъ не слышали. Прибавьте сюда еще, что въ печи каждый день готовилась и оставалась до ужина пища; для освѣщенія употреблялись низкаго сорта сальныя свѣчи, а у хозяйки даже лучина. И все-таки, сколько теперь припоминаю, не жаловались мы на дурноту воздуха, даже едва ли подозрѣвали еѣ. Постели свои, т. е. войлокъ и подушку, мы на день должны были выносить въ сѣни, а на ночь вносили и укладывали на полу и по лавкамъ; только спавшіе на палатяхъ избавлены были отъ этихъ излишнихъ хлопотъ. Въ теплое же время мы спали одни въ сѣняхъ, а другіе на сушилѣ, но въ обоихъ мѣстахъ часто дождь беспокоилъ насъ, потому что по бѣдности хозяйки кровля вездѣ была плоха; поэтому и лѣтомъ иногда приходилось опять перебираться или въ избу, или въ амбаръ подъ сѣнями, гдѣ стоялъ разный домашній скарбъ. Дворъ былъ не маленькій, а за нимъ лежалъ еще садъ или, лучше, огородъ, въ которомъ вовсе почти не было плодовыхъ деревьевъ и росло нѣсколько вязовъ, ветель и березъ, съ которыхъ, въ случаѣ надобности срѣзывались розги для насъ. Кромѣ того, большія деревья доставляли намъ особаго рода удовольствіе: мы влѣзали на нихъ или для того, чтобы раззорить гнѣздо вороны, грача и пр., или только для того, чтобы тамъ посидѣть на сучкѣ.

Поддержатъ чистоту и опрятность въ нашей квартирѣ мудро было даже самой заботливой женщиной. Наша хозяйка по временамъ мывала не только лавки, но и полы; только это мало помогало; 11 человѣкъ даже не въ грязное время скоро затопывали полъ, а въ грязное—черезъ день или два слѣды мытья исчезали. На насъ это имѣло дурное вліяніе. Спавши по оче-

реди, какъ я сказалъ, на полу, мы должны были класть на него свои войлоки; отъ безпорядка, господствовавшего въ томъ мѣстѣ, куда мы складывали постели, часто случалось, что сторона войлока, которая въ предыдущую ночь касалась пола, въ слѣдующую — обращена была вверхъ и, такъ сказать, вычищалась, бѣльемъ спавшаго, отъ приставшей къ ней пыли и грязи; къ этому нужно присоединить, что баню для насъ топили и мы перемѣняли бѣлье черезъ двѣ недѣли. Самая баня на нашемъ дворѣ была ветхая, темная, а зимою на полу было даже холодно. Иногда же приходилось намъ мыться въ баняхъ у сосѣдей, съ которыми наша хозяйка, изъ экономіи, топила ихъ бани вмѣстѣ: тогда даже и воды теплой не много доставалось каждому на долю. Особенно никогда не забуду одной бани, принадлежавшей домику, устроенному въ полугорѣ Никольскаго оврага; баня вся врыта была въ гору, такъ что только дверь, да небольшое около нея окно замѣтны были снаружи; въ нее, какъ мы тогда выражались, и свѣтъ Божій не проходилъ, гдѣ же тутъ было хорошо вымыться? Послѣ всего здѣсь сказаннаго, понятно, чѣмъ дѣлалось на насъ бѣлье чрезъ двѣ недѣли предъ нашею банею; по этимологіи его, конечно, нужно было производить отъ слова бѣлый, но по цвѣту его слѣдовало бы назвать чернымъ. Такъ какъ новые мои соквартиранты давнымъ давно уже жили въ такой неопрятности, то на тѣлѣ cadaго изъ нихъ было много семинарскаго бисера, такъ называли мы чесотку. Чрезъ нѣсколько недѣль и я началъ украшаться этимъ бисеромъ; эта семинарская проказа, усилившаяся послѣ во время моего житія въ рязанской семинаріи, съ промежутками продолжалась у меня до самой академіи, гдѣ меня уже кое-какъ вылѣчили при помощи сѣрныхъ ваннъ; хотя кромѣ того не было ни одного домашнего отпуска, въ теченіи котораго матушка не лечила бы меня; отъ меня заражались чесоткою наши домашніе въ Тумѣ.

На новой же своей квартирѣ я вполне также ознакомился съ семинарскою пѣхотою и кавалеріей. Названія эти, можетъ быть, для всѣхъ моихъ читателей покажутся непонятными. Известно, что есть преимущественно три рода насѣкомыхъ, которыя мучатъ нечистоплотное человѣчество, это вошь, блоха и клопъ. Семинаристы въ мое время подвергались нападеніямъ всѣхъ этихъ мелкихъ своихъ враговъ и въ шутку называли

вшей пѣхотою, блохъ — калалеріей, а клоповъ — артиллеріей. У Анны Яковлевны мы мало знакомились съ этими родами воинствъ; особенно пѣхота была ею неумолимо преслѣдуема. Но на новой квартирѣ никто не заставлялъ насъ хорошенько и чисто чесать свою голову; бѣлье не перемѣнялось нами по двѣ недѣли, и кавалеріи, особенно пѣхотѣ, было полное раздолье. Тутъ я въ первый еще разъ сталъ встрѣчать ее у себя не на головѣ только, а и въ бѣльѣ. Если бы даже я и вздумалъ каждый день чесать свои волосы, то это не избавило бы меня отъ нашествія пѣхоты, потому что у прочихъ квартирантовъ было ея множество и въ бѣльѣ, и въ платьѣ; отъ нихъ она перешла бы ко мнѣ. Не меньше было въ нашихъ постеляхъ и кавалеріи въ теплое время, но артиллерія почему-то не успѣла еще устроить свою штабъ-квартиру у насъ.

Пища наша была уже очень неизысканна. Мои соквартиранты знали, что у Анны Яковлевны кормили семинаристовъ хорошо и подавали пищу, конечно, въ деревянной, но все-таки порядочной посудѣ и потому передъ ужиномъ въ первый день моего у нихъ житья начали надо мною подшучивать, говоря: «смотри, не потони въ нашей купели сиѡамской, не раздери рта нашими ковшами». И когда начали собирать ужинать, то они закрыли мнѣ глаза и говорили: «погоди, погоди, мы тебя вдругъ обрадуемъ». Наконецъ, открыли мнѣ глаза и я увидалъ предъ собою огромную съ толстыми стѣнками деревянную чашку самой грубой работы; это и была сиѡамская купель; равнымъ образомъ и ложки, конечно, нельзя было назвать ковшами, но, дѣйствительно, онѣ по одиночкѣ не во всякій ротъ могли проходить свободно. Любезные мои товарищи, замѣтивъ мое изумленіе, помирали со смѣху. Принялись за ужинъ. Я замѣтилъ, что щи забѣлили сметаною, поэтому надѣялся найти ихъ очень вкусными, предполагая, что въ нихъ варилась говядина, но тотчасъ разочаровался въ этомъ. Изъ моихъ соквартирантовъ только одинъ Крыловъ имѣлъ отца достаточнаго священника, а прочіе были дьяконскими и дьячковскими дѣтьми и потому объ изысканной пищѣ отцы и не позволяли имъ думать. Экономія въ этомъ отношеніи была самая строгая. Всѣ почти запасы: ржаная мука, гречневая крупа, скоромное масло, окорока ветчины или свинины, даже горшки сметаны привозились изъ дома, одно почти только постное коно-

пьяное масло покупалось въ Касимовѣ. Въ скоромные будничные дни щи варились только изъ воды и капусты съ прибавкою небольшого количества крупъ; оскоромливаемы же они были сметаною уже когда ихъ хозяйка подавала на столъ. Въ праздничные дни во щахъ варилась ветчина или свинина; свѣжую говядину въ теченіи двухъ третей года мы едва ли не три только раза покупали, именно въ Троицынъ день, въ заговѣнье предъ Петровымъ постомъ, да въ день Петра и Павла. Второе блюдо наше состояло изъ каши со скоромнымъ масломъ. Въ постные дни, разумѣется, пища была еще скуднѣе; щи состояли изъ той же воды, капусты, какъ и скоромные, да еще подбивались мукою; каша подслащивалась постнымъ масломъ; кромѣ того, въ великій постъ подавалась бѣлая капуста съ квасомъ, а лѣтомъ мы для своего холоднаго покупали сначала лукъ, а потомъ свѣжіе огурцы; лукъ толкли, огурцы изрѣзывали или тоже толкли, подливали квасу, солили, вотъ и готово холодное. Самый квасъ, который по договору варила для насъ на свой счетъ хозяйка, былъ очень киселъ. Такъ какъ я изъ двора ничего не привозилъ, то свою долю муки, крупы и масла покупалъ въ Касимовѣ, а за ветчину, сметану и пр. платилъ деньгами, сколько приходилось по оцѣнкѣ, сдѣланной моими соквартирантами. Скудную роспись нашихъ блюдъ за обѣдомъ и ужиномъ мы, подобно всѣмъ касимовскимъ семинаристамъ, пополняли блюдомъ изъ раковъ, которыхъ въ Окѣ было многое множество. Ловля производилась нами весною, лѣтомъ и даже осенью при помощи самыхъ простыхъ способовъ. Мы брали изношенный лапотъ, клали на него небольшой камень и кусокъ хлѣба и опускали на веревочкѣ въ воду. Болѣе совершенный приборъ состоялъ изъ небольшого обруча, котораго вся середина закрывалась обрывкомъ отъ невода или бредня; такіе обручи назывались сѣтками. Подержавши нѣсколько времени свои приборы въ водѣ, мы вытаскивали ихъ и находили раковъ въ лаптѣ или сѣткѣ; а иной своею клешнею прицѣплялся даже снизу или съ боку ихъ и попадался въ наши руки. Но иногда ни лаптя, ни сѣтки не было, тогда отправлялись на тѣ мѣста Оки, гдѣ дно ея покрыто было камнями. Раздѣвшись, мы тутъ ногами ощупывали порядочной величины камни, опускались на дно и рукою отыскивали тамъ

раковъ, не всегда находили, но все-таки мало по малу налавливали сколько нибудь. Хотя раки принадлежать къ постнымъ кушаньямъ, но мы и въ скоромные дни не пренебрегали ими. Если удавалось достать какой-либо бредень, то ходили ловить рыбу; удочка у насъ была въ небольшомъ употребленіи. Впрочемъ, начальство наше по какимъ-то своимъ соображеніямъ запрещало намъ ловлю и раковъ, и рыбы; поэтому мы производили ее или ночью, или хотъ и днемъ, но въ такихъ мѣстахъ, гдѣ бы насъ не увидѣлъ начальническій глазъ.

Хозяйка наша не принадлежала къ положительно дурнымъ женщинамъ; въ ней было даже не мало и хорошихъ качествъ, но бѣдность нерѣдко дѣлала ее злою, несправедливою и корыстолюбивою. Она съ двумя своими малолѣтними дѣтьми только и жила своимъ домомъ; не помню сколько ей платилъ приказчикъ, занимавшій двѣ трети дома; съ cadaго изъ насъ она получала по 10 руб. ассигнаціями въ годъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ на свой счетъ заготовляла для насъ капусту, квасъ и соль; доходы, какъ видите, небольшіе. Неудивительно послѣ этого, что она любила пользоваться нашими припасами; не смотря на самый внимательный нашъ надзоръ, находила возможность украсть у насъ немного и муки, и крупы, и масла, и даже сметаны. Когда же во щахъ варилось мясное, то успѣвала изъ нихъ отливать для своей семьи хорошую порцію и дополняла ихъ водою; усмотрѣть за всѣмъ намъ не было никакой возможности. Далѣе она выходила изъ себя какъ скоро мы что-нибудь портили, ломали и, вообще, причиняли ей какой-либо убытокъ.

Наконецъ, въ новой своей квартирѣ я вполне ознакомился съ однимъ неудобствомъ, котораго у Анны Яковлевны почти не зналъ. Колодезя на дворѣ у насъ не было, а воды на нашу квартиру требовалось для 11 человекъ. Въ малолѣтнихъ своихъ дѣтяхъ хозяйка не могла еще имѣть помощниковъ въ этомъ отношеніи, вотъ почему она и пускала къ себѣ семинаристовъ съ тѣмъ условіемъ, чтобы они носили нужную для нихъ воду; впрочемъ, такое условіе почти на всѣхъ квартирахъ существовало. У Анны Яковлевны насъ слишкомъ рѣдко принуждали къ этой работѣ, но здѣсь теперь пришлось мнѣ держать очередь по части водоподношенія. И одинъ ушатъ принести было не очень легко, потому что колодезь находился дома черезъ два отъ насъ, но въ баню,

при мытьѣ бѣлья, при варкѣ квасу нужно было принести не одинъ ушатъ.

Немного прошло времени какъ я ознакомился со всѣми описанными недостатками новой квартиры, а вмѣстѣ съ тѣмъ скоро я увидалъ, что и розги, которыя особенно заставили меня оставить прежнюю квартиру, употребляются и на новой. Прежде всего я состоялъ подъ полнымъ надзоромъ старшаго Гусева, Якова Федотовича; онъ получилъ полномочіе отъ моего батюшки принимать всѣ мѣры, какія сочтеть нужными, противъ моихъ лѣности и шалостей. Кромѣ того, Яковъ Федотовичъ былъ нашимъ квартирнымъ старшимъ и, на основаніи тогдашнихъ училищныхъ юридическихъ неписанныхъ законовъ, обязанъ былъ доносить инспектору о нашихъ неисправностяхъ, а за это почти всегда грозили розги, приложеніемъ которыхъ къ виновному поручалось иногда заняться самому же старшему; такъ уже лучше было быть высѣченнымъ на квартирѣ безъ приказа инспекторскаго. Еще мое положеніе на новой квартирѣ, по крайней мѣрѣ, сначала, имѣло особое неудобство. Всѣ мои одноквартиранты были или близкіе родственники между собою, или односельчане, я одинъ былъ между ними чужой человѣкъ, только Крыловъ состоялъ въ дальнемъ родствѣ со мною и, главное дѣло, былъ я новичокъ на новой квартирѣ. Мои соквартиранты не то, что меня не любили, но имъ хотѣлось бы меня поучить по своему, поздравить съ квартирою также, какъ поздравляли съ пріѣздомъ или съ банею другъ друга ученики Михаила Яковлевича, о чемъ я говорилъ выше. Недѣли черезъ три я доставилъ имъ случай достигнуть своей цѣли. Сальные свѣчи наши хранились въ стѣнномъ шкафѣ, находившемся въ сѣняхъ; онѣ обыкновенно висѣли тамъ на мочалѣ, которая продѣвалась сквозь ихъ свѣтильни, оканчивавшіяся чѣмъ-то похожимъ на колечко. Чтобы взять одну изъ такихъ свѣчей, надобно было или разрѣзать это кольцо, или развязать узелъ мочалки. Однажды, во время вечернихъ занятій меня послали за свѣчою; ножа я не взялъ, хотя мнѣ и говорили о томъ; я отвѣчалъ, что сниму съ мочалки. Но въ сѣняхъ снять съ гвоздя всю связку свѣчъ, да потомъ развязать мочалку, взять свѣчу, послѣ опять завязать мочалку и повѣсить связку на гвоздь мнѣ показалось продолжительнымъ; я пережогъ свѣтильню горѣвшею въ моей рукѣ свѣчою и не обратилъ

вниманія на то, не загорѣлась ли отъ свѣчи или мочалка, или другая свѣтильня. Чтобы скрыть слѣды того, какимъ образомъ мною снята свѣча, я, вошедши въ комнату, тотчасъ же у двери сталъ, какъ мы говорили, обжигать свѣтильню. Меня вновь спросили: да ты тамъ не огнемъ ли пережогъ свѣтильню? и получили въ отвѣтъ: «ну вотъ еще, какъ будто я не знаю, что дѣлать». Между тѣмъ, хозяйка минутъ черезъ 10—15 вышла въ сѣни и съ ужасомъ закричала: пожаръ! пожаръ! Къ ней выбѣжали и увидѣли, что разныя вещи въ шкапѣ горѣли. Конечно, скоро все затушили, но не выходилъ никто еще минутъ 10—15, вѣроятно, произошелъ бы настоящій пожаръ. Разумѣется, виноватый былъ извѣстенъ; запирались и оправдываться мнѣ не было возможности. Хозяйка, жившая только своимъ домикомъ, выходила изъ себя и требовала, чтобы меня сейчасъ же высѣкли; любезные мои соквартиранты готовы были къ услугамъ и самъ Яковъ Федотовичъ находилъ это справедливымъ. Но я рѣшился протестовать противъ всеобщаго приговора и требовалъ, чтобы дѣло было представлено на усмотрѣніе высшей инстанціи. Тутъ я руководствовался особымъ расчетомъ. За нѣсколько дней до этого времени Красновъ посадилъ меня въ классѣ на четвертое мѣсто и сдѣлалъ аудиторомъ; я полагалъ, что онъ будетъ снисходительнѣе моихъ соквартирантовъ къ такой важной особѣ, какою я сдѣлался въ классѣ. По утру и хозяйка, и Яковъ Федотовичъ пожаловались Краснову на меня. «Да что же ты еще не высѣкъ его»? — спросилъ Красновъ Якова Федотовича и, получивъ въ отвѣтъ, что я не захотѣлъ его послушаться, прибавилъ: «ну такъ побольнѣе высѣки его». Противъ такой резолюціи мнѣ апеллировать уже нельзя было.

По возвращеніи нашемъ въ квартиру, не захотѣли откладывать мою экзекуцію и высѣкли меня, какъ поджигателя, прежде обѣда; любезные мои товарищи меня держали, а озлобленной хозяйкѣ предоставили сѣчь. Послѣ того я уже сдѣлался покорнымъ подданнымъ Якова Федотовича и подчинялся приговорамъ его безъ прекословія. Впрочемъ, онъ не злоупотреблялъ своею властью, да и мои соквартиранты, окрестивъ или поздравивъ меня домашними розгами, перестали видѣть во мнѣ новичка, да и самъ я, потерпѣвъ пораженіе, велъ себя уже поаккуратнѣе; поэтому мнѣ отъ Якова Федотовича пришлось быть высѣченнымъ не болѣе 2—3 разъ.

На новой квартирѣ мнѣ пришлось или вновь, или поближе прежняго ознакомиться съ разными семинарскими глупостями и шалостями. Укажу преимущественно на двѣ изъ нихъ. Семинаристы въ то время принадлежали къ хищному племени или, выражаясь по нынѣшнему, придерживались коммунистическихъ идей. Въ Касимовскомъ училищѣ нашъ коммунизмъ обнаружился только въ нашествіяхъ на садъ въ лѣтнее время; маленькіе и большіе мародеры дѣлали непрошенныя визиты сосѣднимъ садамъ. У Анны Яковлевны мы этимъ мародерствомъ не занимались, но на новой квартирѣ оно бывало въ употребленіи. Центромъ нашей дѣятельности по этой части было наше сушило. Тутъ у насъ находился довольно длинный шестъ, на концѣ котораго укрѣпленъ былъ гвоздь, загнутый въ видѣ крючка острымъ концомъ. Этимъ-то крючкомъ мы и доставали яблоки изъ сосѣдняго сада, но перелѣзаты въ чужіе сады чрезъ заборы осмѣливались одни Веселкины; прочіе же собирали перебрасываемые оттуда яблоки. Въ этомъ случаѣ и нашъ квартирный командиръ если и не бывалъ дѣйствующимъ лицомъ, то не отказывался пользоваться добытыми плодами. Другая глупость, не касаясь ни чьей собственности, была, между тѣмъ, болѣе гадка, нежели предыдущая; ее мы называли игрою въ сѣченье. Ученики, добывши какія-нибудь карты, любили въ нихъ играть; иные, какъ я уже говорилъ про прежнихъ своихъ соквартирантовъ, пускали при этомъ въ ходъ и деньги; но большинство довольствовалось играми въ дурачки, свои козыри, мельники и пр., только нельзя же было и тутъ обойтись безъ наказаній проигрывающагося. Обыкновенное наказаніе было битье по носкамъ. Каждый партнеръ бралъ известное число картъ въ руку и билъ ими по носу дурака, мельника и пр. столько разъ, сколько слѣдовало по уговору. Надобно сказать, что нѣкоторые молодцы умѣли очень больно бить по носкамъ, такъ что у дурака изъ глазъ текли невольно слезы, и носъ краснѣлъ и даже дѣлался иногда опухлымъ; по послѣднему признаку учителя или хозяева квартиръ догадывались о томъ, что ученики гдѣ-либо играли въ карты. Во избѣжаніе такой улики, или просто подъ вліяніемъ циническаго настроенія, игроки часто носки замѣняли сѣченьемъ. Дурака, мельника и, вообще, проигравшагося со смѣхомъ валили на полъ, на скамью, садились на голову и на ноги и,

онбаживъ педагогическую часть, били по ней ладонью или, нерѣдко, какимъ-либо прутикомъ.

Такая игра происходила иногда и безъ картъ. Сначала устанавливали какую-либо очередь между собою и первый по ней долженъ былъ лечь; его кто-либо ударялъ; поднявшись, онъ долженъ былъ угадать, кто ударилъ; угадалъ, тогда ложись ударившій, не угадалъ, тогда опять ложись неугадчикъ. Но чтобы не пришлось одному испытывать слишкомъ много ударовъ, то было постановлено не болѣе трехъ разъ къ ряду класть на полъ одного и того же; если при третьемъ разѣ онъ и не угадывалъ ударившаго, то ложился уже слѣдующій очередной. Конечно, тутъ боль была незначительная, но самая игра показывала какой-то дикій цинизмъ. У Анны Яковлевны она намъ была неизвѣстна до появленія Ивановыхъ на квартирѣ, да и потомъ рѣдко была въ ходу, потому что Анна Яковлевна, узнавая о ней, всегда сѣкла за нее настоящимъ образомъ. Но на новой квартирѣ уже не было препятствій; самъ наибольшій нашъ часто участвовалъ въ ней, а хозяйка только бывало помираетъ со смѣха, смотря на эту гадость.

Но случилось, что насъ всѣхъ или почти всѣхъ сѣкли на квартирѣ безъ игры, не шутя, противъ нашего желанія. Квартира наша, по несчастію, лежала на той дорогѣ, по которой большею частію ходилъ Красновъ изъ своего дома въ дѣвичій монастырь, гдѣ былъ священникомъ, и обратно.

Какъ мы ни старались вести себя осторожно, но нерѣдко ошибались въ своихъ расчетахъ. Иногда онъ видѣлъ кого-либо изъ насъ лавившаго по вязу, ветлѣ и пр., иногда слышалъ шумъ и гамъ нашъ. Розыски и взысканія большею частію производились по утру въ классѣ, но два раза Красновъ не вытерпѣлъ, не отлагалъ дѣла въ долгій ящикъ, а заходилъ прямо къ намъ въ квартиру: отщипавши того или другаго за волосы, онъ приказывалъ принести розгу и сѣчь одного за другимъ, начиная со старшаго. И для всѣхъ насъ подобные визиты были, какъ говорится, не по шерсти; свидѣтелями нашего униженія была хозяйка со своими дѣтьми, но амбіція наибольшаго нашего болѣе всего тутъ страдала. Вѣдь онъ имѣлъ право сѣчь и сѣкалъ каждого изъ насъ, а тутъ ему же, старшему, приходилось ложиться на полъ; мы садились ему на руки и на ноги, раздѣ-

вали, какъ обыкновеннаго ученика, а одинъ кто-либо стегалъ его лозою, не думая о пощадѣ.

Что касается до нашихъ успѣховъ и поведенія, то мы, вообще, считались хорошими учениками. Двое изъ насъ, я и Дмитрій Гусевъ, кончили курсъ и были ординарными профессорами въ духовныхъ академіяхъ, трое: оба Веселкина и Крыловъ, кончили курсъ въ семинаріи и первые двое въ первомъ разрядѣ; наибольшій нашъ Яковъ Гусевъ принадлежалъ постоянно къ отличнымъ ученикамъ, но, сдѣлавшись нездоровымъ въ философскомъ классѣ, поступилъ изъ него въ монахи. Прокопій Гусевъ былъ всегда очень хорошимъ ученикомъ, но умеръ въ реторикѣ; одинъ только Тимошей учился дурно и скоро исключенъ изъ училища. Относительно поведенія, если не брать во вниманіе общихъ ученическихъ и ребяческихъ шалостей и глупостей, слѣдуетъ назвать дурнымъ только одного старшаго Веселкина. Этотъ молодецъ еще въ низшемъ отдѣленіи обнаружилъ сильную склонность къ мотовству, лакомству, картежной игрѣ и даже къ пьянству; занималъ деньги у всѣхъ, кто вѣрилъ еще ему, даже поворовывалъ понемногу у насъ. Отецъ его, узнавши о такихъ шалостяхъ, пріѣзжалъ въ Касимовъ; сначала шли допросы, а потомъ начались и расправы. Замѣчательно, что старикъ дѣйствовалъ тутъ своеобразно. Поговорить, посидить, побранится, подеретъ за волосы, за уши, покормить оплеухами, потомъ уходитъ въ садъ, самъ наломаетъ прутьевъ и, вошедши въ комнаты, спрячетъ лѣвую руку съ ними назадъ и, подошедши быстро къ сыну, хватаетъ его за голову, ущемляетъ ее между ногъ и, обнаживъ виновнаго, самъ сѣчетъ; иногда, уставши, отдохнетъ, потомъ опять примется за него. Но всегда почти, выскѣпши старшаго сына шалуна, возьмется за младшаго, ни въ чемъ не виновнаго, но непременно посѣчетъ и его, приговаривая: «и ты не будь похожъ на Мартиніана—и тебѣ также, какъ и ему достанется больно». Обыкновенно хозяйка наша вступалась за невиннаго и почти отнимала его у разсерженнаго отца. Повторяю, мы по поведенію считались хорошими, даже очень хорошими учениками. И что же вышло потомъ? Семинарское воспитаніе принесло не очень хорошіе плоды. Я одинъ остался на всю жизнь не пьяницею. Яковъ Гусевъ, пока учился въ семинаріи, былъ примѣрнаго поведешя, но въ монашествѣ, мало по

малѹ привыкъ къ рюмочкѣ, уволенъ былъ за пьянство отъ должности настоятеля монастыря близъ Скопина и теперь (писано въ 1860 г.г.) живетъ, пьетъ и допиваетъ свой вѣкъ, страдаетъ водяною и притомъ не только во время своихъ запоевъ, но и въ трезвомъ состояніи видитъ чертиковъ и слышитъ разные голоса. Дмитрій Гусевъ хоть еще въ семинаріи началъ попивать, но, служа въ петербургской академіи, сдерживалъ себя; перешедши же въ казанскую академію, мало по малу, вдался въ пьянство, страдалъ запоями и подвергся параличу. Теперь живетъ въ отставкѣ, ослабѣлъ памятью, видитъ Господа Саваоа, Иисуса Христа и пр.; я еще поговорю объ его помѣшательствѣ. Мартиніанъ Веселкинъ и Крыловъ, бывши священниками, продолжали свою разгульную семинарскую жизнь и умерли отъ пьянства. Тимоѳей Гусевъ, поступивши на причетническое мѣсто въ Тумѣ, хотя еще живъ теперь, но давно уволенъ за штатъ; отъ пьянства у него руки тряслись уже когда ему было съ небольшимъ 40 лѣтъ. Младшій Веселкинъ любилъ выпить, бывалъ и гулякою, но, поступивши въ свѣтское званіе, велъ себя все-таки получше старшаго брата; онъ умеръ еще въ молодости. Послѣ я много разъ еще буду говорить, до какой степени и духовенство наше, и его племя страдаетъ склонностью къ пьянству.

Заговорившись о своей квартирѣ, я не касался классическихъ нашихъ дѣлъ; впрочемъ, о нихъ немного можно прибавить къ тому, что сказано въ 19-й главѣ. Гороховъ, къ концу нашего учебнаго курса, слишкомъ частенько являлся пьянымъ; разумѣется, для насъ такіе визиты не всегда оканчивались благополучно; я уже говорилъ въ 18-й главѣ, что Гороховъ пьяный бывалъ щедръ на розги. Но все-таки мы гораздо болѣе тяготились любезнѣйшимъ Михаиломъ Яковлевичемъ. Мы уже, какъ я говорилъ прежде, сдѣлались покорнѣйшими его подчиненными, не щадили себя, когда онъ заставлялъ держать другъ друга; но ему этого было мало, онъ намъ какъ будто не довѣрялъ или хотѣлъ подвергать большому униженію и потому очень нерѣдко или приглашалъ своихъ приходскихъ сѣкуторовъ и держателей въ нашъ классъ, или совершалъ надъ нами экзекуціи въ приходскомъ училищѣ. Собирая, такъ называемыя, травы (о чемъ будетъ говорено ниже), мы иногда видали, какъ приходскіе заготавливаютъ въ лѣсу розги, и узнавали, что это дѣлается по при-

казу Михаила Яковлевича для насъ на завтрашній день. Особенно намъ памятна послѣдняя экзекуція. Михаилъ Яковлевичъ не представлялъ списка о нашихъ неисправностяхъ цѣлый іюнь мѣсяцъ, но сдѣлалъ это 1-го или 2-го іюля и получилъ разрѣшеніе наказать насъ. Мы знали, что за насъ вступитья некому, но намъ досадно было быть высѣченными при окончаніи нашего учебнаго двухъ-лѣтія въ низшемъ отдѣленіи, и въ досадѣ своей говорили, что мы не послушаемся Михаила Яковлевича или станемъ сѣчь другъ друга не больно и пр. Слухъ объ этомъ дошелъ до него; по расчету или безъ всякаго расчета, только онъ насъ не сѣкъ до 10-го числа; мы даже увѣрились, что онъ испугался нашихъ угрозъ. Но 11-го числа, пришедши въ классъ, мы узнали, что къ нынѣшнему дню у приходскихъ приготовлены розги для насъ. До роспуска оставалось только дней пять и потому наши матери и отцы легко могли замѣтить слѣды экзекуціи, которая готовилась для насъ. Мы стали искать защиты у Горохова и Краснова, когда они шли на экзаменъ въ высшее отдѣленіе. Но бѣда наша состояла въ томъ, что по предметамъ Горохова отвѣты вышекласныхъ были неудовлетворительны и протопопъ и Красновъ ему дѣлали замѣчанія; Гороховъ съ ними поссорился. И потому, увидѣвши наши слезы, онъ хотя и вступился было за насъ, но Красновъ не только не поддержалъ его, но даже, какъ бы на зло ему, сказалъ, что они того и стоютъ, и доложилъ даже о нашей жалобѣ пришедшему вскорѣ протопопу. Этотъ раскричался и велѣлъ сказать Михаилу Яковлевичу, чтобы онъ съ нами раздѣлялся получше. Поощрять его, впрочемъ, и не нужно было. Въ 10 часовъ насъ всѣхъ потребовали въ приходское училище; тамъ уже нашли все и всѣхъ гоговыми къ принятію насъ. Михаилъ Яковлевичъ сказалъ намъ привѣтственную рѣчь: «вы жаловались на меня, не хотѣли меня послушаться, ну вотъ я посмотрю, какъ вы не слушаетесь», и велѣлъ насъ устанавливать въ два ряда, съ полнѣйшею подготовкою. Дѣйствительно, отпороли насъ чуть не всѣхъ самымъ лучшимъ образомъ; Михаилъ Яковлевичъ такъ больно никогда насъ всѣхъ за разъ не наказывалъ; ему, кажется, хотѣлось съ нами распрощаться такъ, чтобы мы подольше помнили его.

Но время не обращаетъ вниманія на учителей и идетъ для учениковъ своимъ чередомъ; благодаря этому, и мы добрались

до конца своего низшекласнаго курса. 13-го іюля насъ торжественно экзаменовали; многіе изъ насъ, пожалуй, даже спасибо сказали начальству за то, что во время экзаменовъ оно держало насъ на ногахъ, потому что отъ послѣдняго угощенія Михаила Яковлевича имъ сидѣть на вытяжку нѣсколько часовъ было бы неудобно. 15-го числа насъ распустили по домамъ и я отправился домой пѣшкомъ, какъ ученикъ уже высшаго отдѣленія, имѣя разные планы касательно жизни послѣ каникулъ. Дѣло состояло въ томъ, что на новой квартирѣ я не нашелъ тѣхъ выгодъ, которыхъ ожидалъ, не отдѣлался отъ тѣхъ непріятностей, которыя заставили меня убраться съ прежней квартиры, и между тѣмъ встрѣтилъ много неизвѣстныхъ мнѣ прежде неудобствъ. Конечно, на новой квартирѣ меня поменѣ сѣкли, нежели на старой, конечно, хозяйка Дарья не была моей командиршей, но за то дурная пища, неопрятность, тѣснота, семинарскіе бисеръ, кавалерія и пѣхота такъ мнѣ надоѣли, что я скоро сталъ жалѣть о прежнемъ житіѣ-бытіѣ. Анна Яковлевна, прощаясь со мною, говорила мнѣ, чтобы я ходилъ къ нимъ; я воспользовался этимъ приглашеніемъ. Въ первый разъ она приняла меня ласково и, увидавъ черное бѣлье на мнѣ, сказала: «да что ты такой запачканный? Давно ли ты былъ въ банѣ?» Потомъ посмотрѣла мнѣ въ голову и, нашедши нѣхоту, велѣла ходить къ нимъ въ баню. Я ходилъ въ тѣ недѣли, когда у насъ не было бани, и Анна Яковлевна, по своему обычаю, или сама мыла намъ голову, или смотрѣла, чтобы мы мыли ее хорошо. Хотя я тутъ не могъ надѣвать чистое бѣлье, но, по крайней мѣрѣ, прежнее выжаривалось въ банномъ жару и чрезъ то истреблялась пѣхота, появившаяся въ немъ. Видя такую заботливость о себѣ Анны Яковлевны, я рѣшился вновь перейти къ ней на квартиру и послѣ Пасхи собрался съ духомъ просить ее о томъ. Она побранила меня за то, что я много напрасно на нее наговорилъ батюшкѣ, потомъ прибавила, что не станетъ мнѣ потакать и употребить розгу, если я и въ высшемъ классѣ стану у нея пошалаивать. И когда я ей обѣщалъ полное во всемъ повиновеніе, то она согласилась и велѣла мнѣ поговорить о томъ съ батюшкою.

Но у батюшки были свои планы на счетъ моей особы. Хотя

я и занималъ четвертое мѣсто въ классѣ, но онъ, проэкзаменовавши меня въ латинскомъ языкѣ и другихъ предметахъ, видѣлъ, что мои успѣхи не очень удовлетворительны; можетъ быть, онъ приписывалъ это нашимъ учителямъ, но не считалъ и меня правымъ, зная, что я не прочь пошалить и полѣниться. Недовѣріе его ко мнѣ подтверждали и тѣ рисунки на моемъ тѣлѣ, съ которыми я почти всегда пріѣзжалъ домой во время отпусковъ. Конечно, я сваливалъ все на притѣсненія и жестокость учителей и особенно Михаила Яковлевича, но все-таки нельзя же было мнѣ доказать и совершенную свою невинность. Батюшка особенно сталъ недоувѣрчивъ ко мнѣ послѣ того, какъ узналъ, что я обманулъ его во многомъ, убѣждая свести меня съ квартиры отъ Бѣляевыхъ. Онъ имѣлъ право полагать, что мои недостатки съ поступленіемъ въ высшее отдѣленіе еще болѣе увеличатся. На основаніи всѣхъ этихъ причинъ онъ, не говоря мнѣ ни слова, рѣшился перевести меня въ рязанское училище, и отдать подъ строгій надзоръ или Артемія Ивановича Вихирева, или Трифона Васильевича Кудрявцева, которые послѣ казеніи поступили въ философію и принадлежали къ лучшимъ ученикамъ.

Не зная, впрочемъ, ничего объ этомъ, я съ радостью пришелъ домой, но встрѣченъ былъ батюшкою очень сурово по одному обстоятельству. Когда я послѣ Пасхи поѣхалъ въ Касимовъ, то онъ приказалъ мнѣ непременно на вакацію принести съ собою латинскіе грамматiku и лексиконъ; онъ хотѣлъ меня занять переводами. Но я рѣшительно забылъ объ этомъ и явился домой не принеся ни одной книжки. Увидавши меня на-легкѣ, батюшка меня спросилъ: «а гдѣ же книги, которыя я велѣлъ тебѣ принести съ собою?» Тутъ-то только я вспомнилъ его приказаніе и ничего не могъ отвѣчать. Батюшка такъ былъ раздосадованъ, что тотчасъ же хотѣлъ меня высѣчь; насилу матушка уговорила его: «ну что ты, парень шелъ 60 верстъ пѣшкомъ, усталъ, а ты его прямо хочешь сѣчь; успѣешь и послѣ». По утру была истоплена баня, въ которой батюшка и матушка увидели на мнѣ ясные слѣды послѣдняго прощанія Михаила Яковлевича съ нами. Батюшка еще болѣе осердился на меня. «Ужъ если тебя такъ зысѣкли предъ самымъ почти ропускомъ, то

вѣрно ты надѣлалъ ужасныя гадости». Я сказалъ, что такъ насъ отдѣлалъ всѣхъ Михайлъ Яковлевичъ; это подтвердилъ и Андрюша. Впрочемъ, батюшка былъ не ласковъ ко мнѣ почти всю вакацію; съѣздивъ въ Касимовъ за моимъ сундучкомъ и постелью и объявилъ мнѣ, что я буду переведенъ въ рязанское училище. Но, разставаясь съ Касимовымъ, я еще хочу сказать кое-что и о городскихъ жителяхъ, а также объ училищѣ, о тѣхъ его порядкахъ, которыхъ я еще не касался.

Д. И. Ростиславовъ

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЗАПИСКИ Д. И. РОСТИСЛАВОВА,

ПРОФЕССОРА СПБ. ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ,

† 18-го февраля 1877 г.

ГЛАВА XXII ¹⁾.

Замѣчанія о финансовыхъ способностяхъ касимовскаго училищнаго начальства и о хозяйственныхъ распоряженіяхъ его.

Почтеннаго нашего отца смотрителя и протоіерея Поликарпа Поликарповича я описывалъ только почти со стороны его ученой и дисциплинарной, отчасти и нравственной дѣятельности по училищу, но не касался еще его житейскихъ отношеній, финансовыхъ способностей и хозяйственной распорядительности; между тѣмъ въ этихъ предметахъ его высокоблагословеніе выдвигается едва ли еще не величественнѣе.

Любилъ онъ пожить весело, слишкомъ рѣдкій день и вечеръ проходилъ безъ того, чтобы онъ или самъ не былъ гдѣ-нибудь гостемъ, или не принималъ у себя гостей. Едва ли четвертую часть вечеровъ онъ проводилъ у себя въ домѣ; любимымъ мѣстомъ, гдѣ онъ съ 5—6 часовъ просиживалъ до полуночи, былъ домъ богатаго купца Ивана Осиповича Алянчикова; затѣмъ отецъ протоіерей не отказывался ни отъ какихъ семейныхъ праздниковъ, происходили ли они у священника, дьякона, чиновника, барина, купца, мѣщанина, даже татарина, если только

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1880 г., т. XVII и XVIII; изд. 1882 г., т. XXXIII и XXXIV; изд. 1884 г., т. XLII и XLIII; изд. 1887 г., т. LVI, стр. 445—470.

тамъ было съ кѣмъ побесѣдовать и быть навеселѣ, но напиваться, какъ говаривали, въ корень или до положенія честныхъ ризъ онъ не любилъ. У себя не отказывался угощать и вечерами, но съ большимъ удовольствіемъ готовъ былъ принимать утромъ часу до втораго, и дѣйствительно умѣлъ угостить всякаго; даже дьячокъ почетный и богатый при разставаньи имѣлъ поводы благодарить его за угощеніе. Одѣвался онъ великолѣпно. Въ то время лисы теплыя, холодныя шелковыя и бархатныя рясы, пышныя подрясники были рѣдкостью, но отецъ протоіерей все это имѣлъ. Была также у него громадная богатая муфта изъ дорогаго мѣха, достававшая отъ пояса почти до земли; голова зимою прикрывалась бобровою шапкою. Наконецъ, онъ воспиталъ и вырастил сына и четырехъ дочерей, пристроилъ послѣднихъ замужъ. Конечно, придаными онъ едва-ли не всѣхъ зятьевъ обманулъ, но все-таки пятеро дѣтей стоили ему большихъ расходовъ. Откуда же онъ бралъ деньги на всѣ перечисленные мною предметы?

Доходы отъ собора, гдѣ онъ настоятельствовалъ, были очень незначительны, даже бѣдны; одинъ изъ соборныхъ священниковъ, отецъ Николай, человѣкъ степенный и не многосемейный, могъ поддерживать себя, занимаясь переплетнымъ мастерствомъ. Но смотритель имѣлъ много экстренныхъ по званію протоіерея доходовъ и умѣлъ даже изобрѣтать ихъ. Я уже говорилъ, что онъ пользовался большимъ уваженіемъ и авторитетомъ въ городѣ. Поэтому нѣкоторые купцы дѣлали ему праздничные и именинные подарки. У другихъ онъ забиралъ разные запасы въ долгъ и когда кредиторъ съ достодолжнымъ уваженіемъ являлся къ нему съ просьбою о расплатѣ, то онъ, покачивая своею сѣдою головою, повертывая въ лѣвой рукѣ серебряную табакерку и уставляя одинъ изъ своихъ разкосыхъ глазъ на просителя, говаривалъ: „ишь ты, матушка моя! должокъ тебѣ заплатить. Да у меня денегъ нѣтъ. Гдѣ мнѣ ихъ взять? Но я вѣдь одинъ у васъ протопопъ въ городѣ, а ты со своимъ долгишкомъ пристаешь къ горлу, какъ будто ты съ голоду умираешь: вѣдь, слава Богу, ты состоятельный человѣкъ, не разоришься отъ меня; ступай съ Богомъ, вотъ тебѣ мое благословеніе“. Въ Касимовѣ было нѣсколько купцовъ, которые привозили съ нижегородской ярмарки свои товары. Отецъ протоіерей, пропустивши дня два, три, отправлялся со своимъ причетникомъ на барку. „Здравствуй“, N. N., говаривалъ онъ

хлопочущему хозяину. „Здравствуйте, о. протоіерей, благословите меня“. — „Да будетъ благословеніе Господне на тебѣ. Ну что, барочку пригналъ?“ — „Да, отецъ протоіерей, какъ видите“. — „Благополучно?“ — „Слава Богу.“ — „Вотъ то-то, слава Богу, а отслужилъ ли благодарственный молебенъ?“ — „Виновать, о. протоіерей, за хлопотами не успѣлъ.“ — „Видишь вы какіе, Богъ васъ бережетъ, а вы его и не благодарите. Ну, да я тебя отъ хлопотъ избавлю посылать за священникомъ. Эй, давай-ка эпитрахиль“, говорилъ онъ дьячку и, надѣвши ее, произносилъ: благословенъ Богъ нашъ, всегда, нынѣ и присно и пр., и начинался молебенъ. Если же купецъ отвѣчалъ, что ему отслужилъ уже молебенъ такой-то священникъ, то отецъ протоіерей говорилъ: „вѣдь это былъ молебенъ поповскій, а я тебѣ отслужу протопопскій“; дьячокъ подаетъ эпитрахиль, отецъ протоіерей торжественно провозглашаетъ: благословенъ Богъ и пр. Разумѣется, купцу нельзя было не поблагодарить отца протоіерея деньгами или вещами за его религіозныя назиданія; кто подогладливѣ, тотъ даже и безъ молебна посылалъ кулечекъ съ чѣмъ-нибудь. Сидѣлецъ, принеся его, говаривалъ: „N. N. вамъ свидѣтельствуется почтеніе и посылаетъ гостинчикъ, который онъ привезъ для васъ изъ Нижняго“. Благодарю его, отвѣчалъ отецъ протоіерей, и уже не находилъ нужнымъ служить молебенъ, вѣроятно поминая благотворителя въ своихъ святыхъ молитвахъ и на проскомидіи.

Между духовными лицами касимовскаго уѣзда было гораздо болѣе, нежели между мірянами, вольныхъ и невольныхъ охотниковъ выражать свою преданность и благодарность отцу протоіерею вещественными приношеніями. Да и какъ не выражать? Отецъ протоіерей былъ первымъ членомъ касимовскаго духовнаго правленія. Конечно, окончательное рѣшеніе всѣхъ почти дѣлъ, касающихся духовенства, принадлежало консисторіи; духовныя же правленія служили чѣмъ-то въ родѣ этапнаго мѣста для нихъ; впрочемъ, вѣдъ начальникъ этапа, продержавъ у себя арестанта недѣли и мѣсяцы, можетъ надѣлать ему много добраго, а еще болѣе недобраго. Далѣе отецъ протоіерей былъ цензоръ проповѣдей, которыя ученое духовенство уѣзда должно было говорить въ соборѣ, но не говорило; ему же предоставлено доносить епархіальному начальству о неисправныхъ въ этомъ отношеніи. Наконецъ, какъ смотритель училища, отецъ протоіерей распро-

странялъ свое вліяніе и на родителей, и на дѣтей ихъ. Какъ же теперь уѣздному духовенству отказывать въ приношеніяхъ той особѣ, которая съ одной стороны могла ихъ оправдывать въ дѣлахъ, поступившихъ на разсмотрѣніе правленія, не доносить о неисправностяхъ по проповѣдыванію слова Божія, перевести сына въ другой классъ, а съ другой стороны избобрѣсти тысячи крючковъ, которыми и невиннаго можно обвинить за самое святое дѣло и лучшаго священника выставить предъ архіереемъ какъ нерадиваго проповѣдника, и оставить сына въ томъ же классѣ еще на два года, исключить изъ училища или самому пороть его или поручать это Михаилу Яковлевичу чуть не каждый день? Какъ угодно, а при этихъ условіяхъ самый скупой и бѣдный священникъ, дьяконъ и причетникъ ни въ чемъ не откажетъ отцу протоіерею, даже сами принесутъ все, чего онъ ни потребуетъ. И отецъ протоіерей всѣмъ этимъ пользовался отлично.

Не проходило ни одного года, чтобы отецъ протоіерей не ѣздилъ самъ лично одинъ или со своимъ зятемъ Красновымъ или не посылалъ кого-либо съ окружнымъ посланіемъ отъ себя по всѣмъ селамъ уѣзда. Въ первомъ случаѣ онъ, пріѣхавши въ какое-либо село, лично излагалъ свои нужды или свои права и получалъ отъ причта въ собственныя руки благодарность за визитъ, самъ благодарилъ, если она была полновѣсна; въ противномъ случаѣ припрашивалъ. Окружное посланіе начиналось словами: „возлюбленная о Христѣ братія“, потомъ убѣдительнымъ языкомъ излагались тѣсныя обстоятельства отца начальника и, наконецъ, заключалось все предложеніемъ возлюбленной братіи развязать свой кошелекъ, вручить благую часть посланнику, записать, впрочемъ, свое приношеніе въ особую тетрадь, прошнурованную, скрѣпленную и печатью утвержденную; дѣло велось офиціальнымъ почти образомъ. Подобные визиты или посланія непременно происходили каждый годъ; но если бы въ семействѣ отца протоіерея случилось какое-либо экстренное событіе, напр., выдача дочери въ замужество, то возлюбленная о Христѣ братія не въ зачотъ должна была принять участіе своимъ карманомъ въ этой семейной радости отца протоіерея.

Любилъ также почтенный Поликарпъ Поликарповичъ, чтобы пріѣзжавшія въ городъ духовныя лица отплачивали ему визиты. Въ этомъ случаѣ онъ почти что всякаго, смотря по рангу и

званію, угостить кого ласковымъ словцомъ, кого рюмкою водки, кого чаемъ, пуншемъ, даже закускою, но въ убыткѣ не бывалъ отъ такого гостепріимства. Всякій зналъ, что съ пустыми руками къ нему являться не слѣдовало; полъ-штофы и штофы визлярской водки, бутылки рому, рижскаго бальзама и другихъ винъ, фунты и полуфунты чаю, фунты и головы сахару и пр., все приносилось и принималось и получало соотвѣтственное назначеніе безъ убытка хозяину. Стучалось и очень часто, что иное духовное лицо, пріѣхавъ для покупки чего-нибудь на базаръ, не хотѣло или не имѣло времени сдѣлать визитъ отцу протоіерею. Конечно, за всѣми усмотрѣть нельзя, но отецъ протоіерей любилъ проходить по базару и лавкамъ какъ бы мимоходомъ, и замѣтивъ священника и даже дьякона, а иногда и причетника, разумѣется такихъ, у которыхъ предполагались кошельки съ деньгами, непременно останавливался, здоровался и говорилъ: „ты здѣсь, а у меня не былъ; въ Римѣ, а папу не хочешь видѣть; пойдешь-ка, пойдешь ко мнѣ, да кстати и о твоёмъ мальчуганѣ надобно поговорить; вѣдь ты и о немъ забылъ спросить, то-то вы, отцы, какъ заботитесь о дѣтяхъ“. Разумѣется, шли въ квартиру отца протоіерея, который угощалъ лично гостя чаемъ, бѣлымъ виномъ, пуншемъ и пр., только оказывалось, что тѣхъ или другихъ запасовъ едва, едва доставало на данный случай. „Эка, чай-то весь вышелъ“, или: „водочки-то только, но авось тебѣ достанетъ“, говаривалъ отецъ протоіерей. Но не задерживая долго, просилъ онъ гостя по исполненіи закупокъ придти опять къ нему и уже хорошенько посидѣть, поговорить и пр., „а чайку-то или водочки какъ-нибудь добуду“. Но гость былъ догадливъ, онъ или самъ приносилъ посильное приношеніе, или отъ недосуга посылалъ своего сынишку съ гостинцемъ къ отцу протоіерею, который въ такомъ случаѣ не изъявлялъ претензіи на то, что самъ отецъ не пришелъ. И это совершалось, какъ говорится, зазнамо всѣмъ. Поэтому небогатые или разсчетливые духовные лица всячески старались избѣгать встрѣчи съ отцомъ протоіереемъ, даже прятались, завидя его; въ этомъ случаѣ имъ помогало то обстоятельство, что онъ былъ близорукъ, подслѣповатъ.

Но главнымъ источникомъ доходовъ отца протоіерея было училище. Когда по случаю бывшаго въ Касимовѣ пожара, въ то уже время, какъ я былъ въ семинаріи, не хотѣли было возоб-

новлять училищный домъ, то отецъ смотритель и его зять пришли въ ужасъ отъ такого намѣренія, не жалѣли денегъ, чтобы оно не исполнилось, и достигли своей цѣли. Далѣе. Всякій отецъ, отдавая своего сына въ училище, долженъ былъ непременно внести пять рублей ассигнаціями; это считалось не взяткою, а чѣмъ-то похожимъ на взносъ, который отдатчикъ рекрутовъ дѣлаетъ въ казначейство на обмундировку ихъ. Пять рублей рѣдко самъ отецъ протоіерей и бралъ; ихъ требовалъ исправлявшій должность писца, соборный дьячокъ Андрей. И если кто спрашивалъ: „за что же это?“ то или Андрей, или самъ протоіерей объясняли, что на бумагу. „На какую же бумагу?“ — „Да вотъ на какую. Вѣдь сколько ее испишется въ то время, какъ сыпъ твой станетъ учиться. Вотъ мы теперь донесемъ о приѣмѣ его въ училище; каждую треть его нужно вносить въ списки; списки эти переписываются во многихъ экземплярахъ, посылаются въ семинарское правленіе и пр., развѣ мало испишется бумаги? Вѣдь казнѣ не свою же тратить бумагу на всякаго мальчишку“. Но это была казенная, необходимая подать; потомъ рѣдкій не считалъ обязанностью задобрить отца смотрителя особымъ приношеніемъ; вѣдь отецъ зналъ, что всѣ недоданные рубли, которыхъ смотритель ожидалъ, больно отзовутся или отомстятся на сынѣ. Люди богатые почти послѣ каждого отпуска что-нибудь приносили или присылали отцу смотрителю, но послѣ каникулъ въ сентябрѣ даже опасно было не выразить своей благодарности за отческое попеченіе отца смотрителя о насъ, дѣтяхъ. Переводы изъ одного класса въ другой доставляли тоже хорошій ему доходъ. Я уже говорилъ, что у насъ почти вовсе не было экзаменовъ или они происходили самымъ незатѣйливымъ образомъ, только для формы, а между тѣмъ переводили, большею частію, почти всѣхъ; тутъ отцы по крайней мѣрѣ трети или четверти учениковъ должны были попросить отца смотрителя не оставлять ихъ дѣтей и просьбу свою подтвердить вещественнымъ приношеніемъ. Но и отцы хорошо учившихся дѣтей, которыхъ нельзя уже было безъ явной несправедливости оставлять еще на курсъ, послѣ каникулъ благодарили за совершившійся фактъ, нельзя было не дѣлать этого.

Отецъ Поликарпъ умѣлъ извлекать себѣ выгоды изъ учебныхъ нашихъ книгъ. Онъ самъ ихъ выписывалъ изъ правленія семинаріи и въ награду за хлопоты бралъ съ насъ двойную, а

иногда и тройную цѣну; за какуюнибудь первую часть ариметики Куминскаго платили мы ему 2—2½ руб. асс., за церковный уставъ, менѣе въ полтора печатныхъ листа, 60—70 коп. и пр. Покупать учебники надобно было непременно всѣмъ, собственныя выгоды отца смотрителя требовали этого, развѣ только совершенно бѣднѣйшіе ученики увольнялись отъ покупки. Случалось не разъ, что напередъ собирали съ насъ деньги на выпускъ книгъ и потомъ чрезъ полгода или болѣе объявляли, что деньги тамъ вверху пропали, и заставляли насъ вносить новыя деньги. Но и деньги, о пропажѣ которыхъ вверху не было намъ заявлено, не доходили до семинарскаго правленія. Пока ректоромъ семинаріи былъ Іеронимъ, короткій пріятель Поликарпа, послѣдній почти никогда не отсылалъ денегъ за книги, проданныя по двойной и тройной цѣнѣ. Но послѣ смѣны Іеронима семинарское правленіе настоятельно потребовало всѣ суммы, накопившіяся въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ на Касимовскомъ училищѣ. Тогда видя бѣду неминуемую, но не желая брать изъ своего кармана истраченныя ими казенныя деньги, Поликарпъ съ зятемъ Красновымъ отправились лично по всѣмъ селамъ уѣзда. Я расскажу рѣчь, которую они говорили моему батюшкѣ.

„Знаешь ли, Иванъ Мартыновичъ, какую штуку съ нами сыграло семинарское правленіе?“ — Что такое, отецъ протоіерей? спросилъ мой батюшка. — „Да вотъ что: мы вотъ уже нѣсколько лѣтъ раздавали бѣднымъ ученикамъ учебныя книги, вѣдь по чемъ же имъ, бѣдненькимъ, учиться? Да и уставъ говорить, что бѣднымъ слѣдуетъ даромъ давать учебники. При Іеронимѣ все шло хорошо, а вотъ теперь наѣхали новыя умники въ семинарію, да и требуютъ отъ насъ денегъ за книги, и слышать не хотятъ, подавай деньги. Ну что, братъ, дѣлать, мы съ Акимомъ поѣхали по васъ попросить помочь намъ. Вѣдь дѣло-то мы дѣлали доброе, а теперь намъ приходится за него расплачиваться“. Батюшка мой подивился всему рассказанному и когда онъ вышелъ въ спальню, откуда мнѣ слышенъ былъ весь разговоръ, то я ему вздумалъ доложить: „да вѣдь они книгъ даромъ никому не давали, да и деньги съ насъ брали вдвое и втрое, какъ я узналъ въ Рязани“. „Ну слышишь ты тутъ фигу, сказалъ мнѣ батюшка, какъ будто я и безъ тебя не знаю, что это за штука,—не твое дѣло“. По слухамъ,

очень достовѣрнымъ, почтенное училищное начальство собранными приношеніями не только заплатило весь числившійся на немъ казенный долгъ, но и имѣло небольшой остатокъ за труды и хлопоты.

И при моемъ поступленіи всѣхъ насъ въ училищѣ было до 100 человекъ, а потомъ когда я уже обучался въ низшемъ классѣ, число учениковъ возрасло до 120, какъ помнится. Въ духовныхъ училищахъ очень многіе пользуются полнымъ казеннымъ или полуказеннымъ содержаніемъ, даже около четвертой части учениковъ. Но въ 3½ года моего касимовскаго житія я помню только пятерыхъ казенныхъ учениковъ: Селищина, Надеждина, женившагося послѣ на моей сестрѣ Елизаветѣ, Горина, Добромыслова и Соловьева. Но изъ нихъ болѣе трехъ человекъ въ одно время не пользовалось казеннымъ пособіемъ. Что же это за немилость къ Касимовскому училищу? Прежде всего надобно сказать, что отецъ смотритель лично своею особою занималъ главный домъ училища, въ пяти большихъ комнатахъ котораго могло бы помѣститься до 30 и болѣе человекъ учениковъ, и дѣйствительно послѣ помѣщалось болѣе 20, да кромѣ того тутъ же имѣлъ квартиру учитель Рахманинъ. Для казеннокоштныхъ учениковъ оставалась только одна кухня, гдѣ жили училищные сторожа и женская прислуга протопопа. Поэтому послѣдній раздѣлил въ оффиціальныхъ бумагахъ учениковъ, пользовавшихся казеннымъ пособіемъ, на два разряда; однимъ предполагалось выдавать денежные пособія въ родѣ стипендій, а другимъ давать квартиру и содержаніе въ училищѣ. О первыхъ почти никто и не зналъ; о нихъ ходатайствовало предъ семинарскимъ правленіемъ само училищное начальство, оно же получало стипендіи и удерживало у себя въ карманѣ. Предъ переходомъ учениковъ въ семинарію самъ отецъ Поликарпъ приглашалъ къ себѣ стипендіатовъ: „ну что, матушки, какъ вы поѣдете въ Рязань? Вѣдь поди-ка деньжонокъ у васъ маловато“. Какія же у насъ деньги?—отвѣчали стипендіаты. „Знаю, знаю, матушка, вы люди бѣдные, вотъ я и хочу вамъ помочь. На-ка вотъ тебѣ, вотъ тебѣ“ и пр. и раздавалъ по цѣлкому или по синенькой, т. е. по пяти рублей ассигн. Ученики принимались благодарить и кланяться. „Ну полно вамъ, вѣдь надобно же помочь вамъ. А вотъ естати распишитесь-ка здѣсь для памяти“, и указывая на мѣсто въ шнуровой

книгѣ, говаривалъ: „пиши-ка, оныя деньги получилъ“ и пр. Тогда еще можно было росписываться словами: оныя деньги, безъ означенія количества ихъ. Иной росписывался и уходилъ благополучно, получая напутственное благословеніе отца протоіерея. Но другой, успѣвши напередъ разсмотрѣть, что въ строкахъ, подъ которыми ему надобно росписываться, означена выдача не въ цѣлковый или въ пять рублей, а въ 20, 25 и болѣе, осмѣливался сказать: „отецъ протопопъ, здѣсь написано, что мнѣ дается не 5, а 20 рублей, такъ какъ же это?“— „Ну-ка? что тутъ такое? говаривалъ отецъ смотритель, разглядывая книгу. Такъ что же? Роспишешься или нѣтъ?“ И если ученикъ выражалъ желаніе получить остальное, то отецъ протопопъ говаривалъ: „ну хорошо, дай-ка мнѣ, что я тебѣ далъ“, и получивши выталкивалъ назойливаго молодца въ дверь, давая такой толчекъ, что молодецъ стучался лбомъ или въ полъ, или въ стѣну сѣней. Разумѣется, догадливые брали то, что даютъ, вѣдь все-таки годится и цѣлковый. А росписки въ книгахъ сочинялись другими, особенно Андреемъ, дьячкомъ соборнымъ. Жаловаться на это не было возможности; не всѣ понимали продѣлку отца протопопы, потому что, какъ я уже сказалъ, и не знали о назначеніи имъ стипендій. А если бы, поступивъ въ семинарію, и узнавали секреты отца протопопы, то ректоръ Іеронимъ не повѣрилъ бы жалобѣ и жалующагося считалъ бы кляузникомъ, и пожалуй отколотилъ бы свою руку; онъ любилъ поддерживать преданія старины.

Собственно казенные ученики, долженствовавшіе пользоваться полнымъ казеннымъ содержаніемъ, получали только квартиру въ кухнѣ и пищу. Кухня была холодная и грязнѣе даже приходскаго класса. Въ теплое время ученики могли спать гдѣ-либо на потолокѣ, на сушилкѣ, но зимою въ тулупѣ и въ обуви на лавкѣ очень холодно; забирались на печь и тамъ часто вмѣстѣ съ кухаркою и сторожами, тоже подъ тулупами, могли заснуть въ теплѣ. Пища была у всѣхъ жильцовъ кухни общая, поэтому еще не очень дурная, впрочемъ и хорошею назвать ее было трудно. Но и на это скудное содержаніе бѣдняки не всегда могли рассчитывать. Вспылить бывало отецъ протопопъ и убирайся долой на квартиру, а иногда на основаніи какихъ-то таинственныхъ, вѣроятно высшихъ соображеній, скажетъ:

— „Ну, дѣтушки, ступайте на квартиру; на васъ денегъ не выслали“.

Объ обуви и какомъ-либо влохъ одежды нечего и говорить.

На ремонтровку дома отецъ протоіерей не любилъ тратить денегъ. При моемъ поступленіи въ училищѣ одной половинки воротъ не было и они всегда были открыты для всякаго входящаго и въѣзжающаго; въ такомъ же видѣ я ихъ оставилъ чрезъ 3½ года моей школьной жизни въ Касимовѣ. Слышалъ я отъ своихъ товарищей, что еще чрезъ два года ворота приведены были въ приличный видъ по случаю приѣзда ректора семинаріи на ревизію. Мелкія поправки по каждому классу мы производили на свой счетъ. Для этого въ началѣ каждой трети мы въ общую кассу (или по тогдашнему нашему выраженію — не въ казну, а въ вѣзну) вносили по 10—15 копѣекъ; если недоставало первоначальнаго сбора, то его пополняли послѣ новымъ въ 2—5 копѣекъ. Деньги хранились у старшаго и имъ расходывались безъ контроля. На нихъ покупались: мѣлъ, линейка, которою намъ давали пали (т. е. били по рукамъ), починивали или вновь дѣлали столікъ для учителя. Относительно разбитыхъ стеколъ существовало правило: если извѣстно было кто разбилъ стекло, то онъ и вставлялъ его, но если онъ этого не могъ сдѣлать по бѣдности или оставалось неизвѣстнымъ, кто разбилъ стекло, то вставка происходила на нашъ счетъ; даже раму новую мы дѣлали на свой счетъ, если прежняя оказывалась негодною къ употребленію; отвѣчай за все общество круговую порукою. Обществомъ же мы должны были завалить осенью и отвалить весною завальни кругомъ класса.

Училищныхъ сторожей, напр., Троянова, мы всѣ знали, можетъ быть они и въ официальныхъ бумагахъ извѣстны были подъ этимъ названіемъ; потомъ непременно жалованье имъ вносилось въ расходныя книги, но они вовсе его не получали, а довольствовались только квартирою и пищею въ надеждѣ будущихъ благъ. А эти блага являлись года черезъ три службы въ видѣ мѣста сторожа при соборѣ или какой-либо дьячковской должности; я и забылъ сказать, что всѣ сторожа были или исключенные ученики или не поступившіе въ училище церковники. Изъ трехъ сторожей, которыхъ я помню, Дмитрій и Ефимъ сдѣлались сначала сторожами въ соборѣ, а потомъ пономарями, но чѣмъ кончилась карьера Троянова, не знаю; ему бы всего лучше шла должность палача. Далѣе сторожа совершенно

напрасно носили названіе училищныхъ; они составляли собственно и единственно прислугу протопопа, отправляя должность кучера, чернорабочаго и т. п. Служба собственно для училища ограничивалась только тѣмъ, что въ экстренныхъ случаяхъ они насъ сѣкали розгами или плетью. Всѣ же обязанности, которыя бы они, какъ сторожа, должны были исполнять, лежали на насъ.

Я уже говорилъ о дневальныхъ, но кругъ ихъ дѣятельности не ограничивался однимъ приготовленіемъ и употребленіемъ розогъ и извѣщеніемъ учителя о пробитіи звонка. Дневальные обязаны были мести классы своими кушаками, полами платья или принесенными съ квартиры вѣниками, отапливать классы и рубить даже дрова для этого и проч. Безсовѣстность начальства доходила въ этомъ случаѣ до крайней степени. Намъ даже не давали лѣстницы, по которой можно было бы влѣзть на чердакъ, чтобы открыть и закрыть трубу. Для этого въ приходскомъ училищѣ мы отворяли дверь, взбирались на нее и становились на верхней ея части, оттуда цѣплялись за верхнее бревно стѣны на потолокъ и влѣзали туда. И тутъ, конечно, можно было, оступившись, особенно при спускѣ внизъ, слетѣть на полъ и порядочно убится. Но въ низшемъ и высшемъ отдѣленіяхъ открываніе трубы было еще опаснѣе. Тамъ тоже слѣдовало влѣзть на дверь сѣней, оттуда на крышу и пробираться по ней до слуховаго окна; на крышѣ не только лежалъ иногда снѣгъ, но она дѣлалась скользкою еще и отъ дождя, слякоти, льда и проч. Надобно еще удивляться, что дѣло обходилось безъ бѣды.

Дневальные, отслуживъ день въ классѣ обществу, въ слѣдующее утро отправлялись часу въ 7—8 къ учителю и являлись прямо на кухню.

— „Дневальные, что-ль, вы?“ спросить кухарка или сама учительша. — „Давно-бы пора придти; поставьте-ка самоваръ, сходите за водою, нарубите или наколите и принесите дровъ, отгребите отъ воротъ снѣгъ, выметите дворъ, вычистите изъ коровника навозъ“ и проч.

Обыкновенно почти до обѣда приходилось оставаться на посылахъ, въ лакеяхъ, притомъ не у учителя, котораго иногда и не видывали, а у жены его или кухарки. Иногда, но очень рѣдко, отпуская домой обѣдать, приказывали придти вечеромъ, чтобы поставить самоваръ, или сослужить еще какую-либо

службу. Въ первый день послѣ класснаго дневальства дневальные низшаго отдѣленія являлись къ Горохову, а въ другой—къ Краснову. Наконецъ, къ протопопу приходили на дежурство дневальные всѣхъ классовъ, слѣдовательно не менѣе шести человѣкъ. Обыкновенно всѣ стояли въ залѣ его или въ сѣняхъ, а въ холодное время часть отправлялась въ кухню; одинъ же, по крайней мѣрѣ, долженъ былъ находиться въ залѣ, чтобы по первому крику: „Мальчикъ, поди-ка сюда!“ явиться къ его высокоблагословенію за полученіемъ приказаній. Здѣсь и шести дневальнымъ было много дѣла. Не смотря на двухъ сторожей, иногда случалось даже дрова рубить, а комнаты топили почти всегда мы. Главное же дѣло состояло въ бѣганьи по городу; то протопопъ, то его дочь пошлютъ туда съ запискою, сюда на словахъ и проч. Ночью же непремѣнно всѣ дневальные оставались ночевать у протопопа и если не всѣ, то двое спали въ залѣ, на полу, въ одеждѣ, безъ подушекъ, если сами не догадывались принести ихъ съ квартиры; вотъ тутъ-то мы, дожидаясь возвращенія нашего высокопочтеннаго начальника, узнавали, что онъ изъ гостей приходитъ поздненько и на-веселѣ. Другіе же дневальные спали на кухнѣ на печи, если оставалось мѣстечко. Мнѣ особенно много доставалось хлопотъ въ масленицу, во время которой почти всѣ ученики разъѣзжались, но меня никогда не бирали домой. Останется, бывало, насъ чelовѣкъ пятокъ и мы изволь чуть не каждый день дежурить у отца протопопа, но за то за наши услуги получали блина по два, а иногда угощаемы были до-сыта.

Но у всякаго учителя въ теченіи года встрѣчались по дому такія работы, которыхъ двумъ дневальнымъ нельзя-бы кончить въ недѣлю и болѣе, тогда мы отправлялись отрядами или даже цѣлымъ классомъ. Къ такимъ работамъ принадлежали—очистка снѣга съ лицевой стороны дома и со всего двора, прокапыванье бороздъ для грядокъ въ началѣ весны подъ огородныя овощи, рытье картофеля и рубленье капусты, укладка дровъ въ полѣнницы, когда они покупались уже изрубленными, рубка ихъ, когда учителю кто-нибудь доставлялъ большія плахи, уборка щепъ, чурбановъ и бревенъ, если у учителя въ дому была какая-либо постройка. Но въ этомъ отношеніи самымъ безсовѣстнымъ образомъ поступалъ Красновъ. Онъ обыкновенно годовую пропорцію

дровъ покупалъ плотами на Окѣ. Эти-то плоты мы должны были, стоя по поясъ, а иногда по шею въ водѣ, разбирать и плахи выносить на берегъ; не говорю уже о томъ, что нужно было или всему измочиться, или нагому оставаться часа три; бывало весь изгряднишься, потому что на дровахъ оставались большіе осадки грязи. Этимъ, впрочемъ, не оканчивалось дѣло. Когда дрова на берегу немного высыхали, то насъ отправляли цѣлымъ классомъ переносить ихъ на дворъ Краснова. Въ этомъ случаѣ каждый изъ насъ, взявши одну или двѣ плахи, смотря по ихъ величинѣ и своей силѣ, долженъ былъ саженой до 100 нести ихъ отъ берега Оки до двора отца инспектора, потомъ возвращаться на Оку, брать опять плахи и такимъ образомъ вояжировать взадъ и впередъ 3 или 4 часа. Впрочемъ, и батюшка тестъ былъ не со-вѣстливѣе своего зятя. Онъ лѣтомъ очень часто любилъ принимать холодныя ванны. Хотя у него были двѣ лошади и для кухни вода привозилась съ Оки, но на ванну онъ считалъ нужнымъ доставать воду изъ родника, находившагося въ Никольскомъ оврагѣ. Вотъ ее-то мы ведрами и ушатами должны были таскать саженой за 200.

Кромѣ описанныхъ, былъ родъ работъ или занятій, на которыя насъ отправляли всѣхъ безъ исключенія отъ самаго рослаго вышшекласнаго дѣтны 2½ арш. и болѣе роста до самаго маленькаго 8—9-лѣтняго мальчугана приходскаго училища. Занятія эти у насъ извѣстны были подъ названіемъ: „Ходить за травами или за цвѣтами“. Для объясненія происхожденія и цѣли ихъ надобно сказать, что почтенные отцы — смотритель и инспекторъ, равно какъ и ихъ семейные, вслѣдствіе прегрѣшенія нашихъ праотцевъ въ раю, подвержены были разнымъ немощамъ, для уврачеванія которыхъ находили нужнымъ прибѣгать къ помощи доктора и употреблять прописываемыя имъ лекарства. Но за это надобно было платить деньгами, а наше почтенное начальство любило жить на чужбинку и умѣло поставить лекаря въ такое положеніе, что онъ не только безденежно ѣздилъ къ нимъ и давалъ лекарства, но даже считалъ себя, пожалуй, въ долгу у нихъ. Въ то время было два медика въ Касимовѣ: одинъ казенный, нѣмецъ, который жилъ почти только одними взятками по уѣзду, а въ городѣ имѣлъ весьма мало практики. Общимъ же любимцемъ и благодѣтелемъ всѣхъ больныхъ былъ купецъ

митрій Сергѣевичъ Барковъ. По слухамъ онъ или состоялъ лакеемъ у одного доктора, или своимъ помѣщикомъ отданъ былъ въ Москву для изученія медицины; тѣмъ или другимъ способомъ онъ дѣйствительно пріобрѣлъ большую опытность; освободившись отъ помѣщика и записавшись въ число касимовскихъ купцовъ, онъ имѣлъ обширную практику и свою аптеку, разумѣется безъ медицинскаго диплома. Послѣ, по настоянію новаго казеннаго доктора, Барковъ долженъ былъ прекратить свои врачебныя занятія и сдѣлаться настоящимъ купцомъ, но въ описываемое мною время онъ былъ еще докторъ и безденежно лѣчилъ и снабжалъ лекарствами нашихъ училищныхъ начальниковъ. Чтобы вознаградить его за это, они посылали насъ за разными растительными веществами, которыя входили въ составъ медикаментовъ и могли быть найдены въ окрестностяхъ Касимова. Вотъ подъ какими наименованіями намъ были извѣстны эти вещества: „трефоліумъ“, „миллефоліумъ“, бѣлая и сѣрая „буквица“, „медуника“, „вероника“, „липовый цвѣтъ“, „петровъ крестъ“, березовыя и сосновыя „почки“, „крапивное сѣмя“, „лопушный корень“, „розовый цвѣтъ“ или „сербаринникъ“, „дубовые желуди“ и проч. Коллекціи всѣхъ этихъ растительныхъ произведеній относились къ Баркову, только „розовый цвѣтъ“ отчасти оставался въ семействахъ протопопа и Краснова, отчасти посылаемъ былъ въ подарокъ знаменитымъ городскимъ дамамъ, напр., женамъ: городничаго, предводителя дворянства, уѣзднаго судьи, и проч.; по господствовавшему тогда мнѣнію, настой на „розовомъ цвѣтѣ“ дѣлалъ очень нѣжными лицо и ручки дамскія. Дмитрій Сергѣевичъ не былъ въ убыткѣ, дамы очень довольны, протопопъ и инспекторъ ничего, по крайней мѣрѣ, не теряли и даромъ лѣчились, все шло въ порядкѣ. Ну, а мы?

Посылали насъ за травами, за цвѣтами въ разное время года. Сосновыя и березовыя почки срывали мы еще въ апрѣлѣ, „крапивное сѣмя“ и кажется „лопушный корень“ собирали въ сентябрѣ, а все прочее между Пасхою и каникулами. Обыкновенно экскурсіи эти дѣлались въ послѣбобѣденное время, во всѣ такъ называемыя рекреаціи, о которыхъ сказано будетъ ниже, въ большую часть воскресныхъ и праздничныхъ дней, въ субботу, потому что въ этотъ день послѣбобѣденныхъ классовъ не было, и если не въ половину, то, по крайней мѣрѣ, въ двѣ пятыхъ частей

учебныхъ дней. Выступали мы часу во второмъ колонноу, но въ разсыпномъ строю, маленькіе впереди, а большіе сзади; по прибытіи на мѣсто, намъ объявлялось, что и по сколько каждому нужно было собирать того или другаго снадобья; мѣроу были большею частью наши фуражки. Разсыпавшись по лѣсу, полю, болоту и проч., смотря по тому, гдѣ происходила экскурсія, мы часа 2 или 3 заняты были заданною намъ работою, потомъ, когда раздадутся голоса: „собираться!“ являлись на сборное мѣсто. Тутъ, такъ сказать, находился главный штабъ нашего отряда. Вышекласные хотя всегда и всѣ ходили за травами, но отъ сбора ихъ почти тоже всегда увольнялись, кромѣ тѣхъ, которые были смиренны по характеру и по успѣхамъ. Главнокомандующимъ былъ вышекласный старшій и на основаніи военныхъ обычаевъ имѣлъ право, конечно, не жизни и смерти, а право сѣчь тѣхъ изъ насъ, которые не исполнили заданной работы. Явившись на сборное мѣсто, мы, рядовые, составляли кругъ или полукругъ, въ центрѣ которыхъ стоялъ старшій съ своимъ штабомъ; нѣкоторые изъ штабныхъ въ качествѣ лекторовъ имѣли въ рукахъ напередъ заготовленные розги. Вышекласные сваливали свою добычу въ кучу безъ особыхъ церемоній; съ нихъ по товариществу ничего не взыскивали. Но низшекласныхъ и приходскихъ вызывали по списку. Вызванный подходилъ къ главнокомандующему, представлялъ ему плоды своей экскурсіи и если они находимы были достаточными, уходилъ съ миромъ. Въ противномъ случаѣ кого потаскаютъ за волосы, подерутъ за ухо, а иного отдадутъ штабнымъ и лекторамъ, которые вообще старались убѣждать старшаго быть строже. Осужденнаго не всегда клали на траву-мураву, а сѣкли на воздухъ или на вѣсу; я послѣ опишу подробно этотъ способъ, а теперь скажу только, что у насъ виновнаго брали за ноги и за руки, обнажали и, держа около аршина отъ земли, стегали прутьями. На это мы не были въ претензіи, работа давалась не трудная, не исполняли ее только лѣнливые или заигравшіеся гдѣ-нибудь; сѣкли не очень больно, какихъ-нибудь 5—10 розогъ, рѣдко болѣе, тогда какъ въ классѣ могло достаться больнѣе.

Но было много другихъ непріятностей. Приходилось ходить за 3—4 версты отъ города, поэтому, побродивши еще часа 2—3 по лѣсу и потомъ вновь прошедши 3—4 версты, возвращались,

какъ мы говаривали, вовсе безъ ногъ, усталыми до-нельзя; а между тѣмъ надобно было къ слѣдующему дню учить урокъ. Потомъ часто нужно было бродить по топкимъ и болотистымъ мѣстамъ, напр., для сбора „трефоліума“, снимать съ себя не только портки, но и рубаху, и потомъ выйдешь изъ болота съ ногами, загрязненными до колѣнъ и гораздо даже выше; хорошо если была вблизи чистая вода, а то нерѣдко приходилось обмывать себя болотною же, грязною водою. Рвавши „розовые цвѣты“, искалывали себѣ пальцы и ладони и рвали платье объ острия иглы кустовъ, а отъ собиранья „крапивнаго сѣмени“ на рукахъ бывало по нѣсколько волдырей; вырывая „петровъ крестъ“ изъ земли руками, грязнили ихъ чрезвычайно. Нечего говорить о томъ, что во время нашего движенія по городскимъ улицамъ мѣщанскіе и другихъ породъ мальчишки встрѣчали и провожали насъ словами: „кутейники, кутья прокислая“; но иногда завязывались даже и драки, особенно при проходѣ мимо татарскаго училища. Потомъ владѣльцамъ луговъ не могло нравиться, что мы, идя прямою дорогою къ болоту, гдѣ росъ „трефоліумъ“, приминали траву; три—четыре мужика только побранятся, а иногда являлась порядочная толпа, которая прогоняла насъ, а съ попавшимися въ руки расправлялась по-свойски. Наконецъ, однажды, переѣзжая Оку, мы всѣ чуть было не утонули. Перевозчики нагрузили нами одну лодку, отъ краевъ которой вода отстояла четверти на полторы. Отъ волненія, бывшаго въ то время, лодка начала качаться на ту и другую сторону, а вода заливалась въ нее; мы уже фуражками черпали ее и, право, даже какъ-то непонятно, какимъ образомъ спаслись,—такъ опасность утонуть была велика!

По отобраніи всего, что мы успѣли нарвать или нарять, отправлялись домой, но если были за Окою, то непременно купались на одномъ озерѣ. Намъ строго запрещалось шалить въ водѣ, потому что когда купаются 100 шалуновъ, изъ которыхъ многіе не умѣли плавать, и не замѣтишь, какъ иной отъ шалости другаго утопить; для этого старшему разрѣшено было тутъ же, не позволяя даже одѣваться, сѣчь тѣхъ, которые въ водѣ любили, какъ мы выражались, топить другихъ, т. е. сунуть ихъ въ воду, утаскивать далеко отъ берега и проч., но это не удерживало всѣхъ отъ шалостей. Въ одно изъ нашихъ купаній, когда я былъ

въ низшемъ отдѣленіи, товарищи мои—Петропавловъ и Свинцовъ, рослые ребята, насильно схватили меня, унесли на глубокое для моего роста мѣсто и начали учить плавать, но въ это время другіе шалуны, ухвативши ихъ за ноги, оттащили въ сторону и я остался одинъ, началъ биться ручонками, кричалъ, но въ суматохѣ меня не слыхали; я уже хлебнулъ нѣсколько разъ воды, къ счастью дѣйствуя руками, я все-таки подавался къ берегу; наконецъ, выбившись совершенно изъ силъ, опустился на дно и вставши на пальчики, имѣлъ ротъ чуть-чуть повыше воды и могъ вздохнуть; будь мѣсто вершкомъ поглубже, я потонулъ-бы. Переведши духъ, я выбрался на берегъ; старшій, увидавъ меня блѣднымъ, испуганнымъ, задыхающимся, спросилъ о причинѣ; я, разумѣется, сказалъ, что меня Свинцовъ и Петропавловъ заттащили въ глубь, оставили тамъ и я чуть было не утонулъ. Старшій сейчасъ приказалъ готовить розги изъ ивовыхъ кустовъ, тутъ же росшихъ; разставилъ часовыхъ, которые доставили-бы къ нему обоихъ виновныхъ, а они въ свое оправданіе указали на тѣхъ, которые ихъ утащили; такимъ образомъ, явилось четверо виноватыхъ, стоявшихъ предъ грознымъ судьей въ райской одеждѣ. Берегъ озера, гдѣ мы раздѣлись и происходилъ судъ, былъ песчаный. Старшій поѣтому напольъ нужнымъ сѣчь ихъ на вѣсу.

Послѣ всѣхъ счастливыхъ или несчастливыхъ приключеній, наконецъ, мы возвращались въ городъ и разсыпались по своимъ квартирамъ. Обыкновенно это происходило въ 6—7 часу; надобно было спѣшить учить уроки къ слѣдующему дню, иначе по-утру Михаилъ Яковлевичъ или Акимъ Ѳедоровичъ за незнаніе урока также накажетъ, какъ-будто и не было ботаническихъ занятій вечеромъ. Къ такой печальной мысли располагало насъ и то, что будущій дневальный подъ полою своего халата или сибирки несъ тѣ розги, которыя надѣялся завтра употребить въ дѣло; разумѣется, будучи вырѣзаны на привольѣ съ любой березы по выбору, онѣ отличались лучшими качествами. Но не всѣ ботаники шли прямо на квартиру, небольшая часть ихъ вмѣстѣ со старшимъ отправлялась съ добычею къ Дмитрію Сергѣевичу или къ кому приказано было отнести. Я большею частію бывалъ въ этомъ числѣ по особенной причинѣ. Къ носовымъ платкамъ тогда мы были еще мало приучаемы, поѣтому

они бывали только кое у кого и когда нужно было собранную коллекцію травъ и пр. нести въ городъ, то нерѣдко съ затрудненіемъ отыскивали потребное количество платковъ, въ которые-бы можно было завязать ихъ. Я сморкался, большею частію, какъ и прочіе, платкомъ изъ пяти пальцевъ, но все-таки имѣлъ въ карманѣ сюртучка и бумажный какой-нибудь платочекъ, и такимъ образомъ вмѣстѣ съ нимъ отправлялся къ Дмитрію Сергѣевичу и пр., иначе платокъ могъ пропасть. Къ Дмитрію Сергѣевичу я любилъ и самъ ходить, живя у него очень долго для излѣченія отъ своей болѣзни; я былъ извѣстенъ всѣмъ въ домѣ его и потому, пришедши туда съ травами, принимаемъ былъ ласково и рѣдкій разъ не получалъ какого-либо гостинца, что служило предметомъ не малой зависти для моихъ товарищей.

Но иногда всѣ до одного ученики училища получали награды за свои ботаническіе труды. Вѣдь въ буквальный смыслъ въ теченіе лѣта набирали возы разныхъ травъ и цвѣтовъ; такъ какъ же хоть разъ или два не наградить насъ за это? Случалось, что и Дмитрій Сергѣевичъ присылалъ полтинникъ, цѣлковый и даже синенькую на все училище, особенно же любили дамы дарить намъ что-нибудь за „розовый цвѣтъ“, который имъ мы приносили. Когда такого рода денегъ было не менѣе цѣлковаго, покупались калачи, раздѣлялись на три части по классамъ, а потомъ уже въ каждомъ классѣ старшій разламывалъ калачъ на двѣ и болѣе частей, чтобы кто-нибудь не остался безъ награды. Самый сытный кусокъ доставался высекласснымъ, особенно училищному старшему и его штабу; доля низшеклассныхъ была поскуднѣе, а приходскимъ доставалось по небольшому кусочку калача; и все-таки мы были въ восторгѣ, получая его, и готовы были вновь идти хоть за пять верстъ, чтобы удостоиться еще такой награды.

Занимательнѣйшими экскурсіями были для насъ тѣ, когда съ нами отправлялись наши начальники и учителя съ семействами и приглашали кромѣ того своихъ знакомыхъ. Такъ какъ это случалось преимущественно въ такъ-называемыя рекреаціи, то напередъ, разумѣется, надобно сказать, что такое были рекреаціи.

Онѣ извѣстны были только въ однихъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ моего времени; начало свое получили въ давно прошедшія времена и одолжены происхожденіемъ тому, соблюдав-

шемуся въ семинаріяхъ, принципу, чтобы уча не учить, и уча съ не учиться, и для этого сокращать сколько возможно число учебныхъ дней, не пропуская ни одного церковнаго праздника, яко-бы благочестія ради, и выдумывая свои праздничные дни. По существовавшимъ преданіямъ, для рекрецій назначались 1, 5, 10, 15, 20, 25, 30 и 31-го числа мая мѣсяца. Утромъ, въ восьмомъ часу этихъ дней, до начала класса, у насъ въ училищѣ старшій и почетные ученики высшаго класса, вмѣстѣ съ пѣвчими, отправлялись въ сѣни къ протопопу и общимъ хоромъ начинали пѣть и распѣвать слѣдующій латинскій стихъ: *Reverendissime pater, nostrarum musarum rector, carissime rogamus recreationem!* Въ другихъ училищахъ этотъ гимнъ воспѣвался всѣмъ училищемъ на улицѣ предъ домомъ смотрителя. *Reverendissimus pater* никогда не давалъ рекреаціи, не выслушавъ гимна раза три, четыре, иногда доходило дѣло до десяти разъ. Потомъ, желая доставить инспектору и его семьѣ удовольствіе послушать пѣвчихъ, посылалъ ихъ просить и у него рекреаціи. Когда же такъ или иначе она была дана, то принимались бить въ звонокъ минутъ 5—10; ученики хватали свои книжонки, съ шумомъ и гамомъ, какъ уторѣлые, бѣжали, крича во все горло: рекреація, рекреація! Въ нашемъ училищѣ во всѣ вышеозначенныя числа мая, если падали они на учебные дни, почти всегда давалась рекреація. Но зачѣмъ же пропадать и тѣмъ изъ рекреацій, которыя приходились въ воскресные или праздничные дни. И вотъ обыкновенно въ слѣдующій за ними день или въ канунъ ихъ, часто неожиданно совершенно для смотрителя, раздавалось у него въ сѣняхъ или предъ окнами: *Reverendissime pater* и пр. Тутъ 3—4 раза было недостаточно пропѣть, тутъ пѣніе продолжалось полчаса, даже часъ; начальство иногда притворно, а иногда дѣйствительно принималось ругаться, грозить и тѣмъ, и другимъ; пѣвчихъ на улицѣ разгоняли сторожа метлами, у насъ выталкивали изъ сѣней, стращали розгами. Но воодушевленіе доходило до самопожертвованія, до экстаза; все-таки продолжали пѣть; тогда, смотря по душевному расположенію, или давалась рекреація, или принимались за розги. У насъ большею частію бывало первое, но помню, какъ однажды, когда я уже не жилъ у Бѣляевыхъ, насъ собрали всѣхъ въ одинъ классъ и потомъ очень больно перешибли всѣхъ, просившихъ неотступно рекреаціи, начиная отъ

старшаго вышекласнаго до самаго маленькаго пѣвчаго приходскаго училища, который пѣлъ по неволѣ, пѣлъ потому, что ему нельзя было не пѣть; тутъ досталось и нашему Якову Ѳедотовичу, который тоже увлекся желаніемъ услужить обществу и, какъ одинъ изъ лучшихъ вышекласныхъ учениковъ, былъ жестоко высѣченъ, яко зачинщикъ. Впрочемъ, не смотря ни на что, менѣе шести рекрецій у насъ не было, а иногда мы получали полныхъ семь.

У насъ строжайше приказывалось во время рекреаціи, отнесши книги домой, тотчасъ же опять приходить на училищный дворъ, который выметался самымъ чистымъ образомъ, даже иногда усыпался по мѣстамъ желтымъ пескомъ. Обыкновенная почти единственная игра, такъ сказать, спеціальная для этого дня, была игра въ бабки или шашки. Но если бы кто вовсе не хотѣлъ играть ни въ какую игру, то ему не позволялось оставаться въ квартирѣ; всѣ будь на училищномъ дворѣ, только послѣ обѣда уже предоставлялось всякому проводить время по усмотрѣнію.

Но каждый годъ въ рекреаціяхъ раза два, даже три принимало участіе и наше начальство со всѣми учителями и многими знакомыми. Для этого послѣ обѣда отправлялись за травами въ рощи или у рѣчки Бабенки, или за рѣчкою Сиверкой. Наши, такъ сказать, гости рѣдко брали лошадей, даже у кого онѣ были, а находили лучшимъ прогуляться пѣшкомъ. Намъ поручалось нести самоваръ, чашки чайныя, подносы, разные бутылки, штофы, закуски, ковры, скатерти, салфетки, даже стулья и пр. По прибытіи въ рощу все это складывалось на какомъ-либо лужку въ тѣни высокихъ деревьевъ; гости тутъ усаживались, кто какъ могъ и умѣлъ, или гуляли по лѣсу; насъ распускали собирать травы, оставляли только нѣсколькихъ челоувѣкъ для прислуживанья и разсылокъ. Потомъ не ранѣе 6—7 часа насъ собирали въ сборному мѣсту, тутъ мы шли не опасаясь ничего за свою безопасность; начальство при дамахъ не взыскивало, кто сколько бы ни набралъ, только очень усердныхъ, отличившихся собирателей награждали ласковою улыбкою, поглаживаньемъ по головѣ, кусочкомъ сахару, сухарикомъ и т. п. Большою частію гости еще не вдругъ оканчивали свою бесѣду, намъ нужно было ихъ ждать; чтобы не было имъ скучно, заставляли или однихъ

пѣвчихъ, или всѣхъ насъ пѣть пѣсни. Но рано или поздно, наконецъ, приподнимались со сборнаго мѣста и отправлялись въ городъ. Я уже говорилъ, что протопопъ любилъ повеселиться и быть навеселѣ, но пьянства не терпѣлъ. Поэтому всѣ наши гости могли съ нами возвращаться на своихъ ногахъ, кромѣ Горохова, котораго иногда приходилось поддерживать подъ руки. Возвращеніе почти всегда происходило съ пѣснями; по городскимъ улицамъ выступало множество народа, чтобы на насъ позѣвать, но никто уже не смѣлъ надъ нами смѣяться; протопопъ былъ грозенъ между горожанами, даже между татарами. Если возвращались уже поздно, то увольнялись мы отъ уроковъ на слѣдующій день; очевидное дѣло, что мы отъ такой льготы бывали въ восторгѣ. Описанныя прогулки начальства съ нами случались иногда и не въ рекреаціи.

Д. И. Ростиславовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЗАПИСКИ Д. И. РОСТИСЛАВОВА,

ПРОФЕССОРА СПБ. ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ,

† 18-го февраля 1877 г.

ГЛАВЫ XXIII—XXIV ¹⁾.

О касимовскихъ нителяхъ.

Касимовское училище я оставилъ въ концѣ 13-го года моего возраста, когда я еще не могъ быть хорошимъ наблюдателемъ надъ городскими жителями. Но между тѣмъ помню факты, которые совершались, такъ сказать, предъ моими глазами, не забывъ тѣхъ впечатлѣній, которыя они производили на меня. Этими-то фактами и впечатлѣніями я и хочу здѣсь позаняться.

Касимовъ въ то время никакъ нельзя было назвать барскимъ городомъ; неслужащихъ дворянъ въ немъ жило весьма немного, хотя нѣкоторымъ изъ нихъ, какъ, напримѣръ, Засѣцкому, перинскому помѣщику, принадлежали большіе дома. Уѣздное дворянство проживало въ своихъ деревняхъ и пріѣзжало въ городъ, чтобы покутить или по какимъ либо дѣламъ; даже дворянскіе предводители любили жить болѣе въ деревнѣ, нежели въ городѣ. Изъ чиновниковъ отъ правительства и по выборамъ, постоянно жившихъ въ городѣ, самые важные были, разумѣется, городничій, уѣздный судья, стряпчій, исправникъ, казначей. Но такъ какъ на безлюдьи и Фома дворянинъ, по русской пословицѣ, то играли замѣтную роль частный приставъ, секретари уѣзднаго и земскаго судовъ и проч. Ученое сословіе сосредоточивалось въ нашемъ и свѣтскомъ уѣздномъ училищахъ, въ послѣднемъ начальствовали и учили смотритель и, кажется, три учителя, но едва-ли они были много лучше нашихъ, развѣ только тѣмъ, что не могли такъ жестоко наказывать своихъ учениковъ, какъ насъ сѣкали наши

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1880 г., т. XVII и XVIII; изд. 1882 г., т. XXXIII и XXXIV; изд. 1884 г., т. XLII и XLIII; изд. 1887 г., т. LVI, стр. 445—470; изд. 1888 г., январь, стр. 87—107.

педагоги, хотя едва-ли кто нибудь изъ обучавшихся въ гражданскомъ уѣздномъ училищѣ не ознакамливался съ розгами. Отчасти къ ученому, отчасти къ служащему сословію въ Касимовѣ слѣдуетъ причислить православное духовенство. Оно состояло изъ 12 священниковъ, 10 дьяконовъ и съ чѣмъ-то изъ 20 причетниковъ. Священники едва-ли не всѣ принадлежали къ кончившимъ курсъ въ семинаріи; изъ дьяконовъ нѣкоторые доходили до реторики и даже до философіи, причетники же, конечно, умѣли читать и писать, иные даже учились въ прежнихъ низшихъ классахъ семинаріи, но вообще немногіе изъ нихъ могли назваться даже полуучеными. Священники раза по два или по три каждый говорили проповѣди въ соборѣ; въ этомъ отношеніи на первомъ мѣстѣ стоялъ или самъ ставилъ себя протопопъ. Онъ проповѣдывалъ слово Божіе въ торжественныхъ какихъ либо случаяхъ, напримѣръ, въ храмовой праздниѣ собора или въ высокоторжественный какой либо день. Уже заранѣе тамъ было извѣстно о томъ, что его высокоблагословеніе сочиняетъ проповѣдь; тутъ онъ иногда цѣлую недѣлю уже не хаживалъ въ гости, охалъ и вздыхалъ, а иногда и декламировалъ въ своемъ кабинетѣ и отличался даже нѣкоторою снисходительностью и ласкою къ намъ. Потомъ начиналась переписка проповѣди; для этого употреблялись хорошіе писцы изъ насъ или изъ дьячковъ; переписывали очень крупнымъ почеркомъ по вниманію къ слѣпотѣ и близорукости проповѣдника; поэтому неудивительно, что по числу листовъ эти поученія были громадны. „Вѣдь къ Вознесенію приготовлена протопопомъ проповѣдь въ 10—12 листовъ“, говаривали мы съ какимъ-то благоговѣніемъ. Самыя проповѣди въ церкви онъ произносилъ слишкомъ громко; тутъ онъ кричалъ почти также, какъ въ то время, когда обращался къ намъ съ привѣтствіями: „Эй вы, кобылятники, меринятники“ и пр.

Духовенство жило какою-то своеобразною жизнію. Оно, въ своемъ приходѣ, разумѣется, волею или неволею приглашалось или само приходило въ дома для исполненія различныхъ требъ, но за предѣлами прихода мало имѣло знакомыхъ, исключая протопопа и Краснова, предъ которыми двери всюду растворялись. Съ другой стороны, духовныя лица и между собою жили не очень близко и ладно, по крайней мѣрѣ, въ гости другъ къ другу вовсе почти не ходили. Можетъ быть, причиною этого

была и бѣдность, потому что одна только Успенская церковь считалась, по доходамъ, богатою; въ прочихъ церквахъ духовныя лица съ голоду не умирали, но не могли и роскошествовать; намъ, напр., вполнѣ уже было извѣстно, что у Горохова и Михаила Яковлевича чаепитіе не совершалось каждый день утромъ и вечеромъ. Но, кромѣ бѣдности, причиною разъединенія между священниками были то зависть, то мелочное самолюбіе, какое между ними, какъ я послѣ скажу, замѣчается. И дьяконы городскіе тоже находили поводы быть недовольными другъ другомъ; тутъ все дѣло состояло въ голосѣ. Самый лучший басъ былъ у дьяконовъ благовѣщенскаго и егорьевскаго, но у соборныхъ дьяконовъ Дмитрія, особенно же Матвѣя, была какая-то козлиная фистула; между тѣмъ, по іерархическому порядку, при общихъ молебствіяхъ въ соборѣ, въ царскіе дни, первое мѣсто принадлежало соборнымъ дьяконамъ и притомъ Матвѣю. Жителямъ очень бы желалось, чтобы многолѣтіе прокричалъ или благовѣщенскій, или егорьевскій дьяконъ, да и эти отцы понимали свои права на воскликновеніе. Какъ же имъ не смотрѣть съ презрѣніемъ на какого-то пискуна, соборнаго дьякона Матвѣя, и, съ другой стороны, какъ же и послѣднему не отстаивать своихъ іерархическихъ правъ? Кажется, что это соперничество между крикунами и пискунами было не безвыгодно для отца протопопа. По крайней мѣрѣ, всему городу было извѣстно, что почтенный Поликарповичъ очень нерѣдко осчастливливалъ отца дьякона своимъ высокимъ посѣщеніемъ. Впрочемъ, когда я уже былъ въ семинаріи, Матвѣй считалъ за лучшее снизойти съ іерархической высоты, на которой стоялъ въ Касимовѣ; онъ изъ собора перешелъ, въ томъ же чинѣ, въ Успенскую церковь и благовѣщенскій дьяконъ, наконецъ, достигъ своей цѣли и занялъ мѣсто старшаго дьякона въ соборѣ и перваго въ городѣ. О причетникахъ ничего особеннаго нельзя сказать: звонили, пѣли, пили, ходили по приходу, чего же больше отъ нихъ требовать? Впрочемъ, было между ними довольно и степенныхъ людей. Но надъ всѣмъ духовенствомъ высилась власть отца-протопопа; онъ держалъ всѣхъ въ дисциплинѣ и порядочно обиралъ, встрѣчая, впрочемъ, кое въ комъ и оппозицію. Къ оппонентамъ принадлежали: 1) ямской священникъ Петръ, своего рода юристъ, если не вляузникъ; протопопъ, за которымъ водилось много грѣшковъ,

его побаивался; 2) благовѣщенскій іерей Голенища; онъ и самъ ходилъ въ протопопу въ гости, и у себя угощалъ его, но былъ опасенъ, какъ взбалмошный человѣкъ, который, вспыливъ, могъ посреднѣ базара раскричаться и высказать все относительно того, кто его обидѣлъ; Поликарпъ Поликарповичъ его не затрогивалъ, какъ злую собаку; 3) успенскій дьяконъ, старикъ, слышій богачемъ; онъ жилъ очень уединенно и знать никого не хотѣлъ; протопопъ уважалъ его, потому что, въ нуждѣ, биралъ у него взаймы деньжонки; 4) успенскій же дьячокъ, Исаакъ; онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, въ которыхъ идетъ пословица: „въ одно ухо влѣзеть, въ другое вылѣзеть“. Не смотря на свое дьячковство, онъ умѣлъ втираться въ дома всѣхъ богатыхъ купцовъ въ городѣ; его затрогивать опасно было, потому что въ одинъ день сдумѣлъ бы распустить такую сплетню, отъ которой не поздоровилось бы отцу протоіерею, такъ уже лучше было не ссориться.

Настоящее ядро, даже, можно сказать, аристократію города составляли купцы, между которыми было много богатыхъ людей и первое мѣсто занималъ Иванъ Осиповичъ Алянчиковъ; онъ былъ мужчина очень толстый, разбогатѣвшій отъ откуповъ и почти вовсе не занимавшійся торговлею, такъ сказать, отдохавшій на лаврахъ. Домъ у него былъ великолѣпный, устроенный на барскую ногу, гостиная его, чуть не каждый день, наполнялась гостями, которые, можетъ быть и не всѣ, приходили алчущими и жаждущими, по уходили непременно насыщенными. Поэтому въ городѣ онъ былъ самою уважаемою особою. При встрѣчѣ на улицѣ всѣ, не исключая городничаго, кланялись ему прежде. Когда, бывало, въ высокаторжественные дни онъ приходилъ въ соборъ, то частный приставъ раздвигалъ предъ нимъ народъ еще съ болѣею хлопотливостью, нежели предъ городничимъ. Иванъ Осиповичъ величаво шелъ между двумя рядами и учтиво отвѣчалъ на низкіе поклоны, которые ему дѣлались съ обѣихъ сторонъ. Предъ иконостасомъ онъ становился впереди всѣхъ, рядомъ съ городничимъ. Смотря на все это, можно было подумать, что онъ-то и есть первая особа, начальникъ города; я такъ и думалъ. Слыша, что Иванъ Осиповичъ купецъ, я составилъ превысокое понятіе о купцахъ; они, въ моихъ глазахъ, были выше дворянъ и чиновниковъ. Второю знаменитостью города былъ нашъ

смотритель, Поликарпъ Поликарповичъ. Своимъ умомъ, своимъ общительнымъ и веселымъ характеромъ, своимъ живымъ и увлекательнымъ разговоромъ, а, къ случаю, своимъ колкимъ, неумолимымъ сарказмомъ онъ, можно сказать, командовалъ касимовскимъ обществомъ; его и любили, и уважали, и боялись. Обучаясь уже въ богословіи и бывши, въ новый годъ, въ Касимовѣ, я, какъ прежній ученикъ, счелъ обязанностью явиться на поклонъ къ его высокоблагословенію и прямо послѣ обѣдни сидѣлъ у него часа два. Въ это время къ нему успѣли пріѣхать, поздравить съ новымъ годомъ, всѣ касимовскія чиновныя знаменитости; отецъ-протопопъ принималъ ихъ съ привычною, но величавою важною и вѣжливостію. Изъ другихъ городскихъ купеческихъ знаменитостей можно указать на татарина Салеха Бурханча (фамилія, кажется, Гамза), Дмитрія Сергѣевича Барнова, Михаила Абрамовича Якунчиковъ, Колчиныхъ, Шишениныхъ и пр. Салехъ имѣлъ большіе кожевенные заводы и велъ обширную торговлю азіатскими товарами. Хотя онъ ходилъ, какъ татаринъ, и жилъ въ татарскихъ слободахъ, но имѣлъ знакомство съ русскими; нашъ протопопъ былъ его задушевымъ пріателемъ. Барновъ, о медицинскихъ занятіяхъ котораго я уже говорилъ, тогда еще не очень былъ богатъ, но жилъ уже на барскую ногу. Садъ у него былъ великолѣпный, не только съ отличными деревьями, но и съ прудами, гдѣ плавали рыбы; лечась у него, я любилъ, бывало, смотрѣть, какъ онѣ, въ прозрачной и неглубокой водѣ, плавали и играли между собою. Послѣ Барновъ сдѣлался милліонеромъ, торгуя желѣзомъ, но въ богатствѣ его есть что-то темное; Якунчиковъ, бывшій долго прикащикомъ Алянчикова, въ то время шелъ уже въ гору, богатѣлъ, богатѣлъ и, умирая, въ царствованіе Николая I, оставилъ состояніе въ семь милліоновъ серебромъ. Было еще нѣсколько очень богатыхъ купеческихъ фамилій.

Но большая часть касимовскихъ жителей, какъ людей православныхъ, жили по преданіямъ старины глубокой, не увлекаясь новѣйшими идеями, принципами 1789 года; сытно ѣли, много спали, ходили по праздникамъ въ церковь и пр., и пр., словомъ сказать, благоденствовали во славу имени Христова. Я послѣ, кажется, нигдѣ не встрѣчалъ такого множества толстяковъ, какое пришлось мнѣ видѣть въ купеческомъ и мѣщанскомъ сословіяхъ

Касимова. Что за тузы были! Алянчиковъ, Иванъ Осиповичъ, Яковъ Петровичъ Курбатовъ, Колчины, Шишкины и пр. Особенно меня поражали мужъ-купецъ и его жена; фамилію ихъ забылъ. Они ѣзжали въ стариннаго фасона дрожкахъ, съ зонтиками съ обѣихъ сторонъ. Лошадь была здоровенная, ѣзжали всегда шагомъ, да и нельзя было торопиться, ну, право, кажется, въ каждомъ изъ сѣдочковъ было не менѣе 10-ти пудовъ. Изъ купчихъ еще немногія тогда стали одѣваться по модному, въ чепцы и шляпки, платья, салоны и пр., большинство ходило въ кокошникахъ, сарафанахъ, епанечкахъ или повязывало голову платками. Всѣ эти вещи стоили очень дорого. Кокошники унижены были жемчугомъ, на епанечки употреблялась богатая парча, головные платки вышивались серебромъ и золотомъ. Особенно, почему-то, купчихи любили блистать своими нарядами въ великій постъ, во время пріобщенія; тутъ, бывало, у нашего брата-малышечки глаза разбѣгались, смотря на золото и серебро. Но, увы, и тогда уже нечистая сила появлялась въ Касимовѣ въ видѣ не однихъ оборотней-свиней и тогда даже въ купечествѣ были либералы, пропитанные идеями Вольтера и Жанъ-Жака Руссо. Къ главнымъ либераламъ принадлежали дѣти Алянчикова, Яковъ и особенно Николай. Они, дѣйствительно, были люди начитанные, но, не получивши систематическаго образованія, не умѣли справиться съ мыслями, запавшими въ ихъ голову изъ книгъ французскихъ энциклопедистовъ, любили хвастаться своимъ вольнодумствомъ и атеизмомъ. Старикъ Алянчиковъ сильно озабоченъ былъ спасеніемъ душъ своихъ дѣтей и для смягченія ихъ сердце просилъ нашего протопопа обращать ихъ на путь истинный, поручилъ тоже дѣлать и моему батюшкѣ. „Подите, пожалуйста,—говаривалъ озабоченный старикъ,—поговорите съ моимъ Николаемъ и Яковомъ, бѣда моя съ ними: не вѣруютъ въ Бога, не уважаютъ святыхъ, не ходятъ въ церковь, не хотятъ пріобщаться святыхъ Тайнъ“. Объ этихъ апостольскихъ занятіяхъ я неоднократно слышалъ отъ своего батюшки. Но усилія духовныхъ особъ не могли поколебать убѣжденій дѣтей Алянчикова; тутъ сатана-искуситель и развратитель оказывался гораздо могущественнѣе ангела-хранителя и духовныхъ лицъ, вооруженныхъ словомъ Божиимъ.

Во все время моего касимовскаго житія-бытія были въ го-

родѣ временные жильцы, которые составляли особый кружокъ, почти постоянно враждовавшій съ туземцами. Вскорѣ по окончаніи отечественной войны въ Касимовскій уѣздъ былъ поставленъ на квартиры Изюмскій гусарскій полкъ. Отличившись, какъ слышно было, во время войны своею храбростью, чины его перенесли лагерныя и походныя свои привычки въ мирный уголокъ Рязанской губерніи; они и здѣсь любили распорядиться такъ же, какъ поступали въ землѣ непріятельской. Офицеры рѣшительно почти знать не хотѣли даже почетныхъ гражданъ и чиновниковъ; къ величайшей досадѣ жителей, въ соборѣ, во время царскихъ молебновъ, отѣсняли всѣ касимовскія знаменитости, даже городничаго и Алянчикова, на задній планъ, мало знакомились съ жителями и составляли особый кружокъ, кутили, какъ прилично было гусарамъ, современникамъ Давыдова и Бурцева. Деньги, назначенныя на содержаніе солдатъ и лошадей, полковникъ и ротмистры находили лучшимъ удерживать, по возможности, у себя, а гусарамъ предоставляли кормиться на квартирахъ на счетъ хозяевъ, даже и для лошадей часто не хотѣли покупать, по крайней мѣрѣ, сѣно, которое солдаты добывали иногда фуражировкою. Сначала жители, незнакомые съ военнымъ постоемъ, считали обязанностью удовлетворить требованіямъ своихъ постояльцевъ. Но потомъ, когда сдѣлалось извѣстнымъ, что и на пищу, и на фуражъ солдатамъ отпускаются деньги и жители обязываются доставлять только квартиру, то начались непріятности между властями военными и гражданскими, между гусарами и ихъ хозяевами. Гусары не стали задумываться; еще прежде поступленія моего въ училище, съ ужасомъ рассказывали, какія безчинства производилъ эскадронъ гусаръ, квартировавшій въ Парихинскомъ приходѣ. Особенно оригиналенъ былъ ихъ способъ фуражировать сѣно. Ночью, изъ разныхъ конюшенъ, гусары выѣзжали на своихъ лошадяхъ къ назначенному напередъ стогу и, закручивая веревками сѣно, свивая ихъ въ цилиндры, увозили на каждой лошади по нѣсколько пудовъ и иногда отъ цѣлаго стога не оставляли ничего, кромѣ поддонковъ и овершья (т. е. верхней части стога). Мужики начали слѣдить за такими поѣздками, отчего при стогахъ или на дорогѣ встрѣчавшіяся двѣ враждебныя партіи, одна съ кольями, а другая съ нагайками и саблями, вступали если не въ битву, то въ драку.

Разумѣется, храбрые защитники отечества, какъ люди испытанные въ бояхъ и дисциплинированные, выходили побѣдителями. Въ Парихинѣ, по крайней мѣрѣ, не было убійства, но въ селѣ Шостѣ раздраженіе, существовавшее между крестьянами и гусарами, вспыхнуло въ одинъ изъ праздниковъ; по слухамъ, нѣсколько человѣкъ крестьянъ было убито въ схваткѣ. О воровствахъ въ домахъ, грабежахъ по дорогамъ и улицамъ гусары тоже не забывали; въ Касимовѣ иногда опасно было ходить ночью. Особенно надѣлалъ много шуму и послужилъ къ усмирению полка случай съ исправникомъ. Это былъ человѣкъ честный и энергическій; онъ внушилъ крестьянамъ и помѣщикамъ, что гусарамъ выдается и паекъ, и деньги на овесъ и сѣно, и если они пользуются чѣмъ-либо отъ хозяевъ, то должны платить за это. Доходы полковника и ротмистровъ уменьшились; надобно было поучить исправника. Однажды онъ, возвращаясь изъ Гусевского погоста въ городъ, былъ окруженъ коннымъ отрядомъ гусаръ, человѣкъ въ 25. Спутниковъ его не тронули, а только связали, но его избили нагайками до безпамятства, до полусмерти; рассказывали, что командиромъ отряда былъ офицеръ, но виновныхъ никого не отыскалось, такъ ловко былъ обдуманъ наѣздъ!

Всѣ эти безпорядки вызвали, наконецъ, строгія мѣры противъ полковаго начальства, смѣнялись полковники и ротмистры; застрѣлившійся полковникъ, о которомъ я говорилъ, покончилъ свою жизнь, по слухамъ, боясь быть разжалованнымъ. Наконецъ, былъ присланъ какой-то полковой командиръ, который, арапчеевскою методою, мало-по-малу, поукротилъ буяновъ при помощи палокъ, розогъ и фухтелей, т. е. ударовъ саблею плашмя; мы, проходя мимо гауптвахты, видали нерѣдко эти расправы. Но вражда между жителями и полкомъ, кажется, не прекратилась. Впрочемъ, гусары доставляли не мало и удовольствія жителямъ парадными ученьями, разводами, военными пѣснями, которыми пѣли гусары на своихъ конюшняхъ.

Но жители Касимова и сами, безъ вліянія гусаръ, склонны были къ воинственнымъ упражненіямъ. Склонность эта выражалась, главнымъ образомъ, въ кулачныхъ бояхъ. Участниками въ нихъ были мѣщане, ямщики, татары и вообще, такъ сказать, низшій классъ; не прочь были поколотить другихъ и подставить

свои бока подъ кулаки и молодые, небогатые купчики. Но солидное народонаселеніе, пожилые и старые люди, именитые купцы и чиновники, конечно, лично не становились въ ряды кулачных бойцовъ, но любили ободрять ихъ и словомъ, и водкою, и подарками, и деньгами; этотъ кулачный патріотизмъ доходилъ иногда, какъ я скажу сейчасъ, до смѣшнаго экстаза. Противныя партіи составлялись разнообразно. Если дрались только русскіе съ русскими, то съ одной стороны стояли ямщики, кузнецы, прихожане егорьевскаго прихода, а съ другой—прочіе горожане; иногда, впрочемъ, распредѣленіе сражающихся партій измѣнялось и зависѣло отъ разныхъ обстоятельствъ. Бои происходили на Соборной улицѣ. Ямщики употребляли усилія, чтобы горожанъ прогнать до собора; это было верхомъ безчестья для послѣднихъ; „соборъ потеряли“, кричали имъ ямщики, одержавъ побѣду. У Бѣляевыхъ я жилъ недалеко отъ Соборной улицы и потому видалъ эти бои. И на нихъ, отъ разыгравшагося воинственнаго азарта, многіе бойцы выходили: тотъ—съ подбитымъ глазомъ, другой—съ разбитымъ носомъ, иной—съ подбородкомъ, повернутымъ въ сторону; бывали примѣры, что, отъ сильныхъ ударовъ, глаза выскакивали вонъ изъ своихъ мѣстъ; объ ударахъ въ грудь, въ бока нечего и говорить; наживали даже чахотку. Но все тутъ не было того полного воодушевленія, настоящаго воинственнаго азарта, которые обнаруживались, когда одна часть сражающихся состояла изъ татаръ, а другая—изъ всего русскаго народонаселенія. Въ этомъ случаѣ битвы всегда происходили, какъ выражались, на татарской сторонѣ, на большой площади близъ мечети. Русское воинство должно было переходить глубокой оврагъ, отдѣлявшій татарскій кварталъ отъ русскаго народонаселенія. Въ мое время были двѣ замѣчательныхъ битвы, о которыхъ долго весь Касимовъ говорилъ. Однажды русскіе, послѣ долгихъ усилій, одержали побѣду надъ татарами и прижали побѣжденных къ дому и саду богача Салеха, отрѣзавъ отступленіе въ сторону. Отъ продолжительной битвы раздраженіе дошло до высокой степени и побѣдители поступили съ побѣжденными немилосердно. Татары, желая воспользоваться пословицею „лежачаго не бьютъ“, падали на землю. Нашъ православный народъ, свято чтя преданія, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, желая отколотить татаръ за ихъ сопротивленіе, поднималъ ихъ на ноги, двое или болѣе человекъ прижимали руки татарина

къ стѣнѣ дома или къ забору, а еще одинъ или двое немилосердно били кулаками по лицу, груди, ну, столько, сколько душѣ угодно. Избитыхъ татаръ было множество. Естественно, имъ захотѣлось отомстить невѣрнымъ. У Салеха на кожевенныхъ заводахъ и въ другихъ торговыхъ и промышленныхъ заведеніяхъ было, по слухамъ, до 150-ти работниковъ изъ татаръ. Онъ имъ рѣдко, особенно всею массою, позволялъ участвовать въ кулачныхъ бояхъ, но тутъ татарскій патріотизмъ заговорилъ. Недѣли двѣ или три было въ родѣ вынужденнаго перемирія. Наконецъ, въ одно воскресенье, завязалась битва, къ которой и русскіе сдѣлали всѣ возможныя приготовленія. Она продолжалась долго съ перемѣннымъ счастіемъ, наконецъ, татары стали отступать за мечеть, къ дому Салеха. Русскіе разгорячились и стали преслѣдовать отступающихъ. Но когда приблизились къ дому Салеха, изъ растворившихся воротъ его вдругъ выскочили Салеховы рабочіе, которые до того времени еще не были въ дѣлѣ. Свѣжихъ 100—150 молодцовъ, воодушевленныхъ племеннымъ патріотизмомъ, бросились на противниковъ и воодушевили своихъ единовѣрцевъ. У русскихъ резерва не было, кромѣ зѣвакъ и любителей, въ числѣ которыхъ находились почетные купцы и чиновники. Поэтому они не могли долго сопротивляться, быстро начали отступать по одной изъ улицъ и, наконецъ, опростѣю побѣжали къ оврагу, куда валились, какъ попало. Татары не долго оставались въ нерѣшимости, спустились сами въ оврагъ, съ тѣмъ, чтобы поразить русскихъ на ихъ родной почвѣ, чего они прежде не дѣлали. Подъемъ на нашу сторону былъ очень крутъ и потому русскіе, укрѣпившись на немъ, долго отражали своихъ непріятелей. По городу распространилась тревога; кричали: „татары идутъ, соборъ хотятъ взять; православные, хоть соборъ защитите!“ Но ничто не помогло. Татары, по другой улицѣ, зашли въ тылъ русскимъ. Эти, разумѣется, захваченные съ двухъ сторонъ, побѣжали; недалеко отъ нашего училища вновь было выстроились, воодушевленные богатыми купцами, чтобы защитить соборъ; но въ этотъ день счастье или сила были на сторонѣ поклонниковъ Магомета, и защитники креста, т. е. собора, совершенно разбитые, разбѣжались во всѣ стороны. Татары обошли кругомъ собора и, не видя больше никакого сопротивленія, пошли густою волонною въ свои слободы и пѣли татар-

скія пѣсни. Русскій патріотизмъ сильно былъ возмущенъ этою насмѣшкою, но ничего нельзя было сдѣлать противъ кулачнаго права.

Колотя другъ друга на кулачныхъ бояхъ, касимовскіе жители не могли же не любить тѣхъ зрѣлищъ, гдѣ они имѣли удовольствіе видѣть, какъ другихъ бьютъ и притомъ самымъ безпощаднымъ, но законнымъ образомъ. Сцены наказанія преступниковъ кнутомъ и плетями были любимыми у жителей города, но уже не у однихъ кулачныхъ бойцовъ, а и у людей солидныхъ. Довольно сказать, что нашъ протопопъ являлся очень часто на мѣсто казни въ своей камилавкѣ и стоялъ въ первыхъ рядахъ. Когда, бывало, забьетъ барабанъ, который предшествовалъ печальной церемоніи отъ полиціи до мѣстной казни, какъ со всѣхъ сторонъ сбѣгался народъ всѣхъ возрастовъ, широкимъ кругомъ становился около лобнаго мѣста, влѣзалъ на соборную колокольню, на стоявшія вблизи лавки и пр. У насъ изъ училища уйти во время класса считалось преступленіемъ, а тутъ, если еще учителей не было, мы всѣ убѣгали на площадь, а случалось, что и педагоги оставляли классы. Мы, конечно, смотря на то, какъ кнутомъ или плетью полосовали спины преступниковъ, могли еще утѣшить себя тѣмъ, что наказываютъ несравненно больнѣе, нежели какъ насъ сѣкутъ. Но отецъ-протопопъ и учителя для чего ходили?

Самыя наказанія совершались неодинаково, употреблялся-ли для нихъ кнутъ или плеть. Тогда еще не было эшафотовъ, появившихся съ 1840-хъ годовъ; тѣхъ, которые осуждены были подъ плети, обыкновенно клали на голую землю, предварительно снявши съ него все платье и рубаху и, оставивъ въ однихъ подштанникахъ, сѣкли по спинѣ. Исполнителемъ экзекуціи бывалъ или палачъ, или полицейскій солдатъ, смотря по тому, ссылался-ли наказываемый въ Сибирь на поселеніе или возвращался въ прежнее мѣсто своего жительства. Но если нужно было наказывать кнутомъ, то ставили въ наклонномъ положеніи такъ называемыя сани-дровни, оборачивая ихъ вверхъ полозьями; размѣстятъ, дровни такъ устанавливались, чтобы они не могли упасть во время экзекуціи. Палачъ раздѣвалъ осужденнаго, рубаху не снималъ, а раздиралъ и потомъ клалъ его между полозьями дровней и крѣпко ремнями привязывалъ. Передъ каждымъ

ударомъ отходилъ отъ дровней на нѣсколько шаговъ и, поднявши кнутъ вверхъ, какъ говорили, съ разбѣга ударялъ имъ по спинѣ несчастнаго. Въ царствованіе Александра I и въ первую половину царствованія Николая I, по крайней мѣрѣ, немного назначалось ударовъ кнутомъ; слыхалъ я, что были примѣры, когда ограничивались однимъ или двумя ударами и выше 50-ти, а послѣ и 25-ти, не поднимались. Но при Екатеринѣ, Павлѣ и, сначала, при Александрѣ I отсчитывали иному по сотнямъ; дѣдушка мой самъ видалъ, какъ наказывали 300-ми ударовъ кнутомъ. Въ 1840-хъ годахъ, съ введеніемъ эшафотовъ, съ отмѣненіемъ кнута и съ замѣною его плетью, не съ двумя, какъ было прежде, а съ тремя хвостами, тахіиш ударовъ возвышенъ до 100, но наказывали уже не по спинѣ, а, какъ выражались изъ деликатности, по мягкимъ частямъ тѣла. На счетъ трехъ-хвостной плети была придумана острога въ Петербургѣ. Введеніе ея совпадало съ введеніемъ счета монеты на серебро. А извѣстно, что серебряный рубль болѣе ассигнаціоннаго въ $3\frac{1}{2}$ раза. Дробью остряки пренебрегали и, говоря о замѣнѣ единохвостнаго кнута трехъ-хвостною плетью, прибавляли, что Перовскій перевелъ кнутъ съ ассигнаціи на серебро. Перовскій тутъ попался на языкъ остряковъ, потому что, будто бы онъ, бывши тогда министромъ внутреннихъ дѣлъ, болѣе другихъ настаивалъ на введеніи трехъ-хвостной плети.

Д. И. Ростиславовъ.

[Продолженіе слѣдуетъ]

ЗАПИСКИ Д. И. РОСТИСЛАВОВА,

профессора Спб. духовной академіи,

† 18-го февраля 1877 г.

XXV ¹⁾.

О касимовскихъ татарахъ.

Не одинъ разъ я, такъ сказать, стороною говорилъ о касимовскихъ татарахъ; мнѣ теперь хочется о нихъ сообщить нѣсколько болѣе подробныхъ свѣдѣній, нежели какъ я до сихъ поръ дѣлалъ. Они жили не въ одномъ Касимовѣ, но не далеко отъ него во многихъ деревняхъ; въ самомъ-же городѣ составляли если не третью, то, вѣроятно, четвертую часть его жителей и рѣзко отличались отъ русскаго народонаселенія внѣшнимъ своимъ видомъ и костюмомъ. Это были люди не очень высокаго роста, но широкоплечіе или, какъ говорятъ, приземистые и коренастые, немножко съ острымъ подбородкомъ, съ выдающимися скулами, со смѣлымъ взглядомъ, съ гордою походкою, даже съ какою-то величавою осанкою. Въ нихъ еще проглядывали кое-какія черты, напоминавшія былое время, когда они командовали Русью. Замѣчательно, что и русскіе, при взаимныхъ съ ними дружелюбныхъ сношеніяхъ, взросло татарина изъ вѣжливости называютъ „княземъ“. Изъ та-

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1880, 1882, 1884, 1887 и 1888 гг., томы: XVII, XVIII, XXXIII, XXXIV, XLII, XLIII, LVI и LVII.

татаръ въ городѣ жили только купцы и мѣщане, но по деревнямъ кромѣ крестьянъ встрѣчались еще помѣщики; изъ нихъ дворяне выбирали по временамъ кое-кого въ разныя должности; я помню изъ татаръ исправника, кажется, Девлешъ-Киндѣева, и одного засѣдателя земскаго суда; исправника находили гораздо честнѣе многихъ русскихъ чиновниковъ. Мужской костюмъ татаръ состоялъ преимущественно изъ халатовъ, сафьянныхъ сапогъ, сверхъ которыхъ надѣвались калоши и тебетейки или ермолки, которой татаринъ нигдѣ не снималъ съ своей головы. Въ жаркое время небогатые татары, подобно нашимъ крестьянамъ, ходятъ въ рубахахъ, не надѣвая сверху никакого платья. Но и тутъ есть у нихъ различіе отъ насъ. Рубахи ихъ гораздо длиннѣ нашихъ: спускаются ниже колѣнъ, потомъ татары никогда не подпоясываются, тогда какъ у нашего простонародья быть безъ пояса считается чуть-ли не грѣхомъ. По крайней мѣрѣ, въ Касимовскомъ уѣздѣ православный человѣкъ, увидавшій своего собрата безъ пояса, обыкновенно ему говаривалъ: „Что это ты безъ пояса? Развѣ татаринѣмъ сдѣлался?“ Татарки касимовскія никогда не закрывали своихъ лицъ кисеею или другою матеріею, какъ это дѣлается въ Турціи или Персіи магометанками. Но костюмъ ихъ, и особенно головной уборъ, вовсе не походилъ на тогдашнюю русскую одежду; особеннымъ украшеніемъ служили просверленные серебряныя монеты; ихъ обыкновенно вдевали въ косы или нанизывали на нитки, которыя и располагали на головѣ; надобно сказать, что украшенія эти были не безвкусны. Многоженство между касимовскими татарами почти было неизвѣстно, только нѣсколько богачей имѣло по двѣ или по три жены.

Взаимныя отношенія между русскими и татарами нельзя было называть вполне миролюбивыми. Мы, яко народъ православный, съ презрѣніемъ смотрѣли на людей, которые вѣровали въ какого-то Магомета и даже ѣли лошадиное мясо, а вовсе не употребляли ни свинины, ни поросятины. Поэтому большинство русскихъ считало и называло татаръ нехристями, погаными, проклятыми и проч. Если татаринъ или татарка появлялись въ русскихъ улицахъ, то не одни мальчишки, а и взрослые не всегда, конечно, но и не рѣдко, кричали ему: „Эй, ты, нехристь проклятая“, или: „поганый кобылятникъ“ или: „плевать тебѣ на

Магомета“ и проч., „не хочешь-ли свининки? поди, поѣшь поро-сеночка“, и, сдѣлавши изъ угла полы своего платья нѣчто по-хожее на свиное ухо, показывали ему. Окрестъ стоящая пуб-лика, разумѣется, не прочь была сочувствовать этимъ проявле-ніямъ мнимо-религіознаго усердія. Къ сожалѣнію, надобно ска-зать, что наше духовенство нерѣдко пробуждало и поддерживало вражду православныхъ къ татарамъ. Синулицкій мой зять, Вышелѣвскій, даже теперь съ глубочайшимъ презрѣніемъ гово-ритъ о татарахъ какъ нехристіяхъ, называя ихъ поганью, не слушая и не понимая никакихъ словъ въ защиту ихъ. „Погань, такъ погань, что тутъ еще говорить?“ Къ чести татаръ надобно сказать, что они слишкомъ рѣдко, какъ говорятъ, отругивались или отгрызались; почти только однѣ насмѣшки надъ Магоме-томъ выводили ихъ иногда изъ терпѣнія. Русскій-же, идя по ихъ улицамъ, могъ быть увѣренъ, что его никто не обидитъ, если только онъ самъ не затронетъ кого-либо. Потомъ татары едва-ли не были честнѣе русскихъ; по крайней мѣрѣ, многіе изъ послѣднихъ за лучшее считали въ Касимовѣ покупать разные товары у татарскихъ, а не у русскихъ купцовъ; этого правила и теперь держится моя сестра Марья.

Татары, замѣчая въ окружающемъ ихъ русскомъ народона-селеніи презрѣніе, насмѣшки и даже вражду къ себѣ, изъ не-обходимости для общихъ своихъ выгодъ должны были тѣснѣе между собою сблизиться и составить плотное общество, котораго члены другъ друга поддерживали-бы. Вздумай русскій обидѣть татарина, единовѣрцы послѣдняго непременно вступались за него. Сколько разъ мнѣ случалось видѣть, когда какой-либо полицейскій тащитъ русскаго мужика или мѣщанина въ полицію, даетъ ему пинокъ за пинкомъ,—рѣдко замолвить кто-либо слово за своего брата. Но татары, бывало, сбѣгутся цѣлою гурьбою при подобномъ арестѣ, шумятъ, провожаютъ арестованнаго въ полицію и здѣсь требуютъ правосудія, такъ что тогдашнія каси-мовскія власти съ осторожностью должны были дѣйствовать въ подобныхъ случаяхъ и обращались съ татарами гораздо лучше, нежели съ русскими.

Русское простонародье могло позавидовать татарскому отно-сительно богатства и пронитекающаго отсюда благосостоянія.

Татары, говоря вообще, жили въ бѣльшемъ довольствѣ, нежели русскіе, между ними слишкомъ рѣдко встрѣчались нищіе, при томъ только женщины. Нельзя не замѣтить, что эти нищіе являлись за подавѣемъ и въ русскіе дома, тутъ нельзя-же было не поглумиться надъ нехристіями. Нищенки-татарки просили обыкновенно милостыни не Христа ради, а Бога ради; но часто или получали отказъ или слышали: „вотъ, прими Христа ради“. Татарки при такомъ случаѣ никогда не принимали милостыни, вновь просили Бога ради и если подающій не хотѣлъ сдѣлать уступки, то уходили, не принявъ ея. Между тѣмъ, слыхалъ я, что русскіе нищіе въ татарскихъ домахъ получали милостыню безъ подобныхъ насмѣшливыхъ фокусовъ; имъ никто изъ татаръ не предлагалъ подавѣнія Магомета ради. Причины, почему касимовскіе татары вообще были болѣе богаты, нежели русскіе, довольно многочисленны: 1) Они, составляя особую, такъ сказать, корпорацію, старались поддерживать другъ друга въ матеріальномъ отношеніи; этого требовали общія ихъ выгоды, потому что, чѣмъ было менѣе между ними бѣдныхъ и болѣе богатыхъ, тѣмъ корпорація имѣла болѣе силы и значенія, — на Руси святой деньгами всего можно достигнуть. Но нельзя не сказать, чтобы тутъ не играли роли и религіозныя магометанскія побужденія. 2) Между живущими въ Касимовскомъ уѣздѣ татарами, кажется, не было помѣщичьихъ крѣпостныхъ крестьянъ, едва-ли они не всѣ принадлежали къ свободнымъ сословіямъ; тогда какъ русское касимовское крестьянство въ огромномъ большинствѣ рабствовало и было раззоряемо помѣщиками. 3) Наши лѣтописи приписываютъ великому князю Владиміру знаменитое изреченіе: „Руси веселіе есть пити“. И до сихъ поръ русскій человѣкъ и въ горѣ и въ радости любитъ выпить. Но Магометъ запретилъ своимъ послѣдователямъ употребленіе вина. Конечно, не всѣ татары соблюдаютъ эту заповѣдь: живя между русскими, и они тоже имѣютъ случай познакомиться съ чарочкою. Мнѣ и самому случалось встрѣчать татаръ пьяныхъ; а отъ сестры своей Марьи я знаю, что во время храмовыхъ и другихъ важныхъ праздниковъ въ окрестныхъ селахъ татары ходятъ по домамъ духовныхъ лицъ и знакомыхъ крестьянъ, поздравляютъ ихъ съ праздникомъ, не только не отказываются отъ рюмочки, но даже и просятъ ее,

если хозяинъ не догадывается попотчивать гостя винцомъ. Есть даже либералы между ними, которые, услыша слова: „Какъ-же пьете вы водку, вѣдь Магометъ запретилъ вамъ это дѣлать?“, отвѣчаютъ: „Нѣтъ, бачка, Магометъ не велѣлъ намъ пить только виноградныя вина, а про вашу водку ничего не сказалъ“. Но все-таки пьянство между касимовскими татарами было большою рѣдкостью; что-же удивительнаго, если они, не поддерживая кабаковъ, не страдая похмѣльями, а работая, лучше сберегаютъ копейку, нежели русскіе? 4) Татары и въ умственномъ отношеніи въ то время ушли далѣе, нежели русскіе тогдашніе крестьяне и мѣщане: у нихъ были училища не только въ Касимовѣ, но и по деревнямъ, и состояли, какъ я слышалъ, подъ начальствомъ ихъ духовныхъ лицъ. Конечно, тутъ учили татарской грамотѣ, но все-таки чему-нибудь да учили, все-таки расшевеливали голову; совершенно безграмотныхъ мужчинъ между ними было очень мало. Мимо касимовскаго татарскаго училища мы очень часто лѣтомъ ходили за травами къ рѣчкѣ Бабенкѣ и каждый почти разъ видали тутъ учениковъ, отдохавшихъ передъ домомъ на улицѣ въ одномъ бѣлѣ съ тебетейками на головѣ. Если мы ихъ не затрогивали, то они насъ никогда ничѣмъ не обижали, не преслѣдовали насмѣшками, на которыя были такъ щедры лаши единовѣрцы, позволяли намъ входить въ ихъ школу и показывали свои письмена. Но намъ нельзя-же было не высказать своего православнаго настроенія; мы то показывали имъ свинное ушко, то неделикатно намекали о Магометѣ; но въ такомъ случаѣ надобно было подальше отъ нихъ находиться, иначе за насмѣшку могли мы поплатиться своими боками. 5) Корпоративныя взаимныя отношенія, трезвость и своего рода образованность давали татарамъ возможность пріобрѣтать деньги посредствомъ торговли и другихъ занятій не только въ Касимовѣ, но и въ другихъ мѣстахъ, даже въ Петербургѣ. Многие ихъ купцы имѣли торговыя сношенія съ Казанью, Астраханью, Оренбургомъ и даже съ Хивой и Бухарою; послѣднее молва приписывала Салеху. Я зналъ нѣсколько татарскихъ магазиновъ въ Петербургѣ; въ одномъ изъ нихъ, на Невскомъ проспектѣ, не далеко отъ Николаевской улицы, я покупалъ себѣ шлафроки. Но въ Петербургѣ особенно любили нанимать касимовскихъ татаръ, изъ уваженія къ ихъ трезвости, въ дворники, кучера и

гарсоны въ кондитерскія; въ этихъ случаяхъ духовенство ихъ разрѣшило имъ оставлять національный свой костюмъ и одѣваться въ русскій. Не стану перечислять другихъ обстоятельствъ, но и сказаннаго здѣсь достаточно, чтобы видѣть, почему касимовскіе татары были болѣе богаты и пользовались лучшимъ благосостояніемъ, нежели русское простонародье. Но жители Касимова иначе на это смотрѣли: мнѣ самому много разъ случалось слышать, какъ благосостояніе татаръ приписывали пособію нечистой силы, очень внимательной къ этимъ окаяннымъ нехристямъ; при этомъ обыкновенно утѣшались тѣмъ, что ужъ достанется имъ на томъ свѣтѣ въ гееннѣ огненной; тогда какъ мы за свою вѣру во Христа распятаго будемъ тамъ наслаждаться райскимъ блаженствомъ.

Богатство, или, по крайней мѣрѣ, зажиточность дала татарамъ возможность не только быть независимыми отъ окрестнаго русскаго населенія, но и имѣть на него вліяніе. Ни въ одномъ русскомъ домѣ въ Касимовѣ или близъ него нельзя встрѣтить татарина работникомъ, тогда какъ въ татарскихъ домахъ очень много находится русскихъ, особенно женской прислуги. Живи татаринъ или татарка въ русской семьѣ, въ качествѣ постоянного наемнаго работника или работницы, какихъ-бы имъ ни пришлось перенести пасмѣшекъ не отъ дѣтей только, но и отъ взрослыхъ: услышали-бы они и „нехристь проклятую“ и „поганнаго кобылятника“; увидали-бы показываемое имъ подобіе свиного уха, составленное изъ угла полы платья, но и настоящее свиное ухо; ихъ-бы непременно постарались какъ-нибудь попотчивать и ветчиною, и свининою, и поросенкомъ; даже сѣумѣли-бы устроить дѣло такъ, что они сѣбли-бы какой-нибудь запрещенный кусочекъ какъ подсунутый. Нечего уже и говорить о томъ, что всякая хозяйка съ благочестивымъ негодованіемъ отвергла-бы просьбу ихъ сварить или изжарить въ общей печи кусокъ конины; подобный поступокъ сочли-бы оскверненіемъ всего дома. Но я достовѣрно знаю, что русская прислуга въ татарскихъ семьяхъ не увидитъ и не услышитъ ничего оскорбительнаго для ея религіозности; развѣ какой-либо избалованный мальчишка въ досадѣ сдѣлаетъ глупость, за которую, впрочемъ, отецъ и мать не оставятъ его безъ выговора или наказанія. Прислуга можетъ быть увѣрена, что ея въ насмѣшку не накормятъ, даже и не попот-

чуютъ конскимъ мясомъ; если у хозяевъ обѣдъ или ужинъ состоитъ только изъ него одного, то для русскихъ работника или работницы будетъ приготовлено особое кушанье.

Но нерѣдко можно услышать довольно странную жалобу русской прислуги въ татарскихъ домахъ. „Ну что, какова жизнь тебѣ у татаръ?“, спросите вы. „Нечего Бога гнѣвить, родимый, отвѣтятъ вамъ, жизнь хорошая, обиды не видимъ и не слышимъ, ребятишки добренькіе и ласковые, хозяинъ не бранчивъ, даже хозяйка не злится, но ужъ больно надоѣдаютъ чистота да порядокъ“. Это вотъ что значить. Я уже говорилъ о той неопрятности, которая не то что находится, а какъ-бы свирѣпствуетъ въ избахъ большей части русскихъ крестьянъ. О дворѣ нечего и говорить: если онъ стоитъ не на скатѣ, съ котораго сама вода стекала-бы, то по немъ въ дождливое время въ буквальномъ смыслѣ пройти невозможно не погружаясь въ грязь; при всей крестьянской непритязательности на комфортъ, иногда находятъ нужнымъ положить какія-либо еладины, чтобы по нимъ проходить не завязнувъ въ грязи. Естественно послѣ того, что телѣги и домашняя скотина не имѣютъ опредѣленныхъ мѣстъ, помѣщаются тамъ, гдѣ случилось, гдѣ хоть сколько-нибудь сухо, хоть-бы это было близъ самыхъ сѣней. Но татары въ этихъ случаяхъ любятъ чистоту и порядокъ: дворъ у нихъ большею частью вымощенъ и даже выметенъ, для телѣгъ и для скота отдѣльныя помѣщенія; хозяинъ требуетъ, чтобы все стояло на своемъ мѣстѣ; объ избѣ нечего и говорить, тамъ и у крестьянина татарскаго чище и опрятнѣе, нежели у инаго русскаго попа. Послѣ этого понятно, почему русская прислуга, привыкшая у себя дома жить и спать частенько со свиньями, телятами и пр. въ одномъ помѣщеніи, привыкшая дѣлать все какъ-нибудь, да какъ ни попало, куда-бы ни поставить, даже куда-нибудь ни бросить или ни сунуть,—почему она говоритъ, что въ татарскомъ домѣ ей ужъ больно надоѣдаетъ чистота и порядокъ.

Въ такъ называемую рабочую пору число наемныхъ русскихъ людей въ татарскихъ домахъ еще болѣе увеличивается. Татары владѣютъ въ деревняхъ гораздо большимъ количествомъ пахатной земли, нежели русскіе крестьяне, и, обрабатывая ее сами, не могутъ уже своими семействами убрать весь хлѣбъ.

Тутъ являются къ нимъ съ услугами русскіе, особенно женщины, цѣлыми партіями, нанимаются жать и молотить зерновой хлѣбъ, убирать сѣно и пр. Многіе успѣваютъ въ это время зашибить, какъ говорится, порядочную копейку. Но и не въ рабочую пору татары-торговцы доставляютъ много выгодной работы окрестному русскому женскому населенію. Они привозятъ разнаго рода шерсть и козій пухъ изъ восточныхъ, преимущественно изъ Оренбургской, губерній и раздаютъ расщипывать ихъ женщинамъ. Эту работу берутъ себѣ не только крестьянки, но и женщины духовнаго званія. Моя сестра Марья, со своими дочерьми, ею занималась очень часто. Къ сожалѣнію, работа эта не безопасна; замѣчено издавна, что отъ оренбургскихъ возьяго пуха и шерсти касимовскіе жители заражаются сибирскою язвою.

Наконецъ, надобно сказать что-нибудь о татарахъ въ религіозномъ отношеніи. Мечетей у нихъ находится довольно и по деревнямъ; около села Синулицъ я видѣлъ три мечети; это деревянныя невысокія зданія съ маленькою башенкою или чѣмъ-то похожимъ на такъ называемый фонарь на зданіяхъ. Но мечеть касимовская, какъ я уже говорилъ, каменная, хорошей архитектуры; особенно мнѣ нравился высокій минаретъ ея; онъ казался красивѣе, лучше многихъ тогдашнихъ касимовскихъ колоколенъ. Духовныя особы, изъ которыхъ состояла магометанская касимовская іерархія, носили различныя названія; я упомянулъ названія: ахуна, муллы, абыза и муедзина. Мулла соотвѣтствуетъ нашему попу; ахунъ выше его, нѣчто въ родѣ протопопа; муедзинъ замѣняетъ собою наши колокола и своимъ крикомъ созываетъ правовѣрныхъ на молитву въ мечеть; назначенія абыза не знаю. Ахунъ и мулла въ іерархическомъ отношеніи зависѣли отъ оренбургскаго муфтія, къ которому, какъ я слыхалъ, ѣзжали или для полученія наставленія или для чего-то похожаго на экзамены и приготовленія къ своимъ должностямъ. Сознаюсь, что мнѣ не удалось хорошенъко провѣрить эти свѣдѣнія относительно магометанскаго духовенства. Но зато видалъ я не одинъ разъ ахуна и муллу и на улицахъ и въ домахъ русскихъ; ихъ легко было различить по чалмѣ, которую они всегда носили. Меня въ нихъ поражало сознаніе личнаго своего достоинства, особенная солидность и важность

въ разговорѣ, взглядѣ и походкѣ. Это не русскій попъ, то низкопоклонный и суетливый предъ вліятельными лицами, то спѣсивый и недоступный для бѣдняка. Не берусь разъяснять причины такого обиднаго для насъ различія, потому что я не имѣлъ случая самъ наблюдать надъ бытомъ и образованностью муллъ.

Не знаю, исполняли-ли касимовскіе татары всѣ предписанныя Магометомъ ежедневныя омовенія и, такъ сказать, домашнія молитвословія, но въ каждую пятницу въ мечети непременно совершалось богослуженіе, па которое и собирались правовѣрные. Намъ, во время нашихъ экскурсій, случалось слышать, какъ мuedзинъ сзывалъ правовѣрныхъ на молитву. Онъ былъ слѣпой, здоровый и пожилой, но не старый еще человѣкъ. Идетъ, бывало, по площади около мечети одинъ безъ провожатаго, разговаривая самъ съ собою, можетъ быть, читая молитвы, отыскиваетъ камень вблизи мечети, кладетъ свою палку и самъ становится на него, затыкаетъ свои уши и начинаетъ что-то громко не просто говорить, а почти распѣвать, обирачиваясь и наклоняясь во всѣ четыре стороны. Но въ иныхъ, не знаю уже въ какихъ случаяхъ, онъ вѣззалъ на минаретъ и съ тамошней площадки раздавался его сильный и благозвучный голосъ, который слышно было на всѣхъ почти улицахъ города. При крикѣ мuedзина, какъ мы замѣчали, всѣ татары на улицахъ останавливались и дожидались окончанія его призыва. Въ преддверіи мечети богомольцы оставляли свои калоши, устанавливая ихъ рядами. Въ мечети они не стояли, а по-азіатски сидѣли на коврахъ, которыми полъ ея былъ устлавъ; во время богослуженія не только не разговаривали, какъ это дѣлается въ нашихъ церквахъ, но и не оборачивались назадъ; все вниманіе, по крайней мѣрѣ по внѣшности, сосредоточивалось въ молитвѣ и въ слушаніи того, что мулла читалъ. Въ это время въ преддверіи или передней комнатѣ можно было дѣлать все, что угодно, и ни одинъ правовѣрный не поворотилъ-бы головы своей назадъ. Русскимъ нельзя было обойтись и тутъ безъ шалостей и даже гадостей. Стоя въ передней, смѣшивали оставленные калоши, а то даже уносили пару другую; я помню, какъ нѣкоторые наши рослые ребята похвалялись, что они добыли себѣ въ мезгитѣ (такъ нами называлась мечеть) чоботы, т. е. калоши. Однажды

какіе-то негодяи затащили даже въ переднюю дохлаго поросенка. Не знаю, почему въ то время татары не имѣли караула при входѣ въ мечеть.

XXVI.

О начальствахъ, которымъ подчинялись ученики рязанскихъ духовныхъ училищъ.

Каникулы 1822 года провелъ я невесело; батюшка частенько напоминалъ мнѣ о моей лѣности, о томъ, что я никакихъ книгъ съ собою не принесъ домой. Потомъ не менѣе часто я слышалъ, что, послѣ каникулъ, мнѣ уже нельзя будетъ лѣниться, что меня въ Рязани отдадутъ подъ надзоръ строгаго ученика философѣи Алексѣя Ивановича Вихирева, что онъ меня вылѣчить розгами отъ моей лѣности и пр. Конечно, съ розгами, въ разнообразномъ ихъ приложеніи, я уже очень былъ знакомъ, зналъ также, что оставаясь въ Касимовѣ, я непременно буду лежать много разъ подъ ними, по распоряженію и учителей, и смотрителя, и Анны Яковлевны. Но въ Касимовѣ я все-таки былъ-бы вышекласснымъ, особою важною, а въ Рязани вышеклассные по отношенію къ богословамъ и всѣмъ почти ученикамъ семинаріи менѣе значать, нежели приходскіе для вышеклассныхъ въ Касимовѣ. Кромѣ того, еще отъ Евсея Прудкова, брата Алексѣя Вихирева, я уже слыхалъ о строгости и даже жестокости послѣдняго; зналъ, что онъ, для избѣжанія хлопотъ каждый разъ добывать розги, имѣетъ всегда отличную двухъ-хвостную ремennую плетку, купленную имъ въ лавкѣ; помню хорошо, что Евсей съ крайнею неохотою, даже со слезами, отправлялся въ Рязань подъ надзоръ своего брата. Все это, разумѣется, меня не радовало. Наконецъ, 7-го числа сентября, батюшка повезъ меня въ Рязань. Хотя я подѣвжалъ къ ней съ той именно стороны, съ которой можно ее видѣть въ самомъ живописномъ положеніи, впрочемъ, она меня уже не поразила такъ, какъ за четыре года Касимовъ; только нѣкоторыя зданія, напримѣръ, соборъ, присутственныя мѣста, семинарія и четырехугольникъ изъ лавокъ на новомъ базарѣ мнѣ показались великолѣпными.

Дня черезъ три по прїѣздѣ въ Рязань, меня отдали подъ команду Вихирева, но не на квартиру, а вмѣстѣ съ казенно-

коштными учениками въ семинарскій корпусъ, гдѣ жилъ и мой менторъ или, говоря языкомъ итонской школы, тьюторъ. Это помѣщеніе само по себѣ, безъ всякаго отношенія къ моему тьютору, не могло мнѣ понравиться. Въ то время семинарія и училище помѣщались въ одномъ и томъ-же зданіи. Квартирные ученики, отсидѣвши классъ, уходили въ свои квартиры и тамъ имѣли дѣло только съ тѣми учениками семинаріи, съ которыми вмѣстѣ квартировали. Конечно, эти семинаристы важно и большею частью сурово вели себя относительно училищныхъ, но все-таки ихъ было немного, человѣка 3—4, даже и менѣе. Но въ корпусѣ, на казенномъ, какъ тогда говорили, семинаристовъ было гораздо болѣе, нежели училищныхъ,—тѣ составляли настоящую аристократію, а эти были чѣмъ-то въ родѣ лицъ низшей расы и даже назывались презрительнымъ именемъ „бурсакъ“. Предъ всѣми богословами, предъ многими изъ философовъ мы должны были скидать свои фуражки, а потомъ чуть не каждый семинаристъ могъ насъ за шалости пощипать за волосы, подрать за уши,—все это были власти. Затѣмъ наибольшая часть живущихъ въ корпусѣ учениковъ была на даровомъ казенномъ содержаніи и называлась казенными; небольшая часть состояла изъ своекоштныхъ или, какъ ихъ называли, денежныхъ, которые обязаны были вносить за свое содержаніе 75—85 руб. сер. въ годъ; къ послѣднимъ принадлежалъ и я. Казеннокштные не любили денежныхъ. „Безъ васъ-бы, говаривали первые послѣднимъ, намъ было-бы просторнѣе, а то теперь вы насъ только тѣсните“. Озлобленіе казенныхъ достигало высшей степени, когда на ихъ жалобу о томъ, что пища дурна, начальство имъ отвѣчало: „Что вы раскапризничались? Вѣдь вы нищіе, васъ даромъ кормятъ казеннымъ хлѣбомъ, и вы-же жалуетесь? Если-бы пища дѣйствительно была дурна, то богатые отцы не стали-бы отдавать своихъ дѣтей на казенное и вносить за то деньги, а смотрите сколько у насъ живетъ денежныхъ?“ Услыхавши такія рѣчи, казенные насъ принимались ругать какъ нельзя хуже. „Вотъ, вы виноваты въ томъ, что насъ плохо кормятъ; вами вотъ прикрывается начальство; принесла васъ сюда нелегкая, убирались-бы отсюда“. Наконецъ, какъ я ниже опишу, и содержаніе было очень дурно, несравненно хуже, нежели какое имѣли семинаристы на квартирахъ. Казенные обыкновенно намъ гова-

ривали: „Ну что, денежные, хорошо-ли съ нами голодать? Мы люди бѣдные, намъ не на что нанять квартиру и содержать себя, ну а васъ что занесло сюда? Дураки вы, дураки“. Но едва-ли не самую большую для насъ тяжестью было обиліе и разнообразіе начальства надъ нами. Начну я описаніе своей рязанской жизни со всѣхъ этихъ начальствъ, чтобы дать понятіе о сложности и характерѣ нашей тогдашней училищной бурсацкой администраціи или установленной отъ правительства или составившейся на основаніи старинныхъ преданій.

Ученики училища, жившіе на казенномъ и помѣщавшіеся въ корпусѣ, были въ полной зависимости отъ семинарскаго начальства; всѣ ихъ шалости и неисправности, кромѣ тѣхъ, которыя замѣчались въ классахъ, разсматривались и наказывались семинарскими властями. Во все семилѣтнее мое житіе въ Рязани ни смотритель, ни инспекторъ не смѣли войти въ тѣ комнаты, гдѣ жили подчиненные имъ казенные ученики. Изъ семинарскаго начальства на насъ имѣли вліяніе трое: ректоръ, инспекторъ и экономъ.

Ректоромъ семинаріи въ то время былъ настоятель спаскаго монастыря архимандритъ Іеронимъ. По происхожденію своему онъ принадлежалъ къ духовенству Рязанской губерніи. Я не знаю, ограничивалось-ли его образованіе только рязанскою семинаріею или онъ обучался въ славяно-греко-латинской академіи, но послѣднее, кажется, вѣроятнѣе. По существовавшему тогда обычаю, онъ едва-ли не во всѣхъ классахъ перебивалъ учителемъ и, поднимаясь выше и выше, сдѣлался подъ конецъ учителемъ богословія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, префектомъ (инспекторомъ), а, наконецъ, ректоромъ семинаріи. Кромѣ того, сначала онъ былъ священникомъ и достигъ постепенно до званія кафедральнаго протоіерея, но, овдовѣвъ, поступилъ въ монашество и послѣ управлялъ спаскимъ въ Рязани монастыремъ въ званіи архимандрита. Служба его при семинаріи была весьма продолжительна. Слыхалъ я отъ своего батюшки, что еще при поступленіи его въ семинарію, въ 1797 г., Іеронимъ уже былъ съ сѣдою бородою и считался старикомъ, издавна служившимъ въ семинаріи. Когда-же онъ скончался, въ началѣ царствованія Николая I, то тогдашній инспекторъ семинаріи, Геденъ, въ надгробной проповѣди имѣлъ полное право сказать, что въ ря-

занской епархіи нѣтъ ни одного священника, воспитывавшагося въ семинаріи, который-бы не обучался у Іеронима. Надобно полагать, что онъ принадлежалъ къ семинаріи до 45—50 лѣтъ.

Если смотрѣть на эту въ своемъ родѣ замѣчательную личность съ тогдашней точки зрѣнія, то его слѣдуетъ считать очень ученою. Богословіе, преподававшееся тогда вполне въ схоластическомъ духѣ, онъ зналъ какъ надобно было для хорошаго учителя схоластика. Затѣмъ, еврейскій языкъ былъ его любимымъ занятіемъ и почти спеціальностью; о латинскомъ языкѣ нечего и говорить,—онъ довольно свободно на немъ могъ объясняться. Кромѣ того, любилъ заниматься исторіею рязанской епархіи и написалъ о ней, какъ тогда всѣ говорили, цѣлую книгу. Но учитель гимназій Воздвиженскій, выпросивши у него рукопись для прочтенія, издалъ ее въ свѣтъ отъ своего имени. Слухъ этотъ, кажется, былъ справедливъ. Послѣ Іеронимъ еще много дѣлалъ прибавленій къ изданной Воздвиженскимъ исторіи рязанской епархіи; я самъ видѣлъ, какъ моимъ тѣмъ-то Алексѣемъ Вихиревымъ переписано было множество листовъ такихъ прибавленій, но не знаю куда всѣ эти труды дѣвались и даже для чего дѣвались. Несмотря, впрочемъ, на свою ученость, въ которую самъ Іеронимъ, можетъ быть, болѣе другихъ вѣрилъ, ему пришлось испытать большую непріятность при преобразованіи семинаріи въ 1815 году. Отъ всѣхъ тогдашнихъ семинарскихъ учителей требовали конспекты преподаваемыхъ ими наукъ. Представленный Іеронимомъ конспектъ богословія найденъ недостаточнымъ, и почтенный старецъ лишенъ былъ права преподавать богословіе и остался только ректоромъ семинаріи. Какъ-бы въ отмщеніе за это униженіе свое, онъ не очень снисходителенъ былъ къ лицамъ, принадлежавшимъ къ новому образованію или къ тѣмъ, которые руководили имъ. По праву ректора, онъ ходилъ нерѣдко на классъ, особенно богословія, которое преподавалъ Гавріилъ, бывшій послѣ архіепископомъ рязанскимъ. Этотъ человѣкъ съ довольно слабыми способностями, безъ обширныхъ свѣдѣній, безъ дара свободно объясняться, робкій, застѣнчивый чрезвычайно, стѣснялся присутствіемъ ректора, конфузился, въ замѣшательствѣ обращался къ нему со словами: „такъ-ли это?“ и т. п. И ректоръ съ надменною и вмѣстѣ насмѣшливою снисходительностью отвѣчалъ: „Такъ, такъ, продолжайте“. Гавріилъ

еще болѣе конфузился и ректоръ торжествовалъ. „Вотъ и новое образованіе, говаривалъ онъ своимъ знакомымъ, куда какъ хорошо!“ Такіе отзывы слыхалъ мой батюшка отъ самого Іеронима, къ которому онъ, какъ бывшій любимый ученикъ, хаживалъ. Не очень высоко думалъ Іеронимъ и о знаменитомъ въ то время архіепископѣ рязанскомъ Феофилактѣ, дѣйствительно умномъ человѣкѣ. Однажды, Феофилактъ говорилъ въ рязанскомъ соборѣ проповѣдь о просвѣщеніи; говорилъ безъ тетради. по составленному напередъ плану. Сначала онъ описывалъ какъ иногда просвѣщеніе бываетъ вреднымъ (разумѣется, съ монашеской точки зрѣнія); но потомъ, утомился-ли или забылъ составленный планъ, онъ ничего не сказалъ о пользѣ просвѣщенія; такимъ образомъ и вышло, что просвѣщеніе только вредно. Мой батюшка, выслушавшій всю эту проповѣдь, зашелъ послѣ обѣдни къ Іерониму и разсказалъ ему о странности содержанія проповѣди. „Вотъ то-то, молодежь, сказалъ Іеронимъ,—говорить безъ подготовки! Хотѣлъ, вѣроятно, описать вредъ и пользу просвѣщенія, да о послѣдней и забылъ, вотъ и вышло Богъ знаетъ что! А все это новое образованіе! Верхогляды“.

Іеронимъ жилъ въ Спасскомъ монастырѣ, а въ семинарію пріѣзжалъ ежедневно въ 10—11 часу, кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней. Здѣсь обыкновенно отправлялся прямо въ правленіе семинаріи и тамъ съ членами и секретаремъ его занимался дѣлами, разговаривалъ и пр. Случалось, что и ученики, волею или неволею, являлись къ нему въ правленіе для какихъ-либо объясненій, для подачи прошеній, напр. о принятіи на казенное, для отвѣтовъ по случаю какихъ-либо шалостей и пр. Во всѣхъ этихъ и имъ подобныхъ случаяхъ, большая часть вступала въ правленскія комнаты, если не со страхомъ, то не безъ опасеній. Іеронимъ самъ по себѣ былъ добрый, простой и честный человѣкъ, но иногда дѣлался грознымъ. Въ былое время, для расправы съ учениками за ихъ шалости, лѣнь и пр., онъ довольно щедръ былъ на тѣлесное наказаніе, для чего въ правленіи, какъ я уже выше сказалъ, хранилось нѣсколько ременныхъ плетей, съ двумя и тремя хвостами. Ихъ употребляли не только въ правленіи по распоряженію начальниковъ, но и каждый учитель имѣлъ право, въ случаѣ надобности, послать за ними и прилагать ихъ къ тому

или другому ученику. Въ то время какъ я поступилъ въ рязанское училище, кажется, плетей уже не было въ правленіи, но Іеронимъ любилъ дѣлать своеручныя расправы. Разсердившись на ученика за что-нибудь, онъ лѣвою рукою бралъ его за грудь, а правую начиналъ колотить по головѣ, по щекамъ, а иногда пускалъ въ ходъ и палку. Въ этихъ случаяхъ ученику надобно было стараться какъ можно скорѣе вырваться изъ рукъ и убѣжать изъ правленія; ректоръ иногда преслѣдовалъ его нѣсколько шаговъ по коридору, но потомъ, возвратившись въ правленіе, говаривалъ: „Вотъ я его, досталось ему“. Тѣмъ дѣло почти всегда и оканчивалось. Подобный случай былъ съ моимъ пріятелемъ, бывшимъ одноквартирантомъ въ Касимовѣ, Евсеемъ Прудковымъ или Вихиревымъ. Въ 1822 г. его не перевели въ риторику, но онъ вмѣстѣ съ другими началъ требовать новаго для себя экзамена, а между тѣмъ, ходилъ въ низшее отдѣленіе семинаріи или въ риторику. Когда-же правленіе отказало имъ въ просьбѣ, то они подали жалобу къ архіерею, который и сдалъ ее на разсмотрѣніе правленію. Тутъ-то ректоръ нашелъ лучшимъ пустить въ ходъ свою методу, призвалъ бунтовщиковъ въ правленіе и, схвативши Евсея за грудь, пачалъ потчивать его кулаками. Прочіе, видя угрожающую имъ расправу, бросились вонъ изъ правленія; самъ Евсей кое-какъ вырвался изъ рукъ ректора и тоже убѣжалъ. Ректоръ преслѣдовалъ ихъ нѣсколько даже по коридору, но потомъ возвратился въ правленіе и больше ничего не сдѣлалъ. Ученики, разумѣется, перестали думать о риторикѣ. Такимъ-же образомъ Іеронимъ поступалъ, если шалуны ученики попадались ему прямо на глаза. Въ этомъ отношеніи происходили иногда очень забавныя сцены. Тогда были въ обыкновеніи, какъ увидимъ ниже, кулачныя бои въ классахъ. Случалось, что ректоръ, проходя въ правленіе мимо класса, въ которомъ происходило подобное побоище, заглядывалъ туда. Увидавши сражавшихся, онъ вступалъ въ классъ и начиналъ бить своею тростью всѣхъ, до кого она могла достать. Разумѣется, ученики быстро разсаживались по мѣстамъ, но случалось, что на самого отца ректора нападалъ воинственный азартъ, онъ начиналъ безъ всякаго разбора колотить сидѣвшихъ на первой партѣ учениковъ; если кто-либо изъ нихъ старался присѣсть на полъ, то ректоръ доставалъ его концомъ палки.

Когда-же съ первой парты всѣ разбѣгались, то принимался за вторую и даже за третью. Дѣло оканчивалось тѣмъ, что, наконецъ, ученики или лежали подъ партами или стояли назади ихъ у стѣнъ, куда уже не могла достать ректорская трость. Тогда Іеронимъ начиналъ ходить по классу чѣмъ-то въ родѣ разсерженнаго индѣйскаго пѣтуха, приговаривая: „Разбойники, попрятались, ага, вотъ я васъ, видишь какіе“ и проч., потомъ мирно уходилъ изъ класса, а ученики чрезъ нѣсколько минутъ вновь принимались за кулачный бой, зная, что теперь уже изъ правленія ректоръ не придетъ ихъ разгонять. Но все-таки Іеронимъ былъ грознымъ существомъ для насъ. Бывало, едва завидятъ въ коридорѣ его сѣдую бороду, какъ всѣ разбѣгутся по своимъ классамъ, и онъ доходилъ до правленія по пустынному уже коридору. Что-же касается до внутренняго управленія семинаріею, особенно училищемъ, то Іеронимъ, кромѣ бумажнаго, такъ сказать, дѣла, почти ни до чего не касался. Въ тотъ годъ, какъ я жилъ на казенномъ, онъ ни разу не ходилъ ни по классамъ, ни по жилымъ ученическимъ комнатамъ, не заглянулъ ни въ столовую, ни въ кухню.

При всемъ томъ, ученики любили Іеронима и очень сожалѣли, когда его уволили изъ семинаріи. Конечно, онъ, какъ выше объяснено, любилъ прибѣгать къ кулачному праву, но семинаристы не очень сердились на это, потому что оно было прилагаяемо къ немногимъ; отъ него была возможность спастись бѣгствомъ; мы тогда держались пословицы: за всякимъ тычкомъ не гонятся. Притомъ у насъ ходили рассказы, изъ которыхъ видно было, что Іеронимъ въ горячности не давалъ спуска и высокимъ людямъ. Однажды архіепископъ Сергій за что-то сталъ дѣлать выговоръ Іерониму; этотъ въ свою очередь не хотѣлъ уступить, оба начали горячиться и дѣло кончилось тѣмъ, что архіерей взмахнулся на Іеронима тростью, но этотъ, замѣтивъ грозившую ему опасность, отпарировалъ своею тростью направленный на него ударъ, такъ что архіерей не могъ удержать въ рукахъ своего оружія. Было-ли это такъ, какъ здѣсь описано, я не знаю, но мы всѣ тогда вѣрили рассказу; такъ къ чему-же намъ было сердиться на ректора, если отъ него кому-либо за что-нибудь и доставалось палкою? за то терпѣть онъ не могъ прибѣгать къ исключенію учениковъ, ко

внесенію ихъ въ книгу поведенія и пр. Если не былъ ничѣмъ обиженъ, то обращался съ учениками необыкновенно просто, по отечески, безъ всякой гордости. Къ проступкамъ учениковъ былъ снисходителенъ, особенно на пьянство смотрѣлъ, какъ говорится, сквозь пальцы. Тутъ, можетъ быть, помогало и то обстоятельство, что онъ самъ хоть не былъ записнымъ поклонникомъ Бахуса, но любилъ раздѣлить съ кѣмъ-нибудь веселую компанію. Этимъ объясняли, и кажется справедливо, почему у него задолго, за десятки лѣтъ до смерти, руки дрожали и онъ не могъ написать прямой линіи ни въ одной изъ буквъ. Кромѣ того, уже во время моего житія въ Рязани, много бывало случаевъ, когда его видали возвращавшимся изъ гостей въ монастырь очень навеселѣ, даже безъ клобука. Разказы о такой жизни семинаристамъ нравились и дѣлали Іеронима очень популярнымъ между ними. Наковецъ, онъ былъ честный человѣкъ, не пятналъ себя ни взяточничествомъ, ни казнокрадствомъ, не пользовался отъ семинаріи ничѣмъ.

Инспекторомъ семинаріи въ то время былъ соборный протоіерей Егоръ Сидоровичъ Полотебновъ, рязанецъ по происхожденію, товарищъ моего батюшки по семинаріи, обучавшійся въ первомъ курсѣ петербургской духовной академіи и имѣвшій степень магистра богословія. Несмотря на то, что лицо его было изрыто глубокими рябинами, онъ своею сановитою походкою, грандіозными пріемами, иптопаціею голоса, величественною осанкою внушилъ къ себѣ уваженіе не только въ семинаріи, но и во всемъ городѣ. Городскіе жители особенно любили его за проповѣди, и когда узнавали, что онъ будетъ поучать ихъ, наполняли весь соборъ. Сама аристократія, дворянская и чиновная, къ нему была весьма внимательна; генераль-губернаторъ Балашовъ поручилъ ему обучить своихъ дѣтей закону Божію и принималъ его у себя съ почетомъ не только въ Рязани, но и послѣ въ Петербургѣ. Въ которомъ-то изъ сороковыхъ годовъ Полотебновъ по своимъ дѣламъ пріѣхалъ въ Петербургъ и явился въ домъ Балашова, котораго одинъ сынъ въ то время женился. Женихъ настоялъ на томъ, чтобы бывшій его законоучитель повѣнчалъ его, хотя для этого надобно было испрашивать особое разрѣшеніе у митрополита. Но вмѣстѣ съ тѣмъ Полотебновъ отличался невыносимою гордостью и самолюбіемъ и имѣлъ

высокое мнѣніе о своемъ умѣ. Впрочемъ, дѣйствительно, онъ былъ очень хорошій профессоръ, и Іеронимъ, любившій конфузять Гавріила своимъ присутствіемъ на лекціяхъ, къ Полотебнову никогда не являлся. Какъ инспекторъ, онъ со своею семьею жилъ въ семинарскомъ зданіи, но своею должностію занимался плохо. Между семинаристами, особенно богословами и философами, пьянство было ужасное. Въ началѣ каждой трети по возвращеніи изъ домовъ они кутили недѣли по двѣ и пропивали привезенныя отъ отцовъ деньги. По компатамъ и въ столовую Полотебновъ ходилъ очень рѣдко, поэтому и въ комнатахъ было множество безпорядковъ. Иногда, впрочемъ, любилъ онъ прибѣгать къ собственноручнымъ расправамъ. Услыхавши о проступкѣ какого-либо ученика, онъ требовалъ его къ себѣ и, увидѣвъ въ своей прихожей, не разспросивши ничего, хватался прямо за волосы и начиналъ таскать, приговаривая: „Ахъ ты, мерзавецъ, вотъ я тебя“. Уставши, наконецъ, онъ останавливался, тогда ученикъ, поправившись, обращался къ нему и спрашивалъ: „За что-же его такъ больно таскали?“ Тутъ начинались взаимныя объясненія. Случалось, что ученикъ умѣлъ вполне оправдаться отъ взпесеннаго на него обвиненія, тогда инспекторъ серьезно говаривалъ: „Экой ты какой, что-жъ ты мнѣ сначала не объяснилъ всего? а то вотъ я тебя избилъ“,—хотя, по правдѣ сказать, онъ не давалъ ученику произнести ни одного слова. Не удивительно послѣ этого, что къ нему ходить ученики чрезвычайно боялись и слова: „Я скажу Егору Сидоровичу, я пожалуюсь отцу инспектору“—нерѣдко успокаивали буйную голову.

Третьимъ членомъ правленія семинаріи былъ экономя, профессоръ философіи, магистръ, Михаилъ Алексѣевичъ Кротковъ. Какъ преподаватель, онъ пользовался большимъ уваженіемъ, умѣлъ заинтересовывать учениковъ въ классѣ и, сверхъ того, чрезвычайно свободно объяснялся на латинскомъ языкѣ. Какъ экономя, онъ отличался привязчивостію, даже драчливостію, вѣчнымъ ворчаньемъ на учениковъ, прислуживаньемъ ректору, умѣньемъ обращать казенную копейку въ свою пользу, казнокрадствомъ, доходившимъ нерѣдко до цинизма. Про него рассказывали, что онъ, покупая дрова по вольнымъ цѣнамъ на базарѣ, училъ мужиковъ какъ они должны были говорить, когда ихъ станутъ въ семинаріи спрашивать о цѣнѣ. Сторговавшись

съ ними, онъ говаривалъ имъ: „Ну вотъ посмотрите, за воза я заплачу столько-то (напр., одинъ рубль), но когда прїѣдемъ мы въ семинарію и къ вамъ выйдетъ высокій, рябой попъ (инспекторъ Полотебновъ) и спроситъ: „что стоитъ возъ?“ тогда говорите столько-то (обыкновенно больше, напр. 1 р. 25 коп.)“. Повторивши имъ наставленіе, онъ садился на одинъ изъ возовъ и потомъ на дорогѣ вдругъ приказывалъ всему обозу остановиться. Подозвавши къ себѣ мужиковъ, онъ спрашивалъ ихъ не своимъ голосомъ, а тѣмъ, который онъ приписывалъ Полотебнову: почему продали возъ? Если мужики отвѣчали сообразно съ даннымъ наставленіемъ, то продолжали путь, но если кто-либо изъ нихъ произносилъ настоящую цѣну, за которую дѣйствительно куплены были дрова, тогда на улицѣ начинался новый урокъ и пр.

Этотъ ученый философъ и ловкій казнокрадъ по внѣшнему своему виду походилъ на тотъ идеалъ, которымъ обрисовываетъ русскій народъ такъ называемаго Кашея безсмертнаго. При среднемъ ростѣ былъ тонокъ, сухощавъ, всегда съ наклоненною внизъ головою и съ озабоченнымъ видомъ, сердитый, злой и пр., но вмѣстѣ съ тѣмъ неутомимый хлопотунъ. Съ учениками Кротковъ обращался различно, смотря по тому, въ какомъ классѣ они обучались. Предъ богословами онъ былъ чрезвычайно вѣжливъ, а предъ старшими при случаѣ подловать, даже равнодушно переносилъ отъ нихъ оскорбленія. Однажды богословъ Пановъ, пробираясь ночью по темному коридору, чтобы догнать своего товарища Степана Попова, вмѣсто него поймалъ эконома и безъ церемоніи началъ тузить его кулаками, конечно, шутиливо, не очень больно, однако, все-таки чувствительно, приговаривая: „Попался-же ты мнѣ, мошенникъ, вотъ я тебѣ“, и пр. Кротковъ, зная, что его ученики не любятъ, вообразилъ, что кто-то вздумалъ поколотить въ темнотѣ и потому, молча вынося удары, постарался поскорѣе добраться до кухни. Пановъ не препятствовалъ этому и только тогда, какъ оба они очутились въ кухни и экономъ запыхавшись закричалъ комиссару: „Дорофей, Дорофей, смотри-ка, меня бьютъ, держи его“, только тогда Пановъ узналъ свою ошибку. Извинившись въ ней, рассказалъ, какъ онъ преслѣдовалъ Попова и пр., просилъ Кроткова простить его, и дѣйствительно получилъ прощеніе. Съ философами, своими учениками въ классѣ, онъ обращался

не очень ласково; у него принято было за правило, чтобы за уроки каждый непременно, не исключая лучшихъ учениковъ, выстоялъ дня два, три на колѣняхъ, притомъ по срединѣ класса у печки „Alectus, обыкновенно онъ говаривалъ, извольте идти къ печкѣ“ Но внѣ классовъ онъ тоже, какъ и предъ богословами, былъ вѣжливъ и любилъ попутить, даже пошалить. Однажды ученикъ философіи Петръ Ивановичъ Никольскій пришелъ въ кухню, чтобы попользоваться тамъ сухарями, т. е. тѣми оставшимися послѣ обѣда и ужина хлѣбными кусками, которые, по распоряженію Кроткова, засушивались въ хлѣбной печи и потомъ продавались на сторону. Чтобы удобнѣе выбирать сухари. Никольскій, высокій дѣтина, половиною своей особы вдвинулся въ печь, такъ что наружу оставались одни его ноги. Въ это время вошелъ въ хлѣбную Кротковъ и, узнавши чьи это ноги выдаются изъ печи, всталъ близъ нея и началъ трогать и даже щипать Никольскаго. Тотъ, думая, что шалить кто-либо изъ его товарищей, кричалъ, не вылѣзая изъ печи: „Отойди, не трогай меня, смотри, вылѣзу, расправлюсь съ тобою“, и старался своими ногами достать своего врага. Но Кротковъ ловко уклонялся отъ его ударовъ и продолжалъ его тревожить. Наконецъ Никольскій не выдержалъ и, быстро выскочивъ изъ печи, вскричалъ: „Ну держись-же теперь“, и тутъ-то только увидѣлъ, что съ нимъ пошучивалъ его профессоръ. Разумѣется, все покончилось смѣхомъ. Но совсѣмъ другимъ человѣкомъ былъ Кротковъ относительно риторовъ и другихъ училищныхъ мальчиковъ. Напримѣръ, если онъ кого-либо изъ нихъ заставлялъ въ положеніи Никольскаго, то онъ пускалъ въ ходъ свою трость и успѣвалъ, ударить раза два—три похитителя сухарей, прежде нежели тотъ выбирался изъ печи. А иногда даже приказывалъ сторожамъ держать ноги виновнаго, приподнять платье и рубаху, не трогая, впрочемъ, инекспресиблей; тогда тоже своеручно отсчитывалъ до пяти и болѣе горячихъ ударовъ, отъ которыхъ появлялись иногда синяки на тѣлѣ. Даже если Кротковъ заставлялъ кого-либо изъ риторовъ и училищныхъ не въ надлежащее время на кухнѣ, то опять расправлялся своею палкою. Станетъ у выходной двери, велитъ идти по одиночкѣ и каждого надѣляетъ однимъ или двумя ударами. Если-же, почему-либо, бывалъ сильно раздраженъ, то на кухнѣ училищныхъ мальчиковъ сѣкалъ роз-

гами; но для своекоштныхъ, денежныхъ учениковъ всѣхъ классовъ онъ былъ грозенъ въ другомъ отношеніи. Деньги за свое содержаніе мы должны были вносить въ началѣ трети. Если недѣли черезъ двѣ или три это не было исполнено, то Кротковъ призывалъ къ себѣ и начиналъ бранить, таскать за волосы, бить по щекамъ, разумѣется, риторовъ и училищныхъ, и запрещалъ ходить въ столовую за обѣдъ и ужинъ. Это, впрочемъ, еще было сносно. Большею-же частію, онъ отыскивалъ во время-же обѣда или ужина неплательщика-ученика и тутъ, при всѣхъ, выгонялъ изъ столовой и позволялъ нерѣдко своей трости и рукамъ дѣйствовать. Я однажды подвергался этому въ его квартирѣ, но Вихиревъ кое-какъ уговорилъ его позволить мнѣ ходить въ столовую. Зато, когда бывало принесешь къ нему деньги за свое содержаніе, то онъ выказывалъ необыкновенную вѣжливость и ласку. „Хорошо, другъ мой, вотъ такъ хорошо, спасибо тебѣ, говаривалъ онъ съ самою милою улыбкою, погоди, пожалуйста, сейчасъ тебѣ напишу росписку“, и пр.

Три почтенныя особы, здѣсь мною описанныя, не могли поладить между собою и раздѣлились на двѣ враждебныя арміи: первая состояла изъ Іеронима и Кроткова, а вторую составлялъ одинъ Полотебновъ. Главными виновниками тутъ были Кротковъ и Полотебновъ. Первому хотѣлось уэкономливать казенныя денежки только для себя самого, но и послѣдній, хотя и выставлялъ себя ревнителемъ правды и честности, любилъ запустить лапы въ чужіе карманы, какъ увидимъ ниже. Можетъ быть, Кротковъ нашелъ-бы возможность удовлетворять его, но Полотебнову хотѣлось, кромѣ того, быть командиромъ эконома и распоряжаться имъ какъ подчиненнымъ. Кротковъ, какъ профессоръ, какъ магистръ, какъ человѣкъ умный, не хотѣлъ сдѣлаться лакеемъ гордеца, сталъ заискивать и успѣлъ пріобрѣсти расположеніе ректора. Послѣдній, самъ по себѣ человѣкъ честный и ненавистникъ клеузъ, былъ увлеченъ въ ссору не только интригами Кроткова, но и гордостью Полотебнова, который, въ качествѣ магистра и человѣка новаго образованія, ставилъ себя выше Іеронима, тогда какъ этотъ и по лѣтамъ, и по службѣ, и по должности, и по нравственному характеру заслуживалъ исполнѣ уваженіе. Ссора сначала ограничивалась на словахъ: Полотебновъ постоянно доказывалъ, что экономъ дурно кормитъ

казеннокоштныхъ учениковъ,—это была правда. Кротковъ умѣлъ эти обвиненія опровергать; наконецъ, дошло дѣло до бумажнаго производства. Полотебновъ, узнавши, что Кротковъ и другіе свѣтскіе профессора, жившіе въ семинарскомъ зданіи, ѣдятъ скоромную пищу въ постные дни, однажды отобралъ изъ кухни горшки съ нею и представилъ ихъ въ правленіе, объяснивъ въ своей запискѣ, что профессора, особенно, разумѣется, Кротковъ, своимъ несоблюденіемъ постовъ подаютъ дурной примѣръ семинаристамъ и развращаютъ благовоспитываемое духовное юношество. Дѣло пошло формальнымъ порядкомъ и представлено на усмотрѣніе архіерея. Тогдашній владыка Сергій не счелъ за нужное заниматься подобными кухонными дразгами и оставилъ дѣло безъ послѣдствій. Полотебновъ вновь началъ дѣло о горшкахъ. Опять о немъ пошелъ докладъ къ архіерею, который, наконецъ, положилъ официальную резолюцію: „дѣло о горшкахъ считать оконченнымъ“. Замѣчательно, что горшки, какъ вещественныя доказательства совершеннаго преступленія, во время дѣлопроизводства долго оставались въ присутствіи правленія.

Потерпѣвъ пораженіе на горшкахъ, Полотебновъ повелъ атаку на Кроткова съ другой стороны: онъ донесъ, что хлѣбъ, приготовляемый для учениковъ, чрезвычайно дуренъ и что въ этомъ, разумѣется, виноватъ экономъ, который или покупаетъ дурные запасы или не умѣетъ сберегать ихъ. Кротковъ на это отвѣтилъ, что дѣйствительно нѣсколько разъ были дурные хлѣбы, но въ этомъ виноватъ Полотебновъ, котораго кухня находится надъ кладовою съ съѣстными запасами. Онъ-де Полотебновъ плохо смотритъ за своею прислугою, которая льетъ и проливаетъ воду на кухнѣ; кромѣ того, почти постоянно откармливаетъ на кухнѣ молодыхъ телятъ; жидкость отъ нихъ и разливаемая прислугою вода проникли изъ кухни въ кладовую, испортили здѣсь отличную муку и отъ этого-де вышли дурные хлѣбы.

Полотебновъ блистательно опровергъ это обвиненіе. Онъ доказывалъ, что въ кладовой потолокъ каменный, со сводами, и что слѣдовательно никакая жидкость сквозь него проходить не можетъ. Да если-бы и прошла, то могла-бы испортить небольшое количество муки въ тѣхъ ларяхъ, которые стоятъ прямо подъ кухнею; тогда какъ небольшая часть кладовой находится подъ комнатами эконома.

Потомъ Полотебновъ доказывалъ, что вода, попавши въ муку, дальше-бы въ нее не проникла, такъ какъ намокшая ржаная мука, разбухнувъ, не пропуститъ сквозь себя никакой жидкости и тѣмъ самымъ предохранитъ отъ порчи низшіе свои слои.

Кротковъ на это отвѣчалъ новыми какими-то глупостями.

Были и другія еще кляузы и о всѣхъ нихъ враждующія стороны постарались довести не только до архіерея, но и до комиссіи духовныхъ училищъ.

Она поручила архіерею помирить враждующихъ, удалила отъ семинаріи всѣхъ трехъ членовъ правленія и еще профессора Мокея Тарасова и лекаря, которые какимъ-то образомъ ухитрились припутать себя къ ссорѣ.

Разгорячившіеся противники, считая себя правыми, не хотѣли дѣлать другъ другу никакихъ уступокъ.

Къ тому-же времени случилось въ семинаріи происшествіе, которое привело семинарское начальство въ столкновеніе съ губернаторомъ и надѣлало не мало хлопотъ архіерею. Приступимъ къ описанію этого событія. Замѣчу, что семинаристы скучали и тяготились своей бурсацкой жизнію и схоластическою, безплодною ученостію, издавна искали себѣ выхода изъ своей тюрьмы и сами придумывали для себя развлечения, которыя-бы хоть сколько-нибудь поразнообразили ихъ жизнь.

Большинство обращалось къ той жидкости, въ которой русскій человѣкъ ищетъ утопить и свое горе и свою радость; но у другихъ являлось желаніе поразвеселить себя сценическими представленіями.

Это желаніе умному начальству слѣдовало-бы поддерживать, оживлять и облагораживать. Но монашеская администрація въ 19-мъ столѣтіи была до-нельзя нерасположена къ театру и ко всему, что къ нему болѣе или менѣе относилось.

О причинѣ этого нерасположенія со временемъ поговорю поподробнѣе, а теперь только скажу, что въ теченіе всей моей жизни семинарское начальство нигдѣ и никогда не позволяло своимъ подчиненнымъ устраивать временно-домашній театръ.

Но въ 1823 г. ученики средняго отдѣленія рязанской семинаріи, несмотря ни на что, разыгрывали комедіи въ казенномъ помѣщеніи, съ 11-ти часовъ вечера, когда почтенное начальство успокаивалось отъ трудовъ дневныхъ.

Сцена устраивалась въ одной изъ жилыхъ ученическихъ комнатъ; вмѣсто всякихъ декорацій и занавѣсовъ, протягивались веревки, по которымъ передвигались сшитыя другъ съ другомъ простыни; на эту сцену актеры выходили въ дверь изъ сосѣдней комнаты. Окна театральной комнаты плотно изнутри завѣшивались суконными одѣлами, сквозь которыя свѣтъ не проходилъ.

Первое представленіе въ январѣ и февралѣ прошло благополучно и очень понравилось какъ актерамъ, такъ и публикѣ; поэтому послѣ Пасхи рѣшились давать новое представленіе, но при этомъ не рассчитали того, что при однихъ лѣтнихъ рамкахъ отъ рукоплесканій (а безъ нихъ обойтись нельзя было) будетъ слышенъ на улицѣ шумъ.

Представленіе началось, актеры употребляли всѣ усилія, чтобъ заслужить благосклонность публики, которая, съ своей стороны, награждала ихъ не только рукоплесканіями, но и криками браво!

Рукоплесканія и крики, разумѣется, не отличались скромностью; 150—200 восторженныхъ зрителей не жалѣли ни рукъ, ни легкихъ своихъ. Когда-же по окончаніи всѣхъ разыгранныхъ пьесъ вызывали отличившихся актеровъ, вдругъ произошла суматоха, стали тушить свѣчи, просили зрителей поскорѣ розойтись, а бывшимъ тутъ квартирнымъ ученикамъ посовѣтывали не выходить изъ семинаріи. Все это произошло отъ того, что губернаторъ, кажется Лобановъ-Ростовскій, съ своимъ семействомъ, въ сопровожденіи порядочной свиты, шелъ откуда-то изъ гостей (ночь была прекрасная) мимо семинаріи и услыхалъ ужасный шумъ съ рукоплесканіями.

Ему захотѣлось доискаться причины этого явленія; лакеи поднялись къ окнамъ театральной комнаты, но сквозь одѣла ничего не могли видѣть; одному изъ нихъ пришла мысль посмотреть въ сосѣднюю комнату, которая служила гардеробною для актеровъ; въ ней окна были не очень плотно завѣшаны; лакей сказалъ губернатору, что тутъ много женщинъ (т. е. семинаристовъ, которые были одѣты въ чепцы и шляпки, чтобы разыгрывать женскія роли).

Губернаторъ велѣлъ случать и спросить: „что тутъ такое дѣлается?“ Услышавши это, семинаристъ отвѣтилъ: „а тебѣ что за дѣло, убирайся къ чорту!“

Лакей сказалъ, что спрашиваетъ губернаторъ и получилъ въ отвѣтъ: „ну вотъ еще что? Какая тамъ свинья губернаторъ!“

Почтенный начальникъ губерніи, принявъ такое обидное названіе на свой счетъ, закричалъ, обратившись къ окнамъ тѣхъ комнатъ втораго этажа, гдѣ жилъ Полотебновъ.

„Егоръ Сидоровичъ! Что вы спите? Что смотрите? У васъ тутъ!“

Егоръ Сидоровичъ спалъ въ комнатѣ, которой окна выходили на противоположную сторону, и ничего не слышалъ.

Губернаторъ, разгорячившись, поспѣшилъ къ воротамъ и увидя многихъ семинаристовъ, стоявшихъ на крыльцѣ, кричалъ имъ, чтобъ ему отперли ворота.

Одинъ какой-то молодецъ и тутъ счелъ обязанностью отвѣтить не очень вѣжливо; взбѣшенный губернаторъ долженъ былъ убраться въ свою квартиру.

По утру самъ главный старшій доложилъ Полотебнову о ночныхъ событіяхъ, но по семинарской привычкѣ разсказалъ такъ, чтобы по возможности оправдать себя и семинаристовъ и, напротивъ, поступокъ губернатора выставить, какъ неумѣстное притязаніе на власть въ семинаріи.

Полотебновъ отправился къ губернатору и, какъ слышно было, крупно съ нимъ объяснился. Раздосадованный губернаторъ не вытерпѣлъ и доложилъ о всемъ архіерею, но, къ несчастію, въ то время Болотова, который, можетъ быть, по вниманію къ законоучителю своихъ дѣтей, не далъ-бы хода дѣлу, тогда въ Рязани не было.

Архіерей, недовольный уже дразгами семинарскаго начальства, приказалъ произвести строжайшес дознаніе.

Началисьпросы и допросы въ семинарскомъ правленіи; скрываться уже не было возможности; актеры во всемъ сознались; но начальники и тутъ раздѣлились на двѣ партіи.

Иеронимъ и Кротковъ во всемъ обвиняли Полотебнова, который какъ инспекторъ долженъ смотрѣть за поведеніемъ семинаристовъ; а Полотебновъ, въ свою очередь, все сваливалъ на Кроткова, потому что всѣ актеры были ученики послѣдняго и отъ своего профессора научились неповиновенію власти и пренебреженію начальническихъ распоряженій.

Архіерей, слушая эти новыя кляузы, еще болѣе былъ раздра-

женъ, но рѣшился самъ видѣть и допросить всѣхъ актеровъ. Они отправились къ нему вечеромъ часу въ шестомъ. Сначала пріемъ былъ довольно суровъ, но потомъ, разспросивъ кто какую игралъ роль, архіерей нѣсколько смягчился и сказалъ: „да вы хорошо раздѣлили роли; вотъ онъ точно похожъ на лакея, а этотъ — ластоящій баринъ“ и пр. Между тѣмъ, все-таки, онъ, какъ тогда говорили, порядочно пораспекъ всю труппу; очень побаивались, что всѣхъ ея членовъ къ каникуламъ исключать изъ семинаріи; другіе утверждали даже, что зачинщиковъ отдадутъ въ солдаты. Но архіерей не счелъ нужнымъ трогать семинаристовъ, а видя, что кромѣ бумажныхъ кляузъ, семинарское начальство допускаетъ еще между учениками безпорядки, не вступился за него.

По крайней мѣрѣ, по возвращеніи въ Рязань послѣ каникулъ, въ началѣ сентября 1823 г., семинаристы оказались безъ начальства.

Іеронимъ не ѣздилъ въ семинарію; Полотебновъ перебрался на квартиру и тоже не заглядывалъ въ семинарію долго.

Только Кротковъ продолжалъ жить въ прежней своей квартирѣ, но занятъ былъ одною только столовою и надзоромъ за прислугою; новое-же начальство не пріѣзжало.

Такимъ образомъ, семинаристамъ житье было просторное, свободное; поскольку и когда угодно гуляли, кутили цѣлыя ночи, помѣхи нѣтъ никакой; никто не смотритъ, никто не взыскиваетъ.

И дѣйствительно, семинаристы показали въ этотъ короткій срокъ къ чему они способны; пьянствовали на пропалую.

Наконецъ, 7-го или 8-го сентября, междударствіе кончилось съ прибытіемъ новыхъ начальствъ: ректора, соборнаго іеромонѣха Иліодора и инспектора, только что кончившаго курсъ въ петербургской духовной академіи, магистра Егора Вишневскаго, который вскорѣ послѣ постриженія въ монашество переименованъ въ Гедеона.

На утро своего пріѣзда новое начальство поскорѣе поторопило показать себя казеннокоштнымъ ученикамъ и до обѣдни пошло по ихъ комнатамъ въ сопровожденіи Кроткова.

Не замедлило явиться и старое, отставное начальство. Іеронимъ и Полотебновъ, пріѣхавши въ семинарію и узнавши, что

ихъ преемники уже осматриваютъ ее, поспѣшили съ ними свидѣться. Свиданіе происходило въ нашей комнатѣ.

Надобно правду сказать, что Иліодоръ, хотя и съ жеманными приѣмами, съ словами произносимыми нараспѣвъ, встрѣтилъ Іеронима съ большимъ почтеніемъ и наговорилъ ему много комплиментовъ.

Старикъ принялъ это не безъ достоинства.

Пока они предъ нашими глазами объяснялись во взаимномъ другъ къ другу вниманіи, ударили въ колоколъ къ обѣднѣ, и мы пошли всѣ въ церковь.

Но старое и новое начальство отправилось на хоры, а оттуда въ кладовую, въ которой хранился сундукъ съ казенными деньгами, и пока служба совершалась, начальники занимались — одни сдачею, а другіе приѣмомъ денегъ; вѣроятно, тогда было очень много серебряной монеты, потому что по церкви постоянно слышался звукъ отъ нея; уже около причастнаго стиха, начальство и старое и новое вышло изъ казеннохранилища и выстроилось на хорахъ; Иліодоръ и Іеронимъ, соперничая другъ передъ другомъ, отвѣщивали низкіе поклоны иконамъ; старый и новый инспекторъ стояли и разговаривали, даже посмѣивались и едва ли хоть разикъ перекрестились.

Въ столовую почему-то не пошли; но вскорѣ послѣ обѣда мы увидѣли опять Иліодора, который въ камилавкѣ величественно ходилъ по тротуару по улицѣ, передъ домомъ семинаріи, и разсматривалъ его, хотя, по правдѣ сказать, разсматриваемая сторона почти вся видна была изъ его комнатъ. Но надобно-же было показать себя.

Теперь считаю нужнымъ новыхъ семинарскихъ начальниковъ охарактеризовать такъ-же, какъ я поступилъ относительно старыхъ. Это тѣмъ болѣе необходимо, что они имѣли очень большое вліяніе на рязанскую семинарію, были потомъ архіереями и, кажется, года по четыре присутствовали въ синодѣ.

Иліодоръ, магистръ, воспитавшійся въ московской духовной академіи, былъ настоящій семинаристъ тогдашняго времени, придававшій себѣ большое значеніе тѣмъ, что онъ обучался въ академіи, имѣетъ ученую степень и поступилъ въ монашество.

Онъ зналъ недурно языки еврейскій, греческій, французскій, нѣмецкій, особенно латинскій, но не какъ эллинистъ, гебраистъ,

латинистъ, филологъ, знакомый съ классическими произведеніями литературъ означенныхъ языковъ, а какъ хорошій школьникъ. Богословіе изучилъ по учебникамъ, печатнымъ проповѣдямъ и немногимъ сочиненіямъ на русскомъ языкѣ, прибавляя къ этому кое-что изъ богослововъ XVII и XVIII столѣтій, приверженцевъ схоластической методы.

Въ прочихъ наукахъ семинарскаго курса былъ недалекъ, а математики, физики, а отчасти и всеобщей исторіи и вовсе не зналъ, да и любилъ хвастаться этимъ, такъ какъ, по его мнѣнію, свѣтскія науки для духовнаго лица были вовсе не нужны.

По-русски писалъ какъ настоящій семинаристъ тогдашняго времени: проповѣди его были образчикомъ школьной схоластической риторики, со всевозможными тропами, фигурами, затѣйливыми выраженіями, съ языкомъ церковно-славяно-латинскимъ; с проста онъ не могъ ничего написать.

Когда въ 1840-хъ годахъ онъ вздумалъ напечатать ихъ, то его родной братъ Михаилъ Чистилловъ, кончившій курсъ въ московскомъ университетѣ, исправлялъ слогъ своего старшаго брата, но все-таки никакъ не могъ очистить его отъ всѣхъ риторическихъ красокъ.

По нравственнымъ своимъ качествамъ Иліодоръ былъ якоже и прочіе человѣды, любилъ ѣздить по гостямъ, принимать ихъ у себя, весело съ ними проводить время, не былъ строгимъ блюстителемъ седьмой заповѣди; любилъ пользоваться казенными деньгами, содержа себя, своихъ братьевъ, прислугу, лошадей и прочее на казенный счетъ.

Кромѣ того, поваръ и служители брали изъ ученической кладовой столько масла, крупы и пр., яко бы для отца ректора, что этими запасами они вели порядочную торговлю, отдавали ихъ подешевле лавочныхъ торговцевъ семинаристамъ.

Но вмѣсто того Иліодоръ по дѣламъ внѣшняго благочестія разыгрывалъ роль святоши. Молился большимъ крестомъ, клалъ низкіе поклоны, завелъ въ семинарской церкви продолжительное богослуженіе на монашескій образецъ; благовременно и безвременно вздыхалъ о своихъ грѣхахъ, устремлялъ свои очи въ горнія селенія и пр.

Всякую почти лекцію начиналъ словами: „Господь нашъ Иисусъ Христосъ, небесный нашъ учитель, снишедшій на землю для нашего спасенія“, и проч.

Что же касается до самой лекціи, то Иліодоръ, обыкновенно, пришедши въ классъ, сначала заставлялъ ученика перевести будущую лекцію съ латинскаго на русскій языкъ (тогда лекціи богословія были на латинскомъ языкѣ), потомъ садился на кресло, принималъ благочестивую фізіономію и вновь переводилъ слово въ слово всю лекцію, останавливаясь въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ встрѣчались тексты, и заставляя учениковъ приискивать и читать ихъ по библіи,—вотъ и все. И потому неудивительно, что за немногими исключеніями богословы были недовольны Иліодоромъ какъ профессоромъ; въ этомъ отношеніи они его ставили несравненно ниже Полотебнова.

Къ числу нравственно-религіозныхъ своихъ подвиговъ Иліодоръ относилъ назидательныя наставленія, которыя онъ при всякомъ случаѣ расточалъ съ полною щедростію. Спроказничаютъ-ли кто-нибудь одинъ или попадетъ нѣсколько учениковъ въ какомъ-либо проступкѣ, Иліодоръ непремѣнно—при большемъ или меньшемъ собраніи, начинаетъ свою проповѣдь. Тутъ доставалось и Господу Богу, напоминалось объ Его неумолимомъ правосудіи, неизсякаемомъ милосердіи, благодати и пр., о вѣчныхъ мученіяхъ ада, о нескончаемыхъ райскихъ наслажденіяхъ и пр. Все это говорилось растяжно, нараспѣвъ, проповѣдническимъ тономъ, съ благочестивыми пріемами, и надоѣдало всѣмъ ужасно. Даже мы, мальчики, прозвали проповѣдника пѣвуномъ-распѣвалою.

Этотъ самый пѣвунъ и распѣвало, терзавшій насъ своими поученіями и, если позволите выразиться, пѣтушившійся передъ своими подчиненными, терялся, дѣлался не только трусливымъ и малодушнымъ, но чуть-ли не бездушнымъ и, такъ сказать, уничтожался, когда ему приходилось имѣть дѣло съ лицами высокопоставленными и вліятельными, а особенно съ властями. Тутъ желаніе его выказать свое безпредѣльное уваженіе, свою безграничную преданность, доходило иногда до смѣшнаго, до чего-то ребяческаго.

Разскажу нѣсколько случаевъ, которые подтверждаютъ это мое мнѣніе. И ректоръ и инспекторъ по издавна заведенному порядку выходили изъ своихъ комнатъ не иначе, какъ съ тростью. Хотя напр., классъ богословія отстоялъ отъ сѣней предъ ректорскими комнатами менѣе, нежели въ 10-ти шагахъ, но трость

и на этомъ пространствѣ предшествовала его высокопреподобію. Поѣдутъ-ли наши начальники куда-либо въ гости, имъ нужно пройти только по корридору и лѣстницамъ семинарскаго дома, да еще по крыльцу той квартиры, въ которой жилъ ихъ знакомый или почитатель—и тутъ нельзя разставаться, съ тростью; въ каретѣ лежитъ бывало она сбоку, устанавливали ее какъ-то и въ двумѣстной каретѣ.

Ее если не Гедeonъ, то Иліодоръ считали чѣмъ-то въ родѣ неотъемлемаго символа своей власти, и потому-то ни подъ какимъ видомъ не позволяли семипаристамъ имѣть въ рукахъ даже маленькую тросточку.

Если-же случалось встрѣтить какого-либо нарушителя этой заповѣди, то Иліодоръ собственными руками ломалъ тросточку и обломки бросалъ на землю.

Какъ-де подчиненный даже съ маленькимъ, такъ сказать, символическомъ самовольно присвоенной власти смѣетъ показаться передъ начальствомъ, которое вооружено двухъ-аршиннымъ символомъ настоящей, узаконенной, свыше дарованной власти, и эта власть сама старалась, какъ скоро ей приходилось являться къ болѣе высшей власти, даже если нужно было ѣхать, то ни Иліодоръ, ни Гедeonъ не брали уже съ собою тростей, и, потомъ, покончивъ съ властями и имѣя нужду поѣхать куда-либо въ другое мѣсто, опять возвращались домой, чтобы запастись символомъ власти.

Наоборотъ, если сначала выѣзжали куда-либо, а потомъ должны были явиться къ архіерею, то непременно возвращались домой, оставляли здѣсь трость и потомъ уже дерзали отправляться въ архіерейскій домъ.

Мы по этимъ признакамъ безошибочно угадывали, когда ихъ высокопреподобію ѣхали къ владыкѣ или возвращались отъ него.

Съ какимъ подбострастіемъ являлись они предъ своимъ непосредственнымъ начальникомъ—мы долго не могли видѣть, потому что Сергій цѣлый годъ почти былъ боленъ и не пріѣзжалъ даже на публичный экзаменъ въ семинаріи, а преемникъ его, Филаретъ, появился въ Рязани спустя болѣе нежели полу-года послѣ смерти предшественника.

Зато намъ удалось быть свидѣтелями посѣщенія какого-то

едва-ли не тамбовскаго епископа, который проѣзжалъ черезъ Рязань, ходилъ и по нашей семинаріи.

Вновь испеченный владыка нашъ показался настоящимъ живчикомъ, быстро поворачивался то въ ту, то въ другую сторону, чуть не повертывался на одной ножкѣ, говорилъ скороговоркою; если-бы не имѣлъ на себѣ ни рясы, ни бороды съ сѣдыми волосами, то его можно было-бы считать за молодаго офицера, только что вышедшаго изъ кадетскаго корпуса и въ первый разъ прогуливающаго свою особу на Невскомъ проспектѣ.

Но Иліодоръ насъ удивилъ совсѣмъ съ другой стороны; это уже не былъ нашъ важный и величественный начальникъ, а его уродливо-согбенное туловище, дрожащій голосъ, языкъ, прилипавшій къ гортани при отвѣтахъ, очень дѣлали его похожимъ на насъ, когда мы, склоняясь къ полу, чтобы лечь подъ лозу, умаливали еще грознаго судію простить насъ.

По рассказамъ, впрочемъ вполне достовѣрнымъ, еще карриатурнѣе происходили сцены, когда рязанское духовенство должно было, въ августѣ 1824 года, представиться императору Александру I, пробывшему тогда въ Рязани три дня.

Рязанскій архіерей Сергій не задолго до того времени умеръ; первую особую между духовенствомъ былъ тульскій епископъ Дамаскинъ, пріѣзжавшій погребать Сергія.

Онъ, какъ случайный гость Рязани, не принялъ на себя обязанности представлять духовенство ея и поручилъ это сдѣлать Иліодору, какъ ректору семинаріи.

Иліодоръ, ставши передъ императоромъ, совершенно растерялся и ничего не могъ сказать, даже откомендоваться.

Императоръ, замѣтивъ такое замѣшательство, самъ спросилъ его: „кто вы такой?“

Неизвѣстно почему Иліодоръ не указалъ на свою ректорскую должность, а залепеталъ: „на... сто... я... тель.....“

Государь опять захотѣлъ выручить несчастнаго, спросилъ опять: „да, вы—настоятель, какого-же монастыря?“ Тогда Иліодоръ (бывшій въ то время игуменомъ Богословскаго монастыря, верстахъ въ 20-ти отъ Рязани, на сѣверъ отъ нея) никакъ не могъ припомнить названіе своей обители, а дребезжающимъ голосомъ началъ говорить: „да вотъ, когда вы ѣхали сюда, то тутъ на

лѣвой сторонѣ монастырь“, и началъ указывать рукою, какъ будто монастырь дѣйствительно былъ виденъ.

Императоръ Александръ I, по рассказамъ, былъ такъ деликатенъ, что не улыбнулся.

Затѣмъ слѣдовалъ кафедральный протоіерей Полянскій; этотъ уже принялъ на себя роль представлять духовенство и прилично отвѣчалъ на всѣ вопросы, которые дѣлалъ ему государь на счетъ рязанской епархіи.

Наконецъ, позвольте рассказать еще одинъ случай, который обрисовываетъ характеръ Іліодора.

Въ 1847 г., по случаю посвященія въ епископы нашего ректора Евсеія, мы были приглашены въ митрополичьи комнаты на обѣдъ. Почтенные гости собирались въ гостинной, а наша меньшая братія въ залѣ, изъ которой дверь на парадную лѣстницу была отворена.

Вдругъ мы услышали чей-то голосъ, громко раздававшійся на лѣстницѣ: „ну ужъ лошадь, вотъ такъ лошадка; я, увидавши васъ, приказалъ кучеру погонять свою четверку и обогнать васъ; ну, нѣтъ, куда мнѣ! Ну, вотъ такъ лошадь! ваше превосходительство“. Разумѣется, только часть этихъ словъ слышна была съ лѣстницы, а прочія произнесены были уже въ залѣ.

Оказалось, что это Іліодоръ распѣвалъ похвальное слово лошади Войцеховича, бывшаго въ то время директоромъ синодальной канцеляріи. Войцеховичъ слушалъ похвальные слова съ саркастическою улыбкою, а панегиристъ съ какимъ-то пафосомъ говорилъ свою рѣчь, и такъ сказать извивался передъ владѣльцемъ воспѣваемой лошади.

Бывшіе монахи въ залѣ сконфузились, чиновники синодскіе любовались своимъ Войцеховичемъ, приговаривая: „каковъ нашъ молодецъ!“

Но нельзя не сказать, что Іліодоръ имѣлъ нѣкоторыя и хорошія качества. Онъ былъ очень ласковъ, привѣтливъ и даже любезенъ къ ученикамъ, если только дѣло не касалось людей, которыхъ можно было уличить и даже подозрѣвать въ неуваженіи къ начальству, монашеству и т. п. Онъ любилъ и пошутить и посмѣяться, такъ что его мы не бѣгали, какъ звѣря; часто ходилъ по классамъ, такъ что у него была цѣлая кipa

бумагъ. Тутъ онъ непремѣнно спроситъ нѣкоторыхъ учениковъ, кого похвалить, кого побранить и помѣститъ у себя въ спискахъ.

Часто бывало требуетъ къ себѣ задачи учениковъ семинаріи; о лучшихъ изъ нихъ дастъ хорошій отзывъ, а худшихъ побранить, по ничего о нихъ не скажетъ.

Часто также ходилъ и по комнатамъ учениковъ, жившихъ въ семинарскомъ корпусѣ; чуть-ли не всякаго спроситъ чѣмъ занимается. Все это вмѣстѣ заставляло насъ держать себя осторожно, пробуждало въ насъ желаніе отличиться и заслужить похвалу ректора. Правда, его чуть не ребяческое тщеславіе, пустой формализмъ, мелочныя придирки, назидательныя распѣванія намъ прискучивали и дѣлали его смѣшнымъ въ нашихъ глазахъ; но за всѣмъ тѣмъ все-таки мы поставлены были въ необходимость заниматься.

Инспекторъ, магистръ Егоръ Вишневскій, сначала всѣмъ казался довольно смѣшнымъ, будучи немного кривобокимъ; этотъ естественный недостатокъ не могъ прикрываться свѣтскимъ платьемъ и особенно рѣзко бросался въ глаза при фракѣ. Но когда Вишневскій поступилъ въ монашество, то кривой бокъ его совершенно закрылся подрясникомъ и рясою.

Зато и семинаристы скоро увидѣли, что инспекторъ гораздо умнѣе и основательнѣе ректора.

Конечно, Гсдеонъ, только что вышедшій изъ-за академическихъ партъ, только теперь начавшій усердно заниматься философій, не могъ вдругъ сравниться съ своимъ предшественникомъ Кротковымъ.

Но даже и въ первый годъ своего профессорства, онъ многимъ ученикамъ философій нравился своими лекціями.

Въ слѣдующій годъ онъ сдѣлался очень хорошимъ для семинаріи наставникомъ философій.

Нельзя не отдать ему чести за то, что, несмотря на свою монашескую рясу, онъ находилъ даже возможность хоть не много знакомить своихъ слушателей съ новыми идеями и позволялъ иногда себѣ либеральничать въ классѣ.

Въ обращеніи съ учениками онъ не любилъ заманивать расположеніе ихъ своимъ любезничаньемъ, какъ дѣлывалъ иногда

Иліодоръ, но зато былъ всегда ровень; хладнокровно выслушивалъ и разбиралъ жалобы, даже при показаніяхъ былъ спокоенъ; почти не случалось, чтобы онъ разсердился, раскричался, вышелъ изъ себя, какъ поступалъ часто Иліодоръ.

По части благочестія онъ не отличался особенною ревностью, но ему пришлось въ этомъ отношеніи сообразоваться со вкусомъ ректора.

По ученическимъ комнатамъ онъ ходилъ довольно, но не рѣдко, большею частію въ четвергъ или въ воскресенье, чтобы видѣть въ какомъ положеніи находятся ученики, которые въ эти дни послѣ обѣда обыкновенно отлучались въ городъ и отъ туда не всѣ и не всегда возвращались въ трезвомъ видѣ.

Впрочемъ, ректоръ и инспекторъ семинаріи къ намъ, училищнымъ мальчикамъ, не имѣли слишкомъ близкаго отношенія; они свою власть передавали комнатнымъ старшимъ изъ учениковъ богословія и ихъ помощникамъ, большею частію изъ учениковъ философій.

Старшіе были и надъ учениками семинаріи, даже надъ самими богословами; но тамъ они только смотрѣли за подчиненными, а не налагали сами никакихъ наказаній, тогда какъ мы, училищные мальчики, отданы были, почти, въ полное ихъ распоряженіе. Они за ваши проступки, не только ставили насъ на колѣни, оставляли безъ обѣда или ужина, но и наказывали розгами, иногда очень жестоко.

Не болѣе какъ за полгода до моего пріѣзда въ Рязань, старшій Лаврентій Коротковъ такъ больно высѣкъ ученика приходскаго училища Павла Троицкаго, что тотъ былъ нѣсколько недѣль боленъ.

При мнѣ особенно грозныхъ экзекуцій не было, но десятковъ по пяти и болѣе ударовъ, самыхъ горячихъ, лучшими розгами, доставалось нѣкоторымъ счастливымъ; больными они не дѣлались, но все-таки послѣ такой бани не скоро успокаивались. Особенно-же главный старшій изъ богослововъ былъ грозенъ; онъ занималъ должность какъ-бы помощника инспектора, держалъ себя очень важно и строго относительно училищныхъ мальчиковъ.

Мы боялись его преимущественно въ столовой; здѣсь главный старшій не обѣдалъ и не ужиналъ вмѣстѣ съ прочими учениками, а похаживалъ между столами въ качествѣ начальника и любилъ показать свою власть преимущественно надъ нами, мальчиками, дергалъ насъ за уши, за волосы, выгонялъ изъ-за стола за два даже слова, сказанныя сосѣду товарищу шепотомъ.

Д. И. Ростиславовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ)

ЗАПИСКИ Д. И. РОСТИСЛАВОВА,

профессора Спб. духовной академіи,

† 18-го февраля 1877 г.

XXVII ¹⁾).

О начальниках и учителях рязанских духовных училищъ.

Начальники и учителя рязанских училищъ не имѣли никакого вліянія на насъ, — своихъ учениковъ, жившихъ въ семинарскомъ корпусѣ, пока дѣло касалось нашего житья внѣ классовъ, были полными нашими властелинами въ классѣ; отъ нихъ мы тутъ зависѣли такъ же, какъ и ученики Касимовскаго училища отъ Поликарпа Краснова, Горохова и Мартова.

Смотрителемъ въ то время былъ кафедральный протоіерей Алексѣй Сидоровичъ Полянскій.

Немного мнѣ во всю жизнь случалось видѣть священниковъ, которые подобно Полянскому однимъ своимъ видомъ, своими приемами могли внушить мірянамъ уваженіе къ себѣ.

Не только купцы, мѣщане, но чиновники и дворяне, очень уважали его, хотя онъ и не отличался особеннымъ умомъ, ученостью; даже проповѣдей вовсе не говаривалъ.

Онъ обучался нѣкогда въ Славяно-Греколатинской академіи, будто-бы вмѣстѣ съ московскимъ митрополитомъ Филаретомъ, и пріѣзжалъ въ Рязань вмѣстѣ съ дядею своимъ архіепископомъ Амвросіемъ.

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд 1880, 1882, 1884, 1887, 1888 и 1892 гг., томы: XVII, XVIII, XXXIII, XXXIV, XLII, XLIII, LVI, LVII и LXXVI.

сіе мѣ, который пристроилъ его учителемъ философіи въ семинаріи; послѣ преобразованія духовныхъ училищъ въ 1874 г. Полянскій сдѣланъ былъ смотрителемъ рязанскихъ духовныхъ училищъ.

Зналъ онъ хорошо латинскій языкъ, катехизисъ и священную исторію, но греческаго языка, географіи и ариѳметики, особенно второй ея части, кажется, вовсе не зналъ; по-гречески даже плохо умѣлъ читать.

Дѣятельность свою по должности смотрителя онъ тѣмъ обнаруживалъ, что недѣли черезъ три-четыре обходилъ всѣ классы училища, спрашивалъ уроки, давалъ латинскія лекціи, и затѣмъ его мы кромѣ экзаменовъ никогда не видѣли.

Замѣтивши какую-либо неисправность, онъ бранился слѣдующими словами: «Ахъ ты поросенокъ, ... я вотъ тебѣ дамъ».

И если проступокъ казался очень важнымъ, то прибавлялъ: «ну-ка подайте хворостинку, хорошенько его, хорошенько»; но этихъ словъ мы не пугались; насъ ставили по его распоряженію; не обнажая, ударяли легко, да и давали не болѣе 10—15 ударовъ; кричишь бывало, но послѣ исподтишка и посмѣиваешься.

Между тѣмъ важный его видъ, сановитая походка, великолѣпная одежда, торжественные прѣмы, особенный тонъ голоса производили на насъ грозное впечатлѣніе; мы словъ и взгляда его боялись болѣе, нежели хворостины.

Старшимъ по лѣтамъ учителемъ былъ Василій Петровичъ по прозвищу Козель.

Онъ училъ съ незапамятныхъ временъ, былъ учителемъ еще его батюшки.

Въ наше время онъ преподавалъ ариѳметику, катехизисъ, священную исторію и греческій языкъ.

Всѣ эти предметы, особенно два послѣдніе, зналъ отлично; могъ свободно читать греческихъ классиковъ, прозаиковъ и поэтовъ; легко писалъ самъ греческія рѣчи и для торжественныхъ случаевъ сочинялъ оды на томъ же языкѣ стихами.

Потомъ былъ весьма прилеженъ при исполненіи своей должности, приходилъ въ классъ очень рано и даже долго сиживалъ послѣ звонка.

Умѣлъ хорошо преподавать, уяснять особенности греческаго языка, его этимологию и синтаксисъ; занимательно рассказывалъ событія изъ священной исторіи; ну, кажется, на что бы лучше искать учителя?

И между тѣмъ это былъ самый бесполезный учитель. Такого оригинала и въ мое время трудно было отыскать, а вы, будущіе мои читатели, вѣроятно, удивитесь, узнавши, какіе люди бывали у насъ учителями.

Василій Петровичъ, несмотря на свою старость, отличался какою-то наивною невинностью, дѣтскою простотою, а иногда чуть не ребяческою шутивостью и даже шаловливостью.

Многихъ изъ насъ онъ называлъ полууменьшительными и уменьшительными именами: Миша, Юша, Сема, Алеша или: Васенька, Мишенька, Сашенька,—въ досадѣ же говаривалъ: Васька, Ванька, Карлушка, Павлушка и даже съ прибавленіемъ словъ: мошенникъ, и пр.

Ко всѣмъ же намъ обращался большею частью со словами: ребята или ребятушки, произнося впрочемъ ихъ: рабята, рабятюшки.

Иногда какъ будто нарочно старался позабавить насъ смѣшными сценами.

Замѣтивъ неисправность какого-либо большаго дѣтины, сидѣвшаго на третьей или четвертой партѣ, онъ требовалъ его къ отбѣту на середину класса.

Но едва бывало дѣтина сдѣлаетъ движеніе, чтобы, выбравшись изъ-за парты, идти свободнымъ проходомъ, какъ Василій Петровичъ закричитъ ему: «постой, постой, куда ты? зачѣмъ тревожить честныхъ людей и ходить по дорогѣ смирныхъ, исправныхъ учениковъ? нѣтъ, нагнись и ползи подъ партами».

И вотъ дѣтина, ростомъ иногда въ 2 аршина и 10 вершковъ, сгибается, подлѣзаетъ подъ парты; здѣсь его встрѣчаютъ ноги любезныхъ товарищей, нерѣдко съ запасомъ грязи на сапогахъ; чуть не каждый старается задѣть ползущаго, который кромѣ того двигается по полу, покрытому соромъ, слюнями и ужасною грязью.

Наконецъ достигаетъ середины класса и вылѣзаетъ изъ-подъ партъ чучело-чучеломъ, такъ что дѣйствительно самъ Демокритъ, взглянувши на эту фигуру, разсмѣялся бы:

«Ну, здравствуй! Сёма или Ёдея», спросить бывало Василий Петрович. «Каково поживаешь? Что скажешь новенького?»

И почти тотчас же опять предлагает дѣтинѣ отправиться на свое мѣсто по прежней дорогѣ.

Въ другое время, замѣтивъ, что кто-либо, сидящій не на первой партѣ, шалить, Василий Петровичъ поручалъ сосѣду шалуна оттащить его за волосы. Иной съ покорностью принималъ наказаніе, но другой и самъ вцѣплялся въ волосы наказывающаго, и начиналась взаимная потасовка.

Почтенный учитель начиналъ кричать: «постойте, перестаньте. Какъ ты смѣешь драться?» спрашивалъ шалуна. «Да онъ самъ дерется, отвѣчалъ этотъ; такъ какъ же его не ударить?» — «Ахъ ты мошенникъ! да вѣдь я ему велѣлъ это сдѣлать», скажетъ Василий Петровичъ. — «Да вы, Василий Петровичъ, приказали меня только наказать за шалость, а онъ началъ драться».

Разумѣется, весь классъ и самъ учитель хохочетъ, и обыкновенно дѣло этимъ и кончалось.

Если же являлись виновными два ученика-сосѣда, то имъ въ одно и то же время приказывалось драть другъ друга за волосы; ну тутъ, чуть ли не каждый разъ дѣло доходило до настоящей драки.

.

Простодушіе, наивность и шаловливость онъ выказывалъ не въ одномъ классѣ, а даже и въ церкви.

Я расскажу здѣсь три случая:

1) Въ рѣдкой изъ своихъ проповѣдей онъ не вставлялъ какого-либо выраженія, которое невольно вызывало улыбку на лицѣ слушателя.

Однажды, бывши уже протоіереемъ Борисоглѣбскаго собора, Василий Петровичъ, вышедши говорить проповѣдь, дѣйствительно вынулъ колоду игральныхъ картъ и подозвалъ къ себѣ

стоявшаго вблизи мальчика и, показавши ему отдѣльныя карты, спрашивалъ о каждой, какъ она называется.

Когда мальчикъ на все далъ удовлетворительные отвѣты, то проповѣдникъ сталъ ему предлагать вопросы изъ катехизиса, и мальчикъ оказался незнакомымъ съ нимъ.

Тогда-то старикъ, обратившись къ благочестивымъ слушателямъ, сказалъ: «вотъ, смотрите, православные, какое воспитаніе нынѣшнихъ дѣтей; названіе картъ они знаютъ, а закона Божія вѣдать не вѣдаютъ».

Разумѣется, въ церкви поднялся смѣхъ; тогдашній архіерей Гавріиль, хотя и былъ его учителемъ, запретилъ говорить ему проповѣди.

2) Еще раньше этого Василию Петровичу слѣдовало говорить проповѣдь въ рязанскомъ лѣтнемъ соборѣ.

Здѣсь для проповѣдниковъ устроена была близъ одного столба каѳедра на высотѣ не менѣе $2\frac{1}{2}$ сажень отъ церковнаго пола, но стѣнки ея имѣли небольшую высоту, такъ что стоявшій на ней болѣе чѣмъ на половину своего туловища былъ виденъ.

Василій Петровичъ, вошедши на каѳедру, спокойно положилъ на барьеръ каѳедры тетрадку съ проповѣдью, осмотрѣлъ своихъ слушателей и спокойно, медленно произнесъ обычное: Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь.

Потомъ съ такимъ же спокойствіемъ и неторопливостью опустилъ руку сначала въ правый, а потомъ въ лѣвый карманъ своего подрясника, отыскивая въ нихъ очки.

Не нашедши ихъ, онъ нѣсколько секундъ былъ въ раздумьи, потомъ разстегнувши подрясникъ, сталъ искать очки въ карманѣ жилета. И прежде уже слушатели улыбались, когда старикъ, отворотивъ полы рясы, опускалъ руку въ карманы подрясника; но когда разстегнуть былъ подрясникъ, то увидѣли не только жилетъ, но и рубашку проповѣдника, то многіе даже не удержались отъ смѣха.

Но неудача слѣдовала за неудачею: и въ жилетѣ очковъ не оказалось.

Тогда Василій Петровичъ, нисколько не сконфузаясь, застегнулъ свой подрясникъ и обратился къ предстоявшимъ со словами: «православные, очки я забылъ».

Едва сдерживаемый до сихъ поръ смѣхъ разразился общимъ хохотомъ. Старецъ поклонился, не торопясь сошелъ съ кафедры, сдѣлалъ нѣсколько поклоновъ предъ мѣстною иконою у царскихъ вратъ, какъ обыкновенно поступали проповѣдники, сказавши свои поученія, и самымъ спокойнымъ образомъ отправился въ алтарь.

3) Бывши священникомъ при Воскресенской церкви, Василій Петровичъ имѣлъ часто, такъ сказать, стычки съ тамошнимъ дьячкомъ Карпомъ, или Терентьемъ, не припомню хорошенько имени; будемъ его звать Терентьемъ.

Дьячекъ былъ уже очень пожилыхъ лѣтъ, исправенъ въ своей должности, зналъ отлично церковный уставъ, педантически и самъ исполнялъ и требовалъ отъ другихъ строгаго исполненія его.

Сознавая свою исправность и, вмѣстѣ съ тѣмъ, пользуясь расположеніемъ прихожанъ, онъ былъ настойчивъ до упрямства въ тѣхъ случаяхъ, когда считалъ себя правымъ.

По служебнику священникъ съ самаго начала такъ называемыхъ часовъ передъ обѣдней долженъ выдти изъ алтаря и сказать передъ царскими вратами: благословенъ Богъ нашъ и пр.

Дьячекъ говорилъ аминь и начиналъ чтеніе 3-го часа.

Всѣ почти священники, находясь въ алтарѣ у жертвенника, произносятъ свое: благословенъ... Такъ иногда поступалъ и Василій Петровичъ. Въ это время Терентій обыкновенно не начиналъ часовъ.

Василій Петровичъ, замѣтивъ это, громко изъ алтаря спрашивалъ: «Терентій, что жетъ стоишь? Читай!» и получалъ въ отвѣтъ: «Нѣтъ, не буду». «А почему же?» вновь говоритъ Василій Петровичъ, «развѣ ты не слышалъ возгласа? Читай!» «Нѣтъ, не буду, ты выйди изъ алтаря и скажи возгласъ здѣсь передъ царскими вратами, какъ требуетъ служебникъ, тогда стану читать».

Переговоры не вдругъ оканчивались; Василій Петровичъ настаивалъ на своемъ: ч и т а й, а Терентій на своемъ: не буду и пр.

Но дѣлать было нечего, и послѣдній, зная хорошо церковный уставъ, настаивалъ на своемъ и одерживалъ побѣду. И это повторялось часто, даже очень часто; стоявшіе въ церкви слышали весь разговоръ.

Но этотъ добрякъ и простодушный человѣкъ, разсердившись, бывалъ самымъ злымъ, вспыльчивымъ и капризнымъ, выходилъ изъ

себя, не любилъ дожидаться лозы, самъ подходилъ къ виновнику и начиналъ его подбивать пощечинами и таскать за волосы; въ этомъ случаѣ, подобно задорливымъ дѣтямъ, онъ доходилъ до какого-то безпамятства, отпускалъ, напр., по 10—20 и болѣе пощечинъ за одинъ разъ. Впрочемъ, несмотря на всѣ пощечины, потасовки и розги, ученики, по крайней мѣрѣ, далеко не всѣ, боялись Василя Петровича, любили проказничать въ его присутствіи и, даже иногда, такъ сказать, лѣзли ему въ глаза съ своими шалостями, чтобы вызвать со стороны его какія-либо репрессивныя мѣры; только трусливые и слабые его боялись.

Причина всего этого заключалась въ томъ, что взрослые молодцы,—а ихъ было очень много,—а за ними и менѣе рослые не давались, по тогдашнему нашему выраженію, Василю Петровичу, т.-е. не позволяли ему ударить себя по щекѣ или потаскать за волосы.

Старикъ, зная это, употреблялъ разныя продѣлки для того, чтобы кому-либо дать пощечину. Замѣтивъ, напр., что какой-либо Орловъ шалить, онъ, не вставая съ своего стула, начиналъ бранить не Орлова, а его сосѣда, напр., Иванова.

«Эй, Ивановъ, ты что шалишь?» Ивановъ, разумѣется, отвѣчаетъ: «помилуйте, Василій Петровичъ, я не шалю».

«Ахъ, ты, каналья, ты еще запыраться сталъ, вотъ я тебя».

Послѣ этого, старикъ, вставши съ своего мѣста, отиравался къ мнимовиновнику, но, подошедши къ нему, не давалъ пощечины ему, а награждалъ зазѣвавшагося и считавшаго себя безопаснымъ Орлова.

Это, разумѣется, производило всеобщій хохотъ, въ которомъ участвовалъ и Василій Петровичъ. Отъ часто повторявшихся подобныхъ сценъ произошло то, что когда подходитъ старикъ къ какой-либо партіи съ явно-враждебными намѣреніями, то сидѣвшіе тутъ ученики принимали оборонительное положеніе, и Василю Петровичу развѣ какъ-нибудь тычкомъ удавалось наказать виновнаго.

Тутъ опять происходилъ смѣхъ, но однихъ уже учениковъ.

Учитель, раздосадованный неудачею и насмѣшниками, срывалъ, какъ говорится, свое сердце съ какого-нибудь невинно улыбающагося ученика-бѣдняка, задавалъ ему таску, приговаривая: «не смѣйся, сиди смирно», и пр.

Желая позабавиться надъ старикомъ или отмстить ему за пощечины и потасовки, ученики, главнымъ образомъ, прибѣгали къ двумъ средствамъ:

1) Старикъ на послѣбѣденные классы приходилъ частенько на-веселѣ и почти всегда съ сильнымъ расположеніемъ ко сну.

Случалось, что, усѣвшись на своемъ мѣстѣ, онъ мало-по-малу успокоивался и, подперши свою голову обѣими руками, засыпалъ сладкимъ сномъ. Въ это время обыкновенно въ классѣ водворялась мертвая тишина, отчего старикъ начиналъ даже всхрапывать.

Тогда одинъ какой-либо проказникъ, или нѣсколько человѣкъ вдругъ топали ногами, ударяли по столамъ толстыми книгами и вообще производили сильный шумъ.

Внезапно пробужденный старикъ вскакивалъ съ своего мѣста, пугался, растеривался и вообще приходилъ въ замѣшательство.

Въ прежнее время къ нему въ этомъ положеніи не одинъ разъ приводили ректора или инспектора.

2) Я уже сказалъ, что старика звали козломъ за его бороду, которая, дѣйствительно, имѣла сходство съ козлиною.

Къ несчастью, онъ слишкомъ былъ чувствителенъ къ этому прозвищу и потому—одинъ шалунъ напишетъ углемъ на стѣнѣ или вырѣжетъ ножичкомъ на двери и т. п. слово козелъ, другой исподтишка заблеетъ, тутъ какой-либо риторъ сквозь замочную скважину двери прокричитъ: козелъ; для этого даже внизу въ перегородкѣ, отдѣлявшей насъ классъ отъ риторическаго, пробито было небольшое отверстіе, черезъ которое нерѣдко раздавались на разные манеры слова: «ой козелъ, ты козликъ - козелъ, ой козлище-козельчикъ».

Ученики хохотали, а старикъ старался показать имъ, будто онъ ничего не видитъ и не слышитъ. Случалось не разъ, что зазывали съ сосѣдняго двора настоящаго козла и вгоняли его въ классъ къ Василю Петровичу.

Тутъ хохотъ учениковъ и конфузъ учителя доходили до высшей степени, особенно когда выгоняемый козелъ рѣшался защищаться и начиналъ дѣйствовать своими рогами.

Очевидно, что такой учитель не могъ удовлетворительно преподать свой предметъ, еслибы слѣдовалъ даже хорошей педагогиче-

ской методѣ. Но у него была своя изобрѣтенная и поддерживаемая имъ однимъ метода.

Едва-ли не болѣе всего онъ чрезъ обученіе греческому языку старался и надѣялся сдѣлать насъ людьми нравственными.

Выбранное для этого средство было нѣсколько похоже на то, которое употреблялось въ бывшемъ первомъ кадетскомъ корпусѣ въ Петербургѣ въ XVIII столѣтіи.

Какой-то изъ тогдашнихъ начальниковъ корпуса приказалъ на стѣнахъ даже ограды около сада написать различныя нравственныя изреченія для того, чтобы кадеты, всюду ихъ видя, ими вполне пропитались.

Василій Петровичъ увлекался точно также идеею, но думалъ осуществлять ее нѣсколько иначе.

Дневальные до его прихода обязывались на черной доскѣ написать греческій текстъ съ соблюденіемъ правилъ орфографіи и слогуударенія.

Такія изреченія, извѣстныя у насъ подъ именемъ сентенцій, должны были быть заимствованы не изъ Библіи, а изъ какихъ-либо другихъ сочиненій.

Главнымъ источникомъ, откуда мы ихъ брали, былъ бывший тогда въ употребленіи греко-латинскій словарь Шеревверьева (такъ мы его звали); и еще греческая грамматика на латинскомъ языкѣ.

Пришедши въ классъ, Василій Петровичъ прежде всего прочитывалъ сентенцію самымъ внимательнымъ образомъ. Затѣмъ начинался грамматическій разборъ и переводъ ея на русскій языкъ дневальнымъ, который стоялъ для этого у самой доски; исправлялись ошибки противъ орфографіи и слогуударенія и, наконецъ, дѣлалось нравственное приложеніе къ намъ — шалунамъ.

Въ послѣднемъ случаѣ Василій Петровичъ отыскивалъ какого-либо молодца, къ которому она могла быть приложена:

«Вотъ смотри ты, Лебедевъ, говаривалъ почтенный наставникъ, вѣдь сентенція какъ нельзя лучше къ тебѣ идетъ; помнишь ли ты, какъ когда-то ты напроказничалъ» и пр.

Лебедевъ принимался доказывать, что сентенція идетъ не къ нему, а къ Петровскому.

Тутъ начинался споръ; Василій Петровичъ примирялъ враж-

дующихъ, мы хохотали. Примите къ свѣдѣнію, что и грамматическій разборъ происходилъ крайне медленно, и тогда поймете, что иногда на сентенцію употреблялось времени болѣе даже часу; случалось, что рѣшительно цѣлый классъ посвящался ей одной.

Дневальный, правильно написавшій и удовлетворительно разобравшій сентенцію, получалъ благодарность, въ противоположномъ случаѣ подвергался выговору, замѣчанію, взысканію и пр., которые большею частью состояли въ продолжительной рѣчи на тему: «ахъ, ты лѣнтяй-мальчишка!»

Но была одна сентенція, которая непременно появлялась на доскѣ разъ или два въ каждую треть года и особенно не нравилась Василю Петровичу.

Въ ней сѣдины старика сравнивались съ козлиною бородою.

Прочитавши ее, Василій Петровичъ говаривалъ: «вотъ и видно, что дневальный дуракъ, мерзавецъ». Этотъ вступался за свою честь, доказывая, что сентенціей предписывается уважать сѣдины старца; и потому онъ — дневальный, напоминающій своимъ товарищамъ объ уваженіи, не заслуживаетъ названія мерзавца и пр.

Начинались пренія, оканчивавшіяся всегда приказаніемъ стереть мерзкую сентенцію.

Относительно научнаго преподаванія Василій Петровичъ держался того правила, что изученіе уроковъ на память было вовсе не нужно; слѣдовало только ихъ понимать и рассказывать съ толкомъ.

Признакомъ такого пониманія и толковости считалось, если кто, взявши учебникъ въ руки, читалъ по нему урокъ съ приличными остановками по запятымъ, по точкамъ, громкимъ голосомъ, съ особенною интонаціей.

«Вотъ такъ хорошо», говоритъ, бывало, отъ удовольствія Василій Петровичъ.

Не запрещалось читать урокъ и на память. Но если ученикъ нѣсколько поторопится, или не сдѣлаетъ приличной остановки, то обыкновенно получалъ замѣчаніе: «возьми, болтунъ, лучше книжку и прочитай по ней съ толкомъ». Потомъ, для спрашиванія уроковъ выбиралъ какую-либо парту и поднималъ кряду одного за другимъ

учениковъ, такъ что каждый догадливый мальчикъ за 10—15 человѣкъ могъ уже разсчитать, что ему придется отвѣтить.

Въ своемъ сочиненіи объ устройствѣ духовныхъ училищъ, я описалъ уморительно смѣшную сцену съ моимъ любезнымъ товарищемъ Юшею, который на вопросъ изъ катехизиса отвѣчалъ правиломъ извлеченія квадратнаго корня.

Василій Петровичъ до такой степени увѣренъ былъ въ достоинствѣ своей методы, что онъ приказывалъ намъ даже на экзаменахъ для толку брать учебникъ въ руки и читать по немъ.

Алексѣй Сидоровичъ Полянский смотрѣлъ сквозь пальцы на это. Но мы были свидѣтелями изумленія инспектора семинаріи Гедео на, экзаменовавшаго насъ въ качествѣ ревизора.

Замѣтивъ, какъ одинъ ученикъ читалъ свой отвѣтъ по учебнику, онъ сказалъ: «что это ты не знаешь и читаешь по книжкѣ? Экій ты дуракъ и лѣнтяй!» Тогда Василій Петровичъ счелъ обязанностью вступить за ученика.

«Нѣтъ, ваше высокопреподобіе, онъ мальчикъ хорошій, умный и прилежный, а книгу взялъ въ руки для того, чтобы прочесть отвѣтъ съ толкомъ; я ихъ самъ училъ такъ читать».

Гедео нъ былъ пораженъ этимъ отвѣтомъ и не зналъ, шутить ли старикъ или говорить серьезно. Впрочемъ, надобно сказать, что Василій Петровичъ довольно хорошо умѣлъ насъ научить переводу съ русскаго языка на греческій; мы умѣли отчетливо не только соблюдать правила этимологіи и синтаксиса, но и ставить удареніе и пр. Къ несчастію, и тутъ онъ дѣлалъ ошибки.

Всѣ свои переводы бралъ почти всегда изъ Библіи, преимущественно изъ Сираха, притчей Соломоновыхъ и пр.

Поэтому ученики, по крайней мѣрѣ многіе, умѣли находить въ Библіи подлинникъ и оттуда списывали, хотя скажу правду, иногда попадались въ бѣду, что случалось и со мною.

Инспекторомъ и другимъ нашимъ учителемъ былъ соборный ключарь протоіерей Николай Алексѣевичъ Гусевскій. Этотъ человекъ отличался спокойнымъ, ровнымъ, невозмутимымъ характеромъ, говорилъ медленно, почти никогда не улыбался, не выходилъ изъ себя, даже не сердился, не бранился.

При самомъ дурномъ отвѣтѣ ученика онъ говорилъ ему:

«экой ты, братец! что ты городишь какую чепуху?—или: экая ты телѣга!»

Въ двѣ трети онъ, кажется, только поставилъ двухъ или трехъ человѣкъ на колѣни.

А между тѣмъ мы его очень боялись, гораздо больше, нежели Василя Петровича. Зналъ и преподавалъ онъ латинскій языкъ и географію, особенно первый чрезвычайно хорошо и мастеръ былъ передавать свои свѣдѣнія. Но мы все-таки не очень усердно занимались его предметами, потому что рассчитывали всегда на его снисходительность и доброту, или потому, что онъ пропускалъ очень много классовъ, а если и приходилъ когда, то очень поздно.

Такой учитель и инспекторъ, разумѣется, намъ очень нравился во всѣхъ отношеніяхъ, особенно же тѣмъ, что только былъ нашимъ командиромъ; лозы намъ въ классѣ не были страшны. Къ нимъ Гусевскій никогда не прибѣгалъ; названіемъ телѣги мы не очень обижались, а слово «братецъ» даже льстило нашему самолюбію.

Козель конечно давалъ полную волю своимъ рукамъ, но мы отъ нихъ или увертывались, или двѣ, три пощечины считали за ничто.

Прибѣгалъ онъ и къ лозѣ, но почти никогда не приказывалъ обнажать тѣло, а догадливые молодцы подкладывали бывало подъ подштанники платки, или запускали туда рубаху; притомъ смиренные, скромные, даже просто не очень шаловливые, не подпадали его гнѣву.

Вообще въ эти двѣ трети гораздо болѣе половины насъ въ классѣ не были наказаны розгами. Этимъ мы любили тщеславиться предъ низшеклассными и приходскими.

«Вѣдь вы еще мальчишки, говаривали мы имъ; смотрите, какъ васъ сѣкутъ въ классѣ учителя; вотъ на насъ уже смотреть, какъ на большихъ, на семинаристовъ, или вовсе не сѣкутъ, или такъ легонько по порткамъ».

Тѣ обижались нашими словами, отвѣчали намъ: «ну чтѣ вы хвастаетесь. Мы не видимъ, что у васъ дѣлается въ классѣ, ну вотъ на казенномъ и на квартирѣ старшіе и наибольшіе развѣ васъ не вмѣстѣ съ нами или при насъ сѣкутъ? Развѣ мы всѣ васъ не дер-

жимъ, не сѣчемъ, не снимаемъ съ васъ портокъ? Эхъ, хвастунишки! Вамъ еще болѣе нашего достается». «Ну, да это на квартирѣ или на казенномъ, отвѣчали мы, за-то въ классѣ насъ никто не трогаетъ». Но скоро намъ уже не было возможности и этимъ хвастаться, даже пришлось завидовать низшекласнымъ и приходскимъ. Гусевскаго давно уже тяготила учительская должность; наконецъ послѣ Пасхи 1823 г. онъ вышелъ въ отставку, сдавши, такъ сказать, свое учительство и инспекторство учителю Сапожковскаго духовнаго училища Степану Егоровичу Родосскому, который, впрочемъ, въ благодарность за это, долженъ былъ жениться на дочери своего предшественника.

Новый нашъ учитель и инспекторъ въ молодости былъ очень красивымъ человѣкомъ: бѣлокурый, высокаго роста, статный, съ лицомъ выразительнымъ, чистымъ и довольно румянымъ, съ живыми глазами, онъ могъ понравиться самой взыскательной красавицѣ.

Къ намъ онъ поступилъ уже изъ учителей Сапожковскаго духовнаго училища и зналъ латинскій языкъ, особенно географію, очень хорошо, умѣлъ ясно и основательно преподавать, отличался дѣятельностью. Но зато характеръ его для насъ былъ ужасенъ. И теперь (1870 г.), будучи священникомъ при рязанской Симеоновской церкви и несмотря на свой духовный санъ, на старость, онъ еще страшенъ для своихъ прихожанъ, причетниковъ и особенно семейныхъ; даже постороннія почетныя лица не должны раздражать его.

Будучи вспыльчиваго, чуть не бѣшенаго характера, имѣя необыкновенно высокое понятіе о своемъ умѣ, не любя щадить ничьего самолюбія, не дѣлая никому уступки, онъ, встрѣчая какое-либо противодѣйствіе себѣ, выходитъ изъ себя и въ этомъ случаѣ готовъ раскричаться на кого угодно; а если противникъ его не важный человѣкъ, то онъ способенъ дать волю своимъ рукамъ.

Семейные его, какъ говорится, всегда въ стрункѣ передъ нимъ. Услыхавши возвращеніе его домой поздно ночью, не раздѣвшись ложатся скорѣе, только чтобы не попасться ему на глаза и тѣмъ-либо не пробудить его негодованіе. Даже свѣтскія лица избѣгаютъ случаевъ хоть какъ-нибудь до него коснуться. Знакомый мнѣ

рязанскій почтмейстеръ Александръ Васильевичъ Дергуновскій, самъ тоже человѣкъ съ большимъ гоноромъ, неоднократно сознавался мнѣ, что онъ, когда Родосскій придетъ въ почтовую контору, всячески старается какъ можно поскорѣе и повѣжливѣе удовлетворить его. Сами архіереи боялись его трогать и даже снисходительно смотрѣли на его недостатки. И для нихъ и для всѣхъ онъ страшень не только своею дерзостью и нахальствомъ, но и своимъ крючкотворствомъ и сутяжничествомъ. Занимаясь давно составленіемъ всякаго рода прошеній, онъ дѣйствительно ознакомился со всѣми продѣлками нашего стараго судопроизводства и способенъ былъ запутать въ проказническія дразги даже невиннаго человѣка.

По этой характеристикѣ можно догадаться, чѣмъ Родосскій былъ въ молодости для насъ, беззащитныхъ мальчиковъ, почти вполнѣ отданныхъ на его произволъ.

Мы уже знали по слухамъ, чего должны были ожидать отъ новаго своего учителя и инспектора. Когда мы собрались послѣ Пасхи 1823-го года, то болѣе двухъ недѣль къ намъ не ходилъ ни Гусевскій, ни Родосскій. Въ это время происходили приготовленія къ женитьбѣ послѣдняго на дочери перваго.

Явившись къ намъ въ первый разъ, Родосскій окинулъ насъ своими глазами и грозно спросилъ: «что же вы дѣлали въ прошлыя недѣли?» Вопросъ былъ такъ высказанъ, что изъ насъ никто не осмѣлился разинуть ротъ. «Что же никто не говоритъ?» закричалъ онъ.—«А? что же вы дѣлали? значить, ничего; я же вамъ!..., покажу себя. Есть ли лозы?» и получивъ отрицательный отвѣтъ, приказалъ старшему, чтобы на будущее время всегда ихъ было вдоволь, да притомъ самыхъ лучшихъ. Потомъ, взявъ Корнелія Непота, началъ заставлять то того, то другаго переводить его на русскій языкъ. Такъ какъ никто почти и не думалъ приготовляться, то только нѣкоторые изъ спрошенныхъ не были обруганы. Кромѣ того почти постоянно было повторяемо: «Эхъ! жалко, что нѣтъ лозъ, я бы велѣлъ такъ тебя вздуть, чтобы небо показалось тебѣ съ овчинку».

Къ слѣдующему классу данъ былъ намъ урокъ, и мы собрались на него со страхомъ и трепетомъ. Вскорѣ послѣ звонка взмошелъ и Родосскій; по его пріемамъ и выраженію лица такъ и видно было,

что онъ рѣшился показать намъ себя во всемъ своемъ грозномъ величіи.

Прежде нежели началъ слушать урокъ, онъ спросилъ старшаго: а приготовлены ли лозы? и, получивъ утвердительный отвѣтъ, велѣлъ показать ихъ себѣ; когда же старшій представилъ ему только одну лозу, то закричалъ: «да развѣ только одну? да ее можетъ и не достать даже и на одного, ахъ ты, мерзавецъ, стой-ка я тебя тоже вздую!».

Тутъ старшій, желая избѣжать грозившей ему опасности, вытащилъ еще три лозы, и этимъ, особенно тѣмъ, что лозы были съ отличными качествами, нашъ Юпитеръ на время поуспокоился, но тутъ же прибавилъ: «да смотри же, чтобы рука у тебя не дрожала, чтобы промаховъ не дѣлать, чтобы попадало куда нужно».

Нѣсколько спрошенныхъ учениковъ отвѣтили удачно и сѣли на мѣсто цѣлыми. Первый подпалъ гнѣву товарищъ нашъ, Матвѣй Тырновъ. Онъ былъ богатаго отца сынъ, съ нѣжнымъ, полнымъ, свѣжимъ и красивымъ лицомъ, имѣлъ лѣтъ 14—15 отъ роду, довольный ростъ, дороденъ и по внѣшнимъ пріемамъ очень развязенъ, но ничто не смягчило грознаго судію.

«Лозу, закричалъ онъ, — э, ну-ка, красавчикъ, ложись, вотъ здѣсь!» Предстоящая экзекуція насъ всѣхъ занимала. Капитальный вопросъ состоялъ для насъ въ томъ, станетъ ли новый учитель сѣчь насъ по обнаженному тѣлу, или наши инекспрессибли хотъ немного будутъ насъ защищать отъ лозы? Мы даже сговорились лечь на полъ, не обнажая себя, а старшаго упросили сѣчь по инекспрессиблямъ.

Тырновъ легъ, старшій заворотилъ платье и рубаху, но остановился въ раздумьи, что дѣлать далѣе. «Что же ты стоишь? Ну», закричалъ Родосскій.

Старшій, полагая, что ему велятъ сѣчь, ударилъ лозою Тырнова, но не снявши инекспрессиблей. «Ахъ ты!...» заревѣлъ Родосскій, «да развѣ я велю тебѣ сѣчь портки?» Старшій оправдывался тѣмъ, что прежде сѣкли не обнажая, и спустилъ съ Тырнова инекспрессибли, но немного; равнымъ образомъ и рубаха была заворочена не высоко. Замѣтивъ это, Родосскій схватилъ старшаго за волосы, задалъ ему отличную таску и остановившись

сказалъ: «а, ты, скотина! развѣ не знаешь, какъ это сдѣлать! Вотъ я васъ выучу; смотри ты, да и вы всѣ смотрите, чтобы рубахи заворачивались до пояса, а портки спускались до самыхъ колѣнъ; ай, смотрите!» Старшій, разумѣется, поспѣшилъ исполнить приказъ, и Тырновъ лежалъ на половину обнаженный, чуть-чуть не такъ же, какъ мы лежали въ Касимовѣ при сѣченіи въ два ряда.

Удары посыпались. Отъ сильной ли боли, отъ непривычки ли, отъ нѣжнаго ли воспитанія Тырновъ не улежалъ. «Держать его, мерзавца», раздалось; бѣднягу уложили, растянули, прижали къ полу, и началось хлестанье. Въ этотъ день болѣе десяти человѣкъ подверглись той же участи. Да и потомъ, хотя Родосскій иногда бывалъ даже ласковъ къ намъ, лоза не оставалась безъ дѣла.

Особенно страшнымъ онъ дѣлался, если отъ чего-либо приходилъ въ бѣшенство, тутъ сѣкалъ насъ безъ всякаго милосердія.

Кромѣ того часто сначала примется виновнаго бить по щекамъ и таскать за волосы, сшибетъ его съ ногъ и закричитъ: «лозу!» а самъ похаживаетъ по классу, да съ ладоней и пальцевъ очищаетъ приставшіе къ нимъ волосы.

Такой грозный учитель намъ, разумѣется, не понравился; мы стали жаловаться семинаристамъ; между ними нашлось много, которые приняли въ насъ участіе и довели до свѣдѣнія начальства. Но увы! начальство сочло это чуть не за бунтъ и внушило Родосскому, чтобы онъ постарался укротить строптивый духъ въ насъ, осмѣливающихся жаловаться на своихъ учителей.

Радосскій, услышавши объ этомъ, дѣйствительно поналегъ на насъ.

Пришедши въ классъ, онъ безъ церемоніи заговорилъ: «а, вы еще жалуетесь на меня за то, что я васъ больно сѣку; стойте же, я вамъ покажу себя; до сихъ поръ вы видѣли еще цвѣтики, теперь узнаете и ягоды». И потомъ сталъ спрашивать изъ Корнелія Непота лучшихъ нашихъ учениковъ, Александра Стабникова и Верхоспаскаго. Первый съ рѣдкими способностями и особеннымъ прилежаніемъ учился всегда отлично; будучи съ малолѣтства гордъ и дорожа своею честью, онъ такъ старался вести себя, что его никогда почти не наказывали, а розги до того времени, о которомъ говорили, онъ не испытывалъ на себѣ болѣе уже трехъ лѣтъ.

Верхоспасскій же былъ племянникъ профессора словесности, Ареопагитскаго; онъ почти одинъ у насъ ходилъ барченкомъ, въ хорошемъ сюртукѣ, панталонахъ, смазпыхъ сапогахъ и пр. Его даже не только не сѣкли, но и не ставили на колѣни. Родосскій на нихъ-то обоихъ и захотѣлъ показать свою власть.

Не долго нужно было ему ихъ спрашивать, чтобы отвѣты оказались неудовлетворительными.

Обоихъ ихъ послали подъ лозу. Мы думали, что хоть Верхоспасскій станетъ защищать себя, или что его только постращаютъ.

Но къ сожалѣнію своему увидѣли, что онъ молча легъ на полъ, его раздѣли, какъ и насъ, только панталоны труднѣе было снять, нежели портки, а потомъ и ему и Стабникову отпустили ударовъ по 50 самыхъ горячихъ. Тогда мы поняли, что находимся въ полной власти Родосскаго, и онъ сдѣлался еще строже къ намъ.

Притомъ, вѣроятно, для того чтобы не было дисгармоніи съ Василиемъ Петровичемъ и прочими учителями училища, онъ и имъ посовѣтовалъ наказывать всегда по обнаженному тѣлу, а не пугать только блохъ.

Василій Петровичъ былъ очень радъ этому. Вообще онъ сѣкъ насъ рѣже, нежели Родосскій; но всякій разъ уже очень чувствительно, а иногда и очень больно. Кромѣ того ему нельзя было не подурачиться и въ этихъ случаяхъ. Онъ и тутъ любилъ пошутить, подтрунить надъ нами. Прежде сѣченія онъ часто приказывалъ зачекотать лозою. «Ну что, мерзавецъ, или Вася, Ваня, чуешь ли?» — спросить бывало старый дуракъ. — «А! да онъ вѣрно ничего не слышитъ, или заснулъ; ну-ка поразбуди его», и затѣмъ, разумѣется, слѣдовалъ ударъ лозою. Наказываемый вскрикнетъ или повернется. «О нѣтъ, онъ слышитъ, или не спитъ», проговоритъ Василій Петровичъ и велитъ стегать.

Въ другое время, отославши кого-либо на лобное мѣсто, самъ продолжалъ съ кѣмъ-либо говорить, а себѣ приказывалъ доложить, когда все будетъ готово. Докладъ этотъ состоялъ въ томъ, что сѣкущій давалъ одинъ сильный ударъ, останавливался и начиналъ щекотать лозою наказываемаго. Василій Петровичъ не всегда обращалъ вниманіе на первый докладъ; иногда дожидался другаго и третьяго. «Ахъ, да, мы заговорились», говаривалъ старикъ и от-

правлялся къ лобному мѣсту, и тутъ уже начиналась экзекуція. Положеніе наказываемаго во время доклада и щекотанья было невыносимо.

Прижатый къ полу сильными руками, чувствуя движущуюся по своему тѣлу лозу, уже испытывъ силу ея удара, онъ лежалъ въ какомъ-то лихорадочномъ состояніи, ожидая постоянно новыхъ ударовъ, вздрагивая или поворачиваясь тѣломъ, а иногда даже вскрикивая, тогда можно было подумать, что его сейчасъ начнутъ сѣчь. И странное дѣло! Мы все-таки козла не боялись и проказничали передъ его глазами.

Былъ у насъ еще учитель нотнаго пѣнія, соборный священникъ Иванъ Алексѣевичъ Бѣлокомутскій, по прозвищу Талагай; это чистый дуракъ; къ нему мы собирались въ одинъ классъ вмѣстѣ съ низшеклассными въ числѣ 250—300 человѣкъ. Бывало минутъ 20 проходить въ томъ, чтобы возстановить тишину въ этомъ сборищѣ, Талагай бѣгаетъ по классу, кричитъ своимъ сильнымъ басомъ: «молчите, я васъ!» надѣляетъ кого пинкомъ, кого оплеухой, и между тѣмъ шумъ и гамъ продолжается. Утихнулъ наконецъ; тутъ начинается пѣніе, то общимъ хоромъ, то по-одиночкѣ; въ послѣднемъ случаѣ большею частію опять брань, опять шумъ.

Къ счастью нашему, этому дураку не позволяли насъ сѣчь, иначе бы житіе наше было не хорошо. Онъ только имѣлъ право или ставить на колѣна, или жаловаться инспектору, который уже расправлялся съ нами. Но жалобы были слишкомъ рѣдки. Между тѣмъ я боялся Талагая болѣе всѣхъ учителей и потому старался не бывать на его классѣ. Это опущеніе проходило мнѣ безнаказанно, потому что старшему нашему по классу пѣнія, Андрею Николаеву, я переводилъ переводы съ русскаго на латинскій и греческій языки; поэтому онъ меня всегда и отмѣчалъ бывшимъ въ классѣ и писалъ въ спискахъ въ первомъ или второмъ десяткѣ.

Самъ Талагай рѣшительно никого изъ учениковъ не зналъ, а составленіе списковъ поручилъ Николаеву. Наконецъ надо сказать нѣсколько словъ о двухъ учителяхъ низшаго отдѣленія, священникахъ Андреѣ Дмитріевичѣ Модестовѣ и о Павлѣ Александровичѣ Горностаевѣ.

Обоихъ мы, вышеклассные, видѣли у себя только въ тѣхъ слу-

чаяхъ, когда они приходили къ намъ вмѣсто нашихъ учителей. Модестовъ преподавалъ въ нашемъ отдѣленіи латинскій языкъ и кромѣ того состоялъ священникомъ при семинарской церкви. Какъ учитель, онъ былъ недуренъ, даже хорошъ, хотъ очень золъ, всплывъ и въ этомъ случаѣ крайне неразборчивъ.

Горностаевъ, преподававшій греческій языкъ, былъ гораздо слабѣе Модестова и почти что только заставлялъ зубрить уроки. Этотъ педагогъ, спросивши мальчика, знаетъ ли онъ урокъ изъ ариметики, и получивши въ отвѣтъ: «читать я знаю, а дѣлать не умѣю», говаривалъ: «ну, это ничего, дѣлать еще выучишься». У обоихъ изъ нихъ было постановлено, чтобы всѣ незнающіе уроки стояли на колѣнахъ по срединѣ класса еще до прихода учителя. Не всегда, конечно, но и нерѣдко тотъ и другой, пришедши въ классъ и замѣтивши стоящихъ на колѣнахъ, говаривали: это все пезнающіе? и получивъ въ отвѣтъ: да, прибавляли: лозу! Тогда всѣхъ къ ряду безъ всякаго исключенія сѣкли, хотя иной, можетъ быть, только въ первый разъ черезъ три-четыре мѣсяца оказался незнающимъ урока или записанъ былъ въ нотатѣ единственно потому, что аудиторъ былъ на него золъ.

Модестовъ сталъ для казенно-коштныхъ учениковъ важною особою послѣ того, какъ Иліодоръ и Гедeonъ прибыли въ Рязанскую семинарію. Они сдѣлали его экзномомъ на мѣсто Кротова.

По отношенію къ начальству Модестовъ былъ покоренъ, услужливъ до низости, низкопоклоненъ и пр.

При новой должности онъ уже мало занимался учительствомъ; вѣчно самъ съ собою разговаривалъ, наклонялъ голову, считалъ что-то постоянно; даже въ то время, какъ въ классѣ заставитъ мальчика переводить изъ Корнелія Непота, или читать урокъ, онъ продолжаетъ свои вычисленія и вдругъ къ потѣхѣ учениковъ вскрикивалъ: «да, двадцать пять, сорокъ семь» и т. п. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ торопился, какъ можно поскорѣе, наполнить свой карманъ казенными деньгами; тащилъ изъ семинаріи на свое семейство все: и масло, и муку, и крупу, и дрова, и свѣчи, бралъ съ поставщиковъ и подрядчиковъ десятками и сотнями рублей, но не пренебрегалъ однимъ рублемъ и полтиною; вѣдь и изъ гривень и копѣекъ соста-

вляются рубли, но за то вѣчно былъ въ хлопотахъ, бѣгалъ, суетился особенно такъ, чтобъ это видно было ректору и инспектору.

Этотъ золотой или лучше златолюбивый человѣкъ съ умѣньемъ взялся угождать ихъ высокопреподобіямъ и помогать имъ улучшить быть казенныхъ учениковъ, не жалѣя казенныхъ денегъ, а главнымъ образомъ не забывая наполнять ими свои карманы.

XVIII.

О нашихъ таторахъ или набольшихъ изъ семинаристовъ.

Кромѣ семинарскаго и училищнаго начальства было еще надъ нами третье, которое назову опекунскимъ, старшинскимъ, таторскимъ. Дѣло состояло въ томъ, что рѣдкій отецъ не отдавалъ своего сына, обучавшагося въ Рязанскомъ училищѣ, а часто даже и въ реторикѣ, какъ со мною было, — подъ надзоръ какого-либо семинариста, преимущественно философа или богослова; но училищные мальчики поручались и риторамъ, иногда даже вышекласнымъ. Само собою разумѣется, что всякій старшій или лучший по успѣхамъ братъ имѣлъ большею частью надзоръ за прочими своими братьями, тутъ забывались иногда даже права первородства.

Жившіе въ семинарскомъ корпусѣ училищные мальчики по крайней мѣрѣ на половину имѣли надъ собою такого рода менторовъ или таторовъ, но, живя большею частію въ разныхъ комнатахъ, испытывали менѣе ихъ вліяніе, нежели квартирные ученики.

Эти обыкновенно жили съ своимъ менторомъ въ одной комнатѣ, находились постоянно предъ его глазами. Притомъ на казенномъ не всякій таторъ рѣшался наказывать розгами своего кліента въ той комнатѣ, гдѣ онъ живетъ; это иногда, хоть правду сказать, очень рѣдко, не нравилось другимъ товарищамъ и особенно старшему; только вліятельныя особы наказывали отданныхъ подъ ихъ надзоръ мальчиковъ, когда, какъ и гдѣ угодно; а прочіе уводили наказываемаго куда-либо въ столовую, кухню, классъ и пр. На квартирѣ же таторъ былъ полный властелинъ своихъ кліентовъ,

которыхъ число у инаго простиралось не только до 4—6, но даже до 10—12.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что таторы эти были полезны во многихъ отношеніяхъ, удерживая мальчиковъ отъ шалостей, поясняя имъ уроки и вообще руководствуя ихъ въ умственномъ и нравственномъ отношеніяхъ.

Этому именно обстоятельству нужно приписать то, что ученики Рязанскаго училища вообще были гораздо лучше и развитѣе учениковъ училищъ, помѣщавшихся въ уѣздныхъ городахъ.

Конечно, встрѣчалось между таторами не мало молодцовъ, которые не только не заботились объ умственномъ образованіи своихъ питомцевъ, но и служили дурнымъ примѣромъ для нравственности, дѣлая ихъ свидѣтелями своихъ вакханалій, посылая въ кабакъ за водкою и даже иногда пріучая ихъ пьянствовать.

Зато плохіе и хорошіе таторы за немногими исключеніями любили наказывать своихъ подчиненныхъ розгами.

Ихъ самихъ сѣкали больно, а иногда и все время самага таторства лоза разгуливала по ихъ тѣлу; о другихъ наказаніяхъ, напр. о стояніи на колѣнахъ, суровыхъ выговорахъ, сидѣннхъ на хлѣбѣ и водѣ и пр. нечего и говорить.

Грубая натуры въ этомъ случаѣ находятъ удовольствіе вымещать свои страданія на другихъ: въ нихъ развивается, такъ сказать, вкусъ или страсть къ сѣченью, пробуждается наслажденіе своею рукою отпускать полновѣсные удары, или другимъ поручать это дѣлать, а самимъ стоять и слѣдить, какъ постепенно разрисуется тѣло рубцами, какъ кричитъ и мечется наказываемый, да, именно, такая дикая страсть развивается.

И вотъ таторъ вышекласный, или риторъ, даже его таторъ, котораго или учитель, или инспекторъ въ тотъ день или отругалъ, или отщипалъ за волосы, или за уши, или даже высѣкъ. —возвратившись домой, ищетъ случая придратъ къ своимъ мальчуганамъ и нарисовать лозою на ихъ тѣлѣ тѣ же рисунки, которые на него наложены. Философовъ тоже стегалъ инспекторъ и ректоръ, хоть и рѣдко; зато имъ приходилось переносить другія наказанія; вотъ и они, и богословы тоже принимались за своихъ кліентовъ.

Таторы или, какъ мы ихъ называли, старшіе, наибольшіе изъ

семинаристовъ наказывали своихъ подчиненныхъ строже, чаще и больнѣе, нежели даже учителя. У послѣднихъ бывало подъ командою не только до 50, до 100, а иногда даже и до 150 человѣкъ; такъ тутъ, еслибы каждый день наказывалось по десяти человѣкъ, педагогъ удовлетворить своей страсти къ сѣченью.

По той же самой причинѣ учителя менѣе бывали придирчивы, прощали неважные промахи, потому что они всегда могли найти для сѣченія виновныхъ въ болѣе важныхъ проступкахъ. Но у инаго тьютора только и есть одинъ-два подчиненныхъ, много 5—6, слишкомъ рѣдко 10—12 человѣкъ. Такъ какъ же тутъ пропустить хоть какой-либо случай, чтобы посѣчь своего кліента? вѣдь скоро ли представится еще новый случай?

Затѣмъ, начавши сѣчь, зачѣмъ ограничиваться немногими ударами? Вѣдь скоро ли еще кто-нибудь сдѣлаетъ какую-либо шалость, чтобы побольнѣе его посѣчь? нѣтъ, надо пользоваться всякимъ случаемъ и не тревожить себя изъ-за какихъ-либо десяти ударовъ.

А если нѣтъ никого виновнаго, а между тѣмъ хочется посѣчь, то почему не поискать вины, не попридраться къ чему-нибудь на законномъ основаніи?

Для этого обыкновенно начинали слушать уроки; если новый урокъ былъ прочитанъ, то принимались за старое; тутъ большею частью уже можно было къ чему-либо придраться.

Въ этомъ отношеніи я помню много случаевъ изъ своей ученической жизни, но укажу на примѣръ, повторявшійся не одинъ разъ въ концѣ сороковыхъ и началѣ пятидесятихъ годовъ. Онъ касается двухъ семинаристовъ, которые были дѣтьми двухъ дьяконовъ Дмитровскаго погоста Егорьевскаго уѣзда, и потомъ по окончаніи курса сами поступили тоже дьяконами на мѣста своихъ отцовъ. Одного изъ нихъ звали Борисомъ Алексѣевичемъ, а другаго Алексѣемъ Ѳеодоровичемъ. Послѣдній былъ пѣвчимъ семинарскаго хора и зная, что его переведутъ изъ класса въ классъ, вовсе не учился; ему поэтому никто почти не отдавалъ мальчиковъ подъ надзоръ. Но Борисъ кое-какъ еще учился и имѣлъ подъ своимъ надзоромъ порядочное количество дѣтей, между прочимъ моихъ племянниковъ, Павла и Дмитрія Надеждиныхъ. Алексѣй Ѳеодоровичъ страшно любилъ сѣчь дѣтей и потому не стыдился усерднѣе спра-

шиваль Бориса позволить ему отправлять должную сѣкупію, даже дѣлая кое-какія услуги, выговариваль условіе, чтобы при первомъ случаѣ ему позволено было поработать лозою; такіе переговоры, повторяю, производились вслухъ.

Борись, хотя любилъ тоже сѣчь, но иногда уступалъ лозу своему пріятелю односельчанину.

Эти-то два господина весьма нерѣдко вели такой разговоръ: «А что, Борись Алексѣвичъ? Вѣдь мы давно ребятъ не сѣкли!» — «Да, отвѣтитъ Борись, — дѣйствительно давно».

— «Ну, такъ что же, начини-ка ихъ слушать, а я пойду приготовить лозу».

Начиналось слушаніе, наконецъ находили какую-либо ошибку. Тутъ опять былъ особеннаго рода оборотъ или переходъ къ сѣченію, основанный на одной глупой, площадной остротѣ или шуткѣ семинаристовъ. Если мальчикъ въ отвѣтъ на то, почему онъ не выучилъ или не знаетъ урока, отвѣчалъ, что у него памяти нѣтъ, или память плоха, тогда остряки и шутники говорили: «а такъ постой, мы поищемъ у тебя память; куда это она дѣвалась? ну-ка ложись на полъ».

По мнѣнію этихъ психологовъ, память изъ головы иногда переселялась въ педагогическую часть тѣла, и чтобы возвратить ее владѣльцу, стоило хорошенько его высѣчь.

Вотъ Борись и Алексѣй не просто-на-просто высѣкутъ, а большею частью начинаютъ допрашивать: «отчего же ты не знаешь урока?»

И какъ скоро получаютъ отвѣтъ, что памяти нѣтъ, или забылъ, тогда оба заговаривали: «ну-ка ложись, мы поищемъ у тебя память и найдемъ ее»; и начиналась экзекуція. Разумѣется, она исполнялась, если какой-либо упрямецъ или молчалъ, или дѣлалъ увѣтки, не давалъ отвѣты, но все-таки почтенные господа любили допрашиваться до памяти. Что описанная метода находить причины высѣчь мальчика была во вкусѣ, въ модѣ не у однихъ туповъ, вотъ вамъ доказательство.

Нѣкоторые даже папаши, ознакомившись съ нею во время своей школьной жизни, держались ея, когда уже на головѣ ихъ было много сѣдыхъ волосъ, а сами пользовались въ обществѣ хорошей репутаціей.

По выходѣ моемъ въ отставку я три года въ Рязани держалъ квартиру въ домѣ протоіерея Николдворянской церкви, законоучителя гимназіи, Якова Петровича Алешинскаго, у котораго было семеро сыновей: старшіе двое обучались въ высшемъ отдѣленіи, двое въ риторикѣ, а прочіе трое другъ за другомъ въ слѣдующихъ низшихъ классахъ.

Отецъ былъ очень добрый, даже славный человѣкъ, вмѣстѣ съ тѣмъ очень не глупый, даже умный, только любилъ попить.

Дѣтьми своими, помѣстивъ ихъ въ особой свѣтелкѣ, онъ не особенно занимался, и они учились довольно лѣнливо.

Но онъ считалъ, такъ сказать, своею обязанностію, какъ урожденнаго тьютора, недѣли черезъ три-четыре отправляться къ нимъ въ свѣтелку и слушать ихъ изъ уроковъ.

Дѣло оканчивалось почти всегда тѣмъ, что всѣхъ ихъ сѣкъ розгами, хотя старшихъ два сына Владиміръ и Константинъ были уже рослыми молодцами.

Бывало сами дѣти, или моимъ племянникамъ, или мнѣ рассказывали чуть не о каждой изъ этихъ экзекуцій.

Учителя и начальники сами не озабочивались лично готовить розги для нашего сѣченія; это лежало на обязанности дневальныхъ или старшихъ. Но наши тьюторы, наши наибольшіе не всегда имѣли возможность или желаніе поручить это другимъ.

Для избѣжанія излишнихъ хлопотъ, нѣкоторые заводили у себя ременные плетки, иногда даже двѣ и три, съ двумя или тремя хвостами каждую, чтобы можно было употреблять ту или другую, смотря по степени проступка, или по возрасту наказываемаго.

Если при квартирѣ находился садъ, а плети не было, то каждый разъ вырѣзывались свѣжіе прутья. Но если ни саду, ни плети не было, то озабочивались заблаговременнымъ заготовленіемъ розогъ. Для этого покупали на базарѣ метлы, держали ихъ въ сыромъ мѣстѣ и по мѣрѣ надобности расходовали прутья.

Другіе изъ экономіи посылали мальчиковъ какъ-нибудь вечеромъ нарѣзывать прутьевъ въ ивникѣ у Трубежа или въ сосѣднихъ рощахъ. Иногда даже дѣлали нѣчто въ родѣ похищенія.

Тѣ же Борисъ Алексѣевичъ и Алексѣй Федоровичъ, о которыхъ

сейчасъ было говорено, однажды забрались въ сосѣдній съ ихъ квартирою садъ и срубили тамъ большой сукъ съ березы.

Притащивши его въ комнату, они заставили самихъ мальчиковъ отрѣзывать прутья и связывать ихъ въ пучки.

Подобнаго рода жестокость обнаруживалась и другими способами.

Если, по мнѣнію тьютора, мальчикъ или очень застрашенъ, или въ состояніи понимать, что бѣгствомъ и укрывательствомъ нельзя спастись отъ розги, то посылалъ наказываемаго самого вырѣзать лозу въ саду или принести ее съ потолка, изъ-подъ пола, гдѣ она хранилась.

Точно также если плетки или лозы гдѣ-либо лежали въ комнатѣ, то наказываемый тоже долженъ былъ самъ взять ихъ и отдать въ руки судѣ и сѣкущему.

Далѣе нѣкоторые учителя, какъ я уже сказалъ, не всегда приказывали сѣчь по обнаженному тѣлу. Потомъ немногіе заставляли самихъ мальчиковъ раздѣваться и такъ улежся, чтобы все было наружу и никакого клочка одежды и бѣлья не надо было поднимать или спускать, это исполнялось сѣкуторомъ или держателями.

Затѣмъ еще менѣе было такихъ, которые требовали, чтобы наказываемые лежали смирно, несмотря ни на какую боль, и если кто-либо слишкомъ сильно бился, то заставляли другихъ держать его.

Наконецъ еще менѣе было такихъ, которые сами собственно ручно сѣкли. Но наши тьюторы далеко не всѣ такъ дѣйствовали. Я рѣшительно никогда не слыхалъ, чтобы кто-либо изъ нихъ сѣкъ своего кліента иначе, какъ по голому тѣлу, еслибъ даже нужно было дать 3—4 удара.

Далѣе большею частію они сѣкли сами; отъ такого обычая отступало очень немного.

Затѣмъ встрѣчалось меньшее количество прихотливыхъ молодцовъ, которые непремѣнно требовали, чтобы наказываемый лежалъ смирно, не препятствуя своими движеніями сѣченію; и если не исполнялось это приказаніе, то наказаніе усиливалось.

Эти господа иногда говорили наказываемому: «лежи смирно, въ такомъ случаѣ дамъ тебѣ 10 или 20 ударовъ. Но помни, что если

ты повернешься хоть на предпоследнемъ ударѣ, то счетъ опять начнется съ перваго».

Отъ этого случалось, что, начавши съчь за маловажный проступокъ, отпускали за беспокойное лежаніе по полсотнѣ ударовъ и даже болѣе.

Братъ мой Николай Ивановичъ мнѣ рассказывалъ, что такъ именно поступилъ нашъ двоюродный братъ, Петръ Ивановичъ Добровольскій, о которомъ я впоследствии буду говорить.

Такихъ, впрочемъ, молодцовъ бывало немного, большею частію или сами держали, или другихъ заставляли держать, или привязывали наказываемаго къ скамьямъ.

Встрѣчалось опять не мало тупоровъ, которые требовали, чтобы наказываемый не только снялъ свои инекспрессибли, но приподнялъ платье и рубаху такъ, чтобы съкущему не было надобности дѣлать никакихъ поправокъ; и за нарушеніе этой заповѣди прибавлялось по пяти или десяти розогъ.

И удивительная человѣческая натура! Съ какою бывало аккуратностью стараемся исполнить это. Спустимъ все до колѣнъ, или подберемъ выше пояса, даже посмотримъ назадъ, все ли исправно, и затѣмъ молча растянемся и положимъ голову на свои скрещенныя руки.

Но большею частью тупоры или заставляли другихъ обнажать или сами обнажали своихъ подчиненныхъ.

Самый, такъ сказать, процессъ или обрядъ съченья тупоры разнообразили болѣе, нежели учителя, при томъ иногда по необходимости, а то и изъ любви къ искусству.

Обыкновеннѣйшій способъ какъ у нихъ, такъ и у учителей, состоялъ въ томъ, чтобы виновный легъ на полъ, растянувшись, по нашему выраженію, какъ доска, а на плечи, или руки и на ноги сядутъ большею частью два человѣка; а затѣмъ тупоръ по обнаженнымъ частямъ отпускаетъ удары.

Но у инаго тупора и не было лишнихъ людей, которые могли бы держать наказываемаго, или онъ почему-либо любилъ, или могъ съчь только одинъ, безъ пособія кого бы то ни было.

Для удовлетворенія этому стремленію къ полной самостоятельности, употреблялись разные способы:

1) простѣйшій способъ состоялъ въ томъ, что виновнаго привязывали къ скамьѣ или къ какой-либо доскѣ; веревокъ или ремней у семинаристовъ не было; мѣсто ихъ замѣняли кушаки, утиральники, даже платки.

Чтобы связать руки, ихъ складывали на груди такъ, чтобы кисть правой руки была у локтя лѣвой, а кисть лѣвой у локтя правой, и тогда обматывали ихъ однимъ или двумя платками.

Въ случаѣ недостатка кушаковъ или утиральниковъ, привязывали только ноги и плечи; вырваться было нельзя, но зато части тѣла между перевязками поднимали и поворачивали сколько угодно. Чтобы лишить и этого рода движенія, привязывали еще поясницу и ноги выше колѣнъ; ну, тогда одною только головою можно было двигать.

2) Если наказываемый былъ слабосилень, или его не хотѣли больно высѣчь, то тудоръ клалъ его къ себѣ на лѣвую ногу, лѣвою рукою держалъ за плечи, правою ногою прижималъ ноги и затѣмъ въ полномъ смыслѣ предъ самыми глазами сѣкъ правою рукою.

Этотъ способъ сѣченія мальчики предпочитали другимъ, потому что тутъ, за невозможностію дѣлать большіе розмахи и употреблять длинную розгу или плетку, удары не могли быть слишкомъ сильными.

3) Непріятнѣе и такъ сказать безчестнѣе была операція, когда тудоръ голову ущемлялъ между своими ногами и принималъ мѣры, чтобы руки не защищали мѣстъ, на которыя станетъ падать лоза.

Здѣсь удары были чувствительнѣе не только потому, что розмахи могли быть больше, но и потому, что наказываемый, имѣя свободными свои ноги и давая имъ и бедрамъ разнообразныя положенія, часто самъ бывалъ причиною того, что лоза падала на непривычныя къ ней части тѣла.

Кромѣ того наказываемый, если только руки его не были связаны, усиливался защищать ладонью поражаемая лозою мѣста; этимъ прерывалъ на время наказаніе и прибавлялъ лишнія хлопоты наказывающему.

4) Наказываемаго клали на кровать, скамью, даже на столъ такъ, чтобы на нихъ лежало туловище, а ноги спускались внизъ, иногда же вполне висѣли на воздухѣ, не доставая полу. Сѣкуторъ

садился на плечи, подбиралъ или связывалъ руки; при такомъ положеніи кожа на бедрахъ натягивалась, поэтому и удары лозою были болѣе или менѣе чувствительны.

Кромѣ того, такъ какъ на квартирѣ почти круглый годъ, а на казенномъ въ нехолодное время, мальчики оставались съ босыми ногами, то при описываемомъ наказаніи инекспрессибли съ перваго раза спускались до колѣнъ, а потомъ, во время сѣченья, отъ быстрыхъ и беспорядочныхъ движеній ногами совсѣмъ спадали на полъ; отчего наказанный во время и послѣ экзекуціи чуть не весь съ подошвы до плечъ былъ обнаженъ и потомъ, выпущенный на просторъ, долженъ былъ еще отыскивать свои куда-либо отлѣтѣвшія инекспрессибли.

Если притомъ руки были связаны и рубаха запущена за обшивку или подъ жилетъ, то послѣ экзекуціи стоишь, бывало, весь обнаженный, ждешь, пока развяжутъ руки, а къ этому не всегда тотчасъ же приступали, вѣроятно, желая наслаждаться разсматриваніемъ узоровъ, которые нарисовались отъ лозы на тѣлѣ.

5) Тудоръ клалъ мальчика на полъ, садился ему на плечи и, придерживая ихъ лѣвою рукою, сѣкъ правою. Такъ какъ здѣсь удары падали не вполнѣ поперекъ педагогической части, а болѣе или менѣе наискось отъ правой стороны къ лѣвой, или отъ лѣвой къ правой, если сѣкли лѣвою рукою; то сѣченье это мы называли накосъ или наискосокъ, т. е. вкосъ, наискось.

Тутъ у многихъ тудоровъ жестокость была изобрѣтательна. И самъ наказываемый, котораго никто не держалъ за ноги, желая какъ-нибудь вырваться, становился на колѣни, наклонялся на ту или другую сторону, искривлялъ ноги и т. п.

Черезъ это удары падали или на натянутую кожу или на непривычныя къ сѣченію части; особенно очень больно доставалось ляжкамъ.

Если былъ другой, который могъ держать наказываемаго за ноги, то наказывающій, поскѣвши съ головы, или передавалъ лозу державшему за ноги, или мѣнялся съ нимъ мѣстами, и тогда концы лозы падали особенно чувствительно на поясницу и на бока. Это мы называли сѣченіемъ наискось съ головы и съ ногъ.

Такъ сказать для краткости и когда оба державшіе сѣкли вдругъ,

ударяя одинъ за другимъ и раздѣляя предоставленныя въ ихъ распоряженія части, одинъ преимущественно по правой, а другой по лѣвой сторонѣ тѣла.

6) Иной хитрецъ нарочно клалъ наказываемаго такъ близко отъ стѣны, что ему растянуться во всю длину тѣла не было никакой возможности. Въ этомъ случаѣ бѣдняга, упершись подошвами въ стѣну, поневолѣ становился на колѣни, поднималъ и натягивалъ свою педагогическую часть тѣла или падалъ; очевидно, что боль отъ лозы въ такомъ случаѣ усиливалась.

7) Былъ еще способъ, который назывался сѣченіемъ вдоль.

Если были въ запасѣ держатели въ достаточномъ количествѣ, то наказываемаго располагали по-надлежащему; иногда держали одинъ за плечи, а другой за ноги, но болѣе употреблялось 4 держателя; двое—на рукахъ, растянувъ ихъ перпендикулярно ихъ туловищу, а двое на ногахъ, тоже раздвинутыхъ между собою.

Сѣкуторъ становился впереди головы и сѣкъ вдоль по обоимъ бедрамъ, но такъ, что концы лозы доставали почти до колѣнъ. Потомъ становился между ногъ и начиналъ стегать по верхней части и вдоль по поясницѣ до пояса. Иногда сѣкли вдругъ двое, и отъ головы, и отъ ногъ. Такое сѣченіе производило сильнѣйшую боль тѣмъ, что удары попадали между бедрами и на бока.

Этотъ способъ употреблялся, но, такъ сказать, въ смѣшанномъ видѣ, особенно учителями надъ здоровыми ребятами; т. е. сѣкутъ сначала поперекъ ягодицъ, потомъ наискось и наконецъ вдоль, такъ, что все тѣло сзади, начиная отъ колѣнъ до пояса, покрывается рисунками, лентами и, пожалуй, блестками.

Даже безъ приказанія учителя, сѣкуторы, желая показать свое усердіе и искусство, сначала постегаютъ поперекъ ягодицъ, а потомъ наискосою и вдоль.

Родосскій стоитъ, бывало, и приговариваетъ: «а это хорошо, пробери-ка его вездѣ»; о касимовскомъ протопопѣ я уже и не говорю, какъ онъ восхищался заправкою.

8) Если не самое жестокое, то самое безобразное было сѣченіе съ головою и руками въ мѣшкѣ.

Оно начиналось тѣмъ, что или самъ наказываемый снималъ верх-

нюю одежду, или другіе это дѣлали; если не было ни пояса, ни жилета, то сѣкуторъ опоясывалъ наказываемаго платкомъ подъ самою такъ называемою подмышкою, спускалъ подштанники и заворачивалъ подолъ рубахи выше головы; такимъ образомъ голова и руки оказывались въ рубашкѣ, какъ въ мѣшкѣ.

Иной, взявши лѣвою рукою конецъ мѣшка, безпощадно сыпалъ удары на обнаженное, ничѣмъ не защищенное, тѣло.

Вырваться или руками прикрыть пораженные части не было никакой возможности; оставалось повертываться на всѣ стороны, становиться на колѣни, то растягиваться во всю длину свою, то падать на правый или лѣвый бокъ; но спасенія или облегченія не было никакого.

Чтобы наказываемый не вертѣлся, его укладывали на полу; на конецъ мѣшка, т. е. на конецъ подола поднятой рубахи, становился сѣкуторъ; такимъ образомъ голова и плечи придавливались къ полу.

Если былъ лишній человѣкъ, то его заставляли держать за ноги и начинали сѣченіе вдоль отъ головы.

Натѣшившись съ этой стороны, держателю поручали мѣшокъ съ головою, а сѣкуторъ сѣкъ вдоль отъ ногъ къ головѣ.

И тутъ изобрѣтательность нашлась.

Одинъ конецъ кушака или чего-нибудь длиннаго привязывали, напримѣръ, къ лѣвой ногѣ, у самой щиколки, затѣмъ оставляли часть кушака свободно настолько, чтобы на нее можно было встать одною или обѣими ногами, и послѣ другой конецъ привязывали къ правой ногѣ.

Такъ какъ подобнымъ образомъ спутываютъ лошадей на пастбищахъ, не желая, чтобы онѣ далеко уходили, то и мы называли такую связку п у т а м и.

Если кто-либо становился на часть этихъ путъ между ногами, то послѣдними нельзя уже было наказываемому дѣйствовать свободно, и сѣкуторъ могъ стегать лозою верхнюю часть ягодицъ и поясницу.

Иногда и тутъ сѣкли двое вдругъ, и отъ головы, и отъ ногъ. Это сѣченіе въ мѣшкѣ съ путами вдоль отъ головы и до ногъ у учителей въ употребленіи не бывало; но, какъ я уже выше сказалъ, употреблялось чадолюбивыми мамашами.

Извините, г. читатель, если я для полноты отчета еще опишу вамъ нѣсколько мерзостей, о которыхъ вы вѣрно не имѣете понятія.

Насмотрѣвшись, какъ прогоняли солдатъ сквозь строй, т. е. наказывали шпицрутомъ, таторы-семинаристы иногда подражали и этому.

Въ такомъ случаѣ привязывали рубаху у пола, а портки или вовсе спускали, или тоже привязывали у колѣнъ.

Затѣмъ, поставивъ своихъ подчиненныхъ въ одинъ или два ряда и снабдивъ каждого изъ нихъ прутомъ березовымъ или ивовымъ, заставляли преступника ходить по этой аллеѣ; разумѣется, удары сыпались съ обѣихъ сторонъ, не по спинѣ, а по бедрамъ; наказываемаго кто-либо водилъ, если онъ самъ шелъ неровно и припрыгивалъ.

О такого рода наказаніи мнѣ рассказывалъ мой родной племянникъ, Ѳеодоръ Васильевичъ Лебедевъ, теперь, 1870 г., священникъ въ селѣ Ш...., Касимовскаго уѣзда.

Такія экзекуціи происходили на ихъ квартирахъ, когда онъ, будучи еще въ приходскомъ училищѣ, состоялъ подъ tutorствомъ двоюроднаго моего брата, Аѳанасія Степановича Арбелова, теперешняго священника въ селѣ Пустыни, въ 12 верстахъ отъ Рязани.

Слышалъ я также отъ своего роднаго племянника Дмитрія Акимовича Надеждина, теперешняго военного медика, что, когда его братъ, Павелъ Акимовичъ, по правдѣ сказать, величайшій шалунъ и проказникъ, былъ въ приходскомъ училищѣ и низшемъ отдѣленіи, то таторъ предъ сѣченіемъ совершенно обнажалъ его и въ этомъ видѣ наказывалъ, чтобы, вѣроятно, ни одинъ прутикъ не упалъ иначе, какъ на голое тѣло.

Д. И. Ростиславовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЗАПИСКИ Д. И. РОСТИСЛАВОВА,

профессора Спб. духовной академіи,

† 18-го февраля 1877 г.

XXIX ¹⁾.

Объ учебныхъ и неучебныхъ занятіяхъ учениковъ Рязанскаго духовнаго училища и о моемъ житьѣ-бытьѣ въ Рязани въ теченіе перваго года.

Высшее и среднее начальство наше мною описано; теперь время приняться за низшее, за самыхъ подчиненныхъ и въ частности за меня самого. Такъ сказать, внутренняя администрація въ классѣ, равно какъ и обязанности учениковъ, были въ Рязанскомъ училищѣ почти тѣ же самыя, какъ и въ Касимовскомъ; точно также существовали аудиторы, цензоры или старшіе, дневальные и пр. Но было кое-что, чего въ Касимовѣ не встрѣчалось. Прежде всего въ одномъ высшемъ отдѣленіи находилось около 150 учениковъ, болѣе нежели во всемъ Касимовскомъ училищѣ.

Между ними, разумѣется, очень многіе отличались своимъ ростомъ и выглядывали уже взрослыми людьми, такъ что я тутъ явился, если не пигмеемъ, то мальчонкою. Особенно высоки ростомъ и стары по лѣтамъ были Алексѣй Петровскій, называвшійся въ насмѣшку Бацылкою, Ѳедоръ Смирновъ и Ѳедоръ Соколовъ, и тогда они всѣ были никакъ не ниже 2 арш. 11 верш., но впоследствии Соколовъ приобрѣлъ извѣстность уже въ гвардіи и при императорскомъ дворѣ.

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1830, 1882, 1884, 1887, 1888, 1892 и 1893 гг., томы XVII, XVIII, XXXIII, XXXIV, XLII, XLIII, LVI, LVII, LXXVI и LXXVII.

Будучи исключенъ изъ училища и не находя причетническаго мѣста, онъ поступилъ послушникомъ въ Солотчинскій монастырь и сдѣлался болѣе нежели трехъ-аршиннымъ дѣтиной.

При такомъ ростѣ онъ для монастыря уже былъ не годенъ; чѣмъ бы ни оставался и ни дѣлался, послушникомъ ли, іеродіакономъ или іеромонахомъ, для него всѣ стихари, ризы и епитрахили были бы коротки, не доставали бы до колѣнъ; для него слѣдовало бы запастись новое облаченіе.

Поэтому тогдашній солотчинскій архимандритъ Иларій посовѣтовалъ великану поступить въ военную службу, и онъ, разумѣется, тотчасъ же былъ отправленъ въ Петербургъ и помѣщенъ въ Преображенскій полкъ.

Но и наше начальство любило уважить ростъ.

Старшимъ въ классѣ былъ сдѣланъ не за успѣхи, не за поведеніе, а собственно за ростъ, Алексѣй Покровскій или Бацылка.

И надо сказать, что онъ поступалъ безъ церемоніи со всѣми нами, кромѣ тѣхъ, которые близко были къ нему по росту. Дисциплина была имъ введена самая строгая и поддерживалась неумолимо.

Послѣ звонка, когда усядемся по своимъ мѣстамъ, онъ грозно посматриваетъ на всѣхъ насъ 150 человекъ, и если кто-либо нарушитъ благочиніе, то онъ подойдетъ къ виновнику и вцѣпитъ ему въ волосы одною или обѣими руками, словомъ, дастъ отличную таску.

И когда ему не хотѣлось марать свои руки, въ такомъ случаѣ у него въ рукахъ появлялись или пучокъ розогъ или палка. Подойдя къ виновнику, онъ одною рукою наклонялъ его на парту, а другою—правою отпускалъ по спинѣ нѣсколько ударовъ, не раздѣвая впрочемъ.

Конечно, въ зимнее время, когда мы одѣвались въ тулупы, удары и палкою и лозою не были чувствительны, но лѣтомъ, за-трапезные халаты или нанковые сюртуки очень плохо насъ отъ нихъ защищали.

За эти побои никто съ него не взыскивалъ; мы даже боялись жаловаться, не надѣясь ни на чье правосудіе, кромѣ того жалоба могла имѣть еще болѣе непріятныя послѣдствія.

Разумѣется, Бацылку, хотя бы онъ оказался неправымъ, не смѣнили бы изъ старшихъ. Тогда бы онъ, конечно, самъ не сталъ бить палкою или лозою, но сталъ бы писать записку и такъ или иначе довелъ бы до лозы; да и каждый изъ насъ самъ за свои отвѣты могъ ознакомиться съ нею, но у насъ сѣкли не дневальные, а старшій; значитъ, тогда уже на законномъ основаніи онъ отпустилъ бы нѣсколько даже десятковъ такихъ горячихъ ударовъ, при томъ по тѣлу или совсѣмъ обнаженному, или прикрытому однимъ портками, что ужъ мы лучше соглашались выносить по нѣсколько ударовъ сквозь тулупы и сюртуки.

Къ счастью нашему, его начальствованіе продолжалось не болѣе двухъ третей года.

Впрочемъ, Бацылка не всегда оказывался суровымъ ригористомъ, а иногда, даже очень часто, принималъ участіе въ нашихъ играхъ, которыхъ нельзя даже назвать невинными.

Въ Рязанскомъ училищѣ я встрѣтилъ то, чего не было въ Касимовскомъ, именно: кулачные бои.

Обыкновенно они начинались до звонка и въ экстренныхъ случаяхъ продолжались даже послѣ него минутъ 10—30, чуть не до самаго прихода учителя.

Ареною для боя служила середина класса, т. е. мѣсто, остававшееся незанятымъ партами, на которомъ стоялъ столъ для учителей и на которомъ насъ сѣкли розгами.

Бойцы раздѣлялись на двѣ враждующія стороны, смотря по тому, на которой сторонѣ класса сидѣли; отчего произошло названіе: выходила на бой сторона на сторону.

Бой начинался мелочью, т. е. слабосильными и нерослыми ребятами, но потомъ одушевленіе овладѣвало и болѣе рослыми молодцами, такъ что не всегда, конечно, но и не рѣдко всѣ наши великаны и самъ Бацылка вступали въ бой; въ это-то время иногда и полъ и стекла дрожали.

До насъ дошло преданіе, что курса за два или за три прежде насъ, въ квартирѣ жившаго надъ нашимъ классомъ профессора Красильникова съ чайною и другою посудой случилось нѣчто въ родѣ пляски. Шкафъ, гдѣ она стояла, не былъ затворенъ, между тѣмъ сотрясеніе отъ происходившаго внизу боя до такой степени было

сильно, что блюдечки, рюмки, стаканы припрыгивали на своихъ мѣстахъ и, подвигаясь мало по малу къ отвореннымъ дверцамъ, начали выпадать изъ шкафа.

Профессоръ, узнавши объ этомъ танцѣ и слыша внизу стукъ и шумъ, бросился въ классъ.

Молодцы тотчасъ заняли свои мѣста, какъ будто ни въ чемъ не бывало, но профессоръ нашелся и отыскалъ виновныхъ, выбирая тѣхъ изъ учениковъ, которыхъ лицо болѣе, нежели у другихъ, раскраснѣлось.

Не знаю, какое было взысканіе съ молодцевъ, участвовавшихъ въ этомъ побоищѣ, но намъ наша послѣдняя битва даромъ не прошла. Кулачные бои у насъ въ классахъ происходили только въ зимнее время по очень простой причинѣ; лѣтомъ если не всѣ, то большею частію, мы ходили босоногими; поэтому во время битвы иной обутой своими сапогами могъ отдавить ногу тому, кто пришелъ на-лѣгкѣ — безъ сапоговъ.

Можетъ быть, тутъ былъ и другой расчетъ: тулупы — наша зимняя одежда, хоть сколько-нибудь ослабляли наносимый ударъ кулакомъ противника; тогда какъ нанковый сюртучокъ или затрапезный халатъ, изъ которыхъ преимущественно шилась ученическая лѣтняя одежда, служили плохимъ панцыремъ.

На этомъ основаніи самые ожесточенные кулачные бои происходили въ великій постъ, какъ въ такое время, когда намъ съ ними надобно было, по нашему выраженію, распрощаться до слѣдующей зимы; а въ 1824 г. такое распрощаніе мы считали тѣмъ обязательнѣе для себя, что послѣ каникулъ одни изъ насъ поступали въ реторику, другіе оставались въ высшемъ отдѣленіи или исключались изъ училища. Но при новомъ семинарскомъ началствѣ наши кулачные бои встрѣчали препятствіе въ томъ, что въ комнатахъ надъ нашимъ классомъ вмѣсто Красильникова помѣстился Гедеонъ, котораго могъ обезпокоить слишкомъ сильный кулачный бой.

Тутъ намъ очень пригодился любимецъ его и нашъ товарищъ Кузьминъ-Жевскій.

Онъ самъ былъ большой охотникъ до кулачныхъ боевъ и, живя

у Гедеона, извѣщалъ насъ о томъ, въ какое время мы безопасно могли выйти сторона на сторону.

Одинъ изъ такихъ дней палъ на субботу четвертой недѣли поста, Гедеонъ уѣхалъ къ архіерею, а у насъ къ нашему удовольствію Родосскій почему-то не могъ скоро прійти въ классъ. Какъ не воспользоваться стеченіемъ столь благопріятныхъ обстоятельствъ? И воспользовались, конечно; число учениковъ въ высшемъ отдѣленіи въ это время чуть не на цѣлую треть уменьшилось противъ того, которое было съ начала курса; одни, притомъ самые рослые, исключены были, или же сами вышли изъ училища въ предыдущія каникулы; другіе по приѣздѣ Иліодора разосланы были по училищамъ уѣздныхъ городовъ.

Но съ уменьшеніемъ числа бойцовъ, задоръ остальныхъ не уменьшился.

Битва начиналась, прерывалась, возобновлялась, опять прерывалась и возобновлялась; воинственный азартъ дошелъ до высшей степени.

Къ нашему несчастію, въ этотъ-то критическій моментъ, когда слѣдовало рѣшить, которая изъ сторонъ должна была считаться побѣжденною и какая побѣдительницею, Иліодору вздумалось проводить по корридору какого-то короткаго свѣтскаго знакомаго, приѣзжавшаго къ нему.

Въ корридорѣ, особенно идя мимо нашего класса, онъ услышалъ необыкновенный шумъ въ немъ, простился съ посѣтителемъ, хотѣлъ отворить дверь къ намъ, но долго не могъ этого сдѣлать, потому что одна изъ сторонъ была къ ней прижата.

Но она пособралась съ силами, поправилась и отгѣснила своихъ противниковъ, и въ то самое время, какъ начала торжествовать свою побѣду, а противники усиливались отразить ее, во время самаго сильнаго разгара, Иліодоръ взомелъ въ классъ; произошла новая кутерьма; нѣкоторые неосторожно толкнули даже его высокопреподобіе. Онъ самъ не захотѣлъ съ нами разсчитываться, а послалъ отыскать Родосскаго, который прямо къ нему и отправился, получилъ отличную головомойку, пришелъ къ намъ, взбѣшенный до самаго нельзя. «Весь классъ па колѣни», закричалъ онъ, почти бѣгалъ по классу, не могъ хорошенько ничего разспросить, то того

ударить, то другаго за волосы оттреплеть, то закричить: «ахъ вы, каналы!».

Около полчасъ продолжалось это бѣшенство.

Тутъ пробилъ звонокъ изъ класса. «Ну, сказалъ онъ, ужъ съ вами я раздѣляюсь въ слѣдующій классъ». Но слѣдующій классъ долженъ былъ быть во вторникъ, потому что въ понедѣльникъ праздновалось восшествіе Императора на престолъ. Во вторникъ Родосскій пришелъ къ намъ очень рано, началъ разспрашивать, кто бился на-кулачки, кто шумѣлъ, но ничего опредѣленнаго не узналъ; да и дѣйствительно всѣ или бились на-кулачки, или, стоя на партахъ, шумѣли и ободряли свою сторону. «Ну, такъ я васъ всѣхъ перепорю», рѣшилъ Родосскій и потребовалъ старшаго низшаго отдѣленія, которому уже приказано было озаботиться приготовленіемъ розогъ.

Старшій явился въ сопровожденіи самыхъ рослыхъ своихъ товарищей, которые должны были отправлять должности сѣкуторовъ, держателей и помощателей, потому что, во избѣжаніе медленности, Родосскій велѣлъ сѣчь насъ съ подготовкою въ два ряда.

Произошло новое побоище; кулаки, конечно, не были въ ходу, но немногіе изъ насъ встали съ полу безъ блескокъ на своемъ тѣлѣ.

Родосскій какъ будто мстилъ намъ за тотъ нагоняй, который получилъ отъ ректора; а низшекласные съ полнымъ усердіемъ и даже съ удовольствіемъ удовлетворяли этой мстительности; имъ пріятно было, что мы, вышекласные, такъ часто форсившіе передъ ними, отданы были имъ на жертву и въ буквальный смыслъ не могли вырваться изъ ихъ рукъ.

Конечно, такая катастрофа, происходившая, какъ я уже сказалъ, въ предпоследнюю треть курса, и мнѣ и всѣмъ намъ не была по сердцу, но и на первый разъ Рязанское училище мнѣ не очень понравилось. Не имѣя опредѣленнаго для себя мѣста, я до прихода учителя Гусевскаго долженъ былъ стоять у двери.

Еще до звонка нѣкоторые ученики, узнавши, что я изъ Касимовскаго училища, дразнили меня татаринѣмъ, такъ какъ въ Касимовѣ жили татары.

Послѣ звонка Бацылка былъ что-то особенно суровъ; хотъ всѣ

сидѣли смирно, но онъ находилъ возможность придраться къ ученикамъ; того таскалъ за волосы, другому влѣплялъ въ спину по нѣскольку ударовъ бывшею въ рукахъ у него лозою не изъ очень тонкихъ ивовыхъ прутьевъ.

Была середина сентября, многіе еще ходили въ лѣтнемъ платьѣ, халатахъ и сюртукахъ; поэтому удары лозою были слишкомъ чувствительны.

Бацылка мнѣ представлялся даже не цензоромъ или старшимъ; я думалъ, что это ужъ не богословъ ли какой, которому поручено до прихода учителя командовать нами.

Опасаясь, чтобы онъ и меня не отхлесталъ лозою, я сталъ смиренхонько, прижавшись къ стѣнѣ, какъ говорится, ни живъ—ни мертвъ.

Наконецъ Гусевскій, пришедши, посадилъ меня на вторую парту, гдѣ сидѣли первые ученики, переведенные изъ низшаго въ высшее отдѣленіе; мнѣ это, конечно, было пріятно, но во-первыхъ мое самолюбіе очень оскорбилось тѣмъ, что меня посадили ниже бывшаго моего товарища и любимца моего по Касимову, Ивана Крылова. Въ Касимовѣ я былъ гораздо выше его, а тутъ пришлось быть ниже. Но, главное дѣло, оба мы нажили враговъ въ своихъ товарищахъ рязанскихъ за то, что насъ очень высоко посадили. Они, особенно Сампсонъ Постниковъ, постарались и меня и Крылова впутать въ немаленькую бѣду.

Василій Петровичъ Козель далъ намъ переводъ съ русскаго на греческій языкъ. Мы уже знали, что онъ всегда беретъ текстъ изъ библии, а сосѣди наши имѣли у себя греческую біблію, общались намъ дать списать переводъ.

Василій Петровичъ иногда пропускалъ въ переводахъ нѣкоторыя мѣста изъ библейскаго текста; такъ онъ поступилъ и въ настоящемъ случаѣ.

Сосѣди это замѣтили, но меня и Крылова захотѣли, какъ говорится, утопить.

Постниковъ списалъ къ ряду весь текстъ безъ пропуска и далъ намъ для списыванья.

Мы не подозрѣвали обмана, а сличить съ русскимъ текстомъ не

догадались, да даже и времени не имѣли, почему-то получили греческій текстъ передъ самымъ концомъ класса.

Но едва я пришелъ въ комнату, какъ поздравили меня съ бѣдою. Опасаясь, чтобы мы не открыли того, какъ намъ достался текстъ, Постниковъ и другіе товарищи стали насъ уговаривать сказать, что такой переводъ, но безъ пропусковъ былъ у насъ въ Касимовѣ; въ противномъ случаѣ грозили намъ всею своею ненавистью. Мы поддались на эту удочку и дали торжественное обѣщаніе поступить такъ, какъ намъ приговорили сдѣлать.

Черезъ нѣсколько дней Василій Петровичъ, прочитавши всѣ переводы, пришелъ въ классъ и началъ насъ спрашивать, отчего у насъ явилась прибавка.

Мы стали говорить такъ, какъ насъ научили.

Но Василій Петровичъ скоро умѣлъ запутать насъ въ противорѣчія; Крыловъ, не знаю почему, только какимъ-то образомъ, избѣгъ негодованія почтеннаго педагога; все оно излилось на меня.

Старикъ подошелъ ко мнѣ и, допрашивая меня, запутывая въ словахъ, отъ времени до времени потчивалъ пощечинами.

Наконецъ, раздосадованный моею несознательностію, онъ потребовалъ лозу; Бацылка принесъ ее, и мнѣ приказано было идти на лобное мѣсто.

Въ училищной моей жизни не разъ бывало, что я въ подобныхъ случаяхъ являлся бунтовщикомъ; и теперь тоже заупрямился и не хотѣлъ сойти съ мѣста своего.

Василій Петровичъ, уже не раздосадованный, но чуть ли не взбѣшенный моимъ упрямствомъ, вновь подошелъ ко мнѣ и то таская за волосы, то надѣлая пощечинами, кричалъ: «ступай, мерзавецъ, ступай!»

Отъ боли, отъ стыда, отъ сотрясенія въ головѣ я былъ въ какомъ-то полубезпамятствѣ и, несмотря ни на что, ухватившись за парту, не выходилъ изъ-за нея; тутъ меня такъ-таки и не удалось высѣчь; поставили только на колѣни, но зато отъ моральнаго или физическаго потрясенія я заболѣлъ и нѣсколько дней лежалъ въ больницѣ.

Василію Петровичу сдѣланъ былъ выговоръ за то, что онъ билъ меня по головѣ, ему совѣтовали впередъ не драться, а сѣчь

розгами. «Развѣ мудрено было такого мальчика, говорили про меня, вытащить изъ-за парты, повалить на полъ, заставить держать и высѣчь такъ, чтобы небу было жарко? Развѣ у васъ нѣтъ молодцевъ, которые бы за уши приподняли его?»

Не блистателенъ былъ мой дебютъ и у Алексѣя Ивановича Вихирева, моего тьютора, которому я отданъ былъ въ полное распоряженіе.

Онъ принадлежалъ къ лучшимъ ученикамъ и самъ по себѣ былъ человѣкъ дѣятельный и энергическій; ужь, что задумается дѣлать, не остановится ни передъ какими препятствіями.

Вмѣстѣ съ тѣмъ былъ вспыльчивъ, даже золъ и по тогдашнимъ понятіямъ думалъ, что безъ лозы изъ семинариста, даже взрослого, не сдѣлаешь ничего путнаго, и потому часто сѣкъ своихъ подчиненныхъ, притомъ почти всегда самъ.

И такъ какъ онъ былъ чрезвычайно силенъ, то удары отъ его плетки или лозы были очень чувствительны.

Я скоро испыталъ это. Когда онъ началъ давать мнѣ переводы съ русскаго на латинскій языкъ, я оказался въ этомъ отношеніи до такой степени слабымъ въ сравненіи съ рязанскими учениками, что мнѣ самому стало совѣстно.

У Вихирева былъ, кромѣ Евсея, еще братъ Павель, мой тогдашній товарищъ. О его успѣхахъ можно судить потому, что онъ оставался еще въ высшемъ отдѣленіи, когда я уже былъ въ философіи и сдѣлался его тьюторомъ.

Первый мой переводъ я сдѣлалъ хуже этого господина. Ал. Ив. Вихиревъ твердо рѣшился выправить меня. Онъ мнѣ каждую мою ошибку разъяснял самымъ отчетливымъ образомъ и приказывалъ обращаться къ нему съ моими недоумѣніями во всякое время.

Такъ какъ второй и третій мои переводы нисколько не сдѣлались лучше и въ нихъ иногда повторялись ошибки, уже мнѣ прочтенныя и исправленныя, то мнѣ и напомнили, что если я стану попрежнему плохо переводить, то меня познакомятъ съ плеткою. И чтобы я лучше понималъ, какія ощущенія мнѣ придется испытывать отъ этого знакомства, плетку вынули изъ сундука, меня положили на лѣвую ногу и, заворотивъ платье и рубаху, но не обнажая wholly, слегка ударили разъ пятокъ кончиками плетки.

Надобно правду сказать, что предостереженіе это слишкомъ меня тронуло.

Въ слѣдующіе два раза отъ того ли, что я былъ повнимательнѣе или самые переводы были полегче, только у меня вмѣсто 20—25 ошибокъ появилось 10-ть. Но потомъ опять пошло по-прежнему. Но тогда уже началось настоящее знакомство съ плеткою.

Чтобы пробудить мою дѣятельность, Вихиревъ сказалъ мнѣ, что за каждую лишнюю сверхъ десятка ошибку я буду получать по одному удару, а если ошибка была уже мнѣ пояснена, то по три удара.

Это обѣщаніе было исполняемо неумолимо, такъ что мнѣ много разъ приходилось ложиться и быть обнаженнымъ, чтобы получить одинъ или два удара. Нельзя сказать, чтобы подобныя уговоренія мнѣ нравились. Вмѣсто того, чтобы прилежаніемъ и внимательностью исправить себя, я рѣшился сначала прикинуться больнымъ, а потомъ припрятаться и убѣжать. Но оба опыта кончились для меня очень печально, или лучше больно.

Болѣзнь моя состояла въ томъ, что я никакъ не могъ ни поднять головы, ни встать съ постели, ни, разумѣется, переводить переводъ и учить урокъ.

Вихиревъ ощупалъ мою голову и пульсъ, попросилъ то же сдѣлать подлѣкаря — своего товарища. Когда убѣдились, что я обмываю, тогда рѣшились меня полѣчить. Мой тудоръ велѣлъ мнѣ повернуться на кровати спиною вверхъ, говоря: «надобно посмотреть, не болитъ ли у тебя тамъ что-нибудь».

Я сначала и не подозрѣвалъ, чтò со мною хотятъ дѣлать, — повернулся, какъ мнѣ велѣли, прикрываясь впрочемъ одѣяломъ, подъ которымъ я лежалъ въ одномъ бѣльѣ. Тудоръ не торопясь снялъ съ меня одѣяло, потомъ позвалъ братьевъ Евсея и Павла и сказалъ имъ: «подержите-ка его». Тутъ-то я понялъ, въ чемъ дѣло. Оставляя меня на кровати, сѣли мнѣ на голову и ноги, обнажили, и плетка, въ качествѣ лѣкарства, начала меня лѣчить.

Ударивъ разъ десять, Вихиревъ спросилъ меня: сяду ли я теперь за столъ? Разумѣется, я забоялся Христомъ-Богомъ, что сяду и буду сидѣть сколько угодно. Меня отпустили; я, одѣвшись

и обувшись, сѣлъ за столъ и о своей болѣзни — ни слова. Только послѣ пришлось мнѣ выдержать много насмѣшекъ изъ-за нея.

Побѣгъ мой еще былъ неудачнѣе болѣзни. Я запрятался было въ дровахъ на дворѣ, но меня видѣли, скоро отыскали и привели къ моему судѣ. «Ты гдѣ это былъ?» спросилъ меня Вихиревъ. — На дворѣ, въ дровахъ. «Зачѣмъ ты туда зашелъ?» — Урокъ учить. «Что же ты слишкомъ долго сидѣлъ?» — Да я заснулъ. «Ну такъ тебя надобно же разбудить». И вмѣсто плетки велѣли принести двѣ лозы, положили меня на полъ и приказали двумъ моимъ здоровымъ товарищамъ съ обѣихъ сторонъ угощать меня розгами.

Увѣщаніе было такъ убѣдительно, что я съ тѣхъ поръ не рѣшался ни быть больнымъ, ни скрываться.

Между тѣмъ переводы продолжались по-прежнему; по-прежнему также меня сѣкли, если было въ переводѣ болѣе 10 ошибокъ или ошибки повторялись во второй, третій и пр. разъ.

Съ другой стороны Вихиревъ, можно сказать, отчасти былъ внимателенъ ко всѣмъ моимъ нуждамъ, съ необыкновеннымъ терпѣніемъ и полною готовностью объяснялъ мнѣ уроки и мои ошибки, былъ ласковъ до-нельзя со мною, когда я былъ исправенъ; мнѣ слишкомъ стало ясно, что онъ не врагъ мой, что онъ строгъ ко мнѣ, когда я неисправимъ, а въ случаѣ моей исправности — онъ готовъ для меня все сдѣлать.

Несмотря на строгія и даже жестокія наказанія, я полюбилъ его и сталъ, какъ говорится, изъ кожи лѣзть, чтобы хорошо переводить переводы.

Въ октябрѣ ужъ у меня стало появляться менѣе 10 ошибокъ, тогда это роковое число было понижено до семи.

Къ концу года я сталъ переводить уже безъ ошибокъ. Но будучи живымъ, толковымъ ребенкомъ, я часто дѣлалъ дѣло кое-какъ, и вотъ послѣ того, какъ было сдѣлано у меня двѣ-три ошибки, а иногда даже ни одной, слѣдовалъ переводъ не только съ 10-ю, но и съ 20 ошибками. Ну тогда опять принимались за плетку или за лозу.

Но черезъ годъ моей рязанской жизни, я по учебной части уже сдѣлался очень исправнымъ человѣкомъ, и меня Вихиревъ наказывалъ почти только за одни шалости.

Вмѣстѣ съ тѣмъ пошелъ я, такъ сказать, въ гору и въ классъ.

Еще въ первую треть я сталъ считаться очень хорошимъ ученикомъ, а къ концу года меня уже посадили на шестое мѣсто.

Неудачный мой дебютъ по классу Василя Петровича забылся; ко мнѣ стали обращаться уже съ покорнѣйшими просьбами, особенно тѣ, которые не имѣли надъ собою тудоровъ и которыхъ домашними прибавочными занятіями никто не хотѣлъ управлять.

Обыкновенно просили меня диктовать тѣ переводы, которые мнѣ давалъ Вихиревъ, и потомъ исправлять ихъ или, какъ мы тогда говаривали, подчеркивать.

Для характеристики тогдашняго времени расскажу, какъ сами ученики смотрѣли на тѣлесное наказаніе.

Меня особенно просили задавать переводы трое изъ моихъ товарищей: Перевлѣсскій, Дроздовъ и Флеровъ.

Разумѣется, и у нихъ было не малое количество ошибокъ и даже болѣе, нежели у меня послѣ того, какъ Вихиревъ мало-по-малу заставлялъ меня хорошо переводить.

Видя, какъ меня сѣкли за ошибки, слыша то же самое про своихъ товарищей, приписывая успѣхи этому самому обстоятельству и вообще, сообразно съ духомъ времени, думая, что безъ лозы нельзя обойтись, а между тѣмъ желая непремѣнно выучиться хорошо переводить съ русскаго на латинскій языкъ, они положили сами другъ-друга наказывать за дурные переводы.

Я, разсмотрѣвши или подчеркнувши ихъ переводы, одинъ долженъ былъ сказать имъ, что у одного изъ нихъ есть напр. 10 или 15 ошибокъ (нужно было брать наибольшую цифру); тогда они, не зная, кто изъ нихъ сдѣлалъ такое количество ошибокъ, полагали или съ общаго согласія, или большинствомъ голосовъ, нужно ли его высѣчь, или нѣтъ?

Если рѣшеніе состоялось въ положительномъ смыслѣ, то всѣ мы уходили въ свой пустой классъ или въ другое уединенное мѣсто, а одинъ изъ нихъ заготовлялъ лозу, но не болѣе какъ изъ двухъ или трехъ небольшихъ березовыхъ прутьевъ.

Въ классѣ я показывалъ переводъ тому, кто сдѣлалъ большее число ошибокъ.

Убѣдившись въ справедливости моихъ замѣчаній, онъ безъ спора ложился, самъ напередъ раздѣвшись; двое изъ нихъ его держали,

а я долженъ былъ назначить число ударовъ, но не болѣе 20; впрочемъ двое другихъ могли увеличить число, если находили его малымъ.

Сѣченіе было не очень больно, не со всего размаха, однако и не тихо.

Если у одного изъ прочихъ двухъ или у обоихъ было то же число ошибокъ, какъ и у перваго, то и они одинъ за другимъ ложились.

Но если каждый изъ нихъ лучше перевелъ, нежели наказанный, то я долженъ былъ сказать, что вотъ еще у другаго, не называя его, столько-то ошибокъ; тогда они опять рѣшали, высѣчь ли его, или нѣтъ.

Третьяго, если только у него было ошибокъ менѣе, нежели у каждаго изъ первыхъ двухъ, уже не сѣкли.

Такое взаимное, такъ сказать, сѣченіе, было въ модѣ не у однихъ поименованныхъ трехъ молодцевъ, но и у другихъ.

Иные были даже рѣшительнѣе ихъ, соглашаясь, чтобы дававшій имъ переводы ихъ же товарищъ самъ по своему усмотрѣнію ихъ наказывалъ розгою, разумѣется, съ нѣкоторымъ снисхожденіемъ, но все-таки чувствительно.

Бывши уже профессоромъ академіи, я однажды осматривалъ земледѣльческое училище, устроенное для удѣльныхъ крестьянъ за Выборгскою заставою у Петербурга.

Священникъ и законоучитель училища Игнатій Аѳанасьевичъ Спасскій, съ которымъ я ходилъ, увидавши одного мальчика лѣтъ 15—16, спросилъ его: «ну, что каково ты учишься?» — Да что, батюшка, все плохо; ужъ я и не знаю, что дѣлать. Попросите, батюшка, директора, чтобъ меня получше посѣкли, авось не пойму ли я грамоту».

Сколько у насъ съ Спасскимъ было смѣху, потому что мы оба, какъ рязанцы и почти товарищи по классу, припомнили подобныя, добровольныя желанія быть высѣченными.

На насъ, какъ на ученикахъ, лежало не мало и другихъ, кромѣ учебныхъ, обязанностей, которыя мы должны были тоже исполнять.

Дневальными въ классѣ мы и въ Рязани были такъ же, какъ

и въ Касимовѣ, только съ меньшимъ количествомъ обязанностей.

Печей мы не топили; это исполнялось семинарскими служителями; забота о розгахъ была возложена на старшаго.

При Родосскомъ дневальные обязаны были держать и раздѣвать наказываемыхъ и если не надѣялись съ кѣмъ-либо управиться, то требовали пособія отъ другихъ; и въ этомъ случаѣ никто не смѣлъ отказаться подъ опасеніемъ быть высѣченнымъ.

Впрочемъ, развѣ немногіе желали бы не участвовать въ держаніи, большая же часть охотно садилась на руки и ноги наказываемаго, были даже молодцы, которые упрашивали дневальныхъ вызывать ихъ для держанья, находя своего рода удовольствіе вблизи видѣть, какъ разрисовываетъ лоза обнаженное тѣло, какъ на немъ появляются ленты, блѣстки и пр.

Далѣе дневальные обязаны были мести классы метлою, которую брали на семинарской кухнѣ. Послѣ дежурства въ классѣ они (ихъ было всегда двое) отправлялись въ первый день къ одному, а во второй къ другому учителю и здѣсь отправляли разныя черныя работы, рубили дрова, носили воду, ставили самоваръ и пр.

Это была не важная вещь, но мы болѣе всего боялись собакъ въ домѣ Гусевскаго и Родосскаго, которыя нападали на насъ и хватили за ноги даже въ то время, когда несли мы ушаты съ водою.

Кромѣ того за водою ходили далеко по улицѣ въ домъ Вердеревскаго. Улица была истинно собачья; въ каждомъ дворѣ жило не менѣе двухъ-трехъ собакъ, и отъ всѣхъ этихъ друзей человѣка намъ приходилось отбиваться.

Зато уже мы не сидѣли въ классѣ, чѣмъ особенно и были довольны. Но дневальство у учителей продолжалось только одинъ годъ; во второй же годъ, Иліодоръ и Гедeonъ, узнавши объ этомъ, запретили учителямъ употреблять насъ, какъ лакеевъ, хотя съ другой стороны оставили насъ въ качествѣ семинарскихъ сторожей, заставляя дневать въ классѣ и потомъ, какъ сейчасъ увидите, принуждали насъ къ другимъ разнымъ работамъ.

За травмами и въ Рязани насъ посылали почти также часто, какъ и въ Касимовѣ.

Въ Рязани была одна особенность: къ публичному экзамену въ

семинаріи мы приносили множество цвѣтовъ зеленыхъ, желтыхъ и пр., чтобы ими закрыть полъ въ залѣ и украсить стѣны ея; усыпали также цвѣтами корридоры и столовую. Ходили мы за травами въ сосѣднія рощи: Павловскую, принадлежащую архіерею, потомъ въ лѣсъ около селъ Голеничина и Никульчи.

Особенно трудны были наши ботаническія экскурсіи за девисиломъ, который мы собирали за селомъ Хриповымъ, верстахъ въ семи отъ Рязани. Въ эту экскурсію мы отправлялись въ восемь часовъ утра и возвращались изъ нея уже около 4-хъ часовъ вечера, голодные и утомленные.

Особенно страдали мы, жившіе на казенномъ; случалось, что намъ отъ обѣда ровно ничего не оставалось, и мы цѣлый день до самаго ужина должны были пробавляться однимъ чернымъ хлѣбомъ.

Набранныя травы относились инны въ аптеку, другія хранились въ семинарской библіотекѣ и больницѣ, кое-что относили и въ архіерейскій домъ.

Находили намъ работу и на семинарскомъ дворѣ. Заставляли рыть картофель, рубить капусту, чистить садовыя дорожки, вырывать крапиву, укладывать дрова или переносить ихъ съ одного на другое мѣсто.

Въ послѣднемъ случаѣ я однажды сдѣлался извѣстнымъ Иліодору и Гедеону.

Когда насъ заставили переносить трехполѣнные дрова съ одного мѣста на другое въ присутствіи ректора и инспектора, мнѣ пришла фантазія подговорить пріятелей своихъ играть кстати въ солдаты.

Для этого каждый изъ насъ, взявши плаху, выстраивался во фронтъ, и мы шли въ шагъ къ указанному мѣсту.

Скоро къ намъ стали присоединяться другіе, и составлялись полки человѣкъ въ 50.

Иліодоръ и Гедеонъ, увидавши это и замѣтивши, что мы, принеши плахи, спѣшили поскорѣе за новыми, чтобы не опоздать попасть во фронтъ, — поняли, что при такой игрѣ у насъ дѣло пойдетъ живѣе; узнали зачинщика и, подозвавши къ себѣ, похвалили меня и

шутя произвели въ офицеры, приказавши, чтобы я шелъ впереди фронта.

Убѣдившись, что наша игра нравится начальству, мы еще съ бѣльшимъ усердіемъ принялись носить и бѣгать.

Вскорѣ появилось соперничество, составились другіе отряды, подъ предводительствомъ тоже другихъ офицеровъ.

Иліодоръ и Гедеонъ, похваливая то тѣхъ, то другихъ, подзадоривали насъ; мы лѣзли изъ кожи и въ часъ дѣлали то, на что при обыкновенной работѣ мало бы было и двухъ часовъ.

На всѣ описанныя работы посылали обыкновенно насъ, училищныхъ мальчиковъ.

Но были случаи, когда вся семинарія, не исключая спѣсивыхъ богослововъ и философовъ, работала. Въ архіерейскомъ домѣ, при архіереѣ Филаретѣ, производились большія каменные работы; разломано было старое готическое крыльцо и еще какое-то зданіе, отчего чуть не весь дворъ былъ заваленъ кирпичами.

И вотъ въ одинъ день съ 8 часовъ утра, выслали всѣхъ безъ исключенія учениковъ семинаріи и училища въ архіерейскій домъ и заставили сносить мусоръ въ указанные мѣста, а годные въ дѣло кирпичи складывать въ кучи.

Носилокъ и тачекъ было очень мало; училищные и многіе риторы носили мусоръ въ подолахъ своихъ платьевъ; богословы и философы большею частью отбирали и собирали кирпичи въ кучи, стоять безъ дѣла было опасно; за работами, кромѣ старшихъ, наблюдали самъ его высокопреосвященство и отецъ ректоръ съ инспекторомъ.

Кажется, сколько помню, мы ходили на эту работу два или три раза.

Было еще занятіе для учениковъ семинаріи и училища, живущихъ на казенномъ. Иліодоръ и Гедеонъ, какъ монахи, употребляли рыбу, но находили, вѣроятно, болѣе выгоднымъ получать ее даромъ, безъ денегъ, нежели покупать у рыбаковъ.

Они приказали эконому, на казенный счетъ купить неводъ и потомъ вызывали изъ насъ охотниковъ, которые бы въ послѣ-обѣденные классы соглашались отправляться ловить рыбу въ одномъ озерѣ за Трубежемъ; иногда и сами вмѣстѣ съ нами отправлялись.

Охотниковъ, особенно въ послѣднемъ случаѣ, было множество, всякій, даже богословы и философы, желали выказать свое усердіе предъ ихъ высокопреподобіями.

Бывало, чуть не всѣ живущіе на казенномъ ученики семинаріи и высшаго класса училища выходили на рыбную ловлю (низшеклассныхъ и приходскихъ по причинѣ ихъ слабосилія не велѣно было брать). Прибывши къ озеру, раздѣлялись на двѣ части и располагались на обоихъ берегахъ.

Ловля начиналась съ котораго-либо конца озера; чтобы черезъ извѣстныя разстоянія вытаскивать неводъ изъ озера, привязывались къ одному изъ крыльевъ невода длинныхъ двѣ веревки, при помощи которыхъ неводъ то перетягивался на одинъ берегъ, то растягивался поперекъ озера.

Ловля почти всегда была обильная; крупную рыбу брали въ собственность почтенные начальники, а мелочь оставляли намъ; ее обыкновенно, не мытую и не чищенную, всыпали въ котелъ, наливали водою и покипятивши подавали намъ подъ именемъ ухи.

Вѣроятно тогда озеро не было отдаваемо на откупъ, и потому большой помѣхи рыболовство наше не встрѣчало.

Но помню, какъ однажды человѣкъ десять мужиковъ подѣхали къ намъ и начали насъ ругать за то, что мы ловимъ рыбу и топчемъ луга.

Ихъ подвели къ Іліодору и Гедеону. Оба они, съ магистерскими крестами, важно взглянули на мужиковъ и спросили ихъ: «вы что тутъ раскричались? Какъ вы смѣете ругаться?» и пр. Мужики сконфузились и убрались во-свояся.

XXX.

О казеннокоштной жизни учениковъ въ Рязанской семинаріи.

Время уже теперь мнѣ коснуться казеннокоштной нашей жизни. сказать о томъ, какъ попечительное начальство содержало сиротъ, бѣдныхъ и тѣхъ, за которыхъ отцы вносили очень порядочныя, по тогдашнему времени, деньги (75—85 руб. асс.)

Сначала опишу, какъ было дѣло при Іеронимѣ и Полотебновѣ, а потомъ какія улучшенія послѣдовали при Іліодорѣ и Гедeonѣ.

Всѣ ученики семинаріи и училища, жившіе въ семинарскомъ корпусѣ, помѣщались при Іеронимѣ въ семи комнатахъ нижняго этажа, отъ 15 до 30 и даже 40 человѣкъ въ комнатѣ.

Въ то время у всѣхъ были желѣзныя кровати, очень широкія, такъ что на каждой изъ нихъ не очень взрослымъ людямъ можно было спать вдвоемъ.

Казенная постель каждаго ученика-семинариста состояла изъ матраца, набитаго едва-ли не коровьей шерстью, двухъ подушекъ и суконнаго одѣяла, столь узкаго и короткаго, что молодцы, даже средняго роста, могли не иначе прикрывать имъ свои ноги, какъ согнувшись.

У бурсаковъ же, т. е. учениковъ уѣзднаго училища, постели были свои собственные и состояли изъ узкихъ войлоковъ съ одною подушкою. Такимъ образомъ чуть не половина кровати оставалась ничѣмъ незанятою.

Но для приличія, каждому приказывалось прикрывать войлокъ хоть чѣмъ-нибудь; тутъ вмѣсто одѣяла служили сюртуки, халаты, тулупы и пр.

У всѣхъ почти своекоштныхъ или денежныхъ были свои порядочныя постели, напр., у меня перинка съ большимъ, суконнымъ одѣяломъ.

Изъ казеннаго платья выдавались только сюртуки; они шились для семинаристовъ изъ посредственнаго сукна, а для учениковъ училища изъ матеріи, называвшейся мухояромъ, которой я ни прежде, ни послѣ не видывалъ ни на комъ, кромѣ бурсаковъ.

Мухояровые сюртуки шились безъ такъ называемаго разрѣза сзади, такъ что въ нихъ можно было ходить безъ панталонъ и, придерживая рукою ту и другую полу спереди, не показывать своего бѣлья.

Но суконные сюртуки шились по модѣ, съ разрѣзомъ, между тѣмъ казенныхъ панталонъ не давали, а свои многимъ не на что было купить.

И потому очень нерѣдко наши щеголи, надѣвши сюртукъ, отправлялись въ городъ безъ панталонъ, отчего и въ тихую погоду

бѣлье выглядывало изъ-подъ сюртука, особенно сзади; но въ сильный вѣтеръ обѣ половинки юбки такъ раздвигались, что и рубаха и инекспрессибли выставлялись, такъ сказать, на-показъ.

Суконный сюртукъ долженъ былъ служить три года, а мухоловровый—годъ, но обыкновенно уже черезъ полгода распозался, такъ дурна была матерія.

Поэтому, всякій ученикъ долженъ былъ имѣть свою собственную одежду, для которой, впрочемъ, не было ни шкафа, ни вѣшалокъ, и ее или клали подъ подушку или вѣшали на гвозди, вбитые въ стѣну.

Бѣлья рѣшительно не выдавали никакого. Чтобы получить пару сапоговъ, надобно было просить о томъ инспектора, а этотъ докладывалъ Правленію, которое иногда находило нужнымъ или отказывать просителямъ, или давать не иначе какъ по экзамену; притомъ болѣе одной пары сапоговъ въ годъ получить нельзя было.

Такимъ образомъ и обувь надобно было всякому имѣть свою.

Ученики училищные въ лѣтнее время ходили почти всѣ босые; у меня и у нѣкоторыхъ товарищей, хотя и были всегда сапоги, но лѣтомъ мы такъ же, какъ и въ Касимовѣ, ихъ надѣвали развѣ только въ церковь, а въ комнатахъ, на дворѣ, въ классѣ были босыми; даже по городу такъ разгуливали.

Комнаты освѣщались съ половины сентября до Пасхи сальными свѣчами.

Старшему и его помощнику давалась особая свѣча съ отдѣльнымъ столикомъ, который, впрочемъ, онъ самъ долженъ былъ добыть. Для прочихъ жильцовъ стояло по одному или по два громадныхъ стола топорной работы съ такими же скамьями.

На эти-то столы, за которыми садилось по 15 и даже по 25-ти человѣкъ, давались двѣ или не болѣе трехъ свѣчей, такъ что нѣкоторые, только поднявшись съ мѣста и подвинувши книжку къ свѣчѣ, могли разобрать буквы.

Для поддержанія чистоты въ комнатахъ, имѣлись служители, но они мели ихъ особеннымъ манеромъ; вспыснувши водою мѣста, не занятые кроватями, а иногда по лѣни, этого даже не дѣлая, начинали простою метлою мести полъ; часть сору, конечно, выметалась вонъ, но другая попадала подъ кровать, гдѣ надолго, иногда

на цѣлую треть года, оставалась неприкосновенною, а третья поднималась столбомъ въ видѣ пыли и послѣ осаживалась слоями на постели, стѣны, печку и пр.

Такъ какъ при входѣ въ корпусъ и въ комнаты не лежало никакихъ половиковъ для обтиранія ногъ, то можно уже догадываться, что за чистота была въ нашихъ комнатахъ, которыхъ при томъ никогда не мыли, кромѣ какихъ-либо экстренныхъ случаевъ.

Если прибавить сюда, что въ баню ходили и перемѣняли бѣлье черезъ двѣ недѣли, то можно судить, въ какой неопрятности мы жили; въ училищѣ чуть не всѣ страдали чесоткою; да многіе и изъ семинаристовъ отъ нея не были свободны.

Эта проказа, начавшаяся у меня въ Касимовѣ, въ Рязани отъ жителя на казенномъ до такой степени усилилась, что я, какъ уже сказалъ, насилу вылѣчился въ академіи.

Какъ ни отвратительно слушать и читать рассказы о паразитахъ—насѣкомыхъ: блохахъ, клопахъ и вшахъ, но историческая вѣрность заставляетъ меня не молчать и о нихъ. Трудно рѣшить, чего у насъ было больше, блохъ ли, клоповъ или вшей!

Пріѣхавши изъ домовъ, мы по крайней мѣрѣ не имѣли на себѣ послѣднихъ, но первыя и вторые, проголодавшись, нападали на насъ съ большимъ ожесточеніемъ противъ прежняго.

Клопами были наполнены всѣ щели кроватныхъ досокъ, чуть не всѣ углы, гдѣ соединялись различныя части желѣза, изъ которыхъ состояла кровать, затѣмъ нѣкоторые поселялись компаніями на стѣнахъ, особенно близъ печки.

Въ лѣтнее и осеннее время блохъ разводилось великое множество.

Въ сочиненіи своемъ объ устройствѣ духовныхъ училищъ я рассказалъ, какъ два щеголя профессора, приведенные экономомъ въ залу, гдѣ хранились постели учениковъ во время каникулъ, были въ буквальный почти смыслъ облѣплены блохами; экономъ этотъ былъ Модестовъ, преемникъ Кроткова, а наставники Василій Арефьевичъ Покровский и Михаилъ Петровичъ Богородицкій.

Этотъ рассказъ лучше всего показываетъ, сколько блохъ мы кормили своею кровью.

Вшей тоже было не меньше; бывало, при всей привычкѣ, страшно самому заглянуть за свою обшивку. Но съ ними мы, по крайней мѣрѣ, справлялись сами.

Иногда гдѣ-либо за уголкомъ одинъ, а то, особенно въ теплое время, цѣлою кучею, чуть не цѣлою комнатою, сядемъ и начнемъ осматривать всѣ складки своихъ рубахъ и подштанниковъ и истреблять своихъ враговъ; для удобства при этой охотѣ скидали иногда рубахи долой и прикрывались халатомъ, а иногда и голые охотились за своею дичью.

Какова картина, когда въ комнатѣ занимались этимъ 20—30 человекъ!

Клоповъ мы считали неистребимыми; очистишь отъ нихъ свою кровать, они заползутъ отъ сосѣдей, со стѣнъ и пр.

Несмотря на свою молодость, мы иногда не могли даже спать отъ угрызений всѣхъ нападавшихъ на насъ паразитовъ.

Не могли похвалиться казенно-коштные и своею пищею и всѣмъ, что относится къ столовой.

Столовою служила огромная комната, въ которой стояли столы въ три ряда.

О томъ, чтобы мыть или мести полъ въ ней, слишкомъ мало думали.

До какой степени былъ загрязненъ онъ, можно заключить изъ слѣдующаго событія:

Когда, въ началѣ 1825 г., вновь прибывшій на епархію архіерей Филаретъ вздумалъ посѣтить семинарію, сказавши напередъ объ этомъ начальству, то вздумали тогда вымыть полъ въ столовой, но при всѣхъ усиліяхъ ничего не могли сдѣлать; грязь не смывалась, вздумали ее соскабливать, но и это мало помогло, потому что въ однихъ мѣстахъ она совсѣмъ отвердѣла, а въ другихъ, такъ сказать, вѣлась въ половыя доски.

Поэтому нашли пужнымъ насыпать по полу желтый песокъ и тѣмъ прикрыть нечистоту. Верхняя поверхность досокъ на столахъ, конечно, не была такъ грязна, какъ полы, но не могла назваться и чистою.

Скатертей у насъ вовсе не употребляли тогда, столы, конечно, вытирали кое-чѣмъ, но на нихъ мало-по-малу составлялись слои

изъ остатковъ всѣхъ нашихъ кушаньевъ; тутъ смѣшивались и жиръ отъ говядины, щей и остатки каши, капусты, крошекъ хлѣба и пр. и пр., всего было по-немножку.

Для учениковъ семинаріи стояли оловянные тарелки, когда-то пріобрѣтенныя семинаріей или ей подаренныя кѣмъ-то; но училищныя мальчики прямо черпали своими ложками щи изъ общей миски и, кромѣ того, должны были имѣть свои ложки и сами носить ихъ въ столовую; такимъ образомъ, передъ обѣдомъ и передъ ужиномъ каждый изъ насъ вооружался этимъ оружіемъ, а иной аккуратный челоѡкъ носилъ ее съ собою даже въ классъ.

Ученики семинаріи при Іеронимѣ были свободны отъ этого униженія.

Докончу описаніе столовой замѣтками о примыкавшихъ къ ней кухнѣ и хлѣбной. Въ послѣдней было повѣшено два рукомойника для нашего умыванья.

Хотя тутъ и стояли лохани, но между тѣмъ отъ постоянной сырости въ полу образовалось углубленіе аршина въ два длины и въ аршинъ ширины; въ немъ рѣшительно почти всегда стояла лужа нечистой воды.

Другая, не менѣе этой лужи, была въ самой кухнѣ близъ лохани, въ которую лили воду, употреблявшуюся для мытья посуды.

Прочія части пола въ кухнѣ и хлѣбной (я забылъ сказать, что онъ состоялъ изъ толстаго, кирпичнаго свода) были покрыты грязью, тутъ же валялись остатки отъ пищи, кожура картофеля, обрѣзки капусты и пр.

Близъ одной стѣны въ кухнѣ стояли два чана, въ которыхъ попеременно приготавлился и оставался для питья квасъ; каждый изъ насъ туда опускалъ ковшъ и черпалъ имъ, сколько ему хотѣлось, а потомъ остатки не всѣми выплескивались, а выливались въ чанъ; туда часто опускался и ковшъ.

Есть русская пословица: не красна изба углами — красна пирогами. Къ несчастію, нельзя было эту пословицу примѣнить ни къ кухнѣ, ни къ нашей столовой: не красны онѣ были углами и стѣнами, и полами, но не могли хвастаться и своими щами, кашами, кашащами и даже простымъ чернымъ хлѣбомъ.

Не скажу, чтобы ужъ всегда подавалась дурная говядина, но

ея всегда было очень немного; притомъ, часто она состояла изъ солонины даже не свѣжей, изъ залежалой, даже съ душкомъ часто; бывали случаи, когда отъ этого душка, по русской пословицѣ, носъ воротило, и самая говядина вязла въ зубахъ.

Масло, какъ постное, такъ и скоромное, отпускалось въ умѣренномъ количествѣ и, кромѣ того, нерѣдко прогорклое.

Но гречневая крупа, изъ которой намъ приготовлялась каша, бывала тоже прогорклою, проквасившеюся.

Даже черный хлѣбъ приготовлялся изъ затхлой, залежалой муки; слежавшіеся ея куски, прежде нежели клали ихъ въ квашню, надобно было разбить обухомъ, отчего получался хлѣбъ не ноздреватый, а какъ мы говорили, съ закаломъ, безъ вкуса.

Для наблюденія за правильнымъ приготовленіемъ пищи, для приѣма говядины, для раздѣленія ея по столамъ, были дневальные изъ риторовъ или философовъ; за тѣмъ же могъ наблюдать и главный старшій.

Вслѣдствіе такихъ порядковъ, разумѣется, лучшія части говядины отдѣлялись богословамъ, философамъ и риторамъ, а намъ, бурсакамъ, доставались уже обрѣзки, жилы и пр., притомъ въ самомъ маломъ количествѣ, такъ что приходилось куска по три на cadaго.

Точно также и масла доставалось вдоволь богословамъ и пр., а намъ уже кое-какіе остатки и даже поддонки.

Но въ скоромные дни пища все-таки была еще сносна; постные дни вотъ уже было наказанье наше.

О рыбѣ и помину не было, кромѣ какихъ-либо важнѣйшихъ праздниковъ, когда для насъ брали соленую, пресоленую осетрину или бѣлужину. Обыкновенно горячее блюдо состояло изъ щей, въ которыхъ, какъ мы говорили, варилась вода съ прибавкою капусты да нѣсколькихъ гречневыхъ крупинокъ; за ужиномъ же, вмѣсто щей, подавалась каша, т. е. вареная вода съ небольшимъ количествомъ пшенихъ крупъ, куда подбавлялось немного масла. Второе и послѣднее блюдо, какъ въ постные, такъ и въ скоромные дни состояло изъ гречневой каши.

За обѣдомъ она еще была часто хороша, но къ ужину, подъ ея названіемъ, подавали тѣ пригорѣлыя, но размоченныя и разогрѣтыя

пѣнки, которыя при первоначальномъ приготовленіи ея составились или вверху или близъ стѣнокъ чугуновъ.

Тутъ и при большомъ количествѣ масла, даже скромнаго, было немного вкуснаго.

Наше доброе и благочестивое начальство старалось недостаточную нашу тѣлесную пищу обильно восполнить духовною, тѣмъ живымъ и дѣйственнымъ словомъ Божиимъ, которое проникаетъ, какъ ученіе Апостола, до членовъ и мозговъ.

Оно приказывало, и въ обѣдъ и ужинъ, громогласно читать или Новый Заветъ, или Четьи-Минеи, или какую-либо другую душеспасительную книгу; чтецами обыкновенно были по очереди богословы и философы.

Но эта духовная пища, сколько я могу припомнить, какъ-то плохо насъ насыщала, и потому мы вовсе не слушали читаемое. Зато, бывало, ждешь, не дождешься очереди быть дневальнымъ въ комнатѣ.

Дѣло состояло въ томъ, что благопечительное начальство наше не давало для комнатъ замковъ, а по мѣстамъ не было даже ни пробоевъ, ни накладокъ у дверей, и чтобы въ отсутствіе учениковъ не происходило никакого воровства, обыкновенно въ каждой комнатѣ оставался дневальный, увольнявшійся отъ обязанности быть и въ классѣ и въ церкви.

Дневальные сидѣли также въ комнатахъ во время общаго ужина и обѣда, зато послѣ для нихъ накрывался особый обѣдъ и ужинъ.

Такъ какъ тутъ же засѣдали главный старшій и дневальный по кухнѣ, то, разумѣется, были и лучшія щи, и самая хорошая говядина, болѣе, нежели въ достаточномъ количествѣ, и каша, промашенная до-нельзя, уже ѣшь — не хочу!

Кромѣ ужина и обѣда у насъ было нѣчто въ родѣ завтрака и полдника. Для этого разносился по комнатамъ хлѣбъ, по ломтю на каждыяго.

Но мы, бурсаки, часто и тутъ страдали. Вмѣсто свѣжихъ ломтей намъ приносили корзину кусковъ, оставшихся отъ обѣда или ужина, уже моченыхъ, завалявшихся; и эти куски не раскладывались по кроватямъ, а высыпались на столъ, куда со всѣхъ сторонъ мы сбѣгались, чтобы схватить, чтѣ подъ руку попадется.

При такомъ порядкѣ, застѣнчивые, несмѣлые, неповоротливые, или, случайно небывшіе въ комнатѣ оставались уже безъ куска хлѣба.

Впрочемъ, во избѣжаніе подобныхъ несчастій и вообще для улучшенія своего стола, мы обыкновенно изъ столовой уносили хлѣбъ по ломтю, по два и даже болѣе, несмотря на строжайшее запрещеніе, и ихъ употребляли по требованію аппетита.

Въ холодное же время, когда отапливались печи, мы эти ломти или совершенно обращали въ сухари или поджаривали, и это считалось большимъ лакомствомъ.

При такой нашей экономіи у насъ въ сундукахъ и заголовьяхъ кроватей, подъ подушками бывали запасы сушеныхъ и не сушеныхъ кусковъ хлѣба.

Это сильно привлекало крысъ, которыя водились у насъ въ огромномъ количествѣ; онѣ не только съѣдали наши хлѣбные запасы, но даже огрызали и ложки, на которыхъ слои жира привлекали ихъ вкусъ.

Въ самомъ дѣлѣ, крысъ было такъ много, что онѣ ночью своею стукотнею, а иногда бѣганьемъ по лицу и даже кусаньемъ за ноги, не давали намъ спать, — залѣзали въ наши сапоги, прогрызали ихъ, лакомились тулупами и пр.

Вслѣдствіе этого и мы по временамъ объявляли имъ войну. Обыкновенно нѣсколько дней къ ряду послѣ ужина мы приносили кашу или куски хлѣба и оставляли ихъ на ночь на столѣ.

Крысы лакомились этимъ добромъ.

Потомъ постепенно закрывали кирпичами отверстія въ полу, черезъ которыя они пролѣзли въ комнаты.

Въ ночь, назначенную для нападенія, оставляли только два или три отверстія и, когда по погашенія огня, крысы собирались ужинать на столѣ, въ это время по данному знаку остававшіеся открытыми отверстія закрывались, появлялся огонь: крысы разбѣгались по комнатѣ, и тутъ-то начиналось избіеніе ихъ; онѣ скрывались всюду и въ сапоги, и въ заголовья, и въ платье, но повальный обыскъ открывалъ ихъ убѣжища и каждый плѣнный наказывался немедленной смертию.

При удачныхъ ловляхъ случалось убивать въ одну ночь по де-

сятку и даже по два крысъ; однажды въ нашей комнатѣ было убито за разъ 27 жертвъ.

О стукѣ и шумѣ, происходившемъ въ этомъ случаѣ, нечего и говорить.

Описанная мною жизнь казеннокоштныхъ учениковъ преимущественно относится къ тому времени, когда семинаріей управляли Іеронимъ и Полотебновъ. Новому начальству, разумѣется, нельзя было обойтись безъ разныхъ измѣненій, улучшеній, а также и ухудшеній, но въ иныхъ случаяхъ оно оставило дѣло въ прежнемъ положеніи.

Напримѣръ, метода поддерживать чистоту въ комнатахъ не измѣнилась: та же метла, тотъ же служитель, ею дѣйствующій, та же пыль, все то же, но на переднюю и заднюю часть кроватей надѣли тиковые чохлы.

Тотъ и другой послужили квартирами для семинарской артиллеріи; но задній чухоль, опускаясь до самаго пола, имѣлъ специальное назначеніе закрывать соръ, который собирался подъ кроватями. Для учениковъ семинаріи приобрѣтены были новые постельные приборы, т. е. матрацы, подушки и одѣяла, но простынь и перемѣнъ наволочекъ по-прежнему не полагалось, а старые матрацы переданы были бурсакамъ.

Сшили также новые суконные сюртуки и даже брюки для семинаристовъ, пользовавшихся полнымъ казеннымъ содержаніемъ, но ихъ позволяли надѣвать только въ праздники или при экстренныхъ какихъ-либо случаяхъ; въ другое время они находились подъ замкомъ комиссара.

Для храненія платья сдѣлано было по одному шкафу въ комнатѣ.

Конечно, это было недостаточно для 20 или 40 человѣкъ, но все-таки лучше, нежели ничего; и чего-то въ этихъ шкафахъ не было навѣшено, особенно навалено на днѣ ихъ: лѣтомъ тутъ лежала грудюю зимняя и другая ненужная одежда.

Не шутя говорю, что однажды кому-то понадобилось отыскать свою какую-то старую одежку. Вдругъ изъ рукава одного тулупа выскочила огромная крыса, оставивъ на нашъ произволъ народившихся недавно своихъ потомковъ.

Оказалось, что она нашла очень удобнымъ устроить себѣ въ шкафѣ гнѣздо и поселилась въ рукавѣ тулупа со своимъ потомствомъ.

И столовая получила улучшеніе: столы покрывали скатертями; конечно, онѣ не отличались ни узорами, ни бѣлизною, но все-таки были скатертями.

Затѣмъ учениковъ разсадили по новому порядку: прежде на каждомъ столѣ сидѣло по 14 человѣкъ, они раздѣлялись на двѣ партіи по 7 человѣкъ, которые уже кушали изъ одной миски. Теперь оставили за столомъ тѣхъ же 14 человѣкъ, но раздѣлили ихъ на три партіи или миски, какъ мы выражались; въ двухъ партіяхъ на концахъ столовъ сидѣло по пяти, а въ средней по четыре человѣка.

Что же касается до пищи, то ее улучшить вполне было мудрое дѣло.

Вся прислуга при семинаріи, не исключая поваровъ и комиссаровъ, состояла изъ церковниковъ или исключенныхъ семинаристовъ.

Этихъ-то молодцевъ заставляли варить щи, супъ, кашу и пр.

Разумѣется, они наливали воды, пускали туда известное количество капусты, клали потомъ куски говядины въ скоромный день, кипятили все, и черезъ нѣсколько часовъ выходили щи.

Къ счастью, комиссаръ при столовой Дорофей, долго служа въ кухнѣ, приобрѣлъ кой-какія свѣдѣнія въ кулинарномъ семинарскомъ искусствѣ, зналъ, какъ надобно промыть говядину, подбить щи мукою и пр.

Этотъ метръ д'отель нашъ давалъ наставленія мѣнявшимся поварамъ, какъ готовить пищу. Такой порядокъ вещей остался и при Иліодорѣ, но къ чести его, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ, говядину перестали подавать тухлую, варить кашу изъ проквасившейся или прогорклрой крупы, печь хлѣба съ закальцемъ изъ испортившейся муки. Семинаристы народъ не гастрономическій, только бы ужъ не было очень дурно, а то все скушаютъ.

Поэтому не удивительно, что новое начальство съ перваго раза очень понравилось за улучшенія по столовой.

Притомъ оно, узнавши, что бурсаки сами носятъ свои ложки

въ столовую, очень любило посмѣиваться надъ этимъ, но пока не находило нужды или времени оставить этотъ обычай.

Но гастрономически-блаженные времена продолжались не долго.

Иліодоръ и Гедеонъ, получивъ отъ своихъ предшественниковъ большой запасъ остаточныхъ суммъ и не зная еще экономіи, щедро рукою тратили ихъ на удовлетвореніе не только нуждъ семинаристовъ, но и своихъ прихотей и затѣй, а экономъ Модестовъ являлся съ полною готовностью тотчасъ же исполнить всѣ ихъ приказанія, по которымъ надобно было тратить казенныя деньги; вѣдь все-таки что-нибудь да останется въ карманѣ.

Ректоръ и инспекторъ оба кушали вмѣстѣ и пользовались всѣми запасами, нужными для себя и находившимися въ семинарской кладовой.

Для двоихъ ихъ, конечно, не много бы понадобилось хлѣба, муки, крупы и масла, но съ Иліодоромъ пріѣхали два его брата, ученики семинаріи, риторъ и философъ.

Кромѣ того, каждый изъ нихъ имѣлъ двоихъ или троихъ человѣкъ прислуги; всю эту челядь надобно было кормить рѣшительно одними казенными запасами; для любезныхъ братцевъ даже говядина бралась казенная.

Потомъ поваръ получалъ изъ кладовой столько припасовъ, сколько его душѣ угодно было; контроля тутъ не было; ихъ высокопреподобія мелочами и дразгами не любили заниматься.

Экономъ объ этомъ не смѣлъ упомянуть, потому что и самъ все бралъ для себя изъ семинарскихъ запасовъ; такимъ образомъ на отцовъ-начальниковъ съ ихъ присными и прислугою шло можетъ быть болѣе, нежели сколько нужно было для 20 — 30 человѣкъ учениковъ.

Потомъ ихъ высокопреподобія изумились, нашедши въ семинаріи одну только лошадь, которую семинаристы прозвали Сократомъ; ее употребляли для черныхъ работъ; на ней ѣздили Полотебловъ и Кротковъ; Іеронимъ же имѣлъ монастырскихъ лошадей.

Новое начальство тотчасъ же исправило этотъ недостатокъ; купили карету, зимній возокъ, санки и пр. и вмѣстѣ съ тѣмъ и четырехъ лошадей; и все это, разумѣется, куплено, поддерживалось и содержалось на казенныя деньги.

Нельзя же было не улучшить и своихъ комнатъ; онѣ были распространены, выкрашены, обставлены новою мебелью.

Для лошадей, кареты, возка понадобилась конюшня и каретный сарай; разумѣется, ихъ надобно было устроить какъ можно живѣе.

Модестовъ хлопоталъ, исполнялъ все; противорѣчій никакихъ.

Но по окончаніи года оказалась громадная растрата денегъ, которую притомъ нельзя было внести всю въ отчеты. Начальство перепугалось, принуждено было, по слухамъ, сдѣлать заемъ у бывшего казначея Иванава, но вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшилось ввести строгую экономію.

Продать матрацы, подушки, шкафы, скатерти и пр. нельзя уже было; они пошли бы за безцѣнокъ; продать коляску, сани и лошадей, по крайней мѣрѣ сократить число послѣднихъ, какъ можно? Вѣдь конюшня и сарай для нихъ выстроены и притомъ какъ же ѣздить въ гости ихъ высокопреподобіямъ?

Не ходить же пѣшкомъ, или же не ѣздить на извозчикахъ за гривенникъ или четвертакъ.

Даже покупать для себя, своихъ присныхъ, своей прислуги съѣстные припасы на свой счетъ опять тоже не выгодно было для отца ректора и инспектора; вѣдь они не даромъ же начальники; тогда еще не извѣстна была та революціонная атеистическая мысль, что будто бы начальство существуетъ для пользы подчиненныхъ; тогда вѣровали и исповѣдовали (впрочемъ, и нынче тоже много есть такихъ же исповѣдниковъ), яко подчиненные существуютъ для пользы своихъ начальниковъ.

Вотъ почему достопочтенное семинарское начальство — Иліодоръ и полулиберальный прогрессистъ отецъ Гедeonъ убѣдили себя, что экономію можно соблюсти только на счетъ семинаристовъ вообще и на счетъ преимущественно ихъ желудка.

Такой благочестивый и полулиберальный взглядъ находилъ себѣ подтвержденіе въ ученіи нашей матери, православной церкви, объ умерщвленіи плоти, о приученіи къ посту и пр. И вотъ началась экономія.

Количество говядины и масла, выдаваемо на ежедневное упо-

требленіе для учениковъ, уменьшено; найдено нужнымъ и возможнымъ покупать ихъ пониже сортомъ и, значитъ, подешевле.

А отецъ Модестовъ при сей вѣрной оказіи позволялъ себѣ иногда принимать припасы уже и очень плохіе, напоминавшіе времена Кроткова.

Затѣмъ скатерти куда-то скрылись и появлялись только въ какихъ-либо экстренныхъ случаяхъ; вѣдь въ самомъ дѣлѣ отъ употребленія на столахъ онѣ скоро грязнились, а за мытье ихъ надобно было платить прачкамъ.

Столы вновь во время обѣда и ужина были ничѣмъ не покрыты кромѣ слоевъ грязи, которая теперь увеличилась отъ особеннаго обстоятельства.

Новое начальство на первыхъ порахъ напринимало на казенное содержаніе слишкомъ много народу, такъ что всѣхъ въ прежнихъ жилыхъ комнатахъ помѣстить не было возможности; для этого очистили двѣ комнаты, въ которыхъ были классы приходскаго училища, а самые классы перевели въ столовую; одинъ помѣщался на столахъ ближе къ образу, а другой ближе къ двери.

Не говорю уже объ неудобствѣ, которое происходило отъ того, что въ одной и той же комнатѣ въ одно и то же время сидѣли два учителя; каждый изъ нихъ громко говорилъ съ своими учениками и часто бранилъ ихъ; въ одно и то же время вдругъ читали свои уроки два ученика; иногда даже сѣкли вдругъ въ обоихъ классахъ, и такимъ образомъ составлялись дуэты изъ кричавшихъ и лежавшихъ на полу—все это не относится къ разсматриваемому предмету.

Намъ нужно только знать, что мальчики (всѣхъ ихъ было болѣе 150 человекъ) приносили на ногахъ множество грязи, ходили прямо по столамъ и оставляли на нихъ то, что было на ихъ подошвахъ.

О мытьѣ столовъ послѣ ихъ не очень заботились; отчего и происходило, что казеннокоштные ученики, сѣвши за столъ обѣдать, видѣли предъ собою на столѣ не только слой свѣжей грязи, но иногда и такъ называемое з о л о т о, заносимое изъ отхожихъ семинарскихъ мѣстъ, содержавшихся въ отвратительнѣйшей нечистотѣ,

гдѣ, какъ говорится, часто ни пройти, ни ступить не было возможности, не запачкавъ своихъ ногъ.

Извините, господинъ читатель, за эти подробности, они характеризуютъ благочестивое начальство, которое, какъ увидимъ въ слѣдующей главѣ, держало насъ по 3—4 часа за всюнощную, заставляло ежедневно прочитывать всѣ утреннія и вечернія молитвы, а вмѣстѣ съ тѣмъ не заботилось о томъ по крайней мѣрѣ, чтобы благовоспитываемые духовные отроки и юноши, обѣдая, не имѣли предъ своими глазами того, что на деликатномъ языкѣ называется...

Новая семинарская экономія не пренебрегала и другими средствами.

Начальство, смѣявшееся надъ тѣмъ, что бурсаки-мальчики ходили съ своими ложками въ столовую, нашло нужнымъ распространить эту мѣру и на учениковъ семинаріи.

И вотъ богословы, философы, сами старшіе, самъ главный старшій должны были, идя въ столовую, захватить свою ложку.

Нѣкоторые поспѣсивѣе, погордѣе поручали это дѣло училищнымъ мальчикамъ; но большею частію сами приносили въ рукахъ или въ карманѣ ложку.

Сначала въ видѣ манифестаціи проказники привязывали ее къ тоненькой веревочкѣ и шли въ столовую или по столовой, перекинувъ веревочку черезъ плечо такъ, что одинъ конецъ ея былъ въ рукѣ молодца, а другой вмѣстѣ съ ложкою лежалъ на спинѣ; но и эта оппозиція скоро прекратилась.

Насколько такое распоряженіе было полезно для семинарской экономіи, я не знаю; зато много бывало смѣшныхъ сценъ изъ-за него.

Иногда старшій затеряетъ или не вдругъ отыщетъ ключъ отъ комнаты, и вотъ одни изъ его подчиненныхъ, которые ложку съ собою брали въ классъ, обѣдаютъ, а другіе стоятъ да ждутъ, когда отопрется комната.

Иногда ученикъ гдѣ-либо позамедлитъ и прибѣжитъ, когда уже старшій заперъ комнату и ушелъ въ столовую,—и вотъ несчастный отыскиваетъ въ столовой старшаго, беретъ у него ключъ, спѣшитъ опять въ комнату, а его товарищи очищаютъ между тѣмъ миску со щами.

Иногда ложка затеряется; случалось, что проказники нарочно воровали ихъ; тогда опять уже рѣшительно нечѣмъ ѣсть.

Поэтому-то многіе всегда носили ложку въ карманѣ сюртука или жилета; но и тутъ не безъ смѣшныхъ сценъ.

То какой-либо проказникъ квартирный ученикъ вытащить изъ кармана ее и во всеуслышаніе закричить: «а вотъ, братцы, смотрите-ка, какая ложка у ложечника» (квартирные ученики въ насмѣшку называли казенныхъ ложечниками).

Бывали примѣры, что въ классѣ и даже на публичномъ экзаменѣ ученикъ, вынимая изъ кармана платокъ, вытаскивалъ оттуда вмѣстѣ и ложку, которая падала на полъ залы въ глазахъ не только профессоровъ, или ихъ высокопреподобія, но даже и его высокопреосвященства и свѣтской публики.

И ко всему этому подавала поводъ копѣчная экономія, которая сберегала копѣйки, между тѣмъ воровала по сотнямъ и даже тысячамъ рублей!

Наконецъ для поправленія финансовъ, начальство рѣшилось отмѣнить распоряженіе, сдѣланное имъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ и имѣвшее порядочное вліяніе на меня.

Я уже говорилъ, что въ семинарскомъ корпусѣ вмѣстѣ съ казеннокоштными учениками жило много пансіонеровъ или денежныхъ, которые платили за свое содержаніе въ училищѣ 75, а въ семинаріи 85 рублей ассигнаціями въ годъ.

Иліодоръ и Гедeonъ, принявши слишкомъ много учениковъ на казенное содержаніе и черезъ то стѣснивши ихъ помѣщеніе, нашли нужнымъ сослать на квартиры всѣхъ насъ пансіонеровъ; кромѣ того, они полагали, что мы, какъ дѣти достаточныхъ отцевъ, большею частью благочинныхъ и протоіереевъ, бываемъ недовольны содержаніемъ и своими внушеніями волнуемъ настоящую казенщину.

Вслѣдствіе этого около 20-го числа сентября я долженъ былъ сойти на квартиру. Но почтенное начальство скоро увидало, что изъ денежныхъ можно извлекать не менѣе пользы, какъ и изъ казеннокоштныхъ.

Въ самомъ дѣлѣ, число денежныхъ простиралось, сколько мнѣ помнится, до 20 человекъ.

Если положить, что изъ нихъ одна половина ежегодно за свое содержаніе платила 75, а другая 85 руб., то получится 1.600 рублей.

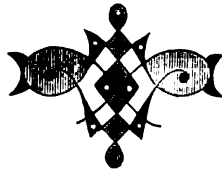
Конечно, записавши всю ее въ приходъ въ шнуровыя книги, начальство не могло извлечь изъ нея какую-либо пользу.

Но злая молва гласила, что если не вся, то значительная часть ея официально оставалась неизвѣстною. Въ такомъ случаѣ хоть на примѣръ 1.000 руб. очень могли пригодиться на прикрытіе честныхъ расходовъ, о которыхъ въ отчетахъ нельзя было упоминать.

На основаніи такихъ-то соображеній въ концѣ сентябрьской же трети объявлено было, что денежные опять могутъ поступать на казенное для житья, хотя число казеннокоштныхъ учениковъ нисколько не уменьшилось, а даже и увеличилось.

Д. И. Ростиславовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЗАПИСКИ Д. И. РОСТИСЛАВОВА,

профессора Спб. духовной академіи,

† 18-го февраля 1877 г.

XXXI ¹⁾).

О различных нововведеніяхъ Иліодора и Гедеона по нравственной, релігіозной и учебной частямъ.

Иліодоръ и Гедеонъ, для усиленія надзора за казенно-коштными учениками, назначали въ каждую комнату старшаго богослова съ помощниками изъ философовъ, тогда какъ прежде мы, училищные, занимая три комнаты, имѣли только одного старшаго и одного помощника.

Всѣ старшіе ежедневно послѣ ужина являлись къ инспектору, чтобы отрапортовать о состояніи ввѣренныхъ каждому учениковъ; рапорты были и письменные и словесные.

Для этого на клѣткѣ бумажки, отрѣзанномъ отъ четвертки листа и имѣющемъ ширину не болѣе вершка, писалось: въ такой-то комнатѣ, т. е. богословской или 1-й реторической,—все обстоитъ благополучно. Если же сдѣлался кто-либо боленъ, или оказался въ чемъ-либо неисправенъ, прибавлялось: кромѣ того, что и пр. Рапортъ, разумѣется, скрѣплялся подписью старшаго.

Потомъ приказали, чтобы кромѣ четверга, воскресныхъ и праздничныхъ дней никто не выходилъ изъ семинаріи; отступленіе допускалось по самымъ уважительнымъ причинамъ. Желавшій отлу-

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд 1880, 1882, 1884, 1887, 1888, 1892 и 1893 гг., томы XVII, XVIII, XXXIII, XXXIV, XLII, XLIII, LVI, LXXVI и LXXVII.

читаться записывался въ особую тетрадь съ показаніемъ, къ кому и на сколько времени идетъ; тетрадь относилась къ инспектору, который однихъ отпускалъ, а другихъ оставлялъ дома по своимъ соображеніямъ.

Это особенно не понравилось старшимъ, и они рѣшились доказать новому начальству, что такое распоряженіе годится только для мальчиковъ, а для богослововъ и философовъ унижительно. «Да, знаете ли вы, сказалъ тогда инспекторъ, что вотъ не далѣе какъ за нѣсколько недѣль, живя еще студентомъ въ академіи и имѣя намѣреніе выйти на время изъ дома ея, я также записывался въ тетрадь, какъ теперь отъ васъ мы требуемъ? Экая важность! Богословы и философы!»

Болѣе возражать было нечего, но помню, никто не хотѣлъ вѣрить, чтобы въ академіи студенты отлучались въ городъ съ такими же формальностями, которыя вводились въ Рязанской семинаріи.

Далѣе приказано читать утреннія и вечернія молитвы непременно каждый день въ каждой комнатѣ отдѣльно, подъ личнымъ надзоромъ и отвѣтственностью старшаго. Усерднѣйшіе старшіе мучили насъ, заставляя выслушивать всѣ безъ исключенія положенныя молитвы, читаемыя съ чувствомъ, толкомъ и разстановкою. Особенно надоѣдалъ въ этомъ отношеніи Иванъ Петровичъ Рудинскій, величайшій ханжа и пустосвятъ; къ счастью, другіе были поблагодаримѣе его и заставляли прочитывать поскорѣе, да и не всѣ молитвы. Зато служба въ церкви подъ личнымъ надзоромъ Иліодора, порядочнаго тоже ханжи, пошла монастырскимъ порядкомъ.

Безъ его высокопреподобія не смѣли начинать ни обѣдни, ни всенощной, а его высокопреподобіе иногда приходило не ранѣе, какъ чрезъ полчаса, а то и болѣе, — и мы стояли, да ждали. Самая служба совершалась торжественно, т. е. читали рѣдко, пѣли растяжно, а нѣкоторыя стихиры, напр. «на Господи воззвахъ», по-монастырски, т. е. сначала одинъ пѣвчій говоритъ нѣсколько словъ, а за нимъ уже хоромъ всѣ ихъ распѣвали и т. д. Отъ этого длина службы увеличилась ужасно; всенощная продолжалась по три, даже по четыре часа; бывало, едва стоишь на ногахъ, не молишься, а только ругаешь своего мучителя.

Кромѣ того, продолжительно заставляя молиться Богу, Иліодоръ постарался о томъ, чтобы и ему во время богослуженія воздавались поклоненія.

На каждую службу назначались ученики по очереди читать:

а) богословы — шестопсалмїе, б) философы — канонъ и разныя стихиры по трїоди, в) риторы — каеизмы, г) вышкласные-училищныя — такъ называемыя часы.

Всѣ эти лица вмѣстѣ съ уставщикомъ и регентомъ въ самомъ началѣ подходили къ Иліодору и получали отъ него, такъ сказать, предварительное благословеніе.

Потомъ каждый, по окончаніи своего урока, немедленно шель въ алтарь получить окончательное благословеніе, напр. богословъ по прочтеніи шестопсалмїа, а регентъ и уставщикъ по окончаніи службы, уже большею частію въ комнаты ректора. Потомъ къ Евангелію или къ образу празднуемаго святаго во время всанощной заставляли подходить по два человѣка въ рядъ.

Каждая пара, ставши передъ налоемъ, дѣлала два поклона, затѣмъ, по очереди прикладывалась къ образу или Евангелію, вновь поклонялась и уступала мѣсто новой парѣ.

Въ холодной церкви алтарь былъ довольно обширенъ, и Иліодоръ въ немъ стоялъ во время богослуженія. Но въ теплой церкви оба алтаря были поменьше и потому показались неспособными вмѣщать его особу.

Онъ вмѣстѣ съ инспекторомъ становился въ церкви у задней стѣны между учениками, прямо противъ царскихъ вратъ, до которыхъ отъ него оставалось пространство, ничѣмъ не занятое.

Налой съ образомъ и Евангеліемъ ставился въ этомъ пространствѣ, и каждая пара учениковъ, исполнивъ передъ ними обычныя поклоненія и лобзанія, оборачивалась затѣмъ къ его высокопреподобію и отвѣшивала ему низкій поклонъ.

И между квартирными учениками введена была тоже особая администрація. Сдѣланы были старшіе изъ богослововъ и помощники изъ философовъ; каждому старшему съ его помощникомъ подчинялось нѣсколько ученическихъ квартиръ, которыя они должны были осматривать, если не ежедневно, то, по крайней мѣрѣ, черезъ день или два.

Надъ всѣми же квартирными старшими высился главный квартирный старшій, который имѣлъ надзоръ и надъ нами, и надъ всѣми учениками; это былъ нѣчто въ родѣ помощника инспектора по квартирамъ.

Квартирные ученики семинаріи лѣтомъ ходили въ семинарскую церковь, но зимою распредѣлялись по другимъ церквамъ, потому что теплая семинарская церковь была очень тѣсна.

Относительно учебной части немного было сдѣлано улучшеній или измѣненій новымъ семинарскимъ начальствомъ. Наставники стали ходить ранѣе прежняго въ классъ; въ этомъ случаѣ Иліодоръ имъ показывалъ примѣръ; но зато Гедеонъ почти всегда хаживалъ почти только на одинъ часъ.

Приходя въ классъ, Иліодоръ никогда не предлагалъ профессору читать лекцію, а обыкновенно занимался спросами и разспросами учениковъ; поэтому профессора не имѣли нужды употреблять большее усердіе на приготовленіе лекціи, нежели прежде. Притомъ они очень хорошо знали, что самъ отецъ ректоръ только и умѣлъ говорить: Господь нашъ Іисусъ Христосъ, небесный нашъ Учитель и пр. и затѣмъ повторять переводъ лекціи съ латинскаго на русскій языкъ.

Не тревожа наставниковъ, Иліодоръ и Гедеонъ требовали отъ учениковъ болѣе исправности по классу, нежели какъ было до того времени.

Главнѣйшая мѣра, разумѣется, состояла въ томъ, чтобы ученики непремѣнно сидѣли въ классахъ. Тутъ на первомъ планѣ стояло приказаніе ранѣе приходить въ классъ и не выходить изъ него прежде звонка, — приказаніе класснымъ старшимъ, чтобы они непремѣнно записывали въ журналъ всѣхъ, кто не былъ въ классѣ, и наконецъ разныя взысканія съ тѣхъ, которые не приходили въ него по нерадѣнію.

Но были приняты нѣкоторыя и спеціальныя мѣры.

На казенномъ наконецъ придѣлали къ дверямъ всѣхъ жилыхъ ученическихъ комнатъ пробои съ цѣпочками и купили висячіе замки; должность комнатныхъ дневальныхъ уничтожена, и старшимъ приказано запираť комнаты на замокъ во время классовъ, богослуженія, обѣдовъ и ужиновъ.

Вѣдь не даромъ же апостолъ Павелъ говоритъ: «гдѣ преизбыточествуетъ грѣхъ, тамъ преизобилуетъ благодать».

Нравственное состояніе Рязанской семинаріи, какъ я уже выше сказалъ, не заслуживало похвалы при Іеронимѣ и Полотебновѣ.

Семинаристы очень порядочно пьянствовали, таскались по трактирамъ, полпивнымъ лавочкамъ и харчевнямъ, не всѣ усердно посѣщали классы и пр. Начальники не то чтобы потакали имъ, а, занятые своими дрязгами, не имѣли времени обратить должное вниманіе на шалости.

Но къ чести ихъ надобно сказать, что они для открытія истины не прибѣгали къ тайной полиціи, не держались системы шпіонства и старались узнавать все, такъ сказать, легальнымъ порядкомъ.

Новое начальство иначе рассуждало и дѣйствовало. Шпіонство было имъ введено не только въ семинарію, но и расширено, такъ сказать, въ многовѣтвистую систему.

Генераль-шпіономъ сдѣлался ученикъ философіи, Иванъ Грифцовъ, сынъ данковского соборнаго протоіерея, который служилъ шпіономъ у тогдашняго рязанскаго архіепископа Сергія.

Нашъ генераль-шпіонъ былъ очень красивый мужчина, съ пріятнымъ, нѣсколько женоподобнымъ лицомъ, съ вѣжливыми, даже деликатными манерами, любилъ до своего генеральства попить.

Въ новой должности своей онъ былъ какъ нельзя исправнѣе; ежедневно находилъ случай побывать не одинъ даже разъ во всѣхъ учительскихъ комнатахъ, выглядѣть всякія неисправности, переговорить съ лицами, которыхъ подозрѣвали въ поклоненіи Бахусу, подслушать интимные разговоры и пр. и пр.

Кромѣ своихъ глазъ и ушей, онъ находилъ готовыми къ своимъ услугамъ глаза и уши другихъ людей; у него были свои шпіоны по всѣмъ классамъ и комнатамъ, которые старались сказывать ему о всѣхъ новостяхъ.

Самымъ усерднѣйшимъ между ними былъ товарищъ Грифцова, перворазрядный ученикъ Александръ Миротворскій, по прозвищу мѣдный лобъ.

Надобно же было судьбѣ подшутить, чтобы сынъ этого шпіона или, какъ звали на ушника, мутьяна, мутьянишки, изъ Рязан-

ской семинаріи поступилъ въ Петербургскій университетъ и во время такъ называемыхъ студенческихъ безпокойствъ или возмущеній въ 1861 г. въ Петербургѣ былъ однимъ изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ и посаженъ былъ въ Петропавловскую крѣпость, гдѣ и умеръ. Но отецъ далеко не былъ такимъ прогрессистомъ, какъ сынъ, и за лучшее счелъ подличать въ роли шпиона.

У главнаго шпиона и у второстепенныхъ шпионовъ были свои шпионы, уже третьестепенные. Кромѣ Грифцова было еще нѣсколько не подчиненныхъ ему шпионовъ, между которыми занималъ почетное мѣсто сдѣлавшійся послѣ мужемъ старшей моей сестры Натальи, Иванъ Филипповичъ Воскресенскій.

Каждому изъ ватаги шпионовъ всѣхъ степеней надобно же было выказать свое усердіе, донося своему патрону о чьихъ-либо неисправностяхъ.

Впрочемъ, въ матеріалахъ недостатка не было. Я уже сказалъ, что Иліодоръ былъ дурной профессоръ; Гедеонъ сначала не могъ казаться лучше Кроткова.

Поэтому приверженцы прежнихъ профессоровъ, значительная часть лучшихъ философовъ и богослововъ, любили посмѣяться на счетъ новыхъ начальниковъ и профессоровъ, тѣмъ болѣе, что строгости послѣднихъ очень не нравились почти всѣмъ. Все это, разумѣется, доносилось ректору и инспектору, которые имѣли низость обращать вниманіе на ребяческіе толки и мстить за дурные отзывы о своихъ особахъ.

Далѣе, нельзя не сказать, что тогдашніе богословы и философы любили, конечно, иногда покутить, пошумѣть, отличиться даже бурсацкими выходками, но лучшіе изъ нихъ имѣли своего рода гоноръ, гордились названіемъ богослова и философа, держали себя высоко и старались не унижаться.

Естественно, что они терпѣть не могли и шпионовъ, явно выражая свое къ нимъ презрѣніе, а эти, въ свою очередь, мстили доносами на нихъ по начальству. Такимъ образомъ, кромѣ нейтральнаго большинства, — этого стада овецъ, идущихъ туда, куда ихъ гонить пастухъ плетью, прочіе семинаристы раздѣлялись на двѣ непримиримыя враждующія партіи. На одной сторонѣ находились многіе изъ лучшихъ учениковъ богословія и философіи, не захотѣв-

шихъ, или не сѣумѣвшихъ, или даже не приглашенныхъ только быть шпионами. Вторая же партія состояла изъ шпионовъ всѣхъ степеней. Тѣ скоро подпали немилости начальства; стали понижаться въ классныхъ спискахъ, а эти вмѣстѣ съ нейтральными занимать ихъ мѣста; черезъ это обоюдная ненависть еще болѣе усилилась.

Начальство, разумѣется, преслѣдовало своихъ непочитателей и было благосклонно и словомъ и дѣломъ къ своимъ любимцамъ. Богослововъ еще щадили; ихъ только смѣняли изъ старшихъ, понижали въ спискахъ, косо на нихъ посматривали, устраняли отъ поступленія въ духовную академію, не отличали въ спискахъ по поведенію.

Къ числу такихъ учениковъ особенно принадлежали Осипъ Молчановъ и Алексѣй Грековъ; люди, можетъ быть, черезъ чуръ гордые, но весьма даровитые и въ своемъ курсѣ лучшіе. Но съ философами-либералами поступали гораздо строже. Особенно нѣкоторые изъ нихъ сами къ тому подали поводъ, впрочемъ, очень неважнымъ проступкомъ. Между ними было два отличныхъ ученика: Стабниковъ, братъ нашего товарища Стабникова, и Боголюбовъ. Первый дѣйствительно былъ замѣчательный человекъ по своимъ способностямъ и свѣдѣніямъ. Они оба съ нѣсколькими еще товарищами послали отъ себя просьбы въ Медицинскую академію о принятіи ихъ въ нее. Не знаю, какими путями эти просьбы возвратились назадъ въ Рязань въ Правленіе семинаріи съ прибавкою, чтобы ученики ея подавали прошенія о поступленіи въ другія высшія учебныя заведенія не иначе, какъ чрезъ свое начальство. Изъ этого пустаго случая, изъ-за котораго Стабникову съ товарищами можно бы сдѣлать легкій выговоръ, Иліодоръ и Гedeонъ захотѣли составить драматическую сцену.

Въ одинъ день собираютъ въ залу семинаріи всѣхъ учениковъ ея, а изъ училища насъ, вышекласныхъ. Скоро въ залу вошли всѣ начальники и наставники семинаріи, наши учителя и за ними до десятка служителей подъ командою комиссара.

Послѣдніе остановившись у двери, а все начальство вошло въ середину учениковъ, и около него образовалось пустое пространство.

Ректоръ громогласно сюда же вытребовалъ Стабникова, Боголюбова и прочихъ преступниковъ.

Тогда секретарь Правленія началъ читать бумагу, въ которой значилось, что такой-то и такой-то подали безъ согласія начальства просьбы о поступленіи въ Медицинскую академію, что эти просьбы присланы въ Правленіе семинаріи, и оно положило объявить всѣмъ ученикамъ, чтобы никто изъ нихъ никуда не смѣлъ подавать просьбы безъ спроса у начальства, а теперешнихъ виновныхъ присудили посадить въ карцеръ на хлѣбъ и воду въ столовой на столько-то дней.

По прочтеніи приговора ректоръ громко закричалъ: «Эй, комиссаръ! сюда съ служителями!»

Я помню, съ какимъ изумленіемъ и испугомъ выслушали эти слова богословы и философы. Стабниковъ, Боголюбовъ и пр. поблѣднѣли; нѣкоторые даже задрожали, всѣ такъ и думали, что сверхъ прочтеннаго приговора виновныхъ хотятъ высѣчь розгами.

Коммиссаръ и служители вышли на средину; ученики отъ нихъ отступили и еще болѣе оставили пустаго мѣста, полагая, что оно окажется нужнымъ при экзекуціи.

Тутъ ректоръ, насладившись произведеннымъ эффектомъ, сказалъ комиссару: «взять этихъ негодяевъ и посадить въ карцеръ!...»

Служители ихъ окружили со всѣхъ сторонъ и повели изъ залы, какъ арестантовъ.

Намъ же послѣ Иліодоръ довольно долго толковалъ о послушаніи, о томъ, что нѣсть власть, аще не отъ Бога и пр.

Надобно сказать, что и въ этомъ видѣ и безъ розогъ сцена была потрясающая. Но Иліодору захотѣлось еще помучить Стабникова. Когда къ обѣду привели его изъ карцера въ столовую, то ему приказано было стать на колѣна передъ табуретомъ, на которомъ стояла кружка воды и ломоть хлѣба.

Стабникову не давали даже хорошенько коснуться и ихъ; Иліодоръ, пройдя по столовой, непремѣнно предъ нимъ останавливался и начиналъ распѣвать свои поученія о повиновеніи властямъ.

Надобно правду сказать, что Стабниковъ держалъ себя очень хорошо, слушалъ молча, спокойно, съ серьезнымъ видомъ, и только украдкой легонько, печально улыбался.

Всѣхъ преступниковъ, которые пользовались казеннымъ содержаніемъ, лишили его; потомъ чуть ли не всѣхъ въ концѣ учебнаго

года исключили изъ семинаріи; но Стабниковъ, Боголюбовъ, Преображенскій все-таки поступили въ Медицинскую академію.

Ненависть Иліодора къ этимъ преступникамъ распространилась и на ихъ родственниковъ. Особенно въ этомъ случаѣ много пострадалъ нашъ товарищъ Александръ Стабниковъ. До того времени Иліодоръ не находилъ въ немъ ничего дурнаго и даже былъ любезенъ къ нему, какъ къ отличному ученику.

Но послѣ описаннаго мною ужаснаго преступленія и въ нашемъ Стабниковѣ открылось множество дурныхъ качествъ. Это тѣмъ было легче сдѣлать, что онъ у насъ старѣйшинствовалъ въ классѣ.

Приходилъ въ нашъ классъ Иліодоръ, то находилъ, что полъ печисто подметенъ, то видѣлъ, что стѣны испачканы, то говорилъ, что вотъ давеча и вчера у насъ шумѣли. Разумѣется, оказывался во всемъ виновнымъ старшій. Этотъ начиналъ себя оправдывать, тогда новая бѣда. «Ахъ ты спорщикъ, гордецъ! у тебя братній душокъ; я давно это замѣчаю; нѣтъ маленекъ еще, усмиримъ тебя» и пр.

Особенно, однажды Иліодоръ показалъ себя въ высшей степени придирчивымъ. Близъ двери нашего класса въ корридоръ подъ лѣстницею, которая вела въ мезонинъ, находился чуланчикъ, куда съ незапамятныхъ временъ сваливался и дневальными классными, и сторожами семинарскими всякій соръ; его набралось тамъ нѣсколько возовъ, такъ что дверь не могла уже затворяться, и посѣтителі семинаріи могли любоваться этимъ складочнымъ мѣстомъ всякой дряни.

Иліодоръ давно уже видѣлъ это, но послѣ исторіи съ бунтовщиками-учениками вся вина свалилась на нашего Стабникова. «Это все изъ вашего класса», говорилъ Иліодоръ ему; «зачѣмъ ты не смотришь за дневальными? Вотъ я съ тобою раздѣлаюсь» и пр.

Нелѣпѣе всего было то, что почтенный отецъ ректоръ постоянно въ классныхъ спискахъ понижалъ Стабникова, когда мы уже учились въ реторикѣ и философій, несмотря на то, что онъ всегда между нами по справедливости считался самымъ лучшимъ ученикомъ.

.

Д. И. Ростиславовъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ЗАПИСКИ Д. И. РОСТИСЛАВОВА

профессора Спб. духовной академіи,

† 18-го февраля 1877 г.

XXXII ¹⁾.

О моемъ житьѣ-бытьѣ на квартирѣ и на казенномъ во второй годъ въ Рязани и о переходѣ въ реторику или низшее отдѣленіе семинаріи.

Распоряженіе новаго начальства о томъ, чтобы денежныя перешли на вольныя квартиры, сначала мнѣ очень понравилось. Я полагалъ, что буду жить теперь на просторѣ вдали отъ Вихирева, а слѣдовательно и отъ его плетки и розогъ.

Но расчеты мои оказались не очень основательными. Прежде всего надобно сказать, что семинаристы почти всегда перемѣняютъ или отыскиваютъ квартиры въ началѣ трети, а потомъ жители, которые хотѣли бы держать у себя семинаристовъ, пускаютъ уже другихъ постояльцевъ.

Такимъ образомъ намъ четверымъ: мнѣ, двумъ братьямъ Вихирева и Гилярову, племяннику Кудрявцева, и сыну дьячка Ивану Васильеву, всѣмъ вмѣстѣ очень трудно было найти квартиру, и мы едва отыскали ее у одной мѣщанки, у которой уже жилъ ученикъ богословія, Петръ Ивановичъ Лонгиновъ и родственникъ его, мальчикъ изъ приходскаго училища Перевлѣскій, который послѣ извѣстенъ сдѣлался, какъ хорошій педагогъ и литераторъ, и служилъ наставникомъ въ Александровскомъ лицѣѣ въ Пе-

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1880, 1882, 1884, 1887, 1888, 1892 и 1893 гг., XVII, XVIII, XXXIV, XLII, XLIII, XLIII, LVI, LVII, LXXV, LXXVI и LXXVII.

тербургѣ. Квартира наша состояла изъ избы длиною не болѣе $2\frac{1}{2}$ —3 саженей.

Чуть не въ цѣлой половинѣ ея стояла большая русская печь, и жила хозяйка съ маленькою дочерью, а въ другой части помѣщалось насъ шесть семинаристовъ.

Пока еще было тепло, мы спали на чердакѣ, но съ наступленіемъ холода должны были оставаться и день и ночь въ комнатѣ, спать на лавкахъ, скамейкахъ, на полу, лежанкѣ, даже иногда на печкѣ.

Конечно, было тепло, тѣмъ болѣе, что хозяйка, торговавшая печенымъ хлѣбомъ, каждый почти день пекла его и слѣдовательно жарко топила печь. На духоту и спертость воздуха мы мало обращали вниманія, но сырость насъ донимала.

Лачуга наша стояла на дворѣ и была такъ ветха, что еслибы ее не обмазали и изнутри и снаружи глиною въ родѣ штукатурки, то между бревнами оставались бы порядные промежутки.

Но и глина насъ не спасала; промерзая, она внутри комнаты была въ сильные морозы почти постоянно влажною, такъ что прикосновеніе къ ней дѣлало пятна и на тѣлѣ и на одеждѣ. Поэтому мы дляспанья отодвигали отъ стѣнъ и лавки и скамьи.

Въ такой комнатѣ, высотой въ сажень, была сырость большая и только почти постоянно горячая печь просушивала ее.

Потомъ мы сами должны были носить на себѣ воду съ колодезя саженей за 70, если не болѣе; ушатъ былъ большой, улица грязная; насилу бывало дотащишься.

Хозяйка была зла, какъ вѣдьма, обижала насъ, сколько возможно, снимала жиръ съ нашихъ щей и даже отливала ихъ, пополняя убытокъ водою. Такимъ образомъ на этой квартирѣ я напелъ многое въ худшемъ видѣ, нежели даже на казенномъ.

И надежда моя на свободу отъ плетки и розогъ Вихирева оказалась мечтою. Вихиревъ уже сталъ мало заниматься съ своими братьями, наскучивъ ихъ лѣнью и безтолковостію, или отчаявшись сдѣлать изъ нихъ чего-нибудь путное.

Съ переходомъ нашимъ на квартиру, онъ, можно сказать, почти ихъ бросилъ, но мнѣ велѣлъ являться непременно, каждый день. Въ этомъ случаѣ рѣдко спрашивалъ меня объ урокахъ, но зато продолжалъ давать и подчеркивать латинскіе переводы. Евсей и Павелъ,

получивъ нѣкоторую свободу, почти ничего дѣлали и даже мѣшали мнѣ и Гилярову заниматься; Петра Ивановича Лонгинова—добряка и слабого человѣка, они не слушались и не боялись. Отъ этого произошло, что я началъ и уроки учить и переводы переводить гораздо хуже прежняго.

Вихиревъ объяснялъ это одною моею лѣнью, взялся за свою плетку. Евсей и Павелъ начали надъ мною посмѣиваться и убѣждать перестать заниматься, говоря: «конечно, посѣчетъ нѣсколько разъ, да и отстанетъ; вотъ вѣдь мы теперь славно живемъ».

Не скажу, чтобы я вполне съ ними согласился, но между тѣмъ слова ихъ дѣйствительно запали мнѣ въ голову и понравились; я даже какъ-то сказалъ; а что и въ самомъ дѣлѣ не попробовать ли?

Къ несчастію моему, въ слѣдующіе днѣи десять Вихиревъ, хотя и видѣлъ мою неисправность, но не высѣкъ меня.

Мои благопріятели еще сильнѣе стали убѣждать меня: «вѣдь вотъ видишь, уже отстаешь».

Въ это время онъ узналъ, что я и въ классѣ началъ плохо отвѣчать.

Тогда Вихиревъ переговорилъ съ Лонгиновымъ обо мнѣ и, узнавши о совѣтахъ, которые давали его братцы, пришелъ къ нимъ на квартиру и всѣхъ насъ больно высѣкъ принесенною имъ плеткою.

Съ этого времени онъ сдѣлался чрезвычайно строгъ ко мнѣ. Въ то время та хитиш дозволенныхъ мнѣ ошибокъ состоялъ изъ четырехъ; если я ошибался въ переводѣ больше этого, или повторялъ замѣченныя мнѣ прежде ошибки, или плоховато зналъ урокъ, то непременно меня онъ сѣкъ, хотя бы это повторялось къ ряду нѣсколько днѣи, такъ что свѣжіе удары часто падали на мѣста, на которыхъ были ясныя слѣды вчерашняго сѣченія.

Не знаю—для чего, для того ли, чтобъ самому избѣгнуть упрека въ излишней строгости, или избавить меня отъ стыда, въ это время и послѣ Вихиревъ меня наказывалъ почти всегда на-единѣ.

Ему помогали въ этомъ случаѣ два обстоятельства. Какъ помощникъ старшаго, онъ могъ имѣть у себя въ рукахъ ключъ отъ своей комнаты и приходить въ нее не надолго во время класса одинъ.

Кромѣ того, ему, какъ отличному писцу, пользовавшемуся при-

томъ расположеніемъ обоихъ начальниковъ, они давали часто переписывать свои новыя проповѣди и разныя другія бумаги.

Чтобы ученики не знали содержанія переписываемыхъ сочиненій, Вихиреву позволялось сидѣть вечерами или въ философскомъ классѣ или въ теплой комиссарской кладовой, гдѣ хранились казенныя вещи и жилъ самъ комиссаръ.

Кладовая состояла изъ двухъ комнатъ съ толстыми дверями; изъ дальней комнаты при затворенныхъ дверяхъ ничего нельзя было слышать въ сосѣднемъ корридорѣ.

Въ этихъ-то трехъ мѣстахъ, преимущественно же въ кладовой, со мной Вихиревъ и расправлялся.

Къ нему я являлся утромъ до класса; онъ меня иногда прослушивалъ, но всегда оставлялъ у себя мой переводъ и прочитывалъ его часто безъ меня.

Если я оказывался виновнымъ, то онъ среди класса вызывалъ меня въ корридоръ и велъ въ свою комнату; я уже зналъ, что это значить. Приходили. Двери затворялись и даже запирались; плетка или лоза были уже готовы; давался совѣтъ не громко кричать, иначе будетъ и стыднѣе и больнѣе; по окончаніи экзекуціи, онъ давалъ время просушить мнѣ глаза, и потомъ мы уходили.

Но большею частію мнѣ приказывалось по окончаніи послѣобѣденнаго класса или въ праздники, или въ четвергъ послѣ обѣда, приходить въ кладовую.

Коммиссара въ это время почти никогда не бывало въ комнатѣ; тутъ Вихиревъ разбиралъ со мною мой переводъ, или требовалъ отчета по классу и тоже, въ случаѣ неисправности, принимался за лозу. Ею или плеткою онъ рѣдко здѣсь запасался; поэтому, если комиссаръ былъ дома, то онъ приносилъ лозу и кстати держалъ меня; а если его не было, то Вихиревъ запиралъ меня въ дальней комнатѣ, а самъ уходилъ за нужною вещью и возвратившись наказывалъ меня.

Если въ комнатѣ была свѣжая метла, то заставлялъ меня самого вырвать изъ нея потребное количество прутьевъ, связать ихъ и потомъ вручить ему лозу.

Тяжело было ждать, когда онъ уйдетъ за лозой или плеткою, прислушиваешься ко всякому глухому стуку въ корридорчикѣ; но

вотъ отворяется первая дверь, думаешь еще, не комиссаръ ли это; но вотъ слышишь, что первую дверь заперли; ясный знакъ, что будутъ сѣчь; отперли вторую; Вихиревъ взошелъ съ лозою или плеткою въ рукѣ, беретъ молча меня за плечо или за голову, кладетъ на скамью или на полъ, поспѣшно раздѣваетъ, и нашъ братъ принимайся вертѣться и кричать.

Но не знаю, едва-ли не тяжелѣе было самому на себя приготовить лозу, смотришь, бывало, на каждый вынутый изъ метлы пруть, думаешь вытащить похуже, а между тѣмъ попадаетъ со многими вѣтвями, свяжешь какою-либо мочалкою; надобно бы идти уже, все готово, но постоишь, какъ-будто поправляя перевязку, но все-таки, наконецъ, иногда услышавъ слова: «что же ты тамъ зазѣвался?» подойдешь и подашь въ руки ту злодѣйку, которая черезъ минуту или ранѣе будетъ такъ безпощадно разрисовывать мое обнаженное тѣло.

Въ концѣ высшаго класса и въ реторикѣ, когда Вихиревъ зналъ уже, что я не убѣгу, хотя бы и ждалъ сильной порки, онъ посылалъ иногда самого меня принести изъ саду лозу березовую или ивовую, или изъ акаціи, притомъ иногда съ прибавкою: «да смотри получше, иначе больнѣе будетъ, да при всѣхъ еще высѣку».

Такимъ образомъ житье на квартирѣ для меня не очень было привлекательно. Одна только пища заставляла меня не сожалѣть о казенномъ, гдѣ уже пошла въ ходъ экономія Кроткова, тогда какъ мы на квартирѣ въ скоромные дни покупали сами свѣжую говядину въ достаточномъ количествѣ, или употребляли вмѣсто нея окорока ветчины, которыми запасся Лонгиновъ.

И какъ хозяйка ни обкрадывала насъ, наши щи были несравненно лучше казенныхъ; о кашѣ и хлѣбѣ нечего и говорить; даже въ постные дни наша пища была сносная. Но зато чуть не во всѣхъ другихъ отношеніяхъ я долженъ былъ сожалѣть, что не живу въ семинаріи.

И потому, узнавши объ отмѣнѣ прежняго распоряженія, которое заставило меня перебраться на квартиру, я передъ Святками переговаривалъ съ Вихиревымъ о своемъ желаніи перебраться на казенное и получилъ въ отвѣтъ: «я и самъ объ этомъ думалъ, поговори съ отцомъ».

Не знаю, почему батюшка отложилъ рѣшеніе этого дѣла до своего прїѣзда въ Рязань съ благочинническими отчетами въ концѣ января.

Прїѣхавши и осмотрѣвши квартиру, онъ самъ началъ торопить меня перебраться на казенное, такъ какъ она ему показалась гадкою.

И я перебрался; пища въ это время была уже не та, какою подчивали въ половинѣ сентября предыдущаго года. Но я все-таки доволенъ былъ своимъ переходомъ. Вихиревъ съ первыхъ дней увидѣлъ, что я сдѣлался гораздо исправнѣе, впрочемъ приписывалъ это тому, что я находился подъ постояннымъ его надзоромъ. Но рѣдко наказывалъ меня въ общей комнатѣ, а большею частью въ комиссарской.

Бывало, разберемъ переводъ или разспросить о шалости и не-исправности, потомъ тихонько скажетъ: «вотъ я минутъ черезъ десять или полчаса пойду въ комиссарскую или въ философскій классъ, а ты потомъ тоже минутъ черезъ десять или полчаса приходи туда».

Иногда, особенно вечеромъ, прибавить: «принеси лозу, да по-лучше».

И пойдешь и принесешь и, возвратившись, сядешь на свое мѣсто, какъ-будто ничего не бывало, хотя боль отъ прежней порки еще не прекратилась. Какъ бы въ награду за свое терпѣніе, я, во второй разъ перебравшись на казенное, удостоился быть дѣйствующимъ или страдающимъ лицомъ въ такой сценѣ, которую мнѣ послѣ нигдѣ не удавалось встрѣчать.

Извѣстно, что въ послѣдній день Масляницы было, а отчасти и теперь есть, обыкновеніе прощаться другъ съ другомъ или лучше просить другъ у друга прощеніе во взаимныхъ обидахъ.

Равные или, по крайней мѣрѣ, не очень рѣзко различающіеся между собою по политическому своему положенію кланяются при прощаньи другъ другу въ ноги, цѣлуются и потомъ опять кланяются, приговаривая: прости меня грѣшнаго.

Многіе прихожане въ деревняхъ и даже въ городахъ, приходя къ священнику, приносятъ калачи, пряники, приготовляемые для

этого случая, продолговатые постные пироги, которые въ Рязани до сихъ поръ еще продаются на базарѣ въ послѣдніе дни Масляницы.

Священникъ, прощааясь съ прихожанами, самъ развѣ предъ почетнѣйшими изъ нихъ сдѣлаетъ земной поклонъ; онъ, яко отецъ духовный, только принимаетъ поклоненія. Въ монастыряхъ настоятель по окончаніи вечерни въ воскресенье становился посреди церкви; братія подходитъ къ нему попарно; кланяется въ ноги, цѣлуетъ въ руку, цѣлуетъ и въ уста и опять кланяется.

Архіереи прощаются съ народомъ въ соборѣ или въ крестовой церкви, а почитатели ихъ и болѣе важное духовенство приходятъ къ нимъ въ домъ и тамъ совершаютъ передъ ними поклоненія; но ни они, ни настоятели монастырей, разумѣется, сами не падаютъ ницъ, а изъ вѣжливости инымъ говорятъ: «простите и меня грѣшнаго или многогрѣшнаго».

Наши Иліодоръ и Гедеонъ въ началѣ 1824 г. были оба монахи, но не имѣли подчиненныхъ имъ монаховъ, и потому нашли необходимымъ насладиться нашими поклоненіями.

Вскорѣ послѣ обѣда намъ было объявлено, что по окончаніи ужина съ нами будутъ прощаться наши начальники въ столовой. Вмѣстѣ съ тѣмъ объясненъ и церемоніаль, по которому должно было прощаться; онъ былъ монастырскій.

Такъ какъ опасались, чтобы мы, училищные, не отступили отъ него въ чемъ-нибудь, то старшіе сдѣлали намъ репетицію.

Пришедши въ столовую, мы уже нашли тамъ Иліодора и Гедеона, поужинали, пропѣли потомъ, не знаю уже почему, пасхальные стихи: Да воскреснетъ Богъ и пр., и началась церемонія.

Оба начальника встали въ рядъ на разстояніи аршина другъ отъ друга.

Мы попарно подходили сначала къ ректору, кланялись въ землю, подходили къ благословенію, цѣловались съ нимъ, потомъ цѣловали вновь руку и дѣлали земной поклонъ, но словъ: «прости меня грѣшнаго» ни поклоняющіеся, ни принимавшіе поклоны не произносили.

Покончивъ съ ректоромъ, переходили къ инспектору. Я и забылъ сказать, что Иліодоръ сначала сказалъ приличное назиданіе; такимъ же назиданіемъ покончилъ всю церемонію.

Для насъ, мальчишекъ, она ничего не значила; велика бѣда поклониться въ ноги! Мы даже гордились тѣмъ, что намъ удалось расцѣловаться съ начальниками.

Но семинаристы, особенно богословы и философы, остались очень недовольны церемоніею.

Впрочемъ, едва-ли это произошло отъ чего-то похожего на благородную гордость; тутъ скрывалась другая причина.

Рѣдкому изъ нихъ въ этотъ день не хотѣлось не то, что проститься, а любезнѣе расцѣловаться съ рюмочкою или стаканчикомъ.

Но когда объявлено было о церемоніалѣ прощанья въ столовой, то надобно было воздержаться, иначе при лобзаніяхъ послѣ поклоновъ или ректоръ или инспекторъ могли по запаху догадаться о томъ, кто расцѣловался съ рюмочкою или стаканчикомъ.

Многіе даже полагали, что и вся церемонія придумана была съ тою цѣлью, чтобы казенщина въ самый пьянственный день въ году повоздержалась отъ водки.

Догадливый народъ успѣлъ и послѣ прощанья сдѣлать то, чему хотѣло помѣшпать начальство.

Впрочемъ, надобно сказать, что описанная мною здѣсь церемоніально-прощальная глупость послѣ уже не повторялась ни Иліодоромъ, ни Гедеономъ.

Два года, проведенные мною въ Рязани, имѣли весьма большое вліяніе на меня, на развитіе моихъ способностей, на научную сторону моего образованія. Не говоря уже о Вихревѣ и Родосскомъ, отъ которыхъ мнѣ многимъ пришлось позаимствоваться, я, живя на казенномъ, бывалъ при разговорахъ богослововъ и философовъ, знакомился съ тѣмъ, о чемъ въ Касимовѣ и не слыхалъ бы.

Затѣмъ и сами мы сообщали другъ другу то, что слыхали отъ своихъ туторовъ, братьевъ, дядей и пр., тоже семинаристовъ, но богослововъ и философовъ; взаимная передача мыслей, которыя мы выслушивали, а иногда и подслушивали у нихъ, распространяли кругъ нашихъ свѣдѣній.

Кромѣ того, мы тоже успѣли застаться и гоноромъ. Правда, насъ сѣкали больно и часто; подъ лозою, на полу, прижатымъ къ полу, связаннымъ или привязаннымъ къ скамьѣ съ головою и ру-

ками, закрытыми въ рубахѣ, какъ въ мѣшкѣ, обнаженнымъ болѣе, нежели на половину тѣла, разукрашеннымъ лентами, узорами и блестками на заднихъ мягкихъ частяхъ отъ поясницы до колѣнъ — намъ было не до форсу, но все это не очень насъ унижало въ нашихъ глазахъ; вѣдь всѣхъ если не сѣкли, то могли высѣчь.

А между тѣмъ, видя форсовитость учениковъ семинаріи, слушая, что семинаристы — молодцы, умнѣе гимназистовъ, люди ученые, мы свысока тоже смотрѣли и на самихъ себя.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, мои отношенія къ батюшкѣ и матушкѣ измѣнились къ лучшему.

Я уже говорилъ, что батюшка передъ переходомъ моимъ въ Рязанское училище очень былъ недоволенъ моими успѣхами, считалъ меня лѣнтяемъ и вслѣдствіе этого неласково и даже сурово обращался со мною; матушка любила меня, но часто напоминала, зачѣмъ я плохо учусь.

Жизнь мое въ Рязани помогло мнѣ уничтожить дурное о себѣ мнѣніе.

Батюшка узналъ отъ Вихирева и Родосскаго, что я имѣю хорошія способности и хоть полѣниваюсь при случаѣ, но все-таки принадлежу къ лучшимъ ученикамъ. Кромѣ того, батюшка, самъ очень хорошо знавшій латинскій языкъ, меня экзаменовалъ и видимо становился довольнѣе мною, тѣмъ болѣе, что я отчасти по начинавшейся проявляться любознательности, а иногда и изъ желанія угодить батюшкѣ и матушкѣ, читалъ находившіяся въ домашней нашей библіотекѣ книги. Такимъ образомъ ко мнѣ сдѣлались ласковы, отличали передъ сестрами, поручали иногда надзоръ за ними и за прислугою, меня всегда почти приглашали пить чай вмѣстѣ съ собою и сколько мнѣ угодно, тогда какъ прочимъ дѣтямъ, напившись сами, давали уже по чашкѣ.

Особенно же матушка, какъ говорится, души не слышала во мнѣ и находила множество случаевъ выразить свое расположеніе ко мнѣ то ласкою, то тѣмъ или другимъ лакомствомъ и пр.

Но, къ удивленію, а вмѣстѣ и къ неудовольствію моему, батюшка и матушка были ко мнѣ и ласковы и привѣтливы только въ тѣхъ случаяхъ, когда я былъ исправенъ.

Напротивъ, въ случаѣ моихъ шалостей и дурачествъ, дѣлались

гораздо строже прежняго. Пока я $3\frac{1}{2}$ года учился въ Касимовѣ, они меня не наказывали розгами; теперь же почти ни одного домашнего отпуска не проходило безъ того, чтобы меня и дома не пощёлки, а иногда, особенно въ лѣтнія каникулы, и не по одному разу, иногда даже и въ день или за день до самаго отъѣзда въ Рязань.

Дѣло едва-ли не состояло въ томъ, что имъ передалъ Вихиревъ свой, кажется, и справедливый взглядъ на мою особу, объяснивъ, что я всѣмъ хорошъ, только мнѣ не надобно давать зашаливаться, что я, замѣчая снисходительность къ себѣ и надѣясь на ненаказанность, расположенъ къ проказничеству; напротивъ, скорыя и сильныя энергическія мѣры держать меня въ стрункѣ.

По крайней мѣрѣ и дома со мной стали дѣйствовать по той же системѣ, которой держался Вихиревъ. Конечно, тутъ не бывало жестокихъ наказаній, но никогда лозу не брали въ руки, чтобы только почесать, пощекотать меня; нѣтъ, удары всегда были чувствительны; ими не шутили; когда ложился я на полъ и чувствовалъ, что меня обнажаютъ, я зналъ, что мнѣ будетъ больно, и вставалъ всегда съ заплаканными глазами. Потомъ черезъ полчаса и ранѣе дѣлались ко мнѣ также ласковы и пріятливы, какъ и прежде.

Мнѣ хотѣли прямо показать, что меня любятъ, любятъ очень, но потачки не дадутъ въ моихъ шалостяхъ и строго за нихъ возьмутъ.

Этой системы держались, какъ увидимъ, и тогда, когда я былъ въ семинаріи.

Наконецъ приблизилось то время, когда мы, проучившись два года въ высшемъ отдѣленіи Рязанскаго училища, должны были держать экзаменъ, чтобы поступить въ низшее отдѣленіе семинаріи, въ реторику. Экзаменъ этотъ происходилъ двоякимъ образомъ:

1) ученикамъ училища приказывалось являться въ семинарское правленіе, въ которомъ ихъ экзаменовали одни его члены, а прочіе наставники семинаріи считались недостойными такой чести.

Этотъ способъ очень нравился отцамъ-смотрителямъ, потому что отъ ихъ воли зависѣло дозволить тому или другому ученику ѣхать въ Рязань, чтобы явиться на экзаменъ.

Развѣ только немногіе изъ нихъ, честные чудаки, пропускали этотъ случай, не набивая своего кармана пѣнзями.

Смотрителя же, которые желали еще казаться честными, по крайней мѣрѣ, не совсѣмъ безсовѣстными взяточниками, продавали свое дозволеніе явиться на экзаменъ только посредственнымъ и слабымъ ученикамъ; перворазрядные же и лучшіе изъ второразрядныхъ отправлялись, не платя никакой пошлыны; кажется, этой методы держался высокопочтеннѣйшій архіерей касимовскій.

Но настоящіе взяточники, положившіе себѣ за правило безъ взятки не дѣлать никакого, даже вполне справедливаго, дѣла и потому дождавшіеся перехода учениковъ въ реторику, какъ лучшаго сѣнокоша, развѣ только лучшимъ изъ нихъ позволяли безданно безпошлинно перешагнуть этотъ Рубиконъ; а за прочихъ отцы расплачивались своимъ карманомъ.

Образчикомъ подобныхъ взяточниковъ можетъ служить преемникъ Поликарпа и Краснова, смотритель Касимовскаго училища, протоіерей Лазарь В . . .

Этотъ святой отецъ любилъ показать въ описываемомъ мною случаѣ своего рода взяточническое безпристрастіе и снисходительность, налагая пошлину на каждого ученика сообразно мѣсту, занимаемому отцомъ; высшая такса налагалась на священническаго сына, средняя — на дьяконскаго и низшая — на причетническаго; притомъ въ каждомъ разрядѣ были свои *maximum* и *minimum*, потому что доходы, получаемые духовными лицами, были не во всѣхъ селахъ одинаковы.

Мой дядя, дьяконъ Василій Саввичъ Молчановъ, долженъ былъ дать 30 руб., когда его сыну Матвѣю въ 1856 году нужно было поступить въ реторику; далъ, а сына правленіе семинаріи не приняло, отецъ же смотритель денегъ не возвратилъ; вѣдь онъ не ручался за переводъ и давалъ только право держать экзаменъ, такъ за что же разставаться съ 30 рублями?

Потомъ въ іюнѣ онъ своимъ выпекласснымъ позволялъ отправиться домой, чтобы выяснитъ ихъ отцамъ необходимость представить смотрителю предварительную благодарность за дозволеніе сыну отправиться въ Рязань.

2) Другой способъ перевода учениковъ въ семинарію состоялъ въ томъ, что въ училище посылался правленіемъ семинаріи ревизоръ, которыми преимущественно бывали ректоръ или инспекторъ,

но иногда кто-либо изъ наставниковъ семинаріи и который по своему усмотрѣнію переводилъ учениковъ въ семинарію.

Мѣсто ревизора, какъ говорится, имѣло свою пріятность. Такъ какъ противъ его распоряженій относительно переводимыхъ, или оставляемыхъ учениковъ не могло быть никакихъ серьезныхъ ни протестацій, ни апелляцій, то онъ, а ще совѣсть не зазреть, могъ налагать на ревизуемое училище контрибуцію. Не говорю уже о томъ, что ревизоры жили въ домѣ и на счетъ смотрителя, угощены были и сѣдомымъ и піемымъ до самаго нельзя, катались, по пословицѣ, какъ сыръ въ маслѣ, развѣ немногіе изъ нихъ не привозили съ собою домой гораздо болѣе денегъ, нежели сколько ихъ брали при своемъ отъѣздѣ.

Одни, не желая имѣть дѣло съ мальчонками или ихъ отцами, знали одного отца-смотрителя, который и дѣлалъ посильное приношеніе при прощаньи съ своимъ милостивцемъ.

Другіе, довольствуясь угощеніемъ училищнаго начальства, не спускали зато мальчонкамъ, которыхъ нужно было переводить изъ класса въ классъ, особенно въ реторику.

Третьи наконецъ соединяли ту и другую методы.

О взяточничествѣ, которымъ пятнали себя начальники семинаріи при переводѣ учениковъ въ реторику, я имѣю много свѣдѣній; укажу на нѣсколько примѣровъ.

Когда моего дядю Василія Мартыновича слѣдовало бы перевести въ реторику, а онъ между тѣмъ былъ очень плохихъ успѣховъ, то дѣдушка послалъ батюшку въ Рязань, чтобы какъ-нибудь помочь бѣдѣ.

Батюшка по возвращеніи успокоилъ дѣдушку и сказалъ, что дѣло сдѣлано.

Сколько денегъ и кому дано не знаю, но хорошо помню, какъ батюшка говорилъ о большомъ зажигательномъ стеклѣ, подаренномъ тогдашнему инспектору семинаріи С у

Пришелъ я, рассказывалъ онъ, къ С у къ вечеру, солнце уже близко было къ закату, и просилъ принять стекло.

С. взялъ и сказалъ: а вотъ мы его и попробуемъ, и, наложивши табаку въ трубку, хотѣлъ отворить окно, чтобы закурить ее.

Но батюшка совѣтовалъ не беспокоиться и закуривать прямо сквозь стекло. И когда опытъ вполнѣ удался, то С. очень былъ доволенъ и благодаренъ, приговаривая: «вотъ такъ стекло! ну, благодарю, благодарю». Потомъ, живя на казенномъ вмѣстѣ съ учениками реторики, я слыхалъ о томъ, какъ Полотебновъ, ревизуя въ 1822 г. училища, только однихъ сиротъ переводилъ въ семинарію безъ всякой мзды, а прочіе, хотя бы они были и лучшими учениками, должны были купить свой переводъ; спуску не было никому.

Наконецъ нельзя не заподозрить въ небезкорыстномъ снисхожденіи, которое выказывалъ Гедеонъ къ нѣкоторымъ изъ переводимыхъ учениковъ въ ретику. Между нашими товарищами были два молодца: Истинскій и Катагощинъ; первый рѣшительно ничѣмъ не занимался и былъ только лучшимъ кулачнымъ бойцомъ, а второй отличался полною бездарностью и, занимаясь, ни въ чемъ бы не могъ успѣть. О томъ, что они перейдутъ въ ретику, никто изъ насъ и не думалъ.

Истинскій былъ даже послѣднимъ въ классѣ и на экзаменѣ почти ничего не отвѣчалъ. Но, возвратившись послѣ каникулъ, мы удивились, что тотъ и другой переведены въ ретику; отцы ихъ, люди богатые, умѣли умиловить Гедеона, разумѣется, не одними словами. Оба эти молодца и въ реторикѣ ничего не дѣлали, но опять оба были переведены въ философію; тутъ уже слѣдовало дать взятку не одному Гедеону, но и Иліодору.

Отецъ Катагощина, кажется, любилъ оплачиваться за разъ передъ самымъ переводомъ изъ класса въ классъ, но отецъ Истинскаго поддерживалъ благоволеніе семинарскаго начальства къ себѣ въ теченіе всего курса.

Онъ, какъ намъ было извѣстно отъ сына, всякій разъ, бывши въ Рязани, что-либо привозилъ къ Иліодору и Гедеону.

Не жалѣйте, впрочемъ, г. читатель объ отцахъ-смотрителяхъ, которые такъ много должны были тратить денегъ и на угощеніе ревизоровъ, и на посильныя имъ напутствованія.

Ревизія обыкновенно назначалась большею частію года черезъ четыре, въ теченіе которыхъ сообразительный смотритель изъ эк-

стренныхъ доходовъ могъ составить порядочный запасецъ на экстренные расходы.

Уже въ шестидесятыхъ годахъ случилось событіе, подтверждающее мои слова.

Ревизіонные комитеты, составлявшіеся для образованія ежегодныхъ отчетовъ по экономической части въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, имѣли право повѣрять наличныя денежныя суммы ихъ.

На этомъ основаніи смотритель Данковскаго духовнаго училища протоіерей Ѳеодоръ Семеновичъ С . . . принесъ училищную сумму въ ревизіонный комитетъ.

При этомъ члены его, зная вполнѣ, что классы никогда не отапливаются, да и на жилыя ученическія комнаты дрова отпускаются не слишкомъ щедрою рукою, осмѣлились сказать отцу-смотрителю: «вотъ у васъ по отчетамъ показанъ расходъ дровъ на отопку печей въ классахъ и въ жилыхъ ученическихъ комнатахъ, а вѣдь всѣмъ извѣстно, что первые вовсе не отапливаются, да и во вторыхъ тепла бываетъ немного».

С., нисколько не конфузясь, отвѣчалъ: «да, это правда, да что же прикажете мнѣ дѣлать? Вотъ пріѣдетъ ревизоръ; откуда я возьму деньги на его угощеніе? и пр.»

Нѣкоторые же ректоры семинаріи иначе давали возможность смотрителямъ покрывать расходъ при ревизіяхъ. Вотъ вамъ образчикъ въ этомъ родѣ.

Послѣ того, какъ съ начала пятидесятыхъ годовъ введены были такъ называемые нормальные штаты по духовнымъ училищамъ и семинаріямъ, правленіе семинаріи или лучше ректоръ напередъ рассчитывалъ, по скольку учениковъ можно будетъ перевести изъ каждаго училища въ семинарію.

Въ 1854 году тогдашній ректоръ Рязанской семинаріи, архимандритъ Антоній, экзаменуя учениковъ высшаго отдѣленія одного изъ рязанскихъ духовныхъ училищъ въ томъ порядкѣ, какъ они записаны были въ составленномъ смотрителемъ спискѣ, и увидавши, что предварительно назначенное имъ число учениковъ для реторики уже набралось, сказалъ: «ну, довольно, больше экзаменовать не буду, потому что уже набралось столько, сколько можно перевести; прочіе пусть остаются въ томъ же классѣ».

Услыхавши этотъ приговоръ, три или четыре изъ неспрошенныхъ еще учениковъ вышли къ столу, за которымъ сидѣло его высокопреподобіе, и осмѣлились просить его поэкзаменовать и ихъ, прибавляя: «мы во всѣ два года сидѣли и въ послѣднихъ спискахъ у учителей стояли выше такихъ-то и такихъ-то учениковъ, которыхъ вы переводите въ реторику, на экзаменахъ отвѣчали тоже лучше ихъ, но смотритель, не знаемъ почему-то, насъ записалъ ниже; поэкзаменуйте насъ пожалуйста; вы сами увидите, что говоримъ правду».

Одинъ учитель успѣлъ даже подтвердить слова учениковъ, другой было тоже началъ свою защитительную рѣчь, но отецъ ректоръ съ негодованіемъ закричалъ: «что это такое? Какъ смѣете жаловаться на своего начальника? Вы вздумали учить его? Вотъ я васъ!»

Затѣмъ порядочный нагоняй и учителямъ за то, что осмѣлились поддерживать притязанія бунтовщиковъ. А потомъ, обратясь къ смотрителю, сказалъ: «Вы, Иванъ Петровичъ, плохо за ними смотрите, очень къ нимъ снисходительны; видите, до какой дерзости они дошли? Прикажите-ка сейчасъ принести розогъ, я имъ покажу, что значить бунтовать противъ начальства!» Розги скоро явились; бунтовщики примѣрно были высѣчены.

Потомъ ректоръ, обратившись къ ученикамъ, съ улыбкою спросилъ: «ну, не хочетъ ли еще кто поэкзаменоваться; пусть выходитъ».

Разумѣется, охотниковъ не нашлось. Но зато смотрителя очень хорошо поняли, что имъ до прибытія еще ревизоровъ можно поживиться отъ учениковъ, которые пожелаютъ быть первыми записанными.

Какъ тутъ къ отцамъ ректорамъ и инспекторамъ не приложить пословицы: рука руку моетъ? Только конецъ ея надо немножко измѣнить, потому что объ данномъ случаѣ бываютъ не очень чисты.

Обращаюсь теперь къ нашему переводу въ реторику. Къ намъ примѣнили второй его способъ и назначили ревизоромъ Гедсона. Надобно сказать, что мы очень побаивались экзамена и имѣли причины на это. Жестокія наказанія Василя Петровича, на которыхъ онъ щедръ былъ во второй годъ нашей вышеклассной жизни, не дѣлали насъ свѣдущими въ преподаваемыхъ имъ предметахъ.

Да и удивляться тутъ нечему. Вѣдь онъ насъ не училъ, а игралъ съ нами, такъ сказать, въ ученіе, мы читали у него уроки съ толкомъ по учебнику, часто списывали переводы съ греческой библіи.

Притомъ ни за уроки, ни за переводы насъ не наказывалъ даже стояньемъ на колѣняхъ; всѣ экзекуціи назначались за какія-либо шалости. И мы по-прежнему въ классѣ не занимались ни греческимъ языкомъ, ни ариметикою, ни священною исторію, ни катехизисомъ; по этимъ предметамъ не только отличаться, но и отвѣчать удовлетворительно не было надежды.

Съ другой стороны, конечно, Родосскій и самъ хорошо зналъ свои предметы и училъ насъ прилежно и настойчиво, и вдобавокъ неумолимо взыскивалъ съ насъ за учебныя неисправности, и потому мы дѣйствительно оказали очень удовлетворительные успѣхи какъ въ латинскомъ, такъ и въ географіи.

Но тутъ грозила намъ другая бѣда. Иліодоръ не поладилъ съ Гесевскимъ и вслѣдствіе того не взлюбилъ Родосскаго, какъ зятя его.

Семинаристы намъ передавали, что ректоръ рѣшился Родосскаго выжить изъ училища, и съ этою цѣлью Гедеонъ похлопочетъ о томъ, чтобы насъ конфузить или, какъ мы говорили, сбивать на экзаменѣ.

Какъ же намъ послѣ этого было не трусить?

И, дѣйствительно, пришедши къ намъ въ первый день на экзаменъ, Гедеонъ показался очень строгимъ, даже суровымъ.

Экзаменъ начался съ латинской грамматики. Заставляли сначала прочитатъ какое-либо правило, а потомъ ревизоръ давалъ устныя локуціи.

Отвѣты оказывались большею частью удовлетворительными. Кажется, въ третій день онъ принесъ сочиненія Лактанція и заставлялъ насъ переводить изъ нихъ статьи, по нашему выраженію, безъ подготовкы. Уже и во второй день мы замѣтили, что Гедеонъ сталъ помягче и поласковѣе, нежели какимъ былъ въ первый разъ.

Въ третій же день, когда восемь человѣкъ переводили Лактанція, почти вовсе не встрѣчая неизвѣстныхъ словъ, переводили

скоро и правильно, Гедeonъ, съ улыбкою обратившись къ Родосскому, сказалъ: «у васъ, Степанъ Егоровичъ, по-латыни знаютъ хорошо, право хорошо, благодарю васъ».

Съ тѣхъ поръ экзамены наши пошли уже, какъ говорится, шатя-валя.

Ревизоръ, довольный отвѣтами по латинскому языку, который тогда считался главнѣйшимъ предметомъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, смотрѣлъ уже сквозь пальцы на отвѣты наши по прочимъ предметамъ, и 60 человекъ изъ насъ перешло въ семинарію и разстались съ Родосскимъ и Василиемъ Петровичемъ.

Хотя первый до самаго послѣдняго дня держалъ насъ въ ежовыхъ рукавицахъ, мы все-таки любили его, чувствуя пользу, которую отъ него получили, можетъ быть, и не безъ боли; переводный же экзаменъ еще болѣе поднималъ его въ глазахъ нашихъ; мы видѣли, что его предметы насъ выручили и открыли намъ дорогу въ семинарію.

И потому, будучи уже въ реторикѣ, мы всегда при встрѣчѣ съ нимъ ему кланялись, тогда какъ Василию Петровичу почти никогда этого не дѣлали; а иногда, проходя мимо его и какъ-бы продолжая свой разговоръ, произносили вслухъ слово: козель.

Даже и теперь, не одобряя жестокаго и суроваго обращенія Родосскаго съ нами, я считаю себя обязаннымъ ему относительно своего умственного развитія, особенно относительно свѣдѣній изъ географіи, и потому нерѣдко хожу къ своему старому учителю (1870 г.). Старику это очень пріятно.

Не только я, но и всѣ мои товарищи, которыхъ перевели въ реторику, были въ восторгѣ отъ этого своего повышенія.

Во-первыхъ, насъ восхищало, что мы теперь уже семинаристы, ученики семинаріи, а не бурсаки, не уличные мальчишки. Потомъ, разумѣется, надѣялись, что съчъ розгами насъ уже не будутъ.

Правда, мы знали, что реторовъ, а иногда будто-бы философовъ, секретно Іеронимъ и даже Полотебновъ сѣкли, да еще какъ? въ правленіи.

Про Иліодора и Гедeона тоже поговаривали, но реторы, не желая себя унижать, отвергали эти слухи или говорили, что вѣдь

это дѣлается за важныя вины и притомъ предлагаютъ быть исключеннымъ или высѣченнымъ.

Но уже мы знали навѣрное, что профессоръ въ классѣ не сѣкутъ за уроки.

Тѣ, у кого, какъ у меня, были таторы или братья въ богословіи, могли менѣе быть увѣренными въ своей безнаказанности, потому что намъ уже извѣстно было, что таторы-богословы сѣкутъ реторовъ на обѣ, какъ у насъ выражались, корки или на славу; многіе наши товарищи сами бывали тому свидѣтелями, а иногда держали или сѣкали реторовъ.

На послабленіе со стороны Вихирева я всего менѣе могъ разсчитывать; но чего сильно желаешь, на то и надѣешься; и я думалъ, что мой таторъ не станетъ меня въ комиссарской по-прежнему знакомить съ плеткою или лозою.

Къ этому были и поводы. Въ послѣднюю треть въ высшемъ отдѣленіи онъ меня почти вовсе не сѣкъ, а съ другой стороны, будучи доволенъ моими успѣхами, еще болѣе прежняго полюбилъ меня.

На счетъ домашняго житія я еще былъ болѣе увѣренъ.

Въ высшемъ классѣ и батюшка и матушка говаривали при наказаніяхъ за шалости, что пора мнѣ перестать шалить, что я вотъ скоро поступлю въ реторику, что тамъ уже стыдно быть сѣченнымъ, а иногда даже выражались: «что жъ, развѣ тебя и тамъ надобно будеть сѣчь?» и пр.

Я и выводилъ заключеніе, что въ Тумѣ съ меня, растянувагося на полу спиною вверхъ, не стануть снимать подштанниковъ. Неудивительно, что при этихъ мысляхъ я шелъ домой въ самомъ веселомъ расположеніи духа.

Со мною были два письма отъ Родосскаго и Вихирева. Поздоровавшись со всѣми домашними, я вручилъ батюшкѣ оба письма и слѣдилъ за чтеніемъ ихъ. Батюшка, прочитавши письмо Вихирева, не утерпѣлъ, подозвалъ меня къ себѣ и поцѣловалъ, то же сдѣлалъ и по прочтеніи письма Родосскаго, и тотчасъ велѣлъ поставить самоваръ, чтобы поздравить, какъ говорилъ, новаго ретора.

Ему понравилось также, что я принесъ съ собою книжку съ 12-ю рѣчами Цицерона, переводомъ которыхъ я и занимался въ

свободное отъ работъ время. Разговаривая со мною, батюшка и матушка совѣтовали мнѣ или лучше выражали надежду, что теперь мнѣ остается не дѣлать только шалостей: «теперь съѣхъ тебя уже не годится, по крайней мѣрѣ, тебѣ уже очень будетъ стыдно».

Чтобы, такъ сказать, отличить меня отъ другихъ дѣтей, мнѣ съ этихъ поръ на лѣтнія каникулы отдавали для житія отдѣльную нашу горницу, называвшуюся хоромами, гдѣ было четыре комнаты: прихожая, зала, спальная и кладовая.

Послѣдняя была всегда заперта, но первыя три были въ полномъ моемъ распоряженіи. Въ залѣ стоялъ шкафъ съ книгами.

Я былъ очень доволенъ, но скоро надѣлалъ глупостей отъ своей шаловливой, драчливой, неугомонной натуры.

Слѣдующій воскресный день былъ очень ненастенъ, и мнѣ хотѣлось поиграть; я предложилъ своимъ сестрамъ, а также Татьянѣ и Натальѣ отправиться въ дворническую пустую избу играть въ жмурки, но вмѣстѣ пригласить туда ихъ подругъ; насъ набралось человѣкъ до 15-ти.

Батюшка и матушка отдыхали послѣ обѣда; поэтому намъ былъ полный просторъ стучать и шумѣть. Матушка, вставши и не видя насъ никого, вышла на дворъ и, услышавши шумъ, пришла къ намъ и застала игру въ разгарѣ.

Я, впрочемъ, уставши уже довольно, не игралъ, а сидѣлъ на казенкѣ. Намъ всегда запрещалось зазывать къ себѣ гостей, а тутъ еще прибавился шумъ и гамъ, поэтому сборище наше не понравилось. Я, впрочемъ, оправдался тѣмъ, что я, тоже услышавши шумъ, пришелъ недавно въ избу, не игралъ, а сѣлъ посмотрѣть; ни сестры, ни Татьяна съ Наташей меня не выдали. Ихъ порядочно пожурили, постращали болѣе чувствительнымъ наказаніемъ, если подобная шалость повторится, а мнѣ замѣтили, что я, какъ поумнѣе ихъ, напрасно не разогналъ ихъ. — «Да они меня не послушали бы?» сказалъ я.

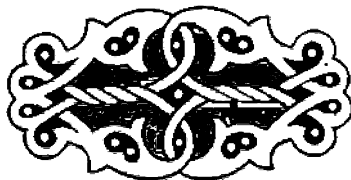
«Какъ же тебя онѣ смѣютъ не слушаться?» отвѣтили мнѣ, а имъ всѣмъ тутъ же съ угрозою прибавили, чтобы они слушались меня. Такимъ образомъ, дѣло, грозившее мнѣ непріятностью, возвысило мой авторитетъ.

Матушка своимъ приходомъ помѣшала приготовленному-было

мною сюрпризу для игравшихъ со мною. Въ Рязани я досталъ маленькую дѣтскую пушку и пороху и обѣщался по окончаніи жмурокъ показать, какъ стрѣляютъ изъ пушки и какъ дѣлаются разныя другія штуки посредствомъ пороха; особенно я много наговорилъ о томъ, какъ хорошо смотрѣть и слушать, когда, насыпавъ дорожку изъ пороху нѣсколько влажному, разложить по ней пустые орѣхи,—такъ называемые свищи.

Д. И. Ростиславовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЗАПИСКИ Д. И. РОСТИСЛАВОВА.

профессора С.-Петербургской духовной академіи.

XXXIII ¹⁾).

О Рязанской семинаріи прежде моего поступленія.

Во многих мѣстахъ я уже говорилъ о Рязанской семинаріи, о ея начальникахъ Іеронимѣ, Полотебновѣ, Иліодорѣ, Гедеонѣ, о томъ, какъ по неволѣ захватывали дѣтей духовныхъ лицъ въ нее чрезъ земскую полицію и пр. и пр., но за всѣмъ тѣмъ, по сообщеннымъ мною свѣдѣніямъ, читателю еще нельзя составить полного и яснаго понятія о древнемъ ея состояніи, особенно по ученой и нравственной части. Вотъ почему нахожу нужнымъ поговорить еще о ней, тѣмъ болѣе, что безъ этого въ нѣкоторыхъ мѣстахъ будетъ не совсѣмъ понятно мое описаніе семинаріи въ томъ видѣ, въ какомъ она находилась, когда я въ ней обучался.

Прежде всего, до такъ называемаго преобразованія семинаріи въ 1815 г., духовно-учебныя заведенія въ епархіяхъ не раздѣлялись на семинаріи, уѣздныя и приходскія училища; были въ каждой епархіи только однѣ семинаріи, но заключали въ себѣ всѣ классы, которые послѣ отчислены къ училищамъ. Начальство семинаріи состояло изъ ректора и префекта. Первый былъ главный начальникъ семинаріи, а послѣдній—то же, чѣмъ нынѣшній инспекторъ. Но въ надзорѣ за нравственностью учениковъ инспектору обязаны были помогать всѣ

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1893 г., т. LXXVIII, апрѣль.

учителя, которые и имѣли право налагать наказанія по крайней мѣрѣ за проступки, сдѣланные учениками въ классѣ. Затѣмъ изъ богослововъ выбирался самый лучший ученикъ и подъ названіемъ сеніора былъ въ родѣ помощника инспектора, и имѣлъ надзоръ за всѣми семинаристами. Затѣмъ ученики каждаго класса, живущіе на казенномъ, подчинены были особенному старшему, тоже изъ богослововъ, называвшемуся пріоромъ. Власть сеніора была очень обширна: онъ имѣлъ право по личному своему усмотрѣнію наказывать розгами учениковъ всѣхъ классовъ до реторики включительно. Пріоръ имѣлъ такую же власть надъ своими подчиненными, если только они не были философами или богословами. Относительно реторовъ и сеніоръ и пріоръ не всѣ и не всегда дерзали пользоваться своими правами, но съ учениками низшихъ классовъ не церемонились; о нихъ мало докладывали и инспектору, а расправлялись сами. Присоедините сюда ректора и инспектора, которые уже безъ всякихъ апелляцій имѣли право лозы и плетей надъ всѣми безъ исключенія семинаристами. Даже сами солидные богословы и философы по мановенію ректора или инспектора растягивались на полу, два или четыре служителя помогали имъ лежать спокойно, а правленская двухвостка или трехвостка разрисовывала педагогическую часть ихъ тѣла.

Невесело было лежать семинаристамъ подъ плетями и розгами; но и безъ того житіе ихъ не отличалось удобствами и въ другихъ отношеніяхъ. Я скажу о деревушкѣ, которая выстроена была въ Рязани для семинаристовъ, а теперь опишу внутренность избъ, изъ которыхъ она состояла и въ которыхъ помѣщались казеннокоштные ученики. Въ этихъ избахъ мебель состояла изъ рундуковъ или залавковъ вдоль всѣхъ стѣнъ. Это было, если смотрѣть сверху, не что иное, какъ лавка, столь обыкновенная и доселѣ въ крестьянскихъ избахъ; пространство между лавкою и поломъ къ срединѣ комнаты закрыто было досками; такимъ образомъ составлялись вдоль всѣхъ стѣнъ ящики, которые раздѣлялись на множество частей, съ дверцою въ каждую. Сюда казеннокоштные ученики какъ бы въ свои сундуки клали разные свои вещи. Затѣмъ по двумъ продольнымъ стѣнамъ стояли длинныя плоскіе столы, которые обыкновенно употребляются въ большихъ солдатскихъ и ученическихъ столовыхъ;

съ другой стороны этихъ столовъ стояли скамьи; все, разумѣется, грубой, топорной работы. Въ промежуткѣ между столами оставалось пространство для учителя, для возни и кулачныхъ боевъ учениковъ, для стоянья на колѣнахъ и для экзекуцій. Это устройство то же самое, какое у насъ было въ Касимовскомъ училищѣ, съ тѣмъ только различіемъ, что учитель въ Рязани сидѣлъ не на простой лавкѣ, а на рундукѣ, и кромѣ того въ Касимовѣ ученики занимали свои избы только во время классовъ. При каждомъ классѣ въ сѣняхъ была еще особая комната, которая и называется холодною реторикою, философіею и пр., смотря потому, къ которому классу она причислялась; въ нее ученики ставили свои сундуки и на день выносили свои постели, т. е. войлоки и подушки. Ночью же постели вносили въ теплую реторику, философію и пр., и ученики располагались спать кто на рундукахъ, кто на столахъ. Кромѣ того, лѣтомъ для умыванья висѣлъ рукомойникъ, гдѣ-либо въ сѣняхъ съ неизбежною для него лоханью; но въ зимнее время рукомойникъ съ лоханью помѣщались уже въ самой классной комнатѣ. Объ опрятности въ такихъ компатахъ смѣшно даже и думать; грязи въ нихъ было столько, сколько могло набраться и удержаться со времени постройки самыхъ избы. Ихъ даже и мыть открывалась возможность развѣ только въ каникулярные дни; во всякое другое время они постоянно переполнены были народомъ. Еще смѣшнѣе думать о чистотѣ воздуха въ этихъ уже не комнатахъ, а какихъ-то логовищахъ. Въ учебные дни сидитъ въ нихъ около 6—8 часовъ не менѣе 40, а въ нѣкоторыхъ классахъ даже до 100 человѣкъ, слишкомъ не отличавшихся опрятностью. Въ прочіе часы дня тутъ же остается 20—30 человѣкъ на постоянное жительство, тутъ же и спать по лавкамъ и столамъ. Прибавьте сюда лохань съ помоями... О форточкахъ тогда даже едва-ли и понятіе имѣли. Что же это такое было, судите сами и подивитесь тому, какъ въ этой атмосферѣ зловонія жили люди! Но тутъ жили не одни люди; съ ними и на нихъ помѣщалось, право, иногда чуть не безчисленное, по крайней мѣрѣ — трудно исчислимое множество пасѣкомыхъ, почти неразлучныхъ спутниковъ неопрятнаго русскаго человѣка. Клещи находили себѣ пріютъ и въ щеляхъ бревенъ, и во мху между ними, и въ залавкахъ; объ истребленіи ихъ нечего было и думать; блохамъ

было раздолье по полу и въ войлокахъ; затѣмъ и собственное бѣлье учениковъ было штабъ-квартирою третьяго рода насѣкомыхъ, которыя любятъ ютиться какъ можно ближе къ тому тѣлу, котораго кровью питаются. Потомъ у учениковъ были изъ животнаго царства болѣе крупныя животныя, которыя дѣлали имъ много хлопотъ и заботъ. Крысы любятъ возиться даже въ тѣхъ комнатахъ, гдѣ не держатъ никакого сѣстнаго. Но у старинныхъ казеннокоштныхъ учениковъ Рязанской семинаріи былъ для нихъ большой складочный магазинъ хлѣбныхъ запасовъ. По премудрому распоряженію начальства, каждому изъ семинаристовъ отвѣшивали извѣстное число фунтовъ хлѣба, и онъ самъ уже долженъ былъ сохранять его и носить въ столовую. Такимъ образомъ, крысамъ было чѣмъ поживиться въ ученическихъ комнатахъ или, лучше, залавкахъ, куда все складывалось. Тутъ дѣло доходило иногда до того, что какой-либо бѣднякъ принужденъ былъ просить насущнаго хлѣба у своихъ товарищей, потому что его собственный былъ сѣденъ, общимъ ихъ прожорливымъ врагомъ. Послѣ этого понятно, почему, какъ только наступала сносная теплая погода и продолжалась, семинаристы выбирались на ночь изъ своихъ синтаксисъ, реторикъ, философій и пр. на чистый воздухъ и здѣсь на дворѣ, постлавши свой войлочекъ, отдавались въ объятія Морфея подъ открытымъ небомъ. Только иногда, не догадавшись вечеромъ разсчитать, что ночью будетъ дождь, они просыпались частенько подъ ливнемъ, измоченные, и съ шумомъ въ общей суматохѣ искали защиты въ своихъ комнатахъ. На чердакахъ, въ стѣнахъ и холодныхъ своихъ реторикахъ, философій и пр. они не любили спать, потому что тутъ ихъ беспокоили почти также всѣ тѣ существа, которыя не позволяли имъ спать въ комнатахъ.

Пища казеннокоштныхъ учениковъ не могла быть хорошею даже потому, что на этотъ предметъ назначалась очень небольшая сумма; но и по издавна заведенному обычаю на святой Руси распорядители умѣли и отъ нея отдѣлать порядочную частичку въ свои карманы. Я уже описывалъ, какъ насъ кормили на казенномъ, но когда бывало станешь жаловаться на дурное свое содержаніе, то старики, посмѣиваясь и покачивая головою, говаривали: «Эхъ, молодежь, мо-

лодежь! Плоха у васъ пища! Попробовали бы вы жить на той пищѣ, которою насъ кормили!»

Но нужда научить ѣсть не одни калачи, а всякую всячину, которая попадется подъ руку. Рязанскіе голодные семинаристы, какъ народъ изобрѣтательный, какъ голь, хитрая, по пословицѣ, на выдумки,—старались и сами добывать себѣ съѣстные припасы. Нѣкоторые смѣльчаки въ этомъ случаѣ дѣлали нападенія на собственность даже своего начальства. Я уже сказалъ, что для ректора существовалъ тогда особый домъ, который отъ общаго семинарскаго двора отдѣлялся деревяннымъ заборомъ. Бывшій ректоромъ, архимандритъ Антоній, любилъ водить у себя куръ. Пользовался онъ ихъ одними яйцами, дерзалъ ли иногда и на бѣлое ихъ мясо, положительно не могу сказать. Но семинаристы въ послѣднемъ случаѣ ему оказывали очень дѣятельное пособіе. Прямо воровать куръ, перелѣзши заборъ, было опасно; сразу поймають, тѣмъ болѣе, что схваченная курица или пѣтухъ закричатъ и обратятъ вниманіе прислуги. Семинаристы производили свою охоту иначе. Они доставали покрѣпче удочку, привязывали ее къ тоненькой веревочкѣ и, наложивъ на крючокъ приманку, перебрасывали ее черезъ заборъ. Курица, а иногда и пѣтухъ хватали приманку, крючокъ зацѣплялся гдѣ-нибудь во рту; тогда охотникъ при помощи веревочки тащилъ свою добычу, которая, конечно, билась крыльями, но крючокъ большею частью отнималъ у нея возможность кричать. И ректоръ и прислуга его долго не догадывались, куда это пропадаютъ у нихъ куры; подозрѣвали, конечно, семинаристовъ, слѣдили за ними, не перелѣзетъ ли кто-либо черезъ заборъ, не станетъ ли ловить куръ; но ничего не могли подмѣтить. Однажды какъ-то самъ ректоръ сидѣлъ у окна, смотрѣлъ на куръ, бѣгавшихъ по двору. Вдругъ онъ замѣтилъ, что одна курица замахала крыльями, но между тѣмъ по неволѣ двигается къ забору; потомъ начала подниматься какою-то невидимою силою поперекъ него и наконецъ скрылась; тутъ только его высокопреподобіе узналъ, куда дѣвались его куры и пѣтухи.

И до этого открытія семинаристамъ нельзя было утолять свой голодъ однѣми ректорскими курами; птичникъ его высокопреподобія далеко не соотвѣтствовалъ числу голодныхъ желудковъ; послѣ же открытія уженья куръ удочками добыча совершенно прекратилась.

Но и прежде и послѣ этого событія семинаристы употребляли другой способъ добывать себѣ мясную пищу. Въ то время жители Рязани любили въ домахъ своихъ разводить то четвероногое, которое за-прещено евреямъ и магометанамъ употреблять въ пищу. Почему же не попользоваться не только поросятишкою, но и свининкою. Отставшіе отъ своей мамыши поросята и забѣжавшіе на семинарскій дворъ рисковали своею жизнію и могли попасть на жаркое ученой братіи. Иногда и цѣлое свиное семейство, не исключая даже мамыши, исчезало на семинарскомъ дворѣ.

Семинаристы заботились и о рыбной пищѣ. Къ этому ихъ особенно побуждало то обстоятельство, что частенько лучшая, чуть не единственная ихъ пища, кромѣ хлѣба, состояла изъ лука съ квасомъ или изъ кваса съ лукомъ въ Петровъ постъ. Въ этомъ отношеніи они тоже любили пожить на счетъ своего начальства, какъ и при добываніи курятины. Архіепископъ С и м о н ъ въ Павловской своей рошѣ вырылъ три пруда, въ которые и впущена была рыба. Она со временемъ очень расплодилась, и владыка нерѣдко дарилъ ее своимъ знакомымъ и любимцамъ. Даже когда я уже учился въ Рязани, еще много водилось рыбы въ прудахъ, хотя они уже значительно обмелѣли и затянулись тиною. Сюда-то семинаристы отправлялись на рыбную ловлю. Для этого избиралась темная и при томъ дождливая ночь. Не доходя до пруда, посылали для рекгноспировки осмотрѣть, нѣтъ ли вблизи него караульнаго, съ которымъ впрочемъ люди подогладливѣе напередъ сговаривались. Убѣдившись, что нѣтъ никакой стражи, рыболовы входили въ прудъ съ хорошимъ бреднемъ; прошедши саженой десять вдоль берега, вытаскивали его, но брали только крупную рыбу, а мелочь пускали опять въ прудъ. Рыбы такъ много водилось, что иногда одна тonya доставляла достаточное количество ея для ухи рыболовамъ не на одинъ день. Потомъ главная забота состояла въ томъ, чтобы не оставить никакихъ слѣдовъ своего пребыванія.

Архіерейскіе пруды могли истощиться; надобно было пожалѣть своего владыку. Тутъ вспоминали, что около Рязани у помѣщиковъ есть тоже рыбные пруды; особенно замѣчательны были въ этомъ отношеніи пруды въ селахъ Голенчинѣ, Храповѣ, Никуличахъ и пр. Рыбы тутъ было не менѣе, нежели въ архіерейскихъ прудахъ; по

качеству своему она была даже лучше; въ иныхъ водились даже стерляди. Притомъ и ловли долго считались безопаснѣе, нежели въ Павловской рошѣ. Въ каждомъ селѣ жилъ помѣщикъ и его крестьяне; ну можно ли было подумать, что послѣдніе осмѣлятся воровать рыбу у своего барина, который безъ суда и слѣдствія могъ ихъ отпороть такъ, что самому небу было бы жарко. Мѣстное духовенство также имѣло много причинъ не ссориться съ баринкомъ. А о рыболовахъ изъ Рязани и не думали. А они-то втихомолку и пробирались частенько туда. Одно только было дурно, что села, особенно Храпово, находилось далеко отъ города, верстахъ въ 6—7; а между тѣмъ надобно было все дѣло обработать ночью и даже возвратиться въ Рязань рано утромъ; иначе всякій, кто увидитъ рыболововъ на полѣ, догадается, откуда они возвращаются, и укажетъ, какъ ихъ отыскать. Такіе походы происходили даже между 1815—1820 годами; мой дядя Василій Мартыновичъ самъ бывало рассказывалъ, какъ онъ вмѣстѣ со своими товарищами ходилъ нѣсколько разъ въ Никулицкіе пруды; рыбы приносили они каждый разъ на нѣсколько дней.

На всѣ описанные мною промыслы отваживались только взрослые семинаристы, которые бы, въ случаѣ опасности, не только могли убѣжать, но и дать отпоръ своими кулаками. Между тѣмъ я еще не коснулся тѣхъ промысловъ, отъ которыхъ не отказывались и взрослые, но гдѣ дѣйствующими лицами бывала и мелкота. Это подвиги по огородамъ и садамъ; тѣхъ и другихъ и въ городѣ и около него находилось очень много; было, гдѣ поохотиться добрымъ молодцамъ. Впрочемъ, до каникулъ, т. е. до 15-го іюля, добыча не могла быть значительною; конечно, зеленого луку рви сколько душѣ угодно, но за то и на базарѣ онъ былъ слишкомъ дешевъ, да и не могъ считаться лакомымъ кусочкомъ; игра, по русской пословицѣ, «не стоила свѣчъ». Около Петрова дня или вскорѣ послѣ него много появлялось огурцовъ. Это уже другое дѣло; за ними отправлялись уже съ мѣшками; яблоки еще не созрѣвали; впрочемъ, не пренебрегали и ими; что жъ за бѣда, если они кисловаты и произведутъ оскомину на зубахъ; все-таки не огурцы, а яблоки. По окончаніи каникулъ, сады еще были наполнены уже вполне спѣлыми яблоками; хороши на взглядъ и пріятны на вкусъ; при-

томъ не портятся такъ скоро, какъ огурцы; въ это-то время особенно обнаруживалась браконьерская дѣятельность нашихъ героевъ и большихъ, и малыхъ; одинъ уносилъ изъ сада цѣлую мѣру, другой довольствовался десятками двумя яблоковъ. Въ половинѣ сентября, когда въ рязанскихъ садахъ или все уже было прибрано, или устраивался бдительный надзоръ, браконьеры отправлялись за добычею по окрестнымъ селамъ и деревнямъ, особенно по помѣщичьимъ садамъ, въ которыхъ домовитые хозяева оставляли еще на нѣкоторыхъ яблоняхъ плоды, годные въ лежку, т. е. такіе, которые оставляли про запасъ на зиму. Болѣе скромные и менѣе прихотливые браконьеры послѣ каникулъ довольствовались добываніемъ себѣ моркови, брюквы и рѣпы на огородахъ; конечно, они не такъ вкусны, какъ яблоки, но все-таки наполняютъ желудокъ.

Очевидное дѣло, что семинаристы, вслѣдствіе описанныхъ мною подвиговъ, не могли пользоваться хорошей репутаціей у рязанскихъ жителей и пользоваться ихъ добрымъ расположеніемъ. Прибавьте къ этому то неуваженіе, которое міряне давно уже на Руси обнаруживаютъ къ лѣвиному колѣну, тогда поймете, что въ описываемое мною время трудненько было установиться дружескимъ отношеніямъ между горожанами и семинаристами. Естественнѣе ожидать совершенно противоположнаго. Вражда, конечно, обнаруживалась частными стычками, отдѣльными единоборствами, но главнымъ образомъ достигала своего апогея въ кулачныхъ бояхъ.

Описывая касимовскую свою жизнь, я упомянулъ и о тамошнихъ кулачныхъ бояхъ. Но эта русская забава, народная наша игра, была едва-ли не повсемѣстна, продолжалась и послѣ того времени, даже и теперь еще не вездѣ прекратилась. Когда я, въ 1829 году, пріѣхалъ въ Петербургъ, то сосѣди наши семинаристы вступали въ праздничные дни частенько въ кулачную борьбу съ мастеровыми Стекланнаго Императорскаго завода; кое-какъ семинарское начальство прекратило эти войны въ началѣ тридцатыхъ годовъ. Предшественники наши по академіи рассказывали, что, уже въ царствованіе императора Николая, происходили зазорливые кулачные бои близъ Ямской церкви, особенно же на Невѣ, близъ Смольнаго монастыря; тутъ съ одной стороны дѣйствующими лицами были

охтяне, а съ другой—все побережье Невы отъ Смольнаго до Невскаго монастыря. Однажды азартъ сражавшихся дошелъ до такой степени, что полиція нашла нужнымъ разогнать ихъ, но ни кварталные, не будочники ничего не могли сдѣлать, даже сами испытывали тяжесть кулаковъ. Тогда нашли нужнымъ подъ надлежащимъ прикрытіемъ двинуть нѣсколько пожарныхъ трубъ, холодная вода которыхъ быстро разогнала разгорячившихся бойцовъ. Объ этомъ говорю я то, что мнѣ рассказывали мои предшественники. Но вотъ и то, что я самъ видѣлъ. Бывши уже на службѣ, я нерѣдко ходилъ въ гости къ своему сослуживцу Вознесенскому, жившему у тестя своего, протоіерея Смольнаго собора Недешева. Прямая дорога была вдоль Невы мимо Калашниковой пристани. Подходя къ Смольному монастырю, я зимою нерѣдко на срединѣ Невы видѣлъ большія кучи народа, двигавшагося то туда, то сюда; но однажды толпа была уже слишкомъ велика, и шумъ отъ нея очень ясно доходилъ до берега. Замѣтивъ будочника, внимательно смотрѣвшаго на толпу, я спросилъ его, что это за народъ? Почтенный блюститель порядка съ улыбкою мнѣ отвѣчалъ: «да это, сударь, штигловцы (т. е. рабочіе съ фабрики Штиглица, не далеко тутъ находившейся) съ охтенскими щупаютъ другъ друга. Да ужъ что-то больно расходились!»

— А что же полиція ваша смотреть, спросилъ я.

— Да что тутъ подѣлаешь? отвѣчалъ онъ мнѣ; вѣдь они каждый праздникъ этимъ занимаются.

Если такъ въ Петербургѣ щупали штигловцы и охтяне бока другъ у друга въ концѣ уже тридцатыхъ годовъ, то можно судить, что происходило за 40 и болѣе лѣтъ въ отдаленныхъ отъ него мѣстахъ. Покойный мой батюшка любилъ хвалить своего учителя словесности, Осипа Евсеевича Срезевскаго. По рассказамъ его, этотъ учитель былъ образованный, умный человекъ, знакомый съ сочиненіями тогдашнихъ философскихъ знаменитостей. Я самъ въ концѣ тридцатыхъ годовъ видѣлъ рукописныя его тетради, въ которыхъ онъ изложилъ философію Шеллинга съ тѣмъ, чтобы познакомить русскую публику съ нею, но за смертію не могъ исполнить это. Онъ-то рассказывалъ своимъ ученикамъ, какъ въ то время, какъ онъ учился въ Заиконоспасской духовной академіи.

происходили кулачные бои между его товарищами и студентами университета. Срезевскій былъ очень друженъ съ однимъ изъ университетантовъ, едва-ли даже не съ Мерзляковымъ. Друзьямъ не хотѣлось въ кулачныхъ бояхъ щупать другъ друга, и потому они напередъ сговаривались становиться въ рядахъ своихъ отрядовъ такъ, чтобы имъ не было возможности столкнуться другъ съ другомъ.

Какъ же можно было отказаться отъ удовольствія потузить другъ друга гдѣ-либо въ Рязани и ея уѣздахъ. Въ этомъ отношеніи особенно отличались громадныя села Бѣлоумуть (Зарайскаго) и Ижевское (Спасскаго) уѣздовъ. Первое раздѣлялось р. Окою на двѣ половины; на льду рѣки и происходили кулачные бои. Тутъ, а также и въ Ижевскѣ, бывали даже въ такихъ случаяхъ смертоубійства. Что же касается до Рязани, то тутъ издавна сражавшіеся раздѣлялись на двѣ части: къ одной принадлежали всѣ семинаристы, но имъ почти всегда помогали приказные, которые тогда большею частію по своему происхожденію принадлежали къ духовному званію. Другая часть состояла изъ всѣхъ горожанъ, которые находили удовольствіе въ томъ, чтобы имъ щупали бока кулаками. Но партіи иногда мѣнялись; часто вчерашніе враги дѣлались нынѣ друзьями, и наоборотъ; только семинаристы во всѣхъ этихъ случаяхъ были самыми усердными дѣятелями. Описывать процессъ кулачныхъ боевъ не за чѣмъ; онъ слишкомъ извѣстенъ. Я остановлюсь здѣсь на томъ времени, когда кулачные бои происходили—почти что съ благословенія его высокопреосвященства.

При архіепископѣ Теофилактѣ въ Рязани былъ надстроенъ богачемъ Рюминымъ второй этажъ соборной колокольни, на который и нужно было поднять соборныя колокола, висѣвшіе дотолѣ на старой небольшой колокольнѣ. Сначала ихъ сняли со старой колокольни, отслужили чинъ-чиномъ молебень, окропили ихъ святою водою и начали поднятіе съ большаго колокола въ 500 пудовъ. Тяжесть, разумѣется, не Богъ знаетъ какая; но отъ недостатка ли усердія въ поднимавшихъ или отъ неумѣнья распорядителей, только колоколъ не двигался съ мѣста. Теофилактъ, лично тутъ присутствовавшій и объяснявшій неудачу поднимателей-волонтеровъ изъ горожанъ, велѣлъ назвать семинаристовъ. Тогда въ семинарскихъ классахъ было очень много взрослыхъ, здоровыхъ ребятъ (я уже

говорилъ, что у насъ въ высшемъ классѣ лѣтъ 6—8 спустя послѣ описываемаго событія были молодцы, которые могли красоваться въ первыхъ шеренгахъ гвардейскаго Преображенскаго полка). Семинаристы привалили всю громаду; имъ объяснили неудачу или неумѣнье горожанъ и сказали, что преосвященный надѣется на ихъ усердіе. Болѣе ничего не нужно было говорить; одержать нѣкотораго рода побѣду надъ горожанами льстило самолюбію семинаристовъ, и они взялись за вѣрты и веревки съ полнымъ усердіемъ. Колоколъ былъ приподнятъ; архіерей благодарилъ за трудъ и пригласилъ ихъ на слѣдующій день поднимать прочіе колокола. Ободренные вниманіемъ владыки и загордившіеся своимъ успѣхомъ въ дѣлѣ, которое не было исполнено горожанами, они начали надъ ними посмѣиваться. Надобно сказать, что въ то время—какъ я послѣ скажу,—кулачные бои были въ большой модѣ въ Рязани и очень нерѣдко одною изъ сражавшихся сторонъ были исключительно семинаристы; значить, поводовъ къ враждѣ у нихъ съ горожанами было много. Даже и теперь еще любятъ почти всѣ сословія посмѣяться надъ кутейниками, ну а тогда трудно было по улицѣ пройти даже священнику, исключая извѣстныхъ лицъ, чтобы кто-либо не закричалъ вслѣдъ ему: кутья прокислая и прочія любезности въ этомъ родѣ. Естественно, что при описываемомъ мною случаѣ издавна накопившіяся враждебныя чувства обнаружались; отъ словъ и перебранокъ скоро дошло до кулаковъ, и начался кулачный бой. Семинаристы были въ полномъ собраніи, дѣйствовали сомкнутою массою и одержали блистательную побѣду, разбивши въ пухъ, какъ они выражались, цѣлый городъ. Горожане рѣшились отомстить за свое пораженіе. Но и семинаристы позаботились подкрѣпить себя союзниками, которыми почти всегда бывали приказные, большею частью происходившіе тоже, какъ и они, изъ духовнаго званія.

На слѣдующій день, по окончаніи послѣ-обѣденныхъ классовъ, явились семинаристы къ соборной колокольнѣ; горожане тоже собрались въ большомъ количествѣ. Сначала занялись поднятіемъ слѣдующихъ по величинѣ за большимъ колоколовъ, но еще много оставалось неподнятыхъ колоколовъ, и надобно было придти еще на третій, кажется, и на четвертый день. Въ каждый день по

окончаніи работы семинаристы вступали въ бой съ своими врагами. Теофилактъ уже зналъ объ этомъ на другой день и, по правдѣ сказать, не сдѣлалъ никакихъ распоряженій, чтобы этого не было; даже нашелъ для себя возможнымъ посмотрѣть на бой. Сраженіе происходило обыкновенно на площадкѣ между соборомъ и колокольнею; побѣжденные горожане отступали за колокольню, спасались чрезъ мость и оврагъ, за нею лежащіе, а семинаристы въ подобномъ случаѣ сталпливались въ двухъ дефилеяхъ; одна, небольшая лежала между большимъ соборомъ и оградой Спасскаго монастыря; сюда, впрочемъ, мало спасались, большинство сталкивалось въ довольно широкой дефилеѣ, лежащей между теплымъ и холоднымъ соборомъ и замыкаемой сзади архіерейскимъ домомъ и воротами на дворъ его. Кругомъ же большаго собора находится галлерей, съ которой есть ходъ въ архіерейскій домъ. Съ этой-то галлерей Теофилактъ и наблюдалъ надъ ходомъ сраженій, сохраняя нѣкотораго рода инкогнито, т. е. одѣвшись и закутавшись въ обыкновенную теплую рясу и ияѣя на головѣ священническую шляпу или шапку, такъ что можно было только по догадкѣ предполагать въ немъ архіерея; для большаго инкогнито онъ былъ окруженъ еще нѣсколькими лицами изъ бѣлаго и чернаго духовенства. Сраженія происходили съ переменнымъ счастьемъ, но однажды какъ-то горожане слишкомъ были сильны, такъ что отгѣснили семинаристовъ на архіерейскій дворъ. Надобно было унизить кичливость побѣдителей.

Теофилактъ узнаетъ, что его протодіаконъ Василій и его дѣти Мартынь и Никаноръ, оба діаконы, замѣчательные силачи, особенно папаша, и могли бы поправить все дѣло и пораженіе обратить въ побѣду. Они во всѣ дни присутствуютъ, но не смѣютъ помочь семинаристамъ, опасаясь этимъ навлечь неудовольствіе владыки. Минута была критическая; надобно было во что бы то ни стало возстановить кулачную честь духовенства. И вотъ приглашается Василій. «А что, Василій, говорятъ ему, можно прогнать этихъ непрошенныхъ гостей?»

— Какъ же не можно, ваше высокопреосвященство, только позвольте. Я пойду впередъ, а мои Мартышка и Никанорка (такъ онъ звалъ своихъ дѣтей-діаконовъ) пусть съ боковъ защищаютъ меня, чтобы кто-нибудь сзади не напалъ.

Позволеніе дано. Сраженіе вновь началось. Семинаристы, увидѣвши прибывшій имъ на помощь вспомогательный корпусъ изъ трехъ богатырей, ободрились. Богатыри пошли впередъ. Горожане хотя и знали силу богатырей, но сначала хотѣли было удержать за собою поле сраженія. Къ ихъ несчастію, Василій ломилъ, какъ тогда выражались, все; оберегаемый и вспомоствуемый своими Мартышкою и Никаноркою, онъ шелъ впередъ; семинаристы, воодушевленные присутствіемъ богатырей, ринулись, впередъ. Горожане отступили; на площади между соборомъ и колокольнею произошла новая отчаянная свалка, но богатыри все сломали; горожане бросились чрезъ мостъ, чрезъ оврагъ, а торжествующіе семинаристы возвратились побѣдителями въ свои квартиры.

Надобно сказать, что колокола уже давно были подняты, а кулачные бои продолжались; взаимное ожесточеніе начало принимать опасные размѣры. Въ этомъ случаѣ горожане оказали низкую мстительность. Не могли одолѣть семинаристовъ въ открытомъ, честномъ бою, они стали преслѣдовать по-одиночкѣ замѣчательныхъ бойцовъ между ними. Для этого соглашалось два, три здоровенныхъ горожанина, подстерегали или на извозчикѣ догоняли семинариста и били его, сколько душѣ угодно, даже до увѣчья. Вражда отъ главныхъ силачей перешла къ менѣе сильнымъ, и наконецъ мальчишки мѣщанскіе стали кстати и некстати нападать на мальчишекъ-семинаристовъ. На силу какъ-то и духовному и гражданскому начальству удалось хоть нѣсколько успокоить разыгравшуюся русскую удаль.

Разумѣется, кулачные бои и дѣятельное участіе въ нихъ семинаристовъ не прекратилось съ ееофилактовскою эпохою. При моемъ переходѣ изъ Касимовскаго въ Рязанское училище знаменитыми бойцами въ семинаріи были ученики богословія: Василій Быстровъ и философіи Матвѣй Дроздовъ. Учились они плохо-вато, послѣдній даже и покончилъ свое научное образованіе среднимъ отдѣленіемъ; но, несмотря на то, за свою силу и приложеніе ея къ кулачнымъ боямъ, они пользовались большимъ уваженіемъ не только въ семинаріи, но даже и между горожанами. При Илюдорѣ и Гедеонѣ участіе семинаристовъ въ кулачныхъ бояхъ почти было прекратилось. Но потомъ мало-по-малу вновь вошло въ обы-

чай. Особенно во время ректорства Θεοδοτiа отличался какой-то силачь, семинаристъ Павловъ. Θεοδοτiй зналъ это, не только не останавливалъ его, но даже своими шутками почти поощрялъ его богатырствовать. Даже послѣ моеѣ отставки рязанскіе жители частенько щупали другъ друга; въ одну масляницу, въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, эти щупанья происходили въ самомъ центрѣ города на огромной площади новаго базара. Даже и теперь (1870 г.) на окраинахъ города иногда молодое поколѣніе Ямской или Троицкой слободы вступаетъ въ битвы съ молодымъ поколѣніемъ горожанъ. Но семинаристы, кажется, совсѣмъ бросили эту народную забаву, хотя въ битвахъ на новомъ базарѣ, о которыхъ я сейчасъ говорилъ, они не составляли самостоятельной партіи, но были сильнымъ вспомогательнымъ корпусомъ для одной воюющей стороны.

XXXIV.

О бывшихъ до моего поступленія въ семинарію учителяхъ ея.

Разсказы, которые мнѣ въ дѣтствѣ приходилось слышать о Рязанской семинаріи, касались не только учениковъ, но и учителей ея. О нѣкоторыхъ изъ нихъ, именно объ Іеронимѣ, Полотебновѣ и Кротковѣ, я уже говорилъ выше. Между тѣмъ было еще нѣсколько учителей, о которыхъ не излишне сказать для характеристики былаго времени. Изъ тѣхъ, которые начали службу еще до такъ называемаго преобразованія, стоить упомянуть объ архимандритѣ Иринеѣ и Моргафонѣ.

Ириней преподавалъ философію еще въ то время, какъ мой батюшка учился въ философскомъ классѣ, а началъ службу свою еще гораздо ранѣе; потомъ уже едва-ли не при Θεοφιлакѣ, по слабости зрѣнія, оставилъ училищную службу и сдѣланъ архимандритомъ одного монастыря. Сколько можно судить по разсказамъ лицъ, слушавшихъ или знавшихъ его, онъ принадлежалъ къ труженикамъ своей науки и изучалъ философію не какъ

школьный схоластикъ, а какъ любознательный человѣкъ. Съ учениками онъ обращался необыкновенно хорошо. Это былъ скорѣе отецъ, даже другъ, нежели суровый педагогъ. Онъ зналъ не одну школьную тогдашнюю философію, но и естественныя науки, физики, астрономію и пр. Ему хотѣлось передать всѣ свои свѣдѣнія, по крайней мѣрѣ, возможно большее количество ихъ, но назначенныхъ часовъ въ классѣ не доставало для этого; при томъ многія изъ свѣдѣній принадлежали къ наукамъ, не входившимъ въ программу семинарскую. Вотъ почему онъ любилъ приглашать къ себѣ учениковъ, а лѣтомъ ходить съ ними въ луга и рощи около Рязани, преимущественно изучалъ съ ними ботанику, а въ ясныя, не холодныя ночи занимался астрономіей. Въ комнатахъ его были гербарій, нѣсколько чучелъ животныхъ, нѣкоторые физическіе и химическіе инструменты, при помощи которыхъ онъ производилъ и опыты, для тогдашнихъ семинаристовъ неслыханные и невиданные. Это былъ, можно сказать, своего рода феноменъ для Рязанской семинаріи и даже для Рязани. И потому неудивительно, что еще при жизни его о немъ уже составлялись легендарные рассказы.

Чтобы понять эти рассказы, надобно сказать объ одномъ вѣрованіи, которое въ былое время было обыкновеннымъ чуть не во всемъ духовенствѣ, особенно рязанскомъ. Вѣровали и исповѣдовали, что есть сверхъ-естественное искусство—магія. Она раздѣлялась на черную и бѣлую; та, разумѣется, принадлежала къ вѣдомству нечистой силы, а эта находилась подъ покровительствомъ не злыхъ, а добрыхъ духовъ, только не ангеловъ, на которыхъ лежали другія обязанности. Для изученія той или другой магіи существовали гдѣ-то напечатанныя книги, носившія названія черной или бѣлой магіи. Въ нихъ, разумѣется, помѣщались правила, какъ вызывать злыхъ или добрыхъ духовъ, когда понадобится ихъ пособіе для чего-нибудь, или даже безъ нихъ, при помощи особенныхъ словъ и дѣйствій, производить такія явленія, которыя никакъ не послушаются обыкновенныхъ силъ человѣка и природы. Такія-то двѣ книги Ириней отыскалъ въ Рязанской семинарской библіотекѣ, гдѣ онѣ лежали забытыми или заброшенными въ какомъ-то потаенномъ мѣстѣ. Отецъ архимандритъ, человѣкъ благочестивый, не только не захотѣлъ пользоваться черною магіей,

которая, находясь подъ вліяніемъ нечистой силы, направлена была къ развращенію и гибели рода человѣческаго, но и употребилъ всѣ усилія для истребленія зловредной книги. Рассказываю объ этомъ полезномъ подвигѣ для всего человѣчества. Одинъ варіантъ говоритъ, что едва приступилъ Ириней къ исполненію своего добраго намѣренія, какъ тотчасъ появилась нечистая сила, чтобы воспрепятствовать этому, но благочестивый отецъ архимандритъ при помощи святой воды и честнаго креста прогналъ нечистую силу и истребилъ пагубную книгу и самый пепель ея развѣялъ по вѣтру, такъ что адскимъ силамъ уже не было возможности возстановить книгу. Но другой варіантъ говоритъ, что отецъ архимандритъ не могъ исполнить своего намѣренія, потому что книга, по русской пословицѣ, ни въ огнѣ не горитъ, ни въ водѣ не тонетъ. Ее нашель возможность сдѣлать безвредною уже Теофилактъ. Далѣе уже рассказывались самыя фантастическія вещи объ Ириней.

Ириней, какъ честный человѣкъ, оставляя службу при семинаріи, не захотѣлъ воспользоваться найденнымъ имъ въ библіотекѣ неоцѣненнымъ сокровищемъ, онъ добросовѣстно возвратилъ бѣдную магію опять въ библіотеку, гдѣ она и оставалась нѣсколько времени безъ употребленія. Наконенъ узналъ объ ней Теофилактъ; взялъ, прочиталъ и понялъ, какимъ ужаснымъ орудіемъ она можетъ служить въ рукахъ неблагонамѣреннаго человѣка, и уничтожилъ ее.

Въ заключеніе хочу сказать, что дѣйствительно почтенный отецъ Ириней умеръ въ концѣ 30-хъ годовъ, въ 1838 или 1839 году, проживши слѣпымъ въ Спасскомъ монастырѣ и въ большой бѣдности. Но все-таки онъ не оставлялъ своихъ ученыхъ занятій, только уже пристрастился къ богословію. Для этого просилъ кого-либо изъ монаховъ читать ему сочиненія отцовъ церкви и другихъ писателей; онъ слушалъ и разсуждалъ, и послѣднимъ награждалъ своего чтеца; другаго онъ ничего не имѣлъ.

Такъ сказать, антиподомъ Ириней можетъ служить Моргафонъ, котораго ребяческую глупость и выходки я описалъ въ первой части этого сочиненія объ устройствѣ духовныхъ училищъ въ Россіи. Повторять здѣсь то же самое нѣтъ надобности. Но можно прибавить кое-что о томъ, чего тамъ нѣтъ. Уроки Моргафона начинались

иногда часу въ седьмомъ утра, когда въ зимнее время было не только въ комнатахъ, но и на дворѣ очень темно. Ученикамъ очень не нравились его ранніе визиты, и потому они рѣшились его отучивать отъ нихъ способами, сообразными съ тогдашними грубыми нравами. Высмотрѣвши чрезъ особаго часоваго, что Моргафонъ уже на семинарскомъ дворѣ, они тушили огонь въ своемъ классѣ, а близъ самой двери ставили лохань съ помоями. Моргафонъ, растворивши дверь, видя въ комнатѣ тьму кромѣшную (окна закрывались ставнями снаружи) и слыша храпѣнье и согѣнье мнимо спавшихъ, останавливался на порогѣ и громкимъ голосомъ говорилъ: «встаньте, спящіе!» Но спящіе не вставали, а еще громче всхрапывали. Тогда не удержимый Моргафонъ быстро, по своему обычаю, врвался въ комнату, зацѣплялся за лохань, опрокидывалъ ее и кричалъ уже такъ, что спящимъ нельзя было не проснуться. Вставали, не вдругъ зажигали огонь и находили почтеннаго своего наставника на полу запачканнымъ. Начинались извиненія съ одной стороны, негодованіе—съ другой; все дѣло сваливалось на служителя, который хотѣлъ вынести лохань, дотащилъ о порога, но, не имѣя силъ переставить ее въ сѣни, пошелъ отыскивать помощника, замѣшкался или забылъ, а тутъ почтенный Моргафонъ влетѣлъ и зацѣпился за лохань. Въ другое время измѣняли тактику. На выдавшуюся часть двери, отворявшейся въ сѣни, ставили большую плаху такъ, чтобы она падала внизъ, какъ только отворится дверь. Моргафонъ, по своему обычаю, размахисто растворялъ дверь, плаха падала ему на плечо, на голову или на другія части тѣла, и ежели не зацѣплялась за него, то производила порядочный стукъ. Моргафонъ большею частію тутъ пугался, поворачивалъ назадъ и уже спустя много времени являлся на свою лекцію. Замѣчательно, что тѣ же самые ученики, которые продѣлывали такіа штуки со своимъ наставникомъ, были послушными, когда онъ, какъ учитель, находилъ нужнымъ ихъ сѣчь. Одни безпрекословно ложились, другіе садились на лежавшаго и раздѣвали, а дневальный или сѣкуторъ поролъ своего любезнаго товарища какъ нельзя лучше. Моргафонъ любилъ въ этомъ случаѣ припрыгивать и проговаривать: «та-та-та, ага, доняли!» особенно когда наказываемый отъ сильно и ловко направленного удара

сильно вскрикивалъ или поднимался серединою своего тѣла. Причина была простая. Пожалуйся Моргафонъ на продѣлки, которыя съ нимъ дѣлали, виновнаго трудно, даже невозможно было отыскать, а всѣхъ пересѣчь находили неумѣстнымъ. Но скажи тотъ же Моргафонъ, что такой-то не легъ или плохо сѣлъ, ну, тогда виновный на лицо, и правленская плеть научила бы его, какъ слѣдуетъ повиноваться своему учителю.

Въ 1815 году, при преобразованіи Рязанской семинаріи, всѣ прежніе ея наставники удалены, кромѣ учителя риторики Ѳедора Ивановича Срезевского; самъ Іеронимъ, какъ я уже выше сказалъ, остался только ректоромъ. Хотя Срезевскій былъ очень дѣльнымъ наставникомъ, но едва-ли бы и онъ удержался на своемъ мѣстѣ, если бы ему не помогъ Ѳеофилактъ. Тогда отъ учителей требовали конспекты наукъ, ими преподаваемыхъ; Ѳеофилактъ пожелалъ самъ прочесть составленный Срезевскимъ конспектъ по словесности, указалъ, какъ исправить, и черезъ это помогъ составителю не только остаться учителемъ, но и сдѣлаться инспекторомъ семинаріи. Мѣста уволенныхъ наставниковъ заняты были только-что кончившими курсъ студентами С.-Петербургской духовной академіи, которыхъ всѣхъ, кажется, было прислано въ Рязань пять человѣкъ. О Полотебновѣ я уже говорилъ; о Красильниковѣ скажу, когда дойду до философскаго класса; о іеромонахѣ Гавріилѣ Городковѣ, бывшемъ послѣ рязанскимъ архіепископомъ, мнѣ придется говорить послѣ.

Теперь замѣчу только, что это была вялая, безжизненная натура, не владѣвшая даромъ слова, не богатая свѣдѣніями, онъ былъ скучнымъ профессоромъ богословія. Тарасовъ самъ по себѣ былъ очень не далекій человѣкъ, но, преподавая гражданскую исторію, онъ не ограничивался однимъ учебникомъ, а читалъ приведенныя имъ академическія записки по исторіи и строгостью, а также и занимательностью умѣлъ заставить учениковъ слушать его и хотя кое-что лишнее упомянуть. Но перломъ, драгоцѣнностью между новыми профессорами Рязанской семинаріи былъ Яковъ (кажется) Семеновичъ Магницкій, по прозванію фурсикъ. Я не нашелъ его фамилии въ спискахъ Московской и Петербургской академіи и потому не могу сказать, гдѣ это сокровище получило окончательное

воспитаніе; только глупѣ и самолюбивѣ его трудно было послать на должность наставника. Онъ не только преподавалъ французскій языкъ, но занималъ также и должность секретаря правленія. Если ученикъ желалъ расположить его въ свою пользу, то стоило только сказать ему: «ваше высокоблагородіе», тогда онъ дѣлался вполне готовымъ къ услугамъ сказавшаго. Но репутація ученика сильно колебалась, если онъ почтеннаго секретаря величалъ только вашимъ благородіемъ. «Да, да, ваше благородіе, слышу, слышу—и вы тоже, пожалуй уже ваше благородіе, и всякій приказный ваше благородіе» и проч. Но Боже сохрани, если ученикъ называлъ его по имени и отчеству. «Да-съ, да-съ, Яковъ Семеновичъ». — «Точно такъ-съ, меня дѣйствительно зовутъ Яковомъ Семеновичемъ; позвольте узнать ваше имя и отчество» и затѣмъ слѣдовала непримиримая ненависть, впрочемъ до тѣхъ поръ, пока всемогущее «ваше высокоблагородіе» не исправляло прежняго промаха. Однажды очень хорошій ученикъ, осиротѣвъ, подалъ г. секретарю просьбу о принятіи его на казенное содержаніе, но намѣренно или случайно назвалъ его Яковомъ Семеновичемъ. Открывается засѣданіе правленія, читаютъ просьбу ученика; такъ какъ ректоръ хорошо зналъ его успѣхи и поведеніе, то онъ и рѣшилъ вмѣстѣ съ прочими членами удовлетворить просьбу ученика. Но Яковъ Семеновичъ возсталъ противъ этого всего силою своего краснорѣчія. «Кого вы принимаете? воскликнулъ секретарь. Дуракъ, отецъ ректоръ, ей Богу дуракъ и негодяй».

— Чтò вы, Яковъ Семеновичъ, чтò съ вами сдѣлалось? За что вы такъ ругаетесь? шутливо возразилъ Іеронимъ.

— Да какъ же не ругаться? отвѣчалъ Магницкій, ей Богу, дуракъ, отецъ ректоръ, и негодяй еще.

Дѣло состояло въ томъ, что въ горячности Яковъ Семеновичъ, употребивъ слово дуракъ, не прибавилъ мѣстоименія онъ или фамилію ученика, отчего ректоръ и сдѣлался дуракомъ и негодяемъ. На-силу кое-какъ разъяснили Магницкому собственный его промахъ.

Однажды онъ, сидя одинъ въ присутствіи правленія, позволилъ; въ канцеляріи не было служителя, поэтому на звонокъ и вошелъ одинъ изъ письмоводителей.

— Вы что? спросилъ Магницкій.

— Вы изволили звать? отвѣчалъ письмоводитель.

— Да развѣ вы должны входить? съ негодованіемъ сказалъ секретарь, — это дѣло служителя.

— Да его нѣтъ, дерзнулъ отвѣтить письмоводитель.

— Ну, нѣтъ, такъ нѣтъ, а вы не смѣете на звонокъ входить, ступайте, занимайтесь своимъ дѣломъ.

Письмоводитель ушелъ; Яковъ Семеновичъ вновь зазвонилъ; служителя все еще не было, но и письмоводители не двигались съ мѣста. Яковъ Семеновичъ вышелъ самъ въ канцелярію.

— А что, гдѣ служитель? спросилъ онъ.

— Ушелъ на кухню, отвѣчали ему.

Яковъ Семеновичъ, не отрывая отъ дѣла письмоводителей, бросился самъ отыскивать служителя, отыскалъ и дорогою, а потомъ въ правленіи, ругалъ его за то, какъ онъ смѣлъ отлучиться, когда тутъ сидитъ г. секретарь.

— Вотъ ты мнѣ нуженъ былъ, а тебя нѣтъ, дѣла остановились.

Служитель оправдывался и все шелъ за Магницкимъ въ самую присутственную комнату. Тутъ разгнѣванный и утомленный секретарь сѣлъ въ кресло, отдохнулъ и потомъ съ торжественностью сказалъ служителю: «поди, подними мое перо». Всѣ хлопоты и остановка въ дѣлахъ произошла именно только отъ этого пера, которое уронилъ на полъ г. секретарь и самъ не хотѣлъ поднять, но за лучшее счелъ сбѣгать на кухню и, отыскавъ тамъ служителя, приказать ему поднять перо. Этотъ пустой человѣкъ былъ уволенъ изъ семинаріи въ 1822 году.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЗАПИСКИ Д. И. РОСТИСЛАВОВА,

профессора С.-Петербургской духовной академіи.

ГЛАВА XXXV ¹⁾).

О предметахъ, которымъ обучались мы, и объ учителяхъ, которые учили насъ въ реторикѣ, т. е. низшемъ отдѣленіи Рязанской семинаріи.

Два раза уже насъ переводили, два раза еще намъ послѣ пришлось переходить изъ одного класса въ другой, но переходъ изъ высшаго уѣзднаго училища въ низшее отдѣленіе семинаріи былъ особенно пріятенъ и интересенъ. Во всѣхъ другихъ переходахъ мы и въ новомъ классѣ являлись зная уже другъ друга, напередъ могли разсчитать, кто будетъ занимать какое мѣсто; новостъ состояла въ томъ только, что часть прежнихъ товарищей, болѣе плохихъ, отдѣлялась, оставалась въ прежнемъ классѣ или вовсе исключалась. Да еще къ намъ присоединялась небольшая кучка старичковъ, которыхъ мы при своей относительной многочисленности, ранѣе или позже, такъ сказать, поглощали въ своей массѣ. Теперь же, кромѣ старичковъ, насъ новичковъ собрали изъ шести училищъ; между нами было шесть первыхъ учениковъ, шесть вторыхъ, шесть третьихъ и т. д. Какъ же намъ придется размѣститься. Кто изъ этихъ первыхъ будетъ первымъ? А второму ученику какого-либо училища не придется ли сѣсть на двадцатомъ мѣстѣ и попасть даже во второй разрядъ? Отвѣты на это были тѣмъ затруднительнѣе, что каждое училище считало себя лучшимъ изъ всѣхъ и своего перваго ученика гениемъ. А о старичкахъ нечего уже и говорить; они смо-

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1893 г., т. LXXIX, сентябрь.

трѣли на насъ, какъ на мальчишекъ, какъ на бурсаковъ. Да и мы, правду сказать, видѣли въ нихъ существа высшаго разряда. Насъ сбивало съ толку слово: сочинять. Перевести что-нибудь съ латинскаго или греческаго языка на русскій и наоборотъ для насъ было дѣло извѣстное; но тутъ переводъ съ оригиналомъ имѣлъ почти всегда одинаковую величину, одинаковое число строкъ. А для сочиненія дадутъ какъ въ заглавіе только нѣсколько словъ, и ихъ теперь, по нашему мнѣнію, надобно было растянуть на страницу, на двѣ, даже на нѣсколько листовъ. Этой мудрости наши головы никакъ не понимали. Какъ же не благоговѣть предъ старичками, которые уже искусились въ ней?

Возникавшія такимъ образомъ сомнѣнія насчетъ своихъ мѣстъ по классу были, конечно, не очень пріятны. Зато другія обстоятельства льстили нашему самолюбію. Съ насъ теперь уже снимается позорное названіе бурсака или училищнаго мальчишки; мы уже семинаристы, настоящіе семинаристы. Начальникомъ нашимъ будетъ уже не смотритель, а ректоръ; учить насъ станутъ не учителя, а профессора; даже уроковъ у насъ болѣе не будетъ; мы станемъ учить уже лекціи; намъ уже не нужно будетъ слушаться изъ уроковъ; мы знали, что въ реторикѣ не было ни аудиторевъ, ни нотатъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, разумѣется, лѣтѣла насъ надежда, что насъ не станутъ сѣчь розгами. Слыхали, конечно, мы или, лучше, догадывались, что иногда ректоръ и инспекторъ у себя въ комнатѣ сѣкли реторовъ, но твердо не были въ томъ увѣрены. По крайней мѣрѣ мы вполнѣ уже знали, что въ реторикѣ нѣтъ ни дневальныхъ, ни сѣкуторовъ, ни заготавливаемыхъ заранѣе розогъ; профессора никого не сѣкутъ, значить, и намъ не предстоитъ непріятность быть держателями своихъ товарищей или самимъ за урокъ растягиваться на полу и ощущать, какъ другіе товарищи быстро готовятъ насъ къ принятію лозы. Ну какъ же намъ было не гордиться своимъ высокимъ положеніемъ?

И вотъ мы съѣхались въ началѣ сентября. Несмотря на общее наше происхожденіе изъ духовнаго званія, на одинакую систему воспитанія, между нами можно было замѣтить порядочное различіе. Мы, ученики Рязанскаго училища, считали себя выше пригородскихъ (такъ звали учениковъ, поступившихъ изъ училищъ уѣздныхъ

городовъ, которые назывались пригородками) точно такъ же, какъ столичные жители съ пренебреженіемъ смотрятъ на провинціаловъ. Да и въ самомъ дѣлѣ мы уже знали многихъ изъ философовъ и богослововъ, да нѣкоторымъ изъ нихъ были извѣстны, осмѣливались раскланиваться и говорить съ ними, какъ съ знакомыми, умѣли, по пословицѣ, пускать пыли въ глаза пригородскимъ, тогда какъ эти съ какимъ-то благоговѣніемъ смотрѣли на тѣхъ же богослововъ и философовъ. Затѣмъ каждое училище имѣло свои отличительныя черты: за райцы явились къ намъ маленькими ребятами, шаловливыми, живыми и даже красивыми; сапожковцы — высокими, здоровыми, солидными молодцами; они, какъ послѣ оказалось, и по успѣхамъ были лучше другихъ; данковцы издавна слыли туповатыми, глуповатыми, но рослыми; это училище находилось долго подъ управленіемъ архіерейскаго оберъ-шпіона Грифцова, и было въ очень дурномъ состояніи; касимовцы слыли тоже издавна ребятами разбитными; скопинцы оказались толстоватыми, мѣшковатыми, застрашенными, забытыми; это происходило отъ тамошняго начальства, особенно отъ инспектора, священника Анисима Добромыслова. И намъ больно доставалось отъ лозы Родосскаго, но рассказы скопинцевъ про то, какъ ихъ поролъ Добромысловъ, заставляли насъ еще благословлять свою судьбу.

Но форсистость нашихъ старичковъ была еще выше нашей. Она происходила не только отъ того ихъ сознанія, что они уже умѣютъ сочинять, но и отъ того, что они имѣли надежнаго предводителя. Въ числѣ ихъ, даже первый между ними, былъ братъ ректора, Михаилъ Борисовичъ Чистяковъ, изъ котораго послѣ вышелъ очень дѣльный педагогъ и издатель множества дѣтскихъ книгъ. Но тогда онъ былъ такой же ребенокъ, какъ и мы, только съ прибавкою спѣсиваго сознанія, что онъ ректорскій братъ. Кромѣ того, Иліодоръ имѣлъ глупость сдѣлать его еще класснымъ старшимъ и черезъ то еще болѣе усилить ребячью спѣсь. Онъ былъ въ то время тоненькій, вытянувшійся мальчикъ, съ блѣдноватымъ, хотя и полнымъ личикомъ. И теперь не могу безъ смѣха вспомнить тогдашнюю его походку по классу. Онъ всегда ходилъ, такъ сказать, въ особенно-натяннутомъ положеніи, т. е. наклонялся напередъ всѣмъ туловищемъ, начиная отъ пятокъ до головы,

такъ что вертикальная линия, проведенная отъ наиболѣе выдавшейся части лба или носа, встрѣчалась съ поломъ вершкѣхъ въ пяти отъ пальцевъ ноги. Равнымъ образомъ такая же линия, проведенная отъ заднихъ частей пятокъ, была бы отъ головы вверху тоже не ближе пяти вершковъ. Кромѣ того, идя по классу, онъ направлялъ глаза свои только впередъ; мы, сидѣвшіе за партами, для него какъ-будто не существовали. Но усѣвшись на своемъ мѣстѣ и приподнявшись съ него, онъ уже какъ съ нѣкагого трона посматривалъ на насъ, стараясь придать себѣ серьезное, даже грозное выраженіе, что вовсе не гармонировало съ его дѣтскою фizioноміей. Само собою, онъ былъ на сторонѣ старичковъ, какъ бывшихъ уже своихъ товарищей, а эти, имѣя предводителемъ такую сильную особу, относились къ намъ точно какъ встарину въ Римѣ патриціи къ плебеямъ.

Всѣхъ насъ, и рязанскихъ, и пригородскихъ, и старичковъ набралось слишкомъ 200 человекъ, и всѣ мы должны были сидѣть въ одной комнатѣ, т. е. аудиторіи. На стоявшихъ въ ней столахъ могли помѣститься никакъ не болѣе 150 человекъ; затѣмъ человекъ 60—70 помѣщались на пустомъ мѣстѣ сзади столовъ на одной сторонѣ класса, т. е. стояли на своихъ ногахъ, опираясь о спины сидящихъ товарищей, прислоняясь къ стѣнамъ или же безъ всякихъ опоръ и подпоръ. Но стоять 2—4 часа на одномъ мѣстѣ трудно; устанешь непременно. И вотъ осужденные на стоянье присаживались на полъ не только до прихода учителя, но даже и во время его присутствія. Отъ сидѣнья на полу очень недалеко и до лежанья, и вотъ тамъ располагались, положивши подъ голову свои книги и фуражку. Въ такомъ положеніи какъ не заснуть, особенно когда лекція скучновата или ея вовсе нѣтъ, а г. профессоръ слушаетъ только одни уроки. Отъ всего этого происходило, что профессоръ спрашиваетъ какого-либо Орлова или Петрова, а эти господа заснули; ихъ толкаютъ, будятъ, хихикаютъ. Проснулись, встали, но заспанные глаза и не возвратившееся еще вполнѣ состояніе показываютъ, что господину еще нужно минуты двѣ-три, чтобы собраться съ духомъ и приготовиться къ отвѣту. Замѣтивъ это, товарищи смѣются, наставникъ тоже улыбается, а то и сердится. Въ другое время заснувшій, забывъ, гдѣ находится, не только сопѣть, но и всхрапывать; случалось, что иногда это дѣлали нѣсколько человекъ. И вотъ,

когда при тишинѣ и общемъ молчаніи раздавались подобные звуки, начинался уже настоящій смѣхъ. Иногда и самъ наставникъ, слышавъ подобные звуки или видя малое количество стоящихъ, неожиданно отправлялся за парты на мѣсто покоя и заставлялъ тамъ не только сидѣвшихъ, лежавшихъ, спавшихъ, но и играющихъ въ карты. Все вставало, пробуждалось, пугалось и пр. Начинались увѣщанія, розыски и пр. Такимъ-то образомъ шло дѣло цѣлый годъ, потому что честное начальство не нашло времени или способовъ сдѣлать новые столы. Не болѣе удобенъ былъ классъ французскаго языка. Для него нашлась одна только комната, именно парадное зало, которое не только не отапливалось, но и не могло быть отапливаемо, потому что въ немъ не было печей; затѣмъ также не стояло ни одного стола, ни одного стула, ни одной скамьи. И потому ученики всѣ должны были стоять непремѣнно; сидѣть не осмѣливались, потому не за чѣмъ было спрятаться. Кромѣ того, зимою было, конечно, не такъ холодно, какъ на дворѣ, однако, поставленный термометръ показалъ бы, что температура ниже нуля. Несмотря на наши тулупы, теплые чулки и сапоги, бывало, дрожимъ отъ холода. Но голова и вовсе не имѣла никакой защиты; фуражекъ и шапокъ нельзя было надѣвать по мнѣнію благочестиваго начальства.

И вотъ мы, кто сидя, кто стоя, а кто и лежа, принялись за ученіе. Но чуть не въ первый классъ намъ пришлось испытать большую непріятность. Мы, какъ я говорилъ, очень радовались поступленію своему въ реторику между прочимъ и потому, что теперь никто не станетъ прослушивать насъ изъ уроковъ, кромѣ наставниковъ, такъ водилось съ незапамятныхъ временъ. А тутъ вдругъ намъ объявляютъ, что мы, подобно училищнымъ мальчишкамъ, имѣемъ аудиторовъ, которыхъ мы должны были слушаться; имъ приказано завести нотаты и отмѣчать наше знаніе словами: отлично, очень или весьма хорошо и пр., до не знаетъ, не слушался. Объявлено было, что эти нотаты будутъ пересматриваемы не только учителями, но и ректоромъ или инспекторомъ, что по нимъ будутъ составляемы въ концѣ полугода списки нашихъ успѣховъ, и что, кромѣ того, увы, не знающимъ или плохо знающимъ, особенно не слушающимся, грозятъ тѣ же самыя исправительныя мѣры, которыя

такъ щедро назначаются за тѣ же преступленія въ училищѣ. Мы вдругъ упали въ глазахъ и своихъ собственныхъ, и во мнѣніи какъ училищныхъ учениковъ, такъ и семинаристовъ-философовъ и богослововъ. Первые принялись намъ говорить: «вотъ вамъ и реторика, васъ также, какъ и насъ, сѣкутъ и слушаютъ, и на колѣни ставятъ». А философы и богословы тотчасъ же стали смотрѣть на насъ свысока, какъ-будто мы уже чрезъ аудиторство стали учениками не семинаріи, а училища. Тьюторы же между ними объявили своимъ подчиненнымъ, нашимъ товарищамъ, что они станутъ ихъ слушать по утрамъ до начала класса. И не только слушали, но и поспѣшили привести въ исполненіе угрозу начальства, высказанную противъ незнающихъ. Что дѣлалось на квартирахъ, для насъ, казенныхъ, не вдругъ сдѣлалось извѣстнымъ, но у себя въ комнатахъ менѣе не жели черезъ недѣлю мы уже увидѣли, какъ передъ нашими глазами разрисовывались педагогическія части тѣла нашихъ товарищей.

Предметы, которымъ тогда обучали въ реторикѣ, были не многочисленны, именно каждый изъ насъ учился только четыремъ предметамъ: реторикѣ, гражданской исторіи и греческому языку; а потомъ каждому надобно было избрать себѣ или французскій, или нѣмецкій языкъ; латинскій же языкъ считался, такъ сказать, необходимою частію реторики. По принятому тогда порядку, преподаваемые предметы имѣли неодинакое значеніе: главное, почти царственное значеніе, предоставлено было реторикѣ. Хотя въ то время по уставу слово это не существовало, а замѣнено было словомъ словесность, и самый классъ нашъ назывался также въ разговорѣ словесностію, но школьная наша словесность осталась по-прежнему реторикою, по крайней мѣрѣ вовсе не русскою словесностью.

Въ самомъ дѣлѣ, еслибы въ былыя времена до преобразованія семинарій воскресить какого-либо римлянина и привести его въ классъ реторики, то онъ, по внимательномъ разсмотрѣніи преподаваемой науки, могъ бы подумать, что, вѣроятно, онъ находится въ школѣ какой-либо римской колоніи, гдѣ учатъ дѣтей латинской словесности. Онъ бы увидаль, что печатный учебникъ написанъ на латинскомъ языкѣ, примѣры въ немъ часто взяты изъ Цицерона и другихъ римскихъ писателей; затѣмъ сочиненія для упражненія даются почти всегда на латинскомъ же языкѣ. Одно только бы ему показалось неприя-

нымъ, что его національный языкъ въ этой школѣ изуродованъ варварами, что, несмотря на встрѣчающіяся имена Цицероновъ, Виргиліевъ и пр., латынь, имъ слышанная, отзывается какими-то варварскими оттѣнками. Разумѣется, онъ подумалъ бы, что колонисты смѣшались съ варварами, смѣшали свой отечественный языкъ съ варварскимъ и составили какой-то своеобразный идиомъ полулатинскій и полуварварскій. Новымъ профессорамъ дозволено, даже едва ли не приказано было оставить старые учебники, но прежняя за-кваска осталась во всей силѣ. Поступившій въ Рязанскую семинарію въ 1820 году профессоръ Ареопагитскій давалъ свои лекціи, но на латинскомъ языкѣ и притомъ въ родѣ введенія предположъ чуть не всю первую часть тогдашней логики и много статей изъ психологіи. Въ слѣдующій курсъ онъ посократилъ свои лекціи, но латинскій языкъ остался неизмѣннымъ. При нашемъ переходѣ въ реторику Ареопагитскій оставлялъ семинарію; поэтому сначала недѣли полторы къ намъ не ходилъ, но и вмѣсто него никто не былъ присылаемъ, но потомъ начальство наше упростило его поучить насъ.

Пространныхъ, даже черезчуръ пространныхъ своихъ лекцій Ареопагитскій намъ не навязывалъ; онъ выбралъ намъ очень краткій печатный учебникъ нѣкоего Бургія, разумѣется, на латинскомъ языкѣ, какъ того требовали предразсудки, господствовавшіе тогда въ семинаріяхъ. Учебникъ Бургія раздѣлялся на двѣ части: первая состояла почти изъ однихъ слишкомъ уже краткихъ опредѣленій, часто касавшихся вовсе не сущности предмета, а, такъ сказать, внѣшней его формы. Наприм., отличительною чертою періодовъ у него служили частицы: такъ, причинный періодъ былъ тотъ, въ которомъ употреблялись частицы: *quia*, *quoniam* (потому что) и проч. Самъ періодъ былъ только *inim fundamentum totius eloquentiae* (нижнее основаніе всего краснорѣчія). А *Rhetorica est ars bene, ornate, copiose et* (кажется) *eleganter dicendi* (реторика есть искусство говорить хорошо, красно, обильно и элегантно). Неудовлетворительность такого учебника могъ бы, конечно, вознаграждать наставникъ своими хорошими объясненіями; но Ареопагитскій этимъ не любилъ заниматься, а вѣроятно же всего даже и не умѣлъ. Въ первый классъ онъ дѣйствительно говорилъ что-то

похожее на лекцію, но большинство насъ могло упомнить изъ нея почти только одни слова: по ко ли ку, по то ли ку, которыя онъ очень щедро всюду примѣнялъ. Послѣ мало-по-малу онъ оставилъ всѣ свои объясненія и свои по ко ли ку, по то ли ку, а уже просто-напросто задавалъ уроки от с е л ѣ и до с е л ѣ. Но Бургій былъ слишкомъ кратокъ; то, что слѣдовало пройти въ сентябрьскую третью, мы могли выучить въ нѣсколько недѣль. Какъ же теперь оставаться безъ уроковъ ученикамъ? Какія же отмѣтки дѣлать намъ въ прямо-угольникахъ нотать? Уроки надобны были. Ареопagitскій отыскалъ ихъ въ реторикѣ Лежа я. По своимъ правиламъ краснорѣчія, она отличалась, кажется, еще большею краткостью, нежели Бургій, но зато объемиста была множествомъ рѣчей, которыя произносили римскія разныя лица, встрѣчающіяся въ римской исторіи. Римскіе герои, если судить о нихъ по Титу Ливію, Саллюстію, отличались въ своихъ рѣчахъ лаконизмомъ; о длинныхъ періодахъ нѣмецкаго издѣлія и о краснорѣчьи реторовъ они понятія, кажется, не имѣли. Но г. Лежай вложилъ въ уста ихъ такія рѣчи на латинскомъ языкѣ, въ которыхъ почти ничего не было спроста сказано, которыя изобиловали, какъ въ старое время выражались въ семинаріяхъ, всѣми цвѣтами краснорѣчія, т. е. краснорѣчства; притомъ онъ отличался длиннотою такъ, что иная рѣчь полководца, стоявшаго предъ лицомъ грознаго непріятеля, могла поспорить съ иною изъ нашихъ проповѣдей. Реторическихъ правилъ Лежая мы не касались, но зато выдуманная имъ рѣчь должны были заучивать наизусть, слово въ слово. И нельзя не сознаться, что для большей части изъ насъ это заучиванье было едва-ли не тяжелѣе, нежели для римлянъ побѣда, которую они яко-бы послѣ такой рѣчи одерживали надъ непріятелемъ; многіе же изъ моихъ любезныхъ товарищей рѣшительно не могли пересилить противопоставленнаго имъ врага, т. е. заучить рѣчь. Вторымъ пособіемъ для обученія насъ, русскихъ ребятъ, краснорѣчію было небольшое сочиненіе Цицерона, подъ названіемъ *Consolatio*; мы его называли кон со ла ці е й. Цицерона, разумѣется, нельзя не уважать за многія его прекрасныя, увлекательныя рѣчи, за его философскія сочиненія, напр.: «*De officiis*», «*De senectute*», «*De natura deorum*» и пр. Но про консолацію его можно сказать, что едва-ли кто на свѣтѣ такъ краснорѣчиво печалился о

смерти своей дочери. Спроста тутъ мало говорится; фраза за фразою такъ и слѣдуютъ. Вотъ эту-то консолацию мы и должны были переводить на русскій языкъ, выписывать на особыя тетради и заучивать тѣ фразы, которыя заслуживали вниманія. Знакомили, конечно, насъ и съ россійскимъ, позвольте такъ выразиться, діалектомъ. Въ это время уже кое-что написалъ Пушкинъ, издалъ нѣсколько томовъ своихъ сочиненій Жуковскій, Карамзинъ напечатавъ уже свою исторію; но намъ о Пушкинѣ запрещено было и думать и говорить; мы его сочиненія списывали тайкомъ. Даже сочиненія Карамзина нашимъ ригористамъ казались не очень благонамѣренными. Зато дано было полное благословеніе читать сочиненія Хераскова, его «Россиаду», «Кадма» и «Гармонію». Такое же благословеніе распространялось на переводы сочиненій нѣкоторыхъ мистиковъ, особенно Эккартсгаузена; даже сочиненія г-жи Гіонъ, тогда еще не считавшіяся еретическими, намъ давали для чтенія. Но болѣе всего ректоръ настаивалъ, чтобы читали книжки журнала «Христіанское чтеніе». И при чтеніи русскихъ книгъ намъ приказывали держаться той же методы, которой держались при переводѣ консолаций Циперона, т. е. мы обязывались выписывать на особыя тетрадки тоже фразы, только русскія; изъ мыслей же намъ слѣдовало обращать вниманіе на такъ называемые сравнительные періоды.

Кромѣ выписокъ, т. е. выписыванія нами изъ книгъ различныхъ фразъ на латинскомъ и русскомъ языкахъ, у насъ были и другія практическія занятія по части словесности; это такъ называемыя сочиненія или задачи. Онѣ раздѣлялись на два рода: на сочиненія письменныя и на экспромпты. Первые должно было писать въ видѣ тѣхъ реторическихъ формъ, которыя въ то время считались въ семинаріяхъ безусловно необходимыми; сюда принадлежали: одиннадцать періодовъ, т. е. причинный, сравнительный, уступительный, условный, относительный и пр. Хрія порядочная (*ordinata*), простая и афнѣанова, хрія превращенная: 1-го рода чрезъ предъидущее и послѣдующее (*per antecedens* и *consequens*) и 2-го рода — чрезъ положеніе и противоположеніе (*per thesin* et *hypothesin*), силлогизмы, простые и сложные, всѣхъ сортовъ фигуры и наконецъ рѣчи или разсужденія. Реторика Бургія тѣмъ была замѣчательна, что

авторъ ея ухитрился какимъ-то образомъ на всѣ безъ исключенія формы составить образцы изъ одного предложенія: *homines mutant mores* (почести измѣняютъ нравственность).

Экспромпты назначались собственно для классовъ. Здѣсь наставникъ давалъ предложеніе почти всегда на латинскомъ языкѣ, и ученики обязывались составить какое-либо сочиненіе въ своей головѣ и произнести его устнымъ образомъ, но никакъ не писать и не читать по написанному. Чтобы нельзя было отступить отъ этого правила, въ экстренныхъ случаяхъ, наприм. на экзаменахъ, учениковъ вызывали на средину класса къ столу наставника, гдѣ они и должны были сочинять свои экспромпты. У насъ изъ періодовъ приказывалось употреблять преимущественно сравнительный и уступительный; прочіе періоды, какъ бы хорошо ни были составлены, не имѣли хода; конечно, и ихъ употребляли, но сочинявшаго ихъ за это самое уже не считали успѣшнымъ ученикомъ. Бойкіе ребята рѣшались экспромпты свои облекать въ формы хриъ: кто хотѣлъ отличиться оригинальностью и затѣйливостью, тѣ употребляли нѣкоторыя изъ фигуръ мыслей. Впослѣдствіи экспромптами стали называться тѣ письменныя сочиненія, которыя нужно было сочинять не выходя изъ класса.

И письменныя сочиненія, и экспромпты, излагаясь въ такихъ солидныхъ формахъ, какъ періоды, хрии и пр., должны были составлять на предложенія тоже солиднаго характера. Описаніе какого-либо физическаго явленія или рассказъ о какомъ-нибудь событіи считались недостойными пера и головъ семинарскихъ реторовъ. Имъ большею частію давались для сочиненія предложенія нравственнаго содержанія; въ царствованіе Николая вошли въ моду русскія пословицы или изреченія древнихъ и новѣйшихъ мудрецовъ; это уже былъ своего рода либерализмъ. Намъ Ареопагитскій далъ сначала одно за другимъ два предложенія: *otium est turpe* (праздность постыдна) и *virtus est colenda* (должно быть добродѣтельнымъ). Для многихъ изъ насъ эти предложенія послужили камнемъ преткновенія даже при переводѣ ихъ на русскій языкъ; не всѣ мы были хорошими латинистами даже для того, чтобы понять смыслъ этихъ предложеній. *Otium* у насъ главнымъ образомъ означало спокойствіе, *turpis* — гнусный, *solo* — обрабо-

тываю, пашу. Такимъ образомъ многіе перевели данныя предложенія слѣдующимъ образомъ: покой есть гнусенъ и добродѣтель должна быть обрабатываема и т. п. Вѣдь трудно было на такого рода предложенія написать даже что-нибудь, а на послѣднее требовались отъ насъ всѣ 11-ть періодовъ, притомъ на латинскомъ языкѣ.

Прошло уже $5\frac{1}{2}$ лѣтъ со времени моего поступленія въ училище до того, какъ я началъ слушать лекціи Ареопагитскаго. Въ это время пришлось мнѣ многократно и многообразно знакомиться съ розгами Миртова, Краснова, Родосскаго, съ двухвосткою Вихирева, даже съ плетью Траянова. Но, признаюсь, я боялся Ареопагитскаго едва-ли не болѣе всѣхъ учителей своихъ. Относительно этихъ я по крайней мѣрѣ зналъ, за что они меня накажутъ, въ какомъ случаѣ не только не накажутъ, но и похвалятъ. Но у Ареопагитскаго ничего нельзя было разсчитать; самый лучший ученикъ за самое лучшее сочиненіе могъ быть обруганъ какъ нельзя хуже за одно какое-либо неудачное выраженіе. Чтобы понять весь страхъ, который мы испытывали предъ этимъ господиномъ, я сначала опишу его внѣшность.

Ареопагитскій былъ ростомъ около $2\frac{3}{4}$ аршинъ, если не болѣе, и при такомъ ростѣ казался толстымъ. Поэтому, по всей вѣроятности, вся масса его вѣсила до 10-ти пудовъ. Этотъ полный и многувѣсный господинъ говорилъ довольно густымъ басомъ, который въ минуты негодованія владѣльца его переходилъ въ какую-то пискливую фистулу. Въ этомъ отношеніи онъ былъ похожъ на сильный вѣтеръ, который на просторѣ производитъ звуки низкаго тона, но принужденный проходить узкимъ отверстіемъ или какою-либо щелью издастъ высокий, рѣзкій и непріятный визгъ.

Въ Петербургѣ я былъ нѣсколько знакомъ съ Ареопагитскимъ и находилъ обращеніе его мягкимъ, деликатнымъ и вѣжливымъ. Такой же отзывъ я слыхалъ отъ болѣе близкихъ съ нимъ знакомыхъ и даже отъ его подчиненныхъ по службѣ. Но, какъ учитель, онъ обнаруживалъ самый бранчливый характеръ. Конечно, легко было заслужить его и благоволеніе; для этого стоило въ письменномъ сочиненіи или экспромптѣ употребить одну изъ тѣхъ фразъ, которыя недавно встрѣтились въ переводахъ реторики Лежая или консолаци

Циперона и имъ были особенно рекомендованы. «Хорошо, хорошо, спасибо», проговорить, бывало, нашъ грозный педагогъ, не съ особенною привѣтливостью или пріятною улыбкою, но по крайней мѣрѣ не отругаетъ. Зато и негодованіе его легко пробуждалось, какъ скоро услышитъ онъ выраженіе не по его вкусу или встрѣтитъ въ сочиненіи незатѣйливую простую латынь, не испещренную фразами. Любимою его бранью были слова: каналья и шельма. Непріятно было подобныя привѣтствія выслушивать при 200 товарищахъ, но когда негодованіе педагога усиливалось, — а это случалось чуть ли не каждый классъ, — то каналья и шельма, произносимыя прерывающимся, пискливымъ голосомъ, принадлежавшимъ десятипудовому пугалу, производили какое-то отупляющее впечатлѣніе, тѣмъ болѣе, что въ то же самое время пугало выражало свое негодованіе и раскраснѣвшимся лицомъ, и глазами, готовыми будто выскочить изъ своихъ мѣстъ, и жестами рукъ, а часто стукомъ кулаковъ и ногъ. Это былъ разъяренный не Юпитеръ, а Вулканъ, но намъ отъ этого не было легче. Къ счастью нашему, учителямъ въ семинаріи не предоставлено было тогда право наказывать насъ розгами; нашъ Вулканъ далъ бы себя знать гораздо чувствительнѣе, нежели Родосскій и даже Поликарпъ.

Кромѣ привѣтствій, въ родѣ канальи и шельмы, Ареопagitскій по вергалъ насъ и наказаніямъ. Обыкновеннѣйшее изъ нихъ состояло въ словахъ: на заднюю парту или на конецъ парты. Въ первомъ случаѣ надобно было бы искать себѣ пріюта гдѣ-нибудь на заднихъ столахъ, но тамъ уже все было переполнено, да еще оставалось вовсе безъ мѣстъ человѣкъ 60—70. Ну, и приходилось даже лучшему ученику за одно какое-либо неудачное выраженіе оставаться надолго безъ мѣста. Въ другомъ случаѣ, сѣвши на конецъ парты, можно было постепенно опять добраться до своего мѣста, потому что другіе ученики, которыхъ послѣ посылаетъ педагогъ на конецъ парты, постоянно повышаютъ своихъ тамъ предшественниковъ. Другое наказаніе выражалось словами: къ двери на колѣна. Тутъ иногда цѣлая половина парты и даже болѣе дѣлалась пустою, а у двери на колѣнахъ собиралось многое множество учениковъ; они мало-по-малу уходили за столы, а иногда почти никого не оставалось изъ колѣнопреклоненныхъ на виду. Тутъ иногда про-

фессоръ кричалъ: «Эй, каналы, куда же вы дѣвались? Выходите же!». И вотъ одинъ по одному каналы начинаютъ выдвигаться изъ-за столовъ на средину класса, шмыгая по полу своими колѣнами, и тѣмъ успокоиваютъ раздраженное правосудіе.

Такъ какъ Ареопагитскій почти никогда посланныхъ имъ къ двери на колѣна или на конецъ парты не возвращалъ на прежнія мѣста, а съ другихъ столовъ никто не садился произвольно на вакантныя мѣста, то случалось, что до половины мѣстъ на иномъ столѣ оставались пустыми, тогда какъ множество народа стояло на ногахъ или лежало на полу, какъ мы выражались, въ растяжку. Другіе посмѣлѣе чрезъ нѣсколько дней сами возвращались на свои мѣста, не получивъ на то позволенія отъ г. профессора. Забывалъ ли онъ о своихъ прежнихъ распоряженіяхъ или не хотѣлъ навлекать на себя лишнія хлопоты, или, можетъ быть, раскаявался въ своей опрометчивости, только подобные самовластные поступки учениковъ большею частію оставались безъ замѣчанія съ его стороны. Вообще мы нерѣдко замѣчали, что Ареопагитскій во время вспышекъ своего гнѣва бывалъ какъ-будто въ какомъ-то забытѣ. Онъ имѣлъ обыкновеніе часто спрашивать, какъ мы говорили, «по партамъ», т. е. къ ряду учениковъ, сидящихъ за однимъ столомъ, произнося слово: слѣдующій. Вотъ, бывало, сидитъ онъ разгнѣванный на своемъ мѣстѣ, уставя неподвижно куда-нибудь свои выкатившіеся глаза, выслушиваетъ какіе-либо экспромпты, раздариваетъ щедро слова каналы и шельма, покрикиваетъ «слѣдующій», посылаетъ къ ряду цѣлый десятокъ и болѣе на конецъ парты или къ двери на колѣна, рѣшительно не объясняя, за чтѣ такой приговоръ произносится; въ это время приговоренному можно было оставаться на своемъ мѣстѣ, и полузабывшійся Вулканъ не замѣчалъ ослушанія.

Иногда происходили въ такихъ случаяхъ очень забавныя сцены. Вотъ раздраженный, раскричавшійся Ареопагитскій приподнялъ ученика, который сидѣлъ первымъ не на переднихъ столахъ, а на второмъ или третьемъ ряду ихъ. Ученики, которымъ не нравились привѣтствія въ родѣ шельмы или каналы, или не хотѣлось слышать приговоры къ двери на колѣна, или на конецъ парты, открыто, безъ церемоніи перелѣзали на болѣе заднюю парту, скрывались за нее или присаживались за своего товарища такъ, чтобы ихъ не

было видно. Тутъ послѣ перваго ученика на партѣ при словѣ «слѣдующій» вставалъ иногда уже пятый, десятый и пр., а человѣкъ черезъ пять уже не оказывалось никого на партѣ и по слову «слѣдующій» уже никто не встаетъ. «Что же тамъ никто не встаетъ?» вскрикнетъ Ареопagitскій; «всѣ убрались, каналы, ну, туда и дорога!» и принимается спрашивать другую особенную парту, съ которой ученики не имѣли обычая дѣлать описанныя переселенія. Случалось иногда, что Ареопagitскій самъ замѣчалъ, какъ ученики перелѣзаютъ на другія парты съ той, которую онъ началъ спрашивать. «Что, каналы, скажетъ тутъ, полѣзли, экъ они! ну, туда и дорога!».

Однажды лицо, совершенно не принадлежащее къ классу, подверглось негодованію нашего грознаго педагога. Во время сильнаго его негодованія кто-то постучался у наружной стороны двери нашего класса; на этотъ стукъ обыкновенно кто-либо изъ сидѣвшихъ вблизи двери учениковъ выходилъ, чтобы узнать, кому и кого нужно. Но тутъ видя, что наставникъ находится въ какомъ-то бѣшенствѣ, никто не тронулся съ мѣста. Стучавшій, полагая, что онъ стучить не очень сильно, началъ дѣйствовать поэнергичнѣе, наконецъ, не получая никакого отвѣта, онъ уже такъ застучалъ, что самъ Ареопagitскій примолкъ. «Посмотрите, кто это тамъ», сказалъ онъ со сдержаннымъ негодованіемъ. Стучавшій былъ по несчастію дьячокъ. И когда Ареопagitскій услышалъ, что его патетическая лекція прервана такимъ ничтожнымъ и презрѣннымъ созданіемъ, то вышелъ совершенно изъ себя. «Сюда его, каналю, сюда его!» закричалъ онъ. Дьячка втащили въ классъ. «Ты это что тамъ забарабанилъ, каналья? Вѣрно думалъ, шельма, что на колокольню залѣзъ. Вотъ я тебя. На колѣна, каналья, на колѣна!».

И растерявшійся дьячокъ смиренно сталъ на колѣна въ срединѣ пустаго пространства противъ стола профессора и простоялъ до конца класса.

У такого-то учителя мы начали курсъ той словесности, которая должна была положить основаніе къ тому, что изъ насъ вышли проповѣдники слова Божія на церковныхъ кафедрахъ. Впрочемъ, о русскомъ языкѣ онъ не очень и заботился; латынь, латынь, вотъ чему онъ насъ главное училъ. Но и латынь наша подъ его

вліяніемъ была не римская, а какая-то русская, семинарская. Желая угодить своему грозному наставнику или по крайней мѣрѣ избѣжать его привѣтствій въ родѣ: «каналья, шельма», мы всячески старались изукрасить свои періоды и хриіи всѣми фразами, которыя намъ подъ руку попадались; спроста сказать, ясно и просто выразить мысль считалось недостаткомъ; напротивъ, чѣмъ затѣйливѣе, замысловатѣе, растяжнѣе была рѣчь, тѣмъ болѣе она нравилась намъ. Вотъ, напр., образчикъ, какъ мы смотрѣли на краснорѣчіе. Если бы намъ нужно было сказать по-латыни: всѣ люди должны любить Бога, то мы никакъ не осмѣлились бы выразить эту мысль на латинскомъ языкѣ словами: *omnes homines ament Deum*, или *omnes homines Deum amare debent*. Мы бы постарались вмѣсто 4—5 словъ написать нѣсколько строкъ, напр., *omnes, quotquot sunt, qui hanc, quam vivimus, vitam peragunt, homines, inextinguibili erga nostrum omnipotentem et omniscientem Creatorem amoris igne flammare debent*, т. е. всѣ люди, сколько ихъ ни есть, которые живутъ тою же жизнію, которую ведемъ и мы, должны пламенѣть неугасимымъ огнемъ любви къ нашему всемогущему и всевѣдущему Творцу. И повѣрьте, подобнаго рода длинноглаголаніе нашему наставнику понравилось бы несравненно болѣе, нежели 4—5 словъ, выразившихъ ту же самую мысль, только съ полною ясностью и простотою.

Къ счастію нашему, Ареопагитскій училъ насъ недолго; на мѣсто его присланъ былъ къ концу сентябрской трети магистръ Московской духовной академіи, Николай Ивановичъ Надеждинъ, сдѣлавшійся послѣ извѣстнымъ и въ литературѣ. О немъ я скажу тоже въ особой главѣ, а теперь займусь другими тогдашними нашими педагогами.

Гражданской исторіи временно насъ обучалъ священникъ, кандидатъ Московской духовной академіи, Петръ Васильевичъ Поспѣловъ. Мало я встрѣчалъ людей, которые были бы простодушнѣе и добрѣе его. Правда, мы иногда умѣли выводить его изъ терпѣнія, но въ это-то время еще яснѣе становилось, что онъ неспособенъ сердиться, что гнѣвъ вовсе не къ лицу ему. Относительно преподаванія имъ исторіи нечего распространяться;

онъ намъ ея не преподавалъ, а задавалъ только уроки изъ нея и прослушивалъ ихъ, да еще пошучивалъ съ нами, а главное на наши нотаты не обращалъ никакого вниманія. Я объ немъ еще буду говорить, когда дѣло дойдетъ до богословскаго класса, гдѣ онъ читалъ библейскую и церковную исторію и греческій языкъ. Теперь же онъ пересталъ у насъ профессорствовать вмѣстѣ съ Аренагитскимъ, и мѣсто его занялъ только-что кончившій курсъ въ Московской духовной академіи кандидатъ Александръ Васильевичъ Виноградовъ. Ему поручено было преподавать также еврейскій языкъ. за чтѣ онъ отъ богослововъ получилъ прозвище: «шева», такъ почти всѣ заочно его и звали.

Виноградовъ по добротѣ души своей развѣ немного уступалъ Поспѣлову, только держалъ себя солиднѣе послѣдняго. Говорили, что онъ очень умный человѣкъ, но мы въ классѣ своемъ вовсе не видали доказательствъ его ума. Онъ только и выдалъ намъ введеніе въ исторію, написанное не совсѣмъ хорошимъ слогомъ, а затѣмъ училъ почти такъ же, какъ пего предшественникъ, т. е. давалъ уроки изъ тогдашняго учебника Шрекка и прослушивалъ ихъ. Собственно лекцій онъ намъ не говаривалъ, да едва-ли могъ и говорить. Прежде всего онъ нѣсколько заикался. Потомъ, несмотря на довольно крѣпкую повидимому организацію, онъ пріѣхалъ къ намъ съ матовымъ оттѣнкомъ на лицѣ и съ глухимъ, какъ бы гробовымъ голосомъ, признаками зарождающейся чахотки, отъ которой впослѣдствіи онъ и умеръ.

Несмотря на доброту его, у насъ не было къ нему любви, даже уваженія. Причиною того были два обстоятельства. Онъ любилъ пересматривать наши нотаты и налагать наказанія тѣмъ, которые записаны были въ нихъ незнающими, даже жаловался и ректору. за чтѣ, разумѣется, намъ спасибо не говорили. Но болѣе всего онъ не понравился тѣмъ, что задавалъ очень большіе, по нашему мнѣнію, уроки. Неудовольствіе свое въ послѣднемъ случаѣ мы обыкновенно любили выражать слѣдующимъ образомъ. Услыхавъ, сколько онъ задалъ страницъ урока, мы начинали сначала глухо, низкимъ тономъ, говорить: много, много; потомъ, когда онъ послѣ молитвы обращивался къ двери, чтобы уйти изъ класса, мы возвышали тонъ и достигали до самыхъ высокихъ нотъ. Можете судить, что-за шумъ

и гамъ происходилъ, когда если не всѣ 200, но по крайней мѣрѣ 100 человѣкъ кричали: много, много. Виноградовъ останавливался, возвращался назадъ, старался разыскать, кто шумѣлъ, но, обратившись къ одной сторонѣ, онъ слышалъ шумъ съ другой и обратно. Не помогло ему и то обстоятельство, что онъ началъ задавать уроки не вслухъ, а одному старшему. Мы хоть ровно ничего не знали, сколько страницъ намъ приказывается выучить къ слѣдующему классу, все-таки кричали: много, много!. Бывали случаи, что онъ даже и не задавалъ уроковъ въ классѣ, но мы все-таки ревѣли свою, такъ сказать, бурсацкую марсельезу, пока наконецъ начальство очень энергическою мѣрою не положило конецъ нашему революціонному настроенію.

Прочіе предметы намъ преподавались уже не настоящими профессорами или учителями, а лекторами. Дѣло состояло въ томъ, что по случаю недостатка въ наставникахъ, или изъ желанія облегчить ихъ, давались имъ въ помощники лучшіе ученики богословія, которые и назывались лекторами. Почтеннѣйшимъ изъ нихъ былъ лекторъ словесности, которымъ у насъ былъ мой тудоръ Вихиревъ. Этотъ лекторъ иногда ходилъ и въ классъ вмѣсто профессора, особенно когда нужно было только переводить Лежая или Цидерона. Но главною его обязанностью было читать и исправлять наши сочиненія и давать имъ рекомендаціи. Дѣло это велось очень часто самымъ небрежнымъ образомъ. Г-ну лектору почему-либо не заблагоразсуждалось самому трудиться надъ оцѣнкою нашихъ литературныхъ произведеній; онъ раздавалъ ихъ своимъ пріятелямъ-товарищамъ, а иногда и аматерамъ-философамъ. Охотниковъ набиралось очень много; вѣдь всякому пріятно было разыгрывать нѣчто въ родѣ профессора словесности, покритиковать наши задачки, посмѣяться надъ нашими промахами и съ размаху подписать: *bene* или *male* (хорошо или худо) и пр. Со мною жилъ въ одной комнатѣ очень посредственный ученикъ философіи Степанъ Волковъ. Онъ, составляя свои сочиненія, очень часто спрашивалъ у меня, какъ то или другое слово выражается на латинскомъ языкѣ, принимаетъ ли сослагательное или изъявительное наклоненіе та или другая частица, какого падежа требуетъ тотъ или

другой глаголь и пр., и между тѣмъ этотъ господинъ особенно любилъ читать или, какъ тогда выражались, черкать наши задачи.

Прочіе лекторы преподавали языки французскій, нѣмецкій и греческій. Сами профессора читали языки новѣйшіе только ученикамъ средняго отдѣленія, а въ низшемъ отдѣленіи учительствовали уже лекторы. Относительно греческаго языка было особое распоряженіе. Первый высшій классъ составлялся изъ богослововъ, но къ нимъ присоединялось до половины лучшихъ философовъ. Остальные затѣмъ, съ присоединеніемъ къ нимъ лучшихъ ретористовъ, составляли второй классъ. Наконецъ къ третьему классу принадлежали ретористы, не попавшіе во второй. Въ первомъ классѣ преподаеть греческій языкъ профессоръ, а во второмъ и третьемъ уже лекторы. У насъ лекторами были по языкамъ: нѣмецкому—Обновленскій, французскому — Грифцовъ, по греческому тотъ же Обновленскій и Ситковскій. Изъ нихъ Грифцовъ даже между семинаристами не считался знатокомъ французскаго языка. Его сдѣлали лекторомъ во вниманіе къ его шпіонскимъ качествамъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЗАПИСКИ Д. И. РОСТИСЛАВОВА,

профессора Спб. духовной академіи.

ГЛАВА XXXVI ¹⁾).

О Николаѣ Ивановичѣ Надеждинѣ.

Кромѣ патріотизма или лучше патріотическаго хвастовства, общаго для всѣхъ лицъ вообще, принадлежащихъ къ какому-либо государству, есть еще разнаго рода мѣстныя, такъ сказать, патріотическія хвастовства. Любятъ похвастаться и своею губерніей, и своимъ уѣздомъ, и своею деревнею, и своимъ сословіемъ, и училищемъ, мѣстомъ своего воспитанія. Всякій такого рода патріотизмъ старается въ своей мѣстности отыскать въ прошедшемъ и въ настоящемъ какого-либо генія, которымъ можно было бы похвалиться. Такимъ геніемъ для духовенства Рязанской епархіи служитъ Николай Ивановичъ Надеждинъ, бывшій профессоромъ Московскаго университета, редакторомъ журналовъ «Телескопа» и министерства внутреннихъ дѣлъ и чиновникомъ особыхъ порученій при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. И нынѣ еще старые рязанскіе священники, при разговорахъ о немъ, любятъ восхищаться его геніальностію; рассказы о немъ иногда принимаютъ даже легендарный характеръ.

Онъ былъ сыномъ священника Зарайскаго уѣзда, села Спасоуми въ ста пяти верстахъ отъ Московско-Рязанской желѣзной

¹⁾ См. „Русскую Старину“ 1893 г., октябрь.

дороги. Какъ бойкій и даровитый ребенокъ, онъ скоро выучился церковной и гражданской грамотѣ, и часто читалъ разные псалмы и молитвы въ церкви. Отецъ, видя такіе таланты въ сынѣ, подумалъ, что нѣтъ надобности отдавать его въ семинарію, счелъ за лучшее пристроить его дьячкомъ въ своемъ селѣ и явился вмѣстѣ съ нимъ къ тогдашнему архіерею Теофилактору, чтобы просить о дьячковскомъ мѣстѣ. Это происходило въ 1815 году или около того. До сихъ поръ сохранилось преданіе, что будто бы прошеніе къ владыкѣ было написано не то что правильными стихами, а какъ бы рифмованными строками — произведеніемъ самого Надеждина, который тогда имѣлъ никакъ не болѣе 12 лѣтъ. Архіерей, прочитавши такую оригинальную просьбу, спросилъ отца о томъ, кто сочинилъ ее. Отецъ, разумѣется, не сталъ скрывать автора, надѣясь, вѣроятно, чрезъ это расположить къ нему владыку. Теофилактъ вступилъ въ разговоръ съ Надеждинымъ, и по его живымъ и выразительнымъ глазамъ, по его бойкой рѣчи, по его мѣткимъ и остроумнымъ отвѣтамъ увидѣлъ, что изъ этого мальчугана можетъ быть нѣчто получше причетника Спасооумтской церкви. Владыка побранилъ отца за то, что онъ съ такою способностію къ ученью мальчика хочетъ приготовить къ дьячковскому мѣсту.

— Изъ него, прибавилъ будто-бы владыка, со временемъ выйдетъ человекъ поумнѣе и тебя и меня.

Отецъ сталъ оправдываться бѣдностію, какъ обыкновенно поступали въ то время и послѣ духовныя лица; Теофилактъ уладилъ дѣло такъ, что мѣсто предоставлено для пользованія доходами Надеждину, который, какъ слышалъ я, владѣлъ имъ, обучаясь даже въ Московской духовной академіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ тотчасъ велѣлъ записать его въ число учениковъ Рязанскаго училища и взялъ подъ особое свое покровительство. Несмотря на свою даровитость, Надеждинъ съ перваго раза не былъ такъ хорошо подготовленъ, какъ товарищи, съ которыми ему пришлось вмѣстѣ учиться. Поэтому его отдали подъ надзоръ лучшихъ учениковъ семинаріи; одинъ изъ нихъ, теперешній протоіерей Рязанскаго дѣвичьяго монастыря А. Д. Модестовъ былъ обязанъ учить мальчугана греческому языку и еженедѣльно докладывать владыкѣ объ успѣхахъ своего питомца. Надеждину при его дѣйствительно замѣ-

чательныхъ способностяхъ не трудно было сравняться со своими товарищами; чрезъ годъ, или не много болѣе, онъ поступилъ уже въ семинарію и, поучившись здѣсь четыре года въ низшемъ и среднемъ отдѣленіяхъ, посланъ былъ въ Московскую духовную академію. Такимъ образомъ весь его училищно-семинарскій и академическій курсы продолжались только девять лѣтъ, тогда какъ года три тому назадъ по обыкновенному ходу дѣлъ нужно было для этого поучиться 16 лѣтъ.

Отличаясь умственными способностями, Надеждинъ не менѣе отличался въ семинаріи и своею шаловливостію. Въ первые два года моего обученія въ Рязани и даже послѣ того, попадались еще очень многіе семинаристы, которые помнили, какъ онъ еще учился въ Рязани, и всѣ единогласно говорили, что это былъ самый шаловливый мальчикъ, покою не давалъ товарищамъ, да и учителямъ надоѣдалъ своею рѣзвостію; только отличные успѣхи, которые впрочемъ ему не стоили большихъ трудовъ, заставляли педагоговъ смотрѣть сквозь пальцы на проказы его. Шаловливость перешла вмѣстѣ съ нимъ и въ академію; ему, избалованному еще въ домѣ отца своего и видѣвшему снисхожденіе къ себѣ въ пятилѣтнее обученіе въ Рязани, некогда было выдисциплинироваться, приучиться хоть по наружности къ той притворной, а часто и приторно скромной маскѣ, какую приучались и умѣли надѣвать въ свое время семинаристы. Быстрые и живые его способности помогали ему съ перваго раза замѣчать несообразности въ разговорѣ и поступкахъ другихъ людей; отчего развилась въ немъ очень сильная страсть къ остроумію и къ насмѣшливости, не оставлявшая его и въ зрѣлыхъ лѣтахъ. Въ академіи она была непріятна не только начальству, но и товарищамъ. Рассказываютъ особенно одинъ случай, при которомъ его страсть посмѣяться надъ товарищами уже очень далеко заходила. Между ними былъ одинъ—Дроздовъ, который въ 1841—1847 г. г. былъ ректоромъ Петербургской духовной академіи, а потомъ архіереемъ въ Саратовѣ и Астрахани. Они считались между собою пріятелями. Надеждинъ уговорилъ Аѳанасія подать вмѣстѣ прошеніе о поступленіи въ монашество, что такъ нравилось академическому начальству. Оба просителя явились къ ректору, или инспектору, не знаю, съ одною просьбою;

обоихъ, какъ отличныхъ по способностямъ и успѣхамъ студентовъ, начальство очень радо было завербовать подъ кlobукъ. Но просьбы о желаніи принять ангельскій чинъ не могли быть подаваемы коллективнымъ порядкомъ; каждый долженъ былъ написать особое прошеніе; имъ это и посовѣтовали сдѣлать поскорѣе, чтобы какъ-нибудь мысли не приняли другаго направленія. Надеждинъ успѣлъ убѣдить Аѳанасія, что имъ уже все сдѣлано. Аѳанасій подалъ прошеніе и постриженъ въ монашество, а Надеждинъ и не думалъ о томъ; слыхалъ я, что даже все это было сдѣлано только изъ желанія подшутить надъ своимъ пріятелемъ. Несмотря на доброту и умъ тогдашнихъ академическихъ ректора Кирилла Богословскаго-Платонова и инспектора Платона Березина, Надеждинъ не могъ вполнѣ имъ нравиться, притомъ въ то время, когда Филаретъ Дроздовъ началъ уже придавать академіи суровый аскетическій характеръ. Онъ кончилъ курсъ подъ № 8, тогда какъ, разумѣется, былъ лучшимъ студентомъ; стоящій въ одномъ съ нимъ списокѣ подъ № 3 его землякъ Макарій Зилинъ не стоилъ, какъ говорили, его подметки. Будь Надеждинъ въ академіи студентомъ съ такъ называемымъ прекраснымъ поведеніемъ, ему не быть бы профессоромъ Рязанской семинаріи; онъ непременно былъ бы оставленъ при академіи бакалавромъ. Въ Рязанскую семинарію онъ пріѣхалъ въ концѣ ноября, или въ началѣ декабря, хорошенько не припомню. Ареопагинскій въ послѣдній разъ пришелъ къ намъ послѣ обѣда въ понедѣльникъ. Урокомъ былъ переводъ Цицероновой консоляціи или какой-то рѣчи изъ риторики Лежня. Къ нашему удивленію, онъ велъ себя очень сдержанно и вовсе не ругался, не посылалъ ни къ двери на колѣни, ни на конецъ парты, ни разу не употребилъ словъ: каналъ и шельма; видно было по всему, что онъ сдерживалъ себя и хотѣлъ съ нами мирно разстаться. Когда нужно было выходить изъ класса, онъ сказалъ нѣсколько словъ въ родѣ прощальной рѣчи растроганнымъ голосомъ; даже казалось, что едва-ли у него не появились слезы на глазахъ. Я уже говорилъ, что онъ самъ по себѣ былъ добрый человѣкъ, но, получивши грубое, бурсацкое воспитаніе, онъ думалъ, что съ учениками нѣтъ нужды слишкомъ це-

ремониться, что мягкое деликатное обращеніе къ нимъ непримѣнимо; тутъ нужна была гроза.

На слѣдующій день мы должны были въ первый разъ увидѣть у себя въ классѣ Надеждина. Ужъ давно предупредили насъ объ его гениальности; старшіе предъ нами семинаристы даже завидовали намъ въ томъ, что мы станемъ слушать его; и надобно правду сказать, мы гордились этою выпавшею на нашу долю привилегіею. Въ это время я жилъ съ учениками богословія, и мнѣ они велѣли наблюдать за всѣми пріемами и словами новаго профессора съ тѣмъ, чтобы потомъ пересказать имъ. По утру часу въ девятомъ Иліодоръ по обычаю ввелъ его къ намъ; мы увидѣли человѣка, невысокаго роста, немножко сгорбленнаго, съ блѣдноватымъ лицомъ, съ очень большимъ орлинымъ носомъ, съ живыми и проницательными глазами. Ректоръ сказалъ обычное въ такихъ случаяхъ поученіе и ушелъ; остался одинъ Надеждинъ. У насъ былъ урокъ изъ той же консольяціи Цицерона. Надеждинъ не сталъ заниматься переводомъ ея, а далъ намъ, какъ мы тогда выражались, подражаніе. Для объясненія этихъ словъ надобно сказать, что въ то время въ риторическомъ классѣ духовныхъ семинарій было въ обычаѣ, вмѣсто періодовъ, хрій и пр., иногда избирать какую-либо небольшую латинскую статью, давать предложеніе, которое было бы не слишкомъ близко къ тому, о чемъ въ ней говорилось, но и не очень отъ нея различалось. Изъ этого-то предложенія и надобно было составить подражаніе, въ которомъ бы мысли, относящіяся къ данному предложенію, примѣнялись къ указанному образцу, заимствовали изъ него нѣкоторыя слова и выраженія; можно сказать, повторялось бы почти то же самое, только на другой ладъ. Начали мы читать ему свои предложенія и увидѣли, что имѣемъ дѣло съ профессоромъ не похожимъ на Ареопагинскаго. Вмѣсто того, чтобы подобно этому 10 — 12 пудовому господину сидѣть на своемъ стулѣ, щедро разсыпать оттуда свои: «канальи» и «шельмы», «къ двери на колѣни», «на конецъ парты», Надеждинъ быстро переходилъ отъ одного стола къ другому, внимательно выслушивалъ подражаніе; спокойно исправлялъ недостатки и больше говорилъ: «хорошо, спасибо», никого не ругалъ, не сказалъ никому грубаго или оскорбительнаго замѣчанія,

былъ снисходителенъ, привѣтливъ, даже вѣжливъ. Конечно, это былъ первый классъ, спрашиваемые были лучшіе ученики, но Ареопagitскій успѣлъ бы накричаться до самой высокой фистулы. Поэтому мы были въ восхищеніи отъ своего новаго профессора. Послѣ нашли и въ немъ недостатки; случалось, что и побранивали его за нихъ, но вообще мы любили его, даже гордились тѣмъ, что имѣемъ такого наставника.

Вмѣсто Бургія Надеждинъ началъ для насъ составлять свои лекціи на русскомъ языкѣ. Къ сожалѣнію, я не могъ нигдѣ достать ихъ въ настоящее время. Отъ человѣка, хоть и даровитаго, но только-что кончившаго курсъ въ академіи, нельзя было ожидать чего-либо новаго, оригинальнаго и совершеннаго; эти качества пріобрѣтаются временемъ и усидчивою работою. И потому не удивительно, что лекціи Надеждина не заключали въ себѣ ничего особеннаго, что показывало бы въ авторѣ передоваго человѣка, прокладывающаго новую дорогу въ наукѣ; по содержанію своему, онѣ не отличались почти ничѣмъ отъ бывшихъ тогда въ употребленіи риторикъ Рижскаго и Толмачева. Только Надеждинъ, несмотря на первый свой опытъ, умѣлъ доказать свою способность излагать мысли въ очень строгомъ систематическомъ порядкѣ. Начинались онѣ небольшимъ параграфомъ, въ которомъ доказывалось, что человѣкъ имѣетъ право выражать свои мысли словомъ. Два первыхъ періода его я до сихъ поръ помню; вотъ они: «даръ слова, или способность выражать внутреннія видоизмѣненія ума, сердца и воли посредствомъ виѣшнихъ членораздѣльныхъ звуковъ составляетъ существенную и необходимую принадлежность человѣка. Какъ духъ, облеченный плотію, онъ долженъ воплощать свои мысли, свои чувствованія и желанія». Замѣчательно, что въ этихъ строкахъ, написанныхъ немножко высокимъ слогомъ, тогдашнее наше начальство нашло, конечно, не ересь, а слово, которое какъ будто бы профанировало одинъ изъ догматовъ православнаго богословія. Это слово было: воплощать. Какъ же можно употреблять выраженіе: воплощать мысли, чувствованія и желанія, когда слово воплощеніе прилагается къ Иисусу Христу; и потому Надеждинъ, вмѣсто него, употребилъ слово: овеществлять. Тогдашній архіерей Филаретъ гораздо лучше оцѣнилъ этотъ параграфъ, до-

вольно тонко намекнувши, что онъ написанъ не совсѣмъ понятно для учениковъ. Выслушавъ, какъ читалъ его скороговоркою на экзаменѣ очень посредственный ученикъ, старецъ сказалъ:

— Да понимаешь ли ты то, что читаешь?

Впрочемъ, высокостью слога отличались весьма немногіе параграфы; все прочее было изложено ясно и просто. Въ первый годъ Надеждинъ выдалъ намъ только первую часть риторики. Тутъ говорилось объ однѣхъ, такъ сказать, казенныхъ формахъ, которыя были въ то время обязательными для всѣхъ начинавшихъ учиться словесности; о періодахъ причинномъ, условномъ, сравнительномъ и пр. — о хріяхъ порядочной, автоніановой, превращенной *per aptecedens et consequens*, *per thesin et hypothesis*, о тропяхъ, о фигурахъ словъ и мыслей и пр., сюда же присоединены были и знаки препинанія. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ авторъ ужъ слишкомъ былъ словоохотливъ, напримѣръ, о тропѣ, извѣстномъ подъ названіемъ метафоры, онъ написалъ болѣе листа. Но нельзя не сказать спасибо ему за то, что многіе примѣры на разныя формы бралъ изъ русскихъ поэтовъ; это было едва-ли не лучшею заслугою лекцій.

По тогдашнему взгляду на риторику, въ семинаріяхъ вторая часть ея должна бы толковать объ обязанностяхъ оратора. Но Надеждину не удалось написать ее на русскомъ языкѣ. Въ 1825 г., кажется, предъ каникулами, получено было въ нашей семинаріи предписаніе комиссіи духовныхъ училищъ между прочимъ о томъ, чтобы словесность читалась по учебнику Бургія. И вотъ мы послѣ каникулъ принуждены были взяться за это пустѣйшее латинское руководство. Надеждинъ намъ, конечно, изъяснялъ его, пополнялъ своими мнѣніями, но все уже это было не то, что его лекціи на русскомъ языкѣ. Не утерпѣлъ онъ только къ концу курса: не задолго до него онъ далъ намъ листа два-три своихъ записокъ объ ораторахъ съ тѣмъ, чтобы мы ихъ выучили къ публичному экзамену.

Но занятія учениковъ по словесности не ограничивались однѣми лекціями; къ нимъ присоединялись переводы латинскихъ авторовъ и такъ называемыя сочиненія или задачи. И въ этомъ отношеніи Надеждинъ въ Рязанской семинаріи не шелъ впереди своего вѣка, впереди даже Ареопagitскаго. Переводили мы съ нимъ

только ту же консольцію Цицерона и рѣчи той же риторики Лежня, какъ и до него, выписывали и обязывались помнить встрѣчающіяся фразы, и даже, увы! учили на память выдуманныя рѣчи Лежня на самодѣльномъ латинскомъ языкѣ его, не принадлежавшемъ ни къ золотому, ни серебряному, ни даже къ желѣзному вѣку римской литературы. Задачки писали мы, по распоряженію своего профессора, большею частію на латинскомъ языкѣ, по формамъ, употреблявшимся только въ риторикахъ, о предметахъ, которые отзывались семинарскимъ вкусомъ. Къ этому надобно прибавить, что Надеждинъ не отличался въ нашей семинаріи слишкомъ большимъ усердіемъ къ исполненію своихъ наставническихъ обязанностей. Развлекаясь ли своими знакомствами, или тяготясь пустотою и мелочностію риторическихъ занятій, онъ очень неисправно сдавалъ намъ свои лекціи, и мы по нѣскольку недѣль оставались безъ уроковъ; потомъ вдругъ были завалены списываньемъ и заучиваньемъ ихъ. Задачки и тогда не были въ-время прочитываемы и надлежащимъ образомъ исправляемы самимъ профессоромъ; ихъ кучами отдавали лектору, а этотъ аматерамъ—философамъ и богословамъ. Во второй годъ, съ расширеніемъ круга знакомыхъ и съ принятіемъ на себя должности учителя латинскаго языка въ гимназіи, Надеждинъ еще менѣе занимался нашими задачками; предъ окончаніемъ учебнаго года онъ намъ ихъ сдалъ, конечно, съ рекомендаціями, но мы находили много доказательствъ того, что бѣольшая ихъ часть едва-ли была прочитана тѣмъ, кто подписывалъ рекомендацію. Я помню, что во многихъ моихъ задачкахъ рѣшительно не было исправлено ни одного слова.

Такая небрежность бросилась намъ въ глаза и не нравилась по особому обстоятельству. Въ началѣ втораго года нашего риторическаго курса насъ раздѣлили на два параллельныхъ класса, которые мы называли первою и второю риторикою. Въ первой, куда попалъ и я, профессорствовалъ Надеждинъ, а во вторую присланъ былъ наставникомъ магистръ Петербургской духовной академіи Иванъ Владиміровичъ Массальскій. Человѣкъ онъ былъ бойкій, оборотливый, неутомимый говорунъ, знатокъ латинскаго языка, весьма свободно на немъ объяснявшійся. Послѣ, поступивши въ Петербургскую семинарію, онъ слишкомъ увлекся желаніемъ

поскорѣе разбогатѣть при помощи уроковъ словесности, которые онъ давалъ въ частныхъ домахъ и учебныхъ заведеніяхъ; и потому въ семинаріи считался не лучшимъ наставникомъ. Но въ Рязанской семинаріи онъ удивлялъ всѣхъ своею исправностію; особенное вниманіе обращалъ онъ на ученическія задачи и исправлялъ ихъ самымъ тщательнымъ образомъ, даже почти передѣлывалъ; лектору его работы было немного, да и та была имъ повѣряема. Зная это и вмѣстѣ съ тѣмъ видя, что наши задачи или по нѣсколькимъ мѣсяцевъ лежатъ у Надеждина не прочитанными или сданными намъ не исправленными, мы, ученики его, не очень были благодарны ему за такую небрежность.

Русскому языку Надеждинъ насъ почти вовсе не училъ. Я уже сказалъ, что большая часть нашихъ задачъ была нами писана на латинскомъ языкѣ. Это еще можно извинить тогдашнимъ обычаемъ, даже чуть ли не закономъ. Но и при этомъ Надеждину была возможность поучить насъ излагать свои мысли правильнымъ и чистымъ русскимъ языкомъ и познакомить насъ съ лучшими произведеніями русской литературы. Между тѣмъ наши русскія задачи также оставались безъ поправокъ, какъ и латинскія, и никогда не критиковались въ классѣ. Потомъ, сколько я могу припомнить, Надеждинъ вовсе почти намъ не читалъ никакихъ сочиненій лучшихъ русскихъ авторовъ. Въ 1825 и 1826 гг. Пушкинъ уже издалъ много своихъ сочиненій, а мы на классѣ русской словесности вовсе не слыхали ничего объ этомъ писателѣ, который, какъ ни говорите, произвелъ переворотъ въ нашей литературѣ. Равнымъ образомъ, на томъ же классѣ словесности намъ не было читано ничего похожаго на русскую литературу. Съ русскими писателями въ классѣ мы знакомились только по тѣмъ отрывкамъ, которые изъ ихъ сочиненій попадали въ наши лекціи. Можетъ быть, въ курсъ тогдашней семинарской риторики не входила исторія русской литературы, но профессору русской словесности въ русскомъ среднемъ учебномъ заведеніи въ 1825 и 1826 г. слѣдовало бы сообщить свѣдѣнія о русскихъ писателяхъ. Результатомъ описаннаго мною преподаванія словесности было то, что мы, несмотря на значительныя способности профессора, писали по русски такъ же, какъ

и семинаристы других семинарій, даже похуже многихъ, какъ послѣ оказалось, когда мы поступили въ академію.

Забылъ было я сказать объ одномъ изъ нашихъ занятій по части словесности. При помощи его, конечно, не думали научить насъ собственно русскому языку, а хотѣли пробудить въ насъ соревнованіе и потомъ постепенно дѣлать изъ насъ ораторовъ; не даромъ цѣлая вторая часть риторики говорила объ обязанностяхъ оратора. Затѣю эту слѣдуетъ впрочемъ приписать не Надеждину, а Иліодору. Она состояла въ томъ, что каждый профессоръ обязанъ былъ представлять на усмотрѣніе ректора лучшія ученическія задачи. Ректоръ прочитывалъ ихъ и, отобравши изъ нихъ болѣе достойныя, назначалъ экстракты, такъ сказать, собраніе, въ которомъ каждый ученикъ долженъ былъ читать свои произведенія; когда риторика уже раздѣлена была на два параллельные класса, собраніе состояло изъ нихъ обоихъ. Для приданія торжественности чтенію, устроена была особая каеэдра въ родѣ ящика, открытаго съ двухъ сторонъ. Сюда-то мы влѣзали, клали свои витіеватыя хриіи и рѣчи на выдававшуюся впередъ дощечку и полупроповѣдническимъ тономъ читали ихъ, стараясь даже жестикулировать и особенно поднимать одну или обѣ руки къ Творцу Создателю.

Несмотря на всѣ недостатки преподаванія, мы, повторяю, очень любили Надеждина за его ласковое съ нами обращеніе, за его объясненія на лекціяхъ; мы любили имъ похваливаться. Но онъ особенное вниманіе къ себѣ возбудилъ однимъ такъ называемымъ діалогомъ. Въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ издавна существовали такъ называемые публичные экзамены; я ихъ очень подробно описалъ въ своемъ сочиненіи объ устройствѣ духовныхъ училищъ. Здѣсь скажу, между прочимъ, что ихъ лучше назвать не экзаменами, а сценическими представленіями, такъ сказать, *разыгрываніями экзаменовъ*. Большою частію къ нимъ за нѣсколько недѣль приготавлились, потомъ украшали стѣны разными гирляндами изъ цвѣтовъ, усыпали полы цвѣтами; на нихъ въ промежуткахъ между предметами, читали рѣчи, стихи, пѣли кантаты, концерты и пр. Надеждинъ захотѣлъ отличиться новостію, не бывалою въ Рязанской семинаріи. Онъ написалъ стихами разговоръ между четырьмя учениками, которые, выслушавъ курсъ словесности, разсуждаютъ о пре-

восходствѣ духовнаго просвѣщенія надъ всѣми другими родами просвѣщенія. Двое изъ разговаривавшихъ были главными дѣйствующими лицами,—почти одни попеременно рассуждали; другіе двое только кое-гдѣ вставляли свое словечко. Роли первыхъ двухъ поручены были ректорскому брату Чистякову и его пріятелю Меньшову, которые впрочемъ въ спискѣ занимали первыя мѣста, а вторыя роли Ижевскому—любимцу и фавориту Гедеона, и Серберинову,—отличавшемуся красивымъ личикомъ. Діалога этого я не имѣю въ рукахъ, да онъ вѣроятно затерянъ; но вотъ отрывокъ изъ него, который я упомянулъ. Въ немъ нѣкоторыя забытыя мною слова не даютъ мнѣ возможности написать его стихами; но по немъ можно читателю судить о духѣ самого діалога. «Титъ Ливій, Фукидидъ, Полибій, Ксенофонтъ.... могли ль огнемъ и силою сравниться съ Моисеемъ? Не бесконечно ли возвышеннѣй Орфея, Пиндара—Давидъ?... И можно ли Платона назвать ученикомъ хоть Соломона?»

Для почитателей Николая Ивановича Надеждина, можетъ быть, покажется страннымъ и даже обиднымъ, что я, называя его талантливымъ и даже геніальнымъ, между тѣмъ говорю почти объ однихъ его слабостяхъ и недостаткахъ. Что же дѣлать? Я не составляю панегирика, а пишу то, что дѣйствительно было; и геніи имѣютъ слабости; et *Numerus aliquando dormitat*. Впрочемъ, по моему мнѣнію, недостатки, которыми страдало преподаваніе словесности въ Рязанской семинаріи, происходили не оттого, что онъ былъ по своимъ способностямъ и свѣдѣніямъ, какъ и прочіе тогдашніе семинарскіе наставники, а отъ того, что эстетическое образованіе, полученное имъ въ Рязани и Сергіевскомъ посадѣ, было очень недостаточно. О Рязанской семинаріи нечего говорить; Надеждинъ въ ней упражнялся только почти въ сочиненіи однѣхъ латинскихъ задачекъ по риторическимъ формамъ; объ эстетикѣ тутъ онъ и не слыхивалъ; какъ рѣзвый и шаловливый ребенокъ, онъ мало читалъ, а если и читалъ, то вовсе не образцы изящной словесности; я уже говорилъ, что намъ трудно было доставать Карамзина. Что же было за 6—9 лѣтъ? Въ Московской академіи пришлось Надеждину слушать словесность у Платона Ивановича Доброхотова. Хотя онъ выѣстъ съ Делицынымъ и Голубинскимъ принадлежалъ къ самымъ лучшимъ студентамъ перваго курса Московской духовной академіи, онъ все-таки

читалъ своимъ слушателямъ почти ту же старину, какъ и въ семинаріяхъ, только подъ другимъ наименованіемъ. Голубинскій былъ, дѣйствительно, такъ сказать, ходячею библіотекою; онъ очень хорошо зналъ богословіе и исторію философіи, но и самъ не поднимался и еще менѣе могъ и даже не смѣлъ поднять своихъ слушателей выше тѣхъ схоластико-теологическихъ понятій, которыя господствовали въ тогдашнихъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ. Хорошихъ книгъ, при помощи которыхъ можно было бы самимъ студентамъ развить у себя эстетическій вкусъ, въ библіотекѣ академической почти вовсе не было; господствующій между студентами духъ можно бы назвать теологико-философскимъ, или справедливѣе схоластическимъ. Что же теперь было дѣлать Надеждину, когда онъ, получивъ воспитаніе въ такихъ училищахъ, какъ Рязанская семинарія и Московская духовная академія, вдругъ сдѣлался профессоромъ словесности. Другой бы сталъ издавать тѣ лекціи, которыя онъ училъ въ академіи, какъ поступалъ Ареопagitскій. Надеждинъ по крайней мѣрѣ догадался, что для семинарій академическая мудрость слишкомъ неудобоварима; написалъ хоть и риторику, но риторику очень хорошую въ тогдашнемъ смыслѣ. Притомъ не нужно забывать, что это было имъ сдѣлано тотчасъ по выходѣ изъ-за академическихъ партъ, при самыхъ скудныхъ ученыхъ пособіяхъ. Побудь онъ еще нѣсколько лѣтъ даже въ Рязани, талантливая его натура сознала бы свои недостатки. Это онъ доказалъ очень скоро, послѣ того какъ въ 1826 году переселился въ Москву домашнимъ учителемъ къ Самарину. Находясь теперь въ центрѣ тогдашняго русскаго просвѣщенія, познакомившись съ университетскими профессорами, имѣя возможность доставать новѣйшія книги на иностранныхъ языкахъ, онъ въ нѣсколько лѣтъ умѣлъ себя — чуть не семинариста — передѣлать въ отличнаго профессора университета; сдѣлался даже редакторомъ замѣчательнаго въ то время журнала. Развѣ человѣкъ съ обыкновенными способностями могъ бы всего этого достигнуть въ такой короткій срокъ? — Впрочемъ, нельзя не сказать, что Надеждинъ все-таки не могъ, такъ сказать, счистить съ себя кору семинарщины; слогъ его и въ «Телескопѣ», и въ другихъ его сочиненіяхъ, даже напр. едва-ли не въ лучшемъ изъ нихъ — «О скопцахъ» — отличается выраженіями и пріемами старинной риторики.

Опишу теперь жизнь Надеждина въ Рязани не въ учебномъ отношеніи. Излишняя живость и даже почти-что шаловливость не вдругъ оставили его, когда онъ сдѣлался профессоромъ семинаріи. Между семинаристами ходило много слуховъ о ней. Сначала квартира его была въ сосѣдствѣ съ квартирою ректора; въ деревянной, но оштукатуренной перегородкѣ, раздѣлявшей между собою обѣ квартиры, было будто бы даже небольшое окно, въ которое, какъ тогда говорили, ректоръ, побужденный отеческою заботливостію о нравственности молодаго своего подчиненнаго, любилъ наблюдать за нимъ. Естественно, что такое вниманіе, да и вообще близкое сосѣдство съ благочестивымъ начальникомъ не очень нравилось Надеждину. Нашедши щель у окна или въ самой перегородкѣ, онъ любилъ туда пускать табачный дымъ, выбирая для этого такое время, когда по его предположенію никого не было въ сосѣдней съ его квартирою комнатѣ. Ректоръ былъ неумолимый гонитель табаку и потому приходилъ въ негодованіе, ощущая запахъ его въ своей квартирѣ. Но подозрѣніе его падало на братьевъ его и на прислугу до тѣхъ поръ, какъ однажды Надеждинъ ошибся въ своихъ расчетахъ и далъ возможность самому ректору видѣть, какъ контрабандный дымъ воровски пробирался чрезъ щель въ его комнату отъ сосѣда. Окно и щель, разумѣется, были задѣланы. Нерѣдко также случалось, что Надеждинъ или по требованію ректора, или по собственному своему побужденію, являлся къ нему. Но въ этомъ случаѣ онъ не любилъ, какъ нынѣ говорится, женироваться, стѣснять себя; являлся къ своему чопорному начальнику въ домашнемъ неглиже. А дома онъ сидѣлъ большею частію въ халатѣ, какихъ-либо башмакахъ, безъ галстука и жилета. И вотъ въ этомъ-то видѣ онъ являлся къ сосѣдучаю начальнику. Когда этотъ выразилъ свое неудовольствіе на такое неглиже, то Надеждинъ обыкновенно говаривалъ:

— Извините меня, пожалуйста, отецъ ректоръ, какъ только вы потребуете меня къ себѣ, я тотчасъ же бѣгу къ вамъ, какъ сынъ къ своему отцу.

Впрочемъ въ такомъ сосѣдствѣ Надеждинъ жилъ съ небольшимъ полгода; послѣ отведена ему была квартира вдали отъ комнатъ ректора.

Что Надеждинъ любилъ въ своей квартирѣ быть въ полномъ

почти неглиже и даже появляться внѣ ея, этому бывали свидѣтелями всѣ семинаристы. Изъ первой своей квартиры ему частенько надобно было ради разныхъ разностей, даже для того чтобы найти своего служителя, переходить чрезъ корридоръ, въ которомъ, пока не пришли еще наставники въ классы, ходило многое множество семинаристовъ; двери богословскаго и философскаго классовъ находились въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ этой дороги. Надеждинъ тутъ проходилъ чуть не каждый день въ его позасаленномъ халатѣ, бывшемъ, вѣроятно, еще въ академіи съ нимъ, въ какихъ-то башмакахъ съ спустившимися внизъ чулками, изъ-за которыхъ иногда выглядывали инекспрессибли; о жилетѣ и галстухѣ нечего и говорить. Въ этомъ-то неглиже онъ не только проходилъ чрезъ корридоръ, наполненный семинаристами, но даже останавливался и вступалъ въ разговоръ съ знакомыми изъ нихъ или имѣвшими въ немъ нужду. Однажды въ такомъ неглиже онъ сыгралъ злую и невѣжливую шутку съ своимъ сослуживцемъ и товарищемъ Виноградовымъ. Какъ-то онъ узналъ, что семинаристы прозвали послѣдняго шевою. И вотъ какъ-то Надеждинъ, проходя въ своемъ неглиже чрезъ корридоръ, встрѣтился съ Виноградовымъ, только-что вышедшимъ изъ богословскаго класса. Надеждинъ останавливается и, обращаясь къ толпѣ семинаристовъ, появившихся въ корридорѣ, закричалъ своимъ звонкимъ голосомъ:

— Господа, господа, правда ли, что его (указывая на Виноградова) зовете вы шевою? Ха, ха, ха Шева! Шева! Шева!

Виноградовъ, конечно, былъ сконфуженъ этою ужъ не профессорскою, а семинарскою шалостію.

Скучныя риторическія занятія по классу не могли удовлетворить пылкой души Надеждина; увлечъся какою-либо наукою препятствовалъ недостатокъ книгъ, а можетъ быть недавно освободившемуся изъ-подъ монашеско-академической ферулы не приходило еще въ голову заняться чѣмъ-либо серьезнымъ. Надобно было искать развлеченія въ чемъ-либо другомъ, хоть напр. въ живой бесѣдѣ съ людьми, съ которыми судьба сблизила. Въ этомъ отношеніи Надеждинъ былъ замѣчательнымъ собесѣдникомъ; слушая его, нельзя было не увлечъся разговоромъ; да и онъ развязывалъ свой языкъ и, замѣчая общее къ себѣ вниманіе собесѣдниковъ, увлекался. Въ

Петербургѣ онъ жилъ недалеко отъ Владимірской церкви въ скромной квартирѣ деревяннаго домика Турчанинова; принималъ къ себѣ гостей, за немногими исключеніями, безъ всякихъ церемоній, почти въ томъ же неглиже, въ какомъ переходилъ корридоръ Рязанской семинаріи; объ угощеніи гостей никогда не заботился; развѣ только нѣсколько чашекъ чая подаваемо было имъ. И между тѣмъ чуть не каждый вечеръ собиралось къ нему очень много людей единственно для того, чтобы послушать его; и это были не все дюжинные люди, изъ нихъ многіе сдѣлались извѣстными въ ученомъ мірѣ, въ литературѣ, въ администраціи. Можно понять, какое впечатлѣніе онъ долженъ былъ производить въ Рязани, особенно въ томъ кругу, къ которому судьба на время прицѣпила его. Пріѣзжали и къ нему на квартиру, но чаще онъ самъ ходилъ въ гости. Тутъ иногда руководили имъ временно сердечныя отношенія.

Особенно онъ, кажется, былъ не равнодушенъ къ женѣ одного изъ своихъ сослуживцевъ, профессора математики К. — Лизетѣ, какъ ее называли въ семинаріи. Мужъ, надобно полагать, намѣренно или случайно служилъ препятствіемъ къ интимнымъ бесѣдамъ между Лизетою и Надеждинымъ; по крайней мѣрѣ по вечерамъ онъ сидѣлъ вмѣстѣ съ ними. Надеждинъ устроилъ дѣло такъ, что въ каждую недѣлю онъ имѣлъ возможность проводить часа по полтора *tête à tête* съ своею возлюбленною. Однажды Надеждинъ по дружбѣ сообщилъ о неудовольствіи ректора на него за то, что онъ поздно ходитъ въ классъ. Простодушный мужъ повѣрилъ искренности этого дружескаго предостереженія и сказалъ:

— Ну, хорошо, теперь онъ (ректоръ) меня уже не поддѣнетъ, я буду исправенъ. И, дѣйствительно, чудакомъ являлся въ семинарію еще ранѣе назначеннаго ему срока и приходилъ въ классъ чрезъ нѣсколько минутъ послѣ звонка, тогда какъ прочіе наставники являлись чрезъ полчаса и даже чрезъ часъ. Въ это-то время Надеждинъ и отправлялся къ своей Лизетѣ и торопился разстаться съ нею прежде возвращенія мужа.

Всегда ходить къ Лизетѣ прискучило бы; надобно было развлекаться и въ другихъ мѣстахъ. Но тутъ Надеждину приходилось испытать даже не маленькія непріятности со стороны начальства семинарскаго, съ которымъ у него не было ладовъ. Причиною

этого былъ, конечно, его безпощадный языкъ; жестокія и колкія его насмѣшки надъ монахами вообще, и въ частности надъ своими начальниками, не могли имъ нравиться. Столько же, если не болѣе, вооружилъ начальство противъ себя Надеждинъ экзаменами. Въ то время на нихъ присутствовали всѣ наставники — для помѣть, впрочемъ, и отъ нечего дѣлать, или вслѣдствіе преданій старины дѣлали такъ называемыя возраженія противъ читанныхъ лекцій. Происходившіе чрезъ это споры обращались уже въ словесную битву между возражателемъ и профессоромъ. И Иліодоръ, и Гедeonъ считали себя хорошими профессорами, по крайней мѣрѣ вовсе не желали быть сконфуженными предъ своими учениками. Между тѣмъ Надеждинъ своими остроумными замѣчаніями умѣлъ ставить втупикъ особенно Иліодора, котораго уже въ такихъ случаяхъ выручалъ Гедeonъ. Какъ же было любить подобнаго подчиненнаго? Вѣдь все это происходило при ученикахъ. Какъ не поприжать говоруна косвеннымъ образомъ.

По весьма достовѣрнымъ слухамъ, начальство выставило Надеждина съ очень дурной стороны предъ тогдашнимъ архіереемъ рязанскимъ Филаретомъ. Въ поводахъ къ такому обвиненію не было недостатка, если смотрѣть на людей съ аскетической точки зрѣнія. Филаретъ пригласилъ къ себѣ обвиненнаго, котораго впрочемъ любилъ за его бойкія способности. Надеждину не много стоило труда опровергнуть предъ старцемъ, мало знакомымъ съ жизнію мірянъ, возведенное на него обвиненіе, онъ вышелъ чистъ, какъ изъ воды. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ слышно было, успѣлъ навлечь подозрѣніе на счетъ жизни самихъ ихъ высокопреподобій, которыя не всегда-то жили по монашескимъ правиламъ Василія Великаго. Вражда чрезъ это не уменьшилась, а увеличилась.

У многихъ начальниковъ духовныхъ семинарій и академій было въ обычаѣ приказывать какъ можно ранѣе запираеть ворота и ключи держать у себя; все это, разумѣется, для того, чтобы сохранить подъ замкомъ въ цѣлости и неприкосновенности нравственность семинаристовъ. Наше начальство слѣдовало тоже этому благому обычаю. И потому Надеждинъ, считавшій себя въ правѣ приходить попозже того времени, въ которое запирались семинарскія ворота, находилъ ихъ уже запертыми. Надобно было теперь сту-

чаться, не всегда скоро могли услышать этотъ стукъ семинаристы въ ближайшихъ къ воротамъ комнатахъ; привратника же или ночного сторожа не было. Не достучавшись въ ворота, господа профессора принимались стучать въ окна ученическихъ комнатъ; кто-нибудь просыпался, неохотно подходилъ къ окну, не вдругъ догадывался о томъ, кто это стучить; потомъ, догадавшись, долженъ былъ отправляться или къ инспектору, или къ старшему, или на кухню начальническую, чтобы посовѣтоваться, какъ отпереть ворота. А господинъ профессоръ стой да стой у воротъ, иногда на трескучемъ морозѣ, а иногда подъ проливнымъ дождемъ. Однажды мнѣ самому пришлось отыскивать ключъ въ такомъ случаѣ. Я еще не спалъ, живя съ богословами; одинъ изъ нихъ, возвратившись изъ корридора, сказалъ, что у воротъ стучится едва-ли не Надеждинъ, и посовѣтовалъ мнѣ выручить профессора изъ бѣды. Я побѣжалъ къ воротамъ, увидѣлъ за ними (ворота были рѣшетчатые) дѣйствительно Надеждина съ Виноградовымъ; оба меня просили поскорѣе бѣжать разбудить котораго-либо изъ ихъ келейниковъ и велѣтъ имъ отыскать ключъ. Нашелъ я келейника Надеждина, своего товарища Мизорова, тотъ отправился къ келейнику инспектора, доложили инспектору, получили ключъ, и наконецъ-то гг. профессоровъ впустили.

ГЛАВА XXXVII.

Объ ученикахъ Рязанской семинаріи во время моего ученья въ риторикѣ.

Обучаясь въ риторикѣ, я полтора года прожилъ на казенномъ въ семинарскомъ зданіи и въ это время успѣлъ хорошо ознакомиться съ жизнью и характеромъ не однихъ своихъ товарищей, но и гг. философовъ и богослововъ. Въ этомъ случаѣ помогло мнѣ то обстоятельство, что я жилъ съ своими товарищами только нѣсколько недѣль, а потомъ перемѣстился въ такъ называемую богословскую комнату, гдѣ жили гг. богословы и философы. Конечно, они сначала вели себя относительно меня довольно важно, не приближали меня къ своимъ особамъ, но привычка и время взяли свое;

они мало по малу не стали стѣсняться моимъ присутствіемъ, и я могъ видѣть всю домашнюю жизнь тѣхъ, на которыхъ мы, мальчики, смотрѣли, какъ на людей болѣе высшаго ранга въ сравненіи съ нами.

Относительно нашего содержанія пищею продолжалась прежняя система. Отъ голода намъ умереть было нельзя, но и избаловать свой, хоть и очень неприхотливый, вкусъ тоже не было возможности. Хлѣбъ почти всегда былъ хорошъ, по крайней мѣрѣ не дуренъ, кромѣ того только, что корки его сильно пригорали, но мы имѣли право ихъ не грызть и оставлять несѣданными. Отличной и даже очень хорошей говядины и солонины мы не видали въ своей столовой, но не слишкомъ чиста была и скверная; избрана была такъ называемая золотая середина. Масло иногда дѣлало кашу болѣе вкусно, ну а иногда безъ него лучше бы ее ѣсть съ солью и съ квасомъ. Но въ постные дни почти никогда не было удовлетворительнаго стола; тутъ частенько приходилось довольствоваться чуть не однимъ хлѣбомъ, да кашею съ коноплянымъ или льнянымъ масломъ, если только послѣднее не было прогорклымъ.

Комнатная, ученическая администрація составлена была въ прежнемъ духѣ. Въ каждой комнатѣ старшій изъ богослововъ и помощникъ почти вездѣ изъ философовъ. Надъ ними возвышался главный старшій, разыгрывавшій роль помощника инспектора. Разумѣется, всѣ эти должности считались почетными; ими дорожили и старались поддержать себя на нихъ всѣми честными и безчестными средствами. Расчетъ былъ вѣрный. Самыя должности служили уже выраженіемъ начальнической благосклонности, которая такъ нужна для всякаго семинариста. А потомъ были и нѣкоторыя выгоды. Старшій съ своимъ помощникомъ получали особую свѣчу и сидѣли отдѣльно отъ своихъ подчиненныхъ на особомъ столикѣ, который, впрочемъ, должны были сами добыть себѣ. Далѣе самъ старшій, а въ случаѣ его болѣзни или отсутствія, его помощникъ ежедневно являлись къ инспектору съ рапортомъ о благосостояніи своей комнаты и, такимъ образомъ, могли постоянно отличаться своею ревностью и усердіемъ къ общественной службѣ, а главное могли мало по малу репутацію cadaго изъ подчиненныхъ возвысить или понизить передъ начальствомъ. Потому рѣдкій развѣ изъ подчиненныхъ философовъ

или богослововъ, если только имѣлъ лишнѣхъ нѣсколько гривенъ, не считалъ необходимымъ чѣмъ-либо угостить своего старшаго и помощника его. Кто побѣдиѣ, тотъ довольствовался тремя парами чайку въ трактирѣ, а кто побогаче, тотъ прибавлялъ къ этому селяночку, подовые пирожки и пр. Кромѣ того, привезенные око-рока ветчины служили завтракомъ не для однихъ своихъ владѣльцевъ, но и для старшихъ. О главныхъ же старшихъ нечего и говорить; его угощать, ему угождать считали нужнымъ даже сами старшіе.

Честолюбивые богословы тогдашней Рязанской семинаріи могли мечтать о занятіи не однѣхъ должностей старшихъ. Объ лекторствѣ, которое сближало лучшихъ изъ нихъ съ профессорами, я уже говорилъ. Но была еще должность, которой добивались и лекторъ, и старшій, и самъ главный старшій. Занимавшій ее могъ быть названъ различнымъ образомъ, напр. митроснимателемъ, клобукоснимателемъ, шапкодержателемъ, а лучше всего послушникомъ и даже лакеемъ. Несмотря на такіа неблагозвучныя названія, они все-таки составляли *prim desiderium* каждого лучшаго богослова. Вотъ въ чемъ они состояли: извѣстно, что во время богослуженія въ извѣстныхъ случаяхъ монашествующее и бѣлое духовенство снимаютъ митры, клобуки, камилавки и скуфы и потомъ опять надѣваютъ ихъ. Протоіереи, священники и простые монахи употребляютъ для этого свои собственныя руки. Но архіереямъ и настоятелямъ монастырей, особенно архимандритамъ, когда на нихъ митры—не хочется себя беспокоить. Они только иногда развѣ наклоняютъ немножко свою голову на бокъ, а тутъ уже готовы чужія руки, чтобы снять или надѣть митру. Наши благочестивые и смиренные ректоръ и инспекторъ не хотѣли отстать отъ этого обычая, только вмѣсто помощниковъ съ длинными распущенными волосами они брали съ собою для этой обязанности лучшихъ богослововъ, пользовавшихся особенно ихъ милостію. Но кстати уже приказывали имъ становиться на запятки своей кареты и въ качествѣ лакея прокатиться по городу, отворить и затворить каретную дверцу, потомъ своимъ отцамъ помочь даже выйти изъ кареты и подняться въ нее. И вотъ, бывало, въ субботу мы видимъ въ своемъ классѣ важныхъ богослововъ, которые, въ качествѣ лек-

торовъ, играютъ роль профессоровъ нашихъ по словесности, греческому, французскому и пр. языку, а поутру, въ воскресенье, тѣ же самые quasi-профессоры на запяткахъ семинарской кареты мчатся, покачиваясь, въ соборъ или другую церковь, гдѣ имъ придется отправлять должность послушниковъ. Но все это ничего не значило; за то митродержатель-лакей надѣвалъ на себя стихарь, шель смѣлою поступью за ректоромъ или инспекторомъ, какъ особа, принадлежащая къ служащимъ, могъ мечтать, что самъ пресвященный замѣтитъ его; о соборномъ же духовенствѣ, начиная съ псаломщика и звонаря до кафедральнаго протоіерея—нечего говорить; онъ былъ имъ вполне ужъ извѣстенъ.

Мой тудоръ Днѣпровъ, поступивши въ богословскій классъ, получилъ все, о чемъ только могъ мечтать самый честолюбивый тогдашній богословъ; онъ сдѣланъ былъ, какъ я уже говорилъ, лекторомъ словесности и, кромѣ того, главнымъ старшимъ, старшимъ въ богословской комнатѣ и, наконецъ, папкодержателемъ или послушникомъ; кромѣ того, два его брата жили на казенномъ, кажется, не внося за себя ничего или, по крайней мѣрѣ, полной суммы. О другихъ болѣе честолюбивыхъ замыслахъ нельзя было мечтать. Правда, еще была должность, еще болѣе высокая, которая давала возможность пользоваться еще болѣе высокимъ значеніемъ въ семинаріи, но, къ чести моего тудора, надобно сказать, что онъ оказался неспособнымъ къ ней. Это была должность обершпіона, такъ сказать, начальника 3-го отдѣленія Рязанской семинаріи.

Ее, разумѣется, занималъ, бывшій уже и прежде того, Грифцовъ, о которомъ я уже говорилъ. И, надобно сознаться, что онъ исправлялъ ее съ полнымъ усердіемъ, со а того, какъ тогда говорили семинаристы. Конечно, на училищныхъ мальчишекъ онъ не считалъ нужнымъ обращать вниманіе; главнымъ предметомъ его шпіонской дѣятельности были семинаристы, преимущественно же богословы и философы. Въ философской комнатѣ, гдѣ онъ старѣйшинствовалъ, онъ имѣлъ самый бдительный надзоръ. Но едва-ли проходилъ хоть одинъ день, въ который бы не заглянулъ и въ другія комнаты казенныхъ семинаристовъ, особенно въ богословскую. Придетъ бывало, окинетъ кошачьимъ глазомъ всѣхъ;

если кто очень пораскраснѣлся, особенно въ праздникъ и четвергъ, когда семинаристы увольняются въ городъ, то подойдетъ къ нему сладцѣ, какъ тогда выражались, побесѣдуетъ, или лучше обнюхаетъ. Если же кто-либо изъ подозрѣваемыхъ въ наклонности къ пьянству не въ урочное время лежитъ и особенно спитъ, то ужъ при помощи какого-либо маневра найдетъ возможность обнюхать его. Кромѣ того, въ каждой комнатѣ у него были одинъ или двое изъ учениковъ, которые въ качествѣ жандармскихъ штабъ и оберъ-офицеровъ, обязаны были доносить о всякомъ экстраординарномъ событіи. Иногда, бывало, придетъ просто, сядетъ на скамью, или на окно, посидитъ, посмотреть, ни съ кѣмъ не сказавши ни слова, и потомъ уйдетъ; тогда кто-нибудь посмѣлѣе съ улыбкою говаривалъ:

— Чтò вѣрно не солоны (т. е. не соленыя) щи похлебаль? Впрочемъ, дѣятельность его распространялась и на квартирныхъ учениковъ. Большею частію, по вечерамъ, онъ отправлялся въ городъ и прогуливался около тѣхъ трактировъ и пивныхъ лавочекъ, куда любили ходить семинаристы, посматривая, не попадется ли тутъ кто-нибудь ему на глаза. Шинель его горохового цвѣта, съ пятью уступами на капишонѣ, всѣмъ была извѣстна; завидѣвши ее издали, гуляки старались укрыться куда-либо въ безопасное мѣсто. Отъ этого иногда происходили смѣшныя сцены. Нѣкоторые изъ философовъ,—подчиненныхъ Гривцова, выпрашивали у него шинель для прогулокъ и разыгрывали роль барана, надѣвшаго на себя волчью шкуру. Завидѣвши грозную шинель и въ полутемнотѣ не разсмотрѣвши, кто въ нее облеченъ, семинаристы или бѣжали отъ нея, или встрѣчались и подобострастно съ ней раскланивались. Этимъ особенно любилъ пользоваться философъ тогдашній Липяговъ и преслѣдовать убѣгавшихъ отъ него. У него была скромная цѣль—догнать и, если возможно, выпить вмѣстѣ съ убѣгавшими.

Начальство наше и само любило за нами присматривать, дѣлая довольно часто торжественные обходы по комнатамъ. Разумѣется, только въ одну первую комнату оно могло войти неожиданно, потомъ уже вѣсть о визитаціи чрезъ стукотню въ стѣну или чрезъ отдѣльныхъ пословъ разносилась быстро по всѣмъ

комнатамъ. Бывали визиты и въ другіе дни, но въ четверги и праздничные дни мы всегда приготовлялись къ приему своихъ отцовъ-командировъ, которые предъ ужиномъ ходили по комнатамъ, чтобы убѣдиться, всѣ ли возвратились, какъ говорится, въ своемъ видѣ. Но эти рекогноспировки не всегда удавались. Догадливые приносили водку съ собою, дожидались визита начальническаго и послѣ него въ какомъ-либо уютномъ мѣстечкѣ выпивали ее. Въ комнаты начальство входило торжественно, размашисто. Само отворяло дверь и притомъ настежь, какъ будто досадуя на то, что она имъ помѣшала, но затворять ее никогда и не думало. Это уже было нашею обязанностію. Начиналась ревизія; большею частію прежде всего подходили къ старшему, спрашивали его, все ли исправно, и потомъ подходили къ общему столу посмотрѣть на занятія плебеевъ. Боже сохрани, если какой-либо простачокъ не успѣвалъ скрыть какой-либо свѣтской, такъ называемой неблагонамѣренной книги, особенно романа, — тутъ разражалась цѣлая буря отъ Иліодора; Гедеонъ умѣлъ себя сдерживать. Ежели кому хотѣлось заслужить благоволеніе отца-ректора, то нужно было читать «Христіанское чтеніе» или какую-либо душеспасительную книгу, и тутъ же показать сдѣланныя изъ нея выписки; и если въ числѣ ихъ находились затѣйливыя метафоры и особенно сравнительные періоды, тогда похвалы и спасибо лились на счастливца. Но, разумѣется, попадались, по пословицѣ, и въ просакъ! Читая что-либо не дозволенное, мы клали около себя благочестивую книжку и, тотчасъ по входѣ начальства, первую отправляли подъ халатъ, или сюртукъ, а вторую клали предъ собою, но второпяхъ не всегда, какъ слѣдуетъ, а какъ говорится, вверхъ ногами. Начальство, замѣтивъ это, начинало слѣдствіе и, отыскавши контрабанду, приходило въ негодованіе. Едва-ли же не болѣе всего оно, особенно Иліодоръ, сердились, когда кто-либо при огнѣ занимался стоя у окна, хотя бы и со своею свѣчкою, или когда кто-либо не въ урочное время легъ на кровать и особенно заснулъ. Если лежавшій не спалъ или успѣвалъ въ-время проснуться, то онъ обыкновенно оправдывался тѣмъ, что обдумывалъ сочиненіе. Отъ этого у насъ слова: лечъ поразмыслить то же значили, что лечъ заснуть.

Несмотря на всевозможные надзоры явной и тайной полиціи,

семинаристы находили возможность жить очень весело, если не всегда, то по крайней мѣрѣ урывками. Начальство наше, размышляя о причинахъ, поддерживающихъ пьянство въ семинаріи, приписало его главнымъ образомъ тому обстоятельству, что казеннокоштные ученики моются чрезъ каждыя двѣ недѣли въ торговой банѣ. Такая баня была единственная въ то время въ городѣ и, надобно сказать, не отличалась удобствами, и состояла изъ одной большой комнаты, гдѣ можно было париться и имѣть холодную воду; за теплой же слѣдовало ходить къ особому котлу на дворѣ. Раздѣваться надобно было или на дворѣ подъ небольшимъ навѣсомъ съ лавками и съ крышею изъ дранокъ, сквозь которую вода и отъ несильнаго дождя проходила, и еще въ какой-то пустой старой банѣ или избѣ. Лѣтомъ еще дѣло кое-какъ улаживалось. Мылись на открытомъ воздухѣ, раздѣваться и одѣваться въ сказанныхъ двухъ мѣстахъ не находили неудобнымъ, развѣ только въ сильный дождь иногда все платье и бѣлье намачивались. Но, зимою, особенно въ сильные морозы, дѣло принимало другой оборотъ. И париться и мыться въ одной, хоть и большой, комнатѣ было ужасно тѣсно; кромѣ того, за горячею водою надобно было отправляться на чистый воздухъ съ единственною добытою какъ-нибудь шайкою. Поэтому въ небольшой холодъ многіе находили лучшимъ мыться внѣ бани на морозѣ. Во время Крымской кампаніи, въ какой-то газетѣ съ особеннымъ пафосомъ было рассказываемо, что наши солдатики-молодцы, для которыхъ приготовили въ Одессѣ даровую баню, одѣвались въ морозъ на открытомъ воздухѣ и, несмотря на замерзаніе въ это время волосъ на ихъ головѣ, не чувствовали никакихъ дурныхъ послѣдствій. Мнѣ смѣшнымъ показалось тогда это описаніе. Да мы въ 1822 и 1823 годахъ, при рязанскихъ, а не при одесскихъ, трескучихъ морозахъ каждую зиму по нѣскольку разъ выносили эту операцію. Добѣжишь бывало на снѣгу до своего платья, начнешь, конечно, поскорѣе одѣваться, но все-таки успѣешь почувствовать, какъ и волосы мерзнуть на головѣ, какъ за ноги пощипываетъ холодъ, и какъ мало по малу дрожь чрезъ нѣсколько минутъ послѣ бани начинаетъ пробѣгать по всему тѣлу; и это выносили не молодцы въ 20, а даже дѣти въ 10—15 лѣтъ! Мы, мальчуганы, бывало, поскорѣе спѣшимъ домой, чтобы дорогою со-

грѣться; но старшіе семинаристы, у кого были лишнія копѣйки, отправлялись одни въ трактиры и харчевни напиться чаю, а другіе въ кабаки, чтобъ согрѣть себя зеленымъ виномъ. Этому-то обстоятельству начальство наше приписывало наклонность семинаристовъ къ пьянству.

Чтобы противодѣйствовать такому злу, оно рѣшилось выстроить на семинарскомъ дворѣ свою казенную баню и тѣмъ спасти отъ пьянства хоть казеннокоштныхъ учениковъ. Выстроили. Конечно, начальникамъ нашимъ открылась возможность сибаритствовать въ банѣ сколько угодно времени; за ними отправлялись г. г. профессоры; и тѣ, и другіе не очень-то торопились очистить для насъ баню; намъ, 150 человѣкамъ, предстояло вымыться почти во столько же времени, сколько потрачено было на начальниковъ и наставниковъ. Но это бы все ничего. Къ несчастью, и мытье не отличалось удобствами. Власть имѣли особую комнату, гдѣ они раздѣвались и одѣвались, и туда насъ почти никогда не пускали; а намъ отведена была комната, гдѣ человѣкъ 20 могло раздѣться и уложить свое платье и бѣлье, а насъ приходило заразъ по 40—50. Комната не отапливалась; отъ этого зимою отъ банныхъ паровъ, доходившихъ до нее изъ прихожей, и потолокъ, и стѣны были мокрыми. Холодная и горячая вода были внѣ бани, послѣдняя по крайней мѣрѣ саженьхъ въ 10; значить, точно также, какъ въ торговой банѣ, намъ въ холодъ приходилось знакомиться и съ снѣгомъ, и съ морозомъ. Прибавьте къ этому, что шаекъ никогда почти не доставало для всѣхъ, что холодной воды въ чану нисколько не оставалось, и надобно было ждать, пока ее привезутъ въ бочкѣ съ Трубежа, или принесутъ въ ушатѣ изъ колодезя; въ зимнее время мы собирали снѣгъ, чтобы горячую воду сдѣлать удобною для мытья,—а то и въ котлѣ, гдѣ должна бы быть горячая вода, она не была даже теплая, потому что не успѣвали ее нагрѣвать. И потому, сидишь, бывало, да ждешь той или другой воды. За то лѣтомъ мы, не стѣсняясь, въ адамовомъ райскомъ костюмѣ живописно располагались и расхаживали даже около бани. Конечно, изъ бани уже нельзя было идти въ трактиры, харчевни и кабаки; только это обстоятельство не очень повліяло на уменьшеніе пьянства въ семинаріи. При торговой банѣ далеко не всѣ за-

ходили въ кабакъ, а многіе, даже едва-ли не самая большая часть пила только чай по 10—15 чашекъ, съ двумя или тремя кусочками сахара. Дѣйствительно, были молодцы, которые, употребляя сахаръ въ прикуску, выпивали съ однимъ кусочкомъ его по пяти и болѣе чашекъ; отчего появилась даже поговорка: пить чай не только въ прикуску, но и въ приглядку, и въ придумку. Во всѣхъ этихъ случаяхъ головы были свѣжи. А при казенной банѣ всѣ, кому хотѣлось погрѣться послѣ нея, старались добыть водки.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЗАПИСКИ Д. И. РОСТИСЛАВОВА,

профессора Спб. духовной академіи.

ГЛАВА XXXVIII ¹⁾.

Пьянство въ семинаріи происходило, разумѣется, не отъ торговой, ни отъ казенной бани, а отъ всего строя, господствовавшаго въ то время въ духовныхъ училищахъ. Въ описываемое мною время оно достигло въ Рязанской семинаріи громаднхъ размѣровъ. Главныя пьяницы были богословы, а между ними лучшіе ученики, такъ что тогдашнія поговорки: «умный человѣкъ не можетъ не быть пьяницей» или «пьянъ да уменъ, два умнѣнъ въ немъ» находили подтвержденіе въ различныхъ семинаристахъ. Тудоръ мой занималъ и въ этомъ отношеніи очень почетное мѣсто. Только такъ какъ онъ отличался богатырскою силою и необыкновенно крѣпкимъ организмомъ, то его, по обыкновенному выраженію, сподить въ лежку почти невозможно было. Сначала въ богословіи онъ было поудерживалъ себя, но мало по малу началъ увлекаться и въ рождественскую треть онъ рѣдкую недѣлю не опаздывалъ возвратиться къ ужину изъ города, гдѣ онъ, не знаю, съ кѣмъ-то кутилъ. Начальство терпѣло, снисходило, уговаривало и даже постепенно лишило его должности главнаго старшаго, старшаго и митродержателя, оставивъ за нимъ лекторство и по-прежнему довѣряя ему переписывать разныя его бумаги. Другой старшій митродержатель и лекторъ Ситковскій еще скорѣе моего тудора лишился всѣхъ этихъ почетныхъ званій и даже пониженъ въ списокъ изъ перваго разряда во второй къ экзаменамъ перваго года. Соотвѣтственное его успѣ-

¹⁾ См. „Русскую Старину“ іюль, 1894 г.

хамъ мѣсто возвращено, когда чрезъ годъ его послали въ академію. Третій старшій Петръ Ивановичъ Никольскій, добрый и очень умный человекъ, тоже низведенъ въ число рядовыхъ, притомъ такъ же, какъ Ситковскій, за пьянство. Потомъ два ученика Горловъ и Перелетовъ, бывшіе одинъ за другимъ помощниками старшаго въ богословской комнатѣ, смѣнены тоже за пьянство, такъ что въ нашей комнатѣ жило пять разжалованныхъ господъ. Дѣло дошло до того, что на мѣста ихъ помощниками пришлось въ богословской комнатѣ сдѣлать философа. Но и не смѣненные изъ старшихъ богослововъ далеко не всѣ могли принадлежать къ обществу трезвости. Оберъ-шпіонъ Грифцовъ, обучаясь въ семинаріи и дорожа благоволеніемъ начальства, сдерживалъ себя, но потомъ спился. Обновленскій, заступившій мѣсто Вихирева въ богословской комнатѣ, былъ настолько благоразуменъ, что умѣлъ ловко скрывать свою склонность къ пьянству, но въ академіи предался ей, пересталъ заниматься и, несмотря на отличныя способности и обширныя свѣдѣнія, кончилъ курсъ только патрицатомъ (?). Посланный наставникомъ въ Казанскую семинарію, онъ былъ отставленъ отъ должности за пьянство, отъ котораго и умеръ вскорѣ. Далѣе продолжать нечего; видно и безъ того, каковы были соколы лучшіе ученики, старшіе и ихъ помощники. Иные хоть пили, такъ сказать съ приличіемъ, но нѣкоторые какъ-будто любили и тутъ отличатся цинизмомъ. Къ числу ихъ особенно принадлежитъ упомянутый выше Перелетовъ. И между семинаристами я мало припомню людей, которые бы имѣли такой же грубый и мужиковатый характеръ, какъ Перелетовъ. Любимымъ предметомъ разговоровъ у него была мечта, какъ онъ, сдѣлавшись попомъ, заживетъ по-мужицки, жену станетъ водить въ панёвѣ и лаптяхъ, заставлятъ снимать съ себя сапоги и въ случаѣ ея неисправности сѣчь ее розгами.

Этотъ дикарь имѣлъ своего рода бѣшеное честолюбіе; когда его лишили должности помощника старшаго, онъ едва было не зарѣзался; насилу кое-какъ товарищи удержали и образумили безумца. Само начальство послѣ того побаивалось тревожить его и потому показывало, что какъ-будто и не знаетъ о томъ. Въ семинаріи онъ еще сдѣлался извѣстнымъ своими стихами. По тогдашнему обычаю казеннокоштный ученикъ получалъ не иначе казенные сапоги, какъ

сказавъ о томъ старшему, который докладывалъ уже инспектору. Перелетовъ, котораго звали Тимошеемъ, не желая говорить съ старшимъ, подалъ ему записку, написанную слѣдующими стихами:

Охъ! Охъ! Охъ!
Нѣтъ у Тимохи сапогъ;
Охи, вохи, елѣхи, трохи,
Нѣтъ сапогъ у Тимохи.
Эй, эй, эй!
Шей поскорѣй!
Тимошей.

Старшій представилъ записку инспектору въ подлинникъ, и Тимоха получилъ сапоги. Я нарочно позаговорился объ этомъ чудакѣ, чтобы показать, какіе господа были тогда между семинаристами. Замѣтите, что онъ кончилъ курсъ въ первомъ разрядѣ, получилъ богатое священническое мѣсто, породнился съ касимовскими протопѣрами Поликарпомъ и Крестовымъ, сдѣланъ былъ благочиннымъ, но, увѣ! напившись въ Рязани пьянымъ, выѣхалъ изъ нея и верстахъ въ десяти отъ нея найденъ въ саняхъ мертвымъ.

По порядку мнѣ теперь слѣдовало бы сказать о пьянственныхъ наклонностяхъ нашихъ предшественниковъ по классу, тогдашнихъ г.г. философовъ Рязанской семинаріи. Но такъ какъ эти наклонности достигли своего зенита въ богословскомъ классѣ, то я пока помолчу о нихъ; а теперь скажу только о монашескомъ, которая тогда появилась между нашими философами. Первымъ ученикомъ между ними былъ Григорій Виноградовъ, кроткій, миролюбивый и больной человѣкъ; если не по характеру, то уже по слабости здоровья воды не возмутить и слабого огонька не погасить. Это типъ семинариста съ прекраснымъ поведеніемъ. Надоѣло ли его смиренномудрію учиться, или дѣйствительно онъ чувствовалъ слабость физическихъ силъ для окончанія семинарскаго курса, только онъ началъ подумывать покончить дѣло съ наукою и посвятить себя служенію Господу Богу, т. е. поступить въ монахи. Иліодоръ, узнавши о новомъ святомъ юношѣ, взысканномъ благодатію, поспѣшилъ поддержать и укрѣпить его рѣшимость, началъ его приглашать къ себѣ, назидать, настраивать; большаго труда дѣло не стоило; немного нужно было ума и времени ректору уговорить какого-либо семинариста искать спасенія своей души въ монастырѣ; мы тогда всѣ

бредили, даже за стаканомъ водки, о подвигахъ отшельниковъ, восхищались житіями святыхъ, боялись ада и чорта, и очень желали бы вкушать райскія яблоки. Къ Виноградову скоро присоединились еще двое философовъ: Яковъ Гусевъ, бывший мой квартирный tutorъ въ Касимовскомъ училищѣ, и еще Алексѣй Воиновъ. Первый, подобно Виноградову, былъ тоже боленъ и думалъ найти въ монастырѣ не только спасеніе души, но и исцѣленіе тѣла. Воиновъ былъ распривеселая голова, утѣха всѣхъ своихъ товарищей, балагуръ и даже порядочный проказникъ. Но тоже почувствовавъ какую-то болѣзнь или болячку, принялся за постъ и молитву, пересталъ ѣсть мясную пищу и началъ молиться много, много, чуть не до упаду, какъ говорится. Четвертымъ будущимъ аскетомъ былъ Василій Можаровъ, здоровеннѣйшій дѣтина, толстякъ, флегматикъ; ему, кажется, просто не хотѣлось учиться, или поступивъ въ дьяконы, хлопотать о семействѣ; то ли дѣло быть монахомъ! Квартира и столъ готовы, живи, не тужи. Благодетельное наше начальство было въ восторгѣ отъ такого настроенія г.г. философовъ. Въмѣсто того чтобы удержать ихъ отъ столь опаснаго званія, каково монашество, они поощряли бѣдняковъ. Сколько мнѣ помнится, едва-ли не всѣ они поступили послушниками въ Рязанскій Троицкій монастырь, гдѣ настоятельствовалъ Иліодоръ. Ихъ не заставляли ждать 30-лѣтняго возраста, когда по закону слѣдуетъ постригаться въ монахи. Они, не имѣя еще и 25 лѣтъ, переименовались въ Германа, Іосифа, Агапита и Виталія.

Время теперь коснуться и насъ, риторовъ. Въ тѣхъ семинаріяхъ, при которыхъ въ одномъ корпусѣ не было низшихъ духовныхъ училищъ, положеніе риторовъ было издавна незавидно; на нихъ смотрѣли, какъ на мальчишекъ не только начальники, но и богословы и философы, напр. по рассказамъ моихъ академическихъ товарищей-новгородцевъ, въ ихъ семинаріи сѣкли розгами словарей (такъ звали риторовъ) чуть ли не чаще, нежели въ другихъ мѣстахъ училищныхъ мальчишковъ,—сѣкли и начальники, и профессоры, и даже комнатные старшіе. Въ нашей семинаріи до нашего поступленія въ риторику, ученики ея составляли если не аристократію бursы, то по крайней мѣрѣ среднее сословіе; для плебеевъ, для пролетаріата, надъ которымъ можно было испытывать достоинство розогъ, было

много училищныхъ мальчишекъ. Съ прїѣздомъ Иліодора и Гедсона, дѣла стали мало по малу измѣняться. Я уже говорилъ, что они не очень публично и часто посѣкали нашихъ предшественниковъ риторовъ. Съ нами еще менѣе стали церемониться и поставили насъ съ первыхъ дней нашей семинарской жизни въ положеніе плебеевъ въ глазахъ богослововъ и философовъ.

Первый ударъ нашему самолюбію былъ нанесенъ аудиторствомъ, о которомъ я уже говорилъ. Не говорю уже о томъ, что каждому изъ насъ было очень щекотливо подойти къ своему аудитору, попросить его прослушать урокъ; и когда онъ скажетъ: «погоди», стоишь, дѣлать нечего. Начнетъ слушать, то скажетъ:

— Что ты, какъ мальчишка, торопишься? Читай рѣже.

Начнешь читать рѣдко, — услышишь:

— Э, да ты, братъ, плоховато знаешь урокъ.

А если еще ошибешься въ какомъ-либо словѣ или остановишься на минуту, забывши начало какого-либо параграфа, ну, тогда скажутъ ужъ положительно: «ступай, не знаешь». Такъ и запишутъ незнающимъ, а тамъ чрезъ недѣлю или двѣ потребуютъ къ отчету, который иногда оканчивался очень непріятными ощущеніями. Но главная опасность состояла въ томъ, какъ бы не попасть въ число непрослушавшихся: такіе господа, если они принадлежали къ хорошимъ, особенно къ лучшимъ ученикамъ, считались бунтовщиками, не желавшими повиноваться начальству; тутъ еще вѣрнѣе можно было постоять на колѣнахъ и, пожалуй, испытать что-либо почувствительнѣе даже за одинъ разъ неслушанья. А попасть въ число непрослушавшихся было очень легко. Подойдешь къ аудитору, скажетъ погоди; заговорится съ кѣмъ-нибудь, а тутъ ударилъ звонокъ, — подойдешь и услышишь:

— Теперь уже нельзя, звонокъ пробилъ.

И вотъ запишутъ непрослушавшимся. Подобныя продѣлки дѣлались съ тѣмъ, чтобы вынудить взятку. Аудиторы прямо говорили:

— Что же ты давно меня не кормилъ пирогами? или: что же ты не сводилъ меня въ трактиръ чаю напиться?

Не накорми, не своди, -- и явишься или незнающимъ, или еще даже непрослушавшимся. Поневолѣ и накормишь, и сводишь; своя

рубаха къ тѣлу ближе; не хотѣлось, чтобъ ее противъ воли заворотили на спину. Такимъ образомъ, мы въ своихъ собственныхъ глазахъ мало-по-малу падали и становились тѣми же, чѣмъ были въ училищѣ.

Старшіе братцы и тutory наши не преминули воспользоваться нашимъ униженнымъ положеніемъ даже прежде, нежели мы считали себя униженными. Они, услышавши о нашемъ аудиторствѣ и о томъ положеніи, въ какое оно насъ поставило, сочли нужнымъ требовать отъ насъ отчета, слушать уроки или справляться въ нотатахъ, всегда ли мы знали ихъ; а справки въ нотатахъ дозволены были всѣмъ философамъ и богословамъ. Пока я еще жилъ съ своими товарищами подъ надзоромъ Ситковского, къ намъ ужъ стали похаживать тutory — квартирные философы и богословы, чтобы прослушать своего братца, или порученнаго его надзору. Скоро, чуть не съ перваго раза, начали и побранивать, и за волосы, и за уши драть, давать пощечины и потасовки. Не болѣе, какъ недѣли черезъ двѣ, одинъ тutory или братецъ вдѣпился-было въ волосы любезнаго нашего товарища, выражая намѣреніе задать отличную таску. Ситковский, замѣтивъ это, остановилъ его:

— Да что ты дѣлаешь? Голова-то на что-нибудь еще годится; а ты лучше бы отпоролъ его шельму.

— Да развѣ можно здѣсь? спросилъ тutory.

— А почему жъ нѣтъ? Сѣки, сколько хочешь, вотъ они и поддержать, заключилъ старшій, указавши на насъ.

Лоза скоро явилась; держать виновнаго насъ не заставили, онъ покорно растянулся, и его отхлестали ужъ не какъ мальчишку училищнаго, а какъ ритора взрослога, т. е. гораздо больнѣе. Когда я перешелъ въ богословскую комнату, тамъ я нашелъ другой порядокъ. Туда чуть ли не къ каждому богослову и философу, какъ тutorамъ или братцамъ, приходило по одному и больше, по два и даже по три моихъ товарища. Начиналось слушанье, — результатъ въ случаѣ замѣчаній неисправности былъ одинъ и тотъ же — розги. А любезные мои товарищи часто оказывались виновными не только въ незнаніи уроковъ, но и въ другихъ болѣе страшныхъ преступленіяхъ. Не выучивши урока, иной изъ насъ показывалъ его тutorу въ меньшемъ видѣ, нежели какъ было на самомъ дѣлѣ. Другому

приказывалось, чтобы онъ непременно сказывалъ, какія ему даны отмѣтки въ нотатѣ; а онъ между тѣмъ рекомендовалъ себя знающимъ, тогда какъ записанъ былъ или незнающимъ, или даже не-прослушавшимся. Такого рода преступленія почти всегда и у всѣхъ наказывались розгами. Отъ этого рѣдкій день въ богословской комнатѣ кого-либо изъ моихъ товарищей не сѣкли; бывали счастливые дни, когда до десяти и болѣе подвергались лозѣ. Лозу уже заготовлялъ большею частію служитель; она передавалась отъ одного тьютора къ другому; и когда нужно было поторопиться, то пока одного сѣкутъ, другіе уже лежатъ совсѣмъ приготовленными. Иногда же являлось нѣсколько лозъ, и тогда за одинъ разъ составлялся концертъ изъ двухъ-трехъ человѣкъ, которые кричали отъ боли. Сначала, разумѣется, мы тоже обнаруживали наклонность къ бунтамъ, но, разумѣется, все оканчивалось не въ нашу пользу. Я помню особенно такой бунтъ двухъ моихъ товарищей, одинъ былъ Аманскій изъ Данковскаго училища, сынъ богатаго священника, красивый, уже юноша лѣтъ 16-ти, хорошо одѣтый, въ суконномъ сюртукѣ и нанталонахъ, притомъ уже довольно рослый; другой былъ изъ Зарайскаго училища (фамилія не помню). Надзоръ за ними почему-то порученъ былъ Перелетову, хотя у Аманскаго былъ братъ философъ. Перелетовъ очень не любилъ дѣтей богатыхъ отцовъ, особенно если они были красивы, называя ихъ барченками. Я уже не одинъ разъ слышалъ, какъ Перелетовъ говорилъ:

— А надобно мнѣ посмотреть ж. у моихъ барченковъ; да нѣтъ, мошенники, славно учать уроки, не къ чему придраться.

Но наконецъ нашлась вина. Ни лозы, ни сторожа не было въ комнатѣ. Перелетовъ сказалъ своимъ подчиненнымъ:

— Подите пока посидите вонъ у него (указывая на меня) на кровати; вотъ придетъ сторожъ, я велю принести угощеніе.

Оба сѣли у меня въ большомъ волненіи и испугѣ.

— Неужели онъ меня хочетъ сѣчь? сказалъ Аманскій.—Меня вѣдь и въ училищѣ не сѣкли; я не дамся ни за что.

Другой хоть и сознался, что его сѣкли, но не больно, да и уже года два тому назадъ. Но у этого не было такой храбрости, какъ у Аманскаго; онъ слезами заранѣе хотѣлъ защитить себя.

Сторожъ пришелъ, получилъ приказъ принести лозу и принесть.

— Ну-ка, барченки, идите сюда!

Никто изъ нихъ не трогался.

Перелетовъ подошелъ самъ; схватилъ зарайца за руку и, оттащивши недалеко отъ кровати, велѣлъ ему раздѣваться, да и самъ помогаль. Высѣкъ, но, сверхъ ожиданія, не очень больно. Дѣло дошло до Амапскаго. «Иди», сказали ему. Онъ не шель, и когда его схватили за руку, онъ сталъ упираться. Тогда тудоръ вышелъ изъ себя.

— А! ты еще бунтовать! Ну, я тебя выучу слушаться!

При помощи служителя, Перелетовъ вытащилъ бунтовщика на свободное мѣсто комнаты и связалъ ему руки носовымъ платкомъ. Тогда началъ, не торопясь, раздѣвать его, разстегиваль скюртку и жилеть, отстегиваль пуговицы панталонъ и пр., приговаривая:

— Такъ ты, барченокъ, еще бунтовать! Вотъ я же задамъ тебѣ баню; выбью изъ тебя барскую спѣсь, сдѣлаю тебя шелковымъ.

И, покончивъ то, что нужно было, повалилъ его на полъ, заставивъ сторожа и меня держать бунтовщика. Разумѣется, наказаніе было примѣрное; появились на обнаженномъ тѣлѣ не рисунки или блестки, а даже ручейки. Послѣ этого урока Аманскій попримирѣлъ, но надобно сказать, что Перелетовъ почему-то не часто его наказываль. Но всѣ вообще тудоры наши особенно стали съ нами поступать, какъ съ малолѣтними, послѣ того, какъ начальство чуть не треть нашего класса заразъ высѣкло. Преступленіе состояло въ томъ, что явившимся не въ срокъ послѣ святокъ не позволено было ѣхать на масляницу, а между тѣмъ классы прекратились еще въ субботу на пестрой недѣлѣ. Полагая, что за исполненіемъ этого приказанія никто не станетъ смотрѣть, смѣльчаки съ перваго раза уѣхали; другіе, не видя никакихъ повѣрокъ или черекличекъ, уѣхали уже въ среду и въ четвергъ, какъ въ субботу вдругъ всѣхъ оставшихся въ Рязани насъ собрали и отмѣтили, кто не оказался на лицо. На второй же недѣлѣ поста началась расправа. Какое наказаніе положено было богословамъ и философамъ — не знаю, но моихъ любезныхъ всѣхъ высѣкли очень больно, въ комнатахъ инспекторскихъ.

При моемъ поступленіи въ риторику, хотя уже 15-ти лѣтъ, былъ я плотный, полный, здоровый мальчикъ, но только небольшого еще роста, такъ что въ сравненіи со многими моими товарищами я казался мальчикомъ. Между тѣмъ въ этомъ нѣсколько толстоватомъ, но не высокомъ мальчикѣ шевелилась своя амбіція; я восхищался мыслию, что я уже теперь важная особа, настоящій семинаристъ, а не бурсакъ. Съ какимъ, бывало, удовольствіемъ подписываешься кстати и не кстати: «ученикъ словесности Дмитрій Ростиславовъ». Главною причиною риторической снѣси, пробудившейся во мнѣ и въ моихъ товарищахъ, была надежда, что мы свои инекспрессибли станемъ снимать только по собственному желанію. Хотя мы и знали, что нѣкоторые тудоры нашихъ предшественниковъ-риторовъ не очень съ ними деликатились, но чего сильно желаешь, то всегда надѣешься получить. И я, многосѣченный рабъ Божій, увѣрилъ себя, что наступило для меня время, въ которое мнѣ можно не очень бояться лозы, кромѣ развѣ какихъ-либо экстренныхъ случаевъ, къ которымъ, впрочемъ, я считалъ себя не способнымъ. Авдиторство и меня озадачило, какъ прочихъ моихъ товарищей. Услыхавши о немъ, мой тудоръ сказалъ мнѣ:

— Я слушать тебя не буду, но ты мнѣ всегда сказывай непременно, когда тебя запишутъ или незнающимъ, или неслушавшимся; сказывай также и о томъ, когда тебя за что бы то ни было накажутъ въ классѣ, даже побранятъ; да слышишь, непременно сказывай, иначе, братъ, не пеняй, — прибавилъ онъ еще болѣе серьезнымъ тономъ.

Мнѣ бы очень легко можно было понять значеніе послѣднихъ словъ и слѣдовало оставаться по-прежнему покорнымъ подчиненнымъ. Но ученику словесности нельзя не помечтать о своемъ высокомъ значеніи; нельзя привыкнуть къ мысли, что въ глазахъ своего тудора остаешься такимъ же мальчуганомъ, какимъ былъ въ училищѣ.

Печальный опытъ скоро разсѣялъ мои мечты, мой авдиторъ Гремячовъ, — старичокъ, дѣтина лѣтъ около 20-ти, толстый съ басистымъ голосомъ чуть не съ перваго раза безъ застѣнчивости сказалъ, чтобы я накормилъ его пирогами съ печонкой, иначе худо будетъ. Учивши почти всегда уроки хорошо, я не обратилъ внима-

ніе на такое предостереженіе, и Гремячовъ умѣлъ такъ устроить дѣло, что я до звонка не прослушался и записанъ въ нотату неслухавшимся и за то поставленъ былъ на колѣни. Объ этомъ я тутору своему ничего не сказалъ. Потомъ 21-го сентября въ день моихъ именинъ, я пригласилъ двухъ своихъ пріятелей напиться чаю въ трактирѣ. Вихоревъ хоть самъ часто ходилъ по трактирамъ, но мнѣ строго запрещалъ это дѣлать: мы и положили въ то время, какъ пойдутъ кучею въ церковь, просидѣть въ какомъ-нибудь уголку, а потомъ и отправиться въ трактиръ. Сказано и сдѣлано. Между тѣмъ, всевидящее око или ухо Грифцова провѣдало о нашемъ великомъ преступленіи, которое тотчасъ и сдѣлалось извѣстнымъ инспектору. Гедеонъ, зная, что я состою подъ tutorствомъ Вихорева, призвалъ его къ себѣ и сказалъ:

— Что же ты не смотришь за своимъ Ростиславовымъ. Вотъ онъ въ классѣ ужъ записанъ неслухавшимся и стоялъ за то на колѣняхъ. А нынѣ ушелъ отъ обѣдни въ трактиръ. Смотри за нимъ самъ, а то и я вѣдь распоряжусь.

Часу въ третьемъ, Вихоревъ самъ торопливо пришелъ въ нашу комнату (я еще жилъ у Ситковского) и жестомъ позвалъ меня за собою. Въ корридорѣ сказалъ мнѣ:

— Ступай въ комиссарскую, да жди меня тамъ.

Тамъ я нашелъ Ваську-кота, такъ мы звали одного служителя, бывшаго разсылнымъ у эконома и комиссара и исправлявшимъ часто должность сѣкутора. Онъ былъ или отставной солдатъ, или отпущенный на волю лакей, хорошенько мы не знали, но и исполнялъ должность сѣкутора или держателя; его обыкновенно приглашали таторы, когда находили нужнымъ имѣть помощника или исполнителя экзекуціи надъ своимъ подчиненнымъ.

Увидавши его въ комиссарской, я почувствовалъ, что мнѣ предстоитъ грозная опасность; какъ утопающій хватается за соломинку, такъ и я подумалъ: можетъ быть, онъ вовсе не для меня здѣсь сидитъ.

— Ты что здѣсь сидишь? спросилъ я его.

— Да вотъ, Алексѣй Ивановичъ послалъ меня сюда, чтобъ вѣрно тебя поугостить вотъ этою березовою кашкою, и показалъ мнѣ приготовленную свѣжую лозу.

Тутъ не то что гордость, или самолюбіе—имъ не давали еще развиться, — а чувство самохраненія во мнѣ пробудилось, и я отвѣчалъ:

— Ну, нѣтъ, стара штука, я ужъ теперь не мальчикъ, я въ риторикѣ, не позволю себя высѣчь.

— Ну, не нозволишь. Экая бѣда! поневолѣ высѣкутъ. Важное дѣло ритористъ, изъ моихъ рукъ не вывернешься.

— Да можетъ быть, это и не на меня, сказалъ я.

— Ну, не знаю, отвѣчалъ Васька-котъ. Алексѣй Ивановичъ велѣлъ мнѣ приготовить получше лозу, пойти съ нею сюда и ждать; я пришлю къ тебѣ моего парня; пусть и онъ подождетъ.

Не было, значить, никакого сомнѣнія, что предстояла порка.

— Ну, такъ не бывать же этому—откуда-то взялась у меня храбрость сказать; я повернулся и ушелъ вонъ, или лучше убѣжалъ, потому что Васька-котъ хотѣлъ было схватить меня. Я бросился въ свою комнату, чтобъ взять риторику, изъ которой дапъ былъ урокъ. Товарищи меня остановили, стали спрашивать, зачѣмъ меня звалъ Вихоревъ; нѣкоторые даже намекнули на то, не посѣкълъ онъ тебя, ты что-то не въ своей тарелкѣ. Я форсисто отвѣчалъ: вотъ еще вздоръ говорите; но золотое время утекало; наконецъ, взявши риторику, пошелъ вонъ изъ комнаты. Но въ корридорѣ встрѣтилъ тьютора, уже искавшаго меня. Схвативъ меня за руку, онъ молча повелъ меня въ комиссарскую; руки у него дрожали, потому что Васька-котъ успѣлъ передать ему весь мой разговоръ съ нимъ. Вошедши въ комиссарскую, тьюторъ сказалъ ему: «запри дверь» и повелъ меня въ слѣдующую комнату, сѣлъ на кровать, поставивъ меня предъ собою и охвативши ноги мои своими ногами, а лѣвою рукою держа меня за сюртукъ.

— Ну, риторъ,—сказалъ онъ мнѣ дрожащимъ голосомъ, я вѣдь велѣлъ тебѣ здѣсь ждать меня, какъ ты смѣлъ уйти отсюда? А! ну что жъ не говоришь?

Тутъ пачалъ онъ пересчитывать всѣ мои преступленія. Собравшись съ духомъ, я сталъ оправдываться, сказалъ даже, что жъ за бѣда ходить въ трактиръ? Вѣдь вы сами ходите.

— Видишь ли что,—заговорилъ мнѣ отвѣтчикъ,—я-то богословъ, а ты еще мальчишка. Ну-ка, Василій, возьми его себѣ, да

разложи-ка, а лозу мнѣ дай, сказалъ мой тѣторъ и выпустилъ меня изъ своихъ объятій. Увидавши такъ близко опасность, я не подумавши рѣшился на новую глупость. Окно было открыто, изъ него можно было безъ бѣды спуститься на землю; и я бросился туда, но когда уже забрался на подоконникъ, почувствовалъ, что желѣзныя руки схватили меня за ногу и стащили меня на полъ. Тотчасъ приказано было закрыть окно, потомъ опять охватили меня ногами и руками, и началось руганье.

— Вотъ каковъ ты молодецъ сталъ; бѣжать въ окно! да куда же бы ты убѣжалъ? и пр. Эй, Василій, принеси-ка другую лозу, одной мало будетъ.

Я понялъ, что спасенья не было никакого, принялся плакать, просить прощенья, давать обѣщанія; меня не слушали, а только держали. Наконецъ Васька-котъ пришелъ, и я ему переданъ...

Ударивъ разъ десять или поболѣе, тѣторъ останавливался и говорилъ мнѣ:

— Ну, вотъ это тебѣ за то, что ты не сказалъ мнѣ, что тебя поставили на колѣна въ классѣ. Потомъ:—а это за то, что ты ходилъ въ трактиръ. А вотъ теперь ужъ я съ тобою рассчитаюсь за твое буйство и за намѣреніе убѣжать отъ меня. Послѣ этого ужъ остановки не было до самаго конца экзекуціи. Васька-котъ помогъ мнѣ встать на ноги, медленно развязалъ мнѣ руки, я самъ было наклонился, чтобъ подобрать свои инекспрессибли, но отъ этого движенія боль на высѣченныхъ мѣстахъ усилилась, и я вскрикнулъ. Васька-котъ явился къ услугамъ.

— Не нагибайся, не нагибайся, я самъ тебя одѣну.

Долго я лежалъ на кровати, насилу кое-какъ собрался пойти въ свои комнаты, стараясь впрочемъ принять видъ, какъ будто ничего со мною не было; это тѣмъ лучше мнѣ удалось, что я пришелъ уже вечеромъ, когда еще огня не зажигали. Скоро послѣ этого Вихоревъ упросилъ ректора и инспектора, чтобы меня и его обоихъ братьевъ перевести въ его комнату подъ его непосредственный надзоръ. Нѣсколько дней опъ со мною почти не говорилъ ничего. Потомъ, заведя опять меня въ комиссарскую, спросилъ:

— Ну что, г. риторъ, защитило тебя твое риторство отъ лозы? Ахъ ты, дуракъ! Что это тебѣ вздумалось столько глупостей надѣ-

лать. Заруби себѣ на носъ, что ты для меня тотъ же самый Митя, котораго я сѣкъ, когда онъ былъ въ высшемъ отдѣленіи. И теперь — будешь ты хорошъ, я тебя стану любить по-прежнему; спроваж-ничаешь что-нибудь, или окажешься неисправнымъ, извини, не спущу, выскжу. Особенно тебѣ больно досталось за то, что ты хотѣлъ убѣжать. Станешь ли впередъ слушаться?

Разумѣется, я отвѣчалъ: буду, непременно буду.

— А вотъ я посмотрю, — ложись-ка, да сначала самъ раздѣнься, самъ, чтобы мнѣ, ничего не поправляя, можно было тебя сѣчь.

— Да за что же меня сѣчь!

— А хочу посмотрѣть, какъ ты меня послушаешься. Вотъ я напишу десять строкъ; если я потомъ увижу, что ты еще не лежишь на полу, какъ надо, то это значить, что ты меня не хочешь слушаться; и началъ писать.

Я было сказалъ, что у меня еще не зажило отъ прежняго сѣченья, но услыхалъ: я уже написалъ три строки. Что дѣлать? Постоялъ и сталъ торопливо раздѣваться, чтобы не пропустить срока, думая, авось удовольствуется моею покорностію, и почти не ошибся. Кончивши свои десять строкъ, тудоръ съ лозою подошелъ ко мнѣ, постоялъ нѣсколько секундъ, которыя мнѣ впрочемъ показались очень длинными и сказалъ:

— Послушай, что скажу тебѣ, я хотѣлъ узнать, поумнѣлъ ли ты послѣ послѣдней моей бани; кажется, урокъ мой не пропалъ. Смотри, учись и живи хорошо, слушайся меня во всемъ. Боже сохрани тебя, если станешь бунтоваться противъ меня; риторство твое не спасетъ тебя. А теперь лежи смирно, я тебѣ дамъ пять ударовъ.

Даль, разумѣется, я получилъ, хоть и не росписался, но они были написаны на моемъ тѣлѣ.

И возобновились вполне прежнія мои отношенія къ тудору моему. Съ терпѣніемъ и замѣчательнымъ искусствомъ онъ посвящалъ меня въ тайны словесности, разумѣется, по правиламъ тогдашней риторики; о романтизмъ тогда въ Рязанской семинаріи и не слышали. Давалъ мнѣ свои предложенія для задачекъ, которыя и исправлялъ самымъ тщательнымъ образомъ. А задачки классическія велѣлъ подавать въ томъ видѣ, въ какомъ я самъ ихъ составляю; мнѣ

велѣно было ихъ показывать уже послѣ того, какъ онѣ разсмотрѣны были профессоромъ. Тутъ, равно какъ и въ томъ случаѣ, если моя задача отдавалась ему, какъ лектору, подвергалась подробному разбору. О недоумѣніяхъ своихъ по всѣмъ совершенно урокамъ я во всякое время имѣлъ право къ нему обращаться и получалъ самыя удовлетворительныя объясненія. Особенно тuteur мнѣ помогъ своею собственною библіотекою. Еще въ философскомъ классѣ онъ на деньги, занятыя имъ у бурмистра г. Рюмина, крестьянина въ приходѣ его отца, купилъ очень много книгъ послѣ смерти бывшаго учителя Рязанской семинаріи Дмитревскаго, автора книги: «Толкованіе или объясненіе литургіи». Въ библіотекѣ преобладала богословская литература, но было не мало и русскихъ книгъ, особенно по исторіи. Вихоревъ умѣлъ пробудить во мнѣ любознательность; я со страстью взялся за книги; а онъ каждую недѣлю спрашивалъ меня о прочитанномъ и много еще прибавлялъ отъ себя. Онъ же доставилъ мнѣ возможность ознакомиться и съ романами Жанлисъ, Радклифъ, Дюпре-де-Меню и пр., давая только совѣты такъ читать, чтобы начальство не замѣчало того. Словомъ сказать, въ этомъ отношеніи я былъ счастливѣе едва-ли не всѣхъ товарищей; ни одинъ изъ нихъ не пользовался такимъ умнымъ и внимательнымъ надзоромъ.

За то тuteur мой былъ неумолимъ въ тѣхъ случаяхъ, когда я оказывался неисправнымъ и виновнымъ въ чемъ-либо. За маловажные проступки мнѣ дѣлались болѣе или менѣе строгія замѣчанія; но за важныя (разумѣется, по мнѣнію тутора) неисправности мнѣ непремѣнно грозила лоза или плетки. А при живомъ и шаловливомъ характерѣ я оказывался очень часто виновнымъ. То заиграешься гдѣ-нибудь на дворѣ, или на чердакѣ въ карты и пропустишь чуть не весь классъ, то украдкой перелѣзешь съ товарищами черезъ стѣну и уйдешь куда-либо въ луга погулять, или въ трактиръ напиться чаю и послушать органъ, то въ классѣ напраказничаешь что-либо, то отколотишь какого-либо бурсака, а то любезнаго своего товарища, то побранишься съ философомъ, или огрызнешься богослову и пр. и пр. За преступленіе считалось, если въ латинской задачкѣ оказывалось по одной грамматической ошибкѣ на 10—15 строкъ. Конечно, за такія провинности даже по тогдашнимъ поня-

тіямъ не стоило каждый разъ брать въ руки лозу, но мнѣ уже потачки не было. Притомъ титоръ по-пустому не маралъ рукъ; за что бы онъ меня ни сѣкъ, менѣе 20 ударовъ не давалъ, — а сколько болѣе того, — его была воля. О бунтовствѣ, какъ мы говорили, я пересталъ думать. Смирено, когда приказывалось, самъ приносилъ на себя лозу, раздѣвался, ложился и пр., только не всегда могъ улежать смирно. Но противъ этого предпринимались рѣшительныя мѣры. Едва-ли въ какое время моего ученья меня сѣкли такъ часто и больно, какъ тогда. И все-таки скажу, что относительно своихъ успѣховъ и хорошаго поведенія въ семинаріи я одолженъ чуть ли не всѣмъ моему титору. За суровое обращеніе не обвиняю его; ему въ Рязанской семинаріи не откуда было узнать, что можно при воспитаніи обойтись безъ розогъ.

Тогда, впрочемъ, я разсуждалъ иначе; были у меня товарищи, которыхъ сѣкли, можетъ быть, еще больнѣе и чаще, нежели меня, но мнѣ это служило плохимъ утѣшеніемъ, и потому я хотѣлъ какъ-нибудь освободиться изъ-подъ надзора Вихорева, хотя съ другой стороны я не могъ не видѣть, что въ научномъ отношеніи онъ мнѣ очень полезенъ. Я даже не разъ слыхалъ отъ многихъ товарищей своихъ:

— Конечно, тебѣ достается больненько отъ твоего Алексѣя Ивановича, но за то какъ хорошо онъ все тебѣ разъясняетъ; безъ него ты былъ бы совсѣмъ другимъ и пожалуй свернулся бы съ пути.

Но воля-матушка нравилась и намъ, тогдашнимъ семинаристамъ. Въ концѣ 1825 года я нашелъ случай освободиться изъ-подъ неволи. Не знаю изъ-за чего произошло какое-то неудовольствіе между моимъ батюшкою и титоромъ; этимъ я воспользовался. Приѣхавъ домой на Святки, я сначала пожаловался на Вихорева своей матушкѣ; мнѣ удалось убѣдить ее, что онъ на меня нападаетъ, наказываетъ Богъ знаетъ за что и ужъ слишкомъ жестоко, что мнѣ житья нѣтъ отъ него, а между тѣмъ мнѣ ничего вовсе не указываетъ, даже бранить и бьетъ, когда я его спрашиваю о чемъ-нибудь и пр. и пр. Надобно сказать, что я, замѣтивъ участіе ко мнѣ въ моей матушкѣ, навралъ ей множество небылицъ, чтобы вполне расположить ее въ свою пользу. Она передала все батюшкѣ, онъ, будучи занятъ своими хлопотами по приходу и благочинію, не

имѣлъ времени хорошенько разобрать мои хитросплетенія. При отѣздѣ моемъ въ Рязань, я получилъ отъ него дозволеніе перейти съ казеннаго на квартиру, хотя онъ не разъ мнѣ повторялъ: да смотри, ты не обманываешь ли меня; я, разумѣется, увѣрялъ всѣми святыми, что ничего не лгу, надѣясь, что онъ уже болѣе не сойдется съ Вихоревымъ. Въ Рязани я успѣлъ перебраться на квартиру еще прежде возвращенія Вихорева и зажилъ вольнымъ казакомъ. Бывшій мой тuteurъ, отыскавъ меня, спросилъ, почему я сошелъ съ казеннаго, и получилъ въ отвѣтъ, что такъ угодно батюшкѣ, но въ то же время въ доказательство своей свободы успѣлъ высказать ему нѣсколько грубостей.

Бывшій мой тuteurъ и виду не показавъ, что онъ обижається, а между тѣмъ, какъ послѣ оказалось, онъ черезъ другихъ обстоятельно узнавалъ все, что я дѣлалъ. Я и въ январѣ 1826 года успѣлъ уже понапроказничать и на меня было два раза донесено ужъ инспектору, и если бы Вихоревъ не вступился за меня, чего впрочемъ я не зналъ, то меня бы, пожалуй, и инспекторъ выскѣ, но я приписалъ свою ненаказанность милости инспектора и даже вниманію къ моимъ успѣхамъ. Въ концѣ января батюшка пріѣхалъ въ Рязань съ отчетами по благочиію и къ моей бѣдѣ объяснился и исполнѣ помирился съ Вихоревымъ, который отъ него узналъ обо всемъ, что я на него наговорилъ и правды и неправды. Батюшка хотѣлъ было опять перевести меня на казенное, но Вихоревъ отсовѣтовалъ это, потому что въ такомъ случаѣ инспекторъ слишкомъ дурное понятіе обо мнѣ составить. А вмѣсто того обѣщавъ слѣдить за мною и на квартирѣ при помощи старшаго квартирнаго и стоявшаго со мною философа Любомудрова, о которомъ я буду послѣ говорить. Отѣзжая 29-го января изъ Рязани, батюшка при Вихоревѣ далъ мнѣ хорошій нагоняй и велѣлъ опять по-прежнему быть покорнѣйшимъ подчиненнымъ его, чѣмъ послѣдній и не преминулъ тотчасъ воспользоваться.

Я и Александръ Миртовъ, мой соквартирантъ, поссорившись съ двумя училищными мальчиками — низшаго отдѣленія, поколотили ихъ. За нихъ вступился Любомудровъ и сказалъ о томъ квартирному старшему, а тотъ Вихореву, который упросилъ его не доносить о томъ инспектору, надѣясь уже самъ со мною разсчитаться.

30-го января, въ праздникъ Трехъ Святителей, квартирный старшій вмѣстѣ съ моимъ таторомъ пришли къ намъ на квартиру разобрать жалобу побитыхъ нами мальчиковъ. Дѣло было ясное. Чтобы не доводить дѣла до инспектора, мальчикамъ предложили, чтобы они сами насъ высѣкли; это имъ очень понравилось, и они сами побѣжали вырѣзать въ саду лозу. Намъ, конечно, было обидно, что насъ стануть сѣчь мальчишки, но съ другой стороны мы знали, что въ семинаріи служители по приказанію инспектора сѣкутъ ужасно больно, и потому протестовать противъ приговора не рѣшились. Мальчики были добренькіе. Миртова каждый изъ нихъ ударилъ разъ по 15, но ко мнѣ были еще снисходительнѣе, не ударили и по 10 разъ; притомъ удары ихъ были слабы; тутъ мы дешево раздѣлались. Но мнѣ предстояла другая расправа.

На другой день, въ воскресенье, таторъ приказалъ мнѣ явиться къ нему послѣ обѣда. Узнавши, что онъ въ комиссарской, я отправился туда со страхомъ и трепетомъ, но вмѣстѣ и съ надеждою, авось не стануть вспоминать моихъ старыхъ грѣховъ. Нѣсколько минутъ я простоялъ у дверей комиссарской, не рѣшаясь войти въ эту грозную комнату, отъ которой я уже нѣсколько недѣль считалъ себя свободнымъ. Возшелъ и сталъ передъ грознымъ своимъ судьей.

— Садись-ка пока, сказали мнѣ.

Замѣтивъ, что я въ тулупѣ и подпоясанъ кушакомъ, таторъ прибавилъ:

— Здѣсь тепло, скинь тулупъ, а то вспотѣешь.

Я раздѣлся и сѣлъ. Наконецъ таторъ кончилъ свое писанье и, уходя вонъ, обѣщался сейчасъ возвратиться. Этимъ промежуткомъ я воспользовался, чтобы заглянуть подъ тюфякъ, не лежитъ ли подъ нимъ, какъ бывало прежде, лоза; ея не было; ея не было только подъ ногами, но подъ головами не сталъ и смотрѣть, потому что туда лозу не клали. Отъ сердца отлегло, но я побаивался, не принесетъ ли онъ гостинца съ собою. Очень скоро возвратился и самъ изнутри заперъ вхожую дверь; это заставило меня вздрогнуть; возшелъ въ комнату, но безъ лозы; онъ сѣлъ на кровать и позвалъ меня къ себѣ. Замѣтивъ, что я въ панталонахъ, онъ похлопалъ рукою по задней части ихъ, сказавъ:

— Вотъ это напрасно надѣлать, лишнія хлопоты будутъ.

Потомъ, сильно придвинувъ меня къ себѣ, поставилъ между ногъ, охватилъ меня ими и рукою; тутъ ужъ я не сомнѣвался, что мнѣ предстоитъ порка.

— Ну, скажи-ка мнѣ, заговорилъ онъ, — когда я тебя сѣкъ ни за что, ни про что, когда я на тебя нападалъ напрасно? Особенно, когда я билъ за то, что ты спрашивалъ меня о чемъ-нибудь? Ну, говори, когда? Ахъ, ты безсовѣстный лгунишка!

Изъ-за послѣдняго обвиненія и мнѣ стало стыдно; отъ этого ли, или отъ страха у меня на глазахъ явилась слеза. ТUTORъ, замѣтивъ это, сказалъ:

— Вѣдь вотъ самому стыдно!

Послѣ сталъ онъ мнѣ высчитывать все, что я дѣлалъ на квартирѣ; тутъ я только узналъ, отчего ко мнѣ инспекторъ оказался милостивымъ. Долго продолжалась проповѣдь; къ концу ея я почувствовалъ, какъ руки тьютора начали, не торопясь, снимать мои панталоны и инекспрессибли; вскорѣ тѣ и другія держались только на сапогахъ, а рубаха поднята была на плечи, и я стоялъ почти весь обнаженный. Тогда тьюторъ наклонился къ передней части постели и оттуда изъ-подъ тюфяка вытащилъ пару отличныхъ лозъ. Я уже приготовился къ наказанію, но, взглянувъ на лозы, сдѣлалъ движеніе назадъ и вырвался изъ ногъ Вихорева. Бѣжать я вовсе не думалъ и не могъ, весь почти обнаженный; движеніе это было безсознательнымъ, невольнымъ, да и мгновеннымъ, я тутъ же остановился. Но тьюторъ, кажется, понялъ иначе, закричавъ:

— А! ты опять хочешь бѣжать, разбудилъ комиссара и пригласилъ его помочь расправиться со мною.

Въ то время, какъ я оправдывался въ своемъ невольномъ движеніи, меня подтащили къ скамьѣ, связали руки, положили меня на нее и ноги мои привязали къ ней моимъ же кушакомъ, а на плечи усьлся комиссаръ. Послѣдовавшее наказаніе было для меня тѣмъ невыносимѣе, что это продолжалось безъ остановки, пока обѣ лозы обломались, или пока тьюторъ не счелъ его достаточнымъ. Послѣ такого наказанія мнѣ опять пришлось сдѣлаться покорнѣйшимъ подчиненнымъ тьютора и забыть о своей волюшкѣ-матушкѣ; о сопротивленіи нечего было и думать, оно обошлось мнѣ слишкомъ

чувствительно. ТUTORЬ сдѣлался ко мнѣ строже и взыскательнѣе прежняго; я долженъ былъ являться къ нему ежедневно и давать отчетъ въ своихъ занятіяхъ; да и самъ онъ часто и неожиданно приходилъ ко мнѣ на квартиру; сверхъ того, чрезъ квартирнаго старшаго зналъ о малѣйшихъ подробностяхъ моего житья-бытья. И въ случаѣ неисправностей—конечно, не всѣхъ, но тѣхъ, которыя онъ находилъ важными, лоза или плетка поучали меня, какъ мнѣ слѣдовало жить и учиться.

Время шло, и нашъ двухгодичный риторическій курсъ оканчивался; приблизились экзамены для перехода нашего въ философское или въ среднее отдѣленіе семинаріи. Но мнѣ, на такъ называемыхъ частныхъ экзаменахъ, не удалось присутствовать. Въ самомъ началѣ ихъ я заболѣлъ сильною горячкою. Тутъ мой тUTORЬ помогъ мнѣ, какъ нельзя лучше, перевезъ меня въ семинарскую больницу и ухаживалъ съ братьями своими за мною самымъ внимательнымъ образомъ; то же самое дѣлали подлѣкаръ и помощникъ его; даже по его милости и докторъ обращалъ на меня больше вниманія, нежели на другихъ больныхъ. Не будь всего этого и, значитъ, не будь у меня тUTORа, мнѣ быть бы тогда на томъ свѣтѣ. Къ публичному экзамену я выздоровѣлъ и, хотъ еще нѣсколько слабый, вышелъ на него и былъ спрошенъ. Впрочемъ, по тогдашнимъ обычаямъ, меня бы и безъ того перевели въ философію на основаніи однихъ списковъ наставниковъ. Такимъ образомъ и я сдѣлался философомъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЗАПИСКИ Д. И. РОСТИСЛАВОВА,

профессора Спб. духовной академіи.

ГЛАВА XXXIX ¹⁾.

О Балашовѣ.

Въ то время, какъ мы, ученики, въ каникулы 1824 г., жили въ домахъ отцовъ своихъ, въ Рязани случилось два замѣчательныя для нея происшествія: смерть архіепископа Сергія и потомъ трехдневное пребываніе императора Александра I въ Рязани. Но при описаніи этихъ событій, особенно послѣдняго, нужно будетъ говорить о двухъ тогдашнихъ рязанскихъ знаменитостяхъ: о генераль-губернаторѣ Балашовѣ и рязанскомъ помѣщикѣ Рюминѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ нахожу нужнымъ тутъ же, кстати, сказать и о другихъ рязанскихъ гражданахъ, какъ мірскихъ, такъ и духовныхъ особахъ, чтобы потомъ уже не отвлекаться отъ другихъ предметовъ эпизодами. Въ этомъ случаѣ мои замѣтки будутъ относиться не къ одному 1824 г., а ко всему семилѣтнему моему житію въ Рязани; въ иныхъ же случаяхъ, особенно говоря о духовенствѣ, я коснусь и давно минувшихъ лѣтъ. Но предварительно нахожу нужнымъ поговорить о двухъ тогдашнихъ знаменитостяхъ: о генераль-губернаторѣ Балашовѣ и рязанскомъ помѣщикѣ и богачѣ Рюминѣ. Обѣ эти знаменитости были, какъ тогда носилась молва, въ нѣкоторомъ смыслѣ соперниками. Одинъ изъ нихъ былъ человѣкомъ близкимъ къ императору, даже его любимцемъ, и имѣлъ громадную въ пяти губер-

¹⁾ См. „Русск. Старину“ сентябрь 1894 г.

ніяхъ власть. Другой тоже пользовался расположеніемъ государя, официальной власти не имѣлъ, но его громадное состояніе и умѣнье жить давали ему возможность имѣть обширное вліяніе на Рязань. Для Балашова, какъ тогда говорили, Александръ пріѣзжалъ въ Рязань, но квартировалъ по собственному выбору даже противъ желанія Балашова у Рюмина.

Генераль-отъ-инфантеріи Александръ, кажется, Дмитріевичъ Балашовъ былъ оберъ-полиціймейстеромъ въ Петербургѣ въ 1812 г. и участвовалъ въ интригѣ, посредствомъ которой Сперанскій долженъ былъ отправиться изъ столицы въ ссылку. Послѣ онъ былъ сколько-то времени министромъ полиціи и потомъ, не припомню уже, въ какомъ году, сдѣлался рязанскимъ генераль-губернаторомъ. Кажется, эту перемену не слѣдуетъ считать чѣмъ-то въ родѣ немилости императора къ нему. Въмѣсто званія министра полиціи, Балашовъ, получивъ подъ названіемъ генераль-губернатора въ управленіе пять губерній: Рязанскую, Тульскую, Калужскую, Орловскую и Воронежскую, явился порядочнымъ царькомъ, который по числу подданныхъ былъ сильнѣе cadaго изъ членовъ тогдашняго германскаго союза, исключая австрійскаго императора и прусскаго короля; его въ шутку, а иногда въ насмѣшку, и называли рязанскимъ царькомъ. О томъ, какъ этотъ знаменитый любимецъ Александра I жилъ и дѣйствовалъ въ Рязани, я, конечно, много слыхалъ и даже видалъ, будучи ученикомъ въ Рязани, но гораздо болѣе узналъ отъ бывшаго рязанскаго купца Андрея Михайловича Шенна и бывшаго предсѣдателя рязанской палаты уголовного суда Еяграфа Ивановича Строилова. Первый при Балашовѣ былъ богатымъ и предприимчивымъ купцомъ. Онъ очень нравился генераль-губернатору ловкимъ исполненіемъ казенныхъ подрядовъ, пользовался расположеніемъ у его самого и приближенныхъ его. У Шенна, — другая его фамилія была Гладкой, — я жилъ на квартирѣ около четырехъ лѣтъ, когда онъ уже былъ чуть не столѣтнимъ старикомъ и жилъ уже очень не богато, если не бѣдно, любилъ вспоминать про то время, когда при Балашовѣ онъ игралъ роль значительнаго лица въ Рязани, у котораго въ гостяхъ бывали и губернаторы. Съ Строиловымъ я познакомился по рекомендаціи моего батюшки, тотчасъ по переселеніи моемъ въ Рязань въ 1852 г.,

и пользовался его расположеніемъ до самой его смерти въ 1868 году. Онъ, какъ почти постоянный житель и служака Рязани, тоже хорошо зналъ Балашова, хотя ему, кажется, не былъ извѣстенъ.

Не знаю, почему Балашову вздумалось поселиться въ Рязани, которая и тогда, какъ нынѣ, была хуже Орла, Тулы, Воронежа и Калуги. Поселившись въ Рязани, онъ жилъ, какъ знаменитый русскій вельможа и администраторъ. Занималъ онъ на лучшей улицѣ города огромный домъ; у подъѣзда его квартиры всегда стоялъ военный караулъ изъ двухъ солдатъ. Куда бы онъ ни ѣхалъ по городу, его провожалъ конный жандармъ, а въ торжественныхъ случаяхъ, напр. въ такъ называемые царскіе дни, при проѣздѣ его въ соборъ къ молебну, галоппировали сзади его экипажа два жандарма и ѣхалъ въ дрожкахъ или саняхъ полиціймейстеръ. Нечего уже говорить о томъ, что рязанскіе жители, изъ уваженія ли къ генераль-губернатору, или изъ боязни попасть въ полицію за мнимое неуваженіе къ власти, снимали свои шапки и кланялись его высокопревосходительству.

Нечего о томъ говорить, что къ нему ежедневно являлись съ рапортами и докладами разнаго рода чиновники. Но во всѣ праздники было у него въ квартирѣ нѣчто въ родѣ большихъ и малыхъ придворныхъ выходовъ. Покойный Шеннъ мнѣ рассказывалъ, что часу въ 12-мъ послѣ обѣдни обыкновенно всѣ болѣе или менѣе значительныя лица, не только изъ чиновниковъ, но и изъ помѣщиковъ и купцовъ, считали нужнымъ являться въ приемную залу генераль-губернатора. Тутъ они дожидались появленія рязанскаго принца, иногда часикъ и болѣе. Наконецъ онъ выходилъ, всѣ выстраивались и кланялись. Начинался обходъ; съ тѣмъ милостиво разговаривали, тому протягивали руку, иному отвѣчали на поклонъ тоже чѣмъ-то похожимъ на поклонъ, мимо другаго проходили посмотрѣвши только, а то и вовсе не взглянувши на него. Не обходилось и безъ болѣе замѣтныхъ выраженій неудовольствія начальства; дѣлались выговоры, замѣчанія за тѣ или другія неисправности. Если кто не очень усердно являлся на эти выходы, то ему напоминалось, что его какъ-то давно уже не видно. Результатомъ всего этого было то, что наибольшая часть лицъ, имѣвшихъ право и вмѣстѣ обязанность являться къ этому двору, стара-

лись угодить вкусу начальника и являлись если не каждый праздник, то не осмѣливались пропускать многіе къ ряду праздники. Въ высоко-торжественные же праздники, Пасху, Новый годъ и т. п., эти сходбища были уже очень многочисленны. Только не знаю, почему и когда, а сходбища эти бывали и до обѣдни, и послѣ нея. Мы, мальчишки, нарочно бывало хаживали на Соборную улицу, чтобы видѣть, какъ за генераль-губернаторомъ, мчавшимся въ сопровожденіи двухъ жандармовъ въ соборъ къ молебну, мчались съ одинаковою быстротою на разныхъ разстояніяхъ дрожки, кареты, коляски, сани и проч., въ которыхъ сидѣли разные чиновники съ штыками воротниками. По окончаніи обѣдни, иногда тотъ же поѣздъ мчался къ дому генераль-губернатора. Самого его высокопреосвященства карета, запряженная четвернею лошадей цугомъ, вскорѣ тоже отправлялась къ царскому намѣстнику.

Управляя пятью губерніями, посылая множество предписаній и получая еще гораздо болѣе разныхъ донесеній, Балашовъ долженъ былъ имѣть большую канцелярію при себѣ. Она помѣщалась въ особомъ зданіи, которое въ прежнія времена служило квартирою для губернаторовъ. Въ ней подобно тому, какъ въ министерскихъ канцеляріяхъ, правителемъ дѣлъ былъ чиновная особа, какой-то Кавелинъ, въ то время, какъ я учился уже въ Рязани, едва-ли не дѣйствительный статскій совѣтникъ, по крайней мѣрѣ квартирою ему служилъ очень большой домъ. Охотниковъ поступить въ составъ канцеляріи было очень много; для этого пріѣзжали даже изъ Петербурга такъ называемыя матушкины дѣтки; для рязанскихъ жителей считалось за честь попасть въ число ея дѣтелей, но, кажется, составъ чиновниковъ ея вообще былъ хорошій. Службой этой интересовались не только потому, что она доставляла лучшее содержаніе, нежели губернскія присутственныя мѣста, но и потому, что генераль-губернаторъ любилъ ея чиновникамъ, какъ лицамъ извѣстнымъ если не ему самому, то его правителю дѣлъ, раздавать мѣста въ присутственныхъ мѣстахъ не только губернскихъ, но и уѣздныхъ. Разсказывали про остроу одного господина, который былъ чуть ли не во всѣхъ городахъ Рязанской губерніи. На предложенный ему вопросъ, что онъ видѣлъ

въ нихъ особеннаго, онъ отвѣчалъ: «Я вездѣ встрѣтилъ только бывшихъ чиновниковъ генераль-губернаторской канцеляріи».

Независимо отъ канцелярскихъ были при Балашовѣ чиновники по особымъ порученіямъ и какіе-то экстраординарные чиновники, которыхъ нельзя встрѣтить по губернскимъ мѣстамъ. Такъ напр. въ Рязани существовалъ оберъ-полиціймейстеръ, которому подчинялись уѣздные городничіе, не знаю только одни ли рязанскіе, или всѣхъ вообще пяти губерній; или уже не въ каждой ли губерніи было по оберъ-полиціймейстеру. Были и другіе какіе-то экстраординарные чиновники. Это сдѣлалось извѣстнымъ при императорѣ Николаѣ. Скоро по воцареніи его, Балашова, какъ члена Государственнаго Совѣта, вытребовали въ Петербургъ, и кажется, безъ него-то производилъ ревизію по генераль-губернаторству какой-то сенаторъ, который и донесъ, между прочимъ, что генераль-губернаторъ превысилъ свою власть, устанавливая самъ собою новыя должности, къ числу которыхъ, разумѣется, причислена была и должность оберъ-полиціймейстера. Отъѣзжая въ Петербургъ, Балашовъ раздѣлилъ свою канцелярію на двѣ части, одну оставилъ въ Рязани, а другую взялъ съ собою въ Петербургъ. Но вскорѣ генераль-губернаторство было уничтожено, и въ Рязани опять воцарились губернаторы, не замѣняемые уже болѣе яркимъ свѣтиломъ генераль-губернатора.

Самъ по себѣ Балашовъ былъ, кажется, въ Рязани честнымъ человѣкомъ. Будучи еще оберъ-полиціймейстеромъ въ Петербургѣ, онъ нажилъ хорошее состояніе; въ Рязани уже можно было быть или казаться честнымъ. Но приближенные его, по крайней мѣрѣ не всѣ, причислялись къ числу безсребренниковъ. Шеннъ мнѣ рассказывалъ характеристическій анекдотъ про оберъ-полиціймейстера, милостью котораго, по всей вѣроятности не совсѣмъ безкорыстною, онъ пользовался. Одинъ городничій сдѣлалъ какой-то важный промахъ и долженъ былъ явиться въ Рязань для объясненій къ оберъ-полиціймейстеру. Но прежде, нежели предстать предъ своего грознаго судью, онъ счелъ за лучшее предрасположить его въ свою пользу приличною взяточкою и для совѣта явился къ Шенну. На общемъ совѣтѣ они положили попробовать смягчить разгнѣваннаго судью подобающимъ его чести приношеніемъ.

Шеннъ отправился для переговоровъ. Явившись къ оберъ-полицеймейстеру, онъ сказалъ: «А вѣдь такая-то птичка (разумѣя подъ этимъ названіемъ виновнаго городничаго) прилетѣла сюда, да не знаетъ, какъ къ вамъ ей явиться, съ однимъ ли крылушкомъ или съ двумя» (подъ крылушкомъ подразумѣвалась сотня рублей).

— Ну, вотъ еще, отвѣчалъ оберъ-полицеймейстеръ, какъ же можно птичкѣ летать съ однимъ крылышкомъ! У какой же ты птицы нашелъ только одно крыло?

Но этотъ чиновный зоологъ нашелъ лучшимъ, чтобы крылушки были принесены къ нему не самую птичку, а Шенномъ. Церемонія исполнена, явившемуся послѣ того городничему сдѣлано было на словахъ приличное внушеніе, и потомъ онъ отпущенъ съ миромъ въ богоспасаемый свой градъ для вознагражденія понесенныхъ имъ убытковъ въ качествѣ птички. Разумѣется, и мой любезнѣйшій хозяинъ Шеннъ не остался безъ вознагражденія за свои праведные переговоры.

Балашовъ старался улучшить по своимъ понятіямъ вѣренныя его управленію губерніи. Въ Рязани улучшенія его главнымъ образомъ коснулось улицъ. До него онѣ не были вымощены, исключая двухъ или трехъ улицъ; тротуаровъ или вовсе не было, или они такъ устраивались, что прогулки по нимъ не отличались удобствами. Отъ этого и происходило, что въ прежнее время на немощенныхъ улицахъ, по которымъ впрочемъ ходило и ѣздило много народа, не было почти возможности ни пройти, ни проѣхать. Мнѣ самому случилось видѣть, какъ кареты, съѣхавшія съ Соборной улицы на Семинарскую немощенную, проѣхавши нѣсколько десятковъ саженой, останавливались, хотя бывали запряжены даже четырьмя лошадьми. Несмотря на неумолимую дѣятельность кучерскихъ и форейторскихъ кнутовъ, лошади отказывались далѣе двигаться. Тогда долговязые лакеи отворяли дверцы кареты, выносили барынь на мостовую или тротуары Соборной улицы, а на выручку кареты изъ грязи въ помощь лошадямъ приглашались люди и приносились веревки, и послѣ усердной общей работы, и еще болѣе усерднаго крика вытаскивали кое-какъ карету.

Въ этомъ отношеніи Балашовъ дѣйствительно сдѣлалъ много хорошаго для Рязани. Конечно, и до сихъ поръ около трети улицъ

еще не имѣютъ мостовыхъ; но почти всѣ вымощенныя улицы сдѣланы такими при Балашовѣ; при немъ также чуть не вездѣ тоже были устроены и тротуары. Конечно, они не отличались совершеннымъ, такъ сказать, безгрязіемъ въ дурную погоду, но все-таки можно было по большей части ихъ пройти, не опасаясь завязнуть въ грязи или оставить въ ней сапоги. Чтобы облегчить устройство мостовыхъ для города, Балашовъ своею властью установилъ особую пошлину со всѣхъ въѣзжающихъ въ Рязань, разумѣется, крестьянъ. Изъ нихъ каждый у заставы долженъ былъ дать не менѣе трехъ небольшихъ булыжниковъ; или заплатить сколько-то копѣекъ. Поэтому въ то время у заставъ Московской и Астраханской, гдѣ стояли мытари, собиравшіе пошлину, стояли порядочныя кучи булыжника. Велики ли кучи составлялись изъ грошей, я не знаю, ихъ не выставляли напоказъ, а укладывали по карманамъ.

Несмотря на слишкомъ ясную пользу, доставляемую тротуарами, домохозяева рязанскіе были очень недовольны распоряженіями генераль-губернатора. Не только тротуары, но и мостовыя едва-ли тогда не устраивались на счетъ домохозяевъ, по крайней мѣрѣ семинарія, несмотря на всѣ хлопоты, должна была на свои, а не на городскія деньги вымостить улицу противъ своего дома и двора. Но если устраивались мостовыя противъ домовъ частныхъ владѣльцевъ на городской счетъ, то все-таки деньги для этого, какъ небывалый прежде расходъ, вынимались изъ кармановъ домовладѣльцевъ подъ видомъ особой пошлыны. Потомъ введено было освѣщеніе города фонарями по многимъ улицамъ; опять нужны были деньги. А наконецъ на болѣе видныхъ улицахъ слѣдовало мести ежедневно и тротуары, и мостовую, для чего слѣдовало нанимать дворника. Очевидное дѣло: опять страдалъ карманъ гг. домовладѣльцевъ. Но сюда присоединилась новая бѣда. Балашовъ старался истребить мошенничество и кулачество въ торговлѣ, приказывалъ смотрѣть за вѣсами, мѣрами, за тѣмъ, чтобы купцы не стѣсняли крестьянъ, торговавшихъ со своихъ воевъ въ базарные дни и пр. Рязанскимъ купцамъ-кулакамъ надобно было или отказаться отъ своихъ мошенническихъ и кулаческихъ преданій, или тратить деньги на подкупъ полиціи. Но и послѣднее не всегда помогало. Генераль-губернаторъ, подобно Гарунъ-аль-Рашиду, любилъ ходить по

городу и рынку въ партикулярномъ платьѣ и часто самъ имѣлъ случай видѣть купеческія продѣлки; тутъ, разумѣется, доставалось уже и полиція, которая старалась выместить это на купцахъ. Словомъ сказать, рязанскимъ домовладѣльцамъ и торговцамъ-кулакамъ не нравился генераль-губернаторъ по многимъ причинамъ. Иногда даже вслухъ ругали его.

Однажды какой-то мѣщанинъ нашелъ возможность высказать ему очень колкую остроту, которую съ удовольствіемъ повторяли жители Рязани. При Балашовѣ выстроили новый въ Рязани острогъ на подобіе какого-то рыцарскаго замка съ четырьмя башнями по угламъ, съ высокою оградой кругомъ двора, съ желѣзными воротами. Балашовъ, пришедши въ партикулярномъ платьѣ осматривать работы, увидѣлъ толпу звѣзакъ и, подошедши къ ней, сказалъ. «ну, что, ребята, каковъ домикъ?» — «Хорошъ», отвѣчали ребята, дѣйствительно не узнавшіе генераль-губернатора, или только показавшіе видъ, что не узнаютъ его. Но онъ продолжалъ: «И знаете ли, вѣдь этотъ домъ строится для васъ, ребята?»

Тогда мѣщанинъ, который, какъ тогда говорили, только притворился незнающимъ генераль-губернатора, отвѣчалъ ему съ улыбкою:

— Э, баринъ, полно шутить надъ нами, куда намъ въ такомъ домѣ жить? Хоть бы твоей милости посчастливилось въ немъ пожить.

Балашовъ, разумѣется, не продолжалъ болѣе разговора.

Но особенно Рязань должна быть благодарна ему за улучшение пожарной команды, которая, конечно, существовала и до него, но очень мало помогала во время пожаровъ. Балашовъ, какъ бывшій петербургскій оберъ-полиціймейстеръ, дѣйствительно устроилъ ее очень хорошо; при немъ ни одному пожару не позволили истребить много домовъ.

Не одни купцы-кулаки и домовладѣльцы рязанскіе не любили Балашова; чиновники высшіе и средніе едва-ли не болѣе горюжанъ его ненавидѣли. Губернаторъ, предсѣдатели и совѣтники палатъ и прочая губернская чиновная знать принуждены были находиться подъ постояннымъ надзоромъ его высокопревосходительства, вѣчно быть, по пословицѣ, въ струнку, постоянно ожидать, что вотъ по жалобѣ какого-либо мужика или мѣщанина придется

давать непріятныя объясненія предъ высшею властью на счетъ замедленія или неправильнаго рѣшенія какого-либо дѣла. Менѣ важные чиновники могли испытывать подобнаго рода непріятности, притомъ не отъ одной высшей власти, но и отъ ближайшаго своего начальства. Кромѣ того, не будѣ въ Рязани генераль-губернатора, каждый изъ менѣ важныхъ чиновниковъ могъ лелѣять себя надеждою получить болѣе выгодную должность или въ губернской администраціи, или гдѣ-либо въ уѣздномъ городѣ сдѣлаться хоть секретаремъ уѣзднаго суда. А тутъ при генераль-губернаторѣ канцелярія его была неистощимымъ разсадникомъ, изъ котораго добывали преимущественно чиновниковъ для занятія болѣе или менѣ важныхъ должностей.

Деревенское народонаселеніе было, подобно городскому, очень недовольно генераль-губернаторомъ и имѣло поводы считать свои жалобы на него справедливыми. Балашову хотѣлось исправить хоть такъ называемыя большія дороги по вѣренными ему губерніямъ. Дороги были дѣйствительно въ дурномъ положеніи: въ грязное время во многихъ мѣстахъ почти не было проѣзда; мосты черезъ ручьи и рѣчки сгнили, а на болотахъ, которыхъ такъ много въ Мещорѣ мостовины въ осеннее и особенно весеннее время были на плыву. Мой дядя, Василій Мартыновичъ, возвратившись въ 1818 году изъ семинаріи въ Туму къ Пасхѣ, рассказывалъ, что онъ съ его товарищами переправлялись въ такъ называемомъ Зороковомъ (сорока-верстное пространство между деревнями Зласково и Ершово, покрытое въ то время сплошнымъ лѣсомъ) ю болотамъ слѣдующимъ образомъ: мостовины стояли на плыву, иелкія изъ нихъ большею частью опускались въ воду, когда на нихъ становился человѣкъ, но въ разныхъ разстояніяхъ между ними находились довольно толстыя бревна, способныя выдержать человѣка. потому семинаристы въ одиночку бѣжали по менѣ топкимъ мостовинамъ, чтобы какъ можно менѣ на нихъ находиться и потомъ уже для отдыха останавливались на толстыхъ.

Само собою, и легкія мостовины нерѣдко погружались прежде, ажели ступившій на нее успѣвалъ сойти съ нея, а иногда и толстыя бревна повертывались или тоже погружались отъ тяжести двухъ-трехъ человѣкъ; результатомъ этого было то, что семинаристы опу-

скались въ воду даже до пояса. Кромѣ того верстовые столбы, эта привилегія нашихъ большихъ дорогъ, поставленные едва-ли еще не при Екатеринѣ, подгнили и только кое-гдѣ были видны, какъ остатки давно минувшихъ лѣтъ. Наконецъ самыя версты въ очень многихъ мѣстахъ почему-то состояли изъ 700, а не изъ 500 сажений.

Улучшенія Балашова начались съ того, что всѣ дороги вновь были измѣрены, измѣреніе это произведено было не вездѣ съ большою точностью. Мой батюшка однажды спрашивалъ рязанскаго знакомаго исправника, отчего это по такъ называемому Сороковому бору версты не вездѣ равны?

— Эхъ, батюшка, отвѣчалъ исправникъ, измѣряли мы дорогу въ жаркое время; часто надобно было отдыхать; для этого мы и избирали мѣста посуше, потѣннѣе, гдѣ бы можно было съ удобствомъ расположиться; вотъ тутъ въ благодарность и ставили верстовой столбъ. Ну, а иногда слѣдовало бы его поставить прямо въ болото; разумѣется, тутъ онъ скоро бы сгнилъ; вотъ мы и искали для него мѣстечка посуше. Но все-таки такъ или иначе верстовые столбы были разставлены.

Затѣмъ ширину дороги назначили въ 30, если не болѣе сажений, хотя по нѣкоторымъ изъ нихъ иногда нужно было пройти нѣсколько верстъ, чтобы встрѣтиться съ кѣмъ-нибудь; просторъ полный! По ту и другую сторону дороги рыли канавы не менѣе аршина глубины не только въ низменныхъ или ровныхъ мѣстахъ, но даже и на буграхъ, гдѣ вода и безъ того не могла держаться. Затѣмъ около канавки на обѣихъ сторонахъ ея земля шириною до 1¹/₂,—2 сажений поднималась надъ прочею дорогою на четверть аршина, или немного болѣе, въ видѣ, такъ сказать, небольшой террасы, для составленія которой землю брали съ остальнаго пространства дороги (земля изъ канавъ укладывалась неширокимъ возвышеніемъ въ родѣ вала, на внѣшней сторонѣ дороги), и старались придать ему форму такую же, какую имѣютъ городскія мостовыя изъ булыжника, т. е. середина дороги должна была имѣть небольшую высоту, и отъ середины къ террасамъ въ ту и другую сторону дорога должна была понижаться и давать водѣ возможность стекать къ террасамъ. Самыя террасы усаживались двумя рядами

дереьевъ, березъ или ветель, кажется, въ разстояніи другъ отъ друга на двѣ сажени.

Деревья посадили; ветла, конечно, не церемонна; она легко принимается, если какая-либо вѣтвь и даже колъ, покрытый корою, воткнулся въ землю; но для березы нужно выбрать время, да еще прибавить хоть небольшое умѣнье. А такъ какъ насаждатели-крестьяне не отличались особеннымъ искусствомъ въ этомъ отношеніи, то и насажденія ихъ не принялись; даже и тѣ, которыя принялись, были поломаны, обгрызаны и вырваны домашними животными, пасшимися на поляхъ, гдѣ лежали дороги. Въ слѣдующій годъ нужно было вновь приниматься за насажденіе, и для сбереженія ихъ отъ животныхъ приказано каждое дерево огораживать круглымъ плетнемъ изъ ивовыхъ прутьевъ; такіе плетни, представлявшіе собою форму опрокинутого усѣченного конуса, назывались въ народѣ кошолками. Деревья подъ защитою ихъ начали приниматься, но появившіяся ихъ вѣтви стали встрѣчать препятствія своему росту въ стѣнкахъ кошолокъ; и потому, кажется, года черезъ два велѣно было кошолки отбросить прочь, а около каждого дерева вбить по четыре кола, скрѣпить ихъ внизу и вверху связками изъ березовыхъ или ивовыхъ прутьевъ.

Всѣ описанныя работы могли бы назваться легкими, еслибы ихъ производили крестьяне ближайшихъ деревень къ той или другой части дороги. Но премудрая наша администрація, опекающая насъ съ незапамятныхъ временъ и до сего дня, раздѣлила дороги каждого уѣзда по всѣмъ крестьянамъ его такъ, что развѣ нѣкоторые счастливицы-деревни имѣли доставшіеся имъ участки на своихъ поляхъ, или недалеко отъ себя. Нѣтъ, надобно было крестьянамъ ѣхать на свои участки даже за 20—30 верстъ и болѣе. Живи они вблизи своего участка, они могли бы, отдѣлывая его, ночевать, обѣдать и ужинать дома, а нужныя деревья даромъ брать изъ своихъ лѣсовъ. А теперь надобно было отправляться за 20—30 и болѣе верстъ, платить за ночлегъ или остановиться цыганскимъ таборомъ по срединѣ дороги, запастись съѣстными припасами и потомъ самыя деревья добывать въ сосѣднихъ деревняхъ за большую или меньшую плату. Это было въ первый годъ, на слѣдующій затрудненія увеличились, потому что понадобились уже не одни де-

ревья, но и кошолки; потомъ еще черезъ года два, нужно было опять приѣхать и покупать по четыре кола для каждого дерева.

А между тѣмъ его высокопревосходительство или самъ лично увидить, или узнать отъ своихъ довѣренныхъ чиновниковъ и знакомыхъ, что аллеи по террасамъ плохо разрастаются, что лѣвнтаи-мужики не умѣютъ защитить деревья отъ овецъ и свиней или уравнивать по ватерпасу дорогу, а исправники плохо смотрятъ за этимъ общепользынымъ и крайне необходимымъ дѣломъ. И вотъ шлются выговоры исправникамъ; эти принимаются распекать за-сѣдателей (становыхъ приставовъ тогда еще не было), и въ концѣ концовъ отвѣчаетъ мужицкій карманъ, мужицкое лицо, мужицкіе волосы и мужицкія заднія мягкія части или спины; расходъ березовыхъ и ивовыхъ прутьевъ увеличивается.

Но улучшение дорогъ повлекло за собою для крестьянъ и другія тягости, кромѣ описанныхъ мною. По дорогамъ нужно было устроить мосты, конечно, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они были нужны, и дѣйствительно устроили, но даже и тамъ, гдѣ въ нихъ не было надобности. Словомъ, мнѣ случалось видѣть мосты, по которымъ почти никогда не ѣздили, потому что подъ ними почти тоже никогда не бывало воды; подъ ними обыкновенно во время лѣтнихъ жаровъ овцы и свиньи скрывались, чтобы насладиться ихъ тѣнью. Причиною такого излишняго усердія было то обстоятельство, что устройство мостовъ возложено было не на крестьянъ той или другой деревни, а на деньги, которыя слѣдовало набрать съ крестьянъ цѣлаго уѣзда. Планы на мосты составлялись и торги на устройство самыхъ мостовъ производились въ городахъ чиновниками. Но архитекторы наши издавна отличаются умѣньемъ составлять смѣты вдвое, даже втрое противъ того, что слѣдуетъ употребить на постройку, а чиновники умѣютъ такъ производить торги, что подрядчики дѣлаютъ небольшую сбавку противъ смѣты, и затѣмъ избытками своихъ барышей дѣлятся со своими благодѣтелями; рука руку моетъ. Напр. въ Мещорѣ крестьяне сами плотники, лѣсу у нихъ было въ то время вдоволь; нужно было только срубить деревья и привезти къ извѣстному мѣсту, иногда въ 2—3-хъ верстахъ и даже менѣе. Такимъ образомъ мостъ обошелся бы для крестьянъ только немногими рабочими днями. Но премудрая администрація отдавала все

съ торговъ извѣстнымъ своимъ любимцамъ по смѣтнымъ почти цѣнамъ, отчего и происходило, что за мостъ, который бы обошелся во 100 р., платили 1.000, даже 2.000 рублей; за мостъ, котораго постройка не потребовала 10—20 руб. платили по 150—200 руб. Конечно, мужикамъ не на что было бы за это сердиться, если бы сами чиновники платили свои деньги. Но дѣло состояло въ томъ, что деньги собирались со всего уѣзда и чиновниками щедро рукою отдавались подрядчикамъ и вмѣстѣ съ тѣмъ попадали въ карманы гг. чиновниковъ. Точно такимъ же образомъ устраивались станціонные дома въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ находились почтовые станціи. Конечно, дома вышли очень удобны и красивы, даже въ настоящее время эти дома въ бывшемъ генераль-губернаторствѣ Балашова лучше, нежели въ другихъ губерніяхъ, кромѣ домовъ, устроенныхъ казною на шоссеиныхъ дорогахъ. Но за то чего стоили и дома, и мосты! Шеннъ, какъ бывшій подрядчикъ на множество такихъ построекъ, бывало не могъ о нихъ говорить безъ особаго воодушевленія. «Вотъ такъ было времячко, Дмитрій Ивановичъ, можно было и самому нажать копѣйку, да и другимъ услужить. Тысячи такъ и летѣли въ карманъ».

Нынѣ, когда деревья, посаженные по большимъ дорогамъ, разрослись въ пятидесяти-лѣтнія деревья и во многихъ мѣстахъ составляютъ почти настоящія тѣнистыя аллеи, нынѣ многіе восхищаются ими и превозносятъ Балашова. Но мужикъ двадцатыхъ годовъ балашовскихъ губерній не имѣлъ поводовъ приходить отъ нихъ въ восторгъ. Ему приходилось на нѣсколько дней уѣзжать изъ дома за 20—30 и болѣе верстъ отъ дома, жить тамъ подъ открытымъ небомъ, находить защиту отъ дождя въ своей телѣгѣ, рогожкѣ или зипунѣ, промокнуть иногда чуть не до костей, схватывать лихорадки и ревматизмы, питаться однимъ хлѣбомъ, а когда онъ выходилъ, добывать или за деньги, или въ видѣ милостыни въ сосѣднемъ селеніи или хлѣбъ или даже сухари у поповъ, рыть канаву нерѣдко подъ дождемъ въ грязи. На слѣдующій годъ опять отправляться туда же устраивать кополки и послѣ вбивать и обвязывать колышки; въ награду за эти труды получать пощечины, зуботычины, а иногда приходилось лежать и подъ розгами. Потому изъ своего же кармана надобно было давать рубли на мосты и на

почтовые станціи. Хотя и мужикъ, а онъ понималъ, что дороги могли и не имѣть аллей, что мосты и станціи можно было устроить по цѣнѣ въ десять разъ дешевле, что ему можно было отвести участокъ близъ его же деревни, а не посылать чуть не за тридевять земель куда-то.

Но по большимъ дорогамъ главная, такъ сказать, грязь находится не на поляхъ, а въ селеніяхъ; я очень много помню селъ и деревень, которыхъ улицы просыхали развѣ только въ самое жаркое лѣто; къ числу ихъ принадлежали и Тума—моя родина. Балашовъ рѣшился было осушить и селенія, но неудачно. Для этого онъ предписалъ прорыть по улицамъ близъ домовъ канавы и отгородить ихъ отъ середины улицы балюстрадаю, состоявшею изъ столбиковъ, выдававшихся надъ поверхностью земли на аршинъ и соединенныхъ между собою двумя брусками вверху и внизу. Сверхъ того приказано было посадить противъ домовъ деревья, чтобы и тутъ образовалось нѣчто въ родѣ аллей. Смѣшно было смотрѣть, что такія канавы и балюстрады устраивались вездѣ и тамъ даже, гдѣ селеніе стояло на косогорѣ, и потому вода сама собою стекала въ низменные мѣста. Но и тамъ, гдѣ были вырыты канавы, онѣ только стѣснили и еще болѣе загрязнили улицы. Напр. въ Тумѣ духовенство, считая себя привилегированнымъ сословіемъ, не хотѣло рыть канавы противъ своихъ домовъ. Да и тамъ, гдѣ по цѣлому селенію прорыты были канавы, для воды не были приготовлены стоки, гдѣ-либо за домами или въ полѣ, и потому канавы не только наполнялись, но и переполнялись водою. Бруски между столбиками да и самые столбики сперва были поломаны, и проѣзжіе особенно ночью попадали въ самыя канавы, откуда уже вытащить колеса лошади не могли; надобно было непременно искать пособія у жителей, которые частенько не прочь были продавать подороже свое пособіе, не говоря уже въ родѣ слѣдующихъ: «Экъ тебя, лѣшій, угораздило! Куда тебя черти занесли? Развѣ ты ослѣпъ? Развѣ нѣтъ дороги?» и пр. Посаженные же деревья почти нигдѣ не при-
нялись.

Г Л А В А XL.

О Рюминѣ и нѣкоторыхъ другихъ рязанскихъ жителяхъ-мірянахъ.

И до Балашова и послѣ Балашова и при Балашовѣ жила въ Рязани туземная, можно сказать, самородная знаменитость—статскій совѣтникъ Гавріиль Васильевичъ Рюминъ, о которомъ даже и теперь, слишкомъ черезъ 40 лѣтъ послѣ его смерти, рассказываются легендарныя преданія. Несмотря на то, что въ 1824 г. ему уже было за 70 лѣтъ, въ Рязани было еще нѣсколько стариковъ, его сверстниковъ, которые видѣли его дѣтство и знали былыя его занятія. Рюминъ по своему происхожденію былъ мѣщанинъ, въ дѣтствѣ и молодыхъ лѣтахъ добывалъ себѣ хлѣбъ разноскою аладьевъ, блиновъ, пирожковъ и разною мелочною торговлею и, разумѣется, былъ очень бѣденъ, перебиваясь по поговоркѣ, со дня на день кое-какъ, гдѣ сытый, а гдѣ и впроголодь. Еще незадолго до 1824 года, жилъ-былъ въ Рязани бѣдный мѣщанинъ Харинъ, которому когда-то Рюминъ остался долженъ три денежки за алады или блины. Харинъ, подвыпивши, имѣлъ обыкнозеніе подходить къ дому бывшего своего собѣдняги, а теперь сдѣлавшагося богачомъ, и кричалъ ему съ улицы: «Эй, Гаврюшка, что же ты мнѣ не отдаешь три денежки, которыя и Богъ знаетъ когда заѣлъ у меня? Отдай, говорю тебѣ; покою тебѣ не дамъ!». Ему отдавали не разъ не денежки, а рубли и ассигнаціи, но онъ приговаривалъ, принимая впрочемъ ихъ: «Это не то; нѣтъ, ты отдай мнѣ три денежки такія, какія ходили тогда, какъ ты у меня заѣлъ аладьевъ на три денежки». Разумѣется, пьянчугѣ доставалось и отъ полиціи, и отъ лакеевъ Рюмина, но онъ все-таки любилъ напоминать богачу о своихъ трехъ денежкахъ.

О томъ, какъ Рюминъ сдѣлался богачемъ, носились различныя слухи; но всѣ они сходились въ томъ, что, бросивъ алады, пирожки, блинцы и другіе предметы мелочной торговли, пошелъ, по тогдашнему выраженію, по кабацкой части; сначала пристроился гдѣ-то подносчикомъ, т. е. помощникомъ цѣловальника, потомъ самъ сдѣлался цѣловальникомъ; тутъ его замѣтилъ тогдашній бо-

гачь и откупщикъ-рязанецъ Мальшинъ, сдѣлавъ своимъ агентомъ, помощникомъ и пр. Поговаривали даже, что Рюминъ умѣлъ не совсѣмъ добросовѣстно понажитья около своего благодѣтеля, но, какъ бы то ни было, только онъ скоро сдѣлался самъ откупщикомъ и зачислился, разумѣется, въ первую купеческую гильдію. Отсюда уже было не далеко до званія коммерціи совѣтника, а почислившись нѣсколько лѣтъ коммерціи совѣтникомъ, хоть можетъ быть равно ничего не посовѣтовавши по части русской коммерціи, можно уже было получить чинъ надворнаго совѣтника. Сверхъ того, Рюминъ сдѣлалъ много крупныхъ пожертвованій; особенно говорили, что въ 1812 г. едва-ли не до милліона пожертвовалъ на тогдашнія военныя нужды. Все это давало ему ордена, чины, извѣстность. О немъ узналъ покойный императоръ Александръ I, видѣлъ, полюбилъ его и былъ крестнымъ отцомъ одного или нѣсколькихъ дѣтей его, и, когда пріѣзжалъ въ Рязань, всегда останавливался въ домѣ Рюмина. Однажды Балашовъ, будучи недоволенъ за что-то Рюминымъ, приготовилъ квартиру для государя въ другомъ какомъ-то домѣ. Но государь, когда его подвезли къ отведенной для него квартирѣ, сказалъ: «Это что такое? Я хочу остановиться у Рюмина» и велѣлъ везти себя туда. Старикъ на всякій случай приготовился, и императоръ нашелъ прежнюю свою квартиру въ томъ же самомъ видѣ, въ какомъ заставлялъ ее прежде.

Но Рюминъ, награждаемый чинами и орденами, не забывалъ того, что ему ихъ доставляло, т. е. деньги. Какъ ловкій и оборотливый откупщикъ, онъ жилъ и наживался и, сдѣлавшись дворяниномъ, началъ покупать крестьянъ на нажитыя деньги. По смерти его, случившейся, кажется, въ 1827 г., оказалось, что онъ оставилъ своимъ дѣтямъ въ наслѣдство, какъ тогда говорили, болѣе 10.000 душъ крестьянъ и до 15 милліоновъ рублей денегъ. Этотъ бывшій блинщикъ и подносчикъ, сдѣлавшійся статскимъ совѣтникомъ, богачемъ и кумомъ государя, кажется, не забывалъ о прежней своей бѣдности и былъ очень хорошимъ помѣщикомъ относительно своихъ крестьянъ. Оброкъ на нихъ налагалъ очень не большой, рублей по 20—30 съ тягла, снабжалъ крестьянъ землею болѣе нежели въ достаточномъ количествѣ, а главное — его фамилія служила имъ защитой противъ чиновничьихъ придирокъ. Рюминскаго крестьянъ

янина опасались поприжать и исправникъ, и засѣдатель, и стряпчій, и даже все временное отдѣленіе, составлявшееся для производства какого-либо слѣдствія; развѣ только къ бурмистрамъ Рюмина любили заѣзжать напиться чаю, поѣсть и попить. Послѣ этого не удивительно, что крестьяне Рюмина жили хорошо; нищія между ними были рѣдкость. Въ Тумѣ и около нея рюминскіе крестьяне были самыми зажиточными.

Не забывалъ онъ, какъ выражались духовные, и церковей Божиихъ. Въ Рязани онъ выстроилъ второй этажъ соборной колокольни и передѣлалъ теплый соборъ. Затѣмъ священники, въ приходѣ которыхъ находились рюминскіе крестьяне, смѣло могли идти къ барину ихъ; почти не было примѣра, чтобы по объясненіи церковныхъ нуждъ онъ отказалъ въ пособіи просимаго, но большею частью всегда давалъ порядочную сумму. Мой батюшка при постройкѣ каменной церкви и въ разныхъ другихъ случаяхъ являлся къ нему не одинъ разъ; покойникъ говорилъ, что былъ принимаемъ самымъ вѣжливымъ образомъ; случалось даже, что онъ занимался съ однимъ батюшкою и, выслушавъ его нужды, просилъ посидѣть, напиться чаю и разговаривалъ съ нимъ по часу, по два, оставляя даже своихъ гостей. Два раза батюшка имѣлъ случай видѣть его казначейство. Одинъ изъ этихъ случаевъ онъ такъ описывалъ. Выслушавъ рассказъ о нуждахъ тумской церкви, Рюминъ позвалъ свою ключницу и спросилъ моего батюшку: «Пойдетъ ли отецъ протопопъ въ мою кладовую?»

Она была устроена у него на одномъ изъ угловъ его дома безъ оконъ. Сначала была, кажется, деревянная красная дверь, потомъ слѣдовала желѣзная съ нѣсколькими замками. Когда обѣ двери были отворены, батюшка, вошедши за ключницею и Рюминымъ въ кладовую, увидѣлъ большой желѣзный сундукъ, прикованный цѣпями со всѣхъ сторонъ. Сначала Рюминъ попробовалъ висячіе замки, потомъ велѣлъ ключницѣ отпереть сундукъ и, когда крышка открылась при помощи какого-то механизма, онъ быстро осмотрѣлъ внутренность сундука, гдѣ батюшка замѣтилъ кучи ассигнацій и мѣшки монеты.

Старикъ сказалъ ключницѣ: «возьми вонъ въ томъ углу тысячу рублей». Взявъ ее въ руки, онъ велѣлъ запереть сундукъ, попро-

бывалъ каждый замокъ, послѣ того какъ его заперла ключница; то же самое сдѣлалъ съ замками дверными. Пришедши въ одну изъ комнатъ онъ ключницѣ велѣлъ положить связку ключей въ тотъ ящикъ комода, откуда она ихъ прежде вынула, и ключъ отъ него уже положилъ къ себѣ въ карманъ. Отдавши батюшкѣ деньги и попросивши непремѣнно пересчитать ихъ, онъ сказалъ: «я, батюшка, въ комодѣ мало держу денегъ, а въ кладовую самъ всегда хожу за ними, это надежнѣе».

Настоящимъ, впрочемъ, благодѣтелемъ Рюминъ былъ для рязанской аристократіи, какъ помѣщичьей, такъ и чиновничьей; для купцовъ, кажется, онъ былъ не очень доступенъ, по крайней мѣрѣ они у него едва-ли бывали гостями; какъ-то объ этомъ мало тогда говорили. За то имѣвшіе свободный входъ въ домъ Рюмина чиновники и помѣщики находили тамъ всегда щедрое угощеніе. Кажется, особенныхъ пріемныхъ дней не было; едва-ли не каждый день двери были отворены для желающихъ воспользоваться гостепріимствомъ хозяина. Надобно полагать, что иногда у старика бывали гости даже и среди дня; такъ по крайней мѣрѣ рассказывалъ мой батюшка. Однажды, пришедши къ Рюмину до обѣда, онъ былъ принятъ имъ въ одной изъ залъ и слышалъ, что въ сосѣдней комнатѣ происходила карточная игра. Сидѣть ему пришлось довольно долго. Чрезъ нѣсколько времени одинъ господинъ вышелъ изъ той комнаты, гдѣ была игра, и сталъ прощаться съ хозяиномъ. Этотъ спросилъ его: «Счастливы ли играли вы? и получилъ въ отвѣтъ: «Выигралъ». Потомъ одинъ за другимъ вышли еще три человѣка, и каждый изъ нихъ доложилъ хозяину, что онъ тоже остался въ выигрышѣ. Рюминъ, оставшись одинъ съ батюшкою, сказалъ: «Вотъ, батюшка, всѣ четверо остались въ выигрышѣ, всегда такъ любятъ хвастаться и врать».

Но и прочимъ жителямъ Рязани Рюминъ доставлялъ разныя удовольствія. Нѣсколько лѣтъ онъ содержалъ на свой счетъ въ Рязани театръ, который по тогдашнимъ слухамъ приносилъ ему до 10.000 руб. чистаго убытка. Я самъ никогда не бывалъ при представленіяхъ на этомъ театрѣ, но слышалъ, съ какимъ восхищеніемъ рассказывали богословы и философы о томъ, что они тамъ видѣли и слышали. Особенно хвалили какую-то оперу подъ названіемъ

«Русалка». Потомъ всѣмъ городскимъ жителямъ, разумѣется, порядочно одѣтымъ, открытъ былъ во все лѣтнее время входъ на загородную дачу Рюмина. Она находится близъ самаго города и даже до сихъ поръ служить чуть не единственнымъ мѣстомъ, гдѣ можно подышать свѣжимъ полевымъ воздухомъ, имѣя возможность прикрываться подъ тѣнью деревьевъ и прогуливаться по хорошо устроеннымъ дорожкамъ. При старикѣ Рюминѣ она содержалась гораздо лучше, нежели при сынѣ и внукѣ его; тогда небольшая деревенька крѣпостныхъ крестьянъ только и имѣла обязанность содержать рошу въ чистотѣ. Ежегодно на этой дачѣ Рюминъ въ какіе-то семейные праздники устраивалъ очень порядочные фейерверки, которые отличались особеннымъ великолѣпіемъ, когда онъ выдавалъ двухъ своихъ дочерей, одну между прочимъ за генерала Павленко, бывшаго послѣ начальникомъ рязанскаго ополченія въ Крымскую войну.

Чтобы посоперничать съ Рюминымъ, Балашовъ устраивалъ тоже фейерверки въ день именинъ своей жены, но въ самой Рязани можно сказать въ центрѣ ея на пустой землѣ близъ дома гимназіи. Но эти фейерверки, не говоря уже томъ, что какая-либо шальная ракета могла произвести пожаръ въ лучшихъ улицахъ города, были гораздо хуже рюминскихъ, а потомъ скоро и прекратились по случаю смерти жены генераль-губернатора. Эта смерть доставила рязанцамъ возможность видѣть самое пышное для города погребеніе. Не говоря уже о томъ, что отпѣваніе происходило въ соборѣ, что въ погребальной церемоніи участвовало все рязанское духовенство подъ предводительствомъ самого архіерея, погребальное шествіе сопровождалось цѣлыми тысячами звѣвущаго народа всѣхъ сословій отъ собора до Московской заставы (могила для покойницы приготовлена была гдѣ-то не въ Рязани¹), не знаю почему, но и у насъ въ этотъ день не было класса, и мы тоже смотрѣли съ удивленіемъ на балдахинъ надъ дрогами, гдѣ стоялъ гробъ, на траурное одѣяніе лошадей и людей, на горящіе факелы и пр.

Соперники скоро одинъ за другимъ не только разстались между собою, но и навсегда оставили Рязань. Балашовъ, какъ я уже говорилъ, уѣхалъ въ Петербургъ, такъ сказать, членствовать въ Государственномъ Совѣтѣ. Дошла очередь и до Рюмина; но онъ от-

правился тою дорогою, по которой приходится всѣмъ людямъ рано или поздно отправляться. Разбогатѣвши, вѣроятно, онъ въ былыя времена не захотѣлъ довольствоваться нашимъ зеленымъ виномъ, несмотря на то, что оно ему доставило и богатство, и почетъ, и даже маленькую знатность; должно думать, принялся за шампанское и другія вина западнаго происхожденія, за чтѣ Бахусомъ и былъ наказанъ, наживъ болѣзнь богачей. За долго еще до моего переселенія въ Рязань, я слыхалъ, что Рюминъ весь опухъ, что ноги и руки его въ язвахъ, что его каждый день обкладываютъ пластырями, что пальцы его на рукахъ толсты отъ опухоли и пластырей, и всегда при людяхъ покрыты перчатками. Такъ описывала народная молва подагру и хирагру, которыми рязанскій Лукуллъ страдалъ, кажется, не одинъ десятокъ лѣтъ. То же самое молва гласила, что онъ будто бы лѣчился не одними пластырями и подражалъ царю Давиду. Въ какой степени справедливо это, — сказать я не могу. Но о вліяніи подагры и хирагры на стараго Селадона я самъ имѣлъ возможность судить, когда онъ пріѣзжалъ къ намъ на такъ называемые публичные экзамены. Несмотря на то, что онъ даже свое имя подписывалъ очень дурно и не умѣлъ хорошо читать, а читалъ одни векселя, контракты и т. п., его съ особенною заботливостью приглашали въ семинарію на экзамены, чтобы онъ оцѣнилъ своимъ откупщицкимъ взглядомъ наши ученыя занятія и своимъ высокимъ вниманіемъ поощрилъ насъ къ дальнѣйшему продолженію ихъ. Какая, бывало, тревога поднимается при его пріѣздѣ! Онъ еще гдѣ-то тамъ съ трудомъ, при помощи двухъ здоровыхъ лакеевъ, выльзаетъ изъ кареты, едва переставляя ноги съ одного приступа лѣстницы на другой и кое-какъ тащить ихъ даже по ровному тротуару, а въ залѣ уже вслухъ говорятъ: «Гаврила Васильевичъ пріѣхалъ, Гаврила Васильевичъ пріѣхалъ!». Экзаменъ приостанавливается; ректоръ, инспекторъ спѣшатъ навстрѣчу высокому милостивцу; прочіе смотрятъ на дверь, даже самъ преосвященный какъ бы чувствуетъ, что является новое свѣтило, готовое затмить его. Наконецъ, свѣтило вступаетъ въ залу; все встаетъ; оно едва передвигается, принимаетъ благословеніе отъ другаго свѣтила, впрочемъ, безъ лобзанія благословляющей десницы, подаетъ свою десницу тѣмъ, кого считаетъ достойнымъ того, прочимъ — поклонъ головою, усаживается рядомъ

съ преосвященнымъ, получаетъ отъ самого ректора конспекты тѣхъ наукъ, изъ которыхъ долженъ происходить экзаменъ; тутъ-то наконецъ вспоминаютъ объ насъ, движеніемъ головы, или рѣсницъ, или руки, приказываютъ намъ садиться. Все мало-по-малу утихаешь, и прерванный экзаменъ вновь начинается. И удивительное дѣло! Вѣрно среда имѣетъ волшебное дѣйствіе. Этотъ бывшій продавецъ аладьевъ и блиновъ, подносчикъ и откупщикъ предлагалъ тоже вопросы, которые выслушивались и рѣшались съ достодожнымъ вниманіемъ къ его если не уму, то карману. Вотъ тутъ-то бывало мы и смотрѣли во всѣ глаза.

Но и рязанская медицина со своими пластырями и давидовскіе компрессы не могли спасти Лукулла рязанскаго отъ костлявой старухи съ ея косою. Рюминъ скончался, какъ я уже говорилъ, въ 1827 г. Его наслѣдники-дѣти озаботились доставить при этомъ случаѣ рязанскимъ жителямъ не совсѣмъ обыкновенный спектакль. Покойникъ лежалъ въ одной изъ залъ своего огромнаго дома, на возвышенномъ катафалкѣ въ великолѣпномъ гробѣ, покрытомъ богатѣйшею парчею, обставленномъ подсвѣчниками съ толстѣйшими свѣчами. Высшая рязанская публика приглашалась на двукратно совершавшіяся панихиды при гробѣ въ каждый день; духовенство соборне пѣло со святыми упокой и вѣчную память. Прочей средней и низшей публикѣ дозволено было почтить память покойника своими поклонами во время панихидъ. Двери дома были отворены для всякаго желавшаго войти въ нихъ; нужно было только при входѣ вытирать ноги. Гробъ былъ поставленъ гдѣ-то далеко отъ передней, нужно было проходить по длинному ряду комнатъ, гдѣ лакеи разставлены были въ приличномъ траурномъ одѣяніи; доходили до катафалка и до гроба; тутъ позволялось не надолго остановиться, поклониться покойнику и отправляться далѣе, но по другимъ комнатамъ; такъ что посѣтителѣ имѣли возможность любоваться чуть не всѣми комнатами втораго этажа дворца покойнаго. Самое же перенесеніе тѣла изъ дома въ Троицкій монастырь и отпѣваніе тамъ происходило не очень торжественно. Разумѣется, дроги, балдахинъ, траурныя лошади и кучера, факелы и еловые вѣтви, — все это было, какъ слѣдовало. Хотя архіерей, жившій въ то время въ Петербургѣ, не могъ быть при погребеніи, но все-таки духо-

венства подъ предстательствомъ нашего ректора было вдоволь; пѣвчіе со всеусердіемъ пѣли Святый Боже. За гробомъ въ приличномъ траурѣ шли четыре сына покойнаго, безъ фуражекъ, несмотря на холодное время и трехъ-верстное разстояніе между домомъ и монастыремъ. Но охотниковъ провожать гробъ нашлось не очень много; по улицамъ стояло вездѣ порядочное количество звѣвающихъ, но они не присоединялись къ печальной церемоніи, въ которой за гробомъ шло едва-ли 200 человекъ.

Такъ какъ ректоръ и инспекторъ были въ церемоніи, то нѣкоторые изъ насъ, въ числѣ ихъ и я, нашии возможность уйти изъ семинаріи и присоединиться къ погребальному шествію. Къ этому насъ побудилъ слухъ о томъ, что ректоръ станетъ говорить проповѣдь. И слушали мы ее. Много мнѣ случалось слышать надгробныхъ словъ; въ то время была особенная на нихъ мода, особенно въ семинаріяхъ; даже мальчишкѣ въ 14—16 лѣтъ сочинялись рѣчи, проповѣди, даже стихи, и произносились въ церкви у гроба, или на кладбищѣ при опущеніи въ могилу. Разумѣется, тутъ не щадили пышно пустыхъ фразъ, потому что настоящихъ дѣльныхъ мыслей трудно было приискать къ такимъ черезъ-чуръ обыкновеннымъ случаямъ. Но проповѣдь Иліодора, при погребеніи была, кажется, образчикомъ нелѣпаго семинарскаго пустолаголенія. Самая низкая лесть относительно покойника, пересоленные, такъ сказать, похвалы его добродѣтелямъ, множество церковно-библейскихъ словъ, соединившихся въ надутыя выраженія, опошленные мысли о суетѣ міра сего, о тлѣнности благъ земныхъ и пр., — все даже намъ, семинаристамъ, не имѣвшимъ почти никакого литературнаго вкуса, и то показалось слишкомъ натянутымъ и невыносимо-приторнымъ.

Скажу нѣсколько словъ о наслѣдникахъ-дѣтяхъ рязанскаго Лукулла; о замужествѣ двухъ дочерей я уже говорилъ; оставалось еще четыре сына: Николай, Александръ, Василій и Иванъ; между ними-то раздѣлено было богатое наслѣдство отца; дочери уже прежде были снабжены приданымъ. Николай былъ сыномъ достойнымъ своего отца, любилъ и былъ способенъ беречь и наживать деньги, и за эту вѣроятно способность награжденъ былъ отцомъ болѣе, нежели другіе сыновья. По тогдашнимъ слухамъ, крестьяне были будто бы раздѣлены поровну между сыновьями; каждому досталось

будто бы съ тѣмъ-то по три тысячи душъ или около того. Но деньги едва-ли не всѣ или по крайней мѣрѣ большею частію достались Николаю, и онъ постарался поскорѣе прибрать ихъ подъ свой непосредственный надзоръ. Еще при жизни отца, онъ жилъ въ особомъ домѣ, почти визави съ отцовскимъ дворцомъ. Пока еще тѣло отца стояло въ дому, сундукъ оставался тамъ же въ кладовой. Но лишь тѣло торжественно отправили въ Троицкій монастырь, какъ лица, уполномоченныя Николаемъ Гавриловичемъ, едва-ли не съ большею торжественностію перенесли въ домъ его, разумѣется, со всѣми пачками и мѣшками, въ немъ хранившимися. Второй—Александръ почему-то считался дуракомъ; вѣрно ли это, не янаю, но я замѣтилъ, что онъ болѣе всѣхъ дѣтей плакалъ и во время перенесенія тѣла отца, и во время погребенія. Василій и Иванъ были юноши лѣтъ 20-ти или немного болѣе. Александръ скоро умеръ, и я ничего не могу сказать о немъ. Василю достались деревни Тумскаго прихода и окрестностей этого села. Это былъ едва-ли не самый лучшій, по отношенію къ крестьянамъ, изъ сыновей Рюмина. Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ смерти отца своего, онъ рѣшился на рѣдкій во время крѣпостничества поступокъ, на увольненіе своихъ крестьянъ въ свободные хлѣбопашцы. Поступокъ тѣмъ болѣе заслуживаетъ похвалы, что старшій братъ Николай давалъ ему гораздо большую сумму, нежели какую должны были внести крестьяне. Благородный этотъ человѣкъ недолго пожилъ. Иванъ жилъ въ Петербургѣ; о немъ знаю я только то, что онъ состоялъ членомъ тамошняго тюремнаго комитета, и тоже не очень долго жилъ; всѣ эти три брата не оставили по себѣ потомства, даже едва-ли были женаты. Одинъ Николай долженъ былъ увѣковѣчить свою фамилію. Получивши милліоны рублей и тысячи крестьянскихъ душъ въ свое владѣніе, онъ пошелъ по слѣдамъ папаши, сдѣлался однимъ изъ почетныхъ нашихъ откупщиковъ и нажилъ, какъ долго говорили, громадное состояніе. Рязанское дворянство чуть ли не слишкомъ 30 лѣтъ постоянно выбирало его почетнымъ попечителемъ своей гимназіи. Въ этомъ отношеніи онъ дѣйствительно оказалъ огромныя услуги ей. Не говоря уже о томъ, что купивши отцовскій дворецъ у своего брата, кажется, Василя, онъ его подарилъ для благороднаго пансіона; отъ него ежегодно были дѣлаемы болѣе или

менѣ значительныя пожертвованія, общая сумма которыхъ превъ-
шала сотню тысячъ. Но этотъ богачъ, по уничтоженіи откуповъ,
пустился въ разныя неудачныя спекуляціи, конечно, не сдѣлался бѣд-
нымъ, но пересталъ быть богатымъ человѣкомъ и оставилъ един-
ственному своему сыну не Богъ знаетъ какое состояніе. Сынъ этотъ
представляетъ какую-то тощую, исхудалую, изношенную фізіоло-
мію, и единственный сынъ его тоже не обѣщаетъ быть здоровымъ.
Очень не удивительно поэтому, что потомство нашего богача въ
четвертомъ колѣнѣ пресѣчется.

ГЛАВА ХLI.

О Симонѣ и Амвросіи, рязанскихъ архіепископахъ.

Теперь бы слѣдовало взяться за третью рязанскую знамени-
тость, за архіепископа Сергія. Но мнѣ пришлось очень много слы-
шать о трехъ его предшественникахъ. Свѣдѣнія эти могутъ харак-
теризовать тогдашнее духовенство, и потому я нашелъ нужнымъ
здѣсь изложить ихъ.

Симонъ архіерействовалъ въ Рязани нѣсколько десятковъ лѣтъ,
преимущественно въ прошедшемъ столѣтіи и немного въ нынѣшнемъ.
По всѣмъ разговорамъ, которые мнѣ удалось слышать, это былъ че-
стный, добродѣтельный и ученый архипастырь, оставившій по себѣ
очень хорошую память. Сколько разъ мнѣ случалось въ дѣтствѣ
слышать старыхъ священниковъ, разсуждавшихъ о какомъ-либо со-
временномъ архіерей и приговаривавшихъ: «Э, что это за архіерей?
Вотъ Симонъ — такъ уже владыка былъ, настоящій архипастырь!
Дай Богъ ему царство небесное!»

По тогдашнему времени онъ принадлежалъ къ ученымъ, т. е.
нашимъ богословамъ, продолжалъ заниматься науками и въ архіе-
рейскомъ санѣ, и составилъ у себя очень большую бібліотеку, ко-
торую и завѣщалъ послѣ своей смерти въ Рязанскую семинарію.
Батюшка мой, учившійся еще въ семинаріи во время кончины пре-
освященнаго, разсказывалъ, что очень значительная часть пожер-
тованной бібліотеки была распродана не только начальству-

щими лицами, но даже семинаристами, составлявшими каталогъ книгъ. Тѣ брали, что ни было, можетъ быть лучшаго, и эти хватали, что подъ руку попадалось, и при выходѣ изъ архіерейскаго дома припрятывали гдѣ-либо подъ платьемъ или выбрасывали изъ оконъ на дворъ, гдѣ напередъ подговоренные знакомые подбирали выброшенное. Несмотря на происшедшую отъ этого громадную растрату, все-таки въ семинарскую библіотеку поступило очень много книгъ, такъ что во время моего ученія въ семинаріи едва-ли не половина ея состояла изъ этихъ книгъ. Онѣ были, разумѣется, преимущественно богословскаго содержанія на латинскомъ языкѣ. При пересмотрѣ ихъ легко можно было замѣтить, что онѣ у прежняго владѣльца не просто стояли въ шкафу, а читались и читались со вниманіемъ, потому что рѣдкая изъ нихъ не имѣла на поляхъ отиѣтокъ, сдѣланныхъ рукою преосвященнаго. На немногихъ книгахъ, которыя мнѣ случалось брать изъ библіотеки, когда я обучался въ философіи и богословіи, попадались мнѣ такого рода замѣтки.

Занимаясь ученостью, владыка былъ очень внимателенъ къ единственнымъ тогда лицамъ, которыхъ въ Рязани можно было назвать учеными, т. е. наставникамъ семинаріи и также къ семинаріи. Онъ очень часто приглашалъ учителей in согроге на вечера и даже обѣды къ себѣ. Конечно, тутъ что-нибудь ѣли и пили, но вмѣстѣ съ тѣмъ говорили и объ ученыхъ предметахъ и, главное дѣло, наставники находили ободреніе своихъ трудовъ во вниманіи владыки къ нимъ. Лучшіе же изъ нихъ: Іеронимъ, Ириній, Осипъ Евсеевичъ Срезневскій и др. пользовались особеннымъ его расположеніемъ.

Замѣчательно, что этотъ честный и умный архипастырь, истинный монахъ по неукоризненной своей жизни, любилъ доставлять жителямъ Рязани удовольствія и даже весело проводить время. Въ загородной архіерейской рошѣ, извѣстной подъ именемъ Ново-Павловки, или Ново-Павловской, онъ живалъ самъ въ лѣтнее время. Въ саду былъ очень недурной дачный домъ и три пруда съ рыбою. Конечно, рыбою пользовался только владыка и его приближенные, но садъ былъ открытъ для всѣхъ желающихъ въ немъ прогуливаться. Были въ немъ устроены хорошія дорожки, бесѣдки, скамейки; дѣтямъ позволялось играть по лугамъ, взрослые приходили съ самоварами и пили чай. Увѣряли меня, что даже иногда вла-

дыка въ особенные праздники нанималъ музыкантовъ для удовольствія собиравшейся публики; приближенные же и знакомые владыки находили привѣтъ и угощеніе въ его покояхъ. Самые семинаристы въ такъ называемыя рекреации прихаживали въ Ново-Павловку, чтобы поиграть и повеселиться здѣсь. Владыка самъ выходилъ къ нимъ, покупалъ для нихъ лакомства, вступалъ въ разговоры съ нѣкоторыми изъ нихъ. Прошу вновь замѣтить, что Симонъ вовсе не былъ нѣчто въ родѣ *bon-vivant*; нѣтъ, онъ велъ настоящую монашескую жизнь, но былъ настолько уменъ и добръ, настолько имѣлъ свѣтлый взглядъ на христіанскую религію, что мірскія развлеченія и удовольствія не считалъ препятствіемъ къ благочестію.

Преемникомъ Симона былъ Амвросій, переведенный въ Рязань, кажется, изъ Вятки и привезшій съ собою своего родственника Алексѣя Сидоровича Полянскаго, который, какъ онъ самъ любилъ хвастаться, учился виѣстѣ съ Филаретомъ московскимъ въ Троицкой семинаріи и по пріѣздѣ въ Рязань скоро сдѣланъ былъ учителемъ философіи, священникомъ и послѣ кафедральнымъ протоіереемъ; въ этой должности онъ прослужилъ слишкомъ сорокъ лѣтъ. Амвросій во многихъ отношеніяхъ не былъ похожъ на своего предшественника и принадлежалъ къ новому поколѣнію архіереевъ, взявшихъ за образецъ для себя тогдашняго московскаго митрополита Платона. Онъ еще не былъ грубъ, недоступенъ, непривѣтливъ, гордъ относительно своихъ подчиненныхъ, но своимъ обращеніемъ и тономъ давалъ имъ замѣтить, что между имъ, представителемъ Иисуса Христа, и между ними, преемниками галилейскихъ рыбаковъ, находится дистанція огромнаго размѣра: монахъ въ глазахъ его уже былъ гораздо выше попа и даже протопопа. Зато онъ любилъ имѣть дѣло и вести хлѣбъ-соль съ вліятельными мірянами: помѣщиками и чиновниками; богатыхъ купцовъ, которые стоили бы архипастырской благосклонности, тогда въ Рязани не было. Можно сказать, что онъ жилъ, такъ сказать, на два дома, принимая своихъ гостей и у себя, и рекомендуя имъ познакомиться съ своимъ родственникомъ Полянскимъ. Объ этомъ я очень хорошо узналъ отъ бывшаго предсѣдателя рязанской уголовной палаты Стромилова. Онъ въ дѣтствѣ со своимъ отцомъ бывалъ въ Рязани. Отецъ однажды сказалъ ему: «Ну, Евграфъ, пойдемъ, я тебѣ покажу двухъ важныхъ поповъ;

одинъ изъ нихъ и въ церкви стоять въ шапкѣ (въ митрѣ?), а другой славно угощаетъ», — подѣ первымъ разумѣя Амвросія, подѣ вторымъ Полянскаго. У того они не очень долго посидѣли, за то у Полянскаго и въ этотъ день, и послѣ проводили время очень долго. Стромиловъ, какъ довольно живой мальчикъ, не могъ усидѣть въ комнатѣ и, пока отецъ его говорилъ съ хозяиномъ, онъ успѣвалъ побывать не только въ саду и на дворѣ, но и въ кухнѣ. По его словамъ, у Полянскаго былъ поваръ съ помощникомъ, чтѣ тогда было совершенною рѣдкостью для какого-либо священника. Своими средствами Полянский, разумѣется, не могъ жить на столь широкую ногу; пособія для такой жизни онъ получалъ отъ щедрой руки своего савновнаго родственника.

И самъ владыка, какъ человѣкъ знающій свѣтскія приличія, любилъ отплачивать визиты, конечно, далеко не всѣмъ своимъ посѣтителемъ, на чтѣ не достало бы и времени, но тѣмъ, кого онъ находилъ достойнымъ своего вниманія. Какъ хозяинъ и гость, владыка былъ, какъ говорится, душою компаніи, но все-таки старался удерживать важность, которая необходима для поддержанія архіерейскаго сана. Этотъ архіерей часто былъ боленъ, почему нерѣдко не могъ отправлять въ торжественные дни богослуженія. Это однажды подало поводъ большой неловкости со стороны одного неразумнаго помѣщика.

Въ Рязани, или лучше около Рязани, въ своемъ имѣніи, селѣ Шумопахъ, жилъ помѣщикъ Кабановъ, не отличавшійся хорошими умственными способностями. О достоинствѣ можно заключить по слѣдующему анекдоту. При императорѣ Павлѣ рязанскимъ губернаторомъ былъ нѣкто Кавалинскій, человѣкъ умный и дѣльный. Происходя изъ духовнаго званія, онъ былъ очень не богатъ, и такъ какъ при Павлѣ было не безопасно взяточничество, то Кавалинскому приходилось нерѣдко добывать себѣ деньги взаймы безъ отдачи. Кабановъ не отказывалъ ему въ этой услугѣ; за то и самъ считалъ себя въ правѣ относиться къ нему за разрѣшеніемъ трудныхъ для него вопросовъ. Онъ отдалъ своего малолѣтняго сына въ какой-то московскій пансіонъ. Кавалинскій, увидѣвшись съ нимъ въ довольно большомъ обществѣ, спросилъ его: «Ну, что, какво успѣваетъ вашъ сынъ въ пансіонѣ?» Кабановъ отвѣчалъ: «Очень хорошо, ваше пре-

восходительство, очень хорошо; меня увѣдомляютъ, что онъ уже дошелъ до именъ существительныхъ и прилагательныхъ».

И эта рекомендація успѣховъ сына разсмѣшила гостей, но Кабановъ успѣлъ еще болѣе развеселить ихъ.

— А что, ваше превосходительство, продолжалъ онъ говоритъ Кавалинскому, позвольте васъ спросить, что это такое за имя существительное и прилагательное; сдѣлайте милость, объясните мнѣ, а то я не понимаю.

— О! объяснить не трудно, отвѣчалъ Кавалинскій; вотъ если напр. сказать, что Кавалинскій дуракъ, такъ это будетъ не существительное, а прилагательное имя. А если сказать, что Кабановъ дуракъ, ну, это будетъ уже существительнымъ, а не прилагательнымъ, именемъ. Понимаете ли теперь, что такое имя существительное и прилагательное?

Кабановъ отвѣчалъ: «Понимаю, понимаю», хотя къ потѣхѣ собесѣдниковъ вовсе не догадался о всей колкости противъ него, высказанной пріятелемъ его губернаторомъ.

Вотъ эта-то умная голова однажды вздумала прочесть небольшую проповѣдку Амвросію. Владыка по причинѣ болѣзни не служилъ во время Пасхи и въ другіе предшествующіе ей и послѣдующіе за нею праздники. Жители Рязани, можетъ быть, и не были въ буквальномъ смыслѣ недовольны имъ, но все-таки многоныко говорили объ этомъ. Владыка выздоровѣлъ и сталъ выѣзжать къ своимъ знакомымъ. Однажды его пригласили едва-ли не къ губернатору на какой-то семейный праздникъ, на которомъ присутствовало очень много гостей. Архіерей былъ очень веселъ и говорилъ; бесѣда шла оживленная и увлекательная. Въ это-то время вдругъ и Кабановъ вздумалъ принять участіе въ разговорѣ.

— А что, ваше высокопреосвящество, сказалъ онъ, позвольте мнѣ сдѣлать одинъ вопросъ.

И архіерей, и хозяинъ, и гости не ожидали особенно умнаго чепухи отъ вопрошавшаго; всѣ приготовились выслушать что-либо глуповатое, смѣшное, но не обидное.

— Сдѣлайте милость, съ улыбкою сказалъ владыка, извольте спрашивать, я готовъ отвѣчать вамъ,—сказалъ архіерей.

— А вотъ что, ваше высокопреосвященство, позвольте васъ

спросить, отчего это вы не служили ни въ Пасху, ни въ другіе праздники? Публика вами очень недовольна.

Всѣ, разумѣется, остолбенѣли, услышавъ такой глупый и неприличный вопросъ; архіерей сначала сконфузился, но скоро, собравшись съ духомъ, всталъ и разсерженный сказалъ:

— Развѣ публикѣ не извѣстно, что я былъ нездоровъ? Развѣ болѣзнь не извиняетъ меня? Не нарочно ли меня сюда и пригласили, чтобы мнѣ сдѣлать публичный выговоръ? Прощайте.—Эй, человѣкъ, вели подавать мнѣ карету!

Сказавши эти слова, владыка величественно пошелъ изъ гостиной. Хозяинъ и почетные гости обступили его, стали упрямивать его, говорили, что публика вовсе и не думала обижаться имъ, что всѣ напротивъ искренно сожальны о его болѣзни и теперь очень рады, видя его въ добромъ здоровьи. Амвросій, видя общее къ нему вниманіе, а можетъ быть разыгрывая всю сцену для эффекта, пріостановился, началъ смягчаться; просьбы остаться въ домѣ усилились со стороны и хозяина, и гостей.

— Ну, когда такъ, сказалъ владыка, извольте, я остаюсь, но только, чтобы Кабанова здѣсь не было.

И несчастному дураку хозяинъ немедленно указалъ двери.

Заговорившись объ Амвросіи, я и забылъ было сказать о томъ, въ чемъ преимущественно онъ старался подражать Платону. Последний, какъ извѣстно, отличался особеннымъ умѣньемъ торжественно совершать богослуженіе. Покойный профессоръ С.-Петербургской духовной академіи, протоіерей Кочетовъ, на своихъ лекціяхъ рассказывалъ намъ, что будто-бы даже иностранцы любили видѣть Платона при совершеніи имъ литургіи и изумлялись его сновитости и величію. Въ этомъ-то отношеніи Амвросій могъ назваться подражателемъ Платона. Еще и теперь по преданію говорить, что ни при одномъ архіерей не было такъ величественно и торжественно совершаемо богослуженіе въ Рязани, какъ при Амвросіи.

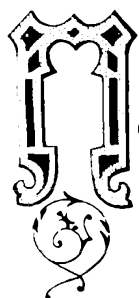

ЗАПИСКИ Д. И. РОСТИСЛАВОВА,

проф. Спб. духовной Академіи.

ГЛАВА XLII ¹⁾.

О Теофилактѣ, архіепископѣ рязанскомъ.

Нослѣ Амвросія архіепископомъ назначенъ былъ въ Рязань Теофилактъ, архіерействовавшій до того времени въ Калугѣ. Въ Рязани и нынѣ еще любятъ тщеславиться тѣмъ, что они имѣли такого знаменитаго архипастыря. Въ большую часть первой четверти нынѣшняго столѣтія о немъ говорили въ Россіи всѣ слѣдяшіе за духовными дѣлами, особенно съ тѣхъ поръ, какъ началась борьба между имъ и Филаретомъ Дроздовымъ. Въ Калугѣ же и Рязани, гдѣ Теофилактъ былъ епархіальнымъ начальникомъ, онъ умѣлъ привлекать къ себѣ не одно духовенство, но и свѣтскую публику. Даже въ Петербургѣ, живя долго, какъ членъ Синода, онъ заставлялъ говорить о себѣ высшую публику, можетъ быть не менѣе того, какъ они говорили о тамошнемъ митрополитѣ. Слухъ былъ и долго поддерживался, что даже одна высокопоставленная особа была равнодушна къ ловкому, умному блестящему прелату. Какъ экзархъ Грузіи, можетъ быть онъ не очень нравился тамошнему аристократическому духовенству, но исторія, по всей вѣроятности, отдастъ ему честь въ томъ, что онъ болѣе всѣхъ своихъ преемниковъ по экзархатству способствовалъ обученію Грузіи въ іерархическомъ отношеніи. Со смертію его, послѣдовавшею въ началѣ двадцатыхъ годовъ, особенно въ царство-

¹⁾ См. «Русскую Старину» декабрь 1894 года.

ваніе императора Николая, о немъ мало не только писали, но и вспоминали. Неутомимый врагъ его былъ въ силѣ, не время было говорить объ умершемъ соперникѣ. Но повторяю, въ большую часть первой четверти нынѣшняго столѣтія онъ былъ одною изъ наиболѣе выдававшихся духовныхъ пашихъ знаменитостей.

Разсказывать всю его жизнь здѣсь не кстати, да я не имѣю достаточныхъ пособій для этого, передамъ же преимущественно то, что мнѣ удалось слышать отъ знавшихъ и видавшихъ его; не скрываю даже и того, что мое описаніе, можетъ быть, касается не столько его достоинствъ, сколько темныхъ качествъ, которыя или были дѣйствительными недостатками или могутъ казаться такими.

По молвѣ, и нынѣ нерѣдко повторяемой, Теофилактъ былъ будто бы товарищемъ Сперанскаго по Александро-Невской семинаріи. Говорили, что они, учась въ ней, были искренними друзьями между собою. Будучи оба честолюбивыми людьми, они будто бы рассчитали, что, пошедши по одной дорогѣ въ жизни, непременно столкнутся между собою и изъ друзей могутъ сдѣлаться врагами. Поэтому бросили жребій, кому изъ нихъ остаться въ духовенствѣ, и кому вступить въ свѣтскую службу. Вотъ какъ молва объясняла поступленіе Теофилакта въ монашество; объ этомъ я отъ многихъ слыхалъ и въ Петербургѣ, и въ Рязани. Но чѣмъ ни руководствовался Теофилактъ, надѣвая на себя черную рясу, онъ началъ вышаться по іерархической лѣстницѣ; имѣя 33 года онъ, въ званіи архимандрита, былъ членомъ Синода; почти черезъ годъ послѣ того, слѣдовательно 34 лѣтъ, сдѣлался (1799 г.) калужскимъ епископомъ, не болѣе какъ черезъ семь лѣтъ по окончаніи курса въ Александро-Невской семинаріи. Съ 1807 г. онъ вновь уже въ Петербургѣ и засѣдаетъ въ Синодѣ, потомъ, не знаю въ которомъ году, но еще будучи рязанскимъ архіепископомъ, получилъ брильянтовый крестъ на клобукъ, рѣдкую и нынѣ награду для архіепископовъ. Онъ имѣлъ право мечтать о митрополіи въ Москвѣ или Петербургѣ, но встрѣтилъ на своей дорогѣ соперника, который помогъ ему отправиться въ Грузію и умереть, можетъ быть, конечно и отъ тамошняго убійственного климата, но и не безъ пособія нравственныхъ потрясеній и огорченій.

По складу ума своего Теофилактъ не принадлежалъ къ числу

только богослововъ, особенно богослововъ-схоластиковъ. Это былъ ученый въ болѣе обширномъ значеніи: знаніе новыхъ языковъ ему дало возможность ознакомиться съ современными ему мыслителями конца прошедшаго и начала нынѣшняго столѣтій; онъ былъ знакомъ съ ихъ сочиненіями по философіи, эстетикѣ и исторіи. По всей вѣроятности, онъ былъ въ свое время самый образованный изъ русскихъ монаховъ не въ монашескомъ, а въ общечеловѣческомъ отношеніи и, несмотря на свой архіерейскій санъ, любилъ заниматься наукою. Лучшимъ доказательствомъ этого служить то, что онъ вызвался самъ быть профессоромъ словесныхъ наукъ въ открытой въ 1809 году Петербургской духовной академіи, уже въ санѣ архіепископа, и засѣдалъ въ Синодѣ. Это, какъ кажется, безпримѣрный поступокъ въ исторіи нашего духовнаго просвѣщенія. Извѣстно, что только ректоры С.-Петербургской духовной академіи, когда ихъ стали производить въ викарные архіереи, продолжали числиться профессорами, но только богословскихъ наукъ; притомъ не всѣ. Всѣ же архіереи сочли бы униженіемъ для своего сана быть въ числѣ профессоровъ академіи, особенно по такъ называемой свѣтской наукѣ. Они любили только давать свою десницу для лобзанія профессорамъ академіи и принимать отъ нихъ поклоны. Далѣе Теофилактъ самъ составилъ и программу словесныхъ наукъ въ той же академіи. Конечно, программа эта въ нынѣшнее время не можетъ служить уже руководствомъ; но тогда она была замѣчательнымъ шагомъ впередъ по духовно-учебнымъ заведеніямъ. Какой и нынѣ архіерей порекомендуетъ для руководства въ духовныхъ академіяхъ не только Цицерона, Тацита, Тита Ливія, Горация, Демосеена, но Монтескье, Даламбера, Мейнера, Етенбурга, Расина? Скажи это, особенно за десять и болѣе лѣтъ, какой-либо профессоръ, — онъ бы пожалуй уволенъ былъ отъ службы. А Теофилактъ это написалъ въ 1808 г. Ему, конечно, нельзя было бояться отставки, но программа, имъ составленная, показываетъ, какъ глубоко онъ понималъ современныя ему требованія науки. Наконецъ, нельзя не обратить вниманія и на то, что онъ самъ перевелъ и напечаталъ сочиненія римскаго писателя Боэція Объ утѣшеніи, и потомъ подъ его надзоромъ студентами академіи переведены письма Ансильона объ эстетикѣ; послѣдній

переводъ, мы увидимъ, послужилъ обвинительнымъ пунктомъ противъ него.

По образу жизни Теофилактъ не принадлежалъ къ числу тѣхъ нашихъ іерарховъ, которые находятъ нужнымъ придавать своимъ фізіономіямъ и словамъ ригористическій оттѣнокъ. Онъ не смотрѣлъ на жизнь, какъ на юдоль плача, какъ на мѣсто изгнанія, не находилъ нужнымъ безвременно сокрушаться о своихъ и напоминать другимъ объ ихъ согрѣшеніяхъ. Въ церкви онъ говорилъ поученія, большею частью, не по тетради, а импровизированныя; они если не отличались увлекательнымъ краснорѣчіемъ, то и мало страдали педантизмомъ, были ясны, просты, логичны. Но безъ саккоса и митры, внѣ церкви, онъ любилъ быть человѣкомъ; мнѣ кажется, что его можно назвать джентльменомъ между современными ему архіереями. Всѣ, съ кѣмъ я ни разговаривалъ о немъ, говорили, что онъ одѣвался щегольски. Священники и протоіереи изъ студентовъ перваго курса Петербургской духовной академіи говорили, что они много разъ видѣли его прогуливающимся по лаврѣ съ маленькимъ зонтикомъ, которымъ онъ прикрывался отъ солнца. Это казалось большимъ соблазномъ для тогдашнихъ ханжей. По ихъ мнѣнію, вѣроятно, архіерею, если уже нужнымъ окажется зонтикъ, то надобно его брать аршина въ два въ діаметръ и употреблять его для защиты отъ дождя, а никакъ не солнца.

Теофилактъ любилъ жизнь, притомъ жизнь не скучную; любилъ бывать въ обществѣ и говорить не только о спасеніи души въ будущемъ, но и о предметахъ сего міра, якобы погрязшаго въ нечестіи. Разговоры его отличались остроуміемъ, основательностью, разнороднѣйшими свѣдѣніями, пробуждали сильную къ нему симпатію. Всякій, не предубѣжденный противъ него, невольно увлекался имъ и не могъ не полюбить его. Рязанскіе духовные и свѣтскіе люди, которымъ удалось съ нимъ проводить время, говорили о немъ чуть не съ восторгомъ. Дамы же были, какъ говорится, отъ него безъ ума. Въ объясненіе этого факта не нужно дѣлать никакихъ скандальзныхъ предположеній. Самые злые враги Теофилакта, старавшіеся очернить его всевозможными клеветами, не нападали на него, сколько мнѣ извѣстно, съ этой стороны. Только я и слышалъ о томъ особомъ расположеніи, которое къ нему имѣ-

ла въ Петербургѣ одна высокопоставленная дама, но и это, по всей вѣроятности, носить нѣсколько легендарный характеръ. Въ Рязани мнѣ никогда не указывали ни на одну даму, которую можно было подозрѣвать въ слишкомъ интимныхъ сношеніяхъ съ нимъ. Потомъ онъ, — сколько можно судить по его портрету, конечно, — имѣлъ важную осанку, выразительные глаза, свѣжее полное лицо, но былъ рыжъ и плѣшивъ, значить, красавцемъ считаться не могъ. Онъ самъ любилъ напоминать объ этихъ своихъ недостаткахъ и повторять латинскую поговорку: *a gu so, salvo, bleso, Domine, misereri me* (помилуй меня, Господи, отъ рыжаго и плѣшиваго человѣка). Онъ располагалъ къ себѣ своихъ собесѣдниковъ единственно своимъ умнымъ и увлекательнымъ разговоромъ, которому, можетъ быть, придавало особую прелесть и то, что его слышали отъ архіерея, отъ которыхъ вообще ждуть чего-то скучно-наставительнаго. Однажды въ Рязани какая-то дама, пришедши въ восторгъ отъ его разговора, сказала ему: «Ахъ! Ваше высокопреосвященство, зачѣмъ это вы пошли въ монахи? Какой бы вы были прекрасный свѣтскій кавалеръ!»

На это Теофилактъ отвѣчалъ: «Зачѣмъ пошелъ я въ монахи? На это были свои причины. А чтобы меня стали считать прекраснымъ свѣтскимъ кавалеромъ, такъ это едва-ли могло случиться. Вотъ извольте видѣть». И тутъ, снявъ съ себя клобукъ, погладилъ рукою свою безволосую голову.

Но былъ за Теофилактомъ недостатокъ, въ которомъ невозможно его оправдать. Самому Теофилакту не осмѣливались давать взятки; но у него былъ секретарь Даніилъ Аѳанасьевичъ Щастневъ, котораго онъ привезъ съ собою изъ Калуги и потомъ взялъ въ Грузію, и который, по какой-то странности, по смерти своего протектора, былъ опредѣленъ московскимъ митрополитомъ Филаретомъ, — врагомъ Теофилакта, въ секретари московской консисторіи и, наконецъ, служилъ уже въ московскомъ опекуномъ совѣтѣ. И Даніилъ Аѳанасьевичъ оставилъ своимъ наслѣдникамъ очень хорошее имѣніе подъ Рязанью.

Взяточничество секретаря, надобно полагать, происходило довольно въ большихъ размѣрахъ, потому что пробудило сильное негодованіе во многихъ пострадавшихъ отъ него. Отважныя го-

ловы, по всей вѣроятности, изъ семинаристовъ, въ одну ночь успѣли прибѣсть надъ входомъ въ архіерейскій дворъ вывѣску, на которой крупными буквами было написано: въ семъ домѣ продаются священническія, діаконскія и причетническія мѣста, а о цѣнѣ ихъ спросить Щастнева. Къ несчастію, изъ приближенныхъ къ архіерею лицъ долго никто не узналъ о ней, и она провисѣла надъ воротами съ утра чуть не до полудня; ее читали не только духовные, имѣвшіе нужду быть въ тотъ день въ архіерейскомъ домѣ, но и горожане, услыхавшіе о существованіи ея.

Отъ недостатковъ Теофилакта перейду теперь къ административной его дѣятельности. Подробностей и частныхъ о томъ, что онъ дѣлалъ въ Синодѣ, не имѣю. Но очевидно, что такой чловѣкъ не могъ тамъ сидѣть сложа руки и подписывать только протоколы, составляемые канцеляріей. Извѣстно, впрочемъ, что онъ въ 1806 г. вызванъ былъ въ Петербургъ для присутствія въ Синодѣ и тотчасъ же почти сдѣланъ былъ членомъ комитета для преобразованія духовно-учебныхъ заведеній. По всей вѣроятности, и вызовъ былъ сдѣланъ собственно потому, что его считали наиболѣе способнымъ изъ архіереевъ для этого дѣла. Когда же коммисія духовныхъ училищъ, гдѣ засѣдали Сперанскій и Теофилактъ, приступила къ составленію уставовъ для нихъ, то первый написалъ введеніе къ академическому уставу и первую часть его и затѣмъ отказался отъ дальнѣйшаго продолженія дѣла, которое покончить и было поручено Теофилакту. Онъ dokonчилъ академическій уставъ и, кромѣ того, составилъ уставы для духовныхъ семинарій, уѣздныхъ и приходскихъ училищъ. Вотъ что мнѣ удалось узнать объ оффиціальной дѣятельности Теофилакта въ Петербургѣ послѣ вторичнаго его назначенія присутствовать въ Синодѣ. Извините, что мои средства мнѣ не позволили болѣе этого узнать.

Во всѣхъ тѣхъ епархіяхъ, гдѣ Теофилактъ архіерействовалъ, ему пришлось или вновь устраивать или улучшать семинаріи. При его поступленіи въ Калугу, тамъ вовсе не было еще семинаріи. Надобно было начинать во всѣхъ отношеніяхъ. Прежде всего слѣдовало озаботиться пріобрѣтеніемъ дома. Матеріальныхъ средствъ для этого не было, но Теофилактъ умѣлъ, какъ говорится, почти

безъ копѣйки пріобрѣсти домъ для семинаріи. Въ то время отстроены были въ Калугѣ громадныя, по своему протяженію, корпуса для присутственныхъ мѣстъ. Одинъ корпусъ оказывался не очень нужнымъ, до поры до времени. При умѣнши обходиться съ людьми, при авторитетѣ, которымъ онъ и тогда уже пользовался, Теофилактъ уговорилъ гражданское начальство уступить на нѣкоторое время корпусъ, въ которомъ еще въ данную минуту не нуждались для присутственныхъ мѣстъ. Уступили; семинарія въ немъ помѣстилась и устроилась и доселѣ пребываетъ. Только уже въ 1869 и 1870 годахъ нашли нужнымъ сдѣлать большую пристройку къ старому дому, чтобы приспособить семинарію къ новой реформѣ. Впрочемъ, въ которомъ-то году гражданское начальство хлопотало было о возвращеніи ему временно взятаго у него для семинаріи корпуса. Духовно-учебное вѣдомство принялось тогда доказывать, что имъ употреблены на домъ большія издержки, и просило вознаградить ихъ. Списокъ издержекъ былъ слишкомъ длиненъ; деньги, требовавшіяся для уплаты ихъ, были едва-ли не выше цѣны всего дома. Началась переписка между отдѣльными вѣдомствами; писали, писали, и дѣло кончилось тѣмъ, что, какъ я сказалъ, семинарія и до сихъ поръ занимаетъ домъ, который ей данъ былъ едва-ли не за 70 лѣтъ во временное пользованіе.

Въ Рязани Теофилактъ нашелъ уже семинарію со всѣми ея инфирами и информаціями. Но по внѣшности она находилась въ жалкомъ положеніи. Для каждаго почти класса или не болѣе какъ для двухъ были устроены, такъ сказать, особыя, болѣе или менѣе, обширныя избы, въ которыхъ жили казеннокоштные ученики не въ классное время, и потомъ тутъ же и учились вмѣстѣ съ квартирными. Кромѣ того, были особыя избы для столовой, правленія, начальниковъ и пр. Это было вѣчто въ родѣ небольшой деревушки съ однимъ общимъ дворомъ. Надобно же было вмѣсто этой деревни выстроить одинъ, но приличный домъ.

Но и въ Рязани такъ же, какъ въ Калугѣ, готовыхъ денегъ не было; впрочемъ, кажется, отъ Синода было сдѣлано какое-то незначительное пособіе. Но Теофилактъ умѣлъ находить залежалыя деньги и употреблять ихъ на общую пользу. Не знаю, самъ ли своею собственною властью, или съ разрѣшенія Синода, онъ пред-

писалъ указами, чтобы каждая церковь въ епархіи, гдѣ оказывались суммы ненужныя въ данную минуту, дала ихъ заимообразно правленію семинаріи для постройки новаго корпуса. На этомъ основаніи изъ моей родины, Николаевской Тумы, было отослано 2.000 руб. ассигнаціями. Всѣ, разумѣется, такія заимообразно взятія суммы состоятъ и доселѣ въ долгу за правленіемъ семинаріи. Въ двадцатыхъ годахъ, когда въ Тумѣ начали строить новую каменную церковь, прихожане и духовенство подали покорнѣйшее прошеніе о возвращеніи имъ занятыхъ у нихъ 2.000 р. и получали въ отвѣтъ, что семинарское правленіе не имѣетъ никакихъ источниковъ для уплаты этихъ денегъ. Велика ли была вся собранная такимъ образомъ сумма, я не знаю, но во время постройки ея оказалось недостаточно. Тутъ пополненіе происходило изъ монастырей, особенно изъ Радовицкаго. По словамъ нынѣшняго настоятеля его, Владиміра, отъ нихъ взято на постройку семинаріи 44.500 р. ассигн. Особенно замѣчательно было послѣднее заимствованіе изъ него 10.000 р. Комитетъ о постройкѣ семинаріи донесъ Теофилактъ, что деньги у него всѣ вышли, а между тѣмъ еще не вставлены стекла въ рамы и проч. и проч., и что ему нужно для совершеннаго окончанія работъ до 10.000 руб. Въ Радовицкомъ монастырѣ настоятелемъ былъ какой-то отецъ изъ мѣщанъ, едва-ли гдѣ учившійся, по крайней мѣрѣ, вовсе не принадлежавшій ни къ ученымъ, ни къ покровителямъ и благожелателямъ просвѣщенія. Но Теофилактъ, чтобы польстить старцу и порасшевелить его самолюбіе, положилъ на представленіи комитета революцію: «обратиться къ настоятелю Радовицкаго монастыря, какъ извѣстному любителю духовнаго просвѣщенія и просить у него пособія» и проч. Отцу-настоятелю, разумѣется, пришлось поддержать свою репутацію любителя духовнаго просвѣщенія: 10.000 руб. отпущены, и семинарія окончена. Вновь отстроенный домъ, существующій доселѣ почти безъ всякихъ капитальныхъ измѣненій, принадлежитъ и теперь къ лучшимъ зданіямъ семинарій въ Россіи. Начали его строить въ 1812 и окончили въ 1814 году.

Устроивши новый домъ для семинаріи, Теофилактъ заботился улучшить ее во всѣхъ отношеніяхъ, особенно въ учебномъ. Онъ вовсе не былъ похожъ на тѣхъ, которые являются въ семинарію въ

какихъ-либо торжественныхъ, особыхъ случаяхъ, напримѣръ, для публичныхъ экзаменовъ, встрѣчаются съ колокольнымъ звономъ, принимаются ректоромъ и инспекторомъ еще на крыльцѣ, даже высаживаются ими изъ кареты, идутъ гусинымъ шагомъ въ залу, слушаютъ тамъ за недѣлю еще подготовленные отвѣты, посмотрятъ, и то не всегда на почище прибранныя комнаты, заглянуть въ столовую, пообѣдаютъ у ректора въ комнатахъ, выслушаютъ провозглашенныя имъ многія лѣта, выкупаютъ бокаль шампанскаго за благосостояніе семинаріи, благодарятъ за найденный во всемъ порядокъ и особенно за угощеніе и въ заключеніе, усѣвшись при помощи ректора и инспектора въ карету, отправляются домой, сопровождаемые колокольнымъ звономъ. Теофилактъ, разумѣется, бывалъ и на экзаменахъ, но, кромѣ того, прѣзжалъ или чаще прихаживалъ пѣшкомъ въ семинарію, какъ тогда говорили, — благовременнѣ, а болѣе безвременнѣ, т. е. когда его вовсе не ожидали; слушалъ лекціи наставниковъ, отвѣты учениковъ, дѣлалъ самъ вопросы, смотрѣлъ, чѣмъ кормятъ казеннокоштныхъ во всякое время, какъ живутъ они въ комнатахъ и пр. Съ учениками любилъ входить въ разговоры не объ однихъ предметахъ классическихъ, но и объ ихъ жизни, объ отцахъ, зналъ многихъ изъ нихъ въ лицо и по способностямъ. Желая заставить врасплохъ, по-домашнему, семинарію, онъ прихаживалъ часто пѣшкомъ, въ черномъ и даже ночью; только тутъ часто измѣнялъ ему относительно инкогнито его брильянтовый крестъ, который можно было замѣтить на значительномъ еще разстояніи. Съ наставниками былъ очень вѣжливъ и обходителенъ; лучшіе изъ нихъ, особенно Ѳеодоръ Ивановичъ Серезевскій, пользовались его расположеніемъ и почти дружбою. Къ несчастію, составъ учителей Рязанской семинаріи ни до, ни послѣ преобразованія семинаріи въ 1815 г., не отличался особенными личностями. До 1815 г. дѣльными учителями можно было считать только Серезевскаго и Іеронима. Послѣ преобразованія остался только одинъ Серезевскій, да о. Іеронимъ въ званіи ректора; присланы новыя лица изъ Петербургской духовной академіи, но изъ нихъ едва-ли не одинъ только Пясотиновъ могъ считаться хорошимъ профессоромъ; о нихъ я скажу тоже, а объ Гавріилѣ Городковѣ говорилъ уже раньше. Но все-таки Теофилактъ умѣлъ дать

семинаріи дѣльное направленіе и оставилъ чрезвычайно хорошую память о себѣ въ тѣхъ ученикахъ, которые учились въ семинаріи въ то время, какъ онъ жилъ въ Рязани.

Ежели о какомъ архіереѣ сохранились въ Рязани столь хорошія воспоминанія, такъ о немъ. Обращеніе Теофилакта съ духовенствомъ, особенно со священниками, было очень вѣжливо. Дай Богъ, если бы и нынѣ архіереи были такъ внимательны и вѣжливы. Умныхъ священниковъ онъ быстро замѣчалъ и давалъ имъ лучшія мѣста и благочинническія должности. Очень многихъ изъ нихъ, когда они являлись къ нему по дѣламъ, приглашалъ по вечерамъ къ себѣ на чай и тутъ очень любилъ вести себя самымъ простымъ и любезнымъ хозяиномъ. Въ тѣ праздничные и воскресные дни, когда онъ совершалъ литургію, онъ почти всегда говорилъ проповѣди, но не по тетради, а, какъ говорится, безъ подготовки, импровизаціей. Всѣ его проповѣди не отличались златоустовскимъ увлекательнымъ краснорѣчіемъ, но и не страдали, подобно проповѣдямъ Филарета, туманностью, схоластикою и церковнославянскимъ тяжелымъ языкомъ. Онѣ были ясны, просты, такъ сказать, логичны. Къ сожалѣнію, Теофилактъ архіерействовалъ въ Рязани только семь лѣтъ, да чуть не половину этого времени провелъ въ Петербургѣ. Но и живя уже постоянно въ Рязани, онъ не могъ спокойно предаваться административнымъ занятіямъ. Удаленіе изъ Петербурга, несбывшіяся надежды, слухи объ угрожающихъ ему непріятностяхъ не могли не ослаблять его энергіи. Наконецъ, буря разразилась, ему пришлось отправиться въ Грузію, конечно, на весьма почетный постъ, но который можно было считать и почетною ссылкой. Событіе это тѣсно связано съ взаимными отношеніями между Теофилактомъ и Филаретомъ Дроздовымъ; о нихъ-то теперь очередь говорить.

Къ Теофилакту и Филарету можно приложить русскую пословицу: «два медвѣдя въ одной берлогѣ не уживутся». Эти два гениальныхъ, честолюбивыхъ и самолюбивыхъ человека, искавшихъ дѣятельности для осуществленія своихъ мыслей и плановъ, не могли быть друзьями, не могли идти по одной дорогѣ рядомъ; каждому изъ нихъ хотѣлось быть главнымъ дѣтелемъ, и потому одному кому-нибудь взять верхъ надъ другимъ, или, по крайней мѣрѣ, устра-

нить его куда-нибудь подальше отъ того мѣста, гдѣ они могли столкнуться между собою. Все, повидимому, благопріятствовало Теофилакту, онъ уже былъ, такъ сказать, на большой дорогѣ, быстро стремился къ своей цѣли и еще не замѣчалъ того человѣка, который станетъ поперекъ дороги. Теофилактъ былъ уже законоучителемъ въ кадетскомъ корпусѣ, архимандритомъ и даже членомъ Синода въ то еще время, когда какой-то Василиій Дроздовъ обучался въ Коломенскомъ духовномъ училищѣ и Троицкой семинаріи и при суровой, господствовавшей тогда школьной дисциплинѣ, съ боязнію посматривалъ, сидя за класснымъ столомъ, на грознаго педагога, и по всей вѣроятности, съ жалобнымъ крикомъ, испытывалъ сладость розочныхъ назиданій; по крайней мѣрѣ, безъ всякаго уже сомнѣнія видалъ, какъ равноправные съ нимъ его товарищи смиренно ложились подъ лозу. Теофилактъ сдѣлался знаменитостью, замѣтною звѣздою даже въ Петербургѣ, вытребованъ туда въ званіи уже архіепископа для присутствія въ Синодѣ; другъ Сперанскаго участвовалъ въ преобразованіи духовно-учебныхъ заведеній, составилъ почти всѣ уставы, необходимые для этого, двигался, можно сказать, быстрыми шагами къ митрополіи, по крайней мѣрѣ, имѣлъ причины мечтать о ней. А въ то же самое время прѣзжаетъ въ Петербургъ іеродіаконъ изъ Троицкой лавры въ овчинномъ тулупѣ, въ очень простыхъ саняхъ съ кибиткою, — учитель Троицкой семинаріи Филаретъ и начинаетъ очень скромно свою петербургскую жизнь. Свиданіе этого іеродіакона съ блистательнымъ архіепископомъ недавно описано въ одномъ изъ русскихъ журналовъ. Архіепископъ совѣтовалъ іеродіакону познакомиться съ нѣмецкою ученою литературою, пожалѣлъ, что онъ не владѣетъ, какъ слѣдуетъ, новѣйшими языками. Скромный іеродіаконъ выслушалъ наставленіе блистательнаго архіепископа и молча перенесъ подавляющее его превосходство. Но іеродіакону нужно было еще не разъ показывать себя скромнымъ уже не предъ архіепископами, а предъ очень неважными людьми. Вотъ довольно оригинальный случай, сюда относящійся.

Въ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія, жилъ въ Петербургѣ нѣкто Алексѣй Григорьевичъ (?) Огинскій, любившій заниматься литературою, знакомиться съ учеными, особенно духовнаго зва-

ніа, переведшій съ англійскаго на плохой русскій языкъ «Исторію Греціи» Гилласа и кончившій жизнь въ холеру 1848 года, едва-ли не въ званіи бібліотекаря какой-то бібліотеки, помѣщавшейся въ главномъ Адмиралтействѣ. Этотъ Огинскій рассказывалъ при мнѣ въ концѣ тридцатыхъ годовъ первую свою встрѣчу съ Филаретомъ въ 1809 г. Онъ довольно близко знакомъ былъ съ первымъ ректоромъ въ С.-Петербургской духовной академіи, архимандритомъ Евграфомъ. Пришедши, однажды, къ нему вечеромъ, Огинскій засталъ у него порядочную компанію изъ духовныхъ лицъ. Огинскій посаженъ былъ хозяиномъ на диванѣ, и начался разговоръ; спустя уже довольно времени, Евграфъ вдругъ сказалъ:— «Ахъ, Алексѣй Григорьевичъ, я и забылъ васъ познакомить съ новымъ нашимъ наставникомъ. Вотъ рекомендую вамъ ученѣйшаго іеродіакона Филарета»,—указывая на скромно сидѣвшаго вдали отъ дивана молодого, невиднаго собою монаха. Монахъ, вслѣдствіе этой рекомендаціи, торопливо приподнялся съ стула, подошелъ къ Огинскому и выразилъ свое удовольствіе познакомиться съ такимъ важнымъ человѣкомъ; потомъ опять сѣлъ на прежній стулъ, но не на весь, а какъ бы на половину его, какъ это обыкновенно дѣлаютъ скромные и неважные люди, сидя въ гостиной своего начальника и въ присутствіи очень почетныхъ гостей. Огинскій и послѣ этого не разъ видался у Евграфа съ Филаретомъ и хорошо съ нимъ познакомился; даже едва-ли тотъ и другой не бывали хотя по одному разу другъ у друга.

Но скромный іеродіаконъ скоро, какъ говорится, пошелъ въ гору: сдѣлался іеромонахомъ, архимандритомъ, замѣчательнымъ наставникомъ академіи и пріобрѣлъ извѣстность, какъ одинъ изъ лучшихъ проповѣдниковъ, такъ что его проповѣдь захотѣли послушать въ придворной церкви. Но едва-ли для него всего важнѣе было то, что митрополитъ Амвросій и князь Голицынъ приблизили его къ себѣ и сдѣлали его своимъ совѣтникомъ. Предъ бывшимъ недавно іеродіакономъ открывалась уже широкая дорога; да и онъ самъ зналъ себѣ цѣну и вовсе не былъ такимъ скромникомъ, какимъ могъ казаться. Сослуживцы же его и даже ближайшее начальство догадывалось, что у кроткаго по наружности агнца есть львиные когти, и уже совѣтовали ему пустить ихъ въ ходъ про-

тивъ блистательнаго архіепископа. Ректоръ академіи, Сергій, сдѣлавшись костромскомъ епископомъ, въ интимной бесѣдѣ съ бывшимъ своимъ подчиненнымъ и занявшимъ его должность, прямо выражалъ надежду, что онъ съумѣетъ изъ Петербурга выпроводить русскаго Бріенна (такъ онъ въ насмѣшку называлъ Теофилакта). Да и самъ бывший скромница-іеродіаконъ, занявши твердую уже позицію въ духовенствѣ, сдѣлавшись ректоромъ академіи, не находилъ нужнымъ оставаться въ роли смиренника. Это уже былъ не тотъ человѣкъ, который въ 1803 г. сидѣлъ у Евграфа на половинѣ стула, торопливо поднимался при обращенномъ къ нему вопросѣ и за честь для себя считалъ знакомство съ Огинскимъ. Послѣднему скоро пришлось испытать такую перемѣну на себѣ. По смерти Евграфа, ему года полтора или два не случилось видать Филарета. Однажды, когда уже послѣдній сдѣлался ректоромъ, ему была какая-то надобность въ академіи. Тутъ онъ вспомнилъ о прежнемъ своемъ знакомѣ іеродіаконѣ и надѣялся при помощи этого знакомства обдѣлать свое дѣло. Приходитъ уже къ ректору, докладываютъ, нужно было подождать; выходятъ и принимаютъ холодно, какъ человѣка, вполне неизвѣстнаго. Алексѣй Григорьевичъ старается напомнить о прежнемъ знакомствѣ, но ему отвѣчаютъ, что этого не помнятъ, что даже фамилію его въ первый разъ слышатъ.

Какого-либо Огинскаго не узнать и выпроводить отъ себя было дѣло не трудное, даже не стоило и труда. Но серьезнѣе надобно было взяться за русскаго Бріенна. Несмотря на твердую позицію, которую успѣлъ занять Филаретъ, все еще Теофилактъ былъ сильный человѣкъ, опасный врагъ и соперникъ. Но даже и тогда можно было догадливому человѣку предвидѣть исходъ борьбы. Теофилактъ, съ паденіемъ Сперанскаго, скоро лишился самой надежной своей поддержки въ свѣтскомъ кругу. А Голицынъ, опора Филарета, и самъ нуждаясь въ его совѣтахъ, стоялъ на высотѣ и все еще высился. Потомъ одинъ изъ соперниковъ имѣлъ характеръ прямой и открытый, не владѣлъ искусствомъ скрывать свои чувства, былъ не всегда остороженъ на словахъ и въ поступкахъ; любилъ не только свѣтскія науки и удовольствія, но и о духовныхъ предметахъ иногда готовъ былъ судить по-свѣтски, по внѣшнему своему

виду и по жизни вовсе не был и не хотѣлъ казаться аскетомъ. Другой же, напротивъ, непроницаемый даже для своихъ почитателей (друзья у него едва-ли когда были), осторожный во всемъ, не любившій истратить безъ нужды даже одно слово, пренебрегавшій всѣми свѣтскими науками, даже любившій при случаѣ посмѣяться надъ ними, напротивъ, вполне посвятившій всего себя богословію, наконецъ, по жизни и по внѣшности аскетъ. Очевидное дѣло, что послѣдній на духовномъ, такъ сказать, поприщѣ могъ удобно побѣдить перваго.

Конечно, смѣшно было бы говорить, что Теофилактъ палъ отъ одного Филарета. Какъ архіепископъ-джентльменъ, онъ не могъ нравиться нашимъ архипастырямъ, которые любили тогда по крайней мѣрѣ казаться строгими ригористами; такое нерасположеніе къ нему могло тѣмъ еще усиливаться, что онъ въ сношеніяхъ съ возлюбленными своими во Христѣ братьями не всегда умѣлъ сдерживать свойственную ему нетерпѣливость и горячность, не отличался уступчивостью. Даже Платонъ, нѣкогда придворный законоучитель, называетъ Теофилакта человѣкомъ молодымъ и не по сану отважнымъ. (Письмо 58 Платона къ Амвросію, «Прав. Обзор.» за 1869 г.). Удаленія его желали и Амвросій, митрополитъ петербургскій, и Голицынъ. Да и самъ Теофилактъ неосторожными своими поступками помогалъ своимъ врагамъ. Одно только несомнѣнно: удаленіе Теофилакта изъ Петербурга всего было нужнее и оказалось болѣе полезнымъ для Филарета.

Тѣ, съ которыми мнѣ приходилось говорить въ Петербургѣ о паденіи Теофилакта, объясняли это главнымъ образомъ двумя причинами. Одною изъ нихъ было слѣдующее обстоятельство. Известно, что во время нашествія французовъ въ 1812 г. могилевскій архіерей имѣлъ слабость поминать Наполеона на литургіи. Разумѣется, по изгнаніи французовъ изъ Россіи, онъ не остался безъ наказанія; Синодъ положилъ лишить его архіерейскаго сана; исполненіе этого приговора поручено было Теофилакту. Въѣстъ съ тѣмъ даны ему большія суммы, чтобы выдать ихъ духовенству и церквамъ въ губерніяхъ, разоренныхъ французами. Съ могилевскимъ архіереемъ онъ поступилъ не очень гуманно, а сообразно съ тогдашнимъ настроеніемъ общественнаго мнѣнія. Пріѣхавши въ Могилевъ

и остановившись въ домѣ архіерея, онъ увѣрилъ послѣдняго въ томъ, что ему нечего опасаться за свой проступокъ, и убѣдилъ его отслужить въ ближайшій воскресный или праздничный день обѣдню. Несчастный согласился на это, пришелъ съ обыкновенною торжественностью въ соборъ. Но когда его облачили и нужно было приступить къ богослуженію, тогда Теофилактъ передалъ синодскій указъ протодіакону, который съ амвона и прочиталъ его. Послѣ этого тотчасъ архіерея разоблачили, надѣли монашескую рясу на него. По разсказу моихъ могилевскихъ товарищей по академіи, бывшій владыка простоялъ всю обѣдню, опершись руками на трость, съ поникнутой головой и въ слезахъ; потомъ отвезенъ былъ въ какой-то монастырь, куда и зачисленъ, какъ простой монахъ.

Поступивши такимъ образомъ со своимъ возлюбленнымъ во Христѣ братомъ, Теофилактъ, разумѣется, не могъ опасаться никакихъ за это преслѣдованій; поступокъ, повторяю, былъ вполне въ тогдѣшнемъ, такъ сказать, вкусѣ. Но при исполненіи другой порученной ему миссіи онъ подалъ своимъ врагамъ оружіе противъ себя. Дѣло состояло въ томъ, что онъ не могъ представить отчета въ громадной части суммы, которую ему поручено было раздать духовенству и церквамъ. Различно объясняли это; одни говорили, что онъ потерялъ деньги; другіе, что ихъ укралъ у него келейникъ, третьи, разумѣется, враги его, что онъ истратилъ на самого себя. Но что бы тамъ ни было, только не представленъ отчетъ громадной суммы. Бріеннова гражданская честность подверглась сильному подозрѣнію. Въ какой степени Филаретъ помогалъ утвердиться этому подозрѣнію, дѣло — мнѣ неизвѣстное. Но въ другомъ обстоятельствѣ, способствовавшемъ паденію Теофилакта, скромный бывшій іеродіаконъ былъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ и доказалъ, что и безъ знанія нѣмецкаго и французскаго языка можно поколебать репутацію очень сильнаго и важнаго человѣка, хотя бы онъ былъ знакомъ со всею ученою иностранною современной литературой. Филаретъ употребилъ тотъ пріемъ, къ которому у насъ такъ часто прибѣгаютъ, когда нужно бываетъ очернить дѣльнаго и умнаго человѣка и когда недостаетъ дѣйствительныхъ у него преступленій. Въ этомъ случаѣ у насъ обыкновенно стараются доказать, что такой-то человѣкъ вольнодумецъ, либералъ, красный, ни-

гилистъ, имѣеть злые умыслы противъ правительства, или что онъ безбожникъ, фармазонъ, т. е. франкъ-масонъ, нехристь, неправославный, еретикъ и проч. Филаретъ прибѣгъ къ этому средству.

И уже сказалъ выше, что подъ надзоромъ Теофилакта были переведены на русскій языкъ и напечатаны письма Ансильона. Ими-то воспользовался Филаретъ, чтобы обвинить Теофилакта въ неправославіи, точно такъ же, какъ онъ послѣ, въ тридцатыхъ годахъ, обвинилъ протоіерея Павскаго. Критика была написана и представлена куда слѣдуетъ, Теофилактъ написалъ на нее антикритику. Въ молодости мнѣ приходилось читать ту и другую; очень жаль, что доселѣ не напечатаны онѣ обѣ; тогда бы легко можно было сравнивать авторовъ той и другой между собою. Отъ совокупнаго дѣйствія обоихъ описанныхъ мною обстоятельствъ, а можетъ быть съ присоединеніемъ и другихъ причинъ, мнѣ неизвѣстныхъ, произошло, что Теофилактъ выѣхалъ изъ Петербурга въ Рязань, чтобы управлять только своею епархіей.

Но и въ Рязани Теофилактъ былъ еще опасенъ для своихъ недруговъ; отъ нея недалеко Москва и даже Петербургъ; очень возможно, что онъ при первомъ какомъ-либо благопріятномъ случаѣ опять былъ бы вызванъ въ столицу и въ Синодъ. Надобно было услатъ его туда, откуда бы ему было трудно выбратъся, гдѣ его такъ сказать, почетнымъ образомъ можно было подолѣе, если не на всегда, удержать. Для этого Грузія пригодилась какъ нельзя лучше. Ее тогда стали настоятельно руссифицировать. По гражданскому и военному управленію назначенъ былъ туда знаменитый Ермоловъ. Нужно же было туда послать и по духовной части такого архипастыря, который сѣумѣлъ бы грузинскую церковь сдѣлать въ іерархическомъ отношеніи вѣтвью греко-россійской. На что же лучше искать кого-либо другаго, кромѣ Теофилакта? Тутъ вспомнили и о его умѣ, административныхъ способностяхъ, свѣскости и пр. А кстати уже и мѣстечко очень, очень далеко отъ Петербурга, да и климатъ нельзя расхваливать. И вотъ получается синодскій указъ, которымъ рязанскій архіепископъ переводится въ Тифлисъ съ титуломъ экзарха. Какъ первоначально прочитать былъ этотъ указъ, я не знаю, но извѣстіе, имъ принесенное, было ударомъ для новаго экзарха.

При всей твердости характера, при умѣньи держать и не ронять себя въ глазахъ людей, Теофилактъ не могъ скрывать своего горя о такомъ назначеніи. Это даже обнаружилось при выѣздѣ его изъ Рязани, когда прошло уже нѣсколько недѣль, если не мѣсяцевъ послѣ полученія указа и когда можно было привыкнуть къ мысли о переселеніи за Кавказъ. По обычаю владыка зашелъ въ соборъ предъ отъѣздомъ; приложившись къ престолу, онъ хотѣлъ было что-то сказать собравшимся гражданамъ въ огромномъ числѣ, но не могъ совладать съ собою, залился слезами и, поскорѣе вышедши изъ собора, сѣлъ въ карету. Народа и вблизи нея было многое множество: многіе изъ среды его плакали; владыка, видя эти неліцемерныя слезы, хотѣлъ было еще сказать что-нибудь на прощанье, но опять не могъ овладѣть съ собою, заплакалъ, уклонился въ глубину кареты и, какъ говорили, упалъ даже на подушку. Карета увезла его навсегда изъ Рязани, а затѣмъ и изъ Европы.

Но онъ уѣхалъ изъ Рязани далеко не одинъ. Синодомъ дозволено ему было взять съ собою изъ рязанскихъ семинаристовъ и духовенства кого онъ найдетъ нужнымъ и кто, разумѣется, захочетъ. Очарованіе, которое умѣлъ Теофилактъ производить на своихъ подчиненныхъ, любовь и уваженіе, которое онъ успѣлъ пріобрѣсти въ Рязани, были причиною того, что нѣсколько десятковъ челоѣкъ (30—40) рѣшились съ нимъ отправиться въ Грузію, несмотря на разстояніе, которое даже и нынѣ считается огромнымъ, несмотря на климатъ, о вредномъ вліяніи котораго на вновь пріѣзжихъ и тогда знали можетъ быть даже съ преувеличиваніями. Болѣе всего поѣхало съ нимъ пѣвчихъ архіерейскаго хора, которые очень близко его знали. Поѣхало нѣсколько и семинаристовъ, а также и духовныхъ лицъ; въ числѣ послѣднихъ былъ и протодіаконъ Василій съ сыномъ своимъ Никаноромъ. Была даже молва, что онъ нарочно забиралъ съ собою людей, чтобы тѣмъ досадить своему преемнику; это былъ тотъ самый Сергій, который, какъ выше сказано, совѣтовалъ Филарету выпроводить изъ Петербурга русскаго Бріенна. Но молва была несправедлива. Она основывалась на томъ, что Теофилактъ взялъ почти всѣхъ пѣвчихъ, протодіакона и лучшаго изъ дьяконовъ и, наконецъ, того діакона (того Тилигая, о которомъ, какъ учителѣ нотнаго пѣнія, я говорилъ ранѣе), посвятилъ

священникомъ, отчего и произошло, что на первыхъ порахъ архіерейское служеніе не отличалось тою торжественностью, какую ему придаютъ хорошіе діаконы и пѣвческій хоръ. Слишкомъ очевидно, что подобные поступки вовсе не имѣютъ того значенія, которое придавала имъ молва.

Но гораздо вѣроятнѣе, что Сергій дѣйствительно продолжалъ еще питать вражду къ Теофилакту. Извѣстно, что онъ изъ Костромы прибылъ въ Рязанскую епархію прежде, нежели изъ нея выѣхалъ его предшественникъ, но, не доѣхавши до Рязани, остановился верстахъ въ 12-ти отъ нея въ Львовомъ монастырѣ и, несмотря на приглашеніе Теофилакта, не захотѣлъ съ нимъ видѣться. Потомъ, по отъѣздѣ его вступивъ въ управленіе епархіей, онъ началъ тѣснить тѣхъ лицъ, которыя пользовались расположеніемъ предшественника. Особенно сильно онъ налегъ было на кафедральнаго протоіерея Полянскаго. Я уже говорилъ, что Полянский получилъ въ подарокъ отъ Теофилакта деревянный домъ, въ которомъ прежде была квартира ректора семинаріи, и, перенесши его на новое мѣсто, жилъ и поживалъ въ немъ. Сергій, узнавши объ этомъ, конечно незаконномъ поступкѣ, завелъ было дѣло. Полянский поспѣшилъ увѣдомить обо всемъ Теофилакта, который тотчасъ прислалъ письмо къ своему преемнику и объяснилъ ему, что тутъ виновать не Полянский, а онъ, Теофилактъ, и что если Сергій не покончитъ дѣла, то ему придется уже имѣть дѣло не съ Полянскимъ, а съ нимъ, Теофилактомъ. Сергій послѣ того закончилъ дѣло.

Рязанцы, отправившіеся съ Теофилактомъ въ Грузію, вскорѣ увидѣли невзгоды своего переселенія, особенно на слѣдующее лѣто, когда пришлось имъ познакомиться съ ужасными тамошними жарами. Теофилактъ, замѣтивъ ихъ уныніе, всячески старался поддержать ихъ бодрость. Особенное же вниманіе обратилъ онъ на маленькихъ пѣвчихъ, заводилъ для нихъ игры, самъ въ нихъ участвовалъ, во время жаровъ прихаживалъ къ нимъ даже въ одномъ бѣлѣ и, сколько можно было, ободрялъ. Многіе изъ рязанцевъ пристроились совсѣмъ въ Тифлисъ, другіе тамъ скоро померли, особенно отъ невоздержанности относительно чихиря и винограда. Но многіе, особенно послѣ смерти Теофилакта, возвратились въ Рязань; живъ еще теперь одинъ священникъ, который взятъ былъ

въ Грузію тогда пѣвчимъ, былъ тамъ регентомъ или подрегентомъ хора. Силичъ же протодіаконъ въ сильнѣйшій жаръ, весь въ поту, искупавшись въ Курѣ, схватилъ горячку и отправился на тотъ свѣтъ.

Впрочемъ, Теофилактъ, кажется, и въ Тифлисѣ былъ грозенъ для своихъ враговъ и завистниковъ; носились тогда слухи, что они опасались его возвращенія въ Россію и вмѣстѣ съ тѣмъ въ Синодъ; его же мѣсто молва предоставляла Филарету. На чемъ основывалась такая молва, что было справедливаго въ ней, я не знаю. Только однажды, даже Сергій, любившій, какъ скажу въ слѣдующей главѣ, бесѣдовать съ благочинными, говорилъ моему батюшкѣ:

— Да, отецъ протоіерей, молва готовить Филарету далекій путь.

— Куда же? — спросилъ мой батюшка.

— Далеко, за Кавказъ.

— Да развѣ преосвященный Теофилактъ скончался?

— Нѣтъ, живъ и пожалуй скоро будетъ жить не далеко отъ насъ.

(Продолженіе будетъ).

ЗАПИСКИ Д. И. РОСТИСЛАВОВА,

проф. Спб. духовной академіи.

ГЛАВА ХѢІІІ ¹⁾.

Объ архіепископѣ рязанскомъ Сергіи.

Преосвященный Сергій былъ очень небольшого роста, слабой организаціи, худощавъ и съ разстроеннымъ здоровьемъ. Какъ бы въ вознагражденіе за это природа наградила его быстрыми, пронизательными, огненными глазами и пріятнымъ мелодическимъ голосомъ. Кому случалось присутствовать при бесѣдѣ съ преосвященнымъ, смотрѣть на одушевленные его глаза, тотъ невольно увлекался его разговоромъ и чувствовалъ къ нему симпатію. Огненные его глаза служили отраженіемъ его души. Онъ былъ необыкновенно впечатлителенъ, увлекался всѣмъ, заслуживающимъ вниманія и пробуждающимъ любопытство. Но то же самое качество дѣлало его вспыльчивымъ и раздражительнымъ. Я уже говорилъ, что онъ въ горячемъ спорѣ съ ректоромъ Іеронимомъ, какъ казалось, поднялъ даже на него руку. Но тутъ, можетъ быть, движеніе это было не намѣренное и неправильно понято Іеронимомъ; но вспыльчивость часто обнаруживалась въ обращеніи со своими подчиненными. Только нельзя не сказать, что

¹⁾ См. «Русскую Старину» мартъ 1896 года.

это было временною, непродолжительною вспышкою; доброта сердца и благоразуміе скоро брали верхъ, и раздраженный маленькій Юпитеръ дѣлался кроткимъ. По нравственнымъ своимъ качествамъ онъ былъ честнымъ, безкорыстнымъ, совѣстливымъ и справедливымъ человѣкомъ. Хотя, какъ я скажу ниже, при немъ по епархіальному управленію было большое ввяточничество, но между тѣмъ его самого нельзя было подозрѣвать и обвинять въ томъ. Да и самая смерть доказала это, потому что при необыкновенно скромной жизни, по крайней мѣрѣ въ Рязани, онъ оставилъ очень небольшое состояніе.

По умственнымъ своимъ качествамъ и по учености Сергій принадлежалъ къ замѣчательнымъ тогдашнимъ архипастырямъ; сколько можно судить по рассказамъ о немъ, онъ въ этомъ отношеніи стоялъ не ниже Теофилакта, а относительно свѣтскихъ наукъ выше Филарета. Для семинаристовъ и рязанской публики умъ и ученость его являлись во всемъ блескѣ при публичныхъ экзаменахъ въ семинаріи. Присутствуя на нихъ, какъ главный начальникъ, онъ по тогдашнему обычаю, конечно, испытывалъ и учениковъ, но болѣе любилъ поговорить или лучше поспорить съ профессорами. Преимущественно онъ любилъ въ такомъ случаѣ имѣть дѣло съ Полотебновымъ по богословію и съ Кротковымъ по философіи. Конечно, споры почти всегда происходили на латинскомъ языкѣ, но понимавшіе этотъ языкъ, — а ихъ тогда между духовенствомъ и семинаристами было немало, — удивлялись находчивости, оборотливости и глубокимъ свѣдѣніямъ въ предметахъ спора. Но многіе удостоивались чести слушать его сужденія о самыхъ разнообразныхъ предметахъ и на русскомъ языкѣ. Онъ, подобно Теофилакту, имѣлъ обыкновеніе умныхъ священниковъ, особенно благочинныхъ, приглашать къ себѣ на вечера на чашку чая, какъ онъ говаривалъ; батюшка мой удостоивался этой чести почти въ каждый пріѣздъ свой въ Рязань. Тутъ-то за чашками чая (безъ всякихъ впрочемъ прибавленій возбудительнаго свойства) шла самая одушевленная бесѣда; подготовленнаго здѣсь ничего не могло быть, потому что предметы разговора были необыкновенно разнообразны; тутъ всего касались, даже политики, новостей изъ Петербурга и, если кружокъ былъ небольшой и заслуживалъ довѣрія, то допускалась легкая критика прави-

тельства. Притомъ каждому собесѣднику открыта была полная возможность принимать участіе въ разговорѣ и предлагать свои собственные вопросы. Кромѣ моего батюшки, мнѣ приходилось говорить со многими изъ такихъ собесѣдниковъ, и всѣ они съ удивленіемъ, а часто съ восторгомъ отзывались объ умѣ владыки: его въ этомъ отношеніи ставили выше даже Теофилакта; но едва - ли это не происходило отъ того, что бесѣда Сергія была интимнѣе, задушевнѣе, проще, такъ сказать, демократичнѣе, тогда какъ въ Теофилактѣ пробивался иногда подавляющій іерархическій аристократизмъ.

Но, приглашая къ себѣ, такъ сказать, на интимныя бесѣды умныхъ изъ своихъ подчиненныхъ, онъ и съ прочими духовными лицами былъ вѣжливъ и привѣтливъ въ обращеніи, даже любилъ подшучивать надъ простячками. Конечно, при его всмыслчивости, нерѣдко онъ приходилъ въ негодование, выслушивая нелѣпыя объясненія какого-либо гуляки-дьячка или кляузника-дьякона, тутъ сыпались жесткія, даже бранливыя слова, но буря скоро проходила. Впрочемъ, было два пункта, когда Сергій никакъ не могъ оставаться равнодушнымъ. Многіе изъ духовныхъ лицъ тогда, забывая примѣнять къ себѣ пословицу: по уму провожаютъ, а по платью встрѣчаютъ, одѣвались очень дурно, почти по-мужицки; являлись даже къ архіерею священники и дьяконы безъ рясы, въ тулупахъ, а дьяконы, и особенно причетники, даже въ лаптяхъ. Сергій настоятельно старался облагородить въ этомъ отношеніи духовенство, по крайней мѣрѣ отучить его отъ безобразія, къ которому оно привыкло по преданію отъ своихъ отцовъ и дѣдовъ. Онъ положилъ штрафовать тѣхъ священниковъ и дьяконовъ, которые являлись къ нему и въ консисторію безъ рясы, отчего у рязанскихъ дьяконовъ, отчасти даже и священниковъ, явилась небольшая промышленность. Нѣкоторые изъ сельскихъ священниковъ, особенно дьяконовъ, вовсе не имѣли своихъ рясы и не хотѣли ими обзаводиться. Поэтому, пріѣхавъ въ Рязань, для избѣжанія штрафа, брали, какъ говорится, у кого-либо рясу напрокатъ. Если какой-либо священникъ являлся къ владыкѣ въ рясѣ, но дурной, изношенной и т. п., то и тутъ не обходилось безъ строгихъ замѣчаній. «Вѣдь что за охота у тебя, говаривалъ владыка, ходить въ такомъ отребьи, постыдись

людей. Если ты ко мнѣ являешься въ такомъ безобразномъ видѣ, во что же ты бываешь одѣтъ дома, тамъ тебя не отличишь, вѣроятно, отъ мужика». Но другой пунктъ совершенно выводилъ архіерея изъ себя. Духовные, какъ извѣстно, и нынѣ отличаются низкою поклоненіемъ и земными поклонами; и въ то время было то же самое. Владыка строжайше запрещалъ это, даже приказывалъ благочиннымъ, чтобы они объявляли о томъ своимъ подчиненнымъ. Но привычка брала свое; и многіе отцы, особенно ихъ жены, когда нужно было смягчить гнѣвъ или возбудить состраданіе владыки, валились ему въ ноги. Ну тутъ владыка почти всегда ужасно сердился: — «Что ты раскланялся? Развѣ я Николай угодникъ? Пошелъ вонъ!»

Любя ученость и ученыхъ людей, Сергій естественно желалъ поднять духовенство и въ умственномъ отношеніи. Онъ первый изъ рязанскихъ архіереевъ и даже тверже своихъ преемниковъ держался того правила, чтобы въ священники вновь производить только тѣхъ, которые кончили полный курсъ семинарскихъ наукъ. Случалось, что иное небогатое мѣсто по нѣскольку лѣтъ оставалось вакантнымъ, и владыка причислялъ церковь къ сосѣднему приходу, но все-таки не соглашался сдѣлать тамъ священникомъ кого-либо изъ дьяконовъ, хотя бы и давно служившихъ, но не кончившихъ курсъ въ семинаріи.

Отступленій отъ этого насчитывали очень, очень немного, и къ этому вынуждали владыку какія-либо особенныя обстоятельства. Въ дьяконы онъ посвящалъ только тѣхъ семинаристовъ, которые хоть годъ поучились въ риторикѣ. Въ этомъ отношеніи онъ даже былъ иногда забавенъ. Случалось не разъ, что на одно и то же дьяконское мѣсто подавали вмѣстѣ только-что исключенный семинаристъ изъ риторики, юноша лѣтъ 18—20, и какой-либо уже долго послужившій причетникъ съ хорошимъ поведеніемъ, но только кончившій курсъ въ уѣздномъ духовномъ училищѣ. Значить, разница между этими господами по ученой части слишкомъ не велика, а доказанная уже исправность причетника должна бы заставить предпочесть его исключенному ритору. Но когда причетникъ настойчиво доказывалъ свои права на мѣсто, то владыка съ дѣйствительнымъ или притворнымъ негодованіемъ говаривалъ: «Куда тебѣ? Какъ ты смѣешь спорить съ ученымъ человѣкомъ?» и предоставлялъ мѣсто за

Этимъ ученому недоучкѣ. Для семинаристовъ онъ былъ еще хорошъ въ другомъ отношеніи. Предоставлять мѣста за семействами, за дочерями умершихъ духовныхъ лицъ онъ не имѣлъ обыкновенія, кромѣ весьма немногихъ исключеній. Получившій же мѣсто семинаристъ почти никогда не обязывался брать дочь или племянницу своего предшественника, а избиралъ невѣсту по своей волѣ; было нѣсколько случаевъ, когда владыка позволялъ даже священникамъ вступать въ бракъ съ дѣвицами изъ другихъ сословій, даже изъ крестьянскаго. Семинаристы, разумѣется, этимъ были очень довольны; но владыка слылъ жестокосердымъ, немилостивымъ человѣкомъ, потому что онъ не находилъ справедливымъ оказывать милость вдовамъ и сиротамъ изъ чужаго кармана.

Стараясь ободрить ученость въ рязанскомъ духовенствѣ, владыка очень мало занимался семинаріей. Кажется, только и бывалъ въ ней разъ въ году на публичномъ экзаменѣ и большею частью только въ залѣ, да въ комнатахъ инспектора, гдѣ приготовлялась для него закуска. Въ комнаты же ученическія, въ столовую, сколько я слышалъ, и не заглядывалъ. Вся его дѣятельность относительно семинаріи ограничивалась утвержденіемъ журналовъ семинарскаго правленія, впрочемъ, тутъ онъ не все подписывалъ, и правленію нужно было, при составленіи своихъ журналовъ, держать, по пословицѣ, ухо востро. Отчего происходило такое повидимому равнодушіе къ дѣлу духовнаго образованія, едва-ли нужно объяснять тѣмъ, чѣмъ я скоро объясню недостатки его епархіальнаго управленія, т. е. его слабымъ и разстроеннымъ здоровьемъ, не позволявшимъ ему принимать болѣе дѣятельное участіе въ управленіи семинаріей.

Съ свѣтскими лицами, какъ чиновниками и помѣщиками, такъ и съ купцами Сергій не имѣлъ близкихъ связей. По слуху ѣздили къ нему немногіе изъ нихъ, но слишкомъ немногіе, но онъ самъ кромѣ нѣсколькихъ официальныхъ визитовъ никуда не выѣзжалъ; такъ было по крайней мѣрѣ въ послѣдніе годы его жизни. Такая строгая, отшельническая жизнь тѣмъ болѣе казалась удивительною, что по достовѣрнымъ тогдашнимъ слухамъ Сергій въ Костромѣ любилъ жить весело, даже очень весело. У него на дачѣ будто бы бывали вечера, на которые допускались и дамы, катанья на пруду, прогулки по саду и пр. Даже самъ онъ любимымъ сво-

имъ благочиннымъ на вечернихъ бесѣдахъ проговаривался, что онъ въ Костромѣ жилъ не по-рязански. Такую перемѣну одни объясняли тѣмъ, что будто бы ему сдѣлано было изъ Петербурга замѣчаніе на счетъ очень веселаго житія въ Костромѣ; но едва-ли это справедливо. Вѣроятно же всего перемѣну въ образѣ жизни нужно приписать разстроившемуся здоровью архипастыря, который нашелъ за лучшее поддержать его строгою діетою. Затѣмъ онъ не любилъ выслуживаться предъ свѣтскими, особенно помѣщиками, тѣмъ, чтобы по ихъ желанію назначать въ ихъ приходы тѣхъ священниковъ, дьяконовъ и пр., которыхъ заблагоразсудится принять къ себѣ ихъ благородіямъ. Не охотникъ былъ выслушивать придирчивыя ихъ жалобы на причты; въ этомъ отношеніи духовенство при немъ благоденствовало и не имѣло нужды низкопоклонничать предъ барами, купцами, еще менѣе предъ прикащиками и бурмистрами. Впрочемъ, несмотря на его уединенную и отшельническую жизнь, на неготовность его дѣлать угодное вліятельнымъ мірянамъ, свѣтскіе люди въ Рязани уважали его за умъ. Особенно нравилось жителямъ ея богослуженіе его. Онъ совершалъ его не съ тою медлительною церемоніальностью, которую считают многіе необходимою, полагая вѣроятно, что Богу можно угодить не только многоглаголаніемъ, но и длинноглаголаніемъ. Литургія при немъ служилась не торопливо, не утомительно; самъ онъ всегда выражалъ неподдѣльную набожность, возгласы и молитвы произносились имъ ясно, безъ натяжныхъ интонацій, особенно же выразительно онъ читывалъ евангеліе во время молебновъ въ царскіе дни и еще молитву: божественная благодать и пр., произносимую, когда посвящаются священники и діаконы.

Судя по тому, что я сказалъ о преосвященномъ Сергіи, слѣдовало бы полагать, что его управленіе епархіею было хорошо. Но такое заключеніе будетъ несправедливо; подчиненные имѣли много причинъ быть недовольными. Одною изъ нихъ было сильное и энергичное желаніе владыки искоренить пьянство въ духовенствѣ.

На этотъ порокъ Сергій налегъ тотчасъ съ самаго вступленія своего въ управленіе. Главный вопросъ, который онъ предлагалъ каждому благочинному, состоялъ въ томъ, нѣтъ ли въ его вѣдомствѣ пьяницъ, и настоятельно требовалъ не скрывать ихъ. Обыкновенно

венное наказаніе за пьянство было для священниковъ житье въ какомъ-либо монастырѣ, для причетниковъ — работы въ архіерейскомъ домѣ, а для дьяконовъ то или другое. Изъ благочинія моего батюшки подверглись первые: священникъ Воскресенской Тумы, Иванъ, и священникъ села Вѣщура, Яновъ; — они выжили въ монастырѣ по нѣскольку мѣсяцевъ; потомъ слѣдовали дьяконы, причетники и другіе священники. Но способы къ исправленію не отличались благоразуміемъ. Для священника пожить въ монастырѣ въ теченіе иногда цѣлыхъ полгода значило терпѣть очень большой убытокъ. О работахъ же въ архіерейскомъ домѣ нечего и говорить. Конечно, этой мѣрѣ подвергались, какъ сказалъ я, причетники или дьяконы, но и ихъ, людей, принадлежащихъ къ свободному сословію, несправедливо и унижительно было отсылать въ разрядъ чернорабочихъ. Униженіе не исправляетъ, а ожесточаетъ человѣка. Духовенство, при всей своей тогдашней грубости и малоразвитости, угадывало, что съ нимъ слѣдовало бы поступать иначе.

Усердіе владыки къ исправленію духовенства заставляло его рѣшиться на другія еще болѣе неблагоразумныя мѣры. Не довѣряя благочиннымъ, онъ завелъ шпіоновъ. Два особенно пріобрѣли извѣстность тогда въ этомъ отношеніи; данковскій протоіерей и смотритель духовнаго тамошняго училища и дьяконъ рязанскаго борисоглѣбскаго собора. Первый, отецъ Грифцова, главнаго оберъ-шпіона между семинаристами, собиралъ свѣдѣнія о духовенствѣ ближайшихъ къ себѣ уѣздовъ, а дѣятельность послѣдняго ограничивалась Рязанью, именно ежедневнымъ неоднократнымъ осмотромъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ прѣзжее духовенство могло попить. Его обыкновенно называли Песъ Ѳеодоровичъ. И дѣйствительно, онъ, какъ ищейка, обѣгалъ бывало постоянные дворы, кабаки, харчевни, трактиры. Случалось, что содержатели ихъ выпроваживали его отъ себя не совсѣмъ вѣжливо, но его собачья натура все выносила; на слѣдующій день онъ опять былъ тамъ, откуда его наканунѣ выпроводили; порядочная физическая сила и надежда на покровительство владыки дѣлали его смѣлымъ. Замѣтивши кого-либо въ трактирѣ или харчевнѣ, онъ большую часть ихъ тащилъ къ владыкѣ; о другихъ немедленно доносилъ ему или его письмоводителю. И, дѣйствительно, онъ пріобрѣлъ какое-то особое чутье. Батюшка мой не принадлежалъ къ гулякамъ,

но, живя въ Рязани, приглашалъ къ себѣ попадавшихся знакомыхъ и угощалъ ихъ. И рѣдко проходило, чтобы Песъ Ѳеодоровичъ этого не замѣтилъ. Но владыка на угощенія въ квартирѣ смотрѣлъ снисходительно, если результатомъ ихъ не было пьянство. Между тѣмъ случалось ему на другой день слышать отъ преосвященнаго: «Отецъ протоіерей, вчера у васъ были гости?». Замѣчательно, что Песъ Ѳеодоровичъ дѣйствовалъ, такъ сказать, только изъ любви къ искусству, потому что самъ онъ и прежде Сергія былъ дьякономъ и имъ же остался, послѣ своей усердной семилѣтней шпионской службы. Даже мало слышно было, чтобы онъ выжималъ какія-либо взятки съ попавшихся ему виновныхъ, обѣщаясь не говорить владыкѣ.

Кромѣ шпионовъ и оберъ-шпіона былъ у Сергія еще нѣкто во родѣ оберъ-ревизора; лично самъ онъ почти никогда не осматривалъ ввѣренной ему епархіи; но для удостовѣренія въ томъ, каково идутъ тамъ дѣла, онъ посылалъ обыкновенно игумена Богословскаго монастыря Павлина, сѣдаго, суроваго и слишкомъ недалекаго по уму старика. Пріѣхавъ въ село, этотъ отецъ святой приказывалъ вести себя въ церковь и смотрѣлъ, все ли тамъ содержится въ порядкѣ. До какой степени онъ былъ придирчивъ, видно изъ того, что для убѣжденія въ томъ, чисто ли содержится иконостасъ, онъ бѣлымъ, немножко смоченнымъ слюною платкомъ, вытиралъ его и если замѣчалъ, что платокъ хоть нѣсколько позагрязнился, то значить, церковь содержалась неопрятно. Вмѣстѣ съ тѣмъ чрезъ попадавшихся ему на постоянныхъ дворахъ или на дорогѣ крестьянъ онъ вывѣдывалъ о томъ, каково живетъ окрестное духовенство. Запасшись разнообразными свѣдѣніями, оберъ-ревизоръ возвращался въ Рязань и росписывалъ духовенство въ непривлекательномъ видѣ. Затѣмъ уже слѣдовали выговоры, замѣчанія и проч. Можно судить, въ какомъ безпокойствѣ находилось духовенство, узнавши, что скоро къ нему пріѣдетъ Павлинъ, и въ какомъ ужасѣ, когда онъ пріѣхалъ.

Но главнымъ зломъ въ епархіальномъ управленіи Сергія было взяточничество. Повторяю, что самъ онъ лично былъ честенъ, безкорыстенъ и справедливъ, а между тѣмъ карманы духовенства страдали. Не знаю, слабое ли и разстроенное здоровье или апатія къ дѣламъ, которая такъ часто замѣчается въ нашихъ іерархахъ, были

причиною того, что Сергій очень много довѣрялся другимъ, и эти-то другіе были ніявицами, высасывавшими деньги изъ духовенства. Первое мѣсто между ними надобно отдать нѣкому Ивану Никитичу (фамилію его забылъ), по прозвищу Барбось, котораго архіерей привезъ съ собой изъ Костромы и сдѣлалъ своимъ письмоводителемъ и камердинеромъ. Данное ему прозвище весьма хорошо характеризовало его; это была настоящая злая собака, готовая укусить всякаго, кто былъ не въ состояніи отогнать его отъ себя палкою. И внѣшній видъ его вполне соответствовалъ этому; въ теченіе своей жизни немного я видалъ фizioномій, которыя ближе были похожи на собачьи, какъ фizioномія этого бульдога архіерейскаго. Болѣе всего отъ него страдали пѣвчіе, дисканты и альты, которыхъ онъ не только скверно содержалъ, но и наказывалъ розгами самымъ неумолимымъ образомъ. Особенно бѣдняжкамъ доставалось изъ-за такъ называемаго тогда парада, т. е. той польской съ четырьмя рукавами одежды, которая почему-то усвоена пѣвчимъ архіерейскихъ хоровъ и до сихъ поръ остается фoрменнымъ платьемъ. Когда Барбось сшилъ имъ новое платье, то они на вопросъ: «правда ли, что вамъ сшили парадъ?» отвѣчали: а чортъ ему радъ. Дѣло состояло въ томъ, что за какое-либо пятнышко, за какое-либо разорванное мѣстечко на этомъ парадѣ, если онъ не учился по крайней мѣрѣ въ философіи и не былъ уже здоровымъ дѣтиною, Барбось поролъ безъ милосердія. Точно то же происходило и за другіе поступки, которые онъ считалъ достойными наказанія.

Барбось былъ страшенъ не однимъ пѣвчимъ малюткамъ. Архіерей поручалъ ему иногда собирать прошенія явившихся къ нему просителей.

«Ну, давайте, давайте скорѣе, — кричалъ онъ, — ваши просьбы», и тутъ же одного назоветъ дуракомъ, другаго осломъ, третьяго скотиной. — За что же? спросите. А за то, что этотъ не развернулъ своего прошенія, подаль сложеннымъ въ осьмую долю листа, другой хоть и развернулъ, да плохо разгладилъ складки; тотъ подаетъ слишкомъ близко, другой слишкомъ издали; тому кричить: «что мнѣ суешь прямо въ носъ», а этому: «куда мнѣ тянуться за твоимъ прошеніемъ». Дѣло состояло не въ томъ, что правъ или виноватъ, а въ томъ, чтобы, какъ говорили, облаять кого-нибудь и

задать страху всѣмъ. Еще грознѣе онъ былъ, когда къ нему являлись, чтобы узнать резолюцію его высокопреосвященства. Но этотъ бульдогъ не на всѣхъ лаялъ, къ нѣкоторымъ былъ ласковъ, а передъ другимъ вилялъ даже своимъ хвостомъ. Чтобы принадлежать къ числу тѣхъ счастливицевъ, нужно было дать ему хорошую взятку или пользоваться благорасположеніемъ владыки. Этотъ-то церберъ пользовался большимъ довѣріемъ своего хозяина. Не знакъ хорошенько, что и какъ было въ первые годы управленія Сергія, но въ послѣдніе — взяткой, данной Ивану Никитичу, рѣдко нельзя было получить желаемого, а безъ взятки дѣло или рѣшалось неудачно или тянулось бесконечно.

Но извѣстно было, что Иванъ Никитичъ хорошо обдѣлывалъ только тѣ дѣла, которыя касались окончательнаго предоставленія священно-и церковно-служительскихъ мѣстъ за кѣмъ-либо; тутъ его считали могучимъ, даже чуть не всемогущимъ. Но справки по этимъ дѣламъ и всѣ другія дѣла производились въ консисторіи; тутъ былъ уже не одинъ, а цѣлое скопище взяточниковъ. Рязанская консисторія въ первую половину архіерейства Сергія потерпѣла было порядочный погромъ по дѣлу, которое въ Рязани называлось чулковскимъ. Оно состояло въ томъ, что помѣщикъ Чулковъ оставилъ послѣ смерти своей богатое имѣніе и одного законнаго наследника и еще, кажется, не одного даже, — незаконнаго. Но бывшая фаворитка умѣла такъ дѣло повести при помощи благодѣтелей и денегъ, которыя она успѣла поприбрать къ своимъ рукамъ, что ея потомство было признано законнымъ, и имѣнье должно было поступить въ раздѣлъ. Главною опорою послужила ей церковная метрика, въ которой, сколько могу припомнить, былъ записанъ бракъ съ любовницею; впрочемъ, хорошо не знаю, не записаны ли были въ метрику незаконныя дѣти законными; вѣрно только то, что все, какъ сейчасъ сказано, основывалось на метрику. Но всѣ знали, что метрика была фальшивая, поручено было соборному ключарю Гусевскому произвести новое слѣдствіе. Этотъ отецъ, двоюродный или троюродный дядя моего батюшки, не принадлежалъ къ числу безсребренниковъ, но при новомъ слѣдствіи оказался честнымъ, можетъ быть за порядочную взятку отъ законнаго наследника, и открылъ подлогъ. «Долго я бился, рассказывалъ онъ

не одному человѣку, спрашивалъ, допрашивалъ, но ничего не выходило; все было славно обдѣлано. Наконецъ, сидя въ большомъ раздумѣ и разсматривая метрику, я не въ первый разъ принялся посмотрѣть повнимательнѣе, не найду ли въ ней какихъ-либо подчистокъ, и тутъ-то я увидѣлъ годъ, отмѣченный водяною краскою на бумагѣ метрики. (Прежде на каждомъ листѣ многихъ фабрикъ выставлялся тотъ годъ, въ который былъ сдѣланъ листъ; его можно было увидѣть, только разсматривая листъ противъ свѣта). Оказалось, что бумага была сдѣлана на фабрикѣ нѣсколько лѣтъ спустя послѣ того года, въ который метрика должна была составиться. Тутъ-то все дѣло и вышло наружу. По этой-то поддѣлкѣ смѣнены секретарь Сѣровъ и три члена консисторіи: ректоръ Іеронимъ, кафедральный протоіерей Полянскій и еще священникъ, котораго называли почему-то Іудею. Но этотъ погромъ нисколько не измѣнилъ хода консисторскихъ дѣлъ; только старые взяточники замѣщены новыми, и карманы просителей такъ же были опустошаемы, какъ и прежде.

Такъ называемые ставленники, т. е. тѣ лица, которыя посвящались архіереямъ въ священники, діаконы или причетники, подвергались новымъ нападеніямъ отъ соборнаго духовенства и пѣвчихъ. Мнѣ не разъ случалось слышать, что при Сергіи посвященіе въ священники обходилось не менѣе 100 руб. ассигн., сумма по-тогдашнему очень значительная. Само собою, и отцы благочинные не забывали себя, да имъ и надобно было запастись деньгами, чтобы удовлетворить всю архіерейскую и консисторскую клику. Описывать всѣ эти взятки я здѣсь пока не стану; онѣ одинаково, развѣ съ немногими видоизмѣненіями, производились во всѣхъ епархіяхъ. Объ нихъ вообще поговорю въ своемъ мѣстѣ. Теперь хочу только сдѣлать одно замѣчаніе относительно Сергія. Онъ очень хорошо зналъ о всѣхъ взяточничествахъ, но смотрѣлъ на нихъ равнодушно, потому ли, что видѣлъ невозможность ихъ истребить или даже ограничить, или даже находилъ ихъ извинительными, если не дозволенными. По крайней мѣрѣ я знаю его разговоръ съ однимъ любимымъ имъ благочиннымъ. Увидавши на благочинномъ отличную новую рясу, Сергій шутя сказалъ:

— Какая у васъ, отецъ благочинный, прекрасная ряса! А по—

звольте спросить васъ, не благочинническая ли она? прибавилъ онъ съ улыбкою.

— Да, — смѣло отвѣчалъ благочинный, — благочинническая, ваше высокопреосвященство. Сергій вновь спросилъ: «да вы понимаете ли вполнѣ, отецъ благочинный, мои слова: не благочинническая ли ваша ряса?»

— Вполнѣ понимаю, ваше высокопреосвященство, отвѣчалъ благочинный, и повторяю, что она именно благочинническая.

Сергій улыбнулся и сказалъ: «Что же дѣлать? Вѣдь вы трудитесь и жалованье получаете, такъ надобно же себя вознаграждать; только слѣдуетъ это дѣлать безъ притѣсненій».

Этотъ разговоръ былъ многимъ извѣстенъ и, разумѣется, могъ ободрять всѣхъ епархіальныхъ взяточниковъ.

При Сергѣи была еще особенная причина къ неудовольствію духовенства на него, которая, сколько я могъ узнать, въ другихъ епархіяхъ почти нигдѣ не существовала. Можетъ быть, онъ желалъ придать своему богослуженію особенную торжественность и для этого находилъ нужнымъ имѣть хорошихъ дьяконовъ и пѣвчихъ. Но какъ жалованье, такъ и доходы были хотя и не скудны, однако и не очень богаты, да если были бы и богаты, то почему не пожелать имѣть еще побольше. Такому желанію особенно легко можно было зародиться въ тѣхъ пѣвчихъ, которые вмѣстѣ съ тѣмъ были священниками или дьяконами. Чтобы удержать ихъ въ своемъ хорѣ, Сергій закрѣплялъ за ними священническія или дьяконскія мѣста въ селахъ, откуда они получали исправно слѣдующіе имъ доходы, и гдѣ они были и служили развѣ только вскорѣ по полученіи мѣста, чтобы заключить договоръ на счетъ того, сколько имъ слѣдуетъ получить денегъ. Такой порядокъ, разумѣется, не могъ нравиться причту, который долженъ былъ для пѣвчихъ трудиться, да въ добавокъ еще покадить въ консисторію, когда владѣлецъ бенефиціи находилъ, что ему мало присылаютъ денегъ, и подавалъ жалобу архіерею, который сдавалъ ее въ консисторію, гдѣ умѣли уже разсмотрѣть карманы отвѣтчиковъ. Подражая пѣвчимъ-священникамъ и дьяконамъ, пожелали имѣть подобнаго рода бенефиціи пѣвчіевъ Черепщинѣ (?), разумѣется, взрослые, особенно же регентъ хора; зачѣмъ отставать отъ нихъ протодьяконамъ и дьяко-

намъ соборнымъ. Черезъ это еще болѣе понадобилось священническихъ и дьяконскихъ мѣстъ, которыя служили чѣмъ-то въ родѣ арендъ для членовъ архіерейской свиты. Даже псаломщики иногда имѣли такія аренды. Но почему-то Сергій особенно дорожилъ пѣвчимъ-священникомъ Голицынымъ, который, по тогдашней молвѣ, пользовался въ одно и то же время двумя арендами, даже тремя; за послѣднее впрочемъ не ручаюсь. Такая несправедливая раздача мѣстъ приводила въ негодованіе не только духовенство всей епархіи, но и прихожанъ тѣхъ приходовъ, которые служили арендами. За то надобно правду сказать, ни при какомъ архіереѣ въ Рязани пѣвчіе не были такъ формисты и горды, никогда такъ хорошо не одѣвались, какъ при Сергіи.

Но болѣзнь Сергія, несмотря на строгую его діету, шла своимъ чередомъ, окончательно разстроила его здоровье и наконецъ довела его до могилы. Самъ владыка увѣренъ былъ въ близкой своей кончинѣ. Мой батюшка въ послѣдній разъ видѣлся съ нимъ, кажется, въ маѣ, мѣсяца за три до его смерти. Прощаясь, владыка сказалъ: «Прощайте, отецъ протоіерей; мы видимся въ послѣдній разъ, я уже не жалецъ на этомъ свѣтѣ».

Послѣдній годъ, какъ я уже говорилъ, онъ почти вовсе не служилъ литургій, но дѣлами, по крайней мѣрѣ по формѣ, занимался, т. е. полагалъ резолюціи въ родѣ: согласенъ, утверждаю, консисторія имѣетъ разсмотрѣть и проч., но главными дѣятелями были въ архіерейскихъ покояхъ Барбось, а въ консисторіи секретарь, повытчики и вліятельные члены. вмѣстѣ съ тѣмъ, разумѣется, увеличилось взяточничество дѣятелей и недовольство духовенства. Наконецъ въ наши каникулы 1824 г., владыка скончался самою естественною смертію, отъ совершеннаго изнуренія продолжительнѣйшею болѣзнію. Но рязанскіе политики не только между духовенствомъ и семинаристами, но даже между порядочными мірянами не хотѣли довольствоваться такимъ простымъ объясненіемъ, а сочинили нелѣпую сказку.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЗАПИСКИ Д. И. РОСТИСЛАВОВА,

проф. Спб. духовной академіи.

ГЛАВА XLIV).

О прїѣздѣ въ Рязань новаго архіерея Филарета и о смерти императора Александра I-го.

(О к о н ч а н і е).

Въ то время какъ я учился въ риторикѣ, случились два важныя событія, одно для Рязани, а другое для всей Россіи и даже Европы; первое—прїѣздъ новаго архіерея Филарета въ Рязань, и второе—смерть императора Александра I.

Не знаю почему, послѣ смерти Сергія еще въ августѣ 1824 г., очень долго рязанская паства, какъ любятъ выражаться духовныя лица, оставалась безъ архипастыря. Время это въ шутку называлось междуцарствіемъ или, лучше, междуархіерействіемъ и было золотымъ временемъ для всѣхъ взяточниковъ рязанской консисторіи. По заведенному порядку рязанская епархія до назначенія новаго архіерея подчинена была тульскому епископу Дамаскину. Но онъ почти что только утверждалъ протоколы и журналъ консисторіи, которая чрезъ это получила возможность дѣлать все, что было выгодно для кармановъ членовъ канцеляріи ея. И, дѣйствительно, она воспользовалась этимъ временемъ какъ нельзя лучше,—тутъ было не взяточничество, а почти грабежъ.

Но и нашему междуцарствію или междуархіерействію наступилъ

¹⁾ См. „Русскую Старину“ апрѣль. 1895 г.

конецъ такъ же, какъ и всякому царствованію и архіерейству. Кажется, въ январѣ 1825 года, пріѣхалъ новый архіерей Филаретъ изъ Калуги, умершій кіевскимъ митрополитомъ. О немъ я впоследствии буду говорить довольно подробно, теперь опишу только его дѣятельность въ Рязани. При всей своей добротѣ, простодушіи и монашескомъ смиреніи, которыя проглядывали въ его обращеніи, онъ былъ не прочь отъ высокаторжественности. И потому не поѣхалъ прямо въ архіерейскій домъ, а остановился въ Троицкомъ монастырѣ съ тѣмъ, чтобы оттуда начать свой триумфальный вѣздъ въ богоспасаемый градъ Рязань. Для этого избранъ былъ ближайшій воскресный день. По составленному церемоніалу владыка первоначально остановится въ Ильинской церкви; здѣсь его облачатъ, и потомъ уже двинется наиторжественнѣйшимъ образомъ въ соборъ. Загудѣли большіе колокола по всему городу, народъ собрался тысячами на огромной площади, близъ Ильинской церкви. Но архіереи издревле и до сего дня любятъ, чтобы ихъ подождали; болѣе часу продолжался благовѣстъ. Потомъ зазвонили во всѣ колокола; это значить, что его высокопреосвященство изволилъ тронуться изъ Троицкаго монастыря, народъ зашевелился, вытягивать шеи въ ту сторону, откуда долженъ былъ явиться святитель; но пришлось еще ждать; святитель, вѣроятно, желалъ насладиться своимъ триумфальнымъ поѣздомъ и не торопился ѣхать, посылая изъ кареты, по обѣ стороны по воздуху, свои благословенія. Наконецъ, явился на лихой парѣ полицімейстеръ, соскочилъ съ саней; по его командѣ народъ стали расталкивать на обѣ стороны, чтобы дать проѣздъ архіерею къ церкви. Минуть черезъ пять, появилась карета владыки, но поѣхала не по расчищенному для нея мѣсту, а прокладывая себѣ другую дорогу; началась давка, бѣготня, крикъ, и тутъ же лицо и сѣдины его показались въ окно кареты; народъ, разумѣется, давно уже стоялъ съ обнаженными головами, несмотря на сильный холодъ и вѣтеръ. Въ толгѣ, меня окружавшей, не знаю почему, вдругъ всѣ увѣрились, что владыка добрый и святой человѣкъ, и начали превозносить его доброту и святость. На время звонъ колоколовъ прекратился, пока владыку церемоніально облачали въ Ильинской церкви. Затѣмъ, опять загудѣли колокола, потянулся крестный ходъ, фонари, хоругви, иконы, пѣвчіе, дьячки, дьяконы,

попы и пр. потянулись длинною вереницею къ собору; за ними мѣрными тихими шагами выступалъ владыка, посылая по воздуху свои благословенія. Толпа рвалась къ нему, полиція безъ пощады колотила ее и кулаками, и палками; кое-какъ добрались до собора, куда впускалась только избранная публика.

Наши ректоръ и инспекторъ умѣли, по русской пословицѣ, забрать въ свои руки новаго архіерея; прикинувшись покорнѣйшими его подчиненными, они сдѣлали и его готовымъ къ ихъ услугамъ. Но въ семинарію пріѣхать не торопили его. Можетъ быть, этому способствовали скоро наступившая масляница и первая недѣля великаго поста, но главная причина скрывалась въ томъ, что надобно было сдѣлать приготовленія для пріема высокаго посѣтителя и начальника, пустить ему побольше пыли въ глаза, ослѣпить и очаровать добренькаго простачка. Въ богословскую комнату купили на всѣ кровати новыя байковыя одѣяла и подушки съ ситцевыми наволочками, но простыни ни одной никому не дали. Для полныхъ казеннокоштныхъ учениковъ сшили новыя суконныя сюртуки съ разрѣзомъ назади, но панталонъ не дали: ими обзавестись предоставлялось собственному усмотрѣнію cadaго. Принялись чистить, обметать и мыть всѣ комнаты; почти вездѣ добились кое-какихъ результатовъ чистоты; но въ столовой всѣ усилія оказались напрасными. На полу оказался въ буквальномъ смыслѣ настоящій слой твердо утопанной грязи; мыли теплою водою, поливали кипяткомъ, но слой оказывался нерастворимымъ въ этой жидкости; принялись за желѣзные заступы, начали ими скоблить; оказалось, что грязь, такъ сказать, въѣлась въ доски; рѣшились было скоблить рубанками, но убѣдились, что это слишкомъ будетъ трудно и убыточно. Тутъ гениальная мысль оѣлила мозги тогдашняго эконома Модестова; онъ нашелъ средство безъ мытья прикрыть грязь столовой отъ взора его высокопреосвященства. Добыли самаго желтаго песку и положили покрыть имъ весь полъ столовой. Кромѣ того не забыли и о привѣтственныхъ рѣчахъ или, лучше, р а ц е я х ъ. Въ семинарскомъ зданіи находилось тогда семь отдѣльныхъ классовъ: три семинарскихъ и четыре училищныхъ. Въ каждомъ непременно долженъ былъ ученикъ привѣтствовать владыку; у насъ въ риторикѣ были приготовлены даже двое, одинъ съ прозою, другой со

стихами. Наконецъ, наступилъ избранный день и часъ. Объ урокахъ не было и помину, начальники и наставники суетились и хлопотали; казенныхъ учениковъ въ новыхъ сюртукахъ, въ первый разъ надѣтыхъ, посадили на первый столъ. Въ коридорѣ ректоръ счелъ нужнымъ встрѣтить прѣхавшаго владыку особою рѣчью не въ зачетъ тѣхъ, которыя приготовлены въ классахъ. Владыка выслушалъ, и кортежъ медленно потянулся по жилымъ комнатамъ, въ которыхъ не было никого изъ учениковъ. Въ каждомъ классѣ непремѣнно говорились рѣчи и стихи учениками, которые отличались красивыми личиками и ангельскими голосками. И простодушный добрякъ слушалъ всю эту бурсацкую лесть. У насъ онъ остановился по срединѣ класса, оперся обѣими руками на свою трость и стоявшимъ передъ нимъ прозаику и поэту сказалъ:

— Ну, что вы мнѣ скажете?

По окончаніи осмотра комнатъ и классовъ, намъ велѣно было поскорѣе поспѣшить въ столовую. Тутъ мы увидѣли столы, накрытые скатертями, да еще бѣлыми; противъ каждаго изъ насъ лежала салфетка, но ложку все-таки каждый изъ насъ принесъ свою. Вошелъ владыка, помолился Господу Богу и принялся за обѣдъ. Я уже говорилъ, что у насъ онъ всегда состоялъ изъ двухъ посредственныхъ, а часто и дурныхъ перемѣнъ. А тутъ оказалось приготовленныхъ для насъ четыре кушанья. Каждое изъ нихъ экономъ подносилъ архіерею для пробованія; пробовали и расхваливали. Но количество блюдъ, кажется, удивило простодушнаго старика.

— Что, это для меня вы столько приготовили блюдъ?—спросилъ онъ,—или всегда у васъ такъ бываетъ?

Наше начальство поспѣшило убѣдить его, что особеннаго ничего не готовили нынѣ и что насъ всегда такъ роскошно угощаютъ. Профессоры улыбнулись, но и мы, ребяташки, удивились такой нахальной лжи.

— Да какія у васъ бѣлыя, славныя скатерти, — сказалъ владыка и получилъ въ отвѣтъ:

— Мы всегда стараемся соблюдать чистоту и опрятность, — тогда какъ у насъ и помину о нихъ не было кромѣ этого дня.

— А песокъ-то для чего вы насыпали, — еще сдѣлалъ вопросъ владыка, и всегда у васъ онъ бываетъ здѣсь?

— Всегда, — отвѣчали, — а дѣлается это для того-де, что служители не рѣдко проливаютъ и квасъ, и супъ, и щи; такъ благопечительное начальство, сберегая полъ, за лучшее находить покрывать его пескомъ. Простодушный старикъ не замѣчалъ какъ будто бы, что его такъ безстыдно надуваютъ, и, получивши отвѣтъ, приговаривалъ:

— Хорошо! Хорошо! Хорошо!

Относительно пищи еще прибавилъ:

— Да у меня и самого столъ не лучше этого.

Начальство наше было въ восхищеніи отъ похвалъ владыки. Мы удивлялись нахальству и безстыдному лганью святыхъ отцовъ. Всѣ профессора, бывшіе тоже въ столовой, посмѣивались надъ всей комедіей.

Не обошлось, впрочемъ, тутъ безъ смѣшныхъ сценъ, которыя могли бы открыть проницательному человѣку всю подготовку нашей комедіи. Во-первыхъ, предъ каждымъ лежало по столовому ножу и вилкѣ; послѣднею слѣдовало бы намъ брать холодный венигретъ изъ картофеля, свеклы и огурцовъ и еще жареный картофель, а ножомъ намъ нечего было и разрѣзывать; онъ лежалъ собственно для компаніи съ вилкою. Но и вилка у всѣхъ училищныхъ мальчиковъ, да и у многихъ семинаристовъ оставалась безъ употребленія; мы привыкли дѣйствовать за обѣдомъ или ложкою, или своею, какъ говорятъ, пятернею. Ее-то многіе и пустили въ ходъ при венигретѣ. Потомъ тоже чуть-ли не большая половина не знала, какъ употреблять салфетки; ихъ мы отложили въ сторону. Профессоръ Крестьяниновъ первый, кажется, замѣтилъ наше неумѣнье обращаться съ вилкою и салфеткою, и сказалъ Надеждину:

— Смотри-ка, Николай Ивановичъ, какъ ребята пятернею берутъ венигретъ, а вилки не трогаютъ, да и съ салфетками не знаютъ, что и дѣлать, — вонъ даже въ кучки ихъ сложили. Ха! ха! ха!

Гедеонъ, подслушавши эти замѣчанія или самъ собою увидавши наше неумѣніе, подошелъ къ столамъ, болѣе виднымъ архіерею:

— Берите картофель вилками, дураки, да приберите салфетки.

Разумѣется, поспѣшили всѣ взяться за вилки; но многіе не знали, куда же дѣвать салфетки; одни держали ихъ въ лѣвой рукѣ; другіе положили предъ своею грудью на столъ; иные, замѣтивъ, что се-

минаристы и старшіе кладутъ ихъ себѣ на колѣни, вздумали имъ подражать; но и тутъ не обошлось безъ бѣды; салфетки, не поддерживаемыя руками, падали на полъ; временный владѣлецъ ея, замѣтивши это, пугался, какъ бы начальство не намылило ему шеи за такое пренебреженіе къ казенной вещи, старался поднять ее. Профессоры, это видѣвшіе, улыбались, даже едва удерживались отъ хохота. Наконецъ, надобно было кончить представленіе піесы; Филаретъ, перепробовавъ всѣ четыре кушанья, пройдя раза два по столовой, принялся вновь благодарить начальство наше и, давши намъ общее благословеніе, торжественно со всею свитою отправился въ ректорскія комнаты, чтобъ тамъ подкрѣпить свои силы, ослабѣвшія отъ стиховъ, рѣчей и пр. и пр.

Едва только онъ вышелъ изъ столовой, какъ служители начали у насъ отбирать салфетки, безъ которыхъ мы уже и окончили свой обѣдъ. По крайней мѣрѣ мы славно поѣли и долго вспоминали объ этомъ роскошномъ обѣдѣ.

Епархіальная дѣятельность новаго владыки подтвердила то замѣчаніе, что на Руси рѣдкій начальникъ не старается идти наперекоръ своему предшественнику, по новой какой-нибудь дорогѣ, съ новыми помощниками, съ новою обстановкою. Чуть не прежде всего онъ позаботился измѣнить составъ членовъ консисторіи, узнавши вѣроятно о взяточничествѣ, свирѣпствовавшемъ во время междуархіерействія. Одного за другимъ онъ отставилъ отъ консисторіи — троицкаго архимандрита, Полотебнова и Гусевскаго, а потомъ уже и четвертаго члена воскресенскаго протоіерея Алексѣя Поспѣлова. Первые трое дѣйствительно были взяточники; ихъ стоило отставить, но послѣднему нельзя было отказать и въ умѣ, и въ знаніи дѣла, и даже въ своего рода честности. Отставленъ же онъ былъ за то, что, когда всѣхъ вышеупомянутыхъ трехъ членовъ консисторіи выгнали, то онъ, покачавши головою, сказалъ:

— Теперь въ консисторіи остался только соръ одинъ; надобно бы и его вымести.

Эти слова пересказаны были Филарету, который и выгналъ изъ консисторіи произнесшаго ихъ, считая вѣроятно его одного соромъ. Конечно, за взяточниковъ стоять не слѣдуетъ, но вмѣсто нихъ слѣдовало бы помѣщать людей и дѣльных, и честныхъ. Новые чле-

ны были: инспекторъ Гедeonъ, протоіерей Полянскій, священникъ или протоіерей В—ъ, и, кажется, экономя архіерейскаго дома Аркадій (?). Гедeonъ ничего не зналъ въ дѣлахъ консисторіи, да и не имѣлъ времени и охоты заниматься. Полянскій не былъ записнымъ взяточникомъ, но и не отказывался отъ добровольныхъ приношеній, притомъ вовсе не занимался дѣлами; Аркадій только и имѣлъ одно достоинство: былъ монахомъ и экономя архіерейскаго дома. За то В—ъ былъ настоящій членъ консисторіи и по части взяточничества вполне замѣнилъ всѣхъ выгнанныхъ, въ совокупности взятыхъ.

Мой дядя, Иванъ Мартиновичъ, однажды подавалъ просьбу о дозволеніи внести въ Приказъ общественнаго призрѣнія болѣе 1.000 руб. церковныхъ денегъ. В—ъ, прочитавши прошеніе, спросилъ:

— А какъ же вы смѣли до сихъ поръ хранить такую сумму? развѣ не знаете, что болѣе 100 руб. ассигн. вамъ не позволяется держать въ церкви? Вотъ я сейчасъ положу резолюцію произвести о томъ слѣдствіе.

Дядя мой предвидѣлъ эту атаку и имѣлъ наготовѣ пять рублей; онъ поспѣшилъ ихъ вручить правдивому судѣ, который, взявши деньги, промолвилъ: «ну, то-то»; и тотчасъ безъ всякаго слѣдствія положилъ внести деньги въ Приказъ общественнаго призрѣнія.

Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, В—ъ, имѣя уже за 70 лѣтъ, долженъ былъ подписать какую-то бумагу для дьячка, который былъ изъ такого бѣднаго подгородняго села, что приказные консисторскіе не стали требовать съ него взятки. Но В—ъ ничего даромъ не любилъ дѣлать и потому сталъ требовать взятки. Дьячекъ ссылаясь на свою бѣдность.

— Да развѣ ты вовсе безъ денегъ сюда пріѣхалъ?—спросилъ членъ консисторіи.

— Да. Безъ денегъ, жена только и дала горшокъ скоромнаго масла фунта въ два, но я еще его не успѣлъ продать, — разболтался дьячекъ.

— Гдѣ же горшокъ?—былъ новый вопросъ. И когда получилъ отвѣтъ: въ прихожей, то В—ъ сказалъ:

— Ну, такъ вотъ, давай его, — всталъ съ своего мѣста, повелъ

за собою дьячка въ переднюю, взялъ тамъ горшокъ, передалъ его своему кучеру для храненія и, возвратившись въ присутствіе, подписалъ бумагу. Еще прежде этого событія профессоръ семинаріи Любомудровъ явился въ консисторію, чтобы получить оттуда указъ о дозволеніи жениться. Подписать его долженъ былъ В—ъ. Но Любомудровъ бралъ родственницу нѣкоего Гирстовскаго, о которомъ я буду говорить, любимца архіерейскаго; поэтому требовать настоящую взятку отъ жениха оказалось невозможнымъ. В—ъ и тутъ нашелся.

— А что, Иванъ Васильевичъ, — спросилъ онъ Любомудрова, — поди-ка вамъ хлопотъ теперь много?

— Много; ѣзжу вотъ съ самаго утра, да еще долго надобно ѣздить.

— Ну такъ погодите пока здѣсь, — прервалъ его В—ъ; — а я на вашемъ извозчикѣ поѣду домой.

Профессоръ, не приготовленный къ такой атакѣ, не умѣлъ отразить ее, и В—ъ все-таки не даромъ подписалъ указъ.

Почтенный В—ъ рѣдкій годъ не вояжировалъ по Рязанской епархіи. Любимымъ мѣстомъ для визитовъ былъ Радовицкій монастырь, куда онъ отправлялся яко бы для поклоненія тамошнему чудотворному образу. Но паломникъ совершалъ свое благочестивое путешествіе особымъ образомъ. Доѣхавъ изъ Рязани до какого-либо села на своей лошади, онъ являлся въ домъ священника, лошадь отсылалъ назадъ, получалъ даровое угощеніе и еще полтинникъ, цѣлковый и болѣе, и уѣзжалъ уже на здѣшней лошади до ближайшаго села и т. д. Села избирались не тѣ только, которыя лежали по дорогѣ въ монастырь, а всѣ, лежавшія въ 10 — 20 и болѣе верстахъ отъ него. Такимъ образомъ, вояжъ В—а отличался необыкновенно ломаною линіею. Вездѣ, разумѣется, угощеніе и денежная благодарность за визитъ; сама святая обитель должна была заплатить. Изъ нея онъ отправлялся въ Рязань совсѣмъ другою дорогою, по Егорьевскому, преимущественно, уѣзду, и, какъ говорится, искрестивъ его во всѣхъ направленіяхъ, возвращался въ Рязань, понабивъ свой карманъ. Онъ находилъ случаи дѣлать визиты или, лучше, нашествія на другіе уѣзды. Особенно для этого онъ пользовался тѣми случаями, когда архіерей Гавріилъ освящалъ въ бога-

томъ селѣ церковъ; тутъ, никѣмъ не прощенный, являлся отецъ протоіерей; кромѣ того, напередъ и послѣ, при возвращеніи, бывавши во всѣхъ селахъ, которыя лежали на дорогѣ или близъ нея.

В—ъ любилъ присвоивать себѣ подарки, назначавшіеся для другихъ членовъ консисторіи. Одинъ изъ такихъ случаевъ надѣлалъ много говора въ Рязани въ свое время. Какой-то богатый помѣщикъ общался прислать протоіерею Полянскому муки, крупы и проч., въ знакъ своего къ нему уваженія и, дѣйствительно, послалъ простоватаго крестьянина съ тремя возами всякой всячины. Дома В—ва и Полянского были въ одной и той же улицѣ, другъ противъ друга. Крестьянинъ недалеко отъ обоихъ домовъ встрѣтился съ В—мъ.

— Ты это что везешь? — спросилъ послѣдній.

— Да вотъ баринъ послалъ муки, крупы и пр., — отвѣчалъ крестьянинъ.

— Кому?

— Протопопу.

— А! это мнѣ, — сказалъ В—ъ и повелъ мужика въ свой домъ.

Мужикъ-было говорилъ, что, кажись, протопопъ живетъ на правой сторонѣ улицы, а ты, батюшка, на лѣвой; но В—ъ назвалъ мужика дуракомъ и велѣлъ ссыпать все въ свои амбары, чтѣ и было исполнено. Обманъ послѣ открылся; но В—ъ ни за что не хотѣлъ возвратитъ присвоенное; помѣщикъ послалъ другіе возы къ Полянскому. Но случилось и ему терпѣть пораженія...

Не одинъ В—ъ обиралъ духовныхъ лицъ; отъ него не хотѣли отставать секретарь и вся канцелярія консисторіи. Близъ самого владыки взяточничество происходило даже нахальнымъ образомъ. Тутъ, разумѣется, играли роль только письмоводитель и келейникъ, или лакей Филарета. Первый, по заведенному обычаю, бралъ за разнаго рода справки, а второй — за доклады, за пріемъ прошеній и еще за особую специальную услугу. Владыка самъ слушалъ желавшихъ поступитъ на причетническія и дьяконскія мѣста изъ пѣнія по обиходу и чтенія по церковной печати; но самъ не любилъ касаться книгъ; онъ обыкновенно говаривалъ своему келейнику:

— Ну-ка, разверни эту книгу, пусть онъ пропоетъ или прочтаетъ, чтѣ Богу угодно.

Но келейникъ любилъ избавлять Бога отъ излишнихъ хлопотъ. Просители являлись напередъ къ нему и сказывали, что они особенно знаютъ и чего не знаютъ. По мнимому опредѣленію Божію, книги раскрывались на тѣхъ мѣстахъ, которыя извѣстны были просителямъ. Однажды какой-то кандидатъ на дьячество только и зналъ псаломъ: Помилуй мя, Боже, да еще нѣкоторыя молитвы изъ часослова, напримѣръ: Иже на всякое время и на всякій часъ. Велѣно было развернуть книгу; развернулась, и будущій дьяконъ зачиталъ: Помилуй мя, Боже.

— Ну, въ другомъ мѣстѣ, — сказалъ владыка.

Дьякону опять посчастливилось, — зачиталъ: Иже на всякое время. Третій опытъ былъ въ томъ же родѣ.

— Ну, какой ты счастливецъ! — сказалъ простодушный старецъ: какія простые псалмы и молитвы тебѣ достаются! Такъ, вѣрно, Богу угодно. И счастливецъ сдѣлался дьячкомъ, по милости, конечно, не Бога, а келейника.

Позволяя себя такъ безцеремонно обманывать, Филаретъ всячески старался прослыть благочестивымъ и милостивымъ. Благочестіе онъ преимущественно обнаруживалъ въ продолжительнѣйшемъ богослуженіи. Начнутъ, бывало, благовѣсть къ обѣднѣ въ девять часовъ утра; благовѣстятъ никакъ не меньше часу, а иногда и болѣе; уже часу въ 11-мъ являлся владыка въ соборъ. Во время богослуженія было употребляемо все, чтобы сдѣлать его какъ можно продолжительнѣе, напримѣръ: херувимскую пѣвали раза по два, даже съ прибавленіемъ; даже часть концерта иногда приходилось пропѣть въ другой разъ. Мы, бывало, отстоимъ у себя обѣдню, пообѣдаемъ, не торопясь пойдемъ въ соборъ и успѣваемъ еще прійти въ-время, чтобы послушать и концертъ, и проповѣдь, которую часто произносилъ самъ владыка. Не разъ случалось, что обѣдня, особенно въ царскіе дни, оканчивалась во второмъ часу. Ну развѣ это не благочестіе? Еще болѣе владыка хлопоталъ о томъ, чтобы прослыть милостивымъ въ подражаніе своему патрону, Филарету милостивому, память котораго празднуется 1-го декабря. Филаретъ первый изъ рязанскихъ архіереевъ началъ предоставлять священническія мѣста и закрѣплять за дочерью умершихъ духовныхъ лицъ, и самымъ настойчивымъ образомъ требовалъ, чтобы семинаристы вѣн-

чались на этихъ дочеряхъ. Узнавши объ этомъ, нѣкоторыя вдовушки, лишившіяся мужей своихъ даже лѣтъ за десять, у которыхъ въ это время повзросли дочки, начали являться ко владыкѣ съ слезными прошеніями о предоставленіи за ними тѣхъ мѣстъ, которыя принадлежали ихъ семействамъ, и получали удовлетвореніе; а чело-вѣкъ, обжившійся ужъ въ приходѣ, устроившій себѣ домъ и все хозяйство, нажившій уже порядочное семейство, долженъ былъ переселяться туда, куда владыка укажетъ, а иногда этого ждать цѣлые мѣсяцы. Владыка, чтобы только выжать милосердіе изъ какого-либо упрямаго ученика, говаривалъ:

— Ну, пожалуй, я тебѣ дамъ мѣсто, только возьми вотъ такую-то дѣвицу.

Проситель отвѣчалъ:

— Не могу, владыка, взять ее.

— А почему?

— Да она глуха, или ряба, или еще что-нибудь въ ней не нравилось.

— Ну вотъ еще разговарился. Что тамъ толковать. Вѣдь она дѣтей станетъ рождать. И довольно! Чего жъ тебѣ еще? бери ее, иначе мѣста не получишь.

Филаретъ при себѣ держалъ нѣкоего монаха Назарія, который, по слухамъ, былъ отставнымъ солдатомъ и служителемъ Филарета, когда этотъ ректорствовалъ въ Московской духовной академіи. Служивый, по убѣжденію своего барина-монаха, согласился поступить въ монашество и сдѣлался отцомъ Назаріемъ. Онъ имѣлъ право, во всякое время, входить ко владыкѣ и напоминать ему о его обязанностяхъ; надобно сказать, что онъ пользовался такимъ правомъ съ грубостью русскаго солдата тогдашнихъ временъ; говорилъ архіерею: «ты» и даже бранилъ, если онъ, по его мнѣнію, дѣлалъ что-нибудь нехорошее. Впрочемъ, сей праведный мужъ взятокъ не бралъ, но умѣлъ ставить себя въ такое положеніе, что даже важныя духовныя особы въ Рязани принуждены были заискивать его благорасположеніе, по крайней мѣрѣ не пробуждать въ немъ негодованія противъ себя. Вотъ, напримѣръ, какъ онъ заставилъ игуменью Рязанскаго женскаго монастыря быть внимательною къ себѣ. Она приглашала къ себѣ на чай архіерея, съ ректоромъ и

инспекторомъ семинаріи, но забыла о Назаріи. Этотъ захотѣлъ самъ напомнить ей о вѣжливости. Однажды владыка съ нашими начальниками спускался по лѣстницамъ своего дома, чтобы отправиться къ игуменѣ. Вдругъ они услышали внизу монологъ отца Назарія:

— Вотъ опять въ гости, да въ гости, а нѣтъ, чтобы дѣлами заниматься. Давеча бѣдная вдова плакала, что она живетъ ужъ цѣлую недѣлю и не дожидется резолюціи; а вчера, бѣдненькій дьячекъ говорилъ, что ему хоть съ голоду приходится умирать, ѣсть нечего и денегъ нѣтъ, а владыка не отпускаетъ его. А вотъ теперь, опять въ гости, все съ этими ректоромъ и инспекторомъ, да еще къ игуменѣ, прости, Господи.

Всѣ трое, стоя, выслушали весь монологъ. Владыко, подумавши, сказалъ:

— Отецъ-ректоръ, поѣзжайте вы съ отцомъ инспекторомъ къ матушкѣ-игуменѣ, извините меня передъ нею. А теперь я займусь дѣлами; старикъ-то мой правду говорить.

Съ тѣхъ поръ матушка, приглашая владыку на чай, не забывала отца Назарія; и уже ни дьячки, ни попадья не жаловались на медленность дѣлопроизводства у архіерея.

Извѣстіе о смерти императора Александра I въ Рязани такъ же, какъ почти во всей Россіи, было неожиданною новостью. Я помню, какъ въ концѣ ноября, или въ началѣ декабря, мы беззаботно послѣ обѣда шутили и смѣялись между собою; вдругъ въ это время раздался ударъ въ большой соборный колоколъ.

— Ой, братцы, вѣрно архіерей умеръ, — сказалъ какой-то весельчакъ. За первымъ ударомъ пошли второй, третій и проч. Всѣ были въ недоумѣніи. Но вскорѣ разнеслась вѣсть, что присланъ указъ о смерти государя и о присягѣ новому царю. Дисциплина на время забыта, и всѣ, кто хотѣлъ, побѣжали въ городъ; я успѣлъ какъ-то проскользнуть въ соборъ, куда уже народъ валилъ толпами. Благовѣстъ продолжался часа полтора, въ теченіе которыхъ соборъ наполнился чиновниками съ ихъ шитыми воротниками, купечествомъ, дворянствомъ и проч. Явился и Филаретъ съ приличною

печальному извѣстію фізіономію. Послѣ облаченія его въ траурныя ризы, протодіаконъ прочиталъ манифестъ о смерти прежняго императора и о воцареніи новаго государя Константина Павловича. Намъ не вѣрилось смерти того Александра, который прославилъ себя побѣдами надъ Наполеономъ. Послѣ манифеста начали совершать панихиду. Кто заплакалъ первый — не знаю; вѣроятно, многіе это сдѣлали; только слезы, какъ зараза, начали показываться на глазахъ всѣхъ собравшихся въ соборъ людей, особенно, когда увидали Филарета, который, во время стиховъ, начинающихся припѣвомъ: «благословенъ еси, Господи, научи мя оправданіемъ Твоимъ», едва, едва двигался по собору для кажденія иконъ и заливался слезами. Это еще болѣе расположило всѣхъ къ плачу; за прочими и я плакалъ. Но обстановка была дѣйствительно печально-торжественна. Розданныя всѣмъ и зажженные восковыя свѣчи, унылыя фізіономіи, погребальный напѣвъ пѣвчихъ и пр.,—сильно дѣйствовали на равнодушныхъ даже людей. И когда наконецъ протодіаконъ произнесъ и пѣвчіе запѣли: «вѣчную память», то немногіе въ соборѣ не плакали. И насъ тоже, по тогдашнему выраженію, пригнали къ присягѣ въ слѣдующій затѣмъ день, собравши всѣхъ учениковъ и семинаріи и училища въ семинарскую церковь, и потомъ, взявши подписку, что мы дѣйствительно присягали; не знаю, кто это выдумалъ, но только даже мальчонки, въ 9—10 лѣтъ, и тѣ пригнаны были къ присягѣ. Мы, впрочемъ, правду сказать, очень гордился этимъ, полагая, что, вѣрно, важныя мы особы, когда считаютъ нужнымъ взять съ насъ присягу въ вѣрности новому царю.

До нашего роспуска въ Рязани ничего еще не было слышно о 14-мъ числѣ декабря и о замѣнѣ Константина Николаемъ. По приѣздѣ моемъ домой, батюшка мой, возвратившись изъ объѣзда по своему благочинію, тайкомъ сказалъ, что въ Петербургѣ былъ бунтъ, и вступилъ на престолъ еще новый императоръ. Черезъ день, послѣ того, ночью, прискакалъ въ село засѣдатель съ указомъ о томъ и другомъ. Сейчасъ ударили въ большой колоколъ, народъ сбѣжался въ церковь, прочтѣнъ былъ указъ о вступленіи Николая на престолъ и проч., затѣмъ прочитали и присяги; но присягали только одни духовныя лица, да мѣщане: крестьяне же, какъ госу-

дарственные или экономическіе, такъ и помѣщичьи, не удостоились этой чести.

На бунтовщиковъ, т. е. декабристовъ, смотрѣли тогда, какъ на исчадіе ада, какъ на дѣтей сатаны. Дворяне очень были сконфужены, что ихъ братія захотѣли низвергнуть съ престола царей и установить республику, которая отняла бы у нихъ крестьянъ.

